

Александр Пушкин

С

А. С. ПУШКИН

Автопортрет 1826 г.

На полях чернового автографа пятой главы «Евгения Онегина»
(ПД 835, л. 80).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.С.ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2019

А.С.ПУШКИН

ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга первая

(Михайловское. 1824–1826)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2019

УДК 882
ББК 84(0)2
П191

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Е. БАГНО, С. В. БЕРЕЗКИНА, С. Г. БОЧАРОВ,
М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Т. М. ГОРЯЕВА, А. А. ДОЛИНИН,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО, А. Б. КУДЕЛИН,
Е. О. ЛАРИОНОВА (зам. главного редактора), *А. Л. ОСПОВАТ, Н. Г. ОХОТИН,*
В. Д. РАК, Н. Н. СКАТОВ (главный редактор), *С. Б. ФЕДОТОВА* (отв. секретарь),
С. А. ФОМИЧЕВ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

Тексты подготовили и примечания составили

В. Е. БАГНО, А. Ю. БАЛАКИН, С. В. БЕРЕЗКИНА, А. С. БОДРОВА,
В. Э. ВАЦУРО, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Н. Л. ДМИТРИЕВА, Е. В. КАРДАШ,
Н. А. КАРПОВ, И. В. КОЩИЕНКО, Е. Я. КУРГАНОВ, Е. О. ЛАРИОНОВА,
Я. Л. ЛЕВКОВИЧ, А. С. ЛОБАНОВА, О. С. МУРАВЬЕВА, Н. Е. МЯСОЕДОВА,
И. В. НЕМИРОВСКИЙ, Н. Г. ОХОТИН, Г. Е. ПОТАПОВА, В. Д. РАК,
А. И. РОГОВА, Н. М. СПЕРАНСКАЯ, В. П. СТАРК, Н. А. ХОХЛОВА

Редакторы тома *С. В. БЕРЕЗКИНА, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН*

Контрольный рецензент *А. Ю. БАЛАКИН*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 19-112-00077,
не подлежит продаже

ISBN 978-5-02-038247-3 (т. 3, кн. 1)
ISBN 5-02-028342-8

© Багно В. Е., Балакин А. Ю., Березкина С. В.,
Бодрова А. С., Виротайнен М. Н., Дмитриева
Н. Л., Кардаш Е. В., Карпов Н. А., Коши-
енко И. В., Курганов Е. Я., Ларионова Е. О.,
Лобанова А. С., Муравьева О. С., Мясое-
дова Н. Е., Немировский И. В., Охотин Н. Г.,
Потапова Г. Е., Рак В. Д., Рогова А. И., Спе-
ранская Н. М., Хохлова Н. А., составление,
примечания, 2019

© Российская Академия наук, 2019

© Издательство «Наука», оформление, 2019

ПРОЗЕРПИНА

(ПОДРАЖАНИЕ)

Плещут волны Флегетона,
 Своды Тартара дрожат:
 Кони бледного Плутона
 Быстро к нимфам Пелиона
 Из Аида бога мчат.
 Вдоль пустынного залива
 Прозерпина вслед за ним,
 Равнодушна и ревнива,
 Потекла путем одним.
¹⁰ Пред богинею колена
 Робко юноша склонил.
 И богиням льстит измена:
 Прозерпине смертный мил.
 Ада гордая царица
 Взором юношу зовет,
 Обняла, и колесница
 Уж к Аиду их несет:
 Мчатся, облаком одеты;
 Видят вечные луга,
²⁰ Элизей и томной Леты
 Усыпленные брега.
 Там бессмертье, там забвенье,
 Там утехам нет конца.
 Прозерпина в упоенье,
 Без порфиры и венца,
 Повинуется желаньям,
 Предаёт его лобзаньям
 Сокровенные красы,
 В сладострастной неге тонет,
³⁰ И молчит, и томно стонет...
 Но бегут любви часы;
 Плещут волны Флегетона,
 Своды Тартара дрожат:
 Кони бледного Плутона

Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит
И счастлива за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
40 И счастливца отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

〈ИЗ ПИСЬМА К А. Н. ВУЛЬФУ〉

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой —
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
¹⁰ Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

К ЯЗЫКОВУ

Издревле сладостный союз
 Поэтов меж собой связует:
 Они жрецы единых муз,
 Единый пламень их волнует;
 Друг другу чужды по судьбе,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидиевой тенью:
 Языков, близок я к тебе.
 Давно б на дерптскую дорогу
 10 Я вышел утренней порой
 И к благосклонному порогу
 Понес тяжелый посох мой,
 И возвратился б оживленный
 Картиной беззаботных дней,
 Беседой вольно-вдохновенной
 И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играет счастье:
 Давно без крова я ношусь,
 Куда подует самовластье;
 20 Уснув, не знаю, где проснусь.
 Теперь один, в глухом изгнание,
 Влачу томительные дни.
 Услышь, поэт, мое призванье,
 Моих надежд не обмани.
 В деревне, где Петра питомец,
 Царей, цариц любимый раб
 И их забытый однодомец,
 Скрывался прадед мой арап,
 Где, позабыв Елисаветы
 30 И двор, и пышные обеты,
 Под сенью липовых аллей
 Он думал в охлажденные леты
 О дальней Африке своей,
 Я жду тебя . . . . .

Михайловское
 1824

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
10 Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
20 И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья
С неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
30 В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал

Моими играми, досугом;
 За мной повсюду он летал,
 Мне звуки дивные шептал,
 И тяжким, пламенным недугом
 Была полна моя глава;
 В ней грезы чудные рождались;
 В размеры стройные стекались
 40 Мои послушные слова
 И звонкой рифмой замыкались.
 В гармонии соперник мой
 Был шум лесов, иль вихорь буйный,
 Иль иволги напев живой,
 Иль ночью моря гул глухой,
 Иль шепот речки тихоструйной.
 Тогда, в безмолвии трудов,
 Делиться не был я готов
 С толпою пламенным восторгом
 50 И музы сладостных даров
 Не унижал постыдным торгом;
 Я был хранитель их скупой:
 Так точно, в гордости немой,
 От взоров черни лицемерной
 Дары любовницы младой
 Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
 Мечтанья тайного отрады:
 Вы разошлись по рукам,
 60 Меж тем как пыльные громады
 Лежалой прозы и стихов
 Напрасно ждут себе чтецов
 И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие созданья
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувство воздаянья!
 Блажен, кто молча был поэт
 И, терном славы не увитый,
 70 Презренной чернию забытый,
 Без имени покинул свет!
 Обманчивей и снов надежды,
 Что слава? Шепот ли чтеца?
 Гоненье ль низкого невежды?
 Иль восхищение глушца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
 Жуковский то же говорил;
 Но свет узнал и раскупил
 Их сладкозвучные творенья.
 80 И впрям, завиден ваш удел:
 Поэт казнит, поэт венчает;
 Злодеев громом вечных стрел
 В потомстве дальнем поражает;
 Героев утешает он;
 С Коринной на киферской трон
 Свою любовницу возносит.
 Хвала для вас докучный звон;
 Но сердце женщин славы просит:
 Для них пишите; их ушам
 90 Приятна лесь Анакреона:
 В молодые лета розы нам
 Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
 Утехи юности безумной!
 И я, средь бури жизни шумной,
 Искал вниманья красоты.
 Глаза прелестные читали
 Меня с улыбкою любви;
 Уста волшебные шептали
 100 Мне звуки сладкие мои;
 Но полно; в жертву им свободы
 Мечтатель уж не принесет;
 Пускай их юноша поет,
 Любезный баловень природы.
 Что мне до них? Теперь в глуши
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стон лиры верной не коснется
 Их легкой, ветреной души;
 Не чисто в них воображенье:
 110 Не понимает нас оно,
 И, признак Бога, вдохновенье
 Для них и чуждо и смешно.
 Когда на память мне неволью
 Придет внушенный ими стих,
 Я содрогаюсь, сердцу больно:
 Мне стыдно идолов моих.
 К чему, несчастный, я стремился?
 Пред кем унизил гордый ум?

Кого восторгом чистых дум
 120 Боготворить не устыдился?

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
 Причины ваших огорчений
 Мне знать нельзя; но исключений
 Для милых дам ужели нет?
 Ужели ни одна не стоит
 Ни вдохновенья, ни страстей
 И ваших песен не присвоит
 Всесильной красоте своей?
 Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту

130 Тревожить сердца тяжкий сон?
 Бесплодно память мучит он.
 И что ж? Какое дело свету?
 Я всем чужой. Душа моя
 Хранит ли образ незабвенный?
 Любви блаженство знал ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таил я слезы в тишине?
 Где та была, которой очи,
 Как небо, улыбались мне?
 140 Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
 . . . . .
 И что ж? Докучный стон любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца диким лепетаньем.
 Там сердце их поймет одно,
 И то с печальным содроганьем:
 Судьбою так уж решено.
 Ах, мысль о той души завялой
 Могла бы юность оживить
 150 И сны поэзии бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумела
 Стихи неясные мои;
 Одна бы в сердце пламенела
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасные желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земных восторгов излишья,
 160 Как божеству, не нужны ей.

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
 Наскуча лепетом молвы,
 Заране отказались вы
 От вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свет,
 И муз, и ветреную моду,
 Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет,
 Внемлите истине полезной:
 170 Наш век торгаш; в сей век железный
 Без денег и свободы нет.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхом рубище певца.
 Нам нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но вас я знаю, господа:
 Вам ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 180 Кишит, бурлит воображенье;
 Оно застынет, и тогда
 Постыло вам и сочиненье.
 Позвольте просто вам сказать:
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что ж медлить? Уж ко мне заходят
 Нетерпеливые чтецы;
 Вкруг лавки журналисты бродят,
 За ними тощие певцы:
 190 Кто просит пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера;
 И, признаюсь, от вашей лиры
 Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
¹⁰ Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей,
²⁰ Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
³⁰ У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
40 И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
50 Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел . . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
60 Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Т(имковского) наследник!
 Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
 Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
 Последних, жалких прав без милости лишен,
 Со всею братией гонимый совокупно,
 Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
 Потешил дерзости бранчивую свербежь —
 Но извини меня: мне было невтерпеж.
 Теперь, в моей глуши журналы раздирая
 10 И бедной братии стишонки разбирая
 (Теперь же мне читать охота и досуг),
 Обрадовался я, по ним заметя вдруг
 В тебе и правила, и мыслей образ новый!
 Ура! ты заслужил венок себе лавровый
 И твердостью души, и смелостью ума.
 Как изумилася поэзия сама,
 Когда ты разрешил по милости чудесной
 Заветные слова «божественный», «небесный»,
 И ими назвалась (для рифмы) красота,
 20 Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
 Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
 И нрава твоего кичливость усмирило?
 Свои послания хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
 Но, подразнив тебя, я переменной сею
 Приятно изумлен, гордиться не посмею.
 Отнесся я к тебе по долгу моему;
 Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
 Сей важной новостью обязана Россия.
 30 Обдумав наконец намеренья благие,
 Министра честного наш добрый царь избрал,
 Ш(ишков) наук уже правленье восприял.
 Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
 Он славен славою двенадцатого года;
 Один в толпе вельмож он русских муз любил,
 Их, незамеченных, созвал, соединил;
 Осиротелого венца Екатерины
 От хлада наших дней укрыл он лавр единый.

Он с нами сетовал, когда святой отец,
 40 Омара да Гали прияв за образец,
 В угодность Господу, себе во утешенье,
 Усердно задушить старался просвещение.
 Благочестивая, смиренная душа
 Карала чистых муз, спасая Бантыша,
 И помогал ему Магницкий благородный,
 Муж твердый в правилах, душою превосходный,
 И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
 Креститель Галича, [Магницк]ого дьячок.
 И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
 50 Вы были вверены, печальные науки!
 Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
 И ярче уж горит светильник просвещения.
 Я с переменою несчастного правленья
 Отставки цензоров, признаться, ожидал,
 Но, сам не зная как, ты, видно, устоял.
 Итак, я поспешил приятелей поздравить,
 А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
 60 Чтоб, все законные преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашим господам позволил самовластно.
 Права свои храни по долгу своему.
 Но скромной Истине, но мирному Уму
 И даже Глупости невинной и довольной
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если <т>ы в плодах досужного пера
 Порою не найдешь великого добра,
 Когда не видишь в них безумного разврата,
 70 Престолов, алтарей и нравов супостата,
 То, с[лав]ы автору желая от души,
 Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
 Ответствует язвительным молчаньем;
 Когда свою он от руки твоей,
 Как от змеи, отдернет с содроганьем;
 Как, на тебя взор острый пригвоздя,
 Качает он с презреньем головою, —
 Не говори: «Он болен, он дитя,
 Он мучится безумною тоскою»;
 Не говори: «Неблагодарен он;
¹⁰ Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
 Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
 Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
 Ах, если так, он в прах готов упасть,
 Чтоб вымолить у друга примиренье.
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблял на злобное гоненье;
 Но если ты затейливо явил
 Пугливое его воображенье
 И гордую забаву находил
²⁰ В его тоске, рыданиях, униженье;
 Но если сам презренной клеветы
 Ты про него невидимым был эхом;
 Но если цепь ему накинул ты
 И сонного врагу предал со смехом,
 И он прочел в немой душе твоей
 Все тайное своим печальным взором, —
 Тогда ступай, не трать пустых речей —
 Ты осужден последним приговором.

КЛЕОПАТРА

Царица голосом и взором
 Свой пышный оживляла пир,
 Все, Клеопатру слава хором,
 В ней признавая свой кумир,
 Шумя, текли к ее престолу,
 Но вдруг над чашей золотой
 Она задумалась — и долу
 Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет
 10 И в ожидании молчит...
 Но вновь она чело подымлет
 И с видом важным говорит:
 «Внемлите мне: могу равенство
 Меж вас и мной восстановить.
 В моей любви для вас блаженство,
 Блаженство можно вам купить:
 Кто к торгу страстному приступит,²
 Свои я ночи продаю.
 Скажите, кто меж вами купит
 20 Ценою жизни ночь мою?»²»

Она рекла. Толпа в молчаньи.
 И всех в волнении сердца.
 И Клеопатра в ожиданьи —
 С холодной дерзостью лица
 «Я жду, — вещает, — что ж молчите?»
 Что? страшно вам <   > вы прочь.
 Вас было много; приступите,
 Купите радостную ночь».

И гордый взор [она] обводит
 30 Кругом поклонников своих...
 Вдруг — из рядов один выходит,
 Вослед за ним и два других.
 Смела их поступь, ясны очи,

Она пред ними <вос>стает...
 Свершилось: куплены три ночи...
 И ложе смерти их зовет.

И снова гордый глас возвысила царица:
 «Забыты мною днесь венец и багряница!
 Простой наемницей на ложе восхожу:
 40 Неслыханно тебе, Киприда, я служу,
 Се новый дар тебе ночей моих награда.
 О боги грозные, внимлите ж, боги ада,
 Подземных ужасов печальные цари!
 Примите мой обет: до сладостной зари
 Властителей моих последние желанья
 И дивной негою, и тайн<а>ми лобзанья,
 Всею чашею любви послушно упою...
 Но только сквозь завес во храмину мою
 Блеснет Авроры луч — клянусь моею порфирой —
 50 Главы их упадут под утренней секирой!»

Благословенные священной рукой
 Из урны жребии выходят чередой,
 И первый Аргилай, клевет Помпея смелый,
 Изрубленный в боях, в походах поседельный.
 Презренья хладного не снес он от жены
 И гордо выступил, суровый сын войны,
 На вызов роковых последних наслаждений,
 Как прежде выступал на славный клик сражений.
 Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
 60 < > воспитанный под небом Арголиды,
 От самых первых дней поклонник и певец
 И пламенных пиров и пламенной Киприды.
 Последний имени векам не передал,
 Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
 Чуть отроческой пух, темнея, покрывал
 Его стыдливые ланиты.
 Огонь любви в очах его пылал,
 Во всех чертах любовь изображалась —
 Он Клеопатрою, казалось, дышал,
 70 И молча долго им царица любовалась.

Поздняя редакция

Чертог сиял. Гремели хором
 Певцы при звуке флейт и лир;
 Царица голосом и взором
 Свой пышный оживляла пир;
 Сердца неслись к ее престолу,

Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет.
10 Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
20 Ценою жизни ночь мою?»
Клянусь, о мать наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
30 Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертною секирой
Глава счастливых отпадет».

Рекла — и ужас всех объемлет,
И страстью дрогнули сердца.
Она смущенный ропот внемлет
40 С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь; ясны очи —
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
50 Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель,
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
60 За ним Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно отенял;
Восторг в очах его сиял;
70 Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
¹⁰ И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
²⁰ Души неясный идеал?

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

10 Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

20 Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ¹
ПОСВЯЩЕНО П. А. О(СИПОВОЙ)

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:²

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?³

Не я ль в день жажды напоил
¹⁰ Тебя пустынными водами?⁴
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?⁵

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
¹⁰ Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,

Брегитесь суетами света
 Смутить пророка моего.
 В пареньи дум благочестивых,
 Не любит он велеречивых
 И слов нескромных и пустых:
 Почтите пир его смиреньем
 И целомудренным склоненьем
 20 Его невольниц молодых.³

III

Смутясь, нахмурился пророк,
 Слепца послышав приближенье:⁴
 Бежит, да не дерзнет порок
 Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
 Тебе, пророк, не для строптивых;
 Спокойно возвещай Коран,
 Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?⁵
 10 За то ль, что наг на свет явился,
 Что дышит он недолгий век,
 Что слаб умрет, как слаб родился?⁵

За то ль, что Бог и умертвит,
 И воскресит его по воле?⁵
 Что с неба дни его хранит
 И в радостях, и в горькой доле?⁵

За то ль, что дал ему плоды,
 И хлеб, и финик, и оливу,
 Благословив его труды,
 20 И вертоград, и холм, и ниву?⁵

Но дважды ангел вострубит;
 На землю гром небесный грянет:
 И брат от брата побежит,
 И сын от матери отпрянет.

И все пред Бога притекут,
 Обезображенные страхом;
 И нечестивые падут,
 Покрыты пламенем и прахом.

IV

С Тобою древле, о Всесильный,
 Могучий состязаться мнил,
 Безумной гордостью обильный;
 Но Ты, Господь, его смирил.
 Ты рек: «Я миру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На все подъята длань моя». —
 «Я также, — рек он, — жизнь дарую
 И также смертью наказую:
 10 С Тобою, Боже, равен я». —
 Но смолкла похвальба порока
 От слова гнева Твоего:
 «Подъемлю солнце Я с востока;
 С заката подыми его».

V

Земля недвижна; неба своды,
 Творец, поддержаны Тобой,
 Да не падут на сушь и воды
 И не подавят нас собой.⁵

Зажег Ты солнце во вселенной,
 Да светит небу и земле,
 Как лен, елеем напоенный,
 В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; Он могучий:
 10 Он правит ветром, в знойный день
 На небо насылает тучи,
 Дает земле древесну сень.

Он милосерд: Он Магомету
 Открыл сияющий Коран,
 Да притечем и мы ко свету,
 И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
 В бою с обритыми главами,
 С окровавленными мечами,
 Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
 О дети пламенных пустынь!
 Ведите в плен молодых рабынь,
 Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
¹⁰ А малодушным посмеянье.
 Они на бранное призванье
 Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
 Теперь в раскаяньи своем
 Рекут: возьмите нас с собою;
 Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
 Теперь они вошли в эдем
 И потонули в наслажденьи,
²⁰ Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
 В пещере твоей
 Святая лампада
 До утра горит.
 Сердечной молитвой,
 Пророк, удали
 Печальные мысли,
 Лукавые сны!
 До утра молитву
¹⁰ Смиренно твори;
 Небесную книгу
 До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
 Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесам.
 В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный,
 Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
 Вручая нищему скупое подаянье,
 Сжимаешь ты свою завистливую длань,

¹⁰ Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
 Исчезнут, Господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на Бога роптал:
 Он жаждой томился и тени алкал.
 В пустыне блуждая три дня и три ночи,
 И зноем и пылью тягчимые очи
 С тоской безнадежной водил он вокруг,
 И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
 И жадно холодной струей освежил
 Горевшие тяжко язык и зеницы,
¹⁰ И лег, и заснул он близ верной ослицы;
 И многие годы над ним протекли
 По воле Владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
 Встает он и слышит неведомый глас:
 «Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
 И он отвечает: «Уж солнце высоко
 На утреннем небе сияло вчера;
 С утра я глубоко проспал до утра».

Но голос: «О путник, ты долее спал;
²⁰ Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
 Уж пальма истлела, а кладязь холодный
 Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
 Давно занесенный песками степей;
 И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
 Рыдая, дрожащей главою поник...
 И чудо в пустыне тогда совершилось:
 Минувшее в новой красе оживилось;
 Вновь зыблется пальма тенистой главой;
³⁰ Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
 И телом оделись, и рев издают;
 И чувствует путник и силу и радость;
 В крови заиграла воскресшая младость;
 Святые восторги наполнили грудь;
 И с Богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Нечестивые, — пишет Магомет (глава «Награды»), — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги «Слепец».

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

Насильно Зубову мила,
Старушка милая жила
Приятно, понаслышке блудно;
С Вольтером лучший друг была,
Писала прозу, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
И с той поры в России мгла.
Россия, бедная держава!
С Екатериной умерла
¹⁰ Екатерининская слава.

〈ИЗ ПИСЬМА К А. Г. РОДЗЯНКЕ〉

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой Папа,
Благослови ж меня, Певец!

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облакался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
¹⁰ Ты прощумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливými глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
¹⁰ Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними
¹⁰ Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
²⁰ Не властвует конем по прихоти своей.

1825

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого;
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

〈НА Ф. Н. ГЛИНКУ〉

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом.
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННОИЦЫ»

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
10 Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
20 Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипичею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.

Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью!*
¹⁰ Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риго, был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потушили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
¹⁰ Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

Н. Н.

При посылке ей «Невского альманаха»

Примите «Невский альманах».
 Он мил и в прозе, и в стихах,
 Вы тут найдете Полевова,
 Василья Пушкина, ⟨Мар⟩кова;
 К⟨няжевич⟩, дальний ваш родня,
 Украсил также книжку эту;
 Но не найдете вы меня:
 Мои стихи скользнули в Лету.
 Что слава мира?.. дым и прах!
¹⁰ Ах, сердце ваше мне дороже!..
 Но, кажется, мне трудно тоже
 Попасть и в этот альманах.

Поздняя редакция

Н. Н.

Примите «Невский альманах».
 Он мил и в прозе, и в стихах:
 Вы тут найдете ⟨Полев⟩ова,
 Вел⟨икопольского⟩, Х⟨вост⟩ова;
 К⟨няжевич⟩, дальний ваш родня,
 Украсил также книжку эту;
 Но не найдете вы меня:
 Мои стихи скользнули в Лету.
 Что слава мира?.. дым и прах.
¹⁰ Ах, сердце ваше мне дороже!..
 Но, кажется, мне трудно тоже
 Попасть и в этот альманах.

ОДА
ЕГО СИАТ〈ЕЛЬСТВУ〉
ГР〈АФУ〉 ДМ〈ИТРИЮ〉 ИВ〈АНОВИЧУ〉 ХВОСТОВУ

Султан ярится.¹ Кровь Эллады
 И резвоскачет,² и кипит.
 Открылись грекам древни клады,³
 Трепещет в Стиксе лютый Питт.⁴
 И се — летит продерзко судно
 И мечет громы обоюдно.
 Се Бейрон, Феба образец,
 Притек — но недуг быстропарный,⁵
 Строптивый и неблагодарный
 10 Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
 Тебя Эллада днесь зовет
 На место тени знаменитой,
 Пред коей Цербер днесь ревет.
 Как здесь, ты будешь там сенатор,
 Как здесь, почтенный литератор,
 Но новый лавр тебя ждет там,
 Где от крови земля промокла:
 Перикла лавр, лавр Фемистокла;
 20 Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
 Гремела и правдива лесть.
 Он лорд — граф ты! Поэты оба!
 Се, мнится, явно сходство есть —
 Никак! Ты с верною супругой⁶
 Под бременем Судьбы упругой
 Живешь в любви — и наконец
 Глубок он, но единообразен,
 А ты глубок, игрив и разен,
 30 И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый Пиита,
 В восторге новом воспою

Вослед Пиита знаменита
 Правдиву похвалу свою,
 Моляся кораблю бегущу,
 Да Бейрона он узрит кущу,⁷
 И да блюдут твой мирный сон⁸
 Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
 Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
⁴⁰ Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ПРИМЕЧ(АНИЯ)

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюх(ельбекером) в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник Свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня .... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. *последн(ее) замеч(ание) к оде: «Заздр(авный) кубок»*).

⁷ Подражание е(го) высокопр(евосходительству) действ(ительному) тайн(ому) сов(етнику) Ив. Ив. Дм(итриеву), знаменитому другу гр. Хв(остова):

К тебе я руки простираю
 Уже из отческа кущи,
 Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун умиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здоровье его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчу(в)ствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п(етербургского) потопа
Спаслась «П(олярная) з(везда)».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

— Как! жив еще Курилка журналист?
— Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом Письмовник снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд —
¹⁰ И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел (Михайло Каченовский).

КОЗЛОВУ

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Чудесным пением своим
¹⁰ Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира,
²⁰ О нет, не даром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
10 Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье —
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
20 Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

EX UNGUE LEONEM *

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

---

* По когтям льва (лат.).

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

П. А. О〈СИПОВОЙ〉

Быть может, уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
¹⁰ В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ
ПОСВЯЩЕНО Н. Н. Р(АЕВСКОМУ)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...*

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

10 Певцу любви, дубрав и мира,
Певцу возвышенной мечты
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

*

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.¹

20 Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,

---

* Так, в печали и плену, моя лира все же / Пробуждалась... (фр.).

Когда он разметал позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Развеял пеплом и стыдом;
 Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
 30 Я слышал братский их обет,
 Великодушную присягу
 И самовластия бестрепетный ответ.
 Я зрел, как их могущи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибун предрек, восторга полный,
 Перерождение земли.
 Уже сиял твой мудрый гений,
 Уже в бессмертный Пантеон
 40 Святых изгнанников входили славны тени,
 От пелены предрассуждений
 Разоблачался ветхий трон;
 Оковы падали. Закон,
 На вольность опершись, провозгласил равенство,
 И мы воскликнули: *Блаженство!*
 О горе! о безумный сон!
 Где вольность и закон? Над нами
 Единый властвует топор.
 Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
 Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
 50 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа,
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой;
 Но ты придешь опять со мщением и славой —
 И вновь враги твои падут;
 Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
 Все ищет вновь ушиться им;
 60 Как будто Вакхом разъяренный,
 Он бродит, жаждою томим;
 Так — он найдет тебя. Под сению равенства
 В объятиях твоих он сладко отдохнет;
 Так буря мрачная минет!

Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
 Я плахе обречен. Последние часы
 Влachu. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палач мою главу подымет за власы
 Над равнодушною толпою.
 70 Простите, о друзья! Мой неприютный прах
 Не будет почивать в саду, где провождали

- Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспомяненье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшится возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленья:
80 О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни,²
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
90 Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
100 Упыюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя,³
Уныла и бледна, стихам любви внимая...».

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

- 110 «Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.

- На шумных вечерах друзей любимый друг,
 Я сладко оглашал и смехом, и стихами
 Сень, охраненную домашними богами.
- 120 Когда ж, вакхической тревогой утомясь
 И новым пламенем незапно воспалюсь,
 Я утром наконец являлся к милой деве
 И находил ее в смятении и гнев,
 Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
 Мой проклиная век, утраченный в пирах,
 Она меня гнала, бранила и прощала, —
 Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
 Я кинулся туда, где ужас роковой,
- 130 Где страсти дикие, где буйные невежды,
 И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что делать было мне,
 Мне, верному любви, стихам и тишине,
 На низком поприще с презренными бойцами!
 Мне ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать бессильные бразды?
 И что ж оставляю я? Забытые следы
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
- 140 Ты, слово, звук пустой...
 О нет!
 Умолкни, ропот малодушный!
 Гордись и радуйся, поэт:
 Ты не поник главой послушной
 Перед позором наших лет;
 Ты презрел мощного злодея;
 Твой светоч, грозно пламенея,
 Жестоким блеском озарил
 Совет правителей бесславных;⁴
 Твой бич достигнул их, казнил
- 150 Сих палачей самодержавных;
 Твой стих свистал по их главам;
 Ты звал на них, ты славил Немезиду;
 Ты пел Маратовым жрецам
 Кинжал и деву-эвмениду!
 Когда святой старик от плахи отрывал
 Венчанную главу рукой оцепенелой,
 Ты смело им обоим руку дал,
 И перед вами трепетал
 Ареопаг остервенелый.
- 160 Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
 Моей главой играй теперь:
 Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И час придет... и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец. Отечества рыданье
 Разбудит утомленный рок.
 170 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
 Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
 И все покоилось. Лампады тихий свет
 Бледнел пред утренней зарею,
 И утро веяло в темницу. И поэт
 К решетке поднял важны взоры...
 Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
 Звучат ключи, замки, запоры.
 Зовут... Постой, постой; день только, день один:
 И казней нет, и всем свобода,
 180 И жив великий гражданин
 Среди великого народа.⁵
 Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
 Но дружба смертный путь поэта очарует.⁶
 Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...⁷
 Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr

Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier*).*

² У Авеля, у Фанни.

Abel, doux confident de mes jeunes mistères (El<эгия> I):*** один из друзей
 А<ндрея> Ш<енье>.

Fanni, l'une des maitresses d'An<дрея> Ch<еньер>. Voyez les odes qui lui sont
 adressées.***

³ И Узница моя.

* Как последний луч, как последнее дуновение ветра
 Оживляет вечер прекрасного дня,

Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.

(См. *Последние стихи Андрея Шенье*) (фр.).

** Авель, милый наперсник моих юношеских тайн (Эл<эгия> I) (фр.).

*** Фанни, одна из любовниц Ан<дрея> Ш<енье>. Смотрите оды, обращенные
 к ней (фр.).

V<oyez> «La jeune Captive» (M-lle de Coigny).*

⁴ Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche)**

⁵ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'«Andromaque».

(H. de la Touche)***

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là».****

---

* См. «Молодая узница» (М-ль де Куаньи) (фр.).

** Смотрите его ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король спрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права обжаловать перед лицом народа вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье.

(А. де Латуш) (фр.).

*** Они говорили о поэзии в свои последние минуты: она была для них, после дружбы, самым прекрасным, что есть на земле. Предметом их беседы и их последнего восхищения был Расин. Им захотелось декламировать его стихи. Они выбрали последнюю сцену «Андромахи».

(А. де Латуш) (фр.).

**** «Все же у меня здесь кое-что было» (фр.).

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
 Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
 Я на тебя глядел и думал: ты моя,
 Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
 Ты знаешь: удален от ветреного света,
 Скучая суетным прозванием поэта,
 Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
 Жужжанью дальнему упреков и похвал.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
¹⁰ Когда, склонив ко мне томительные взоры
 И руку на главу мне тихо наложив,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
 Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой друг, меня не забудешь?
 А я стесненное молчание хранил,
 Я наслаждением весь полон был, я мнил,
 Что нет грядущего, что грозный день разлуки
 Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измены, клевета, все на главу мою
²⁰ Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
 Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
 И все передо мной затмилось! И ныне
 Я новым для меня желанием томим:
 Желая славы я, чтоб именем моим
 Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
 Окружена была, чтоб громкою молвою
 Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
 Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
 Ты помнила мои последние моления
³⁰ В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

〈К А. Г. РОДЗЯНКЕ〉

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
¹⁰ Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей.
И счастлив, кто разделит с *ней*
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту.
²⁰ Дай Бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы;
При них домашние друзья
³⁰ Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
10 И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
20 Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поравнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
30 «Он! он! узнала! — говорит. —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;

Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
40 И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный».

Богат, умен, ни перед кем
50 Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
60 Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец, —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
70 Не все косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.

В смятеньи сваха к ней бежит,
 Водой студеною поит
 И льет остаток чаши
 80 На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
 Опомнилась Наташа
 И говорит: «Послушна я,
 Святая воля ваша.
 Зовите жениха на пир,
 Пеките хлебы на весь мир,
 На славу мед варите
 Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
 90 Готов тебе в забаву
 Я жизнь отдать!» — И пир горой;
 Пекут, варят на славу.
 Вот гости честные наши,
 За стол невесту повели;
 Пьют подружки, плачут,
 А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
 Звенят, гремят стаканы,
 Заздравный ковш кругом пошел;
 100 Все шумно, гости пьяны.

Жених

«А что же, милые друзья,
 Невеста красная моя
 Не пьет, не ест, не служит:
 О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
 «Откроюсь наудачу.
 Душе моей покоя нет,
 И день и ночь я плачу.
 Недобрый сон меня крушит».
 110 Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
 Скажи нам, что такое,
 Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
 Зашла я в лес дремучий,
 И было поздно; чуть луна
 Светила из-за тучи;

С тропинки сбилась я: в глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 120 Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я к ней, стучу — молчат. Зову —
 Ответа нет; с мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 В избе свеча горит; гляжу —
 Везде серебро да золото,
 Все светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?»
 130 Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
 На серебро, на золото,
 На сукна, коврики, парчу,
 На новгородскую камчу
 Я молча любовалась
 И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
 Подъехали к крылечку.
 Я поскорее дверью хлоп
 140 И спряталась за печку.
 Вот слышу много голосов...
 Взошли двенадцать молодцов,
 И с ними голубица
 Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
 Икон не замечая;
 За стол садятся, не молясь
 И шапок не снимая.
 На первом месте брат большой,
 150 По праву руку брат меньшей,
 По леву голубица
 Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
 Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?²
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
160 Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених, —
170 Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»²
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
180 «Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
¹⁰ Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой.

Variante: Василий Львович, тонкий, острый*

---

* Вариант ст. 5, записанный Пушкиным под текстом стихотворения.

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,
Позволь мне сзади.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою, и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
 Сребрит мороз увянувшее поле,
 Проглянет день как будто поневоле
 И скроется за край окружающих гор.
 Пылай, камин, в моей пустынной келье;
 А ты, вино, осенней стужи друг,
 Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
 Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
¹⁰ С кем долгую запил бы я разлуку,
 Кому бы мог пожать от сердца руку
 И пожелать веселых много лет.
 Я пью один; вотще воображенье
 Вокруг меня товарищей зовет;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
 Меня друзья сегодня именуют...
 Но многие ль и там из вас пируют?
²⁰ Еще кого не досчитались вы?
 Кто изменил пленительной привычке?
 Кого от вас увлек холодный свет?
 Чей глас умолк на братской переключке?
 Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
 С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
 Под миртами Италии прекрасной
 Он тихо спит, и дружеский резец
 Не начертал над русскою могилой
³⁰ Слов несколько на языке родном,
 Чтоб некогда нашел привет унылый
 Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
 Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
40 О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
50 Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
60 Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
70 О ⟨Пушкин⟩ мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, ⟨Горчаков⟩, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгий;
 Ступая в жизнь, мы быстро разошлись;
 Но невзначай проселочной дорогой
 80 Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
 Для всех чужой, как сирота бездомный,
 Под бурею главой поник я томной
 И ждал тебя, вещун пермесских дев,
 И ты пришел, сын лени вдохновенный,
 О 〈Дельвиг〉 мой: твой голос пробудил
 Сердечный жар, так долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
 90 И дивное волненье мы познали;
 С младенчества две музы к нам летали,
 И сладок был их лаской наш удел:
 Но я любил уже рукоплесканья,
 Ты, гордый, пел для муз и для души;
 Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
 Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
 Прекрасное должно быть величаво;
 Но юность нам советует лукаво,
 100 И шумные нас радуют мечты...
 Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядим назад, следов не видя там.
 Скажи, 〈Вильгельм〉, не то ль и с нами было,
 Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
 Не стоит мир; оставим заблужденья!
 Сокроем жизнь под сень уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый друг —
 Приди; огнем волшебного рассказа
 110 Сердечные преданья оживи;
 Поговорим о бурных днях Кавказа,
 О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье;
 Запомните ж поэта предсказанье:
 Промчится год, и с вами снова я,
 Исполнится завет моих мечтаний;
 Промчится год, и я явлюся к вам!

О сколько слез и сколько восклицаний,
120 И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
130 Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
140 Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
150 Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
¹⁰ Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позовет
Ко испражненью прежних дней.

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!..» — «Ужель? —
Царь расхохотался. —
Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
¹⁰ Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
За два яйца!..
То есть разумею, —
Вдруг примолвил он, —
Вешают за шею,
Но жесток закон».

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

ДВИЖЕНИЕ

«Движенья нет», — сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, Боже,
¹⁰ От элегических куку!

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
¹⁰ Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?

Прекрасно море в бурной мгле
¹⁰ И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
 Вихри снежные крутя;
 То, как зверь, она завоет,
 То заплачет, как дитя,
 То по кровле обветшало́й
 Вдруг соломо́й зашумит,
 То, как путник запозда́лый,
 К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
 10 И печальна, и темна.
 Что же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завыва́ньем
 Ты, мой друг, утомлена,
 Или дремлешь под жужжанье́м
 Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
 Бедно́й юности мое́й,
 Выпьем с горя; где же кружка?
 20 Сердцу́ будет веселей.
 Спой мне песню, как синица
 Тихо за морем жила;
 Спой мне песню, как девица
 За водо́й поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
 Вихри снежные крутя;
 То, как зверь, она завоет,
 То заплачет, как дитя.
 Выпьем, добрая подружка
 30 Бедно́й юности мое́й,
 Выпьем с горя; где же кружка?
 Сердцу́ будет веселей.

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завоюю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

1826

⟨ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»*⟩

CANTO XXIII**

Отт⟨ава⟩ 100***

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
¹⁰ Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
²⁰ Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

---

* «Неистового Роланда» (ит.).

** Песнь XXIII (ит.).

*** Окт⟨ава⟩ 100 (ит.).

103

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
30 Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анжеликой.

104

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славил, быть может».
40 Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит.
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет — туда, где своды
50 Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей павиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анж(еликой)
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,

И здесь их имена кругом
 Древа и камни сохраняли;
 Их мелом, углем иль ножом
 60 Везде счастливицы написали.

107

Туда пешком печальный граф
 Идет и над пещерой темной
 Зриг надпись — в похвалу забав
 Медор ее рукою томной
 В те дни стихами начертал;
 Стихи, чувств нежных вдохновенье,
 Он по-арабски написал,
 И вот их точное значенье:

108

«Цветы, луга, ручей живой,
 70 Счастливый грот, прохладны тени,
 Приют любви, забав и лени,
 Где с Анжеликой молодой,
 С прелестной дочерью Галафрона,
 Любимой многими — порой
 Я знал утехи Купидона.
 Чем, бедный, вас я награжу?
 Столь часто вами охраненный,
 Одним лишь только услужу —
 Хвалою и просьбою смиренной.

109

80 Господ любовников молю,
 Дам, рыцарей и всевозможных
 Пришельцев, здешних иль дорожн(ых),
 Которых в сторону сию
 Фортуна заведет случайно, —
 На воды, луг, на тень и лес
 Зовите благодать небес,
 Чтоб нимфы их любили тайно,
 Чтоб пастухи к ним никогда
 Не гнали жадные стада».

110

⁹⁰ Граф точно так, как по-латыне,
Знал по-арабски — он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечестъ;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть.
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
¹⁰⁰ Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно;
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
¹¹⁰ Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

К Б(АРАТЫНСКОМУ)

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя Чухончка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой чухонец.

⟨ИЗ ПИСЬМА
К И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ⟩

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в шгос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому —
Судьба моя сходна с твоей судьбою.
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

〈К Е. Н. ВУЛЬФ〉

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
¹⁰ С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

〈ИЗ ПИСЬМА
К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?²
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗ(ЫКОВУ)

Яз(ыков), кто тебе внушил
Твое посланье удалое?⁹
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
¹⁰ Она не холодной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
10 И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
20 Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
30 Глаголом жги сердца людей».

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
    Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
    Под голубыми небесами...

¹⁰ Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
    Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна..
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

.....
.....
²⁰ .....
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
.....
Но если .....

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язву эпитаграмм:
Мир вам, несчастные поэты,
¹⁰ Мир вам, журнальные клеветы!
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда.
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа.
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
²⁰ Неизгладимую печать!

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.

Нет ни в чем вам благодати;
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!..
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет,
Она на щепочку насчит,
(Но) и понюхать не позволит.

ТЫ И Я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я, как смерть, и тощ, и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
¹⁰ Тянешь вины на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором
Афедрон ты жирный свой
²⁰ Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

Т⟨уманский?⟩ прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И, как она, переменчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшей весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, Бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
¹⁰ Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его⟨?⟩, конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
К несчастью, бесподобны.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой
 Выплывала востроносая лодка,
 Как на лодке гребцы удалые,
 Казаки, ребята молодые.
 На корме сидит сам хозяин,
 Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
 Перед ним красная девица,
 Полоненная персидская царевна,
 Не глядит Стенька Разин на царевну,
¹⁰ А глядит на матушку на Волгу.
 Как промолвит грозен Стенька Разин:
 «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
 С глупых лет меня ты воспоила,
 В долгу ночь баюкала, качала,
 В волновую погоду выносила,
 За меня ли молодца не дремала,
 Казаков моих добром наделила —
 Что ничем тебя еще мы не дарили».
 Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
²⁰ Подхватил персидскую царевну,
 В волны бросил красную девицу,
 Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань-город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые —
 Парчи золотые.
¹⁰ Стал воевода

Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу.
20 Отдашь, так спасибо;
Не отдашь, повешу.
Что во чистом поле,
На зеленом дубе,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу,
30 Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

〈3〉

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
10 Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ОСТАВШИЕСЯ В ЧЕРНОВИКАХ, И НАБРОСКИ

МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья,
[Ты] взором < > [душой]
[Небесный] Ангел утешенья.

Да будут ясны дни <твой>,
Как милый взор [твой<?>] ныне ясен —
М<еж> [лу<чших><?>] жребиев земли
Да <будет> < > прекрасен.

ГРАФУ О〈ЛИЗАРУ〉

Певец! издр(е)вле меж собою
 Враждуют наши племена:
 То [наша] стонет сторона
 То гибнет ваша под грозюю.

И вы, бывало, пировали
 Кремля [позор и] 〈   〉 плен —
 И мы о камни падших стен
 Младенцев Праги избивали,
 Когда в кровавый прах то〈пта〉ли
 10 Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девою вашей
 Кольцом заве〈тным〉〈?〉 сопряжен.
 Не выпьем мы заветной чашей
 Здоровье ваших красных жен...
 〈И наша дева молодая〉
 Привлекши сердце поляка
 [Не примет] гордою душою
 Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесн(ый)
 20 Сердца враждебные дружит —
 П(е)ред улыбка(ю) небес(но)й
 Земная ненависть молчит!
 В〈?〉 волшебных〈?〉 звуках вдохновенья
 При песнях 〈   〉
 И восстанут благословенья,
 На племена〈?〉 [ни]сходит мир...

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ПЛЕТНЕВУ〉

Ты издал дядю моего:
Творец «Опасного соседа»
Достои⟨н⟩ очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не замети⟨ла⟩ его.
Теперь издай ⟨ ⟩, приятель,
[Плод⟨ы⟩] пустых моих трудов.
Но между нами, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Презрев и голос(?) укоризны,
 И зовы сладос(тных) надежд,
 Иду в чужбине прах отчизны
 С дорожных отряхнуть одежд.
 У[молкни], сердца шепот сонный,
 Привычки давной слаб(ый) глас,
 Прости, предел неблагоклонный,
 Где свет узрел я в первый раз!
 Простите, сумрачные сени,
¹⁰ Где дни м(ои) < > в тиши,
 Исполнены страстей и лени,
 И снов задумчивых души.
 Мой брат, в опасный день разл(уки)
 Все думы сердца — о тебе.
 В последний <раз> сожжем же руки
 И покоримся мы судьбе.
 Благослови побег поэта
 < >
 < > где-нибудь в волненьи <света>(?)
²⁰ Мой глас(?) [вос]помни иногда —
 Умолкнет он — под небом дальным
 < > сне(?),
 Один < > печальным(?)
 Угаснет в чуждой стор(о)не.
 Настанет < > час желанный
 И благоск(лонный)<?> славянин
 <К моей могиле безымянной>

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил —
Ходи к источнику близ $\langle \quad \rangle$ могил
И черпай воду ключевую.
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит — и исчезает,
Так жизн(и) вре(м)я(?) убегает,
В гареме так исчезну я.

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки.
В углу на полке образа,
Под ними вер[бная] лоза
[С иссохшей просвирой и свечкой],
[Горшок с <   > на окне],
Две канареечки над печкой

Ждет тебя мое вино
 <   > его давно —
 Знаешь ли, какого рода?²
 У меня закон один:
 Жажды полная свобода
 И терпимость всяких вин.
 Погреб мой гостеприимный
 Рад мадере золо<той>
 И под пробкой смоленой
¹⁰ St-Пере бутылке длинн<ой>.
 В лета юные мо<и>,
 В ле<та> юности безу<мн>ой
 Поэтический *Аи*
 Нравился мне пеной шумной,
 Сим подобием любви!
 <   > вспомнив о поэте
 И напеченный<?> бокал
 Я тогда всему на све<те>,
 Милый брат, предпочитал.
²⁰ Ныне нет во мне пристрастья —
 Без разбора за столом,
 Друг разумный сладостра<стья>,
 Вина обхожу кругом.

Пулкай увенч(анный) любо(вь)ю красот(ы)
В завет(ном) зол(оте) хранит ее черты
И письма тайные, награды долг(о)й муки;
Но в тихие часы томит(ельной) разл(уки)
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбл(енной) моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной,
Не лечит ран люб(в)и безум(ной), безнаде(жной).

Играй, прелестное дитя,
Лет⟨ай⟩ за бабочкой летучей,
Поймай ⟨ ⟩ поймай шутя
Над розой ⟨ ⟩ колючей,
Потом на в⟨олую?⟩ отпусти
⟨ ⟩
Но не советую тебе
Играть ⟨ ⟩ с уснувшим змием,
Завидуя [его] судьбе
¹⁰ [Удержанный] ⟨ ⟩ перстом

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать лет* замена.
Но время протекло, настала перемена —
Ты приближаешь⟨ся⟩ к сомнительной поре,
Как меньше [женихов] толпятся при дво⟨ре⟩
[И] тише звук похвал твой [слух обворожает],
А зеркало сильней грозит и упрекает.
Что делать ⟨   ⟩ утешься и смиришь,
¹⁰ От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобо⟨ю⟩.
Я счастья тебе желаю всей душ⟨ою⟩,
⟨   ⟩ а опытов моих
Мой дидактический, благоразум⟨н⟩ый стих

⟨НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ⟩

⟨I⟩

— Что козырь? — Черви. — Мне ходить.
 — Я бью. — Нельзя ли погодить?
 — Беру. — Кругом нас обыграла.
 — Ей смерть, ты, право, сплутовала.
 — Молчи, ты глуп и молоденец.
 Уж не тебе меня ловить.
 [Ведь] мы играем не ⟨из⟩⟨?⟩ денег,
 А только б вечность проводить.

— Кто там? — Здорово, господа.
¹⁰ — Зачем пожаловал сюда?
 — Привел я гостя. — Ах, создатель!..
 — Вот докто⟨р⟩ Ф⟨ауст⟩, наш приятель.
 — Живой! — Он жив, да наш давно —
 Сегодня ль, завтра ль — все равно.
 — Об этом думают двойко.
 Обычай требовал, однако,
 Соизволения моего —
 Но, впрочем, это ничего.
 Вы знаете, всегда мы⟨?⟩ другу —
²⁰ Я рада оказать услугу...
 — Я дамой. Крой! — Я бью тузом.
 — Позвольте, козырь. — Ну, пойдём.

— Так вот детей земных изгнанье!
 Какой порядок и молчанье,
 Какой огромный сводов ряд!
 Но где же грешников варят?
 [Все] тихо. — Там, гораздо дале.
 — Где мы теперь? — В парадной зале.

— Сегодня бал у Сатаны —
 30 На именины мы званы.
 [Смотри, как эти два бесенка
 На кухн⟨ю⟩ тащат поросенка,
 А этот бес — как важен он,
 Как чинно выметает вон
 Опилки, серу, пыль и кости.
 — Скажи мне, скоро ль будут гости?

⟨II⟩

— Вот Коцит, вот Ахерон,
 Вот горящий Флегетон.
 Докт⟨ор⟩ Фау⟨ст⟩, ну смелее!
 Там нам будет веселее.
 — Где же мост? — Какой тут мост,
 На вот, сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
 — Это что? — Парад.

Вот обер-капрал,
 10 Унтер-генерал.
 — Что горит во мгле?
 Что кипит в котле?

Бес поварен⟨ок⟩

— Фауст, ха-ха-⟨ха⟩,
 Посмотри — уха,
 Караси цари.
 — О вари, вари!..

⟨III⟩

— Скажи, какие заклинанья
 Имеют над тобою власть?
 — Все хороши: на все призыванья
 Готов я как бы с неба пасть.
 Довольно одного желанья —
 Я, как догадливый холоп,
 В ладони по-турецки хлоп,
 Присвистни, позвони — и мигом
 Явлюсь. Что делать — я служу,
 10 Живу, кряхчу под вашим игом,
 Как нянька бедная, хожу
 За вами — слушаю, гляжу —

Заступники кнута и плети,
[О знамени⟨тые⟩⟨?⟩] кня⟨зья⟩,
Все наши женщ⟨ины⟩⟨?⟩ [и] дети
[Благодарят] вас как ⟨и я⟩⟨?⟩.
За вас молить [я] Бога буду
И никогда не позабуду.
Когда ⟨ ⟩ делу позовут
Меня на ⟨нрзб⟩ расправу,
За ваше здравие и славу
¹⁰ Взлетит⟨?⟩ мой первый [кнут].

[Слов⟨есность⟩ русск⟨ая⟩ больна,]
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний.
И хладный между тем Зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-эвнух, Гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

10 — [Мизрур], недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты,
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне все сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика.

Храни меня, мой талисман,
Храни м⟨еня⟩ во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда поды⟨мет⟩ океан
В⟨округ?⟩ [меня] валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой тали⟨сман⟩.

В уединеньи чуждых стран,
¹⁰ На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно с⟨о⟩крылось, изменило...
Храни меня, ⟨мой⟩ талисман.

Пускай вовек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда, спи, желанье.
²⁰ Храни меня, мой тал⟨исман⟩.

⟨Как⟩ сон, как ⟨утренний⟩ туман
[Любви сокрылось сно]виденье

〈ИЗ ВОЛЬТЕРА〉

Короче дни, а ночи доле,
[Настала скучная] пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранный пол.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подали 〈нам〉 кушать?⁹
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенн〈ые〉 друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
¹⁰ Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденьк.

В то время деньги 〈   〉

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши, истинно повесить
И живота весьма лишить.

Я знаю край: там на берега
Уединенно море плещет;
Там редко падают снега;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша:
Марса аль Мерку(рия),
Аль Сатурна дального?

Уродился юноша
Под звездой безвестной,
Под звездо(й) падучей,
Миг один блеснувшей
10 В тишине небес.

Quand au front du convive, au beau sein de Dé⟨lie⟩
La rose ⟨éb⟩louissante⟨?⟩ a term⟨in⟩é sa vie,
Soudain, [se détachant] de sa tige natale,
Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale.
Aux riv⟨es⟩ [Elysées] ses mânes parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés.*

---

* Когда на челе пирующего, на прекрасной груди Делии
Ослепительная⟨?⟩ роза кончила жизнь свою,
Вдруг, [отрываясь] от родного стебля,
Как легкий вздох ее нежная душа испаряется.
У берегов [Элизейских] ее благоуханные тени
Зачаруют безжизненные берега Леты (фр.)

Пер. Ю. Н. Верховского

Лишь розы увяда(ю)т,
А(м)врозией дыша,
[В Эл(изий)] улетает
[Их легкая] душа.
И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

На небесах печальная луна
Встречается с веселою [зарею],
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой мо⟨ло⟩до⟨ю⟩,
Луна пред ⟨ней⟩, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эль⟨в⟩ина, я с тобою.

Едва уста красноречивы
Тебя коснулись — и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Кристалл, поэтом обновленный,
Украсть мой мирн(ы)й уголок,
Залог поэзии священный
И дружбы сладост(н)ый залог.

В тебе таится жар целебный

* * *

Как узник, Байроном воспетый,
Вдохнул, оставя мрак тюрьмы

* * *

К<ЮХЕЛЬБЕКЕРУ>

Да сохранит тебя твой добрый Гений
И под <   > и в т<ишине><?>

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АН(НЫ) ЛЬВ(ОВНЫ)

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Вас(илья) Льв(овича) сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лиз(аветой) Льв(овн)ой
Любима больше серебра;
Матв(ей) Мих(айлович), как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольг(ою) Серг(евной),
¹⁰ Со Льв(ом) Серг(еичем) давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем В(асилий) Л(ьвович)
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попovich
Его Красовский пропустил!

НРАВООЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

⟨1⟩

Равновесие

О мирный селянин! в твоём жилище нет
Ни злата, ни серебра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

⟨2⟩

Верное предсказание

«Пройдет ли мой недуг?» — Лев у Оса спросил;
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» —
Два раза два — четыре.

⟨3⟩

Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

⟨4⟩

Мстительность

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстит обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

〈5〉

Непоколебимость

«Познай, светлейший Лев, смятения вину, —
 Рек Слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
 «Смирятся, — Лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
 Опасность не страшна для мощного владыки.

〈6〉

Сила и слабость

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
 Страшится щуки крокодила;
 От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
 Всегда имеет верх над слабостию сила.

〈7〉

Лебедь и Гусь

Над Лебедем желая посмеяться,
 Гусь тиною его однажды замарал;
 Но Лебедь вымылся и снова белым стал. —
 Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

〈8〉

Мартышка

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
 И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
 Что ж вышло из того? — Лишь ноги изломала.
 Поэт! на старости побереги себя!

〈9〉

Общая судьба

Во ржи был василек прекрасный,
 Он взрос весною, летом цвел
 И наконец увял в дни осени ненастной.
 Вот смертного удел!

〈10〉

Безвредная ссора

За кость поссорились собаки,
Но поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
    Бывают ссоры и без драки.

〈11〉

Закон природы

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
    Всяк следует своей природе.

DUBIA

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

В разделе «Другие редакции и варианты» печатаются все не вошедшие в корпус основных текстов редакции стихотворений Пушкина, черновые автографы, программы, отдельные наброски и другие материалы, относящиеся к работе над помещенными в томе произведениями, варианты беловых автографов и прижизненных публикаций, разночтения копий. Самостоятельной редакцией стихотворения считается текст, напечатанный Пушкиным или представленный его беловым автографом. Подробное описание системы подачи вариантов см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 123—128. Вычеркнутые в рукописи слова заключены в квадратные скобки, редакторские конъектуры — в угловые скобки, редакторские заголовки, пометы и пояснения в тексте и подстрочных примечаниях выделены курсивом, неразобранные слова переданы обозначением <нрзб> (с указанием при возможности количества неразобранных слов: например, <2 нрзб>); недописанное неразобранное слово обозначено: <начато нрзб>). Вопросительный знак в угловых скобках ставится после слов, чтение которых в рукописи вызывает сомнение. В случае предположительных конъектур вопросительный знак ставится внутри угловых скобок. Пропуск между словами в рукописи или ненаписанное начало стиха обозначаются пропуском в угловых скобках. Если не написан целый стих, он передается пустой строкой, заключенной в угловые скобки. Недописанные в рукописи концы слов и пропущенные буквы также заключаются в угловые скобки. Авторские подчеркивания и выделения, в основном корпусе переданные курсивом, в разделе «Другие редакции и варианты» обозначаются разрядкой. При воспроизведении автографов в разделе «Другие редакции и варианты» по возможности сохраняется пунктуация рукописи (в частности, широко употреблявшиеся Пушкиным тире в середине и конце стиха и двойные и тройные тире на концах стихов, не несущие грамматического или интонационного значения). Разночтения копий, если они представляют собой сводку вариантов по разным источникам, подаются в соответствии с пунктуацией основного текста. Разночтения, вызванные очевидными ошибками переписчика, не приводятся, за исключением тех случаев, когда ошибки исправлены Пушкиным в авторизованных копиях.

1824

ПРОЗЕРПИНА
(ПОДРАЖАНИЕ)

(«Плещут волны Флегетона...»)

(С. 5)

Черновой автограф

(ПД 831, л. 29 об.—30)

- Заглавие   а.   Отсутствует
                             б.   [Под(   )]¹
- Вм. 1—13   А   Плещут волны Флегетона
                             Берега его дрожат...
                             Кони грозного Плутона
                             Оставляют мрачный Ад
                             Вдоль пустынного залива
                             Ехал он путем глухим
                             Равнодушна и ревнива
                             Прозерпина вслед за ним
                             [Ш(?)] Втайне шла путем одним —
                             Пред богинею печальной
                             <   > трепетный п(а)стух²
- Б   Плещут волны Флегетона
                             И брега его дрожат...
                             Кони мрачного Плутона
                             Оставляли грозный Ад³
- а.   Вдоль печального залива
                             б.   Вдоль туманного залива
                             Прозерпина вслед за ним
                             Равнодушна и ревнива⁴

---

¹ Предположительно на последнем этапе работы Пушкин начал вписывать: Под(ражание Парни) (ср. заглавие в беловом автографе ПД 833, л. 28 — наст. т., с. 152).

² В автографе описка: пустух

³ Перестановка эпитетов в ст. 3 и 4 отмечена цифрами: 2 над словом: грозного и 1 над словом: мрачный

⁴ Перестановка стихов отмечена цифрами: 2) перед стихом: Прозерпина вслед за ним и 1) перед стихом: Равнодушна и ревнива

- а. Шла вдали путем одним —
 б. Потекла путем одним —
 Пред богинею суровой
- а. Вдруг ⟨   ⟩ п⟨а⟩стух
 б. Вычеркнуто.
- В¹ Плещут волны Флегетона
 Своды Тартара дрожат...
 Кони черные Плутона
 Оставляли грозный Ад
 Вдоль туманного залива
 Прозерпина вслед за ним
 Равнодушна и ревнива
 Потекла путем одним —
 Пред богинею суровой
- а. На колени пал [п⟨а⟩стух]
 б. Пал со страст⟨ию⟩⟨?⟩ [п⟨а⟩стух]
 И ⟨в⟩ богине пламень новый
 Разгорелся ⟨   ⟩
- Г Плещут волны Флегетона
 Своды Тартара дрожат...
 Кони черные Плутона
 Оставляли грозный Ад
 Вдоль туманного залива
 Прозерпина вслед за ним
 Равнодушна и ревнива
 Потекла путем одним —
 Пред богинею суровой
 Пал со страстию [п⟨а⟩стух]
- а. В ней ⟨   ⟩ пламень новый
 б. В ней пылает пламень новый
 Пламень ревности потух²
- Д³ Плещут волны Флегетона
 Своды Тартара дрожат...
 Кони бледного Плутона
 Оставляли грозный Ад
 Вдоль туманного залива
 Прозерпина вслед за ним
 Равнодушна и ревнива
 Потекла путем одним —

¹ Варианты В и Г сложились на более позднем этапе работы над стихотворением в результате записей, сделанных более толстым пером и более светлыми чернилами, чем варианты А и Б.

² Стих: Пламень ревности потух записан над стихом: В ней пылает пламень новый. Перестановка этих стихов в автографе не отмечена; она определяется по смыслу и по рифмовке. В ходе дальнейшей работы над стихотворением последние четыре стиха варианта Г остались незачеркнутыми.

³ Вся дальнейшая работа над стихотворением велась на новом этапе обращения к нему: записи делались более мелким почерком, более тонким пером и более темными чернилами.

- 22—23 а. Там <   > розы дышут
 б. Там <   > очарованье¹
 [Та] Сладострастное сиянье
 в. Там <   > очарованье
 И волшебное сиянье
 г. Там <   > очарованье
 Сладост(растное) сиянье
 д. Там <   > очарованье
 <   > вечное сиянье
 Сонной Леты лепетанье
 Тени миртов <   >
 е. Там <   > очарованье²
 <   > вечное сиянье³
 Сонной Леты лепетанье
 Миртов <   > [се] сень
 жс. *Начато*: Там волшебство вечной
 з. Там весна там вечно⁴ ясно<?>
 и. *Начато*: Леты вечное
 к. [Со<?>] Леты сонное теченье
 л. *Начато*: Леты <   > миртов
 м. И под мир<том><?> [говор] шепот Леты
 н. <   > без⁵ кадил
 о. Там утхи там забвенье
 Ожидает их сердца
 п. Там волшебное забвенье
 Ожидает их сердца
- 24—25⁶ а. Молча мирты⁷ <   >
 Льются <   >
 б. *Начато*: Молча дремлют рощи
 в. *Начато*: Немы [дрем] рощи
 г. [Льются] Льются <   > Леты струи
 Молча рощи <   >
 д. Льются молча⁸ Леты струи
 <   > рощи <   >
- 26—28⁹ а. Жадным смертного желаньям
 Повинуюсь отдаю
 б. Предаю его лобзаньям
 Обнаженные красы
 в. Отдаю его желаньям
 Обнаженные красы

¹ Рядом записано и не зачеркнуто: въ

² Вариант стиха: Там <   > очарованье остался незачеркнутым.

³ Слово: сиянье осталось незачеркнутым.

⁴ Форма слова: вечной осталась неисправленной.

⁵ Предлог: без зачеркнут и восстановлен.

⁶ Работа над стихотворением продолжена в правой нижней части л. 29 об.

⁷ Слова: Молча мирты остались незачеркнутыми.

⁸ Слово: молча зачеркнуто и записано снова.

⁹ Работа над стихотворением продолжена на левом поле л. 30.

2. Повинуется желаньям
Отдает его лобзаньям
Обнаженные красы
- 29 В сладострастной неге <   >
- 30 а. <   > нежно стонет
б. То молчит <то> нежно стонет
в. И молчит <и> томно стонет
- 31 а. *Начато:* В
б. Но бегут любви часы
в. Но прошли любви часы
- 32—35 *Отсутствуют.*
- 36 а. Но пора — она уходит
б. Но богиня <   > уходит
в. Но встает <   > уходит
- 37—43 з. И Кереры <дочь> уходит
И счастливица за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой
И сча<стливец> отп<ирает>
Осторо<жною> р<укой>
Дверь от<куда вылетает><?>
Сно<видений легкий рой><?>¹

Варианты белого автографа
(ПД 833, л. 28—28 об.)

- Заглавие:* а. Подражание Парни.
б. Прозерпина.²
Подражание Парни.
- 4—5 А Оставляют мрачный Ад
Б³ а. К нежным Нимфам Пелиона
Бога смерти тайно мчат
б. Тайно [к] Нимфам Пелиона
От Аида Бога мчат
- 6 а. *Как в тексте.*
б. Вдоль туманного залива
в.⁴ *Как в тексте.*
- 12 а. И Богам мила измена
б. И Богине льстит измена
- 14 а. Ада мрачная Царица
б. Ада грозная Царица
в. *Как в тексте.*

¹ Сокращенная запись ст. 40—43 восстанавливается предположительно, по беловому автографу ПД 833, л. 28 об.

² Вписанное в заглавие слово: Прозерпина отличается по почерку от остального текста.

³ Вариант Б возник в результате позднейшей карандашной правки.

⁴ Вариант «в» возник в результате позднейшей карандашной правки.

- 15 а. Тихо юношу зовет
 б. *Как в тексте.*
- 17 а. Уж в Элизий их несет
 б. *Как в тексте.*
- 20 Элизий и томной Леты
- 22—23 а. Там утечи, там забвенья
 Ожидают их сердца
 б. Там бессмертье, там забвенья
 Там желаньям нет конца,
 в. *Как в тексте.*
- 31 а. Но любви прошли часы:
 б.¹ *Как в тексте.*
- 40 а. *Как в тексте.*
 б. И вздохнув, он отпирает
- Под*
текстом а. 26 июля 1824
 б. 26 августа 1824

*Заглавие в автографе Кап (по фотокопии),
 публикациях СЦ 1825, Ст 1826, Ст 1829
 и в авторизованной копии в Собр. ст. 1836 г.*

Прозерпина (1824) (подражание)	Кап ²
Прозерпина	СЦ 1825, Ст 1826, Ст 1829
а. Прозерпина	
б. ³ <i>Как в тексте</i>	Собр. ст. 1836 г.
Прозерпина. 1824	Ст 1826 (в оглавлении)

К ЯЗЫКОВУ

(«Издревле сладостный союз...»)

(С. 8)

Первая редакция (по СвО)

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Издревле сладостный союз
 Поэтов меж собой связует;
 Они жрецы единых муз,
 Единый пламень их волнует;
 Друг другу чужды по судьбе,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидиевой тенью,

¹ Вариант «б» возник в результате позднейшей карандашной правки.

² Запись заглавия в перечне стихотворений отдела «Смесь».

³ Поправка Пушкина.

Языков, близок я к тебе.
 Давно б на дерптскую дорогу
 10 Я вышел раннею зарей
 И к благосклонному порогу
 Понес смиренный посох мой,
 И возвратился б, оживленный
 Картиной беззаботных дней,
 Беседой вольной вдохновенный¹
 И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играет счастье,
 Давно я бурями ношусь,
 Куда подует самовластье,
 20 Уснув, не знаю, где проснусь;
 Всегда гоним, теперь в изгнании
 Влачу закованные дни!..
 Услышь, поэт, мое призванье,
 Моих надежд не обмани;
 В деревне, где Петра питомец,
 Царей, цариц любимый раб
 И их забытый однодомец,
 Скрывался прадед мой арап,
 Где, позабыв Елизаветы
 30 И двор, и пышные обеты,
 Под сенью липовых аллей
 Он думал в охлажденные леты
 Об милой Африке своей —
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обнимет в сельском шалаше
 Мой брат по крови, по душе,
 Шалун, замеченный тобою;
 И, муз возвышенный пророк,
 Наш Дельвиг все для нас оставит,
 40 И наша троица прославит
 Изгнания темный уголок.
 Надзор обманем караульный,
 Восхвалим вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудим шумные пиры,
 Вниманье дружное преклоним
 Ко звону рюмок и стихов
 И скуку зимних вечеров
 Вином и песнями прогоним.

Михайловское, 20 сентября 1824 г.

¹ Разночтение ст. 15 с прижизненными печатными изданиями, вероятнее всего, является следствием ошибки переписчика или наборщика журнального текста.

Разночтения Кав с текстом первой редакции в СвО

Заглавие	Языкову	
Помета ¹	Михайловское 1824. 20 сентября	
<i>Варианты и разночтения ЛГ, ЦР₃, Ст 1832 и копии в Собр. ст. 1836 г. до правки Пушкина (вторая редакция)</i>		
Заглавие	Отры(вок) ² из послания к Языкову	ЛГ
Заглавие	а. Отрывок из послания к Языкову	ЦР ₃
	б. Как в тексте. ³	
Заглавие в оглавлении ⁴	К Языкову. Отрывок из послания	ЦР ₃ , Ст 1832
Помета под заглавием	(Михайловское, 1824)	ЦР ₃ , ⁵ Ст 1832
Помета под заглавием	(Михайловское 1824.)	Собр. ст. 1836 г.
8	Языков, близок я тебе ⁶	ЦР ₃ , Ст 1832
19	Куда подует непогода; ⁷	ЛГ, ЦР ₃ , Ст 1832, Собр. ст. 1836 г.
34	Я жду тебя.	Ст 1832, Собр. ст. 1836 г.
После 34	Две строки отточий Три строки отточий Строки отточий отсутствуют	ЛГ ЦР ₃ Ст 1832, Собр. ст. 1836 г.
Под текстом	1824.	
	Михайловское	ЛГ
Под текстом	Помета отсутствует.	Собр. ст. 1836 г.

¹ Расположение пометы в публикации Кав не указано; вероятнее всего, она находится под текстом.

² В ЛГ опечатка: Отрыков

³ Слова: Отрывок из послания в заглавии стихотворения зачеркнуты П. А. Плетневым, который перенес их в оглавление.

⁴ Оглавление составлено П. А. Плетневым.

⁵ В ЦР₃ помета первоначально находилась под текстом, как в публикации ЛГ. Вычеркнута и перенесена к заглавию рукой П. А. Плетнева.

⁶ Разночтение в ЦР₃ и Ст 1832, вероятно, появилось вследствие ошибки переписчика.

⁷ Цензурная замена.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(«Стишки для вас одна забава...»)

(С. 9)

*Черновые наброски, предположительно связываемые
с работой над стихотворением*

⟨I⟩

(ПД 834, л. 4)¹

- А Написаны слезами кровью
И непритворною ⟨   ⟩
И дышат ⟨   ⟩
- Б а. Мои стихи слезами кровью
б. ⟨   ⟩ писал слезами кровью²
в. Они ⟨   ⟩ желчью
г. Написаны ⟨ ? ⟩ слезами кровью
д. Я их [писал] слезами кровью
а. И дышат ⟨   ⟩ моей тоской
б. ⟨ Нрзб ⟩³ ⟨   ⟩ моей тоской
в. ⟨ Нрзб ⟩ ⟨   ⟩ моей тоской
г. Все дышит в них моей тоской
И непритворною любовью

⟨II⟩

(ПД 835, л. 2 об.)⁴

- Его познал ⟨ ? ⟩ ⟨ нрзб ⟩
- а. ⟨   ⟩ страдания мои —
б. Как ⟨ ? ⟩ и ⟨ ? ⟩ страдания мои —
а. Мои стихи невольно ⟨ нрзб ⟩
б. И ⟨   ⟩ стихи невольно ⟨ нрзб ⟩
а. ⟨ Нрзб ⟩⁵ ⟨   ⟩ имени любви
б. ⟨ Нрзб ⟩ ⟨   ⟩ имени любви
в. ⟨ Нрзб ⟩⁶ ⟨   ⟩ имени любви

Черновой набросок ст. 9—12

(ПД 835, л. 2 об.)

- 9—10 а. Внушенные по воле Граций
⟨   ⟩ рублями заменим

¹ Стершаяся карандашная запись.² Записывая вариант «в», Пушкин оставил слова: слезами кровью незначеркнутыми.³ Неразборчивое слово начинается с буквы: Т⁴ Стершаяся карандашная запись.⁵ Предположительное чтение начальных букв неразборчивого слова: При⁶ Чтение Н. В. Измайлова: От (Акад. Т. 2. С. 836).

- б. Слова <   > питомца Граций
Тотчас рублями заменим
- в. <   > Граций
Стихи рублями заменим
- г. Стихи <   > питомца Граций
Мы вмиг рублями заменим
- 11 а. И в пук <   > ассигнаций
б. И в пук тяжелых ассигнаций
- 12 а. Листочки <   > превратим
б. Его листочки превратим¹

Варианты основного автографа
(ПД 835, л. 13об.—17)²

Заглавие   Разговор между поэтом и книгопродавцем

<I>

Ст. 1—75

Первоначальный текст до перекomпоновки
и правки темными чернилами³

Кн< игопродавец >

Стихи для вас одна забава,
Минуту стоит вам присесть:⁴

Уж разгласить успела Слава

Везде приятнейшую весть.

Поэма, говорят, готова

Плод новый умственных затей;

Итак, решите: жду я слова,

Назначьте сами цену ей;

Стихи лю бим ца Муз и Граций

¹⁰ Мы вмиг рублями заменим

И в пук наличных ассигнаций

Листочки ваши обратим...

О чем вздохнули так глубоко?

Нельзя узнать?

¹ Ниже после горизонтального разделительного штриха записаны два неполных стиха, по всей видимости, с работой над стихотворением не связанные и возможно относящиеся к черновым вариантам «Евгения Онегина»:

Которых маминька хран(   )

От впечатл(   )

² Реплики Книгопродавца в автографе везде обозначены: Кн., реплики Поэта: П.

³ Варианты стихов, исправленных светлыми чернилами в ходе переписывания текста, указаны в подстрочных примечаниях.

⁴ Первоначально было: Я знаю, стоит вам присесть:

П (о э т)

Я был далеко.

Я время то воспоминал,
 Когда, надеждами богатый
 Поэт беспечный, я писал¹
 Из вдохновенья, не из платы
 Тогда в безмолвии трудов²
 20 Делиться не был я готов
 С толпою пламенным восторгом
 И Музы сладостных даров
 Не унижал презренным торгом.
 Я был хранитель их скупой³
 Так точно в гордости немой⁴
 От взоров черни лицемерной⁵
 Дары любовницы младой
 Таит любовник суеверный⁶
 Какой-то Демон обладал
 30 Моими играми, досугом,
 За мной повсюду он летал
 Мне звуки сладкие шептал;⁷
 И тяжким, пламенным недугом
 Была полна⁸ моя глава;
 В ней грезы чудные рождались⁹
 В размеры стройные стекались
 Одушевленные слова¹⁰
 И звучной рифмой замыкались.

¹ Первоначально было: Я беззаботно воспевал

² Первоначально было: Тогда смиренный друг трудов

³ Первоначально было: Так точно гордый и скупой

⁴ Стихи: Я был хранитель их скупой / Так точно в гордости немой возникли из первоначального: Так точно гордый и скупой в результате правки, предпринятой уже после того, как были записаны следующие строки.

⁵ Слово: лицемерной исправлено из первоначально записанного с ошибкой: лицемерный

⁶ Ст. 19—28 (Тогда смиренный друг трудов ~ Таит любовник суеверный) были отчеркнуты по левому полю и отмечены условным значком (два крестика) для переноса. Поправка сделана светлыми чернилами, вполне возможно непосредственно в ходе переписывания текста. Первоначальное место переноса (в конце реплики Поэта, после стиха: Но для себя — не для народа) указано тем же значком либо сразу, либо в ходе дальнейшей правки, осуществленной темными чернилами (цвет чернил, которыми поставлены здесь два крестика, трудноопределим, поскольку позднее они были густо замазаны темными чернилами). Второе решение о месте переноса ст. 19—28 — между ст. 64 и 65 — было также отменено. Окончательный порядок стихов в автографе не обозначен. Возможно, на этапе работы над автографом Пушкин решил оставить ст. 19—28 на первоначальном месте.

⁷ Первоначально было: И звуки сладкие шептал;

⁸ В автографе с опiskой (полная вместо: полна), исправленной в ходе дальнейшей работы темными чернилами.

⁹ Первоначально было: В ней мысли чудные рождались

¹⁰ Первоначально было: а. Мои невольные слова
 б. Новорожденные слова

В гармонии соперник мой
 40 Был¹ шум лесов иль вихорь буйный
 Иль иволги напев живой
 Иль ночью моря гул глухой²
 Иль шепот речки тихоструйной
 Все волновало нежный ум
 Цветущий луг, луны блистань(е)³
 В часовне ветхой бури шум
 Старушки дивное преданье
 Меня не знал в то время свет
 Но мне внимала вся природа
 50 Воистину я был поэт
 Но для себя — не для народа.

Кн < иго продавец >

Но слава заменила вам
 Мечтанья тайного отрады;
 Поэты ждут ее награды
 Она за вами по следам.

П < оэт >

Отдайте мне мои⁴ дубравы,
 Мои холмы, приюты скал,
 Где я не понимая < ? > славы
 Одной поэзией дышал!
 60 Там слаще голос мой звучал
 Там доле яркие виденья
 Новорожденною красой⁵
 Вились, летали надо мной
 В часы ночного вдохновенья!..
 Блажен, кто молча был поэт
 И славы терном не увитый
 Презренной чернию забытый
 Без имени покинул свет.
 Обманчивей и снов надежды,
 70 Что слава⁶ шепот ли чтеца⁶
 Гоненье ль знатного Невежды
 Иль восхищение глупца⁷

¹ Исправлено из начатого: И(ль) < ? >. Возможно, Пушкин по ошибке начал записывать начало следующего стиха.

² Первоначально было: Иль водопада гул глухой

³ В автографе с опиской: блистанья

⁴ В автографе с опиской: (мой вместо: мои), исправленной в ходе дальнейшей работы темными чернилами.

⁵ Первоначально было: а. Начато: Разнооб(разною)

б. Новорожденною толпой

⁶ Первоначально было: Что слава⁶ шепот ли лъстеца

⁷ Первоначально было: Хвала ли хладная Невежды
Гоненье ль знатного глупца

Перекомпоновка и правка темными чернилами
по первоначальному тексту ст. 1—75¹

- 35 В ней грезы дивные рождались
- 37 а. Послушны быстрые слова
б. Мои послушны⟨е⟩² слова
- Вм. 39—47³ В гармонии соперник мой
Был шум лесов иль вихорь буйный
Иль иволги напев живой
Иль ночью моря гул глухой
Иль шепот речки тихоструйной
Зачеркнуты.⁴
- 48—51
Между
- 51 и 52 а. Начато: Меж тем
б. Зачеркнуто.
- Вм. 54—55 А Она за вами по следам.
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут покупателей
И ветреной ее награды.
- Б а. Вы разошлись по рукам⁵
б. Она за вами по следам.
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.
- 56—59 Я видел вновь приюты скал
- а. Дубраву, кров уединенья
б. [Спо⟨койный⟩⟨?⟩] И темный кров уединенья
Где я на пир воображенья
- а. Младую Музу призывал.
б. Бывало Музу призывал.⁶
- 62 С неизъяснимой красой

¹ Нумерация стихов по первоначальному тексту.

² Форма слова: послушны исправлена не была.

³ Ст. 39—47 были отчеркнуты по левому полю и разбиты на два фрагмента (ст. 39—43 и 44—47), которые Пушкин хотел поменять местами. Это намерение обозначено записью: все волновало на левом поле перед стихом: В гармонии соперник мой. Однако затем такое решение было отменено, запись: все волновало зачеркнута, а ст. 44—47 перенесены в следующую реплику Поэта, на место между ст. 64 и 65, сразу после стиха: В часы ночного вдохновенья!..

⁴ До того как ст. 48—51 были вычеркнуты, Пушкин хотел перенести в конец этой реплики Поэта ст. 19—28 (см. примеч. 6 на с. 158), обозначив место переноса условным значком (два крестика). Однако затем это решение было отменено и значок переноса зачеркнут.

⁵ Записывая этот вариант стиха, Пушкин оставил предыдущий вариант невычеркнутым и затем вернулся к нему (см. вариант Б, «б»).

⁶ Под этим стихом на нижнем поле листа запись: Какой-то демон etc., указывающая на намерение изменить дальнейший порядок фрагментов. Однако запись была сразу же зачеркнута.

Handwritten text in two columns, written in a cursive script. The text is heavily crossed out with numerous horizontal lines, indicating it is a draft or a document that has been largely discarded. The ink is dark, and the paper shows signs of age and wear. The handwriting is dense and somewhat difficult to decipher due to the heavy scribbling.

«Младенцу».

Черновой автограф (в левом столбце).

«Цыганы».

Черновой автограф.

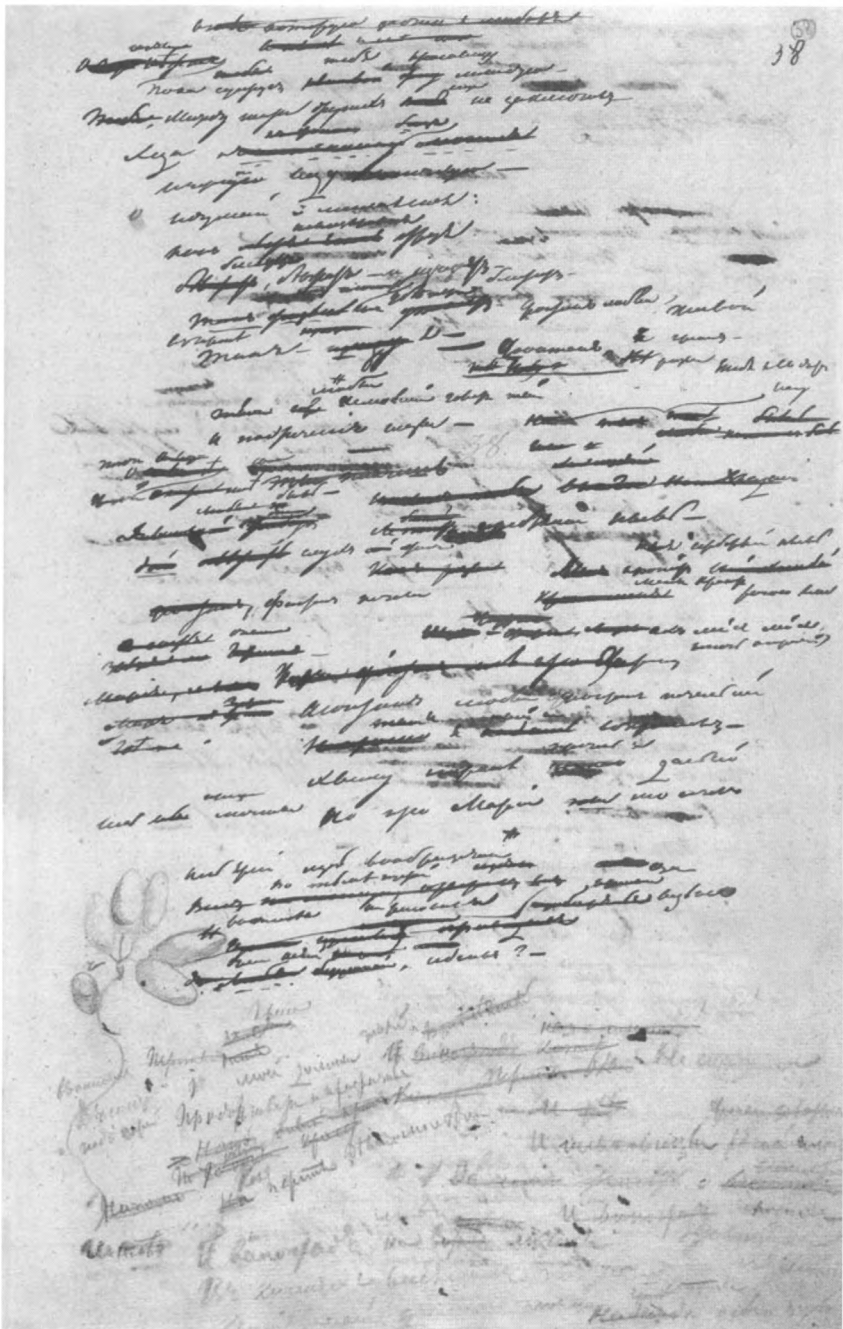
(ПД 835, л. 24).

Handwritten text in Russian, appearing to be a draft or sketch of a document with many corrections and scribbles. The text is dense and covers most of the page.

«Жених».

Черновой автограф (ПД 835, л. 30).

«Пока супруг тебя, красавицу младую...».

Черновой автограф.

«Фонтану Бахчисарайского дворца».

Черновой автограф.

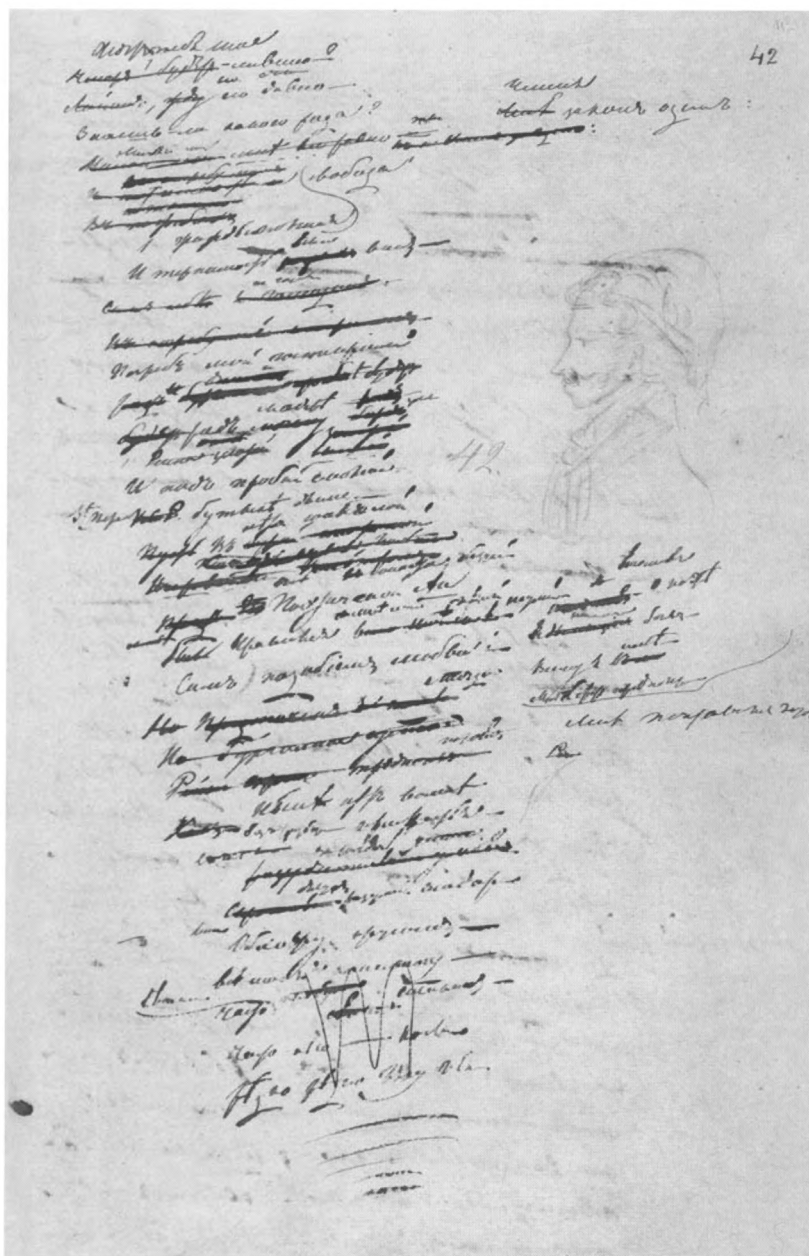
«Виноград».

Черновой автограф.

(ПД 835, л. 38).

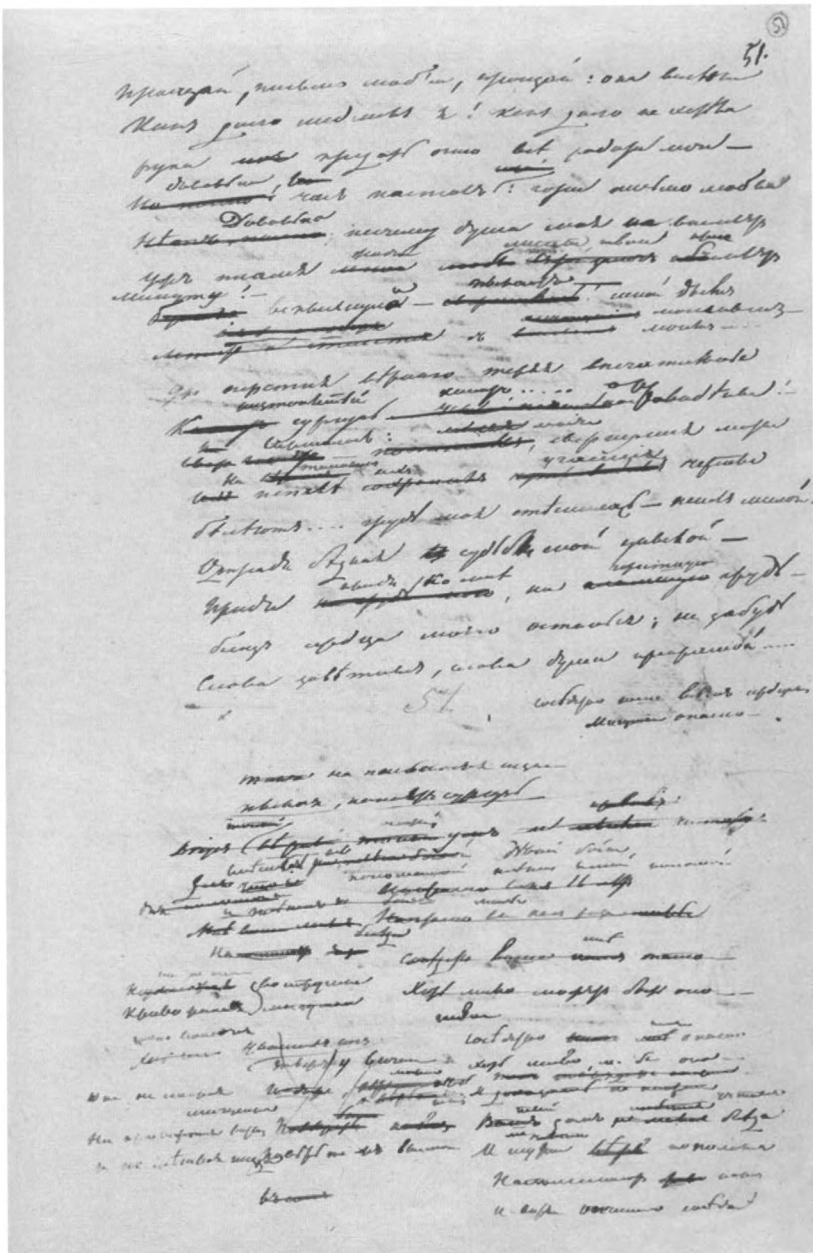
О чем и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего
и думать нечего

«Пускай увенч(анный) любо(вь)ю красоты...».
Черновой автограф (ГД 63).

«Ждет тебя мое вино...».
Черновой автограф (ПД 835, л. 42).

«Сожженное письмо».

Беловой автограф с правкой.

«[Так] на ~~нрзб~~ ее слезам~~(и)~~~~(?)~~...».

Черновой набросок.

«[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...».

Черновой набросок.

«Твое соседство нам опасно...».

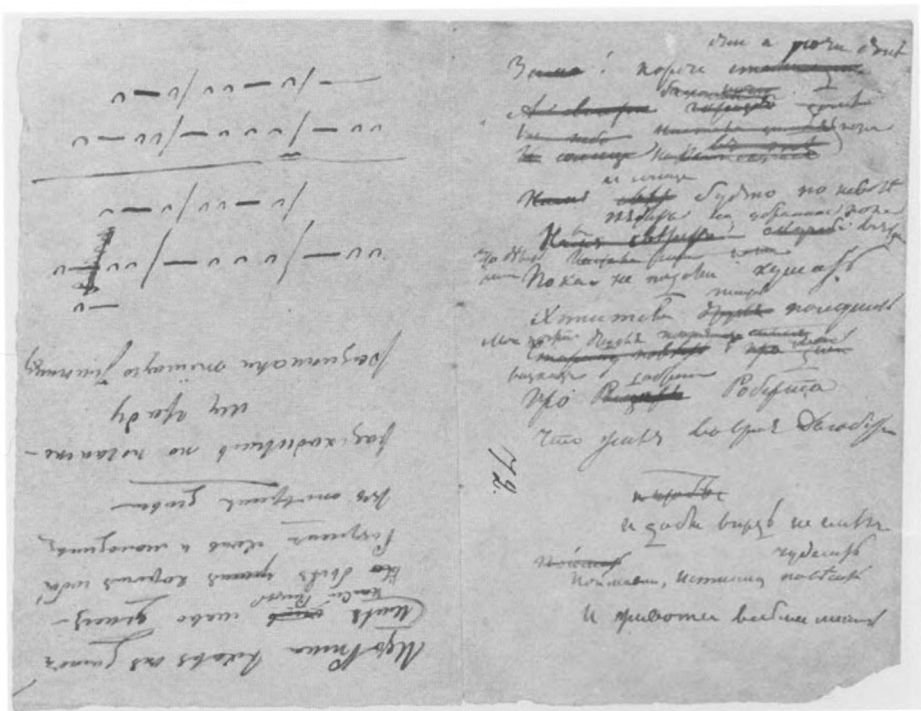
Черновой автограф.

«Смеетесь вы, ~~что~~ девой бойкой...».

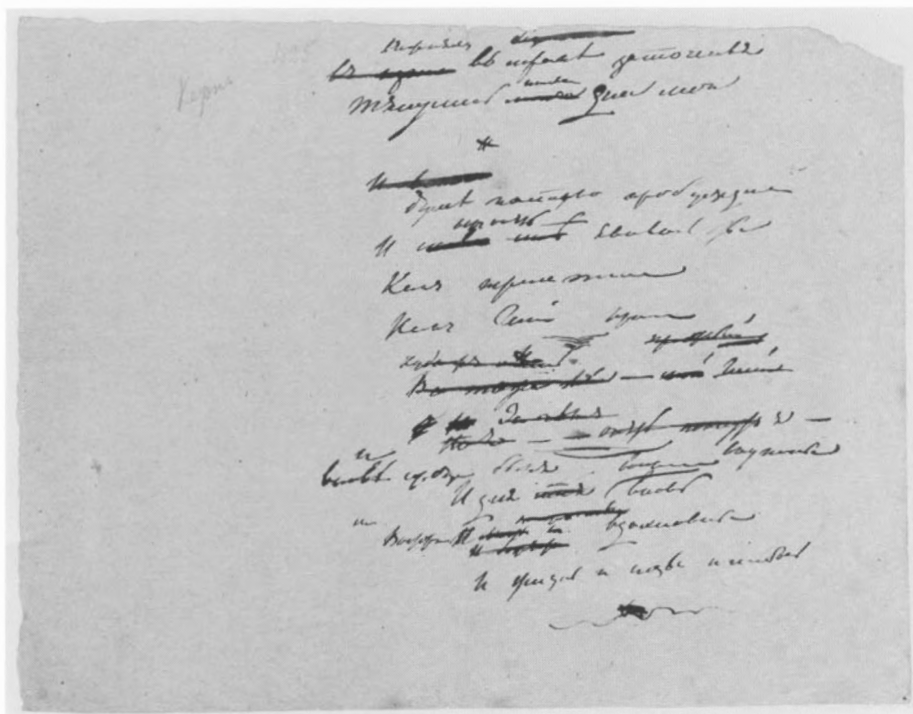
Черновой автограф.

(ПД 835, л. 51).

«(Из Вольтера)».
Черновой автограф (ПД 68).

«К***» («Я помню чудное мгновенье...»)
Черновой автограф (ГД 68).

Песнь отшельца царя Соломона.

(53) 53

Да побуждают меня побужсающыи сердца
Сердцѣ мои приидите. Вана-в-звѣздахъ игра
твоея души бѣжитъ отъ меня - иду твоея
сладостно какъ ароматное вино. Дѣла твои,
иже возлюбилъ я.

52.

Судъ твой, иже, иже побуждаетъ
слезъ оцѣну игра, и бѣда.
Возвѣстятъ въ крѣпости твои, оубо
твоея мощи, иже, иже побуждаетъ,
Душа твоя, иже, иже;

1831

1832.

Копия Кавказскихъ мѣст
Испрочитъ
Купчикъ.
Кудель
Цириньковскъ
В. Смирн
Александръ
Кандраковъ
Видио
1

Братъ разбойника
Олежъ
Козь-Климентъ
Мундору
т. П.
Стефанъ пр..
Проложитъ

«В крови горит огонь желанья...».

Прозаический перевод из Песни песней и белой автограф ст. 1—4 с одновременной и позднейшей правкой (ПД 835, л. 53).

Я знаю край: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах

Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах

Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах
Их обитали: там на берегах

Их обитали: там на берегах

«Я знаю край: там на берегах...».
Черновой автограф (ПД 91).

Надо думать изобрести
надо думать изобрести
надо думать изобрести

Надо думать

~~Золотая звезда~~

~~Золотая звезда~~

Анна Мария архив

1799

Надо думать изобрести
надо думать изобрести

надо думать изобрести
надо думать изобрести
надо думать изобрести

надо думать изобрести

надо думать изобрести

надо думать изобрести

надо думать изобрести

надо думать изобрести

надо думать изобрести

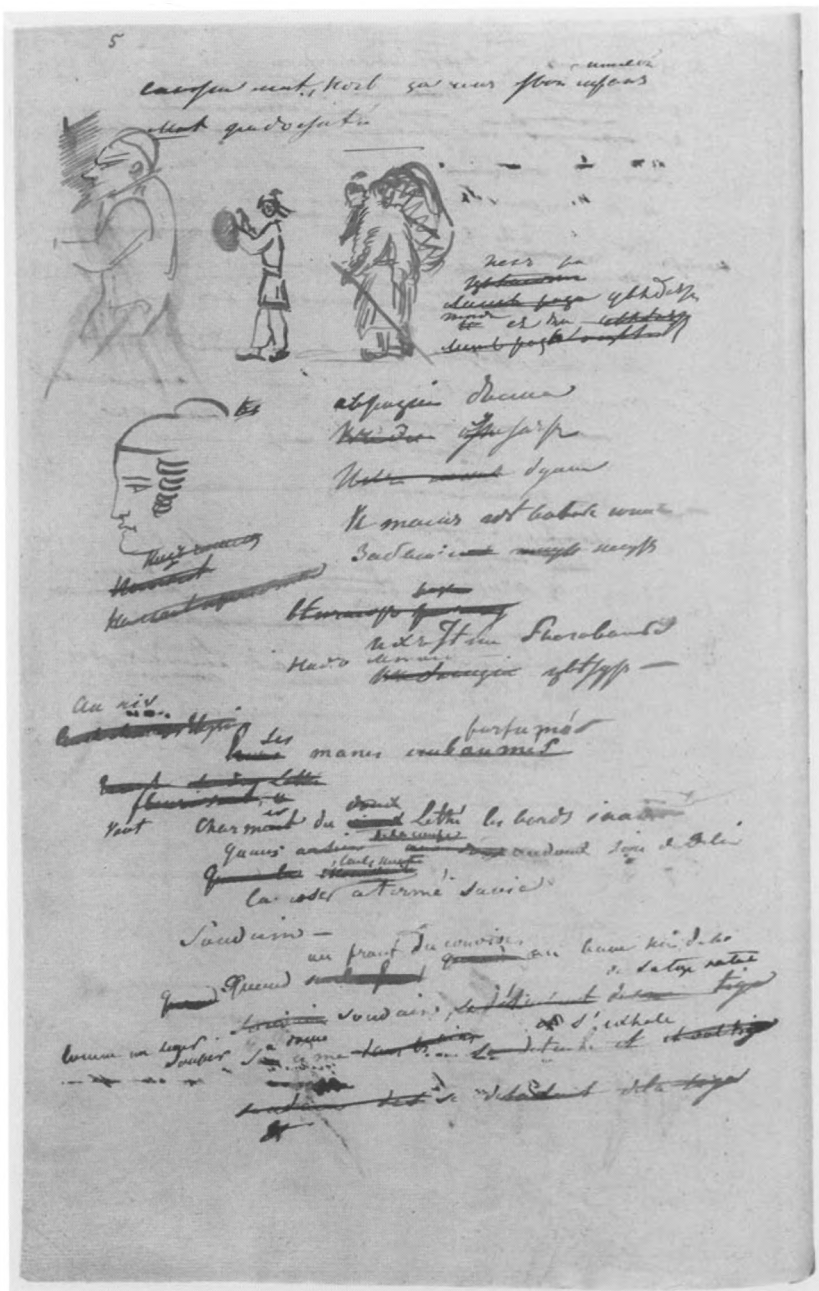
надо думать изобрести

надо думать изобрести

«Под каким созвездием...».

Черновой автограф (ПД 81).

«Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...».

Черновой набросок.

«Лишь розы увяда(ю)т...».

Черновой автограф.

«Quand au front du convive au beau sein de Dé(lie)...».

Черновой автограф.

(ПД 835, л. 56 об.).

XXIII

№ 5xxx.

Стихъ каудой ^иновости твоей
Звучитъ и всецетъ какъ первоначъ.
Твоя Чухоначка, ей-ей,
Треханокъ Байрона шилъдъ,
А твой Вошия прапной Чухонцевъ.

«К Б(аратынскому)».

Авторизованная копия 1836 г. (ПД 851, л. 23).

- Между
64 и 65
- Все волновало нежный ум
Цвѣтущий луг, луны блистань (е)
В часовне ветхой бури шум
Старушки чудное преданье¹
Блажен кто про себя таил
Души высокие созданья,
а. И от людей, как от могил
б. Кто от людей, как от могил
Не ждал за чувства воздаянья
71 Презренье гордого невежды

⟨II⟩

Ст. 76—194

Варианты основного автографа с учетом перекомпоновки
и правки темными чернилами в ст. 1—75²

- 82—83 а. Злодея громом верных стрел
б. Злодеев громом верных стрел
В потомстве дальном поражает
- 84 а. Геройство утешает он;
б. Как в тексте.
- 87 а. Для вас она кимвальный звон
б. Как в тексте.
- 95 а. И я средь оргий жизни шумной
б. Как в тексте.
- 96 а. Видал вниманье красоты!
б. Искал вниманье красоты!
- Между
96 и 97 А Мои слова, мои напевы
Коварной силой иногда
Смирить умели в сердце девы
а. Волненье сладкого стыда,
*б. Волненье страха и стыда,
*Б Вычеркнуто.³
- 97—100 А Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мне звуки томные мои

¹ Место вставки этих четырех стихов, отчеркнутых на л. 14 (см. примеч. 3 на с. 160) обозначено на левом поле листа записью: Все волновало... и стрелкой, под которой поставлен значок переноса (два крестика), указывающий на намерение перенести сюда ст. 19—28. Однако это решение было отменено, значок зачеркнут и под ним на левом поле были записаны новые четыре стиха.

² Нумерация стихов по основному тексту. Звездочкой отмечены варианты, возникшие при работе темными чернилами.

³ Вторично зачеркнуто темными чернилами вместе со ст. 97—100.

- 211 а. Как в тексте.
*б. Умерьте гордый гнев¹ поэт!
*в. Как в тексте.
- 123 а. Не знаю я — но исключений
б. Как в тексте.
- Между
124 и 125 А Ужели нет из них единой
Которой [посвят⟨ ⟩] ⟨ ⟩
Назвали б северной Кориной
При плесках радостной Молвы —
Б Вычеркнуто.
- 127 а. И вашей славы не присвоит
б. Как в тексте.
- 128 а. Волшебной красоте своей?
б. Как в тексте.
- 136 а. Тоской ли долгой вдохновенный
*б. [Тоской ли долгой] изнур⟨енный⟩
- 137 а. Скрывал я слезы в тишине?
*б. Как в тексте.
- 138 а. Была ли та, которой очи,
*б. Была ль одна, которой очи,
*в. Была ⟨ли⟩² та, которой очи,
*г. Как в тексте.
- 140 а. Как в тексте.
*б. Что жизнь? — одна ли, две ли ночи?..
- Вм. 142 а. И что ж? невнятный звук любви,
*б. К чему невнятный стон любви? —
*в. И что ж? невнятный стон любви,
*г. К чему безумные мечтанья
Докучный, слабый стон любви?
- 145 а. Ах! сердце их поймет одно,
*б. Как в тексте.
- Между
147 и 148 А С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной,
Объятый грустным упоеньем
С неизъяснимою тоской —
Там, там — где тень, где шум чудесный,
Где льются вечные струи —
Я находил язык небесный
а. Начато: Томимый
б. Язык поэтов и любви...
*Б С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной,
Объятый мрачным упоеньем,

¹ Слово: гнев было вычеркнуто по ошибке и восстановлено.

² Частица: ли осталась невосстановленной, по-видимому, случайно.

- С неизъяснимою тоской —
Там, там — где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи —
Я находил язык небесный
Сгорая жаждою любви...
- *В Вычеркнуто.¹
- *Г С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной
Я знал объятый упоеньем
Язык поэзии святой²
- *Д С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной
- а. Дышал я чистым упоеньем
б. Дышал я дивным упоеньем
Любви поэзии святой
- *Е а. Я < > мученьем³
б. Я <нрзб> медл(енным) мученьем
в. < > забвеньем
г. Я таю медленным мученьем —
Одна была... я с ней одной
Делиться мог⁴ бы вдохновеньем
- а. И вдохновеньем⁵ и тоской
б. <1 или 2 нрзб>⁶
в. Слезами, < > упоеньем
г. Как упоительной тоской
д. И упоительной тоской
- *Ж Я таю медленным мученьем —
Одна была... я с ней одной
- а. Объятый груст(ным)<?> вдохновеньем
б. Объятый томным<?> вдохновеньем
в. Объятый <нрзб> < >

¹ Этап работы, на котором были вычеркнуты стихи, устанавливается предположительно. Вычеркивание, по всей видимости, было сделано в два приема: сначала Пушкин зачеркнул стихи: Одна была... пред ней одной ~ Сгорая жаждою любви..., а потом стих: С кем поделюсь я вдохновеньем? Стихи: К чему безумные мечтанья ~ Сгорая жаждою любви... отчеркнуты по левому полю полукруглой скобкой, темными чернилами, вероятно, для переноса, место которого отмечено не было. Можно думать, что это было сделано после вычеркиваний и указывало, в частности, на восстановление стихов: С кем поделюсь я вдохновеньем? / Одна была... пред ней одной, работа над которыми была затем продолжена. Не исключено, однако, что вычеркивание указанных стихов было сделано на более позднем этапе работы над стихами между 147 и 148.

² Вероятно, на этом этапе работы Пушкин отказался от следующих пяти стихов, которые плохо согласовывались с предпринятой правкой.

³ Этот и следующие два варианта стиха записаны на правом поле листа. Дальнейшая работа над фрагментом велась на левом поле листа.

⁴ Слово: мог вписано.

⁵ Вероятно, описка, вместо предполагавшегося слова: упоеньем

⁶ Чтение Н. В. Измайлова: Глаза(?), мои(?) (Акад. Т. 2. С. 843).

2. Хотел делиться — 〈вдохновеньем〉
И упоительной тоской¹
- 148—149 а. Ах, мысль об ней в душе усталой
Могла бы пламень воспалить,
*б. *Как в тексте.*
- 151 а. Уединенно возмутить!..
*б. Тревогой милой возмутить!..
*в. *Как в тексте.*
- 152—155 а. *Отсутствуют.*
б. Она одна бы разумела
Стихи неясные мои,
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой [чистою] любви!
- 156 а. *Как в тексте.*
*б. И что ж напрасные желанья!
*в. *Как в тексте.*
- 159 а. *Начато:* И наши
б. Нет наши бренные созданья
в. Земного чувства излиянья
*г. *Как в тексте.*
- 164 *а. *Как в тексте.*
б. От этой лиры вдохновенной —²
*в. *Как в тексте.*
- 169 *а. Совет пристрастный — но полезный:³
б. *Как в тексте.*
- 170—171 *а. Без денег и свободы нет —
Таков уж век, наш век железный...
*б. *Как в тексте.*⁴
- 174 *Нам нужно злата, злато, злато —
- 176—177 А *Отсутствуют.*⁵
Б а. Предвижу ваше возраженье —
б. Я слышу ваше возраженье —
а. Вам 〈   〉 в этом нет стыда
б. Но тут не вижу я стыда
*В а. Я знаю: будет возраженье —
в. Позвольте... знаю возраженье —
а. 〈   〉 я стыда
б. Но тут не вижу я стыда
- 183 *а. Позвольте⁶ искренно сказать:
*б. *Как в тексте.*

¹ Стих: И упоительной тоской был зачеркнут и записан еще раз.

² Ст. 161—189 записаны темными чернилами, отдельные поправки в них сделаны бледными чернилами, к работе которыми Пушкин вернулся со ст. 190.

³ При последующей правке окончание слова: полезный осталось неизменным.

⁴ Перестановка стихов указана цифрами 1) и 2).

⁵ В ходе дальнейшей работы вписаны на левом поле листа бледными чернилами.

⁶ В ходе дальнейшей работы слово: Позвольте было зачеркнуто и восстановлено бледными чернилами.

- 184 *а. *Начато*: Позво⟨льте⟩
 *б. *Как в тексте*.
- 186 *а. Что же медлить? Уж ко мне заходит
 *б. *Как в тексте*.
- 188 *а. И журналист у лавки бродит
 *б. *Как в тексте*.
- 189 *а. *Как в тексте*.
 *б. И наши тощие певцы —
- После 193 а. Вы совершенно правы; вот вам моя рукопись —
 условимтесь
 б. Вы совершенно правы, вот вам рукопись — итак
 услов⟨им⟩ся.
- Под текстом 26 сент⟨ября⟩ 1824.

*Редакторская сводка
 чернового автографа примечания
 (ПД 835, л. 28 об.)*

Заметим для щекотливых блюстителей приличия что Кн⟨игопродавец⟩ и поэт — оба лица вымышленные — похвалы первого ничто иное как светская вежл⟨ивость⟩ т. е. притворство уже принятое (ежели не в на⟨ших⟩ журналах) т⟨о⟩ п⟨о⟩ кр⟨айней⟩ м⟨ере⟩ в наших разговорах

Первоначальные варианты чернового автографа примечания¹

- 1—2 Заметим для щекотливых блюстителей приличия что Кн⟨игопродавец⟩ и поэт / а. Заметим для ⟨ ⟩ что [чт] Кн⟨игопродавец⟩ и поэт
 б. Заметим для блюстителей приличия что Кн⟨игопродавец⟩ и поэт
 в. *Как в тексте*.
 г. Заметим для [строгих] щекотливых блюстителей приличия что Кн⟨игопродавец⟩ и поэт
- 2—3 похвалы первого ничто иное как светская вежл⟨ивость⟩ / а. *Начато*: пер-
 в⟨ый⟩
 б. похвалы первого ничто иное как учтивость
 в. лестные похвалы первого [как они не могут относят] ничто иное как учти-
 вость
 г. учтивые похвалы первого ничто иное как светская вежл⟨ивость⟩
- 3—4 т. е. необходимое притворство уже принятое (ежели не в на⟨ших⟩ журналах)
 т⟨о⟩ п⟨о⟩ кр⟨айней⟩ м⟨ере⟩ в наших разговорах / а. *Начато*: необходимая
 в разговоре если не ну⟨жно⟩²
 б. *Начато*: необходимая в некоторых
 в. или если угодно лесть в разговоре необходимая
 г. или притворство в разговоре необходимо⟨ое⟩²
 д. т.⟨?⟩ е.⟨?⟩ притворство в разговоре необходим⟨ое⟩³

¹ Нумерация строк по тексту редакторской сводки.

² Форма слова: необходимая исправлена не была.

³ Слово: необходим⟨ое⟩ на следующем этапе работы над фрагментом осталось неза-
 черкнутым.

е. Начато: т. е. притворство принятое в наших разговорах если не в ж. т. е. притворство уже принятое (ежели не в журналах) т(о) п(о) кр(айней) м(ере) в наших разговорах

Поправка к ст. 2 в письме к Л. С. и О. С. Пушкиным
от 4 декабря 1824 г.
(ПД 1261, л. 44)

Стихи для вас одна забава
Немножко стоит вам присесть.

Варианты и разночтения ЕО I₁₈₂₅¹

Примечание
к первой реплике
Книгопродавца:

Заметим для щекотливых блюстителей приличий, что Книгопродавец и Поэт оба лица вымышленные. Похвалы первого не что иное, как светская вежливость, притворство, необходимое в разговоре, если не в журнале.

- 1 Стишки для вас одна забава;
3 И разгласить успела слава
83 В потомстве дальном поражает;
103 Пускай их Шаликов поет,
115 Я содрогаюсь; сердцу больно:
132—133 И что ж? Какое дело свету
(Я всем чужой), душа моя
160 Как божеству, не нужно² ей.
176—177 Я знаю ваше возраженье;
Но тут не вижу я стыда:

Поправка
к 176—177³

ПОПРАВКА
В разгов(оре) Книгопрод(авца) с Поэтом, стр. XXI, стихи 3 и 2
снизу, надобно читать:
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:

¹ Нумерация стихов по основному тексту.

² Ошибка, возникшая на этапе переписки или набора; ср. в основном автографе: не нужны

³ Приведена на последней странице издания (с. 60).

Поправки к тексту ЕО I₁₈₂₅
в издании ЕО VI¹

1	<	>	забава,
2	<	>	присесть ²
3	Уж разгласить <	>	
115	Я так и вспыхну <	>	
132—133	<	>	свету? ³
	Я всем чужой. Душа <	>	

Варианты и разночтения ЕО I₁₈₂₉³

Примечание

к первой реплике

Книгопродавца	Как в издании ЕО I ₁₈₂₅
2	Немножко стоит вам присесть.
83	В потомстве дальном поражает;
103	Пускай их Шаликов поет
115	Я так и вспыхну; сердцу больно
160	Как божеству, не нужно ⁴ ей.

Разночтения Ст 1835

Примечание

к заглавию

160	Было напечатано при первой главе «Онегина».
	Как божеству, не нужно ⁵ ей

¹ Нумерация стихов по основному тексту. Поправки к опубликованной в 1825 г. первой главе «Евгения Онегина» приведены в Примечании, помещенном в конце издания главы шестой, на с. 46—48; поправки к «Разговору Книгопродавца с Поэтом» — на с. 46 после следующего предваряющего их текста: В продолжение издания I части «Евгения Онегина» вкралось в нее несколько значительных ошибок. Важнейшие из них помещаются здесь. Поправки означены под ними en italique (и выделены курсивом — фр.). Приводя поправки, Пушкин указывал только те фрагменты стиха, которые подлежали исправлению, а также соответствующую страницу издания первой главы и номер строки.

² В ЕО I₁₈₂₅ ст. 2 читался как в основном тексте: Немножко стоит вам присесть,

³ Нумерация стихов по основному тексту.

⁴ См. примеч. 2 на с. 167.

⁵ См. примеч. 2 на с. 167.

К МОРЮ

(«Прощай, свободная стихия!..»)

(С. 14)

*Первая редакция (по беловому автографу Авт₁ (ПД 835, л. 12 об.—13)
с учетом первой вставки, записанной на л. 13)*

МОРЮ

Прощай, свободная стихия.
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный
В прощальный разлученья час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный,
10 Как часто по брегам твоим
Бродил я, тихий и туманный,
Тоской привычною томим.

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, мощнѣй глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы.

Ты тих, как сельская река,
И беднѣй парус рыбака,
Твоею прихотью хранимый,
20 Скользит поверх твоих зыбей.
Но ты взыграл — неодолимый, —
И тонет стая кораблей.

Не удалось навек оставить
Земли недвижнѣй, скучнѣй брег
И по зыбям твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован, —
Вотще рвалась душа моя;
Могучей страстью очарован,
30 У берегов остался я...

Не удалось... Но не забуду
Твоей торжественной красы;

Но долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, любовью полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Черновой автограф Авт₂ ст. 13—16 первой редакции
(ПД 835, л. 12)¹

- а. <   > скал твоих
б. Начато: Я²
в. <   > и я бро<д>ил<р>
г. <   > твои отзывы
д. Начато: Как я любил твой
е. Как я любил твои отзывы
И тишин<у>
ж. Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, тишину
И своенравные порывы
И
з. Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И своенравные порывы
И
и. <   > любил <   > молчанье³
Глухие звуки, бездны глас
И <   >
И свое<   >⁴
к. <   > любил твои отзывы
Глухие звуки, <   > глас
И тишину в веч<ерный> час
И своенравные порывы
Ты

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² Слово: Я осталось незачеркнутым.

³ Слово: молчанье осталось незачеркнутым.

⁴ Вероятно, Пушкин хотел заменить слово: своенравные словом: своевольные, однако сразу отказался от этого намерения и восстановил вычеркнутую часть слова. Начиная вычеркивание, он, по-видимому, собирался зачеркнуть и слово: порывы, но сразу же передумал, и слово осталось незачеркнутым.

Первоначальные варианты первой редакции в беловом автографе Авт₁
(ПД 835, л. 12 об.—13)¹

8		Подъемлешь ты в последний раз
10		Напрасно по берегам твоим
13—22	А	Отсутствуют.
	Б	Как я любил твои отзвывы
		Глухие звуки, мощный глас
		И тишину в вечерний час
	а.	Начато: И за⟨поздалые⟩⟨?⟩
	б.	И своенравные порывы.
		Ты тих как сельская река
		И бедный парус рыбака
		Твоею прихотью хранимый
		Скользит поверх твоих зыбей
		Но ты выиграл — неодолимый, —
	а.	И тонет стая кораблей
	б.	И гибнет стая кораблей
Между		
24 и 25		Тебя восторгами поздравить
27		Ты ждал меня... я был окован, —
36	а.	Перенесу тобою полн
	б.	Перенесу печали полн

Правка по тексту первой редакции в беловом автографе Авт₁
(ПД 835, л. 12 об.—13) с учетом второй, позднейшей,
вставки, записанной на правом поле л. 13²

Помета		
у заглавия		1824 ³
12	а.	Заветным замыслом томим.
	б.	Отважн⟨ым⟩ умыслом томим.
	в.	Заветным умыслом томим. ⁴
14		Глухие звуки, бездны глас ⁵
22	а.	И тонет стая кораблей
	б.	И стаи тонут кораблей

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² Нумерация стихов по тексту первой редакции. Правка в основном выполнена темными чернилами. Исключения составляют: помета: 1824, вписанная у заглавия светлыми чернилами; первоначальная запись вставки между ст. 30 и 31 на правом поле л. 13 светлыми чернилами; поправка в ст. 31 (вариант «а»), сделанная светлыми чернилами; последний слог правки в ст. 12, выполненный теми же светлыми чернилами поверх темных; карандашные поправки в ст. 14 и 24 (см. примеч. к этим стихам).

³ Помета вписана светлыми чернилами.

⁴ Поправка выполнена светлыми чернилами.

⁵ Поправка сделана карандашом.

- 24 Мне скучный, не(по)движный брег,¹
Между
 24 и 25 Тебя восторгами поздравить²
Между
 30 и 31³ А И что ж о чем жалеть³ куда же
 Меня бы вынес Океан —
 Судьба людей повсюду та же:
 а. Где капля блага, там на страже
 б. Где благ(о),⁴ там уже на страже
 а. Уж Просвещенье иль Тиран...
 б. Иль Просвещенье иль Тиран...
 Б *Вычеркнуто.*⁵
 31 а. И мне не жаль... Но не забуду⁶
 б. Прощай о море не забуду
 33 И долго долго слышать буду

Редакторская сводка чернового автографа Авт₃
(ПД 835, л. 18)

Что б дал ты мне — К чему бы ныне
 Я бег беспечный устремил
 Один предмет в твоей пустыне
 Меня б внезапно(?) поразил —

Одна скала — гробница славы!
 Там погружались (в) вечный сон(?)
 Воспоминанья величавы
 Там опочил Наполеон

¹ Поправка сделана карандашом; перестановка слов: не(по)движный и скучный отмечена цифрами: 2 и 1 над этими словами; форма слова: недвижимый осталась неисправленной.

² Стих, вычеркнутый на более раннем этапе работы, восстановлен.

³ Вставка записана на правом поле л. 13 светлыми чернилами; место вставки отмечено значком. Дальнейшая правка по тексту вставленных стихов выполнялась темными чернилами.

⁴ Форма слова: блага исправлена не была.

⁵ Вставка между ст. 30 и 31 была вычеркнута после того, как на л. 18 появился черновой автограф девяти строф, предназначавшихся для новой большой вставки между ст. 30 и 31 первой редакции. Под текстом вычеркнутой вставки были записаны в несколько измененном и неполном виде два первых стиха, которыми начинался черновик на л. 18. На л. 13 они получили следующий вид:

О чем жалеть куда бы ныне
 Я бег беспеч(ный)

Эти поправки сделаны темными чернилами. Впоследствии вычеркнутая на данном этапе вставка была использована при создании второй редакции стихотворения. Наме- рение использовать ее намечено записью под черновым автографом на л. 18:

Мир опустел... ( ) куда бы

⁶ Поправка сделана светлыми чернилами.

- ⟨И⟩ ныне остров [заточенья]
 10 Паломник русский посетит
 И ⟨ ⟩ слово прими⟨ренья⟩
 За нас на [камне⟨?⟩] начертит —
- Он искупил меча стяжанья
 И зло воинственных чудес —
 Тоской⟨?⟩ томлением⟨?⟩ изгнанья —
 Под сенью душн⟨ой⟩ тех небес
- Там устремив на волны очи
 Воспоминал он прежних дней
 ⟨ ⟩ Ужас Полуночи
 20 Кров⟨авый⟩ пра⟨х⟩ ⟨и⟩ стук мечей —
- Там иногда в ⟨ ⟩ пустыне
 Забыв войну потомство, трон
 Один один о юном⟨?⟩ сыне
 С улыбкой горькой думал⟨?⟩ он
- И опочил среди мучений
 Наполеон... как бури шум
 Другой исчез ⟨ ⟩ Гений
 Другой Властитель наших дум
- П⟨ре⟩д расцветающей⟨?⟩ Свободой
 30 ⟨ ⟩ конец —
 Завой вз⟨в⟩олнуйся непогодой
 Твой сын⟨?⟩ он⟨?⟩ ⟨ ⟩ твой певец
- Твой образ был ⟨ ⟩ означен
 И духом ⟨ ⟩
 Как ты глубок ⟨ ⟩
 И как [⟨нрзб⟩] ⟨ ⟩ неукротим
- Мир опустел... ⟨ ⟩ куда бы

Черновой автограф Авт₃
 (ПД 835, л. 18)¹

- 1—4 А Один предмет в твоей пустыне
 а. Начато: Меня привлек
 б. Меня бы грозно поразил —
 в. Меня б внезапно⟨?⟩ поразил —
 Б а. Чего ж искать я буду ныне —
 б. Чего ж еще искать бы ныне —

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

- в. Чего ж искал еще б я ныне —
 а. *Начато*: Мне
 б. Уже меня б не изумил
 в. *Начато*: Сред⟨ ⟩
 г. *Начато*: На
 д. И бег ⟨ ⟩ стремил⟨?⟩
 Один предмет в твоей пустыне
 Меня б внезапно⟨?⟩ поразил —
- В а. Куда зачем бы ⟨ ⟩ ныне —
 б. Куда зачем же⟨?⟩ ⟨ ⟩ ныне —
 в. Куда зачем быть мож⟨ет⟩ ныне —¹
 а. *Начато*: Ты
 б. *Начато*: Тв⟨ой⟩ грозный
 в. Твой глас меня б не ⟨нрзб⟩²
 Один предмет в твоей пустыне
 Меня б внезапно⟨?⟩ поразил —
- Г а. *Начато*: Чего б искал — куда
 б. Что б дал ты мне — К чему бы ныне³
 а. Я путь невол⟨ь⟩но устремил
 б. Я бег беспечный устремил
 Один предмет в твоей пустыне
 Меня б внезапно⟨?⟩ поразил —
- 5—8 А а. Одна скала — одна гробница
 б. Одна скала — ⟨ ⟩ гробница
 а. *Начато*: Одна среди
 б. *Начато*: Где спят
- Б Одна скала — гробница славы
 а. ⟨ ⟩ сон
 б. Наполеона ⟨ ⟩ сон
 в. Там⁴ оковал ⟨ ⟩ сон
 а. *Начато*: Следы
 б. ⟨ ⟩ мысли величавы
 а. Героя мысли величавы
 б. Героя думы величавы
 в. Гробницы⟨?⟩ думы величавы
 г. Изгнанья думы величавы
 а. Там опочил Наполеон
 б. Там угасал Наполеон
- В Одна скала — гробница славы
 а. Там ⟨ ⟩ сквозь тяжелый сон

¹ Слово: ныне осталось незачеркнутым.

² Вариант «в» остался незачеркнутым.

³ Следующий вариант этого стиха:

О чем жалеть куда бы ныне

записан на левом поле л. 13 под текстом вычеркнутой вставки между ст. 30 и 31 (см. примеч. 5 на с. 172).

⁴ Оставшееся незачеркнутым слово: Там позднее было записано еще раз.

- б. Там долго сквозь тяжелый сон¹
Слабели⟨?⟩ думы величавы
Там угасал Наполеон
- Г Одна скала — гробница славы!
а. Там погружались ⟨в⟩ хладный⟨?⟩ сон⟨?⟩
б. Там погружались ⟨в⟩ вечный сон⟨?⟩
а. Слабея думы величавы
б. Воспоминанья величавы
в. ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩ величавы
г. Воспоминанья величавы
Там опочил Наполеон
- 9—12 А а. *Начато*: Великий Враг! Я мнил
б. Великий Враг! Из заточенья
а. *Начато*: Твою
б. Я мнил ⟨   ⟩ посетить
в. Я мнил Изгнанье посетить
а. *Начато*: И стих
б. ⟨   ⟩ слово примиренья
в. Вздохнуть⟨?⟩ ⟨и⟩ слово примиренья
а. На гробе грозном начертить —
б. На камне⟨?⟩ грозном начертить —
в. На ⟨   ⟩ как прищ⟨   ⟩⟨?⟩ начертить —
- Б Великий Враг! Я заточень⟨е⟩²
а. Героя думал посетить
б. Владыки думал посетить
в. Владыки мнил⟨?⟩ ⟨   ⟩ посетить
а. Святое слово примиренья
б. Вздохнуть и слово примиренья
а. За Русь на [камне⟨?⟩] начертить —
б. За нас на [камне⟨?⟩] начертить —
- В а. *Начато*: Сей праздный камень⟨?⟩
б. *Начато*: Сей праздный остров
в. Померкший остров заточенья
г. Священный остров заточенья
в. Печальный остров³ заточенья
а. Я мнил ⟨   ⟩ посетить
б. Напрасно мнил ⟨я⟩ посетить
Святое слово примиренья
За нас на [камне⟨?⟩] начертить —⁴
- Г Пройдет ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩ я впечатленья
Не мог с тобой ⟨   ⟩
а. И в дерзком ⟨   ⟩ вдохновеньи

¹ Слова: сквозь тяжелый остались незачеркнутыми.

² Форма слова: заточенья не была исправлена.

³ В ходе дальнейшей работы над текстом слова: печальный остров оставались незачеркнутыми.

⁴ На этапе создания вариантов Г и Д последние два стиха оставались незачеркнутыми.

- б. И в смелом(?) < > вдохновенны
 в. И в горд(ом)(<?) < > вдохновенны
 < >¹
- Д Настанет <нрзб> я впечатленья²
 а. Начато: Души(<?) лишь там не
 б. Начато: Следы(<?)³ лишь там не
 < > вдохновенны⁴
 < >
- Е⁵ Печальный⁶ остров [заточенья]
 а. Без злобы русский посетит
 б. Без злобы путник⁷ посетит
- Ж Святое слово прими(ренья)
 За нас на [камне(<?)] начертит —
 <И> ныне остров [заточенья]
 [Про(<?)] Паломник русский посетит
 И < > слово прими(ренья)
 За нас на [камне(<?)] начертит —
- 13—16 А а. Начато: Несчастный
 б. Начато: Чудесный узник
 в. Начато: Бессмерт(ный) узник
- Б Уединенные страданья
 И зной безоблачных небес
- В Он искупил завоеванья
 И зло < > чудес —
 Мученьем < > изгнанья —
 < > небес
- Г а. Начато: Там искупил ты
 б. Он искупил завоеванья
 в. Он искупил меча стяжанья
 а. И зло воинственных чудес —
 б. И зло погибельных чудес —
 в. И гром воинственных чудес —
 г. И зло воинственных чудес —
 а. Покоем < > изгнанья —
 б. Тоской и гибелью изгнанья —
 в. Тоской мучением изгнанья —

¹ Ниже записаны отдельные наброски, возможно относящиеся к строфе о Байроне:

- а. Начато: Любимец
 б. Начато: Но <нрзб>
 в. Начато: Он мира вольного
 г. Начато: Он неба

² Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

³ Слово: следы(<?) осталось незачеркнутым.

⁴ Слово: вдохновенны подчеркнуто (возможно, Пушкин хотел его зачеркнуть и вместо этого случайно подчеркнул).

⁵ Варианты Е и Ж частично записаны на правом поле листа не ранее того момента, как был записан вариант Б ст. 13—16.

⁶ Слово: печальный осталось незачеркнутым.

⁷ Слово: путник осталось незачеркнутым.

- з. Тоско⟨ю⟩¹ долгого⟨?⟩ изгнания
 д. Тоской⟨нрзб⟩ и сном изгнания —
 е. Тоской далекого⟨?⟩ изгнания —
 ж. [⟨Начато нрзб⟩] Тоской⟨?⟩ томлением⟨?⟩ изгнания —
 а. Под зноем ⟨   ⟩ небес
 б. Под бременем [⟨начато нрзб⟩] чужих небес
 в. Под чуждой сенью ⟨   ⟩ небес
 з. Под сводо⟨м⟩⟨?⟩ ⟨   ⟩ небес
 д. Под сенью чуждой ⟨   ⟩ небес
 е. Под сенью душн⟨ой⟩ тех небес
 17—20 А Там устремив на волны очи
 а. Воспомнил о судьбе своей
 б. Он думал о² судьбе своей
 а. [О] ⟨   ⟩ о Полун⟨очи⟩
 б. О³ льдах [крова⟨вых⟩] железных⟨?⟩ Полуночи
 а. О милой Франции своей —
 б. О небе ⟨   ⟩ своей —
 Б Там устремив на волны очи
 Воспоминал ⟨   ⟩
 а. И льды ⟨   ⟩ Полуночи
 б. Льды и⁴ пожары Полуночи
 в. Пожары льян⟨ой⟩ Полуночи
 з. Пожар⁵ кровавый Полуночи
 д. Пожары льян⟨о⟩й Полуночи
 е. [По⟨?⟩] И⟨?⟩ льян⟨ы⟩й Ужас Полуночи
 ж. ⟨   ⟩ Ужас Полуночи
 И небо Франции своей —⁶
 В Там устремив на волны очи
 Воспоминал он прежних дней
 ⟨   ⟩ Ужас Полуночи
 а. Мязежный ⟨   ⟩ стук мечей —
 б. Кров⟨авый⟩ пра⟨х⟩ ⟨и⟩ стук мечей —
 21—24 А а. Начато: Египта зн⟨ойные⟩⟨?⟩
 б. ⟨   ⟩ Сирии пустыни
 в. Египта⁷ Сирии пустыни
 Б а. Начато: Он думал
 б. Начато: Он иногда⟨?⟩
 в. Начато: Он часто⟨?⟩
 з. Там иногда ⟨   ⟩ в пустыне

¹ Форма слова: Тоской исправлена не была.

² Предлог: о остался незачеркнутым.

³ Предлог: О остался незачеркнутым.

⁴ Союз: и остался незачеркнутым.

⁵ После того как слово: Пожар было зачеркнуто, рядом было начато: [по⟨?⟩]
[по⟨?⟩]

⁶ Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

⁷ Слово: Египта было зачеркнуто, восстановлено и снова зачеркнуто.

- д. <   > в [своей<?>] своей<?> пустыне
 Забыв <   > и трон
 <   >
 <   > думал он
- В Там иногда в <   > пустыне
- а. Забыв <   > славный трон
 б. Забыв <   > свой трон
 в. Забыв потомство, <   > трон
 г. Забыв войну потомство, трон
- а. *Начато:* Напр<асно>
 б. Невольно <   > [и д<?>] о юном<?> сыне
 в. Вперив<?> <   > о юном<?> сыне
 г. Несчастный о пленен<ном> сыне
 д. Один один о юном<?> сыне
 а. *Начато:* С улыбкой¹ <   > мы<слил<?>
 б. С улыбкой горькой думал<?> он
- 25—28² А а. И жертвой <   > и мучений
 б. И жертвой Славы и³ мучений
 а. *Начато:* Угас — и вслед ему
 б. <   > ему вслед
 в. <   > и вслед за ним
 а. *Начато:* Угас другой
 б. Другой угас <   > Гений
 в. Другой угаснул чудный Гений
 г. Другой ушел<?> чуд<ес>ный⁴ Гений
Начато: [Вла] Властитель чув<ств>
- Б а. <   > мучений
 б. Он <   > среди мучений
 а. И опочил и вслед исчез —
 б. Он⁵ опочил и вслед исчез —
 в. [*Нрзб*] <   > и вслед исчез —
 г. <   > и вслед исчез —
 а. Другой народам<?> <   > Гений
 б. Другой земле посланный Гений
 в. Другой земле блесн<увший> Гений
 г. Другой <   > Гений
 а. <   > наших слез —
 б. Другой Властитель — наших слез —
- В Он <   > среди мучений
 И вслед⁶ исчез — как бури шум

¹ Слова: С улыбкой были зачеркнуты и восстановлены.

² Работа продолжена на левом поле листа.

³ Союз: и остался незачеркнутым.

⁴ Форма слова: чудный исправлена не была.

⁵ Слово: Он осталось незачеркнутым.

⁶ Слова: И вслед остались незачеркнутыми.

- Другой <   > чуждый(?)¹ Гений
 а. Другой Властитель чувств и² дум —
 б. Другой Властитель [*<нрзб>*] [*<нрзб>*] наших дум
 Г И опочил среди мучений
 Наполеон... как бури шум
 Другой исчез <   > Гений
 Другой Властитель наших дум —
 29—32 А [Уж нет его] Уж нет его — ты опустел(о)
 а. <   > Байрон <   >
 б. <   > твой *<нрзб>* певец³
 Б Уж нет его⁴ <   >
 <   > твой *<нрзб>* певец
 а. *Начато*: В виду
 б. Пред воскресающе(й) Свободой
 Он встретил гордо свой конец —
 В Уж нет его <   >
 <   > твой *<нрзб>* певец
 Обняв воскрес(шую)⁵ Свобод(у)⁶
 Нашел (он) гордо свой конец —
 Г П(ре)д⁷ [воскр] расцветающей(?) Свободой
 <   > конец —⁸
 а. *Начато*: Шуми о море
 б. Шуми вз(в)олнуйся непогодой
 в. Завой вз(в)олнуйся непогодой
 а. <   > твой певец
 б. [Войны(?)] Твой сын(?) он(?) <   > твой певец⁹
 33—36 А а. Твой жребий был ему означен
 б. Твой образ был¹⁰ ему означен
 а. *Начато*: [Он был] Он бы(л)
 б. *Начато*: Он д(у)хом(?)¹¹
 в. *Начато*: И духом¹²

¹ Под словом: чуждый(?), записанным слева от слова: Другой, поставлена птичка; такая же птичка, указывающая место этого слова в стихе, поставлена после слова: Другой. На следующем этапе работы над стихом вторая птичка была зачеркнута, а слово: чуждый(?) осталось невычеркнутым.

² Слова: чувств и остались незачеркнутыми.

³ Буква: п в слове: певец записана поверх ошибочно записанной буквы: б

⁴ Слова: Уж нет его были зачеркнуты и восстановлены.

⁵ В автографе описка: воскресей

⁶ Форма слова: Свободой исправлена не была.

⁷ В автографе описка: под

⁸ Дальнейшие записи делались на оставшейся свободной правой нижней части листа.

⁹ Под ст. 32 расположен ст. 37, запись которого указывает на намерение использовать вычеркнутую вставку между ст. 30 и 31 первой редакции (см. примеч. 5 на с. 172). Однако затем Пушкин решил добавить еще одну строфу, следующую за ст. 32, и стал записывать ст. 33—36 на левом поле листа, выше уже занявших нижнюю часть этого поля ст. 25—30 и вариантов А—В ст. 31—32.

¹⁰ Незачеркнутое слово: был записано еще раз.

¹¹ В автографе, вероятно, описка: дохом(?); это слово осталось незачеркнутым.

¹² Следующие записи размещены на левом поле листа, выше предыдущих.

- а. *Начато*: Он был < > п< > < ? >
 б. *Начато*: Как ты
 Как¹ < > неукротим
 Б Твой образ был < > означен
 И духом < >
 Как ты² глубок < >
 И как [⟨нрзб⟩] < > неукротим³
 37 а. Мир опустел... < > куда бы
 б. Мир опустел... [еще] куда бы⁴

*Варианты второй редакции
 (по беловому автографу Авт₄)⁵*

- Заглавие* Морю
 6 а. В прощальный разлученья час
 б. *Как в тексте.*
 17 а. Беспечный парус рыбарей
 б. *Как в тексте.*
 19 а. *Как в тексте.*
 б. Скользит беспечно средь зыбей...
 26 Мой поэтический побег!
 32 а. Я бег беспечный устремил?
 б. Я путь отважный устремил?
 34—35 Мою бы душу поразил,
 Одна скала, гробница славы.
 37 Воспоминанья величавы...
 43—46 А Взволнуйся, море, непогодой
 Твой сын⁶ любимый, твой певец
 Исчез, оплаканный Свободой,⁷
 Оставля миру свой венец!

¹ Слово: Как оставалось незачеркнутым.

² Слова: Как ты, которые не были зачеркнуты, записаны еще раз.

³ Вариант Б остался незачеркнутым, однако за ним последовали незавершенные пробы переработки строфы, также оставшиеся незачеркнутыми:

- А Он был один⟨ ? ⟩ < >
 Как ты глубок < >
 Как < > неукротим
 Б а. *Начато*: Как
 б. *Начато*: ⟨Нрзб⟩
 в. *Начато*: Ваш бурн⟨ый⟩
 г. *Начато*: Ваш гроз⟨ный⟩⟨ ? ⟩
 д. Судьбой он был ему назначен
 е. Ему [не] < > бы⟨л⟩ назначен

⁴ См. примеч. 5 на с. 172 и примеч. 9 на с. 179.

⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

⁶ Слова: Твой сын исправлены из начатого: Вой, вой

⁷ В слове: Свободой заглавная буква: С исправлена из строчной.

- Б Взовлуйся ж, море, непогодой
Твой верный Байрон, твой певец
Исчез, оплаканный Свободой,
а. Оставляя нам ( ) венец!
б. Кумиром избранных сердец
- В Вычеркнуто.
- Г¹ Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец
а. Ты взволновалось непогодой
б. Ревн(?) ж(?) взволн(уйся)² непогодой
Он был о море твой певец
- 47—50 А Отсутствуют
Б³ Твой образ был на нем означен —
Он духом создан был твоим
а. Он был как ты глубок и мрачен
б. Как ты глубок могущ и мрачен
Как ты ничем неукротим
- В Как в тексте.
- 51—52 а. Мир опустел... и что ж? куда же
Меня бы вынес, Океан?
б. Мир опустел... теперь куда же
Меня бы вынес, Океан?
в. Мир опустел... увы! куда же
Меня бы вынес, Океан?
г. Мир опустел... меня куда же
Играя б вынес, Океан?
д. Мир опустел... теперь куда же
Меня б ты вынес, Океан?⁴
- Вм. 53—54 Судьба земли повсюду та же
Где капля блага, там на страже
Уж Просвещение иль Тиран
- 57 а. И долго, долго помнить буду
б. Как в тексте.
- 59 а. В леса в пустыни отдаленны
б. Как в тексте.
- 62 а. И блеск, и шум, и говор волн
б. Как в тексте.

Монограмма
под текстом

АП

¹ Новые варианты ст. 43—44 вписаны на левом поле листа. Появление этих вариантов повлекло за собой не отмеченное в автографе восстановление других двух строк, которые первоначально занимали место ст. 43—44, а затем были переставлены на место ст. 45—46 и тут же подвергнуты правке.

² Форма слова: Взволновалось осталась неисправленной.

³ Ст. 47—50 вписаны на левом поле листа после того, как сложился вариант Б ст. 43—46. Место вставки обозначено крестом.

⁴ Ст. 43—52 отчеркнуты слева горизонтальными штрихами — возможно, таким образом отмечена часть текста, подвергшаяся наиболее серьезной правке и требующая переписки.

Варианты и разночтения Мнем¹

21	И тонет стая кораблей ²
26	Мой поэтический набег! ³
29	Могущей страстью очарован
<i>Примеч.</i>	
к ст. 42	Байрон
45	Реви, волнуйся непогодой,
<i>Между</i>	
51 и 55	<i>Пробел</i> ⁴
57	И долго, долго помнить буду ⁵
58	Твой шум в вечерние часы!

Варианты и разночтения

Ст 1826⁶*Заглавие**в оглавлении*

	К морю. 1824
19	Скользит беспечно средь зыбей:
32	Я путь отважный устремил ²
51—52	Мир опустел... Теперь куда же
	Меня б ты вынес, океан ²

*Фрагмент, соответствующий ст. 51—54 основного текста,
в копиях Вяз и Барат*

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан²
Судьба земли повсюду та же,
Где капля блага, там на страже

— — — — —

¹ Нумерация стихов по основному тексту. Строфическое деление графически отмечено знаками тире, проставленными в конце ст. 8, 12, 16, 21, 34, 38, 44, 50.

² Вероятно, ошибка, допущенная при публикации.

³ Явная ошибка, допущенная при публикации.

⁴ В издательском примечании к ст. 51 сказано: В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оно, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. Изд (атели).

⁵ Вероятно, ошибка, допущенная при публикации.

⁶ Нумерация стихов по основному тексту.

Разночтения данного фрагмента
в копиях Пщн, Акс, МД, Алм, Нейш₁, Щер, Отб, Нейш₂, Долг, ВВ₈,
Лон—Полт, Ал, и публикациях Кав, Лб, БЗА, БЗМ, Генн. 1859
и Ефр. 1880 с текстом Вяз и Барат¹

1	Мир опустел: — — —	Алм
2	Меня бы вынес океан?	Пщн, МД, Нейш ₁ , Нейш ₂ , Лон—Полт, Долг
3	Судьба людей повсюду та же,	БЗА, БЗМ, Ефр. 1880
5	.....	Пщн
5	С..... Т — — ²	Акс
5	Иль Самовластье иль тиран.	МД, Долг, Ефр 1880
5	Стоит неистовый тиран.	Нейш ₁ , ВВ ₈ , Кав, Лб
5	И самовластье и тиран.	Нейш ₂ , Лон—Полт
5	Коварство, злоба и тиран.	Ал
5	Непросвещенье иль ..... ³	БЗА
5	Иль суеверье, иль тиран.	БЗМ
5	Коварство, злоба и ..... ⁴	Генн 1859

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗУРУ

(«На скользком поприще Т〈имковского〉 наследник!..»)

(С. 16)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 21—22)

1—2	На трудном поприще Тим〈ковского〉 наследник	
	Позволь себя обнять мой старый собеседник —	
3—4	А < >	
	< > цензурой притеснен —	
	Б а. Недавно я тобо〈й〉 невинно〈?〉 притеснен —	
	б. Недавно < > безвин〈 > притеснен —	
	а. Твоей цензурою < > обижен < >	
	б. Твоей цензурою < > лишен —	
	В Недавно тяжкою〈?〉 цензурой притеснен —	
	а. То смысла〈?〉 < > лишен —	
	б. Последних жалких прав без милости лишен —	

¹ Нумерация стихов по тексту данного фрагмента в копиях Вяз и Барат. В копии Алм после ст. 1 пять строк тире. В копии Щер после ст. 4 две строки отточий. В копии Отб после ст. 2 две строки отточий. В копии Лон—Полт, где содержится только данный фрагмент, он приведен под заглавием: Пропущенные стихи в пьесе «К морю», с примечанием: Эта пьеса напечатана в изд. Анненкова т. II, стр. 354, 355 и 356. Помещенные здесь стихи должны находиться на стр. 355, после слов в 1-й строке: «Мир опустел .....».

² Возможно, сокращенная запись стиха: Стоит неистовый тиран — ср. ст. 5 в копиях Нейш, ВВ₈, Кав и публикации Лб.

³ Количество точек соответствует количеству букв в слове «тиранъ».

⁴ Количество точек соответствует количеству букв в слове «тиранъ».

- 5 а. С своею⟨?⟩ братией гонимый совокупно
б. Со всею братией гонимый совокупно
- 6 а. *Начато*: С т⟨ ⟩
б. Тогда проговорил с тобой немного к⟨рупно⟩
в. Тогда я говорил с тобой немного к⟨рупно⟩
г. Быть может говорил с тобой немного к⟨рупно⟩
д. *Начато*: Я как-то порицал⟨?⟩¹
е. Я как-то говорил с тобой немного к⟨рупно⟩
ж. Я каюсь говорил т⟨е⟩бе² немного к⟨рупно⟩
- 7 а. Потешил языка бранчливую свербежь —
б. Потешил жалобой⟨?⟩ бранчливую свербежь —
в. Потешив языка бранчливую свербежь —
- 8 Но извини меня — мне было невтерпеж —
- 9—10 А ⟨ ⟩ журналы разбирая
⟨ ⟩ стишонки отрывая
Б Теперь в моей глуши журналы раздирая
а. И бедной братии стишонки разбирая
б. И братии свое⟨й⟩⟨?⟩ стишонки разбирая
в. И бедной братии стишонки разбирая
- 11—12 А Обрадовался я³ — заметя вдруг по ним —
Б а. На⟨?⟩ что⟨?⟩ мне⟨?⟩ иногда ⟨ ⟩ досуг
б. (А благо иногда ⟨ ⟩ досуг
в. (Теперь мне ⟨ ⟩ их услуг —
г. (А благо мне читать бо⟨льшой⟩ теперь дос⟨уг⟩
д. (И благо мне читать бо⟨льшой⟩ теперь дос⟨уг⟩
Обрадовался я — по им заметя вдруг
- 13—14 А ⟨ ⟩ образ мысли новый —
⟨ ⟩ венок тебе лавровый —
Б а. В тебе ⟨ ⟩ твой образ мысли новый —
б. В тебе и правил⟨а⟩ и образ мысли новый —
в. В тебе и правил⟨а⟩ и мысли образ новый —
а. Ты право поумнел! венок тебе лавровый —
б. Ты право заслужил венок себе лавровый —
в. Ей-ей ты заслужил венок себе лавровый —
г. Ура! ты заслужил венок себе лавровый —
- 15—20 А а. *Начато*: За смелость
б. *Начато*: По смелости
в. *Начато*: Ты
г. *Начато*: То⟨?⟩
д. *Начато*: Ты чудо, ты⁴ Герой
е. По твердости души, по смелости ума —
Цензура⁵ ⟨ ⟩ неу⟨жель?⟩ ⟨ ⟩ сама

¹ *Начатое и тут же отмененное исправление; слова: с тобой немного к⟨рупно⟩ оставались при этом незачеркнутыми.*

² *Исправление слова: тобой на: тебе не доведено до конца.*

³ *Местоимение: я вписано.*

⁴ *Над словом: ты записано (возможно, начато) неразборчивое слово.*

⁵ *Слово: Цензура было записано дважды.*

- Б а. *Начато:* Давай
 б. *Начато:* Ты⟨?⟩ нам⟨?⟩ давай
 в. *Начато:* Давай ты нам ⟨нрзб⟩
 г. *Начато:* Ты нам да⟨в⟩ай свои
 По твердости души, по смелости ума —
- В¹ По твердости души, по смелости ума —
 а. *Начато:* Но изумля⟨лась⟩
 б. Но изумилась и поэзия сама
 в. Как изумилась и поэзия сама
 а. Когда позволили по милости чудес⟨но⟩й
 б. Когда дозволил ей по милости чудес⟨но⟩й
 в. Когда ты⟨?⟩ возгласил⟨?⟩ из⟨?⟩ милости
 чудес⟨но⟩й
 г. Когда ты разрешил лишь² милост⟨ью⟩³ чудес⟨но⟩й
 д. Когда ты разрешил ей милост⟨ью⟩ чудес⟨но⟩й
 а. ⟨   ⟩ Красоту — ⟨   ⟩ божественной небесной
 б. Словами Красоту божественной небесной
Начато: И Ангельской (для рифмы)
- Г По твердости души, по смелости ума —
 Как изумилась и поэзия сама
 Когда ты разрешил ей милост⟨ью⟩ чудес⟨но⟩й
 Заветные слова⁴ божественный небесный
 а. *Начато:* И Красоту (для рифмы)
 б. И тихо⟨?⟩ назвалась ⟨   ⟩ Красота
 Без оскорбления ⟨   ⟩ Христа —
Начато: И ими⟨?⟩
- Д По твердости души, по смелости ума —
 Как изумилась и поэзия сама
 Когда ты разрешил ей милост⟨ью⟩ чудес⟨но⟩й
 Заветные слова божественный небесный
 И ими назвалась (для рифмы) Красота
 а. Не оскорбилось тем величие Христа —
 б. Да⟨?⟩ ⟨   ⟩ тем ⟨   ⟩ Христа —
 в. Не оскорбилось тем ⟨   ⟩ Христа —
- 21 а. *Начато:* Но что теб⟨я⟩
 б. Но что же вдруг тебя, скажи мне пременило —
- 22 а. И твой суровый нрав во благодать обратило —
 б. И твой⁵ кичливый нрав во благодать обратило —
 в. *Начато:* И нрава твоего⁶ кичливость⁷
 г. И твой суровый нрав во благодать обратило —

¹ Варианты В, Г и Д ст. 16—20 записаны после ст. 38, на л. 21 об. Место вставки не обозначено, оно определяется по основному тексту.

² Слово: лишь осталось незачеркнутым.

³ Форма слова: милости осталась неизменной.

⁴ Слова: Заветные слова зачеркнуты и восстановлены.

⁵ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: твой оставалось незачеркнутым.

⁶ Слова: нрава твоего зачеркнуты и записаны еще раз.

⁷ Слова: нрава твоего кичливость остались незачеркнутыми.

- 23 а. *Начато:* И
 б. Стихи <   > хоть очень я люблю
 в. Свои стихи хоть очень я люблю
 г. Винюсь мои стихи отменно я люблю
 д. Хоть <   > стихи отменно я люблю
 е. Винюсь мои стихи отменно я люблю
 ж. Хотя¹ свои стихи отменно я люблю
- 24 а. Хоть знаю, что прочел [т(?)] ты жалобу² мою
 б. Хоть знаю, что чи(тал)(?) ты жалобу мою
 в. Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою³
- 25 а. Но скромн я душой — <   > и твоею
 б. Но скромн я душой и переменой сею
 в. [Я] Я скромн хоть поэт и переменой сею
 г. Но скром(ен) <   > сею
 д. Но признаюсь(?) <   > переменой сею
 е. <   > переменой сею
- 26 а. <   > гордиться я не смею
 б. Я <   > изумлен⁴ — гордиться я не смею
 в. Сердечно ра(д)(?) <   > — гордиться я не смею
 г. Признать(ся) изумлен — гордиться не посмею
 д. Приятно изумлен — гордиться не посмею
- 27—28 А а. Я скромн хоть поэт — я знаю почему —
 Б а. [Хоть] Хоть подразнить тебя <   >
 Но ныне я для
 б. И похвалив тебя по долгу моему
 в. Я подразнил тебя по долгу моему
 Но сметь тебя учить я ведаю кому —
- 29 а. Обязана <   > Россия —
 б. Расправой новою обязана Россия —
- 30 а. Обдумав наконец намеренья благие
 б. Обдумав в тишине намеренья благие
 в. Обдумав <   > намеренья благие
- 31 а. Министра честного — <   > царь избрал —
 б. Министра честного наш добрый царь избрал —
 в. Министра верн(ого) наш добрый царь избрал —
 г. Министра <   > наш добрый царь избрал —
- 32 а. *Начато:* И просвещ(ен)ие
 б. И просвещ(енья)⁵ огонь свободнее вспылал —
 в. Правление наук он ныне восприял —
- 33—34 А а. Сей старец — Муз <   > любитель просвещ(енный)
 б. Сей старец — наших Муз любитель просвещ(енный)

¹ Слово: Хотя исправлено из: Хоть

² Слово: жалобу вписано.

³ Над стихом записано и зачеркнуто 3 неразборчивых слова и дважды начаты и зачеркнуты неразборчивые слова. Слева на полях намечен вариант переработки стиха: [Хоть верю <   > мою(?)]

⁴ В ходе дальнейшей работе над стихом слово: изумлен оставалось незачеркнутым.

⁵ Первоначально записанная форма слова: просвещ(ен)ие исправлена не была.

- а. *Начато:* Свой
 б. *Начато:* Со славою
 в. Со славой родины < > почтенный
 Б Сей старец — дорог нам < > для народа
 а. *Начато:* Со славой носит<?>
 б. Он блещет славо<ю>¹ 12-го года
 В Сей старец — дорог нам он блещет для народа
 Бессмер<тно>й славо<ю> 12-го года
 35 а. *Начато:* Он М<уз><?>
 б. Он русских < > осенил
 в. Один он русских < > осенил
 г. Одних < > он Муз < > любил
 д. Один в < > он Муз любил
 е. Среди нынешних вельмож один он Муз любил
 ж. Один в толпе<?> вельмож он р<усских> Муз любил
 36 а. *Начато:* И под
 б. И сиротствующих<?> и призрел<?> и хранил
 в. Как милых<?> < > и призрел<?> и хранил
 г. Как милых<?> < > надеждой<?> оживил
 д. Призвал<?> < > надеждой<?> оживил
 е. < > [о<?>] он оживил
 ж. Осиротелых их² призвал и осенил
 з. Их незамеченных призвал и осенил
 37 а. От<?>³ < > венка Екатерины
 б. Осиротелого венка Екатерины
 38 а. *Начато:* И в
 б. *Начато:* Один <нрзб> в<?> стихи<?>
 в. Успел<?> <нрзб> < > листок единый⁴
 г. Хранил<?> он<?> < > листок единый⁴
 д. *Начато:* [О<?>] Листы лавровые
 е. < > лавровую⁵ < >
 ж. *Начато:* [И<?>] От
 з. < > спа<са>л он лавр един<ый>
 и. От хлада на<ши>х дней спа<са>л он лавр
 един<ый>⁶
 39—44 А а. Он сам негодовал когда глупец и трус
 б. Он сам негодовал когда святой глупец
 Б а. *Начато:* С<?>
 б. *Начато:* Гна<ла?>
 в. Благочестивая, смиренная душа
 Гнала стыдливых муз⁷ спасая Бантыша

¹ Форма слова: славой исправлена не была.

² Слово: их осталось не зачеркнутым.

³ Слово: От<?> было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Слова: листок единый остались не зачеркнутыми.

⁵ Слово: лавровую осталось не зачеркнутым.

⁶ Далее, перейдя на л. 21 об., Пушкин записал варианты В, Г и Д ст. 16—20.

⁷ Слово: муз вписано.

- В Он с нами сетовал когда святой отец —
- а. Турецкого кади прияв за образец —
- б. Омара да < > прияв за образец —
- в. < > грешника <?> прияв за образец —
- а. Старался утешить в России просвещение —
- б. Усердно утешить старался¹ просвещение —
- а. *Начато*: Апостол Криднерши
- б. Во славу Господа себе < > утешенье
- в. В угодность Господу себе во прослав(ленье)
- г. В угодность Господу [душ(е)] [и] [себе] во
<начато нрзб> и в <начато нрзб>
- д. В угодность Господу < > и² утешенье
- е. В угодность Господу себе на утешенье
- ж. В угодность Господу себе на < >
<Благочестивая, смиренная душа>
Карала чистых Муз — [спас(а)я] с<пас>ая
<Бантыша>³
- 45 а. *Начато*: Подлец и вертопрах
- б. И помогал ему Магницкий благородный —
- в. И помогал ему Магницкий благородный:
- 46 а. *Начато*: И глупенький
- б. И бедный разумом но чество превосходный
- в. И глупый<?> разумом но сердцем превосходный
- г. Муж твердый разумом но духом — превосходный
- 47—48 А а. *Начато*: Казн<?>
- б. И Рунич — Галича креститель и пророк
- в. *Начато*: Пророк
- г. *Начато*: Крес<титель?>
- а. И даже ма<ленький?> Кавелин-дурачок —
- б. За ними смиренный Кавелин-дурачок —
- Б а. *Начато*: Пророк
- б. *Начато*: Крес<титель?>
- в. И даже смиренный Кавелин-дурачок —
- г. И даже издали⁴ Кавелин-дурачок —
- д. И даже наконец Кавелин-дурачок —
- а. Креститель Галича, Магницкого пророк —
- б. Креститель Галича, безграмотный дьячок
- в. Креститель Галича, Магницкого [дьячок]
- 49 а. И вот кому царя < > руки
- б. И вот кому царя доверчивые руки
- в. И вот о боже мой в чьи пакостные руки

¹ Перестановка слов: Старался и утешить отмечена цифрами: 2 над словом: Старался и 1 над словом: утешить

² Союз: и остался незачеркнутым.

³ Пушкин записал переработанную часть ст. 43—44, первоначальный вариант которых был уже записан выше (см. вариант Б ст. 39—44).

⁴ Слово: издали осталось незачеркнутым.

- 50 Вверяли бедные, безвинные Науки
 51 а. Вот < > кому ты должен был внимать
 б. О Цензор вот кому повиновался ты
 в. Цензура вот кому подвластна ты была!..
 52 Но полно — мрачная Година протекла —
 53 а. *Начато*: Священный
 б. < > светильник просвещения —
 в. И ярче уж горит светильник просвещения —
 54 а. *Начато*: Я жд<ал?>
 б. Я с переменою < > правленья
 55 а. *Начато*: Ждал<?>
 б. От<ст>авки Ценз<ора> признаться ожидал —
 56 а. *Начато*: Но делать
 б. Но после<?> < > устоял —
 в. Но несмотря<?> на то<?> ты < > устоял —
 г. Но сам не зн<ая как> < > ты тут устоял —
 57 а. И тотчас <я> спешу приятелей поздравить —
 б. Я тотчас <же> спешу приятелей поздравить —
 в. И я спешу тебя приятель мой поздравить —
 г. Итак спешу тебя приятель мой поздравить —
 58 а. *Начато*: И маленький со<вет>
 б. А между тем совет для памяти оставить —
 59 Будь строг, но будь умен — не просят у тебя
 60 а. *Начато*: Чтоб всеми
 б. Чтоб все законные¹ преграды истребя —
 в. Чтоб все цензурные преграды истребя —
 г. Чтоб все законные преграды истребя —
 61 а. *Начато*: [И] [<нрзб>]
 б. Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 62 а. *Начато*: Ты русскому
 б. Ты нашим господам позволил самовластно
 63—64 А а. *Начато*: Но смиренному
 б. < > прелести<?> стихов или смиренной прозы
 в. *Начато* нрзб
 Б Права свои храни<?> по долгу своему
 а. Но мирным Истинам, но резвому Уму
 б. Но скромной Истине, но чувству иль Уму
 в. Но скромной Истине, но мирн<ому> Уму
 65 а. И даже Глупости невинной и счастливо<й>
 б. И даже Глупости невинной и <нрзб>
 в. И даже Глупости невинной и счастливо<й>
 г. И даже Глупости невинной и довольной
 66 а. Не заграждай пути расправой своевольной —
 б. Не заграждай пути заставой своевольной —
 67 И ежели в плодах досужного пера

¹ При записи варианта «в» слово: законные оставалось незачеркнутым.

- 68 а. *Начато*: Не видишь иногда велико⟨го⟩
 б. Порою не найдешь больш⟨ого⟩ ты добра
 в. Не видишь ⟨ ⟩ больш⟨ого⟩ ты добра
 г. Порою не найдешь больш⟨ого⟩ ты добра
- 69 а. *Начато*: Когда намерений преступ⟨ных⟩
 б. Когда не видно в них намерений развратных
 в. Когда не видно в них мятежного разврата
 г. Когда не видно в них намерений¹ разврата
 д. Когда не видно в них мятежного² разврата
- 70 а. *Начато*: Когда соблюдены приличья
 б. *Начато*: И пр
 в. Престолам алтарям — ⟨ ⟩ супостата
 г. Престолам алтарям и³ нравам супостата
 д. Престолам алтарям иль нравам супостата
- 71 а. *Начато*: Внимательно
 б. *Начато*: Прочти внимательно
 в. *Начато*: Сопер⟨никам?⟩
 г. То авт⟨о⟩ру⁴ ⟨ ⟩ желаньи от души
 д. То сч⟨астья⟩ авт⟨о⟩ру жела⟨я⟩⁵ от души
 е. То славы авт⟨о⟩ру жела⟨я⟩ от души
- 72 а. Тогда махни рукой и смело подпиш⟨и⟩⁶
 б. Махни ему пером — и смело подпиш⟨и⟩
 в. Смелей⟨?⟩ ма⟨хни⟩⟨?⟩ пером⟨?⟩ — и смело подпиш⟨и⟩

*Первоначальные варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 31—32 об.)*

- 2 Позволь обнять тебя, мой давний собеседник.
 11 а. (А благо, мне читать большой теперь досуг)
 б. (Теперь же мне читать всегда большой досуг)
 15 *Начато*: По
 25 Хоть этим и горжусь — — но переменной сею
 27 а. Я подразнил тебя по долгу моему
 б. Я говорил тебе по долгу моему
 в. Я правду говорил по долгу моему
 28 Но мне ли исправлять[?] я ведаю кому
 29 а. Расправой новой обязана Россия.
 б. Цензурой новой обязана Россия.
 31 а. Министра честного нам добрый царь избрал
 б. Министра нового наш добрый царь избрал
 32 а. Шишков правление Науки восприял
 б. Ш— уже Наук правление восприял

¹ Слово: намерений подчеркнуто.

² Слово: мятежного зачеркнуто и восстановлено.

³ Союз: и остался незачеркнутым.

⁴ В автографе описка: автуру

⁵ Слово: желаньи исправлено не было.

⁶ В автографе описка: подпиши

- 33—34 а. Сей старец дорог нам: он блещет для народа
 б. Сей старец дорог нам: он славен для народа
 в. Сей старец дорог нам: блистая для народа
 г. Сей старец дорог нам: блистая средь народа
 д. Сей старец дорог нам: он блещет у народа¹
 а. Священной памятью 12 года
 б. Священной славою 12 года
- 36 Их незамеченных призвал, соединил
- 37—38 От хлада наших дней спасал он лавр единый
 Осиротелого венца Екатерины —
- 41—42 Усердно потушить старался просвещение
 В удобность Господу, себе на утешенье
- 46 а. Муж твердый [раз(умом)] и сердцем превосходный
 б. Муж твердый в правилах и сердцем превосходный
- 47 а. *Начато:* А с н(им)
 б. И даже бедненький Кавелин-дурачок
- 49 а. И вот, о боже мой, в чьи пакостные руки
 б. И вот, за их грехи, в чьи пакостные руки
- 50 Вверялись бедные, несчастные науки!
- 52 Но полно: черная година протекла
- 53 *Начато:* Я²
- 54 а. Я с переменою высокого правленья
 б. Я с переменою обширного правленья
- 55 *Начато:* П(признаться)(?)
- 56 Но сам не знаю как ты видно устоял
- 57 Итак я поспешил приятеля поздравить
- 58 а. И между тем совет для памяти оставить
 б. А между тем совет на память вам оставить
- 67 а. И если ты в плодах досужного пера
 б. И если мы³ в плодах досужного пера
- 69 Когда не видно в них намерений разврата
- 71 *Начато:* Же(лая)
- 72 а. Махни ему рукой и смело подпиши.
 б. Махни себе рукой и смело подпиши.

*Варианты белого автографа ст. 30—38 в письме к П. А. Вяземскому
 (ПД 1286, л. 1 об.)*

- 32 Шишков уже наук правленья восприял.
 33 Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
 34 Священной памятью двенадцатого года,
 37—38 От хлада наших дней спасал он лавр единый
 Осиротевшего венца Екатерины

¹ Предлог: у остался незачеркнутым.

² Вероятно, описка.

³ Замена местоимения: ты на: мы либо была сделана по ошибке, либо явилась начатым и сразу же отмененным исправлением.

Разночтения копий ЛП, Н, Дол₂, Долг, Тих, Бар, Полт₂,
Лон—Полт, Ал, Даиш, Е¹

Заглавие	Второе послание Цензору.	ЛП
Заглавие	К цензору 2	Дол ₂
Заглавие	К цензору	Долг
Заглавие	Цензору	Тих, Полт ₂ , Ал, Даиш
Заглавие	Цензору. 2	Бар
Заглавие	К нему же (цензору)	Лон—Полт
Заглавие	Второе послание	Е
1	На скользком поприще Тимковского наследник!	Н, Дол ₂ , Долг, Бар, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е
2	Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.	ЛП, Н, Дол ₂ , Долг, Бар, Лон—Полт, Ал, Даиш
3	Недавно, тяжкою цензурой угнетен,	Дол ₂ , Долг, Тих, Бар, Полт ₂ , Лон— Полт, Ал, Даиш
7	Потешил языка бранчивую свербежь —	ЛП, Н, Дол ₂ , Долг, Тих, Бар, Полт ₂ , Лон—Полт, Ал, Даиш
11	(А благо мне читать теперь большой досуг),	Н, Долг, Полт ₂ , Лон—Полт, Ал, Даиш
11	(А благо мне читать большой теперь досуг),	Бар
11	(А благо мне читать охота и досуг),	Тих
11	А благо мне теперь читать большой досуг.	Дол ₂
15	И твердостью души, и твердостью ума.	Даиш
27	Отнесся я к тебе по долгу своему;	ЛП
31	Министра честного нам добрый царь избрал,	ЛП
31	Министра нового нам добрый царь избрал,	Тих
32	Шишков уже наук правление восприял.	ЛП, Н, Дол ₂ , Долг, Лон—Полт, Ал, Даиш,
33	Сей старец дорог нам: он блещет средь народа	ЛП, Н, Дол ₂ , Долг, Тих, Бар, Полт ₂ , Лон—Полт, Ал
33	Сей старец дорог нам, он блещет меж народа	Даиш
34	Священной памятью двенадцатого года;	ЛП, Н, Дол ₂ , Долг, Тих, Бар, Полт ₂ , Лон—Полт, Ал, Даиш

¹ В Дол₂, Бар, Лон—Полт, Ал и Даиш с пропуском ст. 8. В Бар с примечанием: При-
мирительное послание. Писано в Михайловском. В копии Е только ст. 1, 19—20, 30—31,
37—57 (в ст. 57 только первые три слова).

- 35 Один среди вельмож он русских муз любил, *Н, Дол₂, Долг, Бар, Тих, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш*
- 37 От хлада наших дней укрыл он лавр единый¹ *ЛП*
- 37 От хлада наших дней сберег он лавр единый¹ *Н*
- 37 От хлада наших лет сберег он лавр единый *Дол₂, Долг, Тих, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 38 Осиротелого венца Екатерины. *ЛП, Н, Дол₂, Долг, Тих, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 39 Он с нами сетовал, когда святой отец, *ЛП, Н¹*
- 40 Омара да Али приняв за образец, *Н, Тих, Бар, Ал, Даиш, Е*
- 40 Омара да Али приняв за образец, *Дол₂, Долг*
- 42 Усердно заглушить старался просвещение. *ЛП, Н, Дол₂, Долг*
- 42 Усердно заглушать старался просвещение. *Тих, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 46 Муж честный в правилах, душою превосходный,² *Н, Дол₂, Долг*
- 46 Муж чистый в правилах, душою превосходный, *Тих, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 48 Креститель Галича, Магницкого дьячок. *ЛП, Н, Дол₂, Долг, Даиш, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Е*
- 49 И вот, за все грехи, в чьи тягостные руки *Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 50 Вы были ввержены, печальные науки! *Н, Дол₂, Долг, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш*
- 50 Вы были преданы печальные науки! *ЛП*
- 53 И ныне уж горит светильник просвещения. *Дол₂, Долг, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 55 Отставки цензору, признаться, ожидал, *Дол₂, Долг, Бар, Полт₂, Ал, Даиш, Е*
- 56 Но, сам не знаю как, ты видно устоял. *ЛП, Н, Дол₂, Долг, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Даиш, Е*
- 57 Итак, я поспешил приятеля поздравить, *Дол₂, Долг, Тих, Бар, Полт₂, Лон—Полт, Даиш²*

¹ В копии *Н* слова: святой отец подчеркнуты.

² В копиях *Дол₂, Долг, Бар, Даиш* слово: приятеля записано по ошибке, вместо: приятелей, так как ст. 58 здесь читается: А между тем совет на память им оставить

- 28
- з. Тогда не трать бессмысленных речей
 л. [Тогда] Тогда поди, не трать < > речей
 а. *Начато:* Доволен будь
 б. Не < > позор<ом><?>
 в. Не < > своим позором
 з. Ты осужден сердечным приговор<ом>
 л. Ты осужден последним приговор<ом>¹
 Под текстом 18 окт<ября> 1824.
 Мих<айловское>²

КЛЕОПАТРА

(«Царица голосом и взором...»)

(С. 19)

*Черновой автограф текста первой редакции*³
 (ПД 835, л. 22 об.—23 об., 30 об., 35, 37 об.)

- Перед
 текстом
- 1—4 А Aurelius-Victor.
 Царица гордая взглянула
 а. На пышный < > двор —
 б. На пышный < > пир
 [Толпа] < >
 Я ваш < > кумир
 Б а. Царица гордая следила
 б. Царица гордая сидела
 в. Царица гордая взглянула
 На пышный < > пир
 а. *Начато:* Гости х< ><?>
 б. *Начато:* Толпа люб< >⁴
 В ней признавали⁵ свой кумир
 В Царица взором и словами
 < > пир
 а. *Начато:* Поклонники
 б. Ее поклонники толпами
 Г Своим присутствием и взором
 Царица < > пир
 И Клеопатру славя хором —
 В ней зрели гости свой кумир

¹ Под текстом знак концовки.

² Помета, вероятно, вписана, после того как под текстом был поставлен знак концовки.

³ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

⁴ Продолжение густо зачеркнутого слова неразборчиво.

⁵ Окончание слова неразборчиво: признавали или признавала

- Д а. Царица голосом¹ ⟨и⟩ взором
 б. Царица благосклонным взором
 а. ⟨   ⟩ свой веселый пир
 б. Веселый оживляла пир
 в. Свой пышн⟨ый⟩ оживляла пир
 ⟨   ⟩
 В ней признавали свой кумир
- Е Царица благосклонным взором
 Свой пышн⟨ый⟩ оживляла пир
 И Клеопатру слава хором —
 В ней признавали свой кумир
- 5—8 А Начато: [Те⟨   ⟩] На⟨   ⟩⟨?⟩
 а. Начато: [И] Напеля кубок
 б. ⟨   ⟩ кубок золотой²
 а. Она задумалась — и взоры
 б. Она задумалась — и важно⟨?⟩
 а. Начато: Склонила
 б. Начато: Поник⟨ла⟩⟨?⟩
 в. Поникла³ тихою главой
- Б а. Начато: Текли шумя к ее
 б. Начато: Теснились к ее⁴
 в. Начато: Теснились к
 г. [Те⟨   ⟩] ⟨   ⟩ все к ее⁵ престолу
 д. Текли шумя к ее престолу
 а. [Припод⟨няв⟩] Опеня кубок золотой
 б. Начато: На чашу
 в. Но вдруг над чашей зол⟨отой⟩
 Она задумалась — и долу
 Поникла важ⟨ною⟩ главой⁶
- 9—12 А [Ник⟨то⟩] Нет нет наемнице презренной
 Не придет никогда на ум
 а. [Сто⟨ль⟩] ⟨   ⟩ мысли ⟨   ⟩
 б. Начато: [С] Столь чудной
- Б Нет ум наемниц⟨ы⟩⁷ презренной
 Столь чудной мысли не родит —
 а. И долго думою надменной
 б. И ⟨нрзб⟩ думою надменной
 в. И вот уж думою надменной
 г. [И д⟨   ⟩] И вот уж⁸ думою надменной

¹ Слово: голосом *осталось* *незачеркнутым*; *следующий вариант*: благосклонным *записан над строкой*.

² Слова: кубок золотой *были вычеркнуты и восстановлены*.

³ Слово: Поникла *было вычеркнуто и восстановлено*.

⁴ Слово: ее *в ходе дальнейшей работы оставалось незачеркнутым*.

⁵ Слова: все к ее *остались незачеркнутыми*.

⁶ Далее *в рукописи поставлен знак строфического деления*.

⁷ Форма слова: наемнице *исправлена не была*.

⁸ Слова: И вот уж *остались незачеркнутыми*.

- а. С⟨?⟩ ⟨нрзб⟩ взор ее блестит
 б. Подъятый взор ее блестит
 в. С⟨?⟩ ⟨нрзб⟩ взор ее блестит
- В** Нет ум наемниц⟨ы⟩ презренной
 Столь чудной мысли не родит —¹
- а. *Начато:* Рекла
 б. *Начато:* Она рекла
 в. *Начато:* И все утихло, молча
 г. *Начато:* И будто что-то
 д. И будто ⟨   ⟩ дремлет —
 е. И в ней ⟨   ⟩ дремлет —
 ж. И ⟨   ⟩ будто дремлет —
 з. Умолкло все веселье дремлет —
 и. Умолкло все как будто дремлет —
 к. И смолк ⟨   ⟩ веселье дремлет —
 л. И все в⟨?⟩ ⟨   ⟩ дремлет —
 м. И все зам⟨   ⟩⟨?⟩ ⟨   ⟩ дремлет —
 н. И все утихло² ⟨   ⟩ дремлет —
 о. И вокруг³ ⟨   ⟩ дремлет —
 п. И пыш⟨ный⟩ пир как ⟨будто⟩ дремлет —
 р. И царс⟨кий⟩ пир как ⟨будто⟩ дремлет —
 И в ожиданьи все ⟨молчит⟩
- Г** И царс⟨кий⟩ пир как ⟨будто⟩ дремлет —
 И в ожиданьи все ⟨молчит⟩
- а. *Начато:* Так⁴
 б. *Начато:* Такой надменный
 в. Но снова ясный и надменный
- а. Подъявшись, взор ее блестит
 б. Подъятый взор ее блестит
 в. Весельем⟨?⟩ взор ее блестит
- Д** И царс⟨кий⟩ пир как ⟨будто⟩ дремлет —
 И в ожиданьи все ⟨молчит⟩
 Но снова взор она подь⟨емлет⟩
- а. *Начато:* [Он] Он ясен
 б. И горд и ясен он б⟨лестит⟩
- Е** И царс⟨кий⟩ пир как ⟨будто⟩ дремлет —
 И в ожиданьи все ⟨молчит⟩
 Но вновь она чело⁵ подь⟨емлет⟩
- а. И гордо взор ее блестит
 б. И [ясный] взор ее блестит

¹ Этот вариант ст. 9—10 оставался незачеркнутым; в ходе работы над ст. 13—16 слово: презренной было заменено на: ничтожной

² Незачеркнутый вариант.

³ В автографе с опиской: И вокруг; незачеркнутый вариант.

⁴ Исправлено из первоначального: О

⁵ Над строкой начата сразу же отмененная правка: [гла⟨ву⟩]

- 13—16 А Нет ум наложниц¹(ы) ничтожной
 Столь чуд^{ной} мысли не родит
- Б а. Нет никогда в душе надм^{енной}
 б. *Начато:* Нет² сердце
 в. Нет ум [налож] наемницы ничтожной
 Столь чу^{дной} мысли не родит
 Она рекла³ — когда неложно
 Любви
- В а. Она рекла — свое блаженство
 Вы
 б. Она рекла — [любо^{вь}] любви ^( )
 в. Она рекла — хочу равен^{ство}
 г. *Начато:* Он^а
- Г а. [В] Она рекла: могу равенство
 б. Сказала — ^( ) могу равенство
 в. Внемлите ж мне: могу равенство
 а. Меж вас и мной восстан^{овить}
 б. Восстановить меж вас и мной
- Д Внемлите ж мне: могу равенство
 Меж вас и мной ^(восстановить)
 В моей любви⁴ для вас блаженство
 а. Хотите ль счастье купить⁵
 б. Блаженство можете купить
 в. Вы рады все меня купить
- 17 а. *Начато:* Кто
 б. Кто к торгу царскому⁵ приступит —
 в. Кто к торгу смелому приступит —
 г. Кто к торгу страст^{ному} приступит —
- 18 а. Кто купит ^( ) ночь мою
 б. Кто купит жизнью ночь мою
 в. *Начато:* Внемлите
 г. Я ^( ) [ночи⁶] [^{нрзб}] ночи⁶ продаю —
 д. [^{Начато нрзб}] Три ночи вам ^(я) продаю —
 е. [Я жду] Свои вам ночи продаю —
- 19—20 а. *Начато:* Но⁷
 б. ^( ) кто же купит —
 в. Где страстный — кто меж вами купит —
 г. Где смелый⁸ — кто меж вами купит —
 д. Внем^{лите}⁹ — кто меж вами купит —

¹ В автографе с опиской: наложнице

² Слово: Нет осталось незачеркнутым.

³ Слова: Она рекла остались незачеркнутыми.

⁴ Слово: любви вписано над строкой.

⁵ Слово: царскому вписано над строкой.

⁶ Слово: ночи осталось незачеркнутым.

⁷ Исправлено из первоначального: К

⁸ Слово: смелый оставлено незачеркнутым.

⁹ Слово не дописано и оставлено незачеркнутым.

- е. Скажите — кто меж вами купит —
Ценою жизни <ночь мою>
- 21—22 А Рекла¹ царица — и молчанье
Красноречивый ей ответ
- Б Она рекла — толпа в молчаньи
- а. И все в волнении сердца
- 23—24 б. [Кипят] в² волнении сердца
И Клеопатра³ в ожиданьи —
- а. [С] И с ясной гордостью лица
- б. С спокойной гордостью лица
- в. С холодной гордостью лица
- г. С [*начато нрзб*] <   > лица
- 25—28 А а. *Начато*: [Поди<те>] Я жду рекла:
б. Я жду вещала: что ж молчите
в. Рекла <   > [*нрзб*] [чт<о>] [что ж] что молчите
г. Я жду⁴ рекла <   > молчите
д. Я жду⁵ <   > что ж молчите
[<*Начато нрзб*>] <   > цену <   >
Кто смелый <   > приступите
- Б <   > что ж молчите⁶
- а. [<*Нрзб*>] <   > готовы прочь —
- б. Или теперь готовы прочь —
- в. <   > вы бежите прочь —
- г. [Вам] Любовни<ки> <   > прочь —⁷
- д. Теперь любовники вы прочь
- е. Мои<?> любовники вы прочь
- ж. Теперь любовники вы прочь⁸
- а. Я жду где⁹ <   > приступите
- б. Я жду вещала приступите
- а. Купите жизнью счастья <ночь>
- б. Торгуйте <   > ночь
- в. Кто <   > ночь
- г. Купите наслажденья ночь
- д. [Советую] [Сове<   >] <   > ночь
- е. Купите<?> <   > ночь¹⁰
- ж. Купите радостную ночь —
- з. Торгуйте радостную ночь —

¹ В автографе с опiskой: Рела

² Предлог: в зачеркнуто и восстановлен.

³ Слова: И Клеопатра были вычеркнуты и восстановлены.

⁴ Левее у корешка тетради начало зачеркнутого слова: [Гор<   >]

⁵ Слова: Я жду остались незачеркнутыми.

⁶ Незачеркнутый вариант.

⁷ Незачеркнутый вариант.

⁸ Незачеркнутый вариант.

⁹ Слово: где осталось незачеркнутым; над строкой начато и зачеркнуто неразборчивое исправление.

¹⁰ Незачеркнутый вариант; под следующими вариантами стиха, записанными правее на полях, отдельные зачеркнутые слова: [страстью<?>] [купите]

- В Я жду вецала приступите
Торгуйте радостную ночь —
- а. *Начато:* Вам дорога <нрзб>
б. Вас было много, что ж мол<чите>
- а. Иль от меня готовы прочь
б. Иль вы теперь бежите¹ прочь
в. Иль вы беж<ать>² гот<овы> прочь³
- 29—32 А а. < > выходят —
б. Из их толпы < > выходят —
в. И три любовни<ка>⁴ выходят —
< >
И взоры смелые⁵ возводят
На горд< >
- Б а. Рекла и взором < > обводит
В ней огонь<?>
б. Рекла и [дерз<кий>] гордый взор обводит
[Кру<гом>] Кругом поклонн<иков> своих
а. Вдруг < > юноша выходит
б. Вдруг из толпы один выходит
Вослед за ним и два других —
- 33—36 А а. *Начато:* Вецдают — мы к
б. Вецдают — покупаем ночи
в. Смела их поступь горды очи
г. Смела их поступь ясны очи
а. *Начато:* Смер<ть><?>
б. Царица гордо восстает
[Ре<шилось><?>] Свершилось куплены три ночи —
- Б Смела их поступь ясны очи
< >
Свершилось < > купили ночи —
- а. *Начато:* И Клео<патра>
б. *Начато:* И < > вновь
в. < > смерть обречена
г. Любовь <на> смерть обречена
д. Счастливым [<начато нрзб>] смерть изречена
е. И жизнь за [<начато нрзб>] < > отда<на>
ж. *Начато:* [За] [И страсти<?>] [<начато нрзб>]
- В Смела их поступь ясны очи
а. *Начато:* Царица⁶
б. *Начато:* Царица слышит
в. Царица гордо внемлет им

¹ Слово: бежите осталось незачеркнутым.

² Слова: Иль вы бежать повторены выше на листе.

³ Далее в рукописи поставлен знак строфического деления.

⁴ В автографе описка: любовницы

⁵ В автографе описка: смелость

⁶ Слово оставлено незачеркнутым.

2. Царица гордо восстает¹
Свершилось < > купили ночи —
< > [желанья<?> предает —]²
- Между
36 и 37 А а. И < > пламенные взгляды
б. И < > пламенного взгляда
в. Начато: Вы боги <нрзб>
2. Начато: [<Начато нрзб>]³ [Киприда] И с⁴
д. Начато: Внем< >
е. Она рекла внемли ж Паллада
ж. И вновь рекла внемли ж Паллада
з. Начато: Киприда грозная —
и. Начато: Внемли ж
к. Вы боги < > града
- Б
37—38 Рекла внемлите боги ада
а. Внемлите грозный мой обет
б. Примите грозный мой обет⁵
И снова гордый глас возвысила царица:
а. Начато: [<Начато нрзб>]⁶ Забыты мною вы
б. Начато: [Сегодня] Забы< >
в. Начато: Забыты мной венец
2. Народ забыты мной венец и багряница
д. Забыты⁷ мной царей венец и багряница
е. Теперь⁸ забыты мной венец и багряница
ж. Забыты мной царей<?> венец и багряница
- 39 а. Начато: И ложе
б. < > на ложе восхожу
в. Наемницей < > на ложе восхожу —
2. Простой наемницей на ложе восхожу —
- 40 а. Киприда я тебе < > служу —
б. <Нрзб> тебе неслыханной служу —
в. <Нрзб>< > служу —
2. Ценой неслыханной < > тебе служу —
д. Ценой неслыханной⁹ Киприде < > служу —
е. Тебе неслыханно Киприд<a>¹⁰ < > служу —

¹ На нижнем поле листа записан, по-видимому, альтернативный вариант стиха:

И Клеопатра вновь в(стает)

² Далее следуют первоначальные наброски продолжения стихотворения четырех-
стопным ямбом.

³ Недописанная прописная буква.

⁴ Ниже отдельно записанное и не подчеркнутое слово: боги

⁵ Вариант Б остался не подчеркнутым. Ниже записано отдельное подчеркнутое сло-
во: [Киприда]

⁶ Зачеркнутая прописная буква.

⁷ В автографе с опiskой: забытый

⁸ Слово: теперь оставлено не подчеркнутым.

⁹ В ходе дальнейшей работы слово: неслыханной осталось неизменным. Выше на
листе записан и подчеркнут отдельный набросок начала стиха: [Я дань]

¹⁰ Форма слова: Киприде осталась неисправленной.

- 41 А а. Начато: Тебе ⟨нрзб⟩
 б. ⟨ ⟩ тебе награда
 в. Богиня ⟨ ⟩ награда
 г. Тебя ⟨ ⟩ награда
 д. И радости любви ⟨ ⟩ награда
 е. Да будет дар тебе ⟨ ⟩ награда
 ж. ⟨Нрзб⟩ дар тебе ⟨ ⟩ награда
 з. ⟨ ⟩ ночей моих награда
 Да будет дар тебе — прими
- Б а. И в дар ⟨ ⟩ ночей моих награда
 б. ⟨ ⟩ [дань⟨?⟩] будет ⟨ ⟩ ночей моих награда
 в. Тебе ⟨ ⟩ ночей моих награда
 г. И дар ⟨ ⟩ ночей моих награда
 д. Тебе ⟨ ⟩ в дар ночей моих награда
 е. Тебе [⟨нрзб⟩] смиренный дар ночей моих награда
- 42—44 А О боги грозные внемлите боги ада
 Примите мой обет
- Б О боги вечные⟨?⟩ внемлите боги ада
- а. [Вы] Аида⟨?⟩ ⟨ ⟩ подземные цари
 б. Подземных уж⟨асов⟩ печаль⟨ные⟩ цари
 Примите мой обет — до сладостной зари
- 45 А а. Любовников — ⟨ ⟩ на ложе наслажденья
 б. Моих любовников на ложе наслажденья
 Я ⟨ ⟩ ⟨нрзб⟩¹
- Б а. Начато: На ложе
 б. ⟨ ⟩ ложе
 в. Моих любовник⟨ов⟩ последние желанья
- 46 а. Начато: Послуш⟨но⟩⟨?⟩
 б. Начато: [⟨Начато нрзб⟩] ⟨ ⟩ не⟨ ⟩
 в. ⟨Нрзб⟩ ⟨ ⟩ послушно ⟨ ⟩
 г. И негой ⟨ ⟩ и тайнами лобзанья
 д. И пол⟨ной⟩ негою и тайнами лобзанья
 е. ⟨И⟩ дивной² негою и тайн⟨а⟩ми³ лобзанья
- 47 а. Начато: Послушно упо⟨ю⟩
 б. ⟨ ⟩ упоит
 в. Начато: Я
 г. Всей радостью ⟨ ⟩ послушно упою
 д. Всей чашею любви послушно упою
- 48—50 а. Начато: Но только первый луч Авроры
 б. Когда же ⟨ ⟩ во храмину мою
 в. Когда же сквозь завес⁴ — во храмину мою
 Блеснет Авроры луч⁵, клянусь моей пор⟨фирой⟩⁶

¹ Первые буквы густо зачеркнутого слова предположительно: от⟨ ⟩

² Слово: дивной было зачеркнуто и восстановлено.

³ В автографе: тайными

⁴ Слова: сквозь завес вычеркнуты и повторены над строкой.

⁵ Слова: Блеснет Авроры луч были вычеркнуты и над строкой начата сразу отменная правка: [А⟨вроры⟩], после чего был восстановлен первоначальный вариант.

⁶ Слова: моей пор⟨фирой⟩ были вычеркнуты и вновь повторены над строкой.

- 51—52 а. Глава их [упа⟨дет⟩] отпадет под ⟨ ⟩ секирой
 б. Глава их отпадет под утренней секирой¹
 Благословенные священной ⟨рукой⟩²
- 53 а. Выходят жребии из урны чередой
 б. [⟨Начато нрзб⟩] Из урны жребии выходят чередой
- 54 а. Начато: [И п⟨ ⟩] Ночь
 б. И первый Арз⟨ ⟩⟨?⟩³ ⟨ ⟩ воин смелый
 в. И первый Аргилай ⟨?⟩ клеветет Помпея смелый
- 54 а. [На б⟨ ⟩] ⟨ ⟩ в походах поседел⟨ый⟩
 б. Изрубленный в боях в походах поседел⟨ый⟩
 в. В боях изрубленный в походах поседелый
- Вм. 55—58 А а. Он женских не стерпел презрительных [словес⟨?⟩] речей
 б. Он оскорбительных не ⟨мог⟩ стерпеть речей
 а. И выступил на смерть ⟨ ⟩ привыкнув⁴ к ней
 б. И выступил на смерть ⟨ ⟩ привычный к ней
 в. И выступил на смерть не уstraшенный ей
- Б а. Начато: Презрения не мог
 б. Начато: Стерпеть презрения не мог
 в. [Робеть он не хотел] пред вызовом жены
 И выступил на смерть ⟨ ⟩ войны⁵
- 59 а. Критон за ним; Критон — изнеженный мудрец
 б. Критон за ним; Критон — изнеженный софист
 в. Критон за ним; Критон — изнеженный мудрец
- 60 а. Начато: Киприды и пиров
 б. ⟨ ⟩ воспитанный под небом Арголиды
- 61—62 а. От отроческих лет поклонник и певец
 б. Беспечный юноша поклонник и певец
 в. Беспечный ветреник поклонник и певец
 И пламенных пиров и пламенной Киприды⁶
- 63—66 А Последний имени векам не передал
 Едва⁷
- Б Последний имени векам не передал
 ⟨ ⟩
 а. Едва приметный пух ⟨ ⟩ покрывал
 б. Чуть отроческий пух темнея покрывал
 Его стыдливые ланиты —
- В Последний имени векам не передал
 а. [⟨Нрзб⟩] ⟨ ⟩ не знамен⟨итый⟩⟨?⟩
 б. Никем не знаемый — ничем не знам⟨енитый⟩

¹ Далее в автографе разделительный штрих, обозначающий строфическое деление.

² Стих вписан.

³ Неразборчиво записанное и затем исправленное имя не читается.

⁴ Исправлено из первоначального: привыкший

⁵ Отдельно записанные на листе наброски, относящиеся к работе над фрагментом: [На] На выз⟨ов⟩⟨?⟩ наслаж⟨денья⟩⟨?⟩. Дальнейшая работа над ст. 59—62 шла на л. 30 об.

⁶ Дальнейшая работа над ст. 63—70 шла на л. 35, 37 об.

⁷ Вариант А записан на л. 35; работа над фрагментом была продолжена на л. 37 об.

- в. Нигде не знаемый — ничем не знам(енитый)
 Чуть отроческий пух темнея покрывал
 Его стыдливые ланиты —
- 67 а. Но страстный огонь в его очах пылал
 б. Но страстный < > в его очах пылал
 в. Но огонь < > в его¹ очах пылал
 г. Огонь в очах его пылал
- 68 а. *Начато*: Во всех чертах любовь²
 б. Во всех чертах изображался
 в. Во всех чертах любовь изобража(лась)³
- 69—70 А а. *Начато*: Душа
 б. *Начато*: Казалось
       Начато: И Клеопатра⁴
- Б Он Клеопатро(ю)⁵ казалось дышал
 И молча долго <им> царица любовалась⁶

Первоначальные варианты белого автографа первой редакции⁷
 (ПД 833, л. 33 об.—35)

- 3 И Клеопатру слава хором,
 10 Всё в ожиданьи, всё молчит...
- 23 а. *Как в тексте.*
 б. Но Клеопатра в ожиданьи —
 в. Царица в гордом⁸ ожиданьи —
- 24 а. *Как в тексте.*
 б. С покойной дерзостью лица
- 25—28 Я жду, вещает, приступите,
 а. Торгуйте радостную ночь,
 б. Купите радостную ночь,
 Вас было много; что ж молчите?⁹
 а. Или теперь бежите прочь —
 б. Иль вы⁹ теперь готовы прочь —
 в. Что? страшно < > вы прочь —
- 29 а. И гордый взор она обводит
 б. И хладный взор она обводит
 в. И гордый взор она обводит

¹ Слово: его не было зачеркнуто и в следующем варианте повторено на новом месте над строкой.

² Стих начат как четырехстопный.

³ Форма слова: изображался исправлена не была.

⁴ Вариант А записывался как четырехстопный.

⁵ В автографе с опиской: Клеопатрой

⁶ Ниже стоит знак конца строфы.

⁷ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

⁸ Слова: Царица в гордом остались незачеркнутыми. Следующий вариант: И Клеопатра записан рядом на левом поле, возможно, как альтернативный. Слова: в гордом были вычеркнуты при последующем обращении к рукописи (правка бледными чернилами предположительно июля 1827 г.).

⁹ Слово: вы осталось незачеркнутым. Вычеркнуто при последующем обращении к рукописи (правка бледными чернилами предположительно июля 1827 г.).

- 30 а. Как в тексте.
б. Вокруг поклонников своих....
- 34 а. Царица гордо восстает....
б. Она с улыбкою встает¹....
- 35—36 а. Свершилось: куплены три ночи...
Желанье
б. Желаньем — куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет —
- 38—40 А Теперь забыты мной венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу:
Неслыханно тебе, Киприда я служу
Б Теперь забыты мной венец и багряница!
Неслыханно тебе, Киприда я служу
а. Наемницей любви на ложе восхожу
б. Я днесь наемницей на ложе восхожу
- 45 Начато: Моих
- 48 Когда же сквозь завес во храмину мою
- 56 а. И первый выступил суровый сын войны
б. И смело выступил суровый сын войны
- 58 Как смело выступал на славный клик сражений.
- 61 От отроческих дней поклонник и певец
- 67 Огонь в очах его пылал

Позднейшая правка по тексту первой редакции²
(ПД 833, л. 33 об.—35)

- 1—5 а. Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир
И Клеопатру славя хором,
В ней признавая свой кумир
Сердца неслись к ее престолу —
б. Как в тексте.
- 10 а. Безмолвны гости — хор ум⟨олк⟩
б. Как в тексте.
- 12 Как в тексте.
- 13—16 а. В моей любви для вас блаженство
Блаженство можно вам купить:
Внемлите мне: могу равенство
Меж нами днесь восстановить³
б. В моей любви для вас блаженство
Блаженство можно вам купить:
Внемлите мне: могу равенство
Меж нами я восстановить
- 17 Кто к торгу новому приступит?

¹ При последующей правке слово: встает осталось неизмененным.

² Нумерация стихов по тексту первой редакции. Формула «Как в тексте» означает совпадение с текстом второй (поздней) редакции.

³ Поправка бледными чернилами (предположительно июля 1827 г.).

- 21—24 А Рекла < > в сердцах < >
 а. *Начато:* И страстью
 б. И ст<растью> дрогнули сердца
 Царица ропот явный<?> слышит
 С холодной дерзостью лица
 Б а. Рекла и трепет всех объем<лет>
 б. Рекла и ужас всех объем<лет>
 И ст<растью> дрогнули сердца
 < > ропот < >
 С холодной дерзостью лица
 В *Вычеркнуто.*
 25—28 *Вычеркнуто.*
 29 И взор < > обводит¹
 34 *Как в тексте ст. 46.*
 35 Согласны! куплены три ночи
 53 И первый [Аквила], клевет Помпея смелый

Поздняя редакция

*Черновой автограф ст. 21—36 и 49—73
 (ПД 833, л. 49—50)²*

- 21—24 А а. *Начато:* Клянусь.... внемл< >
 б. Клянусь..... и внемлет мне Киприда —
 в. Клянусь..... < > мощная < >
 Тебе неслыханно служу
 Забыта мною багряница
 Б Клянусь..... и внемлет мне Киприда —
 Тебе неслыханно служу
 < >
 а. Простой наложни<цей> всхожу
 б. Простой наемни<цей> всхожу³
 В Клянусь..... о матеръ наслаждений
 < >
 а. И пламень жертвоприношений
 б. И ладан жертвоприношений
 Г Клянусь..... о матеръ наслаждений
 а. *Начато:* Кип<рида>
 б. *Начато:* Клянусь Кипридой я
 а. *Начато:* На ложе
 б. *Начато:* Вхожу на ложе
 в. *Начато:* Иду

¹ Поправка бледными чернилами (предположительно июля 1827 г.).

² Нумерация стихов по тексту поздней редакции.

³ Работа над фрагментом продолжена ниже на листе, после того как был записан вариант А ст. 25—28.

2. На ложе страст⟨ных⟩ искушений
Всхожу наемницей простой —
Внемли ж
- Д Клянусь..... о мать наслаждений
Клянусь Киприда я тобой¹
На ложе страст⟨ных⟩ искушений
Всхожу наемницей простой —
- 25—28 А Внемли ж² — и вы, о боги ада
Коцита мрачные цари³ —
Внемлите — дивная⁴ награда
- Б Клянусь тобой, моя Киприда
[Внем⟨ ⟩] И вы подземные цари
- а. Начато: Внемлите вы
б. ⟨ ⟩ айда
Клянусь — до [утренней] зари
- 29—32 А а. Всю ночь — я таинством лобзаний
б. Всю ночь — я чашей див⟨ной⟩ ⟨ ⟩
в. Всю ночь — я пиром наслажденья
- а. И дивной негой⁵ любви
б. И дивной негой утолю⁶
- Б Моих любовников желанья
Я дивной негой утолю
Все тайны ⟨ ⟩
[По⟨ ⟩] Любовь послуш⟨ую⟩ мою⁷
- В ⟨ ⟩
⟨ ⟩
- а. И жажду ⟨ ⟩ их желанья
б. И жажду ⟨ ⟩⁸
- Послушной негой уто⟨лю⟩
- 33—36 А а. Начато: Но [лишь] только
б. Но лишь [бег⟨ут⟩⟨?⟩] сойдут ночные тени⁹
- Б а. Но лишь заря ⟨ ⟩
⟨ ⟩
Клянусь не будет им пощ⟨ады⟩

¹ Стих записан отдельно ниже на листе и повторен на своем месте: Клянусь Киприда

² В автографе с опiskой: Внемли же

³ В автографе первоначально с опiskой: царица

⁴ По-видимому, начато с опiskой: дви

⁵ Окончание слова написано неразборчиво и в ходе дальнейшей работы не исправлялось.

⁶ Вариант А остался незачеркнутым; дальнейшая работа над фрагментом шла на левом поле листа.

⁷ Выше записан частично оставленный незачеркнутым вариант:

И [превзойдет] их ожиданья
Любовь послушная моя

Слово: превзойдет исправлено из: превзойдут

⁸ Над строкой вписано два неразборчивых слова.

⁹ Незачеркнутый вариант.

- В а. Но лишь — багряно⟨ю⟩⟨?⟩ пор⟨фирой⟩⟨?⟩¹
 б. Но только — [сла⟨ ⟩] [⟨нрзб⟩]² пор⟨фирой⟩⟨?⟩
 [⟨Начато нрзб⟩]³ Авроры⁴ ⟨ ⟩ блеснет
 Клянусь — под ⟨ ⟩ секирой⟨?⟩⁵
 а. Глава их ⟨ ⟩ отпадет —
 б. Глава ⟨ ⟩ смелы⟨х⟩ отпадет —
 в. Глава их ⟨ ⟩ отпадет —
 г. Глава счастливых отпадет —⁶
-
- 49—50   Благословенные жрецами
 а. *Начато*: Из урны жребии
 б. Теперь из урны чередой
 в. Теперь из урны роковой
- 51—52   а. *Начато*: ⟨ ⟩ жребии
 б. *Начато*: Перед⁷ безмолвны⟨ми⟩
 в. Пред неподвиж⟨ными⟩ гостями
 Выходят жребии чередой —
- 53—56   И первый ⟨ ⟩ Флавий⁸ смелый
 а. В боях, в походах посед⟨елый⟩
 б. В походах [⟨начато нрзб⟩] римских посед⟨елый⟩
 в. [В] В дружинах римских посед⟨елый⟩
 Снести не мог он от жены
 Высокомерного презренья
- 57—59 А а. *Начато*: И выступил
 б. *Начато*: [Он] И
 в. И ⟨ ⟩ войны
 г. *Начато*: И выступил
 На ⟨ ⟩ вызов наслажденья
 [Как] выступал на кл⟨ик⟩ сраж⟨енья⟩
 Во дни⁹
- Б И принял вызов н⟨аслажденья⟩
 Как выступал во ⟨дни войны⟩
 На вызов яр⟨ого сраженья⟩
- 60—63   Отсутствуют.
- Вм. 64—67 А а. Последний не предал векам
 б. Последний, отрок безыменней
 Не предал имени в

¹Чтение С. М. Бонди (Акад. Т. 3. С. 689).

²Чтение С. М. Бонди: златистою⟨?⟩ (Акад. Т. 3. С. 689).

³Недописанная прописная буква.

⁴Исправлено из первоначального: Аврора

⁵Чтение С. М. Бонди (Акад. Т. 3. С. 689). Над строкой неразборчивая поправка; возможно, повторено зачеркнутое слово.

⁶Далее в автографе поставлен горизонтальный разделительный штрих.

⁷В ходе дальнейшей работы слово: Перед осталось неисправленным.

⁸Имя Флавий было зачеркнуто и восстановлено.

⁹Вариант А остался незачеркнутым; следующий вариант записан рядом на левом поле листа.

- Б а. *Начато*: Последний, отрок
 б. *Начато*: Последний [юн⟨оша⟩] юноша
 а. *Начато*: Незн⟨ ⟩
 б. ⟨ ⟩ незнаменитый
 Чуть
- В а. Любезный ⟨ ⟩ богам
 б. Любезный сердцу и очам
 Последний имени векам
 Не передал — его ланиты
- 68 а. Пух первый еле покрывал
 б. *Начато*: Чуть п⟨ ⟩
 в. *Начато*: Чуть первый пух —¹
 г. Пух первый нежно отенял
- Вм. 69 А В его чертах полусокрытый⟨?⟩
 Восторг ⟨ ⟩ сиял —
- Б а. ⟨ ⟩ развитый
 б. *Начато*: Цве⟨т⟩
 в. ⟨ ⟩ цвет его² ⟨ ⟩
 г. Как веш⟨ний⟩ цвет едва развитый
 Восторг в очах его сиял —
- Вм. 70—73 А ⟨ ⟩ огнем...
 Любви ⟨ ⟩ сила —
 И Клеопатра ⟨ ⟩ на нем —
- а. Печальный взор останов⟨ила⟩
 б. Влюблен⟨ный⟩ взор остановила
- Б а. ⟨ ⟩
 Он⟨а⟩ на нем ост⟨ановила⟩
- В а. Казалось ⟨ ⟩ проник³
 б. Казалось, жалости на миг
 в. *Начато*: Луч жалости
 г. *Начато*: Впервые
 д. Л⟨уч⟩ жалости⟨?⟩ еще впервые⁴
- Г Любви ⟨ ⟩ сила
 Его⁵ ⟨ ⟩ огнем
- Д Любви неведом⟨ая⟩ сила
 [⟨*Нрзб*⟩] ⟨ ⟩ [л⟨ ⟩] огнем
- Е [⟨*Начато нрзб*⟩] И взор ⟨*нрзб*⟩
- а. Любви ⟨ ⟩ остан⟨овила⟩
 б. Любви на⟨?⟩ ⟨нем²⟩ остан⟨овила⟩
- Ж *Начато*: И [т⟨ ⟩⟨?⟩] взор любви
Начато: Царица
- З а. *Начато*: [Лю⟨ ⟩] Счаст⟨ ⟩
 б. *Начато*: И взор вним⟨ ⟩⟨?⟩

¹ Незачеркнутый вариант.

² Над словом: его неразборчивая поправка.

³ Выше над строкой отдельно записанная рифма: на миг

⁴ Незачеркнутый вариант.

⁵ Слово зачеркнуто и вновь повторено над строкой.

- в. *Начато:* Душа, казалось¹
 г. *Начато:* Душа
 И <   >
 а. *Начато:* И Клеоп<атра>
 б. Царица гордая на нем

Первоначальные варианты белого автографа
 (ПД 907)²

- 10   Безмолвны гости. Все молчит
 13—16   В моей любви для вас блаженство?³
                       Внемлите ж мне: восстановить
                       Меж нами я могу [бла< >] равенство.
                       Блаженство можно вам купить.....
 17   а. Хочу... но к торгу кто приступит?
                       б. Могу... но к торгу кто приступит?
 18   Свои я ночи продаю;
 21—36   Следовали после ст. 37—48:
                       Рекла — и ужас всех объемлет ~ И
                       ложе смерти их зовет.³
 25   Клянусь... внемли же мне, Киприда
 27   И боги грозного Аида,
 28   Внемли ж — <   > до зари
 31   И превзойду их ожиданья
 37—48   Следовали между ст. 20 и 21.
 43   Вдруг из рядов один выходит
 46   *Начато:* Она пред ними
 53   И первый — <   > Флавий смелый
 57   И принял вызов наслажденья
 62   Критон, изнеженный певец
 63   а. *Начато:* Пиров
                       б. Киприды, Граций и Амура...
 64   Любезен сердцу и очам
 70   Любви неопытная сила
 71   *Начато:* Его влекла
 72—73   а. И нежный взор остановила
                       б. И грустный взор остановила
                       Царица гордая на нем —⁴

¹ Незачеркнутый вариант.

² Нумерация стихов по тексту поздней редакции.

³ Ст. 21—36 отчеркнуты по левому полю и отмечены значком переноса; место переноса в автографе не обозначено и восстанавливается гипотетически.

⁴ Вариант оставлен незачеркнутым. Следующий вариант, вынесенный в настоящем издании в основной текст, записан рядом на левом поле листа.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

(«Фонтан любви, фонтан живой!...»)

(С. 23)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 38)

- 1—4 А а. *Начато*: Твои гор⟨ ⟩
 б. ⟨ ⟩ немолчный говор твой
 И поэтические слезы —
- Б а. *Начато*: Фонтан
 б. Фонтан любви, фонтан живой
 а. ⟨ ⟩ розы
 б. Несу т⟨ебе⟩ ⟨ ⟩ розы
 в. Тебе несую ⟨ ⟩ розы
 г. Я ⟨ ⟩ принес¹ — ⟨ ⟩ две розы
 д. Тебе я в дар несую [две] розы
 Люблю немолчный говор твой
 И поэтические слезы —²
- 5—6 а. *Начато*: Ты плачешь³
 б. Вокруг тебя ⟨ ⟩ влага
 Летит серебряная пыль —
 в. Вокруг тебя ⟨ ⟩ холодной
 Летит серебряная пыль —
 Как розы
 г. Алмазный⟨?⟩ ⟨ ⟩ влаги холодной
 Летит серебряная пыль —
 д. Летит серебряная пыль —
 Меня кропит⁴ слезою⁵ хлад⟨н⟩ой
 е. Блестай серебряная пыль —⁶
 Кропи меня ⟨ ⟩
 ж. Твоя серебряная пыль
 Меня кропит рососою хлад⟨ной⟩
- 7—8 А а. *Начато*: Шуми — журчи, сверкай
 б. *Начато*: Журчи журчи, сверкай
 в. Ах лейся лейся ключ отрядный⁷

¹ Слово: принес осталось незачеркнутым.² Под ст. 4 горизонтальная черта, отмечающая строфическое деление.³ Записав эти слова, Пушкин, по всей видимости, отступил вниз, оставив место для одной строфы, и записал первую строку следующей строфы: Журчи фонтан мне про [М⟨арию⟩] Зарему (см. ст. 9—12, вариант А). На следующем этапе работы эта строка была зачеркнута.⁴ Слово: кропит осталось незачеркнутым.⁵ В автографе описка: слезой⁶ В ходе дальнейшей работы незачеркнутые слова: серебряная пыль были записаны еще раз.⁷ Этот вариант стиха оставался незачеркнутым и был использован на заключительном этапе работы над ст. 7—8 (см. вариант Б, «е»).

- а. *Начато:* Напо⟨   ⟩¹
 б. Твоя ⟨   ⟩ былъ
 в. Ты ⟨   ⟩ напомнил былъ
 г. Ты м⟨не⟩⟨?⟩ любви напомнил былъ
 Б² а. Скажи мне ⟨   ⟩ былъ —
 Дивиться ей ⟨   ⟩ жа⟨ж⟩дет
 б. О пленнице скажи мне былъ —
 Любви мо⟨й⟩⟨?⟩ ⟨нрзб⟩ дивиться жа⟨ж⟩дет³
 в. О рас⟨скажи⟩ свою мне былъ —
 Дай освежить ⟨   ⟩ слух мой жадн⟨ый⟩
 г. Журчи ⟨   ⟩ свою мне былъ —
 ⟨   ⟩ слух ⟨   ⟩ жадн⟨ый⟩
 д. Журчи⟨?⟩ журчи свою мне былъ —
 Дай ⟨   ⟩ слух ⟨   ⟩ жадн⟨ый⟩⁴
 е. Ах лейся лейся ключ отраднѣй⁵
 Журчи журчи свою мне былъ —
 9—12 А Журчи фонтан мне про [М⟨арию⟩] Зарему⁶
 Б а. *Начато:* Фонтан, фонтан печали⁷
 б. Фонтан любви фонтан печальн⟨ы⟩й
 а. *Начато:* Напрасно
 б. Твою я надпись вопрошал —
 Хвалу страны читал ⟨я⟩ дальнѣй
 Но про Марию ты молчал
 Г Фонтан любви фонтан печальнѣй
 И я твой м⟨рамор⟩⟨?⟩ вопрошал —
 Хвалу страны прочел я дальнѣй
 Но про Марию ты⁸ молчал⁹
 13—16¹⁰ А Мария, пленница⟨?⟩ Гарема
 Б а. Звезда лю⟨бимая⟩⟨?⟩ Гарема —
 б. О гостѣя ⟨   ⟩ Гарема —
 в. О гостѣя дивная Гарема —
 ⟨   ⟩
 ⟨   ⟩ Зарема¹¹

¹ Работа над ст. 8 (вариант А) велась выше, на правом поле листа, поскольку ниже уже была записана строка: Журчи фонтан мне про [М⟨арию⟩] Зарему (см. примеч. 3 на с. 212).

² Вариант Б ст. 7—8 (за исключением варианта Б, «е». ст. 7 — см. о нем примеч. 7 на с. 212) записывался на левом поле листа.

³ Этот вариант ст. 8 требовал переработки ст. 6, однако необходимость в ней отпала, поскольку ст. 8 был изменен (см. следующие варианты).

⁴ Незачеркнутый вариант.

⁵ См. примеч. 7 на с. 212.

⁶ Этот вариант был, по всей видимости, записан на более раннем этапе работы (см. примеч. 3 на с. 212).

⁷ Записано выше предыдущего варианта. Слова: фонтан печали остались незачеркнутыми.

⁸ Местоимение: ты зачеркнуто и восстановлено.

⁹ После ст. 12 значок, отмечающий строфическое деление.

¹⁰ Ст. 13—16 вписаны слева на полях, после того как были записаны ст. 17—20.

¹¹ Слово: Зарема исправлено из записанного ранее (см. вариант А) слова: Гарема

- В О гостя дивная¹ Гарема —
 Мария, <   > где же ты
 а. *Начато:* Где же
 б. И где же <   > Зарема
 а. Иль вы <   > мечты
 б. Иль вы прекра<сные> мечты
- Г <   >
 <   >
 <   >
 Иль вы прекра<сные> мечты
- 17—20 А Иль яр<к>ий луч воображенья
 а. Вас на минуту отразил
 б. <   > вас
 И
- Б Иль яр<к>ий луч воображенья
 <   > создал
 Одни пустые<?> привиденья
 Любви безумной, идеал² —
- В Иль яр<к>ий луч воображенья
 Во<нрзб>² <   > рисовал
 Одни <нрзб> привиденья
 Души <нрзб> идеал² —
- Г Иль яр<к>ий луч воображенья
 Во тьме пустой нарисовал
 <   > изоб<р>аженья
 Любви мгно<венный><?> идеал² —
- Д Иль яр<к>ий луч воображенья
 Во тьме пустой нарисовал
 а. Любви<?> прекрас<ные> виденья
 б. Одн<и> прекрас<ные> виденья
 Души неяс<ны>й идеал² —

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Фонтану Бахчисарайского дворца. 1820

«НОЧНОЙ ЗЕФИР...»

(С. 24)

Черновой автограф

(ПД 60, 61)

Вм. 1—5   а. Едва журчит
 Гвадалкивир

¹ Слово: дивная осталось незначеркнутым.

² Запись: Во<нрзб> осталась незначеркнутой.

- б. Бежит журчит
Гвадалквивир
Едва Зефир
- в. Бежит журчит
Гвадалквивир
Ночной Зефир
Едва шумит
- г. Бежит журчит
Гвадалквивир
Едва Зефир
Струит Эфир¹
- 6—9 А а. Идет Лаура²
б. На балкон идет Лаура
в. Вот на балконе
г. Вот на балконе
а. Вышла Лаура⟨?⟩³
б. Вышла Инеса
Где твои крылья
Сын Афродиты⁴
- Б
⟨   ⟩ луна золотая
⟨   ⟩
а. Тихо — ⟨   ⟩ ночная
б. Тихо — ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩ ночн⟨ая⟩⁵
- В а. Вот взо⟨шла?⟩ луна золотая
б. Вот горит луна золотая
а. Тишина⟨?⟩ кругом
б. *Начато*: Говори
в. *Начато*: Тишина...
г. ⟨   ⟩ арфы звон
д. ⟨   ⟩ гитары звон
е. Тихо чу! — гитары звон
а. Вот гишпанка молодая
б. И гишпанка молодая
в. Вот гишпанка молодая
г. И гишпанка молодая
д. Вот гишпанка молодая
Оперлася на балкон

¹ После стиха: Струит Эфир поставлен значок, отмечающий строфическое деление. На левом поле рядом со строфой помета: 13 нояб⟨ря⟩. Цифра: 13 исправлена из: 12

² После записи этого варианта выше было начато и сразу зачеркнуто: Амур⟨?⟩ на⟨?⟩

³ В автографе: Лаура⟨?⟩

⁴ На левом поле рядом со строфой отдельные наброски, относящиеся к работе над стихотворением:

[тихо]
Мантилья

⁵ Слово: ночн⟨ая⟩ осталось незачеркнутым.

- 10—14 *Отсутствуют*
 15—18 А <   > Ангел милый
 Появись ка<к> ярк<и>й¹ день;
 Сквозь железные перилы
 Ножку милую продень —
 Б Брось мантилью Ангел милый²
 И явись ка<к> яск<ый><?> день;
 Сквозь <   > перилы
 Ножку дивную продень —³
 19—23 *Отсутствуют.*

Разночтения ЛМ⁴

Заглавие	Испанская песня
Вм. 3—4	Бежит, шумит
8	И гишпанка молодая
Вм. 10—14	Ночной Зефир, и проч.
15	Сбрось мантилью, друг мой милый,
18	Ножку милую продень.
Вм. 19—23	Ночной Зефир, и проч.

Заглавие в МВ и Ст 1829

Испанский романс (Ночной зефир). Испанский романс	МВ Ст 1829 (в оглавлении)
--	------------------------------

¹ Слово: ярк<и>й осталось незачеркнутым.

² Оставив слово: милый незачеркнутым, Пушкин наметил исправление: Брось мантилью дивный Ангел и сразу же отменил его. Позднее, не зачеркивая варианта: Брось мантилью Ангел милый, Пушкин наметил на левом поле листа еще два варианта этого стиха:

- а. Кинь перчатку <Ангел милый>
- б. Скинь перчатку <Ангел милый>

Вариант «б» остался незачеркнутым.

³ На левом поле рядом с этой строфой наброски, относящиеся к работе над стихотворением:

- а. Начато: И<?>
- б. Начато: Говори<?> ж<?>
- в. Молви<?> <   > слово<?>;
- г. Зачеркнуто.

⁴ Напечатано с ошибками в последовательности строф (вместо ст. 6—9 — ст. 15—18, вместо ст. 15—18 — ст. 6—9). Нумерация стихов, в которых имеются разночтения, дается по основному тексту.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

(С. 25)

I

«Клянусь четой и нечетой...»

Варианты автографа

(ПД 835, л. 13)¹

- 4 а. *Начато:* Клянуся
б. *Как в тексте.*
- 6—8 А а. *Начато:* Не я ли
б. Не я ль в сень уединенья
Пророка своего любя
Укрыл от ( ) гоненья
- Б Кого же в сень упокоенья
Глав(у)² изгнанника любя
Я скрыл от зоркого гоненья
- В Кого же в сень уединенья
Я скрыл от ( ) гоненья
И ввел глав(у) его любя³
- Г Кого же в сень уединенья
(Я) ввел глав(у) его любя
(И) скрыл от зоркого гоненья⁴
- 10 а. *Как в тексте.*
б. Тебя пустынными струя(ми)
- 12 а. *Начато:* Могучей властью над раб(ами)
б. *Как в тексте.*
- 13 а. *Начато:* Мужайся — —
б. *Как в тексте.*
- 14 а. Стезе(ю)⁵ правды ( ) следуй —
б. Восстань, стезе(ю) правды следуй —
в. *Как в тексте.*

¹ Примечание и отсылка к нему в ст. 4 отсутствуют.² В автографе описка: Глава³ Перестановка ст. 7 и 8 не была отмечена в автографе. На нее указывает возникший на данном этапе вариант: И ввел глав(у) его любя, который требовал перемещения исправленного таким образом стиха на место ст. 8. На следующем этапе правки над этим стихом появилась цифра: 1, а над стихом: Я скрыл от ( ) гоненья — цифра: 2. Эти пометы, обозначающие возвращение к первоначальному порядку стихов (см. вариант Г), также указывают на то, что на определенном этапе работы Пушкин собирался такой порядок изменить.⁴ Обозначив цифрами: 1 и 2 возвращение к первоначальному порядку ст. 7 и 8, Пушкин оставил неисправленными первые слова в этих стихах. В последнем слое автографа они имеют следующий вид:

И ввел глав(у) его любя
( ) скрыл от зоркого гоненья

⁵ В автографе описка: Стезей

- 15 а. Дари сирот и мой Коран —
 б. Храни сирот и мой Коран —
 в. Как в тексте.
- 16 а. Как в тексте.
 б. Мят(ежн)ой(?) твари проповедуй —
 в. Как в тексте.¹

II

«О жены чистые пророка...»

Черновой набросок, на позднейшем этапе переработанный в примечание 3
 (ПД 835, л. 18 об.)

Пророк мой вам того не скажет
 [Мои Законы]
 [Он вежлив скромн]

Варианты белого автографа
 (ПД 835, л. 9)²

- 5 Живите скромны — вам пристало
 6 а. Небесной девы покрывало
 б. Как в тексте.
 10 Не встретит вашего лица!
 12 Стекаясь к трапезе его
 14 Смуцать пророка моего

III

«Смутясь нахмурился пророк...»

Черновой автограф
 (ПД 835, л. 18 об.)

- 1—2 а. Смутясь нахмурился пророк —
 б. Ты(?) днесь(?) нахмурился пророк
 в. Смутясь нахмурился пророк —
 Слепца послышав приближенье
- 3—4 А В ( ) закоснел порок
 ( ) святое вдохновенье
 Б В нем ( ) закоснел порок
 Не зрит святое вдхоновенье
 В Почто ж осмелился порок
 Ему являть недоуменье

¹ Под текстом фигурная скобка (знак концовки).

² Примечание и отсылка к нему в ст. 20 отсутствуют.

- Г < > порок
< > подозренье¹
- Д < > порок
Ему толкуют(?) < >
- Е Почто ж < > дерзнул порок
Ему являть недоуменье
- Ж а. Бежит < > — <нрзб>
б. *Начато*: Бежит да не
в. *Начато*: Бежит
г. *Начато*: Да не дерзнет
д. Бежит да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье
- 5—8 А *Отсутствуют.*
Б² Закон³ < > дан
Беги пророк от нечестивых
Ты проповедай(?) < > Коран
Не принуждай < > строптивых
- В а. Закон святой < > дан
б. *Начато*: Тебе закон святой
в. Тебе законов список [дан]
< > строптивых
а. Твой долг вещать < > Коран
б. Ты⁴ дол<жен> возвещать Коран
в. Не бо<йся>(?⁵) возвещать Коран
г. Ты дол<жен> возвещать Коран
а. Не принуждая нечестивых
б. Не принуждай умов стро<птивных>⁶
- Г С небесной книги список дан
Тебе пророк не для строп<тивных>
а. Ты только возвещай К<оран> —
б. Ты токмо возвещай К<оран> —
Не понуждая нечестивых
- 9 а. Почто ж не верит человек —
б. За что ж не верит человек —
в. Почто ж не верит человек —
- 10 а. За то ль что наг и слаб родился —
б. *Начато*: За то ль что небом⁷ за< >
в. *Начато*: За то ль что наг и
г. За то ль что наг на свет явился

¹ Слово: подозренье осталось незачеркнутым.

² Варианты Б—Г ст. 5—8 вписаны на левом поле листа.

³ Перед тем как записать слово: Закон, Пушкин хотел записать какое-то другое слово, возможно начинавшееся с буквы: Т (Т<ебе>(?))

⁴ На следующем этапе работы слово: Ты оставалось незачеркнутым и было использовано при записи варианта «г».

⁵ Слова: Не бо<йся>(?⁵) остались незачеркнутыми.

⁶ Верхний слой записи варианта В остался незачеркнутым; вариант Г записан ниже и представляет собой авторскую сводку варианта В.

⁷ Слово: небом осталось незачеркнутым.

- 11 а. *Начато*: Что бог
 б. Что ограничен краткий век —
 в. Что дан ему недолгий век —
 г. Что он влачит недолгий век —
- 12 Что слаб умрет как слаб родился
- 13—16 А а. *Начато*: За то ль что Бог его сра⟨зит⟩⟨?⟩
 б. За то ль что Бог и умертвит
 И воскресит — ⟨   ⟩ по воле —
 За то ль что ⟨   ⟩ ему дарит
 Земные блага в ⟨   ⟩ доле
- Б За то ль что Бог и умертвит
 И воскресит его — по воле —
 а. И каждый день ему дарит
 б. И тайно дни ⟨   ⟩ хранит
 в. И в⟨?⟩ тайн⟨е⟩⟨?⟩ дни ⟨   ⟩ хранит
 г. И благом тайно⟨?⟩ дни ⟨   ⟩ дарит¹
 д. И с неба дни ⟨   ⟩ хранит
- а. В его ⟨   ⟩ доле
 б. В его печальной ⟨   ⟩ доле
 в. *Начато*: За то и
 г. [И] И в радостях и ⟨   ⟩
- 17—20 За то ль что дал ему плоды
 а. И хлеб, и финик и оливы —
 б. И хлеб, и финик и оливу —
 Благословив его труды²
 а. *Начато*: И бла⟨   ⟩
 б. И ⟨   ⟩ ниву
 в. И обра⟨бо⟩танную ниву
 г. И ⟨   ⟩ и сад и ниву
 д. И стадо⟨?⟩ плуг и сад и ниву
 е. И ⟨   ⟩ и лес и ниву
 ж. И ⟨   ⟩ и дом⟨?⟩ и ниву
 з. И вертоград и лес и ниву
- 21—24 А Но только Ангел вострубит
 Суда ⟨   ⟩ грянет
 И брат от брата побежит —
 И от жены супруг отпрянет
- Б Но дважды Ангел вострубит
 а. Суда³ — ⟨   ⟩ голос грянет
 б. И ⟨   ⟩ голос грянет
 в. На землю глас небесный ⟨   ⟩
 И брат от брата побежит —
 И сын от матери отпрянет⁴

¹ Левее начато неразборчивое слово, вероятно относящееся к работе над стихом.

² Первоначально было по ошибке записано: Благословив его плоды

³ Слово: Суда было зачеркнуто и записано снова.

⁴ Слово: отпрянет было зачеркнуто и восстановлено.

- 25—28 А < > суд —
 Затрепетав стыдом и страхом
 И нечестивые падут
 Обезобра<женные> < >
- Б а. < > в сей день < > суд —
 б. В сей день сердца их притекут —
 в. В сей день услышат гро<зный><?> суд¹ —
 г. И все пред Бога притек<ут>
 а. И сокрушась стыдом и страхом
 б. < > <нрзб> < > страхом
 в. < >
 И нечестивые падут
 а. *Начато*: Покрытые стыдом
 б. Покрыты пламенем и прахом

Варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 29 об.—30)²

- Заглавие: а. Подражание Корану³
 Из гл<авы> Слепый в 42 ст<ихах>
 б. Подражания Корану
 1.
 Из гл<авы> Слепый в 42 ст<ихах>⁴
 4 Ему являть недоуменья.⁵
 5 а. *Начато*: Тебе⁶
 б. *Как в тексте*.
 7 а. Ты только возвеждай Коран
 б. *Как в тексте*.
 8 а. *Как в тексте*.
 б. Не замечая нечестивых.
 9 а. Почто ж не верит человек?[?]
 б. *Как в тексте*.
 в. Почто ж не верит человек?[?]
 г. *Как в тексте*.
 10 а. За то ль что наг на свет родился?[?]
 б. *Как в тексте*.
 15 а. И с неба дни его хранит
 б. *Как в тексте*.

¹ Слова: услышат и суд остались незачеркнутыми.

² Примечание и отсылка к нему в ст. 2 отсутствуют.

³ Под словами: Подражание Корану фигурная скобка.

⁴ Вариант «б» возник после того, как в тетради ПД 833, л. 30 об. был записан белой автограф стихотворения «С тобою древле, о Всесильный...», озаглавленного: Подр<ажание> 2 (см. ниже). Исправленная часть заглавия: Подражания Корану относится к обоим стихотворениям.

⁵ Здесь и далее между строфами проставлены значки, отмечающие строфическое деление.

⁶ Описка.

- 18 И хлеб, и финик, и оливы,
21—22 а. Но только Ангел вострубит
Но только гром небесный грянет —
б. Как в тексте.
24 И сын от матери отпрянет!

IV

«С Тобою древле, о Всесильный...»

*Первоначальный черновой автограф
(ПД 835, л. 20)*

- 1—4 А С Всесильным гордостью пылая
Могучий состязаться мнил —
а. В гордыне < > уповая —
б. В слепой гордыне уповая —
На < > сил —
Б а. С тобою некогда Всесильны⟨й⟩¹
б. С тобою древле о Всесильны⟨й⟩
Могучий состязаться мнил —
а. Гордынею < > обильный
б. Безумной гордостью обильный
а. Но Силы Царь его смири⟨л⟩² —
б. Но ты Господь его смири⟨л⟩ —
5—8 А а. Начато: Равно < > длань
б. < > — дарую жизнь и я
в. Начато: В боях
Б Я < > жизнью дарую
Я смертью землю наказую
В а. Я сладк⟨о⟩й жизнью дарую
б. Я сладк⟨о⟩й жизн⟨ь⟩ю³ мир дарую
Я смертью грозной⟨?⟩ наказую
а. [Про] Простерта < > длань моя
б. На все простерта длань моя

*Авторская сводка первоначального черного автографа
с последующей доработкой
(ПД 835, л. 20)*

- 1—4 С тобою древле, о Всесильный,
Могущий состязаться мнил
Безумной гордостью обильный —
Но⁴ ты Господь его смирил

¹ Форма слова: Всесильным исправлена не была.

² В автографе описка: смиритель

³ Форма слова: жизнью осталась неисправленной.

⁴ Слово: Но вписано.

- 5—14 А Ты рек: я жизнью мир дарую
 Я земл(ю) смертью наказую
 На все простерта [жи(знь)]¹ длань моя —
 Он рек: дарую жизнь и я
 И смертью наказую землю
 [По] По воле гнева моего.
 С востока солнце я подь(емлю)
 С заката подыми его.
- Б Я сладкой жизнью мир дарую
 Я земл(ю)² смертью наказую
 На все простерта длань моя —
- а. Дарую в мире жизнь и я
 б. Дарую рек он жизнь и я
 в. Он рек ( ) дарую
 И смертью (землю наказую)³
 С тобою Боже ( ) я
- а. *Начато:* Ты рек —⁴
- б.⁵ Но ( ) ложь пророка⁶
 в. Но обличилась(?) ложь поро(ка)
 г. Но се(?)⁷ из( ) ложь порока
 д. Изобличилась ложь порока
 е. Но смолкла гордость(?) ( ) порока(?)
 ж. Но смолкла пох(вальба)(?)⁸ поро(ка)(?)
- а. От [п(?)] гр( )(?) слова твоего
 б. При(?) ( ) слова твоего
 в. От ( ) слова твоего
 (Подъемлю солнце я с востока)⁹
 С заката подыми его.

Варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 30 об.)

- Заглавие Подр(ажание) 2.¹⁰
 1—3 а. С тобою древле, о Всесильный,
 Безумной гордостью обильный
 Могучий состязаться мнил

¹ Описка.

² Слово: земл(ю) зачеркнуто и восстановлено.

³ В автографе осталось неисправленное: наказую землю

⁴ Вариант, вписанный над стихом: С востока солнце я подь(емлю), остался не вычеркнутым.

⁵ Этот и следующие варианты ст. 11—12 записаны под стихом: С заката подыми его. Место вставки определяется по основному тексту.

⁶ Описка, вместо: порока

⁷ Слова: Но се(?) остались незачеркнутыми.

⁸ В автографе перед записью слова: пох(вальба)(?) были начаты и зачеркнуты два неразборчивых слова.

⁹ В автографе предыдущий вариант стиха остался неисправленным.

¹⁰ На л. 29 об. тетради ПД 833 заглавие: Подражания Корану, общее для двух стихотворений: «Смутясь нахмурился пророк...» и «С Тобой древле, о Всесильный...»

- б. Безумной гордостью обильный
С тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил¹
- в. Как в тексте.²
- 5 Ты рек: Я жизнью мир дарую
- 7 а. Начато: На все пр⟨ ⟩
б. Как в тексте.
- 11³ Но смолкла похвальба Порока
- 12 а. От гласа гнева твоего:
б. Как в тексте.

V

«Земля недвижна; неба своды...»

Черновой автограф
(ПД 835, л. 22)

- 1—4⁴ Земля недвижна — неба своды
- а. Твоей поддержаны рукой
- б. Творец поддержаны⁵ тобой
- а. [Да] Да не падут — на сушь и воды
- б. Да не падут — на сушь на⟨?⟩ воды
- в. Да не падут — на сушь [и] и воды
- а. Начато: Все тва⟨ри⟩
- б. ⟨ ⟩ подавив собой
- в. Всех тварей подавив собой
- г. И тварей подавят собой
- д. И не подавят их⟨?⟩ собой
- 5—8⁶ А Как лен елеем напоенный
- а. Начато: Горит под
- б. Начато: Горит в п⟨ ⟩
- в. Горит в прозрачном хрустале
- г. Горит в лампадном хрустале
- а. Так блещет ⟨ ⟩ лик священный
- б. Пылает — ⟨ ⟩ лик священный
- в. Пылает солнца лик священный
И блещет радостью земле.

¹ Перестановка стихов отмечена цифрами: 1 у стиха: Безумной гордостью обильный и 2 у стиха: С тобою древле, о Всесильный. Но затем эти цифры были зачеркнуты, и Пушкин наметил другую перестановку стихов (см. вариант «в»).

² Перестановка стихов отмечена цифрами: 1 у стиха: Могучий состязаться мнил и 2 у стиха: Безумной гордостью обильный

³ Между ст. 10 и 11 строфическое деление.

⁴ В автографе ст. 1—4 следуют за ст. 5—8.

⁵ В слове: поддержаны приставка: под зачеркнута и восстановлена.

⁶ В автографе ст. 5—8 предшествуют ст. 1—4.

- Б Как лен елеем напоенный
Горит в < > хрустале
Зажег < > солнца лик священный
Да блещет небу и земле.
- 9 а. < > <нрзб>
б. < > он могучий
в. Он благодатный он могучий
г. Ему молитесь — он могучий
д. Творцу молитесь — он могучий
- 10 а. [Он] Он < > в знойный день
б. Он правит ветром — в знойный день
- 11 а. Он освежительные тучи
б. На небе насылает тучи
в. На небе простирает тучи
г. На небе насылает тучи
- 12 а. *Начато:* И тени под(?)
б. Дает < > дре(ве)сну тень
в. Земле дает дре(ве)сну тень
г. И на Земле дре(ве)сну тень
д. Земле дарит дре(ве)сну тень
- 13—16 А Он сердцеведец — Магомету
Он завещал святой Коран
[Да] Да притекут < > к свету
И да падет с очей туман
- Б Во дни печалей — Магомету
а. Он открывал(?) святой Коран
б. Вручая(?) < > Коран
в. Открыв сияющий Коран
г. Открыл < > Коран
Да притечем из(?) тьм(ы)<?) к(о)¹ свету
И да падет с очей туман

Варианты белого автографа
(ПД 833, л. 33)²

- Заглавие* 3 подр(ажание) Кор(ану)
- 5 а. Возжег ты солнца лик священный
б. *Как в тексте.*
- 8 а. В прозрачном светит хрустале
б. *Как в тексте.*
- 9 а. *Начато:* Молитесь
б. *Как в тексте.*
- 12 Дает земле древесну тень
- 13 а. Он в день гоненья Магомету
б. *Как в тексте.*

¹ Предлог: к остался неисправленным.

² Примечание и отсылка к нему в ст. 4 отсутствуют. В ст. 15 описка: притем вмес-
то: притечем

VI

«Недаром вы приснились мне...»

Черновой автограф ст. 1—6
(ПД 835, л. 19)

- А Недаром видел я во сне
С окровавленными мечами
[На] Во рву, на башне на стене
- Б Недаром видел я во сне
В бою с обритыми главами
С окровавленными мечами
[На] Во рву, на башне на стене¹
Вам Бог победу даровал
Гоните робких нечестивых(?)
- В а. Недаром вас ( ) сне
б. Недаром зрел ( ) сне
в. Недаром видел вас [во] сне
В бою² с обритыми главами
Во рву, на башне на стене
а. Гремящих быстрыми мечами³
б. Гремящих острыми мечами
Вам Бог победу даровал
( )

Черновой автограф ст. 9—20
(ПД 835, л. 36—35 об.)

- 9—12 А а. Начато: Мы победили! Слава
б. Вы победили! Слава вам —
а. Начато: Но малодушные
- Б Вы победили! Слава вам —
( ) без обмана
- В Вы победили! Слава вам —
Во имя ( ) Корана
Начато: А малодушным
- Г Вы победили! Слава вам —
а. А малодушные, не видя(?)
б. А малодушным посмеянье
а. Начато: [Не веря] Не веря
б. Начато: Моим не
в. Начато: Пророческие
г. Начато: Не веря в(?) (нрзб)
д. Они не веря ( ) снам

¹ После этого стиха поставлен значок, отмечающий строфическое деление.

² Слова: В бою зачеркнуты и восстановлены.

³ Стих вписан перед значком, отмечающим строфическое деление (см. примеч. 1).

- е. Они не веря ди⟨вным⟩⟨?⟩ снам
 а. Не¹ шли на бран⟨и⟩ при⟨зы⟩ванье²
 б. Не шли на бран⟨ное⟩ призыванье
 13 [П] Прельстясь добычей дорогою
 14 а. Теперь в безумии своем
 б. Они в раскаянии своем
 15 а. Возьмите ⟨ ⟩ нас с собою! —
 б. Рекут возьмите нас с собою! —
 16 Но вы скажите: не ⟨возьмем⟩
 17 а. Блаженны падшие во брани
 б. Блаженны падшие в сра⟨женьи⟩
 18 а. *Начато*: Им
 б. Теперь они войдут в Эдем
 в. Теперь они вошли в Эдем
 19 а. И потонули в упоеньи
 б. И потонули в насл⟨ажденьи⟩
 20 а. Не омраченные ничем
 б. Не отравленном³ [уж⟨?⟩] уж ничем

Варианты белого автографа
 (ПД 835, л. 37 об.)

- 4 Во рву, на башнях, на стене —
 6 а. О дети пламенных степей
 б. *Как в тексте.*
- Между
 12 и 13 А Отсутствуют.
 Б⁴ Они твердили Магомет
 Толку⟨е⟩т⁵ хитрые виденья
 Они Ума его ⟨ ⟩
 Его ль нам ⟨сл⟩уш⟨а⟩ть⁶ он поэт!..
 В Они твердили пусть виденья
 Толку⟨е⟩т хитрый Магом⟨ет⟩
 а. Они Ума его творенья⟨?⟩
 б. Они Ума его ⟨ ⟩
 [Его] ль нам ⟨сл⟩уш⟨а⟩ть он поэт!..
 13 а. Теперь добычей дорогою
 б. *Как в тексте.*
 16 а. А вы скажите: не возьмем.
 б. *Как в тексте.*
 20 Не отравленном уж ничем

¹ После слова: Не одна зачеркнутая неразборчивая буква.

² Слово: при⟨зы⟩ванье осталось незачеркнутым.

³ Слово: отравленным было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Стихи были вписаны на левом поле белого автографа после его завершения; в печатный текст стихотворения вставка не вошла. Ее место определяется по расположению на листе и содержанию.

⁵ В автографе описка: толкуют

⁶ В автографе описка: лсушь

- б. *Начато*: Подобно
 в. *Начато*: Она — < > как
 з. *Начато*: Подобно ниве благодатной
 д. Она сторицею — — подобно тучной ниве
 е. Возд(аст) < > подобно тучной ниве
 ж. Она < > подобно тучной ниве
 з. Тебе воздаст она подобно тучной ниве
 Б В день грозного суда подобно ниве тучной
 [Воз] Воздаст¹ < > трудам
 За твой посев благополучный
 В В день грозного суда подобно ниве тучной
 За твой посев благополучный
 а. Воздаст она твоим трудам
 б. Сторицею воздаст она твоим трудам²
 7—9 А а. [Но] [Но] [Но тот] Но тот < > вр(у)чая³ скудну
 дань
 б. Но тот кто бедному — вр(у)чая скудну дань
 в. Но тот кто⁴ нищему вр(у)чая скудну дань⁵
 Сжимает между тем < > длань
 Б⁶ Но проклят кто < > стяжанье
 Вручая Н(ищите)<?> < > пода(я)нье⁷
 Сжимает между тем завистливую длань
 В Но кто жалея сам [богатое] стяжанье⁸
 Вручая нищему скупое пода(я)нье
 Сжимает между тем завистливую длань
 Г Но если пожалев трудов земных стяжанье⁹
 Вручая нищему скупое пода(я)нье
 Сжимаешь ты¹⁰ свою завистливую длань
 10—12 А [Твоя] Твои дары < > подобно горсти пыльной
 На камне — < > дождь об(ил)ьный¹¹
 Смывает —
 Б а. Тогда тв(ой)<?> дар<?> подобен горсти пыльной
 б. То все тво(и) дары подобно горсти пыльной
 а. Что с камня < > дождь об(ил)ьный

¹ Слово: Воздаст было зачеркнуто, записано снова, еще раз зачеркнуто и восстановлено.

² После ст. 6 отчеркивание, обозначающее строфическое деление.

³ В автографе описка: врачая

⁴ Слово: кто осталось не зачеркнутым.

⁵ Далее было намечено и сразу отменено исправление: Но тот кто нищему вр(у)чая скудны(?) дани(?)

⁶ Новые варианты ст. 7—8 записаны под стихом: Сжимает между тем < > длань, который подвергся в ходе работы дальнейшей правке.

⁷ В автографе описка: поданье

⁸ Этот вариант стиха остался не зачеркнутым.

⁹ Этот вариант стиха записан после отчеркивания под стихом: Вручая нищему скупое пода(я)нье

¹⁰ Местоимение: ты зачеркнуто и восстановлено.

¹¹ В автографе описка: обьный

- б. Что с камня <в> бурю дождь об<ил>ьный
 в. Что¹ с камня смоем дождь об<ил>ьный
 а. Так — <   > дань —
 б. Так точно <   > дань —²

Варианты белого автографа
 (ПД 835, л. 38 об.)

- Заглавие Милостыня³
- 1 а. Как в тексте.
 б. Торгуя совестью пред робкой нищетою
- 2 Не сыпь своих даров завистливой рукою
- 5 а. За твой посев благополучный
 б. Посев порой благополучный
 в. За твой <   > благополучный
 г. О сеятель благополучный!
- 7 а. Но если пожалев богатств земных стяжанье
 б. Но если пожалев д<аров><?> земных стяжанье
 в. Но если пожалев трудов земных стяжанье
- 9 Сжимаешь ты свою расчетливую длань
- 10 а. То все твои дары, подобны, горсти пыльной
 б. Как в тексте.
- 11 Что с камня смоем дождь обильный —
- 12 а. Исчезнут — <   > погибнувшая дань
 б. Исчезнут — д<ля> небес погибнувшая дань
 в. Исчезнут — для Небес погибнувшая дань
 г. Исчезнут — в п<...> погибнувшая дань
 д. Исчезнут — Господом отвергнутая дань
 е. Исчезнут — Господом отринутая<?> дань⁴

IX

«И путник усталый на Бога роптал...»

Редакторская сводка первоначального чернового наброска
 (ПД 835, л. 11 об.)

В пустыне древле человека
 Господь узрел и усыпил —
 И протекло над<?> <ним> три<?> века —
 Он человека пробудил
 Скажи под кладезем пустынным

¹ Незачеркнутое слово: Что записано еще раз.

² Под текстом знак концовки.

³ Заглавие вписано.

⁴ Под текстом знак концовки в виде фигурной скобки.

Редакторская сводка чернового наброска,
предположительно относящегося к работе над стихотворением
(ПД 835, л. 34)

⟨   ⟩ сон изнеможенья
И пролетели надо мной
Разнообразные виденья

Приснились мне древа и воды —
Увидел я и шум и тень

Черновой набросок
(ПД 835, л. 34)¹

- 1—3 А а. *Начато:* Все
б. Я не дремал —² но усыпление
⟨   ⟩
И совершались предо мной
⟨   ⟩ виденья
Б ⟨   ⟩ сон изнеможенья
а. *Начато:* И пролетало над
б. И пролетели надо мной
Разнообразные виденья
4 а. *Начато:* Увидел я
б. *Начато:* Пр⟨   ⟩
в. *Начато:* Мне снил⟨   ⟩
г. Приснились ⟨   ⟩ древа и воды —
д. Приснились мне древа и воды —
5 а. *Начато:* И тень и шум —
б. ⟨   ⟩ и шум и тень
в. Увидел я и шум и тень

Основной черновой автограф
(ПД 835, л. 39—39 об.)³

- 1—6 А ⟨   ⟩ на бога роптал —
⟨   ⟩
Он жаждой томился он пищи алкал —
⟨   ⟩
⟨   ⟩
Под пальмою кладез — обрадовал вдруг —
Б ⟨   ⟩ на бога роптал —
а. *Начато:* Он⟨?⟩ три ⟨   ⟩ в пустыне
б. *Начато:* Три дня и три ночи в пусты⟨не⟩⟨?⟩

¹ Нумерация стихов по редакторской сводке.

² Слова: Я не дремал и тире остались незачеркнутыми.

³ Нумерация стихов по основному тексту.

- в. В пустыне песч(а)ной три дня и три ночи
Он жаждой томился он пищи алкал —
- а. [И] И ( ) томимые(?) очи —
- б. *Начато:* Но путник от зноя уж
Начато: Он зное(м)
- г. Он зноем и пылью ( ) очи —
- д. Он зноем и пылью томимые¹ очи
- е. Он зноем и пылью тягчимые очи
( ) водил без надежды вокруг
- а. Под пальмою кладез — обрадовал вдруг —
И² пут(ник)
- б. И кладез и п(альму)(?) ( ) вдруг —
- в. И кладез под [па] пальм(ой) он ( ) вдруг —
- г. И кладез под пальм(ой) увидел он вдруг —
- В а. ( ) путник — ( ) на бога роптал —
- б. И пут(н)ик³ усталый на бога роптал —
- в. И пут(н)ик печальный на бога роптал —
- г. И пут(н)ик усталый на бога роптал —
( ) три дня и три ночи
- а. Он жаждой тягчился(?) и тени алкал —
- б. Он жаждой томился и тени алкал —
Он зноем и пылью тягчимые очи
( ) водил без надежды вокруг
И кладез под пальм(ой) увидел он вдруг —⁴
- Г И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал —
- а. *Начато:* Бродил он
- б. В пустыне бродил он три дня и три ночи,
И зноем и пылью томимые очи —
В тоске безнадежной водил он вокруг —
И кладез под пальмой увидел он вдруг
- Д⁵ а. И путник печальный на бога роптал:
б. В отчаяньи путник на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал —
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью томимые очи —
- а. С тоской безнадежной бросал(?) он вокруг —
- б. С тоской безнадежной водил он вокруг —
И кладез под пальмой увидел он вдруг⁶

¹ Слово: томимые осталось незачеркнутым.

² Союз: И остался незачеркнутым.

³ В автографе описка: путик

⁴ Верхний слой записи варианта В ст. 1—6 остался незачеркнутым; вариант Г записан после варианта А ст. 7—10 и представляет собой авторскую сводку варианта В.

⁵ Вариант Д ст. 1—6 сложился в результате правки поверх авторской сводки.

⁶ Под ст. 6 значок, отмечающий строфическое деление.

- 7—10 А¹ а. И путник у кладеза грудь оживил
 б. И хладной(?) [ст(?)] [в(?)] < > он грудь оживил
 в. И хладной струею он грудь оживил
 а. И ж(?) < > утолил —
 б. < > и жажду усталой ослицы —
 Заботливо
- Б² И путник < >
 И хладной струею язык освежил
- В а. И к па(ль)ме³ ослицы < > устремил
 б. И к па(ль)ме ослицы <начато нрзб> < > устремил
 в. И к па(ль)ме ретивый(?) он бег устремил
 г. И к па(ль)ме пус(тънной)(<?) он бег устремил
 а. Струею студенной язык освежил
 б. И жадно <студенной струей>⁴ освежил
 а. Язык воспаленный и < > зеницы
 б. < > воспаленный язык и зеницы
 в. Горевшие долго язык [и] зеницы
 а. И лег < > близ верной ослицы —
 б. И лег он под пал(ьмой)⁵ близ верной ослицы —
 а. И легши(?) уснул он близ верной ослицы —
- 11—12 А а. Начато: Заснул —
 б. Начато: И ветер повеял
 а. И сон чудотворн(ы)м⁶ его осенил
 б. И сон чудотворный его осенил
 в. И сон его очи < > сомкн(ул)(<?)
 г. И сон его очи < > смежил(<?)⁷
- Б а. < > подул
 б. Прохладой полуно< > < > подул
 в. Прохлагою ветер < > подул
 г. Полночной прохлагою ветер подул
 И путнику очи сон дивный сомкнул —⁸
- В И ровно два века над ним протекли —
 По воле Владыки небес и земли — —

¹ Вариант А ст. 7—10 записан перед авторской сводкой ст. 1—6.

² Работа над ст. 7—10 (варианты Б и В) продолжена под записью авторской сводки ст. 1—6.

³ В автографе описка: паме

⁴ В автографе перестановка слов: Струею студенной осталась неотмеченной.

⁵ Слова: он под пал(ьмой) были зачеркнуты и восстановлены (под вписанным сверху предлогом: под значки, указывающие на восстановление слова, отсутствуют).

⁶ Вероятно, Пушкин записал начало стиха: И сон, но уже при записи следующего слова наметил вариант: И с(ном) чудотворн(ы)м его осенил (в третьем слове описка: чудотворнум).

⁷ Слово: смежил(<?) осталось незачеркнутым. Вероятно, после записи данного варианта было записано и зачеркнуто начало следующей строфы: [Владыка]

⁸ После записи данного варианта были поставлены значки, отмечающие строфическое деление. Стихи, составившие вариант В, записаны под этими значками и, возможно, первоначально мыслились как начало следующей строфы. Но затем вариант Б был зачеркнут и заменен двумя стихами, составившими вариант В.

- 13—14 А а. *Начато:* И путник проснулся от(?)
 б. И путник ⟨нрзб⟩ полупробужденный
 в. [И] Но вот ⟨он⟩ проснулся полупробужденный
 г. Но вот ⟨нрзб⟩ ⟨ ⟩ и полупробужденный
 д. Внезапно ⟨ ⟩ полупробужденный
 а. *Начато:* Он внемлет
 б. *Начато:* Он ⟨ ⟩ голос
 Б а. ⟨ ⟩ он дре⟨млет⟩
 б. Он сном невредимым окова⟨нны⟩й дремлет
 а. Но вот пробудился — ⟨ ⟩ и внемлет:
 б. И вот пробудился — и голосу внемлет:
 [Скажи]¹
 В² Но сон отлетает от ⟨ ⟩
 Проснулся и внемлет он гласу небес
 Г Настал пробужденья для путника час
 Встает он и слышит — неведом⟨ый⟩ глас³
- 15—16 А а. *Начато:* Ты
 б. *Начато:* Поведай ты долго ль
 И путник на солнце ⟨ ⟩ отвечал
 Б а. *Начато:* [Дав] Давно ль
 б. Давно ли заснул ты в печальной пустыне
 в. Давно ли заснул ты под пальмой(?) [в] пустыне
 г. Давно ли в пустыне заснул ты глубоко
 а. И путник — — ⟨ ⟩ уж солнце высоко
 б. И тот отвечает — уж солнце высоко
- 17—18 А ⟨ ⟩ вчера
 а. [С] От утра я ровно проспал до утра —
 б. От утра я точно(?) проспал до утра —
 в. От утра глубоко я спал до утра —
 г. С утра ⟨ ⟩ утра —
 д. До утра глубоко я спал от утра —
 е. С утра я лениво проспал [до] утра —
 Б а. На небе пустынном(?) сияло вчера
 б. На утрен⟨нем⟩ небе сияло вчера
 С утра я лениво проспал [до] утра
- 19—20 а. И глас ему слышен — два века ты спал
 б. И глас ему слышен — нет — доле ты спал
 в. Но голос: о путник — ты долее спал
 а. Ты молод л⟨ожился?⟩ а старцем восстал
 б. Ты юн(?) ⟨ ⟩ а старцем восстал
 в. Ты молод ⟨ ⟩ а старцем восстал
 г. Ты юн(?) ⟨ ⟩ а старцем восстал
 д. Ты молод ⟨ ⟩ а старцем восстал

¹ Вариант Б остался незачеркнутым.

² Работа над ст. 13—14 (варианты В и Г) и 15—18 была продолжена на левом поле листа.

³ В автографе записанная ранее форма слова: гласу осталась неисправленной.

- 27—28
- в. Заплакал усталой главою поник —
 з. Рыдая усталой(?) главою поник —
 д. Рыдая главою дрожащей поник —
 а. *Начато:* Но
 б. *Начато:* И чудо
 в. И < > тогда совершилась —
 з. И новое(?) диво(?) тогда совершилось —
 д. И чудное диво(?) тогда совершилось —
 е. И стра(нное) чудо тогда совершилось —
 а. [И] Погибшая пальма < > оживилась
 б. Минувшее < > оживил(о)сь¹
 в. Погибшая пальма < > оживилась
 з. Погибшее новой красой оживил(о)сь
 д. < > в новой красе оживил(о)сь
- 29—30 А
- а. Погибшая < > шумит
 б. Погибшая пальма вновь гордо стоит
 в. Вновь(?) древняя(?) пальма на корне стоит²
 а. И кладез под нею студеный(?) шумит
 б. И кладез под нею наполнен(?) журчит(?)
 з. И кладез вновь < > прохладой манит
 з. Вновь кладез пустынный прохладой манит
 д. Вновь кладез под нею прохладой дарит
- Б
- а. *Начато:* Вновь зыблется пальма тенист(ой)(?)
 б. Вновь зыблется пальма зеленой гла(вой)(?)
 Вновь кладез под нею наполнен водой³
- 31—32
- а. И кости < > ослицы встают —
 б. И ветхие кости ослицы встают —
 а. *Начато:* И плотью одеты, и жизнью
 б. И плотью одеты, и глас издают
 в. И телом одеты, и рев издают
- 33—34 А
- а. И путник < > теряет седины
 б. И чувствует путник⁴ и силу и младость
 Взыграла [нрзб] < > радость
- Б
- И чувствует путник и силу и радость
 а. В груди заиграла минувшая младость
 б. В крови заиграла минувшая младость
 в. В крови заиграла воскресшая младость
- 35—36
- а. < > восторги наполнили грудь
 б. Святые восторги наполнили грудь
 в. Восторги святые наполнили грудь
 а. И < > хваля < > — в путь —
 б. И вновь(?) < > — в путь —
 в. И <нрзб> < > — в путь —

¹ Форма слова: оживилась исправлена не была.

² Слова: на корне стоит остались незачеркнутыми.

³ После ст. 30 значок, отмечающий строфическое деление.

⁴ Слово: путник зачеркнуто и восстановлено.

«НАСИЛЬНО ЗУБОВУ МИЛА...»

(С. 31)

Черновой автограф
(ПД 835, л. 19)

⟨1⟩

Редакторская сводка чернового автографа

Мне жаль великия жены
Жены которая любила
[Все роды славы] дым войны
И дым парнасского кадила
В аллеях Сарского села
Она ⟨   ⟩ с Орл⟨овым⟩
Беседы милые⟨?⟩ вела —
С барон⟨ом⟩⟨?⟩ ⟨   ⟩
С Делинъем — иногда ⟨   ⟩
10 Мы ей ⟨   ⟩ одолжены
⟨   ⟩ и Тавридой
И посрам⟨лением⟩⟨?⟩ луны —
И мы ⟨   ⟩ д⟨олжны⟩⟨?⟩
Ее Минервой-Аонидой

Черновой автограф¹

- 1—4 А Мне жаль великия жены
а. Начато: Меж⟨?⟩
б. Жены² которая сияла
а. И славой ⟨   ⟩ войны
б. И славой мира и войны
Б Мне жаль великия жены
Жены которая любила
И дым ⟨   ⟩ войны
И дым парнасского кадила
В Мне жаль великия жены
Жены которая любила
[Все роды славы] дым войны
И дым парнасского кадила
5—9 А а. Начато: Она
б. В беседках [Цар⟨ского⟩] Сарского села
в. В аллеях Сарского села
а. Начато: Она с Державиным
б. Она ⟨   ⟩ с Орловым
в. Начато: С Потемкиным

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.² Слово: Жены исправлено из: Жена

- г. *Начато*: С Державиным
 д. Она с Пот⟨емкиным⟩ с Орл⟨овым⟩
 е. Она с Держав⟨иным⟩ с Орл⟨овым⟩
   ⟨   ⟩ пила
- Б В аллеях Сарского села
 Она ⟨   ⟩ с Орл⟨овым⟩
- а. *Начато*: Стар⟨   ⟩⟨[?]⟩
 б. *Начато*: Любовь¹
 в. *Начато*: С Державин⟨ым⟩⟨[?]⟩
 г. ⟨   ⟩ чай пила
 д. *Начато*: Любви ⟨*начато нрзб*⟩
 е. С Волтером⟨[?]⟩ ⟨   ⟩ была
 ж. ⟨*Начато нрзб*⟩ ⟨   ⟩ [была]²
- В В аллеях Сарского села
 Она ⟨   ⟩ с Орл⟨овым⟩
- а. Беседы тайные вела —
 б. Беседы милые⟨[?]⟩ вела —
   С барон⟨ом⟩⟨[?]⟩ ⟨   ⟩
   С Делиньем — иногда ⟨   ⟩³
- 10—12 а. ⟨   ⟩ — мы ей одолжены
   И просвещеньем⁴ и стихами⟨[?]⟩
   И ⟨² нрзб⟩
 б. Мы ей одной⟨[?]⟩ одолжены
   Стихами⟨[?]⟩ ⟨   ⟩ и Тавридой
 в. Мы ей ⟨   ⟩ одолжены
   ⟨   ⟩ и Тавридой
   [И] И посрам⟨лением⟩⟨[?]⟩ луны —⁵
- 13—14 А ⟨   ⟩ Минервой-Аонидой
   ⟨   ⟩ ее должны
- Б а. *Начато*: [И мы ее] [И ⟨*начато нрзб*⟩] Мы⟨[?]⟩
 б. И мы прозвать ее д⟨олжны⟩⟨[?]⟩
   ⟨   ⟩ Минервой-Аонидой
- В И мы ⟨*нрзб*⟩ прозвать д⟨олжны⟩⟨[?]⟩
 Ее Минервой-Аонидой
- Г И мы ⟨   ⟩ д⟨олжны⟩⟨[?]⟩
 Прозвать Минервой-Аонидой

¹ По-видимому, исправлено из первоначального: Любви

² Выше, вероятно, было записано какое-то густо зачеркнутое слово.

³ Ниже записаны зачеркнутые слова: [чай пила]. Работа велась на левом поле в верхней части листа у корешка тетради. К работе над фрагментом также относятся записи на правом поле листа: а. [и] уроки в б. то целовалась, то в. любовь г. любви брала д. бразды правления брала

Дальнейшая работа над ст. 10—12 шла на верхнем поле в левой части листа.

⁴ Слово: просвещеньем зачеркнуто и восстановлено.

⁵ Стих записан отдельно на правом поле листа. Дальнейшая работа над ст. 13—14 шла на верхнем поле в правой части листа.

Д < > д(олжны)<?>¹
Ее Минервой-Аонидой²

<2>

Редакторская сводка чернового автографа

Старушка милая жила
Приятно но немного блудно
Вольтеру добрый(?) друг была
Наказ писала флоты жгла
И умерла садясь на судно
< > мгла
Россия, бедная держава
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла

Черновой автограф³

- 1—5 Старушка милая жила
а. Приятно хоть немного блудно
б. Приятно но немного блудно
а. *Начато:* Вольтеру друг
б. Вольтеру добрый(?) друг была
а. < > флоты жгла
б. [Наказ(?)] Наказ писала флоты жгла
И умерла садясь на судно⁴
- 6—9 А С тех пор затмилась навсегда
России < > слава
Ах
Б а. *Начато:* Но мгла
б. < > и мгла
в. < > мгла
Россия, бедная держава
а. *Начато:* [К< >] [*Нрзб*]⁵ Где <нрзб>
б. Твоя < > слава
в. Твоя удушенная слава
а. С Екатериной умерла
б. На судне сидя умерла
в. С Екатериной умерла

¹ У верхнего края листа неразборчивая скоропись, относящаяся к работе над стихом: [Кто(?)] И мы <нрзб>

² Ниже отдельные записи: [Мы] Ее прозвать и отрывочные записи, также относящиеся к работе над ст. 13—14: а. Любовью-<нрзб> б. <Нрзб> в. Душенькой. Последняя запись, относящаяся к работе над ст. 13—14, сделана на верхнем поле в левой части листа между строк ст. 10—11: [Ты(?)] [Т(?)] Царевной, Душенькой

³ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

⁴ Дальнейшая работа над ст. 6—9 шла на нижнем поле листа.

⁵ Недописанная буква.

Разночтения копий Долг, Тих, Лон—Полт, Якуш, Гв, Е, Мк₁
и публикаций Кол, РПЛ и Герб с текстом Бар

Заглавие	Сожаление	Лон—Полт
Заглавие	Екатерина II	РПЛ
2	Старушка умная жила	Якуш, Гв, Е, РПЛ
3	Приятно, но немножко блудно;	Якуш, Гв, РПЛ
4	Вольтеру лучший друг была,	Долг, Якуш, Гв, Мк ₁ , Кол, РПЛ
5	Писала прозой, флоты жгла ¹	Якуш, Гв, РПЛ, Герб
7	С тех пор лежит в России мгла,	Якуш, Гв, РПЛ
9	С Екатериною прошла	Лон—Полт, Кол

〈ИЗ ПИСЬМА К А. Г. РОДЗЯНКЕ〉

(«Прости, украинский мудрец...»)

(С. 32)

Первоначальный вариант белого автографа

(ПД 1285, л. 2)

4 Спокойней, чем иной венец;

АКВИЛОН

(«Зачем ты, грозный аквилон...»)

(С. 33)

Варианты автографа

(ПД 126, л. 1 об.)

Заглавие	Отсутствует.	
3	а.	Зачем на чуждый небосклон
	б.	Как в тексте.
4—5	А	Ты облачко так бурно гонишь Недавно черных туч грядой
	Б	Ты облачко так быстро гонишь Недавно бурных туч грядой
	В	Ты облачко так бурно гонишь
	а.	Начато: Недавно тучи
	б.	Недавно черных туч грядой
	Г	Как в тексте.
6	а.	Свод неба мрачно облакался
	б.	Как в тексте.
9—12	А	а. Начато: Ты тьмы(?)

¹ В Герб ст. 4 и 5 поменяны местами.

- б. Ты черны тучи разогнал
Ты дуб низвергнул величавый
Ты долам солнце даровал
- Б Ты бурны тучи разогнал
И дуб низвергнул величавый
Ты прошумел грозой и славой
И долам солнце даровал
- В¹ Как в тексте.
- 13—14 А а. Довольно — пусть < > блистает
б. Довольно — пусть [теп<ерь><?>] блистает
в. С тебя довольно — пусть блистает
Теперь веселый солнца лик
- Б а. Спокойся ж — пусть теперь блистает
б. Спокойся ж радостно блистает
Пускай веселый солнца лик
- В Огньне радостно блистает
Пускай же солнца ясный лик
- 15 а. Пусть облачком зефир играет
б. Как в тексте.
- Под текстом
1824²
Мих<айловское>
Болд<ино> 7 сент<ября>³

Разночтения копии Сом

- Заглавие а. Отсутствует.
б. Как в тексте.⁴
- 13—14 Огньне радостно блистает
Пускай же солнца ясный лик
- Под текстом 1824. Михайловское

Помета под текстом в ЛПРИ

1824

¹ Вариант В намечен записью, расположенной под текстом стихотворения после знака концовки:

Но ты поднялся ты взыграл
Ты про
И

Вероятно, именно на этом же этапе правки стих: Ты бурны тучи разогнал был исправлен на: И бурны тучи разогнал, а стих: И долам солнце даровал вычеркнут.

² Цифра: 2 исправлена из первоначального: 3

³ Помета: 1824 / Мих<айловское> поставлена слева под текстом до появления записи, приведенной в примеч. 1, и указывает на время создания стихотворения; помета: Болд<ино> 7 сент<ября> поставлена в правом нижнем углу листа под записью, приведенной в примеч. 1, и указывает на время создания автографа ПД 126.

⁴ Заглавие вписано карандашом, по-видимому, рукой А. А. Краевского.

«ЛИЗЕ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ...»

(С. 34)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 41 об.)

- 1—4 А Лида — новая Диана:
 а. Оступиться страшно⟨?⟩ ей
 б. Стра⟨шно?⟩ оступиться ей
 в. Оступиться страшно⟨?⟩ ей
 Полно нет ли тут ⟨обмана⟩¹
 Может ⟨   ⟩ она ⟨   ⟩
- Б Лида — новая Диана!
 На⟨?⟩ ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩
 Полно нет ли тут ⟨обмана⟩
- В Лида — новая Диана!
 Полно нет ли тут ⟨обмана⟩
 ⟨   ⟩
- Г Оступиться мне нельзя —
 Лида — новая Диана!
 Полно нет ли тут ⟨обмана⟩
- а. Говорят, мои друзья
 б. Говорят, твой⟨?⟩² друзья
 Оступиться ей нельзя —
- 5—8 А а. *Начато*: Полно⟨?⟩
 б. Притаив на ⟨   ⟩
 Может быть она очами
 а. Ищет робко между ⟨вами⟩³
 б. Ищет гордо между ⟨вами⟩
 Кто ⟨   ⟩
- Б Притаив на ⟨   ⟩
 ⟨   ⟩
 Ищет гордо между ⟨вами⟩
 Кто ⟨   ⟩

¹ Рифма: ⟨обмана⟩ предположительно устанавливается по основному тексту.² В автографе описка: твой⟨?⟩³ Рифма: ⟨вами⟩ предположительно устанавливается по основному тексту.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(«Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...»)

(С. 35)

Беловой автограф с правкой

(ПД 835, л. 51)

- Заглавие*   *Отсутствует.*
- 1   Прощай, письмо любви, прощай: она велела
- 2   Как долго медлил я! как долго не хотела
- 3   а. *Начато:* Рука моя
- б. Рука предать огню все радости мои —
- 4   а. Но полно! час настал:¹ гори письмо любви
- б. Но час настал пора! гори письмо любви
- в. Довольно час настал: гори письмо любви
- 5   а. Нет, полно; ничему душа моя не внемлет
- б. Довольно; ничему душа моя не внемлет
- 6   а. *Начато:* Уж пламя легкое любви
- б. Уж пламя легкое святой залог объемлет
- в. Уж пламя жадное листы твои приемлет
- 7   а. Бумага вспыхнула — свершилось! легкий дым
- б. Минута! — вспыхнули — пылают — легкий дым
- в. Минуту! — вспыхнули — пылают — легкий дым
- 8   а. Летит и стелется с веселием^(?) моим...
- б. Виясь теряется с мечтанием моим...
- в. <   > с молен^(ие)м² моим...
- г. Виясь теряется с молен^(ие)м моим...
- 9   Уж перстня верного теряя впечатленья
- 10   а. Кипит сургуч... Увы! печальное виденье! —
- б. Раstopленный сургуч кипит... О провиденье! —
- 11   а. Свет гаснет — потемнев, свернулись листы
- б. Все гаснет — потемнев, свернулись листы
- в. Свершилось: милые свернулись листы
- г. Свершилось: легкие свернулись листы
- 12   а. Их пепел сохранил чуть видные черты
- б. На верном пепле их угасшие черты
- в. На темном пепле их угасшие черты
- 13   Белеют... грудь моя стеснилась — пепел милый!
- 14   а. Отрада бедная в судьбе моей унылой —
- б. Отрада бедная судьбы моей унылой —
- 15   а. Приди на грудь мою, на пламенную грудь —
- б. Приди приди ко³ мне на горестную грудь —
- После* 15   Близ сердца моего останься; не забудь
                    Слова заветные, слова души прекрасной...

¹ Двоеточие осталось незачеркнутым.

² В автографе описка: моленым; после записи этого слова поставлено тире.

³ Предлог: ко исправлен из начатого, вероятно, по ошибке: н(а?)

Варианты белого автографа Кап
(по фотокопии)

- Заглавие Сожженное письмо (отрывок)¹
- 1 Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
2 Как долго медлил я! как долго не хотела
7 Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым,
11 Свершилось! Темные свернулись листы,
15 а. Приди, приди ко мне на горестную грудь²
б. Останься век со мной, на горестной груди

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Сожженное письмо. 1825

«ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ; ПЕЧАЛЬ ТЕБЯ СНЕДАЕТ...»

(С. 36)

Варианты белого автографа
(ПД 835, л. 84 об.)

- Заглавие Из André Chénier³
- 2 а. На розовых устах улыбка замирает
б. Как в тексте.
4 Не оживлялис(я)⁴... безмолвно любишь ты
6 Давно мои глаза в душе твоей читали —
7 а. Любви не угаить; мы любим но как нас
б. Любви не угаить; мы любим и как нас
8 а. Как в тексте.
б. (   ), любовь волнует вас
в. Как в тексте.
9 Счастливы юноши!.. но кто, скажи, меж ими
13—15 То назову его. Не он ли мимо дома
Все ходит и глядит в окно — Ему знакома
Сквозная занавес(ь);⁵ идет и ты бежишь
17 Никто на торжестве блистательного мая

¹ У заглавия помета Пушкина: Поместить в элегиях

² Записав вариант «а», Пушкин поставил под текстом фигурную скобку — знак концовки, но затем ниже приписал вариант «б». Оба варианта он оставил незачеркнутыми, а между ними поставил союз: или. Это означало, что выбор варианта предоставляется издателем.

³ Возможно, заглавие вписано.

⁴ В автографе описка: Не оживлялись

⁵ В автографе описка: занавесь

Разночтения Кап

(по публикациям: Майков. Автографы П.; Майков. Материалы)¹

Заглавие	Подражание Андрею Шенье ²	Майков. Автографы П. Майков. Материалы
7	а. Любви не утайшь: мы любим, но как нас б. Как в тексте.	Майков. Материалы
9	Счастливы юноши! Но кто — скажи — меж ими	Майков. Материалы

Заглавие в оглавлении Ст 1826 и Ст 1829

(Ты вянешь и молчишь)	Подражание Ан. Шенье. 1824	Ст 1826
(Ты вянешь и молчишь).	Подражание А. Шенье	Ст 1829

1825

ПРИЯТЕЛЯМ

(«Враги мои, покамест я ни слова...»)

(С. 37)

Черновой автограф

(ПД 64)

- 1—4 А а. Враги мои! доволен(ы)³ ли вы мною
 б. Враги мои! доволен(ы) ли вы мной
 Один из вас убрался на покой
 (>)
 Он избежал пронзительных когтей
- Б а. Враги мои, довольно и ни слова
 б. Враги мои, теперь уж я ни слова
 а. *Начато:* Н
 б. Доволен я, мой старый гнев погас —
 Хоть от меня ушел один из вас —
 а. Но не того, так выберу другого
 б. Но не е(го), так выберу другого
 в. Но не того, так выберу другого

---

¹ В публикации Майков. Автографы П. — только заглавие и пометы; в публикации Майков. Материалы — только заглавие, пометы, ст. 7 и вторая часть ст. 9 (после восклицательного знака).

² В обеих публикациях указаны пометы Пушкина у заглавия: (1824). Поместить в элегиях

³ В автографе описка: довольно

«СКАЗАЛИ РАЗ ЦАРЮ, ЧТО НАКОНЕЦ...»

(С. 41)

Первоначальный набросок ст. 1—4
(ПД 835, л. 2 об.)

- а. Придворный льстец за трапезой царя
б. Неловкий льстец за трапезой царя
О Риго казенном говоря
<   >
Хоть подлецом одним <   > на свете —¹

Первоначальный набросок ст. 7—14
(ПД 835, л. 57)

- 7—8   Риго был пред Ферд<инандом> грешен —
а. Начато: А по<   >
б. И <   > повешен —
9—10 А   Начато: Над жертвой палача
Б а. Но можно ли <   > не с горяча
б. Но должно ли <   > не с горяча
Ругаться нам над жертвой палача
11   а. Начато: Не думаю <?> —
б. Начато: Что ж вышло —
12—14   [Царю] смешно такое доброхотство
а. Придворный льстец, умей <   > сохранить —
б. Лстецы <   > старайтесь сохранить —
И в подлостях немного благородства²

Основной черновой автограф
(ПД 835, л. 57)

- 1—2 А а. <   > услыша за столом
б. Придворн<ый> льст<ец> услыша за столом
Что³ [Начато нрзб] <   > Риго был удувлен —
Б   Услыша за столом что наконец⁴
Мятежный вождь Риго был удувлен —
В а. Царю [о<?>] <   > сказали за столом
б. Царю <   > сказали —
в. [Сказали раз] царю что наконец
Мятежный вождь Риго был удувлен —
3—4   а. Начато: Благословен Госп<одь>
б. Начато: Я очень рад сказал при<дворный>

¹ Под стихом поставлена фигурная скобка.

² Под стихом проведена горизонтальная черта — знак концовки.

³ Союз: Что был подчеркнут.

⁴ Слово: наконец осталось незначеркнутым.

- 5—6 в. Я очень рад сказал <   > льстец:¹
От одного мерзавца мир избавлен
- а. Я за мятеж <   > не стою
б. *Вычеркнуто.*
- в.² Все смолкнули, все потупили взор
Царя смутил сей легкий приговор
- 7—8 Риего был, б(ыть) м(ожет) очень грешен —
- а. *Начато:* Но он казнен — Он
б. Но он <   > он повешен —
в. [Но] Согласен я — но он за то повешен —
- 9—10 а. Признайте — <   > сгоряча
б. Пристойно(?) ли — скажите, сгоряча
Ругаться нам над жерт(во)й палача
- 11—12 А Наш царь умен — такое доброхотство
Его <   >
- Б а. Не думаю — такое доброхотство
б. Да и царем — такое доброхотство
в. Да и цар(я)³ — такое доброхотство
- а. Заставило льстеца(?) <   > склонить —
б. Заставило улыбку зада(вить)
- 13—14 Отсутствуют.⁴

Первоначальные варианты белого автографа
(ПД 835, л. 85)

- 3 «Я очень рад, сказал полу-подлец,
6 Всех рассмешил трусливый приговор —
8 а. *Начато:* Согласен
б. *Начато:* И по делом он боль(ше?)
в. И по делом <   > он повешен
- 11—12 а. Усердное такое доброхотство
Могло царю под час⁵ не угодить
б. Тяжелый вид такого доброхотства
<   >
- 14 И в подлости немного благородства.

Разночтения копий Долг, Пц, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал,
Якуш, Е и публикации Герб

Заглавие	Эпиграмма	Долг
Заглавие	Смерть Риего	Лон—Полт

¹ В автографе двоеточие поставлено в начале ст. 4.

² Вариант «в» вписан позднее записи следующих стихов.

³ Форма слова: царем исправлена не была.

⁴ На место заключительных стихов несомненно предполагались ст. 13—14 предыдущего автографа (первоначального наброска ст. 7—14), записанного на том же листе (см. выше).

⁵ Слово: час вписано.

Заглавие	Льстецам	Ал
6	Всех удивил поспешный приговор.	Пщ, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е
6	а. Всех поразил проворный приговор...	
6	б. Всех удивил неожиданный приговор...	Долг
6	Всех удивил неожиданный приговор	Герб
7	Риего был, конечно, очень грешен,	Долг, Пщ, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е, Герб.
8	а. Не спорю я, — но он за то повешен.	
	б. Как в тексте.	Долг
9	а. Не стыдно ли, скажите, сгоряча,	
	б. Как в тексте.	Долг
10	Ругаться этак ¹ нам над жертвой палача?	Пщ, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е, Герб.
12	Не захотел своей улыбкой ободрить.	Пщ, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е, Герб
12	Не захотел улыбкой ободрить ²	Долг
14	И в самой подлости осанку благородства.	Пщ, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е
14	И в самой подлости оттенок благородства.	Герб

ДРУЖБА

(«Что дружба? Легкий пыл похмелья...»)

(С. 42)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 35)

- 1—4 А <   > разговор —
Обмен тщеславия пустого,
Иль покровительства позор
- Б <   > пыл похмелья
Обиды смелый разговор —
Обмен тщеславия, безделья
Да покровительства позор
- В Что дружба — <   > пыл похмелья
Обиды колкий <? > разговор —
Обмен тщеславия, безделья
Да покровительства позор

¹ В Лон—Полт и Е: эдак

² Слово: ободрить по ошибке исправлено на: одобрить

- Г а. Что дружба — легкий пыл похмелья
 б. [Начато нрзб] Минутн⟨ый⟩ легкий пыл похмелья
 Обиды ⟨нрзб⟩ разговор —
 Обмен тцеславия, безделья
 ⟨ ⟩ покровительства ⟨ ⟩¹

Н. Н.

При посылке ей «Невского альманаха»
 («Примите „Невский альманах”...»)
 (С. 43)

Варианты и разночтения НА 1826

Заглавие	Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха»
Заглавие	
в оглавлении	Н. Н. при посылке ей альманаха
4	Василья Пушкина, ...кова;
5	К..... дальний ваш родня

Поздняя редакция

Варианты и разночтения Ст 1829

Заглавие	Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха»
в оглавлении	
3	Вы тут найдете ***ова,
4	Вел***, Х***ова;
5	К***, дальний ваш родня,

ОДА ЕГО СИЯТ⟨ЕЛЬСТВУ⟩
ГР⟨АФУ⟩ ДМ⟨ИТРИЮ⟩ ИВ⟨АНОВИЧУ⟩ ХВОСТОВУ
 («Султан ярится. Кровь Эллады...»)
 (С. 44)

Первоначальные варианты белого автографа (ПД 932, л. 6—7 об.)

7	Се Байрон, Феба образец —
30	И в мелочах⟨?⟩ ты впрям певец
39	Гебея, Псиша Ки⟨ ⟩ Астрей
Примечание 8	Лжепророка / Магомета
Примечание 8	разить / сразить

¹ Под ст. 4 проведена черта, отделяющая его от записанного под ним черного автографа стихотворения «О дева роза, я в оковах...».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

(«В Элизии Василий Тредьяковский...»)

(С. 48)

Разночтения копий Тург₁, Тург₂ и Пуш₁¹

Заглавие	Отсутствует.	Тург ₂ , Пуш ₁
4	Ему помочь душевно рад Поповский	Тург ₂
4	Ему помочь усердно рад Поповский	Пуш ₁
5	Свои стихи Захаров обещал	Тург ₂ , Пуш ₁
9	Благословясь, свой преполезный труд	Пуш ₁
11	Чтоб подоспел Михайла Каченовский!	Тург ₁ , Тург ₂

Отличия автографа в ЦР₃

11	Чтоб подоспел *** **** ²
Под	
текстом а.	1829
б.	Вычеркнуто. ³

Разночтения Подс и Ст 1832

11	Чтоб подоспел Михайло *. . . . . ⁴	Подс
11	Чтоб подоспел *** ***	Ст 1832

КОЗЛОВУ

(«Певец, когда перед тобой...»)

(С. 49)

Варианты белого автографа

(ПД 65)

Заглавие	И. И. Козлову	
9	Небесным пением своим	
14	Цветущей юности кумир.	
19 а.	Я переходил пустыню мира	
б.	Как в тексте.	
Под текстом	15 мая	А(лександр) П(ушкин)
	1825	
	Михайловское—	
	Арапово	

¹ В Тург₁ только ст. 10—11; в Пуш₁ отсутствует ст. 7.² Количество звездочек соответствует количеству слогов в имени и фамилии Михайло Каченовский.³ Помета вычеркнута П. А. Плетневым.⁴ Звездочка и 10 точек соответствуют 11 буквам в фамилии Каченовского.

Разночтение копии А. И. Тургенева
(РНБ, ф. 167, № 74, л. 1)

Заглавие	И. И. Козлову
19	Я переходил пустыню мира ¹
Под текстом	15 мая Михайловское—Арапово

Заглавие в оглавлении Ст 1826 и Ст 1829

Козлову. По	получении от него Чернеца.	1825	Ст 1826
Козлову. По	получении от него Чернеца.		Ст 1829

К ***

(«Я помню чудное мгновенье...»)

(С. 50)

Черновой автограф ст. 15—24
(ПД 68, л. 1 об.—2)²

- 15—16 а. Начато: В изгна( )
 б. ( ) во мраке заточенья
 в. В безмолвном(?) мраке заточенья
 г. В степях в(о)³ мраке заточенья
 а. Тянулись молча дни мои
 б. Тянулись тихо дни мои⁴
- 17—20 а. Начато: И вот(?)
 б. Душе настало пробужденье
 а. И снова мне явилась ты
 б. И вот опять явилась ты
 Как перелетное ( )
 Как Гений ( ) красот(ы)⁵
- Между
20 и 21 А а. Все та же ты — ( ) мой Гений
 б. Все та же ты — прелестный Гений
 а. Начато: [Н(?)] [Но] Но я — —
 Б а. Куда ж летишь прелестный Гений
 б. Куда ж летишь ( ) мой(?) Гений
 а. ( ) — — опять покинут я —
 б. Зачем опять покинут я —
 В Вычеркнуто.⁶

¹ Возможно, пушкинская поправка в ст. 19 осталась незамеченной А. И. Тургеневым, который, вероятно, снимал копию с автографа.

² Верхняя часть листа со ст. 1—14 оторвана и утрачена.

³ Форма предлога: В исправлена не была.

⁴ После ст. 16 значок, отмечающий строфическое деление; расположенные перед ним два стиха составляли в черновом автографе не первую часть строфы (как в основном тексте), а вторую.

⁵ После ст. 20 значок, отмечающий строфическое деление.

⁶ Вычеркнутые строки снизу отчеркнуты.

- 21—24 А а. И для меня <   > вновь
 б. И для меня воскресли вновь
 Б а. Вновь сердце бьется в упоенье
 б. И сердце бьется в упоенье
 И для него<?> воскресли вновь
 а. И <   > вдохновенье
 б. Мечты во<сторг><?> <   > вдохновенье
 в. Восторг меч<ты><?> <   > вдохновенье
 г. И божест<во> <   > вдохновенье
 д. Восторг <   > вдохновенье
 е. М<ечты><?> восторг <   > вдохновенье
 И жизнь и слезы и любовь

Разночтения копий АК и ОП

Заглавие	К А. П. К.	ОП
3	Как перелетное виденье	ОП
5	В томленьи грусти безнадежной	АК, ОП
14	В глуши во мраке в заточеньи	АК
19	Как перелетное виденье	АК
Под текстом	Михайловское 1825 XIX июля	АК

EX UNGUE LEONEM

(«Недавно я стихами как-то свистнул...»)

(С. 51)

Варианты беловых автографов ПД 889 и ПД 1299

Заглавие	Отсутствует.	ПД 1299
3	Журнальный шут об них статейку тиснул	ПД 889, ПД 1299
4	И в свет пустил без подписи ж, злодей!	ПД 889, ПД 1299
Под текстом	А<лександр> П<ушкин>	ПД 899

Варианты МТ и Ст 1826

3	Журнальный шут об них статейку тиснул	МТ
4	И в свет пустил без подписи ж злодей.	МТ, ¹ Ст 1826

Заглавие в Собр. ст. 1836

- а. Отсутствует.
 б. Как в тексте.²

¹ В МТ в конце ст. 4 восклицательный знак.

² Заглавие вписано рукой Пушкина.

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...»

(С. 52)

Заглавие в МТ и Ст 1826

Стихи в альбом	МТ
В альбом	Ст 1826
В альбом. 1825	Ст 1826 (в оглавлении)

*Помета под текстом в беловом автографе
из альбома Ел. А. Сушковой
(ПД 974)*

А. Пушкин
7 апреля 1835. П(етер)Б(ург)¹

Заглавие в копии N

Совет

П. А. О(СИПОВОЙ)

(«Быть может, уж недолго мне...»)

(С. 53)

*Варианты белового автографа**(по воспроизведению в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей»)*

<i>Заглавие</i>	<i>Отсутствует.</i>
5	Душой беспечно предаваться
<i>Под текстом</i>	С(ело) Михайловское
	25 июня 1825

Заглавие в СЦ 1829 и Ст 1829

В альбом П. А. О.	СЦ 1829
П. А. О***	Ст 1829

¹ Пометой отмечен день, когда была сделана альбомная запись.

- 121 а. <   > лампадою треногой
 б. [Друзья] <   > над чашею треногой

Черновой автограф ст. 13—185
 (ПД 835, л. 59 об.—64)

- Заглавие а. *Отсутствует.*
- 13—16 А б. Андрей Шенье в темнице
 Поэта ждет мятежная секира
 Зовет его зовет на казнь
- Б Поэта ждет мятежная секира
 <   > его зовет —
 Но лира с ним, — задумчивая лира
 В последний раз ему поет —
- В а. Изошрена мятежная секира
 б. Изострена(?) мятежная секира
 в. Поэта ждет мятежная секира
 а. В темнице он толпа на казнь зовет —
 б. Готов ли он толпа на казнь зовет —
 Но лира с ним, — задумчивая лира
 В последний раз ему поет —
- Г а. *Начато*: Заутра казнь: кровавый
 б. Заутра казнь: подъятая секира
 в. Подъята вновь усталая секира
 г. Подъялась вновь усталая секира
 а. Своей чредой <   > зовет —
 б. Чредой своей <   > зовет —
 в. Заутра казнь(?) <   > зовет —
 г. <   > жерт<   > <   > зовет —
 д. И жертву новую зовет —
- а. Поэт¹ уныл, — задумчивая лира
 б. П<   > уныл, — задумчивая лира
- а. В последний <   > поет —
 б. В последний <   > ему поет —
- Д *Вычеркнуто.*
- 17—20 А О чем поет?² задумчивая лира
 <   >
 Заутра казнь; поет она свободу
- Б Заутра казнь позорище народу
 Но лира³ юного певца
 О чем поет — поет — она свободу
 Не изменилась до конца!..
- В а. Заутра казнь, кровавый пир народу
 б. Заутра казнь, привычный пир народу
 Но <   > верного певца

¹ Поверх этого слова начато исправление: Пе(вец?)

² По всей видимости, фраза: О чем поет? была записана до вычеркивания ст. 13—16.

³ Слово: лира зачеркнуто и записано еще раз.

- а. Что с ним по⟨ю⟩т¹ — поют — он⟨и⟩² свободу
 б. О чем по⟨ю⟩т — поют — он⟨и⟩ свободу
 Не изменились до конца!..
- 21—24 а. *Начато:* Приветствую твой
 б. Приветствую тебя мое светило!
 а. ⟨   ⟩ [Твой] твой светлый лик!
 б. Он омрачен, твой светлый лик!
 в. Я славил твой³ священный лик!
 а. ⟨   ⟩ ты восходило
 б. Когда над нами ты восходило
 в. Когда над нами восходило
 г. Когда ты в ту⟨чах⟩ восходило
 д. Когда ты в ⟨не⟩бе восходило
 е. Когда еще ты восходило
 ж. Когда во мгле ты восходило
 а. *Начато:* Когда в священный
 б. Когда он искрою возник —
 в. Когда он искрою сквозь ⟨   ⟩ возник⁴ —
 г. *Начато:* Когда он искрою ⟨*начато нрзб*⟩ ⟨   ⟩ возник —
 д. Когда он искрою во мраке вдруг возник —
 е. Когда он искрою возник —
- 25—28 А а. Я зрел тебя когда ты разгорелось
 б. И все зажглось — ты грозно разгорелось
 в. ⟨   ⟩ ты грозно разгорелось
 а. *Начато:* Как гря⟨нул⟩⟨?⟩
 б. *Начато:* Когда в
 в. *Начато:* Когда в⟨д⟩руг
 г. *Начато:* Все улетело⟨?⟩ вдруг
 д. *Начато:* Когда
 е. *Начато:* Я⟨?⟩ сла⟨вил⟩⟨?⟩ твой⟨?⟩⁵
 ж. *Начато:* Я пел твой гром
 з. [Пр] Пронесся твой незапный гром
 а. *Начато:* Ты разлетелась⟨?⟩
 б. ⟨   ⟩ Твердыня разлетелась
 в. И [ве⟨тхая⟩⟨?⟩] древняя Твердыня разлетел⟨ась⟩
 г. Я зрел⁶ как древняя⁷ Твердыня разлетел⟨ась⟩
 д. Как бе⟨зза⟩щитная Твердыня разлетел⟨ась⟩
 а. И пала ⟨   ⟩ кругом
 б. И полегла ⟨   ⟩ кругом
 в. ⟨   ⟩ пламенем⟨?⟩ кругом
 г. И пала пеплом и стыдом

¹ Форма слова: поет исправлена не была.

² Форма слова: она исправлена не была.

³ Слово: твой было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Пушкин начал вычеркивать слово: возник, но сразу отменил вычеркивание.

⁵ Незачеркнутый вариант.

⁶ Слова: Я зрел остались незачеркнутыми.

⁷ Слово: древняя было зачеркнуто и восстановлено.

- л. Далече пеплом и стыдом¹
- Б а. *Начато*: Я пел тебя
- б. Я славил твой священный гром
Когда рассыпалась позорная твердыня
И пала пеплом и стыдом
- В Я славил твой священный гром
- а. Когда он разгромил позорную твердыню
- б. Когда <   > позорная твердыня
- в. Когда он <   > позорн(ую) твердын(ю)²
- а. И самовластия Гордыню
- б. И власти падшую Гордыню
- а. Развевал с пеплом и стыдом
- б. Развевал в пепле роковом³
- 29—32 а. *Начато*: Я зрел:
- б. Я зрел твоих жрецов <   > веселье(?)
- в. Я зрел твоих жрецов готовность(?) и отвагу
- г. Я зрел твоих жрецов готовную(?) отвагу
- а. *Начато*: Я л(   )
- б. Я слышал братский их обет
- в. Я слышал гордый их обет
Великодушную присягу
- а. Тебе торжественный привет
- б. Свободе и Уму торжественный привет
- в. Свободе Разуму торжественный привет
- г. И самовластия бестрепет(ны)й ответ
- 33—36 А а. *Начато*: Я видел их
- б. *Начато*: Я <нрзб> их
- в. Я зрел их радостные(?) волны
- г. Когда на <   > волны
- д. Когда на⁴ [<нрзб>] их <   > волны
- е. Когда <   > радостные(?) волны
- ж. Когда <нрзб> <   > волны
- з. Я зрел как <их> могущи волны
- а. *Начато*: Исчезли
- б. *Начато*: Ка(   )
- в. <   > за тобой <   >
- г. <   >
- Б Я зрел как <их> могущи волны
- а. *Начато*: Предубеждения
- б. Отечества <   > вовлекли
- в. Отечества святъни(?) вовлекли

¹ Под этим стихом поставлена фигурная скобка, под которой работа над ст. 25—28 начата заново (см. варианты Б и В), однако вариант А остался незачеркнутым.

² При записи этого варианта окончания двух последних слов стиха, неоднократно исправлявшиеся на предыдущих этапах работы, уже не подвергались исправлению.

³ Под этим стихом поставлена фигурная скобка.

⁴ Предлог: на остался незачеркнутым.

- з. Все опровергли увлекли
 д. Все ниспровергли увлекли
 а. И молча ожидал надежды новой полный
 б. И зрел(?) надежды новой полный
 в. И предрекал надежды полный
 з. Рукоплескал надежды полный
 д. И ждал уж я надежды полный
 е. И ⟨нрзб⟩ ⟨ ⟩ надежды полный
 ж. И дивный Мир⟨або⟩ ждал уж надежды полный
 Освобождение земли —
 37—41 А Уже в бессмертный Пантеон —
 а. *Начато*: Входили тени
 б. *Начато*: [По⟨?⟩] По праху
 в. ⟨ ⟩ предрассуждений
 з. ⟨ ⟩ ⟨нрзб⟩ предрассуждений
 д. ⟨ ⟩ Эмия предрассуждений
 е. По издыхающим эмиям предрассуждений
 Святых Изгнанников входили славны тени.
 а. *Начато*: И каждого
 б. И каждая свой избирала трон —
 в. И каждая свой обретала трон —
 Б а. Уж твой ⟨ ⟩ Гений
 б. Уже твой крот⟨кий⟩⟨?⟩ ⟨ ⟩ Гений
 в. Уже сиял твой гордый Гений
 Уже в бессмертный Пантеон —
 Святых Изгнанников входили славны тени.
 а. И молча каждая свой обретала трон —
 б. *Начато*: И ⟨ ⟩ кажд⟨ ⟩¹
 а. Уже ⟨ ⟩ Вольтера
 б. Уж² кости ⟨ ⟩ Вольтера
 в. Уж кости холодные Вольтера
 з. Уж примиренный прах Вольтера
 В Уже сиял твой гордый Гений
 Уже в бессмертный Пантеон —
 Святых Изгнанников входили славны тени.
 а. *Начато*: [Близ пе⟨ ⟩⟨?⟩] [Близ] Близ
 б. *Начато*: Уж
 в. От ветхой тьмы предрассуждений
 з. От дре⟨в⟩ней тьмы предрассуждений
 д. От старой тьмы предрассуждений
 а. *Начато*: Освобожда⟨лся⟩
 б. Уж обнажался ⟨ ⟩ трон —
 в. ⟨ ⟩ обнажался древний⟨?⟩ трон —
 з. Уж обнажался ⟨нрзб⟩ трон —
 42 а. Оковы падали; законы

¹ Этот не получивший законченного оформления вариант остался незачеркнутым.

² В автографе слово: Уже осталось неисправленным.

- 43 б. Оковы падали; закон
 а. *Начато*: Возвысил голос
 б. *Начато*: Восстав
 в. *Начато*: Недвижим
 г. *Начато*: [Восстал] Восстал
 д. *Начато*: Возвы( )
 е. *Начато*: Восстал надел венец
 ж. *Начато*: Недвижим стал — и воз(?)
 з. Недвижим стал — и возгласил равенство.
 и. Глав(у) (нрзб) — и возгласил равенство.
 к. Восстал(?) обиже(нный)(?) — и возгласил равенство.
 л. Подъял чело провозгласил равенство.
- 44—45 А а. *Начато*: И стало про(шное?)
 б. И прошлые беды казались как сон —
 в. И зло казал(о)ся¹ как сон —
 а. Свобода разум и блаженство.
 б. И мнили мы — ( ) блаженство!
 в. И ждали мы — (нрзб) блаженство!
 Б И мы воскликнули: блаженство!
 а. *Начато*: О со(н)(?)
 б. ( ) безумный сон!..
 в. О дети! о безумный сон!..²
- 46—49 А а. Где вольность? где права? над нами
 б. Где вольность? где права? над нашими главами
 Державный царствует топор!
 Народ ( ) [па(?)] Убийцу с палачами
 ( ) О ужас! о позор!.. —
 Б Где вольность? где закон? Над нами
 Единый царствует топор, —
 Мы свергнули царей — убийца с палачами
 а. Пьет нашу кровь... О ужас! о позор!.. —
 б. Вот нами избраны... О ужас! о позор!.. —
 в. Избрали мы себе... О ужас! о позор!.. —
 г. Избрали мы в цари(?)... О ужас! о позор!.. —
 д. Избрали (2 нрзб)... О ужас! о позор!.. —
 е. Избрали мы себе... О ужас! о позор!.. —
 ж. (2 нрзб)... О ужас! о позор!.. —
 з. Мы избрали в цари.. О ужас! о позор!.. —
- 50—53 А Отдайте нам ( ) — феодальной
 Б а. Но, ты, ( ) св(обода)
 б. Но, ты, священная свобода
 а. *Начато*: Богиня с(ветлая)(?)
 б. Богиня чистая! нет не виновна ты
 ( ) Слепоты
 В страданьи ( ) народа

¹Форма слова: казались исправлена не была.

²Под ст. 45 поставлена фигурная скобка.

- В Но, ты, священная свобода
 Богиня чистая! нет не виновна ты
- а. В ужасных < > Слепоты
 б. В порывах<?> бешенства безумной Слепоты
 в. В кровавом<?> бешенстве безумной Слепоты
 г. < > <нрзб> Слепоты
 д. В кров<авых><?> < > Слепоты
 е. В ударах < > Слепоты
 ж. В порывах < > Слепоты
 з. [В] смятении < > Слепоты
 и. В порывах буйной Слепоты
- а. В страдании падше<го> народа
 б. В < > пиршестве народа
 в. В кровавых пиршеств<ах>¹ народа
 г. В презренном бешенстве народа
 д. В ужасном бешенстве народа
 е. В презренном бешенстве народа
- 54—57 А а. *Начато*: Сокрылась ты от нас! твой лик
 б. Сокрылась ты от нас! божественный<?> кумир
 Завешен пеленой кровавой —
 Но час придет — < > со славой
 а. < > при звуке труб и лир
 б. Придешь, при звуке труб и лир
- Б а. *Начато*: Сокрылась ты от нас! священный<?>
 б. *Начато*: Сокрылась ты от нас! пред<?>
 в. Сокрылась ты от нас! Небесный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой —
 а. Но час придет — и < > со славой
 б. Но² день придет — и < > со славой
 в. Твой день придет — [т] с победою со славой
 г. Твой день придет — ты вновь со славой
 д. Но ты придешь опять ты < > со славой
 е. Но ты придешь опять с побе<дою> со славой
 а. И [вр<аги>] < > падут —
 б. И < > вновь падут —
 в. И вновь враги твои падут —
- 58—59 А а. *Начато*: Умолкнут пред
 б. Народ уже вкусил твой Нектар благодат<ный>
 в. Народ уже вкусив твой Нектар благодат<ный>³
 а. *Начато*: Томится жаждой;
 б. Томится жаждою святой —
 в. *Начато*: Как жаждет неба
 г. Томится жаждою святой —

¹ Форма слова: пиршестве исправлена не была.

² В ходе дальнейшей работы над стихом союз: Но оставался незачеркнутым.

³ В ходе дальнейшей работы над стихом этот вариант оставался незачеркнутым.

- Б а. *Начато*: От наших
 б. *Начато*: Кто раз
 в. Народ вкусивший раз твой Нектар [*начато нрзб*]
 освященный
- а. Все жаждет вновь упиться им —
 б. *Начато*: Пока уста в⟨ ⟩⟨?⟩
 в. *Начато*: Уж вн⟨овь⟩⟨?⟩
- 60—61 А а. *Начато*: Он п⟨ ⟩⟨?⟩
 б. *Начато*: Он твой
 в. Он бродит за тобой, смяте⟨нн⟩ый
 г. Он бродит за тобой, неистовый¹ смяте⟨нн⟩ый
 д. Он бродит, жаждою томим
 Наперсник Вакха вдохновенный
- Б а. Так бродит, жаждою томим
 б. [Так] Так вечной жаждою томим
 а. Любовник ⟨ ⟩ вдохновенный
 б. Как отрок ⟨ ⟩ смят⟨енны⟩й
- В а. *Начато*: Смятенный так он
 б. ⟨ ⟩ и дерзкий и смят⟨енны⟩й
 а. *Начато*: Так он найдет тебя —
 б. ⟨ ⟩ любов⟨и⟩ю² томим —
 в. ⟨ ⟩ к тебе любов⟨и⟩ю томим —
 г. Так он найдет тебя — любов⟨и⟩ю томим —
- Г Он бродит за тобой и дерзкий и смят⟨енны⟩й
 а. ⟨*Нрзб*⟩ ⟨ ⟩ любов⟨и⟩ю томим —
 б. [Как] Как ⟨*нрзб*⟩ ⟨ ⟩ любов⟨и⟩ю томим —
 в. Как пл⟨амен⟩ный⟨?⟩ ⟨*нрзб*⟩ любов⟨и⟩ю томим —
 г. Как пылкий юноша любов⟨и⟩ю томим —
- 62—65 А *Начато*: И буря злых страст⟨ей⟩³
 Б а. Так он найдет тебя! под сению закона
 б. Так он найдет тебя! под сению равенства
 а. Он отдохнет в объятиях твоих — —
 б. Он сладко отдохнет в объятиях твоих — —
 в. В объятиях твоих он сладко отдохнет
 а. Настанет день гражданского блаженства
 б. Настанет светлый день гражданского блаженства
 И буря мрачная минет —
- В Так он найдет тебя! под сению равенства
 В объятиях твоих он сладко отдохнет
 Так буря мрачная минет —
 а. Но я не узрю вас дни мира дни блаженства
 б. Но я не узрю вас дни славы дни блаженства
- 66—69 Я плахе обречен — последние часы
 а. Влчу. Заутра казнь — кровавою рукою

¹ Слово: неистовый осталось незачеркнутым.

² В автографе описка: любовью

³ Записано до того, как началась работа над вариантом Г предыдущих стихов.

- б. Влachu. Заутра казнь — торжеств(енн)ой рукою
Палач [т] мою главу подымет за власы
- а. Над ( ) толпою —
- б. Над рукоп(лещуцей)толпою —
- в. Над обезумленной толпою —
- г. Над ( ) толпою —
- 70 а. Простите, о друзья! мой ( ) прах
б. Простите, о друзья! мой безымянный прах
в. Простите, о друзья! моя младая тень
г. Простите, о друзья! мой ( ) прах
- 71 а. *Начато*: Не упокоится в саду где мы
б. Не будет почивать в м(естах)<?) где провожд(али)
- 72 а. *Начато*: Мы время
б. Мы дни веселье в безумстве и в пирах
в. Мы дни веселье в науках и в пирах
- 73 а. *Начато*: Где д( )<?)
б. Где гробы поздние друг другу назначали
в. Где урны вечные заране назначали
г. Где пепел(?) ( ) назначали¹
д. Мог(и)лу(?) на(ших)<?) урн ( ) назначали²
е. ( ) место наших урн ( ) назначали
- Между*
73 и 74 А а. [Простите,] Простите о друзья, моя младая тень
б. Простите о друзья, мл(адая) тень моя
а. Без урны отлетит без ваших песнопений
б. От плахи улетит без ваших песнопений
в. Печально улетит без ваших песнопений
г. От плахи улетит без пенья без рыданий
д. Заутра улетит без пенья без рыданий
а. *Начато*: Без плача вашего — Я
б. *Начато*: Без плача вашего ee
в. Без плача вашего в подземные поля
Проводят
Б Простите о друзья ( ) <тень>
Заутра улетит без пенья без рыданий
Без плача вашего ee в подземну сень
а. Проводят ярый крик и гром рукоплеска(ний)
б. Проводят смех толпы и гром рукоплеска(ний)
в. Проводят ярый смех и гром рукоплеска(ний)
- 74—77 А а. *Начато*: О други!
б. *Начато*: Но если [Я] обо мне
в. Простите о друзья Но если обо мне
г. Живите о друзья Но если обо мне
а. *Начато*: Вам сладко
б. Вы свято будете хранить воспоминанье
в. Вы грустно будете хранить воспоминанье

¹ Незачеркнутый вариант.² Незачеркнутый вариант.

2. [В( )] Храни(ть) вы станете еще воспоминанье
- Б а. О други если обо мне
- б. Прости(те) о друзья но если обо мне
Священно вам воспоминанье
Исполните мое последнее жела(нье)
- 78—79 А а. Оплачьте ( ) жребий в тишине —
б. Оплачьте милые, мой жребий в тишине —
- а. *Начато:* Да взоры
- б. Да взор Тиранов (нрзб)
Не узрит ваших слез — [И] И скорбь о смерти милых
Есть преступление!
- Б а. *Начато:* Страшит(ес)ь¹ грусть при(?)
- б. Страшит(ес)ь ( ) подозренье
- в. Страшит(ес)ь возбудить слезами подозренье
Да взоры [мрачного тирана] палачей не узр(я)т² ваших
слез —
- В а. *Начато:* Слезами бойтесь вы³
- б. *Начато:* Слезами (нрзб)⁴ про( )
- в. Слезами возбудить страшите(с)ь⁵ [по] подозренье
- а. *Начато:* И слезы о друзья
- б. Во дни ( ) и слезы преступленья! — —
- в. В дни наши ( ) и слезы преступленья! — —
2. В наш век и слезы ( ) преступленья! — —
- д. В наш грозный век и слезы ( ) преступленья! — —
- е. Вы знаете: в наш век и слезы преступленья! — —
- 80 В наш век⁶ не смеет брат о брате сожалеть —
- Между
80 и 81 а. *Начато:* Тиран и горестью
- б. Тиран и в горести читает заговоры — —
- в. Палач и в горести читает заговоры — —
2. Тиран и в горести читает заговоры — —
- д. *Вычеркнуто.*
- 81 Еще одна мольба — [Вы] Вы слушали стократ⁷
- 82—83 А а. *Начато:* Элегии мои, ( ) дней
- б. Стихи, весны ( ) преданья
- в. Стихи, стихи, весны моей преданья
2. Элегии мои, ( ) весны преданья
- д. *Начато:* Печальных дней моих
- е. Стихи, ( ) созданья
- ж. Стихи, [б] моей души ( ) созданья

¹ В автографе описка: Страшить

² Форма слова: узрит исправлена не была.

³ Местоимение: вы осталось не зачеркнутым.

⁴ Неразборчивое слово осталось не зачеркнутым.

⁵ В автографе описка: Страшите

⁶ Слово: век вписано.

⁷ Ст. 81 предполагал изменение в ст. 80, которое, однако, не было сделано. Ср. ст. 80 в печатном тексте: О брате сожалеть не смеет ныне брат.

- з. Стихи, минутных дум <   > созданья
и. Стихи, минутных дум различные созданья
- а. И дружбы и любви заветные преданья
б. Всей младости моей летучие преданья
- Б Стихи, летучих дум небрежн(ые) созданья
Разнообразные заветные преданья
- 84—87 А а. И слез и радостей, и дружбы молодой
б. И слез и радостей, и дружбы и любви
а. Всей младости моей — друзья, друзья мои
б. Вс(я) м(олодость)¹ моя: друзья, друзья мои
Сб(ерите?)
- Б а. Всей младости моей надежды и мечты
б. Всей младости моей восторги(?) и мечты
а. И слезы и любовь... на тайные листы
б. И слезы и любовь... в единые(?) листы
в. И слезы и любовь... в неведомы листы
а. *Начато:* Я жизнь
б. *Начато:* Записывал я жизнь
- В Всей младости моей восторги(?) и мечты
И слезы и любовь... друзья сии листы
а. *Начато:* Рассеянно хранят, незнаемые
б. *Начато:* Мой
в. *Начато:* Всю жиз(нь)
- Г 2. [Н] Всю жизнь мо(е)й души записанную мною —
Всей младости моей восторги(?) и мечты
И слезы и любовь... друзья сии листы
Всю жизнь мою хранят — записанную мною —
а. *Начато:* Друзья, найдите их; сберите
б. *Начато:* Друзья, найдите их; у Авеля
в. Друзья, найдите их; у Фанни, у К(у)аньи(?)
- Д Всей младости моей восторги(?) и мечты
И слезы и любовь... друзья сии листы
а. *Начато:* Всю жизнь мою хранят — молю со всей
б. Всю жизнь мою хранят — у Авеля, у Ф(анни)
а. Молю: найдите их; сберите нежны дани
б. Молю: найдите их; поэта нежны дани
в. Молю: найдите их; [нрзб] смире(нно)й музы дани
2. Молю: найдите их; невин(но)й музы дани
- 88—89 Сберите — строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их: Увы! моя глава
- 90—91 А а. Безвременно падет! Я не умел
Усовершенствовать
- Б а. Безвременно падет! И мо(й) <   > Гений
б. Безвременно падет! не мог мой слабый Гений
в. Безвременно падет! не мог мой юный Гений
2. Безвременно падет! Мой незрелый Гений

¹ *Форма слов:* Всей младости исправлена не была.

- а. Для славы не свершил обдуманных творен⟨и⟩й
 б. Не совершил ⟨   ⟩ обдуманных творен⟨и⟩й
 в. Не кончил, не свершил¹ обдуманных творен⟨и⟩й
 з. Для славы не свершил [обд] возвыш⟨енных⟩⟨?⟩ творен⟨и⟩й
- 92—93 А Храните рукопись, о други для себя.
 Б а. *Начато*: Но вы друзья м⟨ои⟩⟨?⟩
 б. Я скоро весь умру... Но тень мою любя
 в. Увы Я весь умру... Но тень мою любя
 Храните рукопись, о други для себя.
- 94—95 А а. Когда гроза пройдет, и дни настанут ясны
 б. Когда гроза пройдет, и дни настанут мирны
 Сберитесь иногда внимать напевы² лирны
 Б а. *Начато*: Когда гроза пройдет, печально
 б. Когда гроза пройдет, с тоскою⟨?⟩ суеверной
 в. Когда гроза пройдет, с отрадой суеверной
 Сберитесь иногда читать мой свиток ⟨верный⟩³
- 96—97 а. *Начато*: Скажите: он любил...
 б. И долго внемля им, скажите: это он!..
 в. Умильно⟨?⟩ внемля им, скажите: это он!..
 з. Вн⟨имая⟩⟨?⟩ ⟨   ⟩ скажите: это он!..
 д. Стеснитесь ⟨   ⟩ скажите: это он!..
 е. Когда я ⟨   ⟩ скажите: это он!..
 ж. И слушая ⟨   ⟩ скажите: это он!..
 з. Умильно слушая скажите: это он!..
 а. ⟨   ⟩ сон —
 б. И пусть ⟨   ⟩ сон —
 в. Так это смех⁴ его, — забыв ⟨   ⟩ сон —
 з. Вот речь его! — тогда прервав мо⟨й⟩ смертный сон —
 д. Так, это речь его, — прервав мо⟨гильный⟩⁵ сон —
- 98—99 а. [Я] Явлюсь невидимо ⟨   ⟩ [*начато нрзб*]⁵ меж вами —
 б. Тогда невидимо явлюсь я между вами —
 в. Невидимо явлюсь присяду между вами —
 з. Приду невидимо и сяду между вами —
 а. *Начато*: Я, прежний ваш певец
 б. *Начато*: И
 в. И сам⟨?⟩ заслушаюсь, окованный мечта⟨ми⟩
 з. И сам⟨?⟩ заслушаюсь, и вашими слезами
- 100—101 И вашей памятью утешен буду я —
 а. Быть может — юная любовница моя
 б. И ты о юная⟨?⟩ изменница моя
 в. Быть может — ⟨   ⟩ красавица моя

¹ Форма слова: совершил исправлена не была.

² Слово: напевы было зачеркнуто, восстановлено и еще раз зачеркнуто.

³ В автографе оставлено слово: лирны

⁴ Вероятно, ошибка, вместо слова: стих

⁵ Слово: мо⟨гильный⟩ реконструируется предположительно, с учетом варианта основного текста. В автографе остались начальные буквы слова: мо⟨й⟩ (см. вариант «г»), которые могли получить новое значение.

- 102—103 Уныла и бледна стихам любви внимая — —
— — — — Но песни томные незапно прерывая
- 104—105 а. Младой певец поник задумчивой главой
б. Младой поэт поник задумчивой главой
в. По(эт) поник ( ) задумчивой главой
г. Поникнул он ( ) задумчивой главой
д. Утих он и поник ( ) задумчивой главой
е. Утихнул он поник задумчивой главой
а. Его Весна, Любовь, Забав ( ) рой
б. Весна его ( ) с любовью тоской
в. Часы его ( ) с любовью тоской
г. Часы весны его с любовью и тоской
д. Пора весны его с любовью и тоской
- 106—107 а. *Начато*: Воскресла перед ним — — кра(савицы)
б. *Начато*: Воскресла перед ним — — любовницы
в. Воскресла перед ним — — любовниц нежны очи
а. *Начато*: И слезы и пиры и лиры
б. И песни и пиры и пламенные ночи
- 108—109 А а. Все вместе оживо ( ) для певца — —
б. Все вместе оживо и мрачная тюрьма
Вдруг оз(а)рилася¹
Б а. Все вместе оживо ( ) Ума,
б. Все вместе оживо в мечтаниях Ума,
в. Все вместе оживо (нрзб) Ума,
Вдруг оз(а)рилася печальная тюрьма
В Все вместе оживо ( ) среди(?) тюрьмы
И ( ) в былые(?) дни(?)
Г Все вместе оживо любовь его уму
Очаровала вдруг ужасную тюрьму
Д Все вместе оживо душа перенеслась
И в песне грусть его ( ) излилась —
Е Все вместе оживо [унеслось(?)] [(нрзб)] и сердце
унеслось
а. И в песне ( ) с печалью(?) излилось —
б. Далече — ( ) (2 нрзб) излилось —
в. Далече — и оно печалью излилось —
г. Далече — и [оно] сти(хами)(?) излилось —
- 110—115 Отсутствуют.²

¹ В автографе описка: озрилася

² Стихам 110—115 основного текста соответствуют первые шесть стихов черного автографа, записанного на л. 59 тетради ПД 835 (см. выше, с. 257). На л. 62 под ст. 109 записано: [Куда] [Далече]. Можно предположить, что это были начало записи ст. 110, на л. 59, имевшего вид:

Куда, куда завлек меня враждебны(й) Гений?

и начатая переработка ст. 117, на л. 59, имевшего вид:

Далеко возвещал ( ) час утех.

Но затем, отказавшись от обоих намерений, Пушкин перешел к работе над ст. 116—117.

- 116—117¹
- а. И Музы мирные любили мой досуг —
б. И Музы чистые любили мой досуг —
На шумных вечерах, друзей любимый друг,
- 118—119
- а. *Начато*: Я пел
б. *Начато*: [*нрзб*] Наш
в. Я < > сень хранимую богами
г. Я сень хранимую² домашними богами
д. Сень охраненную < > богами
а. Я сладко оглашал и смехом и стихами
б. Я <*начато нрзб*> оглашал и смехом и стихами
в. Безумно оглашал и смехом и стихами
- 120—121³
- а. Когда ж Вакхальною тревогой утомлен
б. Когда ж Вакхальною тревогой упоен<?[?]>
в. Когда ж Вакхальною тревогой утомлен
г. < >
а. *Начато*: [Я] Я шел <*нрзб*>
б. < > любовью воспален —
в. И во< ><?[?]> < > воспален —
г. На утренней заре любовью воспален —
д. < > любовью воспален —
- 122—123 А
- а. *Начато*: Являлась⁴
б. *Начато*: На
в. *Начато*: В
г. < > являлся к деде нежной
Начато: И слушал < > упрек ее
- Б
- а. Пред ут<ром><?[?]> < > являлся к милой деде
б. Пред ут<ром><?[?]> < > являлся к < > деде
а. И находил ее в слезах и даже в гневе
б. И находил ее в смятении и гневе
- 124—125
- а. *Начато*: Когда с слезами
б. Когда с угрозами и слезы на глазах
а. Она винила день утраченный в пирах —
б. Она винила день потерянный<ный> в пирах —
в. < > ревновала<?[?]> < > забытые в пирах —
г. Гнала меня < > в пирах —
д. И[?] проклинала день утраченный в пирах —
е. Кляла < > день утраченный в пирах —
ж. Она бранила день утраченный в пирах —
з. < > часы<?[?]> текущие < >
- 126—127 А
- а. *Начато*: Я
б. < > и жаловалась томно

¹ Ст. 116—117, по всей видимости, представляют собой переработку ст. 116—117 черного автографа на л. 59 тетради ПД 835 (см. выше, с. 257).

² Слово: хранимую еще раз записано и зачеркнуто под ст. 119.

³ Ст. 120—121, по всей видимости, представляют собой переработку ст. 120—121, черного автографа на л. 59 тетради ПД 835 (см. выше, с. 257—258).

⁴ Вероятно, ошибка, вместо: Являлся

⁵ Союз: И остался незачеркнутым.

- Б < > скрывалась(?) и прощала —
 а. < > лилась и утекала
 б. О как плени(тельно) лилась и утекала
 в. Как < > жизнь моя лилась и утекала
 г. Как сладко жизнь моя лилась и утекала
- В а. [И] И (нрзб) < > ревновала
 в. И ночь мою < > ревновала
 в. И ночь мою < > в прокля(тьях)(?) ревновала
 Как < > жизнь моя лилась и утекала¹
- 128—129 А а. Зачем же < > гражданин —
 б. *Начато:* Зачем же кинулся
 в. *Начато:* Я кинулся на поприще
- Б а. Зачем от жизни сей покойной и простой
 б. Зачем от жизни сей ленивой и простой
 а. *Начато:* Я
 б. *Начато:* К
 в. *Начато:* Я броси(лся)
 г. Я кинулся туда, где ненависть(?) разбой
 д. Я кинулся туда, где ужас роковой
- 130—131 А а. *Начато:* Мне ль было напрягать
 б. *Начато:* Гражданский
 в. Где страсти буйные, умы граждан стесняют(?)
Начато: Где злоба где корысть: где
- Б Где страсти [д] дикие, где буйные невежды
 И злоба и корысть: куда мои надежды
- 132—133 А а. *Начато:* Вы зав(ели?)
 б. Вы увлекли меня — зачем мой (нрзб)
 в. Вы увлекли меня — зачем моей рукой
 а. *Начато:* Указан бы(л)
 б. *Начато:* В
- Б Вы завлекли(?) меня — что делать было мне
 а. *Начато:* Мне с( )(?)
 б. *Начато:* Мне Муз
 в. Мне верному любви, стихам и тишине —
- 134—135 а. *Начато:* Среди толпы презренной
 б. На низком поприще с презренными бойцами,
 в. На пыльном(?) поприще с презренными бойцами,
 г. На низком поприще с презренными бойцами,
 а. *Начато:* В пыли и в пра(хе?)
 б. Мне ль было управлять свирепыми конями
 в. И² мне л(и)³ управлять свирепыми конями
 г. Мне ль было управлять мятежными конями
- 136—139 А а. Мне ль < > напрягать гражданские бразды
 б. И тщетно напрягать гражданские бразды

¹ Ст. 127 отчеркнут горизонтальной чертой — знаком строфического деления.

² Союз: И остался незачеркнутым.

³ Форма частицы: ль исправлена не была.

- в. И круто напрягать напрасные⟨?⟩ бразды
 з. Ужель ⟨ ⟩ напрягать бессильные бразды
 д. И круто напрягать бессильные бразды
 а. И в ⟨ ⟩ кровавые следы
 б. И в ⟨нрзб⟩ и в пыли кровавые следы
 в. Оставляю я в пыли кровавые следы
 з. Теперь оставляю я кровавые следы
Начато: Что
- Б** И круто напрягать бессильные бразды
 а. На то ли чтоб теперь кровавые следы
 б. Но то ли чтоб толпы⟨?⟩ кровавые следы
 а. *Начато:* Безумной жертвою
 б. ⟨ ⟩ меня превозмогли!
- В** И круто напрягать бессильные бразды
 Теперь оставляю я кровавые следы
 ⟨ ⟩ и ревности безумной
- Г** И круто напрягать бессильные бразды
 а. Теперь оставляю я безумные следы
 б. И что ж оставляю я забытые следы
 в. И что же оставляю я ⟨ ⟩ следы
 а. Бессильной доб⟨лести⟩⟨?⟩ и ревности ничтожной¹
 б. Бессильной доб⟨лести⟩⟨?⟩ и дерзости ничтожной
 в. Бессильной дерзости и ревности ничтожной
 а. Погибни мой, ⟨ ⟩ Свободы ⟨ ⟩ ложный —
 б. Погибни, голос мой, и ты,² о призрак ложный —
- 140 а. Ты ⟨ ⟩ Свобода: мой кумир...
 б. *Начато:* Ты звучное³
 в. ⟨ ⟩ предательский кумир
 з. Ты слово, гордый звук предательский кумир
 д. *Начато:* Ты, слово звучное⟨?⟩ обм⟨анный⟩⟨?⟩
 е. *Начато:* Ты зв⟨ук⟩
 ж. *Начато:* Ты слово, зву⟨чное⟩
 з. Ты слово, звук пустой!
 Нет! нет! — —
- и. Ты слово, звук пустой!
 О, нет!
- 141 а. *Начато:* Не
 б. Молчи, ⟨ ⟩ богохулень!..
 в. Нет⟨?⟩ ⟨ ⟩ богохулень!..
 з. *Начато:* Гордись
 д. Велению ⟨ ⟩ пок⟨орный⟩⟨?⟩
 е. Веленью ⟨ ⟩ послушный
 ж. Веленью жребия послушный

¹ Первоначально слово: ничтожной было по ошибке вписано в ст. 137 перед словом: следы

² Слова: и ты были зачеркнуты, восстановлены и записаны еще раз.

³ Слово: звучное было зачеркнуто и восстановлено.

- И Ты презрел мощного злодея —
 а. Твой < > грозно пламенея
 б. Твой светоч грозно пламенея
 в. Твой светоч ярко¹ пламенея²
 Ужасным блеском озаряя
 а. Лик палачей самодержавных
 б. *Начато*: Губите<лей><?>
 в. < > губителей бесславных
 г. < > палачей бесславных
 д. <нрзб> черные губи<телей><?> бесславных
 е. < > губи<телей><?> бесславных
 а. < > грозящий <начато нрзб>
 б. Твой глас грозящий укорял
 в. Твой клик грозящий укорял
- К Ты презрел мощного злодея —
 Твой светоч ярко пламенея
 Ужасным блеском озарил
 < > губи<телей><?> бесславных
 а. Ты поруганьем поразил
 б. Священным < > поразил
 в. К <нрзб> зло <нрзб> бранил
- Л Ты презрел мощного злодея —
 Твой светоч ярко пламенея
 Ужасным блеском озаряя
 < > губи<телей><?> бесславных
 [И в трех < > державных]
 [Ты поразил<?> < > бичом<?>]
- 151—154 А а. *Начато*: Ты пел Апостолам
 б. Ты пел маратовым жрецам<?>
 в. Ты пел маратовым рабам<?>
- Б < >
 < > Ты славил Немезиду —
 Ты пел маратовым жрецам<?>
 а. < > Эвмениду
 б. Кинжал и деву - Эвмениду
- В Твой бич летал <по> их<?> глава<м><?>
 Ты звал ты славил Немезиду —
 Ты пел маратовым жрецам<?>
 Кинжал и деву - Эвмениду
- 155—159
 160—161 а. Гордись, гордись певец — а ты презренный зверь
 б. Гордись, гордись певец — а ты свирепый зверь
 Моей главой играй теперь
- 162—165 А а. Она [т<воя?>] в твоих когтях — но знаю я<?> тебя
 б. *Начато*: Она в твоих когтях — Но знай

¹ Слово: ярко было зачеркнуто и восстановлено.

² Между ст. 145 и 146 справа вписано: [Взошел<?>]

- в. *Начато*: Она в твоих когтях — Приди
 з. *Начато*: Она в твоих когтях — < > презираю
 д. Она в твоих когтях — к тебе взываю<?> я
 е. Она в твоих когтях — < >
 Тебя, губитель роковой
 Тебя пигмей самодержавный
 Завистник Гения без<умец><?>¹
- Б а. Она в твоих когтях — но знай палач бе<збожнѣй?>
 б. Она в твоих когтях — но знай палач ни<чтожнѣй?>
 в. *Начато*: Она в твоих когтях — но звук речей
 з. *Начато*: Она в твоих когтях — < нрзб >
 д. Она в твоих когтях — < > завещаю<?> вам<?>
 е. Она в твоих когтях — но знай Тиран
 ж. Она в твоих когтях — но знай ти<ран><?>
 безбожн<ый>!
- а. *Начато*: Тебя² преследует<?> мой
 б. Мой смех преследует тебя
 в. Еще мой ярый смех преследует тебя
 з. Еще мой < > смех преследует тебя
 Пей кровь [мою] терзай<?> губя
- а. *Начато*: Пигмей
 б. *Начато*: Губи<тель>
 в. *Начато*: Бле<дней><?>
 з. *Начато*: Пигмей < > <начато нрзб >
 д. *Начато*: Ты все пигмей, Тиран
 е. Ты все пигмей, палач<?> ни<чтожнѣй><?>
- 166
 167—169 А а. И придет час, и он уж не далек
 б. И ты падешь — и поруганья
 Б И ты падешь — и поруганьем
 И ты падешь — и поруганья
 Воспрянет наконец
 В И ты падешь — и поруганья
 а. *Начато*: Тебе
 б. *Начато*: Святой восторг
 в. И < > рыданье
- Г И ты падешь — <негодование>³
 Воспрянет наконец Отечества рыданье
 а. [*Начато нрзб*] Разбудит мстительный — < > Рок —
 б. Разбудит < > Рок —
 в. Разбудит усыпленный Рок —
 з. Разбудит утомленный Рок —
- 170 а. *Начато*: Прощай, меня зовут! но < > ид<и>

¹ Дальнейшая работа над стихотворением велась после того, как в нижней части л. 63 было записано стихотворение «Заступники кнута и плети...».

² Слово: Тебя осталось незначеркнутым.

³ Восстановление в ст. 168 слов: Воспрянет наконец, по-видимому, предполагало оставшееся неотмеченным в автографе восстановление в ст. 167 слова: негодование

- 171—172
- б. Прощай, меня зовут! но ты ступай за м⟨но⟩й
 в. Меня зовут! иду но ты ступай за м⟨но⟩й
 а. *Начато*: Я жду тебя — так пе⟨л⟩
 б. Я жду тебя —
     Так пел возвышенный⟨?⟩ поэт
 в. Я жду тебя —
     Так пел восторженный⟨?⟩ поэт
 а. ⟨   ⟩ лампы свет —
 б. Тюрьма¹ покоилась — лампы белый свет —
 в. И все⟨?⟩ покоил⟨о⟩сь² лампы ти⟨хий⟩⟨?⟩ свет —
- 173
- 174—177 А Блестел пред утренней зарей —
 Решетки черные тюремного окна
 Б а. *Начато*: Вдруг грянули ключи, вра⟨та⟩
 б. Вдруг грянули ключи, железные врата
     Скрыпят; звучат затво⟨ры⟩
 В И утро веяло в темн⟨ицу⟩⟨?⟩ и певец³
 а. *Начато*: К ре⟨шетке⟩
 б. *Начато*: В
 в. *Начато*: К решетке
 г. *Начато*: К решетке поднял
 д. К решетке приподнял зад⟨умчивые⟩⟨?⟩ ⟨взоры⟩⟨?⟩
     Вдруг, шум — пришли, зовут — Они! надежды нет
 а. Гремят ключи, замки, запоры
 б. Звучат ключи, замки, зат⟨в⟩оры
- 178—184 А а. Певец идет ⟨   ⟩ помедлите
 б. *Начато*: Помедлите
 в. Помедлите — — певец — ⟨   ⟩ пой
 г. *Начато*: Помедлите — — о стой
 д. Куда куда пом⟨едли⟩⁴ о пос⟨той⟩
 е. *Начато*: Помед⟨л⟩и ⟨   ⟩ еще⟨?⟩ оди⟨н⟩⟨?⟩
 а. Завтра день — ⟨   ⟩ Свобода
 б. *Начато*: Завтра
 в. *Начато*: [Ещ⟨е⟩] Ещ⟨е⟩
 г. *Начато*: Не⟨т⟩
 д. Единый день и всем свобод⟨а⟩
     И казней нет уже [и] и оживет
 е. [И к⟨   ⟩⟨?⟩] И казней нет и всем свобод⟨а⟩
 а. *Начато*: Уже на плахе он! взор утомл⟨енный⟩⟨?⟩
 б. *Начато*: Уже на плахе он! дух⁵ утомл⟨енный⟩⟨?⟩
 в. *Начато*: Не внемлют
 г. *Начато*: И дружба

¹ Слово: Тюрьма было зачеркнуто, восстановлено и снова зачеркнуто.

² Форма слова: покоилась исправлена не была.

³ Слово: певец было зачеркнуто и исправлено неразборчиво (возможно, на требуемое рифмой: поэт), затем восстановлено.

⁴ Слова: куда пом⟨едли⟩ остались незачеркнутыми.

⁵ Слово: дух осталось незачеркнутым.

- д. *Начато*: Не внемлют:
 е. Не слышат: он готов — [И] [идет] идет¹
- Б а. *Начато*: Зовут — помедли
 б. Зовут — певец! помедли день один
 в. Зовут его! постойте!.. день один
 г. Зовут — постой, постой! день только день один
 И каз(не)й нет и (всем)² свобода
- а. *Начато*: И сам п(алач)(?)
 б. И жив великий граж(данин)
 Среди великого (народа)
- а. *Начато*: Не внемлют: он
 б. Не внемлют: шествуют безмолвно. Ждет палач — —
 а. Но дружба путь его последний очарует —
 б. Но муза путь его последний очарует —
 в. Но музы путь его последний очару(ю)т³ —
 г. Но дружба путь его последний очарует —
- а. *Начато*: И слава перед ним
 б. ( ) Он Славу именует...
 в. Вот плаха! он взош(ел)(?) Он Славу именует...
- 185 а. *Начато*: Свобода⁴ Музы
 б. *Начато*: И Муз
 в. *Начато*: О плачь
 г. ( ) плачь
 д. Плачь Муза плачь

Черновой автограф ст. 1—8
 (ПД 835, л. 64)

- 1—4 А Меж тем как Байроновой Тени
 Европы
 Сыны ( ) вдохновений
 Несут ( ) дань —
 И полон гордых [д(?)] песн(опени)й
 а. ( ) сетующий ( )
 б. ( ) опустельй мир —
 в. Внезапно опустельй мир —
- Б Меж тем как Байроновой Тени
 а. Европы ( ) пев( )
 б. ( ) певца
 в. *Начато*: Поэта
 г. Гремят ( ) лир
 д. Звучат мольбы надгробных лир⁵

¹ Несложившийся вариант А остался незачеркнутым.

² В автографе описка: нем(?)

³ Форма слова: очарует исправлена не была.

⁴ В автографе описка: свобода

⁵ Слово: лир по ошибке записано дважды.

- е. Гремят мольбы¹ надгробных лир
а. <   > мир<?>
б. И хору гордых песно<пени>й
в. И хору дружных<?> песно<пени>й²
г. И внемлет хору песно<пени>й²
д. [И] [И в] И внемлет [хо] хору песн<опений>
а. [О нем] О нем <   > мир —
б. [*Начато нрзб*] Его следами полный мир —
В Меж тем как Байроновой Тени
Гремят мольбы надгробных лир
<   > хор<ом>³ песн<опений>
[Наполнен<?>] Наполнен сетую<щий> мир —
Г Меж тем как Байроновой Тени
Гремят мольбы надгробных лир
<   > хор<у> песн<опений>
а. *Начато*: Внимает
б. Его [*нрзб*] следами <   > мир —
5—8 А а. Другая тень <   > унылый
б. Давно <   > унылый
в. <   > любви унылый
г. <   > унылый
а. Другая тень меня зовет
б. Другая тень меня <нрзб>
в. Другая тень меня зовет
Давно, без песен, без могилы
<   > дани ждет
Б <   >
Другая тень меня зовет
<   > без песен, без могилы
а. Давно <   > дани ждет
б. <   > <нрзб> дани ждет
В <   >
Другая тень меня зовет
<   >
<   >
<   > дани ждет

¹ Слова: Гремят мольбы были зачеркнуты и записаны еще раз.

² Слово: песно<пени>й осталось незачеркнутым. Под ним в ходе дальнейшей работы было записано:

И <   > Ры<   ><?>

— возможно намечавшийся вариант ст. 4.

³ Окончание слова: хору было зачеркнуто, но не исправлено.

*Редакторская сводка чернового автографа примечания,
не включенного в печатный текст*

(ПД 835, л. 65)

А<ndré> Ш<énier> погиб жертвою Фр<анцузской> револ<юции> на 31 году от рождения — Долго славу его составляло неск<олько> сл<ов> сказан<ных> о нем Шат<обрианом>, два или три отрывка в <древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы> и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года —

Нельзя воздержаться от горестного чувства

*Первоначальные варианты чернового автографа примечания,
не включенного в печатный текст*

(ПД 835, л. 65)¹

- 1 А<ndré> Ш<énier> погиб жертвою Фр<анцузской> револ<юции> / *Начато*: А<ndré> Ш<énier> погиб, одной из благороднейших
- 2—4 Долго славу его составляло ~ сожаление об утрате всего прочего. — /
а. Долго он был известен 2 или тремя отрывками в др<евнем> элегическом роде, Одою Младой Узницы и словами Шатобриана
б. *Начато*: Долго слава его
в. Долго славу его составляло сожаление об утрате его стихов. —
г. Долго славу его составляли воспоминания о нем Шат<обриана> и общее сожаление об утрате его стихов. —
д. Долго славу его составляли воспоминания о нем Шат<обриана> два или три отрывка в <древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы>² и общее сожаление об утрате [проч] всего прочего.
- 4—5 Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года — /
а. *Начато*: Наконец отысканы бы<ли>
б. Наконец творения его были отысканы и выданы в свет 1819 года —

Между

- 5 и 6. а. *Начато*: Читая стихи давно умершего³
б. Читая стихи сего<го> поэта<го> давно умершего и вместе
в. *Вычеркнуто*

Вариант ст. 10

*в письме Пушкина к П. А. Плетневу
(по копии Бар)*

Несу надгробные цветы

¹ Нумерация строк по редакторской сводке.

² Вставка слов: два или три отрывка в явно предполагала перенос сюда же их продолжения, содержавшегося в зачеркнутом варианте «а» строк 2—4.

³ Вписано между строк.

*Разночтения и варианты автографа ПД 719¹
и авторизованной копии Лп
(ст. 21—64)*

Заглавие	На 14 ^е декабря	Лп
25	а. Я славил твой небесный трон	Лп
	б. Я славил твой небесный гром ²	Лп
25	Я славил твой небесный гром	ПД 719
35	а. И пламенный трибун предрек во страхе полный,	Лп
	б. Как в тексте. ³	Лп
40	От пепела предрассуждений ⁴	Лп
61	а. Он бредит, жаждою томим;	Лп
	б. Как в тексте. ⁵	Лп
62	Так — он найдет тебя под сению равенства ⁶	Лп

*Разночтения копий Кн, Вульф, Долг, Тих, Лон—Полт, Ал, Е,
и публикаций Пп, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880, БЗЕ в ст. 21—64⁷*

Заглавие	На 14 ^е декабря	Кн
25	Я слышал твой небесный гром	Лон—Полт
28	Рассеял пеплом и стыдом.	Вульф, Долг, Генн. 1869—71, Ефр. 1880,
33	Я зрел, как их могучи волны	Долг, Тих, Лон— Полт, Ал, Е, Пп, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880
39	Святых изгнанников всходили славны тени	Долг, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880
39	Святых изгнанников восходят славны тени	Тих, Лон—Полт, Ал, Е
40	От пепела предрассуждений	Вульф, Кн
40	От пелены предубеждений	Долг, Пп, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880
41	Разоблачался древний трон;	Вульф

¹ В автографе ПД 719 — только ст. 25—26, 30—32, 35 (первые три слова), 38—39, 48, 49 (первые четыре слова).

² Поправка Пушкина.

³ Поправка Пушкина.

⁴ Осталось неисправленным.

⁵ Поправка Пушкина.

⁶ Осталось неисправленным.

⁷ В Долг — только ст. 26—65, в БЗЕ — только ст. 50—64. Во всех копиях, за исключением Кн, и публикациях, за исключением Пп, ст. 37 пропущен.

54	Скрывалась ¹ ты от нас. Целебный твой сосуд	Вульф, Долг, Тих, Лон—Полт, Ал, Е, Герб, Генн. 1869—71, БЗЕ
56	И ты придешь опять со мщением и славой,	Лон—Полт
57	И вновь твои враги падут. —	Пп, Генн. 1869—71, Ефр. 1880
61	Он бредит, жаждою томим	Кн, Вульф, Долг, Тих, Лон—Полт, Ал, Е, Пп, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880, БЗЕ
62	Так — он найдет тебя под сению равенства;	Кн, Пп
62	Так! он найдет тебя под сению равенства;	Долг, Герб, Генн. 1869—71, БЗЕ
62	Так, он найдет тебя под сению равенства,	Лон—Полт
64	И буря мрачная минет.	Вульф, Долг, Тих, Лон—Полт, Ал, Е, Пп, Герб, Генн. 1869—71, Ефр. 1880, БЗЕ
Под текстом 14 декабря 1825		Вульф Ал

Варианты и разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие	Андрей Шенье. 1825	Ст 1826
в оглавлении	(Посвящено Н. Н. Раевскому.)	Ст 1826
Посвящение		
Между	Астериск отсутствует.	Ст 1826
12 и 13	.....	
Вм. 21—64	.....	
	.....	Ст 1826,
	.....	Ст 1829
65	...Не узрю вас, дни славы, дни блаженства!	Ст 1826, Ст 1829
120	Когда ж, вакхальною тревогой утомясь	Ст 1826
150	.....	Ст 1826, Ст 1829
Примечание 6	Ils choisirent la première scène d'«Andromaque»./ C'étoit la première scène d'«Andromaque». ²	Ст 1826

¹ В копии Е слово: Скрывалась другой рукой, карандашом исправлено на: Сокрывалась. В БЗЕ в этом слове опечатка: сокрывалась

² Перевод: Они выбрали последнюю сцену «Андромахи». / Это была последняя сцена «Андромахи» (фр.).

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

(«Когда, любовию и негой упоенный...»)

(С. 60)

Редакторская сводка чернового наброска

(ПД 834, л. 39 об.)

Когда желанием и негой утомленный
 Я на тебя гляжу коленопреклоненный
 И ты мне г(о)л(о)ву обнимешь, и в уста
 Дыханье жарких уст <   > вливаешь —
 И слезы на глазах с любовью <   >
 <   > счастлив ли я
 <   > я не завидую богам —

Черновой набросок(ПД 834, л. 39 об.)¹

- 1—2 А а. *Начато:* Когда
 б. <   > и слезы на глазах
 в. <   > главу <   >
 г. <   > мою про<   > <   >
 Б а. [Когд(а)] Когда любовию и счастьем утомлен(ный)
 б. Когда желанием и негой упоенный(?)
 в. Когда желанием и негой утомлен(ный)
 Я на тебя гляжу коленопреклоненный
 3—6 А а. *Начато:* И ты мне го(лову)
 б. И ты главу мо(ю) обнимешь, и нежна(?)
 в. И ты главу мо(ю) обнимешь, и меня
 г. И ты мне г(о)л(о)ву² обнимешь, и уста
 а. Целуешь <   > поцелуем —
 б. <   > лечишь(?) поцелуем —
 в. Томишь и лечишь <   > поцелуем —
 г. Язвишь и лечишь <   > поцелуем —³
 а. <   > тогда мрачит — <   >
 б. *Начато:* Зачем тогда мрачит —
 а. И в наслаждении тоскуем —
 б. Мы в наслаждении тоскуем —
 в. И в наслажден(ь)и⁴ мы тоскуем —
 Б а. И ты мне г(о)л(о)ву обнимешь, и уста
 б. И ты мне г(о)л(о)ву обнимешь, и <   >
 Уста <   > с любовью припл(ижаешь)⁵

¹ Нумерация стихов по редакторской сводке.² Форма слова: главу осталась неисправленной.³ Этот вариант ст. 4 остался незачеркнутым.⁴ Форма слова: наслаждении осталась неисправленной.⁵ Слово: припл(ижаешь) осталось незачеркнутым.

- И в < >
 Зачем тогда мрачит — < >
 И в наслажден(ь)и мы тоскуем —
 В И ты мне г(о)л(о)ву обнимешь, и в уста
 Свое дыхание¹ < > вливаешь —²
Начато: Счастлив ли я
 Г И ты мне г(о)л(о)ву обнимешь, и в уста
 а. *Начато:* <Нрзб> с любовью —
 б. Дыханье жарких уст < > вливаешь —
 а. *Начато:* И слезы < > с любовью —
 б. *Начато:* И слезы на глазах с любовью —
 а. Ты ду(маешь)<?> < > счастлив ли я³
 б. < > счастлив ли я
 7 < > я не завижду богам —

Отдельно записанный вариант ст. 4⁴
 (ПД 835, л. 65)

Начато: Ты знаешь милая: [желал]

Варианты и разночтения Соревн и копии Плет⁵

Заглавие	Желание славы (Элегия)	Соревн
6	Скучая суетой и званием поэта	Соревн, Плет
23	Отсутствует. ⁶	Соревн
23 а.	Отсутствует	Плет
б.	Как в тексте. ⁷	
Под текстом	7 июля 1825	Плет

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Желание славы. 1825

¹ Слово: дыхание, по-видимому, исправлено из: дыханье

² Этот вариант ст. 4 остался незачеркнутым.

³ Слово: я было зачеркнуто и записано еще раз.

⁴ Номер стиха по основному тексту.

⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

⁶ Стих пропущен по ошибке.

⁷ Стих вписан позднее карандашом.

⟨К А. Г. РОДЗЯНКЕ⟩

(«Ты обещал о романтизме...»)

(С. 61)

Разночтения копий АВлф и Крн

5	А	пишешь лишь об ней одной	Крн
29—30	а.	Отсутствуют.	АВлф
	б.	Как в тексте. ¹	АВлф

ЖЕНИХ

(«Три дня купеческая дочь...»)

(С. 62)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 30—30 об., 29 об.)

1—4	А	Три дня купеческая дочь Наташа пропадала — Она домо⟨й⟩ в четверту ² ночь — Пришла и зарыдала —
	Б	Три дня купеческая дочь — а. Татьяна пропадала — б. Наташа пропадала — а. Она пришла в четверту ночь — б. Она домой в четверту ночь — в. Она приш⟨ла⟩ в четверту ночь — Вошла и зарыдала —
	В	Три дня купеческая дочь Наташа пропадала — Она на двор в четверту ночь — Без памяти вбежала —
5—8	А	а. И кинулись отец и мать б. И ⟨ ⟩ отец и ³ мать Наташ⟨у⟩ ⁴ бросаьсь⟨?⟩ обнимать Наташа им ни слова Ты здесь, [на] ты наша снова
	Б	а. И бросилась рыдая мать б. И кинул⟨а⟩сь ⁵ рыдая мать а. В слезах Наташ⟨у⟩ обнимать б. Свою Наташ⟨у⟩ обнимать

¹ Вписано Пушкиным. Место вставки отмечено крестом.

² В автографе описка: четвертую

³ Союз: и остался незачеркнутым.

⁴ В автографе описка: Наташа

⁵ Пушкин восстановил слово: кинулись, не исправив его формы.

- в. Наташ⟨у⟩ ⟨нрзб⟩ обнимать
 з. Свою Наташ⟨у⟩ обнимать
 Ты [в] наша наша снова
 Наташа ей ни слова¹
- Между
 8 и 9 А Стоит бледна как полотно
 ⟨   ⟩ до полуночи,
 И все глядит она в окно
 В печальный сумрак ночи.
- Б Стоит бледна как полотно
 а. ⟨   ⟩ недвижно очи
 б. Раскрыв⟨?⟩ недвижно очи
 в. Подняв⟨?⟩ недвижно очи
 з. Открыв недвижно очи
 а. И все глядит ⟨   ⟩ в окно
 б. И все глядит она в окно
 В печальный сумрак ночи.
- А Напрасно к ней [с] ⟨   ⟩ мать
Начато: С ук⟨ором?⟩
- Б С вопросами отец ⟨и⟩ мать
 а. Умилно стали приступать
 б. К Наташе стали приступать
 а. [Уми⟨льно⟩⟨?⟩]² Допросов их ⟨нрзб⟩
 б. *Начато:* Не слышит
 в. Татьяна их не слышит —
 а. Дрожит и тяжело дышит —
 б. Дрожит и еле дышит —³
- А а. [На] На утро ⟨   ⟩ мать —
 — Плетет Наташе косу
- Б а. На утро заплетает мать —⁴
 б. *Начато:* [Плетет] Плетет
 в. Поутру ⟨   ⟩ мать
 а. ⟨   ⟩ в две тесмы⟨?⟩ косы
 б. *Начато:* Плетет в две
 в. Плетет Наташе⁵ косу
- В а. Поутру заплетает мать
 б. Плести поутру стала мать
 Наташе тихо косу
 а. А дочь [не⟨?⟩ хо⟨чет⟩] ⟨   ⟩ понимать⟨?⟩
 б. А дочь не⟨?⟩ станет понимать⟨?⟩

¹ Перестановка ст. 7 и 8 обозначена цифрами: 1 и 2 и записью слова: [снова] на правом поле над стихом: Наташа ей ни слова. После ст. 8 проведен горизонтальный штрих, отмечающий строфическое деление.

² Возможно, слово начато по ошибке.

³ После стиха: Дрожит и еле дышит проведен горизонтальный штрих, отмечающий строфическое деление.

⁴ Запись: мать — осталась незачеркнутой.

⁵ Исправлено из ошибочного: Наташу

- в. *Начато*: Но только¹ станет при⟨ ⟩
 з. Но только хочет приступить
 д. Но только станет приступить
 а. К умильному допросу —
 б. К заветному вопросу —
- А Наташа ⟨ ⟩ задрожит
 И взор недвижимый устремит
 То ⟨ ⟩ к порогу
 Молясь тихонько богу
- Б а. Как лист ⟨ ⟩ задрожит
 б. Как лист Наташа вся дрожит
 в. Как лист Наташа задрожит
 з. Наташа снова задрожит
 а. И взор ужасный устремит
 б. И взоры снова устремит
 То в окна то к порогу
 Молясь тихонько богу²
- 9—12 А Тужили долго — мать, отец
 ⟨ ⟩
 И отступились наконец
 А тайны не узнали
- Б а. Тужили ⟨ ⟩ — мать, отец
 б. Тужили долго — мать, отец
 в. Тужила мать, тужил отец
 И долго приступали
 И отступились наконец
 А тайны не узнали
- 13—16 Наташа стала [б] как была
 Опять румяна, весела
 а. И с милыми сестрами
 б. Опять она с сестрами
 Поет за воротами.³
- 17—20 А а. *Начато*: Однажды вот она
 б. Однажды у воро⟨т⟩ сидит
 С подруг⟨ами⟩
- Б Однажды ⟨ ⟩ у ворот
 а. *Начато*: Сидит
 б. [С п] С подруж⟨ками⟩ сидела
 Наташа ⟨ ⟩ — и вот —
- В Сидит однажды у ворот
 С подружками своими

¹ Слово: только было зачеркнуто и восстановлено.

² После стиха: Молясь тихонько богу проведен горизонтальный штрих, отмечающий строфическое деление.

³ Дальнейшая работа над стихотворением велась на левом поле л. 30. Вероятно, сначала в нижней половине левого поля были записаны ст. 17—24, затем в верхней половине левого поля — ст. 25—40 и, наконец, в самой нижней части листа, ниже ст. 24 — стихи, занимающие место между ст. 40 и 41.

- а. И <   > поздно уж — и вот —
 б. И было поздно уж — и вот —
 в. И <   > поздно <   > — и вот —
 Промчалась перед ими
- 21—22 А а. Лихая тройка под ковром
 б. Лих<ие>¹ санки [с<?> мо<?>] с молодц<ом><?>
 в. Сидит и правит молодцом
 г. Лихая тройка с молодцом
 а. <   > крытая ковром
 б. Санями, крытыми ковром
- Б Лих<ие> санки с молодцом
 Коня<ми> крытыми ковром
- В Лихая тройка с молодцом
 Коня<ми> крытыми ковром
- 23—24 а. *Начато*: Он сам
 б. <   > сам он правит
 в. Проворный сам он правит
 г. Проворно сам он правит
- а. Кричит, <   > и давит
 б. Кричит, поет и давит
- 25—28 А <   > мимо пролетел
- Б а. Он на Татьяну поглядел
 б. На них он смело<?> поглядел
 Наташа² поглядела
 а. Он мимо вихрем пролетел
 б. Он вихрем мимо пролетел³
 Наташа помертвела
- 29—30 а. *Начато*: Бе<жит?>
 б. Скорей домой она бежит —
 в. Стремглав домой она бежит —
 а. Он! Он! я знаю, говорит
 б. Он! Он! узнала, говорит
 в. Он! Он! я знаю, говорит
- 31—32 а. Он точно, он! держите
 <   > ловите
 б. Он точно, он! спасите!
 Друзья, друзья держите
 в. Он точно, он! держите
 Друзья мои <спасите>⁴
- 33—36 А а. Глядит <   > отец
 б. Печально слушает — отец
 Качает головою —

¹ Форма слова: Лихая исправлена не была.

² В автографе: Наташа ли<?>

³ Перестановка слов отмечена цифрой: 1 под словом: вихрем

⁴ В автографе слово: держите в ст. 32 не было заменено, однако восстановление этого слова в ст. 31, по-видимому, предполагало соответствующую замену в ст. 32. Вероятная замена реконструируется с учетом основного текста. После ст. 32 поставлен значок, отмечающий стrophicкое деление.

- Б Печально слушает — семья —
 а. Качают головою —
 б. Качая головою —
 а. Кого же милая моя
 б. [Наташа] Наташа, милая¹ моя
Начато: Узнала ты
- 37—38 а. Кого ты видела, скажи
 <   > укажи —
 б. <   > напугал² тебя, скажи
 Кто до<чь><?> <   > укажи —
 в. Обидели ль <   > скажи
 <   > укажи —
 г. Обидел кто <   > скажи
 Хоть след <   > да укажи —
 д. Перепугал<?> тебя<?> скажи³
 Хоть след <   > да укажи —
 е. Отец ей <   > скажи⁴
 Хоть след <   > да укажи —
 ж. Откройся мне ты <от> души
 Хоть след его нам укажи —
- 39—40 а. Перепугал Ната<шу>
 б. Обидел так Наташу
 Одну отраду наш<у>
- Между*
 40 и 41 А а. Но <   > бледна
 б. Но безответна и бледна
 Прекрасная девица
 Б Но безответна и бледна
 Отца не <2 нрзб>
 В Но безответна и бледна
Начато: [И] [И] [не<?>] Не говорит<?>
 Г Но безответна и бледна
 Стоит Наташа снова
 Молитву лишь творит она
 И более ни слова<?>
 Семья качает головой
 а. *Начато:* Я<?>
 б. <   > шутит домовой
 в. Аль шутит шутки домовой
 г. Иль шутит шутки домовой⁵

¹ Слово: милая было записано дважды.

² Слово: напугал было зачеркнуто и восстановлено.

³ Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

⁴ Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

⁵ Дальнейшая работа велась на л. 30 об. в трудноопределимой последовательности.

Записи делались в два столбца то в левой, то в правой части листа, причем правая часть могла заполняться до того, как левый столбец был закончен.

- 41—44¹ А а. *Начато*: Бледна
 б. *Начато*: Как тень
 в. *Начато*: Бледна
 г. На двор⟨?⟩ — ⟨ ⟩ входит⟨?⟩
- Б а. *Начато*: Но день ⟨ ⟩ — вот к
 б. Но день ⟨ ⟩ на крыльцо
 в. Прошло ⟨ ⟩ на крыльцо
 г. Поутру ⟨ ⟩ на крыльцо
 Идет ⟨ ⟩ сваха
 На ручке золото кольцо
- В а. *Начато*: Прошло три дня — Наташа в
 б. Прошло три дня — к Наташе в дом
 в. *Начато*: Прошло три дня — и к ним
 г. Прошло три дня — и вот на двор
 д. Прошло три дня — потом [нрзб] на² двор⟨?⟩
- Г
 ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩ входит³
 И разговор обиняком
 Обиняком заводит
- Д а. И сваха [го⟨рдая?⟩] на двор
 б. И сваха честная на двор
 в. И сваха гордая на двор
 г. Поутру честная⟨?⟩ на двор
 д. И сваха ⟨ ⟩ к ⟨ним⟩ на двор
 е. Поутру сваха к ⟨ним⟩ на двор
 Нежданная приходит
 а. И то⟨ ⟩ ⟨ ⟩ разговор
 б. И благо⟨родный⟩ разговор
 в. Садится гордо⟨?⟩ разговор
 г. Лукавый ⟨ ⟩ разговор
 д. Невесту хвалит разговор
 е. Наташу хвалит разговор
 Обиняком заводит⁴
- 45—48⁵ А а. *Начато*: Пора На⟨таше⟩
 б. ⟨ ⟩ под венец —
 А на примете молодец —
 Красивый и проворный,
 Б Пора [де⟨вице⟩] невесте под венец —
 А на примете молодец —
 ⟨ ⟩ не вздорный
 а. И щедрый⟨?⟩ и проворный,
 б. ⟨Нрзб⟩ и проворный,

¹ Работа над ст. 41—44 велась как в правой, так и в левой части листа.

² Слова: потом на остались незачеркнутыми.

³ Слово: входит осталось незачеркнутым.

⁴ Под ст. 44 проведена горизонтальная черта.

⁵ Ст. 45—48 записаны в левой части листа.

- 49—52² А в. И статный и проворный¹
 Вот ожерелье(?) и ⟨нрзб⟩
 Как барин ⟨   ⟩ пояс —
- Б Богат он, волен — никому
 Не кланяется в пояс —
 И ⟨   ⟩ барин по сему
 Живет не беспокоясь,
- Вм. 53—56³ а. ⟨   ⟩ невесте вдруг
 б. Да привезет(?) невесте вдруг
 в. Да подарит невесте вдруг
 а. Начато: Яхонт
 б. ⟨   ⟩ яхонты жемчуг —
 в. Соболю(?) шубу да жемчуг —
 г. Да платье шубу и жемчуг —
 д. И лисью шубу и жемчуг —
 Да перстни золотые
- 57—60⁴ А а. ⟨   ⟩ вечер
 б. Тебя увидел он вечер
 в. Наташа, видел он вечер
 а. Тебя за воротами,
 б. ⟨   ⟩ за воротами,
 Т⟨ебя?⟩ ⟨   ⟩
- Б Наташа, видел [он] вечер
 [Тебя] за воротами,
 а. Не по рук⟨ам⟩ ⟨   ⟩ на двор
 б. Не по рукам ли — да на двор
 а. Да в церковь за свечами
 б. Да в церковь за вен⟨цами⟩(?)
- 61—64⁵ А Она сидит за пирогом
 И говорит обиняком
- Б а. Сидит(?) ⟨   ⟩ за пирогом
 б. Она сидит за пирогом
 а. Начато: Под
 б. В углу под образами
 И речь ведет обиняком
- В Она сидит за пирогом
 [И] речь ведет обиняком
 А бледная невеста
 Себе не знает места
- 65—68⁶ А Согласен говорит отец —
 ⟨   ⟩

¹ Под ст. 48 проведена горизонтальная черта, отмечающая строфическое деление.

² Ст. 49—52 записаны в правой части листа под ст. 60.

³ Стихи вместо 53—56 записаны в правой части листа под ст. 52.

⁴ Ст. 57—60 записаны в правой части листа раньше, чем ст. 49 и след.

⁵ Ст. 61—64 записаны в левой части листа под ст. 48.

⁶ Ст. 65—72 записаны в правой части листа после отступа под ст.: Да перстни зо-

- Ступай Наташа под венец
 Живи благополучно...
- Б Согласен говорит отец —
 [Иди] [ж⟨?⟩]¹ Иди благополучно
- а. ⟨   ⟩ под венец
 б. Моя Наташа под венец
 в. Иди Наташа под венец
- а. ⟨   ⟩ в светлице скучно
 б. ⟨   ⟩ в девичьей скучно
 в. ⟨   ⟩ ⟨нрзб⟩ скучно
- г. [А⟨?⟩] Тебе в светелке [скучно]
- 69—72 а. *Начато:* Тебе
 б. *Начато:* ⟨нрзб⟩ тебе
 в. *Начато:* Не
- г. ⟨   ⟩ не вековать
 д. Не век же дома вековать
 е. Не век ⟨   ⟩ вековать
- а. Не все ж ⟨   ⟩ припевать
 б. Не все касат⟨к⟩е припевать
 в. Не все Наташе припевать
- Пора гнездо построить
- а. Да друга ⟨   ⟩ покоить
 б. Да пте⟨нчиков⟩⟨?⟩ покоить
 в. Да дету⟨шек⟩ покоить
 г. Да мален⟨ьких⟩⟨?⟩ покоить
- д. Чтоб детушек покоить
- 73—76² а. Она за слово⟨?⟩ принялась
 б. За речь ⟨   ⟩ принялась
 в. *Начато:* Она на стену
 г. *Начато:* Она на стенк⟨у⟩
- д. Она [на] о стену оперлась
 а. И хочет и не³ хочет
 б. И слово молвить хочет
- а. И вдруг взрыдала затря⟨слась⟩
 б. И в⟨о⟩зрыдала⁴ затря⟨слась⟩
- [И] плачет и хохочет...
- 77—80 А а. *Начато:* Ры⟨   ⟩⟨?⟩
 б. *Начато:* ⟨   ⟩ лить
- в. И сваха ⟨   ⟩ к ней бежит
 г. В смятеньи сваха к ней бежит
- а. Водой ⟨   ⟩ поит
 б. Водой ⟨   ⟩ кропит⟨?⟩
 в. И ⟨   ⟩ кропит⟨?⟩
 г. ⟨   ⟩ студеною кропит⟨?⟩

¹ Буква: ж начата и сразу зачеркнута.

² Ст. 73—80 записаны в левой части листа после отступа под ст. 64.

³ Частица: не осталась незачеркнутой.

⁴ Форма слова: взрыдала исправлена не была.

- л. Водой студеною кропит⟨?⟩
Опомнилась Ната⟨ша⟩
Испить ⟨   ⟩
- Б В смятеньи сваха к ней бежит
Водой студеною кропит⟨?⟩
- а. [Ис] Испить дает ей чашу —
б. ⟨Нрзб⟩ дает ей¹ чашу —
Опомнилась Ната⟨ша⟩
- В В смятеньи сваха к ней бежит
Водой студеною поит
- а. Начато: И льет на⟨?⟩
б. Начато: Льет ⟨нрзб⟩
в. Начато: [И] льет вторую⟨?⟩
г. [И] льет остаток ⟨чаши⟩
- а. На бедную Нат⟨ашу⟩
б. На голову Нат⟨аши⟩²
- 81—84³ А а. Начато: Вздох⟨ну⟩ла⟨?⟩ девица
б. Опомнилась — ⟨   ⟩ она⁴
а. Начато: Уста [и] и
б. Начато: И го⟨ворит?⟩
в. ⟨   ⟩ сказала⟨?⟩
- Б Крушится оха⟨ет⟩⟨?⟩ [семья] семья
Опомнитс⟨я⟩⟨?⟩ Наташа
И говорит: послуш⟨н⟩а ⟨я⟩
Родные, воля ва⟨ша⟩
- 85—88⁵ А а. И приглаш⟨айте⟩ ⟨   ⟩ на пир
б. Зовите жениха на⁶ пир
а. И приглаш⟨айте⟩ ⟨   ⟩ весь мир
б. На свадь⟨бу⟩⟨?⟩ ⟨   ⟩ весь мир
а. Начато: Чтоб суд
б. Начато: И правый суд
- Б Зовите жениха на пир
а. [Ва] Варите ⟨   ⟩ на весь мир

¹ Слово: ей осталось незначеркнутым.

² Дальнейшие записи на л. 30 об. расположены в три столбца. Среди них имеется запись:

[Жених:]

Запись намечает реплику Жениха, отсутствующую в сохранившемся черновом автографе. Можно предположить, что, завершив черновую работу над ст. 77—80, Пушкин оставил свободное место на л. 30 об. и записал: Жених: Затем на оставленном месте он стал вписывать предшествующие реплике строфы, которые заняли больше места, чем он изначально рассчитывал. В ходе работы над этими строфами запись: Жених: была зачеркнута.

³ Ст. 81—84 записаны в левой части листа. Возможно, они появились, после того, как по центру листа были записаны ст. 85—88.

⁴ Слово: она осталось незначеркнутым.

⁵ Запись ст. 85—88 составляет центральный из трех столбцов, расположенных в нижней части л. 30 об.

⁶ Предлог: на по ошибке записан дважды.

- б. Пеките хлебы на весь мир
Да <   > варите
Да земский суд зовите
- В Зовите жениха на пир
Пеките хлебы на весь мир
- а. На <   > варите
- б. В дни <   > мед варите
- в. Вино <   > мед варите
- г. На славу мед варите
- д. <   > мед варите
- а. И земский суд зовите
- б. Да суд на пир зовите
- в. Весь суд на пир зовите
- 89—92¹ А И так — <   > и пир горой
И мед варят на славу
<   > в <нрзб>
- Б а. *Начато:* Изволь душа
б. Изволь Ната<ша> Ангел <мой>
Готов тебе <в> забаву
Я все прин<ест>ь<?>...² [и] пир горой
И мед варят на славу
- 93—96 А³ а. И <   > пошли
б. И <нрзб> <   > пошли
в. И гости честные пришли
г. И гости честные нашли
Начато: К столу<?>
- Б⁴ И гости честные [нашли]
- а. <   > подружку привели
- б. *Начато:* К
- в. За стол невесту [привели]
- а. [По] <   > плачут
- б. [П] Подружки <   > плачут
- в. <   > поют <   > плачут
- г. Идут <   > и плачут
- д. Идут подр<ужки>⁵ плачут
- е. Входя<?> подр<ужки> плачут
А вот и сани скачут
- Вм.
97—100 А⁶ а. <   > <нрзб>

¹ Ст. 89—92 записаны в правой части листа под ст. 72 и отделены от следующей записи горизонтальной чертой.

² Ст. 90 и начало ст. 91 записаны под ст. 92.

³ Вариант А ст. 93—94 записан в правой части листа.

⁴ Ст. 93 остался записанным в правой части листа, ст. 94—96 записаны в левой части листа. По всей видимости, вариант Б ст. 93—96 сформировался после того, как возник вариант Д стихов вместо ст. 97—100, записанный на л. 29 об.

⁵ Начатое слово: подр<ужки> зачеркнуто и восстановлено.

⁶ Вариант А стихов вместо ст. 97—100 записан в центральной части листа 30 об., под ст. 88.

- б. <   > жениху<?> сидят<?>
 в. *Начато*: Над
 г. <   > тройка катит
 д. Лихая тройка катит
 е. Лихая <   > катит¹
- Б² а. *Начато*: Же<них><?>
 б. *Начато*: И вот жених на<?>
 в. Катит на тройке [*<нрзб>*] [*<нрзб>*] *<нрзб>*
 а. Жених <   > учтивый
 б. К крыльц<у> жених учтивый
- В <   > на тройке *<нрзб>*
 К крыльц<у> жених <   >³
- Г а. На двор — <   > уж на крыльце
 б. *Начато*: И уж жених⁴
 в. На двор жених — уж на крыльце —
 а. *Начато*: Вошел —
 б. <   > входит —
 в. Поднялся <   > входит —
 г. [Ужель<?>] [*начато нрзб*] <   > входит
 а. Веселье — <   > на лице
 б. Улыбка<?> <   > на лице
 в. <   > веселье<?> на лице
 а. [К<?>] Он важно их обходит
 б. Он важный взор обводит
- Д На двор жених — уж на крыльце
 <   >
 На всех <с> весельем<?> на лице
 [Он] важный взор наводит
- А а. *Начато*: Наташа<?>
 б. *Начато*: [Н] *<нрзб>* с радостью<?> сто<   ><?>
- Б Соболя шуба на плечах
Начато: Бобровая
- В С собольей шубой на плечах
 а. С бобров<ой>⁵ шапкою в руках
 б. С бобров<ой> шапочкой в руках
 в. С бобров<ой> шапкою в руках
 а. С <   > кож<...><?>
 б. С <   > *<нрзб>*
 в. <   > с *<нрзб>*
 г. [И] [С] <   > сапожок с подковой
 д. И сапожок с подковой

¹ Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

² Варианты Б и В стихов вместо ст. 97—100 записаны в правой части л. 30 об.

³ Вариант В стихов вместо ст. 97—100 остался незачеркнутым. Следующие варианты стихов вместо ст. 97—100 (за исключением последних двух стихов чернового автографа) вписаны на л. 29 об.

⁴ Записывая вариант «б», Пушкин оставил вариант «а» незачеркнутым.

⁵ Форма слова: Бобровая исправлена не была.

- е. С немец⟨кою⟩¹ подковой²
 а. Оплечь⟨?⟩ невесты молодой
 Сидит по праву руку —
 б. Сидит³ невесты молодой
 Жених о праву руку —

Отдельно записанный стих
 (ПД 835, л. 29 об.)

Татьяна задрожала

Варианты белого автографа ст. 117—128
 (ПД 69)⁴

- 126 а. Пустая комната. Гляжу —
 б. Изба освещена. Гляжу —
 в. Как в тексте.
 127—128 а. Все светло и богато
 Везде серебро да золото
 б. Как в тексте.⁵
 Под текстом
 30 июля 1825
 Мих⟨айловское⟩

Варианты и разночтения Корр
 (по публикации Ул и воспроизведению Ул,⁶
 и публикации МВ)

Заглавие	Жених (Простонародная сказка)	Корр, МВ
45—46	«Пора б невесту под венец, А на примете молодец	Корр, МВ
48	Невздорный, незадорный,	Корр
51	И как боярин между тем	Корр
79	И льется из чаши ⁷	Корр

¹ В автографе описка: немецй

² Заключительный стих строфы отсутствует. Следующие два стиха записаны в центральной части л. 30 об., после значительного отступа. Вероятно, место перед ними было оставлено после записи ст. 88, но следующие за ним стихи здесь не поместились.

³ Слово: Сидит зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Текст был записан в два столбца на обеих сторонах листа, от которого сохранилась лишь оторванная часть. На ее лицевой стороне запись ст. 117—128, на обороте — фрагмент концевой росчерка с пометой под ним.

⁵ Перестановка стихов отмечена поставленными слева перед ними цифрами: 1 и 2. Вероятнее всего, после перестановки было сделано пунктуационное оформление стихов (запятая после слова: золото и восклицательный знак после слова: богато).

⁶ Воспроизведены только две страницы отписки со ст. 1—16 и 41—64.

⁷ Стих набран с ошибкой.

93	Вот гости честные пошли,	Корр
99	Заздравный ковш идет кругом;	Корр
133	На сукны, коврики, парчу	МВ
137	Вот крик и конский топ... ¹	Корр
138—139	Я погасила свечку,	
	Да поскорее дверью хлоп,	Корр, МВ
166	И вдруг, хватаясь за косу	Корр
168	Ей праву ручку рубит	Корр, МВ

Заглавие в оглавлении Ст 1829

Жених. Простонародная сказка

ВИНОГРАД

(«Не стану я жалеть о розах...»)

(С. 67)

Черновой автограф
(ПД 835, л. 38)

- А а. Начато: И виноград котор⟨ый⟩
 б. И виноград ⟨ ⟩
 Которому⟨?⟩
- Б И виноград напоминает
 Персты деви⟨чьи⟩⟨?⟩²
- В Начато: Персты
- Г ⟨ ⟩
 Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
 ⟨ ⟩
 На персты девы молодой
- Д а. Начато: К⟨раса?⟩
 б. ⟨ ⟩ моей долины злачной
 в. Дитя моей долины злачной
 Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
 а. ⟨Начато нрзб⟩
 б. ⟨ ⟩ сходный красот⟨ой⟩
 в. Похожий ⟨ ⟩ красот⟨ой⟩
 г. И схожий ⟨ ⟩ красот⟨ой⟩
 д. Напоми⟨нает⟩ красот⟨ой⟩
 е. ⟨ ⟩ дивно⟨ю⟩³ красой
 ⟨ ⟩ персты девы молодой

¹ Стих набран с ошибкой.² Дальнейшие записи (варианты В—Д) делались в левой части листа.³ В автографе: дивной; возможно, здесь был намечен вариант: Похожий дивной красот⟨ой⟩

- Е а. И сын моей долины злачной
 б. Краса моей долины злачной
 а. *Начато:* Вэлеянный
 б. Висящий ⟨ ⟩ под горой
 в. В кистях висящий под горой
 Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
 Как персты девы молодой¹
- Ж а. *Начато:* И зре⟨лы⟩⟨?⟩
 б. ⟨ ⟩ фиги золотые
 И шелковицы ранний плод
 ⟨ ⟩
 И виноград ⟨ ⟩
 Краса моей долины злачной²
 В кистях висящий под горой³
 Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
 Как персты девы молодой
- Э
 ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩
 а. И виноград на витых⟨?⟩ лозах
 б. И виноград на цепких⟨?⟩ лозах
 В кистях висящий под горой
 Краса моей долины злачной
 а. Надежда осени златой
 б. Уте⟨ха⟩⟨?⟩ осени златой
 в. Отрада⟨?⟩ осени златой
 Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
 Как персты девы молодой
- И а. Зачем жалеть о вешних розах
 б. К⟨?⟩ чем⟨у⟩⁴ жалеть о ранних⟨?⟩ розах
 в. Не стану я жалеть о розах
 Увядших с легко⟨ю⟩ ⟨весной⟩⁵
 а. Милее виноград на лозах
 б. Мне виноград миле⟨й⟩ на лозах
 В кистях висящий под горой
 Краса моей долины злачной

¹ Дальнейшие записи делались в правой и средней части листа (кроме стихов: Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный / Как персты девы молодой, которые больше не переписывались).

² В ходе дальнейшей работы этот стих был переставлен на другое место и записан еще раз в нижней части листа (см. варианты Э и И); его первоначальная запись осталась незачеркнутой.

³ В ходе дальнейшей работы над стихотворением этот стих был переставлен на другое место и записан еще раз в нижней части листа (см. варианты Э и И); его первоначальная запись на левом поле листа осталась незачеркнутой.

⁴ В автографе первоначально было записано: За чем (см. вариант И, «а»); форма слова: чем осталась неисправленной.

⁵ Отсутствующее в автографе слово: ⟨весной⟩ предположительно восстанавливается по основному тексту.

Отрада осени златой
Продолговаты⟨й⟩ и прозрачный
Как персты девы молодой

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Виноград. 1820

«О ДЕВА-РОЗА, Я В ОКОВАХ...»

(С. 68)

Черновой автограф
(ПД 835, л. 35)

- 1—4 А Я царь — ⟨ ⟩ но я в оковах
Я не стыжусь оков, ⟨ ⟩
[В] Как я ⟨ ⟩ в лесах лавровых
- Б а. Хризидида⟨?⟩!.. я в твоих оковах
б. Элия⟨?⟩ я в твоих оковах
в. Я царь — но я в твоих оковах
а. Я не стыжусь оков своих⟨?⟩
б. Я не стыжусь оков любви⟨?⟩
в. Я не стыжусь твоих оков
г. Я не стыжусь мо⟨их⟩⟨?⟩ оков
д. ⟨ ⟩ не стыжусь ⟨ ⟩ оков
а. Бюльбюль как я в лесах лавровых
б. И соловей в кустах лавровых
а. Начато: [Ка] Как я — царь
б. Начато: Как я — поэт
в. Как я ⟨ ⟩ певцов
г. ⟨ ⟩ лесных певцов
д. ⟨ ⟩ царь лесных певцов
е. Пернатый царь лесных певцов
- 5—8 А а. Невольник розы ⟨нрзб⟩ страстный
б. Невольник ⟨ ⟩ страстный
в. Невольник розы ⟨ ⟩ страстный
а. Начато: Окован близ ее⟨?⟩
б. Окован близ нее⟨?⟩ поет
в. Над ней ⟨ ⟩ поет
а. Начато: И розе
б. ⟨ ⟩ цвет⟨?⟩ прекрасный
- Б Невольник ⟨ ⟩
Ей песни томные поет
И раб награды сладостра⟨страстной?⟩
- В Невольник розы сладостра⟨стны⟩й
Ей песни томные ⟨ ⟩

- а. *Начато*: Око⟨ван⟩¹
 б. [В] Окован близ ⟨ ⟩ пр⟨е⟩кра⟨сной⟩
 [Том] Томится и на⟨ ⟩ ⟨ ⟩

Заглавие в Ст 1826 и Ст 1829

Подражание турецкой песне.	Ст 1826
Подражание турецкой песне. 1820	Ст 1826 (в оглавлении)
(О дева-роза). Подражание турецкой песне.	Ст 1829 (в оглавлении)

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

(«Что смолкнул веселия глас?..»)

(С. 69)

*Заглавие в оглавлении ЦР
 (по письму П. А. Плетнева) и Ст 1826*

Вакхическая песнь. 1825	ЦР
Вакхическая песня. 1825	Ст 1826

САФО

(«Счастливый юноша, ты всем меня пленил...»)

(С. 72)

Заглавие в Ст 1826

Юноша	
Юноша. Сафо. 1825	(В оглавлении)

»ЦВЕТЫ ПОСЛЕДНИЕ МИЛЕЙ...»

(С. 73)

*Первоначальный вариант белого автографа
 (ПД 890)*

- 3 Они приятные мечтанья

¹ *Начатое слово: Око⟨ван⟩ осталось незачеркнутым.*

Разночтения копий Влф, Ос₁
и публикаций Сем₁, Майков. Материалы, Совр

Заглавие	Последние цветы	Совр ¹
6	Живее самого свиданья.	Влф, Ос ₁ , Сем ₁ , Майков. Материалы, Совр
Под текстом	16 октября 1825	Сем ₁ , Майков. Материалы

19 ОКТЯБРЯ

(«Роняет лес багряный свой убор...»)

(С. 74)

Первая редакция

(по беловому автографу ПД 70 после поправок)

19 октября

Nunc est bibendum
Hor(atius)²

1

Роняет лес багряный свой убор,
Дохнул мороз на убранный поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край туманных гор...
Пылай, камин, в моей пустынной келье!
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

2

На пир любви душой стремлюся я...
¹⁰ Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
Я праздника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о слушайте, друзья:
Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитесь, как вы садились там,
Когда места, в тени святого крова,
Отличие предписывало нам.

3

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,

¹ Вероятно, заглавие принадлежит редакторам «Современника».

² Перевод: Теперь надлежит выпить Гор(аций) (фр.).

Пускай опять В⟨ольховский⟩¹ сядет первый,
 20 Последним я, иль Бр⟨огль⟩,² иль Д⟨анзас⟩.³
 Но многие не явятся меж нами...
 Пускай, друзья, пустеет место их.
 Они придут; конечно, над водами
 Иль на холме под сенью лип густых

4

Они твердят томительный урок
 Или роман украдкой пожирают,
 Или стихи влюбленные слагают,
 И позабыт полуденный звонок.
 Они придут! — за праздные приборы
 30 Усядутся, напелят свой стакан,
 В нестройный хор сольются разговоры,
 И загремит веселый наш Пеан.

5

Мечты, мечты! со мною друга нет,
 С кем радостно запил бы я разлуку,
 Кому бы мог пожать от сердца руку
 И пожелать веселых много лет.
 Я пью один — вотще воображенье
 Вокруг меня товарищей зовет;
 Знакомое не слышно приближенье,
 40 И милого душа моя не ждет.

6

Я пью один — а на берегах Невы
 Меня друзья сегодня именуют.
 Но многие ль и там из нас пируют?
 Еще кого не досчитались вы?
 Кто изменил толь сладостной привычке?
 Кого от вас увлек жестокий свет?
 Чей глас умолк на братской перекличке?
 Кто не пришел? кого меж вами нет?

7

Он не пришел, кудрявый наш певец,*
 50 С огнем очей, с гитарой сладкогласной:
 Под лаврами Италии прекрасной

¹ В автографе: В—

² В автографе: Бр—

³ В автографе: Д—

* Корсаков (примечание Пушкина).

Он мирно спит — и дружеский резец
 Не начертал над русской могилой
 Слов несколько на языке родном,
 Чтоб некогда нашел привет унылый
 Сын севера, бродя в кр⟨аю⟩¹ чужом.

8

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
 Чужих небес любовник беспокойный?*

60 Иль снова ты проходишь тропик знойный
 И вечный лед полуночных морей?
 Счастливый путь! с лицейского порога
 Ты на корабль перешагнул шутя,
 И с той поры в морях твоя дорога,
 О волн и бурь любимое дитя!

9

Ты сохранил в блуждающей судьбе
 Прекрасных лет первоначальны нравы;
 Лицейский шум, лицейские забавы
 Средь бурных волн мечталися тебе;
 Ты простирал из-за моря нам руку,

70 Ты нас одних в молодой душе носил
 И повторял: «На долгую разлуку
 Нас тайный рок, быть может, осудил!»

10

Друзья мои, прекрасен наш союз.
 Он, как душа, неразделим и вечен —
 Неколебим, свободен и беспечен
 Срастался он под сенью дружных Муз.
 Куда бы нас ни бросила судьбина
 И счастье куда б ни повело,
 Всё те же мы; нам целый мир чужбина,
 80 Отечество нам Сарское Село.

11

Из края в край, преследуем грозой,
 Запутанный в сетях судьбы суровой,
 Я с трепетом на лоно дружбы новой,
 Устав, принял ласкающей главой...
 С любов⟨ию⟩, печальный и мятежный,

¹ В автографе, судя по всему, описка: в кругу

* Матюшкин (примечание Пушкина).

С доверчивой надеждой первых лет,
 Другьям иным душой предался нежной,¹
 Но горек был небратс⟨кий⟩ их привет.

12

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
 90 В обители пустынных вьюг и хлада,
 Мне сладкая готовилась отрада:
 Трoих из вас, друзей моей души,
 Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
 О П⟨ущи⟩н² мой, ты первый посетил,
 Ты усладил изгнанья день печальный,
 Ты в день его Лицея превратил.

13

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
 Ты наш казак, и пылкий, и незлобный,
 Зачем и ты моей сени надгробной
 100 Не озарил присутствием своим?
 Мы вспомнили б, как Вакху приносили
 Безмолвную мы жертву в первый раз,
 Как мы впервой все трое полюбили,
 Наперсники, [товарищи] проказ...

14

Ты, Г⟨орчако⟩в,³ счастливец с первых дней,
 Хвала тебе — Фортуны блеск холодный
 Не изменил души твоей свободной:
 Все тот же ты для чести и друзей.
 Нам разный путь Судьбой назначен стр⟨ог⟩ой;
 110 Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встретились и братски обнялись.

15

Когда постиг меня судьбины гнев,
 Для всех чужой, как сирота бездомный,
 Под бурею главой поник я томной
 И ждал тебя, вщун Пермесских Дев,
 И ты пришел, сын лени вдохновенный,
 О Дельвиг мой, твой голос пробудил

¹ Стих был начат: Н (вероятно, записанное по ошибке начало следующего стиха).

² В автографе: П—н (исправлено из: П—).

³ В автографе: Г—в (исправлено из: Г—).

Сердечный жар, так долго усыпленный,
120 И бодро я Судьбу благословил.

16

С младенчества дух песен в нас горел
И дивное волнение¹ мы познали,
С младенчества две Музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел.
Но я любил уже рукопесканья,
Ты, гордый, пел для Муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты Гений свой воспитывал в тиши.

17

Служенье Муз не терпит Суеты,
130 Прекрасное должно быть величаво,
Но юность нам советует лукава,
И шумные нас радуют мечты.
Опомнимся — но поздно! И уныло
Глядим назад, следов не видя там,
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по Музе, по судьбам?²

18

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья,²
Сокроем жизнь, под сень уединенья
140 Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи,
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

19

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я.³
Исполнится завет моих мечтаний;
150 Промчится <   >, и я явлюся к вам.
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам.

¹ Слово: волнение вписано.

² Слово: заблужденья исправлено из: заблужденье

³ Стих первоначально читался: Промчится год и к вам явлюся я. Исправлено после записи ст. 150.

20

И первую полней, друзья, полней!
 И всю до дна! — в честь нашего союза!
 Благослови, ликующая Муза!
 Благослови! да здравствует Лицей!
 Златые дни! уроки, (<и> забавы,
 И черный стол, и бунты вечеров,
 И наш словарь, и плески мирной славы,
 160 И критики Лицейских Мудрецов!

21

Полней, полней — и сердцем возгоря,
 Опять до дна, до капли выпивайте!..
 Но за кого ж?.. о други! угадайте...
 Ура, наш¹ царь! — так выпьем за царя.
 Он человек: им властвует мгновенье,
 Он раб молвы, сомненья и страстей —
 Но так и быть, простим ему гоненье:
 Он взял Париж и создал наш Лицей.

22

Куницыну дань сердца и вина!
 170 Он создал нас, он воспитал наш пламень,
 Поставлен им краеугольный камень,
 Им чистая лампада возжена...
 Наставникам, хранившим юность нашу,
 Всем честию — и мертвым и живым,
 К устам подъяв признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадим.

23

Пируйте же, пока еще мы тут.
 Увы! наш круг час от часу редет;
 Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
 180 Судьба глядит, мы вянем, дни бегут —
 Невидимо склоняясь и хладея,
 Мы близимся к началу своему...
 Кому ж из нас под старость день Лицея
 Торжествовать придется одному?

24

Несчастный друг! среди новых поколений
 Докучный гость, и лишний, и чужой,

¹ Слово: наш вписано.

Он вспомнит нас и дни соединений,
 Закрыв глаза дрожащею рукой, —
 Пускай же он с отрадой хоть печально(й)¹
 190 Тогда сей день за чашей проведет,
 Как ныне я, затворник ваш опальный,
 Его провел без горя и забот.

Михайловское 1825

Первоначальные варианты белого автографа
 (ПД 70)²

- 8 а. Минутное забвенье многих мук
 б. Минутное забвенье наших мук
- Между
 8 и 9 а. Товарищи! сегодня праздник наш.
 Заветный срок! сегодня там, далеке,
 На верный пир, на сладостное вече
 Стеклися вы при звоне мирных чаш —
 Вы собрались чудесно молодея
 Усталый дух в минувшем обновить
 Потолковать на языке Лицея
 И с жизнью вновь беспечно пошालить.
 *б.³ Товарищи! сегодня праздник наш.
 Заветный срок! сегодня там, далеке,
 На пир любви, на сладостное вече
 Стеклися вы при звоне мирных чаш —
 Вы собрались мгновенно молодея
 Усталый дух в минувшем обновить
 Поговорить на языке Лицея
 И с жизнью вновь свободно пошалить⁴
- *9 Стремлюся к вам, хожу меж вами я...
 *11 И праздника порядок учреждаю...
 *12 Послушайте, послушайте, друзья:
 *14 Садитесь вновь, как вы садились там
 *15 Когда места, одно славней другого,
 16 Отличие присвоивало⁵ нам.
 18 Всегда храним суровою Минервой
 19 Пускай опять В(ольховский)⁶ будет первый
 21 а. Но многие не сядут между нами...
 *б. Но многие не будут⁷ между нами...

¹ В автографе: печально; вероятно, слово не дописано.

² Нумерация стихов по тексту первой редакции. Звездочками отмечены стихи, исправленные карандашом.

³ Вариант «б» возник в результате карандашной правки.

⁴ Строфа вычеркнута чернилами.

⁵ Слово: присвоивало осталось незначеркнутым.

⁶ В автографе: В—

⁷ Слово: будут осталось незначеркнутым.

- 28 а. Забыв меж тем полуденный урок
*б. Забыв меж тем полуденный звонок
- *34 С кем мог¹ бы я запить вином разлуку
- 42 Меня друзья со вздохом именуют
- *45 Кто изменил пленительной² привычке?
- 49 Он не придет, кудрявый наш певец*
- 52—53 а. Он мирно спит — и дружеский резец
Не начертал над раннею могилой
б. Он мирно спит — и русских Муз резец
Не начертал над раннею могилой
в. Он мирно спит — и наших Муз резец
Не начертал над русскою могилой
- 56 Сын севера на берегу чужом —
- *57 Явился ль ты в кругу своих друзей,
- 60 Иль вечный лед полунощных морей?
- 68 Средь бурных волн мечтаются тебе
- 71 а. И говорил: на долгую разлуку
б. И мнил одно: на долгую разлуку
- 76 а. Как в тексте.
б. Срастался он под сенью мудрых Муз
Опутанный в сетях Нужды суровой
- 82 С огнем любви печальный и мятежный
- 85 а. С мечтой любви печальный и мятежный
б. С мечтой любви печальный и мятежный
в. Чувствительный печальный и мятежный
- 86 С доверчивым незнанье⟨м⟩ первых лет
- 88 Но горек был холодный их привет
- 97—104 А Мы вспомнили как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили
Мы вспомнили как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ — —
И все прошло проказы, заблужденья...
Смирен суров тобой избранный сан
Но ты — в очах общественного мнения
а. *Начато:* К нем⟨у⟩⟨?⟩
б. Завоевал почтение граждан —
Б Мы вспомнили как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили
Мы вспомнили как мы впервой любили,
Ровесники, товарищи проказ — —
И все прошло проказы, заблужденья...
а. Ты освятил тобой избранный сан
б. Ты освятив тобой избранный сан
Ему — в очах общественного мнения
Завоевал почтение граждан —

¹ Слово: мог осталось незначеркнутым.

² Слово: пленительной осталось незначеркнутым.

* Корсаков (примечание Пушкина).

- В¹ Зачем и ты не обнял друга с ним
 О наш казак и пылкий и незлобный
 а. Зачем и ты моей глуши надгробной
 б. Зачем и ты моей т(ени)<?> надгробной
 Не озарил присутствием своим
 Мы вспомнили б как Вакху приносили
 Безмолвную мы жертву в первый раз
 *Мы² мы впервой все трое полюбили
 Наперсники, <   > проказ — —
- 110 а. Ступая в свет мы тотчас разошлись
 б. Ступая в жизнь мы тихо разошлись
- 118 О Дельвиг мой, твой голос разбудил
 125 Но я любил толпы рукоплесканья
 126 а. Ты создавал для Муз и для души
 б. Ты скромно пел для Муз и для души
 127 Стихи, как жизнь я тратил без вниманья
 137 Пора, пора! сердечных наших мук
 139 Сокроем жизнь, под кров уединенья
 142 Предания души возобнови
 145 а. Как в тексте.
 б. Начато исправление: Пора б<?>³
- 149 а. Как в тексте.
 б. Исполнен он завет моих мечтаний
 153 Начато: И первую, друзья, полней!
 156 Да здравствует да здравствует Лицей!
 157 а. Начато: Златые дни! уро<ки >
 б. И кафедра! и зимние забавы
- 167 Простим ему неправоe гоненье:
 173 Хвала и вам, хранившим нашу младость
 174 И честию — и мертвым и живым
 182 Мы близимся ко гробу своему...
 187 Он вспомнит нас, дни юных наслаждений,
 190 Сей верный день за чашей проведет

*Разночтения авторизованной копии
 (ПД 71)⁴*

- Заглавие а. Отсутствует.
 б. 19 окт<ября> 1825⁵
- 8 Минутное забвенье прежних мук.

¹ Первые четыре стиха варианта В вписаны в нижней части листа. Их место в переработанной строфе определяется по характеру рифмовки.

² Местоимение: Мы на этом этапе правки осталось невычеркнутым, вероятно, по ошибке.

³ Начатое исправление сразу же отменено.

⁴ Нумерация стихов по основному тексту. В копии отсутствуют ст. 33—64 (видимо, потерян лист) и исключенные из текста прижизненных публикаций ст. 129—136.

⁵ Заглавие вписано Пушкиным.

- 19 Но многие ль и там из нас пируют?²
 22 Кого от нас увлек холодный свет?²
 24 Кто не пришел? Кого меж нами нет?²
- На поле*
 у ст. 26—29 Корсаков
- 68 Трoих из нас, друзей моей души,
 70 а. О Иличевский мой, ты первый посетил;
 б. О Пущин мой, ты первый посетил;¹
 77 Нам розный путь судьбой назначен строгой
 103 а. Скажи Д... не то ль и с нами было
 б. Скажи Вильгельм не то ль и с нами было²
 104 Мой брат родной по Музе и судьбам?²
 118 Промчится год, и я являюсь к вам!
 119 И сколько слез и сколько восклицаний
 127—128 а. Не помня зла, за благо воздадим
 К устам подняв признательную чашу
 б. К устам подняв признательную чашу
 Не помня зла, за благо воздадим³
 139 Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет,
 152 а. Провел его без горя и забот. —
 б. Как в тексте.⁴

Разночтения СЦ 1827 и Ст 1829⁵

70	О *— мой, ты первый посетил	СЦ 1827
70	О *** мой, ты первый посетил	Ст 1829
73	Ты, *— счастливец с первых дней	СЦ 1827
73	Ты, ***— счастливец с первых дней	Ст 1829
86	О *— мой: твой голос пробудил	СЦ 1827
86	О *** мой: твой голос пробудил	Ст 1829
103	Скажи, *— не то ль и с нами было	СЦ 1827
103	Скажи, *** не то ль и с нами было	Ст 1829
129—136	Отсутствуют.	СЦ 1827, Ст 1829

Под текстом 1825

СЦ 1827

¹ Поправка Пушкина.² Исправление сделано неизвестной рукой, карандашом; той же рукой и также карандашом к имени: Вильгельм сделано примечание: Кюхельбекер³ Ошибочная последовательность ст. 127—128 исправлена неизвестной рукой (перестановка обозначена цифрами: 1 и 2 у начала стихов).⁴ Перестановка двух первых слов в стихе отмечена поставленными над ними неизвестной рукой цифрами: 1 и 2.⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

«ВСЕ В ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...»

(С. 80)

Пометы под текстом в беловом автографе

(ПД 77, л. 1)

- а. 1825
 б. 1825
 в. Тригорск⟨ое⟩ [22]¹
 в. Триг⟨орское⟩ 23² ⟨   ⟩ 1825

ДВИЖЕНИЕ

(«„Движенья нет”, — сказал мудрец брадатый...»)

(С. 81)

Программа стихотворения

(ПД 77, л. 1 об.)

On a admiré le [Phi⟨losophe⟩] cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement — le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne —³

Вариант белового автографа

(ПД 1320, л. 1 об.)

- 8 а. Однако ж прав какой-то Галилей
 б. Как в тексте.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

(«В лесах, во мраке ночи праздной...»)

(С. 82)

Вариант белового автографа

(ПД 1320, л. 1—1 об.)

- 7 И эхо вслед кукует то же.

¹ Цифра: 22 смазана. При записи варианта «в». вариант «б». остался незачеркнутым.

² Цифра: 23, возможно, исправлена из: 22.

³ Перевод: Восхищались [Фи⟨лософом⟩] циником, который стал ходить перед тем, кто отрицал движение — солнце ежедневно совершает то же, что Диоген, но никого не убеждает (фр.).

«В КРОВИ ГОРИТ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ...»

(С. 83)

Перевод начала Песни песней
(ПД 831, л. 53)

Песнь песней царя Соломона

Да лобзает меня лобзанием уст своих¹ — Перси твои приятнее вина — запах мира твоего лучше всех аромат — имя твое сладостно как изливанное миро. Для того, юная возлюбивши я тебя²

Автограф ст. 1—4
(ПД 831, л. 53)

- 1—4 Лобзай меня, твои лобзанья³
Мне слаще мира и вина;
а. <   > кипят любви желанья,
б. Тобой кипят любви желанья,
в. Во мне кипят любви желанья,
г. <   > кипят⁴ <   > желанья,
д. В крови горит огонь желанья,⁵
Душа тобой упоена;

Варианты МВ

Заглавие цикла   Подражания⁶

¹ Слово: своих исправлено из первоначального: твоих

² Слова: возлюбивши я тебя исправлены из первоначального: возлюбивши тя. Поправка сделана более темными чернилами.

³ Слово: лобзанья исправлено из: лобзанье

⁴ Слово: кипят осталось незачеркнутым.

⁵ Вариант «д» возник в результате позднейшей правки, сделанной более темными чернилами — вероятно, одновременно с последней поправкой в прозаическом тексте (см. примеч. 2).

⁶ Общее со стихотворением «Вертоград моей сестры...».

«ВЕРТОГРАД МОЕЙ СЕСТРЫ...»

(С. 84)

Варианты МВ

Заглавие цикла
После 12²Подражания¹
.....

БУРЯ

(«Ты видел деву на скале...»)

С. 85

Вариант МВ

7 И ветер воил и летал

1826

«ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»»

(«Пред рыцарем блестит водами...»)

(С. 88)

Черновой автограф ст. 34—89

(ПД 835, л. 69, 79—79 об.)

- 34—37 А а. Несчастный, — <   > мыслишь ты
 б. Несчастный, вскоре мыслишь ты
     Однако ж эти мне черты
 а. Знакомы — <   > разумею
 б. Давно знакомы — разумею
 Б Но вскоре, витязь³ молвишь ты
     Однако ж эти мне черты
     Давно знакомы — <   >
 а. Конечно <   > Медор —
 б. Конечно <   > сей Медор —
 в. Быть может ею сей Медор —
 г. Лишь только вымышлен Медор

¹ Общее со стихотворением «В крови горит огонь желанья...».² При первой публикации (МВ. 1829. Ч. 1. С. 44) стихотворение заканчивалось точкой в конце ст. 12. К этому месту в следующей части журнала была дана поправка: На с. 44 под последним стихом должно было поставить несколько точек (МВ. 1829. Ч. 2. Отдел «Замеченные опечатки». С. 1).³ Начальная буква слова: витязь исправлена на букву: Р. Вероятно, Пушкин наметил исправление: Р(ыцарь), однако последние пять букв слова: витязь остались незачеркнутыми.

- В Но вскоре, витязь молвишь ты
Однако ж эти мне черты
Давно знакомы — <   >
К ним приуч(ен) давно мой взор
Лишь только вымышлен Медор
- Г Но после, витязь молвишь ты
Однако ж эти мне черты
Знакомы — <   > разумею
Медор сей вымышлен лишь его
- 38—39 а. Под этим прозвищем она
Меня [б(ыть)] [ко(нечно)] б(ыть) м(ожет),
вспоминала
- б. Под этим прозвищем меня
Она <   > б(ыть) м(ожет)
- 40—41 А а. *Начато*: Так мыслит он —
б. *Начато*: Так мыслит он — но(?)
а. Но подозренье <   > гложет
б. Но подозренье сердце гложет
в. В нем подозренье сердце гложет
- Б Так правду басней заменя
а. Он мыслит что судьбе поможет
б. Он мыслит что беде поможет¹
- 42—45 А а. Но более <   > мудрит
б. Но чем он более хитрит
Тем больше злое подозренье
Возобновляясь горит —
- Б Но чем он более хитрит
а. *Начато*: С
б. Чтоб потушить свое мученье
в. Чтоб утушить свое мученье
Тем больше злое подозренье
Возобновленное горит —
- 46—50 А а. *Начато*: Так в
б. *Начато*: Так птица в сеть
в. Так птичка в сетку роковую
г. Так птичка <   >
Чем больше бьется тем сильнее
Начато: Запутав(шись)
- Б Так птичка <   >
Чем больше бьется <   > сильнее(й)²
а. <   > путается в (ней)³
б. Тем пуще путается в (ней)
в. Тем крепче путается в (ней)

¹ После ст. 41 значок, отмечающий строфическое деление.

² Форма слова: сильнее исправлена не была.

³ В автографе описка: сильней

- В а. Так птичка в сеть попав сталь⟨ную⟩⟨?⟩
 б. Так птичка в сеть ⟨ ⟩ сталь⟨ную⟩⟨?⟩
 в. Так птичка ⟨ ⟩
 Чем больше бьется ⟨ ⟩ сильнее⟨й⟩
 Тем крепче путается в ⟨ней⟩
 Орланд ⟨ ⟩ где хо⟨л⟩м⟨?⟩
Начато: Над
- Г Так птичка ⟨ ⟩
 Чем больше бьется ⟨ ⟩ сильнее⟨й⟩
 Тем крепче путается в ⟨ней⟩
 Орланд идет туда где сводом
Начато: Гора¹ склоняе⟨тся⟩
- Д Так птичка ⟨ ⟩
 Чем больше бьется ⟨ ⟩ сильнее⟨й⟩
 Тем крепче путается в ⟨ней⟩
 Орланд идет туда где холм⟨?⟩
 а. ⟨ ⟩ сводом над ручьем
 б. ⟨ ⟩ над ручьем
 в. Гора склонилась над ручьем —
- Е Так птичка ⟨ ⟩
 Чем больше бьется ⟨ ⟩ сильнее⟨й⟩
 Тем крепче путается в ⟨ней⟩
 Орланд идет туда где ⟨ ⟩
 Гора склонилась на ручей
- Ж а. Так птичка легкий² друг свободы
 б. Так птичка в [сеть] [сетке] сети друг свободы
 Чем больше бьется ⟨ ⟩ сильнее⟨й⟩
 Тем крепче путается в ⟨ней⟩
 Орланд идет туда где ⟨своды⟩
 Гора навесила на воды³
- 51—54 Кривой бродящей повилкой
 а. Был застлан [благо⟨...⟩] вход
 б. Завешен был [пр] приятный вход
 в. Прек⟨расн⟩ый⟨?⟩ был завешен⁴ вход
 г. Завешен благоскл⟨онный⟩ вход
 Медор с преле⟨ст⟩ной Анджеликой
- а. [В] Любили здесь у холодных вод
 б. Любили здесь у свежих вод
- 55—56 а. В палящий ⟨ ⟩ [во] в час досу⟨га⟩
 б. Сидеть обнявшись в час досу⟨га⟩
 в. В день жаркий в сладкий час досу⟨га⟩
 г. В день зной⟨ный⟩ в сладкий час дос⟨уга⟩
 а. *Начато:* Скл⟨онясь⟩⟨?⟩

¹ Слово: Гора зачеркнуто и записано еще раз.

² Слово: легкий осталось незачеркнутым.

³ После ст. 50 значок, отмечающий строфическое деление.

⁴ Перестановка слов: завешен был графически не отмечена.

- 57—60 А б. Вздыхать в объятиях друг <друга> —
Здесь мелом углем иль ножом
Они повсюду начертали —
- Б а. Их имена везде кр<угом><?>
б. И здесь их имена < >
а. < > скалы украшали
б. Дре<ва> < > скалы украшали
в. Древа утесы < >
Здесь мелом углем иль ножом
Они [*начато нрзб*] везде их < >
- 61—64 А а. Идет — и видит < > над входом —
б. Идет — и над пещерным входом —
а. *Начато*: Читает надпись —
б. *Начато*: Он видит надпись —
- Б а. Печальный гр<аф> туда пешком
б. Туда пешком печальный гр<аф>
Идет — и над пещерой темной
Зрит надпись — в похвалу забав
- а. *Начато*: Че<ртил>
б. *Начато*: Ее Ме<дор>
в. Медор ее руко<ю>¹ томной
г. В те дни ее руко<ю> томной
д. Медор ее руко<ю> томной
- 65 а. Стихами < > начертал —
б. Ее стихами начертал —
в. В те дни стихами начертал —
г. Еще в то время начертал —
д. < > время начертал —
- 66—68 А а. *Начато*: И вот
б. *Начато*: Стихов
в. Он по-арабски сочинял
- Б а. Стихи любви изображенье
б. Стихи чувств нежных вдохновенье
Он по-арабски написал
а. А вот их точное значение
б. И вот их точное значение
- 69—72 А а. *Начато*: Цв<еты>, зеленый лу<г><?>
б. *Начато*: Зеленый дерн
в. *Начато*: Луга цв<еты> про< >
г. Зеленый дерн, кристалльный ток
Прохладный грот, < > тени
- Б Прохладный < > кристалльный ток
Подгорный<?> грот, < > тени
- В Цв<еты> <нрзб> кристалльный ток
Прохладный грот, прохладны<?> тени
а. *Начато*: Где я

¹ В автографе описка: рукой

- б. Приют любви забав и лени
 в. Приют любви, <нрзб> и лени
 а. *Начато*: Где я
 б. Где часто Галафрона дочь
 Приемля на свои колени
 Г Цветы <нрзб> кристальный ток
 Прохладный грот, прохладны(?) тени
 Приют любви <нрзб> и лени
 Земного рая уголок! —
- Вм. 73—75 А а. *Начато*: Где
 б. *Начато*: Здесь с <начато нрзб>
 в. *Начато*: Здесь с милой
 г. С прекр<асной> дщерию Га<лафрона>
 д. <Нрзб> дщерию Га<лафрона>
 а. *Начато*: Я находил вдали
 б. Здесь находил вдали <нрзб>
 И все утехи Купидона
 Б <Нрзб> дщерию Га<лафрона>
 [Здесь] Я с Анжеликой молодой
 [<Нрзб>] < > [пил(?) душой]
 < > Купидона
- 76—79 А а. *Начато*: Чем бедный вам
 б. *Начато*: Чем наградит
 в. *Начато*: Чем
 г. *Начато*: Вас бедный
 д. Чем < > наградит —
 е. *Начато*: < > Медор
 ж. *Начато*: < > вам Медор
 з. Что < > Медор
 и. *Начато*: < > вам Медор
 к. Что < > от бедного Медора
 л. Что вам от бедного Медора
 Какой награды [ждать] ожидать
 Хвалы
 Б а. О чем могу вас наградить
 б. Чем вас могу вознаградить
 Чего от бедн<ого>¹ Медора —
 Вам ожидать —²
 В Медор вас бедный наградит³
 Благодареньем и хвалою
 Одной хвалою
 Г а. Чем вам < > уплачу
 б. Чем вам теперь <я> уплачу

¹ В автографе описка: бедой

² Вариант Б остался незачеркнутым.

³ Слово: наградит осталось незачеркнутым.

- в. Чем, бедный, вас я на⟨гражу⟩
Хвалой
- Д Чем ⟨   ⟩ вас я на⟨гражу⟩
- а. Я бедный ⟨   ⟩ осененный
- б. Любовник ва⟨ми⟩ осененный
Одним лишь то⟨лько⟩ ⟨услужу⟩
Хвалой и просьбою¹ смиренной —
- 80—84 Господ любовников молю
Дам, рыцарей и всевозможных
- а. ⟨   ⟩ иль здешних ⟨   ⟩ дорожных
- б. [Гостей] ⟨   ⟩ здешних ⟨   ⟩ дорожных
- а. Сюда ⟨   ⟩ судьбу свою
- б. Которых во страну сию
Случайно заведет Фортуна —
- 85—87 А а. *Начато*: Молю — цветам
- б. Молю — сказать цветам лугам
- в. Молю — цветам ⟨   ⟩
⟨   ⟩
Пещере ⟨   ⟩
- Б Молю— цветам ⟨   ⟩
- а. ⟨   ⟩ [сен⟨и⟩] т⟨ени⟩⟨?⟩
- б. ⟨   ⟩ ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩
- В Молю² — сказать лугам ручью
- а. *Начато*: Цве⟨там⟩
- б. ⟨   ⟩ цветам водам⟨?⟩ и тени³
- Г Благословить ⟨   ⟩ цветы⁴
Ручей и тень и ⟨   ⟩ грот —
- Д *Начато*: Благослов⟨ите⟩⁵
- Е⁶ Благословите луг, ручей
И тень и лес — и ⟨   ⟩
Чтоб
- 88—89 А а. *Начато*: Да воспе⟨вают⟩⟨?⟩
- б. *Начато*: Да сени их⟨?⟩
- в. Да светят им луна и Феб
- г. Да любят их луна и Феб
Да их⁷
- Б а. *Начато*: От и⟨х⟩
- б. *Начато*: И отгоняет⁸
- в. *Начато*: И пастухи жал⟨еют⟩

¹ Слово: просьбою исправлено из неразборчивого слова.

² Слово: Молю осталось незначеркнутым.

³ Этот вариант стиха остался незначеркнутым.

⁴ Этот вариант стиха остался незначеркнутым.

⁵ Слово: Благослов⟨ите⟩ осталось незначеркнутым.

⁶ Вариант Е записан после ст. 89 на левом поле в нижней части л. 79 об.

⁷ Вариант А остался незначеркнутым.

⁸ Пушкин начал, но не закончил вычеркивание, в результате чего этот вариант стиха остался в автографе в следующем виде: [И от]гоняет

- г. *Начато*: И¹ ник⟨огда⟩
 д. *Начато*: И гонят о⟨ ⟩
 е. *Начато*: Чтoб
 ж. Чтoб п⟨астухи⟩ ⟨ ⟩
 а. *Начато*: Гнали
 б. Не гнали алчные стада

Первоначальные варианты белого автографа
 (ПД 78)

- 7 Пастух раздетый спит у стада.
 11 а. Покой коварный, день несчастный
 б. О черный день, о день несчастный
 в. И здесь-то был в сей день несчастный
 г. Здесь он имел ⟨в⟩ сей день несчастный
 д. Здесь он на⟨шел⟩² ⟨в⟩ сей день несчастный³
 12 Приют обманчивый, ужасный—
 13—15 Гуляя там, на деревьях
 Наш рыцарь надписи читает
 Он изумленный, в сих чертах
 27 Стараясь горесть усыпить
 29 Еще он силится не верить
 31 Что надписи в пустыне дикой
 32—33 а. Другой не этой Анджеликой
 Нап⟨исаны⟩⟨?[?]⟩
 б. Другой забыты Анджеликой
 в. Другой не этой Анджеликой
 Начертаны
 34 Но после, Витязь, молвил ты
 38—39 Под этим именем меня
 Она прославила быть может
 40 *Начато*: Так за⟨?[?]⟩
 44—45 Тем больше злое подозренье
 Возобновлен⟨ное?[?]⟩ ⟨ ⟩
 46—47 Так птичка, легкий друг свободы
 Попав неожиданно в сеть
 55 а. *Начато*: В жар
 б. *Начато*: В день жаркий, в час любви
 в. В день жаркий, в сладк⟨ий⟩ час досуга
 56 *Начато*: Взд⟨ыхать⟩
 59 Здесь мелом углем иль ножом
 77 а. Сокрытый вами охраненный
 б. Любовник вами охраненный

¹ Союз: И остался незачеркнутым.

² Слова: он на⟨шел⟩ остались незачеркнутыми.

³ В ходе дальнейшей работы слово: несчастный осталось незачеркнутым; при создании последнего варианта стиха оно было записано сокращенно.

- 86 *Начато:* Сказ〈ать?〉
 88 *Начато:* Чтoб к н〈им〉
 91 Знал по-арабски—и не раз
 98 *Начато:* Он видит Истину

К Б〈АРАТЫНСКОМУ〉

(«Стих каждый в повести твоей...»)

(С. 92)

Варианты белого автографа

(ПД 894, л. 1)

Заглавие Баратынскому
Под текстом 1825
 П〈ушкин〉

Варианты и разночтения

публикаций МВ, Ст 1829 и авторизованной копии Собр. ст. 1836

<i>Заглавие</i>	К ...	<i>МВ</i>
<i>Заглавие</i>	К Б***	<i>Ст 1829, Собр. ст. 1836</i>
1	Стих каждый повести твоей	<i>МВ, Ст 1829</i>
1	а. Стих каждой повести твоей	
	б. Как в тексте. ¹	<i>Собр. ст. 1836</i>
<i>Под текстом</i>	1825	<i>МВ</i>

〈К Е. Н. ВУЛЬФ〉

(«Вот, Зина, вам совет: играйте...»)

(С. 94)

Заглавие и помета под текстом в копии АлВ

и в альбоме П. А. Осиповой

(по публикациям РВ и Майков. Материалы)

<i>Заглавие</i>	К Зине В〈ульф〉	<i>РВ</i>
<i>Заглавие</i>	К Зине Вульф	<i>Майков. Материалы</i>
<i>Под текстом</i>	1. июля 〈1〉826 — Зуёво	<i>АлВ</i>
<i>Под текстом</i>	1-го июля 1826	<i>Майков. Материалы</i>

¹ Исправлено Пушкиным.

«ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ...»

(С. 95)

Варианты белого автографа Авт₁
(ПД 895, л. 1)

- Над текстом 29 июля 1826¹
- 1 Под небом сладостным Италии своей²
- 3 а. Увяла наконец; быть может надо мной
б. Как в тексте.
- 5 а. Но неприступная черта меж нами есть
б. Как в тексте.
- 9 Так вот кого любил я бурною душой
- 11 С такую пламенной, томительной тоской
- 13 Где мука, где любовь? Увы! в душе моей
- 14 а. Для милой, легковой тени
б. Как в тексте.
- Под текстом Усл(ышал) о с(мерти?)³ 25
У(слышал) о с(мерти) Р(ылеева,)
П(естеля,) М(уравьева,) К(аховского,)
Б(естужева): 24 (июля 1826 г.)

Варианты белого автографа Авт₂
(ПД 487, л. 1)

- Заглавие Элегия
- Под
текстом а. 1825
б. 1826

Заглавие в СЦ 1828

Элегия

¹ Запись расположена как заглавие и подчеркнута.² Вероятно, описка (см. примеч. к стихотворению, наст. т., с. 857).³ Об иной расшифровке этого сокращения см. примеч. к стихотворению, наст. т., с. 851—852.

⟨ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«Так море, древний душегубец...»)

(С. 96)

*Пунктуационные варианты белого автографа Авт₂**(ПД 681, л. 1—1 об.)*

- 1 Воспламеняет Гений твой;
 4 Нептуна грозного трезубец...
 5 Не славь его: в наш гнусный век

К ЯЗ⟨ЫКОВУ⟩

(«Яз⟨ыков), кто тебе внушил...»)

(С. 97)

*Варианты белого автографа**(ПД 833, л. 38)*

<i>Заглавие</i>	<i>Отсутствует.</i>	
1—4	Яз⟨ыков) брат! Я получил Твое посланье удалое. Как ты шалишь и как ты мил! Какой избыток чувств и сил!	
10—11	a.	Она кипит не холодной влагой Но пенистой хмельною брагой,
	b.	<i>Как в тексте.</i>
14	Смянье рома и вина	
16—17	a.	Твоею лирою свободной Воспетый в наши времена —
	b.	<i>Как в тексте.</i>
<i>Под текстом</i>	28 авг⟨уста)⟨	

Разночтения МВ и Ст 1829

<i>Заглавие</i>	К Яз...	<i>МВ</i>
<i>Заглавие</i>	К Яз***	<i>Ст 1829</i>
1	Яз... кто тебе внушил	<i>МВ</i>
1	Яз***, кто тебе внушил	<i>Ст 1829</i>

ПРОРОК

(«Духовной жаждою томим...»)

(С. 98)

Вариант ст. 1 в списке стихотворений ПД 291, л. 2 об.

Великой скорбию томим

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ
 «НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХ; НЕНАСТНОЙ НОЧИ МГЛА...»
 (С. 99)

Заглавие в оглавлении Ст 1826
 (Ненастный день потух). Отрывок. 1823

«ОТ МНОГОРЕЧИЯ ОТРЕКШИСЬ ДОБРОВОЛЬНО...»
 (С. 100)

Первоначальный вариант белого автографа
 (Вс, л. 12)

2 В огромном словаре не вижу пользы я¹

«О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ...»
 (С. 101)

Разночтения копий Тейм, Дол₂, Долг, Сб, Тих, Лон—Полт,
 Полт₂, Ал, Даш и публикаций Кав, Анн, ПЗ

Заглавие	Эпиграмма	Дол ₂ , Долг
2	Явись на мой призывный клич	Тейм
3	Не нужно мне гремачей лиры,	Кав
4	Вручи мне Ювенала бич	ПЗ
6	Отсутствует.	Дол ₂ , Долг
7	И не поэтам мирных дам	Анн
7	И не поэтам модных дам	Сб
7	Не беззащитным рифмачам	Кав
8	Готовлю язвы эпиграмм:	Кав
9	Мир вам, смиренные поэты!	Сб, Анн
10	Отсутствует.	Дол ₂ , Долг, Сб, Тих, Лон—Полт, Полт ₂ , Ал, Даш, Кав, Анн, ПЗ
11	Мир вам несчастные глупцы!	Анн
11	Мир вам, сонливые глупцы!	Сб
15	А если же кого забуду —	Сб, Анн
15	И ежели кого забуду	Тейм
17—18	О сколько лбов широкомедных, О сколько лиц нахально бледных	Сб
18	И сколько лбов широко-медных	Лон—Полт
19	Готовых от меня принять	Сб

¹ Исправление было сделано сразу по ходу записи, поскольку первоначальный вариант ст. 2 предполагал и иной вариант ст. 4, который, однако, представлен в автографе уже согласованным с поправкой в ст. 2.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

(«Воспитанный под барабаном...»)

(С. 102)

Разночтения копий АВ и Долг и публикации РВ

Заглавие	Отсутствует.	РВ
Заглавие	Эпиграмма	Долг
2	Наш Z*** лихим был капитаном	РВ, Долг
3	Под Остерлицем он бежал	АВ
3	Под Аустерлицем он бежал	РВ, Долг
4	В двенадцатом году дремал	АВ, РВ, Долг

«НЕТ НИ В ЧЕМ ВАМ БЛАГОДАТИ...»

(С. 103)

*Заглавие в беловом автографе (ПД 1320, л. 2)
и альманахе «Урания»*

Мадригал

СОВЕТ

(«Поверь: когда слепней и комаров...»)

(С. 104)

*Вариант белового автографа ПД 1320, л. 1 и публикации
в альманахе «Урания»*

1 Поверь: когда и мух и комаров

*Набросок переработки ст. 1—2**(ПД 935, л. 27 об.)*

- 1 а. Досужих мух, сердитых комаров
- б. Док(у)чных(?)¹ мух, сердитых комаров
- 2 а. Начато: Вокруг тебя лети(т)
- б. Вокруг тебя шумит ли рой нах(альный)(?)

---

¹ В автографе: докочных(?)

«УВЫ, НАПРАСНО ДЕВЕ ГОРДОЙ...»

(С. 105)

Разночтения копий Лон—Полт,¹ М-В, Гаев
и публикаций Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр. 1887, Ефр. 1903—05¹

Заглавие	Анне Николаевне Вульф	М-В
2	Я посвящал свою любовь	Гаев
3—4	Все наши слезы, наша кровь Ее души ни тронут твердой.	Гаев
5—6	Одним страданьем буду сыт, И пусть мне сердце скорбь расколет...	Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр. 1887, Ефр. 1903—05
8	И мне понюхать не позволит.	Лон—Полт, Гаев

ТЫ И Я

(«Ты богат, я очень беден...»)

(С. 106)

Разночтения копий Долг, Тих, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Гв, Даш₁, Даш₂,
Е и публикаций БЗ, Герб, РПЛ²

Заглавие	Отсутствует.	Долг
Заглавие	К ****	Ал
Заглавие	К ...	Гв
Заглавие	К	Даш ₁
Заглавие	К ... ³	Е
Заглавие	Ты и я. (К ...)	РПЛ
5	Не имея век забот	Лон—Полт, Гв, Даш ₁ , Даш ₂
5	Ты не знаешь век забот	Ал, РПЛ
7	Я среди горя и хлопот	Тих, Лон—Полт, Полт ₂ , Даш ₂ , БЗ
7	Я ж, среди горя и работ	Ал
9	Ешь ты сладко целый день,	Лон—Полт, Е
10	Тянешь вина на свободе,	Тих, Лон—Полт, Полт ₂ , Ал, Гв, Даш ₁ , Даш ₂ , Е, РПЛ
13	Я ж от черствого куска,	Долг

¹ В Лон—Полт только ст. 7—8 после строки отточий, под заглавием: Отрывок; в Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр. 1887 только ст. 1—6 (в Ефр. 1880 вместо ст. 7—8 одна строка отточий; в Ефр. 1882 и Ефр. 1887 вместо ст. 7—8 две строки отточий).

² В БЗ только ст. 1—11. В Долг ст. 1—2 записаны в обратном порядке. В Тих, Лон—Полт, Полт₂, Даш₁, Даш₂, РПЛ ст. 18—19 записаны в обратном порядке.

³ Исправлено как в тексте.

14	От воды гнилой и пресной	Герб
16	За нуждой хожу известной	Долг
18	С важным деспотизма взором	Долг
18	С гордым деспотизма взором	Ал
19	Афедрон ты толстый свой	Ал, Гв, Даш ₁ , Е
22	Не балую нежной модой	Долг
24	Хоть и морщусь, да утру	Ал, Гв, Даш ₁
24	Хоть поморщусь — да утру	Е

«Т(УМАНСКИЙ?) ПРАВ, КОГДА ТАК ВЕРНО ВАС...»

(С. 107)

Черновой автограф

(ПД 835, л. 17)

- 1 а. *Начато*: Т — прав когда тебя он
 б. *Начато*: Т — прав когда сравнил он
 в. *Начато*: Т — прав что
 г. Т — прав ( ) вас
 д. Т — прав когда так верно вас
- 2 а. *Начато*: Сравнил
 б. *Начато*: Сравнив
 в. [Ср] Сравнил он с радугой ж(ив)о(ю)¹
- 3—4 А а. *Начато*: Но так же как она про( )
 б. Вы милы как она для глаз
 И переменчивы душою —
 Б а. Как роза вы милы для глаз²
 б. Вы милы ( ) для глаз
 И как она пременчивы душою —
- 5—6 А а. И розе сходные во всем —
 б. И с розой сходны³ вы — во всем —
 Цветете как она вес(ной)
 Б И с розой сходны вы ( ) весной
 а. *Начато*: [Пре(?)]] Вы как она [ми] средь⁴ на(с)(?)
 б. Цветете как она пред нами
 в. Сегодня как она пред [нами]
- 7—8 а. *Начато*: Маните
 б. *Начато*: Цветете милой
 в. Цветете как она минутн(ою) кр(ас)ой
 И так же колетесь — бог с вами —
- Вм. 9—12 Но радует меня сравнение с ключом

¹ В автографе: жой² *Начато* и *отменено исправление*: И больше чем; после его отмены союз: И остался незачеркнутым.³ Форма слова: сходные исправлена не была.⁴ Слово: средь осталось незачеркнутым.

- а. *Начато*: Как он душою
 б. Да чисты вы как он душою
 а. *Начато*: [Но] И так же холодны —
 б. И так же холодны конечно¹

*Первоначальные варианты белого автографа
 (ПД 835, л. 17)*

- 4 Как <   > пременчивы душою
 5 И с розой сходны вы — расцветшею весной:
 6 Сегодня как она пред нами
 9 Но радует меня сравнение с ключом
 11—12 И(?) чисты вы как он и сердцем и умом
 И так же холодны конечно —

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

2

(«Ходил Стенька Разин...»)

(С. 108)

Первоначальный вариант копии М. П. Погодина

- 15 Другая соболья

¹Черновой автограф перечеркнут.

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ОСТАВШИЕСЯ В ЧЕРНОВИКАХ,
И НАБРОСКИ

МЛАДЕНЦУ

(«Дитя, не смею над тобой...»)

(С. 110)

Автограф

(ПД 835, л. 24)

- Заглавие а. Отсутствует.
б. Ребенку
в. Младенцу

Первый набросок

- а. Я не скажу тебе зачем
б. Я не скажу тебе причины
в. Дитя я не скажу тебе
  Причины
г. Дитя я не скажу тебе

Второй набросок

- а. Ты равнодушно обо мне
  Дитя со временем услыш⟨иш⟩¹
б. И равнодушно обо мне
  Дитя со временем услышит
в. И равнодушно обо мне
  [Молва] Дитя со временем услышит²
г. Ты равнодушно обо мне
  Дитя со временем услыш⟨ишь⟩³
д. И равнодушно обо мне
  Дитя со временем услышит
  ⟨   ⟩
  Черты мои тебе опишет —
е. И равнодушно обо мне
  Дитя со временем услышит
  ⟨   ⟩ Клевета ⟨   ⟩
  ⟨   ⟩ опишет —
ж. *Вычеркнуто.*⁴

¹ В автографе описка: услышь

² При восстановлении слова: Дитя слово: Молва осталось в автографе незачеркнутым. Слева на полях у этого стиха записано и осталось незачеркнутым: Мои⟨?⟩.

³ Форма слова: услышит осталась неисправленной.

⁴ Второй набросок отделен от третьего горизонтальной чертой.

Третий набросок

- а. Прощай о милое дитя
Я не скажу тебе причины
- б. Прощай прелестное дитя¹
〈   〉 живи шутя
Я не скажу тебе причины
- в. Моей таинственной любви
Я не скажу тебе причины
- г. Прощай дитя моей любви
Я не скажу тебе причины
- д. 〈   〉 моей любви
Я не скажу тебе причины

Четвертый набросок

- а. *Начато:* И клевета ей образ
- б. И клевета неверный ей²
Быть мо〈жет〉 〈   〉 опишет —
〈   〉
Она со временем услышит
- в. И клевета черты мо〈и〉³
Неверно 〈   〉 ей опишет —
〈   〉
Она со временем услышит
- г. И клевета неверный ей
Быть м〈ожет〉 обр〈аз〉 мой опишет —
О том кто 〈   〉
Она со временем услышит
- д. И клевета неверн〈о〉⁴ ей
Чертам〈и?〉 〈   〉 опишет —
Б〈ыть〉 м〈ожет〉, о судьбе моей
Она со временем услышит⁵

Пятый набросок

- 1—2   Дитя, не смею над тобой
[Про] Произносить благословенья,
- 3—4 А а. *Начато:* Ты Ангел мир〈ны〉й〈?〉
- б. Ты Ангел мир〈ною?〉 душой
- в. 〈   〉 мир〈ною?〉⁶ душой

¹ Этот вариант стиха остался незначеркнутым.

² При записи следующего варианта слова: неверный ей оставались незначеркнутыми.

³ Слово: мо〈и〉 осталось незначеркнутым

⁴ Форма слова: неверный осталась неисправленной.

⁵ Четвертый набросок отделен от пятого горизонтальной чертой.

⁶ Слово: мир〈ною?〉 осталось незначеркнутым.

- а. Ты Ангел <   > утешенья
 б. Ты чистый Ангел утешенья
 в. Ты тихий <?> Ангел утешенья
 В а. Ты взором <   > душой
 б. <   > взором <   >
 а. Небесный Ангел утешенья
 б. <   > Ангел утешенья
 5—8 А [При] Прими желания мои:
 Не знай бо <лезней?>
 Б Да будут ясны дни <твой>¹
 Как ныне <   > ясен —
 — [Д] <   > жребиев земли
 — Да б <удет> <   > прекра <сен>
 В Да будут ясны дни <твой>
 а. Как мил <ый> взор твой <?> ныне ясен —
 б. Как мил <ый> взор <   > ныне ясен —
 а. — Меж м <   > <?> жребиев земли
 б. — М <еж> лу <чших> <?> жребиев земли
 в. — М <еж> <   > жребиев земли
 а. Как ты <   > прекрасен
 б. Да <   > прекрасен²

ГРАФУ О <ЛИЗАРУ>

(«Певец! издр <е>вле меж собою...»)

(С. 111)

Автограф

(ПД 835, л. 32)

- Заглавие*   Графу О....
 1—2   Певец! издр <е>вле меж собою
                   Враждуют наши племена
 3—4   а. То наша стонет под грозою
                   То ваша гибнет сторона
                   б. То [наша] стонет сторона
                   То гибнет ваша под грозою
 5—6 А   И матерей у вас видали
 Б а.   И вы, вы злобой трепетали
                   Когда <   > сыновьям
                   У гроба жены завеждали
                   И месть и ненависть к врагам

¹ В автографе осталось неисправленное слово: мои

² Под этим стихом записана еще одна строка, по-видимому относящаяся к работе над стихотворением:

Как <нрзб> не <нрзб>

- б. И вы, вы злобой трепетали
 Когда < >
 И детям жены завеццали
 При гробе ненависть к врагам
- В¹ а. *Начато:* И вы на Кремль
 б. И вы на Русь < > плен
 в. И вы на Русь [*начато нрзб*] кро(в)а(вый)<?> плен
 з. И вы² славянам<?> <нрзб> плен
 При кликах буйных налагали
- Г а. И вы свирепо ликовали
 Пируя наш кровавый³ плен
 б. И вы бывало пировали
 Кремля [позор и] < > плен —
- 7—10 А а. И мы < > толкали
 б. И мы < > топтали
 Красу Костюшкиных знамен
 Б И мы о камни падших стен
 а. Младенцев ваших избивали
 б. Младенцев Праги избивали
 а. Когда < > топтали
 б. Когда [на] навеки омрачали
 в. Когда стопами попирали
 з. Когда в крови, в пыли то(пта)ли
 д. Когда в кровавый прах то(пта)ли
 Красу Костюшкиных знамен —⁴
- 11—12 А а. *Начато:* Союза нет межд(у)
 б. Союза нет < > племен
 Б а. И тот не наш кто польке злобной
 Кольцом < > обручен
 б. И тот не наш кто деву < >
 Кольцом < >
 в. И тот не наш кто деве < >
 < >
 з. И тот не наш кто девой < >
 < >
 д. И тот не наш кто с польской де(вой)<?>
 Кольцом заветным сопряжен
 е. И тот не наш кто с девой вашей
 Кольцом заве(тным)<?> сопряжен
- 13—14 А а. *Начато:* И кто возьмет<?>
 б. *Начато:* И кто по< >
 в. *Начато:* Кто на<?> <нрзб>

¹ Варианты В и Г возникли по ходу работы над ст. 7—10 и вписаны преимущественно на правом поле листа.

² Слова: И вы остались незначеркнутыми.

³ Слово: кровавый осталось незначеркнутым.

⁴ Под ст. 10 поставлен значок, отмечающий строфическое деление.

- з. И тот <   > рукою левой
 д. Кто на пирах рукою левой
 Б Не выпьем мы [зазд<равной?>] заветной чашей
 а. Здоровье ваших <   > жен...
 б. Здоровье крас<ных><?> ваших жен...
 в. Здоровье ваших красных жен...¹
 15—18 А И наша дева молодая
 а. Потупя <   >
 б. Горда, <   >
    Не изберет <   >
    Себе в супруги поляка —
 Б И наша дева молодая
    Не призовет издалека
    <   > [начато нрзб] гордостью пылая
    Себе в супруги поляка —²
 В³ а. И тайно<?> ложе<?> дев<ы>⁴ красной⁵
    Не примет <   > поляка
 б. [А] И ложе гордой нашей<?> девы<?>⁶
    Не примет <   > поляка
 Г <   >
 а. Пленив <   > поляка
 б. Привлекши сердце⁷ поляка
 а. Начато: Отвергнет
 б. [Не примет] гордою душою⁸
 а. Любовь <   > поляка⁹
 б. Любовь народного врага¹⁰
 19—20 А Но для поэзии высокой¹¹
    Вражды народной <   >
 Б а. Но огонь поэзии священ<ны>й
    б. Но глас поэзии священ<ны>й
    в. Но жар<?> поэзии высо<ко>й
    з. Но огонь поэзии высо<ко>й
    д. Но глас поэзии чудесн<ый>й

¹ На поле слева от ст. 14 отдельная запись, относящаяся к более позднему этапу работы над стихотворением:

[Пройдут века]

² После этого варианта стиха был поставлен значок, отмечающий строфическое деление.

³ Варианты В и Г ст. 15—18 создавались после того, как нижняя часть листа уже была занята записью ст. 19—26. Вариант В записывался над ст. 15—18, вариант Г — на левом поле листа.

⁴ Форма слова: дева исправлена не была.

⁵ Слово: красной осталось не зачеркнутым.

⁶ Слова: нашей<?> девы<?> остались не зачеркнутыми.

⁷ Слово: сердце было зачеркнуто и восстановлено.

⁸ Слово: душою было зачеркнуто и восстановлено.

⁹ Возможно, слово: поляка записано по ошибке, вместо: врага

¹⁰ Под ст. 18 фигурная скобка, отмечающая строфическое деление.

¹¹ Слово: высокой было зачеркнуто и восстановлено.

- а. Сердца враждебные мирит
 б. Сердца <   >
 в. Сердца враждебные мирит
 з. Сердца враждебные дружит —
- 21—22 А <   >
 а. <   > гори<т><?>
 б. <   > молчит! —
- В а. *Начато*: Поэты дружб<   >¹
 б. Поэзия<?> в душе небесной! —²
 а. Вражды <   > молчит! —
 б. Земной<?> вражды <   > молчит! —
- В³ а. *Начато*: Пред пе<снью><?>
 б. *Начато*: Пред див<ной><?> пе<снью><?>
 в. *Начато*: Поэт
 з. Своею<?> силою<?> небесной! —⁴
 д. *Начато*: Пред мы<слью><?>
 е. Пред нашей песню небес<но>й⁵
 ж. П<е>ред улыбка<ю>⁶ небес<но>й
 Земная ненависть молчит! —
- 23—24 А И мы <   > вдохновенья
 <   >
 <   > примиренья
- Б [И] При звуках <   > вдохновенья
 Сарматск<   ><?>
- В а. *Начато*: Сарм<   ><?>
 б. В<?> волшебных<?> звуках вдохновенья⁷
 При песнях
- 25 а. Горе встают благословенья
 б. И восстают благословенья
- 26 а. И на <   > нисходит мир...
 б. На племена<?> нисходит мир...
 в. С неб<ес><?> <   > сходит мир...
 з. На племена<?> [ни]сходит мир...

¹ В автографе описка: дружб<   >

² Слово: небесной и знаки препинания после него остались незачеркнутыми.

³ Работа над вариантом В была начата на левом поле листа после того, как ниже на том же поле был записан вариант А ст. 23—24.

⁴ Вариант «г» намечен в правой части листа, над строкой, которая к этому времени имела следующий вид: [Поэзия<?> в душе] небесной! —

⁵ Незачеркнутое слово: небесной записано еще раз.

⁶ В автографе описка: Пред улыбкой

⁷ Далее начато и оставлено незачеркнутым неразборчивое исправление.

⟨ИЗ ПИСЬМА К П. А. ПЛЕТНЕВУ⟩

(«Ты издал дядю моего...»)

(С. 112)

Автограф

(ПД 835, л. 34)

- 1—5 А а. *Начато*: Плетнев,¹
 б. Ты издал дядю моего:
 Творца опасного соседа
 Хоть и не станет⟨?⟩ за него⟨?⟩
- Б а. Издатель дяд⟨и⟩² моего:
 б. Ты издал дядю моего:
 Творца опасного соседа
 а. Хоть и покойница беседа
 б. Хотя³ покойница беседа
 а. ⟨   ⟩ его —
 б. Не очень ⟨   ⟩ его —
 в. Провозгласить ⟨   ⟩ его —
- В Ты издал дядю моего:
 Ког⟨да⟩⟨?⟩ покойница беседа
 Хо⟨ ⟩ ⟨   ⟩ его —⁴
- Г Ты издал дядю моего:
 Творцу опасного соседа
 Не стоит впрочем ничего
- Д Ты издал дядю моего:
 Творца опасного соседа
 а. Не стоил ⟨   ⟩ того
 б. И хоть не стоил ⟨   ⟩ того
 в. Хоть не достоин был того
- Е Ты издал дядю моего:
 Творец опасного соседа
 а. Достой⟨н⟩⁵ ⟨   ⟩ был того
 б. Достой⟨н⟩ верно был того
 в. Достой⟨н⟩ очень был того
 Хотя покойная беседа
 а. И не венчала лик его
 б. Не увенчала лик⁶ его — —

¹ Записано в стороне от остального текста, в левой части листа.

² Форма слова: дядю оставалась неисправленной.

³ Исправляя слово: Хоть на: Хотя, Пушкин зачеркнул мягкий знак и написал над ним букву: я. Позднее буква: я была зачеркнута и над ней появились неразборчивые исправления, скорее всего намечавшие следующие варианты: И хоть покойница беседа; Хоть и покойница беседа.

⁴ Ниже начато и зачеркнуто: Тв⟨?⟩ от⟨?⟩

⁵ В автографе описка: Достойт

⁶ Слово: лик осталось незачеркнутым.

Основной автограф
(ПД 835, л. 35 об.)

- 1—4 А а. Решился я: моей отчизны
 б. <   > прах отчизны
 а. С дорожных отряхнув одежд
 б. С дорожных отряхнуть одежд
 Презрев сердечны укоризны
 И шепот сладостных надежд
 Б¹ Презрев и голос <?> укоризны
 а. И зовы сладостных надежд
 б. И ропот сладостных надежд
 в. И зов обманчивых надежд
 г. И жалобу <   > надежд
 д. И <   > обманчивых надежд
 е. И зовы сладос<тных> надежд
 а. Так! <я> решился: прах отчизны
 б. Иду в чужбину прах отчизны
 в. Иду в чужбине прах отчизны
 С дорожных отряхнуть одежд
- 5—8 А Прости предел неблагоклонный!
 Где свет узрел я в первый раз!
 Прости
 Б² а. Умолкни сердца шепот сонный
 б. Утихни<?> сердца шепот сонный
 а. Умолкни <   > слабый глас —
 б. Предрассужденья слабый глас —
 Прости предел неблагоклонный!
 Где свет узрел я в первый раз!
 В У[молкни] сердца шепот сонный
 а. Привычки милой<?> тихий глас —
 б. Привычки давной слаб<ый> глас —
 Прости предел неблагоклонный!
 Где свет узрел я в первый раз!
- 9—12 А Исполнена страстей и лени
 И снов задумчивых д<у>ш<и>³ —
 Б Простите <   >
 Где <   >
 Исполнены страстей и лени
 И снов задумчивых души —
 В Простите сумрачные сени
 а. Начато: Где <   > дни в
 б. Где дни <   > в тиши
 в. Где дни м<ои> <   > в тиши
 Исполнены страстей и лени
 И снов задумчивых души —

¹ Перестановка стихов отмечена цифрами: 2 и 1 на левом поле листа.

² Ст. 5—6 вписаны на левом поле листа.

³ В автографе описка: дишу

- V¹   Благослови побег поэта
 <   >
 < > где-нибудь в волненьи <света><?>
 Мой глас<?> [вос]помни иногда —
- Между
 20 и 21   а. И там где <   > носит<?>
                   Судьба —
                   б. И <   > где меня ни носит<?>²
                   Судьба —
                   в. Начато: И <нрзб> где б его<?>³
- 21—24   А   Отсутствуют.⁴
                   Б   Умолкнет он — под чуждым небом⁵
                             Забыт <   >
                   а. Начато: И где
                   б. Начато: И незнако<   >
- В   Умолкнет он — под небом дальным
                             <   > сне<?>
                             Один <   > печальным<?>
- а. <   > в чуждой стор(о)не
                   б. Угаснет в чуждой стор(о)не
- 25—27   А⁶   а. Guest — <   > желанн(ый)
                   б. <Нрзб> гость — <   > желанн(ый)⁷
                   а. Не придет юный<?> славян(ин)<?>
                   б. <   > юный<?> славян(ин)<?>⁸
                             К моей могиле безымян(но)й⁹

¹ На отказ от перестановки стихов, намеченной вариантом Б, указывают вписанные на левом поле ст. 21—24, первый из которых служит непосредственным смысловым продолжением стиха: Мой глас<?> [вос]помни иногда —

² Слова: ни носит остались незначеркнутыми.

³ Незавершенный вариант «в» остался незначеркнутым. Ниже следуют записи, не сложившиеся в сколько-нибудь оформленные варианты стихов:

- [Он жертва]
 [Его душа]
 [Но чувство]
 а. <   > тени
 б. <   > смерт(ной?) тени
 а. Начато: И в тиш(и)не<?>
 б. Начато: И в благо<   >

Слова: смерт(ной) тени остались незначеркнутыми, так же как слова: И в тиш(и)не (в автографе: И в тишене) и незавершенная запись: И в благо(...).

⁴ Ст. 21—24 были вписаны на левом поле листа позже варианта А ст. 25—27 и, очевидно, после того, как нижняя часть листа была занята стихотворением «Сабуров, ты оклеветал...».

⁵ Слово: небом осталось незначеркнутым.

⁶ Вариант А ст. 25—27 записан раньше ст. 21—24.

⁷ Слова: гость — <   > желанн(ый) остались незначеркнутыми.

⁸ Слова: юный<?> славян(ин)<?> остались незначеркнутыми.

⁹ В ходе дальнейшей работы над стихотворением, которая велась на левом поле листа, этот стих оставался незначеркнутым.

- Б а. И гроб — < > безымянн(ый)
 б. И гроб поэта(?) безымянн(ый)
 < > не посетит —
 В Но русский < > не посетит —
 Моей могилы безымян(ной)¹
 Г Настанет < > час желанный
 а. И юный < > славянин
 б. И юный <нрзб> славянин
 в. И благоск(лонный)<?> славянин²
 <К моей могиле безымянной>³

«САБУРОВ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛ...»

(С. 114)

Автограф

(ПД 835, л. 35 об.)

- 1—2 А а. Начато: Нет нет — Сабуров,
 б. Сабуров — < > ты соврал —
 в. Нет нет Сабуров — ты соврал —
 Мои гусарские затеи
 Б Сабуров ты оклеветал
 Мои гусарские затеи
 3—4 < >
 а. Начато: Я пил
 б. Начато: С Кавериним я пил
 в. Начато: С Кавериним там
 г. Там(?) я с Кавериним гулял
 5—7 а. Я врал < > с Молост(в)овым
 б. Бранил Россию [с] Молост(в)овым
 а. С Чедаевым < > читал
 б. С моим Чедаевым читал
 < >
 8—11 А < >
 < >
 < >
 Но Зубов не прельщал меня
 Своею задницею смуглой
 Б⁴ Ученье < > отклоня
 < > год я круглый

¹ Этот стих остался незачеркнутым.² Ниже записан отдельный начатый вариант:

[И(?)] Не посетит с(?)

³ По всей видимости, стих: К моей могиле безымян(но)й, оставшийся невычеркнутым, после того как был отвергнут вариант А ст. 25—27, мог занять место ст. 27 в варианте Г.⁴ Ст. 8—9 вписаны на левом поле листа.

- Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой
- В а. Все <   > заботы отклоня
б. Как все заботы отклоня
а. Проведш(и) <   > год я круглый
б. Провел¹ [я]<?> с <   > год я круглый
в. Провел меж ими год я круглый
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой

«КАК ЖЕНИТЬСЯ ЗАДУМАЛ ЦАРСКИЙ АРАП...»

(С. 115)

Автограф

(ПД 835, л. 36 об.)

- 1 а. *Начато*: Как задумал жениться
б. Как жениться задумает царский арап
в. Как жениться задумал царский арап
- 2—5 А Меж боярышен арап похаживает
На боярышен арап поглядывает
Как он выбрал себе сударушку
Черный ворон белую лебедушку²
- Б Меж боярынь арап похаживает
На боярышен арап поглядывает
Что выбрал арап себе сударушку
а. Черный ворон выбирает белую лебедушку³
б. Черный ворон белую лебедушку
- 6—7⁴ А как он арап чернешенек
А она-то душа [нрзб] белешенька

¹ В написанном ранее слове: Проведш(и) Пушкин исправил ш на л, не вычеркнув букву д.

² После записи этого варианта под ст. 5 проведена горизонтальная черта — знак окончания текста, однако работа над стихотворением спустя некоторое время была продолжена.

³ Возникновению этого варианта предшествовало несколько метрических проб, записанных в верхней части листа над ст. 1 после того, как нижняя часть листа была уже занята черновиком письма к Жуковскому. Вторая и третья пробы даны в сокращенной записи:

Черный ворон выбирал белую лебедушку
<Черный> вран <выбирал белую лебедушку>
<Черный вран> выбирает <белую лебедушку>

Возможно, намечавшаяся переработка ст. 5 предполагала замену глагольной формы в ст. 4, но, поскольку Пушкин в конце концов вернулся к первоначальному варианту ст. 5, эта замена произведена не была.

⁴ Ст. 6—7 вписаны между ст. 5 и черновиком письма к Жуковскому, после того как была проведена горизонтальная черта, отмечающая окончание стихотворного текста (см. примеч. 2).

«ПОКА СУПРУГ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДЮЮ...»

(С. 116)

Автограф

(ПД 835, л. 38)

- 1—2 А а. *Начато*: Пока супруг ревнивый
 б. О Зара(?) нежная пока супруг ревнивый
 в. О дева нежная пока супруг ревнивый
 а. Между шести других тебя не заключил —
 б. Тебя, между шести других не заключил —
- Б а. Пока тебя супруг жену младую —
 б. Пока супруг т(ебя) жену младую —
 в. Пока супруг тебя красавицу младую —
 Между шести других еще не заключил —
- 3 а. Ходи к источнику < > могил
 б. Ходи к источнику близ < > могил
 в. Ходи к фонтану < >
 з. Ходи к источнику близ < > могил
- 4 И черпай¹ воду ключевую —
- 5—9 А И думай: милая моя:
 Как льется ясная струя
 Бежит, бежит — и исчезает —
 Так жизнь < > утекает —
 Так — < > исчезну я —
- Б И думай: милая моя:
 Как невозвратная струя
 а. Блеснув, бежит — и исчезает —
 б. Блестит, бежит — и исчезает —
 а. Так жизнь < > убегает —
 б. <Нрзб> и юность убегает —
 в. Так жизнь и юность убегает —
 з. Так жизнь блестит² — <и> убегает —
 д. Так жизн<и>³ вре<м>я<?> убегает —
 В гареме так исчезну⁴ я —

Начало переработки стихотворения⁵

- Перед 1 А О ты которую заочно я любил
 а. *Начато*: А ныне
 б. *Начато*: И ныне(?) цар< >(?)
 Б *Вычеркнуто*.

¹ Слово: черпай исправлено из ошибочно записанного: черпуй² Слово: блестит осталось незачеркнутым.³ Форма слова: жизнь осталась неисправленной.⁴ Слово: исчезну было зачеркнуто и, по-видимому, вновь начато и зачеркнуто над строкой: [исчезн(?)]. Затем Пушкин поставил знак восстановления под первоначально записанным словом: исчезну⁵ Переработка осталась незавершенной.

«С ПЕРЕГОРОДКОЮ КОМОРКИ...»

(С. 117)

Автограф
(ПД 62, л. 1)

Первый набросок

- 1—4 А Стекло разбитое <   >
И запылен <   > < ? >
- Б Окно заткнутое подушкой
На полке [о < ? >] <   > образа
Перед ним лампада¹ <   >
<   > пе < с > трая² лоза
- В <   > печка
На пыльной полке образа³
Перед ними просвира < и > свечка
- а. <   > и вербная лоза
б. <   > и ветвь < ? > <   > лоза
г. Лампада, вербная лоза
И⁴

Второй набросок

- 1—2 а. <   > — две коморки
Довольно чистенькие норки
б. С перегородкою коморки
Довольно чистенькие норки
- 3—4 А Перегородка, [кр] шкаф, сундук
Лежанка
- Б Начато: Старинный шкаф, постель
- В <   > на полке образа
И вербная <   > лоза
- Г [На старо < й > < ? >] В углу на полке образа
- а. И верьбы старая лоза
б. Под ними вер[бная]⁵ лоза
- 5—8 А С иссохшей просвирой и свечкой
Горшок с <   > на окне

¹ Слово: лампада затем было исправлено на: лампаду, но следующий стих не был приведен в соответствие с этим исправлением.

² В автографе описка: пертрая

³ Слово: образа осталось незачеркнутым.

⁴ Записав вариант В, Пушкин начал исправлять его, заменив слово: печка на: печку, а слово: просвира на: просвиру. Однако намеченная правка осталась незавершенной. В ходе дальнейшей правки вариант «г» ст. 4 и начало следующего стиха остались незачеркнутыми. Под первым наброском Пушкин провел горизонтальную черту и заново приступил к работе над стихотворением.

⁵ В автографе слово: верьбы осталось незачеркнутым, а слово: вербная — невосстановленным.

- а. Начато: Две клетки
 б. Начато: Два чирика
 в. Две канареечки над печкой
 Б $\langle \quad \quad \quad \rangle$
 $\langle \quad \quad \quad \rangle$
 Две канареечки над печкой

«ЖДЕТ ТЕБЯ МОЕ ВИНО...»

(С. 118)

Автограф
 (ПД 835, л. 42)

- 1—6 А Что же[?] будет ли вино[?]
 Лайон, жду его давно —¹
 Знаешь ли какого рода[?]
 Милый мой мне все равно —²
 $\langle \quad \quad \quad \rangle$ свобода
 Б Что же[?] будет ли[?] вино[?]
 Лайон, жду его давно —
 Знаешь ли какого рода[?]
 а. Начато: Ты⁴
 б. Начато: В по $\langle$ гребу? $\rangle$
 в. У меня заведено:
 а. И терпимость и свобода
 б. В погребу моем свобода
 в. И терпимо $\langle$ сть $\rangle$ $\langle \quad \rangle$ свобода
 г. В погребах $\langle \quad \rangle$ свобода
 д. Жажды полная свобода
 а. И терпимость разных вин —
 б. И терпимость всяких вин —
 а. Сам себе я господин:
 б. Я не горды $\langle$ й $\rangle$ ⁵ господин:
 В⁶ Ждет тебя мое вино —
 $\langle \quad \quad \quad \rangle$ его давно —
 Знаешь ли какого рода[?]

¹ Далее была начата и сразу отменена правка стиха: Жду его дав $\langle$ ным $\rangle$ давно —

² Стих был зачеркнут и восстановлен. В ходе дальнейшей работы над стихотворением вторично записанные слова: Милый мой остались незачеркнутыми.

³ Частица: ли осталась незачеркнутой.

⁴ Местоимение: Ты осталось незачеркнутым.

⁵ Слова: не горды $\langle$ й $\rangle$ остались незачеркнутыми.

⁶ Вариант В, по-видимому, сложился в результате позднейшей незавершенной переработки стихотворения, начатой спустя какое-то время после того, как работа над черновым автографом закончилась и под ним был поставлен знак концовки. К тому же этапу правки, вероятно, относятся стихи, запись которых была начата под фигурной скобкой, поставленной под ст. 16—19 (см. примеч. 4 на с. 344).

- а. Мне < > закон один:
 б. У меня закон один:
 Жажды полная свобода
 И терпимость всяких вин —
- 7—10 А а. В погребу моем старинном —
 б. Погреб мой гостеприимный
 а. Рад бургонской пробке будет
 б. Рад и длинной пробке будет¹
 в. *Начато*: Будет рад мюэту
 г. Рад мюэту < > бордо
 д. Рад мадере рад бордо
 е. Рад мадере золотой
 ж. Рад мадере выписной
 И под пробкой смоленой
 а. V. C. P. бутылке длинн<ой> —
 б. St Пере бутылке длинн<ой> —
- Б Погреб мой гостеприимный
 Рад мадере выписной²
 а. Реина < > златой
 б. Реина струе<ъ> златой
 И под пробкой смоленой
 St Пере бутылке длинн<ой> —
- В Погреб мой гостеприимный
 Рад мадере золо<той>
 И под пробкой смоленой
 St Пере бутылке длинн<ой> —
- 11—15 А а. *Начато*: Пусть
 б. В бурной юности моей
 а. Очарованный³ Вольтером
 б. Поклонясь<ъ> <нрзб> Вольтера
 Пред
- Б а. В лета юности моей
 б. В лета юные мо<и>⁴
 < >
 [По] Поэтический Ай⁵
 а. *Начато*: Был
 б. Нравился⁶ всего мне боле —
- В В лета юные мо<и>
 а. < > в юности безу<мн>ой
 б. В ле<та> юности безу<мн>ой
 Поэтический Ай

¹ Над словом: длинной был записан (и остался незачеркнутым) союз: и. Возможно, намечалась следующая перестановка слов в стихе: Рад и пробке будет длинной

² Слово: выписной было зачеркнуто и восстановлено.

³ Слово: Очарованный было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ В автографе описка: мой

⁵ Слово: Ай подчеркнуто.

⁶ При дальнейшей работе над стихом слово: Нравился оставалось незачеркнутым.

- а. Начато: Люб⟨?⟩
б. Начато: св⟨?⟩
в. Мне своею⟨?⟩¹ пеной шумной
г. Нравился мне пеной шумной
а. Сим подобием любви...
б. Сим подобием любви!
- 16—19 А Отсутствуют.²
Б ⟨   ⟩
Я дымящийся бокал —
⟨   ⟩
Милый брат предпочитал
В ⟨   ⟩
И дымящийся бокал —
Начато: Всеу я³ в м⟨   ⟩
Милый брат предпочитал
Г а. Вспомнил ⟨   ⟩ о поэте
б. И ⟨   ⟩ о поэте
в. ⟨   ⟩ вспомнив о поэте
И напененный⟨?⟩ бокал —
Я тогда всеу на све⟨те⟩ —
Милый брат предпочитал⁴
- Между
19 и 20 А а. Начато: Но
б. Предпочел⟨?⟩ я после⟨?⟩
Б Но бургонское густое
а. Рейна ⟨   ⟩ предпочел
б. ⟨   ⟩ скромно⟨?⟩ предпочел
Как
В Но бургонское густое
⟨   ⟩ потом
Г Вычеркнуто.
20—23 А Ныне нет во мне пристрастья —
Рассудительный умом
Скромный ⟨   ⟩ сладостра⟨стыя⟩
Обхожу ⟨   ⟩ кругом —
Б Ныне нет во мне пристрастья —
а. С ⟨нрзб⟩ ⟨   ⟩ умом

¹ Слово: своею⟨?⟩ осталось незачеркнутым.

² Ст. 16—19 вписаны на правом поле листа.

³ Слово: я осталось незачеркнутым.

⁴ Под вписанными на правом поле листа ст. 16—19 поставлена фигурная скобка; под ней записано:

Мне понравилось потом
[Рей(на)]

Вероятно, на позднейшем этапе работы над стихотворением (см. примеч. 6 на с. 342) Пушкин предполагал заменить ст. 16—19 начатыми под фигурной скобкой стихами, однако намеченная переработка осталась незавершенной.

- б. Без разбора за столом
 Друг разумный сладостра⟨стя⟩
 Вина обхожу кругом —
- После 23 А а. Все любя ⟨ ⟩ понемногу —
 б. Все любя я понемногу —
 а. Часто ⟨ ⟩ стакан —
 б. Часто требую стакан —
 в. Часто славлю⟨?⟩ я стакан —
 г. Часто двигаю⟨?⟩ стакан —
 Часто пью — но с⟨ла⟩ва ⟨богу⟩
 Редко редко лягу пьян.
- Б Вычеркнуто.¹

«ПУСКАЙ УВЕНЧ⟨АННЫЙ⟩ ЛЮБО⟨ВЬ⟩Ю КРАСОТ⟨Ы⟩...»

(С. 119)

Автограф

(ПД 63)

- 1—4 Пускай увенч⟨анный⟩ любо⟨вь⟩ю красот⟨ы⟩
 В завет⟨ном⟩ зол⟨оте⟩ хранит ее черты
 И письма тайные награды долг⟨о⟩й муки
 Но в тихие часы томит⟨ельной⟩ разл⟨уки⟩
- 5 а. *Начато:* Ничто ничто не радует очей
 б. Ничто ничто моих не радует очей
- 6 а. *Начато:* И ни единый дар любви твоей⟨?⟩
 б. И ни единый дар возлюбл⟨енной⟩ моей
- 7—8 А Не лечит ран люб⟨в⟩и безум⟨ной⟩ безнаде⟨жной⟩
 Б а. *Начато:* Ни
 б. Залог любви ⟨ ⟩ отрада грусти нежной —
 в. Святой залог любви отрада грусти нежной —
 г. Святой залог любви утеха грусти нежной —
 Не лечит ран люб⟨в⟩и безум⟨ной⟩ безнаде⟨жной⟩

¹ Возможно, ст. 24—27 были зачеркнуты на позднейшем этапе работы.

«ТВОЕ СОСЕДСТВО НАМ ОПАСНО...»

(С. 120)

Автограф
(ПД 835, л. 51)

Первый набросок

- А Напрасно вам 16 лет
 а. Напрасно вы как роза милы
 б. Напрасно милы вы как роза
 Б Вычеркнуто.¹

Второй набросок

- А а. Соседство ваше нам опасно —
 б. Соседство ваше мне опасно —
 Хоть мило может быть оно — —
 Б Вычеркнуто.²

Третий набросок³

- а. Мне ваша милая беседа
 Напоминает даже < >
 б. Вычеркнуто.

Четвертый набросок⁴

- 1—2 Соседство ваше всем сердцам
 Мигушка < > опасно —

Пятый набросок

- 1—8 А а. Начато: Хоть мил(о)⁵
 б. Соседство ваше мне опасно
 Хоть мило, м(ожет) бы(ть) оно —
 а. И доказать < > не напрасно
 б. Так утвержда(ю) не напрасно
 < >
 а. Ваш дом и милая беседа
 б. Ваш дом любезная беседа
 в. Ваш дом учтивая беседа

¹ Надписанное над строкой слово: милы осталось незачеркнутым.

² Надписанное над строкой слово: мне осталось незачеркнутым.

³ Записан в левой части листа.

⁴ Записан в правой части листа под текстом стихотворения «Сожженное письмо». Определение этого наброска как четвертого по счету остается гипотетическим. Он мог быть записан и по ходу работы над пятым наброском.

⁵ Записано в левой части листа.

- а. *Начато:* И шутки вежл(ивой)
- б. *Начато:* И ми(лой)(?) шутки
- в. И шутки ( ) пополам
Напоминают живо нам
И впрям(ь) Опасного соседа.
- Б Соседство ваше мне опасно
Хоть мило, м(ожет) бы(ть) оно —
- а. ( ) твержу всечасно
- б. У ваших ног твержу всечасно¹
( )
Ваш дом учтивая беседа
И шутки ( ) пополам
Напоминают живо нам
И впрям(ь) Опасного соседа.
- В Твое соседство нам опасно
Хоть мило, м(ожет) бы(ть) оно —
( )
( )
Твой дом учтивая беседа
И шутки (нрзб) пополам
Напоминают ( ) нам
И впрям(ь) Опасного соседа.

¹ Записано слева от остального текста, после того как в нем был зачеркнут вариант А, «б» ст. 3. Стих: У ваших ног твержу всечасно, по всей очевидности, первоначально предназначался для замены отмененного варианта ст. 3. Следующий стих должен был бы занять место ст. 4, однако наброски, записанные сразу под стихом: У ваших ног твержу всечасно, по рифме не годились для этого:

- а. *Начато:* И даже, верьте
- б. И даже ( ) верьте нам(?)
- в. Поверить ( ) нам
- г. Поверит(е) быть( ) может) нам
- д. И даже можно верить нам
- е. Поверьте ж вы моим ( )

(При отмене варианта «д» слова: можно и нам оставались незачеркнутыми.) Можно предположить, что, записывая этот стих, Пушкин уже связывал его, а также предшествующий ему стих У ваших ног твержу всечасно не с пятым, а с четвертым наброском, который так и остался незачеркнутым.

«СМЕЕТЕСЬ ВЫ, <ЧТО>, ДЕВОЙ БОЙКОЙ...»

(С. 121)

Автограф
(ПД 835, л. 51)

Первый набросок¹

- а. Неуклюжая вострушка
Кривожаопая мигушка
б. Кривожаопая вострушка

Второй набросок

- 1—2 а. Смеешься ты, повеса бойкий
Что я <   > поломойкой
И <   >
б. Смеетесь вы <   > поломойкой²
Пленен я <   > бойкой
в. Смеетесь вы <   >
<   > [для] для поломойки
з. Смеетесь вы <что> дево́й бойкой
Пленен я ми<ло>й поломойкой
3
4—6 А³ Отсутствует.
Она не старая(<?)> вострушка
а. Начато: И не вонючая
б. <   > вонючая <   >⁴
Б Она не старая мигушка
Ни кривожаопая востру<шка>
И не плеш<и>вая пизда

«ИГРАЙ, ПРЕЛЕСТНОЕ ДИТЯ...»

(С. 122)

Автограф
(ПД 835, л. 52)

- 1—5 А Играй, прелестное дитя,
а. Беги в саду за мотыльками
б. В саду беги за мотыльками
Начато: Лови их —⁵

¹ На следующем этапе работы над стихотворением первый набросок был в исправленном виде использован при записи второго наброска.

² Слово: поломойкой осталось незачеркнутым.

³ Для записи этого варианта использован первый набросок, подвергшийся правке, при которой слово: кривожаопая осталось незачеркнутым.

⁴ Вариант А остался незачеркнутым. Вариант Б записан ниже.

⁵ Начало стиха зачеркнуто и восстановлено.

- Б ИГрай, прелестное дитя,
 а. *Начато*: Летай за ле⟨ ⟩
 б. Лети за бабочкой летучей —
 в. Лет⟨ай⟩¹ за бабочкой летучей —
 а. Шутя лови, поймай шутя
 б. Лови ее, поймай шутя
 в. Поймай ⟨ ⟩ поймай шутя
 а. ⟨*Начато нрзб*⟩ ⟨ ⟩ колючей —
 б. Над розой ⟨ ⟩ колючей —
 Потом на в⟨олю?⟩ отпустя²
- 6 Отсутствует.
- 7—9 А *Начато*: Пускай
 Б Но не советую тебе
 Играть ⟨ ⟩ с уснувшим змием —
 а. Завидовать его судьбе
 б. Его завидуя судьбе
 в. Завидуя [его] судьбе
- 10 а. *Начато*: Готовы пальцы⟨?⟩
 б. Искусным схваченный перстом
 в. Искусным пойманны⟨й⟩³ перстом
 г. *Начато*: Замкну ⟨ ⟩
 д. Удержанный ⟨ ⟩ перстом
 е. ⟨ ⟩ перстом

«Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ ЗЛАТОЙ ТВОЕЙ ВЕСНЫ...»

(С. 123)

Автограф

(ПД 835, л. 55)

- 1—2 А а. *Начато*: Вы приближаетесь к поре
 б. Я был свидетелем ваших весенних лет
 а. *Начато*: Когда красу и ум вам ⟨*начато нрзб*⟩
 б. *Начато*: Тогда красу и ум вам заменяет
 Б а. *Начато*: Я был свидетелем твоей в⟨есны⟩⟨?⟩
 б. Я был свидетелем золотой твоей весны
 а. Тогда не нужен ум — и ⟨*начато нрзб*⟩ не нужны —
 б. Тогда напрасен ум — искусства не нужны —
- 3—4 А И даже красоте тогда замена младость —
 Б И самой красоте семнадцать⁴ лет замена
 а. *Начато*: Но ⟨ ⟩ для все⟨го⟩

¹ Исправив слово: летай на: лети, Пушкин затем зачеркнул надписанное сверху окончание: и, что, вероятно, означало восстановление первоначальной формы глагола.

² Стих вписан.

³ В автографе описка: пойманным

⁴ В автографе: 17

- б. Но кончено — всему настала перемена —
 в. Но время протекло, настала перемена —
- 5—6 а. Ты приближаешь⟨ся⟩¹ к мудр⟨ен⟩ой той поре
 б. Ты приближаешь⟨ся⟩ к сомнительной поре
 а. Как больше женихов в мечтах чем на дворе —
 б. Как ⟨   ⟩ в комнате ⟨   ⟩ на дворе² —
 в. Как меньше женихов толпятся при дво⟨ре⟩
 з. Как мало ⟨   ⟩ толпятся при дво⟨ре⟩
 д. Как меньше ⟨   ⟩ толпятся при дво⟨ре⟩
- 7—8 А а. *Начато*: [И] [А] И зеркало не льстит
 б. И реже [ты⟨?⟩] зеркало улыбку отражает
 в. И зеркало тебя советом ужасает
 з. И зеркало тебя укладкой упрекает
 Б а. ⟨   ⟩ твой слух обворожает
 б. И реже [хва⟨?⟩] ⟨   ⟩ твой слух обворожает
 в. И реже звук похвал твой слух обворожает
 з. ⟨   ⟩ тише звук похвал твой ⟨   ⟩
 а. А зеркало смелей грозит и упрекает
 б. А зеркало сильней грозит и упрекает
- 9—12 А а. *Начато*: Напрасно ⟨   ⟩ побед —
 б. *Начато*: Ищи других побед —
 Б ⟨   ⟩ заранее откажись
 а. Ищи других побед; ⟨   ⟩ насладись
 б. ⟨   ⟩ насладись
 а. *Начато*: Напрасно ⟨   ⟩ побед —
 б. Ищи других побед — а я перед тобой —
 а. *Начато*: Готов классическим
 б. *Начато*: Стихом классическим
 В а. От власти ⟨   ⟩ заранее откажись
 б. От мирных⟨?⟩ ⟨   ⟩ заранее откажись
 в. От милых прежних прав заранее откажись
 ⟨   ⟩ насладись
 а. Ищи других побед — утеш⟨ься⟩ — пред тобо⟨ю⟩³ —
 б. Ищи других побед — успехи пред тобо⟨ю⟩ —
 а. *Начато*: А я ⟨   ⟩ любя
 б. *Начато*: Теперь
 в. *Начато*: Я ⟨   ⟩ вскружу⟨?⟩
 з. [В⟨?⟩] Я счастья⁴ тебе желаю всей душ⟨ою⟩
- Г а. ⟨   ⟩ — утешься и смиришь
 б. Что делать [?] ⟨   ⟩ утешься и смиришь
 От милых прежних прав заранее откажись
 Ищи других побед — успехи пред тобо⟨ю⟩ —
 Я счастья тебе желаю всей душ⟨ою⟩

¹ В автографе описка: приближаешь

² Слова: на дворе остались незачеркнутыми.

³ Форма слов: перед тобой исправлена не была.

⁴ Слово: счастья зачеркнуто и восстановлено.

- 13—14 А Мой дидактический благоразум⟨н⟩ый¹ стих
 а. *Начато*: [Сов] Советы новые ⟨ ⟩ тво⟨ ⟩²
 б. *Начато*: Сов...
 Б ⟨ ⟩ [б] а опытов моих
 Мой дидактический благоразум⟨н⟩ый стих

⟨НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ⟩

(С. 124)

⟨I⟩

Автографы

(ПД 835, л. 54 об.—55)

- 1—2 а. Что козырь³ — черви — вам ходить
 б. Что козырь³ — черви — мне ходить
 Я бью — нельзя ли погодить
- 3—4 а. Беру — опять нас обыграла —
 б. Беру — совсем нас обыграла —
 в. Беру — кругом нас обыграла —
 а. *Начато*: Уж полно
 б. *Начато*: Уж ⟨ ⟩ нет ли тут
 в. Ей смерть ты право сплутовала
- 5—8 А ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩
Начато: Да мы не в деньги
 Б ⟨ ⟩ — полно — молодец —
 ⟨ ⟩
 Ведь мы играем не ⟨ ⟩ денег
 а. *Начато*: Мы только
 б. Чтоб только вечность провождать
 в. А чтобы вечность провождать
- В а. Молчи ты глуп и молодец —
 б. Ты глуп и ⟨ ⟩ молодец —
 в. Молчи ты глуп и молодец —
 а. Да не тебе меня ловить.
 б. Уж не тебе меня ловить.
 а. Ведь мы играем не ⟨ ⟩ денег
 б. ⟨ ⟩ мы играем не ⟨ ⟩ денег
 А только б вечность проводить³
- 9—10 а. *Начато*: Кто там еще
 б. Кто там? Кто ⟨ ⟩ пришел сюда

¹ В автографе описка: благоразумый

² *Начатое* и недописанное слово: тво⟨ ⟩ осталось незачеркнутым.

³ Под стихом значок, отмечающий строфическое деление, и горизонтальная черта, также отмечающая конец фрагмента.

- 11—12 в. Кто там? Здорово господа
Зачем пожаловал сюда —
а. *Начато*: [Веду] Вед⟨ ⟩
б. Привел я гостя — ах, создатель!..
Вот докто⟨р⟩ Ф. наш приятель —
- 13—14 а. Живой! — Он жив да наш давно —
Простишь ли мне его явленье
Да, да конечно⟨?⟩ все равно
б. Живой! — Он жив да наш давно —
Прости мне сделай одолженье
⟨ ⟩ его явленье
в. Живой! — Он жив да наш давно —
Сегодня ль завтра ль все равно
- 15—18 А а. Однако требовал обычай
б. Обычай требовал однако
в. Обычай требовал снач⟨а⟩ла¹
Соизволенья моего —
Б а. Обычай требовал конечно
б. ⟨ ⟩ однако
Соизволенья моего —
⟨ ⟩ мнение [дв⟨о⟩яко²] двояко
Но впрочем — это — ничего —
В Об этом думают двояко —
Обычай требовал однако
Соизволенья моего —
Но впрочем — это — ничего —
- 19—20 А а. Я рада ⟨ ⟩ — другу —
б. Вы знаете всегда я другу —
Готова оказать услугу — ...
Б Вы знаете всегда мы⟨?⟩ другу —
Я рада оказать услугу — ...
- 21—22 а. *Начато*: Я бью
б. *Начато*: Я бью тузом —
в. Крой козырем — я бью тузом —
з. Я дамой³ Крой — я бью тузом —
Позвольте, козырь — ну пойдем⁴
-
- 23—24 А Какой порядок и молчанье
Б а. Вот наше ⟨ ⟩ изгнанье
б. Так вот детей земных изгнанье
Какой порядок и молчанье
- 25—26 Какой огромный сводов ряд —
а. Где ж наши грешные горят —

¹ В автографе описка: сначала² В автографе описка: двуюко³ Над словами: Я дамой отдельная запись: — Грех⁴ Под стихом фигурная скобка, отмечающая конец фрагмента.

- 27—28 б. Но где же грешников варят —
 а. Все тихо — там гораздо дале —
 б. Все пусто — там гораздо дале —
 в. Здесь пусто — там гораздо дале —
 г. [Все] тихо — там гораздо дале —
 а. ⟨   ⟩ Мы парадной зале
 б. Где мы теперь — в парадной зале¹
-
- 29—32 А Смотри как сует⟨ят⟩ся бесы
 Б Сегодня бал у Сатаны —
 а. Мы все ⟨   ⟩ званы —
 б. На именины мы званы —
 Смотри как эти два бесенка²
 а. *Начато*: Метут
 б. Торопят ⟨   ⟩ поваренка
 в. Усердно жарят поросенка,
 г. На кухн⟨ю⟩³ тащат поросенка,
 В Сегодня бал у Сатаны —
 На именины мы званы —
 ⟨   ⟩
 ⟨   ⟩⁴
- 33—34 А а. Смотри как важно старьй бес
 б. Смотри как важно этот бес
 Б С како⟨ю⟩⁵ важностью другой
 а. Метет ⟨   ⟩ метлой
 б. Во⟨юе⟩т⟨т⟩⁶ ад⟨с⟩кою⁷ метлой
 В И этот — как усердно он —
 Как важно выметает вон —
 Г А этот бес как важен он
 Как чинно выметает вон —
- 35—36 Опилки, серу, пыль и кости —
 Скажи мне скоро ль⁸ будут гости —

¹ Под стихом фигурная скобка, отмечающая конец фрагмента.

² *Начато* и сразу зачеркнуто исправление: [черт⟨енка⟩]

³ В автографе описка: кухню

⁴ Ст. 31—32 были вычеркнуты уже после того, как были записаны ст. 33—36, которые служили их продолжением.

⁵ В автографе описка: какой

⁶ В автографе: Вот

⁷ В автографе описка: адкою

⁸ Слова: скоро ль зачеркнуты и восстановлены; над словом: скоро *начато*: и⟨т⟩

⟨II⟩

Автограф

(ПД 76)

- 1—2   Вот Коцит, вот Ахерон
Вот горящий Флегетон —
- 3—6   *А*   Этот мостик
- Б*   *а.* Докт⟨ор⟩ Фау⟨ст⟩ — — ⟨ ⟩ смелее
          б. Докт⟨ор⟩ Фау⟨ст⟩ — — ну смелее
              Перейдем чрез мост
              Там нам будет веселее
- а.* *Начато:* Там их
          б. Там ⟨ ⟩ [ве] пост
          в. Там великий пост
          г. Сядь ко мне на хвост
- В*   Докт⟨ор⟩ Фау⟨ст⟩ — — ну смелее
              Там нам будет веселее
- а.* *Начато:* [Т] [Т] Чрез волну⟨?⟩
          б. *Начато:* Ч⟨е⟩рез волны⟨?⟩
          в. *Начато:* К нам⟨?⟩
          г. *Начато:* Переправит
          д. *Начато:* Где же мост — которым⟨?⟩
          е. *Начато:* Где же мост — кому⟨?⟩
          ж. *Начато:* Что за мост —
          з. Где же мост — какой тут мост —
              [Нет] На вот сядь ко мне на хвост
- 7—8   *А*   *а.* Кто — ⟨ ⟩ важно марширует —
          б. Кто там важно марширует —
          в. *Начато:* Это кто —
          г. *Начато:* Это
- Б*   Кто идет — солдат —
              Это что — парад —
- 9—10   *а.* Это кто — капрал —
              Прусский генерал —
          б. Вот обер-капрал
              Унтер генерал —
- 11—12 *А*   *а.* Погляди в котле
          б. Что гор⟨ит⟩⟨?⟩ в котле
              Начато: Что кипит¹
- Б*   Что горит во мгле
              Что кипит в котле
- 13—16 *А*   Погляди цари!
              О вари, вари! —
- Б*   ⟨ ⟩ ха ха
              ⟨ ⟩ — уха —

¹ *В* слове: кипит первая буква исправлена из: в

- Погляди цари!
 О вари, вари! —
- В а. Посмотри ха ха
 [Ч] Бес¹ поварен〈ок〉²
- б. Фауст ха ха 〈ха〉
 Посмотри — уха —
- а. Караси цари³ —
- б. Щуки караси
- в. Щуки⁴ 〈   〉 цари —
- г. Караси цари —
 О вари, вари!..

〈III〉

Автограф

(ПД 829, л. 77)

- 1 Скажи какие заклинанья
- 2 а. Начато: Имеют силу
- б. Имеют над тобою власть
- 3—8 — Все хороши: на все призванья
 Готов я как бы с неба пасть —
 Довольно одного желанья —
 Я как догадливый [д] холоп —
 В ладони по-турецки хлоп
 Присвистни, позвони и мигом
- 9 а. Явлюсь — таков уж мой удел
- б. Он тут таков уж мой удел
- в. Он тут 〈   〉
- г. Явлюсь — таков уж мой удел
- д. Явлюсь — что делать — я служу
- 10 а. Мне должно жить под вашим игом —
- б. 〈   〉 жить под вашим игом —
- в. Живу, кряхчу под вашим игом —
- 11 а. 〈   〉 за вами я хожу —
- б. Как д(о)брь(?) 〈   〉 я хожу —
- в. Как няношка хожу — гляжу
- г. И точно дядька 〈   〉 гляжу
- д. И точно дядька я хожу
- е. Как нянька⁵ бедная хожу
- 12 За вами — слушаю, гляжу —

¹ Слово: Бес вписано.² В автографе: поваренъ. Запись, вероятно, обозначает персонажа, который приносит следующую реплику.³ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: цари оставалось незачеркнутым.⁴ Слово: Щуки осталось незачеркнутым.⁵ Первоначально было начато исправление: Как дядька

«ЗАСТУПНИКИ КНУТА И ПЛЕТИ...»

(С. 126)

Автограф
(ПД 835, л. 63)

Первоначальные наброски

- А Начато: Князья
 Б Не позабудем никогда¹
 В а. Начато: О вашем
 б. За ваше² светлое здоровье
 Удар последнего кнута —³

Основной автограф

- 1—4 А Заступники кнута и плети
 а. О благодетели мои
 б. Вы благодетели мои
 в. Вас благодетели мои
 За <   >
 Б Заступники кнута и плети
 а. О знамени<тые><?> кня<зья>
 б. <   > кня<зья>
 а. Жена моя и <   > дети
 б. Моя жена <   > дети
 в. Семья мо<я> жена [и] дети⁴
 г. Все наши женщ<ины><?> [и] дети
 а. Вам благодарны как <и я><?> —
 б. Благодарят вас как <и я><?> —
 в. <   > вас как <и я><?> —
 5—6 А а. Отныне ваше<го><?> до<б>ра<?>
 б. <   > Вам за попеченья<?>
 Б За вас молить я⁵ бога буду
 И никогда⁶ не позабуду
 7—10 А а. Когда <   > делу позовут,
 б. Как для расчета<?> позовут,
 И<?> <   >
 Влепить <   > первый кнут
 Б Как <   > позовут,

¹ Было начато исправление: [Не<?>]² Форма местоимения: вашем исправлена не была.³ Над первоначальными набросками проведена горизонтальная черта, отделяющая их от расположенной над ними записи ст. 1—4.⁴ Начато и сразу зачеркнуто исправление: Все<?> мы<?>⁵ Местоимение: я зачеркнуто, над ним начато и сразу зачеркнуто исправление: [мы]⁶ Слова: И никогда зачеркнуты, над ними начато и сразу зачеркнуто исправление: [О<?>]; затем слова: И никогда восстановлены.

- а. За ваше здравие и славу
 < >
 Влепить мой первый [кнут]
- В Как < > позовут,
 За ваше < >
 < >
- Г Отдарит(?) < > мой первый [кнут]
 Когда < > делу позовут,
 Меня на <нрзб> расправу
 За ваше здравие и славу
 Взлетит(?) мой первый [кнут]

«[СЛОВ(ЕСНОСТЬ) РУССК(АЯ) БОЛЬНА]...»

(С. 127)

Автограф

(ПД 835, л. 64 об.)

- 1—6 А а. *Начато*: Припадками болезней
 б. Припадками болезни женской
 в. Припадками болезней женских
 г. Припадками болезней разных
 Слов(есность) русск(ая) больна,
 < >
 В истерике < > она
- Б а. Слов(есность) русск(ая) больна,
 б. Она припадка(ми)(?) больна,
 в. [Слов(есность) русск(ая)] больна,
 < >
- а. *Начато*: Недавно
 б. *Начато*: В истерике,
 в. < > язык мечтаний
 < >
- а. Ей(?) Каченовский застудил
 б. А Каченовский застудил
 в. Ей Каченовский застудил
 Теченье месячных изданий
- В [Слов(есность) русск(ая) больна,]
 а. Лежит в истериках она
 б. Лежит в истерике она
 И бредит языком мечтаний
 И хладный между тем зоиЛ
 Ей Каченовский застудил¹
 Теченье месячных изданий

¹ Ст. 4—5 были зачеркнуты (за исключением местоимения: Ей в ст. 5), но затем, по-видимому, восстановлены. Штриховка, обозначающая восстановление зачеркнутого, намечена только в начале каждого из этих стихов.

«БЛЕСТИТ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТ...»

(С. 128)

Автограф

(ПД 75)¹

- 1—4 А а. Глядит на тихий сад Гассана
 б. Луна глядит на тихий сад Гассана
 а. Фонтан, журча, бьет ясною дугой
 б. Один фонтан бьет ясною дугой
 Б Луна, луна недвижно море спит
 И тишина и мгла в садах Гассана
 Один фонтан блистает и журчит —
 В Блестит луна недвижно море спит
 а. Приморские молчат сады Гассана
 б. Молчат сады приморские Гассана
 в. Молчат сады прекрасные⟨?⟩ Гассана
 г. Молчат сады роскошные² Гассана
 В тени олив ⟨   ⟩ близ фонтана
 а. Скажите мне ⟨   ⟩ кто там сидит
 б. Скажите мне [*начато нрзб*] ⟨*начато нрзб*⟩ кто там сидит
 Г Блестит луна недвижно море спит
 Молчат сады роскошные Гассана
 а. Но кто же там в тени дерев сидит
 б. Но кто же там во мгле дерев сидит
 На мраморе печального фонтана
 Арап-эвнух Гарема страж седой
 И с ним его товарищ молодой —
 5—6
 7—8 А *Начато*: — Скажи, мой сын,
 Б Не от моих привычных взоров
 Ты скроешь тайную печаль —
 В а. *Начато*: Мизрур, печаль души
 б. Мизрур, следы тоски душевной
 в. Мизрур, ⟨   ⟩ сердечной
 г. ⟨   ⟩, недуг тоски душевной
 Не от меня сокроешь ты,
 9 а. Я вижу ⟨   ⟩ твой шепот гневный
 б. Я вижу все — твой шепот гневный
 в. Я ⟨*нрзб*⟩ твой шепот гневный
 г. Твой мрачный взор твой ропот гневный
 10 Твои свирепые мечты —
 11—14 А Давно, давно — мне все сказали
 Я знаю — жизнь тебе тяжка

¹ На правом поле помета: 22 июля 1825² Пушкин начал исправлять слово: роскошные, заменив букву: р на букву: б (возможно, была намечена замена: б⟨езмолвные⟩), однако исправление не было доведено до конца.

- Ты смерти ждешь <   >
 Мой сын послушай старика
 Б Уже давно мне все сказали
 Я знаю — жизнь тебе тяжка
 а. Но что виной твоей печали —
 б. А что виной твоей печали —
 Мой сын послушай старика

«ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН...»

(С. 129)

Автограф
 (ПД 90)

- 1—4 А Храни меня мой талисман
 а. *Начато*: Во дни печали
 б. Во дни сердечного страданья
 Б Храни меня мой талисман
 а. Во дни печали и¹ гоненья
 б. Храни м<еня> во дни гоненья
 а. Во дни грозы <   > волненья:
 б. Во дни душевного волненья:
 в. И безнадежного волненья:
 г. Отринь<?> <   > волненья:
 д. Храни² <   > волненья:
 е. Во дни раскаянья, волненья:
 Ты в день печали был мне дан —³
 5—8 а. *Начато*: Когда поды<мет>
 б. Когда отве<рзн>ет⁴ океан
 в. Когда поды<мет> океан
 а. Вокруг меня <   > зыбучи
 б. В<округ?>⁵ [меня] валы ревучи
 а. *Начато*: Когда затмится
 б. И надо мной сомкнутся тучи
 в. Когда грозою грянут тучи
 Храни меня мой тали<сман>⁶
 9—12 А а. Когда пленительно в обман —
 б. Когда пленительный обман —
 Б В уединеньи чуждых стран

¹ Союз: и остался незачеркнутым.

² Слово: Храни осталось незачеркнутым.

³ После ст. 4 значок, отмечающий строфическое деление.

⁴ В автографе описка: отвезрет

⁵ В автографе после буквы: В неразборчивая скоропись. Слово: В<округ?> восстанавливается предположительно.

⁶ После ст. 8 значок, отмечающий строфическое деление.

- а. На лоне праздного покоя
 б. На лоне скучного покоя
 а. <   > меж <   > боя
 б. В народов <   > в вихре боя
 в. В огне¹ в кровавом вихре боя
 г. В тревоге пламенного боя
 Храни меня мой талисман²
- 13—16 а. Надежды сладостный обман
 б. Священный сладостный обман
 а. Любовь, любовь — мое светило...
 б. Души волшебное светило...
 а. *Начато*: Потухло —
 б. *Начато*: Тебя
 в. <   > ты скрылось³ изменило...
 г. Ты <   > сокрылось изменило...
 д. Потухло скрылось изменило...
 е. Оно с<о>крылось⁴ изменило...
 Храни меня <мой>⁵ талисман⁶
- 17—20 а. <   > — сердечных ран
 б. <   > вовек сердечных ран
 в. Пускай же ввек⁷ сердечных ран
 г. Пускай⁸ вовек сердечных ран
 Не растравит воспоминанье
 а. Засни Надежда спи желанье
 б. <   > Надежда <   > желанье
 в. [Про] Прощай Надежда спи желанье
 Храни меня мой тал<исман>⁹
- 21—22 а. Как сон, как утренний туман
 б. Как дым, как утренний туман
 в. Как утром<?> <   > сошел туман
 г. С лугов <   > туман
 д. <Как> сон, как <утренний>¹⁰ туман
 а. Любви сокрылось сновиденье
 б. <   >виденье

¹ Слова: В огне остались незачеркнутыми.

² После ст. 12 значок, отмечающий строфическое деление.

³ Слово: скрылось осталось незачеркнутым.

⁴ Форма слова: скрылось исправлена не была.

⁵ В автографе местоимение: мой пропущено.

⁶ После ст. 16 значок, отмечающий строфическое деление.

⁷ Форма слова: ввек исправлена не была.

⁸ Записанные раньше слова: Пускай же зачеркнуты не были; слово: пускай записано еще раз.

⁹ После ст. 20 значок, отмечающий строфическое деление.

¹⁰ Восстановление варианта «а» отмечено знаком подчеркивания, при этом слова: как и утренний остались неподчеркнутыми — возможно, по небрежности.

〈ИЗ ВОЛЬТЕРА〉

(«Короче дни, а ночи доле...»)

(С. 130)

Автограф

(ПД 68)

- 1—10 А Зима! короче стали дни
 А вечера гораздо доле
 а. Начато: И солнце
 б. 〈   〉 в поле〈?〉
 Нам свет〈ит〉
- Б Зима! 〈   〉 короче
 а. 〈   〉 ночи
 б. 〈   〉 бесконечны ночи
 Все небо 〈   〉
- В Короче дни а ночи доле
 И солнце будто поневоле
 Нам светит 〈   〉
 〈   〉
 Пока не подали 〈   〉 кушать
 Хотите ли друзья послушать
 а. Старинну повесть [про〈шлых〉] дней
 б. Старинну повесть славных дней
 Про рыцаря 〈   〉 Роберта
 Что жил во время Дагоберта
- Г Короче дни а ночи доле
 И солнце будто поневоле
 а. Нам светит; скучны вечера
 б. Нам светит; 〈   〉 вечера
 Настала скучная пора
 Пока не подали 〈   〉 кушать
 Хотите ли друзья послушать
 Старинну повесть славных дней
 Про рыцаря 〈   〉 Роберта
 Что жил во время Дагоберта
- Д Короче дни а ночи доле
 а. Настала зимняя пора
 б. Настала скучная пора
 в. 〈   〉 пора
 И солнце будто поневоле
 Глядит на убранное поле
 Что делать 〈в〉 зимни вечера
 Пока не подали 〈   〉 кушать
 Хотите ли теперь послушать
 а. Друзья почтенные мои

6. Мои почтен(ые) друзья
 Рассказ про доброго Роберта
 Что жил во время Дагоберта¹
- 11—14 А Из Рима ехал он домой
 Имея очень мало денег —
 Но был умен хорош собой
 Разумен хоть и молодец
- Б Из Рима ехал он домой
 Имея очень² мало денег³ —
 [На(ш) >(?)>] Сей рыцарь был хорош собой
 Разумен хоть и молодец⁴
- 15 Начато: В то время деньги⁵
- 16—18⁶ а. Начато: И чтобы
 б. И дабы впредь не смел чудесить
 а. Начато: Поймать
 б. Поймавши истинно повесить
 И живота весьма лишить

«Я ЗНАЮ КРАЙ: ТАМ НА БРЕГА...»

(С. 131)

Автограф

(ПД 91)

- 1—5 А а. Я знаю край: там вечных волн
 б. Я помню край: там волн седых
- Б Я помню край: там < > [спит] спит
 а. У берегов седая пена
 б. На берегах седая пена
 С утесов < > мох висит —
- В Я знаю край: там на брега
 Седая пена вечно плещет⁷ —
 Там опаленные луга
 а. Там солнце⁸ < > блещет
 б. Безоблачно там солнце блещет
- Г Я знаю край: на берега
 Седое море вечно плещет —

¹ Ст. 10 отделен от последующего текста горизонтальным штрихом. Ниже записаны ст. 16—18.

² Слово: очень зачеркнуто и восстановлено.

³ Ст. 12 справа выделен круглой скобкой. Возможно, Пушкин задумывал перестановку стихов, оставшуюся, однако, неосуществленной.

⁴ Ст. 14 отделен от ст. 15 горизонтальным штрихом.

⁵ Ст. 15 отделен от следующих записей на этом листе горизонтальным штрихом.

⁶ Ст. 16—18 записаны после ст. 10, от которого отделены горизонтальным штрихом.

⁷ Слово: плещет исправлено из: блещет

⁸ Слово: солнце по ошибке записано дважды.

- а. Там редко стелют⟨ся⟩ снега
 б. Там редко падают снега
 в. На ⟨   ⟩ падают снега
 з. Там редко падают снега
 На опаленные луга
 Безоблачно там солнце блещет
 Д Я знаю край: там на берега¹
 Уединенно море плещет —
 Там редко падают снега²
 Безоблачно там солнце блещет
 На опаленные луга —
- 6—7 А а. *Начато*: Там нет ⟨   ⟩ — там
 б. *Начато*: Там нет ⟨*начато нрзб*⟩ — там
 в. *Начато*: Там тени нет — там
 з. *Начато*: Там нет тен⟨ей⟩⟨?⟩ — там
 д. *Начато*: Там нет —
 е. *Начато*: Там тени нет —
- Б а. *Начато*: Та⟨м⟩
 б. *Начато*: Дубрав там
 в. Дубрав не видно — степь нагая
 Над морем стелется одна

«ПОД КАКИМ СОЗВЕЗДИЕМ...»

(С. 132)

Автограф

(ПД 81)

- 1—3 А Под каким созвездием
 Ты родился юноша,
 Б Под каким созвездием
 а. *Начато*: Под какой ⟨*начато нрзб*⟩
 б. Под какой планетой
 Ты родился юноша,
 4—6 А а. *Начато*: Под звездой
 б. Звездочка ль Кипридина
 Золотая ль звездочка
 Али Марса яркого³
 Аль
 Б Под златой ли звездочкой
 Звездочкой Меркурия

¹ Восстанавливая вычеркнутое на более раннем этапе слово: там, Пушкин записал над верхней строчкой автографа: там на б⟨берега⟩⟨?⟩, хотя слова: на берега, записанные при создании варианта В (и затем исправленные на: берега), не были вычеркнуты.

² Стих был вычеркнут, затем восстановлен, по-видимому, целиком (знак восстановления поставлен только под словами: Там редко).

³ Этот вариант стиха остался незачеркнутым.

- Аль звездой Киприд(ин)ой
Или¹ звездой Марсовой
- В Под [звездой] звездой² ли тих(ою)
Ближнего Меркурия
Аль Сатурна³ дального
- Г Ближнего Меркурия
Аль Сатурна дального
Марсовой, Кипридиной⁴
- Д Марса аль Мерку(рия)
Аль Сатурна дального
Аль ( ) тих(ою)⁵
- 7—11 а. Нет родился юноша
б. Уродился юноша
а. Под звездой безвестной
б. Под звездой безвестной
Под звездой⁶ падучей —
Миг один блеснувшей —
а. *Начато*: В ти(шине)²
б. В ( ) небес
в. В синеве небес
з. В тем(н)о(т)е(?)⁷ небес
д. В тишине небес⁸

«QUAND AU FRONT DU CONVIVE, AU BEAU SEIN DE DELIE...»

(С. 133)

Автограф
(ПД 835, л. 56 об.)

- А а. ( ) leurs mânes embaumés
б. Aux champs Elysées ses mânes embaumés
в. Aux riv(es) [Elysées] ses manes parfumés
а. *Начато*: Ench(antent) [du] du Lethé
б. Charment du vieux Lethé les bords inanités
в. Charment du doux Lethé les bords inanités

¹ Исправлено из первоначального: Али. В ходе дальнейшей работы союз: Или остался незначеркнутым.

² В ходе дальнейшей работы слова: Под звездой остались незначеркнутыми.

³ В автографе описка: Сутарна

⁴ Незачеркнутый вариант. После ст. 6 фигурной скобкой отмечен либо конец строфы, либо конец текста.

⁵ Незачеркнутый вариант.

⁶ Вероятно, записано по ошибке, вместо: звездой (ср. ст. 8, где форма слова: звездою исправлена на: звездой).

⁷ Слово: тем(н)о(т)е(?) осталось незначеркнутым.

⁸ Под текстом фигурная скобка — знак концовки.

- z. Charment du vieux Lethé les bords inanimés¹
- Б а. *Начато*: Quand la
 б. *Начато*: Quand au sein
 в. *Начато*: Quand ( ) au doux
 z. *Начато*: Quand ( ) de la coupe
 д. Quand ( ) au doux sein de Délie
 а. La rose ( ) a term(in)é sa vie
 б. La rose s'exhalant² a term(in)é sa vie
 в. La rose (éb)louissante(?) a term(in)é sa vie
 а. *Начато*: Soudain —³
 б. [Soudain] Soudain, se détachant de sa ( ) tige⁴
 а. *Начато*: Son âme ( ) se détache et
 б. Son âme dans les airs ( ) et voltige
- В Quand ( ) au doux sein de Délie
 La rose (éb)louissante(?) a term(in)é sa vie
 Son âme dans les airs ( ) et voltige
 а. *Начато*: Soudain de s( )
 б. ( ) se⁵ détachant de la tige
- Г Quand ( ) au doux sein de Délie
 La rose (éb)louissante(?) a term(in)é sa vie
 Soudain, [se détachant] de sa tige natale
 а. Son âme ( ) et s'exhale
 б. Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale
- Д⁶ а. *Начато*: [S] Quand⁷ sur le front
 б. Quand ( ) au beau sein de Dé(lie)
 в. Quand au front du convive au beau sein de Dé(lie)
 La rose (éb)louissante(?) a term(in)é sa vie⁸
 Soudain, [se détachant] de sa tige natale

¹ В ходе дальнейшей работы над стихотворением первые два стиха варианта А оставались незачеркнутыми и в конце концов, по всей видимости, в несколько переработанном виде заняли место ст. 5—6 (см. вариант Д).

² Выше на левом поле записано: fleurissante (цветущая — фр.) — возможно, предпологавшаяся замена слов: s'exhalant (испаряясь — фр.).

³ Записав начало стиха: Soudain (Вдруг — фр.) (запись осталась незачеркнутой), Пушкин сделал отступ и написал слово: Quand (Когда — фр.), вероятно намереваясь записать в переработанном виде первые два стиха варианта Б. Однако вместо этого, зачеркнув слово: Quand, он вернулся к работе над третьим стихом.

⁴ При записи варианта В стих: Soudain, se détachant de sa ( ) tige (Вдруг, оторвавшись от своего ( ) стебля — фр.) оставался незачеркнутым.

⁵ Возвратное местоимение: se осталось незачеркнутым.

⁶ Перестановка стихов: Aux riv(es) [Elysées] ses mânes embaumés / Vont charmer du Lethé les bords inanimés (У берег(ов) [Элизейских] ее благоуханные тени / Зачаруют безжизненные берега Леты — фр.), с которых началась работа над стихотворением (см. вариант А), в автографе графически не отмечена; она определяется гипотетически.

⁷ При записи варианта б. слово: Quand оставалось незачеркнутым, но было записано еще раз.

⁸ Этот стих не был записан заново, однако по смыслу и по рифме вполне очевидно, что он должен был следовать за переработанным стихом: Quand au front du convive au beau sein de Dé(lie) (Когда на челе пирующего на прекрасной груди Де(лии) — фр.).

Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale
Aux riv(es) [Elysées] ses mânes parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés¹

«ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДА(Ю)Т...»

(С. 134)

Автограф

(ПД 835, л. 56 об.)

- 1—8 А А(м)врозией дыша
а. В Эл(изий) отлетает

¹Перевод вариантов:

- А а. < > их благоуханные тени
б. На полях Элизейских ее благоуханные тени
в. У берег(ов) [Элизейских] ее благоуханные тени
а. *Начато:* Зачар(овывают) Леты
б. Чаруют древней Леты безжизненные берега
в. Чаруют тихой Леты безжизненные берега
г. Чаруют древней Леты безжизненные берега
- Б а. *Начато:* Когда
б. *Начато:* Когда на груди
в. *Начато:* Когда < > на нежной
г. *Начато:* Когда < > от чаши
д. Когда < > на нежной груди Делии
а. Роза < > кон(ч)ила жизнь свою
б. Роза испаряясь кон(ч)ила жизнь свою
в. <Осле>пительная(?) роза кон(ч)ила жизнь свою
а. *Начато:* Вдруг
б. [Вдруг] Вдруг, оторвавшись от своего < > стебля
а. *Начато:* Ее душа < > отрывается и
б. Ее душа в небеса < > и отлетает
- В а. Когда < > на нежной груди Делии
<Осле>пительная(?) роза кон(ч)ила жизнь свою
Ее душа в небеса < > и отлетает
а. *Начато:* Вдруг, от
б. < > оторвавшись от своего стебля
- Г а. Когда < > на нежной груди Делии
<Осле>пительная(?) роза кон(ч)ила жизнь свою
Вдруг, [оторвавшись] от родного стебля
а. Ее душа < > и испаряется
б. Как легкий вздох ее нежная душа испаряется
- Д а. *Начато:* Когда на челе
б. Когда < > на прекрасной груди Делии
в. Когда на челе пирующего на прекрасной груди Делии
<Осле>пительная(?) роза кон(ч)ила жизнь свою
Вдруг, [оторвавшись] от родного стебля
Как легкий вздох ее нежная душа испаряется
У берег(ов) [Элизейских] ее благоуханные тени
Зачаруют безжизненные берега Леты

- б. [В Эл<изий>]¹ улетает
Их легкая душа
И там где волны сонны
- а. Забвением текут
б. Забвение несут²
а. *Начато*: Венчают речку
б. *Начато*: Венчают воды
в. Их тени благовонны
- а. В Элизии цветут —³
б. Над Летою цветут —
- Б а. *Начато*: Лишь роза
б. *Начато*: Цветочек
в. Лишь роза отцвет<ает>
г. Лишь роза увядает⁴
д. Лишь розы увяда<ю>т⁵
А<м>врозией дыша
[В Эл<изий>] улетает
[Их легкая] душа
И там где волны сонны
Забвение несут
Их тени благовонны
Над Летою цветут —⁶

«В ПЕЩЕРЕ ТАЙНОЙ(?) В ДЕНЬ ГОНЕНИЯ...»

(С. 135)

Автограф
(ПД 835, л. 68 об.)

1—2 А < > во дни го<нения><?>
Читал таинств<енный> Коран —

¹ Возможно, слова: в Эл<изий> были зачеркнуты при записи первоначального варианта ст. 8: В Элизии цветут — и лишь по недосмотру не восстановлены при замене его вариантом: Над Летою цветут

² По-видимому, после записи этого стиха на левом поле листа были записаны отдельные наброски:

- а. [На лоне<?>]
б. [На лоне красоты]
в. [Над чашею]

³ Дальнейшая работа над стихотворением велась более тонким пером и более темными чернилами.

⁴ Слово: увядает зачеркнуто и записано еще раз.

⁵ Форма слова: увядает исправлена не была.

⁶ Далее была начата переработка начальных стихов:

- Как ро<за> увядает
а. *Начато*: И
б. Тогда ее душ<а>

Такая переработка требовала внесения изменений в последующий текст, однако эти изменения не были сделаны.

- Б а. Перед лампадой в ночь гоненья
 б. Я пред лампадой в ночь гоненья
 в. У берега вод я¹ в день гоненья
 г. В пещере тайной⟨?⟩ в день гоненья
 Читал я сладостный Коран —
- 3—4 а. Начато: И горный дух
 б. И светлый Ангел Утешенья
 в. Внезапно Ангел Утешенья
 а. Принес мне тайный талисман —
 б. Влетев принес мне талисман —
 в. Принес мне ⟨   ⟩ талисман —
 г. Влетев принес мне талисман —²
- 5—8 А Его³ таинственную силу
 С тех
 Б Его таинственная сила
 ⟨   ⟩
 а. Начато: На
 б. Слова Корана начертила
 в. Слова пророка начертила
 г. Слова святые начертила
 На нем безвестная рука —

«НА НЕБЕСАХ ПЕЧАЛЬНАЯ ЛУНА...»

(С. 136)

Автограф
 (ПД 835, л. 68 об.)

- 1—2 А а. Начато: Тебя любить!
 б. ⟨   ⟩ холодную луну
 в. Видали ль вы холодную луну
 г. Начато: Видали ль вы что
 д. Начато: Видали ль вы как
 е. Видали ль вы на небе ясном⟨?⟩
 а. Начато: Полу⟨   ⟩
 б. Пред утром ⟨   ⟩ луны
 в. ⟨   ⟩ ущербную лун⟨у⟩⁴
 г. Уже ущербную лун⟨у⟩
 д. Уже⁵ ущербная⟨?⟩⁶ луны
 Б а. Начато: Когда по утрам
 б. Видали ль вы закат луны

¹ Местоимение: я осталось незачеркнутым.

² После ст. 4 поставлен значок, отмечающий строфическое деление.

³ Слово: Его исправлено из записанного, вероятно, по ошибке: Ее

⁴ Форма слова: луны исправлена не была.

⁵ Слово: Уже осталось незачеркнутым.

⁶ По-видимому, первоначально было начато исправление: ущербная

- в. Видали ль вы когда луна
 В а. *Начато:* Видали ль вы как месяца⟨?⟩
 б. Видали ль вы как бледная луна
 в. Видали ль вы как¹ томная луна
 г. На небесах когда ⟨ ⟩ луна
 д. На небесах печальная луна
 а. *Начато:* Встречает
 б. Встречает⟨ся⟩² с восходом солнца ясным
 в. Встречает⟨ся⟩ с [пыл⟨ающей?⟩] румяною зарею
 г. Встречается с веселою [зарею]
- 3—6 А а. Одна горит, другая холодна
 б. Заря горит, другая холодна
 в. *Начато:* Заря горит, румянясь⟨?⟩ и⟨?⟩
Начато: Час от ⟨часу⟩ блед⟨ ⟩
 Б *Начато:* Заря горит, луна бледна
 В ⟨ ⟩
 Заря блестит невестой мо⟨ло⟩до⟨ю⟩³
 Как мертвая, бледна ⟨ ⟩
 Так встретился, Эль⟨в⟩ина⁴ я с тобою
- Г а. Заря горит другая холодна
 б. Одна горит другая холодна
 Заря блестит невестой мо⟨ло⟩до⟨ю⟩
 Луна [пре] пред ⟨ней⟩ как мертвая, бледна
 Так встретился, Эль⟨в⟩ина я с тобою

«ЕДВА УСТА КРАСНОРЕЧИВЫ...»

(С. 137)

Автограф
 (ПД 836, л. 17)

- 1—2 а. Его уста красноречивы
 Едва тебя коснулись — вмиг
 б. Едва уста красноречивы
 Тебя коснулись — и вмиг
- 3—4 Его ума огонь игривый
 В тебя таинственно проник⁵
- 5—6 Кристалл, поэтом обновленный
 а. *Начато:* Укрась
 б. ⟨ ⟩ дар ⟨ ⟩
 в. *Начато:* Мою
 г. Укрась мой мирн⟨ы⟩й уголок

¹ Слово: как осталось незачеркнутым.² Форма слова: Встречает осталась неисправленной.³ В автографе описка: модой⁴ В автографе описка: Эльмина⁵ После ст. 4 штрих, отмечающий строфическое деление.

- 7—8 а. < >
И дружбы сладост(н)ый залог —
б. Залог поэзии священной
И дружбы сладост(н)ый залог —¹
- 9 а. В тебе сокрыт огонь целебный
б. В тебе таится жар целебный²

«ИВАН-ЦАРЕВИЧ ПО ЛЕСАМ...»

(С. 138)

Автограф
(ПД 835, л. 40)

- 1—3 а. Царевич едет на коне,
б. Иван-царевич, на коне,
< > тешился охотой
в. Иван-царевич < >
Охотой тешился <в> лесах
г. Иван-царевич раз весною
Охотой тешился лесною
д. Иван-царевич раз весною
Охотой тешился в лесу
< >
Травили ста(е)ю(?)³ лису
е. Иван-царевич раз весною
Охотой тешился в лесу
[Они] Его < >
Травили ста(е)ю(?) лису
ж. Иван-царевич по лесам
По < > холмам
За бурым волком раз гонялся —
з. Иван-царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся —

¹ После ст. 8 значок, отмечающий строфическое деление.

² Нижняя часть листа, на которой было записано продолжение текста, отрезана после смерти Пушкина.

³ В автографе описка: стаю(?).

«[ТАК] НА <НРЭБ> ЕЕ СЛЕЗАМ<И><?>...»

(С. 138)

Автограф

(ПД 835, л. 51)

- 1 а. Так на <нрзб> слезам<и><?>
 б. <   > на <нрзб> ее слезам<и><?>
- 2 Пылая, капает¹ сургуч²

«[ВКУС ВЕРНЫЙ, ОСТРЫЙ УМ И НРАВОВ ЧИСТОТА]...»

(С. 138)

Автограф

(ПД 835, л. 51)

- А а. Вкус верный тонкий ум и мыслей чистоту
 б. Вкус тонкий острый ум и нравов чистота
 в. Вкус верный острый ум и нравов чистота
 Для
- Б Вычеркнуто.³

«СКАЖИ МНЕ, НОЧЬ, ЗАЧЕМ ТВОЙ ТИХИЙ МРАК...»

(С. 138)

Автограф

(ПД 835, л. 56 об.)

- 1 а. Скажи мне ночь зачем твой мрак
 б. Скажи мне ночь зачем твой тихий мрак
- 2 а. Начато: Мне радостней
 б. Начато: <   > радостней
 в. Начато: Мне радостней

¹ Исправлено из записанного, вероятно, по ошибке слова: капая² Под ст. 2 проведена горизонтальная черта.³ Записанное над строкой слово: острый осталось невычеркнутым.

«ОН ВЕЖЛИВ [БЫЛ] В ИН(ЫХ) ПРИХОЖИХ...»

(С. 138)

Автограф

(ПД 835, л. 57)

- 1 а. *Начато:* Мне был¹
 б. *Начато:* Он был
 в. Он вежлив < > в иных
 з. Он вежлив < > в иной пер<едней?²
 д. Хотя вежлив был в ин<ых>² прихожих
 е. Он вежлив [был] в ин<ых> прихожих
- 2 а. Но у себя < > горд —
 б. Но у себя несносно горд —
 в. Но у себя отменно горд —
 з. Но дома скучен, сух и горд —

К(ЮХЕЛЬБЕКЕРУ)

(«Да сохранит тебя твой добрый Гений...»)

(С. 139)

Автограф

(ПД 835, л. 59)

Заглавие

К х л б к р

- 1 а. Да сохранит тебя твой добрый Гений
 б. Да радуется тебе твой добрый Гений
 в. Да сохранит тебя твой добрый Гений
- 2 а. *Начато:* В не< >
 б. < > тишине
 в. Да пр< > < > в³ < > тишине
 з. *Начато:* Под бурями
 д. *Начато:* И в бурях
 е. И под < > и в т<ишине><?>

¹ Запись осталась незачеркнутой.² Первоначальная форма слова: иных восстановлена не была.³ Предлог: в остался незачеркнутым.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АН(НЫ) ЛЬВ(ОВНЫ)

(«Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...»)

(С. 140)

*Другая редакция**(текст БЭ)*

ЭЛЕГИЯ НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ

Ах, тетушка! ах, Анна Львовна,
 Василья Львовича сестра!
 Ты к матушке была любовна,
 Ты к батюшке была добра;
 Тебя Матвей Михайлыч кровный
 Встречал всегда среди двора;
 Тебя Елизавета Львовна
 Любила больше серебра!
 Давно ли с Ольгою Сергевной,
 10 Со Львом Сергеичем давно ль,
 Назло самой судьбине гневной
 Делила ты и хлеб, и соль?
 Но вот уже Василий Львович
 Стихами гроб твой окропил!
 Зачем стихи его попович —
 П(одлец) К(расов)ский пропустил?

*Разночтения копий Алм, Усп₁, Нейш₁, Урус, Карт, Дол₂, Долг,
 Нейш₃, Г₁, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Г₂, Гв, Г₃(1), Г₃(2), Ал, Врев,
 Даш, N₁, N₂, Е, Павл и публикаций Кав, ПЭ, Герб с текстом БЭ¹*

<i>Заглавие</i> Отсутствует	<i>Алм, Усп₁, N₂, Павл, Кав</i>
<i>Заглавие</i> На смерть тетки	<i>Нейш₁</i>
<i>Заглавие</i> Элегия на смерть тетушки	<i>Урус</i>
<i>Заглавие</i> Элегия	<i>Карт</i>
<i>Заглавие</i> На смерть Анны Львовны Пушкиной	<i>Дол₂, Долг, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂</i>
<i>Заглавие</i> Эпиграмма	<i>Нейш₃</i>

¹ Нумерация стихов по тексту БЭ. В копии Г₁ заглавие, ст. 1—3 и конец ст. 4 утрачены (были записаны на оторванной части листа); в копиях Карт, N₁ и N₂ ст. 5—8 следуют в том же порядке, что и в редакции автографа; в копии Врев первоначально пропущенные ст. 9—12 вписаны на полях; в копии N₂ ст. 9 и 10, а также ст. 11 и 12 поменяны местами; в копии Лон—Полт ст. 10—12 следуют в обратном порядке; в копиях Алм, Дол₂, Долг, Тих, Бар и Полт₂ ст. 11 пропущен, а в копиях Тих, Бар и Полт₂ ст. 10 следует после ст. 12; в копиях Г₃(1) и Г₃(2) последнее слово в ст. 15 и целиком ст. 16 заменены опточиями.

Заглавие	На кончину А. Л. Пушкиной	Γ_2
Заглавие	На кончину тетушки Анны Львовны	$\Gamma_3(1)$
Заглавие	На смерть А. Л. Пушкиной	Ал
Заглавие	На смерть А. Л.	Врев
Заглавие	Элегия. На кончину тетушки	Даш
Заглавие	На смерть тетушки Анны Львовны	$N_1, РПЛ$
Заглавие	На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной	ПЗ
3	Ты с матушкой была любовна,	Ал
3—4	Ты к батюшке была любовна Ты к матушке была добра	$Усп_1, N_2$
3—4	Ты к батюшке была любовна, А к матушке была добра!	Павл
3—4	Ты к папеньке была любовна, Ты к маменьке была добра	Нейш ₁ , Дол ₂ , Дол ₁ ¹ Нейш ₃ , Тих, Бар, Лон— Полт, Полт ₂ , $\Gamma_2, \Gamma_3(1)$, Кав, ПЗ, РПЛ
3—4	Ты к папинеке была любовна И к маминеке была добра	Карт
3—4	Ты к маминеке была любовна Ты к папинеке была добра	Врев, ² N_1
4	Ты к маминеке была < >	Γ_1
6	Всегда встречал среди двора;	Врев, ³ Γ_1 , Кав, Павл
6	Встречал бывало средь двора,	Ал
6	Всегда встречал середь двора	РПЛ
7—8	Сестрицы Лизаветы Львовны Ты украшала вечера,	Карт
8	Любила паче серебра!	Урус
8	Любила пуще серебра	N_1
8	Ценила больше серебра...	Павл
11	На зло своей судьбине гневной	$Усп_1, \Gamma_1$
11	На зло самой судьбине злобной	Нейш ₁ ⁴
11	Как бы на зло судьбине гневной	Урус, Карт, Павл
11	Вотще самой судьбине злобной	Нейш ₃
11	В упрек самой судьбине гневной	Γ_2
11	Как бы на зло судьбине злобной,	N_1
11	На зло [самой] судьбине гневной	Кав
11	На зло судьбине самой гневной —	ПЗ
13	Но что ж уже Василий Львович	Урус
13	И что ж? — уже Василий Львович	Карт, Дол ₂
13	А нынче сам Василий Львович	Γ_1
13	Но что ж? уже Василий Львович	N_1

¹ В копии Долг позднее исправлено как в тексте БЭ.

² В копии Врев позднее исправлено как в тексте БЭ.

³ В копии Врев позднее исправлено как в тексте БЭ.

⁴ В копии Нейш₁ исправлено как в тексте БЭ.

13	Но «вот» уже Василий Львович	Павл
14	Твой гроб стихами испестрил	Усп ₁
14	Твой гроб стихами... омочил	Урус
14	Твой гроб стихами омочил.	Карт, N ₁ , N ₂
14	Твой гроб стихами окропил	Г ₁ , Врев ¹
14	Слезами гроб твой окропил	Е
15	Ах! для чего же их попович	Г ₁ , Врев ²
15	На что ж его стихи попович	Урус
15	— Зачем в цензуре их попович,	Карт
15	Зачем стишки его попович,	Тих, Бар, Полт ₂
15	Зачем его стихи попович	N ₁ , Е
15	Почто стихи его попович	Павл
16	Подлец Красовский пропустил?	Алм, Усп ₁ , Нейш ₁ , Урус, Карт, Дол ₂ , Долг, Нейш ₃ , Г ₁ , Тих, Бар, Лон—Полт, Полт ₂ , Гв, Г ₃ (1), Г ₃ (2), Ал, Врев, Даш, N ₁ , N ₂ , Е, Кав, Павл
16	Глупец Красовский пропустил.	Г ₂
16	Дурак Красовский пропустил?	ПЗ, Герб, РПЛ

DUBIA

«ТИМКОВСКИЙ ЦАРСТВОВАЛ — И ВСЕ ТВЕРДИЛИ ВСЛУХ...»

(С. 144)

Разночтения копий Гаев₁, Е и публикаций Щук₄, Герб, РПЛ

2	Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух	Гаев ₁ , Щук ₄ , Герб
2	Едва ли отыскать ослов подобных двух ³	Е
4	Ну, право, их умней покойник был Тимковский	РПЛ

¹ В копии Врев исправлено как в тексте БЗ.² В копии Врев исправлено как в тексте БЗ.³ Исправлено как в тексте.

КОММЕНТАРИИ

М. Н. Виролайнен

ЛИРИКА ПУШКИНА В ПЕРИОД МИХАЙЛОВСКОЙ ССЫЛКИ

1

Михайловская ссылка стала для Пушкина временем достижения творческой зрелости, что он прекрасно осознавал: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить», — писал он Н. Н. Раевскому-младшему в июле 1825 г.¹

Пушкин приехал в Михайловское 9 августа 1824 г. Южная ссылка с ее обилием впечатлений сменилась уединенной жизнью в родительском поместье. Состоявшаяся здесь встреча с родными не могла стать настоящим утешением. Вскоре после приезда произошла крупная ссора с отцом, который согласился принять оскорбительную для поэта обязанность надзора за сыном. Сергей Львович всерьез опасался, что опала распространится на всю семью, а вольнодумство Александра окажет нежелательное влияние на его брата и сестру, с которыми у поэта установились самые теплые доверительные отношения. После того как в ноябре 1824 г. семья разъехалась из Михайловского, Лев Сергеевич взял на себя и бытовые, и литературные хлопоты по связям ссыльного брата со столичным миром.

Почти два года, с осени 1824 г. по начало сентября 1826 г., постоянное общество Пушкина составляли лишь старая няня Арина Родионовна и семейство Осиповых—Вульф, чье имение Тригорское располагалось в двух верстах от Михайловского. Прасковья Александровна Осипова жила в Тригорском круглый год вместе с тремя дочерьми: Анной Николаевной и Евпраксией Николаевной Вульф (от первого брака) и Марией Ивановной Осиповой (от второго брака), а также дочерью ее второго мужа Александрой Ивановной Осиповой. Наездами в Тригорском бывал и сын Прасковьи Александровны, в то время дерптский студент Алексей Николаевич Вульф, с которым у Пушкина сразу по приезде, в августе 1824 г. сложились дружеские отношения. Что же касается женского общества Тригорского, то Пушкина приняли здесь как кумира, как самого желанного гостя, а затем и близкого друга. Здесь живо интересовались литературой, музицировали, веселились и флиртовали. Уже после смерти Пушкина в письме от 29 сентября 1837 г. Евпрак-

---

¹ Акад. Т. 13. С. 198, 542 (оригинал по-фр.).

сия Николаевна признавалась А. Н. Вульфу, что была увлечена Пушкиным, так же как Анна и Александра: «Наш приятель умел занять чувство у трех сестер...».² Сердечное смятение довелось пережить и самому поэту, когда летом 1825 г. к Прасковье Александровне приехала погостить ее племянница Анна Петровна Керн. Следующим летом в Тригорском появился еще один гость, приезда которого Пушкин ждал с самого своего прибытия в Михайловское. Это был поэт Н. М. Языков, товарищ Алексея Вульфа по Дерптскому университету. Случались у Пушкина и собственные редкие посетители. 11 января 1825 г. в Михайловское приехал его лицейский друг И. И. Пущин, он привез последние политические и литературные новости. Сутки, проведенные вместе, прошли за разговорами, чтением только что появившейся комедии Грибоедова «Горе от ума», обсуждением политических событий. В апреле того же года приехал другой долгожданный гость, А. А. Дельвиг. И еще одна встреча с лицейским товарищем — А. М. Горчаковым, гостившим неподалеку от Михайловского в имении родственников, — состоялась в сентябре 1825 г. Очерченным кругом лиц почти исчерпывается близкое окружение Пушкина в период михайловской ссылки. И всем, кто здесь перечислен, посвящены строки его стихов.

В Тригорском имелась прекрасная библиотека, которой пользовался Пушкин. Ее начал собирать отец П. А. Осиповой А. М. Вындомский, пополняла ее и сама Прасковья Александровна.³ В Михайловское доставлялись столичные журналы; просьбы о присылке тех или иных книг и сообщения об их получении то и дело появлялись в письмах поэта. Таким образом, Пушкин, хотя и лишенный непосредственного участия в литературной жизни, не был вовсе от нее оторван, тем более что известия о ней он получал и из писем П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. А. Бестужева, К. Ф. Рыльева, П. А. Плетнева, А. А. Дельвига, Л. С. Пушкина.

Неволя и вынужденная изоляция томили Пушкина. Еще на Юге он начал вынашивать планы побега за границу. В Михайловском, особенно после ссоры с отцом, он вновь принялся обдумывать эти планы. Теперь в них были посвящены П. А. Осипова, А. Н. Вульф и брат. Слухи о намерениях поэта дошли и до его друзей, тревога о том, что он решится на необдуманный самовольный поступок, звучит в письмах Жуковского и Вяземского. Попытки вырваться из Михайловского, хотя бы под предлогом болезни, успехом, однако, не увенчались. Согласно известному преданию, по всей видимости восходящему к самому Пушкину, накануне декабрьских событий 1825 г. он отправился было в Петербург, но дурная примета заставила его вернуться. Известия о восстании он получил в первых числах января 1826 г. и напряженно ждал сообщений о судьбе участников и своей собственной. 24 июля он узнал о пятерых повешенных. 4 сентября в Михайловское явился фельдъегерь с приказом доставить поэта в Москву, где проходили коронационные торжества. Так закончилась ссылка Пушкина.

² Гофман М. Из Вревского архива // Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 413.

³ Описание сохранившихся к началу XX в. книг из библиотеки Тригорского см.: Модзалевский Б. Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 году. Приложение I: Каталог библиотеки села Тригорского // Там же. Вып. 1. С. 19—52.

2

В Тригорском Пушкина не случайно встретили с восхищением: литературная репутация автора «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана»⁴ была уже очень высока. С Юга Пушкин вез новую начатую поэму — «Цыганы». Она дописывалась и отделялась в Михайловском, особенно интенсивно в октябре 1824 г., однако ее полный текст увидел свет лишь в 1827 г.⁵ Другим крупным произведением, начатым на Юге и продолженным в Михайловском, стал «Евгений Онегин». К моменту выезда из Одессы две главы романа в стихах были уже готовы, третья близилась к завершению и была дописана в Михайловском 2 октября. Сразу после этого Пушкин занялся «Цыганами», а в конце октября приступил к четвертой главе «Онегина»; работа над ней затянулась до начала января 1826 г., затем была начата глава пятая и вскоре, параллельно с ней, — шестая. Обе главы были закончены уже в Москве, в конце ноября 1826 г.⁶ Причина, по которой четвертая глава романа писалась около 14 месяцев, заключалась в том, что одновременно с ней, с декабря 1824 г. по 7 ноября 1825 г., Пушкин работал над трагедией «Борис Годунов», осваивая и обновляя драматический жанр. Кроме того, в 1825 г. была написана «Сцена из Фауста», а в декабре того же года поэма «Граф Нулин». Как видно из этого перечня, стихотворения михайловского периода создавались на фоне интенсивной работы над эпическими и драматическими произведениями, сопровождавшейся настойчивым жанровым экспериментированием.⁷

В «Цыганах», «Евгении Онегине» и «Сцене из Фауста» Пушкин варьировал образ, общие контуры которого были найдены еще на Юге, при создании «Кавказского пленника». Во всех этих произведениях появляется герой «разочарованный», «охлажденный», сосредоточенный на себе. Подобный герой, проинтерпретированный Пушкиным как носитель исторических черт нового поколения, имел вполне определенную литературную генеалогию, восхо-

⁴ Поэма «Руслан и Людмила» была опубликована в 1820 г., первое издание «Кавказского пленника» вышло в свет в конце августа—начале сентября 1822 г., первое издание «Бахчисарайского фонтана» — 10 марта 1824 г. (см.: Синявский Н., Дьяловский М. Пушкин в печати. 1814—1837 : Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни, 2-е изд., испр. М., 1938. С. 15, 19, 23).

⁵ Полному изданию «Цыган» предшествовала публикация фрагментов поэмы, см.: Полярная звезда на 1825 г. С. 24—27; Московский телеграф. 1825. Ч. 6. № 21. С. 69; Северные цветы на 1826 г. Отдел «Поэзия». С. 101—103.

⁶ За годы михайловской ссылки в печати появилась только первая глава «Онегина» (1825) и фрагменты второй главы (строфы VII—X — Северные цветы на 1825 г. С. 280—281; строфы XXIV—XXIX и XXXVII—XL — Северные цветы на 1826 г. Отдел «Поэзия». С. 56—62).

⁷ Новым жанровым образованием был роман в стихах; «Граф Нулин» пародировал жанр стихотворной повести, русские эталоны которой были представлены южными поэмами самого Пушкина; работа над «Борисом Годуновым» была неразрывно связана с замыслом драматической реформы; «Сцена из Фауста», резко отличная от исторической драмы по своей поэтике, стала чем-то вроде ранней пробы будущих «маленьких трагедий».

дившую к «Паломничеству Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1818) Дж. Г. Байрона и «Адольфу» («Adolf», 1815) Бенжамена Константа (Constant de Rebecque). Другую опору для создания героя, пережившего «преждевременную старость души»,⁸ Пушкин нашел в хорошо освоенном на отечественной почве элегическом жанре:⁹ психологический комплекс, разработанный в унылой элегии (которой Пушкин отдал дань еще на лицейской скамье), с ее ведущим мотивом ранней утраты того, что могло бы составить счастье, подходил для выражения духовного мира разочарованного «сына века». Обращение к элегической традиции при создании «Кавказского пленника» естественным образом формировало весьма высокую степень единства между лирическим героем элегии и героем эпическим. Надежда и радость, погубленные бурной жизнью, измена друзей, несостоявшиеся мечты любви, клевета, омрачившая юность, — все эти штрихи биографии Пленника предстают и в признаниях лирического героя южных элегий Пушкина.¹⁰ А поскольку лирические фрагменты «Кавказского пленника» содержали, кроме всего прочего, намеки на сходство биографии автора с судьбой пленного скитальца, хранящего в сердце тайную любовь и оттого не способного на новое чувство, все это вместе взятое создавало в читательском сознании представление о внутренней общности автора, его лирического героя и заглавного персонажа первой южной поэмы. Таким образом вокруг Пушкина создавалась биографическая легенда и некоторое время он ее охотно поддерживал.¹¹

В период михайловской ссылки разработка характера, опробованного в «Кавказском пленнике», продолжалась; в «Цыганах» и «Евгении Онегине» он получал более углубленные социальные и психологические мотивировки, но связь между ним и лирическим героем (а также тем образом, в котором желал предстать перед своими читателями автор) подверглась решительной трансформации, а точнее сказать — постепенному разрушению.

⁸ Акад. Т. 13. С. 52 (из письма к В. П. Горчакову от октября—ноября 1822 г.).

⁹ См.: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 113—118.

¹⁰ См., например, такие стихотворения 1820 г., как «Погасло дневное светило...» или «Мне вас не жаль, года весны моей...» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 5, 107), или элегию 1821 г. «Я пережил свои желанья...» (там же, с. 18), варьируемую в одном из черновых фрагментов монолога Пленника (см. примеч. М. Н. Виролайнен к этому стихотворению — там же, с. 548—549). Подобные элегические мотивы, широко используемые и в посланиях, вообще составляли одно из общих мест русской поэзии 1810-х гг. — см., например, «К Филалету» В. А. Жуковского (1809), «Первый снег» и «Ш(ляхтинско)му» П. А. Вяземского (оба — 1819 г.), «Прощание» Е. А. Баратынского (1819). См.: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 175; *Проскурин О. А., Охотин Н. Г.* «Кавказский пленник» // Пушкин. Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1, ч. 1. С. 208, 224—225, 230.

¹¹ О стилизации авторского образа в период южной ссылки и о создании биографической легенды, связанной с поэмой «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823), см.: *Лотман Ю. М.* 1) А. С. Пушкин : Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин : Биография писателя. Статьи и заметки : 1960—1990. «Евгений Онегин» : Комментарий. СПб., 1995. С. 57—71; 2) Посвящение «Полтавы»: (Адресат, текст, функция) // Там же. С. 260—261; *Проскурин О. А., Охотин Н. Г.* «Бахчисарайский фонтан» // Пушкин. Соч.: Комментированное издание. Вып. 1, ч. 1. С. 279—283.

Одним из первых произведений, в которых началась такая трансформация, стал «Разговор Книгопродавца с Поэтом» (1824). Поэту, носителю творческого сознания, сообщен здесь психологический комплекс разочарованного героя, в репликах которого узнаваемы автореминисценции, отсылающие к пушкинским стихам, написанным на Юге. В ст. 32—37 дана откровенная отсылка к стихотворению «Демон» (1823), где мотив тотального разочарования в идеалах юности звучит как автобиографическое признание.¹² Однако впечатление общности «Разговора...» с элегическими мотивами южного творчества корректируется тем обстоятельством, что стихотворение построено как диалог, где Поэту противопоставлен серьезный оппонент; его реплики ограничивают и смысловое, и жанровое пространство элегических lamentаций. В контексте диалога Поэт перестает быть лирическим героем, которого читательское сознание может беспрепятственно отождествить с автором.¹³

«Разговор Книгопродавца с Поэтом» был впервые напечатан в составе первой главы «Евгения Онегина» как своеобразный пролог ко всему роману;¹⁴ образцом послужил «Пролог на театре» к «Фаусту» Гете («Vorspiel auf dem Theater», 1797—1798) — произведению, казалось бы, не имеющему точек соприкосновения с литературной традицией, восходящей к Байрону и Констану. Текстом-посредником между тем и другим явилась книга Ж. де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 1810).¹⁵ В предпринятом ею пересказе «Фауста» герой Гете оказался наделен чертами «сына века», разочаровавшегося в прежних ценностях, скучающего, способного совершить зло без всякой заинтересованности в нем. Влияние Ж. де Сталь особенно ощутимо в «Сцене из Фауста»,¹⁶ новой пушкинской модификации фаустовского сюжета, явно преемствующей «Разговору...». В драматической сцене — та же двухфигурная композиция, предполагающая противостояние двух типов сознания, в одном из которых узнается сходство с Поэтом, в другом — с

¹² На внутреннюю связь с тем же тематическим комплексом указывает вариация в ст. 121—122 «Разговора...» строк об утаенной любви Поэта, не вошедших в печатное издание «Бахчисарайского фонтана» (см. наст. т., с. 502).

¹³ Ср. уверенность В. Г. Белинского в том, что, изображая Поэта, Пушкин «говорит сам о себе» (Белинский В. Г. Стихотворения Александра Пушкина. Часть четвертая. Санкт-Петербург. 1835 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 83). Такое отождествление возникает, однако, как следствие определенной глухоты к особенностям поэтики произведения. Ср. точку зрения Б. В. Томашевского, подчеркивавшего диалогический характер текста и писавшего, что в Поэте «Пушкин воплотил (...) черты своего романтического прошлого» (Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 12).

¹⁴ Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение А. Пушкина. <Глава первая>. СПб., 1825. С. IX—XXII. Стихотворение открывало и второе издание первой главы (1829), однако оба полных прижизненных издания романа (1833, 1837) вошли уже без «пролога», а в четвертой части «Стихотворений» Пушкина (1835) «Разговор...» был напечатан как самостоятельное произведение.

¹⁵ Указание на книгу «О Германии» как наиболее вероятный источник знакомства Пушкина с «Фаустом» см.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 105—106. Впрочем, к 1824 г. уже существовали два перевода первой части трагедии Гете на французский язык (см. наст. т., с. 989—992, примеч. к «<Наброскам к замыслу о Фаусте>»).

¹⁶ См. об этом примеч. М. Н. Виролайнен к «Сцене из Фауста» (наст. изд., т. 7, с. 735—736).

Книгопродавцем. Пушкинский Мефистофиль вспоминает о том, как проводил Фауста через искушения познанием, славой и любовью. Близкие темы в той же последовательности — творчество, слава, любовь — обсуждались и в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом». Характер пушкинского Фауста по своему психологическому рисунку и фразеологическому оформлению, так же как характер Пленника и Поэта, сближен с элегическим лирическим героем.¹⁷ Но драматическая поэтика «Сцены» превращает двух участников «Разговора...» из оппонентов в антагонистов, чьи позиции разведены гораздо резче; возвышенному сознанию противостоит теперь не скепсис Книгопродавца, но цинизм Мефистофиля, и если Книгопродавцу Пушкин передал иные из собственных убеждений, то Мефистофилю точек соприкосновения с авторским сознанием не дано. Вместе с тем и Фауст перестает быть alter ego автора, между тем как Поэт в «Разговоре...» еще обладал какой-то степенью единства со своим создателем, хотя бы в силу принадлежности к тому же профессиональному цеху.

Итак, если стихотворение «Демон» могло прочитываться как лирически-автобиографическое свидетельство того, что душа уязвлена искушением, то в «Сцене из Фауста» голос искусителя отдан отдельно и самостоятельно действующей внешней силе, а лирический герой, став героем драматического фрагмента, получил вполне автономное от автора существование. В рамках такой трансформации фаустовского сюжета «Разговор Книгопродавца с Поэтом», в котором Поэт еще сохраняет видимые связи с созданным в южный период лирическим образом автора, но уже не тождествен ему, занимает место посредующего звена; диалогическое построение «Разговора...» отражает движение от лирического высказывания к драматической форме и одновременно — созревшую необходимость отчуждения от элегического лирического героя.¹⁸ Разумеется, дело не ограничивалось переоценкой героя, оно касалось и жанра в целом.

¹⁷ Не случайно в репликах Фауста Пушкин варьировал стихи, оставшиеся в рукописях «Кавказского пленника».

¹⁸ Правда, в 1824—1825 гг. пишутся три стихотворения — «Фонтану Бахчисарайского дворца», «О дева-роза, я в оковах...» и «Виноград», — призванные сообщить дополнительные черты «крымской», романтизированной после публикации «Кавказского пленника» биографии Пушкина (несомненно созданные в Михайловском, при печати эти стихотворения были умышленно датированы им 1820 г.). Но ни в одном из них не появляется лирический герой, близкий к тому, чей портрет, уточняясь, обрисовывался в кавказской повести, «Цыганах», «Онегине» и «Сцене из Фауста». Первое стихотворение возвращает читателя к акцентированному при публикации «Бахчисарайского фонтана» соположению исторической правды и поэтического вымысла; заявленная во втором любовная тема нарочито остранена: она подана как ориентальная стилизация, подчеркнутая подзаголовком «Подражание турецкой песне»; третье стихотворение построено на использовании чисто литературной эмблематики — противопоставлении розы и винограда, символов весны и осени, быстротечной юности и зрелой жизненной поры. Элегическое и автобиографическое звучание имеет лишь стихотворение, обращенное к Бахчисарайскому фонтану, но его предмет не история души и сердца, а творческая рефлексия, слишком изысканная для такого героя, как Поэт в «Разговоре...», и совершенно чуждая «охлажденному» герою. Элегические мотивы, связанные с психологическим комплексом подобного героя, вообще отступают в Михайловском далеко на задний план. Актуальной остается лишь тема неверной дружбы, но и она больше не поддерживает мотив разочаро-

Элегия и послание, ставшие в течение двух первых десятилетий XIX в. самыми популярными лирическими жанрами, в начале 1820-х гг. попали в центр весьма ожесточенной полемики. Наиболее ярким противником господства этих двух жанров выступил В. К. Кюхельбекер, который в программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» писал об элегии: «Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. — Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях. Если бы сия грусть не была просто риторической фигурой, иной, судя по нашим Чайльдам-Гарольдам, едва вышедшим из пелен, мог бы подумать, что у нас на Руси поэты уже рождаются стариками».¹⁹ Элегии и посланию Кюхельбекер противопоставлял оду с ее высоким пафосом и соответствующим ему стилем, с ее обращением к предметам и событиям, которые возвышаются над ежедневным течением жизни. Элегик поглощен собственным чувством — в оде поэт передает векам славу Отечества, воспаряет «к престолу Неизреченного и пророчествуя пред благоговееющим народом, (...) поработает слух и душу читателя».²⁰

Выступление Кюхельбекера сразу стало предметом художественной рефлексии Пушкина. Набрасывая не позднее 5 сентября 1824 г. строки для предисловия к первой главе «Онегина»,²¹ он цитировал статью лицейского товарища: «Очень справедливо будут осуждать (...) некоторые строфы, писанные в утомительном роде молодых элегий, „в коих чувство уныния поглотило все прочие”».²² Лишь некоторое время спустя Пушкин решает на откровенно полемические выпады: сначала появляется «Ода его сият (ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825) — блестящая пародия на «высокий стиль» младоархаистов, затем в самом конце 1825 или даже в первых числах 1826 г. — иронический пересказ центральных тезисов Кюхельбекера в строфах XXXII—XXXIV четвертой главы «Онегина». Почти

ванности, а получает либо обличительное («Коварность», 1824), либо эпиграмматическое («Дружба», 1825) звучание.

¹⁹ Мнемозина. 1824. Ч. 2 (выход в свет 23 июня). С. 36—38; Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 456 (Сер. «Литературные памятники»). См. также статьи Кюхельбекера «Земля безглазцев» (Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 149—150) и «Разговор с Ф. В. Булгаринным» (Там же. Ч. 3. С. 157—177). Еще раньше близкая позиция была высказана в статье О. М. Сомова «О романтической поэзии» (Соревнователь. 1823. Ч. 24. № 11. С. 145).

²⁰ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 454. Подробнее о полемике, вызванной статьями Кюхельбекера, см.: Тынянов Ю. Н. 1) Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 95—105; 2) Пушкин и Кюхельбекер // Там же. С. 283—285; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 214—222, 400—404; Вацуро В. Э. 1) «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 22—26; 2) Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 6.

²¹ Набросок расположен в тетради ПД 835, л. 10—11; на л. 11 об. — дата «5 сентябр(я) 1824».

²² Акад. Т. 6. С. 527; авторскую уверенность в справедливости такого осуждения отчасти опровергает здесь иронический контекст соседней фразы.

одновременно набрасывается заметка «(Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“»,²³ но она остается недописанной: конец затеянному в ней спору положили известия о последовавших за декабрьским восстанием арестах.²⁴

Из тезисов, выдвинутых Кюхельбекером, неприятие Пушкина вызвали призыв к воскрешению оды с характерной для нее стилистикой (реакцией на него и стала единственная михайловская ода — Хвостову), отождествление восторга и вдохновения²⁵ и, наконец, главное: отрицание последних достижений русской поэзии.²⁶ Тем не менее многое в высказываниях Кюхельбекера отчасти совпадало с пушкинским восприятием литературного процесса, а отчасти служило сигналом, побуждающим к обновлению литературных позиций, и в частности к обновлению жанрового состава поэзии. Отклик Кюхельбекеру можно видеть в обращении к фольклору, к восточной и духовной поэзии, а также в некоторых жанровых экспериментах, осуществляемых, впрочем, вовсе не на тех путях, что были предложены Кюхельбекером, и тем не менее явно с учетом высказанных им претензий.

Все это, разумеется, не предполагало отказа от жанров элегии или послания. Однако нельзя не заметить, как сокращается по сравнению с южным периодом число элегий, написанных в Михайловском. Из созданных за это время оригинальных элегических текстов опубликовано всего пять: «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» (1823—1825), «Сожженное письмо» (1824), «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825), «Желание славы» (1825) и «Под небом голубым страны своей родной...» (1826). Если к ним добавить стихотворение «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает...» (1824) — вольный перевод элегии А. Шенье «Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire...», два черновика («Пускай увенч(анный) любов(ью) красоты...» (1824?), «На небесах печальная луна...» (1825—1826)) и имеющее беловой автограф, но не отданное в печать стихотворение «Все в жертву памяти твоей...» (1825), состав михайловских элегий будет исчерпан.²⁷ Типо-

²³ Датировку заметки см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*. Stanford, 2008. Pt 1. P. 68—73 (датировка уточнена Т. И. Краснобородько). По весьма вероятному предположению Д. М. Хитровой, «катализатором полемики» послужила прочитанная Пушкиным в конце 1825 г. статья Кюхельбекера «Разбор поэмы князя Шихматова „Петр Великий“» (см.: Там же. С. 81).

²⁴ Подробнее о полемических откликах Пушкина на выступление Кюхельбекера см. в примеч. С. В. Березкиной, А. С. Бодровой и А. И. Роговой к «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825) и к эпиграмме «Соловей и кукушка» (1825) (наст. т., с. 669—670, 677—678, 805—807).

²⁵ Подробный анализ этих понятий, разбираемых в пушкинском наброске возражения Кюхельбекеру, дан Д. М. Хитровой (см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 84—90).

²⁶ «Статья „О направлении нашей поэзии“ и „Разговор с г. Б(улгаринным)“, напечатанные в „Мнемозине“, послужили основанием всего, что сказано было противу р(усской) литературы в последние 2 года» (Акад. Т. 11. С. 41; о конъектуре «р(усской)» в отличие от конъектуры «р(омантической)», предложенной в Акад., см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 74—75).

²⁷ Об исторических элегиях «Клеопатра» и «Андрей Шенье», представляющих особое жанровое образование, см. ниже, с. 392—396.

вые «унылые» мотивы (разуверение в возможности счастья, в надеждах молодости, в верности друзей и возлюбленных и т. п.), характерные для ранней лирики, теперь практически перестают звучать. Сохраняется лишь мотив любовной тоски и вынужденной разлуки, но на нем держатся всего два-три текста. Едва ли не более востребованным оказывается другой тип элегии, предполагающий страстность и эмоциональную силу (своего рода «восторженность») лирического субъекта.

Наибольшая тематическая близость к южным элегиям ощутима в стихотворении «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», мотивно и композиционно подобном элегии 1820 г. «Редает облаков летучая гряда...».²⁸ Но в отличие от нее эстетическое задание, как кажется, здесь сосредоточено на усилении экспрессии, достигаемом таким еще необычным для лирики средством, как пропуск строк, прерывающий синтаксическое движение фразы и призванный служить эмоциональным эквивалентом текста. Тот же прерывистый синтаксис — в элегии «Сожженное письмо»; последний стих ее оставлен без рифмы, что также создает впечатление неожиданного обрыва текста. Между тем в элегии Клемана Маро «*Qui eust pensé que l'on peut concevoir...*» (1527), послужившей литературным образцом для «Сожженного письма», лишь слегка намечено использование синтаксической экспрессии, в обеих пушкинских элегиях создающее иллюзию непосредственного, синхронного записи, эмоционального переживания. В «Желании славы», написанном александрийским стихом, переход от гармонии к дисгармонии отношений передан, как показано Е. Г. Эткиндом, через соположение гармонии и дисгармонии стиха. В первой части каждый стих делится на симметричные половины с регулярным чередованием предцезурных окончаний. Во второй части, которая вся построена на резких enjambements, преобладают мужские (ямбические) окончания в беспорядочном соединении с дактилическими, что придает стиху резкость и судорожность.²⁹ Все это служит интонационным преодолением элегической «унылости».

В михайловских стихах особенно заметно начавшееся уже на Юге стремление существенно обновить или даже опровергнуть усвоенное в начале 1820-х гг. типовое течение элегического сюжета. В «Желании славы» характерный для поэзии начала 1820-х гг. и прозвучавший у самого Пушкина мотив (любовное чувство затмевает и упраздняет желание славы)³⁰ получает прямо противоположное развитие; в элегии «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») увяданию души противопоставлено ее воскрешение; в элегии «Под небом голубым страны своей родной...» инвертированы использованные в более ранней поэзии Пушкина батюшковские решения темы смерти возлюбленной/друга.³¹ В последнем стихотворении этой модели противопоставлено восходящее к Баратынскому (прежде всего к его «Признанию») («Притворной

²⁸ См. об этом в примеч. В. Э. Вацура к элегии, написанной в Михайловском, — наст. т., с. 893.

²⁹ См.: Эткинд Е. Г. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1986. С. 42—45.

³⁰ См. примеч. О. С. Муравьевой к этому стихотворению — наст. т., с. 743—744.

³¹ См.: Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. С. 197—203.

нежности не требуй от меня...») (1823))³² остранение элегического героя, холодность которого возникает не от избытка некогда испытанных и обманутых энтузиастических чувств (таково, как правило, прошлое «охлажденного» героя), но из-за исчерпанности самого чувства.

Любовная тема всех без исключения михайловских элегий Пушкина провоцировала читателей и исследователей видеть в них автобиографические признания, что отчасти было инициировано самим поэтом, его «южной» биографической легендой. Собственно, легендарными оказались в большинстве своем и исследовательские интерпретации. Адресаты михайловской любовной лирики с достаточной степенью точности устанавливаются лишь в двух случаях: это А. П. Керн и А. Ризнич. «Я помню чудное мгновенье...» фигурирует в двух пушкинских перечнях стихотворений, составленных в 1827 и 1828 г., в записи «к Керн А. П. К.» и «Керн».³³ Адресация элегии «Под небом голубым страны своей родной...» Амалии Ризнич, скончавшейся в Италии (которая не была ее родной страной) в 1825 г., также находит подтверждение в одном из пушкинских списков стихотворений, где имеется запись: «На смерть Р.».³⁴

Другие два имени, устойчиво возникающие в исследовательской литературе в связи с адресацией любовных элегий Пушкина, — М. Н. Раевская и Е. К. Воронцова. После статьи Т. Г. Цявловской «Храни меня, мой талисман...»³⁵ распространенным стал взгляд на Воронцову как предмет великой любви поэта. Однако неопровержимых фактических аргументов исследовательница не приводит, а представленный ею свод пушкинских стихотворений, посвященных Воронцовой, всего лишь гипотетически может быть соотнесен с этим адресатом. Наиболее вероятна связь с ее именем элегии «Сожженное письмо», она подтверждается поздними воспоминаниями сестры поэта, записанными П. В. Анненковым.³⁶ О. С. Павлицева рассказывала, что в Михайловском Пушкин получал из Одессы письма,³⁷ запечатанные таким же перстнем, какой имелся и у него, и читал их, уединившись. Мемуар заканчивается характерной фразой: «Одно из таких писем он и сжег».³⁸ Фраза звучит скорее как интерпретация текста стихотворения, чем как констатация биографического факта. И если здесь сказано о сжигании одного письма, то гипотеза об адресации Воронцовой незавершенной элегии «Пускай увенчанный лю-

³² См. примеч. С. В. Березкиной и А. С. Бодровой к стихотворению «Под небом голубым страны своей родной...» — наст. т., с. 855, 856.

³³ Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 177, 178.

³⁴ Там же. С. 179; список составлен в 1828 г.

³⁵ Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 12—84.

³⁶ См.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799—1826 гг. СПб., 1874. С. 282—283.

³⁷ Тому, что переписка с Воронцовой действительно существовала, имеются и другие косвенные подтверждения (см.: Чернова Е. Б. К истории переписки Пушкина и Е. К. Воронцовой // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 337).

³⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 39.

бов〈ью〉 красоты...», выдвинутая Д. Н. Соколовым,³⁹ опирается на упоминание в ней «писем тайных», которых лишен лирический герой. Между тем сам лирический сюжет — сожжение письма от возлюбленной — имеет литературное происхождение: уже названную выше элегию Клемана Маро.⁴⁰ Другой биографический факт, на котором строится гипотеза об адресации Воронцовой элегии «Желание славы», — упоминаемые в ней «измены, клевета». Здесь видят воспоминание о конфликте с А. Н. Раевским, соперником Пушкина в период его увлечения Воронцовой, сыгравшим не последнюю роль в истории высылки поэта из Одессы. Но мотив измен, как и мотив клеветы, звучал еще в лицейской лирике Пушкина, а позднее стал одним из устойчивых мотивов, формировавших биографию «охлажденного» героя.

В тех случаях, когда стихотворение не удается соотносить с известными биографическими фактами, по поводу его адресации возникают конкурирующие гипотезы, в которых фигурирует повторяющийся набор имен. Так, элегию «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» пытаются связать и с Амалией Ризнич, и с М. Н. Раевской, и с Е. К. Воронцовой, стихотворение «Все в жертву памяти твоей...» — с именами Воронцовой, Ризнич, Керн.

Показательна история восприятия элегии «Я помню чудное мгновенье...», которая, с точки зрения самой Анны Керн и усвоивших ее взгляд исследователей, отражает историю чувств Пушкина к ней. Этот взгляд был поставлен под сомнение на рубеже XIX и XX вв.,⁴¹ а в середине XX столетия была даже предпринята попытка вывести элегию из состава любовной лирики как стихотворение, посвященное поэтическому вдохновению.⁴² Альтернативные возможности прочтения текста возникают оттого, что стихотворение сфокусировано на найденном Жуковским и не имеющем любовного субстрата образе «мимо пролетающего благовестителя лучшего»,⁴³ а история души, намеренно

³⁹ Соколов Д. Н. По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красотою» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17—18. С. 21—34.

⁴⁰ Не исключено, разумеется, и совмещение «двух творческих стимулов, один из которых шел от конкретной жизненной ситуации (...) а другой — от литературного образца» (Петрунина Н. Н. Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо» // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1978. С. 112).

⁴¹ См., например, написанную в 1897 г. статью В. С. Соловьева «Судьба Пушкина» (Пушкин в русской философской критике: Конец XIX—первая половина XX в. М., 1990. С. 21—24) или книгу М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919. С. 76; здесь, в частности, сказано: «Совсем не так, как хотели объяснять биографы, — что новая встреча с Керн в 1825 году пробудила Пушкина от апатии. Как раз наоборот (надо обратить внимание на слова «и вот»): душа проснулась самочинно, в ней совершился таинственный кризис (так Пушкин говорит и в одном из подражаний Корану: «Настал пробужденья для путника час», т. е. настал «по воле владыки небес и земли») — и именно в силу того, что душа проснулась, — ей предстало светлое виденье»).

⁴² См.: Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 386—402.

⁴³ Эквивалент образа «гения чистой красоты» в скопированном Пушкиным рассуждении Жуковского о прекрасном (см.: Рукою Пушкина. С. 462).

создающая иллюзию интимного биографического признания, следует схеме типового лирического сюжета «увядание и обновление».⁴⁴

Разумеется, сказанное не значит, что литературные источники были единственной питательной средой любовной лирики Пушкина. Но если вспомнить, как высок был в пушкинскую эпоху ценностный статус поэтического воображения, справедливым будет допустить, что чувства воображаемые играли при создании лирических текстов роль во всяком случае не меньшую, чем реальные переживания. И несомненным остается то, что каждый поэтический текст создавался на языке традиции, активно усваиваемой и постоянно обновляемой.

4

Начавшееся еще на Юге увлечение Пушкина поэзией Андре Шенье⁴⁵ в период михайловской ссылки не угасало. Его влияние ощутимо уже в самом первом из написанных в Михайловском стихотворении «Прозерпина», начатом еще в 1821 г. и завершеном 26 августа 1824 г. Между тем в беловом автографе оно имеет подзаголовок: «Подражание Парни» и действительно является вольным переводом XXVII картины из его «Превращений Венеры» («Les déguisements de Vénus», 1805). Однако Пушкин следовал за Парни только на раннем этапе работы, а когда она три года спустя возобновилась, пушкинский текст, сближаясь с поэтикой Шенье, стал стремительно удаляться от своего оригинала. Расхождение с ним заключалось не только в том, что перечисленные Парни ужасы Аида Пушкин заменил картиной блаженного Элизия, — изменилась сама манера изображения. Свойственной Парни лаконичной динамике движения сюжета, построенного на быстрой смене действий, противостоит у Пушкина смена описаний: обнявшая юношу гордая царица ада, вечные луга Элизия, сладострастная сцена... Динамика оригинала не утрачена: ее обеспечивает и избранный для перевода четырехстопный хорей, и близко следующее за Парни начало стихотворения, и его кольцевая композиция, отсутствующая в оригинале, но возвращающая пушкинский текст к изначально заданному и продиктованному французским источником темпу. Пушкинская картина Элизия создана под впечатлением «Элизиума» — «песни» Жуковского, опубликованной в 1813 г.,⁴⁶ однако само жела-

⁴⁴ См.: Щеглов Ю. К. «Гармоническая точность» и «поэзия грамматики» в стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» // Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы. М., 2012. С. 140—152.

⁴⁵ О воздействии поэзии А. Шенье на лирику Пушкина первой половины 1820-х гг. см. в статье Е. О. Ларионовой «Южная лирика Пушкина» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 483—486; см. также примеч. А. С. Бодровой, А. А. Долинина, Т. А. Китаниной, Е. О. Ларионовой, Н. Г. Охотина, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой и С. Б. Федотовой к написанным в период южной ссылки стихотворениям «Неренда» (с. 532), «Редет облаков летучая гряда...» (с. 538), «Земля и море» (с. 540), «Дева» (с. 563—564), «Кинжал» (с. 576—579), «Дионей» (с. 622—623), «Ночь» (с. 742—743), «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (с. 764—765), «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (с. 867—869), «О боги мирные полей, дубов и гор...» (с. 907).

⁴⁶ См. коммент. В. Э. Вацура к стихотворению «Прозерпина» (Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 623).

ние представить эту картину не через перечень составляющих ее элементов, а через чувственный образ связано с опытом усвоения поэзии Шенье. В «Прозерпине» это чувственность особого рода — она, так сказать, слуховая, созданная эвфонией, звучанием слов, рисующих блаженный Элизий и сладостное свидание. Пластичность образов, обычно возникавшая в южных антологических стихотворениях Пушкина, написанных под несомненным воздействием Шенье, здесь отступает на второй план, не конкурируя со звуковым восприятием.

После завершения «Прозерпины» античная тема, так занимавшая Пушкина на Юге, отступает на второй план.⁴⁷ Более актуальным остается характерное для Шенье сближение антологического стихотворения с элегией. Так, отзвук антологической лирики слышен в элегии «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», с ее подзаголовком «Отрывок» и неожиданным обрывом текста, отсылающим, как и в элегии «Редает облаков летучая гряда...», к жанровому образцу — фрагментам идилий А. Шенье.⁴⁸ В 1824 г. Пушкин переводит эклогу Шенье «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...», напечатанную в издании 1819 г.⁴⁹ как пятая элегия. Впечатления от нее еще в 1821 г. отразились в пушкинской «Дионее» — стихотворении, имевшем ярко выраженную антологическую природу.⁵⁰ В переводе 1824 г. эта природа остается скрытой вплоть до самого финала — только там, как и в оригинале, появляются очевидные приметы античности, которые позволяют понять, из какого источника почерпнуто стилистика описания влюбленной девушки. В этом стихотворении, как и во многих других, отмеченных влиянием Шенье, переключение внимания от лирического героя к героине в значительной мере обеспечено именно сближением элегического и антологического начал. Женский образ, уже лишенный черт стилизованной античности, получает то пластичное выражение, которое достигается благодаря свойственному антологической поэзии отношению к предмету описания: он обладает самодостаточной ценностью, он помещен в центр внимания безотносительно к внутреннему

⁴⁷ Едва ли не единственное написанное в Михайловском собственно антологическое стихотворение — «Сафо» (1825), напечатанное в «Стихотворениях» Пушкина 1826 г. в отделе «Подражания древним». Один из его возможных источников — идилия Шенье «Lydé» (см. примеч. А. С. Бодровой к этому стихотворению — наст. т., с. 774). Начатый в 1825 г. перевод «идиллического фрагмента» Шенье «Et, mont ennoblí par cette nuit ardente...», посвященного гибели Геракла, получил завершение лишь в 1835 г. (см.: «Из Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...») — Акад. Т. 3. С. 382). В том же контексте можно упомянуть лишь стихотворение «Буря» (1825), которое в неосуществленном собрании стихотворений Пушкина 1836 г. (см. о нем наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 363) планировалось поместить в отдел «Подражания древним».

⁴⁸ Показательно, что стихотворение «Ночь» (1823), к которому элегия «Ненастный день потух...» также отчасти близка как тематически, так и по своему синтаксическому оформлению, Пушкин печатал в «Стихотворениях» 1826 г. в отделе «Подражания древним», относя его, таким образом, к антологическим стихотворениям.

⁴⁹ Первый сборник сочинений Шенье (*Œuvres complètes d'André de Chénier*. Paris, 1819), подготовленный А. де Латушем (Latouche), был основным источником знакомства Пушкина с творчеством французского поэта.

⁵⁰ В 1825 г. Пушкин напечатал его первую редакцию под заглавием: «Антологический отрывок», а вторую редакцию поместил в «Стихотворениях» 1826 г. в отделе «Подражания древним».

миру субъекта поэтической речи. В любовных элегиях Пушкина женский образ нередко бывает подан именно в такой манере, в то время как лирическому герою оставлена вся мера элегической субъективности.

Возможно, с работой над «Прозерпиной» был внутренне связан еще один замысел, обращенный к эллинистической древности. Речь идет об исторической элегии «Клеопатра», где, как и в «Прозерпине», изображена «гордая царица», готовая к отказу от знаков царственности и самозабвенному повиновению на ложе любви.⁵¹ Но эта общность ситуации как будто служит условием для того, чтобы испытать две прямо противоположные возможности развития сюжета. Счастливцев, упоенный ласками Прозерпины, возвращен богиней Ада на землю — в «Клеопатре» богам ада принесена клятва, что платой любовника за ласки царицы станет смерть. Условный, опосредованный французской поэзией сюжет «Прозерпины» с его легкой и счастливой развязкой в стилистическом отношении также резко отличается от сюжета «Клеопатры», который следует исторической легенде и обрастает подробностями культурного быта. Впрочем, «местный колорит» намечен достаточно скупыми штрихами, не столько претендующими на точность, сколько создающими иллюзию правдоподобия изображенного здесь древнего мира с его пирами, клятвами богам и непостижимыми нравами.

На полях черного автографа Пушкин сделал помету: «*Aurelius-Victor*», указав таким образом на источник сюжета — приписывавшееся римскому историку IV в. Сексту Аврелию Виктору сообщение о том, что многие покупали ночь Клеопатры ценой смерти. Уже давно было высказано весьма правдоподобное предположение, что одним из импульсов к созданию стихотворения стал пересказ этого сообщения в романе «Эмиль, или о воспитании», сопровождавшийся утверждением Ж.-Ж. Руссо, что картина близкой мучительной смерти неминуемо отвратит опьяненного страстью человека от удовлетворения желаний такой ценой.⁵² Полемизуя с этой просветительской точкой зрения,⁵³ Пушкин выводит на сцену трех претендентов на ночи Клеопатры, в лице которых представлены три культурно-исторических типа. Первый — суровый римский воин; второй — изнеженный грек, «мудрец» и поэт, воспеваящий, как и пушкинский Анакреон, Вакха и Киприду.⁵⁴ Третьему не дано столь же определенной характеристики, он совсем юн, подчеркнуто, что он

⁵¹ Ср. в «Прозерпине»: «Прозерпина в упоенье, / Без порфиры и венца, / Повинуется желаньям...» и в «Клеопатре»: «И снова гордый глас возвысила царица: / „Теперь забыты мной венец и багряница! / Простой наемницей на ложе восхожу...”».

⁵² См.: Петрунина Н. Н. Из комментария к пушкинским текстам // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 93—97; Лотман Ю. М. Заметки к проблеме «Пушкин и французская культура» // Лотман Ю. М. Пушкин. С. 362—364. Подробнее об источниках пушкинского стихотворения см. наст. т., с. 545—555, примеч. Е. В. Кардаш и Е. О. Ларионовой.

⁵³ «Не врожденная добродетель, а „страсти роковые”, которые сильнее страха смерти (...) движут человеком. Таким образом, полемика с Руссо определила ранний замысел произведения о Клеопатре, связав его с такими созданиями Пушкина, как „Черная шаль” и окончательный замысел „Цыган»» (Лотман Ю. М. Заметки к проблеме «Пушкин и французская культура». С. 364).

⁵⁴ Подробнее о культурно-исторической характеристике первых двух претендентов см. примеч. к стихотворению, наст. т., с. 547—549.

ничего не успел совершить, даже имя его не сохранилось в веках. Возможно, он представляет «человека как такового», «естественного» человека, охваченного любовью; чем-то он подобен юноше (в черновике — пастуху), снискавшему внимание Прозерпины. Если бы сюжет получил развитие, то в описаниях трех ночей Клеопатры и их трагических финалов, вероятно, были бы представлены три варианта поведения, соответствующие заданной типологии.⁵⁵

Пушкин, однако, переписал стихотворение о Клеопатре набело, оборвав сюжет на строке «И молча долго им царица любовалась» (речь идет о самом юном претенденте). По убеждению Б. В. Томашевского, это и был задуманный Пушкиным финал поэтического текста.⁵⁶ Но что-то все-таки не удовлетворяло автора, который вернулся к стихотворению четыре года спустя и переработал его, отказавшись от характерной для исторической элегии полиметрической композиции 1824 г. и переложив весь текст четырехстопным ямбом. Метрическая переработка сопровождалась стилистической и небольшими композиционными изменениями, но дальнейшего сюжетного развития история Клеопатры и ее любовников не получила, что в известной мере подтверждает мнение Томашевского о завершенном характере произведения. Тем не менее новая редакция, так же как и первая, не увидела печати, а лежала под спудом вплоть до 1835 г., когда Пушкин попытался ввести сюжет о Клеопатре в повесть из современной жизни, начинавшуюся словами «Гости съезжались на дачу...». Повесть осталась незавершенной, итогового воплощения замыслов 1824 г. не получил. Вполне очевидно лишь то, что сюжет был дорог Пушкину и он искал для него ту единственную адекватную жанровую форму, которая так и не была найдена.

Отвергнув по каким-то причинам идею воплотить сюжет о Клеопатре в жанре исторической элегии, в 1825 г. Пушкин создал другой классический образец этой жанровой формы — стихотворение «Андрей Шенье», в котором предстали и творчество французского поэта, и обстоятельства его трагической гибели (как и в «Клеопатре», события разворачиваются накануне казни).

Написанная в тот момент, когда от Пушкина все еще ждали поэтического отклика на смерть Байрона, скончавшегося 19 апреля 1824 г., элегия «Андрей Шенье» возводит своего героя, чья известность несопоставима с громкой славой английского поэта, в ранг великих творцов, заслуживших бессмертие, — таких как Байрон и Данте, поименованные во вступлении к элегии, или Торквато Тассо, герой исторической элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» (1817), ставшей очевидным для современников жанровым образцом «Андрея Шенье».

Как показано в примечании к пушкинскому стихотворению,⁵⁷ композиционно оно близко следует за «Умиравшим Тассом»: в центре тот же предсмертный монолог, обрамленный с двух сторон авторским повествованием (экспозицией и развязкой), в середине так же прерванный авторской речью;

⁵⁵ Нечто подобное предпринял В. Я. Брюсов, в 1914—1916 гг. «дописавший» пушкинский сюжет (см. его поэму «Египетские ночи»).

⁵⁶ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 56—57.

⁵⁷ См.: наст. т., с. 727—728.

тот же эпиграф, взятый из творчества героя произведения; те же примечания, содержащие исторический комментарий.⁵⁸ Известно, однако, что элегия Батюшкова не нравилась Пушкину. «Тасс дышал любовью и всеми страстями, — писал он на полях «Опытов в стихах и прозе», — а здесь, кроме славолюбия и добродушия (...) ничего не видно. Это умирающий В(асилий) Л(ьвович), а не Торквато».⁵⁹ Очевидно, следуя Батюшкову, Пушкин «переписывал» свой образец — тем важнее отличия его элегии от «Умирающего Тасса». Одно из них заключается в том, что авторская речь Пушкина, и стихотворная, и прозаическая (в примечаниях), в сравнении с Батюшковым более лаконична и в силу этого контрастирует с риторической щедростью монолога, который становится драматизированным фрагментом, выделенным на фоне эпической речи.

Монолог Шенье драматизирован не только с помощью стилистических средств — он целиком построен как перипетия. Пушкинский Шенье последовательно переходит от счастья к несчастью: энтузиастическое переживание идеалов свободы — содрогание перед ужасами террора; элегические воспоминания о радостях «горацианской» жизни — оплакивание утраты. Затем происходит душевный срыв: уныние, отчаяние, отречение от пройденного пути. До этого мгновения Шенье типологически сходствует с батюшковским Тассом; он такой же безвинный страдалец, жертва людской злобы и обстоятельств,⁶⁰ герой претерпевающий. «Мирный поэт», «певец любви», Шенье не совершал выбора, бросаясь в пучину губительных исторических катаклизмов, скорее, он оказался вовлеченным в нее. В подобном чисто страдательном качестве герой Батюшкова (как и Шенье, каким нарисовал его Латуш в очерке, предвещающем сборник 1819 г.) пребывает до конца. Для пушкинского героя это состояние не константно: оно приводит его к глубочайшему духовному кризису — залог преодоления судьбы. В предсмертный час Шенье отрекается от своего жребия, чтобы принять его на новых основаниях. Только теперь, накануне казни, он совершает свой выбор — впервые избирает свою судьбу, уже зная, что это судьба жертвы. Не в силах изменить обстоятельства внешние, он кардинально меняет их внутреннюю природу, осуществляет акт индивидуальной свободы, подтверждает личную, теперь уже не невольную готовность к предстоящему. Такое принятие жребия равносильно перемене его. И перемена происходит: герою открывается дар пророчества — высший дар поэта. В последних словах батюшковского Тасса звучат смирение и надежда. Пушкинский Шенье, пройдя другой жертвенный путь, умирает, пророчествуя. Эти отличия «Андрея Шенье» от «Умирающего Тасса» должны были

⁵⁸ Более общие композиционные контуры: экспозиция—монолог—развязка — являются типовыми для элегии об умирающем поэте, а сама тема «умирающий поэт» и ее вариации: «умирающий христианин», «бедный поэт» — широко представлена как во французской, так и в русской традиции (см.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 213—225).

⁵⁹ Акад. Т. 12. С. 283.

⁶⁰ Намеченная Батюшковым концепция характера его героя как «жертвы любви и зависти» соответствовала «тому представлению о биографии Тассо, которое начало утверждаться в Европе и России в начале XIX в.» (Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 226).

бросаться в глаза: они переосмыслили целую элегическую традицию, для которой мотивы «пассивного страдания» и последних скорбных слов умирающего были типовыми.⁶¹

В собственно элегических фрагментах монолога Шенье, посвященных воспоминаниям об утраченном мире счастливой юности, элементы унылой элегии сочетались с чертами чувственно-гедонистической разновидности этого жанра, к ним подключались мотивы, характерные для дружеского послания (пиры в дружеском кругу и типовая для этого контекста тема смерти). Воплощенный здесь тематический комплекс, отсылая и к лирике Шенье, и к лирике Пушкина, опирался на общий мотивный фонд европейской и русской поэзии, освоенный Пушкиным задолго до его знакомства с Шенье (см., например, «Мое завещание. Друзьям», 1815). Существенно, что элегические фрагменты, будучи вставленными в драматизированный контекст, тоже оказывались переосмысленными: всецелая поглощенность лирического субъекта элегическим переживанием здесь представлена как всего лишь один из моментов духовного пути героя, элегическая картина становится лишь частью целого, как и в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом», она получает остраненное воплощение. А поскольку соответствующие фрагменты монолога героя содержали реминисценции из собственного пушкинского элегического творчества, то и оно оказывалось остраненным, словно бы взятым в кавычки, дистанцированным от автора.

Включение элегических фрагментов в целое поэтического высказывания получало, однако, в «Андрее Шенье» двойную направленность. Их соседство с частями монолога, имеющими гражданскую тематику и мотивно связанными с одами и ямбами Шенье, ограничивая полномочия элегии, в то же время опровергало мнение В. К. Кюхельбекера, выступавшего против элегии как жанра, несовместимого с высоким пафосом.⁶²

Еще одним адресатом скрытой полемики был, по всей видимости, К. Ф. Рылеев. 11 января 1825 г. Пушкин прочел его дружеское письмо, привезенное в Михайловское И. И. Пущиным и положившее начало переписке, значительная часть которой посвящена рылеевским «Думам» — произведениям, близким по жанру к «Андрею Шенье». Упреки Рылееву в отсутствии национально-исторического колорита, звучащие в письмах Пушкина в ту пору, когда одновременно с элегией обдумывался и писался «Борис Годунов», позволяют понять, сколь существенное значение придавал поэт исторической точности деталей, введенных в элегию. Речь идет, разумеется, не о реалистических деталях — пушкинское изображение Французской революции практически их не содержит, — а о точном выборе тех символов и событий эпохи, которые определяют духовный портрет Шенье. Точность выбора обеспечена тем, что события, как и символы, в основном почерпнуты из соб-

⁶¹ Об этих мотивах см.: Там же. С. 205.

⁶² См. об этом: Gutsch G. Pushkin's «Andrei Shen'e» and Poetic Genres in the 1820s // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 10. N 2. P. 194—200. Возможно, введенный в элегию мотив пророчества также был, кроме всего прочего, репликой в адрес Кюхельбекера, считавшего, что только в оде поэт «пророчесствует перед благоговеющим народом» (Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 454).

ственных произведений Шенье, характер которого как героя элегии оказывается, таким образом, исторически и биографически мотивированным.⁶³ Мотивировку получают и элегические темы (предчувствие смерти, предсмертное обращение к друзьям, чаемая форма посмертного бытия поэта). Ввиду ожидаемой казни героя — подлинного исторического события — они обнажают свое безусловное содержание, совершенно не обязательное для элегического жанра в его чистом виде. Характерно, однако, что в сознании Пушкина стремлению к исторической мотивированности вовсе не противоречил тот факт, что главная сюжетная составляющая произведения — готовность героя к приятию жертвенного жребия и обретение им пророческого дара — была создана творческим воображением и не имела никаких биографических оснований.

Особый характер имеют и автобиографические проекции «Андрея Шенье». Упования и разочарования Шенье в равной мере описывают путь, пройденный Пушкиным от оды «Вольность» (1817) к политическому пессимизму, запечатленному стихотворением «Свободы сеятель пустынный...» (1823). Вместе с тем «Андрей Шенье» содержит новую оду Свободе, где вновь звучит пафос «Вольности», уже скорректированный трагическими открытиями 1820-х гг., и, таким образом, преодоление мировоззренческого кризиса является актом, одновременно совершаемым и героем стихотворения, и его автором. Автобиографическую проекцию, несомненно, имела для Пушкина и судьба Шенье: ссыльный поэт писал о поэте в темнице.⁶⁴

Взаимоналожение биографий автора и героя в свое время побудило Б. В. Томашевского предположить, что фигура Шенье — лишь условный образ, аллегория, иносказание, за коими скрывается автор.⁶⁵ Едва ли такое прочтение, как и сама постановка вопроса о том, Пушкин или Шенье является подлинным героем произведения, правомерны. Надо полагать, что причастность, прикосновенность друг другу судеб автора и героя обеспечена наличием, а точнее, созданием некоей третьей реальности — сюжета жертвы и пророчества, которым завершается в «Андрее Шенье» путь поэта. Только вместе с этими, как раз не имеющими биографической опоры сюжетными звеньями судьба героя перестает быть историей одного лишь (пусть и прекрасного) конкретного человека и становится исполненной до конца историей поэта как такового. И только в рамках такого сюжета, получающего эталонное значение, свободно сопргагаются судьбы двух разных поэтов.

⁶³ Задача мотивировки характера естественно возникает в этот период творчества Пушкина, когда тип героя, намеченный в «Кавказском пленнике» и там как раз лишенный своей мотивировки, подвергнулся решительной трансформации в контексте романа в стихах.

⁶⁴ См., например: *Гроссман Л.* От Пушкина до Блока. Л., 1926. С. 15—51; *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 185—189; *Мейлах Б. С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 179—189; *Сандомирская В. Б.* «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 22—27.

⁶⁵ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. С. 70.

5

Гораздо более многочисленны, чем элегии, михайловские послания Пушкина. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что этот жанр, тоже сурово осужденный Кюхельбекером, но все еще занимающий наряду с элегией одно из центральных мест в литературном процессе, отходит на периферию пушкинского творчества. В печать попадают лишь два послания к Языкову 1824 и 1826 гг. и послание «Козлову» (1825).

Создание последнего продиктовано сердечным побуждением: Пушкин был искренне растроган вниманием к нему слепого поэта, приславшего в Михайловское свою только что вышедшую стихотворную повесть «Чернец» с собственноручной дарительной надписью. Зная из писем друзей, с каким пиететом Козлов относится к его творчеству, Пушкин счел своим долгом откликнуться на дружественный жест, тем более что он исходил от человека, обреченного на страдания.⁶⁶ Послание вызвало горячую благодарность адресата, не заметившего, вероятно, что Пушкин уклонился от непосредственной оценки его поэмы, существенно упрощавшей восходящую к Байрону поэтику жанра, уже освоенную и разработанную в пушкинских стихотворных повестях.⁶⁷ В письме к брату Пушкин дал благосклонную оценку поэмы,⁶⁸ но эта оценка, по-видимому, была рассчитана на ознакомление с нею автора: именно Лев Сергеевич передал Козлову адресованное ему послание. Пушкин откликнулся, в сущности, не на поэму, а на приложенное к ней стихотворное послание Козлова к Жуковскому, содержащее исповедь лирического героя, духовными усилиями преодолевающего жестокость судьбы. Те же черты творческой личности Козлова были подчеркнуты Вяземским в предисловии к «Чернецу»; послание Пушкина закрепляло их как литературную репутацию адресата.⁶⁹ Эти обстоятельства существенны для понимания природы пушкинских лирических высказываний, в том числе и элегических. Биографический контекст, как и во многих других случаях, давал импульс к созданию произведения, но мысли и чувства, в нем выраженные, проходили через жанровое опосредование, предполагавшее обращение к уже закрепленным в литературе значениям и словесным формулам. Послание было призвано создавать тот облик адресата, который должен остаться в литературных летописях; элемент стилизации входил в число почти обязательных выразительных средств.

Именно таковы два написанных в Михайловском послания к Языкову. Первое из них создано еще до личного знакомства поэтов и продиктовано подлинно горячим желанием Пушкина, чтобы Вульф привез в Тригорское своего дерптского товарища, уже завоевавшего литературное признание, прославленного в стихах Дельвига и тем самым как бы введенного в союз поэтов — выходцев из Лицея, к которым (опять-таки через Дельвига) присое-

⁶⁶ «Вот уже пятый год, как он без ног и слеп», — сообщил Вяземский в предисловии к поэме (Козлов И. И. Чернец. Киевская повесть. СПб., 1825. С. 4).

⁶⁷ См.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 269—284, 332—334, 336, 342.

⁶⁸ См.: Акад. Т. 13. С. 174 (письмо к Л. С. Пушкину от второй половины мая 1825 г.).

⁶⁹ Подробнее см. примеч. С. В. Березкиной и М. Н. Виролайнен к посланию — наст. т., с. 699—700.

динился Баратынский. На патетической лексике поэтов этого круга, утверждающей духовное родство «жрецов единых муз»,⁷⁰ и построено пушкинское послание 1824 г., которое подтверждает таким образом созданную Дельвигом репутацию Языкова (в действительности далеко не во всем разделявшего творческие установки Пушкина или Дельвига), а затем предлагает адресату (и публике) собственный биографический миф, а точнее, целых два мифа, уже разработанные в его творчестве. Один из них сближает судьбу ссыльного Пушкина с судьбой высланного из Рима Овидия,⁷¹ другой акцентирует африканское происхождение поэта и актуализирует биографию его прадеда.⁷² Основание, на котором возникают обе проекции, так сказать, географическое (пребывание поэта в Молдавии, куда, как думал Пушкин, был выслан Овидий, и в Михайловском, пожалованном Елизаветой Ганнибалу). Но географические координаты в рамках биографической легенды превращаются в мифологизированное культурное пространство.

Показательно, что, готовя послание к публикации, Пушкин исключает из него строки, развивающие мотивы дружеского послания 1810-х гг. с характерными для него упоминаниями «сельского шалаша» и «шумных пиров», но слишком близко подводящие к жизненной реальности, — строки о брате Льве и друге Дельвиге, вместе с которыми можно так радостно провести время в Михайловском. Чересчур конкретные детали, как и долго эксплуатировавшийся набор поэтических формул, кажутся Пушкину неуместными в печатном тексте.

Второе, более позднее послание к Языкову, личное знакомство с которым уже состоялось, с таким нажимом стилизует черты поэзии адресата, что обретает едва ли не пародийный оттенок.⁷³ Однако именно эти резко очерченные характеристики языковских стихов получили формульный характер и стали воспроизводиться поэтами, рисующими литературный портрет Языкова.⁷⁴

Формирование поэтической репутации адресата (и автора) с использованием стилистики первого — типовое свойство жанра, освоенное Пушкиным еще в Лицее. Возможно, поэтому в михайловский период послания оказались на периферии творческой деятельности. Многие из них были оставлены на стадии черновика (по крайней мере беловые их автографы неизвестны), в

⁷⁰ Мотив, разработанный во многих стихах Кюхельбекера и Дельвига (см. примеч. И. В. Немировского и Г. Е. Потаповой к посланию «К Языкову» — наст. т., с. 479—480).

⁷¹ «Овидиевский» автобиографический миф был разработан в южной ссылке (см. стихотворения «(Из письма к Н. И. Гнедичу)» (1821), «К Овидию» (1821), «Баратынскому из Бессарабии» (1822) и примеч. к ним М. Н. Виролайнен и Е. О. Ларионовой — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 24, 61—63, 67, 568, 670—680, 689).

⁷² «Африканская» тема в 1823 г. уже была затронута в строфе L первой главы «Евгения Онегина».

⁷³ Ср. приведенное в примеч. С. В. Березкиной и И. В. Немировского к стихотворению восприятие его Н. Н. Страховым, увидевшим в пушкинском тексте невольное передразнивание Языкова, которое «можно принять за злую насмешку» (наст. т., с. 863). Сам Языков был несколько обескуражен фактом публикации послания (см. его письмо к брату Александру от 17 мая 1827 г. — Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 324 (Языковский архив. Вып. 1); наст. т., с. 863).

⁷⁴ См. примеч. к посланию — наст. т., с. 863—865.

большинстве своем это послания к поэту — обращения к Кюхельбекеру, П. А. Плетневу, еще раз к Языкову, к Густаву Олизару; возникающий в них набор тем традиционен: это вызов писать (печатать) стихи, дружеский пир в «мирном уголке», духовное родство поэтов... Исключение составляет лишь послание к Олизару (1824), которое в 1827 г. Пушкин намеревался подготовить к печати.⁷⁵ Окрашенная в политические тона, здесь впервые звучит польская тема, которая вскоре получит объемное художественное воплощение в «Борисе Годунове».

Послания все чаще перемещаются в эпистолярную сферу, и если дружеские послания 1810-х гг. предполагали стилизацию интимной речи, то в михайловских письмах Пушкина они, собственно, и становятся интимной беседой с адресатом. Послание из письма к А. Н. Вульффу от 20 сентября 1824 г. содержит именно те темы, которые будут исключены из послания к Языкову от того же года при его публикации; характерный для дружеского послания мотив пира подан здесь через конкретные бытовые подробности, с реальным (а не воображаемым) перечнем его возможных участников. За стихами следовал их весьма точный прозаический пересказ: «В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова...».⁷⁶ Прозаическая часть письма дублировала стихотворную, не вступая с ней в игровые отношения, подобные, например, тем, что возникали в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г., где в стихах поэт сообщал о своем творческом бессилии («От воздержанья муза чахнет»⁷⁷), а прозой уведомлял корреспондента: «...кончил я новую поэму, «Кавказский Пленник» — (...) у меня в голове бродят еще поэмы».⁷⁸ Готовность пересказать стихи прозой указывала на прикладной, так сказать, характер стихов, не призванных создать художественный мир, а лишь использующих стихотворный размер, рифму и поэтическую лексику для эпистолярного высказывания. Такой же «прикладной» характер имеют стихи, помещенные в письмо к И. Е. Великопольскому от 3 июня 1826 г. Поэтическая лексика («певец любви»), характерное для посланий к поэтам упоминание родства судеб лишь иронически обрамляют центральный предмет обращения к адресату, названный одними и теми же словами как в стихотворной, так и в прозаической части письма — это «пятьсот рублей», проигранные Великопольским Пушкину. Стихи выполняют здесь весьма своеобразную функцию: они несколько смягчают следующее за ними достаточно резкое и однозначно «прозаическое» требование вернуть долг.

Два других михайловских корреспондента Пушкина, в письма к которым были включены стихи, — А. Г. Родзянко и П. А. Вяземский. Письмо от 8 декабря 1824 г., написанное рукой Пушкина «Поэту Родзянке», заканчивалось шестью стихотворными строчками с растиражированным после «Моих пенатов» Батюшкова мотивом поэтического уединения (Родзянко действительно в тот момент жил в своем украинском имении) и многократно исполь-

⁷⁵ Стихотворение вошло в составленный Пушкиным в конце апреля—августе 1827 г. список произведений, предназначенных к публикации (см.: Рукою Пушкина. С. 176—178).

⁷⁶ Акад. Т. 13. С. 109.

⁷⁷ Наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 23.

⁷⁸ Акад. Т. 13. С. 26.

зованным Пушкиным приемом шуточного кощунства, смешивающего христианские и языческие ценности. Ни эти стихи, ни другое послание к Родзянко, переданное ему летом 1825 г. через А. П. Керн, не предполагали сколько-нибудь серьезного эстетического задания. Послание 1825 г., хотя и не вошло в состав письма, несомненно представляло собой одно из звеньев переписки между Пушкиным и Родзянко (она велась при участии А. П. Керн, соседки Родзянко по имению) в 1824—1825 гг. Это стихотворный ответ на письмо адресата, слегка затрагивающий литературные темы, но в основном посвященный его интересу к Анне Петровне, которая предстает в данном случае в бытовом шутовском контексте. Узнать в героине послания ту, что уподоблялась «гению чистой красоты», было бы невозможно, если бы Керн не оставила мемуаров.

В письме к Вяземскому от второй половины (не позднее 24-го) сентября 1825 г. стихи, как и в письме к Вульффу или Великопольскому, дублировали содержание прозаического фрагмента: «Ради Бога, докажи Вас(илию) Льв(овичу), что „Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны)“ не мое произведение. (...) Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате».⁷⁹ Речь шла о весьма серьезном родственном деле — о том, чтобы смягчить чувства дядюшки, оскорбленного текстом шуточно-кощунственной «элегии», написанной Пушкиным вместе с Дельвигом по случаю смерти тетки. В таком контексте использование типового мотива «родства по музе» получало дополнительное смеховое, почти каламбурное звучание, ради чего и писался стихотворный текст.

Письмо Вяземского от 16 и 18 октября 1825 г. начиналось стихами, в которых выражался восторг по поводу присланной ему пушкинской «Оды (...) Хвостову»; хвостовская тема повлекла за собой сгущение комических физиологизмов как в стихотворной, так и в прозаической части этого письма. Пушкин тоже начал ответное письмо стихами, вполне в тон своему корреспонденту. Веселая непристойность метафоры «поэтических испражнений», на которой был построен этот стихотворный диалог, не придавала (да и не призвана была придавать) тексту какой-либо глубины, что особенно ощутимо на фоне изысканной пародии, послужившей поводом для обмена стихами.

Единственной серьезной стихотворной репликой, содержащейся в письмах, отправленных Пушкиным из Михайловского, стали две строфы из письма к П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 г. Это была серьезная полемика с адресатом⁸⁰ — и только этому стихотворному эпистолярному тексту Пушкин придавал самостоятельное значение: 16 января 1837 г. он отослал его А. И. Тургеневу, которому накануне прочитал свой ответ Вяземскому в числе других ненапечатанных стихотворений.⁸¹

К стихам, вошедшим в состав эпистолярия, близка по своей природе «домашняя», «альбомная» поэзия, создававшаяся в Михайловском и Тригорском. Возникновение этих стихов, написанных «на случай» (именин, присыл-

⁷⁹ Акад. Т. 13. С. 231.

⁸⁰ О содержании полемики см. примеч. С. В. Березкиной и А. С. Бодровой к стихотворению «(Из письма к П. А. Вяземскому)» («Так море, древний душегубец...») — наст. т., с. 857—858.

⁸¹ См.: Акад. Т. 16. С. 218; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 244.

ки цветов или других событий, имеющих значение лишь для их участников), естественно, если учесть женское окружение Пушкина. Такие стихи могут носить комплиментарный характер и строиться по правилам мадригала (как содержащее каламбурное обыгрывание имени Анна и завершающееся пуантом стихотворение «Хотя стишки на именины...» (1825)), а могут неожиданно завершиться столь непристойным финалом, что «пуант» приходится заменить точками, вписывая в девичий альбом («Увы, напрасно деве гордой...», 1825). В подобных стихах используются отработанные модели, уже ушедшие из серьезной лирики Пушкина. Так, написанное для П. А. Осиповой шестистишие «Цветы последние милей...» (1825) построено на метафорически выраженном предпочтении зрелости, которая «милее» юности, с использованием мотивного и лексического комплекса унылой элегии.

Лишь два альбомных стихотворения михайловской поры удостоились публикации: «Если жизнь тебя обманет...», в 1825 г. вписанное в альбом Е. Н. Вульф, а десять лет спустя — в альбом Ел. А. Сушковой, и «П. А. О(сиповой)» («Быть может, уж недолго мне...», 1825).⁸² В первом из них слышен отзвук духовной поэзии, ставшей в Михайловском предметом творческого внимания Пушкина, во втором развивается биографически важная для него тема побега и происходит мемориализация Тригорского.

6

В середине 1820-х гг. Пушкин все еще продолжал придерживаться установки Карамзина не отвечать печатно на выпады литературных противников и в письмах 1824 г. не раз упрекал Вяземского, что тот тратит свои силы на полемику со «сволочью нашей литературы».⁸³ Однако эта установка, основанная на том, что «должно иметь уважение к самому себе»,⁸⁴ относилась только к развернутым «антикритикам». Иное дело эпиграммы — остроумно-жестоким афористичным ответ, несмываемая печать на литературной репутации противника.⁸⁵ Такие эпиграммы Пушкин продолжал писать в Михайловском, отвечая на особенно задевшие его критические выпады.

Одной из постоянных мишеней эпиграмматического творчества Пушкина оставался редактор «Вестника Европы» М. Т. Каченовский, которому уже были посвящены четыре эпиграммы 1818, 1820, 1821 и 1824 гг. Весной 1825 г. к ним добавились еще три: «Литературное известие», «Жив, жив Курилка!» и «[Слов(есность) русск(ая) больна]...». Выступавший с классицистических позиций еще против Карамзина (и потому ставший для арзамасцев общим врагом), а затем против «новой» поэтической школы, к которой принадлежал Пушкин, Каченовский в 1820 г. поместил в своем журнале статью «Еще критика. (Письмо к редактору)»⁸⁶ с разбором напечатанных к тому

⁸² Альбомный характер стихотворения был подчеркнут при первой публикации в «Северных цветах» на 1829 г., где оно было озаглавлено: «В альбом П. А. О.».

⁸³ Акад. Т. 13. С. 97 (из письма к брату от 13 июня 1824 г.).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Программное выражение такой позиции заявлено в эпиграмме «Совет» (1825).

⁸⁶ Вестник Европы. 1820. Ч. 111. № 11. С. 213—220.

времени отрывков из «Руслана и Людмилы». Автором статьи, подписанной: «Житель Бутырской слободы», был один из ближайших сотрудников Каченовского А. Г. Глаголев, но в литературных кругах ее авторство приписали самому редактору «Вестника Европы». ⁸⁷ Каченовскому был приписан и «Второй разговор между Классиком и Издателем „Бахчисарайского фонтана”», ⁸⁸ в котором резко критиковалась статья Вяземского, напечатанная «вместо предисловия» к пушкинской поэме. ⁸⁹ В данном случае за подписью «N» скрывался не Каченовский, а другой его сотрудник и единомышленник М. А. Дмитриев. ⁹⁰ В феврале 1825 г. вышла в свет еще одна задевавшая Пушкина статья того же Дмитриева, на сей раз подписанная «Юст Веридиков». Она называлась «Мысли и замечания» и снова была воспринята как статья Каченовского. На «Второй разговор...» Пушкин отвечал эпиграммой «Охотник до журнальной драки...» (1824), на «Мысли и замечания» — эпиграммой «Жив, жив Курилка!» (1825). Показательно, что и после того, как подлинное авторство «Второго разговора...» обнаружилось, Пушкин продолжал считать эпиграмму «Охотник до журнальной драки...» адресованной Каченовскому. ⁹¹ Издатель «Вестника Европы», который безусловно разделял взгляды, выраженные в статьях своих постоянных сотрудников, и в любом случае (так же как и Измайлов) нес ответственность за материалы, публикуемые в его журнале, стал для Пушкина (как и для других литераторов его лагеря) чем-то вроде собирательного образа «Зоила», как граф Хвостов — собирательным образом незадачливого графомана. Иногда Каченовский давал повод для написания эпиграммы, в которой мог узнать себя и любой другой враждебный Пушкину журналист: таково, например, стихотворение «Жив, жив Курилка!».

Далеко не все эпиграммы на Каченовского предназначались к печати. Из тех, что были написаны в Михайловском, опубликовано только «Литературное известие», в арзамасском ключе причислявшее адресата к сонму покойных литераторов XVIII в. Пушкин собирался напечатать и эпиграмму «Жив, жив Курилка!», которая, однако, не была опубликована по неизвестным, возможно, цензурным причинам. Во всяком случае получивший ее в письме Вяземский сомневался в возможности публикации, вероятно смущенный весьма грубой лексикой стихотворения. Еще грубее — уже с явным нарушением пристойно-

⁸⁷ См.: Пушкин в прижизненной критике : 1820—1827. СПб., 2001. С. 355—356 (примеч. О. Н. Золотовой).

⁸⁸ Вестник Европы. 1824. Ч. 134. № 5.

⁸⁹ Вместо предисловия : Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова // Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. М., 1824. С. I—XX; без подписи.

⁹⁰ См.: Пушкин в прижизненной критике : 1820—1827. С. 404, примеч. Е. О. Ларионовой.

⁹¹ См. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 797—798, примеч. А. И. Роговой. Аналогичная ошибка произошла с адресацией эпиграммы «Ex ugue leonem»: Пушкин думал, что автором содержавшей выпад против него статьи «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы» (Благонамеренный. 1825. Ч. 30. № 19. С. 173; под текстом: С(ельцо) Соколово (с. 184)) был издатель «Благонамеренного» А. Е. Измайлов, в то время как статья в действительности написана Н. Ф. Остолоповым. Впрочем, настоящий автор статьи понял, что стал адресатом эпиграммы, хотя Пушкин и считал, что метит в Измайлова.

сти, допустимой в печати, — набросок «[Слов(есность) русск(ая) больна]...». Но настойчивость, с которой Пушкин работал над черновиком, свидетельствует о том, что эпиграмматические выплески составляли для него внутреннюю потребность, не сводимую к желанию печатно ответить противнику.

Эпиграмма могла писаться и ради красного словца, ради закрепления остроумного хода, пришедшего в голову, как например «Напрасно ахнула Европа...», написанная в адрес издававшейся Бестужевым и Рылевым «Полярной звезды» и по случаю «петербургского потопа» 1824 г. Пушкин, разумеется, не собирался печатать эпиграмму, которая прозвучала бы как выпад против дружественных ему издателей альманаха. В других случаях, когда эпиграмма не годилась для печати по цензурным условиям, но Пушкин желал, чтобы она стала известной, ее текст так или иначе начинал распространяться в копиях. Таковы эпиграмма на М. С. Воронцова «Сказали раз царю, что наконец...» (1825), в которой Пушкин несомненно сводил с адресатом личные счеты, или «Послужной список» (1824 или 1825). Последняя, остро-политическая эпиграмма на царя, отправившего поэта в ссылку, в случае ее распространения могла бы принести Пушкину самые серьезные неприятности, и тем не менее он не удержался поделить ее текст с теми, кто принадлежал к его самому тесному окружению, — с Анной и Алексеем Вульф.

Среди эпиграмм, написанных в Михайловском, только две — «⟨На Ф. Н. Глинку⟩» («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...») (1825) и «Соловей и кукушка» (1825) — имеют серьезное отношение к литературной проблематике, занимавшей Пушкина в этот период (эпиграммы на Каченовского, Измайлова или цензоров продиктованы либо досадой, либо желанием поддержать единомышленников, выступив против общего литературного врага).

Эпиграмма на Глинку, с которым Пушкина связывали теплые отношения, конечно, тоже была написана не для печати. Пушкин сообщил ее только Вяземскому, дальше которого она, судя по всему, не пошла. После отправленного Глинке в 1822 г. послания, где были выражены самые возвышенные чувства к адресату, текст эпиграммы звучит несколько неожиданно, даже если учесть, что определенные стороны личности и творчества Глинки — его горячность, наивность, религиозная экзальтация — вызывали ироничное отношение современников, несомненно отдававших дань его личному мужеству, гражданской смелости и деятельному благородству.⁹² Для того чтобы весьма прохладное отношение Пушкина к стихам Глинки вдруг вылилось в хлесткую эпиграмму, нужна была основательная причина, и такой причиной стало обращение Пушкина к той области поэзии, в которой Глинка занимал ведущее место, — к традиции духовной поэзии. Соль пушкинской эпиграммы в данном случае заключается, пожалуй, не в ее пуанте, а в найденном определении Глинки-поэта — «Кутейкин в эполетах». Его буквальный смысл указывал, с одной стороны, на «опыты священной поэзии» — переложения псалмов и фрагментов пророческих библейских книг, регулярно публикуемые Глинкой в 1822—1824 гг., с другой стороны — на военное звание и воинские заслуги

⁹² О Ф. Н. Глинке см. примеч. С. Б. Федотовой к стихотворению «Ф. Н. Г⟨линк⟩е» (1822) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 694—695.

участника всех наполеоновских кампаний. Однако соединение церковного и военного имело и более глубокий смысл, связанный уже не с одним только Глинкой, но также и с Кюхельбекером, который, как было сказано, призывал поэтов исполнять свой высокий гражданский долг, «воспаряя к престолу Незданного». ⁹³ Такое сочетание задач казалось Пушкину неуместным. Призывы Кюхельбекера нашли в его творчестве несомненный отклик, но характер его собственной духовной поэзии был совершенно иным.

Печатно заявленная солидарность с Кюхельбекером выразилась во второй из двух упомянутых эпиграмм — «Соловей и кукушка». Исследователи, которых удивляет прозвучавшее в ней отречение Пушкина от элегии, говорят иногда, что он имел в виду лишь эпигонов элегического жанра. Такая точка зрения должна быть скорректирована тем, что для самого Пушкина этот жанр начал утрачивать свое центральное значение.

В конце ноября—начале (не позднее 3-го) декабря 1825 г. Пушкин отправил Вяземскому тексты пяти своих эпиграмм: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Нет ни в чем вам благодати...» (под заглавием: «Мадригал»). Все они были напечатаны в альманахе «Уrania» на 1826 г., а четыре первые Пушкин позднее дважды объединял в списках стихотворений, предназначенных для издания. ⁹⁴ В таком объединении текстов М. П. Алексеев увидел намерение циклизации произведений, не пояснив, впрочем, в чем заключается единство этого предполагаемого цикла. ⁹⁵ Пояснить это, собственно, было бы и невозможно, поскольку никакого общего содержания эпиграммы не имеют. Более того, эпиграммами в узком смысле этого слова являются только «Совет» и «Соловей и кукушка». С определенными оговорками эпиграммой может быть названо «Движение» — остроумно оформленный исторический анекдот, завершающийся пуантом. Но два других стихотворения имеют уже совсем иную природу: «Дружба» афористически обобщает неоднократно звучавший у Пушкина мотив ложной дружбы, добавляя к нему «покровительства позор» — мотив, возникавший в его переписке; четверостишие «Нет ни в чем вам благодати...» построено на том, что оно одновременно является и комплиментом («мадригалом»), и его опровержением, т. е. остроумным совмещением двух противоположных смыслов. Тем не менее, посылая все эти стихотворения Вяземскому, Пушкин назвал их эпиграммами: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (черт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших». ⁹⁶

В 1821 г. Пушкин объединил под общим заглавием «Эпиграммы во вкусе древних» стихотворения «Нереида» и «Редет облаков летучая гряда...», вероятно имея в виду определение древней эпиграммы С. С. Уваровым в их общей с Батюшковым книге «О греческой антологии»: «Мы называем эпиграм-

⁹³ Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. С. 454.

⁹⁴ См.: Рукою Пушкина. С. 177, 178 (список, составленный в конце апреля—августе 1827 г.); Там же. С. 179, 181 (список, составленный в конце мая—июне 1828 г.).

⁹⁵ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 65.

⁹⁶ Акад. Т. 13. С. 245.

мою краткие стихи сатирического содержания, кончающиеся острым словом, укоризною или шуткою. Древние давали сему слову другое значение. У них каждая небольшая пиеса, размером элегическим писанная, (...) называлась эпиграммою. Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит и почти всегда дышит любовью. Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотою природы или памятниками художества. (...) Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чем древнее, тем проще». ⁹⁷ В «Стихотворениях» 1826 г. оба произведения вошли в отдел «Подражания древним», в издании, которое готовилось в 1836 г., «Нереиду» предполагалось поместить в разделе «Эпиграммы, надписи и проч.». Тот же раздел должен был включить все пять эпиграмм, посланных Вяземскому. Можно думать, что в середине 1820-х гг. Пушкин продолжал понимать эпиграмму не только в современном ему смысле, он объединял под этим общим названием ряд жанровых разновидностей, в число которых входили и «эпиграммы во вкусе древних», и лаконичные надписи афористичного содержания.

7

В Михайловском было создано несколько элегических шедевров, и тем не менее не элегиям (и тем более не посланиям и эпиграммам) суждено было стать главными событиями михайловского лирического творчества. Открытия, совершенные в этот период, были связаны с освоением или даже созданием новых жанров и усложнением жанрового мышления.

Принципиально новым поэтическим материалом, освоенным Пушкиным в Михайловском, стала фольклорная традиция. «Знаешь ли (мой) занятия? — писал он из Михайловского брату в первой половине ноября 1824 г., — до обеда пишу записки, обедаю поздно: пос(ле) об(еда) езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!». О том же около 9 декабря 1824 г. Пушкин писал Д. М. Шварцу: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны (...) она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно», а затем 25 января 1825 г. П. А. Вяземскому: «...живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки и песни». ⁹⁸

Осенью 1824 г. Пушкин начинает записывать в рабочую тетрадь ПД 836 народные песни и сказки и одновременно работать над собственными произведениями, имеющими фольклорную основу. Во второй половине октября 1824 г. он приступает к балладе «Жених», в конце октября набрасывает стихотворение «Как жениться задумал царский арап...», не позднее конца ноября 1824 г. записывает начальные строки наброска «Иван-царевич по лесам...»; в Михайловском создан и стихотворный цикл «Песни о Стеньке Разине» (более точной датировке он не поддается). Фольклорные элементы

⁹⁷ О греческой антологии. СПб., 1820. С. 5—7; «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 102. См. примеч. А. А. Долинина, Н. Г. Охотина и А. И. Роговой к стихотворению «Нереида» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 531—532.

⁹⁸ Акад. Т. 13. С. 121, 129, 135.

Пушкин вводит в текст трагедии «Борис Годунов», завершённой 7 ноября 1825 г. (песня «Ты проходишь, дорогая...», которую затягивает Варлаам в корчме (в издании 1831 г. вместо этой песни — «Как во городе было во Казани...»), песенка Юродивого⁹⁹), а также в «михайловские главы» «Евгения Онегина» («Песня девушек» в конце третьей главы,¹⁰⁰ святочное гадание и сон Татьяны¹⁰¹).

Нельзя сказать, чтобы фольклорные мотивы совсем не появлялись в более раннем творчестве Пушкина, но они имели в своем подавляющем большинстве книжное происхождение. Так, широко распространенный мотив народной лирической песни, использованный в не получившем окончательного оформления наброске «В твою светлицу, друг мой нежный...» (1821) мог быть известен Пушкину по многочисленным печатным песенным сборникам.¹⁰² В таких произведениях южного периода, как «Молдав(ская песня)» (1821), «Узник» (1822), «Братья разбойники» (1821—1822) нашли определенное отражение мотивы «разбойничьего» фольклора, с которым Пушкин мог познакомиться в Кишиневе, но попытки найти их конкретные фольклорные источники не привели к положительным результатам.¹⁰³ В Михайловском впервые оформляется интерес Пушкина к устному народному творчеству как самоценному материалу, поэт становится собирателем и пишет произведения, непосредственно ориентированные на фольклорные источники. Свою роль здесь, несомненно, сыграло самое тесное общение с носителями народной традиции, в первую очередь с Ариной Родионовной.¹⁰⁴ Тем не менее ни одно из произведений, созданных в михайловский период, не стало «переложением» того или иного фольклорного текста.¹⁰⁵ В незавершенном стихотворении «Как жениться задумал царский арап...» (1824) Пушкин явно осваивал как метрику, так и стилистику народных песен. Синтаксический параллелизм, повторы, уменьшительно-ласкательные формы, просторечная лексика,¹⁰⁶ образ невесты-лебедушки — все это было заимствовано из фольклора и близко к песням свадебного цикла, но сюжет о женитьбе черного предка не имел к народной

⁹⁹ См. примеч. Л. М. Лотман к трагедии — наст. изд., т. 7, с. 662—664, 707—708, 687.

¹⁰⁰ Ее черновик в тетради ПД 835, л. 19 об. записан между 26 сентября и 2 октября 1824 г. (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 : (Из текстологических наблюдений) // Пушкин : Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 41).

¹⁰¹ Черновые наброски в тетради ПД 835, л. 81—84 датируются январем 1826 г. (см.: Там же. С. 44).

¹⁰² См.: *Лобанова А. С.* Об источнике и замысле одного пушкинского фрагмента // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993. Вып. 25. С. 114—118.

¹⁰³ См. примеч. А. И. Роговой, А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой к названным стихотворениям — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 859, 735—736.

¹⁰⁴ См.: *Бугославский С. А.* Русские народные песни в записи Пушкина // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6. С. 189; *Гроссман Л. П.* Степан Разин в творчестве Пушкина // Учен. зап. Московск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 20, вып. 2. С. 68—69.

¹⁰⁵ Исключение составляет, разве что, набросок «Иван-царевич по лесам...» (1824), который не продвинулся дальше трех стихотворных строк, очевидным образом связанных со сказочным сюжетом «Царевич и серый волк».

¹⁰⁶ См.: *Бонди С. М.* Народный стих у Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине : Статьи и исследования. М., 1983. С. 433.

традиции ни малейшего отношения. Это был еще один приступ к строительству биографического мифа, месяцем раньше намеченного в послании «К Языкову».¹⁰⁷ Художественное задание, так и не нашедшее завершенного выражения, заключалось в стилизованном оформлении материала, уже получившего варианты литературного воплощения как в лирическом жанре, так и в романе в стихах.

Цикл о Стеньке Разине явно сложился под впечатлением посвященных этому герою народных исторических песен. Свидетельство тому — собственноручные пушкинские записи песен о Разине и его сыне.¹⁰⁸ Однако этими слышанными им, безусловно яркими сюжетами Пушкин не воспользовался при создании оригинального цикла, а единственный точно установленный на сегодняшний день источник сюжета о Разине и персидской царевне имеет книжное происхождение (печатавшиеся в «Северном архиве» фрагменты из книги Я. Я. Стрейса, переведенные А. О. Корниловичем).¹⁰⁹ Между тем Пушкин явно стремился к возможно более точной стилизации народных песен, и ему действительно удалось создать иллюзию почти безыскусного следования их метрике, ритмике и стилистике. Возникает впечатление, что для воспроизведения фактуры народной поэзии Пушкин не желал использовать фольклорный сюжет или, может быть, хотел поместить стихотворение, сюжетно восходящее к народной традиции (второе в цикле), в общем ряду с текстами, имеющими чисто литературный генезис. В последнем случае можно предположить нечто вроде мистификаторской задачи, подобной той, которую ставили перед собой Макферсон при создании поэм Оссиана или Проспер Мери́ме при создании «Гюэлы». Как бы то ни было, по крайней мере первый из стилизованных Пушкиным сюжетов получил репутацию «фольклорного»: он несомненно послужил одним из импульсов для создания самой известной литературной обработки этого сюжета — стихотворения Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (опубл. в 1883 г.), ставшего народной песней.

В стихотворении «Жених» взаимодействие фольклорного и книжного материала было задумано прямо противоположным образом: близко следуя сюжету народной сказки, Пушкин избрал для его оформления строфику, восходящую к балладе Г. А. Бюргера «Ленора» («Lenore», 1773), вольные переводы которой, выполненные В. А. Жуковским («Людмила», 1808) и П. А. Катениным («Ольга», 1816), стали еще в 1816 г. предметом полемики о принципах создания «народной» баллады.¹¹⁰ В отличие от создателей «Людмилы» и «Ольги» Пушкин почерпнул свой сюжет непосредственно из народной традиции и развернул его, используя характерные для нее языковые

¹⁰⁷ Послание датируется 20 сентября 1824 г., «Как жениться задумал царский арап...» — временем около (не позднее) 31 октября 1824 г. (см. примеч. И. В. Немировского, Г. Е. Потаповой, С. В. Березкиной и В. Д. Рака к этим стихотворениям — наст. т., с. 476, 963).

¹⁰⁸ См.: Рукою Пушкина. С. 409—411.

¹⁰⁹ Путешествие голландца Яна Янсена Стрейса по России в 1668 году // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 5. С. 275—290; Ч. 10. № 7. С. 26—40.

¹¹⁰ См. об этом примеч. С. В. Березкиной к стихотворению «Жених» — наст. т., с. 749—753.

средства, но этот фольклорный субстрат получил подчеркнуто литературное стихотворное оформление. Едва ли выбор подобной формы был следствием инерции, возникшей при обращении к балладному жанру, поскольку само взаимодействие жанров сказки и баллады, один из которых имел фольклорный, а другой — литературный генезис, входило в данном случае в очевидное намерение Пушкина.

Определенной трансформации подвергся в «Женихе» и сам сказочный сюжет о женихе-разбойнике. Он передан со свойственным Пушкину лаконизмом, в частности, характерный для сказки двойной приезд сватов (сначала до, а затем после посещения девушкой дома разбойников) сведен к одному эпизоду сватовства. Так же Пушкин поступит в 1830 г., заменяя в «Каменном госте» сохраненный Мольером главный фабульный узел легенды о Дон Жуане — мотив двойного приглашения (сначала Дон Жуан зовет командора на ужин, а затем получает ответное приглашение статуи), единственным эпизодом.¹¹¹ Исключено в «Женихе» и другое удвоение, имеющееся в сказочном повествовании: в сказке сначала описано посещение девушкой разбойничьего дома, а затем дан ее рассказ об этом событии — у Пушкина первое описание опущено. В обоих случаях исключение дублирующих друг друга сюжетных звеньев повлекло за собой устранение имевшейся в сказке мотивировки событий: из пушкинского текста остается неясным, почему Наташа отправилась в лесной дом и насколько точен ее рассказ о том, что там произошло. Финал поэтому допускает двойное толкование: рассказ Наташи — либо правдивое описание случившегося (как в сказке), либо иносказание. В последнем случае «красавица-девица» — это она сама, «погубленная» женихом до свадьбы. В сказке рука или палец отрублены для того, чтобы снять кольцо, — у Пушкина такая мотивировка (и вообще связь между упоминанием руки и кольца) отсутствует.¹¹² Непроясненность сюжета погружает его в атмосферу таинственности, характерную для баллады. Поэтика «сюжетных пропусков» практиковалась Пушкиным еще в южных поэмах — и в «Кавказском пленнике», и в «Бахчисарайском фонтане», и в «Цыганах». 6 февраля 1823 г. он писал Вяземскому, комментируя один из таких «пропусков»: «...не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности».¹¹³ Но в поэмах не высказанное могло быть угадано читателем — в «Женихе» подсказки отсутствуют, лакуны остаются невосполнимыми, текст оберегает свою тайну, с которой читателю остается только смириться. Кроме взаимодействия фольклора и

¹¹¹ См. примеч. В. Е. Багно и М. Н. Виролайнен к «Каменному гостю» — наст. изд., т. 7, с. 830.

¹¹² В рамках интерпретации страшного рассказа как иносказания это позволяет видеть в словах «Ей праву руку рубит» метафору «погубления» девицы (см.: *Поволоцкая О. Я. «Жених»: Сюжет, композиция, смысл // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 8—11*). Мотив «погубленной» девицы имплицитно присутствует и в фольклоре: в ряде записанных вариантов сказки девушку, прежде чем убить и отрубить ей палец, раздевают (см., например, в сказке «Королевна и разбойники»: разбойники приводят «вельмі хорошую і багатую панну; ұзялі яну разабралі дагала, палажылі на калодку і зарэзалі, а после зачалі знімаць персцёнкі з рук, і з аднаго пальца ніяк не маглі зняць» — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 3. С. 93).

¹¹³ Акад. Т. 13. С. 58.

литературы, сказки и баллады здесь возникает еще одно парадоксальное совмещение: предельной простоты языка произведения и затемненного смысла рассказанного в нем происшествия.

8

Другой областью, впервые освоенной Пушкиным в Михайловском, стала «духовная поэзия» — стихотворения, написанные с опорой на священные книги, Коран и Библию. Обращение к этим источникам в значительной мере связано с характерным для Пушкина на протяжении всей его жизни интересом к разным культурным традициям — интересом, проявившимся, в частности, в переводах и переложениях произведений тех или иных избранных авторов. В михайловский период кроме Шенье такими авторами стали Вольтер и Ариосто. Начатый в 1825 г. перевод «Орлеанской девственницы» Вольтера и предпринятый в следующем году перевод фрагмента XXIII песни поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» едва ли предполагали продолжение. В обоих случаях весьма точно следуя за оригиналом, Пушкин скорее осваивал образчики стиля двух шедевров стихотворного эпоса. Свои переводы он стремился довести до совершенства — они не оставлены в черновиках, работа доведена до стадии белого автографа, но печатать их не собирался.

Трудно сказать, что побудило Пушкина в середине 1820-х гг. обратиться именно к этим текстам. Обоих авторов он знал еще в Лицее («Орлеанская девственница» уже тогда стала его любимым произведением). Свойственная им обоим манера вводить в стихотворное эпическое повествование лирические отступления уже была использована в «Евгении Онегине», хотя наиболее значимым образцом здесь служил, конечно, Байрон. Еще раньше, в «Руслане и Людмиле» (1817—1820) был освоен жанр волшебной сказочной поэмы, представленный произведением Ариосто. Что же касается октавы, которой написан «Неистовый Роланд», то к ней Пушкин, спустя пять лет создавший свой вариант октавы в «Домике в Коломне», в 1826 г. интереса не проявил: его перевод выполнен строфами неравной величины, четырехстопными ямбами с вольной рифмовкой.

Можно лишь предполагать, что Пушкин заново обратился к Вольтеру и Ариосто, обдумывая возможность новых модификаций стихотворного эпоса. Во всяком случае написанный в декабре 1825 г. «Граф Нулин» — прямое свидетельство того, что разновидность поэмы, которая была представлена его южным творчеством, стала пройденным этапом. Среди черновиков михайловского периода имеется набросок «Блестит луна, недвижно море спит...» (1825), к которому несомненно относится сообщение А. Н. Вульфа, переданное Н. М. Языковым в письме к брату: «...он (Пушкин) пишет новую поэму „Эвнух“». ¹¹⁴ Мало вероятно, что создатель «Бахчисарайского фонтана» собирался заново обратиться к «гаремной» тематике и написать еще одно произведение, близкое к первому по поэтике. Возможно, было задумано произведе-

¹¹⁴ Письма Н. М. Языкова к родным... С. 199 (письмо к А. М. Языкову от 19 августа 1825 г.).

ние, пародийное по своей направленности, опровергающее сложившуюся жанровую модель. Подтверждений такому предположению, впрочем, нет; строки наброска сами по себе не предвещают неожиданного поворота. К поискам новых моделей жанра, также гипотетически, можно отнести черновые наброски перевода стихотворной сказки Вольтера «Что нравится женщинам», с иронией и грубоватым остроумием пересказывающей сюжет, отнесенный к неким стародавним временам.

Так или иначе, но эти пробы освоения европейского литературного материала значимых творческих результатов не принесли. Иное дело — обращение к тем источникам, которые Пушкин трактовал как восточную поэзию. Когда в 1836 г. он готовил новое издание своих произведений (рукопись Собр. ст. 1836 г.), один из его разделов был озаглавлен им «Вольные подражания восточным стихотворениям» и в основном составлен из текстов, созданных в период михайловской ссылки. Сюда вошли «Пророк», «В крови горит огонь желанья...», «Вертоград моей сестры...», «Виноград», «О дева-роза, я в оковах...», «Подражания Корану». Показательна связь этих «подражаний» с переводами: переложению фрагмента из Песни песней царя Соломона («В крови горит огонь желанья...») предшествовал сделанный еще в 1821 г. прозаический перевод с церковнославянского на русский. Как уже говорилось, в создании этих текстов можно видеть отклик на призыв Кюхельбекера, но осуществляемый не через реставрацию архаических жанров и стиля, а через поиск нового материала и поэтики.

Объединение в общем разделе произведений, имевших ветхозаветные источники, с текстами, почерпнутыми из Корана, и стихами, воспроизводившими восточный колорит, объясняется тем, что Библия была в восприятии Пушкина памятником восточной словесности. В разделе должны были оказаться рядом образцы духовной и светской поэзии Востока, усвоенные искусством европейца, который желает проникнуться духом оригинала, но сохраняет дистанцию по отношению к нему. Отзыв Пушкина о поэме Мура «Лалла Рук» (см. письмо к П. А. Вяземскому от начала апреля 1825 г.) свидетельствует, что отсутствие такой дистанции и возникающая вследствие этого стилизация восточной поэзии были для него неприемлемы. Но столь же неприемлемым было и следование уже сложившейся русской традиции освоения библейских текстов.

Начало этой традиции восходит к XVIII в., к переложениям псалмов в поэзии Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова, Капниста, Хераскова, Державина. В первой четверти XIX в. самым активным продолжателем традиции духовной поэзии стал Федор Глинка. В его «Опытах священной поэзии», объединивших в 1826 г. ранние стихотворения, подражания псалмам становятся более вольными, открыто контаминируются цитаты и реминисценции из разных мест Библии, высокая лексика совмещается с разговорной интонацией, одическое начало — с сентименталистской, и с простонародной стилистикой, а целое подчинено гражданственно-дидактическому пафосу. Упомянутая выше эпиграмма Пушкина на Глинку служит знаком неприятия его духовной поэзии, но и внимания к ней.

Песнь песней, выбранная еще на Юге для поэтического перевода, не вошла в круг библейских текстов, служивших русским поэтам источниками пе-

реложений; этот выбор сам по себе говорит о желании обновить традицию. Так же как при работе с фольклором («Песни о Стеньке Разине») или с Кораном, два лирических фрагмента, созданные по мотивам Песни песней, составили при первой публикации малый цикл, причем основанием для циклизации во всех случаях служил общий источник. Но характер работы с ним не повторялся: в одном случае («Вертоград моей сестры...») Пушкин достаточно близко следовал за конкретными библейскими стихами, в другом («В крови горит огонь желанья...») прихотливо сочетал мотивы, рассеянные по тексту Песни песней. Художественное задание, как кажется, было сосредоточено на стремлении удержать равновесие между библейской стилистикой, маркированной характерными лексическими вкраплениями, и тем «элегическим» стилем, который лежит в основе пушкинской поэтической речи.

Гораздо более решительным нарушением сложившихся канонов духовной поэзии явились «Подражания Корану»: источник переложений обновлялся в этом случае демонстративно. Впрочем, и здесь можно предполагать косвенное влияние младоархаистов. О художественном интересе к Корану Кюхельбекера еще в 1823 г. сообщал Жуковскому Вяземский (письмо от 27 августа),¹¹⁵ возможно, известия об этом дошли и до Пушкина. «Вкус и взор европейца»,¹¹⁶ которые, как считал Пушкин, должны остаться непоколебленными при взаимодействии с восточной поэзией, открыто заявлены лишь в примечаниях к циклу. Поэтический текст, так же как «Песни о Стеньке Разине», строится на подчеркнутом исключении личного лиризма поэта и уж тем более его оценок. В определенном смысле «Подражания Корану» предвосхищают работу над «Борисом Годуновым»: лирическое звучание отдано стилизуемому источнику, его дух получает новое воплощение средствами современной «новой» поэзии, которая, как и в переложениях из Песни песней, обращается к библейской образности (подсказанной не только традицией духовной поэзии, но и переводом Корана, выполненным М. И. Веревкиным), не позволяя архаизирующей тенденции стать доминантной.

Дистанцированность по отношению к предмету воплощения лишь в одном из «восточных» стихотворений — в «Пророке» — сменилась своей прямой противоположностью: совмещением голосов ветхозаветного источника и лирического героя. Ни один из текстов «Подражаний Корану», написанный от первого лица, не позволяет отождествить это лицо с авторским голосом Пушкина. «Пророк» же на протяжении двух столетий с такой убежденностью воспринимается поколениями читателей как лирическая декларация поэта, что это заслоняет природу стихотворения, главенствующей чертой которого является равновесие двух начал: «объективного» изложения истории библейского пророка и «субъективного» лирического проживания той же истории. Что же касается темы «поэта-пророка», то она также возникла не без влияния младоархаистов: в первой части альманаха Кюхельбекера «Мнемозина» было напе-

¹¹⁵ Речь шла о трагедии «Любовь до гроба, или Гренадские мавры», над которой работал Кюхельбекер. Своим интересом к Востоку он явно был обязан общению с Грибоедовым (см.: Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. [Соч.] Л., 1939. Т. 1. С. XXXII, XXXV (Б-ка поэта; Большая сер.)).

¹¹⁶ Акад. Т. 13. С. 160.

чатано стихотворение Грибоедова «Давид».¹¹⁷ И вновь пушкинское восприятие этой темы оказалось полемичным. Светозарный ангел, посланный лирическому герою Грибоедова, помазал его «Елеем благодати небесной»,¹¹⁸ дабы направить на подвиги и испытания, — мистический натурализм пушкинского стихотворения изображает самый акт божественного призвания как превышающий человеческие возможности.

9

Итак, в середине 1820-х гг. жанровое мышление оставалось неотъемлемым свойством творческого сознания Пушкина. Но созданию наиболее значительных произведений почти неизменно сопутствовало совмещение разных жанровых моделей. Такое совмещение часто воспринимают как смешение, размывание жанровых границ и, следовательно, утрату жанрового мышления. Едва ли этот взгляд правомерен. В пушкинской поэзии происходит не смешение, а взаимодействие разных жанров, при котором каждый из них привносит в произведение всю меру собственной определенности — и это не существующая помимо авторского сознания «память жанра», а совершенно сознательное использование тех языков и мотивно-тематических комплексов, с которыми каждый из жанров связан.

Одним из наиболее очевидных примеров может служить стихотворение «Аквилон» (1824), для которого взят классический басенный сюжет, известный со времен античности, воплощенный и Эзопом, и Лафонтеном, а вслед за ними многими русскими поэтами, от Сумарокова до Крылова. Но языковые средства, использованные Пушкиным при его переложении, далеки как от басенной традиции, так и друг от друга — это языки оды и элегии.¹¹⁹

Другой не менее выразительный пример — стихотворение «Вакхическая песня» (1825), казалось бы не имеющее по своему необыкновенному звучанию жанровых аналогов даже в творчестве самого Пушкина. Однако это звучание возникло в результате взаимодействия двух совершенно определенных жанровых традиций: современной застольной песни и античного дифирамба, генетически связанных, но далеко разошедшихся к началу XIX в. Русская «вакхическая поэзия», расцветшая в середине 1810-х гг. и представленная такими авторами, как Вл. Измайлов, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Дельвиг, Языков, Кюхельбекер, О. Сомов, В. Туманский, а также менее известными поэтами, к середине 1820-х гг. перестала восприниматься как продуктивная традиция, вновь появляющиеся стихотворения воспроизводили один и тот же набор мотивов (звон стаканов, пенистое вино, любовные радости

¹¹⁷ См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. С. 367.

¹¹⁸ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. : В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 221.

¹¹⁹ О связи стихотворения с одической и элегической традициями см.: Кардаш Е. В. Стихотворение Пушкина «Аквилон» : К вопросу об историко-литературном контексте // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 178—205. См. также примеч. того же автора к стихотворению «Аквилон» — наст. т., с. 624—626.

и т. п.), дублируя друг друга и легко поддаваясь пародированию.¹²⁰ К застольным песням предъявлялись те же упреки, что и к элегии: они перепевают друг друга, жанр шаблонизировался. Внимание Пушкина к этому жанру, возможно, было привлечено знакомством с «Песнями» Языкова (1823), приезда которого в Тригорское он с таким нетерпением дожидался. Но создавая свою «Вакхическую песню», он подключил к типовым мотивам застольных песен XIX в. стилизованные черты дифирамбов, которые, как сообщалось в «Кратком начертании теории изящной словесности» А. Ф. Мерзлякова, «сочинялись первоначально для праздников Бахуса»: ¹²¹ выражение торжественных, сильных, радостных чувств, порывистость мысли, метрическое разнообразие (ему соответствует у Пушкина разностопный амфибрахий).¹²² Так тост превращается в гимн и создается жанровый прообраз «гимна в честь Чумы» Председателя пира в «маленькой трагедии» 1830 г.

Отходящий на литературную периферию жанр застольной песни вообще оказался для Пушкина необыкновенно продуктивным в 1825 г., поскольку из него кроме «Вакхической песни» выросли еще два шедевра: «Зимний вечер» и «19 октября». Связь этих стихотворений с застольной песней сейчас кажется второстепенной, не определяющей их содержания, а между тем в них звучит не что иное, как тосты.

«Зимний вечер» даже лучшими современными исследователями воспринимается как стихотворение, лишенное соотнесения с жанровой системой, которая, как кажется, теряет свою актуальность для Пушкина. «Стихотворение входит в ту сферу новой лирики, где представление о правильной системе жанров уже утрачено» — это замечание И. Л. Альми выражает почти общее мнение.¹²³ Между тем в «Зимнем вечере» осуществлен виртуозный жанровый сплав, гармонизирующий исходные стилевые составляющие, которые, однако, остаются узнаваемыми.

Избранный Пушкиным четырехстопный хорей — размер, характерный именно для застольных песен;¹²⁴ к ним отсылает и рефрен с призывом: «Выпьем, добрая подружка...». Но он подан уже не в качестве припева, который должен появляться с обязательной регулярностью после каждой строфы,

¹²⁰ Примеры пародирования см.: Правила нынешних молодых поэтов // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 3. С. 146—147 (без подписи); Крылов А. А. Вакхические поэты // Там же. Ч. 14. № 10. С. 140—141.

¹²¹ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 187.

¹²² Подробнее о соотношениях традиций русской застольной песни и дифирамба в «Вакхической песне» см.: Лобанова А. С. Поэтический контекст «Вакхической песни» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. С. 129—139; см. также примеч. того же автора к «Вакхической песне» — наст. т., с. 762—766. Там же см. об источниках представлений Пушкина о жанре дифирамба.

¹²³ Альми И. Л. «Зимний вечер» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 124.

¹²⁴ См.: Белоусов А. Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста: Материалы для учителя. Таллин, 1988. С. 27—28. Там же (с. 18—19) отмечена выразительная параллель между «Вакхической песней» и «Зимним вечером»: «Что смолкнул веселия глас?» — «Что же ты, моя старушка, / Приумолкла у окна?».

а следует за повтором четырех начальных строк и таким образом и подхватывает жанровую традицию, и уклоняется от нее.

Вкрапление фольклорной лексики, сюжетно оправданное обращением к носительнице народной традиции, подготавливает почти цитатное включение строк из двух народных песен — отсылка, тоже имеющая вполне конкретную жанровую определенность и соотносящая контексты литературной песни и песни фольклорной (песня про синицу начинается с описания того, как птицы готовятся бражничать). С другой стороны, использование просторечия сближает пушкинский текст как с фольклором, так и со стилистикой дружеского послания, в частности с «Моими пенатами» Батюшкова. «Ветхой лачужке» в «Зимнем вечере» соответствует «ветхий стол» в «хижине» батюшковского лирического героя.¹²⁵ Дружескому посланию (а не только застольной песне) соответствует и мотив «пира» — именно в послании скромное сельское уединение обычно служит тем местом, где надлежит состояться пиру избранных. Характерен для дружеского послания и самый призыв к пиру. Хорей (впрочем, трехстопный) — также размер, свойственный дружескому посланию, в том числе и пушкинскому.

Наконец, еще один более чем вероятный источник стихотворения Пушкина маркирует его связь с элегией. Речь идет о близком сюжетном совпадении «Зимнего вечера» с четырьмя строками «Элегии из Тибулла» Батюшкова:

При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.¹²⁶

Просторечия ложатся в пушкинском тексте на элегический лексический субстрат, а элегическая тональность становится определяющей в стихотворении, не позволяя ему совпасть по тону и настроению с мажорной, как правило, застольной песней или с оживленными интонациями дружеского послания.

Жанровые компоненты стихотворения вполне узнаваемы, и их взаимодействие не хаос смешения, не случайный конгломерат разнородных языковых и стилевых элементов. Это сознательное обращение к языку и мотивам разных, но имеющих точки соприкосновения жанровых традиций, сведенных к единству мерой и гармонией стиха. Кажется, стихотворение не таит никакого непостижимого смысла, все содержание на виду, оно представлено с исчерпывающей буквальностью, потаенным объемом становится именно жанровая многомерность. Существенно, что речь идет не только о генезисе, т. е. об импульсах к созданию произведения, актуальных лишь при начале работы, — жанровые включения остаются в составе текста, их сочетания и столкновения

¹²⁵ См.: Там же. С. 21—22.

¹²⁶ Батюшков К. Н. Элегия из Тибулла : Вольный перевод // Батюшков К. Н. Соч. М.; Л., 1934. С. 64; см.: Малафеев К. А. «Я думал стихами...» : Историко-документальные очерки о лирических стихах А. С. Пушкина. Рязань, 2000. С. 37—39. В подлиннике у Тибулла не «подруга», а «старушка». На полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова Пушкин у процитированного места сделал помету: «прелесть» (Акад. Т. 12. С. 259).

приведены в состояние динамического равновесия, и именно эта скрытая динамика ощущается как внутренняя жизнь поэтического текста.

На фоне сказанного необходимо вернуться к вопросу об автобиографизме пушкинской лирики. Многими поколениями читателей картина, запечатленная в «Зимнем вечере», воспринимается как едва ли не бытовая зарисовка, почти документальное свидетельство о жизни Пушкина в Михайловском. Этому восприятию, собственно, ничто не противоречит: долгие и, вероятно, грустные зимние вечера, шум метели, старушка, именно по вечерам, как говорится в одном из уже цитированных писем Пушкина, рассказывающая ему сказки и поющая песни, — все это действительно составляло антураж михайловской жизни. Документально подтверждаются и другие детали, например, готовность Арины Родионовны пображничать вместе со своим воспитанником, скудость обстановки в барском доме и т. д.¹²⁷ Но уже одно только совпадение бытовых деталей с картиной, описанной в приведенном выше фрагменте «Элегии из Тибулла», указывает на то, что бытовая сцена строилась не как зарисовка с натуры, самый отбор деталей соответствовал тем или иным жанровым образцам. Кроме того, на фоне многообразных жанровых включений элементы жизненной достоверности становились еще одним компонентом текста, встраивались в литературный ряд, это и сообщало бытовой сцене тот мемориальный статус, который закрепился за ней в читательском сознании. И Пушкин, конечно, отдавал себе в этом полный отчет, так же как при создании стихотворения, обращенного к лицейским товарищам.

Связь «19 октября» с традицией застольных песен не менее очевидна: строки, посвященные наставникам и царю, откровенно оформлены как два тоста. Тост за царя подхватывал традицию, заложенную написанным при окончании Лицея стихотворением Дельвига, которое имело в своем заглавии жанровое определение: «Прощальная песнь...».¹²⁸ Сама адресация текста друзьям, собравшимся на дружеский пир, вводила ситуацию застолья: на нее недвусмысленно указывал эпиграф из Горация, предпосланный первой редакции стихотворения: «Nunc est bibendum».¹²⁹ Таким же застольным обращением были послания Илличевского («С тех пор, как мы лицейски стали...», 1822) и Дельвига («Семь лет пролетело, но дружба...», 1824), приуроченные к 19 октября. Эпиграф связывал стихи, написанные к лицейским праздникам, с «традицией застольной песни от новоевропейских ее вариаций до античных образов — пиршественных од Алкея, Анакреонта и Горация. Общая для текстов этой традиции ситуация пира прослеживается во всех „лицейских годовщинах” Пушкина».¹³⁰

Еще один текст, с которым следует соотнести пиршественную ситуацию «19 октября», — «Певец во стане русских воинов» Жуковского (1813), стихотворение, построенное как череда зазданных тостов, прославляющих од-

¹²⁷ См. примеч. О. С. Муравьевой к стихотворению — наст. т., с. 818—819, 821—822.

¹²⁸ См.: Дельвиг А. А. Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея // Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 125.

¹²⁹ «Теперь надлежит выпить» (лат.) — из книги Горация «Оды» (Сарм. I, 37).

¹³⁰ Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в произведениях А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 100.

ного за другим героев Отечественной войны. На «Певца во стане...» Жуковского (и одновременно на «Певца в беседе любителей русского слова» Батюшкова (1813), где травестирован текст Жуковского и вместо воспевания героев дано осмеяние «беседчиков» (также одного за другим)), было ориентировано лицейское стихотворение «Пирующие студенты» (1814), в котором Пушкин использовал хорошо узнаваемые строфику и размер высокого образца Жуковского и следующей за ним батюшковской травести. И так же, как у Жуковского и Батюшкова, в стихотворении Пушкина, тоже построенном как речь, обращенная к пирующим, один за другим представали его лицейские одноклассники. Этот предмет не соответствовал ни пафосу, ни высокой теме Жуковского, но и не подлежал осмеянию. Одновременная ориентация на два образца позволяла с определенной долей иронии все-таки воспеть собственных друзей, пока еще конечно не заслуживших места в истории. В 1825 г. Пушкин уже мог сделать это вполне всерьез, и когда фигуры лицестов, одна за другой, начинают появляться в тексте «19 октября», внутренняя связь стихотворения с «Пирующими студентами» (а через них и с «Певцом во стане...» Жуковского) должна была стать очевидной для посвященных. Такими посвященными и были собравшиеся на годовщину: лицейские стихи Пушкина были хорошо памяты его товарищам, деятельно переписывавшим в свое время его стихотворения. Собственно, и состав лицестов в «Пирующих студентах» и в «19 октября» почти один и тот же, повторяются и их характеристики: все тем же «спартанцем» предстает в первой редакции Вольховский, «певцом» — Корсаков, которого в 1825 г. уже не было в живых. И словно в ответ обращенной к нему в «Пирующих студентах» строке: «Приблизься, милый наш певец» звучит строка «19 октября»: «Он не пришел, кудрявый наш певец».

Отсылка к лицейским текстам в «19 октября» множество, они не исчерпываются одним только пушкинским стихотворением — это парафразы строк одной из относящихся все к тому же «песенному» жанру лицейской «национальной песни» и «Процальной песни...» Дельвига.¹³¹ «Разный путь», назначенный судьбой Пушкину и Горчакову, повторяет ключевой мотив адресованного ему пушкинского послания 1817 г. («Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)). Одна из автореминисценций включена в оформление кольцевой композиции «19 октября», которое начинается и завершается картиной одинокого пира поэта. Если в «Зимнем вечере» его жилище было названо «лачужкой» — словом из лексикона дружеского послания, то в «19 октября» оно становится «кельей», что приводит на память метафору «Лицей — монастырь», использованную в посланиях «К Наталье» (1813) и «К сестре» (1814). Мотив, введенный в самом начале стихотворения, подхвачен в его финале, где автор предстает «отшельником опальным». Как и строка о Корсакове, образ получает свое развитие сравнительно с юношеским стихотворением: пятнадцатилетний мальчик признавался занимающей его воображение героине, что он «монах», ссыльный двадцатипятилетний Пушкин в 1825 г. называет себя «отшельником».

¹³¹ См. примеч. С. В. Березкиной и Я. Л. Левкович к стихотворению «19 октября» — наст. т., с. 784—785, 789, 791, 792.

При всей близости к разным модификациям «застольных песен» стихотворение «19 октября», разумеется, в этот жанр не укладывается. Адресованное далеким друзьям, стихотворение, естественно, обладает чертами послания. Создание их стихотворных портретов — одно из характерных заданий жанра послания, которое, как уже говорилось, служило формированию репутации адресата. Концепция личности Дельвига, какой она дана в «19 октября», в общих чертах уже была сформирована обращенными к нему пушкинскими лицейскими стихами. Типично для послания и использование ведущих тем и лексики поэта-адресата — в «19 октября» именно этим отличаются строки, обращенные к Дельвигу и Кюхельбекеру. Жанровая связь с дружеским посланием выражается и в обращении к характерному для него тематическому комплексу — это мотив сельского уединения поэта, адресация к дружескому кругу, воображаемый пир, тема смерти, сопряженная с темой пира. Актуальность горацанской традиции, усвоенной русским дружеским посланием, акцентирована не только снятым при печати эпиграфом из Горация, к ней восходит и мотив одинокого пира, образующий композиционное кольцо пушкинского стихотворения.¹³²

В то же время биографический контекст связывает стихотворение с совершенно иной разновидностью послания, представленной в культурной традиции «Письмами с Понта» высланного из Рима Овидия. Пушкин, не раз проводивший в пору своего южного изгнания параллель между собственной судьбой и судьбой Овидия, эту связь, конечно, хорошо осознавал. Но в рамках Овидиевой традиции послание окрашивалось в элегические тона, и, следуя ей, Пушкин избирает элегическую тональность и элегическую лексику в качестве доминирующих. Вместе с ними в стихотворение входят некоторые устойчивые элегические мотивы: растраченной юности, предательства друзей. Но главное — элегическое начало подчиняет себе общее звучание стихотворения, затушевывая его связь с застольной песней или дружеским посланием. В отдельных фрагментах поэтического высказывания его элегическая окрашенность получает особое значение. Прежде всего это касается элегического обращения к ополчившемуся против элегии Кюхельбекеру — проникновенные строки Пушкина не могли не тронуть его до слез, и это было, может быть, самым сильным аргументом, выдвинутым против лицейского товарища в полемике об элегии.

Как и в «Зимнем вечере», напластование жанровых традиций не становится в «19 октября» их случайным смешением. Они получают то самое полифоническое звучание, которое Бахтин искал у Достоевского: «голос» каждой традиции хорошо различим, отчетливо слышим. Впечатление смешения может возникнуть лишь оттого, что эти «голоса», или партии, вводятся не поочередно: произведение строится как сложная оркестровка, как общее звучание не теряющих собственной индивидуальности инструментов.

Стихотворение производит, и безусловно призвано производить, впечатление высказывания подлинно автобиографического. И его центральная сюжетная ситуация — ссыльный поэт шлет послание далеким друзьям — точно отражает реальность. Но нельзя забывать, что создание иллюзии достоверно-

¹³² Ср.: Сarm. III, 1, 19—22 (см.: Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в произведениях А. С. Пушкина. С. 106—107).

сти — одна из прямых задач этого текста: он пишется так, чтобы возникло ощущение синхронности акта его создания и празднования поэтом лицейской годовщины. Между тем вероятность, что стихотворение написано именно 19 октября, не слишком велика. В его центральной части описан воображаемый пир петербургских друзей, затем воображаемое возвращение поэта в Петербург; такой же воображаемой является, конечно, и сцена его одинокого пира, которой начинается и заканчивается стихотворение. Не случайно ее прообразом служат стихи Горация, уже только одно это не позволяет видеть в пушкинских строках отображенную ими реальную картину. Но и условной она не является. Точнее говорить о том, что реальное событие или переживание, чтобы получить поэтическое воплощение, проходит через опосредование литературной традицией и, пройдя через него, получает, если обратиться к терминологии Вяч. Иванова, статус не реального, но реальнейшего — более подлинного, чем то, чем непосредственно заполнена жизнь, а значит, и не тождественного ей.

Процесс взаимодействия разных жанровых моделей в пределах одного поэтического текста хорошо виден по творческой истории стихотворения «К морю» (1824). Обращение к океану прозвучало в элегии «Погасло дневное светило...» (1820), открывавшей южный период творчества Пушкина. Стихотворение «К морю» завершает жизненный этап, маркируя таким образом биографические вехи. Маркированной оказывается и дистанция между характером произведений, в частности между их жанровыми установками.

«Погасло дневное светило...» — классическая элегия с едва ли не полным набором самых типичных элегических мотивов. Стихотворение «К морю» однозначному жанровому определению не поддается, поскольку в нем взаимодействуют сразу несколько жанровых моделей, причем ни одна из них не становится определяющей, подчиняющей себе другие. Автографы позволяют наблюдать, как «росло» стихотворение (в данном случае метафора органического роста более чем точно передает характер движения зафиксированных рукописями этапов творческого процесса). Первоначальный беловой автограф содержал семь строф, каждая по четыре стиха. Прозрачности формы соответствовала прозрачность содержания: поэт прощается с морем, в морской стихии он видит воплощение желанной, но недоступной ему свободы. Сюжетное движение в этом раннем варианте текста заключалось в том, что стихия, с которой не может слиться герой, в финальных двух строфах перестает предстать ему как внешний мир: разлучаясь с ней, он превращает ее в достояние мира внутреннего и тем самым все-таки соединяется с ней, хотя бы и ценой утраты ее как реальности. Это было движение к возобладанию ярко выраженного лирического начала: впечатления внешнего мира становились исключительным достоянием лирического субъекта. Но характерно, что такое движение озаменовано печалью.¹³³

¹³³ Выразительны первоначальные варианты стиха, в котором как раз и дана формула соединения лирического субъекта с той стихией, к которой обращено его высказывание:

- а. Перенесу тобою полн
- б. Перенесу печали полн

Лишь на более позднем этапе возникает вариант: «Перенесу, любовью полн».

Едва завершив стихотворение в таком виде и поставив под беловым автографом знак концовки, Пушкин стал дополнять его новыми строфами. Стихотворение не просто увеличилось в объеме. Если одна из двух добавленных на этом этапе строф продолжала развитие лирической темы, то вторая, состоявшая из шести стихов и нарушавшая таким образом мерность строф, рисовала идиллическую картину с характерной для нее фигурой рыбака и малоправдоподобным сравнением моря с «сельской рекой», данным, по-видимому, ради того, чтобы ввести определение, отсылающее к словарю идиллии. Возникнув в первых четырех стихах добавленной строфы, идиллия тут же разрушалась в ее заключительных двух стихах описанием гибельной для кораблей взывавшей морской стихии. Только в этой строфе, нарушавшей единство формы и жанра, лирический субъект исчезал, в лирическое высказывание вводился фрагмент эпического описания.

После некоторого перерыва в работе завершённое, казалось бы, стихотворение вновь дополняется: на полях автографа вписывается строфа, имеющая остро-политическое звучание (выпад против «просвещения» и «тирана»), которая еще раз резко меняет характер целого, привнося в него достаточно чужеродный для уже написанного текста почти памфлетный по своему звучанию фрагмент. Несмотря на присутствие в нем лирического субъекта («...куда же / Меня бы вынес Океан»), этот фрагмент, вставленный перед двумя финальными строфами, в которых происходило сосредоточение морской темы во внутреннем мире героя, разворачивал сюжетное движение в прямо противоположном направлении — к общезначимой картине политического мирового устройства. В результате три заключительные строфы вступили в противоречие друг с другом; возможно, поэтому Пушкин вычеркивает последнюю вставку.

Но стихотворение и дальше продолжает расти. Появляется новое дополнение к нему — девять строф о Наполеоне и Байроне, близкие в жанровом отношении к исторической элегии в том образцовом варианте, в каком она представлена у Батюшкова («Переход через Рейн», 1814; «На развалинах замка в Швеции», 1814),¹³⁴ созерцание пейзажа лирическим субъектом обращает его к воспоминаниям о связанных с этим пейзажем исторических событиях. У Пушкина разговор к исторической теме возникает через воспоминание о могиле Наполеона, похороненного на острове посреди океана, и влечет за собой целых шесть строф, посвященных трагической судьбе героя, его исторической вине и тому, что могло искупить эту вину. Потом возникает фигура Байрона, тоже героическая и трагическая одновременно, также ассоциативно связанная с мощной и неукротимой морской стихией.

Однако новые девять строф получают слишком самостоятельное значение, требуют подчинения целого жанру исторической элегии, с которым весь предшествующий ход стихотворения никак не был связан. И тогда Пушкин сокращает вновь написанное; теперь фрагмент о Байроне становится значительно обширнее, чем фрагмент о Наполеоне, историческая тема отступает перед темой судьбы поэта, теснее связанной с судьбой лирического героя. Жанровый оттенок исторической элегии остается, но утрачивает доминирую-

¹³⁴ См.: Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1959. С. 323.

щее значение, целое становится уравновешенным, «политическая» строфа ложится в текст после исторического отступления,¹³⁵ и заключительные две строфы, написанные еще на самом раннем этапе работы, на новом общем фоне перестают звучать как всего лишь печальное торжество субъективного начала, поскольку лирический герой становится носителем исторических воспоминаний, а морская стихия получает в новой редакции стихотворения возвращенное метафорическое значение, соприкосновенное не только с внутренним миром лирического субъекта, но и с измерениями истории, поэзии и политики.

Тезис о состоявшемся в период михайловской ссылки переходе Пушкина от романтизма к реализму, в течение десятилетий прочно державшийся в литературоведении, давно уже потерял всякую актуальность, даже не потребовав специальных опровержений. Это, однако, не отменяет необходимости определить общий характер поэзии периода ссылки, несомненно составившего особый этап пушкинского творчества. Критики и эстетики 1820-х гг. выделяли в современном им литературном процессе приверженцев двух направлений — классицизма и романтизма; Пушкин относил себя к романтической школе (романтизм, впрочем, трактовался как обращение к формам, неизвестным классической античности). Но если поэтика «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», наиболее крупных произведений, создававшихся в Михайловском, была действительно абсолютно чужда классицизму, то с лирикой дело обстояло далеко не так однозначно. Элегии, послания, эпиграммы Пушкина середины 1820-х гг., оставаясь вписанными в общеевропейскую традицию, не порывают жанровых связей с античными образцами, на которые эта традиция ориентирована. Однако не менее важным оказывается и опосредование античности самой европейской традицией, формирующей собственные, также становящиеся классическими, жанровые каноны. Определенность жанровой спецификации — одна из ведущих черт классицистического сознания — несомненно присутствует во всем корпусе михайловской лирики Пушкина. Но если в элегиях, посланиях или эпиграммах этого времени единство жанра остается достаточно строго выдержанным, то во многих других случаях стихотворные тексты строятся на взаимодействии жанровых моделей и жанровых языков, которые не утрачивают при этом свойственной им определенности. Другое дело, что целое, возникающее в результате подобного взаимодействия, уже не укладывается в рамки какой-то одной модели. И именно это, по-видимому, составляло для Пушкина особый художественный интерес на протяжении всего периода михайловской ссылки.

---

¹³⁵ О трансформациях этой строфы в прижизненных изданиях, где в конце концов она была заменена тремя с половиной строками отточий после слов «Мир опустел», см. примеч. к стихотворению (наст. т., с. 505, 508—509).

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПУШКИНА ПОЛИСТНОЕ ОПИСАНИЕ¹

Тетрадь ПД 835 (Вторая масонская)

Тетрадь в лист (362 × 232 мм) в черном кожаном переплете, на нижней крышке которого оттиснут масонский знак «О» (остальное соскоблено) в треугольнике. Бумага та же, что в тетради ПД 834 (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 298).

На передней крышке переплета — опекунская наклейка. На внутренней стороне передней крышки экслибрис Румянцевского музея с шифром хранения: «2370»; ниже, посреди страницы, рукой Л. В. Дубельта записан номер тетради в общей описи: «№ 8» (цифра исправлена из «18»). На задней крышке, тоже с внутренней стороны, помета рукой Пушкина: «1824 $\frac{19}{7}$ avg. mort de Byron» (1824 19/7 апр. смерть Байрона — фр.), ниже — опекунская заверочная запись: «В сей книге писанных и номерованных листов восемьдесят пять (85). Опекун: » (подпись опекуна отсутствует).

Тетрадь сброшюрована из двенадцати тетрадок, каждая из которых состоит из восьми одинарных тетрадных (четырёх двойных писчих) листов; крайние листы приклеены к переплету. Из 94 первоначальных листов тетради вырвано при жизни Пушкина 9. Сейчас в тетради 85 листов. Жандармская, опекунская и архивная пагинации совпадают.²

Л. 1. Письмо к А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г., черновой автограф, над текстом дата: «22 мая (1824)»; «Кто ты ( ) не смей...», черновой автограф (на левом поле в нижней половине листа).

Л. 1 об. Письмо к А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г., черновой автограф (продолжение).

Л. 2. Письмо к А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г., черновой автограф (окончание); под текстом дата (?): «24» (рядом с жандармской цифрой); «Евгений Онегин», 3-я гл., строфа ХХІХ, черновой автограф.

---

¹ Указания на рисунки включаются в описание только в тех случаях, когда на листе отсутствуют записи. Отмечаются все случаи, когда записи сделаны карандашом; указания на использование чернил даются только там, где чернила перемежаются с карандашом. Отсутствие соответствующих указаний означает, что записи выполнены чернилами.

² Историю заполнения тетради ПД 835 см.: Сандомирская 1974. С. 14—18; Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Врем. ПК. 1978. С. 22—45; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835.

Л. 2 об. «Евгений Онегин», 3-я гл., черновые наброски отдельных стихов к строфам XXXII, XXX, XXIX; «Разговор Книгопродавца с Поэтом» («Стишки для вас одна забава...»), черновой автограф ст. 9—12; черновой набросок, возможно относящийся к работе над «Евгением Онегиным» («Которых маменька хран( )...») (чернила); черновой набросок, предположительно относящийся к работе над «Разговором Книгопродавца с Поэтом» («Его познал(?) <нрзб>...») (карандаш); «Сказали раз царю, что наконец...», набросок начала стихотворения (чернила).

Л. 3. «Приют любви, он вечно полн...», черновой набросок; «Цыганы», белой с поправками автограф, переходящий в черновой.

Л. 3 об. «Цыганы», черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», 3-я гл., строфа XXX, черновой автограф.

Л. 4. «Евгений Онегин», 1-я гл., строфа XXXIII, белой автограф, переходящий в черновой; 3-я гл., строфы XXIX, XXX, черновой автограф.

Л. 4 об. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфа XXXI; Письмо Татьяны, черновой автограф.

Л. 5. «Евгений Онегин», Письмо Татьяны, предварительная программа и черновой автограф (продолжение).

Л. 5 об. «Евгений Онегин», Письмо Татьяны, черновой автограф (продолжение).

Л. 6. «Приют любви, он вечно полн...», черновой автограф; «Евгений Онегин», Письмо Татьяны, черновой автограф (продолжение).

Л. 6 об. «Евгений Онегин», Письмо Татьяны, черновой автограф (продолжение) (в верхней и средней части листа, по диагонали, вдоль левого поля); «Зачем ты послан был и кто тебя послал...», черновой автограф (окончание) (в правой части листа, по диагонали и внизу).

Л. 7. «Зачем ты послан был и кто тебя послал...», черновой автограф (начало); набросок «[Он улыбался равнодушно]...», предположительно относящийся к работе над «Евгением Онегиным», черновой автограф; «Евгений Онегин», Письмо Татьяны, черновой автограф (окончание); «Презрев и голос(?) укоризны...», черновой набросок.

Л. 7 об. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфы XXXII, XXXIIa, черновой автограф (на левом поле); «Кораблю» («Морей красавец окриленный...»), черновой автограф (последние варианты записаны на верхнем поле).

Л. 8. Запись по памяти стихотворения В. А. Жуковского «На первое отречение от престола Бонапарте. Стихи, петье на празднике, данном в С.-Петербурге английским послом лордом Каткартом» (1816).

Л. 8 об. Письмо к А. И. Казначееву от 9—14 июня 1824 г. (в Акад. датировано началом июня (после 2-го) 1824 г. — см. Акад. т. 13, с. 95; уточнение датировки см.: *Проскурин О.* Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы»: К методике чтения пушкинских рукописей // *Пермяковский сборник.* М., 2010. Ч. 2. С. 207—208 (Сер. «Новые материалы и исследования по истории русской культуры». Вып. 7)), черновой автограф.

Л. 9. Письмо к А. И. Казначееву от 9—14 июня 1824 г., черновой автограф (окончание); «Как узник, Байроном воспетый...», записанный без исправлений набросок двух стихов; «Подражания Корану. II» («О жены чистые пророка...»), белой автограф с поправкой.

Л. 9 об. «Цыганы», черновой автограф (продолжение).

Л. 10. «Цыганы», черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», Предисловие к 1-й гл., черновой автограф (карандаш).

Л. 10 об. «Евгений Онегин», Предисловие к 1-й гл., черновой автограф (продолжение).

Л. 11. «Евгений Онегин», Предисловие к 1-й гл., черновой автограф (окончание), Примечания 1—8, черновой автограф.

Л. 11 об. «Евгений Онегин», Примечания 9—10, черновой автограф; запись: «рано и б(ыть) м(ожет) слиш(ком) наш мол(одой) поэт...», по-видимому связанная с Предисловием к 1-й гл.; «Евгений Онегин», 3-я гл., строфы XXXII (под строфой дата: «5 сентябр(я) 1824»), XXXIII, черновой автограф; «В пустыне древле человека...», первоначальный черновой набросок «Подражания Корану. IX» («И путник усталый на Бога роптал...») (в перевернутом положении тетради).

Л. 12. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфы XXXIV (чернила), XXXV (карандаш), XXV (чернила, поверх строфы XXXV), черновой автограф; «К морю» («Прощай, свободная стихия!...»), первая редакция, черновой автограф (карандаш).

Л. 12 об. «К морю» («Прощай, свободная стихия!...»), первая редакция, белой автограф, с несколькими слоями правки (светлыми чернилами, карандашом, темными чернилами), у заглавия: «Морю» помета: «1824».

Далее вырван один лист.

Л. 13. «К морю», первая редакция, белой автограф (окончание), с несколькими слоями правки (светлыми чернилами, карандашом, темными чернилами); «Подражания Корану. I» («Клянусь четой и нечетой...»), белой автограф, с правкой.

Л. 13 об.—17. «Разговор Книгопродавца с Поэтом», под заглавием: «Разговор между поэтом и книгопродавцем», белой автограф, с правкой. Между л. 13 и 14, 15 и 16 — корешки вырванных листов (это л. 13а и 15а), еще два листа вырваны между л. 14 и 15. На л. 17 под текстом дата: «26 сент(ября) 1824»; в нижней части листа: «Т(уманский?) прав, когда так верно вас...», черновой и белой с правкой автографы.

Л. 17 об. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфы XXXVa, XXXVII, черновой автограф.

Л. 18. «Евгений Онегин», 3-я гл., начало строфы XXXVIII, черновой автограф; «К морю» («Прощай, свободная стихия!...»), черновой автограф девяти дополнительных строк, частично вошедших во вторую редакцию.

Л. 18 об. «Слаб и робок человек...», «[Я клянусь]», черновые наброски, предположительно относящиеся к работе над «Подражаниями Корану»; «Подражания Корану. III» («Смутясь нахмурился пророк...»), черновой автограф; «Пророк мой вам того не скажет...», черновой набросок, относящийся к работе над «Подражаниями Корану»; черновой набросок «[В боях] ( )...».

Л. 19. «Подражания Корану. VI» («Не даром вы приснились мне...»), черновой автограф; «Евгений Онегин», 3-я гл., строфы XXXVIII—XXXIX, черновой автограф; «Насильно Зубову мила...», черновой автограф (записано по левому полю, затем по верхнему краю, в правом верхнем углу и, наконец, внизу листа).

Л. 19 об. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфа XL, черновой автограф; Песня девушки, черновые автографы двух вариантов песни («Вышла Дуня на дорогу...», «Девиды-красавицы...») (на левом поле); строфа XLа, черновой автограф.

Л. 20. «Евгений Онегин», 3-я гл., строфа XLI, черновой автограф; под текстом дата: «2 окт(ября) 1824»; «Подражания Корану. IV» («С тобою древле, о всесильный...»), черновой автограф и его авторская сводка с последующей доработкой; между ними набросок: «[Отец] [В глаза] — А за глаза [Маман], Папа».

Л. 20 об. «Евгений Онегин», 1-я гл., строфы XVIII, XIX, варианты к строфам XXII, XVI, черновой автограф.

Л. 21—21 об. «Второе послание к цензору» («На скользком поприще Т〈имковского〉 наследник!..»), черновой автограф.

Л. 22. «Второе послание к цензору» («На скользком поприще Т〈имковского〉 наследник!..»), черновой автограф (окончание); «Подражания Корану. V» («Земля недвижна; неба своды...»), черновой автограф.

Л. 22 об.—23 об. «Клеопатра», первая редакция («Царица голосом и взором...»), с пометой: «*Aurelius-Victor*», черновой автограф.

Л. 24. «Младенцу» («Дитя, не смею над тобой...»), под заглавием: «[Ребенку] Младенцу» (вписано), черновой автограф (в левом столбце); «Цыганы», черновой автограф.

Л. 24 об.—28. «Цыганы», черновой автограф (продолжение). На л. 27 об. дата: «1824 [10] [8] 10 окт〈ября〉».

Л. 28 об. «Цыганы», черновой автограф (продолжение); «Разговор Книгопродавца с Поэтом», примечание к первой реплике Книгопродавца, черновой автограф; «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XII, черновой автограф двух стихов, 3-я гл., строфа XXXVI, черновой автограф; «Цыганы», черновой автограф.

Л. 29. «Гроб Анакреона» («Все в таинственном молчаньи...»), под заглавием: «Гроб〈ница〉? Ан〈акреона〉», поздняя редакция, ст. 12 и 14—15, белой автограф с правкой; «Евгений Онегин», 3-я гл., черновой набросок ст. 7—8 строфы VII (верхняя часть правого столбца); «Цыганы», черновой автограф; Примечание к «Цыганам», черновой автограф.

Л. 29 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XII, IX, черновой автограф; «Цыганы», черновой автограф (в середине левого столбца); «Жених» («Три дня купеческая дочь...»), черновой автограф; «Напрасно ахнула Европа...», белой автограф.

Л. 30—30 об. «Жених» («Три дня купеческая дочь...»), черновой автограф. На л. 30 об. «Клеопатра», первая редакция («Царица голосом и взором...»), черновой автограф.

Л. 31. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа I, Ia, черновой автограф; «Цыганы», черновой автограф.

Л. 31 об. «Цыганы», черновой автограф (продолжение).

Л. 32. «Графу О〈лизару〉» («Певец! издревле меж собою...»), черновой автограф.

Л. 32 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы IIIa, IVa, IV, черновой автограф.

Л. 33. «Евгений Онегин», 1-я гл., примечание к строфе L, черновой автограф; 4-я гл., строфа IVa, черновой автограф.

Л. 33 об. «Евгений Онегин», 1-я гл., примечание к строфе L (окончание), 4-я гл., строфа II, черновой автограф.

Л. 34. «Подражания Корану. IX» («И путник усталый на Бога роптал...»), первоначальный набросок («〈   〉сон изнеможенья...»), черновой автограф; «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа IV, черновой автограф; письмо к П. А. Плетневу от конца октября 1824 г. (в его составе стихотворение «〈Из письма к П. А. Плетневу〉» («Ты издал дядю моего...»)), черновой автограф.

Л. 34 об. Письмо к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г., черновой автограф.

Л. 35. Письмо к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г., черновой автограф (окончание); среди строк письма запись татарских слов; «Клеопатра», первая редакция («Царица голосом и взором...»), записанные набело ст. 63 и начало ст. 64; «Дружба» («Что дружба? Легкий пыл похмелья...»), черновой автограф; «О два-роза, я в оковах...», черновой автограф.

Л. 35 об. «Презрев и голос(?) укоризны...», черновой автограф; «(Сабурову)» («Сабуров, ты оклеветал...»), черновой автограф; «Подражания Корану. VI» («Недаром вы приснились мне...»), черновой автограф (окончание) (на правом поле в верхней части листа).

Л. 36. Письмо к Н. В. Всеволожскому от конца октября 1824 г., черновой автограф; «Подражания Корану. VI» («Недаром вы приснились мне...»), черновой автограф.

Л. 36 об. «Как жениться задумал царский арап...», черновой автограф; письмо к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г., черновой автограф.

Л. 37. Письмо к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г., черновой автограф (окончание); письмо к нему же от 29 ноября 1824 г., черновой автограф.

Л. 37 об. «Клеопатра», первая редакция («Царица голосом и взором...»), черновой автограф; «Подражания Корану. VI» («Не даром вы приснились мне...»), белой автограф с правкой, на левом поле черновой автограф вставки, не вошедшей в печатный текст; «Подражания Корану. VII» («Восстань, боязливый...»), белой автограф, переходящий в черновой.

Л. 38. «Пока супруг тебя, красавицу младую...», черновой автограф; «Фонтану Бахчисарайского дворца» («Фонтан любви, фонтан живой...»), черновой автограф; «Виноград» («Не стану я жалеть о розах...»), черновой автограф (карандаш).

Л. 38 об. «Подражания Корану. VIII» («Торгуя совестью пред бледной нищейтой...»), черновой и белой с правкой (под заглавием: «Милостыня») автографы.

Л. 39. «Подражания Корану. IX» («И путник усталый на Бога роптал...»), черновой автограф.

Л. 39 об. «Подражания Корану. IX» («И путник усталый на Бога роптал...»), черновой автограф (окончание); «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа IVб, черновой автограф.

Л. 40. «Иван-царевич по лесам...», черновой автограф; письмо к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г., черновой автограф.

Л. 40 об. Письмо к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г., черновой автограф (окончание).

Л. 41. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы III, IVв, IVг, черновой автограф.

Л. 41 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа IVд, черновой автограф; письмо к Д. М. Шварцу, около 9 декабря 1824 г., черновой автограф; «Лизе страшно полюбить...», черновой автограф.

Далее вырваны два листа.

Л. 42. «Ждет тебя мое вино...», черновой автограф.

Л. 42 об.—43 об. «Отрывок из письма к Д.», черновой автограф.

Л. 44. «Отрывок из письма к Д.», черновой автограф (окончание); подготовительные заметки к «Борису Годунову» (конспект фрагментов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина).

Л. 44 об. Подготовительные заметки к «Борису Годунову» (окончание).

Л. 45. «Борис Годунов», план пьесы; «Борис Годунов», сцена «Кремлевские палаты», черновой автограф.

Л. 45 об. «Борис Годунов», сцена «Кремлевские палаты», черновой автограф (продолжение).

Л. 46. «Борис Годунов», сцена «Кремлевские палаты», черновой автограф (окончание); «(Воображаемый разговор с Александром I)», черновой автограф.

Л. 46 об.—47. «(Воображаемый разговор с Александром I)», черновой автограф (окончание).

Л. 47 об. «Борис Годунов», сцена «Красная площадь», черновой автограф.

Л. 48. «Борис Годунов», сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», черновой автограф.

Л. 48 об. «Борис Годунов», сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», черновой автограф (окончание); «Борис Годунов», сцена «Кремлевские палаты», черновой автограф.

Л. 49. «Борис Годунов», сцена «Кремлевские палаты», черновой автограф (окончание); «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (обозначена: «Явление 4. Чудов монастырь. Ночь»), черновой автограф.

Л. 49 об.—50. «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», черновой автограф (продолжение).

Л. 50 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XV, черновой автограф; «Цыганы», монолог Алеко у колыбели сына (в окончательную редакцию не вошел), черновой автограф.

Л. 51. «Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви! прощай: она велела...»), белой автограф, переходящий в черновой; «[Так] на ⟨нрзб⟩ ее слезам⟨и⟩...», черновой набросок; «[Вкус верный], острый [ум и нравов чистота]...», черновой набросок; «Твое соседство нам опасно...», черновой автограф; «Смеетесь вы, ⟨что⟩ девой бойкой...», черновой автограф.

Л. 51 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XVII, XVIIa, черновой автограф.

Л. 52. «Играй, прелестное дитя...», черновой автограф; «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XXIII, черновой автограф; под текстом даты: «31 дек⟨аря⟩ 1824», «1 генв⟨аря⟩ 1825».

Л. 52 об. «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XXIV, черновой автограф.

Л. 53—54. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XXIVa—д, черновой автограф. На л. 53 предположительно относящиеся к работе над элегией «Андрей Шенье» слова: «Куда куда» (на левом поле, смазано).

Л. 54 об. «⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩» ((I) «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...», «— Кто там? — Здорово, господа...», «— Так вот детей земных изгнание...», «— Сегодня бал у Сатаны...»), черновой автограф.

Л. 55. «⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩», черновой автограф (окончание); «Я был свидетелем золотой твоей весны...», черновой автограф; «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», черновой автограф (продолжение).

Л. 55 об. «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», черновой автограф (продолжение); запись на левом поле, возможно относящаяся к работе над сценой: «приближаюсь к тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательным».

Л. 56. «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», черновой автограф (продолжение); «⟨Заметка о Катенине⟩», черновой автограф.

Л. 56 об. «Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...», черновой набросок; «Лишь розы увяда⟨ю⟩т...», черновой автограф; «Quand au front du convive au beau sein de Dé⟨lie⟩...», черновой автограф.

Л. 57. «Он вежлив [был] в иных прихожих...», черновой набросок; «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; «Сказали раз царю, что наконец...», черновой набросок ст. 7—14 и основной черновой автограф.

Л. 57 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XXIV, XXV, черновой автограф.

Л. 58. «Евгений Онегин», 2-я гл., строфы VIII, VII, VI, X, черновой автограф; набросок «С моей холодной душой ~ любовью чистой», возможно, связанный с исповедью Евгения (4-я гл., строфа XIV); 4-я гл., строфа XXVI, черновой автограф.

Л. 58 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XXVII, черновой автограф; «〈О стихотворении „Демон“〉», черновой автограф.

Л. 59. «〈О стихотворении „Демон“〉», черновой автограф (окончание); «Андрей Шенье» («Меж тем как изумленный мир...»), ст. 110—121, черновой автограф; «〈Кюхельбекеру〉» («Да сохранит тебя твой добрый гений...»), черновой автограф.

Л. 59 об.—63 об. «Андрей Шенье», под заглавием: «Андрей Шенье в темнице», черновой автограф. На л. 63 «Заступники кнута и плети...», черновой автограф (в нижней части листа).

Л. 64. «Андрей Шенье», черновой автограф (окончание), ниже черновой набросок вступления; «Евгений Онегин», 5-я гл., строфа XXI, черновой автограф (карандаш).

Л. 64 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа XIV, черновой автограф; «[Слов(есность) русск(ая) больна]...», черновой автограф.

Л. 65. «Андрей Шенье», примечание (в печатный текст не вошло), черновой автограф; «Желание славы» («Когда любовь и негой упоенный...»), сокращенная черновая запись ст. 4; «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 65 об. Письмо к А. С. Шишкову, около 7 апреля 1825 г., черновой автограф.

Л. 66—68. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 68 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; «В пещере тайной, в день гоненья...», черновой автограф (внизу, поперек страницы); «На небесах печальная луна...», черновой автограф (в том же положении тетради).

Л. 69. «〈Из Ариостова „Orlando furioso“〉» («Пред рыцарем блестит водами...»), черновой автограф.

Л. 69 об.—70. Письмо к Александру I, начало июля—сентябрь (до 22-го) 1825 г., черновой автограф.

Л. 70 об.—71. «Евгений Онегин», 4-я гл., новый план расположения девяти начальных строф и наброски к ним; строфа XI, черновой автограф; на л. 71 программа исповеди Онегина.

Л. 71 об.—74 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XIII—XXII, XXVIII—XXX, черновой автограф (на л. 74 об. слой поправок карандашом).

Л. 75. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XXXI—XXXII, черновой автограф (карандаш); «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...»), черновой автограф (чернила поверх карандашного текста).

Л. 75 об.—78 об. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфы XXXIII—XL, XLII—XLVI, XLVIII, XLIX, черновые автографы (карандаш, на л. 76 и 78 поправки чернилами); сверху л. 77 об. дата: «2 гевн(аря) 1826».

Л. 79. «Евгений Онегин», 4-я гл., строфа LI, черновой автограф (карандаш); дата под текстом: «3 (?) гевн(аря 1826)» (карандаш); «〈Из Ариостова „Orlando furioso“〉» («Пред рыцарем блестит водами...»), черновой автограф (чернила, частично поверх карандашного текста предыдущего автографа).

Л. 79 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы I, II, черновой автограф (карандаш); сверху листа дата: «4 гевн(аря 1826)» (карандаш); «〈Из Ариостова „Orlan-

do fugioso”»), черновой автограф (продолжение) (октава 109, чернила поверх карандаша).

Л. 80. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы III, IV, черновой автограф (карандаш). На левом поле план «Скупого рыцаря»: «Жид и сын / Граф —».

Л. 80 об.—81 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы V—X, черновой автограф (карандаш).

Л. 82—82 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XI—XIV, черновой автограф (карандаш); примечание к строфе XXVIII 1-й гл., черновой автограф (карандаш).

Далее вырван один лист.

Л. 83. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XV, XVI, черновой автограф (чернила).

Л. 83 об.—84. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XVII—XX, черновой автограф (карандаш, чернила).

Л. 84 об. «Ты вынешь и молчишь, печаль тебя снедает...» (под заглавием: «Из André Ch(énier)»), белой автограф, с правкой.

Л. 85. «Прятелям» («Враги мои, покамест я ни слова...»), белой автограф, с поправкой, весь текст перечеркнут карандашом; «Сказали раз царю, что наконец...», белой автограф, с правкой; весь текст перечеркнут карандашом.

Л. 85 об. «Начало I песни „Девственницы”» («Я не рожден святыню славословить...»), белой автограф, с правкой.

Тетрадь ПД 836 (Третья масонская)

Тетрадь в лист (362 × 232 мм) в черном кожаном переплете, на передней крышке которого оттиснут масонский знак «OV» в треугольнике, заклеенный ярлыком с опекунской надписью. Бумага та же, что в тетради ПД 834 (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 298).

На внутренней стороне передней крышки экслибрис Румянцевского музея с шифром хранения: «2368». На внутренней стороне задней крышки в перевернутом верхом вниз положении — черновой набросок начала Пролога («У лукоморья дуб зеленый...») ко второму изданию «Руслана и Людмилы», ниже рукой Л. В. Дубельта проставлен «№ 3». В правом верхнем углу — цифровая запись рукой В. А. Жуковского, означающая страницы, занятые фольклорными записями Пушкина на л. 58 об.—49 об. Здесь же в обычном положении тетради опекунская заверочная запись: «В сей книге писанных и номерованных листов пятьдесят девять (59). Опекун: » (подпись опекуна отсутствует).

Тетрадь была сброшюрована из двенадцати тетрадок, каждая состояла из восьми одинарных (четырёх двойных) листов; крайние листы приклеены к переплету. В настоящий момент в тетради 58 листов. Из 94 первоначальных листов тетради вырвано 36. Нижняя часть листа 17 с жандармской цифрой вырезана из тетради после смерти Пушкина и не сохранилась. Вырезанная нижняя часть листа 19 хранилась в собрании К. Радовица в Государственной библиотеке в Берлине; в настоящее время местонахождение листа не установлено (фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 9). Лист 20 (по жандармской и опекунской пагинации) вырезан из тетради позднее опекунской заверочной записи, о чем свидетельствует отметка под ней на форзаце задней крышки: «58 л. 20-го л. нет». Судьба этого листа неизвестна. Из-за его

пропажи архивная пагинация расходится с жандармской и опекунской на одну единицу после л. 19. Между л. 19 и 20 вырваны три листа, на корешках которых остались фрагменты текста.³

Л. 1. «С португальского» («Там звезда любви взошла...»), черновой автограф с пометой под текстом: «Gonzago».

Л. 1 об. Наброски, предположительно относящиеся к работе над стихотворением «Рифма, звучная подруга...», в перевернутом положении тетради.

Далее вырваны четыре листа.

Л. 2. «Примеч(ание)» к «Цыганам», белой автограф, с правкой.

Л. 2 об.—3. Чистые.

Л. 3 об.—12 об. «Цыганы», белой автограф, с правкой, на л. 12 об. помета: «1824 Михайло(вское) / [8] окт(ября) 10» и росчерк-монограмма «АП». Между л. 5 и 6 корешок вырванного листа (л. 5а).

Л. 13—13 об. «Цыганы», Эпиграф, белой автограф, с правкой, под текстом на л. 13 об. помета: «[10]⟨?⟩ 12 ⟨?⟩ ⟨октября⟩⟨?⟩».

Л. 14—15. «Цыганы», вставной эпизод под номером «III», белой автограф, переходящий в черновой.

Л. 15 об.—16 об. «Цыганы», монолог Алеко над колыбелью сына (в печатный текст не вошел), белой автограф, переходящий в черновой.

Л. 17. «Едва уста красноречивы...», белой автограф, переходящий в черновой (сохранились ст. 1—9).

Л. 17 об. Запись: «Тут жизнь».

Л. 18—19. «Какая ночь! Мороз трескучий...», белой автограф, с правкой.

Л. 19 об. «Весна, весна, пора любви...», черновые наброски.

Нижняя часть л. 19—19 об. вырезана, сохранилась фотокопия:

ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 9

Лицевая сторона: чистая.

Оборотная сторона: «Весна, весна, пора любви...», черновой автограф (продолжение); набросок стиха: «[Как бурею ⟨   ⟩ пловец]», карандаш.

Л. 19а—19а об. Корешок вырванного листа. На л. 19а, по-видимому, находился набросок статьи о поэме Е. А. Баратынского «Эда» (сохранилось слово: «Эду»), на обороте остатки текста, также прозаического.

Л. 19б—19в. Корешки двух вырванных листов со штрихами последних букв на оборотах.

Следующий лист вырезан.

Л. 20. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 1 (конец фразы: «одними догадками»); «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» («Земли достигнув наконец...»),

³ Историю заполнения тетради ПД 836 см.: *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // ПИМ. Т. 11. С. 94—107; *Иезуитова Р. В.* Раб. тетр. ПД 836; *Рак В. Д.* Контрапункт рабочей тетради А. С. Пушкина : («Акафист Е. Н. Карамзиной», «Арап Петра Великого», «Евгений Онегин») // РЛ. 1997. № 4. С. 54—66 (то же: *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 289—308).

черновой автограф с датой под текстом: «31 июля 1827 Мих(айловское)» (карандаш); «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа VI, черновой набросок (чернила, частично поверх черновика «Акафиста...»).

Л. 20 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 1, черновой автограф (продолжение).

Л. 20а. Корешок вырванного листа со штрихами последних букв на обороте.

Л. 21. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 2, черновой автограф.

Л. 21 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 2, черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXXVI, черновой автограф.

Л. 22. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XXXVII, XXXVIII, черновой автограф.

Л. 22 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 3, черновой автограф.

Л. 22а. Корешок вырванного листа со штрихами последних букв на обороте.

Л. 23—23 об. «Евгений Онегин», 6-я гл., строфы XLIII—XLV, черновой автограф; на л. 23 об. под текстом дата: «10 авг(уста)».

Л. 23а. Корешок вырванного листа со штрихами начальных (лицевая сторона) и последних букв (на обороте).

Л. 24—24 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 3, черновой автограф (продолжение). На л. 24 об. запись рецепта.

Далее вырвано три листа (корешки без следов текста).

Л. 25—25 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 3, черновой автограф (продолжение).

Л. 26. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 3, черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXXVIII, белой автограф, с правкой; «Сводня грустно за столом...», черновой автограф.

Л. 26 об. «Сводня грустно за столом...», черновой автограф (окончание).

Л. 27. Рисунки.

Л. 27 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 3, черновой автограф (продолжение).

Далее вырвано двадцать листов. На корешках 27а, 27а об., 27б об., 27г об., 27ж об. сохранились элементы букв.

Л. 28—28 об. «⟨Арап Петра Великого⟩», гл. 6, черновой автограф.

Л. 29. «Отрывки из писем, мысли и замечания», черновой автограф; «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 29 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XLIV, XLVI, черновой автограф.

Л. 30. «Отрывки из писем, мысли и замечания», черновой автограф.

Л. 30 об.—31 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XLVI, XLIX, XLVII, L, La, черновой автограф.

Л. 32. Чистый.

Л. 32 об.—33 об. Заполнялись с обратной стороны тетради в ее перевернутом положении, поэтому описание продолжено в обратном порядке.

Л. 33 об. «Из Alfieri» («Сомнение, страх, порочную надежду...»), белой автограф, с правкой.

Л. 33. «Всем красны боярские конюшни...», черновой автограф.

Л. 32 об. «Всем красны боярские конюшни...», черновой автограф (окончание); «Рифма, звучная подруга...», черновой автограф.

Л. 34—36. Заполнялись в обычном положении тетради.

Л. 34. «Блажен в златом кругу вельмож...», черновой автограф; «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа LIII, черновой автограф.

Л. 34 об. Рисунки (в перевернутом положении тетради).

Л. 35. «В роще Карийской, любезной ловцам, таится пещера...», с метрической схемой первого стиха, черновой автограф; «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа VI, черновой автограф.

Л. 35 об. «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...») (окончание), черновой автограф.

Л. 36 «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа VI, черновой автограф.

Л. 36 об.—58 об. Заполнялись с обратной стороны в перевернутом положении тетради, поэтому описание продолжено в обратном порядке.

Л. 58 об.—51 об. Записи народных сказок, под заглавием: «Народные сказки» (л. 58 об.), с проставленной над текстами нумерацией (1—7): «1 Некоторый царь задумал жениться...» (л. 58 об.—57 об.), «2 Некоторый царь ехал на войну...» (л. 57—55 об.), «3 Поп поехал искать работника...» (л. 55 об.—54 об.), «4 Царь Кащей бессмертный не хотел дочери своей выдать за муж...» (л. 54 об.—54), «5 Слепой царь не веровал своей жене...» (л. 54—52 об.). Текст под номером «6» представляет собой запись трех сюжетов, причем цифра («3») поставлена только перед третьим сюжетом (цифры 1 и 2 внутри шестого текста Пушкиным пропущены): «6 <1> О святках молодые люди играют игрища...» (л. 52 об.), «<2> В том же роде. Жених пропадает три года...» (л. 52 об.—52), «3. Мать рассердилась на сына...» (л. 52). На л. 52—51 об. «7 Царевна заблудилась в лесу...».

Л. 51 об.—49 об. Записи народных песен: «Песня о сыне Сеньки-Разина» («В городе-то было во Астрахане...») (л. 51 об.—51), «Как на утренней заре вдоль по Каме по реке...» (л. 51), «Во славном городе во <Киеве>...» (л. 50 об.—50), «Как за церковью, за немецкою...» (л. 49 об.).

Л. 49—48 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XXI—XXIV, черновой автограф.

Л. 48. «О народном воспитании», черновой автограф (карандаш).

Л. 47а. Корешок вырванного листа.

Л. 47 об.—43. «О народном воспитании», черновой автограф (продолжение) (карандаш, чернила).

Л. 42 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфа XXV, черновой автограф (карандаш).

Л. 42. «Подруга дней моих суровых...», белой автограф, с правкой (чернила); «Евгений Онегин», 5-я гл., строфа XXVI, черновой автограф (карандаш).

Л. 41 об. «О народном воспитании», черновой автограф (окончание).

Л. 41—40 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XXVII—XXIX, черновой автограф.

Л. 40. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XXX, XXXIII (окончание), черновой автограф.

Л. 39 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфа XXXII, XXXIII, черновой автограф.

Л. 39—37 об. «Евгений Онегин», 5-я гл., строфы XXXIV—XXXVIII, черновой автограф.

Л. 37. Черновые наброски «И я бы мог как [шут ви<сеть> <?>]» (вверху) и «И я бы мог» (в центре листа).

Л. 36 об. Рисунок.

Тетрадь ПД 838 (Второй альбом)

Альбом большого формата (300 × 210 мм), в картонном переплете, обклеенном «мраморной» бумагой, уголки и корешок кожаные. На корешке внизу ярлык с шифром хранения Румянцевского музея: «2371». Бумага белая, плотная, неперфорированная, с обыкновенным обрезом; водяной знак: $\frac{КФФМ}{1826}$. По описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, это бумага № 114 (Рукоп. П. 1937. Дополн.).

На передней крышке переплета — опекунская наклейка. На внутренней стороне передней крышки экслибрис Румянцевского музея с шифром хранения: «2371»; помета рукой Л. В. Дубельта: «№ 17»; здесь же в положении тетради верхом вниз опекунская заверочная надпись: «В сей книге писанных листов сто (100). Опекун: » (подпись опекуна отсутствует). Параллельно корешку вдоль внешнего края тетради запись Пушкина: «Захарово №3» (карандаш).

Альбом состоял из четырнадцати тетрадок по восемь одинарных (четыре двойных) листов в каждой. Первоначальный объем тетради — 114 листов (14 × 8 = 112 плюс листы, парные наклеенным к переплетам). Сейчас в тетради 108 листов. Л. 63 был отрезан ножницами после смерти Пушкина, хранится в составе тетради (в левом нижнем углу запись карандашом рукой П. В. Анненкова: «Листок из тетради Пушкина 1828 г. ...»). Жандармской, а затем опекунской нумерацией помечены лишь листы с текстом, причем опекунская идет с конца тетради. Архивная пагинация носит сплошной характер и не совпадает с более ранними; разница с жандармской постепенно доходит до девяти единиц.

В тетради недостает шести листов. Три из них известны: это ПД 228 (полный лист, находившийся перед л. 101, и половина листа, находившегося после л. 98; жандармский номер расположен на полном листе, но не связан с ПД 838) и ПД 715 (лист находился в самом альбоме между л. 100 и полным листом ПД 228 и получил соответствующий номер по жандармской пагинации). Неизвестные листы занимали следующие места: первый — после л. 29, второй — после л. 31, третий — после л. 108 (парный наклеенному на крышку тетради). Три листа неполных: от л. 45 оторвана половина, от л. 66 осталась лишь четверть, от л. 82 оторвана полоска.¹

Л. 1. Запись пяти стихов из поэмы Е. А. Баратынского «Пиры»: «Собрание пламенных замет» и след. (под стихами: «Баратынский. Пиры»); слева помета предположительно рукой Баратынского (дарителя тетради): $\frac{1824}{1827}$ Москва 18 мая».

Л. 1 об.—2. Чистые.

Л. 2 об. Колонка цифр.

Л. 3. «Евгений Онегин», 7-я гл., под заглавием: «Песнь VII», строфы I, II, белой автограф, с правкой (записано параллельно корешку).

Л. 3 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа II, черновой автограф (окончание), строфа III, белой с правкой автограф первых четырех стихов.

Л. 4. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы IV, V, черновой автограф; запись «Когда б ты прежде знал» (внизу листа, перпендикулярно тексту, смазано).

¹ Историю заполнения тетради ПД 838 см.: Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 5—111; Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения) // ПИМ. Т. 10. С. 238—271.

Л. 4 об.—6. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы VI—XIII, черновой автограф; над строфой XIII на л. 6 помета: «Кучер 19 февр(аля)».

Л. 6 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XIII (окончание), XIV, XV, XVII (последняя внизу листа, слева, со знаком вставки: «+», повторенным на л. 7), черновой автограф (строфа XIII — чернила, строфы XIV, XV, XVII — карандаш).

Л. 7—7 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XV (окончание), XVI—XIX, черновой автограф (карандаш).

Л. 8. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XX, XXI, черновой автограф (карандаш); запись: «Плетневу» (чернила поверх карандашной записи); записка предположительно П. А. Осиповой, конец 1828 г., черновой набросок (чернила поверх карандашной записи).

Л. 8 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXIa, черновой автограф (частично перпендикулярно тексту и поверх написанного); «Альбом Онегина», черновой автограф.

Л. 9—11. «Евгений Онегин», «Альбом Онегина», черновой автограф.

Л. 11 об. «Полтава», белой автограф, переходящий в черновой (правка чернилами и карандашом).

Л. 12—13. «Полтава», черновой автограф. На л. 12 дата (вверху справа): «5 Апр(еля)».

Л. 13 об. «Вы избалованы природой...», черновой автограф (записано параллельно корешку) и белой с правой автограф (в обычном положении тетради, перпендикулярно черновому).

Л. 14. «Увы! Язык любви болтливый...», черновой автограф (чернила); записи чернилами в правой части листа: «[Как юный]»; «9 мая 1828 / Море Ол(енина) Дау»; «Безсонница / <Нрзб>»; «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), черновой автограф (карандаш).

Л. 14 об.—15. «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), черновой автограф.

Л. 15 об. «Воспоминание», черновой автограф (окончание), под текстом дата: «19 мая»; помета: «18 мая у Киселе(ва) Голиц(ын) etc»; в перевернутом положении тетради: «Ты и вы» («Пустое вы сердечным ты...»), черновой автограф, с датой под текстом: «23 мая» и пометой справа от начального стиха: «20 мая 1828 При(ютино)».

Л. 16. «Кобылица молодая...», под заглавием: «Подражание Анакреону», черновой автограф, с датой: «6 июня» (чернила); «Предчувствие», черновой набросок (карандаш).

Л. 16 об. «Сказка о царе Салтане», черновой автограф.

Л. 17. «Сказка о царе Салтане», прозаический набросок продолжения, черновой автограф.

Л. 17 об. Стих «[Но вы во мне почтили годы]...», предположительно относящийся к замыслу «Пир поэтов»; «Волненьем жизни утомленный...», черновой автограф; прозаическая программа, предположительно относящаяся к замыслу «Пир поэтов»; перечень замыслов: «Прежняя любовь / Пир поэтов / Деревня» (справа вверху); слева дата: «25 июня». Все записи сделаны параллельно корешку.

Л. 18. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXII, черновой автограф (чернила); «Предчувствие», черновой автограф (окончание) (карандаш).

Л. 18 об.—52. Основные записи делались параллельно корешку.

Л. 18 об. «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...»), черновой автограф (чернила); «Полтава», черновой автограф (карандаш).

Л. 19. «Полтава», черновой автограф (продолжение) (карандаш, отдельные поправки чернилами); на левом поле помета: «Урас *Анчар*» (карандаш).

Л. 19 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение) (карандаш, отдельные поправки чернилами).

Л. 20. «Полтава», черновой автограф (продолжение), набросок плана поэмы (слева вверху); «Кирджали» («В степях зеленых Буджака...»), черновой автограф.

Л. 20 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение) (чернила, карандаш).

Л. 21. Письмо к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г., черновой автограф; помета рукой П. В. Анненкова (?): «Ответ В—му на письмо от 26 июля 1827» (в верхнем левом углу).

Л. 21 об. «Анчар» («В пустыне чахлой и скупой...»), черновой автограф (чернила, отдельные поправки карандашом).

Л. 22. «Анчар» (окончание), черновой автограф (частично записан в перевернутом положении тетради) (чернила, частично поверх карандаша); черновой набросок показаний по делу о «Гавриилиаде» (карандаш); запись: «Забыли вы меня» (чернила) (в направлении, противоположном тексту «Анчара»).

Л. 22 об. Черновой набросок показаний по делу о «Гавриилиаде», окончание (карандаш).

Л. 23. «Полтава», набросок стиха: «И в самом деле —» (карандаш).

Л. 23 об. «Счастлив, кто избран своенравно...», черновой автограф (карандаш); «Анчар», набросок двух стихов к четвертой строфе (карандаш); перечень стихотворений: «Портрет / Наперсник» (карандаш) (в нижней части листа, слева).

Л. 24. «Полтава», набросок нескольких стихов; письмо к А. Х. Бенкендорфу от второй половины (не ранее 19-го) августа 1828 г., черновой автограф.

Л. 24 об. Письмо к А. Х. Бенкендорфу от второй половины (не ранее 19-го) августа 1828 г., черновой автограф (окончание).

Л. 25. «Полтава», белой автограф, переходящий в черновой (продолжение).

Л. 25 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение); «Рифма, звучная подруга...», черновой автограф (продолжение).

Л. 26. «Рифма, звучная подруга...», черновой автограф (начало).

Л. 26 об. «Рифма, звучная подруга...», черновой автограф (окончание); запись в нижней части листа: «Эхо».

Л. 27. «Полтава», черновой автограф (продолжение) (чернила, карандаш); ниже стих или план следующих стихов: «Сам Гетман сватает Марию» (карандаш); запись (дважды): «Евгений Онегин» (карандаш).

Л. 27 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение).

Л. 28. «Полтава», черновой автограф трех стихов (продолжение) (вписано в верхней части листа); «Гости съезжались на дачу...», черновой автограф (чернила, с последующей правкой карандашом); «Полтава», набросок заглавия: «*Полтава* / Отрывок» (в нижней части листа, перпендикулярно предыдущим записям).

Л. 28 об.—37. «Гости съезжались на дачу...», черновой автограф (продолжение) (л. 28 об. — чернила с последующей правкой карандашом, л. 29—37 — карандаш). Между л. 29 и 30, а также л. 31 и 32 корешки вырванных листов (л. 29а, 31а).

Л. 37 об. «Гости съезжались на дачу...», черновой автограф; «Полтава», черновой автограф.

Л. 38—69 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение) (листы заполнялись чернилами и карандашом в различном положении тетради).

Л. 70—71. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XXII—XXIV и XXIVa, черновой автограф (записано параллельно корешку).

Л. 71 об. «Полтава», Посвящение, черновой автограф.

Л. 72. «Полтава», Посвящение, черновой автограф (окончание) с пометой под текстом: «27 окт(ября) / 1828 / Малинники» и белой автограф, переходящий в черновой, под заглавием: «[Посвящение] Тебе», выше эпиграф: «I love this sweet name» (Я люблю это нежное имя — *англ.*).

Л. 72 об. Две выписки из поэмы Байрона «Мазепа»; заглавие: «Полтава» (смазано); набросок двух стихов из 3-й песни «Полтавы».

Л. 73. «В прохладе сладостной фонтанов...», черновой автограф.

Л. 73 об.—76. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфы XXIX—XXXV, XXXVa, XL—XLII, черновой автограф (записано параллельно корешку; на л. 74 после заполнения основной части листа добавлены записи на левом поле, сделанные в обычном положении тетради).

Л. 76 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., черновые автографы строф XLIII (в том же положении тетради, что и основная часть записей на л. 73 об.—76) и LIV (перпендикулярно предыдущему тексту).

Л. 77. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа LV, черновой автограф (в том же положении тетради, что и основная часть записей на л. 73 об.—76).

Л. 77 об. Чистый.

Л. 79 об.—78. «Жил на свете рыцарь бедный...», черновой автограф (листы заполнялись в обратном порядке, в положении тетради, повернутом на 180° относительно записей на л. 77).

Л. 80—81 об. Чистые.

Л. 82. «Кирджали», план, вверху справа запись заглавия: «Кирджали», черновой автограф (карандаш) (записи сделаны в том же положении тетради, что и на л. 77).

Л. 82 об.—86. «Осень» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»), черновой автограф (в обычном положении тетради). На л. 84 дата: «19 окт(ября)».

Л. 86 об.—87 об. Чистые.

Л. 88. «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»), черновой набросок (в перевернутом положении тетради).

Л. 88 об.—93. Чистые.

Л. 93 об.—108 об. Заполнялись с обратной стороны, поэтому описание будет продолжено в обратном порядке.

Л. 108 об. «Ворон к ворону летит...», под заглавием: «Шотл(андская песня)», черновой автограф (записано параллельно корешку); «Лищин(ский) окошел — отечеству беда!..», черновой набросок (в перевернутом относительно обычного положении тетради, на верхнем и нижнем поле).

Л. 108—107 об. Чистые.

Л. 107. «Гости съезжались на дачу...», черновой автограф (карандаш) (в том же положении тетради, что и при записи стихотворения «Ворон к ворону летит...»).

Л. 106 об.—105 об. Заполнялись в перевернутом положении тетради.

Л. 106 об. «Полтава», черновой автограф (чернила и карандашная вставка); «В рюмке светлой предо мною...», черновой набросок (в середине листа).

Л. 106—105 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение).

Л. 105. «Гости съезжались на дачу...» (продолжение), черновой автограф (карандаш) (в том же положении тетради, что и записи на л. 107); «Полтава», черно-

вой автограф (продолжение) (чернила, карандаш) (в том же положении тетради, что и основная часть записей на л. 106 об.—105 об.).

Л. 104 об. «[Проснулся я — последний сон]...», черновой набросок (в обычном положении тетради).

Л. 104—103. Записи расположены параллельно корешку.

Л. 104—103 об. «Полтава», черновой автограф (продолжение).

Л. 103. «Полтава», черновой автограф (продолжение); «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...»), черновой набросок (под текстом «Полтавы», перпендикулярно ему).

Л. 102 об.—101 об. Заполнялись в перевернутом положении тетради.

Л. 102 об. «Цветок», черновой автограф.

Л. 102. «Цветок», черновой автограф (продолжение); «Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной...»), черновые наброски ст. 16—24 (записано перпендикулярно предыдущему тексту, большей частью наискосок).

Л. 101 об. «Поэт и толпа», черновой автограф; в центре, по диагонали цитата из Библии: «Послушайте глагол моих. *Иов* гл(ава) *Г* П».

Л. 101—93 об. Заполнялись в том же положении тетради, что и л. 104—103.

Л. 101. «Поэт и толпа», черновой автограф (продолжение).

Далее вырваны два листа, которые сохранились и значатся под другими архивными номерами.

ПД 228 (полный лист)

Оборотная сторона: «На углу маленькой площади...», черновой автограф (чернила, слой поправок карандашом); над текстом владельческая запись А. Ф. Онегина.

Лицевая сторона: «На углу маленькой площади...», черновой автограф (продолжение) (чернила, отдельные зачеркивания карандашом).

ПД 715

Оборотная сторона: список произведений Пушкина по 1831 г. включительно; план четырехтомного собрания сочинений с распределением по томам; дополнения 1833 г. к списку произведений.

Лицевая сторона: чистая.

Л. 100 об. «Брадатый староста Авдей...», черновой автограф.

Л. 100—99 об. Рисунки.

Л. 99. «На углу маленькой площади...», черновой автограф (продолжение).

Л. 98а об.—98а. Корешок вырванного листа, на обороте которого остались слова: «Не он ли». Половина листа сохранилась и значится под другим архивным номером.

ПД 228 (половина листа)

Оборотная сторона: «На углу маленькой площади...», черновой автограф (продолжение); на левом поле владельческая запись А. Ф. Онегина.

Лицевая сторона: «Одна стихи ему читала...», черновой автограф; транскрипция карандашом и подпись красными чернилами рукой А. Ф. Онегина.

Л. 98 об. «Одна стихи ему читала...», черновой автограф (окончание); «Евгений Онегин», 8-я гл., строфа XXVIa, черновой автограф.

Л. 98—96 об. «На углу маленькой площади...», черновой автограф (продолжение).

Л. 96. «На углу маленькой площади...», черновой автограф (продолжение) (чернила); «(Русалка)», отмеченная крестиком вставка (три стиха) в монолог Мельника, черновой автограф (карандаш)

Л. 95 об.—93 об. «(Русалка)», сцена «Берег Днепра. Мельница», черновой автограф (карандаш).

Тетрадь ПД 839 (Сафьяновый альбом)

Тетрадь в большой почтовый лист (199 × 250 мм), в темном сафьяновом переплете. Бумага белая, с обыкновенным обрезом. На левом полулисте внизу водяной знак: «пол Горацкой / 1826». По описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, это бумага № 149 (Рукоп. П. 1937. Дополн.).

На внутренней стороне передней крышки переплета экслибрис Румянцевского музея (в Раб. тетр. (Т. 6) не воспроизведен — отогнут) с шифром хранения: «№ 2372», под экслибрисом музейный шифр («М. 2372»). Другие записи на форзаце: «№ 15» (рукой Л. В. Дубельта), «№ 9» (рукой чиновника Опеки), «1828—29—32» (рукой П. А. Плетнева¹); в левом нижнем углу помета: «66 л.». На внутренней стороне задней крышки переплета опекунская запись: «В сей книжке писанных и номерованных листов шестьдесят девять» (последнее слово исправлено из: «шесть») и карандашные пометы рукой В. А. Жуковского (в перевернутом верхом вниз положении тетради).

Первоначальный объем тетради составлял 86 листов (семь тетрадок по двенадцать одинарных (шесть двойных) листов, плюс два листа, парных приклеенным к переплетам). Сейчас в тетради 70 листов. Восемь листов вырваны при жизни Пушкина. Л. 24 двойной (два листа склеены между собой). Внешняя сторона л. 63 оборвана (вероятнее всего, Пушкиным). Жандармская и опекунская нумерации, учитывающие только заполненные листы, не совпадают с архивной.¹

Из вырванных листов среди бумаг Пушкина сохранился один. Это нынешний ПД 103.

Л. 1—13 об. «Полтава» (заглавие отсутствует), 1-я песнь (заглавие: «*Песнь первая*»), белой автограф с поправками.

Л. 14—15 об. Чистые.

Между л. 14 и 15 вырван один лист.

Л. 16—30. «Полтава», 2-я песнь (заглавие: «*Песнь вторая*»), белой автограф с поправками. Рукой П. А. Плетнева разметка печатных листов на полях автографа (л. 16 об. — «3», л. 25 об. — «4»).

¹ Историю заполнения тетради ПД 839 см.: *Сандомирская В. Б.* О датировке стихотворения «Когда в объятия мои...» // ПИМ. Т. 4. С. 354—361; *Измайлов Н. В.* 1) Пушкин в работе над «Полтавой». С. 111—112; 2) «Медный всадник» А. С. Пушкина : История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 206—212; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839 : (История заполнения) // ПИМ. Т. 16—17. С. 57—75.

Л. 30 об.—31 об. Чистые.

Л. 32—44. «Полтава», 3-я песнь (заглавие: «*Песнь третья*»), до ст. 424 включительно («С родным прощаясь рубежом»), белой автограф, с поправками (часть поправок рукой П. А. Плетнева). Л. 38 был вырезан и затем вложен назад П. В. Анненковым, на верхнем поле карандашная помета его рукой: «Тот же листок, перебеленный Пушкиным», ниже синим карандашом: «Приложение IV» (имеется в виду факсимильное воспроизведение листа: Анненков. Материалы 1855. Приложение IV). На л. 42 об.—43 зачеркивания с пометами рукой Плетнева: «Не набирать этого», «тоже»; его же рукой разметка печатных листов на полях автографа: л. 34 — «5», л. 43 — «6». Между л. 43 и 44 вырван один лист.

Л. 44 об. Чистый.

Л. 45—47 об. «〈Наброски предисловия к „Борису Годунову“〉» («Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...»), черновой автограф.

Л. 48—70 об. Заполнялись с обратной стороны, в перевернутом положении тетради, поэтому описание продолжено в обратном порядке. Исключение составляет «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», автографы которой записывались как в прямой, так и в обратной последовательности.

Половина форзадного листа, идущего после л. 70, наклеена на заднюю крышку переплета. Вторая половина листа была вырвана. Она сохранилась и значится под другим архивным номером.

ПД 103

Оборотная сторона: «Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной...»), под заглавием: «Ямб», белой автограф, с правкой; «Покойник, автор сухощавый...», набросок (на левом поле).

Лицевая сторона: «Поэт и толпа», белой автограф, с правкой (окончание) (после ст. 45 запись на левом поле перпендикулярно предыдущему тексту и частично поверх него).

Л. 70 об. «Когда в объятия мои...», белой автограф, с правкой.

Л. 70. «[Поверь: безумные] забавы...», черновой набросок (карандаш); план собрания сочинений (чернила).

Далее вырван один лист.

Л. 69 об.—66. «Участь моя решена. Я женюсь...», под заглавием: «(С французского)», черновой автограф. На л. 68 и 67 даты: «12 мая», «13 мая».

Л. 65 об. Письмо к В. С. Огонь-Догановскому, май—июнь 1830 г., черновой автограф.

Л. 65. Планы собрания сочинений (чернила, карандаш).

Л. 64 об. Письмо к Н. Н. Гончаровой от начала июня 1830 г., черновой автограф (карандаш, отдельные поправки чернилами).

Л. 64. «О новейших романах», программа статьи (в перевернутом положении тетради) (карандаш); письмо к А. И. Чернышеву от 9 февраля 1833 г., черновой автограф (в обычном положении тетради) (карандаш).

Далее вырваны три листа.

Л. 63 об. Записи: «Д. — говаривал...» и «Грамматика не предписывает...» («(Заметки и афоризмы разных годов)») (записи расположены параллельно корешку) (карандаш).

Л. 63. Письмо к П. И. Соколову от конца мая—начала июня 1833 г., черновой автограф (записано параллельно корешку) (карандаш); «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», черновой автограф (окончание) (в том же положении тетради, что и основная часть записей на л. 48—70 об.) (чернила поверх карандашной записи).

Л. 62а. Корешок вырванного листа.

Л. 62 об.—62. «Сказка о мертвой царевне...», черновой автограф.

Л. 61 об.—60 об. «〈Повесть из римской жизни〉» («Цезарь путешествиевал...»), черновой автограф (карандаш, отдельные поправки чернилами).

Л. 60 об. «〈Повесть из римской жизни〉», черновой автограф (продолжение) (карандаш); «Сказка о мертвой царевне...», черновой автограф (в нижней части листа, перпендикулярно к предыдущим записям) (чернила).

Л. 60. Письмо к И. И. Дмитриеву от марта—апреля 1833 г., черновой автограф (в обычном положении тетради) (карандаш).

Л. 59 об.—58 об. Рисунки.

Л. 58. «Сказка о мертвой царевне...», черновой автограф.

Далее вырван один лист.

Л. 57 об.—49 об. «Медный всадник», черновой автограф. На л. 55 об. под стихом «Насмешка неба над землей» дата: «30 окт〈ября〉».

Л. 49. «Медный всадник», черновой автограф (окончание) (левый столбец); «Сказка о мертвой царевне...», черновой автограф (правый столбец).

Л. 48 об.—48. «Сказка о мертвой царевне...», черновой автограф (продолжение).

Тетрадь ПД 840 (Записная книжка)

Тетрадь в восьмую долю листа (159 × 100 мм), в картонном переплете, оклеенном «мраморной» бумагой, с темно-коричневыми кожаными корешком и наугольниками. На корешке — тисненый золотом орнамент. Бумага желтоватого оттенка, плотная, без водяных знаков. По обрезу сохранились следы охристой краски.

На задней крышке переплета, с внутренней стороны запись, сделанная библиотекарем Императорской Публичной библиотеки И. А. Бычковым: «С одной стороны четырнадцать (14) и еще крохотный обрывок после л. 7 (л. 7а), а с другой стороны

девятнадцать (19) листов. Библ. И. Бычков». Ниже шифр: $\frac{\text{Инв. № 790}}{\text{Кн. п. № 4976}}$. Впо-

следствии (до поступления в Пушкинский Дом) записная книжка значилась под шифром ПБЛ 43.

Первоначально тетрадь состояла из семнадцати тетрадок по шести листов одинарных (три двойных) в каждой и из двух тетрадок (одна в начале, вторая в конце) по четыре листа. Верхний и нижний листы крайних тетрадок подклеены к корешкам переплетов. Сейчас в тетради 102 листа. Большая часть листов осталась незаполненной.

Жандармская и опекунская пагинации отсутствуют. Наряду с архивной пагинацией имеется первоначальная пагинация карандашом в нижней части страниц, произведенная, вероятно, одним из владельцев рукописи. На л. 15 архивная пагинация расходится с первоначальной (л. 15 внизу помечен как л. 17). Поскольку вырванных листов в этой части тетради нет, такое расхождение можно объяснить либо сбоем первоначальной пагинации, либо тем, что здесь были вложены два незакрепленных

листа, впоследствии исчезнувшие. Некоторые цифры первоначальной пагинации обведены чернилами. Кроме того, предположительно рукой И. А. Бычкова на л. 8, 9 и 12 проставлены соответственно цифры «7», «8», «11», а в перевернутом положении тетради на л. 92 об. и 91 об. — цифры «9» и «10»; на л. 83 об. и 81 об. в перевернутом положении тетради карандашом проставлены цифры «18» и «19». На л. 2, 3—7 об., 9 об., 12 об.—14 карандашные пометы «NЗ»; такие же пометы на л. 91 об., 92 об., 93 (в перевернутом положении тетради).¹

Л. 1. Дата: «дек⟨абрь⟩ 1832» (карандаш).

Л. 1 об. Чистый.

Л. 2. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXI, белой автограф, с правкой.

Л. 2 об. «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXII, белой автограф, с правкой (чернила, на нижнем поле поправка карандашом). Весь текст перечеркнут.

Л. 3—7. «Евгений Онегин», «Альбом Онегина», белой автограф, с поправкой.

Л. 7 об. «Евгений Онегин», «Альбом Онегина» (продолжение), белой автограф, с правкой; «Евгений Онегин», 7-я гл., строфа XXV, черновой автограф.

Л. 7а—7б. Корешки двух вырванных листов с остатками записей.

Л. 8. Рисунки.

Л. 8 об.—9. Чистые.

Л. 9 об.—10. «Каков я прежде был, таков и ныне я...», белой автограф, с поправкой (карандаш) (записи расположены параллельно корешку).

Л. 10 об.—11. Чистые.

Л. 11 об. «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...»), черновой автограф (чернила, карандаш) (в том же положении тетради); все варианты зачеркнуты; среди вариантов запись начального стиха «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича: «[Гнев богиня воспой]».

Л. 12. Запись: «Самья известная» (чернила) (в обычном положении тетради); «На перевод Илиады», под заглавием: «На перевод Гнедича», черновой автограф (карандаш, чернила) и белой с поправкой автограф (чернила), с датой под текстом «8 Н⟨оября⟩» (чернила).

Л. 12 об.—14. «⟨Езерский⟩», черновой автограф.

Л. 14 об.—63 об. Чистые.

Л. 64. Вычисления.

Л. 64 об.—80 об. Чистые.

Л. 81—100 об. Заполнялись с обратной стороны, в перевернутом положении тетради, поэтому описание будет продолжено в обратном порядке.

Л. 102 об.—101. Чистые. Между л. 101 и 100 приклеенный к л. 100 об. остаток листа неизвестного происхождения, похожий на брак.

Л. 100 об. Рисунок.

Л. 100. Помета: «10 mars 1832 / Bibl⟨iothèque⟩ de Volt⟨aire⟩» (карандаш). Вдоль корешка — следы клея.

¹ Историю заполнения тетради ПД 840 см.: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 24—26; Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 905—922; Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста // ПИМ. Т. 3. С. 273—279; Березкина С. В. Записная книжка Пушкина ПД 840: (История заполнения) // ПИМ. Т. 16—17. С. 76—92.

Л. 99 об.—97 об. Выписки из каталога библиотеки Вольтера (на лат. яз.) (карандаш).

Л. 97. Чистый.

Л. 96 об.—96. Выписки из каталога библиотеки Вольтера (на фр. яз.) (карандаш).

Л. 95 об. Помета: «10 mars 1832 Bibl(iothèque) de V(oltaire)» (карандаш).

Л. 95. Графический эксперимент над буквами еврейского алфавита (карандаш).

Л. 94 об. Дата: «16 mars»; запись еврейского алфавита.

Л. 94—93 об. Запись еврейского алфавита в выборочной латинской, греческой и русской транскрипции.

Л. 93—92. «⟨А. О. Смирновой⟩» («В тревоге пестрой и бесплодной...»), черновой автограф.

Л. 91а. Корешок вырванного листа.

Л. 91 об. «⟨В альбом кж. А. Д. Абамялек⟩» («Когда-то (помню с умиленьем)...»), белой автограф с поправками (последний стих недописан).

Л. 91—90 об. Обратный перевод на испанский язык или запись по памяти отрывка из новеллы Сервантеса «Цыганочка», белой автограф, с поправками (карандаш).

Л. 90. Запись адреса (расположена параллельно корешку) (карандаш).

Л. 89 об. Рисунок.

Л. 89. Чистый.

Л. 88 об.—83 об. Перевод отрывка из «Романа о Ренаре» со старофранцузского на новофранцузский язык, белой автограф, с поправками.

Л. 83—82. Чистые, с продольными сгибами посредине.

Л. 81 об.—81. Приходо-расходная запись с датой над текстом: «4 сент⟨ября⟩».

Тетрадь ПД 841 (Первая арзрумская)

Большая тетрадь в лист (329 × 215 мм) в картонном переплете, оклеенном бумагой, с кожаными корешком и углами светло-коричневого цвета. Бумага синяя, верже. Водяные знаки: на левом полулисте в тройном овале под княжеской короной геральдический лев, опирающийся левую поднятую лапу на якорь с двумя зубцами; на правом полулисте буквы «ОФФМ»; на сгибе листов внизу дата: «1828». По описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, это бумага № 91 (Рукоп. П. 1937. Дополн.).

На передней крышке переплета — опекунская наклейка. На форзаце экслибрис Румянцевского музея с шифром хранения: «№ 2382». В левом нижнем углу помета карандашом: «109 л.». Жандармские и опекунские записи делались на первом и последнем листе тетради (см. л. 1 и 129 об.). На заднем форзаце надпись: «Всего 128 л., из которых листы 24 и 115 оборваны, а листы 44—54, 57—60, 93, 114, 123 белые». Вверху последней страницы тетради (л. 129 об.) опекунская заверочная запись: «В сей книге писанных листов сто восемь (108). Опекун: » (подпись опекуна отсутствует); ниже еще одна запись: «Всего 110 листов. Хранит⟨ель⟩ Отд⟨ела⟩ рук⟨описей⟩» (подпись).

По архивной пагинации в тетради 129 листов, по жандармской — 108. Тетрадь была составлена из шестнадцати тетрадок по шестнадцати одинарных (восьми двойных) листов в каждой. Полных тетрадок в ней только четыре, в остальных же недостает по одному и более двойных листов. Большая часть листов вырвана до заполнения тетради, так как порядок записей не нарушен.

Из вырванных листов среди бумаг Пушкина сохранились четыре. Это нынешние ПД 253, ПД 252, ПД 911.¹

Л. 1. Отдельные записи: «Но рок» (смазано), «земное». Посреди листа помета рукой Л. В. Дубельта: «№ 16».

Л. 1 об. Чистый.

Л. 2—10 об. Путевые записки, положенные в основу «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» с пометами в начале текста на л. 2: «15 мая Георгиевск» и на л. 7: «М⟨ая⟩ 22 Владикавказ», белой автограф, с правкой (с л. 3), переходящий в черновой. Л. 3 был вырезан, а затем неверно подклеен (лицевая сторона с жандармским номером стала оборотной).

Л. 11. Путевые записки (продолжение) с пометой под текстом: «Вла⟨дикавказ⟩ 22 мая 1829», черновой автограф; письмо к Ф. И. Толстому (?) от 27 мая—10 июня 1829 г., черновой автограф (карандаш); запись дневникового характера с датой: «18 июля» (чернила поверх карандаша).

Л. 11 об. Письмо к Ф. И. Толстому (?) от 27 мая—10 июня 1829 г., черновой автограф (окончание) (карандаш); план путевых записок (чернила).

Л. 11а—11б. Корешки двух вырванных листов. Один из них (л. 11а) сохранился и значится под другим архивным номером.

ПД 253

Лицевая сторона: Путевые записки (продолжение) с пометой перед текстом: «Арзрум 12 июля 1829»; в левом верхнем углу владельческая запись А. Ф. Онегина.

Оборотная сторона: чистая.

Л. 12. «С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет...» (набросок предисловия к «Борису Годунову»), черновой автограф, с пометой над текстом: «19 июля Арзр⟨ум⟩».

Л. 12 об.—13 об. Путевые записки, черновой автограф.

Л. 14. Путевые записки (продолжение), черновой автограф; план поэмы «⟨Русская девушка и черкес⟩».

Л. 14 об. «В начале 1812 ⟨года⟩...», черновой автограф.

Л. 15. «Многие негодуют на журнальную критику...» («Table-talk»), черновой автограф.

Л. 15 об. Путевые записки, черновой автограф; «Счастлив ты в прелестных дурах...», черновой автограф.

Между л. 15 и 16 вырваны два листа, которые сохранились и значатся под другим архивным номером:

¹ Историю заполнения тетради ПД 841 см.: Левкович Я. Л. 1) Кавказский дневник Пушкина // ПИМ. Т. 11. С. 5—26; 2) Из наблюдений над «арзрумской тетрадью» Пушкина // Врем. ПК. 1981. С. 18—30; 3) Из наблюдений над «арзрумской тетрадью» Пушкина (Продолжение) // Врем. ПК. Вып. 20. С. 153—163; 4) Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 : (История заполнения) // ПИМ. Т. 12. С. 243—277.

ПД 252, л. 6—7

Л. 15а—15б. «〈Роман в письмах〉», письмо 3, черновой автограф, с датой над текстом (л. 15а): «[30 окт〈ября〉] 1 нояб〈ря〉». Порядковый номер письма указан в автографе дважды — на л. 15а в правом верхнем углу («3») и на левом поле л. 15а об. («№ 3»).

Л. 15б об. Чистый.

Л. 16—17. «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», черновой автограф с датой под текстом (л. 17): «2 Ноября / 1829». На л. 16 об. на левом поле запись рифм, относящаяся к работе над «Евгением Онегиным», 7-я гл., строфа XXXI: «Возок / исправлен / объявлен».

Л. 17 об. «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный...»), черновой автограф, с датой: «3 Ноябр〈я〉».

Л. 17а. Корешок вырванного листа.

Л. 18. «Зачем, Елена, так пугливо...», черновой набросок; «〈О „Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского“〉», под заглавием: «О некрол〈огии〉», черновой автограф.

Л. 18 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой и белой с правкой автографы.

Л. 19—19 об. «Несколько московских литераторов...», черновой автограф.

Л. 20. «Несколько московских литераторов...», черновой автограф (продолжение); «О сколько нам открытий чудных...», черновой автограф и авторская сводка ст. 1—2 и начала ст. 3.

Л. 20 об. «〈Русалка〉», сцена «Светлица», черновой автограф.

Л. 21. «〈План истории русской литературы〉»; «〈Русалка〉», сцена «Светлица», черновой автограф.

Л. 21 об. «〈Русалка〉», сцена «Светлица», черновой автограф; автограф прерывается в середине списком лиц («Gouïef / Langeron...»).

Л. 22. «〈Русалка〉», сцена «Светлица», черновой автограф; сцена «Днепр. Ночь», монолог Князя, черновой автограф.

Л. 22 об. «〈Русалка〉», сцена «Днепр. Ночь», монолог Князя, черновой автограф, песни русалок, черновые наброски.

Л. 23. «〈Русалка〉», сцена «Днепр. Ночь», песни русалок, черновые наброски.

Л. 23 об.—24. «〈Тазит〉», черновые наброски. На л. 23 об. в левом верхнем углу запись имен героев, на л. 24 в правом верхнем углу план поэмы.

Л. 24 об. «На углу маленькой площади...», план.

Л. 25. «Гете имел большое влияние на Байрона...» («Table-talk»), черновой автограф. Нижние две трети листа оборваны.

Л. 25 об. Чистый.

Л. 26. «Поедем я готов; куда бы вы, друзья...», черновой автограф с датой под текстом: «23 дек〈абря〉».

Л. 26 об. «Евгений Онегин», 8-я гл., строфы I, Ia, черновой автограф; в левом верхнем углу дата: «1829 / 24 дек〈абря〉».

Л. 27. Список предполагаемых праздничных визитов.

Л. 27 об. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», черновой автограф.

Л. 28. «Еще одной высокой, важной песни...», черновой автограф; запись на левом поле: «[Перевор〈от〉] 〈?〉 [преобразование] 〈?〉 преобразование»; «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», черновой автограф (продолжение) (в нижней части левого поля).

- Л. 28 об. «Еще одной высокой, важной песни...», черновой автограф (окончание).
- Л. 29. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», черновой автограф (окончание); «Илиада Гомерова», черновой автограф.
- Л. 29 об. «Илиада Гомерова», черновой автограф (окончание).
- Л. 29а. Корешок вырванного листа.
- Л. 30. Письмо к А. Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 г., черновой автограф (на фр. яз.).
- Л. 30 об.—31. «〈О журнальной критике〉», черновой автограф.
- Л. 31 об. «〈О журнальной критике〉», черновой автограф (окончание); запись: «[toutes] presque toutes les religions... [все] почти все религии... — фр.)...»; «Франц(узские) критики имеют свое понятие...», черновой автограф.
- Л. 31а—31в. Корешки вырванных листов.
- Л. 32—33. «〈Письмо к издателю „Литературной газеты“〉», черновой автограф.
- Л. 33 об. Начало письма к Н. Н. Гончаровой от 20 июля 1830 г., черновой автограф; «Евгений Онегин», 8-я гл., строфа XXVI, черновые наброски.
- Л. 34. Письмо к А. Н. Гончарову от 3 мая 1830 г., черновой автограф; «Евгений Онегин», 8-я гл., строфа XXVI, черновой набросок.
- Л. 34 об.—35. «Евгений Онегин», 8-я гл., строфа XXVI, черновые наброски.
- Л. 35 об. Чистый.
- Л. 36—40. «〈Альманашик〉», черновой автограф.
- Л. 40 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; «〈Русалка〉», сцена «Днепр. Ночь», песни русалок, черновой автограф.
- Л. 41. «〈Русалка〉», сцена «Днепр. Ночь», песни русалок, черновой автограф (карандаш).
- Л. 41 об.—42. Чистые.
- Л. 42 об. «И вот ущелье мрачных скал...», черновой автограф; «Страшно и скучно...», черновой автограф.
- Л. 42а—42д. Корешки пяти вырванных листов со штрихами последних букв на оборотах л. 42б, 42в, 42г.
- Л. 43—44 об. «〈„История поэзии“ С. П. Шевырева〉», черновой автограф (почти без поправок).
- Л. 45—55 об. Чистые.
- Л. 56—57 об. «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаниями смущенный...»), черновой автограф. Работа над текстом осуществлялась в следующем порядке: л. 57 об. — наброски начала строфы 3; л. 57 — строфы 3—4; л. 56 — строфа 6 и наброски двух следующих строк; л. 57 об. — заглавие (вписано) и строфы 1—2; л. 56 об. — строфы 3—4, сводка автографа с л. 56, с обильной правкой, под ними помета: «14 дек(абря) 1829/С. П. б.», ниже — строфа 5.
- Л. 58—62. Чистые.
- Между л. 58 и 59 один лист вырван.
- Л. 62 об.—129. Заполнялись с обратной стороны тетради, поэтому описание будет продолжено в обратном порядке.
- Л. 129 об. Пушкинских записей нет; о других записях на листе см. выше, с. 441.
- Л. 129. Запись: «farewell my friend ( ) my foes!» (прощай, мой друг, ( ) мои враги! — *англ.*) (в обычном положении тетради); запись: «il y avoit dans ses sentiments un abandon...» (В его чувствах была непринужденность... — *фр.*) (записано параллельно корешку).
- Л. 128 об.—128. В верхней части до заполнения листа вырван небольшой клочок.

Л. 128 об. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», черновой автограф; дата над текстом: «15 мая» (в обычном положении тетради); два стиха, вошедшие в стихотворение «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»), — см. ст. 55—56, белой автограф (в перевернутом положении тетради).

Л. 128—127. Заполнялись в обычном положении тетради.

Л. 128. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», черновой автограф (правый столбец); «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка!...»), черновой автограф (правый столбец, ниже предыдущего текста, и левый столбец).

Л. 127 об. «Калмычке», белой автограф, с правкой, с пометой над текстом: «22 ма(я) 1829 / *Кап-Кой*» (левый столбец); письмо к Б. Г. Чилиеву от 24 мая 1829 г., черновой автограф (правый столбец).

Л. 127. «〈Фазиль-Хану〉» («Благословен твой подвиг новый...»), черновой набросок; помета (среди рисунков): «25 мая / Коби».

Л. 126 об. «Сапожник (Притча)» («Картину раз высматривал сапожник...»), черновой автограф (карандаш) (в обычном положении тетради), белой с правкой автограф (чернила) (в обычном положении тетради, последние три стиха записаны на левом поле, параллельно корешку); «〈На Надеждина〉» («В журнал совсем не европейский...»), черновой набросок (чернила) (в перевернутом положении тетради).

Л. 126. «Олегов щит» («Когда ко граду Константина...»), черновой автограф (в перевернутом положении тетради).

Л. 125 об. «Олегов щит», черновой автограф (в перевернутом положении тетради); «Зорю быют... из рук моих...», черновой автограф (в обычном положении тетради).

Л. 125—123 об. Чистые. Между л. 125 и 124 вырван один лист.

Дальнейшие записи, за редкими исключениями, сделаны в перевернутом положении тетради.

Л. 123. «Критон, роскошный гражданин...», черновой автограф; в левом верхнем углу помета: «14 июля — Арзр(умская) баня чума —»; дата на левом поле: «16 / июля»; «Был и я среди донцов...», белой автограф, с поправками.

Л. 122 об. «〈На Надеждина〉» («Надеясь на мое презренье...»), черновой автограф; «Был и я среди донцов...», черновой автограф.

Л. 122. «[Литература у нас существует]...», черновой автограф; «Дон» («Блеща средь полей широких...»), два черновых автографа; «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»), черновые наброски (записаны параллельно корешку).

Л. 121 об. «〈Русская девушка и черкес〉», черновой автограф; «Бесы», черновые наброски; «Стрекотунья белобока...» («По забору вдоль потока...»), черновой автограф.

Л. 121—119 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», белой автограф, с правкой, переходящий в черновой. На л. 119 об. дата: «2 октября».

Л. 119—117 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; сверху л. 117 об. дата: «3 окт(ября)».

Л. 117. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 116 об.—116. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф. Нижняя (по отношению к автографам) часть листа оборвана после смерти Пушкина, что видно по жандармской нумерации.

Л. 115 об.—115. Чистый.

Л. 114 об.—114. «〈О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной Звезде“〉», черновой автограф.

Л. 113 об. «〈Разговор о критике〉», черновой автограф.

Л. 113. «〈Разговор о критике〉», черновой автограф (продолжение); «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 112 об. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф.

Л. 112. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; «Подъезжая под Ижоры...», ст. 5—12, черновой автограф.

Л. 111в—111а. Корешки трех вырезанных листов. Они сохранились и значатся под другим архивным номером. При нумерации листы были переставлены местами. Описание дается в порядке их расположения в тетради ПД 841:

ПД 252, л. 14—16

Л. 111в об.—111б. «〈Роман в письмах〉», письмо 6, черновой автограф. На левом поле л. 111в помета: «№ 6» (порядковый номер письма).

Л. 111а об.—111а. «〈Роман в письмах〉», письмо 7, черновой автограф. На левом поле л. 111а помета: «№ 7» (порядковый номер письма).

Л. 111 об.—109 об. «〈Роман в письмах〉», письмо 8, черновой автограф. Над текстом (л. 111 об.) помета: «№ 8» (порядковый номер письма).

Л. 109. «〈Роман в письмах〉», письмо 8, черновой автограф (в том же положении тетради, что и основная часть записей на л. 123—62 об.); «〈На Великопольско-го〉» («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...»), белой автограф, переходящий в черновой (в том же положении тетради); «[〈   〉 было мне твое влиянье...]», черновой набросок (в обычном положении тетради).

Л. 108а. Корешок вырванного листа.

Л. 108 об. «〈Роман в письмах〉», письмо 9, черновой автограф.

Л. 108. «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина», черновой автограф; 7-я гл., строфа XXXIII, набросок ст. 3—4.

Л. 107 об.—107. «〈Роман в письмах〉», письмо 9, черновой автограф. Вверху л. 107 об. помета: «9» (порядковый номер письма).

Л. 106 об.—105 об. «〈Роман в письмах〉», письмо 10, черновой автограф. На л. 106 об. над текстом помета: «10» (порядковый номер письма).

Л. 105. Чистый.

Л. 104 об.—100. Путевые записки, легшие в основу «Путешествия в Арзум...», черновой автограф.

Л. 99 об. «〈Роман в письмах〉», запись, относящаяся к работе над письмом 3; «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», черновой автограф.

Л. 99. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», черновой автограф (продолжение).

Л. 98а. Корешок вырезанного листа.

Л. 98 об.—98. «Юрий Милославский...», черновой автограф (продолжение).

Л. 97 об. «〈О записках Самсона〉», черновой автограф; «Юрий Милославский...», черновой автограф (вставка) (в нижней части листа, на левом поле).

Л. 97—96 об. «〈О записках Самсона〉», черновой автограф (окончание).

Л. 96. «Юрий Милославский...», черновой автограф (вставка); список долгов (в обычном положении тетради).

Л. 95а. Корешок вырванного листа.

Л. 95 об.—95. «〈О „Разговоре у княгини Халдиной” Фонвизина〉», черновой автограф.

- Л. 94 об. Вымаранный рисунок.
- Л. 94. Чистый.
- Л. 93а. Корешок вырезанного листа, на обороте которого сохранились штрихи конечных букв.
- Л. 93 об.—91 об. «Вы так откровенны и снисходительны...», черновой набросок.
- Л. 91. «Гости съезжались на дачу...», черновой автограф (продолжение); «〈Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“〉», черновой автограф.
- Л. 90а—90д. Корешки вырезанных листов.
- Л. 90 об.—90. «〈О статьях кн. Вяземского〉», черновой автограф.
- Л. 89 об.—88 об. «〈О новейших блюстителях нравственности〉» — черновой автограф продолжения статьи «〈О статьях кн. Вяземского〉».
- Л. 88. «О дамах» («Table-talk»), черновой автограф.
- Л. 87 об. «О дамах» («Table-talk»), черновой автограф (окончание); «〈Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“〉», черновой автограф (продолжение).
- Л. 87. «〈Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“〉», черновой автограф (окончание).
- Л. 86а. Корешок вырезанного листа.
- Л. 86 об.—85. Французский прозаический текст, атрибутированный в Акад. как письмо к Каролине Собаньской от 2 февраля 1830 г. (Акад. Т. 14. С. 63—64), черновой автограф.
- Л. 84 об. Письмо к К. М. Бороздину, около 4 февраля 1830 г., черновой автограф.
- Л. 84. Чистый.
- Л. 83 об.—82 об. «Детская книжка», черновой автограф.
- Л. 82. Чистый.
- Л. 81 об. Запись: «[В одной из южных губерний наших]», предположительно имеющая отношение к началу повести «Барышня-крестьянка».
- Л. 81. Чистый.
- Л. 80а. Корешок вырванного листа, на обороте которого сохранились штрихи конечных букв (карандаш).
- Л. 80 об.—64. «Читая „Рославлева“...», черновой автограф. На л. 74 об. дата под текстом: «22 июня 1831». На л. 70 содержание части произведения, написанной на л. 80 об.—70. На л. 64 зачеркнутая запись: «Фельдъегерь едет за *нрзб*», не имеющая отношения к тексту «Читая „Рославлева“...».
- Между л. 64 и 63 двадцать семь листов вырезаны. На отдельных корешках (л. 63а—63в) видны штрихи начальных или конечных букв. Пятнадцатый из вырезанных листов сохранился и значится под другим архивным номером:

ПД 911

Оборотная сторона: «Делибаш», черновой автограф. В нижней части листа дательная надпись рукой П. В. Жуковского. В правом верхнем углу печать Радищевского музея в Саратове. В левом верхнем углу шифр хранения: «№ 1728».

Лицевая сторона: чистая.

Л. 63 об.—62 об. Письмо к А. Х. Бенкендорфу на фр. языке от 7—10 февраля 1834 г., черновой автограф.

ЦЕНЗУРНАЯ РУКОПИСЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ «СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА»

(ПД 420)

Рукопись, с которой печаталось издание «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1832. Ч. 3), состоит из автографов Пушкина, авторизованных копий, писарских копий, копий рукой О. М. Сомова и печатных листов, вырезанных из ранних изданий; на отдельных листах поправки и пометы рукой П. А. Плетнева и О. М. Сомова.

Рукопись представляет собой тетрадь без переплета (233 × 354 мм), сшитую из отдельных листов разной бумаги. Сорты бумаги определены для листов с автографами и авторизованными копиями: это бумага № 16 (л. 21, 56, 92), 17 (л. 3—5, 7, 10, 12—17, 19, 22—24, 26—32, 41—43, 54—55, 57, 85, 89—90), 226 (л. 18, 44, 88, 93) и 228 (л. 64—82) по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 169—175). Номер бумаги для л. 83 (фабричный полулист 221 × 335 мм без водяных знаков) не определен (см.: Там же. С. 174).

Надпись на обложке (л. 1): «Стихотворения А. Пушкина. Том 3^й» (рукой цензора В. Н. Семенова); сверху другой рукой помета: «№ 43. 19 января 1832». На л. 1 об. цензурное разрешение В. Н. Семенова с пометой: «С. П. бург 20 января 1832»; его же рукой — полистная скрепа рукописи.

В тетради 94 листа, включая обложку. Л. 2 вклеен В. П. Гаевским, которому в 1880-х гг. принадлежала тетрадь; на этом листе его пометы.

На л. 94—94 об. оглавление рукой Плетнева (совпадает с оглавлением Ст 1832). Произведения распределены здесь по четырем разделам: «1829», «1830», «1831» и «Разных годов»; внутри каждого раздела они пронумерованы римскими цифрами. Такие же цифры проставлены рукой Плетнева над текстом каждого произведения. На л. 83—89, 91—93 в левом верхнем углу его же рукой проставлены пометы, указывающие на то, что произведения относятся к разделу «Разных годов».

ПОЛИСТНОЕ ОПИСАНИЕ

Л. 3—3 об. «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...»), писарская копия, под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева; на л. 3 об. поправка Сомова.

Л. 4—4 об. «Обвал» («Дробясь о мрачные скалы...»), писарская копия ст. 1—12, продолжение (ст. 13—30) рукой Сомова; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 5. «Монастырь на Казбеке» («Высоко на семьею гор...»), писарская копия, под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 5 об. Чистый.

Л. 6. «Делибаш», печатный текст с подписью: «А. Пушкин», вырезанный из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 58); под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева, им же зачеркнута подпись «А. Пушкин».

Л. 6 об. Обратная сторона листка, вырезанного из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 57), с перечеркнутым текстом последних двух строф стихотворения Н. М. Языкова «Песня» («Он был поэт: беспечными глазами...»).

Л. 7. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», писарская копия, под заглавием: «Отрывок»; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); помета и заглавие зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 7 об. Чистый.

Л. 8. «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»), писарская копия под заглавием: «(Из Гафиза)», с пометой под текстом: «5 июля 1829 / Лагерь при Евфрате»; заглавие и помета вычеркнуты чернилами рукой Плетнева; его же рукой помета: «(Лагерь при Эвфрате)», вписана чернилами справа над текстом.

Л. 8 об. Чистый.

Л. 9. «Дон» («Блеща средь полей широких...»), печатный текст с датой под заглавием: «(1829)» и подписью: «А. Пушкин», вырезанный из ЛПРИ (1831. № 83. 17 окт. С. 655). Дата и подпись вычеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 9 об. Обратная сторона листа, вырезанного из ЛПРИ.

Л. 10. «Олегов щит» («Когда ко граду Константина...»), писарская копия; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 10 об. Чистый.

Л. 11. «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...», писарская копия, под заглавием: «Элегический отрывок», с пометой под текстом: «23 декабря 1829»; часть пометы (число и месяц) вычеркнута карандашом рукой Пушкина; позднее рукой Плетнева чернилами вычеркнуты вся помета и заглавие. В ст. 4 поправки Плетнева (чернила) и неизвестного лица (карандаш).

Л. 11 об. Чистый.

Л. 12. «Когда твои младые лета...», писарская копия под заглавием: «К **», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); заглавие и помета зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 12 об. Чистый.

Л. 13. «Я вас любил: любовь еще быть может...», писарская копия, под заглавием: «Я вас любил...», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); заглавие и помета зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 13 об. Чистый.

Л. 14—15. «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», писарская копия, с датой перед текстом: «(2го ноября)», дата еще раз взята в скобки карандашом; перед текстом помета Пушкина: «2 ноября» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 15 об. Чистый.

Л. 16—16 об. «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный!..»), писарская копия; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 17. «Счастлив ты в прелестных дурах...», писарская копия, под заглавием: «К NN»; под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева; заглавие зачеркнуто карандашом и чернилами.

Л. 17 об. Чистый.

Л. 18. «Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский...»), белой автограф, с датой под текстом: «1829»; дата зачеркнута чернилами рукой Плетнева.

Л. 18 об. Чистый.

Л. 19. «Как сатирой безымянной...», писарская копия под заглавием: «Эпиграмма», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); помета и заглавие зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 19 об. Чистый.

Л. 20—20 об. «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять на свете...»), печатный текст, вырезанный из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 47—48), с поправками Пушкина и его пометой под текстом: «1829» (карандаш); помета зачеркнута чернилами рукой Плетнева.

Л. 21. «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка!..»), копия рукой Сомова; перед текстом помета Пушкина: «1829» (чернила), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 21 об. Чистый.

Л. 22. «Что в имени тебе моем?..», писарская копия, под заглавием: «В альбом», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); помета и заглавие зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 22 об. Чистый.

Л. 23. «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?..», писарская копия, под заглавием: «Загадка / (При посылке бронзового Сфинкса)», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); помета и часть заглавия («Загадка») зачеркнуты чернилами рукой Плетнева; его же рукой на полях пометы для набора.

Л. 23 об. Чистый.

Л. 24—24 об. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», писарская копия, под заглавием: «Станцы», под текстом помета Пушкина: «1829» (карандаш); заглавие вычеркнуто чернилами рукой Плетнева, в ст. 5 его же поправка чернилами.

Л. 25. «В часы забав иль праздной скуки...», писарская копия, под заглавием: «Станцы» и пометой под текстом: «19. Января 1830. С. П. Б.»; заглавие и помета вычеркнуты чернилами рукой Плетнева; его же рукой перед текстом справа вписано чернилами: «(19 января)».

Л. 25 об. Чистый.

Л. 26—28 об. «К Вельможе» («От северных оков освобождая мир...»), писарская копия, под заглавием: «Послание к. Н. Б. Ю.***», с пометой под текстом: «Москва, 1830». Заглавие исправлено рукой Пушкина (карандаш, обведенный чернилами рукой Сомова); на л. 28 об. поправки Пушкина (карандаш) и Плетнева (чернила); помета под текстом вычеркнута чернилами рукой Плетнева.

Л. 29—29 об. Чистые.

Л. 30. «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...»), писарская копия, с подзаголовком: «(Сонет)»; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 30 об. Чистый.

Л. 31—31 об. «Ответ анониму» («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье...»), писарская копия, с пометой Пушкина: «1830» (карандаш) (помета ошибочно поставлена не под текстом стихотворения, а под ст. 19, последним на л. 31); помета зачеркнута чернилами рукой Плетнева.

Л. 32. «Из Barry Cornwall» («Пью за здравие Мери...»), писарская копия, под заглавием: «Песня», с эпиграфом: «(Here's a health to thee, Mary)», под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш); помета зачеркнута чернилами рукой Плетнева, его же рукой зачеркнуты заглавие и скобки в эпиграфе, под которым вписаны указания для набора.

Л. 32 об. Чистый.

Л. 33—40 об. «Пир во время чумы», печатный текст с подписью: «А. Пушкин», вырезанный из альманаха «Альциона» на 1832 г. (с. 1—16), под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш). На л. 33 заглавие: «Пир во время чумы», вычеркнутое чернилами рукой Плетнева, так как оно повторяется на л. 34. Л. 33 об. чистый. На л. 34 чернилами рукой Плетнева вычеркнут подзаголовок: «Из Вильсоновой трагедии: The city of the plague». Его же рукой — пометы для набора.

Л. 41. «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»), писарская копия, с подзаголовком: «(сонет)» и английским эпиграфом из Вордсворта, с поправками Пушкина карандашом и чернилами; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш); подзаголовок, эпиграф (включая поправки к нему Пушкина) и дата под текстом зачеркнуты чернилами рукой Плетнева; его же рукой эпиграф записан еще раз с учетом поправок Пушкина, рядом — разметка для набора.

Л. 41 об. Чистый.

Л. 42—43. «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»), писарская копия; на л. 42 поправка Пушкина (карандаш), обведенная чернилами рукой Плетнева или Сомова; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 43 об. Чистый.

Л. 44. «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...»), белой автограф, с поправкой.

Л. 44 об. Чистый.

Л. 45—45 об. «Анфологические эпиграммы» («Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...»); «Отрок» («Невод рыбак растлал по берегу студеного моря...»); «Рифма» («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня...»); «Труд» («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...»)), печатный текст с подписью: «А. Пушкин», вырезанный из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 41—42); на л. 45 об. поправка Пушкина (карандаш); под стихотворением «Труд» помета Пушкина: «1830» (карандаш). Заглавие «Анфологические эпиграммы» зачеркнуто чернилами рукой Плетнева.

Л. 46—53 об. «Моцарт и Сальери», печатный текст с подписью: «А. Пушкин», вырезанный из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 17—32); на л. 53 об. Пушкин вычеркнул карандашом часть даты: «[26 октября] 1830».

Л. 54. «Новоселье» («Благословляю новоселье...»), писарская копия; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 54 об. Чистый.

Л. 55. «Цыганы» («Над лесистыми берегами...»), писарская копия, с подзаголовком: «(с английского)»; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш); помета и подзаголовок зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 55 об. Чистый.

Л. 56. «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул!..»), копия рукой Сомова, под текстом помета Пушкина: «1830» (чернила), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 56 об. Чистый.

Л. 57. «Мадона» («Не множеством картин старинных мастеров...»), писарская копия, с подзаголовком: «(Сонет)»; под текстом помета Пушкина: «1830» (карандаш). Подзаголовок вычеркнут чернилами рукой Плетнева; на полях его же рукой пометы для набора.

Л. 57 об. Чистый.

Л. 58. «Эхо» («Ревет ли зверь в лесу глухом...»), печатный текст с подписью: «А. Пушкин», вырезанный из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 50), с поправкой Пушкина и его пометой под текстом: «1831» (карандаш); поправка обведена чернилами рукой Плетнева; его же рукой зачеркнута подпись под текстом.

Л. 58 об. Оборот листа, вырезанного из СЦ 1832 (отдел «Поэзия», с. 49), стихотворение неизвестного автора «Убегающей красавице», зачеркнутое рукой Пушкина карандашом.

Л. 59—60. «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии?...»), печатный текст с подписью: «А. П.» и пометой под текстом: «16-го августа 1831 года», вырезанный из брошюры: На взятие Варшавы : Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831. С. 7—9. Подпись и помета под текстом зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 60 об. Чистый.

Л. 61—63. «Бородинская годовщина» («Великий день Бородина...»), печатный текст с подписью: «А. П.» и пометой под текстом: «5-го сентября 1831 года», вырезанный из брошюры: На взятие Варшавы : Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831. С. 11—15; на л. 62—63 поправки Пушкина (карандаш, чернила); на л. 62 об. поправка неизвестной рукой (карандаш). Подпись и помета под текстом зачеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 63 об. Чистый.

Л. 64—82 об. «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», писарская копия, с поправками Пушкина на л. 64, 64 об., 66, 67, 67 об., 77 об. (чернила); на л. 64, 64 об., 65, 67, 70, 70 об., 71 об., 73 об., 74, 74 об., 75, 76, 79, 79 об., 81, 82 пометы и поправки рукой Плетнева и неизвестной рукой; на л. 65 и 65 об. пометы рукой Николая I (карандаш).

Л. 83. «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...»), белой автограф, с поправками чернилами и карандашом; поправки карандашом обведены чернилами рукой Сомова; помета под текстом: «Кишинев 1822», зачеркнутая карандашом и чернилами рукой Плетнева.

Л. 83 об. Чистый.

Л. 84—84 об. «К Языкову» («Издrevле сладостный союз...»), копия рукой Сомова под заглавием: «Отрывок из послания к Языкову», с пометой под текстом: «1824. / Михайловское». Часть заглавия («Отрывок из послания») и помета под текстом вычеркнуты чернилами рукой Плетнева; им же перед текстом справа вписано: «(Михайловское, 1824.)».

Л. 85—85 об. «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), писарская копия; под текстом помета Пушкина: «1825» (карандаш), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.

Л. 86. «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...»), писарская копия, с пометами Плетнева.

Л. 86 об. Чистый.

Л. 87. «Дар напрасный, дар случайный...», писарская копия, с пометами Плетнева.

Л. 87 об. Чистый.

Л. 88. «Каков я прежде был, таков и ныне я...», беловой автограф (чернила), под заглавием: «Отрывок из Андрея Шенье», с датой под заглавием: «(1828)» и эпиграфом: «*Tel j'etais autrement et tel je suis encore*»; заглавие, дата и черта под эпиграфом зачеркнуты рукой Плетнева (чернила); его же рукой отметки для набора.

Л. 88 об. Чистый.

Л. 89—90. «Анчар» («В пустыне чахлой и скупой...»), писарская копия, под заглавием: «Анчар, древо яда», под текстом помета Пушкина: «1828» (карандаш); помета зачеркнута чернилами рукой Плетнева и перенесена им на место перед текстом; его же рукой сделан еще ряд поправок.

Л. 90 об. Чистый.

Л. 91—91 об. «Подъезжая под Ижору...», писарская копия, под заглавием: «К **», с пометой под текстом: «1828 / Ижора». Заглавие и помета вычеркнуты чернилами рукой Плетнева.

Л. 92. «Собрание насекомых» («Мое собранье насекомых...»), копия рукой Сомова; под текстом помета Пушкина: «1828» (чернила), зачеркнутая чернилами рукой Плетнева; его же рукой сделаны пометы для набора.

Л. 92 об. Чистый.

Л. 93. «Приметы» («Я ехал к вам: живые сны...»), беловой автограф, с поправками (чернила).

Л. 93 об. Чистый.

Л. 94—94 об. Оглавление рукописи рукой Плетнева.

СОДЕРЖАНИЕ
«СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА»
1832 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ¹

1829. I.	Кавказ	7
II.	Обвал	9
III.	Монастырь на Казбеке	12
IV.	Делибаш	13
V.	(На холмах Грузии лежит ночная мгла). <i>Отрывок</i>	15
VI.	(Не пленяйся бранной славой). <i>Из Гафиза</i>	16
VII.	Дон	17
VIII.	Олегов щит	19
IX.	(Поедем, я готов). <i>Элегический отрывок</i>	21
X.	(Когда твои молодые лета)	22
XI.	(Я вас любил)	24
XII.	(Зима. Что делать нам в деревне)	25
XIII.	Зимнее утро	28
XIV.	(Счастлив ты в прелестных)	31
XV.	Литературное известие	32
XVI.	(Как сатирой безымянной). <i>Эпиграмма</i>	33
XVII.	Дорожные жалобы	34
XVIII.	Калмычке	37
XIX.	(Что в имени тебе моем). <i>В альбом</i>	39
XX.	(Кто на снегах возрастил). <i>Загадка</i>	41
XXI.	(Брожу ли я вдоль улиц). <i>Станцы</i>	42
1830. I.	(В часы забав иль праздной скуки). <i>Станцы</i>	47
II.	К вельможе	49
III.	Поэту. <i>Сонет</i>	56
IV.	Ответ анониму	58

¹ Санкт-Петербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1832. — in 8°. 209 стр. На с. 4 (оборот заглавного листа): «Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании представлены были в Ценсурный комитет три экземпляра. С. Петербург, 20 января, 1832 года. *Ценсор И. Семенов*» (Инициал цензора указан ошибочно; правильно: В. (Василий) Семенов). Выход в свет в последних числах марта (не позднее 29-го) 1832 г. Извещение о продаже книги помещено в «Северной пчеле» (№ 75 от 31 марта 1832 г.) и в «Московских ведомостях» (№ 28 от 6 апреля 1832 г.) (см.: П. в печати. С. 98—100).

V.	(Пью за здравие Мери). Песня	60
VI.	Пир во время чумы. Из Вильсоновой трагедии: <i>The city of the plague</i>	62
VII.	Сонет. Сонет	78
VIII.	Бесы	80
IX.	Царскосельская статуя	84
X.	Отрок	85
XI.	Рифма	86
XII.	На перевод Илиады	87
XIII.	Труд	88
XIV.	Моцарт и Сальери	89
XV.	Новоселье	107
XVI.	Цыганы. С <i>английского</i>	108
XVII.	Ответ	110
XVIII.	Мадона. Сонет	112
1831. I.	Эхо	117
II.	Клеветникам России	119
III.	Бородинская годовщина	123
IV.	Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	130
Разных годов:		
I.	Узник	185
II.	К Языкову. Отрывок из послания	187
III.	Зимний вечер	190
IV.	19 октября, 1827	193
V.	(Дар напрасный)	194
VI.	(Каков я прежде был). Отрывок из <i>Андрея Шенье</i>	196
VII.	Анчар	197
VIII.	(Подъезжая под Ижору)	201
IX.	Собрание насекомых	203
X.	Приметы	205

Конец третьей части

СОДЕРЖАНИЕ
«СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА»
1835 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ¹

Гусар	3
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	13
Будрыс и его сыновья	45
Воевода	51
Красавица (В альбом Г****)	57
Сказка о золотом петушке	61
Сказка о рыбаке и рыбке	75
Разговор книгопродавца с Поэтом	89
Подражания древним	101
Элегия	104
Предисловие к песням западных славян	105

Песни западных славян

1. Видение короля	115
2. Янко Марнавич	121
3. Битва у Зеницы-Великой	125
4. Феодор и Елена	128
5. Влах в Венеции	134
6. Гайдук Хризич	137
7. Похоронная песня, Иакинфа Маглановича	140
8. Марко Якубович	143
9. Бонапарт и черногорцы	149

---

¹ Санкт-Петербург. Печатано в типографии Императорской Российской Академии. 1835. — in 8°. 189 с. На обороте заглавного листа: «Печатать позволяется, с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Ценсурный комитет три экземпляра. С. Петербург, 29 апреля 1835 года. Ценсор А. Никитенко». Разрешение на выпуск из типографии отпечатанной четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» было подписано 12 сентября 1835 г. Выход в свет — в сентябре (после 14-го) 1835 г. (см.: Модзалевский Л. Б. Новые материалы об изданиях Пушкина // Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 244—246).

10. Соловей	153
11. Песня о Георгии Черном	155
12. Воевода Милош	158
13. Вурдалак	160
14. Сестра и братья	162
15. Янъш королевич	169
16. Конь	175
Примечания к песням западных славян	177

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

Настоящий том содержит все известные на сегодняшний день стихотворения Пушкина, написанные им в период с 9 августа 1824 г. (день приезда в Михайловское) по 4 сентября 1826 г. (день окончания михайловской ссылки). Корпус стихов Пушкина этого периода полностью сложился ко времени издания Акад. и в последующие годы дополнен не был. Вместе с тем уточнение датировок пушкинских произведений повлекло за собой ряд изменений в составе настоящего тома.

Так, к южному периоду творчества Пушкина отнесены предположительно датированные в Акад. сентябрем—ноябрем 1824 г. стихотворения «Охотник до журнальной драки...» и «Лихой товарищ наших дедов...», а также послание «Ч(аадае)-ву» («К чему холодные сомненья...»), черновой автограф которого датировался в Акад. серединой февраля—декабром 1824 г. (обоснования уточненных датировок см.: наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 796—797, примеч. А. И. Роговой; с. 814 и 787, примеч. Е. О. Ларионовой).

Стихотворение «Что с тобой, скажи мне братец...», в Акад. предположительно отнесенное к 1825 г., убедительно датировано Т. И. Краснобородько временем не ранее 1834 г. по бумаге (см.: *Краснобородько Т. И. О датировке стихотворного наброска «Что с тобой, скажи мне братец...» // Врем. ПК. Вып. 34 (в печати)*).

Обращенное к А. И. Осиповой (в замужестве Беклешовой) «Признание» (автограф неизвестен), впервые напечатанное в 1837 г. с ошибочной пометой под текстом: «1821», позднее датировалось П. В. Анненковым и М. И. Семевским, которые опирались на сообщения членов семейства П. А. Осиповой, 1824 г. В Акад. оно более осторожно отнесено к ноябрю (?) 1824—августу 1826 г., т. е. практически ко всему времени пребывания ссыльного Пушкина в Михайловском и соответственно общения его с А. И. Осиповой. Однако это общение продолжилось и позднее, в 1827 и 1828—1829 гг., когда Пушкин жил в Михайловском и Малинниках. Содержащийся в стихотворении намек на ревность к счастливому сопернику мог быть вызван отношениями Осиповой с А. Н. Вульфом; судя по дневнику последнего, роман между ними особенно активно развивался в 1826—1828 гг. Поэтому в настоящем издании датировка стихотворения расширена и оно перенесено во вторую книгу третьего тома.

Стихотворение «С португальского» («Там звезда зари взошла...») начиная с издания Венг. (Т. 2. С. 385; Т. 3. С. 575; примеч. П. О. Морозова) датировали 1825 г. по времени выхода в свет французского перевода стихотворения Т. А. Гонзаги, послужившего оригиналом для Пушкина (*Marilie, chants élegiaques de Gonzaga / Trad. du portugais par E. de Monglave et P. Chalas. Paris, 1825* (см.: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 212, примеч. П. О. Морозова)); сообщение о вы-

ходе книги см.: *Bibliographie de la France, ou Journal général de l'Imprimerie et de la Librairie...* 1825. № 31, 30 juil. P. 516. Однако дата выхода книги в свет служит лишь указанием на то, что Пушкин мог познакомиться с ней не ранее осени 1825 г., т. е. верхней границей датировки. Автограф стихотворения записан на пробельном листе тетради ПД 836, которой Пушкин пользовался по 1827 г. включительно (см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 146—147). Таким образом, стихотворение «С португальского» может быть предположительно датировано осенью 1825—1827 г. и на этом основании перенесено во вторую книгу третьего тома.

Стихотворение «Клеопатра», первая редакция которого датируется 1824 г., а вторая — 1828 г., включено в состав настоящего тома в отличие от Акад., где оно напечатано в разделе произведений 1828 г. Переработка 1828 г. действительно носила весьма решительный характер (см. наст. т., с. 542), однако и выбор сюжета, и полноценная реализация замысла состоялись в 1824 г., в период михайловской ссылки.

Набросок «Как узник, Байроном воспетый...», датированный концом мая—началом июня 1824 г. (см.: Акад. Т. 2. С. 1190, примеч. Н. В. Измайлова), получил более широкую датировку: не ранее 9 июня 1824 г. — не позднее конца мая 1825 г., в соответствии с которой он перенесен в настоящий том (обоснование уточненной датировки см. наст. т., с. 1036).

Еще одно расхождение с Акад. в составе корпуса михайловских стихотворений связано с определением жанровой природы произведения: «Сцена из Фауста» (1825) перенесена в том пушкинской драматургии (наст. изд., т. 7, с. 525—527; там же, с. 564—565, см. обоснование принятого решения).

Так же, как в Акад. и Акад. в 10 т. (1), «Жених», дважды напечатанный Пушкиным с подзаголовком «Простонародная сказка», помещен в общий корпус стихотворений. Это решение было опротестовано Б. В. Томашевским, который в Акад. в 10 т. (2). Т. 4 и в Пушкин 1955. Т. 2 напечатал «Жениха» в составе отдела «Сказки». Обосновывая такое изменение, Б. В. Томашевский писал, что сказки в своих изданиях «Пушкин печатал вместе со стихотворениями. Но, выработывая план нового издания, Пушкин выделил сказки в особый отдел. В список сказок он включил и „Жениха“» (Акад. в 10 т. (2). Т. 4. С. 578). Речь идет о плане издания «Простонародные сказки», составленном Пушкиным в 1834 г. (см.: Рукою П. 1997. С. 203). План содержит самый полный список сказок Пушкина, он создавался в момент окончания последней из них, «О золотом петушке». Заглавие задуманного издания совпадает с подзаголовком «Жениха», сопровождавшим его в прижизненных публикациях. Серьезность намерений в отношении издания «Простонародные сказки» подтверждается записью формулы: «С позволения высшего начальства», означавшей, что эту книгу Пушкин собирался представить на рассмотрение высочайшей цензуры, опасаясь, что обычные цензоры ее не пропустят (в 1833 г. Пушкин получил право обращаться за цензурным разрешением не только к Николаю I, но и в цензуру). В список поэт включил и столь сложное по своему содержанию произведение, как сказка «О попе и работнике его Балде»; это может свидетельствовать в пользу того, что Пушкин был готов к каким-то цензурным переменам в ее тексте. Издание «Простонародные сказки» не состоялось, и план его, за исключением заглавия, был Пушкиным перечеркнут. Именно «Простонародными сказками» Пушкин назвал соответствующий раздел в рукописи собрания сочинений, которое готовилось им в конце 1836 г. (Собр. ст. 1836 г. — см.: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 369). Под обложкой с этим заглавием находятся тексты трех сказок: «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне...» и «О золотом петушке». Между первой и второй сказками рукой пи-

саря написано заглавие: «Сказка (1833)». Вероятнее всего, здесь имелась в виду сказка «О царе Салтане», при этом писарем была допущена ошибка, и вместо 1831 г. он указал «1833». Очевидно, что в 1836 г. работу над отделом «Простонародные сказки» поэт до конца не довел. Тем не менее можно со всей определенностью утверждать, что в это время у Пушкина не было намерения печатать стихотворение «Жених» среди сказок, поскольку в Собр. ст. 1836 г. оно помещено в отдел «Баллады и песни» (см.: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 366—367); о жанровой природе «Жениха», оправдывающей такое решение, см. примеч. к этому стихотворению (наст. т., с. 752—753). Об отделе «Баллады и песни» в рукописи Собр. ст. 1836 г. см.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999 : Материалы и исследования. М., 2001. С. 280—281.

Согласно сложившейся традиции в настоящий том включаются стихотворения, вошедшие в состав пушкинских писем. В двух случаях, однако, традиция нарушена, из корпуса стихотворений михайловского периода выведены два рифмованных текста: «Семейственной любви и нежной дружбы ради...» из письма к Л. С. Пушкину от 7 апреля 1825 г. и «Веселого пути...» из письма к В. А. Жуковскому от 20—24 апреля 1825 г. Эти шуточные фрагменты писем не являются стихотворениями в полном смысле слова. Первый из них, состоящий из двух строк, прямо отрекомендован в письме к брату как «вчерашний *im-promptu* <экспромт — фр.>» (Акад. Т. 13. С. 161), т. е. как устный экспромт, сообщенный в письме. О нецелесообразности включения в состав произведений поэта его устных экспромтов см.: Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // Врем. ПК. Вып. 31. С. 155—163. Здесь, в частности, отмечено: «...случайно сказанную рифмованную шутку, никогда самим автором не записывавшуюся, да, вероятно, и не запоминавшуюся, следует рассматривать скорее как зафиксированный речевой акт, чем как полноценное сочинение поэта. Из собраний сочинений Пушкина тексты его устных экспромтов могут быть с полным правом исключены или хотя бы (чтобы не порывать с длительной эдиционной традицией) выделены в них в отдельный раздел» (Там же. С. 163). В данном случае речь идет о записанной Пушкиным шутке, которая, однако, не является собственно стихотворением; в собрание сочинений она войдет в составе письма.

Такое же решение принято относительно второго рифмованного фрагмента. Лишенное смысла вне контекста письма, это четверостишие представляет собой не имеющий творческого задания перепев начальных стихов послания Жуковского «К Б<лудов>у» («Веселого пути...») (1810): три первых стиха пушкинского четверостишия повторяют три первых стиха этого послания (с изменением в ст. 2: «Я Блудову желаю» вместо «Любезному желаю»), последний стих заменяет строку Жуковского подобранным в рифму непечатным выражением.

Из состава издания выведено три отрывка. Первый из них — четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» — сохранился в поздних и противоречащих друг другу мемуарных свидетельствах, не позволяющих установить ни аутентичный текст, ни самый смысл четверостишия, которое приводившие его авторы трактовали как фрагмент неподцензурной редакции «Пророка». Между тем существование такой редакции не находит фактических подтверждений. Полный свод мемуаров, содержащих четверостишие и соответственно все варианты его текста, известные по рукописям и публикациям, приведены в примечаниях к стихотворению «Пророк» (наст. т., с. 875—886). Второй, состоящий из двух строк отрывок «Что-то грезит

Баратынский, / Что-то думает Плетнев», впервые был напечатан П. В. Анненковым (Анн. Т. 7. С. 83) со слов Н. Ф. Щербины, в памяти которого сохранились строки пушкинского «обращения к друзьям», слышанные им от брата поэта, по-видимому, в Одессе, в начале 1850-х гг. Аутентичность сообщенного Щербиной текста более чем сомнительна. Третий отрывок — строки «Расходились по поганскому граду, / Разломали темную темицу» — исключен из состава тома как запись, вероятнее всего имеющая фольклорное происхождение (источник не установлен).

В соответствии с общепринятыми эдиционными нормами в основном корпусе печатаются последние завершенные авторские редакции текста. Исключения сделаны в двух случаях. Во-первых, для стихотворения «Клеопатра», обе редакции которого (см. о них выше), представленные беловыми автографами с правкой, имеют равноправный характер и помещаются в основном корпусе текстов. Прецеденты подобных решений и их обоснования см. в т. 1 и 2 (кн. 1, 2) настоящего издания. Во-вторых, для стихотворения «Н. Н.» («Примите «Невский альманах»...»), которое было написано в 1825 г. и напечатано в «Невском альманахе» на 1826 г., а затем вошло в Ст 1829, ч. 2 с существенным изменением в двух стихах: («Вы тут найдете ⟨Поле-в⟩ова, Вел⟨икопольского⟩, Х⟨вост⟩ова» вместо: «Вы тут найдете Полевова, Василья Пушкина, ⟨Мар⟩кова»). Имя поэта и драматурга И. Е. Великопольского могло появиться в общем ряду с именем постоянно осмеиваемого графомана Д. И. Хвостова не ранее марта 1828 г., когда между Пушкиным и Великопольским разгорелся серьезный конфликт, и не позднее апреля 1829 г. — времени окончания работы над изданием Ст 1829; вероятнее всего, вторая редакция возникла в марте—апреле 1829 г., когда в развитии конфликта произошел новый поворот (подробнее см. примеч. к стихотворению, наст. т., с. 662, 666). Таким образом, помещать последнюю авторскую редакцию текста, в криптонимах которой легко угадывались имена Великопольского и Хвостова, под 1825 г. было бы анахронизмом, однако и перенесение в раздел произведений 1829 г. стихотворения, созданного в 1825 г., не представляется возможным. Исходя из этих соображений, обе опубликованные Пушкиным редакции также помещаются в основном корпусе текстов.

Распределение стихотворений по разделам соответствует порядку, установленному в издании (описание и обоснование см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 458—459).

В примечаниях учтены только прижизненные перепечатки пушкинских текстов, критические отклики на них, переводы и музыкальные произведения, написанные на слова Пушкина.

Настоящий том в целом следует общему орфографическому и пунктуационному режиму издания, принятому в первом томе (см. наст. изд., т. 1, с. 566—567), однако без приближения пунктуации к рукописным источникам для текстов, опубликованных при жизни Пушкина. Их большая часть вошла в Ст 1826, а затем в Ст 1829. Характер изменений, вносимых в последнее издание, не свидетельствует о стремлении Пушкина восстановить пунктуацию автографов в тех случаях, когда публикация в Ст 1826 отступала от них. Существенно, что даже в беловых автографах Пушкина пунктуационный режим соблюдался с большой степенью небрежности вплоть до частичного отсутствия знаков препинания. Тем более это касается черновых автографов; в их сводках принята редакторская пунктуация, так же как в стихотворениях, печатаемых по копиям.

При характеристике автографов, записанных на отдельных листах, указывается номер бумаги, соответствующий описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (Рукоп. П. 1937; Рукоп. П. 1937. Дополн.), поскольку бумага может служить

одним из датирующих признаков, а также жандармская помета, поскольку ее наличие свидетельствует о том, что автограф до самой смерти Пушкина хранился в его архиве. Исключение сделано для автографов, включенных Пушкиным в состав писем, датировки которых, как правило, определяются по иным признакам (понятно, что сами письма первоначально хранились у адресатов).

При описании прижизненных публикаций формула «с изменениями» употребляется в тех случаях, когда при перепечатке текста Пушкин вносил в них изменения композиционного, смыслового, стилистического или лексического характера; все они отражены в разделе «Другие редакции и варианты». Пунктуационные изменения не отмечаются, поскольку не являются результатом авторской правки. Исключение составляет замена экспрессивных знаков препинания менее экспрессивными, а также синтаксические изменения, влекущие за собой перемену смысла. Впрочем, и эти случаи с большой долей уверенности можно рассматривать как результат деятельности редакторов или корректоров. Так, замена большинства восклицательных знаков точками или запятыми в Ст 1829 явно была последовательно проведенным редакционным решением, соответствующим общей тенденции развития синтаксической системы русского языка.

ТЕКСТЫ ПОДГОТОВИЛИ¹ И ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИЛИ:

Стихотворения 1824 г.

«Прозерпина» («Плещут волны Флегетона...»), «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...» — *Н. Л. Дмитриева*.

«〈Из письма к А. Н. Вульф〉» («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»), «К Языкову» («Издrevле сладостный союз...») — *И. В. Немировский, Г. Е. Потапова*.

«Разговор Книгопродавца с Поэтом» («Стишки для вас одна забава...») — *Г. Е. Потапова*.

«К морю» («Прощай, свободная стихия!..») — *М. Н. Виролайнен, О. С. Муравьева*.

«Второе послание к цензору» («На скользком поприще Т〈имковского〉 наследник!..») — *С. В. Березкина, А. С. Бодрова*, при участии *Н. Г. Охотина*.

«Коварность» («Когда твой друг на глас твоих речей...») — *Н. М. Сперанская*.

«Клеопатра» — *Е. В. Кардаш, Е. О. Ларионова*.

«Фонтану Бахчисарайского дворца» («Фонтан любви, фонтан живой!..») — *А. С. Бодрова*.

«Ночной зефир...» — *В. Е. Багно, Н. Г. Охотин*.

«Подражания Корану» — *А. С. Бодрова*.

«Насильно Зубову мила...» — *Е. О. Ларионова*.

«〈Из письма к А. Г. Родзянке〉» («Прости, украинский мудрец...») — *Н. А. Хохлова*.

«Аквилон» («Зачем ты, грозный аквилон...») — *Е. В. Кардаш*.

«Лизе страшно полюбить...» — *С. В. Березкина*.

¹ Тексты черновых автографов подготовлены М. Н. Виролайнен, за исключением автографов стихотворений «Клеопатра», «Насильно Зубову мила...», «Блестит луна, недвижно море спит...» (подготовлены Е. О. Ларионовой) и «Аквилон» (подготовлен Е. В. Кардаш).

«Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...») — С. В. Березкина, О. С. Муравьева.

Стихотворения 1825 г.

«Прятелям» («Враги мои, покамест я ни слова...»), «Сафо» («Счастливый юноша, ты всем меня пленил...»), «Буря» («Ты видел деву на скале...») — А. С. Бодрова.

«〈На Ф. Н. Глинку〉» («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...») — И. В. Немировский, Г. Е. Потапова.

«Начало I песни „Девственницы“» («Я не рожден святыню славословить...»), «〈Из письма к П. А. Вяземскому〉» («Сатирик и поэт любовный...») — Н. Л. Дмитриева.

«Хотя стишки на именины...», «Жив, жив Курилка!» («Как! жив еще Курилка журналист?...»), «Если жизнь тебя обманет...», «Жених» («Три дня купеческая дочь...»), «Все в жертву памяти твоей...» — С. В. Березкина.

«Сказали раз царю, что наконец...» — С. В. Березкина, Н. Г. Охотин.

«Дружба» («Что дружба? Легкий пыл похмелья...») — Н. М. Сперанская.

«Н. Н.» («Примите „Невский альманах“...») — А. Ю. Балакин.

«Ода его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» («Султан явится. Кровь Эллады...») — С. В. Березкина, А. С. Бодрова.

«Напрасно ахнула Европа...», «Движение» («„Движенья нет“, — сказал мудрец брадатый...»), «Соловей и кукушка» («В лесах, во мраке ночи праздной...») — А. И. Рогова.

«Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский...») — С. В. Березкина, Н. А. Карпов.

«Козлову» («Певец, когда перед тобой...»), «К ***» («Я помню чудное мгновение...»), «Ех ungue leopet» («Недавно я стихами как-то свистнул...») — С. В. Березкина, М. Н. Виротайнен.

«П. А. О(сиповой)» («Быть может, уж недолго мне...»), «Вакхическая песня» («Что смолкнул веселия глас?...»), «Цветы последние милей...» — А. С. Лобанова.

«Андрей Шень» («Меж тем, как изумленный мир...»), «Как широко...», «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик, ты хлопчешь?...») — М. Н. Виротайнен.

«Желание славы» («Когда, любовию и негой упоенный...»), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...») — О. С. Муравьева.

«〈К А. Г. Родзянке〉» («Ты обещаю о романтизме...») — Н. А. Хохлова.

«Виноград» («Не стану я жалеть о розах...») — С. В. Березкина, А. С. Лобанова.

«О дева-роза, я в оковах...», «〈Из письма к П. А. Вяземскому〉» («В глуши, измучась жизнью постной...») — А. С. Бодрова, Н. Л. Дмитриева.

«19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») — С. В. Березкина, Я. Л. Левкович.

«Брови царь нахмуря...» — Е. Я. Курганов.

«В крови горит огонь желанья...» — Н. Л. Дмитриева, Е. О. Ларионова.

«Вертоград моей сестры...» — С. В. Березкина, Н. Л. Дмитриева.

Стихотворения 1826 г.

«〈Из Ариостова „Orlando furioso“〉» («Пред рыцарем блестит водами...») — Н. Л. Дмитриева.

«К Б〈аратынскому〉» («Стих каждый в повести твоей...», «Пророк» («Духовной жаждою томим...») — *А. С. Бодрова*.

«〈Из письма к И. Е. Великопольскому〉» («С тобой мне вновь считаться довелось...») — *А. Ю. Балакин*.

«〈К Е. Н. Вульф〉» («Вот, Зина, вам совет: играйте...») — *С. В. Березкина*.

«Под небом голубым страны своей родной...», «〈Из письма к П. А. Вяземскому〉» («Так море, древний душегубец...») — *С. В. Березкина, А. С. Бодрова*.

«К Яз〈ыкову〉» («Яз〈ыков〉, кто тебе внушил...») — *С. В. Березкина, И. В. Немировский*.

Стихотворения неизвестных годов

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» — *В. Э. Вацуро*.

«От многоречия отречьшись добровольно...» — *С. В. Березкина, Н. А. Карпов*.

«О муза пламенной сатиры...» — *Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин*.

«Послужной список» («Воспитанный под барабаном...»), «Нет ни в чем вам благодати...», «Ты и я» («Ты богат, я очень беден...») — *С. В. Березкина*.

«Совет» («Поверь: когда слепней и комаров...») — *А. И. Рогова*.

«Увы, напрасно деве гордой...», «Песни о Стеньке Разине» — *С. В. Березкина, А. С. Бодрова*.

«Т〈уманский?〉 прав, когда так верно вас...» — *С. В. Березкина, Н. Е. Мясо-едова*.

Стихотворения, оставшиеся в черновиках, и наброски

«Младенцу» («Дитя, не смею над тобой...»), «Ждет тебя мое вино...», «Сметесь вы, 〈что〉, девой бойкой...» — *С. В. Березкина, В. П. Старк*.

«Графу О〈лизару〉» («Певец! издр〈е〉вле меж собою...») — *С. В. Березкина, Я. Л. Левкович*.

«〈Из письма к П. А. Плетневу〉» («Ты издал дядю моего...»), «Заступники кнута и плети...», «Под каким созвездием...», «На небесах печальная луна...», «Едва уста красноречивы...», «Иван-царевич по лесам...», «[Так] на 〈нрзб〉 ее слезами...», «[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...», «Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...», «Он вежлив [был] в ин〈ых〉 прихожих...» — *С. В. Березкина*.

«Презрев и голос〈?〉 укоризны...», «В пещере тайной〈?〉 в день гоненья...» — *С. В. Березкина, А. С. Бодрова*.

«Сабуров, ты оклеветал...» — *И. В. Немировский, Г. Е. Потапова*.

«Как жениться задумал царский арап...» — *С. В. Березкина, В. Д. Рак*.

«Пока супруг тебя, красавицу младую...» — *А. Ю. Балакин, С. В. Березкина*.

«С перегородкою коморки...», «Твое соседство нам опасно...» — *М. Н. Виролайнен*.

«Пускай увенч〈анный〉 любо〈вь〉ю красот〈ы〉...», «Храни меня, мой талисман...» — *О. С. Муравьева*.

«Играй, прелестное дитя...» — *А. Ю. Балакин*

«Я был свидетелем златой твоей весны...», «Quand au front du convive, au beau sein de Dé〈lie〉...», «Лишь розы увяда〈ю〉т...» — *Н. Л. Дмитриева*.

«〈Наброски к замыслу о Фаусте〉», «[Слов〈есность〉 русск〈ая〉 больна]...», «[В боях] 〈   〉...» — *А. С. Бодрова*.

«Блестит луна, недвижно море спит...», «Как узник, Байроном воспетый...» — *Е. О. Ларионова*.

«*Из Вольтера*» («Короче дни, а ночи доле...») — С. В. Березкина, Н. Л. Дмитриева.

«Я знаю край: там на берега...» — С. В. Березкина, Н. М. Сперанская.

«Кюхельбекеру» («Да сохранит тебя твой добрый Гений...») — Н. Е. Мясо-едова.

Коллективное

«Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны)» («Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...») — А. Ю. Балакин.

«Нравоучительные четверостишия» — С. В. Березкина, А. С. Бодрова, И. В. Кощенико.

Dubia

«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» — А. С. Бодрова, Н. Г. Охотин.

Полистное описание рабочих тетрадей Пушкина выполнено С. В. Березкиной.

Полистное описание Цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» выполнено М. Н. Виролайнен.

Указатель имен составлен А. С. Лобановой.

Авторский коллектив с благодарностью воспользовался указаниями контрольного рецензента тома А. Ю. Балакина. Редакция издания выражает глубочайшую признательность ученому хранителю пушкинских рукописей Т. И. Краснобородько, чья помощь была неоценимой при работе с рукописными материалами; Е. О. Ларионовой, А. С. Бодровой и Н. Г. Охотину, внесшим ряд ценных замечаний, Н. Л. Дмитриевой, взявшей на себя редактирование французских текстов и переводов; А. К. Михайловой, А. С. Лобановой и С. А. Лунцу, выполнившим значительную часть справочно-библиографической работы по тому, а также редактору тома А. И. Строевой.

1824

ПРОЗЕРПИНА

(ПОДРАЖАНИЕ)

(«Плещут волны Флегетона...»)

(С. 5 и 148)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 29 об. — 30 — черновой; над текстом Пушкин начал вписывать заглавие: «Под⟨ ⟩» (вероятно — «Под⟨ражание Парни⟩»), но сразу же зачеркнул его. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 91 (краткое описание); Майков. Материалы. С. 207—208 (ст. 1—13 до их переработки в 1824 г., в виде сводки; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 389—391 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 28 — 28 об. — белой, с поправками чернилами и затем карандашом, под заглавием: «Прозерпина. Подражание Парни» («Прозерпина» вписано, судя по характеру почерка, позднее), с концевым росчерком и датой под текстом: «26 августа 1824» («августа» написано поверх первоначального «июля»). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 343 (описание, варианты отдельных стихов, дата); Майков. Материалы. С. 208 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 392 (в виде транскрипции ст. 1—5 и вариантов ст. 6—40; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Авторизованная копия в рукописи Собр. ст. 1836 г. (отдел «Разные стихотворения»), под заглавием: «Прозерпина (подражание)» (подзаголовок вписан рукой Пушкина).

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Смесь» — в записи: «Прозерпина (1824) (подражание)» (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: СЦ 1825. С. 293—295, под заглавием: «Прозерпина». Вошло под тем же заглавием в Ст 1826. С. 76—77 (отдел «Разные стихотворения»), с датой в оглавлении: «1824» и в Ст 1829. Ч. 1. С. 187—189 (отдел стихотворений 1824 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829 с учетом поправки в рукописи Собр. ст. 1836 г.

Датируется 26 августа 1824 г. по дате в беловом автографе. Замысел и начало работы над стихотворением датируется началом апреля (до 9-го) 1821 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 831, заполнявшейся в этой части последовательно. На л. 26 об. — 29 — черновой автограф послания «Ч⟨аадае⟩ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), белой автограф которого датирован 6 апреля 1821 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 606). На л. 30—31 — автограф послания «⟨В. Л. Давыдову⟩» («Меж тем, как генерал Орлов...»), которое написано в начале апреля (около 9-го) 1821 г. (см. там же, с. 838). В это время были записаны стихи, соответствующие ст. 1—11 основного текста. Несколько позднее более толстым пером и более светлыми чернилами в автограф были внесены поправки в ст. 2—3 и в ст. 11, а затем приписаны как продолжение два стиха, не вошедшие в основной текст. Следующий этап работы на л. 29 об. — 30 в ПД 831 осуществлялся после того, как

на л. 30—31 появилось послание «(В. Л. Давыдову)». Не вычеркнув последние четыре записанные к этому времени стиха (они соответствуют ст. 10—13 основного текста), Пушкин приступил к их переработке в оставшейся свободной нижней части листа. Со ст. 14 работа перенесена на левое поле и затем в нижнюю часть л. 29 об., а со ст. 26 — на левое поле л. 30, уже занятого стихотворением «(В. Л. Давыдову)». Этот этап работы выполнялся более тонким пером, более мелким почерком и более темными чернилами. На основании сходства почерка и чернил можно предположительно датировать заключительную часть работы над черновым автографом временем, близким к созданию белого автографа, который помечен Пушкиным 26 августа 1824 г. (данное предположение впервые высказано Л. Н. Майковым — см.: Майков. Материалы. С. 207). Ст. 36—43 записаны набело, правке подвергся только первый из них; последние четыре стиха (40—43) записаны в сокращении. Это заставляет предположить, что около того же времени был записан не дошедший до нас черновой автограф ст. 36—43. По-видимому, на последнем этапе работы Пушкин начал вписывать над текстом заглавие (см. выше).

Стихотворение, как указано П. О. Морозовым, является вольным переводом XXVII картины «Превращений Венеры» («Les déguisements de Vénus», 1805) французского поэта Эвариста-Дезире де Форжа де Парни (Parny, 1753—1814) (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 392):

Le sombre Pluton sur la terre
 Etait monté furtivement.
 De quelque Nymphe solitaire
 Il méditait l'enlèvement.
 De loin le suivait son épouse:
 Son indifférence est jalouse.
 Sa main encore cueillait la fleur
 Qui jadis causa son malheur:
 Il renaissait dans sa pensée.
 10 Myrtis passe; il voit ses attraits,
 Et la couronne de cyprès
 A ses cheveux entrelacée.
 Il se prosterne; d'une main
 Elle fait un signe; et soudain
 Remonte sur son char d'ébène.
 Près d'elle est assis le berger.
 Les coursiers noirs d'un saut léger
 Ont déjà traversé la plaine.
 Ils volent; des sentiers déserts
 20 Les conduisent dans les enfers.
 Du Styx ils franchissent les ondes:
 Caron murmurait vainement;
 Et Cerbère sans aboiement
 Ouvrait ses trois gueules profondes.
 Le berger ne voit point Minos,
 Du Destin l'urne redoutable,
 D'Alecton le fouet implacable,

Ni l'affreux ciseau d'Atropos.
 Avec prudence Proserpine
 30 Le conduit dans un lieu secret,
 Où Pluton, admis à regret,
 Partage sa couche divine.
 Myrtis baise ses blanches mains,
 La presse d'une voix émue,
 Et la déesse demi-nue
 Se penche sur de noirs coussins.
 Elle craint un époux barbare:
 Le berger quitte le Tartare.
 Par de longs sentiers ténébreux
 40 Il remonte, et sa main profane
 Ouvre la porte diaphane
 D'où sortent les Songes heureux.

<Мрачный Плуто́н на землю / Тайно поднялся. / Какую-нибудь одинокую Нимфу / Он надумал похитить. / Издали за ним следила его супруга: / Ее равнодушные ревниво. / Рукою она срывала цветок, / Который некогда причинил ей беду: / Она вспомнила об этом. / Миртис проходит мимо; он видит ее красоту / И кипарисовый венок, / Вплетенный в ее волосы. / Он бросается к ее ногам; рукой / Она подает знак; и вдруг / Подымается на свою колесницу из черного дерева. / Пастух садится рядом с ней. / Черные кони легко / Пересекли равнину. / Они летят; пустынные тропы / Ведут их в ад. / Они преодолевают волны Стикса: / Тщетно роптал Харон; / И Цербер беззвучно / Открывал свои три бездонные пасти. / Пастух не замечает Миноса, / Грозную урну Рока, / Неумолимый бич Алект, / Страшные ножницы Атропос. / С осторожностью Прозерпина / Ведет его в сокровенное место, / Где Плуто́н, допускаемый поневоле, / Делит ее божественное ложе. / Миртис целует ее белые руки, / Торопит ее взволнованным голосом, / И полуобнаженная богиня / Склоняется на черные подушки. / Она боится жестокого супруга: / Пастух покидает Тартар. / Длинными мрачными тропами / Он подымается наверх, и своею рукой осквернителя / Открывает прозрачную дверь, / Из которой выходят счастливые сны. — фр.) (Parny E. de. Œuvres. Paris, 1809. T. 2. P. 34—35).

«Прозерпина» — четвертый вольный перевод Пушкина из Парни (ему предшествовали «Эвлега» (1814); «Добрый совет» (1817—1820); «Платонизм» (1819)). Во французском стихотворении использован античный миф о богине царства мертвых — Прозерпине (греч. Персефона), супруге Плутона (греч. Аид), который похитил ее, когда она с подругами собирала цветы на лугу. Парни рисует царство мертвых, привлекая целый ряд мифологических деталей и имен: упомянуты, в частности, трехглавый пес Цербер, охраняющий ворота в царство мертвых, Минос — один из трех подземных судей, решавший спорные случаи; урна Рока, откуда вынимается жребий судимого; Алект (Непрощающая) — одна из эриний (богинь мщения подземного царства, которых часто изображали с бичами), Атропос (Неотвратимая) — одна из трех мойр (богинь судьбы), перерезающая нить жизни. Пушкин исключил из сюжета воспоминание Прозерпины о похищении ее Плутоном и всех персонажей, называя которых, Парни создает зловещий образ Аида. Царство мертвых изображено в пушкинском стихотворении совершенно иначе: как счастливый Элизий, где царят «бессмертье» и «забвенье». У Парни богиня, желая досадить нелюбимому

супругу, снисходит до охваченного страстью пастуха, у Пушкина она сама побеждена любовью, причем картина «сладострастных восторгов адской богини» разработана подробнее (Морозов П. О. Пушкин и Парни // Венг. Т. 1. С. 392). Изменение внесено и в концовку: Прозерпина не просто отпускает «счастливец», она идет провожать его (см.: Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 404). Сопоставление текстов Пушкина и Парни см. также: Франц. элегия. С. 623, примеч. В. Э. Вацууро.

Созданная Пушкиным картина Элизия носит следы русской поэтической традиции, в частности «песни» Жуковского «Элизиум» (1812; опубл. 1813) (см.: Франц. элегия. С. 623, примеч. В. Э. Вацууро). Очень близок к Элизиуму Жуковского Элизий Батюшкова:

...тот Элизий, где все тает
 Чувством неги и любви,
 Где любовник воскресает
 С новым пламенем в крови.

(Батюшков. Соч. 1934. С. 234)

Возможность знакомства Жуковского и Пушкина со стихотворением Батюшкова остается гипотетической: «Элизий» Батюшкова, написанный предположительно в 1810 г., попал в руки издателей только в 1834 г., автограф его не сохранился; заглавие «Элизий» указано в авторском перечне произведений 1810 г. (см.: Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 282, примеч. Н. В. Фризмана (Б-ка поэта; Большая сер.)). Элизиум обрисован Батюшковым и в другом стихотворении, не только известном Пушкину, но и охарактеризованном им как «прекрасный перевод» (Акад. Т. 12. С. 259) — это «Элегия из Тибулла» (опубл. 1815) (вольный перевод 3-й элегии 1-й книги стихотворений Тибулла). Здесь Элизио, «где вечный Май меж рощей и полей», противопоставлен страшный Аид — «во пропастях ужасных / Жилище вечное преступников несчастных» (Батюшков. Соч. 1934. С. 63). При описании Аида перечисляются мифологические персонажи, с ним связанные, например, названы имена эриний — богинь мщения (ср. с описанием Тартара у Парни). Контрастное противопоставление Элизия и мрачного Аида как двух частей подземного царства появляется у римских авторов. Гораций (Оды, II, 13) рисует царство мрачной Прозерпины, соседствующее с краем блаженных, где живут поэты. Об изображении Элизия в поэтической практике европейских и русских поэтов см.: Вацууро. Лирика пушкинской поры. С. 131—137; Пильщиков И. А. Символика Элизия в поэзии Батюшкова // Антропология культуры. М., 2004. Вып. 2. С. 86—123.

Л. Н. Майков находил, что «Прозерпина» Пушкина создана «совершенно в той же манере», что и «Вакханка» Батюшкова (1815; опубл. 1817), написанная, как и «Прозерпина», четырехстопным хореем и также являющаяся подражанием Парни (Майков. Пушкин. С. 304). Интерес Пушкина к поэзии Парни, характерный для 1821 г., когда возник первоначальный замысел стихотворения, в значительной степени сформировался под влиянием Батюшкова, которого Пушкин в лицейские годы называл «российским Парни» (см.: «К Б(атюшкову)» («Философ резвый и пиит...») (1814) — наст. изд., т. 1, с. 54). Свойственные поэзии Парни простота и ясность в сочетании с чувственностью были привлекательны для Пушкина, но уже на Юге его, по-видимому, перестало удовлетворять достаточно условное у Парни воссоздание атмосферы древности. Не без влияния того же Батюшкова внимание

Пушкина обратилось к поэтической интерпретации античности другим поэтом — Андре Шенье (Chénier; 1769—1794) (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 149; Ларионова Е. О. Южная лирика Пушкина (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 483—485)). «Прозерпина» — стихотворение, в котором первостепенное значение получают музыкальный ритм и изобразительная пластика, характерные для антологических стихотворений Шенье, — в определенном смысле маркирует этот сдвиг интереса от одного французского поэта к другому.

Существует мнение, что образ Прозерпины, как и центральный образ стихотворения «Клеопатра» (1824), был связан в сознании Пушкина с Е. К. Воронцовой, «поразившей поэта контрастом между ее царственной внешностью и сокровенной сущностью» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 38; такую же точку зрения ранее высказывал М. О. Гершензон — см.: Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартенева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 271; о Воронцовой см. примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» — наст. т., с. 632—633). Оценивая эту гипотезу, необходимо учесть, что стихотворение было начато за два года до знакомства с Воронцовой. Впрочем, Пушкин вернулся к нему почти сразу по приезде в Михайловское, когда оставшаяся в Одессе Воронцова действительно еще могла всецело занимать его воображение.

В начале сентября 1824 г. Пушкин отправил стихотворение А. А. Дельвигу для публикации в «Северных цветах» и получил от последнего восторженный отклик: «Милый Пушкин, письмо твое и „Прозерпину“ я получил и тоже в день получения благодарю тебя за них. „Прозерпина“ не стихи, а музыка: это пенье райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет. (...) Какая искусная щеголиха у тебя истина. Подобных цветов мороз не тронет!» (письмо от 10 сентября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 107—108). Одобрительные отзывы рецензентов «Северных цветов» оказались более сдержанными: «„Прозерпина“, маленькая картинка, во вкусе древних, написана легко и приятно» (Письма на Кавказ. 2 // СО. 1825. Ч. 99. № 3. С. 310; подпись: «Ж. К.»); П. в критике, I. С. 250; об авторстве «Писем на Кавказ» см.: П. в критике, I. С. 430—431, примеч. Е. В. Лудиловой). Рецензируя «Северные цветы» на 1825 г., П. А. Плетнев назвал «Прозерпину» в числе помещенных здесь произведений Пушкина, «которые все отличаются высочайшими поэтическими достоинствами» (Соревн. 1825. Ч. 29. № 1. С. 105; П. в критике, I. С. 254). В отзыве Н. А. Полевого «Прозерпина» охарактеризована как «заслуживающая внимания» (МТ. 1825. Ч. 1. № 4. С. 336; П. в критике, I. С. 256).

Ст. 1. *Флегетон* (или *Пирифлегетон*) — в греческой мифологии огненная река в подземном царстве, текущая вокруг Тартара.

Ст. 4. *Быстро к нимфам Пелиона...* — Пелион — лесистый горный хребет в Фессалии (северо-восток Греции), в греческой мифологии — место обитания кентавров, в частности кентавра Хирона. Существует миф о похищении Аполлоном нимфы Кирены во время охоты близ Пелиона. Нимфы Пелиона упоминаются и в различных изложениях мифа об аргонавтах; например, во французском прозаическом переводе поэмы Аполлония Родосского (ок. 295—215 до н. э.) «Аргонавтика» о них говорится при описании отплытия от Пелиона корабля Арго: «Les Nymphes du Pélion, rassemblées sur leurs sommets, admirent à la fois l'ouvrage de la déesse d'Ëtone, et les héros dont les efforts font voler le vaisseau sur les ondes» (Нимфы Пелиона, собравшись на его вершинах, равно восхищались и творением богини Итоны (кораблем «Арго», построенным с помощью богини Минервы. — *Ред.*), и героями,

усилия которых заставляли корабль лететь по волнам — *фр.*) (*Apollonius de Rhodes. L'Expédition des Argonautes, ou La conquête de la Toison d'or...* / Traduit pour la première fois en prose par J. J. A. Causin... Paris, 1797. P. 39, 2e pag.; издание этого перевода 1829 г. позднее было куплено Пушкиным, но осталось в его библиотеке неразрезанным — см.: Библиотека П. № 638). См. также упоминание нимф Пелиона во французском переводе фрагмента из английской трагедии Р. Гловера (Glover, 1712—1785) «Медея» («*Medea*», 1761), включенном в популярную антологию «Театр греков»: *Théâtre des Grecs, par le P. Brumoy. Nouv. éd. ... Paris, 1786. T. 5. P. 503—504* (книга имелась в библиотеке Пушкина — см.: Библиотека П. № 676). Других широко известных легенд о нимфах горы Пелион нет. По одному из античных преданий, Аид (Плутон) сделал своей наложницей нимфу Минту (или Менту), которую растоптала его супруга Персефона (Прозерпина), после чего нимфа превратилась в душистую мяту (Страбон. География. VIII, 3, 140). Миф о Минте упоминает в своих «Метаморфозах» Овидий (X, 728—730): Венера, задумав превратить кровь погибшего Адониса в цветок, восклицает: «*Proserpine aurait pu changer Menthe en une fleur qui porte son nom, et je n'aurai pas le pouvoir d'opérer le même prodige en faveur de mon amant?*» (Прозерпина сумела превратить Менту в цветок, носящий ее имя, почему же я не смогу сотворить такое же чудо ради моего возлюбленного? — *фр.*) (*Ovide. Œuvres complètes / Trad. en français. Paris, 1799. T. 2. P. 418*; издание имелось в библиотеке Пушкина — см.: Библиотека П. № 1232). В этом мифе можно предположить источник характеристики Прозерпины у Парни и Пушкина — она «ревнива». В отличие от сюжета с любовными похождениями Аида (Плутона) античные источники не содержат известий об измене Персефоны (Прозерпины); скорее всего, такой поворот — плод фантазии самого Парни (показательно, что в других его «картинах» в любовные интриги вовлечены и богини-девушечки — Веста и Минерва).

Ст. 8. *Равнодушна и ревнива...* — Стих, в наибольшей мере соответствующий тексту французского оригинала, — см. ст. 6 в стихотворении Парни.

Ст. 11. *Робко юноша склонил.* — Первоначально Пушкин вслед за Парни называет смертного «счастлинца» пастухом, но затем исключает такое определение. По мнению Д. П. Якубовича, Пушкин хотел избежать буколического слова «пастух», «чтобы не создавать впечатления искусственной пасторали» (*Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 148*).

Ст. 19—21. *Видят вечные луга, Элизей и томной Леты Усыпленные берега.* — ср. со ст. 22—24 «Элизиума» Жуковского:

Видит мирные луга;
Видит Летою крапимы
Очарованны берега.

(Жуковский. ПСС.
Т. 1. С. 185)

Ст. 36. *И Кереры дочь уходит...* — Керера (или Церера) в римской мифологии богиня земледелия, мать Прозерпины (отождествлялась с греческой Деметрой).

Ст. 42—43. *Дверь, откуда вылетает Сновидений ложный рой.* — Представление о том, что жилище божества сна, Гипноса, находится в бездне Тартара, восходит к «Теогонии» Гесиода. В стихотворении Парни счастливый смертный по-

кидает подземное царство, пройдя через «прозрачную дверь, из которой выходят счастливые сны». По предположению Д. П. Якубовича, Пушкин здесь отступил от оригинала, ориентируясь на XI книгу «Метаморфоз» Овидия, где описана пещера, в которой живет Сон, и упомянуты ложные сны (*vana somnia*) (Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 148). Н. М. Ботвинник выдвинула другую гипотезу, согласно которой Пушкин обратился к мифу о двойных дверях в мир сновидений: одна дверь — из слоновой кости, из нее вылетают ложные сны, которые не сбываются; другая дверь — из рога, из нее вылетают правдивые сновидения. Описание этих дверей имеется в «Энеиде» Вергилия (VI, 893—899), Эней здесь, как и смертный в «Прозерпине», выходит из преисподней через ворота ложных сновидений, и в «Одиссее» Гомера (XIX, 560—569). Описание ворот Морфея встречается также у Горация, Проперция, Стация (см.: Ботвинник Н. М. Гомеровский мотив в стихотворении А. С. Пушкина «Прозерпина» // Пушкин и славянский мир: Пятое Крымские Пушкинские Междунар. чтения (Алупка, 11—15 сент. 1995 г.) : Материалы. Симферополь, 1995. С. 82—83). Ср. в письме Дельвига от 10 сентября 1824 г.: «Эти двери давно мне знакомы. Сквозь них, еще в Лицее, меня [иногда] часто вытаскивали из Элизея» (Акад. Т. 13. С. 108).

〈ИЗ ПИСЬМА К А. Н. ВУЛЬФУ〉

(«Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»)

(С. 7)

Автограф, находившийся в письме к А. Н. Вульфу от 20 сентября 1824 г., неизвестен.

Копии:

1) П. В. Анненкова (ГД, ф. 244, оп. 7, № 10, л. 1) — в составе копии письма Пушкина к А. Н. Вульфу от 20 сентября 1824 г.; снята с автографа. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 91.

2) В наборной рукописи первого тома издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (ГД, ф. 244, оп. 7, № 45, л. 135) — в составе письма Пушкина к А. Н. Вульфу. Снята Саитовым с автографа, находившегося в собственности внучки П. А. Осиповой кн. А. А. Хованской (урожд. бар. Вревская). Идентична копии Анненкова, за исключением некоторых пунктуационных отличий. Напечатано: Переписка П. Т. 1. С. 131—132.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 91.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по копии В. И. Саитова.

Датируется 20 сентября 1824 г. по дате письма, в состав которого входило стихотворение.

Послание адресовано близкому знакомому Пушкина Алексею Николаевичу Вульфу (1805—1881), сыну П. А. Осиповой от первого брака. В 1822—1826 гг. Вульф учился в Дерптском университете на экономическом отделении философского факультета по кафедре военных наук, а на летние и зимние каникулы приезжал к матери в имение Тригорское (в стихотворении оно названо Троегорским), расположенное недалеко от Михайловского. Знакомство Пушкина с Вульфом состоялось

в 1817 г. (см.: Воспоминания А. Н. Вульфа и М. И. Осиповой 1880 г. // Семевский. С. 254, 398, примеч. С. В. Березкиной), дружеское сближение произошло вскоре после приезда поэта в Михайловское 9 августа 1824 г. (пребывание самого Вульфа в Тригорском предположительно датируется периодом с 10 по 20 августа — см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 433). Следующий приезд Вульфа в Тригорское относится к середине декабря 1824 г. (15—20 декабря 1824 г. Пушкин писал брату: «Вульф здесь» — Акад. Т. 13. С. 130). В 1825 г. Вульф, согласно его воспоминаниям, лечился дома от раны, полученной на дуэли (см.: Семевский. С. 253); сколько времени он провел в Тригорском, неизвестно; перерыв в его университетских занятиях продолжался весь семестр — с 17 января по 20 августа (см.: Бурченкова Р. В. Комментарии к фрагментам личного дела Алексея Вульфа, дерптского студента 1822—1825 гг. // Михайловская пушкиниана. М., 2000. Вып. 6. С. 80; Семевский. С. 395, примеч. С. В. Березкиной). Позднее он общался с Пушкиным во время приездов на вакации в декабре 1825—январе 1826 г. и летом 1826 г., а также в первой половине лета 1827 г. в Петербурге (см.: Семевский. С. 254—255, примеч. С. В. Березкиной) и в сентябре 1827 г. в Михайловском (см.: Вульф. Дневник 1999. С. 27—29). В 1828—1829 гг. Пушкин вновь встречался с Вульфом в Петербурге, а в 1829 г. — и в Старицком уезде Тверской губернии, когда по приглашению П. А. Осиповой гостил в Малинниках. Их общение, прерванное поступлением Вульфа на военную службу, возобновилось после его выхода в отставку в 1833 г. Вульф, приезжая в Петербург, бывал у Пушкина, а в апреле 1836 г. вместе с поэтом сопровождал гроб с телом его матери в Святогорский монастырь. Пушкин дал Вульфу сочувственную характеристику в «〈Заметке о холере〉» (1831): «...я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял» (Акад. Т. 12. С. 308—309). Дневник Вульфа с ценными сведениями о поэте см.: Вульф. Дневник 1999.

Стихотворное послание сопровождалось прозаической частью письма: «В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим за благо рассудит мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей А〈нны〉 Н〈иколаевны〉. До свидания, мой милый. А. П.» (Акад. Т. 13. С. 109). В письмо к Вульфу было вложено послание к его товарищу по Дерптскому университету Н. М. Языкову, написанное в тот же день (см. стихотворение «К Языкову» («Издравле сладострастный союз...») — наст. т., с. 8).

Существует свидетельство о том, что Пушкин читал стихи к Вульфу в приятельском кругу. В дневнике К. С. Сербиновича от 8 марта 1828 г. сообщается об одном из визитов Пушкина к Карамзиным: «Зашел Пушкин — в сертуке, был весел — прыгал — твердил и свои стихи: *приезжай ко мне зимой пострелять из пистолета*: там же: *все мертвецки пьяны и смертельно влюблены*» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 256; последние стихи приведены с искажением).

Ст. 3 — 4. *Да Языкова поэта Затащи ко мне с собой...* — Вульф смог познакомить Пушкина с Языковым только в 1826 г. (о Н. М. Языкове и времени зна-

комства с ним Пушкина см. примеч. к посланию «К Языкову» («Издревле сладостный союз...») — наст. т., с. 477—479).

Ст. 6. *Пострелять из пистолета.* — Ср. рассказ Вульфа, приведенный М. И. Семевским: «...Байрон так метко стрелял, что на расстоянии 25-ти шагов утыкивал всю розу пулями. Пушкин, по крайней мере в те годы, когда жил здесь в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона (...) чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мной сажал пули в звезду. (...) Пушкин намеревался стреляться с Толстым, и вот, готовясь к этой дуэли, упражнялся со мною в стрельбе...» (Семевский. С. 61). О предполагавшейся дуэли Пушкина с Ф. И. Толстым см. примеч. к «Эпиграмме» на него («В жизни мрачной и презренной...») (1820) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 605. Ср. также рассказ П. Парфенова, дворового села Михайловского, записанный К. А. Тимофеевым в 1859 г.: «...дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то» (П. в восп. Т. 1. С. 429).

Ст. 7. *Лайон, мой курчавый брат...* — Имеется в виду живший тогда в Михайловском Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта (см. о нем примеч. А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой к стихотворению «〈Л. Пушкину〉» («Брат милый, отроком расстался ты со мной...») (1823) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 892). Пушкин в шутку переименовывает имя брата на английский манер (lion — лев), хотя правильный английский эквивалент имени Лев — Leo. Лайоном Пушкин называет брата также в одном из черновых вариантов стихотворения «Ждет тебя мое вино...» (1824) (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 342), в письме к нему от 20—23 декабря 1824 г. и в письме к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 131, 111).

Ст. 8. *(Не михайловский приказчик)*... — П. В. Анненков при первой публикации стихотворения сделал к нему следующее примечание: «Лайон — Лев Сергеевич Пушкин — по прибытии брата переставал быть Михайловским приказчиком, как назывался прежде» (Анн. Т. 7. С. 91—92). Этот комментарий был оспорен Н. О. Лернером, который писал в примечании к стихотворению: «...поэт просто обещает Вульфу, что вино будет доставлено не михайловским приказчиком, а братом Львом, который в вине знал толк и всегда исполнял гастрономические поручения старшего брата» (Венг. Т. 3. С. 518). Приказчиком в Михайловском был Михаил Иванович Калашников (1774—1858).

Ст. 9—10. *Привезет нам, право, клад... Что? — бутылки полный ящик.* — Во время пребывания в Михайловском Пушкин нередко просил брата, уехавшего в Петербург в начале ноября 1824 г., о присылке вина. О том, как Лев Сергеевич исполнял эти поручения и какие вина заказывал ему брат, см. примеч. к стихотворению «Ждет тебя мое вино...» — наст. т., с. 973. Ср. аналогичные просьбы в других письмах к брату: около (не позднее) 20 декабря 1824 г.: «Пришли мне бумаги почтовой и простой, если вина, так и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу [пробку] бутылки — т. е. штопер» (Акад. Т. 13. С. 130; Жак Делиль (Delille; 1738—1813) — французский поэт, любитель сложных перифраз); 14 марта 1825 г.: «Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг...» (Там же. С. 151); 22 и 23 апреля 1825 г.: «Вино, вино, ром (12 буты(лок)), горчицы...» (Там же. С. 163).

Ст. 15. *Дни любви посвящены...* — В Тригорском вместе с П. А. Осиповой жили ее дочери от первого брака Анна Николаевна Вульф (1799—1857) и Евпраксия Николаевна Вульф (в замуж. бар. Вревская; 1809—1883), а также ее падчери-

да Александра Ивановна Осипова (в замуж. Беклешова; 1808—1864). Подробнее о них см. примеч. к стихотворениям 1824—1826 гг., связанным с Ан. Н. Вульф («Хотя стишки на именины...», «Увы! Напрасно деве гордой...», «Я был свидетелем златой твоей весны...», — наст. т., с. 651—652, 921, 980) и Е. Н. Вульф («Если жизнь тебя обманет...», «К Е. Н. Вульф») («Вот, Зина, вам совет: играйте...») — наст. т., с. 714—715, 850).

Ст. 17—18. *Мы же — то смертельно пьяны, То мертвецки влюблены.* — Игра слов, строящаяся на смешении двух устойчивых сочетаний — «мертвецки пьяный» и «смертельно влюбленный». Ср. шутку Н. И. Греча, известную в передаче Д. Н. Блудова: «Прочтя одно послание Жуковского, в коем наш милый поэт изливает всю душу свою с восторгом пламенной и бескорыстной страсти, он сказал: „Мне кажется, что В(асилий) А(ндреевич) не только смертельно, а мертвецки влюблен”» (цит. по: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 47).

К ЯЗЫКОВУ

(«Издревле сладостный союз...»)

(С. 8 и 153)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Авторизованная в рукописи Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послания») — текст второй редакции, скопированный со Ст 1832 и идентичный ему; помета под заглавием: «(Михайловское 1824.)» Пушкиным зачеркнута и вписана под текстом: «Михайловское / 1824.»; вероятно, его же рукой в конце неполного ст. 34 поставлен ряд точек. Указано: Акад. Т. 2. С. 1139.

2) В Цензурной рукописи Ст 1832 (ПД 420, л. 84—84 об.) (ЦРЗ) — текст второй редакции рукой О. М. Сомова с поправками рукой П. А. Плетнева; снята с публикации ЛГ (см. ниже). Текст идентичен ЛГ, за исключением вероятной ошибки переписчика в ст. 8 («Языков, близок я тебе» вместо: «Языков, близок я к тебе») и наличия трех строк отточий вместо двух после неполного ст. 34. Первоначальное заглавие «Отрывок из послания к Языкову» исправлено готовившим рукопись книги к печати П. А. Плетневым на «К Языкову» (слова «Отрывок из послания» перенесены им в оглавление); им же помета под текстом: «1824. / Михайловское.» перенесена под заглавие: «(Михайловское, 1824.)». Заглавие в составленном Плетневым оглавлении: «К Языкову. Отрывок из послания». Указано: Рукоп. П. 1937. С. 174.

Утраченные копии первой редакции:

1) Бывшая в распоряжении М. А. Корфа (СвО) — текст в составе 49 стихов, под заглавием: «Н. М. Языкову», с пометой под текстом: «Михайловское, 20 сентября 1824 г.». Напечатано: Современное обозрение. 1868. Т. 2. № 5. Отд. 1. С. 223—224 (публ. П. А. Ефремова без указания источника текста). Имя владельца копии указано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 571. Разночтение ст. 15 («Беседой вольной вдохновенный») с прижизненными печатными изданиями, вероятнее всего, является ошибкой переписчика или наборщика журнального текста.

2) Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием: «Языкову». Напечатано: Щербачев. С. 105 (в виде разночтений с текстом СвО, которые, очевидно, возникли в Кав из-за ошибок при копировании; ст. 28 в Кав читается: «Скрывался прадед мой

Араб»; ст. 30: «И двор и пышные обеды»; ст. 33: «О милой Африке своей»). Помета: «Михайловское 1824. 20 сентября» предваряется в публикации другой, указывающей на время записи текста в тетрадь Каверина: «20 апреля 825. Калуга».

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (составлен в конце апреля—августе 1827 г.) — в записи: «к Языкову» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (составлен в конце мая—июне 1828 г.) — в записи: «Языкову», под № 9, отмечено условным обозначением жанра посланий (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 180).

Впервые: ЛГ. 1830. Т. 1. № 16, 17 марта. С. 125—126 — вторая, печатная редакция в составе 34 стихов, без подписи, под заглавием: «Отры(вок) из послания к Языкову» (с опечаткой в заглавии: «Отрыков» вместо: «Отрывок»), с цензурным изменением в ст. 19 («Куда подует непогода» вместо: «Куда подует самовластье»); после неполного ст. 34, который заканчивается многоточием, еще две строки отточий; под текстом помета: «1824. / Михайловское». Вошло в Ст 1832. С. 187—189 (отдел стихотворений «разных годов») — та же редакция, что и в ЛГ, под заглавием: «К Языкову» (с подзаголовком в оглавлении: «Отрывок из послания»), с пометой под заглавием: «(Михайловское, 1824.)», с той же вероятной ошибкой в ст. 8, что и в ЦРз, и тем же цензурным изменением в ст. 19, что и в ЛГ, и в ЦРз; неполный ст. 34 заканчивается точкой, строки отточий после него отсутствуют. Цензурное искажение ст. 19, оставившее ст. 17 без рифмы, исправлено: Генн. 1859. Т. 1. С. 299 (здесь же на с. 300 приведена под посланием ошибочная дата «18 октября 1824. Михайловское»). Первая редакция впервые: Современное обозрение. 1868. Т. 2. № 5. Отд. 1. С. 223—224 (публ. П. А. Ефремова) (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3 (вторая редакция); Генн. 1869—71. Т. 1 (первая редакция).

Печатается по Ст 1832 с учетом поправок Пушкина в рукописи Собр. ст. 1836 г., с исправлением вероятно не замеченной Пушкиным ошибки в ст. 8 по ЛГ (показательно, что в обеих копиях ранней редакции ст. 8 читается: «Языков, близок я к тебе») и восстановлением цензурной замены в ст. 19 по СвО. Изменение в ст. 21—22 (в ранней редакции они читались: «Всегда гоним, теперь в изгнаны / Влachu закованные дни!..») допустимо считать вынужденной цензурной заменой, однако она явно сопровождалась стилистической правкой. Поэтому в составе поздней редакции эти стихи печатаются по Ст 1832. Ранняя редакция печатается в разделе «Другие редакции и варианты» по СвО — наст. т., с. 153—154.

Датируется 20 сентября 1824 г., согласно пометам в Кав и СвО. Печатная редакция, вероятнее всего, возникла при подготовке публикации в ЛГ, т. е. не позднее первых недель марта 1830 г.

Уже П. В. Анненков отметил, что «17-й и 19-й стихи этой пьесы не имеют соответственных рифм» (Анн. Т. 2. С. 379). В издании 1859 г. Г. Н. Геннади исправил последнее слово в ст. 19 (Генн. 1859. Т. 1. С. 299). Неизвестно, располагал ли он какими-либо рукописными источниками или сделал исправление по догадке. После публикации в 1868 г. первоначальной редакции послания в большинстве последующих изданий оно печаталось в составе 49 стихов, причем первые 34 с половиной строки печатались по Ст 1832 с исправлением по СвО ст. 19, 21 и 22. Это решение, впервые принятое П. А. Ефремовым (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 457—458), было поддержано П. О. Морозовым (см.: АН 1900—29. Т. 3. С. 221—222; в этом издании по СвО исправлен также ст. 12, что явилось, очевидно, следствием ошибки,

поскольку редактор перепутал варианты СвО и Ст 1832 — ср.: Там же. С. 221 и примеч. С. 397), В. Я. Брюсовым (см.: Брюс. С. 215), Б. В. Томашевским (см.: ГИЗ 1924. С. 26; Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 364—365; Пушкин А. Соч. Л., 1936. С. 364—365; Пушкин А. Соч. Л., 1938. С. 361—362; Пушкин 1955. Т. 3. С. 250—251 и другие издания под его редакцией), М. А. Цявловским (см.: КН. Т. 1. С. 252—253; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 117—118 и другие издания под его редакцией), Н. В. Измайловым (см.: Акад. Т. 3. С. 322—323, 1139); в таком виде текст печатался и во всех массовых изданиях. К несколько иному решению пришли Г. Н. Геннади и Л. Н. Майков: хотя оба они также комбинировали текст первоначальной и печатной редакций, но первый исправлял по СвО ст. 15 и 19 (см.: Генн. 1869—71. Т. 1. С. 285—286), а второй — только ст. 19 (см.: Майков. Материалы. С. 208—211).

Текстологическое решение, основанное на контаминации двух редакций стихотворения, нельзя признать удовлетворительным. Возникновение второй, печатной, редакции, из которой были исключены последние пятнадцать с половиной стихов, едва ли следует объяснять цензурными соображениями. Сокращение и переработка текста посланий при подготовке их к печати или перепечатке были характерны для Пушкина (ср., например, творческую историю посланий «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») (1817), «К Ж(уковскому)». По прочтении изданных им книжек „Для немногих”» (1818), «К Энгельгардту» («Я ускользнул от Эскулапа...») (1819) и др.). В данном случае исключенные строки содержали мотивы, типовые для дружеского послания 1810-х гг. (радости сельского уединения, дружеский пир) и, возможно, уже ощущавшиеся как устаревшие черты жанра к моменту публикации стихотворения. В настоящем издании в основном корпусе текстов печатается вторая редакция послания, а первая его редакция полностью приводится в разделе «Другие редакции и варианты».

Послание открывает ряд поэтических обращений Пушкина к поэту Николаю Михайловичу Языкову (1803—1846) (см. более поздние послания «Языков, кто тебе внушил...» (1826) и «К тебе собирался я давно...» (1828)). Закончив в 1820 г. Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, Языков в 1822 г. поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Дерптского университета. Он начал печататься в 1819 г. и к моменту создания пушкинского послания уже успел составить себе литературное имя: около двух десятков его стихотворений было помещено в «Новостях литературы», «Соревнователе просвещения и благотворения» и «Благонамеренном», часть ходила в списках. По своему литературному воспитанию и художественным принципам Языков принадлежал к иной поэтической школе, чем Пушкин. Литературным наставником Языкова был профессор Дерптского университета В. М. Перевощиков (1785—1851), приверженец просветительски-классицистических традиций (см.: Петухов Е. В. Дерптский период жизни Н. М. Языкова (1822—1829) : Биографические заметки // Язык. архив. Вып. 1. С. 20—21). В начале 1820-х гг. Языкову были близки стилистические ориентации и гражданственный пафос поэзии «младоархаистов» П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева; к поэтической школе Жуковского и Пушкина он относился с большой настороженностью. В письмах Языкова к родным встречаются резкие отзывы о «Бахчисарайском фонтане», «Руслане и Людмиле» и других пушкинских произведениях (см.: Язык. архив. Вып. 1. С. 26, 31—32, 99—100, 118, 128). Е. В. Петухов считал, что «Пушкина Языков просто не понимал, а только иногда чувствовал непосредственностью своего поэтического

чутья» (*Петухов Е. В.* Дерптский период жизни Н. М. Языкова (1822—1829). С. 20). См. об этом: *Садовников Д. Н.* Отзывы современников о Пушкине // ИВ. 1883. № 12. С. 520—542; Венг. Т. 3. С. 522—523; Т. 4. С. XVIII—XXIV, примеч. Н. О. Лернера; *Вульф А. Н.* Дневники : (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 400, примеч. И. С. Зильберштейна.

К 1824 г. Языков, которому протезировал А. Ф. Воейков, успел войти в круг литераторов, близких к Пушкину. В Петербурге он познакомился с А. А. Дельвигом, Е. А. Баратынским, с братом поэта Л. С. Пушкиным (см. ниже, примеч. к ст. 36—37 и 38—39 первой редакции), близко сошелся с лицейским однокашником Пушкина А. Д. Илличевским. Характерно, что Дельвиг воспринял Языкова как литератора близкой себе ориентации и в 1822 г. посвятил ему стихотворение «Н. М. Языкову. (Сонет)» (Соревн. 1823. Ч. 21. № 1. С. 58), в котором фактически соединял имя Языкова в неразрывное целое с именами Пушкина и Баратынского. Это стихотворение обратило на себя внимание Пушкина, 16 ноября 1823 г. он писал Дельвигу: «На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давною любовь к непорочной Музе Баратынского» (Акад. Т. 13. С. 74). За творчеством Языкова Пушкин явно следил с интересом. В письме к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. он сетовал на отсутствие стихотворений Языкова в «Полярной звезде». По-видимому, весной того же года он хвалил стихи Языкова в несохранившемся письме к Л. С. Пушкину; А. Ф. Воейков писал Языкову по этому поводу 21 апреля 1824 г.: «Наш Бейрон восхищается вашими стихами и пророчесствует вам мирты, розы и вечно-зеленые лавры» (*Воейков А. Ф.* Два письма к поэту Языкову / Подгот. к печати Б. Л. Модзалевский // Литературные портфели. Пг., 1923. Сб. 1. С. 64—65).

Поводом к началу литературного общения двух поэтов послужило знакомство Пушкина с товарищем Языкова по Дерптскому университету А. Н. Вульфом (см. о нем примеч. к стихотворению «〈Из письма к А. Н. Вульфу〉» («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») (1824) — наст. т., с. 472—473). В послании к Вульфу Пушкин писал, уговаривая его приехать в Михайловское: «Да Языкова поэта / Загони ко мне с собой...» (наст. т., с. 7), а ниже, в прозаической части того же письма от 20 сентября 1824 г., просил Вульфа: «Уговори Языкова да отдай ему мое письмо» (Акад. Т. 13. С. 109). В это письмо, как явствует из приписки к нему сестры Вульфа Анны Николаевны, было вложено написанное в тот же день послание, адресованное Языкову: «Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг. Он давно собирался писать к тебе и к Языкову, но я думала, что это только будет на словах. Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо Языкову и, ежели можешь, употреби всё старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает; покаместь, пожалуйста, отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее» (Там же).

Получив послание, Языков довольно долго медлил с ответом. 1 февраля 1825 г. он писал своему брату А. М. Языкову: «Не знаю, скоро ли буду в духе ответить Пушкину» (Язык. архив. Вып. 1. С. 146), а 20 февраля сообщал другому брату, П. М. Языкову: «Пушкин живет теперь верст 200 отсюда, за Псковом; он меня зовет к себе — не знаю, что отвечать на это:

Ведь с ними вязаться
Лишь грех, суета.

Впрочем, впрочем... теперь я никак не могу ехать к нему; что будет далее, теперь не могу знать — так и далее» (Там же. С. 155). Наконец он откликнулся на полученное послание стихотворением «А. С. Пушкину» («Не вовсе чужа бога света...»), за которое Пушкин благодарил его в письме к Вульффу от марта—апреля 1825 г.; письмо со стихами Языкова, посланными в Михайловское, не сохранилось. Личное знакомство поэтов состоялось только летом 1826 г., когда Языков около месяца гостил в Тригорском у П. А. Осиповой (с 15(?) июня по 17(?) июля — см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 153, 157, 460, 461). В этот период при участии Пушкина Языков создал пародию на апологи И. И. Дмитриева (см. об этом в примеч. к циклу «Нравоучительные четверостишия» (1826) — наст. т., с. 1046—1050). В том же году он обратился к Пушкину с новым посланием — «О ты, чья дружба мне дороже...». Однако и в дальнейшем Языков продолжал отзываться о Пушкине весьма сдержанно, выделяя среди его произведений только «Бориса Годунова», «(Арапа Петра Великого)» и отчасти «Полтаву» (см.: Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине // ИВ. 1883. № 12. С. 520—542; Язык. архив. Вып. 1; по указ.).

Между тем Пушкин причислял Языкова к своим ученикам. 24 апреля 1828 г. Б. М. Федоров записал в дневнике слова Пушкина: «Баратынский и Языков мои ученики — я уж у них учиться не буду» (Русский библиофил. 1911. № 5. С. 34). Имя Языкова было для Пушкина тесно связано с именами Дельвига и Баратынского. «Три поэта составляли для него плеяду, поставленную им почти вне всякой возможности суда, а еще менее, какого-либо осуждения: Дельвиг, Баратынский и Языков», — писал П. В. Анненков, опирающийся на свидетельства современников поэта (Анненков. Материалы 1855. С. 163).

В конце 1820—1830-х гг. Пушкин пытался привлечь Языкова к участию в «Северных цветах», «Литературной газете», «Современнике» (в записи В. Ф. Щербакова сохранился следующий пушкинский отзыв: «Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу» — П. в восп. Т. 2. С. 36). В 1832—1833 гг. Пушкин принимал участие в подготовке сборника русских песен, издававшихся П. В. Киреевским и Языковым (см.: Соймонов А. Д. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1961. Т. 20. Вып. 2. С. 148—153). Последняя встреча поэтов произошла 29—30 сентября 1833 г., когда Пушкин навестил братьев Языковых в их симбирском имении. Свод литературы об отношениях Пушкина и Языкова см.: Пушкин. Письма последних лет: 1834—1837. Л., 1969. С. 492—493; Черейский. С. 520—521.

Центральная тема пушкинского послания — поэтическое «родство по вдохновенью» — неоднократно затрагивалась в творчестве лицейских товарищей Пушкина. Особенно активно к этой теме обращался Кюхельбекер. В стихотворении «Царское Село» (1818), объединяя себя, Пушкина и Дельвига, он писал:

...наш тройственный союз,
Союз молодых певцов и чистый, и священный,
Всесильным навыком и дружбой заключенный,
Был братскую каменой укреплен!

(Кюхельбекер. Т. 1. С. 95)

Позднее, в стихотворении «Поэты» (1820), обращаясь к Дельвигу, Баратынскому и Пушкину, Кюхельбекер восклицал:

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый,
Союз любимцев вечных муз!

(Там же. С. 133)

Ср. также характерные обращения поэтов друг к другу: «Мой брат по музе, мой Орест» (Дельвиг «А. С. Пушкину. (Из Малороссии)» (1817) — Дельвиг. Соч. С. 132), «Мой брат родной по музе, по судьбам» (Пушкин о Кюхельбекере в стихотворении «19 октября» (1825) — наст. т., с. 76). Не менее существенным оказался для Пушкина в послании «К Языкову» и тот образ «возвышенного поэта» («жреца муз» и «пророка муз» — см. ст. 3 и ст. 38 первой редакции), который создавался в лирике Дельвига, Кюхельбекера, отчасти В. И. Туманского (см. стихотворения Дельвига «К А. С. Пушкину» (1814—1817), «На смерть Державина» (1816), «Элизиум поэтов» (1814—1819), «Поэт» (1820) и «Вдохновение. (Сонет)» (1822), стихотворения Кюхельбекера «К Пушкину» (1818), «Поэты» (1820), «Ермолову» (1821), «Грибоедову» (1821), «Проклятие» (1821), «Участь поэтов» (1823) и «Жребий поэтов» (1823 или 1824), стихотворения Туманского 1823 г. «Торжество поэта» и «К кн. Н. А. Цертелеву»). Стремлением выделить в творчестве Языкова темы, близкие творческой практике этого круга поэтов, продиктовано и подчеркивание «вакхических» мотивов в конце стихотворения (см. примеч. к ст. 46—49 первой редакции).

Ст. 7—8. *Клянусь Овидиевой тенью: Языков, близок я к тебе.* — Ср. мотив «Овидиевой тени» в стихотворении Пушкина «К Овидию» (1821):

...И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя...

(Наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 62)

В стихотворении «Баратынскому из Бессарабии» (1822):

Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона...

(Там же, с. 67)

Судьба римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э.—ок. 18 н. э.), сосланного императором Октавианом Августом на побережье Черного моря, в устье Дуная, была для Пушкина в годы южной ссылки источником постоянных биографических сопоставлений (см. примеч. Е. О. Ларионовой к стихотворению «К Овидию» — наст. изд., т. 2, ч. 2, с. 671—674); в послании «К Языкову» римский поэт-изгнанник упоминается в том же контексте.

Ст. 12. *Понес тяжелый посох мой...* — В том, что посох, атрибут паломника, назван тяжелым, можно видеть конкретную автобиографическую деталь: в мемуарах современников не раз говорится о железной палке «в осьмнадцать фунтов весу» (т. е. около 7.5 кг), которую Пушкин еще в кишиневский период носил «для того,

чтоб рука была тверже; если придется стреляться, чтоб не дрогнула» (П. в восп. Т. 1. С. 324, 505). А. П. Распопов вспоминал, как в 1825 г. встретил Пушкина «с тяжелой железной палкой в руке» в лесу неподалеку от Михайловского (Там же. С. 879). Ср. рассказ П. Парфенова, дворового села Михайловского, записанный К. А. Тимофеевым в 1859 г.: «Палка у него всегда железная в руках, девять фунтов весу; уйдет в поля, палку вверх бросает, ловит ее на лету, словно тамбурмажор» (П. в восп. Т. 1. С. 429).

Ст. 15. *Беседой вольно-вдохновенной...* — Дух свободомыслия был характерен для «дерптских» стихотворений Языкова, в которых воспевался вольный студенческий разгул и гедонистическое упоение радостями жизни, не совпадающее с нормами официальной морали. Возможно, здесь также имеются в виду «исторические» стихотворения Языкова, содержавшие прозрачные намеки на современность и близкие гражданской лирике декабристов («Песнь барда во время владычества татар в России» (1823), «Баян к русскому воину при Дмитриии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве» (1823) и др.). Кроме того, Вульф мог познакомить Пушкина с такими не предназначенными для печати образцами вольнолюбивой лирики Языкова, как послание «Н. Д. Киселеву» (1823) и «Элегия» («Свободы гордой вдохновенье...») (написана в январе 1824 г.).

Ст. 18 — 20. *Давно без крова я ношусь, Куда подует самовластье; Уснув, не знаю, где проснусь.* — Высланный из Петербурга в мае 1820 г., Пушкин с сентября этого года жил в Кишиневе, где состоял при канцелярии И. Н. Инзова, с июля 1823 г. был переведен в канцелярию М. С. Воронцова в Одессе, в июле 1824 г. был выслан из Одессы в Михайловское. Сравнение «самовластья» с «непогодой» (именно это слово фигурировало по цензурным причинам в прижизненных публикациях послания) часто встречается у Пушкина. Ср., например: «И между тем грозы незримой / Сбиралась туча надо мной!..» (эпиграмма «Руслан и Людмила» — Акад. Т. 4. С. 86); «Из края в край преследуем грозой, / Запутанный в сетях судьбы суровой...» («19 октября» (1825) — наст. т., с. 75); «Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка...» (письмо к А. Н. Гончарову от 9 сентября 1830 г. — Акад. Т. 14. С. 111); подробно об этом уподоблении см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 207—212.

Ст. 25 — 33. *В деревне, где Петра питомец ~ О дальней Африке своей...* — Прадед Пушкина по материнской линии Абрам (Ибрагим) Петрович Ганнибал (ок. 1697—1781) был сыном африканского князя. Возможно, родиной А. П. Ганнибала был султанат Логон, ныне находящийся на территории республик Чад и Камерун (к югу от озера Чад); эта территория, как и вся Африка южнее Египта, на картах XVI—XVIII вв. обозначалась как владения Абиссинии (Эфиопии). См.: Гнамманку Д. Абрам Ганнибал : Черный предок Пушкина. М., 1999. С. 184—194; Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал : Материалы африканской экспедиции. СПб., 2001. В возрасте восьми лет Ганнибал был в качестве заложника увезен турками в Константинополь, откуда в 1706 г. русский посол С. Л. Владиславич-Рагузинский доставил его по поручению Петра I к царскому двору. Мальчик-арапчонок стал камердинером царя, а потом и его секретарем. Впоследствии, получив образование во Франции, он по возвращении в Россию руководил некоторыми ответственными военно-инженерными работами. В 1727 г. Ганнибал был отправлен временщиком А. Д. Меншиковым в Сибирь. Возвращенный из ссылки императрицей Анной Иоанновной в 1731 г., он удостоился существенного повышения по служ-

бе в царствование Елизаветы Петровны (1741—1761): в 1742 г. был произведен из подполковников прямо в генерал-майоры, в 1755 г. — в генерал-поручики, в 1756 г. — в инженер-генералы, и наконец, в 1759 г. — в генерал-аншефы. Елизаветой были пожалованы ему в 1742 г. имения «Михайловской губы» (в том числе село Михайловское). После смерти Елизаветы Ганнибал ушел в отставку и удалился от двора. Остаток своих дней он провел, впрочем, не в Михайловском, а в имении Суйда под Петербургом. Об А. П. Ганнибале и знакомстве Пушкина с его биографией см. также примеч. к стихотворению «Как жениться задумал царский арап...» (наст. т., с. 966—967). В послании «К Языкову», проводя параллель между собственной судьбой и судьбой прадеда, Пушкин не только по-новому варьирует мотив изгнания, но и подспудно вводит мотив побега. Ст. 32—33 перекликаются со строфой L первой главы «Евгения Онегина» (1823):

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России...

(Акад. Т. 6. С. 26)

Мотив побега разрабатывался в близких по времени к посланию стихотворениях «К морю» и «Презрев и голос(?) укоризны...» (см. наст. т., с. 14, 113, а также примеч. к ним — с. 515, 957—958); см. также послание «П. А. Осиповой» («Быть может, уж недолго мне...») (1825) и примеч. к нему (наст. т., с. 53, 717—718).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 35. *Обнимет в сельском шалаше...* — «Шалаш» (наряду с синонимичными ему «хижиной», «домиком», «хатой») был устойчивым обозначением места уединенной жизни поэта в той традиции дружеского стихотворного послания, которая разрабатывала тему добровольного ухода от светской суеты и восходила на русской почве к «Моим пенатам» (1811—1812) К. Н. Батюшкова (ср. у Батюшкова, ст. 141—142: «Мне мил шалаш простой; / Без злата мил и красен...» — Батюшков. Соч. 1934. С. 110). В лицейских стихотворениях Пушкина слово «шалаш» в близком контексте дважды появляется именно в связи с Батюшковым (см. «К Батюшкову» (1814), «Тень Фон-Визина» (1815) — наст. изд., т. 1, с. 54, 140). К традиции «Моих пенатов» обращался и Языков в стихотворениях «К брату» (1820 или 1821) и «Мое уединение» (1823).

Ст. 36—37. *Мой брат по крови, по душе, Шалун, замеченный тобою...* — С. Л. С. Пушкиным, братом поэта, Языков уже был знаком к моменту получения послания. 13 июня 1824 г. он писал А. М. Языкову из Петербурга, куда приехал на каникулы: «Вчера познакомился я с братом поэта Пушкина и с Баратынским...» (Язык. архив. Вып. 1. С. 138). Ст. 36 перекликается со словами Пушкина о брате в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г.: «...я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови» (Акад. Т. 13. С. 26). О близких по конструкции поэтических формулах см. выше, с. 480.

Ст. 38—39. *И, муз возвышенный пророк, Наш Дельвиг все для нас оставит...* — Языков познакомился с Дельвигом в 1822 г. в Петербурге, в доме своего литературного покровителя А. Ф. Воейкова, и вскоре получил восторженное поэтическое приветствие Дельвига — стихотворение «Н. М. Языкову. (Сонет)» (см. выше). Пушкин в Михайловском нетерпеливо ожидал приезда своего лицейского друга. Около 20 декабря 1824 г. он писал брату: «...жду тебя — приезжай хоть с П. А., хоть с Дельвигом...» (Акад. Т. 13. С. 130; в этом издании «П. А.» ошибочно расшифровано как «Прасковья Александровна»; по предположению Б. Л. Модзалевского, здесь имеется в виду П. А. Плетнев — см.: Письма. Т. 1. С. 382). Но ждать Дельвига ему пришлось еще долго. 7 февраля 1825 г. Плетнев писал Пушкину: «Дельвиг к тебе не скоро будет. К нему приехал отец» (Там же. С. 141). В конце февраля Дельвиг рассчитывал заехать к Пушкину по дороге из Витебска, куда ездил навестить родных, но в Витебске он тяжело заболел и поэтому пробыл там гораздо дольше, чем собирался. Предупрежденный о скором приезде Дельвига (см. письмо Л. С. Пушкина к П. А. Осиповой от 16 февраля 1825 г. — РС. 1907. № 1. С. 85—86), Пушкин писал брату в конце февраля 1825 г.: «Дельвига с нетерпением ожидаю» (Акад. Т. 13. С. 146). На протяжении марта 1825 г. друзья то и дело спрашивают Пушкина в письмах, у него ли сейчас Дельвиг (см. письмо П. А. Плетнева от 3 марта и письма К. Ф. Рылеева от 10 и 25 марта 1825 г. — Там же. С. 147, 150, 157), Пушкин же нетерпеливо восклицает в письме к брату от 27 марта: «Дельвига нет еще!» (Там же. С. 158). В конце концов Дельвиг приехал в Михайловское в апреле (не позднее 18-го) 1825 г. и пробыл там до 24—25 апреля (Летопись 1999. Т. 2. С. 41, 45). Об этой встрече Пушкин вспоминал в стихотворении «19 октября» (1825), относя к Дельвигу наименование «вещун пермесских дев» (т. е. муз) и тем самым варьируя поэтическую формулу, употребленную в ст. 38 послания «К Языкову» («муз возвышенный пророк»). Это определение основывалось на поэтической фразеологии самого Дельвига. Образ возвышенного поэта — «вещуна» муз и Аполлона — возникает в стихотворениях Дельвига (см. выше; ср. шутовое использование этого слова в письме Плетнева к Пушкину от 3 марта 1825 г.: «Думаю, что вещун Д(ельвиг) возвратился из Витебска в Михайловское» — Акад. Т. 13. С. 147). «Возвышенность», отрешенность от житейской суеты, являющаяся неизменным атрибутом подлинного поэта в представлении Дельвига (см. его стихотворения «Элизиум поэтов», «Поэт», «Вдохновение. (Сонет)» и др.), Пушкин всегда считал неотъемлемой чертой поэтического и человеческого облика своего друга (см., например, его стихотворение 1817 г. «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») — наст. изд., т. 1, с. 264—265).

Ст. 42. *Надзор обменем караульный...* — Согласно высочайшей воле, над Пушкиным, сосланным в Михайловское, был учрежден надзор. 15 июля 1824 г. псковскому гражданскому губернатору Б. А. фон Адеркасу было получено избрать «для наблюдения над поступками и поведением Пушкина» «одного из благонадежных дворян» (Документы к биографии. 1799—1829. С. 443). Таким «попечителем» был назначен И. М. Рокотов, однако 4 октября 1824 г. Адеркас сообщил вышестоящему начальству, что Рокотов от поручения отказался; «попечение» над поэтом взял на себя его отец, С. Л. Пушкин (Там же. С. 456—457), что вскоре привело к серьезной семейной ссоре.

Ст. 46—49. *Вниманье дружное преклоним ~ Вином и песнями прогоним.* — О вине, доставить которое в Михайловское поэт просил брата, говорилось в послании «(Из письма к А. Н. Вульфу)» и в первоначальных вариантах стихотво-

рения «Ждет тебя мое вино...» (оба 1824 г.) (наст. т., с. 7 и 342 и примеч. — с. 474, 973). В послании «К Языкову» эта тема предстает в варианте не столько бытовым, сколько условно-литературном: «вакхические» мотивы были характерны и для самого Языкова («Песни» (1823)), и для Дельвига (см.: «Застольная песня» (1814—1817), «Дифирамб (1816. 15 апреля)», «К Евгению» («За то ль, Евгений, я Гораций...») (1819), «Застольная песня» (1822), «Романс» («Вчера вакхических друзей...») (1823) и проч.), и для Баратынского (см.: «Послание к б(арону) Дельвигу» («Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...») (1820), «Уньные» («Рассеивает грусть веселый шум пиров...») (1821), «Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...») (1821), поэму «Пир» (1820)), и для Кюхельбекера («Дифирамб. (Из Бакхилада)» (1816), «Бакхическая песнь» (между 1815 и 1817 гг.)).

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(«Стишки для вас одна забава...»)

(С. 9 и 156)

Автографы:

1) Тетр. ПД 834, л. 4 — черновой набросок, предположительно относящийся к работе над стихотворением (стершаяся карандашная запись). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 836 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 835, л. 2 об. — черновой набросок, предположительно относящийся к работе над стихотворением (стершаяся карандашная запись). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 836 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) Тетр. ПД 835, л. 2 об. — черновой ст. 9—12. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 666 (указание на автограф и ст. 9); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 403 (ст. 9—12 в виде сводки; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

4) Тетр. ПД 835, л. 13 об.—17 — основной автограф, беловой, с одновременной и позднейшей правкой, местами переходящий в черновой, под заглавием: «Разговор между поэтом и книгопродавцем», с пометой под текстом: «26 сент(ября) 1824». Напечатано: Анн. Т. 7. С. 60—61 (в виде фрагментов, не вошедших в печатный текст); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 399—402 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

5) Тетр. ПД 835, л. 28 об. — черновой примечания к первой реплике Книгопродавца. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 9 (описание); Акад. Т. 2. С. 846 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

6) ПД 1261, л. 35 об. — беловой ст. 97—100 в письме к Л. С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г. (текст совпадает с печатным). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 241.

7) ПД 1261, л. 44 — ст. 1—2, с поправкой к ст. 2 в письме к Л. С. и О. С. Пушкиным от 4 декабря 1824 г. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 242.

8) Запись ст. 152—155 в альбом кн. Н. С. Голицыной (Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки, ф. 161 (А. Б. Гольден-

вейзера), № 68, л. 93), с пометой под текстом: «22 сентября 1826 Москва» и подписью «Александр Пушкин». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 847 (публ. Н. В. Измайлова). Об автографе см.: *Крестова Л. В.* «Она одна бы разумела...» // *Прометей*. М., 1974. Т. 10. С. 167—175. Воспроизведение: Там же. С. 168.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Разные стихотворения»).

Впервые: Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение А. Пушкина. [Глава первая]. СПб., 1825. С. IX—XXII (в виде пролога к роману), 60 (поправка к ст. 176—177) (ЕО I₁₈₂₅), с ошибкой в ст. 160 («Как божеству, не нужно ей» вместо правильного в основном автографе: «Как божеству, не нужны ей»); поправки к ст. 1—3, 115, 132—133 опубликованы в «Примечании» к изданию: Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение А. Пушкина. Глава шестая. СПб., 1828. С. 46 (ЕО VI). С учетом указанных поправок, но с той же ошибкой в ст. 160 вошло во второе издание первой главы романа: Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение А. Пушкина. [Глава первая]. СПб., 1829. С. IX—XXII (ЕО I₁₈₂₉). В отдельных (полных) изданиях романа 1833 и 1837 гг. стихотворение не перепечатывалось. Вошло в Ст 1835. С. 89—100, с примечанием к заглавию: «Было напечатано при первой главе „Онегина“», с исключением примечания к первой реплике Книгопродавца, с учетом исправлений в ЕО I₁₈₂₉ в ст. 1, 3, 132—133 и 176—177, с той же ошибкой в ст. 160, с изменением в ст. 103; ст. 2 и 115 напечатаны как в ЕО I₁₈₂₅.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1835 с исправлением ошибки в ст. 160 по основному автографу.

В Акад. (Т. 2. С. 327) ст. 115 в тексте Ст 1835 трактовался как ошибочно не исправленный и поэтому был напечатан в соответствии с поправкой к нему в ЕО VI, учтенной в ЕО I₁₈₂₉: «Я так и вспыхну; сердцу больно». Однако нет оснований считать, что возвращение к более раннему варианту ст. 115 было ошибкой, а не определенным авторским решением.

Датируется 26 сентября 1824 г. по дате в основном автографе. Замысел и начало работы относятся, по-видимому, к более раннему времени.

Черновой набросок ст. 9—12 на л. 2 об. тетради ПД 835 появился не ранее 22 мая 1824 г. На л. 1—2 расположен черновик письма к А. И. Казначееву с пометой «22 мая» в начале письма (год его написания — 1824 — устанавливается по содержанию); под текстом письма и в верхней части л. 2 об. записаны черновые строфы третьей главы «Евгения Онегина». Нижняя половина л. 2 об. могла оставаться незаполненной; очевидно, однако, что появившийся здесь черновик ст. 9—12 предшествовал записи белого автографа стихотворения. К лету 1824 г. мог относиться его ныне неизвестный черновой автограф, над которым поэт работал, возможно, на последних листах тетради ПД 834, позднее вырванных.

В основном автографе на л. 13 об.—17 тетради ПД 835 чередуются записи, сделанные разными чернилами: бледными и темными, нескольких трудно дифференцируемых оттенков. При этом поправки темными чернилами могли быть сделаны как непосредственно в ходе работы над автографом, так и несколько позднее: те же оттенки темных чернил представлены на последующих листах тетради, заполнявшихся в последних числах сентября — начале октября 1824 г. (на л. 27 об. помета, сделанная не позднее 10 октября 1824 г. — см. ниже). Установить с точностью ход работы в автографе не представляется возможным. Главным образом это относится к ст. 1—75, записанным на л. 13 об.—15 об. и в несколько приемов подвергшимся правке. Состояние автографа свидетельствует, что задуманная Пушкиным переком-

поновка текста в пределах ст. 1—75 на этом этапе работы еще не получила окончательного решения.

Черновик примечания к первой реплике Книгопродавца на л. 28 об. был набросан в октябре (после 10-го): на л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт⟨ября⟩», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю», наст. т., с. 507). Не дошедший до нас беловой автограф стихотворения несомненно был вместе с первой главой «Евгения Онегина» отвезен в Петербург для публикации Л. С. Пушкиным, уехавшим из Михайловского в первых числах ноября (3—5-го) 1824 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 455).

Датировка черновых набросков «Я их [писал] слезами, кровью...» (ПД 834, л. 4) и «Его познал(?) ⟨нрзб⟩...» (ПД 835, л. 2 об.) представляет большие трудности, равно как и решение вопроса о том, действительно ли они относятся к «Разговору Книгопродавца с Поэтом». Гипотеза об их принадлежности к стихотворению, выдвинутая Н. В. Измайловым (Акад. Т. 2. С. 1140), не может быть с уверенностью ни принята, ни опровергнута. Связь набросков между собой не бесспорна, хотя и вероятна (оба они выполнены карандашом, ныне сильно стершимся; в обоих возникает рефлексия по поводу собственных стихов в сочетании с мотивом мучительной любви). Мысль соотнести эти наброски с работой над «Разговором Книгопродавца с Поэтом», по-видимому, была подсказана Измайлову соседством одного из них с черновым автографом ст. 9—12 стихотворения на л. 2 об. тетради ПД 835, а другого — с автографом, знаменующим начало работы Пушкина над «Евгением Онегиным» (ПД 834, л. 4 об.). Между тем набросок в тетради ПД 835 мог иметь отношение как к работе над «Онегиным», черновые строфы которого расположены на л. 2—2 об., так и к самостоятельному, не связанному с «Разговором...» замыслу. Указанная в Акад. локализация карандашных набросков «Я их [писал] слезами, кровью...» и «Его познал(?) ⟨нрзб⟩...» (первый из них Измайлов соотносил со ст. 17—18, второй — со ст. 113—116 — см.: Акад. Т. 2. С. 836) носит предположительный характер. Положение карандашного наброска на л. 2 об. тетради ПД 835 позволяет утверждать, что он был записан позже чернового автографа ст. 9—12. Ниже чернилами записан черновик начальных стихов эпиграммы «Сказали раз царю, что наконец...», датированный январем—февралем 1825 г. (см. примеч. к эпиграмме — наст. т., с. 653—654). Однако по расположению записей невозможно определить, была ли эпиграмма вписана позднее или раньше наброска. Карандашный набросок в тетради ПД 834 расположен на л. 4 под автографом послания «⟨Л. С. Пушкину⟩» («Брат милый, отроком расстался ты со мной...»), которое датируется 1823 г. (предположительно апрелем — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 892, примеч. А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой). Нижняя граница датировки наброска неопределима, поскольку он мог быть вписан на оставшееся свободным место.

Отправив стихотворение в Петербург, Пушкин продолжал дорабатывать его. Так, ст. 97—100, вычеркнутые в автографе в ПД 835 и очевидно отсутствовавшие в отправленном автографе, Пушкин решил восстановить и в первой половине ноября 1824 г. писал брату: «В Разг⟨воре⟩ после „Искал вниманье красоты“ нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,

Уста волшебные шептали
 Мне звуки сладкие мои»
 (Акад. Т. 13. С. 121)

4 декабря в письме Л. С. и О. С. Пушкиным говорилось: «№. г. Издатель Онегина

Стихи для вас одна забава,
 Немножко стоит вам присесть.

Понимаете? да нельзя ли еще под „Разговором” поставить число 1823 год? Стих: „Вся жизнь одна ли, две ли ночи” надобно бы выкинуть, да жаль — хорош. Жаль еще, что Поэт не побранил потомства в присутствии своего Книгопр(одавца). *Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage* (Мои двоюродные внуки были бы мне обязаны этой тенью — фр.) (Там же. С. 126—127, 533). Позднее Пушкин, по-видимому, сообщил брату или П. А. Плетневу еще одну поправку — замену слова «стихи» на «стишки» в ст. 1 и, возможно, в ст. 9. Первая глава «Евгения Онегина» была уже в наборе, когда Пушкин выразил желание внести еще некоторые изменения в текст «Разговора». Письмо поэта не сохранилось, его содержание понятно из ответа Плетнева от 7 февраля 1825 г.: «Ты из прежнего письма моего знаешь, что поправок сделать в „Онегине” и „Разговоре” нельзя (если не захочешь ты бросить понапрасну 2400 листов веленовой бумаги и оттянуть выход книги еще на месяц по проклятой медленности наших типографий). Теперь еще требуешь поправки, когда уже все отпечатано. Сделай милость, оставь до второго издания.

Предвижу ваше возраженье:
 Но тут не вижу я стыда.....

И в самом деле: твоя щекотливость почти не у места. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймем» (Там же. С. 141).

«Разговор Книгопродавца с Поэтом» был задуман Пушкиным как своеобразный пролог к роману «Евгений Онегин». Литературным образцом для «Разговора...» послужил «Пролог на театре» («Vorspiel auf dem Theater», 1797—1798), предпосланный И. В. Гете трагедии «Фауст». В «Прологе на театре» Директор и Комический актер дают наставления Поэту, требуя от него удовлетворить вкусы публики; Поэт отстаивает независимость творчества. Заимствованная у Гете модель драматического разговора предоставляла Пушкину возможность вложить в нее содержание, актуальное для русского литературного процесса 1820-х гг., а также косвенно свидетельствовала о той масштабности, которую в это время получил в сознании самого Пушкина начатый им роман: «Евгений Онегин» оказывался соотнесен с вершинным достижением современной европейской литературы, каким уже был признан «Фауст».

Ориентация Пушкина на «Пролог на театре» была отмечена еще А. А. Бестужевым, который в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» назвал «Разговор...» «счастливым подражанием Гете» (ПЗ 1825. С. 14; П. в критике, I. С. 292). Впоследствии актуальность для Пушкина этого образца не подвергалась сомнению, но вопрос о степени знакомства Пушкина с текстом Гете решался по-разному. Одни исследователи исходили из уверенности в де-

тальном знакомстве Пушкина с текстом «Пролога на театре», впрочем, не подкрепляя этой гипотезы достаточными доказательствами (см.: Розов В. А. Пушкин и Гете. Киев, 1908. С. 99—100; Лебедева. С. 14—16), другие отмечали лишь самую общую ориентацию Пушкина на пролог к «Фаусту» (Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 112; Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // П. Врем. [Т.] 6. С. 71; Dudek G. Metamorphosen von Mephistopheles und Faust bei Puschkin. Berlin, 1991. S. 15 (Sitzungsberichte der Sächsischen Akad. der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. Bd 131. Hf. 6)).

Первая из указанных точек зрения представляется более справедливой. Говорить о том, что Пушкин внимательно читал «Пролог на театре», позволяет ряд параллелей между «Разговором Книгопродавца с Поэтом» и текстом Гете (см. примеч. к ст. 15 и след., 80—86, 186—193), которые в своей совокупности едва ли могут быть истолкованы как случайные совпадения. При этом непосредственное знакомство с немецким текстом не было необходимо Пушкину, поскольку уже в 1823 г. вышло в свет два полных французских перевода первой части «Фауста», принадлежавшие Л.-К. де Сент-Олеру и Ф.-А. Стапферу (*Goethe. Faust / Trad. par L.-C. de Saint-Aulaire // Chefs-d'œuvre des théâtres étrangers. Paris, 1823. Livr. 25. T. 1; Goethe. Œuvres dramatiques / Trad. par Ph. A. Stapfer. Paris, 1823. T. 4*; об особенностях этих переводов см. примеч. к «Наброскам к замыслу о Фаусте») (1825) — наст. т., с. 988—990). Что же касается чтения Пушкиным немецкого оригинала, то оно представляется маловероятным, поскольку его знание языка было для этого недостаточным. По предположению Р.-Д. Кайля, в Одессе Пушкин мог ознакомиться с оригинальным текстом «Фауста» с помощью своих знакомых, хорошо знавших немецкую словесность, — В. И. Туманского, С. Е. Раича и других (см.: Keil R.-D. 1) Der Fürst und der Sänger : Varianten eines Balladenmotivs von Goethe bis Puschkin // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Giessen, 1978. S. 267—268; 2) Faust und Onegin // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. Jg. 37. Hf. 1. S. 58 («All das Lob, das du verdienst» : Eine deutsche Puschkin-Ehrung zur 150. Wiederkehr seines Todestages)). О том, что Пушкин читал Гете в Одессе (будь то во французском переводе или на языке оригинала), свидетельствуют слова из письма, послужившего поводом к михайловской ссылке (апрель—первая половина мая 1824 г.): «Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (Акад. Т. 13. С. 92).

У Гете противостояние Поэта Директору и Комическому актеру остается неизменным на протяжении всего «Пролога». У Пушкина соотношение позиций Поэта и Книгопродавца иное. Не вторгаясь в проблемы творчества, Книгопродавец наставляет Поэта на путь профессионализма, обсуждает судьбу рукописи, уже не имеющую отношения к поэтическому вдохновению (см.: Левкович Я. Л. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стих. П. 1820—1830. С. 270; Лебедева. С. 15—16). И если у Гете Поэт имеет все основания отвечать своим оппонентам речами, в которых он защищает свободу творчества, то пушкинский Поэт, увлекаясь собственными переживаниями и мыслями, защищает от Книгопродавца ценности, на которые тот, в сущности, не посягает. Вдохновенный ответ на первую, достаточно циничную реплику Книгопродавца выглядит не вполне адекватным, и это придает обрисовке фигуры Поэта легкий оттенок иронии (ср. пушкинскую оценку поведения Чацкого в письме к А. А. Бестужеву от конца января 1825 г.: «Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетитовыми и тому подоб.» (Акад. Т. 13. С. 138); с комедией Грибоедова

Пушкин познакомился 11 января 1825 г.). Эта ирония становится особенно очевидной, когда Поэт неожиданно завершает разговор полным согласием с собеседником. Впрочем, последняя прозаическая реплика, в которой выражено его согласие, подчеркнута выходит за пределы поэзии. Эта первая в творчестве Пушкина прозаическая вставка в стихотворный текст — «перевод „прозаического” сознания, отраженного в репликах» Книгопродавца (Сидяков А. С. Стихи и проза в текстах Пушкина // Пушкинский сборник. Рига, 1974. Вып. 2. С. 9 (Учен. зап. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Т. 215)).

Современники Пушкина, по-видимому, воспринимали «Разговор Книгопродавца с Поэтом» сквозь призму «фаустовского» сюжета о продаже души. В 1827 г. С. П. Шевырев опубликовал в «Московском вестнике» (№ 24. С. 500—509) стихотворение «Журналист и злой дух», ориентированное одновременно и на «Пролог на театре», и на пушкинский «Разговор...». Злой дух у Шевырева прямо назван Мефистофелем и предстает выразителем интересов беспринципных литературных спекулянтов; добродетельный журналист решительно изгоняет его. Подробнее см.: *Потапова Г. Е.* Об одной модификации «фаустовского» сюжета у Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 55. № 6. С. 39. В 1825 г. в «Сцене из Фауста», также связанной с трагедией Гете, Пушкин создаст еще одну вариацию диалога между носителями возвышенно-патетического и трезво-скептического взгляда на жизнь (см.: Бонди. Статьи. С. 32—34).

В 1836 г. Белинский, цитируя речь Поэта, с уверенностью писал, что здесь Пушкин «говорит сам о себе» (Белинский В. Г. Стихотворения Александра Пушкина. Часть четвертая. Санкт-Петербург. 1835 // Белинский. Т. 2. С. 83). Позднейшие исследователи, не отождествляя столь прямолинейно автора и Поэта, нередко подчеркивали диаметрально противоположность позиций Поэта и Книгопродавца, характеризуя последнего как меркантильного обывателя, которому удается одержать победу над возвышенным Поэтом (см., например: Бонди. Статьи. С. 30—32; *Гуревич А. М.* Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму: (О нравственно-эстетическом идеале поэта) // Проблемы романтизма. М., 1971. Вып. 2. С. 209). Иначе трактовал произведение Б. В. Томашевский, подчеркивая, что «Разговор...» — «не лирическое произведение», а Поэт и Книгопродавец — «два объективированных образа, не лишенных определяющих характеров». Исследователь указывал на то, что пушкинские взгляды и мысли выражают оба героя. В частности, «поэтическая декларация о назначении поэта» (ст. 81—84) вложена в уста Книгопродавца. По мнению Томашевского, в Поэте «Пушкин воплотил (...) черты своего романтического прошлого, уже не совпадающего с его собственным поэтическим обликом настоящего времени», Книгопродавец же «произносит афоризмы, получившие развитие в системе Пушкина позднейших лет» (Томашевский. Пушкин, II. С. 12, 16). Общность Поэта с лирическим героем ранней поэзии Пушкина действительно подчеркнута множеством автореминисценций (см. ниже, примеч. к ст. 21—22, 24—27, 31, 32—37, 57—58, 107—112, 117—120). Однако, рассматривая вопрос о том, в какой мере взгляды Поэта оказываются близки самому Пушкину, необходимо отметить, что распространенное представление о Поэте как о литературном образе, в котором Пушкин объективировал настроения, владевшие им самим на прежнем, «романтическом» этапе творчества, нуждается в коррективах. Позиция отъединенного от людей «возвышенного поэта», отчетливо заявленная в «Разговоре...», не была характерна для ранней лирики Пушкина — зато в его творчестве второй половины 1820-х гг. она будет интенсивно разрабатываться и проверяться (см.: «Поэт»

(1827), «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830)). Существенно, что принципы участников диалога не остаются неизменными: «...как трезвому практику Книгопродавцу становится доступно понимание творческого сознания и процесса, так и Поэт включается в неизбежные жизненные отношения, не переставая быть Поэтом» (Лебедева. С. 28).

По-видимому, наиболее взвешенной является точка зрения, согласно которой Пушкин наделил некоторыми собственными взглядами обоих героев и в то же время дистанцировался от них, придав Книгопродавцу слегка демонизированные черты искусителя, а фигуре Поэта едва уловимый пародийный оттенок.

В выработке нового, профессионального подхода к литературному делу активно участвовал и сам Пушкин. В его письмах 1823—1824 гг. мотивы, близкие к речам Книгопродавца, звучат постоянно. Ср. в письмах к П. А. Вяземскому, март 1823 г.: «Должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло (...) на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом» (Акад. Т. 13. С. 59); 8 марта 1824 г.: «...я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола» (Там же. С. 89); в начале апреля 1824 г.: «Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах. Слёнин предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой» (Там же. С. 92); к А. И. Казначееву 22 мая 1824 г.: «Ради бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость» (Там же. С. 93); в начале июня 1824 г.: «Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша); с помощью мужества и упорства я в конце концов добьюсь ее. Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это, — самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку» (Там же. С. 95, 528; оригинал по-фр.). См.: Венг. Т. 3. С. 519—520, примеч. Н. О. Лернера; Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 202—207; Томашевский. Пушкин, I. С. 664—665.

Весьма вероятно, что мысль предпослать «Евгению Онегину» «разговор» программного характера родилась у Пушкина под влиянием не только Гете, но и обычных в 1820-е гг. критических статей, оформленных как разговоры двух или более персонажей о литературных новинках. Одним из многих примеров может служить нашумевшая статья Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова» (1824), напечатанная в качестве предисловия к первому изданию «Бахчисарайского фонтана» (Пушкин прочел ее в начале апреля 1824 г. (см. его письмо к Вяземскому от этого времени — Акад. Т. 13. С. 91)). Образцы «разговоров» можно было найти и в литературной критике, и в отделах журнальной «смеси»; во втором случае это был малый прозаический жанр, преследовавший нравоописательные и сатирические цели; в качестве действующих лиц тут могли выступать, среди прочих, и книгопродавцы, и поэты, и покупатели (см., например: [Измайлов А. Е.] 1) Безграмотный и книгопродавец // Благ. 1824. Ч. 26. № 7. С. 51—53; 2) Издатель «Благонамеренного» и стихотворец // Там же. № 11. С. 339—344; Маленькие разговоры. 2. Книгопродавец, слуга и любитель словесности // Там же. № 12. С. 373—374).

Одним из серьезных стимулов к созданию «Разговора Книгопродавца с Поэтом» безусловно стала полемика, в 1824 г. возникшая вокруг «Бахчисарайского фонтана» на страницах «Новостей литературы», «Литературных листков», «Русского инвалида», «Дамского журнала», «Благонамеренного» (свод материалов см.: П. в критике, I. С. 147—238). В ходе этой полемики, вызванной небывалым коммерческим успехом поэмы и невиданно высоким гонораром за нее Пушкину (3000 рублей), оживленно обсуждались отношения между литератором, книгопродавцем и публикой, а также вопросы, связанные с оплатой литературного труда (см., например: *Вяземский П. А.* О «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении // НЛ. 1824. Ч. 8. № 13. С. 10—12; П. в критике, I. С. 189—190; [*Булгарин Ф. В.* (?)] «В № XIII „Новостей литературы“...» // Литературные листки. 1824. Ч. 2. № 7. С. 280—282; П. в критике, I. С. 191; *И. П.-э.* Еще несколько слов о «Бахчисарайском фонтане не в литературном отношении» // ДЖ. 1824. Ч. 6. № 9. С. 119—123; П. в критике, I. С. 192—193; *Ф. И....в.* Ответ молодого книгопродавца старому книгопродавцу, на статью сего последнего под заглавием «Еще несколько слов о „Бахчисарайском фонтане“ не в литературном отношении», напечатанную в 9 номере журнала «Благонамеренный» и № 9 «Дамского журнала» // Литературные листки. 1824. Ч. 2. № 11—12. С. 417—426; П. в критике, I. С. 194—197). Подробнее об этой полемике см.: *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 49—56; *Meunier A.* Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. Paris, 1966. P. 292—302.

К мотивам «Разговора Книгопродавца с Поэтом» Пушкин возвращался в позднейшие годы, в частности в 1835 г., в набросках «〈Плетневу〉» и «На это скажут мне с улыбкою неверной...». Ср.:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман [наш] продолжать
[И строгой] век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целью полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И что (   ) нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

(Акад. Т. 3. С. 395)

О внутренней связи этих стихотворений см.: *Левкович Я. Л.* Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина». С. 263—266, 276—277. Ср. также:

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной Вам кажется она;
Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

(Акад. Т. 3. С. 410)

Стихотворение было восторженно встречено читателями и критиками. Жуковский отозвался о нем в письме к Пушкину от 12(?) ноября 1824 г.: «Читал „Онеги-

на” и „Разговор”, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе» (Акад. Т. 13. С. 120). П. А. Плетнев писал Пушкину 22 января 1825 г., еще до выхода первой главы в свет: «...Разговор с книгопродавцем верх ума, вкуса и вдохновения. Я уж не говорю о стихах: меня убивает твоя логика. Ни один немецкий профессор не удержит в пудовой диссертации столько порядка, не поместит столько мыслей и не докажет так ясно своего предложения» (Там же. С. 133). Вероятно, Плетневу принадлежит и написанный в сходном духе отклик на выход книги, появившийся на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения» (1825. Ч. 29. № 2. С. 223; П. в критике, I. С. 258). 26 июня 1825 г. М. П. Погодин записал в дневнике: «Пушкина <...> разговор <Книгопродавца с Поэтом> прелестный» (ПиС. Вып. 19—20. С. 71). Многие современники ставили «Разговор...» выше первой главы «Евгения Онегина», при которой он был напечатан. А. А. Бестужев в обозрении «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», дипломатично похвалив «Евгения Онегина», которым он в действительности был не очень доволен и о котором он (вместе с К. Ф. Рылеевым) много спорил в переписке с Пушкиным, восторженно оценил «Разговор...»: «Везде, где говорит чувство, везде, где мечта уносит Поэта из прозы описываемого общества, — стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу. Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это счастливое подражание Гете) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком. „Блажен, — говорит там в негодовании поэт, — Блажен, кто про себя тайл / Души высокие созданья, / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувства воздаянья!”» (ПЗ 1825. С. 14; П. в критике, I. С. 292). Бестужев не случайно цитирует те строки «Разговора...», которые в наибольшей мере противоречат прозаическому финалу стихотворения: как и Рылеев, он был недоволен «прозаизмом» описаний светской жизни в первой главе пушкинского романа (об отзыве Бестужева см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 15). В той же «Полярной звезде» на 1825 г. (С. 306—312) был опубликован «Отрывок из Гете» А. С. Грибоедова — вольный перевод «Пролога на театре», осуществленный, по-видимому, в феврале 1825 г. «Указание на зависимость „Разговора” от Гете ориентировало читателя на сравнение пушкинского произведения с „Отрывком из Гете” Грибоедова» (Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов : (Два эпизода творческих взаимоотношений) // Врем. ПК 1980. С. 103; там же, с. 105, см. обоснование датировки перевода Грибоедова). Еще более откровенно высказался в своей статье по поводу первой онегинской главы Д. В. Веневитинов: «В словах Поэта видна душа свободная, пылкая, способная к сильным порывам, — признаюсь, я нахожу в этом разговоре более истинного пинтизма, нежели в самом „Онегине”» (СО. 1825. Ч. 100. № 8. С. 382; П. в критике, I. С. 270). Сходную точку зрения выразил В. К. Кюхельбекер в письме к В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1824 г.: «Господина Онегина (иначе же его нельзя назвать) читал: есть места живые, блистательные: но неужели это поэзия? Разговор с книгопродавцем в моих глазах невпример выше всего остального» (Из переписки князя В. Ф. Одоевского / Сообщ. И. А. Бычков // РС. 1904. № 2. С. 380). Рецензенты особо отмечали интеллектуальный уровень беседы между Поэтом и Книгопродавцем. Ср.: «Желательно, чтобы всегда говорили у нас так умно, как здесь, не только книгопродавцы, но и поэты, даже в преклонные лета» (Измайлов А. Е. «Спешим, хотя немножко и опоздали, известить любителей отечественной поэзии...» // Благ. 1825. Ч. 29. № 9. С. 328; П. в критике, I. С. 260); «Здесь переходы чувств и искусство выражаться, смотря по тому, кто и что говорит, неподражаемы. <...> задум-

чивая мечтательность, яркие мысли выражают пламенный характер поэта; познание света, резкие истины опыта обрисовывают характер книгопродавца» (*Половой Н. А.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина // МТ. 1825. Ч. 2. № 5. С. 43—51; П. в критике, I. С. 266). О печатных откликах на «Разговор Книгопродавца с Поэтом» см. также ниже, примеч. к ст. 103—104.

Ст. 9—11. *Стишки любимца муз и граций ~ И в пук наличных ассигнаций...* — В беловом автографе слова «любимца муз и граций» подчеркнуты, что указывает на их цитатный характер («...подчеркивание в рукописи отражается курсивом в наборе, а общепринятой формой выделения цитат в издательской практике первой трети XIX века был именно курсив». — Лебедева. С. 21). Словосочетание «любимец муз и граций» было употребительным в поэзии первой четверти XIX в. Так, например, в стихотворении К. Ф. Рыльева «Пустыня» об И. Ф. Богдановиче сказано: «...Иль „Душеньки“ творец, / Любимец муз и граций, / Иль важный наш Гораций...» (Соревн. 1821. Ч. 16. № 12. С. 341); в стихотворении В. В. Капниста «Зависть пиита при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева» (опубл. 1820): «...любимец муз и граций, / Веселый любомудр Гораций...» (*Капнист В. В.* Собр. соч. : В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 259); в стихотворении В. В. Попугаева «Судьба Амура» об Амуре: «Он любимец муз и граций» (Свиток муз. СПб., 1803. Кн. 2. С. 42). См. также словосочетание «муз и граций» в «Моих пенатах» (1811) и «Беседке муз» (1817) К. Н. Батюшкова и в послании «Милонову» (1811) П. А. Вяземского.

В «Моих пенатах», так же как в стихотворениях Рыльева и Капниста, использована рифмопара «граций—Гораций», часто употреблявшаяся Пушкиным еще в Лицее (см.: «Городок. (К ***)» (1815), «К П(ушину)у (4 мая)» (1815), «Послание к В. Л. Пушкину» («Скажи, Парнасский мой отец...») (1817) (наст. изд., т. 1, с. 90, 114, 275)). В 1822 г. Б. М. Федоров опубликовал сразу в двух журналах (в «Вестнике Европы», № 19, и в «Багонамеренном», № 39) стихотворение «Союз поэтов», направленное против Дельвига, Кюхельбекера и Баратынского и пародийно обыгрывавшее, в частности, этот поэтический штамп:

Один напишет: мой Гораций,
 Другой в ответ: любимец граций!
 И третий друг,
 Возвысив дух,
 Кричит: вы, вы, любимцы граций!
 А те ему: о наш Гораций!

(Поэты 1820—1830-х гг.
 Т. 1. С. 203)

В реплике Книгопродавца значима замена рифменного клише: на месте ожидаемого «Гораций» (высокий образец поэта-философа) появляются «ассигнации» (низменный эквивалент труда литературного поденщика). Указано Н. Г. Охотиным.

Ст. 15 и след. *Я время то воспоминал...* — Мотив воспоминаний о безвозвратно утраченной поэтической юности близок к последнему монологу Поэта в «Прологе на театр» Гете: «So gib mir auch die Zeiten wieder, / Da ich noch selbst im Werden war...» (Тогда верни же мне то время, / Когда я сам только начал разви-

ваться... — нем.) (Goethe. Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe : In 40 Bd Stuttgart; Berlin, S. a. Bd 13. S. 10). Ср. во французских переводах, которые могли быть известны Пушкину: «Rends-moi donc, rends-moi les temps où je n'étais moi-même encore qu'en espérance...» (Так верни мне, верни мне то время, когда я сам еще только ждал чего-то...) (Stapfer. P. 14); «Et rends-moi donc le temps où moi-même j'espérais encore!» (Так верни мне то время, когда я еще мог надеяться...) (Saint-Aulaire. P. 37). Широко известные заключительные слова этого монолога «Gieb meine Jugend mir zurück!» (Верни мне мою юность! — нем.) Пушкин уже использовал ранее в качестве эпиграфа в ранней редакции «Кавказского пленника», а затем на оформленном титульном листе с заглавием «Таврида» (1822) (Акад. Т. 4. С. 286). В еще большей степени соотносилось с текстом Гете начало следующей реплики Поэта в основном автографе «Разговора...»: «Отдайте мне мои дубравы, / Мои холмы, приюты скал...» (наст. т., с. 159).

Ст. 21—22. *Где я на пир воображенья, Бывало, музу призывал.* — Автореминисценция из стихотворения «К моей чернильнице» (1821), ст. 15—16: «И музу призывал / На пир воображенья» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 39).

Ст. 24—27. *Там доле яркие виденья ~ В часы ночного вдохновенья.* — Как указано П. О. Морозовым, стихи варьируют черновые строки строфы LIX первой главы «Евгения Онегина»: «И снова милые виденья / В уст(алом) (?) томном (?) вдохновеньи / Волнуясь легкою толпой / Несутся над моей ме(чтой)!...» (Акад. Т. 6. С. 258; см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 404—405).

Ст. 30. *В часовне ветхой бури шум...* — По мнению О. Б. Лебедевой, в этой строке можно видеть «собирательный образ „страшных” баллад Жуковского», чье имя далее упоминается в «Разговоре...». Ср., например, в «Светлане» (1808—1812): «Вот в сторонке Божий храм / Виден одинокий; / Двери вихорь отворил...» (Жуковский. ПСС. Т. 3. С. 34; см.: Лебедева. С. 10).

Ст. 31. *Старушки чудное преданье.* — Ср. строки о «мамушке» в стихотворении «Сон. (Отрывок)» (1816) (наст. изд., т. 1, с. 191) и о «веселой старушке»-музе в стихотворении «Наперсница волшебной старины...» (1822) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 65).

Ст. 32—37. *Какой-то демон обладал ~ Была полна моя глава...* — Образ демона вдохновения, связанный в своих истоках с античными представлениями о сверхъестественной природе творчества, Пушкин впервые использовал в послании «К Пушину (4 мая)» (1815), ст. 45—46: «И демон метроманов / Не властвует тобой» (наст. изд., т. 1, с. 115). Тот же образ — и в столь же ироническом контексте — возникает на страницах третьего номера рукописного журнала «Лицейский мудрец» (1815) в сценке «Демон метромании и стихотворец Гезель» (см.: Грот К. Я. Пушкинский лицей : (1811—1817) : Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 292—293; под Гезелем подразумевается В. К. Кюхельбекер). 27 марта 1816 г. Пушкин писал Вяземскому о себе: «...зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынного, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания» (Акад. Т. 13. С. 2). (Об истории литературного типа поэта, одержимого страстью к стихотворству, см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине» : Полемиические функции // ПиС (Нов. серия). Вып. 5 (44). С. 142—164). Во всех указанных случаях лицеисты, следуя распространенной литературной традиции, шутивно обыгрывали соответствие греческого «демона» римскому «гению». Ср. у В. К. Кюхельбекера в переводе «Письма к молодому поэту» К. М. Виланда о ранней любви к поэзии: «...я забывал

и есть и пить, забывал игры и сон, весь свет и самого себя. <...> Ничем, ни кроткими, ни строгими средствами не могли изгнать Гения или (если хотите) демона, обладавшего мною» (СО. 1819. Ч. 57. № 45. С. 197—198). Та же синонимия возникает в стихотворении Пушкина «Демон» (1823), с которым «Разговор...» связан очевидной автореминисценцией:

В те дни, когда мне были новы
 Все впечатленья бытия —
 И взоры дев, и шум дубровы,
 И ночью пенье соловья;
 Когда возвышенные чувства,
 Свобода, слава и любовь,
 И вдохновенные искусства
 Так сильно волновали кровь,
 Часы надежд и наслаждений
 Тоской внезапной осеня,
 Тогда какой-то злобный гений
 Стал тайно навещать меня.
 (Наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 88)

В стихотворении 1823 г. демон изображен Пушкиным как враг вдохновения («Он вдохновење презирал»). В «Разговоре...» дана иная трактовка отношений поэта и его «гения», однако автореминисценция, введенная в реплику Поэта, усложняет лирическую ситуацию, побуждая читателя к сюжетному соотношению двух стихотворений, в каждом из которых развернуто воспоминание о минувшей поре счастливой юности.

Ст. 43 — 46. *Был шум лесов, иль вихорь буйный ~ Иль шепот речки тихоструйной.* — Рифма «буйный—тихоструйный» восходит к посланию В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812):

И чище отражает
 Здесь виды берегов
 Источник тихоструйный;
 Здесь кроток вихорь буйный...
 (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 187;
 см.: Лебедева. С. 11)

В 1833 г. та же рифма будет использована Пушкиным в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях»:

Отвечает ветер буйный:
 — Там за речкой тихоструйной...
 (Акад. Т. 3. С. 554)

Ст. 47 — 56. *Тогда, в безмолвии трудов ~ Хранит любовник суеверный.* — Заключительная часть первого монолога Поэта отдаленно предвосхищает монолог Скупого рыцаря в одноименной «маленькой трагедии» (см.: Тюпа В. И. Проблема «уединенного сознания» в лирике Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1985. С. 20).

Ст. 57—58. *Но слава заменила вам Мечтанья тайного отрады...* — В этих стихах варьированы строки чернового автографа послания «*В. Ф. Раевскому*» («Недаром ты ко мне воззвал...») (1823): «Самолюбивых дум отрада! / Мечтанья суетного сна!» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 436; см.: Венг. Т. 3. С. 519, примеч. Н. О. Лернера).

Ст. 73. *Что слава? Шепот ли чтеца?..* — Этот и следующие стихи «Разговора Книгопродавца с Поэтом», а также ст. 172—173 («Что слава? — Яркая заплата / На ветхом рубище певца») перекликаются с инвективами против погони за славой, звучащими у Пушкина в «Цыганах» (1824) и в «Сцене из Фауста» (1825). Аналогичная синтаксическая конструкция использована в эпиграмме «Дружба» (1824—1825) (наст. т., с. 42), см. примеч. к ней (там же, с. 659—660).

Ст. 76—77. *Лорд Байрон был того же мнения, Жуковский то же говорил...* — Декларации независимости поэта от мнения толпы и равнодушия к славе действительно характерны как для Байрона, так и для Жуковского. Ср., например, строфу ССХVIII первой песни (опубл. 1819) поэмы Байрона «Дон Жуан» («Don Juan»):

What is the end of fame? 'tis but to fill
A certain portion of uncertain paper:
Some liken it to climbing up a hill,
Whose summit, like all hills, is lost in vapour;
For this men write, speak, preach, and heroes kill,
And bards burn what they call their «midnight taper»,
To have, when the original is dust,
A name, a wretched picture, and worse bust.

⟨Каков итог славы? Всего лишь занять / Надежное место на ненадежной газетной бумаге: / Некоторые сравнивают ее с восхождением на холм, / Вершина которого, подобно всем холмам, теряется в тумане; / Ради этого люди пишут, говорят, проповедуют, и герои убивают, / И барды жгут то, что они именуют своей «полночной лампадой», / Чтобы получить, когда оригинал станет прахом, / Некое имя, дрянной портрет и еще худший бюст. — *англ.*⟩ (Byron 1898—1904. Vol. 6. P. 93—94). Во французском переводе: «*A quoi aboutit la gloire? à remplir une certaine portion d'un papier bien incertain. Les uns la comparent à une colline dont le sommet se perd dans les nuages comme celui de tous les monts. Pourquoi les hommes écrivent-ils, parlent-ils, prêchent-ils? pourquoi les héros égorgent-ils leurs semblables? pourquoi les poètes consomment-ils l'huile de leur lampe? pour obtenir, quand l'original ne sera plus que poussière, un mauvais portrait, un buste, encore pire, et un nom*» ⟨К чему приводит слава? К тому, чтоб верным числом строк заполнить листы неверной бумаги. Иной сравнит ее с холмом, вершина которого теряется в облаках, как вершина всякой горы. Ради чего люди пишут, говорят, проповедуют? ради чего герои убивают себе подобных? Ради чего поэты истребляют масло в своих лампадах? Ради того, чтоб, когда оригинал обратится в прах, получить дурной портрет, еще худший бюст и какое-то имя — *фр.*⟩ (Byron 1820—1822. Т. 2. P. 78—79). Ср. также в строфе СХII третьей песни (опубл. 1817) «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage»):

Fame is the thirst of youth, — but I am not
So young as to regard men's frown or smile,
As loss or guerdon of a glorious lot;
I stood and stand alone, — remember'd or forgot.

〈Славы жаждет юность, — но я не / Настолько юн, чтобы расценивать людской хмурый взгляд или улыбку / Как утрату или воздаяние славного жребия; / Я был и остаюсь один — запечатленный в памяти или забытый. — *англ.*〉 (Вугон 1898—1904. Vol. 2. P. 286). Во французском переводе: «La jeunesse a soif de la gloire, mais je ne suis point assez jeune pour regarder le sourire ou le dédain du monde comme une perte ou une récompense digne d'envie; j'ai toujours été seul, je le suis encore; que m'importe la mémoire des hommes ou leur oubli!» 〈Славы жаждет юность, но я не столь юн, чтобы считать улыбку или презрение публики великой потерей или завидной наградой; я всегда был одинок, я одинок и ныне; какое мне дело до людской памяти или забвения! — *фр.*〉 (Вугон 1820—1822. Т. 3. P. 208—209).

Еще ближе к пушкинскому тексту строки из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814), где о поэте сказано:

Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой...
〈.....〉
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленях ожидать
От недостойных одобренья?
〈.....〉
Хвала — гул шумный и невнятный;
Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней,
Свобода друг нам благодатный.
(Жуковский. Т. 1. С. 346, 348)

Ср. также в балладе «Светлана»: «Слава — нас учили — дым; / Свет — судья лукавый» (Там же. Т. 3. С. 38; см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 667). По замечанию Б. В. Томашевского, имена Байрона и Жуковского «занимали определяющее положение для характеристики русского элегического направления» в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнем. Ч. 2. С. 29—44; см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 17).

Ст. 80 — 86. *И впрям, завиден ваш удел ~ Свою любовницу возносит.* — Патетическая тирада Книгопродавца перекликается с монологом о высоком назначении поэзии в «Прологе на театре», вложенном Гете в уста Поэта (а не его оппонентов):

Wer schüttet alle schönen Frühlingsblüten
Auf der Geliebten Pfade hin?
Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter
Zum Eherenzkranz Verdiensten jeder Art?
〈.....〉
Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart.

〈Кто усеивает всеми прекрасными цветами весны / Тропинку возлюбленной? / Кто сплетает из ничего не значащих зеленых листьев / Венец заслугам всякого рода? 〈...〉 Могущество человека, явленное в поэте. — *нем.*〉 (Goethe. Sämtliche Werke. Bd 13. S. 9). Ср. во французских переводах, которые могли быть известны Пушки-

ну: «Qui sème toutes les jolies fleurs du printemps le long du sentier foulé par une amante? Qui dépouille de leurs feuilles les arbres, où elles pendaient inutiles, et les tresse en couronnes pour les distribuer aux mérites de tous genres? (...) La puissance de l'homme, révélée dans le poète» (Кто усеивает всеми прекрасными цветами весны тропинку, по которой ступает возлюбленная? Кто отнимает у деревьев листья, висящие без всякой пользы, и сплетает из них венцы, чтобы распределить их между заслугами всякого рода? (...) Могущество человека, явленное в поэте) (Stapfer. P. 13); «...qui prêtera (...) au printemps les fleurs qu'il sème sous les pas d'une amante? qui tressera la couronne de feuilles vertes? qui enflammera les héros pour cette noble récompense? (...) Le génie du poète nous relève la puissance de l'homme» (...кто возьмет (...) у весны цветы, которые бросит под ноги возлюбленной? кто сплетет венки из зеленых листьев? кто вдохновит героев этой благородной наградой? (...) Гений поэта открывает нам могущество человека) (Saint-Aulaire. P. 37).

Ст. 80 перефразирует строку из стихотворения Кюхельбекера «Участь поэтов» (1823): «Так! я готов сказать: завиден твой удел!» (Кюхельбекер. Т. 1. С. 185). См. также о поэте, казнящем злодеев и венчающем героев, в послании Кюхельбекера «Ермолову» (1821):

И кто же славу раздает,
Как не любимец Аполлона?
В поэтов верует народ;
Мгновенный обладатель трона,
Царь не поставлен выше их:
В потомстве Нерона клеймит бесстрашный стих!
Но мил и свят союз прекрасный
Прямых героев и певцов
(. . . . .)
Единый лавр на их главах,
Героя и певца равно бессмертен прах!

(Там же. С. 150)

Сходный образ поэта, сражающего злодеев божественными стрелами, дан также в стихотворении Кюхельбекера «Жребий поэта» (1823 или 1824). Власть поэзии над исторической памятью потомков — общее место эстетики дидактического направления. Этот мотив неоднократно встречается у самого Пушкина; в 1825 г. он прозвучит в трагедии «Борис Годунов» (финал сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

Ст. 81. *Поэт казнит, поэт венчает...* — 25 января 1825 г. эта формула была использована в письме к К. Ф. Рылеву: «Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?» (Акад. Т. 13. С. 135).

Ст. 85. *С Коринной на киферский трон...* — Коринна — имя героини «Любовных элегий» («Amores») (ок. 15 до н. э.) Публия Овидия Назона (Publius Ovidius Naso; 43 до н. э. — 17 н. э.). Киферский трон — трон богини Афродиты, один из самых почитаемых храмов которой находился на острове Кифера.

Ст. 89 — 90. *...их ушам Приятна лесь Анакреона...* — Анакреон (Анакреонт; Ἀνακρέων; VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт, имя которого стало нарицательным для обозначения беззаботного певца любви и женщин.

Ст. 91 — 92. *В молодые лета розы нам Дороже лавров Геликона.* — Со времен античности розы были поэтическим символом любви и любовной лирики, в то

время как лавровый венок мыслился как награда поэтам, воспевавшим высокие мифологические и героические предметы. Геликон — гора в Греции, обиталище муз (нередко противопоставлявшихся грациям как покровительницам «легкой» поэзии).

Ст. 103 — 104. *Пускай их юноша поет, Любезный баловень природы.* — В двух первых публикациях «Разговора Книгопродавца с Поэтом» (ЕО I₁₈₂₅; ЕО I₁₈₂₉) ст. 103 читался: «Пускай их Шаликов поет». Кн. Петр Иванович Шаликов (1767 или 1768—1852) — поэт и прозаик сентименталистского толка, издатель «Дамского журнала» (1823—1833). В пушкинском окружении к Шаликову относились с большой долей иронии. 8 февраля 1824 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву по поводу публикации в «Полярной звезде» на 1824 г. исторической статьи А. О. Корниловича, посвященной некой «милостивой государыне»: «Зачем пишет он для снисходительного внимания мил(остивой) госуд(арыни) NN и ожидает ободрительной улыбки прекрасного пола для продолжения любопытных своих трудов? Все это старо, не нужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностию» (Акад. Т. 13. С. 87). 19 февраля 1825 г. в письме к П. А. Вяземскому Пушкин комментировал упоминание Шаликова, явно рассчитывая на то, что Вяземский передаст последнему его слова: «Ты увидишь в Разг(оворе) Поэта и Книг(опродавца) мадригал кн(язю) Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement» (У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил — *фр.*) (Акад. Т. 13. С. 144, 533). Шаликов в «Дамском журнале» встретил появление первой главы «Евгения Онегина» комплиментарной статьёй, в которой, однако, галантно возражал на содержащуюся в «Разговоре...» филиппику Пушкина против женщин (ДЖ. 1825. Ч. 9. № 6. С. 242—246; П. в критике, I. С. 260—262). Тот же самый упрек звучит в послании Шаликова «К А. С. Пушкину (на его отречение петь женщин)»: «...И тем не менее виновен / Бесценный грациям поэт, / Что против их подруг нескромен, / Несправедлив его обет!..» (ДЖ. 1825. Ч. 10. № 8. С. 69). Вскоре после появления этих произведений Шаликова Вяземский писал о них Пушкину в несохранившемся письме, на которое тот отвечал 25 мая 1825 г.: «Статьи и стихов Шаликова не читал. Неужто он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен как барашек! спросите у братца Леона: он скажет вам, что, увидев у меня имя кн(язя) Ш(аликова), он присоветовал мне заменить его Батюшковым — я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikoff! (и я храбро восстановил Шаликова! — *фр.*). Это могу доказать черновою бумагою» (Акад. Т. 13. С. 184, 537; см.: Венг. Т. 3. С. 519, примеч. Н. О. Лернера). В основном автографе стихотворения ст. 103 действительно сначала читался: «Пускай их Ш(аликов) поет», затем вместо заглавного «Ш», указывающего на угадываемую фамилию поэта, было поставлено: «***», а еще позднее астроним был исправлен на заглавное «Б». Однако в печатном тексте вновь появилась фамилия Шаликова, причем приведенная полностью. По мнению О. Б. Лебедевой, Батюшков и Шаликов связаны в пушкинском контексте как «создатель концепции поэта-эпикурейца и эпигона, превративший ее в литературный штамп» (Лебедева. С. 23).

Ст. 107 — 112. *Стон лиры верной не коснется ~ Для них и чуждо и смешно.* — Ср. суждения, полемически направленные против карамзинистского культа «прекрасных читательниц» в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827): «...женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствитель-

ностию самую раздражительную, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не достигая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, строят меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» (Акад. Т. 11. С. 52). Аналогичные замечания встречаются в письмах к Л. С. Пушкину от января—начала февраля 1824 г. и Вяземскому от 8 марта 1824 г., а также в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825). Около того же времени, когда шла работа над «Разговором...», выпады в адрес женского пола появились в начальных строфах четвертой главы «Евгения Онегина», не включенных в полный текст романа (см.: Акад. Т. 6. С. 333—338; см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 13—14). Возможно, подобные инвективы возникли не без влияния Байрона, с характерными для него насмешками над учеными дамами — см., например, строфы CVIII—CXII четвертой песни «Дон Жуана» («Don Juan») (1819—1824) или LXXII—LXXIX строфы «Венецианской повести» «Беппо» («Верро: A Venetian story») (1817).

Ст. 117—120. *К чему, несчастный, я стремился? ~ Боготворить не устыдился?* — Ранее сходные стихи варьировались Пушкиным в двух неоконченных произведениях: в послании «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» (1822) и в черновом наброске «Души беспечно(е) незнатье...», относящемся к работе над стихотворением «Демон» (1823) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 129 и 334; см.: Венг. Т. 3. С. 520, примеч. Н. О. Лернера).

Ст. 125—126. *Ужели ни одна не стоит Ни вдохновенья, ни страстей...* — Ср. в строфе XXXIV первой главы «Евгения Онегина»: «Они не стоят ни страстей, / Ни песен, ими вдохновенных» (Акад. Т. 6. С. 20; см.: Венг. Т. 3. С. 520, примеч. Н. О. Лернера).

Ст. 140. *Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?* — Высказывание Пушкина об этом стихе см. выше (с. 487), в письме к брату от 4 декабря 1824 г. Развивая тему «утаенной любви» в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом», Пушкин создает идеальный образ возлюбленной, поэтому едва ли могут оказаться плодотворными попытки соотносить его с той или иной современницей поэта (см.: *Иезуитова Р. В.* «Утаенная любовь» в жизни и творчестве Пушкина // *Утаенная любовь Пушкина.* СПб., 1997. С. 29).

Ст. 171—175. *Без денег и свободы нет. Что слава? Яркая заплата На ветхом рубище певца. Нам нужно злата, злата, злата: Копите злато до конца!* — О славе, которая не может заменить деньги, Пушкин не раз говорил в письмах 1823—1824 гг.: «Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона» (письмо к П. А. Вяземскому от 20 декабря 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 82); «Были бы деньги, а где мне их взять? что до славы, то его в России мудрено довольствоваться. (...) я пел, как булочник печет, портной шьет, (В. И.) Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма» (письмо к Л. С. Пушкину от января—начала февраля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 86); «...да вперед невозможно и мне будет продавать себя с барышом. Таким образом, обязан я за все про все — друзьям *моей славы* — черт их возьми и с него; тут смотри как бы с голоду не околеть, а они кричат — *слава!*» (письмо к нему же от 1 апреля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 90; речь идет о распространении поэмы «Бахчисарайский фонтан» в списках еще до печати). См. примеч. П. О. Морозова — АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 412—413.

Ст. 178 — 182. *Вам ваше дорого творенье, Пока на пламени труда Кипит, бурлит воображенье; Оно застынет, и тогда Постыло вам и сочиненье.* — Реплика Книгопродавца корреспондирует с эпистолярными высказываниями Пушкина по поводу собственных недавно завершенных произведений. Так, 23 марта 1821 г. он сообщил А. А. Дельвигу: «...кончил я новую поэму — „Кавказский пленник“ (...) Ты ею не совсем будешь доволен и будешь прав» (Акад. Т. 13. С. 26). На следующий день в письме к Н. И. Гнедичу Пушкин почти так же отзывался о своей новой поэме: «Вы ожидали многого, как видно из письма вашего, — найдете малое, очень малое» (Там же. С. 28). 14 октября 1823 г. Пушкин писал Вяземскому: «„Бахчисарайский фонтан“, между нами, дрянь, но эпитафия его прелесть» (Там же. С. 70). 8 или 10 октября 1824 г. в письме к Вяземскому был дан сходный отзыв о другой поэме: «Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму „Цыгане“. Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил...» (Там же. С. 111). См.: Меднис Н. Е. Проблемы психологии и философии творчества в романе «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 20—21.

Ст. 184 — 185. *Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать.* — Близкая формулировка содержится в письме поэта к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г.: «Я писал его («Бахчисарайский фонтан». — Ред.) единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были нужны» (Акад. Т. 13. С. 88). Другие близкие по смыслу эпистолярные высказывания Пушкина см. выше, с. 490, 500.

Ст. 186 — 193. *Что ж медлить? Уж ко мне заходят ~ Предвижу много я добра.* — В последнем монологе Книгопродавца различимы отзвуки первого монолога Директора из «Пролога на театре» Гете. В обоих произведениях изображена нетерпеливая публика, которая собирается у книжной лавки (осаждают вход в театр) и жаждет поскорее прочитать (увидеть) новинку. Описания не имеют заметных текстуальных переключек, но завершаются в обоих случаях словесной игрой. Слово «добро» в устах Книгопродавца («И признаюсь — от вашей лиры / Предвижу много я добра») звучит в этом контексте комически двусмысленно: казалось бы, речь идет о моральных ценностях, но в подтексте — мысль о хорошей выручке. Директор у Гете с наивностью дельца истолковывает «чудо» поэтического творчества, завершая следующими словами описание толпы, которая ломится на спектакль: «Dies Wunder wirkt auf so verschiedne Leute / Der Dichter nur; mein Freund, o tu es heute» (Такое чудо совершает со столь несхожими людьми / Лишь поэт; друг мой, о, соверши его сегодня — нем.) (Goethe. Sämtliche Werke. Bd 13. S. 5). Ср. во французских переводах, которые могли быть известны Пушкину: «Et ce miracle opéré sur tant d'hommes à la fois, c'est l'ouvrage du seul poète. O mon ami, opère-le aujourd'hui, je t'en supplie» (И это чудо, действующее разом на стольких людей, может сотворить один поэт. О мой друг, соверши его сегодня, умоляю) (Stapfer. P. 9—10); «C'est au poète qu'il appartient d'opérer un tel miracle: ô mon ami! fais de ton mieux aujourd'hui» (Совершить подобное чудо под силу лишь поэту: о мой друг, уж постарайся сегодня) (Saint-Aulaire. P. 34).

Другие редакции и варианты

Варианты основного автографа. Ст. между 96 и 97. *Мои слова, мои напевы ~ Волненье страха и стыда...* — В этих стихах варьированы строки из незавершенного послания «(В. Ф. Раевскому)» («Недаром ты ко мне воз-

звал...») (1823?): «Мои коварные напевы / Смирjali в мыслях юной девы / Волнение страха <и> стыда...» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 140).

Ст. между 120 и 121. *Ах, Лира, Лира! что же ты Мое безумство разгласила? О если б Лета поглотила Мои летучие листы...* — В первых двух стихах варьированы не вошедшие в прижизненные печатные издания поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823) строки об утаенной любви поэта: «Опомнись; долго ль, узник томный, / Тебе оковы лобызать / И в свете лирою нескромной / Свое безумство разгласить?» (Акад. Т. 4. С. 171; см.: Венг. Т. 3. С. 520, примеч. Н. О. Лернера).

В следующих двух стихах содержится парафраз строк из «Послания к д'Аламберу» («Épître à d'Alembert») (1771) Вольтера:

L'abbé François écrit; le Léthé sur ses rives
Reçoit avec plaisir ses feuilles fugitives.

(*Voltaire. Œuvres complètes.*
Paris, 1819. Т. 11. P. 275)

<Аббат Франсуа пишет; а Лета на своих берегах / Охотно подбирает его летучие листы. — *фр.*> (указано Н. Г. Охотиним). Образ дурных стихов, тонущих в волнах реки забвения, получил особую популярность благодаря сатире К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809) (в 1817—1818 гг. тот же образ был использован Пушкиным в эпиграмме «История стихотворца»). Ср. также во второй главе «Евгения Онегина»:

Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...

(Акад. Т. 6. С. 49)

Ст. между 147 и 148. *Одна была... пред ней одной ~ Язык поэтов и любви...* — В 1825 г. эти стихи, не вошедшие в печатный текст стихотворения, были варьированы в ст. 51—57 «Сцены из Фауста»:

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

(Наст. изд., т. 7, с. 100)

Начало первого из приведенных стихов повторяет конструкцию, уже использованную в «Цыганах» (1824): «Между красавиц молодых / Одна была... и долго ею / Как солнцем любовался я...» (Акад. Т. 4. С. 194); ср. также в черновом варианте строфы III четвертой главы «Евгения Онегина», над которой Пушкин работал в 1824 г.: «Но есть одна...» (Акад. Т. 6. С. 339).

К МОРЮ

(«Прощай, свободная стихия!..»)

(С. 14 и 169)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 12 об.—13 (Авт₁) — белой первой редакции, под заглавием: «Морю», с вписанной у заглавия пометой: «1824», с двумя одновременными вставками и несколькими слоями правки. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 6 (два стиха фрагмента, соответствующего ст. 51—54 основного текста); Майков. Материалы. С. 203 (в виде вариантов; фрагмент, соответствующий ст. 51—54 основного текста, приведен полностью; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 835, л. 12 (Авт₂) — черновой ст. 13—16. Указано: Майков. Материалы. С. 202; напечатано: Акад. Т. 2. С. 857—858; публ. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) Тетр. ПД 835, л. 18 (Авт₃) — черновой девяти дополнительных строф, частично вошедших во вторую редакцию. Четыре строфы, не включенные в нее, были перенесены в несколько переработанном виде во вторую редакцию стихотворения «Наполеон» (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 56—58 и 644—645, примеч. Е. О. Ларионовой). Напечатано (нумерация стихов указывается по редакторской сводке черновой автографа, приведенной в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 172—173): Якушкин. № 7. С. 7 (ст. 1—2, соответствующие ст. 31—32 основного текста); Майков. Материалы. С. 203—204 (ст. 1—4 и 37, соответствующие ст. 31—34 и 51 основного текста); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 380—381 (в виде неполной транскрипции; публ. П. О. Морозова); *Измайлов Н. В.* Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю» // П. Врем. [Т.] 6. С. 21—24 (в виде сводки верхнего слоя автографа и первоначальных вариантов). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

4) Из Библиотеки Гарвардского университета (США) (Авт₄) — белой второй редакции, с поправками, под заглавием: «Морю», с подписью-монограммой: «АП»; на отдельном листе 20×30 см. На листе пометы рукой М. В. Юзефовича, которому Пушкин подарил автограф в 1829 г. на Кавказе (см.: *Юзефович М. В.* Памяти Пушкина // П. в восп. Т. 2. С. 107). В приложенном к автографу сертификате указано: «25 мая 1918 года мною Е. А. Малиновской был продан автограф А. С. Пушкина стихотворения „К морю“, подаренное Пушкиным прадеду моему И. В. Лисенко в бытность его на Кавказе. Е. Малиновская». По мнению Т. Г. Цявловской, это указание ошибочно: «гарвардский» автограф соответствует описанию, данному в мемуарах Юзефовича, а о знакомстве Пушкина с И. В. Лисенко, подпоручиком Куринского пехотного полка Отдельного Кавказского корпуса, полковым квартирмейстером (см.: Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии. СПб., 1829. С. 655; СПб., 1831. С. 742), ничего не известно. В 1921 г. автограф был приобретен в Одессе профессором П. А. Михайловым и вывезен им в Париж; затем принадлежал С. П. Дягилеву, а после его смерти в 1929 г. — С. М. Лифарю или Б. Е. Кохно; в 1953 г. автограф был куплен американским коллекционером Б. Килгуром и затем передан им в собрание Гарвардского университета (см.: *Алексеев М. П.* Автографы Пушкина в Одессе // Пушкин : Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 57; *Цявловская Т. Г.*,

Цявловский М. А. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 78 и 242, коммент. К. П. Богаевской и С. И. Панова). Историю автографа см. также: Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения «К морю» // ПИМ. Т. 1. С. 187—190. Фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 5. Напечатано: Чижевский Д. «Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 5—9; Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения «К морю». С. 200—202; Акад. Т. 17 (Справочный). С. 21—22 (публ. Т. Г. Цявловской). Воспроизведение: Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения «К морю». Вклейка между с. 200 и 201.

Копии:

1) В. Ф. Вяземской (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5549, л. 7—8 об.) (Вяз) — под заглавием: «Морю», без строфического деления. По-видимому, восходит к неизвестному ныне автографу, переданному П. А. Вяземским издателям «Мнемозины» (см. ниже); разночтения с основным текстом в ст. 29, 45 и 58 совпадают с публикацией в «Мнемозине» (см. ниже); отличия от текста альманаха в ст. 21, 26 и 57, вероятнее всего, явились следствием ошибок, допущенных при публикации.

2) И. И. Пущина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 4) (Пшн) — под заглавием: «Морю», с подписью: «А. П.», без строфического деления. Напечатано (ошибочно как автограф Пушкина): Майков. Материалы. С. 204 (в виде вариантов; публ. В. И. Сaitова). Указание на ошибку см.: Акад. Т. 2. С. 1141 (примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

3) Из архива А. Н. Аксакова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 244) (Акс) — неизвестной рукой, на отдельном листе бумаги с водяным знаком «1823», под заглавием: «К морю. Элегия», с примечанием к ст. 41—42: «Лорд Байрон», с пометой под текстом: «1824-го. Пуш(кин)»

4) Писарская из архива А. И. Михайловского-Данилевского (ПД, ф. 527 (А. И. Михайловского-Данилевского), № 129, л. 12—13) (МД) — под заглавием: «Прощание с Черным морем»; вложено в письмо И. Завадовского к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 29 января 1825 г.

5) Сб. Алмазова (Алм) — с подписью: «А. Пушкин», без строфического деления, с пропуском ст. 44—45 и 47.

6) Первая тетрадь из собрания Нейштадта (Нейшц₁) — под заглавием: «К Океану», с подписью: «А. П.».

7) Тетр. Щербакова (Щер) — со строфическим делением после ст. 8, 21, 50.

8) Сб. «От безделья и от скуки» (Отб) — с подписью: «А. Пушкин». Указано: Акад. Т. 2. С. 1141 (примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

9) Альбом Баратынской (Барат) — под заглавием: «Морю». Указано: Акад. Т. 2. С. 1141 (примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

10) Вторая тетр. из собрания Нейштадта (Нейшц₂) — без строфического деления.

11) Первая тетр. Ростопчиной (Рост₁) — без заглавия, только ст. 1—8, 13—16, 55—58, с пометой под текстом: «(Накануне отъезда из Ревеля, после моей последней и одинокой прогулки, в пятницу, 8-го сентября 1844)».

12) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Море».

13) Сб. «Всякая всячина», ч. 8 (ГИМ, ф. 83, ед. хр. 87, л. 64—65) (ВВ₈) — с примечанием к ст. 42: «Лорд Байрон». Указано: Акад. Т. 2. С. 1141 (примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

14) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — фрагмент, соответствующий ст. 51—54, под заглавием: «Пропущенные стихи в пьесе „К морю”», с примечанием: «Эта пьеса напечатана в изд. Анненкова т. II, стр. 354, 355 и 356. Поме-

ценные здесь стихи должны находиться на стр. 355, после слов в 1-й строке: „Мир опустел .....”».

15) Сб. Александрова (Ал) — фрагмент, соответствующий ст. 51—54, с указанием: «В стихотворении „К морю” (Анн. Т. 2 стр. 355) должно читать».

Копии 1, 4—7, 10, 12, 14 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 859 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав). Напечатано: Щербачев. С. 103 (в виде вариантов текста в изданиях П. А. Ефремова).

2) Бывшая в распоряжении М. Е. Лобанова, по которой им были вписаны в имевшееся у него издание Ст 1829 последние три стиха фрагмента, соответствующего ст. 51—54 основного текста (Лб). Напечатано: Ефр. 1882. Т. 1. С. 537.

3) Бывшая в распоряжении А. Н. Афанасьева, по которой последние три стиха фрагмента, соответствующего ст. 51—54 основного текста, были напечатаны им в статье «По поводу последнего издания сочинений Пушкина» в «Библиографических записках» (1858. Т. 1. № 11. Стб. 343; подпись: «И. М-к»; об авторстве А. Н. Афанасьева см.: *Порудоминский В. И.* «Я полюбил Пушкина еще больше...»: (Пушкин в «Библиографических записках»: Из писем Афанасьева к Геннади) // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 210) (БЗА). Последнее слово заменено шестью точками (по числу букв в слове: «тирань»).

4) В сборнике, принадлежавшем А. В. Кольцову, по которой последние три стиха фрагмента, соответствующего ст. 51—54 основного текста, были напечатаны в журнале «Библиографические записки» (1858. Т. 1, № 24. Стб. 751; публ. А. Меринского) (БЗМ).

5) Бывшая в распоряжении Г. Н. Геннади, по которой им был опубликован фрагмент, соответствующий ст. 51—54 основного текста: Генн. 1859. Т. 1. С. 287—288. Последнее слово заменено шестью точками (по числу букв в слове: «тирань»).

6) Бывшая в распоряжении П. А. Ефремова, по которой им был опубликован фрагмент, соответствующий ст. 51—54 основного текста: Ефр. 1880. Т. 1. С. 454.

В настоящем издании в разделе «Другие редакции и варианты» приводятся только разночтения фрагмента, соответствующего ст. 51—54 основного текста.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Смесь» — с пометой: «(последнее)» (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: ст. 45—51: МТ. 1825. Ч. 1. № 1. С. 39 (выход в свет 8 января 1825 г., см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 7), в составе «Прибавления» П. А. Вяземского к статье Вальтера Скотта «Характер лорда Байрона»; стихи приведены после слов: «Никто из поэтов, принесших дань памяти Байрона, не изобразил его так правдиво и сильно, как наш Пушкин, говоря», с примечанием к слову «Пушкин»: «В стихах „Прощание с морем”, которые будут напечатаны в 4 части „Мнемозины”. Изд.»; полностью: Мнем. Ч. 4. С. 102—104 (выход в свет 2 июля 1825 г., см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 67), с примечанием к ст. 42: «Байрон». Вместо ст. 52—54 основного текста объемный пробел без отточий, к ст. 51 («Мир опустел.....») дано примечание: «В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Неко-

которые списки одного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. *Изд<атели>*». Публикация содержит явную ошибку в ст. 26 («набег» вместо «побег») и вероятные ошибки в ст. 21 («И тонет стая кораблей») и 57 («И долго, долго помнить буду»). На вероятность ошибок в ст. 21 и 57 указывают их разночтения с копией В. Ф. Вяземской (см. выше), по всей видимости, снятой с автографа, переданного Вяземским издателям «Мнемозины» (показательно, что чтение «И долго, долго помнить буду» не встречается ни в одном из автографов и было исправлено в позднейших прижизненных публикациях стихотворения). Строфическое деление графически отмечено знаками тире, проставленными непоследовательно: в конце ст. 8, 12, 16, 21, 34, 38, 44, 50. Вошло с изменениями в Ст 1826. С. 83—86 (отдел «Разные стихотворения»), с датой в оглавлении: «1824»; после ст. 51—52, которые совпадают с их последним вариантом в Авт₄, две строки отточий. В Ст 1829. Ч. 1. С. 190—195 (отдел стихотворений 1824 г.) вошло с возвращением в ст. 19 и 32 к вариантам Мнем.; вторая половина ст. 51 заменена точками, ст. 52—54 — тремя строками отточий. Перепечатано: Радуга, или Карманная книжка для любителей и любительниц чтения на 1833 год / Собр. и изд. А. И. Н. М., 1832. С. 94—97, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829. Первая редакция печатается в разделе «Другие редакции и варианты» по беловому автографу Авт₁ с учетом первой вставки, записанной на л. 13 (о ходе работы в Авт₁ см. ниже).

Датируется августом—началом октября (не позднее 10-го) 1824 г. Год устанавливается в соответствии с пометой в первом беловом автографе и указаниями в Ст 1826 и Ст 1829, месяцы — по содержанию, положению автографов в рабочей тетради и письму Пушкина к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г., с которым стихотворение «К морю» было отправлено в Москву (см.: Акад. Т. 13. С. 111; автограф стихотворения, прилагавшийся к письму, ныне неизвестен).

Первому беловому автографу в тетради ПД 835 предшествовала работа над не дошедшей до нас черновой рукописью. Высказывалось предположение, что она могла быть начата еще в Одессе: «В конце июля 1824 г., оставив мысли о побеге за границу, еще не зная окончательно, как решилась его судьба, но уже предвидя близкую ссылку, Пушкин, вероятно, сделал первые наброски своего „прощания с морем“. Не ранее 29 июля, когда ему было объявлено о высылке в Псковскую губернию, т. е. в предпоследний день перед отъездом, а может быть, и позднее, в пути, оформилась последняя строфа стихотворения («В леса, в пустыни молчаливы»), прямо указывавшая на Михайловское. Черновая рукопись не дошла до нас, и каков был ее состав, мы не знаем» (см.: *Измайлов Н. В.* Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю». С. 25); в Акад. (Т. 2. С. 1142, примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского) датировка несколько расширена: ее верхняя граница отодвинута к середине июля; несохранившаяся «первоначальная черновая редакция» стихотворения датирована второй половиной июля 1824 г. в Летописи (С. 493), в Летописи 1991 (С. 439) и в Летописи 1999 (Т. 1. С. 420). Однако известие о высылке из Одессы явилось для Пушкина неожиданностью, поэтому до его получения лирический сюжет прощания с морем не мог быть задуман. Едва ли работа над большим элегическим стихотворением была начата в последние дни июля, до выезда из Одессы: по свидетельствам В. Ф. Вяземской, в эти дни Пушкин пребывал в крайнем смятении и был занят срочными приготовлениями к отъезду в Псков (см.: *Цявлов-*

ская. «Храни меня, мой талисман...». С. 30—33; Б[артенев] П. Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // РА. 1888. Кн. 2. № 7. С. 306). Основная работа в тетради ПД 835 на л. 12 об.—13, 12, приведшая к созданию первой редакции стихотворения, датируется первой половиной сентября, не ранее 5-го (на л. 11 об. дата: «5 сентябр⟨я⟩ 1824», на л. 17 дата: «26 сент⟨ября⟩ 1824»). ПРАВКА по тексту первой редакции была внесена на эти листы несколько позднее, чем был записан основной массив текста, поскольку новая строфа, возникшая на этом этапе, была вписана уже после того, как нижняя часть л. 13 была занята беловым автографом стихотворения «Клянусь четой и нечетой...». Еще позднее, между 26 сентября и 2 октября, был создан черновой автограф на л. 18, а на л. 12 об.—13 был внесен связанный с этим этапом работы новый слой поправок. Датировка данного этапа определяется по пометам на л. 17 (см. выше) и л. 20 («2 окт⟨ября⟩ 1824»). Окончательную обработку текст, вероятнее всего, получил незадолго до отправления письма Пушкина к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г. (письмо написано в день окончания поэмы «Цыганы»; отмечая его в тетради ПД 835, л. 27 об., Пушкин дважды переделывал дату: «1824 [10] [8] 10 окт⟨ября⟩»; то же колебание в определении даты — в беловом автографе «Цыган» в тетр. ПД 836, л. 12 об.: «[8] окт⟨ября⟩ 10»). Отправляя стихотворение Вяземскому, Пушкин писал: «Посылаю тебе маленькое поминаньеце за упокой души раба Божия Байрона — я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского (имеются в виду петербургские цензоры. — Ред.)» (Акад. Т. 13. С. 111).

Цензурное разрешение 4-й части «Мнемозины» было получено 13 октября 1824 г., когда издатели альманаха еще не могли располагать пушкинским текстом. Поэтому стихотворение «К морю» проходило цензуру отдельно двумя месяцами позднее. 13 декабря этого года цензор И. М. Снегирев, давший разрешение на публикацию пушкинского текста, записал в дневнике: «Приехал В. К⟨юхельбекер⟩ с Пушкина стих⟨творением⟩ „К морю“ ⟨...⟩ подписал» (Дневник И. М. Снегирева // РА. 1902. Кн. 2. № 8. С. 544).

Авт1 до вставок первоначально содержал семь строф (соответствуют строфам 1—3, 6—7, 14—15 основного текста), после которых была поставлена фигурная скобка — знак концовки. Работа над стихотворением была, по-видимому, сразу продолжена на л. 12, где карандашом был набросан черновик ст. 13—16 (четвертая строфа), затем набело переписанных на л. 13 под фигурной скобкой. Здесь же была набело записана еще одна строфа («Ты тих как сельская река ~ И тонет стая кораблей»), под которой проведена горизонтальная черта. Место вставки двух строф, записанных на л. 13, отмечено крестом. На этом этапе сложилась первая редакция стихотворения в составе девяти строф. Вероятно, по ходу работы над ней Пушкин внес поправки в ст. 8, 10, 22, 27, 36 (номера стихов указаны по тексту первой редакции) и вычеркнул стих «Тебя восторгами поздравить». Вся работа на л. 12 об.—13 выполнялась до этого времени очень светлыми чернилами. Затем Пушкин несомненно остановил работу над стихотворением, поскольку остававшуюся свободной нижней частью л. 13 занял записанным темными чернилами беловым (с поправками) автографом стихотворения «Клянусь четой и нечетой...» из цикла «Подражания Корану». Позднее работа над стихотворением «Морю» была продолжена и в текст первой редакции была внесена правка, выполненная темными и светлыми чернилами. К наиболее серьезным изменениям относится записанная на правом поле л. 13 теми же свет-

лыми чернилами, что и весь предыдущий текст, вставка еще одной строфы между ст. 30 и 31 первой редакции (место вставки отмечено значком) и связанное с нею исправление в ст. 31 (теми же чернилами). Можно было бы думать, что поправки, внесенные темными чернилами, были сделаны на следующем этапе работы, но в ст. 12 имеется поправка, сделанная светлыми чернилами поверх темных, а значит, слои правки светлыми и темными чернилами перемежались в трудноопределимой хронологической последовательности. По-видимому, до того как дополнительная строфа была вписана на правом поле л. 13, темными чернилами были сделаны поправки в ст. 12 первой редакции; тогда же, возможно, был еще раз исправлен ст. 22 и восстановлен вычеркнутый между ст. 24 и 25 стих «Тебя восторгами поздравить». Затем светлыми чернилами была сделана вставка на правом поле л. 13 и внесена последняя поправка в ст. 12; наконец темными чернилами исправлены ст. 31 и 33. В ст. 14 и 24 первой редакции, кроме описанных выше, имеются поправки карандашом, о которых трудно с определенностью сказать, на каком этапе работы над стихотворением они возникли. В настоящем издании они условно отнесены к правке по тексту первой редакции.

Несмотря на то что первая редакция стихотворения получила вполне законченный вид, работа над ним продолжилась на л. 18 тетради ПД 835, где появился черновой автограф девяти дополнительных строф (Авт₃). Намереваясь ввести в текст стихотворения новую вставку, Пушкин темными чернилами вычеркнул в Авт₁ строфу, вписанную на правом поле л. 13. Позднее текст вычеркнутой на этом этапе строфы был использован — в Авт₄ она снова присутствует. Намерение восстановить ее намечено на л. 18 (под Авт₃) записью: «Мир опустел... < > куда бы». Из девяти строф Авт₃ во вторую редакцию стихотворения, представленную Авт₄ и печатным текстом, вошли в доработанном виде первая, вторая, седьмая, восьмая и девятая (ст. 31—50 основного текста). При этом девятая строфа чернового автографа (ст. 47—50 основного текста) первоначально не была использована при создании Авт₄ и лишь затем была вписана на его левом поле. Приступая к работе над Авт₄, Пушкин, видимо, предполагал переписать стихотворение набело, однако внес в него большую правку, и поэтому рукопись не была отправлена в Москву для публикации.

Вопрос о публикации ст. 51—54 имеет дискуссионный характер. Пропущенные в прижизненных публикациях строки постепенно становились известны в печати. Последние три стиха этого фрагмента были впервые по неизвестной копии напечатаны А. Н. Афанасьевым в 1858 г. без последнего слова в последнем стихе (см. выше), которое в том же году напечатал по другой копии А. Меринский (см. выше). В изданиях Г. Н. Геннади пропущенные строки были введены в основной текст стихотворения (ст. 51—52 напечатаны по Ст 1826, а следующие три стиха (без последнего слова) — по неизвестной копии) (см.: Генн. 1859. Т. 1. С. 287—288; Генн. 1869—71. Т. 1. С. 274—275). Аналогичное решение принял располагавший другой копией П. А. Ефремов (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 454; Ефр. 1882. Т. 1. С. 416). В 1884 г. последние два стиха данного фрагмента были впервые напечатаны В. Е. Якушкиным по Авт₁ (см.: Якушкин. № 7. С. 6 (без учета поправки в предпоследнем стихе)). С учетом этой публикации фрагмент печатался в Ефр. 1887 (Т. 1. С. 335), Мор. 1887 (Т. 1. С. 305), Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 505), Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 351), АН 1900—29 (Т. 3. С. 215), Венг. (Т. 2. С. 212; здесь учтена поправка в предпоследнем стихе фрагмента в Авт₁). С возражениями против подобной практики выступил М. Л. Гофман, настаивая на том, что

ст. 51—54 должны печататься строго по Ст 1829: «Выпуская отдельные места из своих произведений и ставя многоточия, Пушкин мог пользоваться этим многоточием, как поэтическим приемом. Такое впечатление производит многоточие в его обращении к морю, в строфах, посвященных памяти Байрона. (...) Так полновесно и значительно звучит эта строфа в окончательной редакции Пушкина, и в таком виде, без „нелепых прибавлений“, была напечатана она в „Мнемозине“. В изд. 1826 г. Пушкин раскрыл полтора стиха (...) — и от этого добавления строфа проиграла в своей художественной выразительности и полноте, и в следующем издании — 1829 г. — Пушкин опять вернулся к первоначальному виду («Мнемозины»). Такова окончательная творческая воля, окончательное выражение творческого замысла, к которому нечего прибавить. Что же делают авторы-редакторы? Чистовой, окончательной рукописи этой пьесы не сохранилось, но имеется черновик, из которого и берутся 4^{1/2} стиха вместо 3^{1/2} строчек многоточия» (Гофман М. Л. Пушкин : Первая глава науки о Пушкине. 2-е изд. Пб., 1922. С. 69—70). Точка зрения Гофмана не получила поддержки. Оспаривая ее, Г. О. Винокур подчеркивал, что многоточия, проставленные в прижизненных изданиях, представляют собой «несомненный цензурный пропуск», который должен быть восстановлен (Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 14). В КН, во всех изданиях ГИХЛ, в Асад. в 9 т., Акад. в 6 т. и Акад. эдиционная традиция предыдущих изданий не изменялась. После того как в Академию наук СССР была прислана фотокопия Авт₄, который оставался недоступным для редакторов Акад. при подготовке т. 2, пропуск в ст. 51—54 стал восстанавливаться по нему (соответствующие поправки в основной текст стихотворения были внесены в Справочный том Акад.). Публикуя Авт₄, Т. Г. Цявловская заявляла, что «идею стихотворения лучше всего выражал горький афоризм именно в той строфе, которая не могла быть напечатана по цензурным соображениям» (Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения «К морю». С. 192). Однако, анализируя изменения, внесенные по сравнению со Ст 1826 (где после стихов «Мир опустел... Теперь куда же / Меня б ты вынес, океан?») следуют две строки отточий) в Ст 1829 (где после слов «Мир опустел» следуют три с половиной строки отточий), исследовательница отметила, что в последней публикации «пропуск производил впечатление задуманной выразительной паузы, и строфа выглядела поэтичнее» (Там же), повторив таким образом один из тезисов Гофмана. Публикация в Ст 1829 действительно представляет собой случай, когда изменения, вероятно внесенные в текст из цензурных опасений, получили художественное выражение, в котором следует видеть творческую волю поэта. «Горький афоризм» с его однозначной публицистической заостренностью вполне мог показаться Пушкину ко времени подготовки Ст 1829 выпадающим из общей стилистики произведения. Настоящее издание следует тексту последней прижизненной публикации стихотворения, а фрагмент, соответствующий ст. 51—54 в Авт₁ и Авт₄, приводится в разделе «Другие редакции и варианты» (наст. т., с. 172, 173, 180, 181).

Стихотворение широко разошлось в списках, в которых варьировался этот не вошедший в прижизненные печатные издания фрагмент. Последний стих фрагмента имел в копиях множество вариантов, по замечанию Н. О. Лернера, «революционизировавших» текст (Венг. Т. 3. С. 514) (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 182—183).

Первая редакция стихотворения носила чисто лирический характер и развивала тему прощания с морем. «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть —

журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства», — писал Пушкин В. Ф. Вяземской в конце октября 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 114, 532; оригинал по-фр.). Добавление строф о Наполеоне и Байроне и строфы «Мир опустел...» привело к созданию второй редакции и сообщило произведению философское и политическое звучание.

Решение перенести четыре из девяти дополнительных строф в стихотворение «Наполеон», вероятно, было продиктовано желанием Пушкина устранить несоразмерность частей, посвященных Наполеону и Байрону: в черновой версии последняя получалась значительно меньшей по объему (см.: *Измайлов Н. В.* Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю». С. 28). Убедительное предположение Измайлова подтверждается тем, что Пушкин характеризовал свое произведение в письме к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г. как «помянутое» Байрона (см. выше). Дополнительная причина могла быть связана со стремлением Пушкина сохранить элегический характер стихотворения (ср.: *Rothe H.* *Puſkin und Napoléon // Arion : Jahrbuch der Deutschen Puschkin- Gesellschaft. Bonn, 1992. Bd 2. S. 166*).

Появление строф о Байроне явилось откликом Пушкина на смерть английского поэта, который 19 апреля 1824 г. скончался от лихорадки в лагере греческих повстанцев, где командовал одним из отрядов, боровшихся за независимость от турецкого владычества. В русской печати сообщение о смерти Байрона (правда, с ошибкой в дате) появилось 23 мая 1824 г. (см.: *Летопись 1999. Т. 1. С. 400, 512*). Существует предположение, что Пушкин мог узнать об этом событии 7 июня 1824 г. от приехавшей в Одессу В. Ф. Вяземской (см.: *Пушкин А. С.* *Дневники. Записки.* СПб., 1995. С. 251, коммент. Я. Л. Левкович), хотя во французских газетах, которые поэт мог читать в Одессе, известие о смерти Байрона появилось в конце мая 1824 г. (см.: *Чижевский Д.* «Морю», стихотворение Пушкина. С. 26). Сохранилась запись Пушкина на внутренней стороне форзаца переплета рабочей тетради ПД 835: «1824 19/7 avr(il) mort de Byron» <1824 19/7 апр(еля) смерть Байрона. — фр.) (Рукою П. 1997. С. 238).

В пушкинском окружении ждали его стихов, посвященных смерти Байрона. Надежда на их появление звучала в письмах А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, Д. В. Дашкова (письмо последнего к Вяземскому от 24 июня 1824 г. — см.: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 46). «Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину, — писал Вяземский Тургеневу 26 мая 1824 г. — Вот случай Жуковскому! (...) Надеюсь и на Пушкина» (ОА. Т. 3. С. 48—49). Тургенев отвечал Вяземскому 3 июня: «...смерть его в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем» (Там же. С. 51). Вяземский в письме к жене от 6 июня просил ее «заставить» Пушкина «тотчас писать на смерть Байрона» (ОА. Т. 5, вып. 1. С. 11). 16 июня он снова напомнил ей: «Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Байрону» (Там же. С. 15). 21 июня Вяземский вернулся к той же теме уже в связи с собственными замыслами: «Пускай он мне пришлет скорее стихи на смерть Байрона; я и сам хочу прозою написать о том же. Вместе напечатает!» (Там же. С. 17). Между тем 24—25 июня 1824 г. Пушкин отправил Вяземскому письмо, свидетельствующее о том, как изменилось его первоначальное восприятие Байрона: «...тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и „Каина“, он уж не тот пламенный демон, который создал „Гяура“ и „Чильд Гарольда“. (...) Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он

вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-ой песни „Child-Harold” Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом». Далее следует скептический отзыв о событиях в Греции: «...Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменял свое мнение, приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился. (...) Обещаю тебе, однако ж, вирши на смерть его превосходительства» (Акад. Т. 13. С. 99). 27 июня 1824 г., т. е. почти в те же дни, когда было дано это обещание, В. Ф. Вяземская сообщила мужу: «Пушкин ни за что не хочет писать на смерть Байрона; мне кажется, что он слишком занят и главное слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего „Онегина”...» (ОА. Т. 5, вып. 2. С. 112, оригинал по-фр.). 4 июля она писала о том же: «Не говори ему о Байроне раньше, чем он кончит своего „Онегина”; он ничего не сделает, даже если и обещает тебе» (Там же. С. 115, оригинал по-фр.). В письме к жене от 6 июля 1824 г. Вяземский все еще спрашивал: «Что же Байрон?» (ОА. Т. 5, вып. 1. С. 26).

9 сентября 1824 г. Вяземский писал Жуковскому: «Что ты делаешь, злодей? Я не могу простить тебе твое молчание о Байроне. (...) у нас один Кюхельбекер провыл на его могиле. А от тебя и Пушкина не мог и добиться. Странные вы люди. Да будь я поэт, а не стихотворец, то я почти обрадовался бы смерти Байрона, как поэтическому кладу, брошенному с неба на прозаическую лошину нашего сухого века. (...) Наполеон на скале св. Елены и Байрон в Миссолунги! Вот два поэтические фараоса, которые освещают нашу глубокую ночь. Тут есть какая-то религиозная таинственность, т. е. религии не поповской, а той, которая была составлена из философии и поэзии. В их смерти отзывается что-то такое смертию Эдипа. Прах сих двух великих людей должен был быть принят девственною землею, еще чистою от прикосновения того, что может назваться *гнилью европейскою*» (цит. по: Вяземский П. П. Александр Сергеевич Пушкин : 1816—1825 : По документам Остафьевского архива СПб., [1880]. С. 60—61). Неизвестно, был ли Пушкин знаком с этим рассуждением, но дополнительные строфы, создание которых привело к возникновению второй редакции стихотворения, удивительно близки к поэтической программе, изложенной Вяземским. Именно ему, активнее всех требовавшему от Пушкина стихов на смерть Байрона, было послано стихотворение «К морю».

Наполеон и Байрон соотнесены Пушкиным по масштабу их личностей и по их месту в общественном сознании эпохи. Сближение этих двух фигур имело реальные основания. Великий полководец и великий поэт, каждый по-своему, могли по праву считаться «властителями дум» своего поколения. Параллель поддерживалась тем обстоятельством, что Наполеон, с его культом индивидуализма и исключительности, презрением к обществу, пылким и мрачным характером, очень походил на байронического героя. В свою очередь некоторые герои Байрона так напоминали Наполеона, что читатели усматривали прямые аналогии. Об этом Пушкин писал в статье «О трагедии Олина „Корсер”» (1828): «„Корсар” (Байрона. — Ред.) неизмерным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая

другой. По крайней мере анг⟨лийские⟩ критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его соданиях и которое наконец принял он сам на себя в Ч⟨айльд⟩ Гар⟨ольде⟩. Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения: [сближение себя] с Наполеоном нравилось его самолюбию» (Акад. Т. 11. С. 64). Личность Наполеона неизменно занимала Байрона, посвятившего этому герою несколько стихотворений (см. примеч. Е. О. Ларионовой к стихотворению «Наполеон» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 650—653; о том, как менялась в творчестве Пушкина второй половины 1810-х—первой половины 1820-х гг. поэтическая концепция личности Наполеона см. там же).

В России смерть Байрона вызвала несколько поэтических откликов, появившихся в печати, когда стихотворение «К морю» уже было отослано в Петербург для публикации: «Смерть Байрона» В. К. Кюхельбекера (опубл. в октябре 1824 г. в 3-й части «Мнемозины»), «Байрон» И. И. Козлова (НЛ. 1824. Кн. 10. № 12), «Байрон (Отрывок)» П. А. Вяземского (завершено осенью 1825 г.; опубл.: МТ. 1827. Ч. 13. № 2. Отд. II), «На смерть Байрона» К. Ф. Рыльева (1824; опубл. 1828) и «⟨Четыре отрывка из неоконченного пролога „Смерть Байрона“⟩» Д. В. Веневитинова (1825; опубл. 1829). В стихотворении Кюхельбекера Пушкину, сидящему над бурными морскими волнами, является тень великого Байрона. Поскольку оно было напечатано в «Мнемозине» значительно раньше, чем пушкинское «К морю», эти два текста могли восприниматься читателями как обращенный к Пушкину «вызов» и ответ на него (подробнее см. примеч. к «Оде ⟨...⟩ Хвостову», наст. т., с. 670).

Стихотворение «К морю» часто трактуется как свидетельство переломного момента в творческом пути Пушкина: «Прощание с морем является одновременно прощанием с романтизмом» (Томашевский. Пушкин, II. С. 10); «...стихотворение является прощанием с романтическим идеалом, прощанием с байронизмом и культом могучей личности» (Степанов Н. Л. Лирика Пушкина: Очерки и этюды. М., 1959. С. 318; см. также: Маймин Е. А. О теме свободы в романтической лирике Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 217; Слинкина Э. В. Лирическая композиция стихотворения «К морю» // Там же. С. 241). Если по отношению к байронизму и «культу могучей личности» такая трактовка имеет безусловные основания, то концепция «прощания с романтизмом» возникла в сознании исследователей под влиянием общего взгляда на творческую эволюцию Пушкина как движение от романтизма к реализму, якобы заявившему свои права уже при создании «Бориса Годунова», начатого в конце 1824 г. и законченного в 1825 г. Между тем автор называл «Бориса Годунова» «романтической трагедией» (см. его письмо к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 188). Понимая под романтизмом свободу от следования античным и классицистическим образцам, Пушкин вовсе не предполагал в 1824 г. отказываться от него или «прощаться» с ним. Ср. точку зрения Д. Д. Благого, писавшего: «Стихотворение „К морю“ еще насквозь романтично. Романтична тема одиночества поэта в „опустелом мире“. Романтичны горькие строки о „судьбе людей“...» (Благой, I. С. 395; впрочем, Благой разделял общую уверенность в том, что Пушкин движется к реализму, и только иначе проводил границу между романтическим и реалистическим периодами его творчества).

Пушкин, по-видимому, ощущал некоторую жанровую неопределенность своего произведения. В связи с подготовкой Ст 1826 он писал брату 27 марта 1825 г.: «Думаю, что „Посл⟨ание⟩ к Ов⟨идию⟩“, „Вчера был день...“ и „Море“ могут быть раз-

нообразия ради помещены в Элегиях...» (Акад. Т. 13. С. 158; показательна в данном случае оговорка «разнообразия ради»). Элегическая традиция дает себя знать и в общей тональности текста, и в трансформации конкретных впечатлений в обобщающий план (см.: Грехнёв В. А. Лирика Пушкина. Горький, 1985. С. 139). Переплетение личной темы с философскими и историческими мотивами характерно для исторических элегий К. Н. Батюшкова («Переход через Рейн» (1814), «На развалинах замка в Швеции» (1814)) (см.: Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. С. 323). Указывалась также близость образного и лексического строя пушкинского стихотворения к «Водопаду» Баратынского (см.: Чижевский Д. «Морю», стихотворение Пушкина. С. 22). Ср.:

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Музыку важную твою.

(Соревн. 1821.
Ч. 15. № 7. С. 90)

Н. Л. Степанов отмечал, что на общем элегическом фоне пушкинского текста проявляются жанровые признаки оды: ораторский пафос, возвышенно-патетическая декламация и архаизмы (Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. С. 323—325). В целом, однако, элегическая тональность осталась доминирующей.

Высказывалось мнение, что Пушкин, как и Байрон, представляет море свободной и неукротимой стихией, но вносит отсутствующий у Байрона лирический мотив дружеской, доверительной связи с морем (см.: Пол. Т. 1. С. 154—155). Н. О. Лернер (см.: Венг. Т. 3. С. 516) считал, что отмеченный лирический мотив стихотворения Пушкина отдаленно напоминает элегию А. Ламартина (Lamartine; 1790—1869) «Прощание с морем» («Adieux à la mer», 1820—1822) (см. также: Сандлер С. Далекие радости : Александр Пушкин и творчество изгнания. СПб., 1999. С. 59, 61), но, по мнению Д. Чижевского, Ламартин лишь повторяет в ослабленном виде морские мотивы байроновского «Чайльд Гарольда» (см.: Чижевский Д. «Морю», стихотворение Пушкина. С. 20, 24—25). Отдаленную переключку с элегией Ламартина можно видеть в пятой строфе пушкинского стихотворения. Ср.:

Aussi libre que la pensée,
Tu brises le vaisseau des rois,
Et dans ta colère insensée,
Fidèle au dieu qui t'a lancée,
Tu ne t'arrêtes qu'à sa voix

⟨Столь же свободное, как мысль, / Ты разбиваешь королевский корабль / И в своей безрассудной ярости, / Верное вздымающему тебя Богу, / Ты замираешь, лишь подчиняясь его голосу — фр.⟩ (Lamartine A.-M.-L. de. Nouvelles Méditations poétiques. Paris, 1823. P. 137).

Первые отклики на стихотворение появились в дружеской переписке еще до того, как оно было напечатано. 27 октября 1824 г. Вяземский сообщил А. И. Тургеневу: «Пушкин прислал мне прелестные стихи: „Прощание с морем“. Жена их спит для тебя, хотя ты того и не стоишь...» (ОА. Т. 3. С. 87). Познакомившись с текстом, Тургенев 6 ноября 1824 г. писал В. Ф. Вяземской: «Ah! Quels vers! ⟨Ах! Какие стихи! — фр.⟩ Глубок, могущ и мрачен ... неукротим!» (Там же. С. 91),

а с братом Николаем делился соображениями о цензурных трудностях, неминуемых при публикации стихотворения: «Постараюсь прислать его послание к морю. Прелесть; но долго, долго останется в его портфеле» (цит. по: *Шебунин А. Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // П. Врем. [Т.] 1. С. 200). В тот же день Вяземский писал Пушкину: «Твое Море прелестно! Я затвердил его наизусть тотчас, а это по мне великая примета. Вообще стихи потеряли для меня это очарование, это *очаровательство* невыразимое. Прежде стихи действовали на меня почти физически, щекотали чувства, *les sens*; теперь надобно им задевать струны моего ума и сокровенные струны души, чтобы отозваться во мне. Ты играешь на мне на старый лад. Спасибо, мой милый виртуоз!» (Акад. Т. 13. С. 117).

По инициативе цензора И. М. Снегирева, которому Кюхельбекер, готовивший к печати четвертую часть альманаха «Мнемозина», передал копию стихотворения, оно было прочитано в доме генерала А. А. Писарева, писателя и члена Российской академии, в присутствии Н. А. Полевого, П. И. Шаликова и профессора Московского университета Д. Е. Василевского (см. дневниковую запись И. М. Снегирева от 19 ноября 1824 г. — РА. 1902. Кн. 2. № 8. С. 535). Очевидно, тринадцатая строфа была представлена в этой копии в том виде, в каком она затем появилась в «Мнемозине» (см.: *Цявловская Т. Г.* Автограф стихотворения «К морю». С. 192—193).

Н. А. Полевой в напечатанной без подписи статье «Толки о „Евгении Онегине“, соч. А. С. Пушкина» (МТ. 1825. Ч. 4. № 15. Особенности прибавления. С. 8, 3-я паг.; П. в критике, I. С. 274) назвал «Прощанье с морем» в числе «собственных незанятых приобретений» Пушкина, т. е. произведений, в которых он выступает не как подражатель, но как творец (Полевой указал то название стихотворения, которое сообщил Вяземский, анонсируя в «Московском телеграфе» (1825. Ч. 1. № 1) публикацию в «Мнемозине» (см. выше)). Близкую оценку Полевой повторил в 1833 г., включив в статье «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» стихотворение «К морю» в число «отличительных созданий Пушкина»: «Посмотрите, как благородно, величественно преклоняется поэт перед тенями двух великанов современных — *Наполеона* и *Байрона...*», — писал критик. «Еще до сих пор на могиле великого человека (речь идет о Наполеоне. — *Ред.*) раздаются вопли близорукое мщеница; мнимое усердие к отечеству до сих пор бросает еще грязью в незыблемый истукан бессмертного (...) А Пушкин, в самые минуты Наполеоновой кончины, смело говорил ему, угадывая голос потомства и бессмертия Наполеона...»; далее цитируется ода «Наполеон» (1821) (МТ. 1833. Ч. 49. № 1. С. 141, 142—143; П. в критике, III. С. 211—212). В. В. Измайлов в «Кратком обозрении 1826 года», отзываясь об издании Ст 1826, писал о стихотворении «К морю»: «Какими живыми, пламенными красками изображает Пушкин и море, и соперника своего Байрона, и соперника всех веков Наполеона!» (Литературный музей на 1827 год. М., 1827. С. 26; П. в критике, I. С. 314). Н. И. Надеждин в статье «О высоком» указал на стихотворение «К морю» как на пример «мастерского очерка» «бурного гения Байронова, брошенного не всегда шаловливую кистию нашего Пушкина» (ВЕ. 1829. № 4. С. 317). Не все отклики, однако, были исключительно восторженными. Рецензент «Дамского журнала», весьма придирчиво анализируя стихотворение Вяземского «Байрон (Отрывок)», в заключение своего разбора писал, что Пушкин «грозна и величественно изобразил неукротимый гений Байронов», но «представил только внешнюю сторону поэта-исполина, а кн. Вяземский проник в самую глубину мрачной души Байроновой, где таилась *всемогущая, независимая мысль*» (ДЖ. 1827.

Ч. 18. № 8. С. 108—109). В дальнейшем стихотворение неизменно упоминалось критиками среди пушкинских лирических шедевров.

Прозаический перевод стихотворения на французский язык хранится в архиве Э. А. Волконской (РГАЛИ, ф. 172, ед. хр. 429, л. 28; см.: *Теребенина Р. Е.* Пушкин и Э. А. Волконская // РЛ. 1975. № 2. С. 142).

Стихотворение положено на музыку Н. С. Титовым (1832).

Ст. 12. *Заветным умыслом томим!* — Речь идет о планах побега Пушкина из России (см.: *Цявловский М. А.* Тоска по чужбине у Пушкина // *Цявловский.* Статьи. С. 131—156). Еще в Кишиневе в конце 1822—начале 1823 г. Пушкин пытался получить отпуск в Петербург. В прошении на имя министра иностранных дел гр. К. В. Нессельроде от 13 января 1823 г. он писал: «...я не могу без особого разрешения приехать в Петербург, куда меня призывают дела моего семейства, с коим я не виделся уже три года» (Акад. Т. 13. С. 55, 525, оригинал по-фр.). (Другим чиновникам для получения отпуска было достаточно разрешения их непосредственного начальника). 21 февраля 1823 г. Нессельроде докладывал о прошении Пушкина Александру I и завизировал отказ императора (см.: *Документы к биографии. 1799—1829.* С. 403). Потерпев неудачу на официальном пути, Пушкин начал обдумывать иные, нелегальные возможности освобождения. В январе (после 12-го)—начале февраля 1824 г. он писал брату: «Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича (т. е. Александра I. — *Ред.*) о своем отпуске через его министров — и два раза воспоследовал всемилостивейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя {...} не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж» (Акад. Т. 13. С. 85—86). Ср. в строфе L первой главы «Евгения Онегина»: «Придет ли час моей свободы? / Пора, пора! — взываю к ней; / Брожу над морем, жду погоды, / Маню ветрила кораблей» (Акад. Т. 6. С. 25—26). См. также стихотворение «Узник» (1822). Незадолго до высылки из Одессы, в последних числах июля 1824 г., Пушкин обдумывал конкретный план бегства из России на каком-нибудь корабле (см.: *Летопись 1999.* Т. 1. С. 423). Главным препятствием для него было отсутствие необходимых средств. Помочь Пушкину взялась В. Ф. Вяземская, которая пыталась достать для него деньги. О ее роли в этом деле упоминается в письмах гр. М. С. Воронцова к А. Я. Булгакову от 24 декабря 1824 г. (см.: *Вейнберг А. Л.* Граф М. С. Воронцов о Пушкине // *Московский пушкинист.* М., 1930. Вып. 2. С. 56) и А. Я. Булгакова к брату К. Я. Булгакову от 12 июня 1825 г. (см.: *Из писем А. Я. Булгакова к брату* // РА. 1901. Кн. 2. № 6. С. 187). Планы побега за границу Пушкин вынашивал и позже, уже в Михайловском (см. примеч. к стихотворению «Презрев и голос(?) укоризны...» — наст. т., с. 957—958).

Ст. 20. *Но ты выиграл, неодолимый...* — Использование в стихотворении грамматических форм мужского рода при обращении к морю, существительному среднего рода, объясняли по-разному. Здесь видели проявление законов романтического поэтического мышления: море для поэта — друг, одушевленное существо, и потому оно не может быть среднего рода (см.: *Маймин Е. А.* О русском романтизме. М., 1975. С. 101—102; *Маймин Е. А., Слинникова Э. В.* Теория и практика литературного анализа. М., 1984. С. 142). Ю. М. Лотман считал, что объяснение можно найти в стихотворении Пушкина ««Из письма к П. А. Вяземскому»» («Так море, древний душегубец...») (1826), где в духе общепринятой символики европейского искусства море олицетворяет бог Нептун: «Седой Нептун Земли союзник» (см.:

Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине // Лотман. Пушкин. С. 342—344). По мнению А. Л. Слонимского, Пушкин говорит о море в мужском роде, «подразумевая океан», который будет упомянут несколькими строками ниже (см.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. 2-е изд. М., 1963. С. 49; океан упомянут в Авт₁, Авт₄ и Ст 1826 (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 172, 181, 182); Слонимский ориентировался на основной текст Акад. — см. о нем выше, с. 509).

Ст. 22 — 26. *Не удалось навек оставить Мне скучный, неподвижный брег ~ Мой поэтический побег.* — Ср. в строфе L первой главы «Евгения Онегина», ст. 5—9, где использованы та же рифма (ср.: «бег—брег», «брег—побег») и эпитет «скучный» с отнесением его к родному берегу:

Под ризой бурь, с волнами спора,
По вольному распутью моря,
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии...

(Акад. Т. 6. С. 26)

Ст. 29 — 30. *Могучей страстью очарован, У берегов остался я.* — Отмечалась возможность двоякого прочтения ст. 29: «Первое: я остался у берегов по своей воле, потому что был очарован могучей страстью, и она оказалась сильнее, чем порыв к тебе. Второе: я был очарован могучей страстью к тебе, и все же остался у берегов — в силу обстоятельств, которые не смог преодолеть. Думается, второе прочтение вернее, его готовит признание „я был окован”» (Никишов Ю. М. Философский аспект послания Пушкина «К морю» // Историко-литературный сб. к 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 108). Первый вариант прочтения определяется главным образом биографическим контекстом, точнее, уверенностью ряда исследователей, что здесь идет речь о Е. К. Воронцовой (см.: Слонимский. Мастерство П. С. 48; Цвяловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 34—35). Ср. точку зрения М. И. Цветаевой: «...могучей страстью — к морю, конечно» (см.: Цветаева М. И. Мой Пушкин. М., 2002. С. 62).

Ст. 35 — 39. *Одна скала, гробница славы ~ Там он почил среди мучений.* — Имеется в виду остров Св. Елены в Тихом океане, где провел последние годы жизни (1815—1821) Наполеон. Этот остров был местом погребения Наполеона до 1839 г., когда его прах перенесли в Париж. В черновых стихах желание Пушкина посетить «гробницу» Наполеона на острове Св. Елены было выражено с большей определенностью (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 175—176).

Ст. 40 — 42. *И вслед за ним, как бури шум, Другой от нас умчался генный, Другой властитель наших дум.* — Речь идет о Байроне. Пушкинская формула «властитель дум» была использована А. И. Полежаевым при переводе первой строки стихотворения А. Ламартина «L'Homme. A Lord Byron» («Человек. К лорду Байрону», 1819): «О ты, таинственный властитель наших дум» (Уралия : Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826]. С. 269; ценз. разр. 26 ноября 1825 г.; выход в свет 7 января 1826 г., см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 114). В тексте Ламартина эта формула соответствия не имеет. Ближе к французскому оригиналу, но также под влиянием пушкинских строк переведены Полежаевым ст. 4—6: «Люблю порыв

твоих печальных песнопений, / Как бури вой, как вихрь, как гром во мраке туч, / Как моря грозный рев, как молний яркий луч» (Урания. С. 269).

Ст. 43. *Исчез, оплаканный свободой...* — Байрон принял непосредственное участие в освободительной борьбе греков. Ср. один из черновых вариантов: «Пред воскресающе(й) свободой» (наст. т., с. 179) и слова из письма Пушкина к Вяземскому от второй половины ноября 1825 г. о гробе Байрона «посреди воскресающей Греции» (Акад. Т. 13. С. 243). Ср.: «Как будто в гробе том свобода / Воскрешей Греции лежит» (Рылеев К. Ф. На смерть Байрона // Рылеев 1971. С. 95—96). Д. В. Дашков в письме к Вяземскому от 24 июня 1824 г. писал: «Смерть Байрона поразила меня точно так же, как Вас; он умер в ту минуту, когда становился в первый раз интересным — как человек. Все, что касается до Греции и до греков, дышит поэзиею сердца» (ЛН. Т. 58. С. 46). Пушкин в это время был уже далек от всеобщего энтузиазма в отношении греков (см. выше). Видимо, именно поэтому, а не из-за цензурных опасений в строфах о Байроне он лишь слегка коснулся греческой темы. К. Ф. Рылеев и В. К. Кюхельбекер в своих одах на смерть Байрона, напротив, отдали этой теме щедрую дань.

Ст. 45. *Шуми, взволнуйся непогодой...* — Ср. в стихотворении «Погасло дневное светило...» (1820): «Шуми, шуми, послушное ветрило, / Волнуйся подо мной, угрюмый океан» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 5; там же см. о русской поэтической традиции, на которую опирается пушкинское обращение к морю, — примеч. С. А. Фомичева к этому стихотворению, с. 509). Отмечая переключку между поэтическими текстами 1820 и 1824 гг., Б. В. Томашевский подчеркивал, что «в лирическом пути Пушкина южного романтического периода первое и последнее стихотворения посвящены морю» (Томашевский. Пушкин, II. С. 10).

Ст. 46. *Он был, о море, твой певец.* — Море воспето во многих произведениях Байрона, в частности, в «Гяуре» («The Giaour», 1813), «Корсаре» («The Corsair», 1814), «Абидосской невесте» («The Bride of Abydos», 1813), в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1817). В России репутация Байрона как певца моря сформировалась уже на раннем этапе знакомства с его творчеством. См., например, в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 17 октября 1819 г.: «Для Байрона океан — та же жизнь: в земной жизни ему тесно, душно» (ОА. Т. 1. С. 330; слова Вяземского служат комментарием к переведенному им пространному обращению к океану из четвертой песни «Чайльд-Гарольда» (строфы 179—180, 184)).

Ст. 47—50. *Твой образ был на нем означен ~ Как ты, ничем неукротим.* — В русских поэтических откликах на смерть Байрона образ английского поэта часто ассоциативно связывается с образами водной стихии: морем, волнами, водопадом (см., например: «Смерть Байрона» В. К. Кюхельбекера, «Байрон» И. И. Козлова, «Смерть Байрона» Д. В. Веневитинова). См.: Чижевский Д. «Морю», стихотворение Пушкина. С. 28—29. Ст. 49 («Как ты могущ, глубок и мрачен») нашел пародийное преломление в «Оде (...) Хвостову» при сравнении адресата «Оды» с Байроном: «Глубок он, но единообразен, / А ты глубок, игрив и разен» (наст. т., с. 44).

Другие редакции и варианты

Правка по тексту первой редакции в беловом автографе Авт₁ (ПД 835, л. 12 об.—13) с учетом второй, позднейшей, вставки. Между 30 и 31А. Судьба земли повсюду та же: Где благ(о), там уже на

страже *Иль Просвещенье иль Тиран...* — Слово «просвещение» Пушкин употреблял как в значении «просвещенность, образованность», так и в значении «цивилизация, культура» (см.: СЯП. Т. 3. С. 836). В данном случае, очевидно, речь идет о цивилизации, которая не существует без обязательных для всех законов, системы принуждения и наказания, и в этом смысле может быть противопоставлена вольности. Ср.: «Презрев оковы просвещенья, / Алеко волен, как они...» («Цыганы» (1824) — Акад. Т. 4. С. 188). В монологах Алеко цивилизованное общество обличается как система порабощения (см.: Благой, I. С. 395). Томашевский считал, что в «Цыганах» «„просвещение” осмысливается как знак социального зла, всех противоречий, какие скопились в современном обществе» (Томашевский. Пушкин, I. С. 620); то же значение слова «просвещенье» ученый усматривал и в данной строфе (Томашевский. Пушкин, II. С. 10). Близкое по смыслу толкование было предложено в Венг. (Т. 3. С. 514, примеч. Н. О. Лернера).

Черновой автограф Автз (ПД 835, л. 18) Ст. 9—24. *(И) ныне остров [заточенья] ~ С улыбкой горькой думал(?) он...* — Эти четыре строфы, перенесенные в стихотворение «Наполеон» (ст. 97—112 — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 58), прокомментированы в примеч. к нему (см. там же, с. 657—658). В одном из первоначальных вариантов ст. 21 названы «Египта, Сирии пустыни». Речь идет о египетском походе Наполеона в мае—октябре 1798 г.

Ст. 32 Г, «б». *Твой сын(?) он(?) < > твой певец...* — Возможный источник — обращение к морю в 184-й строфе IV песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»: «And I have loved thee, Ocean! <...> For I was as it were a child of thee...» *(И я любил тебя, океан! <...> Ибо я был словно твое дитя... — англ.)* (Byron 1898—1904. Vol. 2. P. 461). Ср. во французском переводе: «Je t'ai toujours aimé, Océan! <...> j'étais comme un de tes enfants» (Byron 1820—1822. Т. 3. P. 312). Ср. в прозаическом переводе Вяземского: «О, океан, как я любил тебя! <...> Я себя чувствовал от тебя рожденным...» (ОА. Т. 1. С. 330). С этим переводом, отправленным в письме к А. И. Тургеневу от 17 октября 1819 г., Пушкин мог быть знаком еще в Петербурге. См.: Сандлер С. Далекие радости : Александр Пушкин и творчество изгнания. С. 59. Ср. также обращение к Греции в стихотворении Рылеева «На смерть Бейрона»: «Царица гордая морей! / <...> Твой сын, твой друг и твой поэт, / Увянул Бейрон в цвете лет...» (Рылеев 1971. С. 95—96). Маловероятно, однако, чтобы Пушкин знал это стихотворение до печати.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ

(«На скользком поприще Т<имковского> наследник!..»)

(С. 16 и 183)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 21—22 — черновой, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 8 (варианты отдельных стихов); Акад. Т. 2. С. 912—917 (полностью); публ. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 833, л. 31—32 об. — белой, с поправками. Описки в ст. 9 (слово «разбирая» вместо: «раздирая») и 19 (скобка в конце стиха) исправлены по ходу письма. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 344 (варианты отдельных стихов);

АН 1900—29. Т. 3. С. 234—236 и Примеч. С. 420—421 (публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) ПД 1286, л. 1 об. — белой ст. 30—38, в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Здесь не отражены последние поправки, внесенные в белой автограф ПД 833. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 1. Стб. 142 (публ. П. И. Бартенева).

Копии:

1) Л. С. Пушкина, из собрания П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 9) (ЛП) — под заглавием: «Второе послание Цензору», с несколькими разночтениями с автографом ПД 833 (происхождение разночтений, возможно, объясняется небрежностью копииста или записью некоторых стихов по памяти); последние поправки, внесенные в автограф, не отражены. Напечатано в качестве автографа Пушкина: Мор. 1887. Т. 1. С. 318—320 (в основном корпусе текстов); Майков. Материалы. С. 218—219 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова); напечатано в качестве вариантов копии: Акад. Т. 2. С. 918—919 (публ. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского). Предположение о том, что документ является не пушкинским автографом, а копией, впервые высказано Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 3. С. 526); определение рукописи как копии рукой Л. С. Пушкина см.: Акад. Т. 2. С. 1152, примеч. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского. Воспроизведение (в качестве автографа Пушкина): Рукоп. П. Изд. О. К.

2) Неизвестного, из собрания П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 15) (Н) — с подписью: «Пушкин». Так же как и копия ЛП, некоторое время считалась автографом Пушкина. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 33—35 (в основном корпусе текстов, с цензурными искажениями). В качестве автографа Пушкина напечатано в таких изданиях, как: Ефр. 1880. Т. 1. С. 468—470 (то же в других изданиях Ефр.); Майков. Материалы. С. 215—217 (публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 421 (публ. П. О. Морозова). В качестве вариантов копии напечатано в Акад. Т. 2. С. 918—919 (публ. Н. В. Измайлова, М. А. Цявловского). Воспроизведение (в качестве автографа Пушкина): Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. Т. 3. С. 64/65.

3) Писарская (ПД, ф. 244, оп. 8, № 40, л. 10—11 об.) — с белого автографа, с учетом последнего слоя правки, с отдельными описками и неточностями, с пропуском неразборчивого места в ст. 34 («< > двенадцатого года»), в папке с надписью рукой В. А. Жуковского: «Выключенные переписанные отрывки Пушкина». Датируется 1837—1841 гг. — временем подготовки Посм.

4) Первая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К цензору. 2», с пропуском ст. 8.

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К цензору».

6) Тетр. Тихоцравова (Тих) — под заглавием: «Цензору» и с датой под текстом: «1824».

7) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «Цензору. 2», с пропуском ст. 8 и примечанием: «Примирительное послание. Писано в Михайловском». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 521 (в виде разночтений; публ. М. А. Цявловского).

8) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, к. 42, № 9, л. 37—39) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкининой, под заглавием: «Цензору».

9) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «К нему же <цензору>», с пропуском ст. 8, с историко-литературными примечаниями М. Н. Лонгинова.

10) Тетр. Александрова (Ал) — под заглавием: «Цензору», с пропуском ст. 8, с примечаниями текстологического характера.

11) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Цензору», с пропуском ст. 8.

12) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «Второе послание», ст. 1, 19—20, 30—31, 37—57 (в ст. 57 — только первые три слова).

Копии 4—6 и 9—12 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 918—919 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского).

Впервые: *Федоров Б. М.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. 1844. Т. 16, кн. 31. С. 19, 2-я паг. (ст. 33—34 — вариант, совпадающий с копиями ЛП и Н и автографом ПД 1286); *Майков Л. Н.* Библиографические заметки по русской литературе // Сборник, издаваемый студентами Имп. Петербургского университета. СПб., 1857. Вып. 1. С. 350 (ст. 30—38 по не исправной копии); *Анн. Т. 7.* С. 33—35 (текст, по-видимому, по копии Н с цензурными пропусками ст. 20, 31, 39—56, под искаженным заглавием: «Второе послание к Аристарху») (об этой публикации см.: *Ефр.* 1880. Т. 1. С. 572; *Щеголев П. Е.* И. А. Гончаров — цензор Пушкина // *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 362); *Афанасьев.* Стб. 348 (ст. 31 (исправнее), 39 (первые пять слов), 52—53, 54 (первые три слова) и 55—56; в Акад. публикация ошибочно приписана Е. И. Якушкину — см. об этом: *Порудоминский В. И.* «Я полюбил Пушкина еще больше...» : (Пушкин в «Библиографических записках» : Из писем Афанасьева к Геннади) // *Прометей.* М., 1974. Т. 10. С. 210); *Герб.* С. 79—80, 154 (ст. 20, 39 (полностью), ст. 40—51 и 54 (полностью, но с искажением)). Публикации, дополнявшие текст *Анн.*, вошли в основной текст в изд.: *Генн.* 1869—71. Т. 1. С. 302—304 (с цензурным пропуском ст. 20 и искажением ст. 39). Полностью, по копии ЛП: *Ефр.* 1880. Т. 1. С. 468—470.

В собрание сочинений впервые включено: *Анн. Т. 7.*

Печатается по беловому автографу в тетр. ПД 833. Фамилии И. О. Тимковско-го в ст. 1 и А. С. Шишкова в ст. 32, записанные здесь сокращенно («Т—»; «Ш—»), раскрываются в тексте по черновому автографу, по первоначальной записи ст. 32 в беловом автографе в тетр. ПД 833, по беловому автографу в письме к Вя-земскому, по копиям и по содержанию.

Датируется 2—10 октября 1824 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 835 (на л. 20 дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина»; сверху л. 27 об. дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над поэмой «Цыганы»; подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507). Возможно, около того же времени (т. е. в первой половине октября) был записан беловой автограф на л. 31—32 об. в тетр. ПД 833 (первой половиной октября предположительно датируются и беловые автографы IV и V «Подражаний Корану», расположенные на л. 30 об. и 33 тетради ПД 833, см. примеч. к ним — наст. т., с. 580). Палеографические данные рукописи не позволяют с определенностью выделить слои правки в беловом автографе «Второго послания к цензору», однако достаточно очевидно, что они относятся к разному времени. Часть из них, отразившаяся в копии ЛП, могла быть сделана не позднее начала ноября, когда Л. С. Пушкин уехал из Михайловского. Последний слой поправок, вероятно, вносился после 25 января 1825 г., поскольку он не нашел отражения в написанном в этот день письме к Вя-земскому.

«Цензор», к которому обращены два послания Пушкина (первое из них — «Послание цензору» — было написано в конце июня—начале октября 1822 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 79—81), — собирательный образ, ближайшим прототипом которого стал цензуравший произведения Пушкина Александр Семенович Бируков (1772—1844), служивший в Петербургском цензурном комитете в 1821—1826 гг. (см. о нем примеч. Е. О. Ларионовой к посланию 1822 г. (там же, с. 725), а также примеч. к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» в наст. т., с. 1056—1057). Сам Пушкин в письме к Вяземскому называл свое первое послание «посланием Бирукову» (письмо от 6 февраля 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 57); видимо, это было известно современникам — так, А. Е. Измайлов, познакомившись с «Вторым посланием...», спешил послать список с него именно Бирукову (см. в письме Измайлова к П. Л. Яковлеву от 23 ноября 1825 г.: «Ах! Какое прелестное новое послание написал Пушкин к цензору. Сию минуту посылаю один экземпляр к Бирукову...» (цит. по: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Т. 8. С. 180)).

Отношения с цензурой сильно занимали Пушкина в 1822—1824 гг. в связи с публикацией его произведений в периодике и подготовкой отдельных изданий. Придирки Бирукова при цензуровании «Кавказского пленника» и ряда лирических текстов для альманаха «Полярная звезда» на 1823 г., по-видимому, послужили импульсом к созданию первого «Послания цензору» (см. примеч. к нему — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 723, 725—726), к которому Пушкин в начале 1823 г. отсылал Вяземского, обсуждая, каким образом можно было бы «дельно приняться за Бируковых», чтобы «дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим [мнением] голосом» (письмо от 6 февраля 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 57). На предложение Вяземского «собраться <...> всем и жаловаться на Бируковых» Пушкин смотрел скептически, так как полагал, что «общая жалоба <...> может навлечь <...> ужасные подозрения и причинить большие беспокойства» и что «соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее» (письмо от марта 1823 г. — Там же. С. 59). В переписке 1823 г., касающейся издательских планов, Пушкин настойчиво подчеркивал, что опасается цензурных запретов, которые не позволяют ему «жить пером» (письмо к Л. С. Пушкину от 25 августа 1823 г. — Там же. С. 67) и рассчитывать на публикацию новых и перепечатку старых произведений. Так, 13 мая этого года он спрашивал Н. И. Гнедича в связи с намерением выпустить второе издание «Руслана и Людмилы»: «Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз „Руслана“, нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришествию? Заменить же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен» (Там же. С. 62). 14 октября 1823 г., обсуждая с П. А. Вяземским второе издание «Кавказского пленника», Пушкин писал ему по поводу стихов «Не много радостных ночей / Судьба на долю ей послала!»: «Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать ей дней в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала*. То ли дело. *Ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов имено противны духу нашей цензуры? Бируков добрый мальй, уговори его или я сягу» (Там же. С. 69). С просьбой «вновь осадить цензуру», чтобы «со второго приступа овладеть <...> Анфологией» (т. е. «элегическими отрывками», которые были присланы Пушкиным для «Полярной звезды» на 1822 г. и не были пропущены цензурой; скорее всего, это были стихотворения «Нереида» и «Редет облаков летучая гряда...» —

см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 536, 726), Пушкин обращался к А. А. Бестужеву в письме от 13 июня 1823 г. (Акад. Т. 13. С. 64; ср. также более поздние напоминания издателю «Полярной звезды» о сложных «отношениях с цензурой» в письме от 8 февраля 1824 г. — Там же. С. 88). Ссылки на неизбежные цензурные сложности неоднократно возникали при обсуждении еще не напечатанных поэм «Братья разбойники» (см. в цитированном майском письме Гнедичу: «...есть у меня готовая поэма, да № цензура» — Там же. С. 62) и «Бахчисарайский фонтан» («Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня <...> сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание» (письмо к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. — Там же. С. 73)). Наконец, ранние упоминания о работе над «Евгением Онегиным» в письмах осени 1823—весны 1824 г. постоянно сопровождались высказываниями о невозможности публикации при «нынешней цензуре»: «...я теперь пишу не роман, а роман в стихах <...> В роде „Дон-Жуана“ — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать...» (Там же); «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-пёльзя. Бируков ее не увидит за то, что он фидитя, блажной дитя» (письмо к А. А. Дельвигу от 16 ноября 1823 г. — Там же. С. 75); «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (письмо к Бестужеву от 8 февраля 1824 г. — Там же. С. 88); «Слѣнии предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. <...> Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтѣб напечатать „Онегина“, я в состоянии — — — т. е. или рыбку съесть, или на хуй сестъ» (письмо к Вяземскому от начала апреля 1824 г. — Там же. С. 92; ПД 1275, л. 2).

На этом фоне неудивительно, что Пушкин проявил живой интерес к переменам в ведавшем цензурными делами Министерстве духовных дел и народного просвещения. Его глава, князь А. Н. Голицын (см. о нем примеч. к ст. 39—42 и 44), 15 мая 1824 г. был оправлен в отставку, само министерство расформировано, а на должность министра народного просвещения и главы цензурного ведомства назначен адмирал А. С. Шишков (1754—1841), неоднократно выступавший с критикой голицынской цензурной и религиозной политики. Отставка Голицына, известного своей склонностью к мистицизму и покровительством одиозным «гасильникам просвещения» вроде М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича (см. о них примеч. к ст. 45—46 и 47—48, а также примеч. А. И. Роговой к стихотворению «(На кн. А. Н. Голицына)» («Вот Хвостовой покровитель...») (1824) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 807), вселяла надежды на перемены в цензурной практике, которая в последние годы голицынского министерства неоднократно вызывала возмущение литераторов и публичные скандалы из-за чрезмерной придирчивости цензоров — прежде всего Бирукова и А. И. Красовского (см. о нем примеч. к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (1824) — наст. т., с. 1054—1055, 1057) — к словам, которые можно было трактовать как относящиеся к религиозной сфере (см. примеч. к ст. 16—20, а также к «Посланию цензору» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 724—725). 13 июня 1824 г. Пушкин писал брату Льву: «С переменою министерства, ожидаю и перемены цензуры. <...> Бируков и Красовской не в терпеж были глупы [и] своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он „Бахчис(арайский) Фонтан“ из уважения к святыни Академического словаря и неблазно составленному сло-

ву водомет? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью „Онегина”. Авось пролезем» (Акад. Т. 13. С. 97—98; ср. сходное высказывание по поводу первой главы романа в письме к Вяземскому от 7 июня 1824 г.: «Авось с переменной министерства она и напечатается» — Там же. С. 97). С другой стороны, уже в письме к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. Пушкин рассуждал о «перемене министерства» более скептически: «...я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*. (...) А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные, [и] что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню говном» (Там же. С. 99—100; ПД 1277, л. 2—2 об.).

К осени 1824 г., времени создания «Второго послания к цензору», стало ясно, что надежды, связанные с назначением Шишкова, оправдываются лишь в незначительной мере — ср. в письме Пушкина к Бестужеву от 29 июня 1824 г.: «...я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом по-старому» (Там же. С. 101). Никто из одиозных цензоров голицынской эпохи — ни Бируков, ни Красовский — не был отстранен от должности (ср. ст. 54—56), хотя Бируков, как и третий цензор Петербургского комитета К. К. фон Поль (см. о нем: Цензоры Российской империи : Конец XVIII—начало XX века : Библиографический справочник. СПб., 2013. С. 295), находился в это время под следствием по «делу Госснера» за пропуск в печать перевода книги «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете», разбирательство вокруг которого привело к отставке Голицына (о «деле Госснера» см. примеч. к стихотворению «〈На кн. А. Н. Голицына〉» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 806). В письме к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г. Пушкин продолжал сетовать на необходимость «писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (Акад. Т. 13. С. 111).

Тем не менее характер цензурной политики изменился. Чисто литературные, в том числе лексико-стилистические претензии, памятные современникам по громким делам вокруг «Замка Смальгольм» В. А. Жуковского (1822; см.: Жуковский. ПСС. Т. 3. С. 386—387, примеч. Э. М. Жилаковой) или «Стансов к Элизе» В. Н. Олина (см. примеч. к ст. 16—20), стали редкостью. Основные запретительные циркуляры, вышедшие в первый год министерской деятельности Шишкова, преследовали цель ограничить распространение ведомственных и внутриполитических сведений. Так, в течение 1824—начала 1825 г. было запрещено печатать «отдельные помещичьи уставы, непосредственно до управления крестьян относящиеся»; сочинения служащих чиновников, в которых заключаются какие-либо сведения, «касающиеся до внешних или внутренних отношений Российского государства»; сведения о военных поселениях, «кроме тех статей, которые будут сообщены именно от гр. Аракчеева» (Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры : (1700—1863 г.). СПб., 1892. С. 211); статьи о «происходящих торжествах в ученых и учебных заведениях (...) ученых обществах, подведомственных Министерству Народного Просвещения без предварительного разрешения сего Министерства» (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 442, л. 16—17); сведения о Российско-Американской компании без ее разрешения (там же, № 443) и т. д. Кроме того, было запрещено отмечать многоточиями места цензурных изъятий, а также печатать книги не в том учебном

округе, в котором было получено цензурное разрешение на публикацию. Подробнее см.: *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 29—30; *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: В 2 т. М., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 100—101; РГИА, ф. 777, оп. 1, № 442). По общему мнению историков цензуры, в первое время министерской деятельности Шишкова «строгость цензуры немедленно и значительно усилилась» (*Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. С. 29), и «чугунный» цензурный устав 1826 г., принятый уже в царствование Николая I, был закономерным продолжением той политики, которую Шишков начал проводить, заняв должность министра народного просвещения.

С другой стороны, изменение направления цензурного внимания, разрешение к публикации ряда прежде запрещенных произведений (см.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. С. 210—211), по-видимому, давали основание говорить о некотором «оживлении» собственно литературного поля. Ср., например, отзыв Измайлова в письме к П. Л. Яковлеву от 19 декабря 1824 г.: «Я дал Аладьину (издателю «Невского альманаха». — *Ред.*) кучу старинных, забракованных цензорами пиес, в том числе довольно изрядных и даже хороших. Почти все одобрены к напечатанию!! Вот как все со временем переменяется...» (цит. по: *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. С. 166). Поздней весной — в начале лета 1825 г. Пушкин в письме к Бестужеву пенял критику «Полярной звезды», что тот «умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынешний год и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же как не ему обязаны мы нашим оживлением?» (Акад. Т. 13. С. 180).

Пушкинское послание, ироничное по отношению к цензорам, беспощадно-сатирическое по отношению к Голицыну и его сподвижникам и подчеркнуто комплиментарное по отношению к Шишкову, очевидно, имело сложную литературную прагматику. По всей видимости, текст был увезен из Михайловского Л. С. Пушкиным (вероятно, таково происхождение списка, выполненного его рукой) вместе с первой главой «Евгения Онегина» в начале ноября 1824 г. и был рассчитан на распространение в литературных кругах, о чем косвенно свидетельствует вопрос Пушкина в письме к Вяземскому от 25 января 1825 г.: «Знаешь ты мое „Второе послание цензору“?» (Акад. Т. 13. С. 135; ср. также более позднее упоминание о тексте послания в письме Измайлова к П. Л. Яковлеву (см. выше)). Пушкин, вероятно, предполагал, что послание станет известно Шишкову, участие которого ему продолжало казаться важным в связи с планами публикации первой главы «Онегина» (см.: Венг. Т. 3. С. 527, примеч. Н. О. Лернера; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 98—108). Намек на это можно видеть в цитированном письме к Вяземскому от 25 января 1825 г.: «„Онегин“ печатается; <...> не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое „Второе послание цензору“? Там между прочим (следуют ст. 30—38. — *Ред.*). Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове, tempora altri! <другие времена! — *лат.*> вот почему я не решился по твоему совету к нему прибегнуть в деле своем с Ольдекопом. В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливого Красовского» (Акад. Т. 13. С. 135—136; Е. И. Ольдекоп в 1824 г. выпустил контрафактное издание поэмы «Кавказский пленник»). Из дневника К. С. Сербиновича известно, что в конце декабря 1824 г. Шишков интересовался текстом первой

главы романа в стихах («Ал. Сем. <Шишков> спросил меня: читал ли я „Онегина“?» — запись от 25 декабря), которая была ему прочитана В. А. Жуковским 28 декабря («Был В. А. Жуковский и читал А. С. <Шишкову> „Онегина“») — см.: Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. В. С. Нечаевой // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 250. Примечательно, что тем же 28 декабря датируется поступление рукописи «Онегина», объемом в 51 страницу, в Петербургский цензурный комитет (РГИА, ф. 777, оп. 27, № 190, л. 50 об.—51), а 29 декабря — цензурное разрешение на публикацию, подписанное Бируковым (отметим, однако, что в книге рукописей, представленных в Петербургский цензурный комитет в 1824 г., запись о поступлении первой главы «Онегина» располагается не на своем хронологическом месте, а между записями о поступлениях 29 и 31 декабря, что может свидетельствовать о чуть более позднем представлении рукописи, вероятно состоявшемся после одобрения ее Шишковым).

Оба пушкинских послания к цензору принадлежат к традиции написанных александровским стихом металитературных посланий, восходящих к французским переводам «Науки поэзии» Горация («Послание к Пизонам») и посланиям Н. Буало, а на русской почве к эпистолам А. П. Сумарокова «О стихотворстве» и «О русском языке» (1747). В 1822—1824 гг. эта традиция оказалась актуализирована в литературных полемиках о статусе и «направлениях» современной поэзии — ср. «Век Елизаветы и Екатерины (Отрывок из послания к Державину)» В. И. Туманского (1823) (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 265—267, 728—729, примеч. В. Э. Вацуро), и в особенности два послания Баратынского к Гнедичу («Души признательной всегдашний властелин...» (1822—1823, ранняя редакция) и «Так! для отрадных чувств еще я не погиб...», 1823), а также его послание «Богдановичу» (1824) (см.: Боратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 11—16, 45—47, 72—75), реминисценции из которых Пушкин вводит в комментируемый текст (см. примеч. к ст. 39—42 и 45—46).

Кроме того, одним из жанровых образцов для «Второго послания к цензору» могло послужить сочинение Вольтера «Послание к королю Дании Христиану VII о свободе печати, дарованной в его государстве» («Au roi de Danemark, Christian VII, sur la liberté de la presse, accordée dans tous ses états», 1771), порицающее цензуру и описывающее благотворные последствия ее отмены для литературы и книгоиздания. Об известности этого послания в России свидетельствует ссылка на него в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790; глава «Торжок»), а также французский эпиграф из него, предпосланный Батюшковым «Посланию к стихам моим» (Новости русской литературы. 1805. Ч. 13. № 1. С. 61—64); см. также: Вольтер в России : Библиографический указатель : 1735—1995. М., 1995. С. 154, 213, 216.

П. В. Анненков называл послания Пушкина к цензору «образцовыми произведениями нашей литературы, столько же по своей эпиграмматической соли, сколько и еще более по общественному, гражданскому смыслу своему, по обдуманной защите интересов слова, мысли и разума, в приложении их к тогдашнему русскому быту» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 297—298).

Ст. 1. *На скользком поприще Т<имковского> наследник!* — Иван Осипович Тимковский (1768—1837) — петербургский цензор, занимавший эту должность в течение почти 17 лет (с 24 сентября 1804 г. по 26 ноября 1821 г.) и вышедший в отставку вскоре после прихода в цензурный комитет А. С. Бирукова (в долж-

ности цензора с 2 апреля 1821 г.). В строгом смысле «наследником» Тимковского, занявшим его место в Петербургском цензурном комитете, был другой сотрудник этого ведомства — А. И. Красовский (назначен цензором 26 ноября 1821 г. одновременно с увольнением Тимковского), успевший к 1824 г. приобрести еще более одиозную репутацию, чем Бируков (сведения о датах вступления в должность всех трех цензоров см.: Цензоры Российской империи. С. 99, 212, 346).

Тимковский, цензуравший многие произведения Пушкина, был упомянут в стихотворениях «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...») (1821) и «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (1824) (авторство Пушкина проблематично — см. наст. т., с. 1054); в последней эпиграмме, так же как и в комментируемом послании, Тимковский выведен предшественником Бирукова и Красовского. В то же время репутация Тимковского в эпоху его служебной деятельности (в частности, во второй половине 1810-х—1820 гг.) не была столь негативной, как это предполагает упоминание его имени в общем ряду с Красовским и Бируковым (подробнее об этом см. в примеч. к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» — наст. т., с. 1056).

Ст. 2 — 8. *Позволь обнять себя, мой прежний собеседник ~ Но извини меня: мне было невтерпез.* — Речь идет о «Послании цензору» 1822 г. В ст. 7 — реминисценция из «Послания к Т(ургеневу) с пирогом» (1820) П. А. Вяземского, в котором поэт говорит о воображаемом сотрапезнике: «Пусть ⟨...⟩ в свой черед бахнет прихотью жажды / И языка болтливого свербежь» (СО. 1820. Ч. 59. № 4. С. 176—177; см.: Виноградов. Язык П. С. 420). Вопреки всем нормативным указаниям эпохи (см.: Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5. Стб. 351; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 6. Стб. 49; Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 4. С. 97), Пушкин употребляет слово «свербежь» в женском роде, что, судя по узусу, было допустимо (см., например: Шлегель [Ф. И.]. Краткое обозрение истинной истории венерической заразы... М., 1823. С. 19, 34 и др.; Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1836. Ч. 1. С. 90; в случае с Вяземским контекст не дает возможности однозначной грамматической интерпретации формы «свербежь» — орфографически мягкий знак мог стоять на конце слов как мужского, так и женского рода).

Ст. 9 — 11. *Теперь, в моей глуши журналы раздирая ~ (Теперь же мне читать охота и досуг)...* — Намек на михайловскую ссылку и вынужденность чтения и «досуга». Речь, вероятно, идет о неразрезанных экземплярах журналов. Возможна также ироническая отсылка к общенному топосу, сближающему этот фрагмент послания с такими текстами, как «Ты и я» («Ты богат, я очень беден...») (1825(?)), «(Из письма к П. А. Вяземскому)» («В глуши, измучась жизнью постной...») (1825), «(На картинки к „Евгению Онегину“ в „Невском альманахе“»)» («Пупок чернеет сквозь рубашку...») (1829) — ср.: «Она затем поутру встала / При бледных месяца лучах / И на подтирку изорвала / Конечно „Невский Альманах“» (Акад. Т. 3. С. 165).

Ст. 16 — 20. *Как изумилася поэзия сама ~ Не оскорбляя тем уж Господа Христа!* — Цензура времен голицынского министерства запрещала употребление слов, используемых в сакральной и религиозной сфере, в контекстах, не относящихся к религии. В «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (глава «(Торжок)», 1833—1834) Пушкин вспоминал: «Например, какой-то стихотворец говорил о небесных глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить

вместо *небесных голубые* — ибо слово *небо* приемлется иногда в смысле высшего промысла!» (Акад. Т. 11. С. 238). В записке Ф. В. Булгарина «О цензуре в России и о книгопечатании вообще» (1826) говорилось, что запрещены были такие слова, как «отечественное *небо*, *небесный* взгляд, *ангельская* улыбка, *божественный* Платон, ради *Бога*, ей-*Богу*, *Бог* одарил его, он *вечно* занят был охотой и т. п.» (Видок Фиглярин. С. 49). В 1823 г. широкую огласку получили пометы А. И. Красовского на рукописи «Стансов к Элизе» В. Н. Олина (например, «...женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть *небесною*»), распространившего в списках цензурские замечания и свои ответы на них (см.: Материалы для истории русской цензуры // Беседы в Обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 43 (публ. П. К. Щебальского), а также уточненную публикацию «дела Олина»: *Пешио Дж.* Жалоба Валериана Олина : Материалы из архива Санкт-Петербургского цензурного комитета // *Зборник Матице Српске за славистику.* Нови сад, 2017. Књ. 92. С. 355—374). Лингвистическую и — шире — социокультурную интерпретацию такого рода запретов см.: *Живов В. М.* Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII—начала XIX века // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 664—671. Против такого рода строгих, но не «разумеющих силу языка» цензурных претензий А. С. Шишков выступал в 1822 г. в записке по делу петербургских профессоров (см. примеч. к ст. 39—42 и 47—48), приводя в качестве примера историю со стихами Ф. Н. Глинки: «В некотором журнале, в стихах под названием „Земная грусть“, сочинитель пишет: „(...) О дай мне, друг, дай крылья серафима!“ (...) Цензор не пропустил и вычернил слово *серафима*. Можно ли таким образом стеснять писателей? (...) Все народы на всех языках говорят и пишут о прекрасных женщинах или благонравных мужчинах: *какой ангел! какой у него ангельский нрав!* и проч. Ежели не позволять сего писать, так надобно все книги сжечь и всякому запереть уста» (Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin, 1870. Т. 2. С. 145). См. также: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 389—390. В 1824—начале 1825 г. запрещаемые прежде эпитеты стали допускаться в печать — ср., например: «И ту, кто была мне небесной мечтой, / И радостью сердца, и жизни душой, — / Неправдой со мной разлучили» (И. И. Козлов «Бейрон»; опубл.: НЛ. 1824. Кн. 10. № 12. С. 88); «Исполненный воспоминанием / Небесной, чистой красоты, / Он вашим радужным сиянием / Пленился, милье цветы!» (В. А. Жуковский «Мотылек и цветы»; опубл.: СЦ 1825. С. 358); «Зачем божественной Хариты / В ней расцветает красота?..» (Н. М. Языков «К ***»; опубл.: ПЗ 1825. С. 107).

Ст. 22. *И нрава твоего кичливость усмирило?* — «Кичливым» Пушкин называл Красовского в письме к Вяземскому от 25 января 1825 г. (см. выше). Об отношении цензоров к литераторам Пушкин писал Вяземскому 6 февраля 1823 г.: «...стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака...» (Акад. Т. 13. С. 57).

Ст. 24. *Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою...* — Т. е. «Послание цензору» 1822 г. Пушкин, очевидно, предполагал, что распространявшееся в списках послание успело стать известно и Бирюкову.

Ст. 33—34. *Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, Он славен славою двенадцатого года...* — Шишков, назначенный государственным секретарем

рем 9 апреля 1812 г., был автором царских манифестов, приказов и рескриптов 1812—1814 гг., получивших высокую оценку современников, в том числе и литературных противников адмирала (см.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 299, 351; *Аксаков С. Т.* Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 305—306). Патриотические установки и риторика Шишкова, наиболее ярко выраженные в «Рассуждении о любви к отечеству» (1811), накануне и во время Отечественной войны оказались не только востребованы государственной идеологией и пропагандой, но и созвучны общественным настроениям, что способствовало становлению высокой репутации Шишкова (подробнее см.: *Стоюнин В. Я. А. С. Шишков* // *Стоюнин В. Я.* Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 135—168; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... : Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2004. С. 241—253; *Парсамов В. С.* Александр Семенович Шишков // *Шишков А. С.* Избр. труды. М., 2010. С. 48—53; *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 174—189).

Последний вариант ст. 33 с характеристикой Шишкова как «друга чести, друга народа» в известных списках «Второго послания к цензору» не встречается, за исключением копии, снятой для Жуковского с автографа с учетом верхнего слоя правки. В более раннем варианте ст. 33—34 стали широко известны задолго до публикации «Второго послания...». Они были выбиты на бюстах А. С. Шишкова работы А. А. Иванова (1840 г., ныне — в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) и Ш. Лемольта (1839 г., ныне утрачен, уменьшенная копия — в собрании Эрмитажа). Подробнее см.: *Кочнева Е. В.* К истории создания мраморного бюста А. С. Шишкова // *РЛ.* 2012. № 2. С. 105—114. Внося последнее изменение в ст. 33, Пушкин использовал формулу, по-видимому ориентированную на французские образцы (ср. такие выражения, как «ami de l'honneur et de la gloire» («друг чести и славы» — *фр.*), «ami de l'honneur et de la paix» («друг чести и мира» — *фр.*)), — см., например, стихотворную надпись под гравированным портретом главноначальствующего Кремлевской экспедицией П. С. Валуева, поднесенным ему подчиненными (1811): «Вещатель истины пред тронами царей, / Краса отечества, друг чести, друг людей: / Душою и умом ты храм воздвиг в сердцах; / В век не угаснет огонь в сих прочных алтарях» (*РС.* 1901. № 4. С. 45), характеристику полковника И. М. Эриксона в «Переписке и рассказах русского инвалида» И. Н. Скобелева: «верный друг чести и человечества» (*Скобелев И. Н.* Переписка и рассказы русского инвалида. СПб., 1844. Ч. 2. С. 61), а также сходный образ в набросках думы К. Ф. Рыльева «Марфа Посадница» (1822—1823): «Кто чести друг, кто друг прямой народа...» (*Рылеев* 1971. С. 334).

Ст. 35—36. *Один в толпе вельмож он русских муз любил, Их, незамеченных, созвал, соединил...* — Последовательно выступавший против иноземного влияния на русскую культуру и русский язык, Шишков объединил своих единомышленников, организовав в 1807—1810 гг. еженедельные литературные собрания, в 1811 г. преобразованные в регулярно действующее литературное общество «Беседа любителей русского слова» (см.: *Альциуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 11—62). Серьезно-комплиментарная тональность комментируемых стихов контрастировала с привычными для молодого Пушкина «арзамасскими» выпадами против беседчиков и их главы — «деда» Шишкова — в лицейских стихах (см. эпиграмму «Угрюмых

тройка есть певцов...» (1815), сатиру «Тень Фонвизина» (1815), послание «К Жуковскому» (1816), «(Послание к В. Л. Пушкину)» (1816) — наст. изд., т. 1, с. 144, 137—138, 182—184, 195) и в письмах периода южной ссылки. По поводу неожиданной на этом фоне характеристики Шишкова во «Втором послании к цензору» Пушкин иронизировал в цитированных выше письмах к брату от 13 июня 1824 г. и к Вяземскому от 25 января 1825 г. Впоследствии отношение Пушкина к Шишкову эволюционировало, но оставалось достаточно сложным (в частности, Пушкин до конца жизни не изменил отношения к литературной позиции Шишкова — см. его высказывание по поводу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» в «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (глава «Черная грязь» (1833—1834) — Акад. Т. 11. С. 226).

Ст. 37—38. *Осиротелого венца Екатерины От хлада наших дней укрыл он лавр единый.* — Речь идет об альянсе Шишкова с Г. Р. Державиным, государственная карьера которого завершилась в 1803 г., после отставки с поста министра юстиции. Их литературное и личное сближение началось не позднее 1806 г. (см.: *Альциуллер М. Г. Беседа любителей русского слова.* С. 65—66), а с 1807 г. оба они принимали самое активное участие в литературных собраниях, заложивших основу будущей «Беседы любителей русского слова» (см. примеч. к ст. 35—36).

Ст. 39—42. *Он с нами сетовал, когда святой отец ~ Усердно задушить старался просвещенье.* — «Святой отец» здесь — кн. Александр Николаевич Голицын (1773—1844), обер-прокурор Святейшего Синода (1803—1817), глава Министерства духовных дел и народного просвещения (1817—1824), основатель и первый президент российского Библейского общества (1813—1824). Называя Голицына «святым отцом», Пушкин, видимо, подразумевал чрезвычайно широкие полномочия главы «соединенного министерства»: в руках министра оказались сосредоточены практически все нити управления делами православной церкви и других религиозных организаций империи (см.: Манифест от 24 октября 1817 г. с объявлением об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 34. 1817. № 27.106. С. 814—819, 827—832; подробнее об истории учреждения «сугубого» министерства см.: *Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: Эволюция отношений в первой половине XIX века.* СПб., 2003. С. 191—215). Голицын не устал подчеркивать свой главенствующий статус среди священства, что вызывало недовольство со стороны оппозиционно настроенных клириков и иерархов. Так, например, архимандрит Фотий отмечал: «Будучи неполный еще генерал, а тайный советник, князь Голицын имел первоседательство в собраниях, на Библейском обществе, пред митрополитами и всеми архиереями, в Синоде особый стол, как глава всех, митрополиты сидели у него по десную и левую сторону везде, а он *яко патриарх был всех*» (Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1894. № 9. С. 221; курсив наш. — *Ред.*). Патриархом Голицына именовали иногда и его сторонники (см. письмо А. Ф. Лабзина к Э. Я. Карнееву от 2 июля 1820 г. — РА. 1892. Кн. 3. № 12. С. 360). Ср. в письме Пушкина к А. И. Тургеневу от 9 июля 1819 г., где поэт называет адресата «кардинал-племянник» (Акад. Т. 13. С. 10): Тургенев был ближайшим сотрудником Голицына как по «сугубому» министерству, где занимал должность начальника Департамента духовных дел, так и по Библейскому обществу (где Голицын был председателем, а Тургенев — секретарем), и его доверенным лицом и, следовательно, мог почитаться кардиналом при «Папе»-министре (см.: Письма. Т. 1. С. 194—195, примеч. Б. Л. Модзалевского;

титул кардинала-племянника (*cardinalis nepos*) или кардинала-патрона в XVI—XVII вв. получали кардиналы, занимавшие должность статс-секретаря римской курии; исторически должности, предполагавшие близость к понтифику, замещались его родственниками).

Усиление «духовного» и мистического направления в министерской политике Голицына с конца 1810-х гг. проявлялось не только в покровительстве Библейскому обществу и другим религиозным движениям, а также в специфическом ужесточении цензуры (см. выше), но и в репрессивной политике по отношению к университетам. В 1819—1820 гг. ревизии и затем реформированию с целью укрепления благочестия и нравственности подвергся Казанский университет, откуда было уволено одиннадцать профессоров, в том числе профессор философии И. Е. Срезневский (об этом см.: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 216—233; *Вишленкова Е. А.* Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С. 94—125). В 1821 г. ревизор Казанского университета М. Л. Магницкий (см. о нем примеч. к ст. 45—46) и попечитель Петербургского учебного округа Д. П. Рунич инициировали в Петербургском университете так называемое дело профессоров, подвергнув преследованиям ряд преподавателей (Э. Б. Раупаха, А. И. Галича, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева) за распространение опасных для основ религии и государства вольнодумных и философских идей (см.: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 332—353; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: 1819—1919 / Под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. Т. 1. С. 225—235). Кроме того, чисткам подверглись библиотеки учебных заведений, из которых изымались вредные в отношении благочестия сочинения (эта участь в 1821 г., в частности, постигла книгу лицейского учителя Пушкина А. П. Куницына «Право естественное», 1818—1820). О цензурной и образовательной политике в эпоху голицынского министерства и отношении к ней Пушкина см. примеч. к «Посланию цензору» и эпиграмме «(На кн. А. Н. Голицына)» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 729, 807—808).

Принимавший участие в рассмотрении «дела профессоров» Шишков в целом не подвергал сомнению выводы комитета министров, однако в собственноручном «Мнении...» указывал, что «воспаление умов» и «распространение заблуждений» проистекают от отсутствия «благоразумной и прилежно наблюдающей должность свою» цензуры, которая, по убеждению Шишкова, «должна быть ни слабая, ни строгая» и «разумеющая силу языка» (*Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 386—390). «Мнение...» Шишкова, где он прямо порицал необоснованную придирчивость цензоров голицынского времени (см. примеч. к ст. 16—20), было принято, по его собственному позднему свидетельству, «с великим одобрением» и распространялось в списках (см.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 142).

В ст. 40 — реминисценция из ранней редакции послания Е. А. Баратынского к Гнедичу («Души признательной всегдашний властелин...») (1822—1823): «Француза Буало приняв за образец» (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 12); о знакомстве Пушкина с ранней редакцией послания Баратынского см. примеч. к стихотворению «*Ex ungue leonem*», 1825 (наст. т., с. 710—711).

Упомянутый в том же стихе Омар — Омар (Умар) ибн аль-Хаттаб (ок. 591—644) — второй мусульманский халиф (с 634 г.), один из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда. Традиционная репутация «врага просвещения» закрепилась за

ним благодаря легенде о разгроме Александрийской библиотеки в 641 г. Ср., например: «При взятии столицы Египта Александрии Амру, полководец Омара, нашел богатую библиотеку, содержащую в себе сокровища науки древних. Он спросил у халифа, что сделать со всеми этими творениями? — халиф отвечал: „В книгах, о которых ты упоминаешь, или написано то же самое, что находится уже в Божией книге Корана, а потому они лишние, или же они заключают в себе противное ей, и тогда они вредны, так прикажи все их уничтожить”. Это знаменитое решение Амру исполнил с слепой покорностию. Он приказал раздать все книги александрийской библиотеки по баням, которых считалось тогда в Александрии 4000, и шесть месяцев топились эти бани драгоценным наследием древности» (Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. Соч. М., 1803. Т. 7. С. 42—43); «Благочестивые татары, мусульмане / <...> / Боятся книг, как их пророк Омар / (Который, гибельный питая в сердце жар, / Александрийскую сожег библиотеку / И Алкоран один оставил человеку...» (Воейков А. Ф. Послание к друзьям и жене // «Арзамас». 1994. Кн. 2. С. 326; послание датируется 1816—1817 гг.). Возможно, для пушкинского послания релевантно и применение имени Омара к одному из скандальных протезе Голицына — попечителю Санкт-Петербургского университета Д. П. Руничу («Злуничу») в «политической редакции» (1821—1824) «Дома сумасшедших» Воейкова: «Полный бешеной отваги, / Доморощенный Омар / Книжки драг, бросал бумаги / В печьку на пылавший жар» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 294 (Б-ка поэта; Большая сер.); о распространении в списках этой редакции сатиры см.: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 199—202).

Гали, упомянутый в ст. 40, — Али ибн Аби Талиб (602—661), четвертый халиф (с 656 г.) Арабского халифата, двоюродный брат и зять Мухаммеда; имя передается Пушкиным в соответствии с французским написанием Hali, бытовавшим до 1780-х гг. Имена Омара и Али обычно сопрягались, когда речь заходила о разделении ислама на суннитов, последователей Омара, и шиитов, последователей Али, о взаимной ненависти и борьбе этих течений («sectes d'Omar et d'Hali» (секты Омара и Али — фр.); ср., например, у Монтескье в «Персидских письмах», № 123). Однако в обычный набор «душителей просвещения» Али, насколько нам известно, не включался. Появление здесь этого имени мотивируется, по предположению А. Ю. Балакина, графическим каламбуром: транслитерируя архаичную французскую форму, Пушкин подсказывал читателю фамилию героя своей инвективы — Голицына (эта фамилия нередко писалась как Галицын).

Ст. 44. *Карала чистых муз, спасая Бантыша...* — В тетради Лон—Полт (л. 49) к этим стихам дано примечание М. Н. Лонгинова: «Голицын был педераст и покровительствовал известному содомиту Бантышу, который служил ему в этих противоестественных вкусах Меркурием». Пушкин намекает на историю Владимира Николаевича Бантыша-Каменского (1778—1829), в 1823 г. сосланного в Вятку после серии скандалов, связанных с его гомосексуальными наклонностями. Подробнее о нем см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 807—808, примеч. к эпиграмме «〈На кн. А. Н. Голицына〉» («Вот Хвостовой покровитель...») (1824), в которой имена Бантыша и Голицына соседствуют в контексте, близком к строкам из «Второго послания к цензору»: «Вот Хвостовой покровитель, / Вот холопская душа, / Просвещения губитель, / Покровитель Бантыша!» (там же, с. 101). В то же время Голицын требовал от цензуры особой бдительности по отношению к произведениям любов-

ного содержания: «...цензурному комитету неоднократно объявлено было ⟨...⟩ приказание его сият(ельст)ва, господина министра духовных дел и народного просвещения, чтобы цензура вообще сколько можно более остерегалась пропускать эротические, или лобострастные, стихотворения» (Материалы для истории русской цензуры. С. 45).

Ст. 45 — 46. *И помогал ему Магницкий благородный, Муж твердый в правилах, душою превосходный...* — Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1844), член Главного правления училищ при министерстве Голицына, сохранивший, однако, свои позиции и в первое время министерства Шишкова, вопреки своей резко негативной репутации, сложившейся уже в 1820—1821 гг. В апреле 1821 г. Н. И. Тургенев записал в своем дневнике: «На счет Магницкого все мнения, кажется, одинаковы. И подлинно, нельзя без омерзения подумать об этом человеке!» (АбТ. Пг., 1921. Вып. 5. С. 263—264).

На протяжении своей карьеры Магницкий несколько раз радикально менял политические позиции (ср. в эпиграмме П. А. Вяземского (август 1821 г.): «Подлец, вертлявый по природе, / *Модницкий*, глядя по погоде, / То ходит в красном колпаке, / То в рясах, в черном клобуке» — Вяземский 1986. С. 154). Сподвижник М. М. Сперанского, высланный в Вологду после его падения (1812), в 1816 г. по протекции А. А. Аракчеева он возобновил служебную деятельность, заняв место вице-губернатора в Воронеже. В 1817 г. Магницкий — гражданский губернатор в Симбирске, где, в частности, открыл филиал Библейского общества. Обратив на себя благосклонное внимание Голицына, Магницкий после переезда в Петербург (1819) стал членом Главного правления училищ и рьяно проводил политику своего министра. Особую известность приобрела деятельность Магницкого как ревизора, а затем попечителя Казанского учебного округа (1819—1826). Реорганизация Казанского университета привела к увольнению ряда профессоров, изменению учебных планов, ликвидации части библиотеки. Магницкому принадлежало и авторство несостоявшихся проектов о запрете преподавать в российских университетах естественное право (1820) и философские дисциплины (1823).

Ср. речь Магницкого в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова:

Горе! Добрый царь на троне,
Вер терпимость, пыток нет!..
Ах, зачем не при Нероне
Я рожден на белый свет!
Благотворный бы представил
Инквизиции проект;
При себе бы сечь заставил
Философов разных сект.

(Поэты 1790—1810-х годов.
С. 293)

Прежняя лояльность к Голицыну не помешала Магницкому весной 1824 г. выступить против министра на стороне А. А. Аракчеева и православной оппозиции, возглавляемой петербургским митрополитом Серафимом (Глаголевским) и архимандритом Фотием (Спасским) (несомненное участие в интриге принимал и А. С. Шишков, ярый противник деятельности Библейского общества). Фотий писал о нем: «Ученый человек Магницкий, прежде быв в числе заблудших от церкви и истины, но обратив от того сердце свое на путь правый, весьма много сделал пользы, как сам бы-

вый во многих тайнах зловерия, многие вещи раскрывал важные, по частям своим везде сильно и благим намерением действовал» (Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия. С. 180). Положение Магницкого в министерстве, которое возглавил Шишков, пошатнулось только к середине 1825 г. После ревизии 1826 г. в Казанском университете были обнаружены злоупотребления и растраты, что привело к наложению секвестра на имения Магницкого. О Магницком см., например: *Феоктистов Е. М.* Магницкий. СПб., 1865 (Материалы для истории просвещения в России); *Акульшин П. В.* Политические искания М. Л. Магницкого : От правительственного реформизма к охранительному консерватизму // *Россия в Новое время : Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX—начала XX в. : Материалы Российской межвузовской науч. конф. 17—18 апр. 1998 г.* М., 1998. С. 126—129; *Минаков А. Ю.* Михаил Леонтьевич Магницкий // *Вопросы истории.* 2010. № 11. С. 36—49; *Рус. писатели 1800—1917. Т. 3. С. 448—449* (статья А. В. Чернова); *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 254—257 (статья Н. Д. Кочетковой).

Строки, посвященные Магницкому, содержат, как указано П. О. Морозовым (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 424), пародийную переключку со стихами из заключительной части ранней редакции послания Е. А. Баратынского «Н. И. Гнедичу» («Столицей шумною в изгнании позабыт...») (1823, 1824—1826) — ср.: «С тобой желал бы я беседовать опять, / Муж, дарованьями, душою превосходный, / В стихах возвышенный и в сердце благородный!» (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 50).

Ст. 47—48. *И даже бедный мой Кавелин-дурачок, Креститель Галича, [Магницк]ого дьячок.* — Речь идет о той роли, которую Дмитрий Александрович Кавелин (1778—1851), директор Петербургского университета (с 1819 г.), сыграл в «деле профессоров» (1821), в том числе в преследовании А. И. Галича, лицейского учителя Пушкина. На обвинения в «безбожном и вредном направлении» преподавательской деятельности Галич ответил просьбой «не помянуть грехов юности и неведения» (факсимиле документа см.: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Т. 1. С. 200/201). М. Г. Плисов в «Исторической записке о деле С.-Петербургского университета», составленной сразу же после его окончания и распространявшейся в рукописи, указал, что раскаянию Галича, которое умилило «инквизиторов», способствовали увещевания со стороны Кавелина и «угрозы, что он, Галич, в противном случае объявлен будет сумасшедшим» (*Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России. С. 333). Голицын в докладной записке от 16 января 1822 г. писал о Галиче, что «ему дано время показать на самом деле искренность своего раскаяния» (Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. С. 235), однако обещанного опровержения своих философских «заблуждений» Галич так и не написал (о дальнейшей судьбе и эволюции философских взглядов Галича см.: *Каменский Э. А.* А. И. Галич. М., 1995). О Д. А. Кавелине см. также: *Корсаков Д. А.* Константин Дмитриевич Кавелин : Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний // *ВЕ.* 1886. № 5. С. 8—14; *Вигель. Ч. 5. С. 43; Рус. писатели 1800—1917. Т. 2. С. 430—431* (статья В. А. Кошелева).

Пушкинская характеристика Кавелина передает его устойчивую репутацию. Ср., например, монолог Пустелина (Кавелина) в «политической редакции» «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова: «Я подлец уже с природы, / Сорок лет хожу глупцом, / И Наглицкий вечно мною, / Как тряпицей черной, трет; / Как кривою кочергою, /

Загребает или бьет!» (Поэты 1790—1810-х гг. С. 295; под именем Наглицкого изображен Магницкий). Ср. также позднейший отзыв Н. И. Греча, который вспоминал о Кавелине как о «жалком и глупом, но тихом лицемере», «дураке и пустомеле» (Греч Н. И. Воспоминания старика. С. 369). Ранее сам Пушкин называл Кавелина «доктором теологии», «который добивается в инквизиторы» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 9 июля 1819 г. — Акад. Т. 13. С. 10).

Дознанием в университете руководил попечитель Петербургского учебного округа Дмитрий Павлович Рунич (1780—1860; ср. вариант черновика: «И Рунич — Галича креститель и пророк» — наст. т., с. 188). О Рунице см.: Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России. С. 222, 259—264; Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 45—81; Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014; Рус. писатели 1800—1917. Т. 5. С. 389—391 (статья Е. Э. Ляминой и Л. М. Щемелёвой).

Ст. 59 — 63. *Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя ~ Права свои храни по долгу своему.* — Развитие мысли Пушкина о «священном» сане цензора, высказанной им ранее в ст. 31—42 послания 1822 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 79—80). В близких формулировках Пушкин писал о «разумной» цензуре Вяземскому: «...дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную» (письмо от 6 февраля 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 57). Позднее Пушкин высказывал убеждение, что «ценсура есть установление благотельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шалливых ребят» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) — Акад. Т. 12. С. 74). Ср. также в «Путешествии из Москвы в Петербург» (глава «Торжок»): «...я убежден [в необходимости] цензуры в образованном нравственно и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось. Что и составляет величие человека, ежели не мысль? Да будет же мысль свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом. (...) Уважайте класс писателей, согласен; но не допускайте же его овладеть вами совершенно. (...) Высший присудств(енный) приказ в г(осударстве) есть тот, который ведает дела Ума человеческого. Устав, коим судии должны руководствоваться, должен быть священ и непреложен. Книги, являющиеся перед его судом, должны быть приняты не как извозчик, пришедший за номером, дающим ему право из платы рыскать по городу, — но с уважением и снисходительностью. Цензор есть важное лицо в гос(ударстве), сан его имеет нечто священное. Место сие должно занимать гражданин честный и нравственный, известный уже своим умом и познаниями, а не первый коллежский ассессор, который, по свидетельству формуляра, учился в университете. (...) Нравственность (как и религия) должна быть уважаема писателем. Безнравственные книги суть те, которые потрясают первые основания гражданского общества, те, которые проповедают разврат, рассеивают личную клевету, или кои целию имеют распаление чувственности припячическими изображениями. Тут необходим в цензоре здравый ум и чувство приличия — ибо решение его зависит от сих двух качеств» (Акад. Т. 11. С. 235, 237—238).

Ст. 72. *Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.* — Ср. в «Послании цензору» 1822 г.: «...а ты читай, бесися, / Зевай, сто раз засни — а после подпишися» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 79).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф (ПД 835, л. 21—22). Ст. 40 В, «а». *Турецкого кади прияв за образец* — Кади (или кадий) — судья из духовного звания, вершащий дела на основе Корана.

Ст. 42 В, «а». *Апостол Криднерши* — «Криднершей» Пушкин, вслед за многими современниками, называет баронессу Варвару Юлию фон Крюденер (урожд. Фитингоф; 1764—1824), писательницу, автора популярного романа «Валери» («Valérie», 1803), затем прославившуюся своими мистико-религиозными сочинениями и проповедями, оказавшими в 1815—1818 гг. значительное влияние на мировоззренческие и идеологические позиции императора Александра I (см., например: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... : Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001. С. 299—335). А. Н. Голицын, бывший большим поклонником проповеднического дарования Крюденер задолго до ее приезда в Петербург в 1821 г., являлся одним из самых активных членов столичного кружка «Криднерши» (переписку Голицына и Крюденер 1815—1824 гг. см.: Князь А. Н. Голицын (в его письмах) // РА. 1905. Кн. 3. № 11. С. 376—403). В конце того же года некоторые публичные высказывания Крюденер вызвали неудовольствие императора, и она была вынуждена покинуть Петербург. О бар. Крюденер и ее кружке см., например: *Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I : Опыт исторического исследования*. СПб., 1912. Т. 2: Приложение. С. 215—247; *Ley F. Madame de Krüdener et son temps. 1764—1824*. Paris, 1961; *Бар. Крюденер. Неизданные автобиографические тексты / Вступ. статья, сост., пер. с фр., публ., примеч. Е. П. Гречаной*. М., 1998; *Сидорова Н. И. Мистицизм в русской религиозной культуре первой четверти XIX в. : Дис. ... канд. ист. наук*. Саратов, 2010. С. 68—129.

КОВАРНОСТЬ

(«Когда твой друг на глас твоих речей...»)

(С. 18 и 194)

Автограф (ПД 59) — черновой ст. 1—12 и 25—28, с пометой под текстом: «18 окт⟨ября⟩ 1824. / Мих⟨айловское⟩», на четверке фабричного листа бумаги № 72 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П. 1837*. С. 26); жандармская помета: «53». Нижняя половина листа со ст. 14—24 оторвана и утрачена. Первоначальный слой ст. 5—9 записан набело, по-видимому, он был перенесен с более раннего черновика. Напечатано: Срезневский. *Пушк. коллекция*. С. 5 (дата); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 448 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова).

Предположительно вошло в список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Измена» (см.: *Рукою П. 1997*. С. 177, 178).

Впервые: МВ. 1828. Ч. 8. № 6. С. 136—137. Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 196—197 (отдел стихотворений 1824 г.).

В собрание сочинений впервые включено: *Посм.* Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 18 октября 1824 г. согласно помете в автографе.

Адресатом стихотворения, начиная с публикации П. И. Бартенева (см.: П. Б. [Бартенева П. И.]. Два письма Прасковьи Александровны Осиповой к В. А. Жуковскому // РА. 1872. № 12. Стб. 2362), считается Александр Николаевич Раевский (см. о нем примеч. к стихотворению «Демон» (1823) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 752—754), с которым Пушкин общался в Одессе в феврале—начале июня 1824 г. (см. Летопись 1999. Т. 1. С. 372). Раевский сыграл неблагоприятную роль в обострении конфликта Пушкина с М. С. Воронцовым (об этом конфликте, закончившемся высылкой поэта из Одессы в Михайловское, см. примеч. к эпиграмме «〈На Воронцова〉» («Полу-милорд, полу-купец...») (1824) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 798—803). Ф. Ф. Вигель, находившийся в то время в Одессе, вспоминал: «Влюбчивого Пушкина нетрудно было привлечь миловидной 〈Воронцовой〉, которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта. 〈...〉 поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел он одно смешное сумасбродство. Однако же он умел воспалить их в других; и вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его...» (Вигель. Ч. 6. С. 171; о Е. К. Воронцовой см. примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633). Далее Вигель писал (фрагмент не вошел в отдельное издание его мемуаров): «Несмотря на скромность Пушкина, нельзя было графу не заметить его чувств. Он не унижался до ревности, но ему казалось обидно, что ссыльный канцелярский чиновник дерзает подымать глаза на ту, которая носит его имя. 〈...〉 Как все люди с практическим умом, граф весьма невысоко ценил поэзию 〈...〉. А этот водворился в гостиной жены его и всегда встречал его сухими поклонами, на которые, впрочем, он никогда не отвечал. Негодование возрастало, да и Пушкин, видя явное к себе презрение начальника, жестоко тем обижался и, подстрекаемый Раевским, в уединенной с ним беседе часто позволял себе эпиграммы. Не знаю как, но, кажется, через Франка (адъютанта Воронцова. — *Ред.*) все они доводимы были до графа» (цит. по: Цвяловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 22). Однажды Вигель шутя сказал Пушкину, что «по африканскому происхождению его 〈...〉 хочется сравнить его с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго». Пушкин в ответ только засмеялся (Вигель. Ч. 6. С. 171). Когда в мае 1824 г. Пушкин был командирован на борьбу с саранчой, Вигель попытался заступиться за поэта. Воронцов «побледнел, губы его задрожали... „Любезный Ф〈илипп〉 Ф〈илиппович〉, если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце... также и о достойном друге его Раевском”». Вигель считал, что все, связанное с командировкой на саранчу, «само собою не могло родиться в голове Воронцова, а, как узнали после, через Франка внушено было самим же Раевским. По совету сего любезного друга Пушкин отправился и, возвратясь дней через десять, подал донесение об исполнении порученного. Но в то же время, под диктовкой того же друга, написал к Воронцову французское письмо (не сохранилось. — *Ред.*), в котором между прочим говорил, что 〈...〉 он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просить об увольнении от службы» (Там же. С. 171—172). Таковую же роль в высылке Пушкина из Одессы приписывает Раевскому и П. И. Капнист, основывавшийся на воспоминаниях своего дяди, адъютанта Н. Н. Раевского-старшего, А. В. Капниста: «Александр Николаевич Раевский был отличен графиней 〈Воронцовой〉 в окружавшей ее среде 〈...〉 но, как это нередко бывало и будет в маневрах

большого света, прикрытием Александру Николаевичу Раевскому служил <...> Пушкин. На него-то и направился с подозрением взгляд графа. И отсюда возникли своего рода преследования и усилия удалить каким-нибудь способом Пушкина из Одессы» (*Капитан П. И. К* эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губернии // *РС. 1899. № 5. С. 243*).

Желание Раевского содействовать удалению Пушкина из Одессы могло быть продиктовано тем обстоятельством, что поэт стал его счастливым соперником (об этом рассказывала П. И. Бартеневу В. Ф. Вяземская — см.: *Цявловский М. А.* Из записей П. И. Бартенева : (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) / Публ. Т. Г. Цявловской // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3*). Показательно, что весной 1824 г. отношение Воронцова к Раевскому изменилось и он перестал быть для него нежелательным в Одессе человеком — ср. негативный отзыв о Раевском в письме Воронцова к П. Д. Киселеву от 6 марта 1824 г. (Пис. Вып. 37. С. 140) и его же ходатайство от 23 мая 1824 г. о разрешении Раевскому остаться в Одессе для пользования морскими ваннами (П. Врем. [Т.] 2. С. 280).

Начиная с Н. О. Лернера (Венг. Т. 3. С. 528—529), комментаторы придерживаются мнения, что конкретным поводом к созданию стихотворения послужило письмо Раевского от 21 августа 1824 г., отправленное в надежде восстановить отношения с Пушкиным: «Я испытываю настоящую потребность писать вам. Нельзя безнаказанно прожить вместе столько времени; даже оставляя в стороне множество причин, которые заставляют меня питать к вам истинную дружбу, одной привычки было бы достаточно, чтобы создать между нами [истинную] прочную привязанность. Теперь, когда мы так далеко друг от друга, я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к вам; знайте же, что, не говоря уже о вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее. Если после этого первого письма вы мне не ответите и не дадите своего адреса, я буду продолжать вам писать, надоедать вам до тех пор, пока не заставлю вас ответить мне <...> Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили к вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной — не падать духом; не забывайте, что вы — украшение нашей зарождающейся литературы и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе» (Акад. Т. 13. С. 106—107, 529—530; оригинал по-фр.). Черновой вариант ст. 27 («Тогда не трать ласкательных речей»), вероятно, был непосредственной реакцией на этот комплиментарный тон.

Учитывая, что Раевский должен был предполагать возможность перлюстрации, его письмо, помимо всего прочего, носило провокационный характер. В нем, в частности, говорилось: «Я никогда не вел с вами разговоров о политике; вы знаете, что я не слишком высокого мнения о политике поэтов, а если и есть нечто, в чем я могу вас упрекнуть, так это лишь в недостаточном уважении к религии — хорошенько запомните это, ибо не впервые я об этом вам говорю» (Акад. Т. 13. С. 106, 529; оригинал по-фр.). См.: *Цявловская. «Храни меня, мой талисман...»*. С. 46.

Осенью 1824 г. Пушкин получил еще одно письмо от Раевского. Его переслал из Петербурга вместе с собственным письмом к Пушкину от 18 октября 1824 г. С. Г. Волконский, ставший к тому времени женихом М. Н. Раевской. Письмо Раевского не сохранилось, Волконский же пытался заверить Пушкина в благородстве и

неизменности дружеских чувств своего будущего шурина: «...по опыту знаю, что он имеет чувства дружбы — благородными и не изменными обстоятельствами» (Акад. Т. 13. С. 112). Н. О. Лернер выдвинул осторожную гипотезу о том, что непосредственным поводом создания стихотворения могло стать и второе письмо Раевского, на которое может указывать дата в автографе: «Каким числом было помечено письмо Раевского, мы не знаем, — может быть, никаким, может быть — тем же, что и письмо Волконского, и, подписывая под стихотворением „18 окт. 1824“, Пушкин мог нарочно связывать эту помету с датированным этим днем письмом Раевского, на которое ему и не хотелось и нечего было отвечать. Действительно, можно думать, что вместо ответа на письма Раевского Пушкин написал это стихотворение» (Венг. Т. 3. С. 529—530). Однако 18 октября 1824 г. Раевского не было в Петербурге, откуда писал Пушкину Волконский, и два письма, полученные поэтом, не могли быть помечены одной и той же датой. В дальнейшем исследователи — П. К. Губер, М. А. Цявловский и Т. Г. Цявловская (см.: *Губер П. К. Дон-жуанский список Пушкина: Главы из биографии.* Пб., 1923. С. 129—131; *Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартенева.* С. 269; *Цявловская. «Храни меня, мой талисман...».* С. 45—49) — оставили без внимания предположение Лернера, считая дату в автографе указанием на время создания стихотворения. Без ссылки на Лернера его гипотеза была повторена В. Я. Лакшиным: «...тем самым днем, каким помечено письмо Волконского, — 18 октября 1824 года — помечен и автограф стихотворения „Коварность“». Это не означает, что оно написано (по простому совпадению?) в тот же день, что и второе письмо Раевского, пересланное Волконским. Пушкину случилось помечать свои стихи не днем работы над ними, а датой, послужившей к ним поводом» (*Лакшин В. Я. Спутник странный.* С. 74). Интерпретация даты в автографе, предложенная Лернером и Лакшиным, маловероятна. Поставленная под текстом чернового автографа помета «18 окт(ября) 1824. Мих(айловское)» объединяет время и место; указание такого рода могло относиться только к обстоятельствам создания стихотворения.

После 1824 г. в письмах Пушкина имя Раевского встречается неоднократно. Узнав, что он арестован по делу 14 декабря (это произошло 29 декабря 1825 г.), Пушкин писал Дельвигу в 20-х числах января 1826 г.: «Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня» (Акад. Т. 13. С. 256). В письме к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. прозвучал отклик Пушкина на сложный финал отношений Раевского с Воронцовой — он был удален из Одессы по доносу ее мужа: «...вопрошаю, что думает она (княгиня Вяземская. — *Ред.*) о происшедствиях в Од(ессе) (Рае(вский) и гр(афиня) В(оронцова)» (Акад. Т. 14. С. 27); комментарий Б. Л. Модзалевского к письму см.: *Письма.* Т. 2. С. 308—309. Н. Н. Раевский-старший, пытавшийся уладить конфликт, разгоревшийся вокруг его сына, признавал, что неприятные события стали следствием его «несчастной страсти» к гр. Воронцовой (Архив Раевских: В 5 т. / *Ред., примеч. Б. Л. Модзалевского.* СПб., 1908. Т. 1. С. 396—397). После возвращения из ссылки встречи Пушкина с Раевским носили случайный характер. Насмешливые упоминания о них встречаются в дневнике поэта за 1834 г. (28 ноября) и в письме к жене от 11 мая 1836 г.

Мотивы измены и клеветы часто повторяются у Пушкина — см., например, в стихотворении «Желание славы» (1825) и в черновых вариантах стихотворений «Младенцу» (1824), «Воспоминание» (1828) (см.: *Цявловский М. А. Из записей*

П. И. Бартенева. С. 270). О возможном отражении истории отношений с А. Н. Раевским в черновиках «Евгения Онегина» см. заметки А. А. Ахматовой: *Ахматова А. А. О Пушкине* : Статьи и заметки. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 208—211.

Б. А. Кацем отмечена тематическая, лексическая и риторическая близость стихотворения «Коварность» к библейской Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова, где трактуются, в частности, дружеские обязательства и их нарушение, условия, при которых возможно примирение, и те, которые кладут конец дружеским отношениям. Ср.: «Обличи друга, егда еще не сотворил, и еще сотворил, да не приложит к тому: обличи друга, негли не рече, и еще рече единожды, да не повторит: обличи друга, многажды бо бывает навет. Не всякому словеси емли веры. (...) Обличи искренняго своего прежде прещения...» (Распроси друга твоего, может быть, не сделал он того; и если сделал, то пусть вперед не делает. Распроси друга, может быть, не говорил он того; и если сказал, то пусть не повторит того. Распроси друга, ибо часто бывает клевета. Не всякому слову верь. (...)) Распроси ближнего твоего прежде, нежели грозить ему...» (19: 13—18); «На друга еще извлечеши мечь, не отчаивайся, есть бо возврат (любве): на друга еще отверзеши уста, не убойся, есть бо примирение: кроме поношения и гордыни, и откровения тайны и язвы лестныя, сих бо ради отбежит всяк друг» (Если ты на друга извлек меч, не отчаивайся, ибо возможно возвращение дружбы. Если ты открыл уста против друга, не бойся, ибо возможно примирение. Только поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство могут отгнать всякого друга) (22: 23—25); «Возлюби друга и уверися с ним: еще же открыеши тайны его, не имаша гнати по нем. Якоже бо погубит человек врага своего, тако погубиши дружбу искренняго (...). Яко струп есть обязати, и клеветы есть измена: открывый же тайная погуби верность» (Люби друга и будь верен ему; а если откроешь тайны его, не гонись больше за ним: ибо как человек убивает своего врага, так ты убил дружбу ближнего (...)). Рану можно перевязать, и после ссоры возможно примирение; но кто открыл тайны, тот потерял надежду на примирение) (27: 17—19, 22—23); «Но есть друг именем точию друг. Печаль не пребывает ли до смерти, приятель и друг претворяйся во врага? О, лукаво помышление, откуда извадилося еси покрыти сущу лестию?» (Но бывает друг по имени только другом. Не есть ли это скорбь до смерти, когда приятель и друг обращается во врага? О, злая мысль! откуда вторглась ты, чтобы покрыть землю коварством?) (37: 1—3). См. также ниже, примеч. к ст. 7—9. Косвенным свидетельством интереса Пушкина к этой библейской книге осенью 1824 г. может служить его письмо к брату от конца февраля 1825 г.: «Слепой поп перевел *Сираха* (...), издает по подписке — подпишись на несколько экз.» (Акад. Т. 13. С. 147; речь шла о только что вышедшей «Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова, заключающей в себе наилучшие правоучения, переложенные в стихи (...) лишенным зрения священником Гавриилом Пакатским» (СПб., 1825)). См.: *Кац Б. А. Личный «горький опыт» Пушкина и библейская дидактика // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000. С. 154—155.*

По наблюдению А. А. Добрицына, пушкинское стихотворение построено по той же «риторико-синтаксической» схеме, что и стихотворение Лорана-Пьера Беранже (Béranger; 1749—1822) «*L'Amitié trahie*» («Преданная дружба» — фр.) (1777). Текст Беранже и сопоставительный анализ см.: *Добрицын А. «Коварность» & «L'Amitié trahie» : Риторическая схема как элемент поэтического языка // Порядок хаоса — хаос порядка / L'ordre du chaos — le chaos de l'ordre : Сб. статей в честь Леонида Геллера. Верне, 2010. С. 161—164.*

Ст. 27—28 почти дословно процитированы в финале стихотворения М. Ю. Лермонтова «Посвящение N. N.» («Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!..») (1829).

Ст. 7—9. *Не говори: «Он болен, он дитя, Он мучится безумною тоскою»; Не говори: «Неблагодарен он... —* Использование анафоры, характерное для элегического стиля, в данном случае, возможно, ориентировано на библейскую Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова, где 11 раз встречается тот же риторический ход — зачин «не рцы» («не говори») с последующей прямой речью (5: 1, 3, 4, 6; 7: 9; 11: 23, 24; 15: 11, 12; 16: 16; 31: 14). См.: Кац Б. А. Личный «горький опыт» Пушкина и библейская дидактика. С. 153.

Ст. 10—12. *Он слаб и зол, он дружбы недостоин; Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»... Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?* — Ср. ту же рифму в стихотворении «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» (1823—1825): «Никто ее любви небесной не достоин. / Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен...» (наст. т., с. 99). См.: Кац Б. А. Личный «горький опыт» Пушкина и библейская дидактика. С. 153.

КЛЕОПАТРА

(«Царица голосом и взором...»)

(С. 19 и 196)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 22 об.—23 об., 30 об., 35, 37 об. — черновой первой редакции, без заглавия, с записью перед текстом: «*Aurelius-Victor*» («Аврелий Виктор» — лат.). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 168 (помета перед текстом); Якушкин. № 7. С. 9 (указание на автограф), 10 (ст. 59—62), 14 (ст. 63—64), 16 (ст. 65—66). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 833, л. 33 об.—35 — белой (текст первой редакции), с одновременной и позднейшей, 1827—1828 гг., правкой. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 344—345 (ст. 17—18, 25—28, 37—70). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) Тетр. ПД 833, л. 49—50 — черновой ст. 21—36 и 49—73 поздней редакции. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 351 (указание на автограф); Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей» // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 175—177. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

4) ПД 907 — белой (текст поздней редакции), с поправками, без заглавия, на отдельном сложном вдвое листе бумаги № 111 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. Дополн.); жандармские пометы: «1», «22». Напечатано: Совр. 1837. Т. 8. С. 21—24 (в составе повести «Египетские ночи»; публ. В. А. Жуковского); Якушкин. № 10. С. 82 (первоначальный вариант ст. 72—73).

Впервые: Совр. 1837. Т. 8. С. 21—24 (текст поздней редакции в составе повести «Египетские ночи»); КН. Т. 1. С. 354—355 (текст первой редакции).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 10. С. 264—267 (поздняя редакция в составе повести «Египетские ночи»); Ефр. 1880. Т. 2 (поздняя редакция как самостоятельное стихотворение); КН. Т. 1 (первая редакция).

Печатается первая редакция по беловому автографу в тетр. ПД 833 без учета позднейшей, 1827—1828 гг., правки; поздняя редакция — по беловому автографу ПД 907.

Датируется первая редакция октябрём—началом ноября 1824 г.; поздняя редакция 1828 г. (см. ниже).

Работа над черновым автографом стихотворения в тетради ПД 835 шла в октябре—начале ноября 1824 г. в несколько приемов. Основная часть текста (ст. 1—58) на л. 22 об.—23 об. была написана между 2 и 8 октября («2 окт<ября> 1824» — помета на л. 20 под черновым автографом строфы ХLI третьей главы «Евгения Онегина»; «1824 8 окт<ября>») («8» исправлено на «10») — помета на верхнем поле л. 27 об.); запись ст. 59—63 на л. 30 об. может быть датирована серединой—второй половиной октября (она предшествует черновику письма к В. А. Жуковскому от 31 октября на л. 36 об.—37); вероятно, вскоре после этого, в первых числах ноября был записан заключительный фрагмент, ст. 64—70 (работа начата на свободном месте в нижней части л. 35, под текстом черновика письма к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г. и сразу же перенесена на л. 37 об.). Видимо, около того же времени стихотворение было переписано в тетрадь ПД 833, заполнявшуюся беловыми автографами. Оно стало последним беловым текстом, записанным в тетрадь в 1821—1824 гг. в ходе ее последовательного заполнения.

Текст остался окончательно недоработанным (ст. 26, 29, 60). Позднее Пушкин обратился к нему, по-видимому, в июле 1827 г., когда продолжил последовательные записи в тетради ПД 833: несколько поправок (в ст. 13—16, 23, 28, 29) сделаны теми же бледными, «угасающими» чернилами, какими записано стихотворение «Арион» на л. 37, имеющее дату под текстом: «16 июля / <182>7». Спустя некоторое время стихотворение подверглось радикальной переработке, касающейся композиции и метрики и давшей вторую редакцию. В первой редакции четырехстопный ямб со ст. 37 сменяется шестистопным (который ближе к финалу перемежается строками четырех- и пятистопного), во второй Пушкин отказался от этой полиметрической структуры, отдав предпочтение единству четырехстопного ямба. Правка в ст. 1—36, написанных четырехстопным ямбом, делалась по тексту первой редакции на л. 33 об.—34 тетради ПД 833. Этот слой поправок выделяется светлыми коричневыми чернилами, ими же написан черновой автограф переработки второй части стихотворения на л. 49—50. Видимо, сразу после переработки стихотворение было вновь перебелено на отдельном листе (ПД 907). Первоначально вторая редакция стихотворения сохраняла общую композицию первой: за вызовом Клеопатры (ст. 1—20: «Чертог сиял. Гремели хором ~ Ценою жизни ночь мою?») следовал рассказ о выходе из толпы трех поклонников (ст. 37—48: «Рекла — и ужас всех объемлет ~ И ложе смерти их зовет»), далее клятва Клеопатры (ст. 21—36: «Клянись, о мать наслаждений ~ Глава счастливица отпадет»), далее (со стиха «Благословенные жрецами») — описание трех поклонников (ст. 49—73), кончавшееся стихами: «И грустный взор остановила / Царица гордая на нем». Перебелив текст, Пушкин сделал две заключительные поправки. На левом поле листа рядом с последними стихами был записан их новый вариант: «И с умилением на нем / Царица взор остановила»; первоначальный вариант ст. 72—73 при этом остался незачеркнутым. Клятва Клеопатры («Клянись, о мать наслаждений ~ Глава счастливица отпадет») отчеркнута по левому полю и отмечена значком переноса; место переноса в рукописи не обозначено. Отсутствие определенных авторских указаний послужило основани-

ем различных редакторских интерпретаций последней правки в посмертных публикациях стихотворения.

Работа над второй редакцией может быть датирована 1828 г. Черновому автографу второй части стихотворения в тетради ПД 833 предшествует автограф поздней редакции послания к Ф. Н. Глинке «Когда средь оргий жизни шумной...» на л. 48 об., датируемого сентябрем 1827—1828 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 694, примеч. С. Б. Федотовой). Бумага № 111, на которой записан беловой автограф ПД 907, встречается исключительно среди рукописей Пушкина 1828 г. (ПД 99, ПД 101, ПД 102, ПД 157, ПД 904 и ПД 908 — см.: Рукоп. П. 1937. С. 318; Рукоп. П. 1937. Дополн.). Автограф ПД 904, первоначальная редакция стихотворения «Не пой красавица при мне...», датирован: «12 июня 1828»; автограф стихотворения «Как быстро в поле вдруг открытом...» и чернового текста статьи о «Бале» Баратынского (ПД 908) точной даты внутри года не имеет; большая часть автографов, четыре из шести, относятся к октябрю—ноябрю 1828 г. — это два обрывка первой беловой рукописи «Полтавы» (ПД 99, ПД 101) с датами соответственно: «9 окт⟨ября⟩» и «16 окт⟨ября⟩ 1828»; беловой автограф строф LIV и LV седьмой главы «Евгения Онегина» (ПД 157), с пометой под текстом: «4 нояб⟨ря⟩. Малинники»; сложенный вдвое полулист с беловыми автографами стихотворений «Анчар», с пометой под текстом: «9 ноября 1828 Малинники —», и «Ответ Катенину» (ПД 102), с пометой: «10 ноябр⟨я⟩ 1828. Малинники». С. М. Бонди в Акад. (Т. 3. С. 1170) датировал переработку «Клеопатры» по большинству автографов на бумаге № 111 предположительно концом октября—началом ноября 1828 г. Б. В. Томашевский также относил ее к «осени 1828 г.» (Томашевский. Пушкин, II. С. 57).

Переработка 1828 г. повлекла за собой изменение жанровой природы произведения. Сложная метрическая организация первой редакции в сочетании с исторической тематикой, введением обширного монолога героини и общей лирической экспрессией текста указывала на жанровую связь с исторической элегией, утраченную во второй редакции, которая целиком написана размером, для этого типа элегии несвойственным (см.: Там же. С. 56—57).

Вновь к сюжету о Клеопатре Пушкин обратился в 1835 г. в связи с работой над прозаической повестью «Мы проводили вечер на даче...», непосредственно предшествовавшей замыслу «Египетских ночей». Он намеревался включить в текст повести стихотворный рассказ о Клеопатре — начало неоконченной поэмы, которое частью в прозаическом пересказе, частью стихами передает собравшемуся светскому обществу приятель ее автора. Судя по всему, отрывок «поэмы о Клеопатре», включенный в повесть, должен был кончаться вызовом Клеопатры — стихами: «Скажите, кто меж вами купит / Ценою жизни ночь мою?». Черновой автограф повести (ПД 1037) включает стихотворные наброски, являющиеся переработкой первой части текста 1828 г., существенно его меняющей и расширяющей. К переработке 1835 г. относятся также черновой автограф прозаического пересказа начала «поэмы» (ПД 217), черновой автограф стихотворного текста на л. 56—57 тетради ПД 846 и его перебеленный с правкой автограф на отдельном листе (ПД 216). Несколько особняком стоит не имеющий прямой текстуальной связи со стихотворными автографами в тетради ПД 846, на листе ПД 216 и в рукописи ПД 1037 черновой набросок «И вот уже сокрылся день...» на четверке почтовой бумаги с золотым обрезом без водяных знаков (ПД 215). Аналогичные сорта почтовой бумаги с правым полулистом без водяного знака встречаются среди рукописей Пушкина разных лет — это

бумага № 146 (1825 г.), № 148 (октябрь—декабрь 1830 г.), № 155 (1834—1835 гг.), № 237 (1825—1828 гг.).

Впервые стихотворение было опубликовано в «Современнике» (1837. Т. 8) В. А. Жуковским, включившим его в повесть «Египетские ночи» (решение, несомненно подсказанное Жуковскому рукописью повести «Мы проводили вечер на даче...»). Текст стихотворения был напечатан им по беловому автографу ПД 907, с неточностями в ст. 15 («Внемлите мне: могу равенство...» вместо: «Внемлите ж мне: могу равенство...»), 24 («Простой наемницей схожу» вместо: «Простой наемницей всхожу»), 27 («И боги грозного айда» вместо: «О боги грозного Айда»), 30 («Я сладострастно утолю» вместо: «Я сладострастно утомлю»), 32 («И дивной негой утомлю» вместо: «И дивной негой утолю») и 46 («Она навстречу им встает» вместо: «Навстречу им она встает»; здесь в принципе возможная интерпретация пушкинской правки над строкой). Учитывая последнюю пушкинскую правку в беловом автографе, Жуковский сделал перенос отчеркнутого фрагмента («Клянусь, о мать наслаждений ~ Глава счастливец отпадет») и поставил его в конец текста белового автографа, после заключительных стихов, также напечатанных им в соответствии с последним вариантом, записанным на полях рукописи: «И с умилением на нем / Царица взор остановила». В публикации Жуковского к тексту автографа ПД 907 был непосредственно присоединен текст автографа ПД 215 — отрывок «И вот уже сокрылся день ~ Блестает ложе золотое». Во всех последующих изданиях, начиная с Посм. и до Венг. включительно, стихотворение печаталось, как и в посмертной публикации «Современника», — в составе «Египетских ночей» в предложенной Жуковским композиции фрагментов: «Чертог сиял. Гремели хором ~ Ценою жизни ночь мою?» — «Рекла — и ужас всех объемлет ~ И ложе смерти их зовет» — «Благословенные жрецами ~ Царица взор остановила» — «Клянусь, о мать наслаждений ~ Глава счастливец отпадет» — «И вот уже сокрылся день ~ Блестает ложе золотое». В изданиях под редакцией П. А. Ефремова текст печатался дважды — в составе «Египетских ночей» и в корпусе стихотворений 1825 г. (в Ефр. 1880 под заглавием: «Египетские ночи»; в Ефр. 1882, Ефр. 1887 и Ефр. 1903—05 под заглавием: «Клеопатра»).

В 1924 г. в одномтомном издании под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева (Пушкин. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. 476—477) текст стихотворения был напечатан также в составе «Египетских ночей», но с существенными коррективами. Редакторы исключили фрагмент «И вот уже сокрылся день ~ Блестает ложе золотое» и, сохранив предложенную Жуковским перестановку клятвы Клеопатры в конец стихотворения, устранили очевидную метрическую ошибку, возникшую при этом композиционном решении: стих «Клянусь, о мать наслаждений» с женским окончанием не мог следовать после нерифмующегося с ним стиха «Царица взор остановила», тоже имеющего женское окончание (указание на эту ошибку см. также: Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей». С. 178). Соответственно Б. В. Томашевский и К. И. Халабаев были вынуждены вернуться к первоначальному варианту заключительных стихов автографа ПД 907: «И грустный взор остановила / Царица гордая на нем». В одномтомнике 1924 г. были напечатаны в соответствии с автографом ст. 24, 30, 32 и 46 (ст. 15 и 27 остались неисправленными). Тот же текст повторен в позднейших одномтомниках под редакцией Б. В. Томашевского (см.: Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 628; и переизд.).

В издании «Красной нивы» первая редакция «Клеопатры» была напечатана как самостоятельное произведение в корпусе пушкинских стихотворных текстов, в соста-

ве «неоконченных и неотделанных» стихотворений 1824 г. (КН. Т. 1. С. 354—355), вторая — по-прежнему в составе «Египетских ночей» (КН. Т. 4. С. 410—411). Готовивший текст этой повести С. М. Бонди учел решение Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева, напечатать заключительные стихи автографа ПД 907 в соответствии с первоначальным вариантом («И грустный взор остановила / Царица гордая на нем»), но сохранил, — правда, отделив его от предшествующего текста строкой отточий, — в составе стихотворения фрагмент «И вот уже сокрылся день ~ Блистает ложе золотое», который считал черновиком «нескольких стихов продолжения „Клеопатры”», и датировал предположительно концом 1820-х гг. (Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей». С. 178). Редакторское решение «Красной нивы» сохранялось во всех последующих изданиях, предшествовавших Акад., где стихотворение напечатано дважды по тексту поздней редакции — в корпусе стихотворных текстов 1828 г. (Т. 3. С. 130—132), под заглавием: «Клеопатра», и как редакторская вставка в текст повести «Египетские ночи» (Т. 8. С. 274—276), без заглавия; первая редакция перенесена в раздел «Другие редакции и варианты» (Т. 3. С. 685—687). В т. 3 Акад. С. М. Бонди повторил текст предшествующих изданий, но в виде четырех разделенных горизонтальными штрихами фрагментов: «Чертог сиял. Гремели хором ~ И ложе смерти их зовет», «Благословенные жрецами ~ Царица гордая на нем», «Клянусь, о мать наслаждений ~ Глава счастливых отпадет», «И вот уже сокрылся день ~ Блистает ложе золотое». Таким образом, стихотворение было интерпретировано как незавершенное и композиционно невыстроенное. В «Египетских ночах» тот же С. М. Бонди дал первые три фрагмента как единый текст без разделительных штрихов, а фрагмент «И вот уже сокрылся день ~ Блистает ложе золотое» вынес в подстрочное примечание как «возможное» «продолжение» стихов о Клеопатре. В Акад. (Т. 3. С. 1170) этот набросок датирован сентябрем—ноябрем 1830 г.

В Акад. в 10 т. (1) Б. В. Томашевский в корпусе стихотворений поместил первую редакцию «Клеопатры» под 1824 г. Поздняя редакция была напечатана им в составе «Египетских ночей» по тексту Акад. с тем же подстрочным примечанием (см.: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 219—221; Т. 6. С. 386—389). В Акад. в 10 т. (2) в корпус стихотворных текстов (Т. 2. С. 222—224) также включена первая редакция, а поздняя дана в составе «Египетских ночей», но в новой реконструкции (ее обоснование см.: Томашевский Б. В. Текст стихотворения Пушкина «Клеопатра» // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1955. № 200. Сер. филолог. наук. Вып. 25. С. 225—227; Томашевский. Пушкин, II. С. 58—59). Б. В. Томашевский исходил из представления о тексте 1828 г. как завершенном и композиционно выстроенном в автографе ПД 907. Он категорически отклонил саму возможность перенесения отчеркнутого фрагмента «Клянусь, о мать наслаждений ~ Глава счастливых отпадет» в конец стихотворения: «...вряд ли Пушкин стал бы изменять концовку стихотворения. Самая клятва, после того как вынуты жребии, звучит неоправданно» (Томашевский. Пушкин, II. С. 58). Возражение Томашевского против традиционно принятого в предшествующих изданиях композиционного решения выглядит совершенно справедливым не только с точки зрения логики поэтического сюжета. Перенос клятвы Клеопатры в конец текста исключает записанный на полях вариант последних стихов. Однако трудно предположить, чтобы Пушкин одновременно внес в текст две противоречащие друг другу поправки. Если принять в основной текст последний вариант ст. 72—73: «И с умилением на нем / Царица взор остановила», необходимо найти другое место для переноса отчеркнутого фрагмента, и единственное воз-

можное здесь решение — перенос его выше, к ст. 20, соединяющий две реплики Клеопатры в одну. Это восстанавливает «естественную», с точки зрения Томашевского, композицию стихотворения: «И в самом деле, после страшной клятвы Клеопатры гораздо понятнее стихи:

Рекла — и ужас всех объемер,
И страстью дрогнули сердца...»
(Там же).

Что касается наброска «И вот уже сокрылся день...», то его Томашевский уверенно отнес к группе автографов, связанных с переработкой начала стихотворения в 1835 г., прежде всего по бумаге, определенной исследователем как № 155. На этой бумаге написана часть белого автографа повести «Мы проводили вечер на даче...» (ПД 1036, л. 3—4) и один из автографов стихотворной части поэмы о «Клеопатре» 1835 г. (ПД 216; первоначально Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским его бумага была описана под отдельным № 239) (см.: *Томашевский Б. В.* Текст стихотворения Пушкина «Клеопатра». С. 224; Томашевский. Пушкин, II. С. 63). Кроме того, в наброске «И вот уже сокрылся день...», как и во всех текстах переработки 1835 г., отразилось стремление к точному и красочному воспроизведению исторических подробностей, резко отличающее их от первоначального замысла. Набросок обнаруживает близкие переключки с описательным прозаическим вступлением к стихотворному тексту 1835 г. (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 63) и, таким образом, является не «продолжением» текста 1828 г., а относится к начальной части вновь задуманной композиции и не может быть контаминирован с текстом автографа ПД 907. Трактовка наброска как «продолжения» «Клеопатры», т. е. как «переход к описанию купленных ночей» искажает замысел Пушкина, который ни в первой, ни во второй редакции стихотворения «не предполагал никакого „продолжения“ в форме рассказа о происшествиях, связанных с исполнением клятвы Клеопатры» (Там же).

Мнение Томашевского было лишь отчасти учтено в последующих изданиях: в Госл. в 10 т. (Т. 5. С. 284—285), где стихотворение не включено в корпус стихотворных текстов, а напечатано только в составе «Египетских ночей» по тексту Акад., примечание с наброском «И вот уже сокрылся день...» исключено (то же решение в Худ. лит. в 10 т.).

В настоящем издании текст поздней редакции печатается в реконструкции Б. В. Томашевского.

Стихотворение посвящено последней царице из династии Птолемеев, Клеопатре (Κλεοπάτρα Φιλοπάτωρ; 69—30 до н. э.), правившей эллинистическим Египтом до завоевания его в 30 г. до н. э. будущим императором Рима Октавианом Августом. Попытки выявить историко-литературные источники произведения к настоящему времени представляют собой лишь предварительную разработку проблемы. Основа сюжета восходит к апокрифическому рассказу о Клеопатре в книге «О знаменитых мужах города Рима» («De viris illustribus urbis Romae», 86.2), авторство которой в пушкинское время приписывалось римскому историку Сексту Аврелию Виктору (Sextus Aurelius Victor; ок. 320—ок. 390): «Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostituerit, tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint» (Она отличалась такой похотливостью, что часто торговала собой, такой красотой, что многие покупали ее

ночь ценой смерти — лат.). На этот источник указывает помета «*Aurelius-Victor*» в черновом автографе первой редакции стихотворения в тетради ПД 835, л. 22 об., а также использование цитаты и соответствующего сюжета с отсылкой к Аврелию Виктору в позднейших незавершенных произведениях Пушкина (см. «Мы проводили вечер на даче...» (Акад. Т. 8. С. 421) и «Египетские ночи» (Там же. С. 273—274)).

Достоверные сведения о времени и обстоятельствах знакомства поэта с указанным анекдотом отсутствуют. К 1824 г. книга «О великих мужах города Рима» могла оказаться в поле зрения Пушкина в латинском оригинале или, что более вероятно, в одном из французских переводов (книга переводилась неоднократно; см., например: *Aurelius Victor, Sextus*. 1) *Les Hommes illustres de l'ancienne Rome*. Paris, 1672; 2) *Les Hommes illustres de l'ancienne Rome / Traduction nouvelle avec le latin à costé*. Amsterdam, 1700; 3) *Les Hommes illustres de l'ancienne Rome / Traduction nouvelle, avec le latin à côté*. Lyon, 1713). Не исключено, однако, что источником Пушкину послужил текст-посредник: анекдот неоднократно цитировался и пересказывался в исторических сочинениях и справочных изданиях. См., например, статью о Клеопатре, включенную в один из изданных Ш.-Ж. Панкуком (*Panckoucke*; 1736—1798) дополнительных томов к знаменитой «Энциклопедии», первоначально выпускавшейся под редакцией Дидро и Д'Аламбера (*Supplément à l'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres / Mis en ordre et publié par [J.-J.-R. Robinet]*. Amsterdam, 1776. Т. 2. Р. 465); см. также: [*Hancarville P.-F. Hugues d'*]. *Monuments de la vie privée des douze Césars, d'après une suite de pierres gravées sous leurs règnes*. Caprée, 1780. Р. 44 (интерпретация анекдота, встроенного здесь в историю отношений Клеопатры и Марка Антония, с незначительными вариациями воспроизводится в изданиях: [*Croze-Magnan S.-C.*] 1) *L'Artin d'Augustin Carrache, ou Recueil de postures érotiques, d'après les gravures à l'eau forte, par cet artiste célèbre, avec le texte explicatif des sujets*. Paris, 1798. Р. 35; 2) *Les Amours des dieux payens. Orné de vingt figures*. Lampsaque, 1802. Т. 1. Р. 53; *Dictionnaire portatif, contenant les anecdotes historiques de l'amour depuis le commencement du monde jusqu'à ce jour*. 2e éd. Troyes, 1811. Т. 1. Р. 195; *Nougarède de Fayet A.-J.-S.* *Histoire de la révolution qui renversa la République romaine et qui amena l'établissement de l'Empire*. Paris, 1820. Т. 1. Р. 186 (в последнем случае в тексте упомянуто имя Аврелия Виктора и имеется ссылка на книгу «*De viris illustribus urbis Romae*»)). В перечисленных примерах анекдот, как правило, призван иллюстрировать неотражимую силу любовных чар Клеопатры или предельную степень ее развращенности (интерпретация, заимствованная европейской культурой из римской античности, — см. ниже).

Пересказ анекдота с указанием авторства Аврелия Виктора содержится также в IV книге романа «Эмиль, или О воспитании» («*Emile, ou de l'éducation*», 1762) Ж.-Ж. Руссо (*Rousseau*; 1712—1778), где он демонстрирует пагубные последствия всепоглощающей любовной страсти, способной заставить человека забыть о страхе смерти, который позволил бы ему следовать голосу разума: «Il n'est point vrai que le penchant au mal soit indomptable, et qu'on ne soit pas maître de le vaincre avant d'avoir pris l'habitude d'y succomber. Aurélius Victor dit que plusieurs hommes transportés d'amour achetèrent volontairement de leur vie une nuit de Cléopâtre; et ce sacrifice n'est pas impossible à l'ivresse de la passion. Mais supposons que l'homme le plus furieux, et qui commande le moins à ses sens vit l'appareil du supplice, sûr d'y périr dans les tourments un quart d'heure après; non-seulement cet homme, dès cet instant, deviendrait supérieur aux

tentations, il lui en coûterait même peu de leur résister: bientôt l'image affreuse dont elles seraient accompagnées le distrairait d'elles» (Неверно, будто склонность ко злу непреодолима и человек не может ее победить прежде, чем привыкнет ей подчиняться. Аврелий Виктор говорит, что многие мужчины, охваченные любовью, охотно купили ночь Клеопатры ценою жизни; такая жертва не представляется чем-то невозможным в опьянении страсти. Но предположим, что самый неистовый и менее всего способный управлять своими чувствами человек увидит орудие казни, уверенный в том, что через четверть часа погибнет в мучениях; с этого мгновения он не только окажется выше любых искушений, но самый отказ от них не будет ему дорого стоить: ужасная картина последствий быстро отвратит его от них — *фр.*) (*Rousseau J. J. Collection complète des œuvres. Genève, 1782. T. 9. P. 192—193*). Вероятно, Пушкин читал «Эмиля» еще до приезда в Михайловское (о внимании Пушкина к произведениям Руссо в кишиневский период (сентябрь 1820—июнь 1823 г.) см.: П. и мировая литература. С. 295—296 (статья Б. В. Томашевского и Л. И. Вольперт)); не исключено также, что текст романа был ему доступен в 1824 г.: 2-й том женевского собрания сочинений Руссо 1782 г. указан в каталоге сохранившихся к 1902 г. частей библиотеки села Тригорского ([*Модзалевский Б. Л.*] Каталог библиотеки села Тригорского : [Приложение I к Отчету Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук...] // *ПиС. Вып. 1. С. 27 (№ 73)*); возможно, что в период михайловской ссылки собрание имело там в полном комплекте). В библиотеке поэта было издание сочинений Руссо 1818—1820 гг. (Библиотека П. № 1332), однако текст «Эмиля» (т. 9—11) в нем не разрезан. Подробнее об «Эмиле» как вероятном источнике сюжета «Клеопатры» см.: *Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам // *Врем. ПК. Вып. 22. С. 93—97*; *Лотман Ю. М.* Заметки к проблеме «Пушкин и французская культура» // *Лотман. Пушкин. С. 362—364*.

Существенно, однако, что к указанному анекдоту у Пушкина восходит только один элемент сюжета: ночь, купленная ценой смерти. Образ Клеопатры и фигуры героев, принявших ее вызов, не находят соответствия ни в одном из перечисленных источников.

Первый претендент на ночь Клеопатры — римский воин, сподвижник Помпея (это имя носили несколько римских полководцев — см. ниже примеч. к ст. 53), противопоставивший надменному вызову Клеопатры собственное презрение к смерти. Его нежелание признать превосходство женщины или выказать перед ней слабость позволяет увидеть в этом образе своеобразную антитезу Марку Антонию (83—30 до н. э.), возлюбленному Клеопатры и ее союзнику в войне с Октавианом Августом. В литературных текстах римской античности, выражавших точку зрения победителей, этот альянс рассматривался как недостойный и самого полководца (якобы околдованного и покоренного Клеопатрой, чародейкой и блудницей), и всего Рима, которому угрожала перспектива подчиниться постыдной женской власти. См., например, XI элегию III книги «Элегий» («*Elegiarum*») Секста Проперция (*Sextus Propertius*; ок. 50—ок. 15 до н. э.): «*Quid mirare, meam si versat femina vitam...*», ст. 29—32, 39—42, 47—49 во французском переводе: «*Cette femme, pour prix d'un odieux hymen, / Demandait qu'à son char lâchement enchaînée, / Avec notre sénat, Rome lui fût donnée. / <...> / La reine sans pudeur du lubrique Pharos / Osa bien opposer son Nil à notre Tibre, / L'aboyant Anubis aux dieux d'un peuple libre / <...> / Quel intérêt si grand a fait chasser de Rome / Tarquin, tyran superbe, ainsi qu'on le surnomme, / S'il fallait qu'une femme héritât de ce roi?*» (Эта женщина, в награду за постыдный союз, / Потребовала, чтобы к ее колеснице был вероломно прикован / Вместе с

нашим сенатом отданный ей Рим. / <...> / Бесстыдная царица похотливого Фараоса / Посмела противопоставить свой Нил нашему Тибру, / Лающего Анубиса богам свободного народа / <...> / Много ли проку в изгнании из Рима / Тарквиния, тирана, прозванного гордым, / Если место этого царя заняла женщина? — *фр.*) (*Properce. Seule traduction complète en vers français / Par J. P. Ch. de Saint-Amand. Paris; Bourges, 1819. P. 313, 315*). Гораций в IX оде из книги эподов с негодованием упоминает о римлянах, унизившихся до службы женщине (*Hor. Epod. IX, 11—16*) — ср. в прозаическом французском переводе Р. Бине (*Binet; 1729—1812*): «Des Romains, siècles futurs, vous ne le croirez pas, des soldats Romains vendus à une femme, portent les armes sous ses ordres, et ne rougissent pas d'obéir à des Eunuques décrépits; et le soleil voit nos étendards rangés autour du pavillon d'une Egyptienne» (<Римляне грядущих веков, вы не поверите; солдаты Рима, проданные женщине, служат ей и не краснеют, подчиняясь дряхлым евнухам; и солнце зрит наши штандарты вокруг шатра египтянки — *фр.*>) (*Traduction des Œuvres d'Horace, par René Binet. Paris, 1809. T. 1. P. 273*; см. также поэтический перевод П. Дарю (*Daru; 1767—1829*): *Horace. Œuvres complètes / Trad. en vers par P. Daru. Paris, 1816. T. 1. P. 315, 317*; оба перевода имелись в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 1001, 1002, издание перевода П. Дарю не разрезано)). О роковой власти Клеопатры над Марком Антонием и об опасности, которую она представляет для Рима, упоминает Марк Анней Лукан (*Marcus Annaeus Lucanus; 39—65*) в поэме «Фарсалия, или О гражданской войне» («*Bellum civile sive Pharsalia*»; X, 59—71) — см. в прозаическом переводе Ж.-Ф. Мармонтея (*Marmontel; 1723—1799*): «...femme dangereuse, l'opprobre de l'Égypte, l'Erynnis des Latins, et dont les coupables attraits ont fait le malheur de Rome. <...> Qui peut, trop foible Antoine, ne pas te pardonner, ton amour insensé pour elle? L'âme inflexible de César a respiré les mêmes feux» (<...коварная женщина, позор Египта, Эриния римлян, чьи преступные прелести навлекли несчастье на Рим. <...> Кто сможет, слабодушный Антоний, не простить тебя, твою безумную любовь к ней? Непреклонная душа Цезаря дышала тем же пламенем — *фр.*>) (*Marmontel J.-F. Œuvres complètes. Liège, 1777. T. 5. P. 235*). Цитированные произведения составляют вероятный контекст, мотивирующий поведение пушкинского героя. Подробнее см.: *Астафьева О. В.* 1) Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра» // Владикавказские Пушкинские чтения : Сб. науч. тр. Владикавказ, 1993. Вып. 1. С. 447—448; 2) Стихотворение Пушкина «Клеопатра» : Лирический контекст и литературная традиция // *Время. Личность. Культура.* СПб., 1997. С. 73—74; см. также ниже примеч. к ст. 53.

Второй претендент, Критон — представитель греческой культуры, на что методически указывает упоминание в первой редакции его родины Арголиты, одной из областей Древней Греции на полуострове Пелопоннес, центром которой был город Аргос (начиная с «Илиады» Гомера этноним «аргивяне» и название города Аргос использовались для обозначения греков и Греции вообще — см. об этом, например: *Клейн Л. С.* *Анатомия «Илиады».* СПб., 1998. С. 88—90). Описание персонажа меняется от первой ко второй редакции. Первоначально он — «изнеженный мудрец» или, в одном из черновых вариантов, «софист» (здесь, по-видимому, синоним «мудреца» — см.: *СЯП 2000. Т. 4. С. 316*), «беспечный ветреник», «повеса» и поэт, воспевающий пиры и любовь; этот спектр характеристик сближает Критона с лирическим героем анакреонтической поэзии XVIII—начала XIX в. См., например, характеристику Анакреонта в «Ручной книге древней классической словесности» (СПб., 1816. Т. 1. С. 248) Н. Ф. Кошанского: «лирический певец любви и вина»

(ср. в «Клеопатре»: «...певец / И пламенных пиров, и пламенной Киприды») или в поздней редакции стихотворения Пушкина «Гроб Анакреона» (1815): «сладо-страстия мудрец» (наст. изд., т. 1, с. 147) (см. также: Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. [Вып.] 6. С. 99, 101—102; П. и мировая литература. С. 10—11 (статья С. Б. Федотовой)). В редакции 1828 г. характеристика Критона несколько меняется: он становится поэтом и мудрецом, «рожденным в рощах Эпикура» (последнее определение — метафора прирожденной склонности к эпикурейству; ср., например, аналогичный способ характеристики поэтического дара в стихотворении Пушкина «Батюшкову» (1815) («В пещерах Геликона / Я некогда рожден...» — наст. изд., т. 1, с. 105) или в послании «А. С. Пушкину» (1828) П. А. Катенина («...Кто сыном Фебовым рожден» — Катенин П. А. Избр. произв. М.; Л., 1965. С. 185 (Б-ка поэта; Большая сер.)). «Сад Эпикура» — название философской школы, располагавшейся в афинском саду, принадлежавшем ее основателю, греческому философу Эпикуру (Επικουρος; 341—270 до н. э.). Известное и широко употреблявшееся в пушкинское время, это выражение могло использоваться метафорически (см., например, письмо Фридриха II к Вольтеру от 2 июля 1759 г.: «Il n'y a que l'égide de Zénon pour les calamités, et les couronnes du jardins d'Épicure pour la fortune» (Противостоять бедам можно только под эгидой Зенона, а судьбе — под кронами садов Эпикура — фр.) (Voltaire. Œuvres complètes. Paris, 1820. Т. 41. P. 25; в имевшемся в библиотеке Пушкина собрании сочинений Вольтера 1817—1820 гг. все тома переписки разрезаны — Библиотека П. № 1491)). Учение Эпикура, изложенное в поэме его последователя, римского поэта Тита Лукреция Кара (Titus Lucretius Carus; ок. 96—55 до н. э.) «О природе вещей» («De rerum natura»), было прочно усвоено европейской культурой, неоднократно воспроизводилось и варьировалось позднейшими авторами. В «Клеопатре» эпикурейство понимается в первую очередь как культ чувственных наслаждений (ср. использование имени Эпикура в более ранних поэтических текстах Пушкина, например: «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») (1814) («Дай бог любви, чтоб ты свой век / Питомцем нежным Эпикура / Провел меж Вакха и Амура» — наст. изд., т. 1, с. 46); «Пирующие студенты» (1814) («Апостол неги и прохлад, / Мой добрый Г<алич>, vale! / Ты Эпикуров младший брат, / Душа твоя в бокале» — там же, с. 64)). Такая трактовка восходит не к самому Эпикуру, а к его истолкователям и возникла лишь в позднеримскую эпоху. Не исключено, что в контексте стихотворения определенную значимость получало и учение Эпикура о смерти: утверждая неразрывное единство природы тела и души, в равной степени подверженных разрушению, и доказывая невозможность загробного существования, философ считал, что таким образом избавляет человека от страха перед небытием, которое попросту невозможно ни чувствовать, ни переживать. В библиотеке Пушкина имелась поэма Лукреция во французском переводе, а также составленная Ж.-Ж. Руссо выборка из нее — см.: Библиотека П. № 619, 1332. Об эпикурейских мотивах у Пушкина см., например: Мальчукова Т. Г. О восприятии Пушкиным поэмы Лукреция // От сюжета к мотиву: Материалы к «Словарию сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск, 1996. С. 126—136; П. и мировая литература. С. 191—192 (статья С. Б. Федотовой). О Критоне см. также ниже, примеч. к ст. 59—60.

Сюжет, намечающий взаимоотношения царицы Египта, которая призывает в свидетели своей клятвы подземных богов, с третьим претендентом на ее ложе, примечательным лишь юностью и пылкостью, обнаруживает переключки со стихотворением Пушкина «Прозерпина», где изображены «гордая царица» ада и очарованный

его юный смертный. Этот вольный перевод XXVII картины «Превращений Венеры» («Les déguisements de Vénus», 1805) Парни (Parny; 1753—1814) был завершён в том же 1824 г., когда сформировался замысел «Клеопатры» (ср. ст. 38—47 «Клеопатры» редакции 1824 г. («Забыты мною днесь венец и багряница ~ Всея чашею любви послушно упою...» — наст. т., с. 20) и ст. 24—29 «Прозерпины» («Прозерпина в упоенье, / Без порфиры и венца, / Повинуется желаньям, / Предает его лобзанням / Сокровенные красы, / В сладострастной неге тонет...» — наст. т., с. 5; багряница — то же, что порфира, верхняя одежда пурпурного цвета, знак верховной власти)). В целом, однако, сюжеты двух стихотворений различны: в «Прозерпине» страсть любовников изначально взаимна и не заканчивается для героя гибелью (см.: *Суздальский Ю. П.* Античный мир в изображении А. С. Пушкина // Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974. С. 6; Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 38; *Кузнецов И. С.* Система лирических ситуаций в романтической поэзии Пушкина. М., 1999. С. 122; *Иваницкий А. И.* Чудо в объятиях истории : Пушкинские сюжеты 1830-х годов. М., 2008. С. 70—72).

Число и состав персонажей-партнеров Клеопатры — война, поэта-эпикурейца и пылакого юноши — по-видимому, не случайны. Ср. отчасти сходный набор претендентов на внимание красавицы в стихотворении К. Н. Батюшкова «Отъезд» (1805):

И Марс высокий, в битвах смелый,
И Селадон плаксивый тут,
И юноша ещё незрелый
Тебе сердечну дань несут.

(Батюшков. Соч. 1934. С. 230)

В известной степени близок к этому перечню состав соперников главного героя в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» (1820):

Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир...

(Акад. Т. 4. С. 8)

В ст. 37 второй редакции «Клеопатры» («И первый — Флавий, воин смелый») появится неточная текстуальная параллель к первому стиху процитированного фрагмента. См.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 244; *Степанов Л. А.* Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...» : Источники и творческий процесс // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 42. О. В. Барский указывал, что три похожие фигуры окружают царицу Египта у пиршественного стола на одной из версий картины Дж.-Б. Тьеполо (Tiepolo; 1696—1770) «Пир Клеопатры» (1747): воин Марк Антоний, облаченный в роскошные одежды армянский царь Артавазд и юный паж (подробнее см.: *Барский О. В.* Пушкин и Тьеполо // Пушкин и время. Томск, 2010. С. 305—307). Сомнительно, однако, что сюжет Тьеполо мог послужить Пушкину источником: по-

лотно хранилось в коллекции князя Н. Б. Юсупова (1750—1831) в Архангельском, и поэт мог увидеть его, когда навещал Юсупова в его подмосковном дворце в марте—апреле 1827 г. (Черейский. С. 517—518; Летопись 1999. Т. 2. С. 256), т. е. уже после написания первой редакции «Клеопатры» 1824 г.

Некоторые детали стихотворения предположительно восходят к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха (по воспоминаниям О. С. Павлицевой, Пушкин читал Плутарха уже в 9-летнем возрасте — вероятно, по одному из изданий «Сравнительных жизнеописаний» во французском переводе Жака Амю (в 22 т. — изд. 1783—1787 гг., или в 25 т. — изд. 1801—1806 гг.) (см.: П. в восп. Т. 1. С. 45, 444); в Лицее имелось издание «Плутарх для юношества, или Житие славных мужей всех народов, от древнейших времен донныне, с гравированными их портретами / Изданное П. Бланшаром, пер. с франц.» (М., 1809); в русском переводе книга выходила в 1809, 1814 и 1823 гг.; об этом переводе упоминает А. Д. Илличевский в письме к П. Н. Фуссу от 2 сентября 1815 г. — см.: Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817) : Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 50—51; существовали и полные русские переводы «Сравнительных жизнеописаний», в том числе и с греческого оригинала — например, перевод Спиридона Дестуниса, вышедший в свет в 1820 г.). Прежде всего это касается описания пира Клеопатры в ст. 1—2 редакции 1828 г.: образ «сияющего чертога» находит параллель в рассказе Плутарха о пиршественном зале Клеопатры, украшенном в честь приема Марка Антония: «...entre autres choses, ce dequoy plus il s'esmerveilla, fut la multitude des lumieres et flambeaux suspendus en l'air et esclairsans de tous costez, si ingenieusement ordonnez et disposez à deviser les uns en rond, les autres en quarré, que c'estoit l'une des plus belles et plus singulieres choses à veoir que l'œil eust sceu choisir, don't il soit fait mention par les livres» «...среди прочих вещей, которым он особенно дивился, было множество огней и факелов, подвешенных в воздухе и льющих свет со всех сторон, столь искусно собранных и расположенных кругами и квадратами, что это составляло одно из самых прекрасных и особенных доступных взору зрелищ, о которых написано в книгах — *фр.*) (Millin A.-L. Les Vies des hommes illustres // Plutarque. Œuvres / Trad. du Grec par Amyot. Nouv. éd. Paris, 1802. Т. 8. P. 303; эта деталь неоднократно упоминается в позднейших текстах — см., например: (Plutarque. Dictionnaire des beaux-arts. Paris, 1806. Т. 2. P. 262; Rollin Ch. Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium: c'est-à-dire jusqu'à la fin de la république. Paris, 1820. Т. 15. P. 214; см. также примеч. к ст. 53 первой редакции). Упоминание о сопровождающих пир музыке и пении («...Гремели хором / Певцы при звуке флейт и лир») перекликается с повествованием Плутарха о великолепных празднествах на острове Самос во время подготовки к военному выступлению против Октавиана Августа («...en ceste isle seule par plusieurs jours on n'ouit autre chose que chantres et sonneurs d'instruments, et estoient les theatres pleins de joueurs de comœdiens et de musiciens, chantans et sonnans des instruments à l'envy les uns des autres» «...на этом одном острове в продолжение многих дней были слышны лишь песни и звуки музыкальных инструментов, и театры были полны комедиантов и музыкантов, поющих и играющих на музыкальных инструментах к зависти друг друга — *фр.*) (Plutarque. Les Vies des hommes illustres. P. 355). Плутарх также упоминает о голосе Клеопатры как одном из источников ее обаяния: «...et si y avoit oultre cela grand plaisir au son de sa voix seulement et à sa prononciation, pource que sa langue estoit comme un instrument de musique à plusieurs jeux et plusieurs registres...» «...и кроме того, великое удовольствие доставляли сам звук ее голоса и манера гово-

рять, потому что ее язык был подобен музыкальному инструменту с множеством тональностей и множеством регистров... — *фр.*) (Ibid. P. 304) — ср. у Пушкина: «Царица голосом и взором / Свой пышный оживляла пир...» (отмечено: Степанов Л. А. Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...». С. 37); современный Пушкину русский перевод процитированных фрагментов из Плутарха см. соответственно: Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей / Пер. с греч. С. Дестунис. СПб., 1820. Ч. 12. С. 168, 231, 169.

Образ «золотой чаши» (или в черновых вариантах «кубка») в руках у пирующей Клеопатры («Но вдруг над чашей золотой / Она задумалась...»), возможно, связан сразу с двумя легендарными сюжетами, восходящими к «Естественной истории» (Naturalis historia, ок. 77 г. н. э.) Плиния Старшего (Plinius Major, наст. имя: Gaius Plinius Secundus; между 22 и 24—79). Первый — история спора Клеопатры и Марка Антония о том, чей пир будет пышнее; Клеопатра растворила в чаше с искусом драгоценную жемчужину и выпила напиток, тем самым одержав победу (Plin. Nat. Hist. IX, 119—121). Действие второго также разворачивается на пиру: Марк Антоний боялся отравления и не принимал пищу, которую до него не пробовали. Клеопатра, желая продемонстрировать ему свою власть над ним и свою любовь, пропитала ядом цветы на его венке и предложила каждому бросить лепестки своего венка в пиришественную чашу. Антоний согласился, однако Клеопатра не позволила ему выпить и, отдав вино осужденному преступнику, показала, как легко могла бы убить своего возлюбленного, если бы захотела и смогла жить без него (Plin. Nat. Hist. XXI, 12). Во французских переложениях и пересказах обеих легенд чаша часто оказывается золотой (см., например: Histoire universelle sacrée et profane, composée par ordre de Mesdames de France. Paris, 1754. Т. 5. P. 411; Nouveau dictionnaire historique-portatif, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un Nom... Amsterdam, 1774. Т. 1. P. 566; [Gérard L.-Ph.] Les Leçons de l'Histoire, ou Lettres d'un père à son fils, sur les faits intéressants de l'histoire universelle. Paris, 1812. Т. 11. P. 626; [Broë S. de]. Histoire des deux triumvirats, depuis la mort de Catilina... jusqu'à celle d'Antoine. Amsterdam, 1719. Т. 3. P. 162; [Catrou F., Rouillé P.-J.] Histoire Romaine : Octavien-César, Marc-Antoine et Lépid, empereurs, sous le nom de triumvirs. Paris, 1734. Т. 18. P. 642). Обе легенды содержат ключевую для пушкинского стихотворения ситуацию вызова и противостояния влюбленных-соперников, хотя, разумеется, речь здесь может идти лишь о самых отдаленных параллелях (см.: Астафьева О. В. Стихотворение Пушкина «Клеопатра». С. 74—75).

В исследовательской литературе неоднократно отмечалось наличие частных образных и фразеологических параллелей между комментируемым стихотворением и трагедией Шекспира «Антоний и Клеопатра» («Antony and Cleopatra», опубл. 1623), сюжет которой в значительной степени опирается на повествование Плутарха; вместе с тем точные сведения о знакомстве Пушкина с этим произведением к моменту создания первой редакции «Клеопатры» отсутствуют (парижское издание произведений Шекспира 1821 г. во французском переводе П. Летуэрнера (Letourneur; 1796—1877) имелось в библиотеке поэта (Библиотека П. № 1389, страницы 3-го тома с текстом «Антония и Клеопатры» разрезаны); о чтении Шекспира Пушкин упоминает в письме к П. А. Вяземскому из Одессы в апреле—первой половине мая(?) 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 92)). Известно о внимании поэта к Шекспиру и, предположительно, к трагедии «Антоний и Клеопатра» в период работы над «Борисом Годуновым» (см.: Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Лотман. Пушкин. С. 285—286; Перлина Н. «Борис Годунов» и «Ан-

тоний и Клеопатра» : «Бывают странные сближения» // РЛ. 2005. № 2. С. 109—125; наст. изд., т. 7, с. 617—621, примеч. Л. М. Лотман), начавшейся в декабре 1824 г., т. е. приблизительно спустя месяц после окончания работы над первой редакцией «Клеопатры»; с просьбой о присылке в Михайловское издания Шекспира поэт обратился к Л. С. Пушкину в ноябре—декабре 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 131).

Сопряжение мотивов смерти и пира — одна из значимых составляющих гораццианско-анакреонтической традиции, которая воспринималась русской словесностью начала XIX в. сквозь призму европейской (в частности, французской) поэзии XVIII в. Прежде всего речь идет о мотиве чувственного и эстетического наслаждения жизнью перед лицом неизбежной смерти — см., например, замечание в «Лицее» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805. Т. 1—16; рус. пер. 1810—1814. Ч. 1—5) Ж.-Ф. Лагарпа (Laharpe, La Harpe; 1739—1803): «...самые сладострастные стихотворцы, каковы были Анакреон, Гораций, Тибулл, Катулл, в самых описаниях удовольствия весьма охотно помещали и изображение смерти. Они приглашали ее на свои празднества и сажали, так сказать, с собою за стол как бы некую гостью, которая не только приводила их в уныние, но и советовала им продолжать жизнь в удовольствиях. Гораций во многих местах од своих с удовольствием воспоминает о необходимости умереть» (*Лагарп И. Ф.* Ликей, или Курс словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 2. С. 339). В число устойчивых составляющих поэтической картины дружеского пира, описание которого в текстах пушкинского времени часто сочетается с размышлением о смерти, входит золотая чаша (см., например, «Веселый час» (опубл. 1810) и «Мои пенаты» (опубл. 1814) К. Н. Батюшкова), которая в другой образной системе координат являет собой один из хорошо узнаваемых атрибутов легендарной царицы (см. выше). Образ Клеопатры, погрузившейся в раздумья посреди внезапно стихшего веселья (ст. 6—10 редакции 1824 г.: «Но вдруг над чашей золотой / Она задумалась — и долу / Поникла дивною главой. / И пышный пир как будто дремлет, / И в ожиданьи всё молчит...»); те же стихи с небольшими изменениями присутствуют и в редакции 1828 г.), перекликается с картиной умолкнувшего пира в очерке Н. М. Карамзина «Афинская жизнь» (1793): здесь союз пирующих друзей скрепляет круговая «златая чаша, обвитая розами и наполненная вином гераклейским»; представленная гостям история гибели Орфея приглушает радость; друзья задумываются об эфемерности жизни перед лицом неизбежной смерти («Легкое облако задумчивости осенило пирующих. Чаши, розами оплетенные, стояли перед нами неподвижно. Молчание царствовало». — *Карамзин Н. М.* Афинская жизнь // Карамзин Н. М. Соч. 3-е изд. М., 1820. Т. 7. С. 76, 860; о значимости «Афинской жизни» Карамзина для оформления топоса «смерть на пиру» в русской поэзии начала XIX в. см.: *Виролайнен М. Н.* Две чаши : (Мотив пира в дружеском послании 1810-х годов) // Виролайнен М. Н. Речь и молчание : Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2017. С. 291—311; другую параллель к ст. 6—10 см. ниже, в примеч. к ним). Следует отметить, однако, что традиционное сочетание мотивов смерти и пира в поэзии 1810—первой половины 1820-х гг. чаще всего реализуется в варианте «блаженная, счастливая смерть» (см.: Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 91—104), в то время как более широкий контекст «Клеопатры» составляет поэтическая интерпретация смерти как апофеоза наслаждения или эмоционального напряжения (см., например, у Пушкина: «Во цвете лет, свободы верный воин, / Перед собой кто смерти не видал, / Тот полного веселья не вкушал / И милых жен объятий не достоин» («Мне бой знаком — люблю я звук мечей...», 1820) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 72); та же тема разрабатывается

в «маленьких трагедиях» (1830): в «Пире во время чумы» (гимн Председателя) и «Моцарте и Сальери» (намерение Сальери покончить счеты с жизнью, пережив высшее из возможных наслаждений искусством). Вариация этой темы — добровольная смерть как предельное выражение страсти — получает воплощение в русской лирике и прозе конца 1820-х — первой половине 1830-х гг., отчасти под влиянием «неистойвой словесности» (см., например, «Румилийскую песнь» (1829) В. Г. Теплякова, «Алине» (1827 или 1828) А. А. Бестужева-Марлинского, «Призвание» (1833) А. И. Полежаева, «Ледяной дом» (1835) И. И. Лажечникова, «Сознание» (1836) В. Г. Бенедиктова) (подробнее см.: *Вацуро В. Э. Три Клеопатры // Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged.*, 1995. Т. 21. С. 211—212; *Непомнящий В. С. Условие Клеопатры: (К творческой истории повести «Египетские ночи»: Пушкин и Мицкевич) // Пушкин в XXI веке: Сб. в честь В. С. Непомнящего. М., 2006. С. 617, 634—635; *Иванецкий А. И. Чудо в объятиях истории. С. 38).**

Монолог Клеопатры, написанный александрийским стихом, характерным, в частности, для классицистической трагедии, дал повод выдвинуть гипотезу о драматургическом источнике пушкинского текста (*O'Bell L. Pushkin's «Egyptian nights».* Ann Arbor, 1984. P. 23—24). На сегодняшний день эта версия не нашла подтверждения. О драматических и, шире, театральных воплощениях образа Клеопатры к моменту создания стихотворения см.: *Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 133—134; Рак В. Д. «Обшикать Федру, Клеопатру...» // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 246—264.*

Высказывалось предположение, что сюжет «Клеопатры» представляет собой, кроме всего прочего, поэтическое размышление о природе абсолютной власти. В рамках этой интерпретации проводились отдаленные параллели между образом Клеопатры и пушкинской характеристикой Екатерины II как коварной и властолюбивой правительницы, которая умело манипулировала чужими страстями ради утверждения собственного могущества («Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество» — «⟨Заметки по русской истории XVIII века⟩» (1822) (Акад. Т. 11. С. 15); см.: *Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе. С. 290. Гипотетическое соответствие образов Клеопатры и Екатерины II отчасти находит опору в литературе пушкинского времени: так, именно с Клеопатрой сравнивал Екатерину II австрийский дипломат, писатель и мемуарист Шарль-Жозеф де Линь (Ligne; 1735—1814), описывая путешествие императрицы по России (Lettres et pensées de maréchal prince de Ligne / Publ. par Mad. la Baronne de Staël Holstein. 4e éd. Paris, 1809. P. 44—45; русский перевод: Письма и мысли маршала принца де Линь, изданные в свет баронессой Стаэль Голстеин / Пер. с фр. М. И⟨льин⟩ским и А. И⟨вано⟩вым: В 2 ч. М., 1809. Ч. 1. С. 84—85); замечание, содержащее упомянутое сравнение, цитируется также в мемуарах французского историка и дипломата при российском дворе графа Луи Филиппа де Сегюра (Ségur; 1753—1830) (Mémoires ou Souvenirs et anecdotes, par M. le Comte de Ségur. 3e éd. Bruxelles, 1927. Т. 3. P. 124) (см.: *O'Bell L. Pushkin's «Egyptian nights».* P. 22). Отмечались фразеологические и образные переключки между описанием чертогов Клеопатры в текстах Пушкина 1824 и 1828 гг. и дворца Екатерины II в стихотворениях Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789) и «Развалины» (1797) (см. ниже, примеч.*

к ст. 1—2 редакции 1828 г.). Эти параллели, однако, могут носить случайный характер.

Кроме прозаического наброска «Мы проводили вечер на даче...» и незавершенной повести «Египетские ночи» имя Клеопатры встречается в плане «〈Повести из римской жизни〉» (1833—1835) в одной из намеченных тем разговоров Петрония и его друзей во время ночных пиров: «О Клеопатре — наши рассуждения о том» (Акад. Т. 8. С. 936). К образу Клеопатры — но уже вне сюжетного развития — Пушкин возвращался и в строфе XVI восьмой главы «Евгения Онегина» (начата в самом конце 1829 г., завершена осенью 1830 г.), где появляется «ослепительная» и знаменитая «мраморной красою» «Клеопатра Невы» — Нина Воронская (Акад. Т. 6. С. 172). Высказывалось небесспорное предположение, что ее прототипом послужила А. Ф. Закревская (1799—1879), жена финляндского генерал-губернатора А. А. Закревского, красавица, постоянно сопровождаемая поклонниками, не желавшая считаться с условностями в проявлениях чувств и давшая обильную пищу злобловию (см.: *Вересаев В. В.* В двух планах : Статьи о Пушкине. М., 1929. С. 97—102). Увлечением Пушкина Закревской в 1828 г. иногда объясняют происшедшее в это время возобновление его интереса к теме Клеопатры (см.: *Игошева Т. В.* Образ Клеопатры в творчестве Пушкина, Блока, Ахматовой // Пушкин : Историко-литературный, лингвистический и культурный аспекты. СПб., 2000. С. 170; *Иваницкий А. И.* Чудо в объятиях истории. С. 75—76). Более произвольной представляется попытка увидеть прототип Клеопатры в К. А. Собаньской (ок. 1794—1885) (см.: *Ахматова А. А.* Две новые повести Пушкина // Ахматова А. А. О Пушкине : Статьи и заметки. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 191—199, 202).

Интерес Пушкина к сюжету о Клеопатре не иссяк и в последний год его жизни. В списке книг, доставленных ему 15 августа 1836 г. (см.: Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 55, 58 (Летописи Гос. литературного музея. Кн. 5)), значится роман Жюль де Сен-Феликса «Клеопатра, египетская царица» (*Saint-Félix J. de. Cléopâtre Reine d'Égypte. Roman. Paris, 1836; Библиотека П. № 1340; оба тома разрезаны*).

Заслуживают упоминания несколько существенных литературных откликов на стихотворение, появившихся после посмертной публикации его второй редакции в составе «Египетских ночей». Не исключено, что пушкинский сюжет послужил одним из претекстов баллады М. Ю. Лермонтова «Тамара» (1841), повествующей о прекрасной демонической соблазнительнице, ночь любви с которой неизбежно завершается для претендента смертью (см.: *Вацуро В. Э., Шадури В. С.* «Тамара» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 559—560; *Вацуро В. Э.* Три Клеопатры. С. 210—211). Ф. М. Достоевский в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (впервые: *Время*. 1861. № 5. Отд. 5. С. 15—39, без подписи) интерпретировал образ царицы Египта как воплощение пороков и страстей древнего мира, стоящего на пороге гибели, и усматривал в «Клеопатре» своеобразную аллегория развращенного и скучающего современного общества, чувства которого будоражат лишь жестокие эмоции и извращенные желания, — трактовка, отчасти подсказанная включением стихотворения в контекст «Египетских ночей» (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 132—137, 301—302, примеч. А. И. Батюто; о реминисценциях из пушкинской «Клеопатры» в творчестве Достоевского см. также: *Касаткина Т. А.* «Ценою жизни ночь мою...» : Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 16—21). Перу В. Я. Брюсова принадлежит продолжение, т. е. в действительности стилистическая и содержательная переработка «Клеопатры» — поэма «Египетские ночи» (впервые:

М., 1916), акцентирующая эротическую составляющую пушкинского сюжета (см., например: *Жирмунский В. М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина : Опыт сравнительно-стилистического исследования // *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 175—198).

Редакция 1824 г.

Ст. 6—10. *Но вдруг над чашей золотой ~ И в ожиданьи всё молчит...* — Сцена «задумчивости на пиру» сопоставима с изображением окруженного рабами и погруженного в печаль восточного деспота, хана Гирея, в экспозиции поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823):

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце,
Благоговя, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.

(Акад. Т. 4. С. 155)

См.: *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. Л., 1987. С. 289.

Ст. 13—15. *«Внемлите мне: могу равенство Меж вас и мной восстановить. В моей любви для вас блаженство...»* — Рифма «блаженство» — «равенство», по-видимому, носит устойчивый характер и неоднократно встречается в русской поэзии. См., например, у Г. Р. Державина в «Объявлении любви» (1770) («Представь в уме сие блаженство, / И ускоряй его вкусить: / Любовь лишь с божеством равенство / Нам может в жизни сей дарить») или в семантически контрастном по отношению к комментируемому фрагменту пассаже из оды «Изображение Фелицы» (1789), в котором речь идет о народах, покорных воле Екатерины II: «Струили б слезы — и блаженство / Своих проразумя дней, / Забыли бы свое равенство / И были все подвластны ей...» (Державин. Т. 1. С. 2, 275); отмечено: *Барский О. В.* Пушкин и Гьеполо. С. 308. Та же рифма, впрочем, может появляться и в принципиально иных контекстах (см., например, ст. 18—20 стихотворения Пушкина «Горишь ли ты, лампада наша...» (1821) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 21) или ст. 43—44 «Андрея Шенье» (1825) (наст. т., с. 55)).

Ст. 20. *Ценою жизни ночь мою?»* — Стих фразеологически соотносится с изложением анекдота у Псевдо-Аврелия Виктора («многие покупали ее ночь ценой смерти» — см. выше, с. 545—546) и отчасти перекликается с фрагментом (ст. 138—140) стихотворения Пушкина «Разговор Книгопродавца с Поэтом» (26 сентября 1824 г.): «Где та была, которой очи, / Как небо, улыбались мне? / Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?» (ср. вариант ст. 140: «Что жизнь? — одна ли, две ли ночи?» — наст. т., с. 12, 163); последний стих процитированного фрагмента казался Пушкину особенно удачным (см. письмо Л. С. и О. С. Пушкиным 4 декабря 1824 г.) (см.: *Лотман Ю. М.* Заметки к проблеме «Пушкин и французская культура». С. 364; *Астафьева О. В.* Стихотворение Пушкина «Клеопатра». С. 66).

Ст. 37. *И снова гордый глас возвысила царица...* — О гордости Клеопатры в стихотворении упоминается неоднократно (см. варианты: «Царица гордая взглянула»; «И гордо взор ее блещит», «И Клеопатра в ожиданьи — / С холодной гордостью лица»; «Царица гордо восстает...»; «И гордый взор она обводит» — наст. т., с. 196, 198, 200, 201, 205). Возможно, эта деталь восходит к описанию Клеопатры в текстах античных авторов. Цицерон жаловался на ее высокомерие в письме к Титу Помпонию Аттику 13 июня 44 г. (Att., XV, 15) — ср. во французском переводе: «Je suis encore vivement piqué de la hauteur avec laquelle la Reine d'Égypte me traita...» «Я все еще живо задет надменностью, с которой со мной обращалась царица Египта...» (Lettres de Cicéron à Atticus / Trad. en français par l'Abbé Mongault. Paris, An XI (1803). Т. 6. Р. 180). О неукрошенной гордости Клеопатры, покончившей с собой, чтобы лишить Октавиана Августа возможности торжествовать победу над венценосной пленницей, заходит речь в оде Горация (I, 37, 29—32), известной Пушкину во французском переводе: «...plus fière encore, de mourir à son choix...» «...еще более гордая тем, что сама выбрала свою смерть... — фр.» (Traduction des œuvres d'Horace, par M. René Binet. Т. 1. Р. 79) (см.: Степанов Л. А. Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...». С. 38).

Ст. 38 — 52. *«Забыты мною днесь венец и багряница ~ Из урны жребии выходят чередой...»* — Клятва Клеопатры скрепляется и сакрализуется религиозным ритуалом: см. вариант ст. 23 «[пламень] ладан жертвоприношений», появляющийся в ходе работы над второй редакцией стихотворения (наст. т., раздел «Другие редакции и варианты», с. 207), а также ст. 51 первой редакции («Благословенные священною рукой...») и ст. 49 редакции 1828 г. («Благословенные жрецами...»), перекликающиеся со словами Энобарба о царице в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» (акт 2, сц. 2): «...les choses les plus viles ont de la grâce chez elle; tellement que les prêtres sacrés la bénissent dans ses heures lascives» «...ее самые презренные деяния чаруют настолько, что жрецы благословляют ее в часы распутства — фр.» (Shakespeare. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par Letourneur. Nouv. éd., rev. et corr., par F. Guizot et A. P[richot], traducteur de Lord Byron. Paris, 1821. Т. 3. Р. 64; см.: Степанов Л. А. Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...». С. 40; Астафьева О. В. Стихотворение Пушкина «Клеопатра». С. 83).

В обращении к «богам ада» (ст. 42—43 первой редакции: «О боги грозные, внемлите ж, боги ада, / Подземных ужасов печальные цари!») или «богам Аида» (ст. 26—27 редакции 1828 г.: «И вы, подземные цари, / О боги грозного Аида...») варьируются традиционные формулы. Ср., например, в «Метаморфозах» Овидия (Met. X, 11—17) во французском прозаическом переложении А. Банье (Banier; 1673—1741): «Orphée, (...) forma enfin le hardi dessein de descendre dans le séjour des ombres, pour implorer le secours des divinités infernales (...) s'étant présenté devant Pluton et Proserpine, qui règnent dans ces tristes lieux, il accorda sa voix au son de sa lyre, et leur fit entendre ces paroles: „Puissantes divinités...”» «У Орфея наконец возникло отважное намерение спуститься в обиталище теней, чтобы молить о помощи богов ада (...) представ перед Плутоном и Прозерпиной, которые царствуют в этих печальных местах, он запел под звуки своей лиры, и обратил к ним такие слова: «Могущественные боги...» — фр.» (Ovide. Œuvres complètes / Trad. en français... Paris, An VII [1798]. Т. 2. Р. 371). Близкие формулы неоднократно встречаются в гимне Орфея в «Афинской жизни» Карамзина: «Могу ли я надеяться, боги мрачного Оркуса, что нежная лира моя тронет еще ваше сердце...»; «Смягчились жестокие владыки ада, и возвратили мне любезную...»; «...о боги, адские боги! во мраке

Тартара соедините Орфея с Эвридикой!» (*Карамзин Н. М.* Афинская жизнь. С. 82—84). Выражения «des divinités infernales» («боги ада») и «une terreur souterraine» («тайный» или, буквально, «подземный ужас») используются в хорошо известной Пушкину книге Жермены де Сталь (*Staël*; 1766—1817) «О Германии» («*De l'Allemagne*», 1810), в отзыве о сцене жертвоприношения богам ада в драме венского драматурга Г.-И. Коллина (*Collin*; 1772—1811) «Поликсена» («*Poluxena*», 1804): «L'appel des divinités infernales, réclamant une victime pour apaiser les morts, est exprimé avec une force ténébreuse, une terreur souterraine qui semble nous révéler des abîmes sous nos pas» (Призыв к богам ада, требующим жертвы, чтобы умиловать мертвых, произносится с мрачной силой, тайным ужасом, который, кажется, заставляет чувствовать, что у нас под ногами — бездны — *фр.*) (*Staël Holstein G. de. De l'Allemagne. Londres, 1813. T. 2. P. 232*; о знакомстве Пушкина с книгой де Сталь см.: П. и мировая литература. С. 318 (статья Б. В. Томашевского и Л. И. Вольперт)). Словосочетание «печальные цари», по-видимому, восходит к распространенному во французской литературе XVIII в. описанию повелителя царства мертвых как «сумрачного» («мрачного» или «печального») монарха («le monarque sombre») (см., например, оду «Пиндар в аду» («*Pindar aux enfers*») А. Удара де Ла Мота (*Houdar de La Motte (Lamotte)*; 1672—1731) — *Houdar de La Motte A. L'Esprit des poésies. Genève, 1767. P. 92*) или «монарха сумрачного (печального) царства» («le monarque du sombre empire») (см., например, в 6-й книге поэмы Марка Аннея Лукана «Фарсалия, или О гражданской войне» в переводе Ж.-Ф. Мармонтеля (*Marmontel J.-F. Œuvres complètes. T. 4. P. 308*). Эпитет «sombre» («мрачный», «печальный») применительно к Плутону использует и Парни в переведенной Пушкиным XXVII картине «Превращений Венеры» («*Les déguisements de Vénus*», 1805) (см. наст. т., с. 467, 468). Плутон традиционно ассоциируется с меланхолией и печалью (ср., например: «L'un des attributs qu'on voit le plus souvent auprès de lui, c'est le cyprès, dont le feuillage sombre et lugubre a toujours semblé consacré à la mélancolie et à la douleur» (Один из его чаще всего встречающихся атрибутов — кипарис, темная и мрачная листва которого всегда казалась посвященной меланхолии и скорби — *фр.*) (*Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique / Par L. J. M. Carpentier. Paris, 1825. T. 2. P. 936*; «...son empire respiroit la tristesse...» («...его царство дышало печалью... — *фр.*) (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... / Mis en ordre et publié par D. Diderot (<...> et quand à la partie mathématique, par G. d'Alembert... Berne; Lausanne, 1780. T. 26. P. 296*)).

«Служение» богине в статусе наложницы, предлагающей свою ночь любому, кто пожелает ею воспользоваться (ст. 39—40 первой редакции: «Простой наемницей на ложе восхожу; / Неслыханно тебе, Киприда, я служу...»; ср. ст. 21—24 редакции 1828 г.: «Клянусь, о мать наслаждений, / Тебе неслыханно служу, / На ложе страстных искушений / Простой наемницей восхожу»), обнаруживает параллели в традиции сакральной, или храмовой, проституции (отмечено: *Брюсов В. Я.* Египетские ночи // *Брюсов В. Я. Мой Пушкин : Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929. С. 114—115*), принятой в ряде древних культур и неоднократно описанной в разных контекстах в изданиях XVIII—XIX вв. со ссылкой на античные источники. В числе божеств, в честь которых совершались подобные обряды, упоминались Венера и Исида, культ которой был усвоен Римом: «Dans l'Asie-Mineure, chez la plupart des peuples d'Orient, Phéniciens, Syriens, Babyloniens (<...> les femmes se prostituaient en l'honneur de leur Dieux (<...>). Il en fut de même en Grèce; le temple seul de

Vénus, à Corinthe, eut jusqu'à deux mille de ces *prêtresses*» (В Малой Азии, у большинства народов Востока, финикийцев, сирийцев, вавилонян (...) женщины занимались проституцией в честь своих богов (...). То же самое было в Греции; в одном только храме Венеры в Коринфе имелось до двух тысяч подобных *жриц* — *фр.*) (*Dicors J. P. Prééminence de la loi religieuse sur la loi civile, ou Essai philosophiques sur leurs rapports avec la naissance, le mariage et le décès.* Lyon; Paris, 1825. P. 100); «...Domitien protégea les Isiaques, quand ces mystères dégénérés ne furent plus qu'une école de débauche. La licence de ces fêtes ne le cédoit en rien à celle des fêtes Babylonniennes; et la sage et vertueuse Isis eut ses lieux de prostitution, connus sous le nom de Jardins de la Déesse» (...Домициан оказывал покровительство поклонникам Исиды, когда их выродившиеся мистерии уже были не чем иным, как школой разврата. Распущенность этих празднеств ничем не уступала вавилонским пирам; и у мудрой и добродетельной Исиды имелись места для занятий проституцией, известные под названием садов богини — *фр.*) (*Duruis Ch.-F. Origine de tous les cultes, ou Religion universelle...* Paris, An III [1794]. P. 282). См. также: *Dictionnaire de Mythologie, pour l'intelligence des poètes, de l'histoire fabuleuse, des monumens historiques, des bas-reliefs, des tableaux, etc.* / (Par l'abbé A. de Claustre, revu et corrigé par F. Richer). Paris, 1745. Т. 3. P. 491; *Helvétius. Œuvres complètes.* Т. 1: De L'Esprit. Londres, 1781. P. 163—164; *Pastoret E. Histoire de la législation.* Paris, 1817. P. 149—150, 168—171, 391—392, 506—507.

Вместе с тем известно, что Клеопатра сама претендовала на божественный статус, опираясь на египетскую традицию сакрализации правителя (см., например: «...les Egyptiens ont eu pour premiers Dieux le soleil et la lune, sous les noms d'Osiris et d'Isis (...). Ils ont aussi admis des Dieux terrestres, nés mortels, et ce sont quelques uns de leur Rois auxquels ils ont donné le même nom qu'aux Dieux» (...главными богами египтян были солнце и луна, носившие имена Осириса и Исиды (...). Они также признавали земных богов, рожденных смертными, и это были некоторые из их царей, которым они дали то же имя, что и богам — *фр.*) (*Bergier N.-S. L'origine des dieux du paganisme et le sens des fables découvert par une explication suivie des poésies d'Hésiode.* Paris, 1774. Т. 1. P. 139; о «земных богах» как правителях Египта см. также: *Sabbathier F. Les Mœurs, coutumes et usages des anciens peuples...* Châlons-sur-Marne, 1770. Т. 1. P. 179; *Diodore de Sicile. Bibliothèque historique / Trad. du grec par A. F. Miot.* Paris, 1834. Т. 1. P. 26—28). Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» упоминает, что Клеопатра присвоила себе атрибуты и имя Исиды (*Plutarque. Les Vies des hommes illustres.* P. 352); ее изображение на монетах и медалях сопровождалось титулом *Θεα Νεωτερα*, или «новая богиня». Эти сведения неоднократно приводятся в исторических и справочных изданиях XVIII—XIX вв. (см., например: *Dictionnaire de Mythologie, pour l'intelligence des poètes; de l'histoire fabuleuse, des monumens historiques, des bas-reliefs, des tableaux, etc.* Т. 2. P. 483; *Rollin Ch., Crevier J.-B.-L. Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium.* Paris, 1752. Т. 8. P. 457; *Visconti E. Q. Iconographie grecque.* Paris, 1811. Т. 3. P. 265; *Champollion-Figéac J.-J. Annales des Lagides, ou Chronologie des rois grecs d'Égypte, successeurs d'Alexandre-le-Grand.* Paris, 1811. Т. 2. P. 354—355, 367). В трактате «Об Исиде и Осирисе» (*греч.*: «Περί Ἰσίδος καὶ Ὀσίριδος»; *лат.*: «De Iside et Osiride») Плутарх описывает Исиду как воплощение земного, материального и плодородного начала, источник динамического разнообразия и противоречий мира: «...toute sa puissance gist et s'emploie en la matière, laquelle reçoit toutes formes, et se fait toutes sortes de choses: lumière, ténèbres, jours, nuit, feu, eau, vie, mort,

commencement, fin...» «...вся ее сила заключается и осуществляется в материи, которая принимает все формы и образует все явления: свет, тени, дни, ночь, огонь, воду, жизнь, смерть, начало, конец... — фр.» (*Plutarque. Œuvres morales / Trad. du Grec par J. Amyot. Paris, 1818. Т. 5. Р. 327—328*). Соответственно в изложении Плутарха Исида соотносится с разными богами греко-римского пантеона: в частности, в некоторых толкованиях она предстает повелительницей подземного царства и отождествляется с Персефоной, женой Осириса-Плутона (см.: *Ibid. Р. 261*; в трактате упоминается также, что египтяне называют Исиду именем Минервы (*Ibid. Р. 307*) — ср. у Пушкина в одном из черновых вариантов Клеопатра взывает к Палладе (наст. т., раздел «Другие редакции и варианты», с. 202); появление этого имени, впрочем, могло быть обусловлено не столько содержательными, сколько версификационными мотивами. Клеопатра устойчиво ассоциировалась и с Венерой (Кипридой). В одном из эпизодов «Сравнительных жизнеописаний» повествуется о появлении царицы в облачении и образе богини любви перед Марком Антонием (см.: *Plutarque. Les Vies des hommes illustres. Р. 302—303*; такая сцена имеется и в «Антонии и Клеопатре» Шекспира (акт II, сц. 2); в трагедии Мармонтеля «Клеопатра» царица почти буквально отождествляется с Венерой: «...cette Reine adorée, / Sous le nom de Vénus des Peuples révérée...» «...эта обожаемая царица, / Почитаемая народом под именем Венеры... — фр.» (*Marmontel J.-F. Œuvres complètes. Т. 8. Р. 34*); в изданиях пушкинского времени неоднократно упоминалось также о статуе Клеопатры, помещенной Юлием Цезарем в храме Венеры рядом со статуей богини (см., например: *Rollin Ch., Crevier J.-B.-L. Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. Т. 7. Р. 537; Nougarede de Fayet A.-J.-S. Histoire de la révolution qui renversa la République romaine et qui amena l'établissement de l'Empire. Т. 1. Р. 422; Champollion-Figéac J.-J. Annales des Lagides, ou Chronologie des rois grecs d'Égypte, successeurs d'Alexandre-le-Grand. Т. 2. Р. 337*). Все эти детали, так или иначе, вполне могли быть известны Пушкину. В этом контексте Клеопатра сама предстает воплощением и богини любви, и повелительницы подземного мира, а ее договор с каждым из претендентов может читаться как союз богини и смертного. См. об этом также: *Астафьева О. В. Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра». С. 151—153.*

Упомянутая в ст. 47 «чаша любви» — калька с французского. См., например: «...pour païer vos galanteries d'une gentillesse un peu à l'antique, vous avez bû assez souvent dans la belle coupe d'amour, et on vous a vû engagé dans des liens fort doux, sacrifier à Venus et aux graces» «...чтобы окупить свои ухаживания любезностью несколько в античном духе, вы весьма часто пили из прекрасной чаши любви и связывали себя самыми сладкими узами, принося жертвы Венере и харитам — фр.» (*[Baudot de Juilly N., Genest Ch.-C.] Dialogues entre messieurs Patru et d'Ablancourt sur les plaisirs. Amsterdam, 1714. Т. 1. Р. 138*); «Nous voulions en épuiser toutes les gradations, et nous préludâmes long-tems par les plus tendres caresses. Enfin je voyois les cieux ouverts, et j'allois boire l'ambroisie dans la coupe de l'amour» «Мы хотели исчерпать все стадии и отдаляли начало самыми нежными ласками. Наконец я увидел, что небеса раскрылись, и собирался пить амброзию из чаши любви — фр.» (*Pétrone. Satire / Nouvelle traduction par le citoyen D*** [P. Durand], suivie de considérations sur la Matrone d'Éphèse et d'un conte chinois sur le même sujet. Paris, 1803. Т. 1. Р. 120 (Sat. 127, описание любовных игр Кирки и Полиэна)*).

Ст. 53. *И первый Аргилай, клевет Помпея смелый...* — Имя первого претендента меняется по ходу работы над стихотворением: Аргилай (в черновом и бело-

вом автографах первой редакции), Аквила (позднейшая правка по тексту первой редакции), Флавий (во второй редакции). Клеврет — приверженец, сторонник (СЯП. Т. 2. С. 325; 2-е изд.: М., 2000. Т. 2. С. 345). Какого Помпея имел в виду Пушкин, неясно. Возможно, имя было подсказано ему «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, где в числе любовников Клеопатры упоминают Гней Помпей Младший (Gnaeus Pompeius Junior; 75—45 до н. э.), сын Гнея Помпея Великого (Gnaeus Pompeius Magnus; 106—48 до н. э.), прибывший в 49 г. до н. э. в Александрию с просьбой о военной помощи (см.: *Plutarque. Les Vies des hommes illustres*. P. 301). Ю. М. Лотман полагал, что в комментируемом стихе упомянут второй сын Гнея Помпея Великого, Секст Помпей (Sextus Pompeius Magnus Pius; 67—35 до н. э.), который фигурирует в качестве одного из ключевых персонажей в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» (см.: *Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе*. С. 286). Предполагалось также, что речь здесь идет о самом Гнее Помпее Великом (эту версию без мотивировки см.: *Сошкин Е. Земные боги: Мотивы «Антония и Клеопатры» в пушкинских фрагментах 1835 г.* // *Врем. ПК. Вып. 32*. С. 282). Не исключено также, что одно из варьировавшихся имен пушкинского героя подсказано именем Луция Понтия Аквилы (Lucius Pontius Aquila, ум. 43 г. до н. э.), сторонника Гнея Помпея Великого в период гражданской войны в Древнем Риме (49—45 до н. э.); в 45 г. до н. э. Понтий Аквила занимал должность народного трибуна и был известен тем, что не поднялся со своего места, чтобы приветствовать Юлия Цезаря во время триумфального шествия. Этот эпизод описан Гаем Светонием Транквиллом (Gaius Suetonius Tranquillus; ок. 70 г. н. э. — после 122 г. н. э.) в «Жизни двенадцати цезарей» («De vita Caesarum», букв.: «О жизни цезарей» — лат.) (см.: *Suetonius, Caius. Les Douze Césars / Trad. du latin (...)*, avec des notes et des réflexions par J.-F. de La Harpe. Nouv. éd. rev. et corr. ... Paris, 1805. Т. 1. P. 195 (издание имелось в библиотеке поэта: Библиотека П. № 1415; т. 1 разрезан); русский перевод см.: К. Светония Транквилла *Жизни двенадцати первых Цезарей римских / Пер. с лат. М. Ильинским*. СПб., 1776. Ч. 1. С. 81—82 (2-й том перевода М. Ильинского упомянут в каталоге сохранившихся к 1902 г. частей библиотеки села Тригорского ([*Модзалевский Б. Л.*] Каталог библиотеки села Тригорского. С. 45 (№ 284); возможно, в период михайловской ссылки Пушкина издание имелось там в полном комплекте)). Впоследствии Аквила принял участие в заговоре против Цезаря, был легатом Брута и погиб в сражении при Мутине. Для пушкинского сюжета, вероятно, важен и тот факт, что Аквила — «говорящее» имя. «Aquila» («орел» — лат.) — наименование штандарта римского легиона, закрепленная на древке серебряная или золотая фигура орла (см., например: *Adam A. Antiquités Romaines, ou Tableau des mœurs, usages et institutions des Romains*. Paris, 1826. Т. 2. P. 175; подобную омонимию сознательно обыгрывает Цицерон в 12-й филиппике против Марка Антония — *Phil. 12. 20*). Иными словами, первый претендент, принявший вызов Клеопатры, в одном из вариантов носит имя, символически воплощающее образ римской воинской доблести. В редакции 1828 г. Пушкин называет своего героя узнаваемым римским родовым именем Флавий, которое, по-видимому, просто должно маркировать его культурную принадлежность.

Ст. 56. *И гордо выступил, суровый сын войны...* — «сын войны» — вариация встречающегося во французской (и, шире, европейской) литературе XVIII—XIX вв. устойчивого словосочетания «сын Беллоны» («le fils de Bellone» — фр.) (см., например: *Le Passage des Alpes, avec les conquestes de Montalban, de Nice, de Ville-Franche, d'Onneille, de Fort Dauphin et de Demonts*, par S. A. S. Monseigneur

le Prince de Conti. Ode. Paris, 1744. P. 9; *Frédéric II. L'Art de la guerre // Œuvres de Frédéric II, roi de Prusse, publiées du vivant de l'auteur.* Berlin, 1789. P. 373; *Merle J.-T., Ourri M. La fille grenadier : Vaudeville en 1 acte.* Paris, 1817. P. 30).

Ст. 59. *Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец...* — То же имя Пушкин позднее использует в незавершенном наброске «Критон, роскошный гражданин / Очаровательных Афин, / Во цвете жизни предавался / Всем упоениям бытия» — Акад. Т. 3. С. 164). Именем афинянина Критона назван диалог Платона, в котором заключенный в тюрьму и приговоренный к смерти Сократ отказывается от бегства, предлагаемого его учеником Критоном. Критон как «любезнейший ученик Сократа» упоминается и в «Афинской жизни» Н. М. Карамзина (*Карамзин Н. М. Афинская жизнь.* С. 71).

Редакция 1828 г.

Ст. 1. *Чертог сиял...* — Помимо «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (см. выше, с. 551), образ мог быть подсказан и рассказом о богато украшенной галереи Клеопатры в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» (акт 2, сц. 2): «La galère où elle était assise, ainsi qu'un trône éclatant, semblait brûler sur les eaux» (Галера, где она восседала, так же как и сверкающий трон, казалось, пылала над водой — фр.) (*Shakspeare. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par Letourneur.* Т. 3. P. 62).

Ст. 1—2. *...Гремели хором Певцы при звуке флейт и лир...* — Ср. в стихотворении Г. Р. Державина «Развалины» (1797), где музыка и пение хора составляют часть картины, рисующей великолепие Царского Села при жизни Екатерины II: «Тут арфы звучные гремели / И повторял их хор певцов...» (Державин. Т. 2. С. 95); см.: *Иваницкий А. И. Чудо в объятиях истории.* С. 25); о другой параллели к комментируемым стихам см. выше, с. 554—555.

Ст. 65. *Как весенний цвет едва развитый...* — Слово сочетание «развитый цвет» — калька с французского («la fleur développée» — «раскрывшийся (или «развитый») цветок»). В данном случае оно семантически близко к устойчивым словосочетаниям «цвет жизни» или «цвет лет» (фр. «la fleur de l'âge»); «цвет юности» (фр. «la fleur de la jeunesse»); «весна жизни» или «весна лет» (фр. «le printemps de la vie», «le printemps de l'âge»), широко используемыми как во французской, так и в русской поэзии (см., например: «Теон и Эсхин» (1814) В. А. Жуковского, «Тоску по родине» (1819) В. К. Кюхельбекера, «Возвращение невозвратимой» (1823) Ф. Н. Глинки; примеры из французской поэзии см.: *Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique...* / Par L. J. M. Carpentier. Paris, 1825. Т. 2. P. 660). Ср. также сходное с комментируемым словоупотребление в раннем стихотворении Пушкина «Наслажденье» (1816): «В неволе скучной увядает / Едва развитый жизни цвет...» (наст. изд., т. 1, с. 244) (см.: *Виноградов. Язык П.* С. 254).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф первой редакции в тетр. ПД 835, л. 22 об.—23 об. Ст. 11—12 *Д. Но снова взор она подл(емлет) ~ И горд и ясен он б(лестит)* — Ср. описание монарха в сцене пира в поэме «Полтава»

ва» (1828): «Пирует Петр. И горд, и ясен / И славы полон взор его...» (Акад. Т. 5. С. 59) (см.: *Листов В. С.* Из комментариев к текстам А. С. Пушкина : (К истолкованию образа Клеопатры) // *Болдинские чтения.* Нижний Новгород, 2007. С. 23).

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

(«Фонтан любви, фонтан живой!...»)

(С. 23 и 212)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 38 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 17 (краткая характеристика автографа); Майков. Материалы. С. 223—224 (описание рукописи (с ошибочным утверждением, что четвертой строфы «вовсе нет в наброске»), ст. 12 и 17—20; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 344—345 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Ст 1826. С. 57—58 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1820»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 89—90 (отдел стихотворений 1820 г.), с заменой в ст. 8 восклицательного знака с многоточием на многоточие.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется началом ноября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835. На л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. На левом поле л. 39 об. — список вещей: «карты / Пугачев / allumettes», о присылке которых Пушкин просил брата в письме от 10(?)—12(?) ноября 1824 г. (уточнение датировки письма см.: *Летопись 1991.* С. 472, 676). Окончательная доработка стихотворения датируется временем между 15 марта и началом сентября 1825 г. (см. ниже).

Стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» входит в число тех связанных с крымскими впечатлениями михайловских стихотворений Пушкина, которые он датировал в печати 1820 г. — временем своего пребывания в Крыму (помимо комментируемого стихотворения, это «О дева-роза, я в оковах...» и «Виноград»; тем же 1820 г. Пушкин датировал и написанное в 1824 г. стихотворение «Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья?...» — см. о нем: наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 786—792, примеч. Е. О. Ларионовой). Несмотря на то что В. Е. Якушкин обнаружил автографы стихотворений «Фонтану Бахчисарайского дворца», «О дева-роза, я в оковах...» и «Виноград» в тетради ПД 835 среди текстов 1824 г. (см.: Якушкин. № 7. С. 14, 17; АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 347, примеч. В. Е. Якушкина), издатели продолжали публиковать стихотворения в отделе 1820 г., поскольку это соответствовало авторской датировке. Впервые на необходимость перенесения стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца» в отдел произведений 1824 г. указано Л. Н. Майковым (Майков. Материалы. С. 224). В то же время Майков полагал, что стихотворения «О дева-роза, я в оковах...» и «Виноград» были лишь «отделаны позже» 1820 г. (Там же. С. 73, 74). Все три стихотворения были впервые включены в отдел 1824 г. П. О. Морозовым (см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 365—366, 671—672, примеч. к стихотворениям «О дева-роза, я в оковах...», «Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Виноград»). Критическая реплика по этому поводу высказана

В. Е. Якушкиным, вновь поместившим стихотворения в отдел 1820 г. (см.: АН 1900—29. Т. 2). Якушкин считал, что «Фонтану Бахчисарайского дворца» «писано в 1820 г., отделано позднее», в 1824 г. (Там же. Примеч. С. 348—349; см. также с. 350 и 353, примеч. к стихотворениям «Виноград» и «О дева-роза, я в оковах...»). По мнению Якушкина, Морозов поступил «последовательно», но «это не значит еще, что это вернее», поскольку Пушкин часто не соблюдал хронологию своих записей в тетрадах и, переделывая стихотворение, оставлял под ним старую дату или, наоборот, помечал новой датой содержащий переработку черновик. Поэтому, полагал Якушкин, следует считаться с авторской датировкой (АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 347—349, примеч. к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца»). В Венг. П. О. Морозов пытался провести датировку 1824 г. трех указанных михайловских стихотворений (его ответ на критическое замечание Якушкина см.: Венг. Т. 2. С. 552), однако с этим решительно не согласился С. А. Венгеров. Его позиция в отношении михайловских стихотворений с авторской датой «1820» была разъяснена в редакторском примечании к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца». Венгеров был убежден, что после поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823) Пушкин не мог вернуться «от общего опять (...) к частному». Здесь же говорилось: «Думается, что стихотворение относится и к 1820, и к 1824 г. Начато в 1820, отделано в 1824—25 г. (...) Пушкин дважды датировал стихотворение 1820 годом, и мы считаем, что просто права не имеем игнорировать столь категорический императив» (Там же. С. 553). В итоге стихотворения оказались напечатанными в отделе 1820 г., хотя в примечаниях указывался 1824 г. Комментатор подчеркивал, что автографы стихотворений «О дева-роза, я в оковах...» и «Фонтану Бахчисарайского дворца» в тетради Пушкина были «первоначальными» и относились к 1824 г. (см.: Венг. Т. 2. С. 551, 552). В примечании к стихотворению «Виноград» Морозов задавал вопрос: «...неужели для того, чтобы написать стихи о винограде, нужно непременно в это время смотреть на виноградник?» (Венг. Т. 2. С. 552). Перечисленные стихотворения были вновь включены в отдел 1824 г. в изданиях ГИХЛ («Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Виноград» — в ГИХЛ 1935. Т. 1; «О дева-роза, я в оковах...» — в ГИХЛ 1936. Т. 1) и Акад. («Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Виноград» — в Акад. в 9 т. Т. 2 (в примечании говорилось, что в стихотворении «Виноград» отразились «кишиневские воспоминания» — Там же. С. 482); «О дева-роза, я в оковах...» — в Акад. в 6 т. Т. 1 (с указанием М. А. Цявловского в комментарии: «Написано в Михайловском в середине октября 1824 года; черновой текст его находится в тетради (№ 2370 ЛБ) среди черновиков этого времени» — Там же. С. 731). Б. В. Томашевский придерживался иной позиции и считал возможным сохранить стихотворения в отделе 1820 г., хотя и подчеркивал в примечаниях, что их черновики расположены среди произведений 1824 г. Исследователь отмечал, что упоминание Марии и Заремы, героинь «Бахчисарайского фонтана», для 1820 г. было анахронизмом: «Дата Пушкина объясняется или тем, что существовал первоначальный черновик 1820 г., или тем, что самое посещение фонтана произошло в сентябре 1820 г.» (Пушкин А. Соч. / Ред., биогр. очерк, примеч. Б. В. Томашевского; Вступ. статья В. А. Десницкого. Л., 1935. С. 867; та же позиция отразилась в последующих изданиях книги). Комментируя «Виноград», Томашевский высказывал предположение, что в 1824 г. Пушкин «обрабатывал черновики 1820 г.» (Там же). В Акад. все три стихотворения помещены в отделе 1824 г., а в примечаниях Н. В. Измайлова указано, что их датировки относятся к черновым автографам (Акад. Т. 2. С. 1143, 1145).

Датировка 1824 г. была поддержана всеми последующими изданиями сочинений Пушкина, в том числе и подготовленными Б. В. Томашевским Акад. в 10 т. (1) и (2). Это решение основывалось на положении автографов в тетради среди произведений 1824 г., но не учитывало ни того факта, что черновики стихотворений «Виноград» и «О дева-роза, я в оковах...» могли быть вписаны позднее на оставшемся свободным месте, ни того обстоятельства, что ни одно из трех стихотворений не вошло в тетрадь Капниста (см. о ней наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330—352). Обоснование датировки этих стихотворений, принятых в настоящем издании, см. в примеч. к ним: наст. т., с. 756—757, 758—759.

Разночтения между автографом и печатным текстом стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца», а также сугубо черновой характер записи в тетради ПД 835 заставляют предполагать, что доработка стихотворения была осуществлена уже на последнем этапе подготовки к публикации Ст 1826, между 15 марта (дата отсылки в Петербург тетради Капниста) и началом сентября 1825 г. (Ст 1826 были поданы в цензуру 25 сентября 1825 г. (РГИА, ф. 777, оп. 27, № 191, л. 34 об.—35)); в оглавлении «Стихотворений Александра Пушкина», присланном Плетневым в письме от 26 сентября, «Фонтану Бахчисарайского дворца» уже значится (см.: Акад. Т. 13. С. 232).

Предложенную Измайловым датировку автографа «Фонтану Бахчисарайского дворца» началом ноября 1824 г. (по его расположению вслед за черновиком письма к Жуковскому от 31 октября — см. выше) попытался уточнить С. А. Фомичев, датировавший стихотворение концом месяца исходя из того, что на л. 40—41 об. расположен черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. Дополнительным основанием послужило наблюдение исследователя, что в ст. 9—12 говорится о надписи на фонтане, а о ее содержании Пушкин мог узнать из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823), прислать которую Пушкин просил брата в начале ноября 1824 г. (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 58). Однако история знакомства Пушкина с указанной книгой не позволяет принять это уточнение.

«Путешествие по Тавриде в 1820 году» Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1762?—1851), представлявшее собой путевые очерки с ретроспективными экскурсами в историю, древнюю географию и мифологию Таврического края, было высоко оценено современниками за «точность исторических изысканий, новизну сведений географических и чистоту слога» (*Бестужев А. А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // ПЗ 1824. С. 4). Цензурное разрешение на книгу было дано 19 апреля 1823 г., поэтому в ряде работ имеются сведения, что она вышла в свет в середине 1823 г. (см., в частности: Томашевский. Пушкин, I. С. 499; *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 236; *Кошелев В. А.* О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. С. 217 (Сер. «Литературные памятники»)). Однако по каким-то причинам выпуск «Путешествия по Тавриде» задержался, и издание вышло из печати несколькими месяцами позже: цензурный билет книга получила только 4 октября 1823 г. (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 370, л. 46 об.), а самый ранний отзыв о ней содержится в упомянутой статье А. А. Бестужева в «Полярной звезде», вышедшей в свет 20 декабря 1823 г., см.: *Могиланский А. П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // ПИМ. Т. 1. С. 393). Сведения об истории книги, отзывах на нее и переводах на иностранные языки см.: *Тункина И. В.* Русская наука

о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002. С. 84—85; Балакин А. Ю. Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Балакин А. Ю. Близко к тексту : Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 24—42.

В Михайловское книга Муравьева-Апостола была, по всей видимости, доставлена вместе с другими заказанными Пушкиным вещами около 4 декабря (см. в письме к брату от 4 декабря 1824 г.: «Мих(айло) привез мне всё благополучно...» — Акад. Т. 13. С. 127), т. е. уже после появления автографа стихотворения на л. 38 тетради ПД 835. Однако Пушкин мог прочесть соответствующие фрагменты из «Путешествия по Тавриде» гораздо раньше, чем в его руках оказалось полное издание книги Муравьева. Отрывки из него с описанием ханского дворца были перепечатаны в рецензии А. Ф. Воейкова в «Новостях литературы» (1824. Кн. 8. № 20. С. 116—126; ценз. разр. 3 июня) и в «Отечественных записках» (1824. Ч. 19. № 51. Июль. С. 84—100; на с. 94 и 96 текст Муравьева-Апостола был проиллюстрирован цитатами из «Бахчисарайского фонтана»; издание имеется в составе пушкинской библиотеки — Библиотека П. № 489, хотя, возможно, это не тот экземпляр, которым поэт располагал в 1824 г.). Знакомство Пушкина с этими журнальными перепечатками из «Путешествия по Тавриде» весьма вероятно (ср. в письме А. А. Дельвига к Пушкину от 28 сентября 1824 г.: «Журналы все будешь получать» — Акад. Т. 13. С. 110), и нельзя исключать, что оно могло актуализировать крымские воспоминания поэта, также отразившиеся в стихотворениях «Пока супруг тебя, красавицу младую...» и «Виноград», черновики которых находятся на том же листе тетради ПД 835.

Стихотворение принадлежит к числу текстов осени 1824 г., продолжавших разработку «восточной темы» в лирических жанрах, которая в тот период виделась Пушкину одной из важных поэтических задач. Ее актуальность подтверждалась успехом ориентальной поэтики «Бахчисарайского фонтана» (1821—1823), вышедшего в свет 10 марта 1824 г. и ставшего предметом длительного и шумного обсуждения в критике (см.: П. в критике, I. С. 152—236). В тетради ПД 835 автограф «Фонтану Бахчисарайского дворца» соседствует не только со стихотворениями «Виноград» и «Пока супруг тебя, красавицу младую...», но и с черновыми автографами VI—IX «Подражаний Корану», расположенными на л. 35 об.—37 об., 38 об.—39 об.

В то же время стихотворение примыкает к серии автокомментариев к поэме, которые до того не предназначались для печати и оставались принадлежностью литературного быта (ср. более ранние высказывания в письмах к брату Льву, П. А. Вяземскому, А. А. Бестужеву и раздражение Пушкина по поводу публикации фрагмента из письма к Бестужеву от 8 февраля 1824 г. в «Литературных листках» (Акад. Т. 13. С. 67, 73, 88, 100); см.: Проскурин 2007. С. 279—280, 2-я паг.). В стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» авторская рефлексия становится темой прямого поэтического высказывания. Показательно, что вскоре после завершения работы над черновиком на л. 38 Пушкин набрасывает на л. 42 об.—44 той же тетради еще один текст, также комментирующий сюжет поэмы и историю работы над ней и также, по-видимому, рассчитанный на последующую публикацию (см.: Там же. С. 355—356), — это письмо к Дельвигу о крымских впечатлениях 1820 г. (впоследствии напечатанное под заглавием «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.» и включенное в число сопроводительных текстов к «Бахчисарайскому фон-

тану» начиная с издания 1830 г.). Отметим, что и в печати оба текста появляются в близкое время — «Фонтану Бахчисарайского дворца» впервые публикуется в Ст 1826, вышедших в самом конце 1825 г. (выход в свет 30 декабря, см.: П. в печати. С. 31), а «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.» — в СЦ 1826 (Отдел «Проза». С. 101—106), поступивших в продажу 7 апреля 1826 г. (П. в печати. С. 38).

Основным предметом рефлексии в обоих названных текстах оказывается соотношение исторической правды и поэтического вымысла применительно к положенному в основу поэмы легендарному сюжету о «фонтане слез». Однако версии, предлагаемые Пушкиным в стихотворении и в письме к Дельвигу, существенно расходятся. О соотношении двух текстов см.: *Кошелев В. А.* Таврическая мифология Пушкина : Литературно-исторические очерки. Великий Новгород, 2015. С. 17—33.

«Фонтану Бахчисарайского дворца» развивает и конкретизирует автобиографический мотив, намеченный в финале поэмы, где рассказано о посещении ханского дворца. Описание мраморного фонтана в стихотворении текстуально близко к соответствующему фрагменту поэмы («...Есть надпись: едкими годами / Еще не сгладилась она. / За чуждыми ее чертами / Журчит во мраморе вода / И каплет холодными слезами, / Не умолкая никогда» — Акад. Т. 4. С. 169). Рассказ о посещении фонтана дается в стихотворении от первого лица («Принес я в дар тебе две розы...»), что вместе с датой, выставленной при публикации (1820), отсылает ко времени пребывания Пушкина в Крыму.

Сохраняя поэтический образ фонтана, Пушкин переносит акцент на соотношение правды и вымысла применительно к легенде о Марии и Зареме, положенной в основу сюжета поэмы. Она, с одной стороны, подается как быль, подлинное событие, забытое, но не вымышленное («Светило бледное гарема! / И здесь ужель забвенно ты?»), но, с другой стороны, равно допускается возможность того, что «Мария и Зарема / Одни счастливые мечты», «сон воображенья», поэтический вымысел, фикция. В этом отношении Пушкин продолжает линию, начатую в предисловии Вяземского к первому изданию «Бахчисарайского фонтана», где тот оговаривал историческую недостоверность крымского предания о польской княжне, но подчеркивал, что «сие предание есть достояние поэзии» (Бахчисарайский Фонтан. Сочинение Александра Пушкина. М., 1824. С. XIV), тем самым утверждая право творца на поэтический вымысел.

В письме к Дельвигу Пушкин идет гораздо дальше, деконструируя поэтический рассказ о посещении ханского дворца и фонтана и обнажая фиктивную природу сюжета не только поэмы, но и недавно набросанного стихотворения: «В Бахчисарай приехал я больной. Я слышал о странном памятнике влюбленного Хана (...) вошел во дворец увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубочки по каплям падала вода (...) NN почти насильно повел меня на ветхие развалины Гарема и на Х(анское) кладбище» (черновой текст; Акад. Т. 8. С. 1000—1001). Однако эти явные противоречия в написанных практически в одно время текстах, по-видимому, отвечали творческим принципам Пушкина, с его установкой на противопоставление многозначного и не обязательно достоверного поэтического высказывания «сухим» фактам, прозаической действительности (о роли «принципа противоречий» в поэтике Пушкина начиная с середины 1820-х гг. см.: *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» : Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман. Пушкин. С. 395—411).

В реальности история посещения Пушкиным Бахчисарая и обстоятельства его знакомства с легендой о фонтане слез гораздо ближе к изложению в письме к Дельвигу, чем к тексту поэмы или стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца».

Пушкин побывал в Бахчисарае 6—7 сентября 1820 г., во время поездки по Крыму с семейством Раевских (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 200). Насколько позволяет заключить его письмо к брату Льву от 24 сентября, ни ханский дворец, ни сам город не произвели на него впечатления — о посещении Бахчисарая в письме не сказано ни слова (см.: Акад. Т. 13. С. 17—20). Судя по всему, осмотр был самым беглым, и Пушкин обошел не все памятные места дворца, которые обычно показывали путешественникам (реконструкцию традиционного маршрута см.: *Бронштейн А. И.* «В Бахчисарай приехал я больной...» // «К пределам дальным...»: Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму. Симферополь, 2010. С. 183—185). Скорее всего, проводником Пушкина и Раевских был бахчисарайский полицмейстер И. Д. Ананьич, занимавший также должность смотрителя дворца, в обязанности которого входило сопровождение посетителей (см.: *Андрейко Е. В.* К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае: (Из новых разысканий) // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев. Симферополь, 1994. № 1. С. 51—56). Как сообщает Муравьев-Апостол, именно Ананьич предоставил ему переводы старинных бахчисарайских надписей, сделанные местным муллою; эти переводы использованы в книге (см.: *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 108—109). Однако, по всей видимости, во время посещения дворца переводы этих надписей Пушкина не заинтересовали.

Воспетый Пушкиным фонтан, согласно находящейся на нем хронограмме, был сооружен в 1763—1764 гг. и первоначально располагался либо в саду, либо на дворцовом кладбище. Во время реконструкции дворца накануне визита Екатерины II в 1787 г. он был перенесен во внутренний двор, где поставлен рядом с другим фонтаном. Муравьев-Апостол писал о находившихся у входа во дворец «двух прекрасных фонтанах, беспреданно лиющих воду из стены в белые мраморные чаши» (Там же. С. 110); «мраморные ванны с фонтанами, бьющими со всех сторон и окруженными кустами цветущих роз», вспоминала побывавшая в Бахчисарае в 1819 г. С. В. Капнист (Воспоминания С. В. Скалон (урожд. Капнист) // ИВ. 1891. № 6. С. 610). Однако в ранних травелогах фонтан специально не выделялся в ряду других бахчисарайских достопримечательностей, особое значение он впервые приобрел в пушкинской поэме. Кроме того, он безусловно не мог иметь той функции, которая приписана ему в «Бахчисарайском фонтане», так как «мусульманская традиция не знала фонтанов как памятников. (...) Фонтан (...) относился к типу фонтанов *Сельсебиль* (...), имеющих религиозно-культурное значение» (Проскурин 2007. С. 278, 2-я паг.).

Происхождение легенды о «фонтане слез» до сих пор не установлено. Вопреки ссылкам и в тексте поэмы, и в «Отрывке из письма А. С. Пушкина к Д.» на услышанное предание, нельзя исключать, что представление фонтана бахчисарайского дворца как фонтана слез, «памятника влюбленного хана» было пушкинским изобретением (о генезисе самого образа см. примеч к ст. 4). Все известные источники рубежа XVIII—XIX вв. (путевые записки Э. Крэвен, П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, «Путешествие по Тавриде...» И. М. Муравьева-Апостола) связывали с преданием о любви хана к пленнице-христианке совсем другое бахчисарайское сооружение — мавзолей (дюрбе) на ханском кладбище, который «безотрадный Керим соорудил (...) дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной» (*Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в

1820 году. С. 118); см. подробнее: *Бронштейн А. И.* Трансформация легенды о Фонтане слез // «К пределам дальным...». С. 196—197. Причем и в книге Палласа, и в «Путешествии по Тавриде...» Муравьева прямо говорилось, что похороненная в мавзолее ханская жена была «прекрасная грузинка», а не похищенная польская княжна.

Как удалось установить благодаря новонайденным документам (см.: *Балакин А. Ю., Бодрова А. С.* «Полицейское послание яко материал»: К творческой истории «Бахчисарайского фонтана» // *Врем. ПК. Вып. 31. С. 5—16*), во время работы над основной редакцией поэмы поздней весной—осенью 1823 г. Пушкин знал, насколько недостоверно предание о любви хана Керим-Гирея к польской пленнице из рода Потоцких, которое первоначально вызвало доверие поэта и было выбрано в качестве сюжетной основы для будущего произведения (ср. в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 30 апреля 1823 г.: «Бес-Арабский Пушкин (...) пишет новую поэму „Гарем“ о Потоцкой, похищенной каким-то ханом, — событие историческое» — *АбТ. Вып. 6. С. 16*). По тем или иным причинам усомнившись в этой версии, к распространению которой, по всей вероятности, была так или иначе причастна знакомая Пушкину С. С. Потоцкая-Киселева или ее мать С. К. Потоцкая (подробнее см.: *Гроссман Л. П.* У истоков «Бахчисарайского фонтана» // *ПИИМ. Т. 3. С. 49—100*; *Святелик В.* Легенда, пришедшая к Пушкину // *Знамя. 1989. № 8. С. 211—220*; *Балакин А. Ю., Бодрова А. С.* «Полицейское послание яко материал». С. 15—16), поэт напрямую или через посредника обратился с запросом к бахчисарайскому полицмейстеру и смотрителю дворца И. Д. Ананьичу (см. о нем выше). Ответ последнего, затем пересланный Пушкиным Вяземскому в качестве материала для предисловия к поэме («прилагаю (...) полицейское послание, яко материал, почерпни из него сведения...» — *Акад. Т. 13. С. 73*) и сохранившийся в Остафьевском архиве (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5682, л. 1—2), практически опровергал возможность того, что в гробнице на территории дворца похоронена ханская жена из семьи Потоцких: «...относительно ханской жены из роду Потоцких я все меры принимал удовлетворить ваше желание, но нет никакой возможности об ней узнать, даже сама графиня Соф(ья) Потоцкая, приезжавши в Бакчисарай, когда показывал я ей все гробницы, говорила, что точно из их фамилии была у хана жена, но она не имеет обстоятельного у себя о том описания. (...) Во дворце между служивых инвалидов переходит с давних лет (нрзб) предание, что гробница, над верхним садом стоящая, есть та самая, в коей погребена Потоцкая, но ничем уверитца(?) в том нельзя. (...) но известно то настояще по другим записям, что лежащая в той гробнице Деляра Пикечь была любимая жена хана Крым-Гирея, которым по смерти той жены назад тому теперь 61 год сделана в честь ее оная гробница, и сверхъ того в Бакчисарае мечеть, называемая *яшиль джами...*» (цит. по: *Балакин А. Ю., Бодрова А. С.* «Полицейское послание яко материал». С. 11—12; текст уточнен по оригиналу). Таким образом, в окончательном оформлении поэмы Пушкин намеренно делал выбор в пользу недостоверной легенды, при этом сопоставляя ее с историческим преданием, сталкивая поэтический вымысел с «былью», сводя в сюжете обеих героинь бахчисарайских преданий — легендарную красавицу-польку Марию Потоцкую и «прекрасную грузинку», которую еще П. С. Паллас отождествил с «исторической» «Диларой Пикечь», названной в письме бахчисарайского полицмейстера (Там же. С. 14—15).

Хотя в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» обыгрывается соположение реальности и вымысла, этот текст оказался вписан в ту мифологизирующую

традицию, которая закрепила поэтическую легенду о «фонтане слез» в литературном и культурном поле (показательно, что до сих пор фонтан Бахчисарайского дворца постоянно украшают двумя розами).

20 февраля 1826 г. стихотворение было продекламировано институткой А. О. Россет на публичном выпускном экзамене по русской словесности (преподававшейся П. А. Плетневым) в Екатерининском институте, в присутствии обеих императриц, митрополита, многих академиков и литераторов, в частности В. А. Жуковского и Ю. А. Нелединского-Мелецкого (см.: Шенрок 1888. С. 35).

Перевод стихотворения на польский язык опубликован в сборнике стихов и переводов Игнация Деспота-Зеновича (Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866) «Imionnik» (St.-Petersbourg, 1830. S. [21—22]), вышедшем под криптонимом: «J.-G. D. Z.».

Стихотворение положено на музыку Н. С. Титовым (1832?).

Ст. 3. *Люблю немолчный говор твой...* — Образ «немолчного говоря» варьирует соответствующее описание в «Бахчисарайском фонтане»: «Журчит во мраморе вода / И каплет холодными слезами, / Не умолкая никогда» (Акад. Т. 4. С. 169). В изображении фонтана Пушкин вводит общеевропейскую топику «говорящей воды» (ср. в ст. 8: «Журчи, журчи свою мне быть...»; о семантике глагола «журчать» в пушкинскую эпоху см.: Пеньковский А. Б. «Шумы, шумы с крутой вершины, / Не умолкая поток седой!..» (Е. А. Баратынский. «Водопад», 1820) // Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования. М., 2012. С. 317—322).

Ст. 4. *И поэтические слезы.* — Перифраза формулы «фонтан слез», возникшей в тексте поэмы («Младые девы в той стране / Преданье старины узнали / И мрачный памятник оне / Фонтаном слез именовали» — Акад. Т. 4. С. 169) и продублированной французским эквивалентом в «Отрывке из письма» («К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes*» — Акад. Т. 4. С. 176). Сам образ «фонтана слез» («*fontaine des larmes*») имеет, по всей видимости, библейское происхождение: «Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез» — «*Qui donnera de l'eau à ma tête, et à mes yeux une fontaine de larmes...*» (Иер. 9: 1; *La Sainte Bible, contenant l'Ancien et le Nouveau Testament / Trad. sur la Vulgate par Mr. Le Maistre de Saci. СПб., 1817. P. 966*). Не исключено, что в поле зрения Пушкина этот образ попал благодаря латинскому эпитафю из Томаса Грея (Gray; 1716—1771) к раннему стихотворению Байрона «Слеза» («*The Tear*», 1806): «*O lacrymarum fons...*» («*O, источник слез... — лат.*») (Вуот 1820—1822. Т. 1. С. 269). Подробнее см.: Проскурин 2007. С. 341—343 2-я паг.

Ст. 9—12. *Фонтан любви, фонтан печальный! И я твой мрамор вопрошал: Хвалу стране прочел я дальной; Но о Марии ты молчал...* — Бахчисарайский фонтан имел пространную надпись на татарском языке: «Слава всевышнему Богу! Возвеселилось вновь лицо Бакчисарая, благотворным о нем попечением светлейшего Керим-Гирея хана. Он-то утолит жажду страны своею щедрою рукою и тщится еще вящее оказать благодеяние, когда будет на то помощь Божия. Попечительным старанием своим он открыл славный ток воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтан, да предстанет он! — Видели мы города Шам (Дамаск. — Ред.) и Багдад, но такого прекрасного фонтана нигде не видывали» (*Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 110—111; уточненный перевод надписи см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 503*). В отрывке из книги

И. М. Муравьева-Апостола, приложенном к изданию поэмы «Бахчисарайский фонтан», эта надпись была опущена.

Ст. 17. *Иль только сон воображенья...* — «Сон воображенья» — поэтическая формула, нередкая у Пушкина: «Он любит сны воображенья...» («Платонизм») (1819) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 61); «Вдруг... слабый крик... невнятный стон / Как бы из замка слышит он. / То был ли сон воображенья, / Иль плач совы, иль зверя вой...» («Полтава») (1828—1829) (Акад. Т. 5. С. 44); «Еще хранятся наслажденья / Для любопытства моего, / Для милых снов воображенья...» («О нет, мне жизнь не надоела...») (1830—1836) (Там же. Т. 3. С. 447); ср. также «Я сладко усыплен моим воображеньем...» («Осень») (1833) (Там же. С. 321). Подробнее см.: *Муравьева О. С.* «Бродячие метафоры» в текстах Пушкина // *ПиС. Вып. 4* (43). С. 420—426.

«НОЧНОЙ ЗЕФИР...»

(С. 24 и 214)

Автографы:

1) ПД 60 — черновой набросков рефрена и первой строфы, с пометой на левом поле: «13 нояб(ря)» (цифра «13», по-видимому, исправлена из «12») на листке бумаги № 85 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 26*). Напечатано: *Модзалевский Б. Л.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома // *Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 7* (в виде транскрипции).

2) ПД 61 — черновой первой и второй строф на листке той же бумаги, что и автограф ПД 60 (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 26*). Напечатано: *Модзалевский Б. Л.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома. С. 7 (в виде транскрипции). Лист ПД 61 составлял единое целое с листом ПД 62, на котором расположен автограф стихотворения «С перегородкою коморки...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 968). На обороте листа ПД 62 — карандашная копия с элементами транскрипции автографа ПД 60, предположительно атрибутируемая П. А. Осиповой (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 26*). Некоторые строки копии заканчиваются на обороте листа ПД 61. Бумага всех трех автографов идентична. Возможно, автограф ПД 60 был записан на части того же листа, но конфигурация сохранившихся фрагментов не позволяет считать такой вывод однозначным. Ср. мнение Б. Л. Модзалевского, который считал, что автографы ПД 60, 61 и 62 были записаны на одном листе, разрезанном после смерти Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома. С. 6—8). Последовательность возникновения автографов ПД 60, 61 и 62 трудноопределима.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Ночной Зеф(ир)», под № 12, отмечено условным обозначением «лирических стихотворений» (см.: *Рукою П. 1997. С. 179, 180*).

Вошло в рукопись *Собр. ст. 1836 г.* (отдел «Песни. Стансы. Сонеты», сформированный В. А. Жуковским).

Впервые: *Литературный музей на 1827 год* / [Изд.] В. Измайлова. М., 1827; текст напечатан дважды: 1) на с. 320 — под заглавием: «Испанская песня», с ошибками в воспроизведении рефрена (ст. 3—4 напечатаны в виде одного стиха) и после-

довательности строф (вместо ст. 6—9 — ст. 15—18, вместо ст. 15—18 — ст. 6—9) (ЛМ); 2) в нотном приложении — рефрен и первая строфа под нотами, под заглавием: «Гишпанская песня» (аналогичное написание — в ст. 8: «И гишпанка молодая»), с указанием: «Слова А. С. Пушкина, музыка А. Н. Верстовского». Перепечатано Пушкиным в МВ. 1827. Ч. 2. № 8. С. 312—313, под заглавием: «Испанский романс», с редакторским примечанием: «Романс сей напечатан был в „Литературном музее“ с ошибками, а здесь помещается с поправками»; исправлены ст. 3—4, 8, 15, 18 и последовательность строф. Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 200—201 (отдел стихотворений 1824 г.), без заглавия в тексте, с указанием в оглавлении: «(Ночной зефир). *Испанский романс*». Без ведома Пушкина более десяти раз с искажениями перепечатывалось в песенниках — см.: П. в печати. С. 51, 71, 73, 80, 82, 85, 93, 102, 107, 111—112, 122, 127, 129 (№ 344, 639, 658, 709, 724, 745, 824, 928, 969, 1005, 1054, 1121, 1139).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 13 ноября 1824 г. (число устанавливается по помете в автографе ПД 60, год — по указанию в Ст 1829).

Стихотворение было послано в «Литературный музей» в ответ на прямые просьбы В. В. Измайлова (см. его письма от 19 мая и 29 сентября 1826 г. — Акад. Т. 13. С. 277—278, 297); в письме от 9 октября 1826 г. Пушкин отвечал, что рад «чем-нибудь угодить первому почтенному покровителю» своей музы и обещал доставить стихи для альманаха через В. А. Пушкина (Там же. С. 299; Пушкин дебютировал в печати в 1814 г. в «Вестнике Европы», который в то время редактировал Измайлов; в 1815 г. в созданном Измайловым журнале «Российский музей» было напечатано 18 пушкинских стихотворений — см.: П. в критике, I. С. 458, примеч. Г. Е. Потаповой). Пушкин передал в альманах два стихотворения (второе — «Соловей и роза», 1826—1827). «Литературный музей» на 1827 г. вышел из печати в конце марта 1827 г. (см.: П. в печати. С. 42).

Б. В. Томашевский писал, что в 1824 г. в Михайловском Пушкина еще манила «романтическая экзотика, юг, сильные страсти» (Томашевский. Пушкин, II. С. 57): в русле этих увлечений возникают «Ночной зефир...», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Подражания Корану», «Клеопатра». В стихотворении «Ночной зефир...» впервые в творчестве Пушкина начинает формироваться «испанский» контекст, к которому имеют то или иное отношение более поздние произведения поэта («Паж, или Пятнадцатый год» (1830), «Пред испанкой благородной...» (1830), «Я здесь, Инезилья...» (1830), «Каменный гость» (1830), «Чудный сон мне Бог послал...» (1833—1835)). «Испанские» эпизоды или мотивы присутствуют и в других произведениях Пушкина («Из Alfieri» (1827), «Гости съезжались на дачу...» (1828, 1830), «К вельможе» (1830), «(Папесса Иоанна)» (1834—1835)).

В истории русского испанофильства 1820-е гг. были тем периодом, когда образ Испании как страны инквизиции, аутодафе и фанатичной веры оказался потеснен комплексом других представлений. На основе интереса к борьбе испанцев с Наполеоном, революционным событиям 1820-х гг., наконец, к восстанию Риго, упомянутому в эпиграмме «Сказали раз царю...» (1825; см. примеч. к ней — наст. т., с. 654—655), у современников Пушкина возникает образ свободолюбивой Испании. С другой стороны, через посредство французской, английской и немецкой литературы Россия отдала дань романтическому образу Испании как страны экзоти-

ческой, полувосточной («полу-африканской», как написал Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической» (1825), — см. Акад. Т. 11. С. 37), в которой чувственная жизнеутверждающая любовь играет едва ли не главенствующую роль. По мнению Ф. Гомеса Креспо, в Испании локализована весьма значимая часть любовной лирики поэта, поскольку «Испания для Пушкина прежде всего была раем для влюбленных, землей обетованной для любящих» (*Gomez Crespo F. Contribucion al estudio de temas espanoles en la obra de Pushkin. Trabajo presentado como Tesis doctoral. Universidad de Madrid, 1971. P. 331*). Для Пушкина представление об Испании как о «романтическом» локусе было, вероятно, закреплено Байроном, посвятившим испанской теме первую песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1818), а также первую песнь и начальную часть второй песни «Дон Жуана» («Don Juan», 1819—1824). Ср. знаменитое определение Байрона в доступном Пушкину французском переводе А. Пишо и Э. де Сая: «Belle Espagne, pays glorieux et romantique» (Прекрасная Испания, прославленная и романтическая страна) (*Byron G. G. Childe-Harold // Byron 1820—1822. Т. 3. P. 27*). Об интересе к Испании в русском обществе и литературе 1820-х гг. см.: *Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. // Алексеев М. П. Россия и романский мир. Л., 1985. С. 118—165*.

Испанские реалии, упомянутые в стихотворении «Ночной зефир...», представляют собой типовой набор деталей местного колорита, повторяющийся в многочисленных художественных, мемуарных и документальных описаниях Испании (некоторые примеры приведены ниже, в построчных примечаниях), проникающих в Россию прежде всего через французское посредство (о формировании испанской романтической топики во Франции см., например: *Fernandez Herr E. Les Origines de l'Espagne romantique : Les Récits de voyage 1755—1823. Paris, 1973; Aymes J.-R. L'Espagne romantique : Témoignages de voyageurs français. Paris, 1983*).

Испанская тема в песенном (романсном) оформлении стала интенсивно проявляться во французском музыкальном обиходе с середины 1810-х гг., в русской песенной лирике — с середины 1820-х гг. (по-видимому, «Ночной зефир» был одним из первых опытов в этом роде). Среди текстов песенного и романсного типа выявляется группа испанских и итальянских серенад, типологически наиболее близкая к пушкинскому стихотворению по содержанию: ночной антураж, прямое вокальное (под гитару или лютню) обращение мужчины к женщине за окном (на балконе), содержащее любовный призыв (подробнее о форме серенады в связи с пушкинским стихотворением см.: *Эйгес И. Р. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937. С. 67—69*). Ср. функциональное определение серенады в современной Пушкину энциклопедии: «Серенада, по-итальянски *serenata*. Ночная музыка на открытом воздухе, обязанная своим происхождением теплому климату и любви. Томная нежность испанца на улицах Мадрида выражается вздохами под гитару и изливается в болеро при свете звезд. Такая сольная *серенада* — особая дань, которую любовник платит своей красавице каждый вечер; но в день особого чествования объекта обожания он привлекает себе в помощь труппу музыкантов. И тогда *serenata* превращается в вокальный и инструментальный концерт» (*Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières: Musique. Paris, 1818. Т. 2. P. 366*). Некоторые из текстов, относящихся к жанру сольных «серенад» и бытовавших в 1810—1820-х гг. в европейской музыкальной культуре, были созданы специально, как отдельные произведения, другие заимствованы из итальянских и французских комических опер, водевилей, балетов и комедий (реже романов), причем не только современных, но и написанных в

XVII—XVIII вв. (ср., например, серенаду Полишинеля из интермедии в «Мнимом больном» («Le malade imaginaire», 1673) Мольера, серенаду Дон Жуана из одноименной оперы Моцарта («Don Giovanni ossia Il dissoluto punito», 1787), серенаду Альмавивы из «Севильского цирюльника» Россини («Il barbiere di Siviglia», 1816); все три серенады были написаны и исполнялись на итальянском, несмотря на французский и испанский антураж пьес). Партитуры Россини были выписаны Пушкиным в деревню осенью 1824 г. — для вокальных вечеров, которые устраивали тригорские барышни (см. письмо к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 114, 532; оригинал по-фр.). Сольная серенада в форме романса в данную эпоху не связана исключительно с испанской темой — итальянские серенады встречаются ничуть не реже.

В статье «Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI» (1841), вызванной завершением «посмертного» издания (Посм.), В. Г. Белинский высказал предположение, что «Ночной зефир...», так же как стихотворение «Я здесь, Инезилья...» (1830), представляет собой неотъемлемую часть «Каменного гостя», где его должна была исполнять Лаура (в тексте трагедии Пушкин ограничился двумя ремарками «Поет», не указав, какие романсы он имеет в виду). См.: Белинский. Т. 5. С. 267; то же мнение выражено критиком в одиннадцатой статье о Пушкине — Там же. Т. 7. С. 571. «Положительное убеждение» в том же выразил, комментируя «Каменного гостя», П. В. Анненков (Анн. Т. 4. С. 461). П. А. Ефремов, возражая ему, указал взамен «Ночного зефира» на стихотворение «Пред испанкой благородной...», которое было написано одновременно со стихотворением «Я здесь Инезилья...» (Ефр. 1880. Т. 2. С. 438). Никаких документированных сведений о песнях Лауры не имеется. Скептическое мнение Б. В. Томашевского по поводу высказывавшихся догадок см. в его комментарии к «Каменному гостю»: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. С. 577—578.

Известно несколько музыкальных обработок стихотворения. При жизни Пушкина оно было положено на музыку кроме А. Н. Верстовского Д. В. Веневитиновым (1827, не сохранилась), Н. С. Титовым (1831), А. П. Есауловым (1834), Ф. М. Толстым (1834). По всей видимости, в тексте «Ночного зефира...» композиторы видели пример лирического произведения, которое само ложится на музыку, поскольку написано в форме романса (две строфы пения под гитару с трехкратно повторенным рефреном). По наблюдению М. С. Пекелиса, «Ночной зефир...», начиная с музыки к нему А. Н. Верстовского, воплощался в жанре болеро, с имитирующим звук кастаньет дроблением первой четверти в трехчетвертном размере: «Темперamentный, порывистый, активный, устремленный, упругий по ритму, связанному с четкостью сопровождающих танец кастаньет, болеро стал уже с конца 20-х годов в России основой вокальной серенадной лирики испанского колорита» (Пекелис М. С. «Болеро» А. С. Даргомыжского // Музыкальное наследие. М., 1962. Т. 1. С. 461).

Ст. 3 — 5. *Шумит, Бежит Гвадалквивир.* — Гвадалквивир (исп. Guadalquivir) — река на юге Испании, протекающая по территории Андалусии; на ее берегах стоят города Кордова и Севилья. Гвадалквивир — неперенный предмет восторгов в туристических и поэтических описаниях Испании. Ср. у Карамзина в повести «Сиерра-Морена» (1797): «В цветущей Андалузии — там, где шумят гордые пальмы, где благоухают миртовые рощи, где величественный Гвадалквивир катит мед-

ленно свои воды, где возвышается розмарином увенчанная Сьерра-Морена, — там увидел я прекрасную» (*Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 530*). «Славный» и «благородный» Гвадалквивир неоднократно упоминается в «Дон Жуане» Байрона — на его берегу в Севилье стоит родной дом героя: «Les parents de don Juan habitaient près de la rivière, le noble Guadalquivir» (Родители Дон Жуана жили близ реки, благородного Гвадалквивира) (цит. по французскому переводу А. Пишо и Э. де Саля, которым мог пользоваться Пушкин: *Vuon 1820—1822. Vol. 2. P. 90*); прощаясь с родиной и матерью, герой прощается и с рекой: «Adieu! s'écrit-il, ô ma patrie, adieu! (...) Adieu, ondes brillantes du Guadalquivir! — adieu, ma mère!» (Прощай, — воскликнул он, — о, моя отчизна, прощай! (...). Прощайте, сверкающие волны Гвадалквивира! Прощай, мать!) (*Ibid. P. 179*). Особого внимания заслуживает 105-я строфа второй песни, где купанье в Гвадалквивире условно приравнивается к преодолению Геллеспонта: «Heureusement pour Juan qu'il avait l'habitude de se baigner dans le Guadalquivir, et qu'ayant appris à nager dans ce noble fleuve, il avait eu plusieurs fois l'occasion de s'en applaudir. On eût difficilement trouvé un nageur plus habile; il eût peut-être traversé l'Hellespont comme Léandre, M. Ekenhead et moi l'avons fait (exploit dont nous avons été fiers)» (К счастью для Хуана, он имел привычку купаться в Гвадалквивире, и, научившись плавать в этой благородной реке, не раз получал повод гордиться собой. Трудно было бы найти более опытного пловца; он мог бы пересечь Геллеспонт, как сделали это Леандр, г-н Экенхед и я (подвиг, которым мы гордились)) (*Ibid. P. 213*). Это место, со ссылкой на Байрона, обыграно в четвертой главе «Евгения Онегина»: «И отправлялся налегке / К бегущей под горой реке; / Певцу Гюльнары подражая, / Сей Геллеспонт переплывал» (*Акад. Т. 6. С. 88—89*; строфа XXXVII, написанная, видимо, через несколько месяцев после «Ночного зефира...») — тем самым ироническое отождествление речки в онегинском имении с Геллеспонтом (Дарданеллами) косвенно подразумевает и уподобление ее Гвадалквивиру. М. Волошин отметил «неточность» пушкинского описания: «Над Севильей раскинулась голубая прохладная ночь. Но Гвадалквивир „не шумел и не бежал“, так как здесь он вообще не имеет привычки этого делать. Он мутен и тих, как пруд, и настолько глубок, что по нему до самой Севильи ходят океанские пароходы» (*Волошин М. Бой быков // Волошин М. Собр. соч. М., 2007. Т. 5. С. 369*). В верхнем течении Гвадалквивир — быстрая горная река, все более спокойной она становится в районе среднего течения, уже у Кордовы. Севилья расположена в низовьях Гвадалквивира.

Ст. 15. *Скинь мантилью, ангел милый...* — Мантилья здесь — головной убор испанок: черное или белое кружевное шелковое покрывало. Эта традиционная деталь национального женского костюма неизменно упоминалась в записках о путешествии по Испании, использовалась в постановках пьес на испанские темы. См., например, «Воспоминания об Испании» Ф. В. Булгарина, где описано «короткое покрывало, или мантилья, не закрывающая плеч и шеи. Покрывало сие с большим искусством отбрасывается на одну сторону, чтобы подарить взглядом любопытного иностранца» (*Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 16*). Отмечен Булгариным и другой колоритный штрих испанской жизни, упомянутый в пушкинском стихотворении: «...едва наступил вечер (...) звуки гитар раздаются во всех концах города» (Там же. С. 8; отрывок «Воспоминаний об Испании», куда вошли процитированные фрагменты, в 1821 г. печатался в «Соревнователе просвещения и благотворения» — см.: Ч. 16. № 10. С. 16, 9). См.: *Эйгес И. Р. По поводу значения одного слова в стихотворении Пушкина «Ночной зефир...» // Доклады и сообщения / Ин-т языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 33—36*.

Ст. 18. *Ножку дивную продень!* — Упоминание изящной ножки прекрасной испанки — один из стереотипов, использовавшихся в описаниях Испании по крайней мере с середины XVIII в., после наполеоновских компаний 1809—1811 гг. прочно вошедший в массовый, преимущественно французский литературный инвентарь. См., например, восторженный пассаж в типовом квазииспанском романе: «Une robe de soie noire, à trois rangs d'effilés de même couleur, assez courte pour laisser voir une jambe bien faite, un joli pied; une voile noire que l'on appelle *mantilla*, et qui, placé en arrière, laisse apercevoir généralement une petite bouche et des yeux noirs et pleins d'expression» (Черное шелковое платье с тремя рядами бахромы того же цвета, достаточно короткое, чтобы показать стройную щиколотку, красивую ножку; черная вуаль, которая зовется *мантильей*, откинута назад, она позволяет увидеть маленький рот и глаза, черные и выразительные — *фр.*) (*Quantin J. Charles et Ximénès, ou Mémoires de deux familles française et espagnole. Paris, 1823. T. 1. P. 99—100*). Ср. близкое описание в книге французского офицера, сражавшегося в Испании: «Ce costume s'appelle basquina: il est toujours de couleur noire, et en soie ou serge; fortement tendue, elle s'applique contre les hanches, et laisse voir une taille bien prise, une partie de la jambe et un joli pied» (Этот костюм зовется баскина: он всегда черный, из шелка или саржи, туго облегает бедра и позволяет видеть хорошо сложенную фигурку, часть щиколотки и прелестную ножку — *фр.*) (*Larène Ed. Conquête de l'Andalousie, campagne de 1810 et 1811 dans le midi de l'Espagne. Paris, 1823. P. 254*). Близкими словами описывает испанок Ф. В. Булгарин, также воевавший в Испании: «Легкий и стройный стан, маленькая живописная ножка, черные волосы, брови и ресницы, темно-голубые томные глаза, сияющие каким-то тайным пламенем, которых свежесть сохраняет прозрачная влага, по словам одного стихотворца, *роса любви*; свежие пылающие уста, невероятной белизны зубы и шея, которой бы сама Юнона позавидовала» (*Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. С. 15*). У Пушкина прослеживается «испанский» вариант мотива «маленькой ножки» (об этом пушкинском мотиве см.: *Томашевский Б. В. Мелочи о Пушкине. I. Маленькая ножка // ПиС. Вып. 38—39. С. 76—78; Набоков В. В. Комментарий к роману Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 153—156; Михайлова Н. И. Ножка // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 182; Добрицын А. А. Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Врем. ПК. Вып. 32. С. 145—170; наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 953—954, примеч. Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина к «Отрывку из сказки „Царь Никита”»; Дмитриева Е. Е. Пушкинская ножка, или Цена славы // Пушкин и другие: Двадцать лет спустя: Сб. статей к 80-летию С. А. Фомичева. СПб., 2017. С. 68—79). Помимо стихотворения «Ночной зефир...» см. также реплику Дон Гуана о Доне Анне в «Каменном госте» (1830): «Чуть узенькую пятку я заметил» (наст. изд., т. 7, с. 140). Сам эротически акцентированный жест, описанный Пушкиным, восходит, вероятно, к французской гривуазной традиции — ср., например, игривую сценку из вольнодумной сказки П.-А.-А. де Пииса (Piis; 1755—1832) «Создатель пап и кардиналов» («*Le Faiseur de Papes et de Cardinaux*», 1779) (Пиис мог быть знаком Пушкину как автор «Моральных стансов» («*Stances morales*», опубл. 1782), возможно послуживших прототипом стихотворения «Телега жизни» (1823) — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 775—777, примеч. Н. Г. Охотина):*

Un beau matin, cheminant par routine,
Il aperçut en dehors d'un balcon

Le petit bout d'un petit pied mignon,
 Lequel partait d'une jambe très-fine
 Que l'œil perdait sous le jupon
 D'un négligé de mousseline,
 D'où s'élançait à l'unisson
 Le double mont d'une gorge divine
 Au-dessous d'un minois fripon.

⟨Одним погожим утром, прогуливаясь по обыкновению, / Он заметил, что с одного балкона / Высовывается краешек крохотной милой ступни / Весьма стройной ножки, / Что скрывалась от взора под нижней юбкой / Муслинового неглиже, / Откуда согласно являлось / Духолмие дивной груди / Под плутоватой мордашкой — фр.⟩ (Puis P.-A.-A. Œuvres choisies. Paris, 1810. Т. 3. Р. 133).

Позднее мотив ножки из «Ночного зефира...» был использован Пушкиным в альбоме Е. Н. Ушаковой (1829; ПД 1723, л. 60 об.): на рисунке молодая дама стоит на балконе, просунув носок туфельки сквозь перила, внизу из-за угла дома выглядывает кабальеро с шляпой в руках (факсимильное воспроизведение: Альбом Елизаветы Ушаковой. СПб., 1999. С. 136). Эта своего рода ретроспективная автоиллюстрация очевидным образом связана с темой «Севильского цирюльника»: несколькими листами дальше в альбоме Пушкин изобразил Фигаро, который брест Бартоло (ПД 1723, л. 63 об.; Альбом Елизаветы Ушаковой. С. 142), — эта мизансцена есть и в комедии Бомарше (д. III, явл. 12), и в опере Россини (д. II, явл. 1); обе пьесы шли в 1828—1829 гг. в петербургских и московских театрах (связь рисунков с «Испанским романсом» и «Севильским цирюльником» отмечена Т. И. Краснобордько — см.: Альбом Ушаковой. С. 354—356). Примечательно в этой связи, что в послании «К вельможе» (1831) дивная ножка, как и весь экзотический антураж романтической Испании, ассоциируется у Пушкина с автором «Севильского цирюльника», «веселым Бомарше» (см.: Акад. Т. 3. С. 218).

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

- I. «Клянусь четой и нечетой...»
- II. «О жены чистые пророка...»
- III. «Смутясь, нахмурился пророк...»
- IV. «С Тобою древле, о Всесильный...»
- V. «Земля недвижна; неба своды...»
- VI. «Недаром вы приснились мне...»
- VII. «Восстань, боязливый...»
- VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищетою...»
- IX. «И путник усталый на Бога роптал...»

(С. 25 и 217)

I. «Клянусь четой и нечетой...»

Автограф в тетр. ПД 835, л. 13 — беловой, с правкой, без отсылки к примечанию, под текстом фигурная скобка — знак концовки. Расположен под беловым с поправками автографом стихотворения «К морю». Напечатано: Якушкин. № 7.

С. 6 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 885—886 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 1824 г., предположительно 26 сентября—10 октября по положению в тетради. Верхняя граница определяется датировкой «подражания» III, созданного, по всей видимости, первым (см. ниже). Нижняя граница устанавливается по времени работы над стихотворением «К морю». На л. 11 об. дата: «5 сентяб-р(я) 1824» — не ранее этого времени беловой автограф, озаглавленный «Морю», был записан на л. 12 об.—13. После того как под ним было набело записано стихотворение «Клянусь четой и нечетой...», занявшее все свободное пространство листа, на правом поле в два этапа, светлыми и темными чернилами, была продолжена работа над стихотворением «К морю». Светлыми чернилами вписана дополнительная строфа, темными записаны в несколько измененном и неполном виде два первых стиха, которыми начинался на л. 18 черновик строф о Наполеоне и Байроне, предназначенные для вставки в то же стихотворение. Этот черновик был создан между 26 сентября и 2 октября (см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507), а 8 или 10 октября Пушкин отправил стихотворение, в которое уже были включены строфы о Байроне, в письме к Вяземскому (см.: Акад. Т. 13. С. 111). Не позднее этого времени и были сделаны относящиеся к работе над стихотворением «К морю» записи на правом поле л. 13. Соответственно не позднее чем 10 октября 1824 г. стихотворение «Клянусь четой и нечетой...» уже было записано в нижней половине л. 13.

II. «О жены чистые пророка...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 18 об. — черновой набросок переложения нескольких строк Корана, позднее использованных в примечании 3 к данному «подражанию». Записан в процессе работы над «подражанием» III («Смутясь, нахмурился пророк...»). Источником наброска (и соответственно примечания 3) послужил тот же 53-й стих 33-й суры Корана, который был переложен во второй строфе «подражания» II (см. ниже, с. 595). На этом основании можно считать набросок предположительно относящимся к работе над «подражанием» II, черновой автограф которого неизвестен. Возможно, набросок должен был завершать стихотворение, но уже на этапе создания белового автографа (см. ниже) Пушкин отказался от этой мысли, а позднее использовал те же строки Корана в примечании. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 886 (как черновой набросок продолжения «подражания» II; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 26 сентября—2 октября 1824 г. по положению в тетради: на л. 17 — дата «26 сент(ября) 1824» под беловым автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом»; на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина».

2) Тетр. ПД 835, л. 9 — беловой, с одной поправкой; отсылка к примечанию отсутствует; вписан на оставшейся свободной нижней части листа под черновым автографом письма к А. И. Казначееву (написано между 9 и 14 июня 1824 г.; в Акад. датировано началом июня (после 2-го) 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 95); уточнение датировки см.: *Проскурин О.* Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы»: К методике чтения пушкинских рукописей // *Пермяковский сборник.* М., 2010. Ч. 2. С. 207—208 (Сер. «Новые материалы и исследования по истории

русской культуры». Вып. 7)), вслед за наброском «Как узник, Байроном воспетый...». На левом поле рядом со стихотворением — рисунок: ноги в восточных шароварах. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 5 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 886 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф предположительно датируется концом сентября (не ранее 26-го) — октябрем 1824 г. Верхняя граница устанавливается исходя из того, что «подражание» III, созданное, по всей видимости, первым, датируется 26 сентября — 2 октября 1824 г. (см. ниже). Нижняя граница определяется на основании предположения, что запись белого автографа «подражания» II должна быть близка по времени к появлению белого автографа «подражания» I, также записанного на свободной части листа (см. выше). Нельзя, однако, исключить, что автограф на л. 9 мог появиться и позднее — вплоть до конца мая 1825 г., когда Пушкин досылал в Петербург стихотворения, вошедшие в Ст 1826 («Подражания Корану» заключали это издание).

III. «Смутясь, нахмурился пророк...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 18 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 7 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 886—888 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 26 сентября — 2 октября 1824 г. по положению в тетради, на том же основании, что и записанный на одном с ним листе черновой набросок переложения нескольких строк Корана, позднее использованных в примечании 3 (см. выше).

2) Тетр. ПД 833, л. 29 об. — 30 — белой, с правкой, без отсылки к примечанию, с росчерком в конце, под первоначальным заглавием: «Подражание Корану Из гл(авы) Слепый в 42 ст(ихах)» (первая часть заглавия — «Подражание Корану» — отчеркнута фигурной скобкой). После того как на л. 30 об. был записан белой автограф стихотворения «С тобою древле, о Всесильный...» (см. ниже), озаглавленный «Подр(ажание) 2», заглавие «Подражание Корану» было исправлено на «Подражания Корану», а между фигурной скобкой и подзаголовком вписан порядковый номер «1». Таким образом, первая часть заглавия («Подражания Корану») оказалась отнесена к нескольким стихотворениям. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 343 (окончательный вариант заглавия, поправка в ст. 8); Акад. Т. 2. С. 888—889 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Автограф предположительно датируется концом сентября — началом октября 1824 г. по времени работы над черновым автографом в тетради ПД 835.

IV. «С Тобою древле, о Всесильный...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 20 — первоначальный черновой ст. 1—8 и его авторская сводка с последующей доработкой стихотворения; расположен под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина». Напечатано: Якушкин.

№ 7. С. 8 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 889—890 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 2—10 октября 1824 г. по положению в тетради: на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина»; сверху л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507).

2) Тетр. ПД 833, л. 30 об. — белой, с поправками, под заглавием: «Подр(ажание) 2»; между ст. 10 и 11 — строфическое деление; под текстом — знак концовки в виде фигурной скобки. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 344 (заглавие и три первых слова); Акад. Т. 2. С. 890—891 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Автограф датируется предположительно первой половиной октября (не ранее 2-го) 1824 г. по времени работы над автографами стихотворения в тетради ПД 835.

V. «Земля недвижна; неба своды...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 22 — черновой, с иной, нежели в печатном тексте, последовательностью двух первых строф, а также стихов во второй (по окончательному счету) строфе. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 8 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 891—892 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 2—10 октября 1824 г. по положению в тетради: на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина»; сверху л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы».

2) Тетр. ПД 833, л. 33 — белой, с поправками, под заглавием «3 подр(ажание) Кор(ану)»; отсылка к примечанию отсутствует; под текстом — знак концовки в виде фигурной скобки. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 344 (заглавие и два первых слова); Акад. Т. 2. С. 892 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Автограф датируется предположительно первой половиной октября (не ранее 2-го) 1824 г. по времени работы над черновым автографом.

VI. «Недаром вы приснились мне...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 19 — черновой ст. 1—6. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 7 (ст. 1—2); Акад. Т. 2. С. 892 (полностью; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 26 сентября—2 октября 1824 г., по положению в тетради: на л. 17 — дата «26 сент(ября) 1824» под беловым автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом», на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина».

2) Тетр. ПД 835, л. 36—35 об. — черновой ст. 9—20. Ст. 9—16 вписаны в оставшейся свободной нижней части л. 36 под черновиком письма к Н. В. Всеволожскому от конца октября 1824 г. Работа над стихотворением продолжена на л. 35 об.: ст. 17—20 вписаны на правом поле в верхней части листа, заполненного к этому времени черновиками стихотворений «Презрев и голос(?) укоризны...» и «Сабуров, ты оклеветал...». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 14, 16 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 893 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется временем не ранее 31 октября 1824 г., когда оборот л. 36 уже был заполнен (здесь записаны стихотворение «Как жениться задумал царский арап...» и ниже черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября). Нижняя граница датировки определяется так же, как и для белого автографа стихотворения, — 29 ноября 1824 г.

3) Тетр. ПД 835, л. 37 об. — белой, с правкой. На левом поле — рисунок: фигура мусульманина с кривой саблей в поднятой руке. Выше рисунка на том же поле листа рядом с текстом «подражания» VI был вписан автограф «подражания» VII. Еще позже на том же поле была вписана и обведена с трех сторон вставка четырех стихов в «подражание» VI, между ст. 12 и 13, не вошедшая, однако, в печатный текст. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 16 (описание, вставка между ст. 12 и 13, без указания на связь с «Подражаниями Корану», не полностью); КН. Т. 1. С. 366 (вставка между ст. 12 и 13 в виде отдельного наброска, с уточнениями; публ. М. А. Цявловского; как отдельный набросок вставка между ст. 12 и 13 печаталась и в других авторитетных изданиях 1930-х гг.); Акад. Т. 2. С. 893 (в виде вариантов, без вставки между ст. 12 и 13; публ. Н. В. Измайлова). В изданиях, подготовленных Б. В. Томашевским, четверостишие печаталось в примечании к «подражанию» VI как вставка после ст. 12 — см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 422—423; см. также: Томашевский, II. С. 37. В настоящем издании вставка вводится в раздел «Другие редакции и варианты» (с. 227). Место вставки — между ст. 12 и 13 — определяется по расположению на листе и содержанию. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 31 октября—29 ноября 1824 г. по положению в тетради: на л. 36 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября; на л. 40—40 об. — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября.

VII. «Восстань, боязливый...»

Автограф в тетр. ПД 835, л. 37 об. — белой, переходящий в черновой; вписан на левом поле листа рядом с беловым автографом «подражания» VI. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 6 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 894 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется 1824 г., предположительно 31 октября—29 ноября по времени создания белого автографа «подражания» VI. Расположение на л. 37 об. тетради ПД 835, а также близость почерка и чернил позволяют считать, что оба автографа, вероятнее всего, создавались в одно и то же время.

VIII. «Торгуя совестью пред бледной ницетою...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 38 об. — черновой, под текстом — знак концовки. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 6 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 894—895 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 835, л. 38 об. — белой, с правкой, под вписанным позднее заглавием: «Милостыня», со знаком концовки в виде фигурной скобки под текстом; записан сразу под черновым автографом. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 17 (описание, заглавие); Акад. Т. 2. С. 895 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Оба автографа датируются 31 октября—29 ноября 1824 г. по положению в тетради: на л. 36 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября; на л. 40—40 об. — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября.

IX. «И путник усталый на Бога роптал...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 11 об. — первоначальный черновой набросок («В пустыне древле человека...»), вписан в перевернутом положении тетради на оставшемся свободным левом поле листа, занятого черновиками «Евгения Онегина». Напечатано: *Измайлов Н. В.* Неизданные тексты Пушкина // Новый мир. 1937. № 1. С. 5 (в виде редакторской сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Набросок появился в тетради не ранее 5 сентября 1824 г. (эта дата записана в середине л. 11 об., несомненно, раньше наброска). Определение нижней границы датировки проблематично. Наиболее вероятное время его создания — октябрь 1824 г., так как в конце октября этого года на л. 34 тетради ПД 835 появился еще один набросок, по-видимому продолжающий развитие сюжета, начатого на л. 11 (см. ниже).

2) Тетр. ПД 835, л. 34 — первоначальный набросок, предположительно относящийся к «подражанию» IX («< > сон изнеможенья...»); вероятно, он служил продолжением наброска на л. 11 об.). Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 485 (как самостоятельный набросок; в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова); Акад. Т. 2. С. 896 (как первоначальный набросок «подражания» IX; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Набросок датируется концом октября 1824 г. по положению в тетради: на л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 октября», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы»; на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября.

3) Тетр. ПД 835, л. 39—39 об. — основной черновой автограф. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 17 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 897—903 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Автограф датируется второй половиной ноября (не позднее 29-го) по положению в тетради: на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября; на л. 40—40 об. — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября.

К работе над циклом предположительно относятся следующие автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 18 об. — набросок «[Я клянусь]»; расположен над черновым автографом «подражания» III («Смутясь, нахмурился пророк...»), с которого началась работа Пушкина над циклом (см. выше). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 885 (в качестве первоначального черного наброска «подражания» I; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Расположение записи позволяет считать, что она появилась в тетради около того же времени, что и автограф «подражания» III, т. е. 26 сентября—2 октября 1824 г. (см. выше).

2) Тетр. ПД 835, л. 18 об. — набросок «Слаб и робок человек...»; записан в левой верхней части листа после наброска «[Я клянусь]» и, по-видимому, после того как были записаны две первые строфы черного автографа «подражания» III («Смутясь, нахмурился пророк...»). Напечатано: Якушкин. № 7. С. 7. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Набросок датируется временем работы над «подражанием» III, т. е. 26 сентября—2 октября 1824 г.

Заглавие цикла вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Смесь» — в записи: «Подр(ажания) Корану» (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож., № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: Ст 1826. С. 173—192, как особый отдел книги, с посвящением: «(Посвящено П. А. Осиповой)» и датой «1824» в оглавлении у каждого из стихотворений цикла. «Подражание» IV («С Тобою древле, о Всесильный...») под заглавием: «Подражание Корану» вошло в СЦ 1826 (Отдел «Поэзия». С. 9). С изменениями цикл вошел в Ст 1829 (Ч. 1. С. 203—220) как особый отдел книги, после стихотворений 1824 г. Стихотворение «С Тобою древле, о Всесильный...» под заглавием: «Подражание Корану» перепечатано: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, аполги и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 58, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется работа над циклом 26 сентября—29 ноября 1824 г. на основании датировки автографов в тетр. ПД 835 (см. выше, с. 578—583). Раньше всех, между 26 сентября и 2 октября, судя по всему, было создано «подражание» III («Смутясь, нахмурился пророк...»), которое Пушкин перебелил в тетр. ПД 833 первым, озаглавив: «Подражание Корану» и указав источник «подражания» — «Из гл(авы) Слепый в 42 ст(ихах)» (во всех прочих автографах подобные указания отсутствуют). Заглавие «Подражание...» свидетельствует о том, что на тот момент, по всей видимости, замысла цикла еще не существовало (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 48). Около того же времени, между 26 сентября и 2 октября, был сделан первый черновой набросок «подражания» VI («Недаром вы приснились мне...»), но работа остановилась на первых шести стихах. Замысел цикла получил первое оформление вместе с появлением «подражаний» IV («С Тобою древле, о Всесильный...») и V («Земля недвижна; неба своды...»), которые, так же как «подражание» III, были переписаны набело в тетрадь ПД 833 под заглавиями: «Подр(ажание) 2» и «3 подр(ажание) Кор(ану)» (см.: Томашевский, II. С. 35; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835).

С. 49). Их черновые автографы датируются 2—10 октября. Не позднее 10 октября еще один беловой автограф — «подражание» I («Клянусь четой и нечетой...») — был вписан на свободное место в тетради ПД 835. Возможно, к «подражанию» I по времени примыкает и беловой автограф «подражания» II («О жены чистые пророка...»), также вписанный на свободное место в той же тетради, за несколько листов до «Клянусь четой и нечетой...». Между 31 октября и 29 ноября одно за другим появились следующие три «подражания»: получило свое завершение «подражание» VI, написаны «подражания» VII («Восстань, боязливый...») и VIII («Торгуя совестью пред бледной нищетою...»). Во второй половине ноября (не позднее 29-го) было написано «подражание» IX («И путник усталый на Бога роптал...»), первые наброски которого, вероятно, были сделаны еще в октябре (ср. изложенное ниже мнение У. Викери о хронологической обособленности последних трех «подражаний» — *Vickery W. N. Towards an Interpretation of Pushkin's «Podrazhaniia Koranu» // Canadian-American Slavic Studies. 1977. Vol. 11. № 1. P. 61—65*). Доработка цикла могла продолжаться вплоть до конца мая 1825 г., когда Пушкин досылал в Петербург стихотворения для Ст 1826.

Высказывались иные точки зрения на датировки отдельных стихотворений и соответственно на историю создания цикла. Неоднозначность исследовательских трактовок обусловлена тем, что записи «подражаний» в ПД 835, по словам Томашевского, «разбросаны по тетради». Полагая, что они «не связаны органически» с остальной ее частью, исследователь счел возможным указать лишь на то, что «подражания» I и II были созданы после завершения работы над «подражаниями» III, IV и V, перебеленными в тетради ПД 833, и отметил, что последовательность написания остальных «подражаний» «установить трудно» (Томашевский, II. С. 35).

Уточнения истории работы над циклом были предложены У. Викери, который полагал, что «первые шесть подражаний были написаны и, вероятно, задуманы раньше, чем три последних» (*Vickery W. N. Towards an Interpretation of Pushkin's «Podrazhaniia Koranu»*. P. 62). Основываясь на расположении черновиков в тетради ПД 835, Викери выделил два этапа интенсивной работы над циклом: на л. 18 об.—22, на которых находятся записи, относящиеся к первым шести «подражаниям», и на л. 37 об.—39 об., где расположены записи «подражаний» VII—IX. Исследователь также обратил внимание на то, что первые шесть «подражаний» написаны четырехстопным ямбом в отличие от последних трех стихотворений цикла, где Пушкин использовал более экзотическую метрику: белый двухстопный амфибрахий («подражание» VII), четырехстопный амфибрахий с парной рифмовкой («подражание» IX), шестистишную ямбическую строфу Я666646 («подражание» VIII), что, с точки зрения Викери, также свидетельствует в пользу более позднего времени их создания.

В конце 1970-х—начале 1980-х гг. С. А. Фомичев предложил свою концепцию истории цикла, полемичную по отношению к выводам Викери. Основные возражения касались времени написания двух первых по окончательному счету «подражаний». По мнению исследователя, стихотворения «Клянусь четой и нечетой...» и «Восстань, боязливый...» не могли быть написаны раньше наброска «В пещере тайной(?) в день гоненья...» (см. наст. т., с. 135), расположенного на л. 68 тетради ПД 835, так как он в интерпретации Фомичева должен считаться «их первоначальной редакцией». Датируя этот набросок концом апреля 1825 г., ученый соответственно отнес время работы над автографами «Клянусь четой и нечетой...» и «Восстань, боязливый...» к апрелю—маю 1825 г. (Фомичев С. А. «Подражания

Корану» : Генезис, архитектоника и композиция цикла // Врем. ПК 1978. С. 24—25; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 50—51). Таковую же позднюю датировку исследователь предложил для беловика «подражания» II («О жены чистые пророка...») и наброска «В пустыне древле человека...», который, согласно его точке зрения, представлял собой «попытку переработать стихотворение „И путник усталый на бога роптал...“, унифицировав его ритмику с остальными стихотворениями цикла» на этапе его окончательного оформления (Фомичев С. А. «Подражания Корану». С. 37).

В настоящем издании мотивно-образные переключки наброска «В пещере тайной(?) в день гоненья...» с «подражаниями» VII («Восстань, боязливый...») и I («Клянусь четой и нечетой...») не признаны достаточным основанием для того, чтобы однозначно связывать эти замыслы (см. примеч. к наброску «В пещере тайной(?) в день гоненья...» — наст. т., с. 1026—1027). Датировка «подражаний» I и II апрелем—маем 1825 г. плохо согласуется с ходом работы Пушкина в тетради и палеографическими особенностями записей этих текстов на соответствующих листах: автограф «подражания» I возник до завершения работы поэта над стихотворением «К морю», законченным не позднее 10 октября 1824 г., а запись «подражания» VII сделана теми же чернилами и почерком, что и соседствующий с ней на листе автограф «подражания» VI (см. выше), что было бы невозможно при одновременной записи этих двух текстов. Кроме того, в последнем случае Пушкину все время приходилось бы возвращаться к уже заполненным листам тетради, что противоречит известным данным о ходе записей в тетради ПД 835 (ср. аргументы А. О. Проскурина против интерпретации Фомичевым последовательности заполнения начальных листов ПД 835 — Проскурин О. Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы». С. 194—201).

Наиболее радикальную попытку пересмотра датировки работы над «Подражаниями Корану» предпринял С. М. Шварцбанд (см.: Шварцбанд С. М. История текстов : «Гавриилиада», «Подражания Корану», «Евгений Онегин» (главы I—IV). М., 2004. С. 77—105), по мнению которого, цикл был начат Пушкиным еще на Юге, где могло состояться его знакомство с французским текстом Корана. С точки зрения Шварцбанда, самое раннее из стихотворений цикла — «подражание» III («Смутясь, нахмурился пророк...») — было написано еще в Одессе, между 26 апреля и 19 мая 1824 г. или вскоре после 19 мая. Свою аргументацию Шварцбанд строил, основываясь на пересмотре хронологии заполнения тетради ПД 833, где находится беловой автограф «подражания» III. Обратив внимание на исправление в дате под беловой записью стихотворения «Прозерпина» (ПД 833, л. 28 об.), исследователь ошибочно прочел первоначальную дату не как «26 июля 1824», а как «26 avr(il) 1824» и этим временем датировал появление автографа. Шварцбанд исходил из того, что авторские датировки в тетради в точности соответствуют времени записи стихотворений. Это дало ему основание сделать вывод, что тетрадь ПД 833 заполнялась не хронологически последовательно, как обычно считается (см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 833), а с пропусками, которые затем заполнялись более поздними автографами. А если так, то запись «Прозерпины» могла появиться на оставленном свободным листе позже расположенного на л. 29 об.—30 «подражания» III (см.: Шварцбанд С. М. История текстов. С. 98—99). Все эти допущения не находят никаких подтверждений. Ничем не объясненным в концепции Шварцбанда остается тот факт, что черновик «подражания» III располагается в тетради ПД 835 среди записей, надежно датированных сентябрем 1824 г. Сказанное не позволяет при-

нять датировок исследователя, однако его предположение о возможном знакомстве с французским текстом Корана на Юге представляется весьма вероятным.

«Подражания Корану» продолжали разработку «восточной» темы, начатую в «Бахчисарайском фонтане» (1821—1823); на первый план снова выходили жанрово-стилистические задачи — на сей раз применительно к лирике. Но поиск адекватных поэтических средств (прежде всего лексико-стилистических) для воспроизведения «восточной» мусульманской экзотики составлял лишь часть творческого задания. Другой его частью был эксперимент с поэтикой высокой духовной лирики, которая в первой половине 1820-х гг. снова оказалась востребованной, прежде всего в связи с гражданской тематикой.

Возможно, замысел «Подражаний...» в определенной мере был связан с читательским успехом «Бахчисарайского фонтана», в котором особенно отмечали удачу поэта в воспроизведении восточного колорита: «...стихи поэмы проникнуты духом восточных обычаев и цветут азиатскою роскошью, подчиненною законам образованного вкуса» (отзыв М. М. Карниолина-Пинского в «Сыне отечества» (1824. Ч. 92. № 13. С. 270 (выход в свет 31 марта); П. в критике, I. С. 209)). Успех своей «восточной поэтики» в эпическом жанре (о скрытом соперничестве с Жуковским на этом поле см.: Проскурин 2007; С. 289—292, 2-я паг.) Пушкин намеревался закрепить и в жанре лирическом, в чем его могла ободрять популярность «Татарской песни» («Дарует небо человеку...»), ходившей в отдельных списках или в составе «Отрывков из Бахчисарайского фонтана» еще до появления в Москве и Петербурге полного текста поэмы (см.: Там же. С. 316—318). В русской лирике ориентальная тема получала все большее развитие под влиянием «восточных повестей» и «Еврейских мелодий» («Hebrew Melodies», 1814—1815) Байрона, поэмы Т. Мура (Moore; 1779—1852) «Лалла Рук» («Lalla Rookh : An Oriental Romance», 1817) и их переводов. Об обращении к восточной поэзии как актуальной задаче русской литературы писал, например, Кюхельбекер в знаменитой статье 1824 г. «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»: «При основательнейших познаниях и большем (...) трудолюбии наших писателей Россия (...) могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джамии ждут русских читателей» (Мнем. Ч. 2. С. 42 (выход в свет 23 июня, см.: П. в критике, I. С. 425, примеч. С. Б. Федотовой); Кюхельбекер 1979. С. 458). Осенью 1824 г., когда Пушкин работал над «Подражаниями...», вышел сборник А. А. Шишкова «Восточная лютня» (ценз. разр. 23 октября 1824 г.). Библиографию «восточных стихотворений» в русской печати 1820—1830-х гг. см.: Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток : 1800—1950 : Опыт библиографии. М., 1975. С. 10—24.

Эпистолярные высказывания Пушкина 1822—1825 гг. позволяют уточнить его требования к ориентальной поэтике: образцовым автором для него оказывается Байрон, противопоставляемый «чопорному подражателю безобразному восточному воображению» — Т. Муру (см. письмо к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 34). Свои претензии к автору «Лаллы Рук» Пушкин сформулировал в письме к Вяземскому от конца марта—начала апреля 1825 г., уже после того как «Подражания Корану» были написаны: «Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему

Байрон так и прелестен в „Гяуре”, в „Абидосской невесте” и проч.» (Там же. С. 160; см. также: Проскурин 2007. С. 289—292, 2-я паг.).

По-видимому, восточная поэма Мура, прочитанная во французском переводе еще в 1821 г., послужила одним из первых источников знакомства Пушкина с Кораном, цитаты из которого нередко приводились в многочисленных авторских примечаниях (см., например: *Moore Th. Lalla Rookh, ou La princesse mogole, histoire orientale / Trad. de l'anglais par le traducteur des œuvres de Lord Byron [A. Pichot]. Paris, 1820. Т. 1. Р. 50, 123, 124, 155, 169, 242, 251; Т. 2. Р. 217—218*). Нельзя исключать, что «Лалла Рук», как и «восточные повести» Байрона (см. ссылки на Коран в примечаниях к «Гяуру» (Вугон 1820—1822. Т. 2. Р. 53) и «Абидосской невесте» (*Ibid.* Т. 1. Р. 326—327)), вызвали интерес Пушкина к Корану еще на Юге, где он, вероятно, мог ознакомиться с популярным французским переводом К.-Э. Савари (подробнее о нем см. ниже).

В то же время «Подражания Корану» продолжают иную линию литературных интересов Пушкина, связанных с поэтическим освоением священных текстов, предполагающим переосмысление сложившейся традиции духовных од и «од парафрастических». Эксперименты в этом направлении Пушкин предпринимает еще на Юге, когда в конце 1821 г. пробует перекладывать стихами церковнославянский текст «Песни песней» (см. примеч. к стихотворению «В крови горит огонь желанья...», завершённому в Михайловском в 1825 г. — наст. т., с. 810—811). Характерно, что работу над подражаниями священной книге мусульман сменяет острый интерес Пушкина к библейским текстам. О присылке Библии он настойчиво просит брата Льва в конце ноября—начале декабря 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 123, 127). В контексте лета—осени 1824 г. актуализация внимания к духовной поэзии могла быть вызвана, помимо прочего, дискуссией о развитии поэтических жанров, заданной статьёй Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...», где ведущим жанром провозглашалась ода и подчеркивалась роль «возвышенных предметов» в поэзии (о пушкинской реакции на выступление Кюхельбекера см. в примеч. к «Оде (...) Хвостову» — наст. т., с. 669—670; см. также: Тынянов. С. 95—121; *Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 214—222, 400—404; Красноборождко Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West : A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Pt. 1. P. 66—116*).

Репутацию главного «духовного поэта» имел в то время Ф. Н. Глинка, в течение 1822—1824 гг. постоянно публиковавший свои «опыты священной поэзии» на страницах журналов и альманахов (подробнее о нем см. примеч. к стихотворениям «К Н. Я. П(люско)вой» (1819), «Ф. Н. Глинке» (1822), «(На Ф. Н. Глинку)» (1825) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 558—559; т. 2, кн. 2, с. 694—696; наст. т., с. 643—645). Осенью 1824—в начале 1825 г. сочинения Глинки не раз оказываются объектом пушкинского внимания и иронических насмешек — ср. упоминание «водяного пс(алма) Фиты» в черновике письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 404), а также эпиграмму «(На Ф. Н. Глинку)». Поэтика Глинки с ее ориентацией на духовную поэзию XVIII в. и гражданско-дидактическим пафосом должна была казаться Пушкину чрезмерно тяжеловесной и архаичной, что тем не менее не мешало ему использовать отдельные формулы и приемы, восходящие к стихотворениям Глинки (подробнее см. в построчных примечаниях к отдельным «подражаниям»). Показательно, что В. В. Измайлов в «Кратком обозрении 1826 года» прямо назвал Пушкина «счастливым соперником» Ф. Н. Глинки, «известного в

поэзии подражаниями другого рода», т. е. подражаниями псалмам и библейским пророчествам (Литературный музей на 1827 год / [Изд.] В. Измайлова. М., 1827. С. 27; П. в критике, I. С. 314).

Важной особенностью пушкинского поэтического эксперимента было то, что он использовал поэтику и стилистику духовной оды — жанра, представляющего собой «вариацию священных текстов, вошедших в христианский канон и обладавших в системе европейской культуры высшей авторитетностью», — применительно к экзотическому материалу, относящемуся к «заведомо „неистинной“ религии» (см.: Проскурин 1999. С. 385). Обращение к библейской образности и стилистике, по всей видимости, было подсказано как самим текстом Корана, в котором содержится немало заимствований из библейских книг и отсылок к ним (ср. в предуведомлении русского переводчика Корана М. И. Веревкина: «Слог Аль-Корана везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных речениям пророческим и стихам библейским...» (Книга Аль-Коран аравлянина Магомета... СПб., 1790. Ч. 1. С. XXIV)), так и особенностями перевода Веревкина, которым пользовался Пушкин (об этом см. ниже).

К середине 1820-х гг. существовал ряд европейских и русских переводов Корана. Известностью пользовались старый французский перевод А. Дю Риэ (Du Ryer; ок. 1580—1660), впервые напечатанный в 1647 г. (*Alcoran de Mahomet / Trad. d'arabe en françois par le sieur Du Ryer, sieur de la Garde Malezair. Paris, 1647*), а в 1734 г. вышедший в исправленной редакции, многократно переиздававшейся (*L'Alcoran de Mahomet / Trad. de l'arabe par Andre Du Ryer, sieur de la Garde Malezair. Éd. rev. et corr. Amsterdam, 1734. Т. 1—2*); более точный французский перевод К.-Э. Савари (Savary; 1750—1788), также выдержавший ряд переизданий (*Le Coran / Trad. de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Paris, 1782—1783. Т. 1—2*), и наконец, английский перевод Дж. Сэйла (Sale; 1680—1736) (*Koran, commonly called the Alcoran of Mohammed / Transl. into english immediately from the original arabic; with explanatory notes, taken from the most approved commentators. To which is prefixed a preliminary discourse. By George Sale. London, 1734*).

Европейские переводы послужили основой для русских переложений Корана, появившихся в XVIII в. К переводу Дю Риэ восходят первые предпринятые еще в Петровскую эпоху переводы Корана, в том числе печатный «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французского языка на российский...» (СПб., 1716); перевод атрибутировался Д. К. Кантемиру (см.: Кашталева. С. 248) и П. В. Постникову (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. : 1725—1800. М., 1962. Т. 1. С. 27), однако его подлинный автор в действительности неизвестен (см.: *Круминг А. А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 227—239; Резван Е. А. Коран и его мир. СПб., 2001. С. 389—391*). На издание Дю Риэ также опирался перевод М. И. Веревкина (1732—1795): Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих. Перевод с арабского на французский язык Андрея дю-Рюэра-де-ла-Гард-Малезера (...). Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русски же предложена, Московского наместничества, Клинской округи, в сельце Михалева. СПб., 1790. Ч. 1—2. Другой русский перевод конца XVIII в., выполненный А. В. Колмаковым (?—1804), восходил к английскому тексту Сэйла: Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на англиский, с приобщением к каждой главе на все тем-

ные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших источников и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо. С англинского на российский перевел А. Колмаков. СПб., 1792. Ч. 1—2.

Первые комментаторы «Подражений Корану» сопоставляли пушкинские стихотворения с французскими переводами священной книги мусульман — прежде всего с переводом Савари (см.: Пол. Т. 2. С. 133—143), который был назван Н. О. Лернером в качестве одного из вероятных источников знакомства Пушкина с Кораном (см.: Венг. Т. 3. С. 538; перевод Савари в позднейшем издании 1828 г. имелся в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 825; не разрезано)). Однако детальное сопоставление образности и фразеологии пушкинских подражений с существовавшими переводами Корана, предпринятое К. С. Кашталевой, убедительно показало, что непосредственным источником для поэта мог послужить только перевод Веревкина. Буквальные совпадения с ним прослеживаются на уровне лексики, фразеологии, синтаксиса и т. д. (конкретные примеры см. в построчных примечаниях): «...по <...> приблизительно подсчету 1/5 текста „Подражений“ представляет собою буквальную передачу текста Веревкина. <...> Если предположить, что Пушкин пользовался переводом du Rueg, то трудно себе представить, что, перелагая его на русский язык, он перевел все эти выражения как раз так же, как это сделал Веревкин» (Кашталева. С. 256).

Ориентация на перевод Веревкина ясно видна и из текстов примечаний к «Подражаниям». В частности, Пушкин воспроизводит названия сур, сильно варьировавшиеся в разных переводах, в соответствии с переводом Веревкина. Так, в примечании 1 упомянута «глава Награды» — заглавие суры в издании Веревкина «Награды или одарения» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 100; ср. в других переводах: «Gratifications» <«Награды» — фр.> — в переводе Дю Рие, «Les troupeaux» <«Стада» — фр.> — Савари, «Скот» — в переводе Колмакова). Ср. заглавие суры 80 в черновом автографе «подражания» III «Слепый», что также соответствует тексту Веревкина (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347; ср. в других переводах: «L'Aveugle» <«Слепой» — фр.> — Дю Рие, «Le front sévère» <«Суровое чело» — фр.> — Савари, «Он нахмурил чело свое» — Колмаков). В примечании 2 Пушкин указывает, что «в других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц...» — во всех переводах Корана в этом месте упоминаются «кони» («Je jure par les chevaux...» <Клянусь конями... — фр.> — Дю Рие, «Par les chevaux qui, frappant la terre du pied, font jaillir des étincelles...» <Конями, которые, ударяя оземь копытами, высекают искры... — фр.> — Савари, «Клянусь быстротекущими на брань конями» — Колмаков), в то время как в переводе Веревкина здесь допущен аграмматизм: «Клянусь конями сими, быстро бегущими, одна другую ускоря...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 376). См.: Кашталева. С. 258. Столь существенная зависимость пушкинского текста от перевода Веревкина свидетельствует о том, что Пушкин имел его в своем распоряжении во время работы над циклом осенью 1824 г.

Нельзя исключать, что перевод Веревкина Пушкин нашел в библиотеке Тригорского, хозяйке которого, П. А. Осиповой, были посвящены «Подражания» в Ст 1826 и Ст 1829. Хотя среди дошедших до нас книг тригорской библиотеки, как и в библиотеке Пушкина, этого издания не сохранилось, в Тригорском имелся другой перевод Веревкина, причем того же 1790 г., «Житие Кун-Тсеза, или Конфуциуса» (см.: Модзалевский Б. Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 г. Приложение I: Каталог библиотеки села Тригорского // ПиС. Вып. 1. С. 46; Сафиуллин Я. Г. Об источниках

«Подражаний Корану» Пушкина // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков : Тез. Междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Казань, 1998. С. 66), возможно свидетельствующий об интересе А. М. Вындомского, отца П. А. Осиповой и собирателя библиотеки, к творческой деятельности переводчика Корана (см.: *Березкина С. В.* «Чета и нечета» : Из комментариев к «Подражаниям Корану» // Пушкин и время. Томск, 2010. С. 6—15).

Стилистика перевода Веревкина, отличавшегося обилием грамматических и лексических церковнославянизмов, отразилась на образной системе «Подражаний Корану», обусловив тем самым их сходство с подражаниями библейским текстам и языковую ориентацию на традицию «од парафрастических» (см.: *Виноградов. Язык П.* С. 121—131; *Виноградов. Стил П.* С. 493—495; *Томашевский, П.* С. 25—29; см. также построчные примеч.).

О работе над «Подражаниями Корану» Пушкин сообщал в письме к брату Льву от 1—10 ноября 1824 г. из Тригорского: «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать» (Акад. Т. 13. С. 119). В чуть более позднем письме к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. возникает ироническая проекция событий жизни пророка Магомета на историю с так называемой тетрадью Всеволожского: «... в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке (...). Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и донныне правоверные ожидают его» (Там же. С. 124—125); здесь под Кораном подразумевается рукопись первого стихотворного сборника поэта (см. о нем: *Томашевский Б. В.* История Тетради Всеволожского — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 303—324), под Меккой и Мединой — Петербург и Юг. Отталкиваясь от этого высказывания Пушкина, проводящего сопоставление поэта с пророком Магометом, многие исследователи начинали искать в «Подражаниях Корану» автобиографические черты (Томашевский, П. С. 39—45; *Соловей Н. Я.* Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина // Пушкин в странах зарубежного Востока : Сб. статей. М., 1979. С. 135—143) или интерпретировать их как «значительные признания, раскрывающие пушкинскую трактовку задач независимого писателя» (*Фридман Н. В.* Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 118. С. 84). Подобные интерпретации, как и попытки увидеть в «Подражаниях Корану» завуалированный отзвук «религиозных струн (...) собственного сердца» поэта (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 304; см. также: *Черняев Н. И.* «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 48—52; *Березкина С. В.* Пушкин в Михайловском : О духовном надзоре над поэтом (1824—1826) // РЛ. 2000. № 1. С. 12—14; *Шварцман С. М.* История текстов. С. 77—91), представляются малообоснованными (см., например, критическое возражение против таких трактовок: *Нольман М. Л.* Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 123—124).

«Подражания Корану» оказались первым печатно оформленным лирическим циклом Пушкина (о его специфике см.: *Фомичев. С.* 115—127; *Фомичев С. А.* Подражания Корану // Пушкин А. С. Лирические циклы / Вступ. статья, сост., коммент. С. А. Фомичева. СПб., 2012. С. 108—125), обозначив важную веху в становлении поэтической циклизации в первой трети XIX в. (см.: *Дарвин М. Н.* Русский лирический цикл : Проблемы истории и теории : На материале поэзии первой половины XIX в. Красноярск, 1988. С. 56—70).

В конце апреля 1825 г. К. Ф. Рылеев сообщил Пушкину: «В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет

превосходны» (Акад. Т. 13. С. 168). Л. С. Пушкин знакомил с неопубликованным еще циклом и других слушателей (см., например, запись в дневнике К. С. Сербиновича от 2 мая 1825 г. — *Нечаева В. С.* Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 252). В начале 20-х чисел мая 1825 г. А. А. Дельвиг просил П. А. Плетнева: «Милый Плетнев, пришли мне алкоран Пушкина, не забыв сперва поправить описки», на что Плетнев отвечал: «Прелесть моя Дельвиг! Посылаю тебе сияющий Коран:

Да притечешь и ты ко Свету,
И да падет с очей туман!

Поправок в нем я сделать не мог на память; ты лучше сам поправь или читай так, как нам

С небесной книги список дан».
(ЛН. Т. 58. С. 50)

26 мая будущая жена Дельвига С. М. Салтыкова писала А. Н. Семенову: «Он (Дельвиг. — *Ред.*) дал мне прочесть новые стихотворения Пушкина: „Подражания Корану“; это божественно, восхитительно, в скором времени это будет напечатано» (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвиг // *Модзалевский. С. 259*). 31 мая 1825 г. И. И. Козлов писал Пушкину о впечатлении, полученном от некоторых раньше ему неизвестных пушкинских стихотворений: «„Дочь Карагеоргия“, стихи из Корана и две элегии особенно привели меня в восторг» (Акад. Т. 13. С. 176, 536; оригинал по-фр.).

В печати, однако, сколько-нибудь значительных отзывов критики на «Подражания Корану» не появилось. Помимо процитированного выше отклика В. В. Измайлова в «Литературном музее» они вскользь были упомянуты в заметке Н. А. Полевого «Замечания на статью „*Coup d'œil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie*“» («Взгляд на историю славянского языка и постепенный ход просвещения и литературы в России» — *фр.*)» (МТ. 1827. Ч. 17. № 18. Отд. I. С. 118; П. в критике, I. С. 335). Тем не менее пушкинская ориентальная поэтика, как и в случае с «Бахчисарайским фонтаном», быстро и надолго стала образцовой. О развитии в поэзии пушкинского времени традиции «подражаний Корану» см.: *Белкин Д. И.* О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина // Учен. зап. Горьковск. гос. ун-та. Горький, 1971. Вып. 145: Русско-зарубежные литературные связи. С. 192—196; Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 430, 432—436, 754 (цикл А. Г. Ротчева «Подражание Корану» (опубл. 1827) и примеч. к нему В. Э. Вацуро).

Посвящено П. А. Осиповой — О П. А. Осиповой см. примеч. И. С. Чистовой к стихотворению «Простите, верные дубравы!..» (1817) (наст. изд., т. 2, кн. 1,

с. 463) и примеч. к стихотворению «Цветы последние милей...» (1825) (наст. т., с. 776—777). Возможно, какая-то часть «Подражаний Корану» была написана непосредственно в Тригорском, где поэт проводил дни после ссоры с отцом, разыгравшейся в конце октября 1824 г. из-за согласия Сергея Львовича стать «попечителем» своего сына, т. е. взять на себя обязанности по надзору за ним (подробнее см. примеч. к стихотворению «Презрев и голос ⟨?⟩ укоризны...» — наст. т., с. 957); после отъезда С. Л. Пушкина поэт продолжал большую часть времени проводить в Тригорском (см. в письме к брату Льву от 1—10 ноября 1824 г.: «...я в Михайловском редко...» — Акад. Т. 13. С. 118).

1. «Клянусь четой и нечетой...»

В основе «подражания» I — сура 93 «Солнце восходящее» (1—11),² дополненная рядом образов из других сур (см. построчные примеч.): «Клянуся лучезарностью солнечного восхода и темнотою ночи, что Господь твой не оставил тебя. Не еси ненавистен ему; умедление его к тебе наконец обрящеша к твоему же успокоению. Не дал ли тебе доброго убежища, егда сиротствовал ты? Не возвел ли на путь правый, егда от оногo уклонился? нищего тебя не обогатил ли? Не обиждай (sic!) же сирот, не отъемли крох последних от убогих, возвещай милости к тебе Божии (sic!)» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 368; см.: Кашталева. С. 248—249).

В то же время общим стилистическим ориентиром «подражания» выступает традиция парафрастических од с их библейской образностью и синтаксисом (обилие риторических вопросов, анафор) и «высокой» церковнославянской лексикой. Сопоставление «подражания» I с «Утренним размышлением о Божием величестве» (1743) и «Одой, выбранной из книги Иова (гл. 38, 39, 40 и 41)» (1751) М. В. Ломоносова, а также с духовными одами И. А. Крылова, И. П. Пнина, В. К. Кюхельбекера см.: Виноградов. Стилъ П. С. 494—495; Томашевский, П. С. 25—29, а также построчный комментарий.

Ст. 1—4. *Клянусь четой и нечетой, Клянусь мечом и правой битвой...* — В первые строки Пушкин вводит серию клятв экзотическими предметами (ср. пушкинское примечание 2), начинающихся анафорическим «Клянусь...», с соблюдением синтаксического параллелизма (ст. 1—2 и 3—4). Формулы клятвы, часто строящиеся на перечислении, повторяются в Коране многократно (см.: Крачковский И. Ю. Изучение избранных отрывков Корана в подлиннике // Коран. М., 1963. С. 666). Пушкин воспроизводит такую перечислительную структуру, избрав клятвы по этому образцу (см.: Пол. Т. 2. С. 134). Формулы клятвы уже первыми подражателями Пушкина стали восприниматься как характерная примета ориентального стиля (см., например, стихотворение А. Г. Ротчева «Подражание арабскому» (1826): «Клянусь коня волнистой гривой / И брызгом искр его копыт / ⟨...⟩ / Клянусь вечернею зарею / И блеском утра золотым» (СЦ 1827. С. 333); «Из Ал-Корана, глава ХС1» Л. А. Якубовича: «Клянуся солнцем и луною, / Клянуся ночью и днем, / Клянуся небом и землею, / Клянусь ослицей и конем...» (Атеней. 1829. Ч. 2. № 12. С. 561); клятву Демона в одноименной поэме

² Нумерация сур и аятов, отсутствующая в переводе Веревкина, дается по современному авторитетному переводу Корана, выполненному И. Ю. Крачковским (Коран / Пер., коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963).

М. Ю. Лермонтова (см.: *Белкин Д. И.* О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина. С. 192—196)).

Клятва «четой и нечетой» встречается в суре 89 (1—4): «Клянусь зарею; десятою нощию месяца; четою и нечетою; нощи наступлением: что нечестивии покараются» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 362). Значение клятвы в пушкинском тексте, в данном случае точно следовавшем за переводом Веревкина, остается дискуссионным. К. С. Кашталева, опираясь на традицию истолкования Корана, предполагала, что ее надо понимать как клятву «четным и нечетным», «парным и непарным», и отмечала необычность пушкинского словоупотребления по сравнению с нормативным: «говорили не „чета” и „нечета”, а „чет” и „нечет”» (Кашталева. С. 257; так же истолковано это «темное» место Корана в современном переводе Крачковского: «Клянусь зарею, и десятью ночами, и четом и нечетом...» — «Четом — всего, созданного парами, и нечетом единого творца» (Коран. С. 486, 632)). Хотя в «Словаре Академии Российской» дефиниции «четного-нечетного» действительно соответствует статья «чет» («Число, состоящее из одной или многих двойц. Число 10 есть чет. Число 9 есть нечет» — Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 6. С. 739), но и определение слова «чета» («Пара, двойца» — Там же) может быть соотнесено с понятием о «парном и непарном». Иная, более широкая дефиниция «четы и нечеты» была предложена в «Словаре языка Пушкина», где содержится указание, что в данном случае имеется в виду «клятва о сочетаемом и несочетаемом» (СЯП. Т. 4. С. 911); сходным образом это выражение пояснял Б. В. Томашевский: «„сочетаемое и несочетаемое” (соединение и разделение)» (Акад. в 10 (1). Т. 2. С. 426; Акад. в 10 (2). Т. 2. С. 422). Подробнее об истории перевода и трактовок этого места в Коране см.: *Березкина С. В.* «Чета и нечета»: Из комментария к «Подражаниям Корану». С. 6—15.

Ст. 3. *Клянусь утренней звездой...* — Ср. суру 86 (1—3): «Клянусь небом и звездой, показующею путь человекам» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 358). В Ст 1826 был напечатан иной вариант стиха: «*Клянусь утренней зарей*» — ср. выше начало суры 89 (см.: Кашталева. С. 248; указываемые ниже параллели к «Подражаниям Корану» в «Книге Аль-Коран...» Веревкина в подавляющем большинстве случаев обнаружены К. С. Кашталевой и приводятся далее без специальных ссылок на ее работу. Параллели, обнаруженные другими авторами, сопровождаются соответствующими ссылками).

Ст. 4. *Клянусь вечернею молитвой...* — Ср. суру 103 (1): «Клянусь часом молитвы вечерняя» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 379).

Ст. 6—8. *Кого же в сень успокоенья Я ввел, главу его любя, И скрыл от зоркого гоненья?* — В качестве коранического источника этих строк предлагались фрагменты из начальных сур Корана, в которых упоминается преследование Магомета неверными: «...егда оба они укрывались в пещере, Магомет утешал клеветра своего: не сетуй, Бог с нами...» (9: 40; Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 158; отмечено: Пол. Т. 2. С. 134); «Не забывайте (...) како чаяли во устрашении вашем, что учинитесь пленниками неверных; Бог успокоил вас, покровительствовал вам...», «Не забывайте, како Бог и Пророк его привел правоверных на место безопасное...» (8: 26; 9: 26—27; Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 146—147, 156; см.: *Пичхадзе А. А.* «Подражания Корану. 1»: Источники и ассоциации // *Русская речь.* 1992. № 1. С. 16). Указывался также фрагмент из жизнеописания Магомета, предпосланного переводу Савари, где рассказывается о чудесном спасении Магомета и его спутника в пещере, обнаруженной их преследователями: «*Quelques-uns d'eux prêts à pénétrer*

dans la grotte, s'aperçurent que l'entrée en était fermée par des toiles d'araignée, et qu'une colombe y avait déposé ses oeufs. A cette vue ils retournèrent sur leurs pas» (Некоторые из них, готовые проникнуть в пещеру, заметили, что вход туда закрыт паутиной и что голубка отложила там яйца. При виде этого они вернулись обратно — *фр.*) (Le Koran. Т. 1. Р. 58; см.: Фомичев С. А. «Подражания Корану». С. 39). Значимую параллель представляет также эпизод библейского «зоркого гонения» — преследование египтянами Моисея и народа Израилева во время исхода из Египта (Исх. 14), которое не раз упоминается и в Коране (суры 17, 20, 26, 51) (Пичхадзе А. А. «Подражания Корану. 1». С. 16—17).

Ст. 9—10. *Не я ль в день жажды напоил Тебя пустынными водами?* — Эти строки, не имеющие прямого соответствия в тексте Корана, связывали с эпизодом жизнеописания Магомета, в котором рассказывается, как однажды Магомет высек обильный источник из высохшего колодца и напоил войско, умиравшее от жажды: «Pendant que l'armée campait à Hodaïbia, la sécheresse ayant tari toutes les sources, les soldats mourant de soif vinrent porter leurs plaintes au Prophète. Il ordonna qu'on décochât une flèche au fond d'un puits. Le trait part et s'enfonce dans la vase. A l'instant on vit jaillir une source abondante qui fournit à tous les besoins» (Когда войско стояло в Ходайбии, солдаты, умиравшие от жажды из-за засухи, истощившей все источники, обратили свои мольбы к Пророку. Он приказал пустить стрелу на дно колодца. Стрела вонзилась в колодезный ил. И в то же мгновение в колодце забил многоводный источник, который утолил всех страждущих — *фр.*) (Le Koran. Т. 1. Р. 111); неточный пересказ этого эпизода см.: Венг. Т. 3. С. 540 (примеч. Н. О. Лернера); там же см. более далекую параллель в 8-й суре Корана (аят 11): «Не забывай, како дал тебе Господь уснути сном безопасным, како низвел воду с небеси на умовение тебе...» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 145). Иной вероятный источник этого образа — библейская книга «Исход», где описано чудо, совершенное Моисеем, который высек ударом посоха источник воды в пустыне и напоил народ Израилев (Исх. 17: 1—7); этот эпизод упоминается и в Коране (2: 57; 7: 160). Ср. также использование сходного библейского мотива в «Призвании Исаяи» (1822) Ф. Н. Глинки: «Не я ль тебя лелеял / И на руках моих носил? / Тебе в пустынях жизнью веял, / Тебя в безводии поил...» (Глинка Ф. Н. Избр. произв. Л., 1957. С. 150—152 (Б-ка поэта; Большая сер.); впервые: Соревн. 1822. Ч. 20. № 12. С. 317; подробнее см.: Пичхадзе А. А. «Подражания Корану. 1». С. 17—18).

Ст. 11—12. *Не я ль язык твой одарил Могучей властью над умами?* — Прямого соответствия этим стихам в переводе Веревкина нет, и это дало основание Томашевскому (а вслед за ним и другим исследователям) утверждать, что Пушкин ввел от себя тему, «совершенно отсутствующую в Коране: тему власти языка, могущества слова» (Томашевский, II. С. 21; см. также его примеч. к «Подражаниям Корану» — Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 422). Между тем о даровании пророку красноречия как доказательстве истинности пророческой миссии неоднократно говорится в Коране: «Аз дах дар пророчествовати им...» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 197 — о предшественниках Магомета); «...аз ниспослах благодать мою на него и дар красноречия во истине» (Там же. Ч. 2. С. 41 — об Аврааме); «Господи! даждь ми ведати изволения твои; даждь силу языку и словам моим, да примутся истинными от потомства моего...» (Там же. С. 105 — обращение Авраама к Аллаху); «...научай народ вдохновенному тебе мною...» (Там же. Ч. 1. С. 211 — обращение Аллаха к Магомету). См.: Соловей Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина. С. 128—129.

Ст. 13—15. Мужайся ж, презирай обман, Стезю правды бодро следуй, Люби сирот... — Ср. использование тех же образов в черновых набросках четверостишия из «Альбома Онегина» («В коране ( ) мыслей здравых...»): «Люби сирот, беги лукавых»; «Беги путей лукавых» (Акад. Т. 6. С. 431—432).

Ст. 15—16. ...и мой Коран Дрожащей твари проповедуй. — Ср.: «...проповедуй Аль-Коран: воспользует боящихся Бога...» (87: 9—10; Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 359). Образ «дрожащей твари», затем приобретший фразеологическую устойчивость благодаря роману Ф. М. Достоевского (об использовании образов «Подражаний Корану» в его произведениях «Преступление и наказание», «Подросток» и других см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 494—495, примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридендера; *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Изд. подгот. Л. Д. Опульская, Г. Ф. Коган. М., 1970. С. 758—759), имеет, по-видимому, библейский источник: «Да благоговет пред Господом вся земля, и да трепещут пред Ним все живущие во вселенной» (Пс. 32 : 8; цит. по русскому переводу, изданному Российским Библейским обществом: Книга хвалений, или Псалтирь, на русском языке. 6-е изд. СПб., 1822. С. 33). Ср. параллели в поэтическом словоупотреблении: «Перед царем тварь бедная дрожит...» (В. И. Майков «Лягушки, просящие о царе» (1763—1767) — *Майков В. И.* Избр. произв. М.; Л., 1966. С. 138 (Б-ка поэта; Большая сер.)); «Но тот, кого Зевес не любит, / Дрожит от звонких песен Муз; / Трепещет на земле и море / Вся груба, суща тварь от них...» (Г. Р. Державин «Первая песнь Пиндара пифическая» (опубл. 1803) — Державин. Т. 2. С. 332—333); «Да трепещет и смирится / Пред Творцом своим вся тварь!» (Н. М. Шатров «Подражание псалму XXXII» (1818); цит. по: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год. СПб., 1821. Ч. 1. С. 120).

II. «О жены чистые пророка...»

Свободная интерпретация отдельных мотивов суры 33 «Артели или участки людей ратных»: «О супруги Пророка! окажется ли какая-либо из вас в студодейнии, накажу сугубо пред всякою иною прелюбодейцею. <...> О супруги Пророчи! не есте, яко же жены прочии мира сего. Бойтесь Бога; не внимайте словесам соблажняющих вас; <...> не исходите из домов ваших казати вашу красоту...» (33 : 30, 32—33); «О правоверные, не входите в дом пророческ без его позволения, разве случайно без намерения; бывая приглашаемы от него, входите свободно, и, насытившись трапезы его, возвращайтесь в дома ваши: не досаждайте ему плодословиями единые со другими. <...> Егда беседуете с женами его, да имут покрывало на лицах их. Прилично бо есть их целомудрию, вашей скромности. Не должны скучати Пророку Божию, не должны знати его жен...» (33 : 53); «О пророче! скажи твоим женам, дочерям, женам же и дочерям правоверных: да покрывают лица свои...» (33 : 59) (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 156, 157, 160—161; параллели отмечены: Пол. Т. 2. С. 135; Кашталева. С. 249—250). Ср. сходные наставления пророка Исаи в стихотворении Ф. Н. Глинки «Казнь грешных (Из пророка Исаия)»: «Доколе торжество порока? / Се Бог гласит в устах пророка: <...> / А вы, сионянки игривы! <...> / Вы так в походке горделивы, / И так в нарядах пышны вы! <...> / Волнуясь жизни суетою, / Стыденье скромное презрев, / Спесиво ходите с надеж-

дой, / И с помизаньем хитрых глаз, / Любуясь светлою одеждой... / О горе, горе! придет час / И вы изсохнете в боязни...» (Литературные листки. 1823. № 5. С. 62—63; в позднейших изданиях под загл.: «Из пророка Исая»).

Пушкинское примечание 3 («Ревность араба так и дышит в сих заповедях») давало основание комментаторам видеть в этом «подражании» «тонкий и едва уловимый комизм» (Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». С. 58; Венг. Т. 3. С. 541, примеч. Н. О. Лернера), иронию в отношении пророка, столь ревностно «оберегающего своих „чистых жен”» (Белкин Д. И. О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина. С. 188). Примечание вводит «острающую», европейскую точку зрения на гарем, один из главных символов восточного мира. Тот же «взгляд просвещенного европейца» на изображение гарема характерен и для таких произведений Пушкина, как «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823), набросок «Пока супруг тебя, красавицу младую...» (1824), близкий по времени создания к «Подражаниям Корану» (см. наст. т., с. 116), а также «Путешествие в Арзрум» (1835). «Острающую» функцию, по-видимому, имеет и строфика «подражания» II, в котором воспроизведена форма классического одического десятистишия (см.: Томашевский, II. С. 25).

Ст. 4. *Под сладкой сенью тишины...* — Образ, построенный на сочетании устойчивых поэтических клише: «под сенью тишины» и «сладкая тишина», восходящих к одической лексике. Ср.: «И вам мольбы мои приятны, / Певиды сладкой тишины!» (М. Н. Муравьев «Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» (1775) — *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. С. 125 (Б-ка поэта; Большая сер.)), «Жить в сладкой тишине россияне достойны...» (М. М. Херасков «Освобожденная Москва» (1798) — *Херасков М. М.* Избр. произв. Л., 1961. С. 351 (Б-ка поэта; Большая сер.)). В поэтическом языке Жуковского эти формулы стали эмоциональными словами-символами («Он мне душу растворил / Сладкой тишиной» («К месяцу» (1817) — Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 63). Ср. в «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» (1817) А. А. Дельвига: «Шесть лет промчалось, как мечтанье, / В объятях сладкой тишины» (Дельвиг. Соч. С. 125) и в ранних стихотворениях Пушкина: «Под сенью потаенной / Дубравной тишины...» («К Делии» (1815—1816?) — наст. изд., т. 1, с. 295); «Вы, пролетевшие под сенью тишины, / Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной...» («К ней» (1817) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 11); «Вижу: лира над могилой / Дремлет в сладкой тишине...» («Гроб Анакреона» (1815) — наст. изд., т. 1, с. 146); ср. также характеристики гарема в «Бахчисарайском фонтане»: «...жены робкие Гирея <...> / Цветут в унылой тишине»; «Как розу, в тишине гарема / Лелеет, милая, тебя»; «Я в безмятежной тишине / В тени гарема расцвела...» (Акад. Т. 4. С. 156, 159, 165).

Ст. 12. *Стекаясь к вечера его...* — В публикации Ст 1826 вместо «к вечера» было «к трапезе» — слово, использованное в переводе Веревкина (см. выше). По замечанию Томашевского, изменения, вносившиеся Пушкиным в произведение, демонстрируют его «постепенный отход от текста Корана» (Томашевский, II. С. 37; см. там же примеры из других стихотворений цикла).

Ст. 18—20. *Почтите <...> целомудренным склоненьем Его невольниц молодых.* — Склоненьем — в данном случае: поклоном (ср.: «Склонение. <...> Действие склоняющего и склоняющегося, склонившего и склонившегося»; «Склонять <...> Наклонять, приклонять...» — Словарь церковнославянского и русского

языка. СПб., 1847. Т. 4. С. 133). Этот фрагмент вызывал затруднения комментаторов: Л. И. Поливанов предполагал, что речь здесь идет «о скромно склоняющихся головы невольницах» (Пол. Т. 2. С. 135). На ошибочность такого прочтения указал Н. И. Черняев: «... в этих стихах заключается приказание не невольницам пророка, а его гостям опускать перед ними головы и взоры в знак особого уважения к их властелину» (Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». С. 67; см. также: Венг. Т. 3. С. 541, примеч. Н. О. Лернера).

III. «Смутясь, нахмурился пророк...»

«Подражание» III, создание которого положило начало работе Пушкина над циклом, представляет собой довольно точное переложение сурь 80 «Слепый» (параллельные места см. в построчных примеч.).

В соответствии с переводом Веревкина (и Дю Риэ) «слепой» в «подражании» Пушкина — это невежда, не способный воспринять учение Корана, а потому недостойный беседы с пророком. См. в переводе Веревкина (80: 1, 4): «Пророк наморщил чело, нахмурился в лице, устранился от приближающегося к нему слепого. (...) беги далеких от закона Божия» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347). То же наставление — не спорить с нечестивыми и бежать глупца — Пушкин в «Альбоме Онегина» назовет среди «мыслей здравых» / (...) / Чти бога и не спорь с глупцом» (Акад. Т. 6. С. 614; о французских источниках этой максимы, восходящей к Саади, см.: Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Веп, 2008. С. 478—485).

Между тем в более точных переводах Корана слепец в суре 80 — это бедняк, которым пренебрегает Магомет ради обращения богатого: «Он нахмурился и отвернулся от того, что подошел к нему слепой. А что дало тебе знать, — может быть, он очистится, или станет поминать увещание, и поможет ему воспоминание. А вот тот, кто богат, к нему ты поворачиваешься, хотя и не на тебе лежит, что он не очищается. А тот, кто приходит к тебе со тщанием и испытывает страх, — ты от него отвлекаешься» (Коран. С. 477; см. также перевод Савари; отмечено: Венг. Т. 3. С. 541, примеч. Н. О. Лернера).

Ст. 5. *С небесной книги список дан...* — Ср. в переводе Веревкина (80: 11): «Аль-Коран ниспослан научати народ, есть список с книги, хранимой на небе...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347). То же определение Корана — «небесная книга» — дано в «подражании» VII.

Ст. 7 — 8. *Спокойно возвещай Коран, Не понуждая нечестивых!* — Ср. в суре «Слепый» (80: 4): «Долг твой проповедовати токмо, а не принуждати к верованию...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347).

Ст. 9 — 12. *Почто ж кичится человек? ~ Что слаб умрет, как слаб родился?* — Ср. в переводе Веревкина (80: 16): «Человек чего ради нечестив есть?» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347). См. сходные мотивы, имеющие библейские параллели, в духовных одах: «...помни, что твой краток век, / Что ты и славясь, человек, / Что наг пришедший из утробы / (...) / Опять отсель отгидешь наг» (Сумароков А. П. Из 3 главы Сираха // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе... М., 1781. Ч. 1. С. 251; см.: Томашевский, II. С. 28).

Ст. 13—14. *За то ль, что Бог и умертвит, И воскресит его по воле?* — Ср. в суре «Слепый» (80: 21—22): «Разве от того, что Бог пошлет ему смерть и воскресит, егда угодно ему будет?» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347).

Ст. 17—20. *За то ль, что дал ему плоды ~ И вертоград, и холм, и ниву?* — Ср. в суре 80 (25—32): «Даю дождь, отверзаю сокровища земли, производжу всякого рода зерна хлебные; свеклу, оливы, финики; мною растут и обилуют *<sic!>* сады и огороды с плодами, травами всякого рода...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 347—348).

Ст. 21—24. *Но дважды ангел вострубит ~ И сын от матери отпрянет.* — Ср. в переводе Веревкина (80: 33—36): «Егда Ангел вострубит во второй раз, человек побежит от брата, матери, жены и чад своих, о самом токмо едином себе мысля» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 348).

Ст. 25—28. *И все пред Бога притекут ~ Покрывают пламенем и прахом.* — Ср. в переводе суры «Слепый» (80: 40—42): «В день сей лица нечестивых покроет сокрушение *<...>* таковых же, кои искали пути между веры и нечестия, обезображены будут землею и прахом»; ср. также предисловие Веревкина к суре 88: «...в день судный проклятии покроются пламенем и ужасом» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 348, 360; о работе Пушкина над ст. 21—28 «подражания» III см.: Соловей Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина. С. 136—138). Близкие мотивы, восходящие к библейскому описанию гибели Содомы, но поданные в комическом ключе, Пушкин использовал для описания Кишинева в письме к Ф. Ф. Вигелю от 22 октября—4 ноября 1823 г.:

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов.

(Наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 87)

Параллель отмечена: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 138—139.

IV. «С тобою древле, о Всесильный...»

«Подражание» IV (так же как «подражания» VIII и IX) основано на аяте 260 суры 2 «Крава», в которой речь идет о Нимвроде: «Не рассуждаете ли вы о деянии такового, коему дал Господь царство? како состязается он о Боге со Авраамом? Авраам рек ему: Господь мой дает жизнь и смерть; он же: я даю и смерть и живот из подданных моих, кому хочу. Авраам: Бог подымлет солнце с востока, подними его с запада: неверный смутился умом» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 33).

В стихотворении земной владыка вступает в спор непосредственно с Богом, что подчеркивает тщету человеческой гордыни. Такой сюжетный ход (прямое обращение Бога к усомнившемуся в его величии), вероятно, мог быть подсказан риториче-

ской структурой «Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» М. В. Ломоносова, с которой пушкинский текст обнаруживает образные и синтаксические переклички:

Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
<.....>
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет,
<.....>
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман...

(Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.
М.; Л., 1959. Т. 8. С. 387, 388, 392)

Сходный мотив Ломоносов также использовал в «Оде на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» (полностью опубл. 1751):

Претящим оком Вседержитель
Воззрев на полк вечерний рек:
«О дерсский мира нарушитель,
Ты меч против Меня извлек.
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре?
Моя десница мечет гром...

(Там же. С. 86)

Ст. 13 — 14. «Подъемлю солнце Я с востока; С заката подыми его». — Ср. в «Оде, выбранной из Иова...»: «Возмог ли ты хотя однажды / Велеть ранее утру быть...» (Там же. С. 388).

V. «Земля недвижна; неба своды...»

По замечанию Томашевского, «подражание» V «собрано из разных мест Корана» (Томашевский, II. С. 25) и восходит к мотивам и образам из различных сур (см. построчные примеч.), содержащих хвалу всемогуществу Творца. Пушкин мог ориентироваться, например, на суру 55 (ср. ее начальные аяты: «Милосердый научил знати Аль-Коран; он создал человека, дал ему солнце и луну числится употребление разума своего, даде ему годовые времена. Звезды и древесы поклоняются милосердому; он возвысил небеса, он установил правосудие, он предписал праведные весы и меры, он дал землю на обитание человекам со всеми ее плодами, хлебными зернами и листовиями, его руки дали ветры и вихри» — Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 278) или суру 57 («Всяческая на небесах и на земли превозносят славу Бога, всемогущего и мудрого. <...> Он создал небеса и землю шестидневно и воссел на престол свой» — Там же. С. 285). Однако, по всей видимости, не меньшее значение в данном случае имела псалмодическая традиция, в особенности псалмы 103 и 135 и их поэтические переложения, обнаруживающие переклички с «подражением» V (см. ниже).

Первоначально строфы 1—2 были записаны в обратном порядке (см. выше, описание автографов). Вероятно, такой порядок следования строф — описание светил, предшествующее строкам о неподвижности земной тверди и небес, — мог быть подсказан последовательностью событий библейской космогонии: сначала отделение света от тьмы (Быт. 1: 3—4), а затем сотворение неба, вод и суши (Быт. 1: 6—9). Последующая перестройка композиции стихотворения свидетельствует, по-видимому, о желании Пушкина представить в зачатке архаическую геоцентрическую модель («Земля недвижна...»), более соответствующую колориту источника. Специфика архаического взгляда подчеркивается примечанием 5, акцентирующим внимание на первой строфе («Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»).

Ст. 1—4. *Земля недвижна; неба своды, Творец, поддержаны Тобой, Да не падут на сушь и воды И не подавят нас собой.* — Ср. в суре 21 (32—33): «Создах горы, удерживая землю от движения; проложих пути широкие и пространые, по коим бы шествовали твари мои; покрых их небом, поддерживая оное, да не падет на них» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 59). Близкий библейский мотив развит в «Преложении псалма 103...» М. В. Ломоносова (1748—1749; опубл. 1784):

Ты землю твердо основал
И для надежных окрепы
Недвижны положил зацепы
И вечно непреклонность дал.

(Ломоносов М. В. Полн.
собр. соч. Т. 8. С. 229)

Ср. в библейском тексте (Пс. 103: 5): «Ты утвердил землю на основаниях ея, так что она не поколеблется в веки и веки» (Книга хвалений, или Псалтирь, на русском языке. С. 119). Отмечено: Томашевский, II. С. 27—28.

Ст. 6—8. *Да светит небу и земле Как лен, елеем напоенный, В лампадном светит хрустале.* — Ср. аят 35 суры 24: «Бог освещает небо и землю, яко огонь лампы в сосуде хрустальном, туюм масляным наполненной» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 89). Образы Корана поддерживались в данном случае топикой русской духовной оды — см. в «Утреннем размышлении о Божиим величестве» (опубл. 1751) М. В. Ломоносова: «Сия ужасная громада / — Как искра пред тобой одна. / О коль пресветлая лампада / Тобою, Боже, возжжена...» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 118; см.: Томашевский, II. С. 28), в стихотворении Ф. Н. Глинки «Глас Бога избранному Его»: «Пускай другой придет бог / <...> / Пускай в бездонных высотах / Повесит ни на чем громады / И небо сводом наведет, / И тайным пламенем зажжет / Неугасимые лампы...» (Соревн. 1824. Ч. 26. № 5. С. 209—210; Глинка Ф. Н. Избр. соч. С. 163—164).

Ст. 10—12. *Он правит ветром, в знойный день На землю насылает тучи, Дает земле древесну сень.* — Ср. в суре 16 (83): «Бог посылает ветры, совлекающие облака на места, изможенные от зноя, да освежится земля...», а также в суре 35 (10): «...произвел дерева и облака, укрывающие тебя под тенью своими от солнечного зноя...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 9, 171). См. также в «Преложении псалма 103...» Ломоносова:

На легких облаках восходишь,
Крилами ветров шум наводишь,

Когда на них летаешь ты.
 <.....>
 Ты повелел водам парами
 Всклещать, сгущаясь над нами,
 Где дождь рождается и снег.
 Их воля — Твой единый взгляд,
 От запрещения мутятся
 И в тучи, устрасаясь, теснятся
 <.....>
 Из гор в долины льешь ключи
 И прохлаждаешь тем от зноя...
 (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.
 Т. 8. С. 228—230)

Ст. 13—16. Он милосерд: Он Магомету Открыл сияющий Коран, Да притечем и мы ко свету, И да падет с очей туман. — Ср. в сурах 5 (18) и 14 (1): «Бог послал к вам книгу, полную света, да приводятся ею на путь спасения любящие его, да извлекаются от тьмы, и особенною его благодатию направляются на путь спасения»; «Ниспосылаю к тебе, Магомет, книгу сию, да изводиши народ от тьмы в свет» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 85, 214). Ср. сходный образ в «Вакхической песне» (1825): «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (наст. т., с. 69).

VI. «Недаром вы приснились мне...»

Свободное переложение нескольких аятов суры 48 «Победа»: «Сновидение пророка было истинное, егда мечталось ему, что вы бесстрашни, со обретыми главами, имея браны причесаны. Не бойтесь, Бог весть, чего вы не весте: вместо видения сонного, даровал вам победу на враги» (27); «Бог обещал вам велию добычу, которую и получили вы...» (20); «Дах тебе победу явную» (1); «Шествуете ли за добычею, восхотевшие сражаться с вами скажут: возьмите и нас с вами. Скажите такому: не возьмем» (15); «Бог обетовал велие милосердие свое, велию мзду неверным, обращающимся к нему, которые познают его закон и творити будут дела благие» (29) (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 252, 254, 255, 256).

Содержание суры связано с событиями, предшествовавшими самой важной победе Магомета перед возвращением его в Мекку, из которой он был некогда изгнан. В шестой год хиджры, т. е. в 628 г., Магомет намеревался отправиться на молебствие к храму Кааба в Мекке, избрав для этого месяц набожных странствий, когда войны прекращались; видение Магомета о благополучном исходе такого намерения убедило его приверженцев, которые вместе с ним отправились в путь. Расположившись лагерем близ Мекки, Магомет, однако, тогда не решился войти в город, дав повеление своим спутникам обрить головы и заколоть жертвенных верблюдов (обычный обряд при посещении святыни) в самом лагере, после чего возвратился в Медину; когда же ему напомнили о пророческом сне, он ответил, что исполнение видения обещано Аллахом через год. Магомет завоевал Мекку в 630 г.

Ст. 8. Делите бранную добычу! — Ср. то же поэтическое клише в стихотворении К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814): «Ах, юноша! спеши к отеческим брегам, / Назад лети с добычей бранной...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 58; ср. там же мотивы праведной борьбы с врагами («А ты, мой сын, кля-

нишь мечом своих отцов / <...> / На западных струях быть ужасом врагов / Иль пасть, как предки пали, с славой! / <...> / Война, война врагам отеческой земли!..») и загробного воздаяния павшим («И Гела день и ночь в Валкалу провождает / Погибших бледный сонм») в экзотическом, инокультурном колорите).

Ст. 17 и след. *Блаженны падиши в сраженьи...* — Ср. в суре 61 (11—12): «...не щадите имущества и жизни, егда сражаетесь за его закон <...> водворитесь в домах велепных Едема и обрячете тамо вышшее блаженство...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 301). Изображение мусульманского рая, где праведников ждут наслаждения, — один из распространенных «восточных» топосов европейской и русской поэзии. Пушкин обращался к нему в «Татарской песне», включенной в «Бахчисарайский фонтан»:

Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит,
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

(Акад. Т. 4. С. 159)

Ближайший источник этих образов — песнь сулиотов из «Паломничества Чайльд-Гарольда» и фрагмент из «Гяура» Байрона (см. об этом: Проскурин 2007. С. 319—320, 2-я паг.). Сходные образы см. в «Восточной лютне» А. А. Шишкова:

Ты не войдешь в обитель дев,
Тебе не дунет ветер прохладный,
И юных Пери хор отрадней,
Лелеять слух не будет твой.

(Шишков А. А. Дагестанская узница, восточное предание // Восточная лютня Ал. Шишкова. М., 1824. С. 13)

См. также в «Подражаниях Корану» А. Г. Ротчева:

Блаженный муж, беспечный, познает
Все радости, все наслажденья рая!

(Ротчев А. Г. «Уж близок день, когда печаль наляжет...» // Ротчев А. Подражания Корану. М., 1828. С. 8)

Ст. 19—20. *И потонули в наслажденьи, Не отравляемом ничем.* — К близкому образу Пушкин обратился в седьмой главе «Евгения Онегина» (строфа XI) — ср. описание посмертной судьбы Ленского: «Или над Летою усыпленный / Поэт, бесчувствием блаженный, / Уж не смущается ничем...» (Акад. Т. 6. С. 143).

VII. «Восстань, боязливый...»

В основе стихотворения — свободное переложение суры 73 «Робкий» (1—6, 9—10): «О робкий! востани ночью, молися Богу о полунощи, проводи в молитвах, даже две трети ночи, и более. — Читай Аль-Коран, обмышляй содержащееся в

нем, исполняй предписания оного: хотя бы и наскучивало тебе сие. <...> забудь все мирское, мысли твои обращай к единому Господу Запада и Востока. <...> Да не смущаешься вещаниями нечестивых...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 330).

Согласно пояснению Дю Рие, предпосланному тексту суры в его переводе и воспроизведенному Веревкиным, «аравяне назвали главу сию о робком, будто бы Магомет устранился сiania, излившегося от Архангела Гавриила, егда принес он к нему сию главу; будто бы одеждою своего накрыл главу и по сему-то бы Архангел возгласил к нему: ...о робкий! а не о пророче!» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 330; ср.: L'Alcoran de Mahomet / Trad. de l'arabe par A. Du Ryer. Т. 2. Р. 253). Отсутствующие в этой суре упоминания о пещере можно связать с эпизодом жизни пророка, фигурирующим как в Коране, так и в жизнеописании Магомета, когда тот вместе со своим спутником укрылся в горах, спасаясь от вражеского преследования: «...егда оба они укрывалися в пещере, Магомет утешал клеветра своего...» (9: 40; Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 158; тот же эпизод, вероятно, отразился в «подражании» I (см. выше), а, возможно, также в наброске «В пещере тайной(?)», в день гоненья...» — наст. т., с. 135).

Вместе с тем мотив молитвы в пещере мог опираться не на кораническую, а на библейскую традицию, ср.: «Писание Давида, когда он от Саула убежал в пещеру» (Пс. 56: 1) и «Учение Давидово. Молитва, когда он был в пещере» (Пс. 141:1) (см.: Книга хвалений, или Псалтирь, на русском языке. С. 62, 164).

Библейский колорит «подражания» подчеркнут стилистически (см. построчные примеч.) и метрически: малораспространенные в XVIII—первой трети XIX в. короткие трехсложники нередко использовались в стихотворных переложениях псалмов и молитв (ср.: «На суету человека» («Суетен будешь...») (1759) А. П. Сумарокова (Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957. С. 83 (Б-ка поэта; Большая сер.)), «Молитву» («Боже! помилуй...») Н. П. Николева (Николев Н. П. Творении. М., 1795. Ч. 1. С. 184—185), а также «Молитву» («Царь небес! успокой...») (неизв. годов) Е. А. Баратынского (Баратынский. ПСС. Т. 3, ч. 1. С. 146)). На связь метрики «подражания» VII с традицией парафрастических духовных од указал Б. В. Томашевский (см.: Томашевский, II. С. 26), однако среди приведенных им примеров нет случаев использования двухстопного амфибрахия. Н. М. Лобикова предположила, что метр «подражания» VII мог быть подсказан Пушкину звучанием начальных слов суры «Робкий» в переводе Веревкина: «О робкий! Восстани...» (Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. М., 1974. С. 83), хотя такая сегментация противоречит естественному синтагматическому членению фразы («О робкий! ||| востани ноцио...»).

Белый двухстопный амфибрахий в поэзии допушкинского времени был размером скорее экзотическим и, по-видимому, изначально связанным с традицией песни или «легкого» послания (ср., например: «Трепещет и рвется...» (1757—1770?) А. П. Сумарокова (Сумароков А. П. Избр. произв. С. 275), «К Лиле» («Ты плачешь, Лилета?..») (1796) Н. М. Карамзина (Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 227—230), «К Мерзлякову. Призывание в деревню» («Поэт, воскресивший нам...») (1810) А. Ф. Воейкова (Поэты 1790—1810-х гг. С. 268—271), а также более известные тексты Жуковского («Моя богиня» («Какую бессмертную?..») (1809) — Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 143—147) и Батюшкова («Радость» («Любимца Кипридина...») (1810—1812) — Батюшков. Соч. 1934. С. 142—143)). Обращение Пушкина к этому размеру, вероятно, следует рассматривать в русле общей тенденции к освоению трехсложников в середине 1810—

1820-х гг., когда активное распространение, преимущественно в жанре баллады, приобретает амфибрахий — четырехстопный («Черная шаль», см. также «подражание» IX) или с урегулированным чередованием 434344 («Песнь о вещем Олеге»), где четырехстопные строки преимущественно содержали цезуру после второй стопы (см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. М., 2002. С. 127—129).

Ближайшим метрическим источником Пушкину могли послужить опыты Ф. Н. Глинки, в 1820—1824 гг. экспериментировавшего с белым двух- и четырехстопным амфибрахийем в аллегорических стихах (ср. его стихотворения «Нездешняя гостя» («Плывет величаво...») (НЗ. 1820. Ч. 2. № 4. С. 65), «Перелетная птичка» («Скрывалось за горы...») (Соревн. 1820. Ч. 10. № 6. С. 307—309), «Нездешние дети» («Детей привезли из чужой стороны...») (Соревн. 1823. Ч. 21. № 3. С. 296—297)). В «подражании» VII имеются мотивные, образные и метрические переключки со стихотворением Глинки «Заветная книга», написанным белым четырехстопным амфибрахийем с устойчивой цезурой после второй стопы (НЛ. 1824. Ч. 8. № 19. С. 109—112 (ценз. разр. 30 мая; выход в свет 9 июня, см.: РИ. 1824. № 135. 9 июня. С. 540)):

В пустыне далекой || был старец седой,
 Пещера в утесе || — жилище его;
 <.....>
 И теплилась тихо || на сумрачном своде
 Лампада; в середине налой, а на нем
 Лежала, как тайна, || заветная книга...

Ст. 1. *Встань, боязливый...* — Соответствующее тексту Корана обращение ангела к Магомету воспроизводит в то же время устойчивую библейскую формулу божественного призыва «встань/восстань»: «...и рече Господь ко мне: встани и сниди скоро отсюда, яко беззаконноваша людие твои, яже извел еси из земли Египетски...» (Втор. 9: 12, синодальный перевод: «...и сказал мне Господь: встань, пойди скорее отсюда, ибо развратился народ твой, который ты вывел из Египта...»); «Встани, встани, Сионе, облещься во крепость твою...» (Ис. 52: 1, синодальный перевод: «Восстань, восстань, облещься в силу твою, Сион!...»); «Слышите, яже глагола Господь: встани, судися с горами, и да слышат холми глас твой» (Мих. 6: 1, синодальный перевод: «Слушайте, что говорит Господь: встань, судись перед горами, и холмы да слышат голос твой!»); «...И Господь рече к нему: встани и вниди во град, и речется ти, что ти подобает творити» (Деян. 9: 6, синодальный перевод: «...и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать»).

Ст. 2 — 4. *В пещере твоей Святая лампада До утра горит.* — Ср. сходные образы в описании встречи Руслана с Финном в первой поэме Пушкина: «Но вдруг пред витязем пещера; / В пещере свет. <...> / В пещере старец <...> Лампада перед ним горит...» (Акад. Т. 4. С. 12), а также вариант ст. 1 наброска «В пещере тайной(?)», в день гоненья...»: «Перед лампадой в ночь гоненья» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 368).

Ст. 5 — 10. *Сердечной молитвой ~ Смиренно твори...* — Ср. в «Борисе Годунове» (1825) речь Пимена, обращенную к Отрепьеву: «Смиряя себя молитвой и постом, / И сны твои видений легких будут / Исполнены...» (наст. изд., т. 7, с. 21).

Ст. 11. *Небесную книгу...* — такое именование Корана, использованное также в «подражании» I («С небесной книги список дан»), восходит к устойчивым кораническим формулам (см. примеч. к ст. 5 «подражания» III).

VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищетой...»

Вариация на тему нескольких аятов суры 2 «Крава» (263—264, 266): «Дела истощающих имущества во славу его подобны зерну хлеба, отраждающему седьмь класс, в каждом по сту зерен; Бог умножает имущества, чьи восхоцет, ибо щедр и всеведущ; истощающие имущества во славу его, не раскаеваяся, улучат мзду от его величия, избавятся от страха и печали в день судный (...). О правоверные! не теряйте милостин ваших, сожалея об них и порицая себя расточительностию; тако подобны явитесь дающим милостину по своенравию токмо и лицемерию, ибо не веруют Богу и пришествию дне судного. Благотворения таковых яко камни, покрытые сверху землею весьма мало, пролиет сильный дождь, обнажит их от оныя...» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 34—35).

«Подражание» VIII написано строфой ААЬССЬ, восходящей к французской одической традиции, тот же тип строфы Пушкин использовал в неоконченном стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824) (см.: Томашевский, II. С. 25—26).

Ст. 5. *О сеятель благополучный...* — Ср. обращение Аллаха к Магомету в суре 21 (107): «Тебя, Магомет! научих сеяти...» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 63). Образ сеятеля, проецирующийся на известную евангельскую притчу, позволяет соотнести «подражание» VIII со стихотворением «Свободы сеятель пустынный...» (1823) (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 89).

Ст. 10. *...горсти пыльной* — т. е. горсти пыли. Пушкинское словоупотребление отражает характерный для языка эпохи «свободный перевод родительного применного в согласованное определение» (Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря. М., 2005. С. 43—44).

IX. «И путник усталый на Бога роптал...»

Источник «подражания» IX — аят 261 суры 2 «Крава»: «Размысли о деянии вышедшего из селения опустошенного и разоренного, вещающего к себе сице: како может дати жизнь Бог умерщвленным здесь и восстановить селение по-прежнему? Бог умертвил самого его, по прошествии ста лет воскресив, сказал ему: давно ли ты на месте сем? отвечал: единый день с половиною. Напротив, ты был здесь сто лет, виждь мяса и питье, на пищу для чрева твоего приуготовленные, уцелели от всякого повреждения чрез столь долгое время, воззри на твоего осла, уже токмо одне кости его белеются, послужиши примером для всего мира, ныне и вовеки; виждь кости осла твоего, соберу их, облеку плотию. Неверный, ураженный чудом таковым, возопил: признаюся, что Бог всемогущ» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 33—34).

Судя по наброскам, находящимся в той же тетради ПД 835, первоначально Пушкин начал разрабатывать сюжет многовекового сна, посланного по Божьей

воле: «В пустыне древле человека / Господь узрел и усыпил...», «...сон изнеможенья / И пролетели надо мной / Разнообразные виденья...» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 230—232). Этот мотив помимо суры «Крава» можно найти и в другой суре Корана (сура 18), повествующей о чудесном сне семи юношей, усыпленных в пещере на 309 лет; к этому фрагменту Корана восходит одно из «Подражаний» («Младые отроки с мольбой...») А. Г. Ротчева:

Храня в сердцах Творца закон,
В пещере скрылися глубокой
И все вкусили сладкий сон.
Заката час и час восхода
Для них в единый миг слились,
Века над ними пронеслись
И изменилася природа.

(Ротчев А. Подражания
Корану. С. 16—17)

Окончательное оформление пушкинского замысла произошло вместе с выбором стихотворного размера: четырехстопного амфибрахия парной рифмовки вместо четырехстопного ямба первых набросков. Метрическим образцом Пушкину, по всей видимости, послужила переведенная из Ш.-Ю. Мильвуа (Millevoye; 1782—1816) «Песнь араба над могилою коня» (1809 или 1810 г.) В. А. Жуковского, задавшая целую традицию в русской ориентальной лирике, вплоть до «Трех пальм» (1839) М. Ю. Лермонтова (в оригинале: «L'Arabe au tombeau de son coursier» (1808)). См.: Турбин В. Н. «Три пальмы» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 579—581; Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях // Заборов П. Р. Россия и Франция: Литературные и культурные связи: Статьи и заметки. СПб., 2011. С. 252—253; Франц. элегия. С. 648, примеч. В. Э. Вацуро. Общая ориентация на стихотворение Жуковского—Мильвуа сближает «подражание» IX с «Песнью о вещем Олеге» (1823); «Песнь араба...» — один из ее претекстов (см.: Проскурин 1999. С. 103), что подчеркивает соотносительность комментируемого стихотворения с жанром баллады (Томашевский, II. С. 37). «Подражание» IX, написанное четырехстопным амфибрахией, продолжало пушкинский эксперимент с трехсложниками, начатый в «подражании» VII (белый двухстопный амфибрахий): четырехстопный амфибрахий парной рифмовки (ааВВсс) с постоянной цезурой после второй стопы в «подражании» IX ритмически соответствует двухстопному амфибрахию «Восстань, боязливый...».

Ст. 6. *И кладязь под пальмою видит он вдруг.* — В прижизненных изданиях написание второго слова рознилось: в Ст 1826 — «кладезь» (С. 187, 188), в Ст 1829 — «кладязь» (С. 217, 218), что отражает неустойчивую орфографическую практику. Нормативное правописание предполагало форму «кладязь» (Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3. Стб. 558; Общий церковно-славяно-русский словарь. СПб., 1834. Стб. 1140; Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 2. С. 175); ср. решение Акад. (Т. 2. С. 357), где написание исправлено на «кладезь», соответствующее пушкинскому автографу.

Ст. 31—32. *И ветхие кости ослицы встают, И телом оделись, и рев издают...* — По предположению Л. И. Поливанова (Пол. Т. 2. С. 141—142), ряд

деталей мог быть заимствован Пушкиным из комментария к этому фрагменту во французском переводе Савари. Со ссылкой на толкователя Корана Л. Мараччи, Савари приводит имя усомнившегося путника — Озаир — и рассказывает его историю, прибавляя некоторые подробности, в частности, рев воскресшего осла: «Ensuite il lui fit remarquer les os de son âne qui blanchissaient la terre. A la voix du Tout-Puissant ils se couvrirent de chair, se réunirent, et l'animal rendu à la vie se mit à braire» (Затем он указал ему на кости его осла, которые белели на земле. По голосу Всемогущего они покрылись плотью и соединились, и животное, возвращенное к жизни, стало реветь — фр.) (Le Koran. Т. 1. Р. 46, 2e pag.).

Примечание 1. «Нечестивые, — пишет Магомет (глава «Награды»), — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». — Ср.: «Нечестивые вещают: Аль-Коран есть вместилище лжей и басен древних...» (Книга Аль-Коран... Ч. 1. С. 102; 6: 25); полное название суры в издании Веревкина: «Награды или одарения».

...Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо... — По предположению Н. О. Лернера, ироничный отзыв Пушкина о религиозно-догматическом содержании Корана мог быть данью цензурным условиям Российской империи (Венг. Т. 3. С. 538), которую вынужденно отдавали в разной степени все переводчики книги.

Примечание 2. В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. — Примеры клятв заимствованы из разных сур Корана, из последней его части (100: 1—2; 95: 1—3; 91: 8; 85: 3): «Клянуся конями сими, быстро бегущими, одна другую (sic!) ускоряя...» (именно женский род числительных, относящихся в переводе Веревкина к коням, привел к появлению в примечании Пушкина кобылиц — см.: Кашталева. С. 258); «Клянуся плодами древес фиговых и финиковых»; «Клянуся (...) свободою и безопасностию во граде сем [Мекке]»; «Клянуся (...) добродетельми и пороками»; «Клянуся (...) Ангелами и человеками» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 376, 370, 366, 356). Примеры, подобранные Пушкиным, свидетельствуют о хорошем знакомстве с книгой Веревкина.

Примечание 3. «Мой пророк, — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. — В основе примечания — фрагмент из суры 33 «Артели или участки людей ратных», послужившей основой для «подражания» II (см. выше, в описании автографов): «Сие досаждает пророку: стыдится выслати вас; но не стыдится Бог вещати вам истину» (Книга Аль-Коран... Ч. 2. С. 160; 33: 53). Этот фрагмент Пушкин начал перелагать стихами, может быть, на раннем этапе рассчитывая включить его в текст «подражания» II: «Пророк мой вам того не скажет» «[Он вежлив, скромн]» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 218).

Другие редакции и варианты

II. «О жены чистые пророка...»

Варианты белового автографа (ПД 835, л. 9). Ст. 6 а. Небесной девы покрывало... — Устойчивое в поэзии конца XVIII—начала XIX в. словоупотребление «небесная дева» могло относиться не только к Деве Марии (как,

например, в «Рафаэлевой Мадонне» Жуковского (1821): «...все, и самый воздух, обращается в чистого Ангела в присутствии этой небесной, мимоидущей Девы» (ПЗ 1824. С. 245)), но и к музе/музам (ср., например, в посланиях Жуковского «К Батюшкову» (1812): «Кто слышал в час рожденья / Небесной девы глас, / В ком искра вдохновенья / С огнем души зажглась...» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 193) и Плетнева «К Н. И. Гнедичу» (1822): «Я чувствовал, я помню этот жар, / Как муза мне с улыбкой мысль внушала, — / Передо мной теперь одни начала, / Погибнувший небесной девы дар» (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 330)) и даже к девам мусульманского рая — гуриям (ср. в «Песни исторической» А. Н. Радищева (опубл. 1807): «Магомет коварством многим / Быть хотел законодателем, / Умы пламенны восхитив / Рая лестною картиной, / Он смерть сладкою соделал / Во объятях дев небесных» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 75)).

VI. «Недаром вы приснились мне...»

Варианты белого автографа (ПД 835, л. 37 об.). Между ст. 12 и 13. Они твердили пусть виденья ~ [Его] ль нам <слуш(а)ть он поэт!.. — Предполагаемый набросок четвертой строфы, в котором «сближаются „виденья” Магомета с творениями поэта» (Томашевский, II. С. 37); строфа опирается на неоднократно упоминаемое в Коране требование не уподоблять проповедника ислама поэтам, воспевающим свои пустые мечтания (см.: 21: 5; 26: 221—226; 36: 69; 37: 35; 69: 41; указано: Фридман Н. В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина. С. 90). Пушкин не ввел четверостишие в печатный текст произведения, поскольку, вероятно, «не хотел давать какие-либо поводы для прямых соотнесений себя с Мухаммедом» (Соловей Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина. С. 135).

Наброски, предположительно относящиеся к работе над циклом (ПД 835, л. 18 об.)

Слаб и робок человек Слеп умом — и все тревожит — Записанный на одном листе с черновым автографом «подражания» III, набросок представляет собой либо пробу иного размера для развития той же темы, либо самостоятельный фрагмент неосуществленного стихотворения.

Варианты и разночтения Ст 1826

Примечание 4. Из книги Слепец (Тифля). Вот почему слово сие читается у турков за жесточайшую брань. — Лингвистический комментарий Пушкина, помещенный в Ст 1826, содержал ошибку: слово «тифля» со значением, приведенным Пушкиным, имеется в новогреческом, а не в турецком языке (Кашталева. С. 258, 246). Сходное по звучанию бранное слово в арабском языке вряд ли могло быть известно Пушкину (Шварцбанд С. М. История текстов. С. 103). По предположению Томашевского, в примечании Пушкина «отразились какие-то обрывки впечатлений от пребывания в Молдавии и Одессе. Вероятно, кто-нибудь

указал Пушкину на его ошибку, и он исключил это примечание при перепечатке „Подражаний Корану” в Ст 1829 (Томашевский, II. С. 36). Ср. сходную ошибку Пушкина в допечатном тексте «Бахчисарайского фонтана», где упоминалось о том, что Зарема погибает от рук «немых кизляров», что своевременно отметил Д. В. Дашков: «...кызляр по-турецки значит просто девушки» (см. письмо Дашкова к И. И. Дмитриеву от 4 января 1824 г. — РА. 1868. № 4—5. Стб. 600) — и при публикации соответствующий стих был исправлен: «Гарема стражами немymi / В пучину вод опущена» (Бахчисарайский Фонтан. Сочинение Александра Пушкина. М., 1824. С. 29; см. подробнее: Проскурин 2007. С. 268—269, 2-я паг.). Нельзя исключать, что и ошибка в примечаниях к «Подражаниям Корану» была замечена тем же Дашковым.

«НАСИЛЬНО ЗУБОВУ МИЛА...»

(С. 31 и 239)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 19 — черновой, на полях листа, занятого черновыми автографами начала шестого «Подражания Корану» (ст. 1—6) и строф XXXVIII—XXXIX третьей главы «Евгения Онегина». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 7 (указание на автограф и стих «Мне жаль великия жены...»); Мор. 1887. Т. 1. С. 336 (первые семь стихов, неточно); Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 559—560; Т. 8. С. 213. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

1) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с подписью: «А. Пушкин», с искажением в ст. 3 («Исправно, — понаслышке блудно»)

2) Тетр. Тихонравова (Тих).

3) Тетр. Бартенева (Бар) — с припиской перед текстом: «Quasi Пушкина». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 521—522 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Сожаление», с примечанием к тексту: «Писано неизвестно когда».

5) Сб. Александрова (Ал) — с искажением в ст. 2 («Старушка старая жила»), ст. 4 и 5 поменяны местами.

6) Тетр. Якушкина (Якуш).

7) Тетр. Гаевского (Гв).

8) П. А. Ефремова (Е) — ст. 4 и 5 поменяны местами.

9) Из собр. Л. Н. Майкова (в сборнике копий политических произведений Пушкина и других авторов и псевдопушкинианы) (ПД, ф. 244, оп. 8, № 21, л. 1) (Мк₁) — с подписью: «А. Пушкин», с вероятными искажениями в ст. 2 («Старушка добрая жила»), ст. 5 («Читала прозу, флоты жгла») и ст. 7 («Но с той поры в России мгла»), чтение которых не имеет соответствия ни в одной из других известных копий.

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (Кол) (см. ниже).

2) Бывшая в распоряжении Н. П. Огарева, по которой им была осуществлена публикация стихотворения: РПЛ. С. 81, под заглавием: «Екатерина II».

3) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена публикация стихотворения: Герб. С. 52, с искажением в ст. 2 («Старушка дряхлая жила»), ст. 4 и 5 поменяны местами.

Впервые: Колокол. 1858. Лист 23—24, 15 сент. С. 200. В России впервые: Мор. 1887. Т. 1 (первые семь стихов по черновому автографу).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1 (первые семь стихов по черновому автографу).

Печатается по копии Бар.

Датируется предположительно октябрем (после 2-го)—ноябрем 1824 г.

Л. 19 тетради ПД 834 заполнялся между 26 сентября и 2 октября 1824 г. («26 сент(ября) 1824» — помета на л. 17 под автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом», 2 окт(ября) 1824» — помета на л. 20 под черновым автографом последней (XLI) строфы третьей главы «Евгения Онегина»). Тогда на нем были записаны черновые автографы начала шестого «Подражания Корану» (ст. 1—6) и строф XXXVIII—XXXIX третьей главы «Евгения Онегина». Наброски, относящиеся к работе над стихотворением «Насильно Зубову мила...», на свободном месте на полях в разных частях листа, по всей видимости, появились позднее, не в ходе последовательного заполнения тетради, а при повторном обращении Пушкина к л. 19. В Акад. (Т. 2. С. 1144) М. А. Цявловский и Н. В. Измайлов, очевидно, считали, что это произошло во время доработки и переделки третьей главы «Евгения Онегина», и датировали стихотворение предположительно октябрем. (Последние относящиеся к третьей главе романа записи в тетради ПД 835 — черновые автографы строф XXXVI и VII на л. 28 об., 29 — датируются временем между 10 октября (помета на верхнем поле л. 27 об.) и 31 октября (дата письма к В. А. Жуковскому, черновик которого находится на л. 36 об.—37); дата под текстом белого автографа третьей главы (ПД 933) повторяет дату окончания основной черновой рукописи — «2 окт(ября)»). Однако Пушкин мог вновь обратиться к л. 19 и позднее, в ноябре 1824 г., вернувшись к работе над шестым «Подражанием Корану», когда им были записаны черновой автограф ст. 9—20 на л. 36—35 об. и белой автограф на л. 37 об. (см. датировку автографов шестого «Подражания Корану» — наст. т., с. 580—581).

Уже В. Е. Якушкин в своем «Описании рукописей Пушкина» отметил близость чернового текста к известной с 1850-х гг. эпиграмме «Насильно Зубову мила...», распространявшейся в копиях и опубликованной в зарубежной печати с именем Пушкина: «...последняя эпиграмма представляет просто конец данного стихотворения» (Якушкин. № 7. С. 7). Вслед за В. Е. Якушкиным соответствие пушкинского черновика стихотворению «Насильно Зубову мила...» отмечали П. О. Морозов («Конец этого наброска представляет известную эпиграмму...» — Мор. 1887. Т. 1. С. 336) и П. А. Ефремов («Во многих списках встречается вариант этого стихотворения» — Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 560). Тем не менее традиционно в корпусе собраний сочинений Пушкина печатался текст чернового автографа, начинавшийся стихом «Мне жаль великия жены...». В Венг. предпочтение, отданное черновому автографу, аргументировано тем, что «оригинал» распространявшейся в копиях эпиграммы неизвестен и авторитетность ее текста сомнительна (Венг. Т. 3. С. 559, примеч. Н. О. Лернера); в АН 1900—29 — тем, что «за неимением рукописи и даже указаний на то, откуда эта эпиграмма получена, нельзя утверждать, что она принадлежит Пушкину» (АН 1900—29. Т. 3. С. 418, примеч. П. О. Морозова). Эта ар-

гументация не выглядит убедительной. Некоторые сомнения в принадлежности Пушкину стихотворения «Насильно Зубову мила...» могли быть у первых собирателей пушкинских текстов, о чем свидетельствует помета «Quasi Пушкина» в тетради Бартенева. Однако наличие черного автографа, дающего очень близкий текст, однозначно подтверждает пушкинское авторство. Утверждение М. А. Цявловского и Н. В. Измайлова, что мы имеем дело с чьим-то «произвольным извлечением из текста автографа, в виде законченного стихотворения в десять стихов с присочиненным начальным стихом» (Акад. Т. 2. С. 1144; см. также: Лет. ГЛМ. С. 521), представляется совершенно неосновательным: стихотворение распространялось в копиях до начала систематического разбора пушкинских рукописей. Что же касается авторитетности самого копийного текста, то она принципиально ничуть не меньше авторитетности многих других пушкинских текстов, дошедших только в списках. Разночтения копий дают картину, достаточно характерную для рукописной традиции эпиграмматических текстов, часто записывавшихся со слуха и по памяти, а в ряде случаев и изначально вариативных. Выбор в настоящем издании в качестве источника копии Бар определен тем, что она дает некий «усредненный» текст, не содержащий прямых ошибок и окказиональных (не поддерживаемых другими списками) разночтений.

Черновой автограф стихотворения долгое время рассматривался как единый текст, реконструируемый из записей, расположенных в разных частях листа (см. характеристику, данную Б. В. Томашевским тексту, подготовленному М. А. Цявловским и Н. В. Измайловым в Акад. и принятому последующими изданиями: «Композиция стихотворения, последовательность извлекаемых из черновика отдельных стихов — предположительны» — Пушкин 1955. Т. 3. С. 794). Изначальная целостность пушкинского замысла была поставлена под сомнение С. А. Фомичевым, предположившим, что стихотворение было задумано как эпиграмма и состояло из пяти стихов, записанных у левого поля в центральной части листа: «Старушка милая жила ~ И умерла садясь на судно» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, (2)) (именно это пятистишие напечатано в основном корпусе вышедшего под редакцией С. А. Фомичева издания: *Пушкин А. С.* Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 637). Только потом Пушкин, «стремясь запечатлеть в главных событиях всю екатерининскую эпоху» в «избранном шутовом ключе», начал делать записи выше и ниже на свободных местах листа, расширяя текст, в конечном счете так и не сложившийся (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 55—56). Гипотеза С. А. Фомичева получила дальнейшее развитие в работе Я. Л. Левкович, предложившей видеть в черновых набросках на полях л. 19 тетради ПД 834 автографы двух разных стихотворений, трактующих образ Екатерины II в разных тональностях — шутовой (пятистишие «Старушка милая жила ~ И умерла садясь на судно») и торжественной (записи в верхней части листа (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 239—241, (1)) и продолжающее их четверостишие «( ) мгла ~ С Екатериной умерла» на нижнем поле листа (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, (2))). См.: *Левкович Я. Л.* «Мне жаль великия жены...»: (Наблюдения над текстом) // *ПиС* (Нов. серия). Вып. 3 (42). С. 301—306.

Черновой автограф стихотворения действительно распадается на два фрагмента, в значительной мере повторяющие и варьирующие одни и те же темы и мотивы, выдержанные, вопреки мнению Я. Л. Левкович, в одном ироническом тоне и писав-

шиеся не в продолжение один другого, а, скорее, как альтернативные. Представляется, однако, что работа была начата не в средней части листа, а со стиха «Мне жаль великия жены» в верхней части, на левом поле, у корешка тетради и затем продолжена на верхнем и на правом поле листа (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 239—241, ⟨1⟩). После ряда неудовлетворявших его и не дающих связного текста вариантов Пушкин перенес работу на свободное место в средней части листа, решив здесь тему характеристики екатерининского царствования несколько по-иному — в более емких и афористичных формулировках (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, ⟨2⟩). Этот второй фрагмент, завершённый не вполне сложившимся четверостишием на нижнем поле листа и дающий практически полный текст стихотворения «Насильно Зубову мила...», несомненно, был им впоследствии доработан и получил известность, хотя, судя по всему, в достаточно узком кругу.

Данная в стихотворении эпиграмматическая характеристика екатерининского царствования продиктована полемическим отношением к сложившемуся в Александровскую эпоху «культу» Екатерины II. Эта позиция сформировалась у Пушкина к началу 1820-х гг. и с максимальной полнотой выразилась в написанных в Кишиневе в 1822 г. «Некоторых исторических замечаниях» — очерке новейшего периода русской истории (традиционно печатается в современных изданиях под редакционным заглавием «⟨Заметки по русской истории XVIII века⟩» — см.: Акад. Т. 11. С. 14—17). На прямую связь стихотворения с «Некоторыми историческими замечаниями» было указано еще Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 3. С. 549—550; см. также: Пушкин 1955. Т. 3. С. 794, примеч. Б. В. Томашевского; Левкович Я. Л. «Мне жаль великия жены...». С. 303). В этом очерке характеристика царствования Екатерины II складывается из последовательного опровержения тех концептов, на которых строился образ Екатерины как просвещенной монархини. К их числу относятся процветание страны («...со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокою деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками...» — Акад. Т. 11. С. 15—16), законодательная деятельность («ничтожность в законодательстве» — Там же. С. 16), конституционные устремления («Екатерина уничтожала звание (справедливее название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции»; «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная...» — Там же. С. 17), сочувствие просветительским идеям своего века («...голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» — Там же. С. 16), толерантность («Екатерина уничтожала пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением» — Там же), покровительство наукам и искусствам («Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами...»; «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному» — Там же).

«Некоторые исторические замечания» были откровенно полемичны по отношению к «Историческому похвальному слову Екатерине II» Н. М. Карамзина

(М., 1802) — важнейшему политическому сочинению первых месяцев царствования Александра I, в наиболее развернутом виде излагавшему официальную концепцию славного, благодетельного, либерального и просвещенного екатерининского правления (сформированную еще при Екатерине как продуманной государственной риторикой, так и литературным контекстом прославлявших монархию поэтических произведений), Новый император объявлял себя прямым продолжателем екатерининских традиций и в Манифесте 12 марта 1801 г. о кончине императора Павла I и о восшествии на престол императора Александра I брал на себя обязанность «управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой, коея память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна, да по ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим...» (цит. по отд. изд. Манифеста). См.: Берков П. Н. Пушкинская концепция русской литературы XVIII века // ПИМ. Т. 4. С. 79—80; Томашевский. Пушкин, I. С. 566—585; о знаковой системе, использовавшейся Екатериной II для формирования собственного образа см.: Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 153—199). Мотив исторической преемственности двух царствований появляется в первых же обращенных к новому императору поэтических произведениях — в оде самого Карамзина «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол» (1801) («И с первым словом обещаешь / Екатеринин век златой...») (Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 261 (Б-ка поэта; Большая сер.)); в оде Г. Р. Державина «На восшествие на престол императора Александра I» (1801):

Не кротости ль символ в нем зрится?
 Не возрожденье ль прежних благ?
 Екатерина воскресится,
 Знать, Александра в временах:
 Так, так! она во внуке будет
 Над нами царствовать вовек.

(Державин. 1865. Т. 2. С. 358)

К началу 1820-х гг. идеологический канон, закрепленный Карамзиным в «Историческом похвальном слове Екатерине II», продолжал воспроизводиться, в том числе и в поэзии. Так, 22 мая 1823 г. в публичном заседании Вольного общества любителей российской словесности в доме Г. А. Державиной В. И. Туманским было прочитано стихотворение «Век Елисаветы и Екатерины (Отрывок из послания к Державину)», встреченное всеобщим одобрением (см. отзыв А. А. Бестужева во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года»: «...оно обличает талант молодого певца» — ПЗ 1824. С. 8; см. также его похвальный отзыв в письме к П. А. Вяземскому от 22 мая 1823 г. — ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 204; отзыв А. И. Тургенева в письме к Вяземскому от 25 мая 1823 г. — ОА. Т. 2. С. 325). В июльском номере «Литературных листков» 1823 г. в очерке «Письма о Петербурге. Прогулка за город» Ф. В. Булгарин процитировал содержащий апологию екатерининского царствования отрывок «из сего прекрасного послания, находящегося поныне в рукописи»:

Ты живо начертал сию полубогиню,
 Хозяйку милую средь избранных гостей,
 Героя и вождя в кругу богатырей,
 Но всюду русскую, всегда Екатерину!
 Жену, которая, очаровав судьбину,
 Умела нисходить к мечтам от важных дум,
 В безвестном юноше предвидеть зрелый ум;
 Над сердцем властвовать, давать законы миру;
 Улыбкою будить твою, Державин, лиру;
 В доспехах война скакать перед полком,
 Вольтера побеждать аттическим пером
 И, даже в Сан-Суси пугая Фредерика,
 Не ведать, сколь сама прекрасна и велика.

(Литературные листки. 1823. № 1. С. 5;
 Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 266)

Следуя тому же идеологическому канону, Карамзин прямо сопоставлял имена Екатерины и Александра I в речи при избрании его членом Российской академии 5 декабря 1818 г.: «Возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да слава России будет славою человечества — и да исполнится таким образом желание Екатерины Второй и Александра Первого!» (СО. 1819. Ч. 51. № 1. С. 21—22; Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 175).

Любое отрицание екатерининской «легенды», будь то ее памфлетное опровержение, как в «Некоторых исторических замечаниях», или эпиграмматическая парафраза, как в стихотворении «Насильно Зубову мила...», проецировалось на современное царствование, «шестующее» по «премудрым намерениям» «августейшей бабки». К подобному методу исторической проекции Пушкин прибегнул несколько лет спустя в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (фрагмент «Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну...» — Акад. Т. 11. С. 55), где сделанным вскользь указанием на сходство Семирамиды из трагедии Байрона «Сарданапал» («Sardanapalus», 1821) с одной из европейских карикатур на Екатерину II открыл возможности широких русских «применений» байроновского текста (см.: Долинин А. А. Байрон в пушкинском зеркале: Два отражения // Долинин А. А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 182—202).

Ст. 1. *Насильно Зубову мила...* — Речь идет о Платоне Александровиче Зубове (1767—1822), последнем фаворите Екатерины II. В возрасте 22 лет был приближен 60-летней императрицей и сделал головокружительную карьеру (в 1792 г. — генерал-поручик и генерал-адъютант, в 1793 г. — генерал-фельдцейхмейстер, граф, в 1796 г. — светлейший князь), став самым влиятельным лицом заключительных лет екатерининского царствования.

Ст. 4. *С Вольтером лучший друг была...* — В отношениях Екатерины с представителями французского Просвещения ее эпистолярная дружба с Вольтером занимает особое место. Их достаточно интенсивная переписка началась сразу по восшествии Екатерины на престол и продолжалась до смерти Вольтера в 1778 г. После смерти Вольтера Екатерина приобрела его библиотеку, доставленную в Петербург на специальном корабле осенью 1779 г., но ей не удалось выкупить свою переписку, которая увидела свет в 1784 г. в 67-м томе «кельского издания» (*Voltaire. Œuvres*

complètes. Kehl, 1784—1789. Vol. 1—70). В 1802—1803 гг. появилось три русских издания переписки в разных переводах (М. И. Антоновского, И. И. Мартынова, И. А. Фабиана) (об этих и последующих изд. см.: Заборов. С. 103—106). В черновом автографе европейские литературные знакомства Екатерины представлены также именами принца де Линя и, по-видимому, барона Гримма («С барон(ом)(?) < > / С Делиньем — иногда < >» — см. раздел «Другие редакции и варианты», наст. т., с. 240, <1>, ст. 8—9). Шарль-Жозеф Ламораль, 7-й принц де Линь (de Ligne; 1735—1814), австрийский дипломат, писатель, фельдмаршал, посланный в 1782 г. императором Иосифом II с дипломатическим поручением в Петербург, был благосклонно принят Екатериной и продолжительное время прожил в России, в 1787 г. сопровождал императрицу в ее путешествии в Крым, в 1788 г. участвовал в осаде и взятии Очакова, впоследствии поддерживал с Екатериной регулярную переписку. В числе постоянных корреспондентов русской императрицы был и Фридрих Мельхиор барон фон Гримм (von Grimm; 1723—1807), баварский дипломат, писатель и журналист, большую часть жизни проживший в Париже, издатель «Литературной, философической и критической корреспонденции» («Correspondance littéraire, philosophique et critique», 1753—1792) — рукописной газеты парижских новостей, подписчиком которой в числе других европейских коронованных особ являлась Екатерина, — дважды посещавший Россию, в 1773 и 1776 гг. В «Некоторых исторических замечаниях» Пушкин писал: «Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать. <...> Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юпке и в короне, он не знал, он не мог знать истины...» (Акад. Т. 11. С. 17).

Ст. 5. *Писала прозу, флоты жгла...* — Речь идет о законодательной (ср. в черновом автографе: «Наказ писала флоты жгла», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, <2>, ст. 4) деятельности Екатерины и русских военных победах. Метонимическими обозначениями этих сфер екатерининского царствования в русской риторической и литературной традиции стали «Наказ» — изложение общих принципов государственного устройства, написанное Екатериной для сованной манифестом от 14 декабря 1766 г. Комиссии депутатов по составлению проекта уложения законов, и победа русского флота над турецким в Чесменском сражении 25—26 июня (6—7 июля) 1770 г., в ходе которого турецкий флот был почти полностью сожжен. Карамзин, означив важнейшие стороны екатерининского царствования («Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами и благодетельными учреждениями...» — Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II. С. 14), в первой части своего «Похвального слова» посвящает самые патетические строки Чесменской битве («...и Геллеспонт пылает!.. О зрелище, для самого воображения ужасное! мысль смелая и великая! Исполнение дерзостное и счастливое! Молниеносные россияне повелевают стихиями: огонь и волны истребляют врага! веками уготованные морские силы его исчезают с дымом! Все оттоманское гибнет, кроме одних трофеев для победителя, — и монархия возлагает их, скромно и величественно, на гроб Петра Первого! — Чесма бессмертна, подобно Полтаве и Кагулу; и семидесятый год минувшего века есть самый цветущий год нашей воинской славы» — Там же. С. 22—23), а во второй — главное внимание уделяет «Наказу» («Теперь представляется мне славнейшая эпоха славного царствования! Россия имела многие частные, мудрые законы, но не имела общего Уложения, ко-

торое бывает основанием государственного благоустройства. <...> Никогда еще монархи не говорили с подданными таким пленительным, трогательным языком! Никто, никто еще из сидящих на троне столь премудро не изъяснялся, не имел столь обширных понятий о науке управлять людьми, о средствах народного счастья» — Там же. С. 62, 65). См. также в написанной на смерть Екатерины оде Г. Р. Державина «Развалины» (1797):

Вот тут была уединенной
 Поутру каждый день с зарей,
 Писала, как владеть вселенной
 И как сердца пленять людей.
 <.....>
 Приступом грады тверды брали,
 Сжигали флоты средь морей.
 (Державин. Т. 2. С. 94, 99)

(см.: Березкина С. В. Екатерина II в стихотворении Пушкина «Мне жаль великия жены...» // XVIII век. СПб., 1999. Вып. 21. С. 417). В державинском «Хоре», пестом на потемкинском празднике по случаю взятия Измаила (1791):

На морях ли в бой пускались,
 Флоты рушили огнем.
 (Державин. Т. 1. С. 398)

В то же время пушкинское выражение «писала прозу» является исторически точной характеристикой авторской деятельности Екатерины в целом: стихов она никогда не писала и даже для ее пьес их сочинял А. В. Храповицкий. См. в «Фелице» (1782) Г. Р. Державина:

Но дорожа твоим покоем,
 Читаешь, пишешь пред налоем
 И всем из твоего пера
 Блаженство смертным проливаешь...
 <.....>
 Коня парнаска не седлаешь...
 (Там же. С. 133, 134)

Ст. 6. *И умерла, садясь на судно.* — Обстоятельства смерти Екатерины II были достаточно широко известны. Пушкин, в частности, мог слышать о них от своего хорошего кишиневского знакомого, генерала Д. Н. Бологовского (1775—1852), в 1796 г. сержанта Измайловского полка, несшего дежурство во дворце в день смерти императрицы. См. позднейшую дневниковую запись Пушкина от июня 1834 г.: «Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишеневе он их мне читал). Киселев сказал ему: „Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?“ — „Что я видел?“ — возразил Б(олховской). — Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую жопу государыни” (Екатерины II-ой, в день ее смерти)» (Дневник Пушкина 1833—1835 / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 19; Акад. Т. 12. С. 330—331).

Ст. 9 — 10. С Екатериной умерла Екатерининская слава. — Риторический и поэтический канон предполагал утверждение бессмертия екатерининской славы. См., например, в державинской «Эпитафии Екатерине II» (1796):

Сия гробница той ковчегом мрачным стала,
Которья венец, как солнца луч, горел,
Души — Россия не вмещала,
А славе — вечность лишь предел.
(Державин. Т. 1. С. 792)

Или в стихотворении «Век Елисаветы и Екатерины» Туманского (которое, скорее всего, было известно Пушкину, приятельски общавшемуся с Туманским в Одессе во второй половине 1823—первой половине 1824 г., не только по появившемуся в печати фрагменту):

Величественный век! Вотще в мечтах безумных,
Как дети, радуясь толпе событий шумных,
Образователи людей на новый лад
Бросают на него неблагоклонный взгляд, —
Поднесь жива его зиждительная сила,
И слава наших дней его не помрачила.
(Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1. С. 267)

Образ «удавленной славы» в черновом автографе («Твоя удавленная слава / С Екатериной умерла», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, <2>, ст. 8—9), видимо, ассоциативно был связан с заключительным фрагментом «Некоторых исторических замечаний»: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*» (Акад. Т. 11. С. 17; пушкинский перевод французской фразы, данный в примечании: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою»). Приведенная Пушкиным французская фраза восходит к книге Ж. де Сталь (Staël; 1766—1817) «Десять лет в изгнании» («*Dix années d'exil*»), вышедшей в Париже в июне 1821 г., хотя о том, какое именно замечание г-жи де Сталь перефразировал Пушкин, высказывались разные мнения (см.: Ржига В. Пушкин и мемуары Mme de Staël о России // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 19. С. 47; Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. [II]. «Кинжал» и m-me de Staël // ПиС. Вып. 36. С. 86; Дурьлин С. Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 320; Томашевский. Пушкин, I. С. 584; Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979. С. 232; Вольперт Л. И. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Врем. ПК 1973. С. 126).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф <1>. Редакторская сводка чернового автографа. Ст. 1. Мне жаль великия жены... — Великая жена — традиционная прономинация Екатерины II. См., например, в «Оде государю цесаревичу

Павлу Петровичу на первый день 1774 года»: «О сын великия жены!..» (Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе... М., 1787. Ч. 2. С. 122); в «Хоре», петом на потемкинском празднике по случаю взятия Измаила (1791) Г. Р. Державина: «Зри, премудрая царица, / Зри, великая жена...» (Державин. Т. 1. С. 398); рефрен его же хора, завершающего стихотворение «На взятие Варшавы» (1794): «Славься сим, Екатерина, / О великая жена!» (Там же. С. 648—650); в послании В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» (1810): «Великий Петр, потом Великая жена, / Которой именем вселенная полна...» (Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 37; у самого Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814): «Увы! промчались те времена златые, / Когда под скипетром великия жены / Венчалась славою счастливая Россия...» (наст. изд., т. 1, с. 69); позднее в его вторых, незавершенных, «Воспоминаниях в Царском Селе» (1829): «Еще исполнены великою женою / Ее любимые сады...» (Акад. Т. 3. С. 190).

Ст. 3—4. [Все роды славы] дым войны И дым парнасского кадила... — Ср. в речи Карамзина при избрании его членом Российской академии 5 декабря 1818 г. (по поводу издания «Словаря Академии Российской» (СПб., 1789—1794)): «Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии...» (СО. 1819. Ч. 51. № 1. С. 5; Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 170). Пространную цитату из речи Карамзина, содержащую, в частности, и приведенные слова, Пушкин включил в примечания к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина», писавшиеся им около этого же времени в Михайловском (см.: Пушкин А. Евгений Онегин, роман в стихах. СПб., 1825. С. 53—55; Акад. Т. 6. С. 653—654; в полных изданиях романа это примечание было опущено).

Ст. 6. Она < > с Орл<овым>... — Речь идет о Григории Григорьевиче Орлове (1734—1783), фаворите Екатерины и одном из главных организаторов дворцового переворота 1762 г., в день восшествия Екатерины на престол произведенном в генерал-майоры, а в день коронации получившем чин генерал-адъютанта от инфантерии, игравшем большую роль в первое десятилетие екатерининского правления. В первоначальных черновых вариантах стиха упоминается также имя светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739—1791), екатерининского фаворита, военачальника и государственного деятеля, крупнейшей фигуры царствования Екатерины II.

Ст. 10—11. Мы ей < > одолжены < > и Тавридой... — Первые турецкие крепости в Крыму (Керчь и Еникале) были переданы России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. В 1782 г. Г. А. Потемкин начал военную кампанию по ликвидации Крымского ханства, и манифестом от 8 (19) апреля 1783 г. Россия в одностороннем порядке присоединила к себе Крымский полуостров, в следующем году образовав Таврическую область под управлением Потемкина. Европейские страны формально признали вхождение Крыма в состав Российской империи. Турция окончательно признала Крым российской территорией по Ясскому мирному договору 1791 г.

Ст. 12. И посрам<лением><?> луны... — «Луна» — метонимическое обозначение Турции, на знамени которой изображен полумесяц. Речь идет о победных для России русско-турецких войнах: 1768—1774 гг., закончившейся заключением Кючук-Кайнарджийского договора, и 1787—1791 гг., завершившейся Яским миром.

Ст. 14. Ее Минервой-Аонидой... — Минерва (в римской мифологии богиня мудрости и воинских побед, покровительница искусств и ремесел) — идеологически

значимая номинация, закрепившаяся за Екатериной с самого начала ее царствования: трехдневный московский уличный маскарад по случаю коронации Екатерины, устроенный на масленичной неделе в январе 1763 г. назывался «Торжествующая Минерва», в виде Минервы в античном шлеме Екатерина была изображена на медали, выбитой к ее восшествию на престол (см.: *Уортман Р. С.* Сценарии власти. С. 154—157, 164—166). См. также в оде М. В. Ломоносова на воцарение Екатерины, написанной в июле 1762 г.: «Науки, ныне торжествуйте / Взюшла Минерва на престол» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 780). В набросках, связанных с работой над этим стихом к Екатерине применяется еще ряд имен: «Любовью-⟨нрзб⟩», «Царевой», «Душенькой» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241, примеч. 2). Два первых наименования находят соответствие в стихах Державина. «Любовь» отсылает к стихотворению «Развалины», где Екатерина изображена богиней любви Кипридой; «Царевна» — к обращению к Екатерине в державинской оде «Фелица»: «Богородная царевна / Киргиз-кайсацкия орды...» (Державин. Т. 1. С. 129; см. также стихотворения Державина «Благодарность Фелице» (1783), «Изображение Фелицы» (1789); Фелица — дочь киргизского хана из написанной Екатериной II для своего внука великого князя Александра «Сказки о царевиче Хлоре» (1781), помогающая юному царевичу найти путь к добродетели). Судя по всему, ассоциативно возникает в этом ряду имя героини стихотворной сказки И. Ф. Богдановича «Душенька» (1778—1783), с образом императрицы прямо никогда не связывавшейся (см. также: *Березкина С. В.* Екатерина II в стихотворении Пушкина «Мне жаль великия жены...». С. 418—420).

(ИЗ ПИСЬМА К А. Г. РОДЗЯНКЕ)

(«Прости, украинский мудрец...»)

(С. 32 и 242)

Автограф (ПД 1285, л. 2) — белой, с поправкой в ст. 4, в письме к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г. Напечатано: *Черняев Н. И.* Неизданные письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковского и стихотворение Д. В. Давыдова : (Из бумаг А. Г. Родзянки) // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 525 (без варианта ст. 4).

Впервые: [*Керн А. П.*] Воспоминания о Пушкине // БдЧ. 1859. Т. 154. № 4. С. 115 (по памяти, с неточностями, без ст. 1; публ. П. В. Анненкова); полностью впервые: *Черняев Н. И.* Неизданные письма А. С. Пушкина... С. 525 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2 (по тексту «Воспоминаний» А. П. Керн).

Печатается по автографу.

Датируется 8 декабря 1824 г. согласно помете в конце письма.

Стихотворением заканчивается письмо Пушкина к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г. с расспросами об А. П. Керн (см. о ней примеч. к стихотворению «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825) — наст. т., с. 703—704) и рассуждениями о современной романтической поэме (Акад. Т. 13. С. 128—129). Пушкинское письмо было вложено в письмо А. Н. Вульф к А. П. Керн и надписано рукой Пушкина: «Поэту Родзянке».

Аркадий Гаврилович Родзянко (Родзянка) (1793—1846) в 1811 г. окончил Московский университетский благородный пансион, где усвоил классицистические вкусы преподававшего там А. Ф. Мерзлякова. В 1814 г. Родзянко поступил в гвардию и следующие годы провел в Петербурге; во второй половине 1810-х гг. его стихи появляются в «Сыне отечества», «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Благонамеренном», он становится участником заседаний общества «Зеленая лампа» и собраний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1818 г. состоялось знакомство Родзянко с Пушкиным, встречи с которым по преимуществу происходили на заседаниях «Зеленой лампы». Несмотря на удачно складывавшуюся военную карьеру, Родзянко в 1821 г. вышел в отставку в чине капитана, поселился в родовом имении Родзянки Хорольского уезда Полтавской губернии и «повел жизнь богатого независимого помещика» (Модзалевский Б. Л. Родзянко Аркадий Гаврилович // Русский биограф. словарь. СПб., 1913. [Т. 16:] Рейтерн—Рольдберг. С. 295). Биографию Родзянко см.: Вацуро В. Э., Розин Н. П., Супронюк О. К. Родзянко // Рус. писатели 1800—1917. Т. 5. С. 309—312.

О литературной репутации Родзянко В. Э. Вацуро писал: «Его излюбленные жанры — ода, послание; немалую дань он отдает и гедонистической, и эротической лирике. Эти последние мотивы он доводит до фривольности, и в литературных и окололитературных кругах за ним укрепляется сомнительная слава полупорнографического поэта. Однако это aberrация, читательская легенда. Для него самого на первом плане стоит не эротическая, а высокая, учительная, одическая и инвективная поэзия» (Вацуро В. Э. Пушкин и Аркадий Родзянка : (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // Вацуро 2000. С. 60). Коррективы такой оценки см. в работах Дж. Пешио, где подчеркнута, что эротические и гедонистические мотивы составляют не менее существенную часть поэтического наследия Родзянко (см.: *Peschio J.* 1) *Once More about Arkadii Rodzianko and Pushkin* // *The Pushkin Review*. 2005—2006. Vol. 8—9. P. 80—92; 2) *The Poetics of Imprudence and Intimacy in the Age of Pushkin*. Madison (Wisc.), 2012. P. 67—81).

Оппозиционная настроенность Родзянко по отношению к радикальным декабристским кругам проявилась в его сатирах «Споры» и «Два века», написанных в 1822 г. Во второй из них был «выведен» сосланный к тому времени Пушкин, расценивший стихотворение как «донос», но при этом выразивший сомнение в авторстве Родзянко (см. письмо Пушкина к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 64—65); об этом эпизоде см.: Лернер Н. О. Пушкин и Родзянко // РА. 1900. Кн. 1. № 3. С. 145—148). В сатире «Два века», долгое время известной по цитате из письма В. И. Туманского к сестре от 10 мая 1823 г. (см.: Туманский В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 249—250) и впервые полностью (в ряду других стихотворений Родзянко) опубликованной В. Э. Вацуро в 1972 г. (см.: Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 162—166, 714, примеч. В. Э. Вацуро), о Пушкине говорилось:

...гений Дамазит, муз пылкое дитя,
Он думает весь мир преобразить шутя,
И все права пока — иль два, иль три ноэля,
Гимн Занду на устах, в руке портрет Лувеля.

(Там же. С. 164)

Довольно широко распространившаяся уже в 1823 г. сатира тем не менее не стала для Пушкина поводом для разрыва отношений с ее автором. Напротив, 25 августа

1823 г. он писал брату о возможном приезде в Одессу Родзянко: «Будет Родзянка-предатель — жду его с нетерпением» (Акад. Т. 13. С. 67). По дороге из Одессы в Михайловское Пушкин, несмотря на запрещение останавливаться где-либо без ведома начальства, посетил приятеля в его имении Родзянки, где провел несколько часов. Об этом посещении известно со слов А. П. Керн, соседки Родзянко по имению (см.: Керн. С. 32).

Письмо Пушкина от 8 декабря 1824 г. стало прологом дальнейших эпистолярных отношений Пушкина, Родзянко и Керн (см. об этом в примеч. к стихотворениям «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825) и «К А. Г. Родзянке» («Ты обещал о романтизме...») (1825) — наст. т., с. 706, 743). Пушкинские стихи, адресованные Родзянко, свидетельствуют о том, что игривая фривольность представлялась Пушкину характерной чертой его адресата, к которому он обращался в таком же духе. Стихотворение «Прости, украинский мудрец...» — сгусток той, по определению В. Э. Вацуро, «лукавой веселости», которой проникнуто все письмо Пушкина (Вацуро В. Э. Пушкин и Аркадий Родзянка. С. 80). Развитие в нем традиционные мотивы (удаление в деревню, наслаждение природой и полнотой жизни) корреспондируют с жизненным кредо Родзянко, выраженным в заключительной строфе сатиры «Споры»:

Счастлив, кто вдалеке невежд и пустосвятов
Свой кроет век в тиши отеческих пенатов,
Заране кинув свет с подругой молодой,
Живет для ней, на Пинд пускаясь лишь порой...

(Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 162)

Ст. 1. *Прости, украинский мудрец...* — Намек не столько на местонахождение имения Родзянко, сколько на его украинофильские настроения, хорошо известные Пушкину.

Ст. 2. *Наместник Феба и Приапа!* — Намек на фривольный характер поэзии Родзянко (Приап в греч. мифологии — бог садов, полей и виноградников, а также бог сладострастия, чувственных наслаждений); аналогичное обращение — «Пирон Украйны» — дано в стихотворении Пушкина «К А. Г. Родзянке» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 747). Обращение «наместник Феба» представляет собой пародийно-кощунственное переименование титула римского папы, получившее в стихотворении дальнейшее развитие: это сравнение «соломенной шляпы» Родзянко с «венцом», под которым, по-видимому, подразумевается папская тиара, а его деревни — с Римом; наконец, прямое обращение к «папе»-поэту с просьбой о благословении. О распространенности в среде «арзамасцев» выражений «ради Феба», «во имя Феба», «Феб с тобою» см.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII веков // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII—начало XIX века). М., 1996. С. 522—523. В. Ф. Ходасевич назвал шестистишие Пушкина в письме к Родзянко «профанацией догмата и пародией церковного текста» (Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 183).

АКВИЛОН

(«Зачем ты, грозный аквилон...»)

(С. 33 и 242)

Автограф (ПД 126, л. 1) — беловой, с поправками, переходящий в черновой, без заглавия, с пометой под текстом: «1824 / Мих(айловское)» (цифра «2» переправлена из цифры «3») и пометой в правом нижнем углу листа: «Болд(ино) 7 сент(ября)», на отдельном листе бумаги № 226 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 53); на лицевой стороне листа — беловой, с поправками автограф стихотворения «Делибаш» с датой под ним: «7 сент(ября)»; жандармская помета: «27». Лист ПД 126 составлял одно целое с листом ПД 127, на котором расположены автографы произведений 1830 г.: «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), стихотворение «Новоселье» («Благословляю новоселье...») и фрагменты «Евгения Онегина». Подробное описание автографа см.: Болд. рукоп. Т. 1. С. 91—92. Напечатано: Анн. Т. 2. Примеч. С. 377 (в виде отдельных вариантов). Факсимильное воспроизведение: Болд. рукоп. Т. 2. С. 15.

Копия О. М. Сомова (ПД 965) (Сом) из архива А. А. Краевского, на отдельном листе, без заглавия, с пометой под текстом: «1824. Михайловское» (последнее слово зачеркнуто карандашом; карандашом же, по-видимому, рукой Краевского вписано над текстом: «Аквилон», под текстом: «А. Пушкин»). На другой стороне листа — черновик заключительных строк Вступления к «Медному всаднику», набросанный в конце июля—начале августа 1836 г. (см.: *Измайлов Н. В.* «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978. С. 194 (Сер. «Литературные памятники»)). Текст копии соответствует верхнему слою автографа ПД 126. Подробное описание копии см.: *Бодрова А. С.* Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт. Тарту, 2011. Ч. 1. С. 92—96). Поскольку копия, по всей видимости, снята с автографа, датированного 7 сентября 1830 г. (см. ниже), она могла быть сделана Сомовым не ранее конца 1830 г., когда Пушкин вернулся из Болдина, и, по всей вероятности, предназначалась для одного из изданий Пушкина и Дельвига, в подготовке которых Сомов принимал участие: для «Литературной газеты», «Северных цветов» на 1831 или 1832 г., либо для Ст 1832. Однако ни в одном из этих изданий «Аквилон» напечатан не был; листок с копией остался у Пушкина, который в 1836 г. набросал на его обороте строки для «Медного всадника», а позднее передал этот листок редактору «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» А. А. Краевскому для публикации стихотворения.

Вошло в списки стихотворений: 1) ПД 168, л. 2 об. (составлен 8 ноября 1830—1833 г.) — в записи: «[Зачем ты бурн.]»; под ней — запись начала ст. 1 стихотворения «Арион»: «[Нас было много] — — » (см.: Рукоп. П. 1997. С. 217; Болд. рукоп. Т. 1. С. 188); 2) ПД 515, л. 1 (составлен во второй половине апреля 1830—начале сентября 1831 г.) — в записи: «Аквилон», в составе списка, подготовленного для издания Ст 1832 (см.: Рукоп. П. 1997. С. 194, 196); 3) ПД 716 (составлен предположительно 5—14 сентября 1831 г.) — в записи: «Аквилон 1824» в составе списка, подготовленного для издания Ст 1832 (см.: Там же. С. 197, 200); 4) ПД 984, л. 2 об. (составлен в 1836 г., не ранее 14 августа) — в записи:

«Зачем ты бурный Акв(илон)», в составе списка не опубликованных к тому времени стихотворений (см.: Там же. С. 222—223).

Впервые: ЛПРИ. 1837. № 1. 2 янв. С. 2 (с пометой под текстом: «1824»); в позднейшей (не ранее 16 января 1837 г.) перепечатке номера с изменением его формата: С. 4.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛПРИ.

Датируется 1824 г., не ранее 9 августа (по помете в автографе и в соответствии с датой приезда Пушкина в Михайловское (Летопись 1999. Т. 1. С. 431)); работа на листе ПД 126 — 7 сентября 1830 г. (число и месяц устанавливаются по помете в автографе, год — в соответствии с биографическими данными: 7 сентября Пушкин был в Болдине только в 1830 г.; свидетельством в пользу датировки автографа ПД 126 этим годом также служит помета «1824 Мих(айловское)», где цифра «2» переправлена из первоначально написанной цифры «3» (см. об этом: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 12)).

В ЛПРИ, как и в единственном автографе стихотворения, ст. 2 читается: «Тростник болотный долу клонишь?» В этом виде ст. 2 печатался во всех авторитетных изданиях пушкинской лирики (Посм. Т. 9. С. 162; Анн. Т. 2. С. 353; Генн. 1869—71. Т. 1. С. 277; Ефр. 1880. Т. 1. С. 454; Ефр. 1882. Т. 1. С. 416; Пол. Т. 1. С. 161; Ефр. 1887. Т. 1. С. 335; Мор. 1887. Т. 1. С. 305; АН 1900—29. Т. 3. С. 219; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 506; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 352; Венг. Т. 2. С. 218; КН. Т. 2. С. 84; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 368, Т. 2. С. 448 (список опечаток); ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 383; ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 454; Acad. в 9 т. Т. 2. С. 155; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 397; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 476; ГИХЛ 1937. Т. 1. С. 476) до Акад. (Т. 2. С. 365; публ. Н. В. Измайлова), где ст. 2 по необъяснимым причинам напечатан в том виде, в каком он не встречается ни в одном из известных источников текста: «Тростник прибрежный долу клонишь?». В этом виде вслед за Акад. ст. 2 печатался в подавляющем большинстве позднейших изданий (см.: Бодрова А. С. Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона». С. 98—99).

Стихотворение представляет собой свободную лирическую вариацию известного «бродячего» сюжета (Th. J 832), повествующего о том, как гордый дуб, кичившийся своей силой перед тростником, был повален ветром, тогда как гибкая тростинка, припав к земле, сумела уцелеть во время бури; сюжет содержит аллегорическое сравнение двух типов жизненной философии, подчеркивающее преимущество слабого, спсобного подчиниться воле обстоятельств, перед сильным, противопоставляющим им собственное могущество (см., например, басно Эзопа «Дуб и тростник» — Басни Эзопа / Пер., статья, коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 84, 283). В пушкинское время сюжет был широко известен в стихотворной обработке Ж. де Лафонтена (La Fontaine; 1621—1695) «Дуб и тростник» («Le chêne et le roseau», 1668). Эта басня неоднократно перелагалась в России (см., например: «Дуб и трость» А. П. Сумарокова (1762), «(Дуб и трость)» Ю. А. Нелединского-Мелецкого (опубл. 1876), «Дуб и трость» Я. Б. Княжнина (1787), «Дуб и трость» И. И. Дмитриева (1795), «Дуб и трость» Д. И. Хвостова (1802), «Дуб и трость» И. А. Крылова (1805), «Кедр и лоза» А. П. Бенитцкого (1809)) и, по-видимому, явилась одним из литературных источников «Аквилона» (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 250—251).

Противопоставление участи дуба и тростника, попавших в бурю, встречалось не только в баснях. Так, этот образ был использован в поэме Байрона «Осада Коринфа» («The Siege of Corinth: A Poem», 1816), с которой Пушкин мог быть знаком как во французском переводе А. Пишо и Э. де Сая, так и в сделанном с него русском переводе М. Т. Каченовского, помещенном в «Вестнике Европы». Главный герой поэмы, Альп, отказываясь забыть прежние обиды и смиряться, сравнивает свою участь с судьбой могучего дерева: «...que le roseau battu par l'orage tremble, plie et se relève encore, le chêne doit se briser» (Вугон 1820—1822. Т. 1. Р. 175); «Гибкая трость, поражаемая бурей, трепещет, клонится долу и восстает снова; крепкий дуб должен преломиться» (Байрон Дж. Г. Осада Коринфа: (Окончание) // ВЕ. 1820. Ч. 114. № 21. С. 8). См.: *Салупере М.* Из комментариев к стихотворениям Пушкина михайловского периода: («Песни о Стеньке Разине» и «Аквилон») // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы Междунар. конф. С. 67.

Пушкин воспроизвел основные мотивы басни (противопоставление гибели дуба спасению тростника, контрастное соположение аквилона и зефира), однако сюжет в целом получил у него своеобразную интерпретацию и перестал соответствовать басенному жанровому канону.

Пушкинский образ разгневанного аквилона перекликается с метафорами («гроза», «буря», «вихрь»), которые часто использовались в поэзии и эпистолярной Пушкина в качестве аллегорий общественных или политических потрясений, а также действий властей (см., например: «Руслан и Людмила» (1817—1820) («Эпиграмма», ст. 11—12 — Акад. Т. 4. С. 86); «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825) (ст. 57, 83 — наст. т., с. 75, 76); письмо к В. И. Туманскому от 13 августа 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 205); дневниковая запись от 22 июля 1835 г. (Акад. Т. 12. С. 331); подробнее об этом см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 207—212). Картина противостояния аквилона и дуба во второй и третьей строфах обнаруживает ряд образных и риторических параллелей с поэтическими высказываниями Пушкина о военной «грозе двенадцатого года» («Была пора: наш праздник молодой...», 1836): так, в стихотворении «Наполеон» (1821) французский император наделен эпитетом «надменный», а в стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) его поражение описано как «могучее падение»; в этом контексте образ «низвергнувшего» дуб северного ветра вызывает ассоциации с фигурой Александра I (см.: Благой, II. С. 482, 695; *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...»: (О судьбе одного болдинского автографа) // Пушкинский музей. СПб., 1999. Вып. 1. С. 141—142; *Фомичев С. А.* «Так, басней правду заменя...»: (О стихотворении Пушкина «Аквилон») // Театр и литература: Сб. статей к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 126—127). Перечисленные приемы восходят к традиции классицистической оды, пережившей своеобразный ренессанс в русской словесности эпохи наполеоновской кампании. В одической поэтической системе, представляющей собой сплав просветительской и религиозной идеологий, победоносная военная кампания осмыслялась с помощью ветхозаветных описаний борьбы с неверными и низвержения кумиров; мощь и величие полководца или монарха соединялись с великодушием по отношению к слабым (идея, находившая воплощение, среди прочего, и в образе ветра, повергающего гордые дубы, но сгибающего тростник или траву, — см., например, оду Г. Р. Державина «На взятие Варшавы» (1794) или «Оду на сражение флотов российского с турецким...» (1772) В. И. Майкова); за буйством мрачных стихий, символизирующих хаос войны, следовало восстановление гармонии и порядка, изо-

бражение которых включало идиллические топосы радости, тишины, прогоняющего тьму солнца, резвого Зефира, являющегося на смену бурному и холодному Борею. Сходные мотивы обнаруживаются во второй—четвертой строфах стихотворения «Аквилон» как в черновых вариантах, так и в опубликованном тексте (о характере государственной идеологии, нашедшей отражение в русской панегирической традиции XVII—XVIII вв., а также о канонических топосах классицистической оды см.: *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4 : (XVIII—начало XIX века). М., 1996. С. 663—676; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода : Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 140, 142—143, 186—187, 198; о возрождении образов и риторике классицистической оды в поэзии 1810-х гг. XIX в. см.: *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава : Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987. С. 12—16; *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. С. 90—107 (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 27); Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 154—156). На связь пушкинского стихотворения с традицией «высоких» жанров косвенно указывают также наличествующие в тексте библейские реминисценции. Характеризующее действия аквилона словосочетание «прошумел грозой и славой» предположительно отсылает к библейским текстам, где ужас и слава сопровождают описание божественных деяний (см., например, во 2-й Книге пророка Исайи, прославляющей могущество Бога, явившегося сокрушить земное величие — «кедры Ливанские»: «И ныне увидите в камение, и скройтесь в землю от лица страха Господня, и от славы крепости его, егда встанет сокрушити землю» (Ис. 2: 10)). Взаимодействие с ветхозаветным образом опосредуется в «Аквилоне» произведениями европейской литературы, где «ужас» и «слава» могли сопоставляться непосредственно в рамках одного словосочетания (см. религиозно-дидактическую поэму Эдуарда Юнга (Young; 1683—1765) «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night-Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742—1745) или 4-ю сцену 2-го акта поэмы Байрона «Манфред» («Manfred: A Dramatic Poem», 1817)). Библейской риторикой, по-видимому, отчасти подсказан и образ развеянных аквилоном туч (см.: 2 Пет. 2: 17 или Иуд. 1: 12, где нечестивцы уподоблены облакам, носимым ветром). Косвенным свидетельством этой связи могут служить, в частности, переключки между образами «Аквилона» и хорошо известной Пушкину и тесно связанной с библейскими текстами трагедии Жана Расина (Racine; 1639—1699) «Эсфирь» («Esther», 1689) (в 3-й сцене III акта поведение мудрого государя, разоблачающего своего антагониста, уподобляется дуновению аквилона, разгоняющего грозные тучи, а в 9-й низвергнутое величие врага, казалось, способного повелевать громами, сравнивается с исчезнувшим без следа могучим деревом). На актуальность ветхозаветных текстов для поэтики «Аквилона» предположительно указывает также синтаксическая организация первой строфы пушкинского стихотворения (вопросительные предложения, объединенные анафорическим зачином), составляющая, согласно замечанию В. В. Виноградова, один из признаков «„библейского” стиля русской поэзии XVIII века» (Виноградов. Стиль П. С. 494); подобную конструкцию Пушкин использовал и в ориентированном на библейские образы фрагменте «Зачем крутится ветер в овраге...» (1833—1835) (о библейских реминисценциях этого фрагмента см.: *Ильичев А.* «Зачем крутится ветер в овраге...» : Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Врем. ПК. Вып. 24. С. 146—148; указание на его синтаксическую и

образную переключку с «Аквилоном» см.: *Бодрова А. С.* Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона». С. 94—95).

Подробнее о связи «Аквилона» с одической традицией, а также об имеющихся в тексте стихотворения библейских аллюзиях см.: *Кардаш Е. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Аквилон»: К вопросу об историко-литературном контексте // *Врем. ПК. Вып. 32.* С. 182—197.

По некоторым параметрам стихотворение отклоняется от жестких установок «высокого» жанра: текст тяготеет к среднему стилю, описание новой бури содержит мотивы, обладающие лирическим сюжетным потенциалом (см. примеч. к ст. 3—4), пафос, свойственный панегирической поэзии, смягчается в конце 4-й строфы, где использование диминутива сочетается с образами, отсылающими к топике идеального пейзажа (*locus amoenus*). Подобные тенденции, не противоречащие аллегорической природе оды, выявляют, однако, и другие жанровые ориентиры пушкинского текста. Ср., например, панегирическую идиллию М. В. Ломоносова «Полидор» (1750), где восхваление высокопоставленного адресата приобретает интимный колорит, а аллегорический сюжет разворачивается на фоне пасторального ландшафта:

И тихий Днепр в себе изображает ивы,
 Что густо по крутым краям его растут.
 Играют зефиры кудрявых древ листьями
 И нежат теплыми душистый цвет крилами...
 (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.
 М.; Л., 1959. Т. 8. С. 277)

Подробнее о жанре русской панегирической идиллии см.: *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 154—189; о принципиальной аллегоричности одических пейзажных мотивов см.: *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 58—59. Сходный прием использовал В. А. Жуковский в хорошо известном Пушкину послании «Государыне императрице Марии Федоровне» («От вашего величества давно...») (1819). Картина павловского пейзажа (конкретизированная версия *locus amoenus*) включает описание легкого ветра, играющего в небе облачка и тихо колышущегося тростника (см.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 161); идиллическое спокойствие природы проецируется на царственную адресатку посредством традиционной одической аллюзии, приобретающей здесь (так же как и в финале «Аквилона») лирические коннотации:

Не благотворная ль царица
 Тогда является мечте?
 Ты видишь день ее прекрасный,
 Входящий прелестию ясной
 И заходящий в красоте!
 <.....>
 Не изменяйся, день прекрасный!
 Будь долго радостью очес
 И, вечно тихий, вечно ясный,
 Не покидай родных небес!
 (Там же. С. 162—163)

Синтетический опыт Жуковского может рассматриваться если не как образец, то, во всяком случае, как примечательный аналог пушкинской работы с аллегорическим материалом.

Высказывалось предположение, что стимулом к созданию «Аквилона» явились сложные взаимоотношения Пушкина с Александром I: в августе 1824 г. по распоряжению из Петербурга поэт был выслан из Одессы в Михайловское; полагая ссылку незаслуженной, Пушкин надеялся на благоприятное решение своей участи и уповал на «справедливость» царя (см. письмо к Л. С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 121). См.: Стоюнин В. Пушкин. СПб., 1881. С. 219—220; Майков Л. Н. Из заметок о Пушкине. I. О стихотворениях «Туча» и «Аквилон» // РВ. 1893. № 2. С. 7—8; Рыбинский В. С. А. С. Пушкин в селе Михайловском (1824—1826) // Сб. статей об Александре Пушкине по поводу столетнего юбилея. Киев, 1899. Ч. 2. С. 119; Венг. Т. 3. С. 523 (примеч. Н. О. Лернера); Благой, П. С. 481—482, 694—696; Иезуитова Р. В. «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 141—143; Фомичев С. А. «Так, басней правду заменя...». С. 126—128; Зырянов О. В. Между модерном и архаикой: Жанровые стратегии басни (притчи) в поэзии А. С. Пушкина // Литературное общество «Арзамас»: Культурный диалог эпох. Арзамас, 2005. С. 107—108; Салупере М. Из комментариев к стихотворениям Пушкина михайловского периода. С. 66—70. Эта версия не находит документальных подтверждений, однако имеет право на существование: прагматическое задание является ключевой составляющей оды и панегирической идиллии. В пользу упомянутой гипотезы косвенно свидетельствует не до конца понятная издательская судьба стихотворения: завершённое и неоднократно предназначавшееся к печати, оно было опубликовано лишь спустя много лет после написания. Возможно, Пушкин медлил, опасаясь непосредственных биографических и политических интерпретаций текста со стороны своего ближайшего окружения. Поздняя отделка и публикация дезактуализируют предполагаемую прагматическую интенцию «Аквилона», выдвигая на первый план его эстетическое задание (см. об этом: Томашевский. П. и Франция. С. 251—252; Есипов В. М. «Зачем ты, грозный аквилон...» // Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М., 2006. С. 182, 191—192).

Попытки толкования стихотворения, основанные на недоверии к авторской датировке, представляются неубедительными. Поводом к их появлению послужило отсутствие текстуальных следов работы поэта над «Аквилоном» в 1824 г., длительное время, прошедшее между созданием текста и его публикацией, а также черновая запись, сделанная Пушкиным среди набросков «Путешествия Онегина» (1825—1830), где поэт расположил одну под другой начальные слова двух стихотворений — «Аквилон» и «Арион» (1827) (ПД 168, л. 2 об.; см. выше), указав тем самым на соотносительность этих произведений. Исходя из предположения о связи сюжета «Ариона» с обстоятельствами декабрьского восстания исследователи по аналогии усматривали в «Аквилоне» аллгорию событий 14 декабря 1825 г., а в пушкинской датировке стихотворения 1824 г. — сознательную мистификацию поэта, желающего оградить себя от преследования властей (см.: Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов. С. 131; Глебов Г. С. Об «Арионе» // П. Врем. [Т.] 6. С. 304; Томашевский. Пушкин, П. С. 50—51). Эта трактовка не находит фактических подтверждений. Вполне вероятно, что поводом к соположению стихотворений «Аквилон» и «Арион» послужило их сюжетное и композиционное сходство: в обоих произведениях разгул стихии сменяется картиной озаряемого солнцем мира (см.: Благой, П. С. 482). Присутствующий в стихотворении образ отшумевшей бури и призыв к успокоению содержатся

также в написанном Пушкиным позднее стихотворении «Туча» (1835) (сопоставление его с «Аквилоном» см.: Пол. Т. 1. С. 161; Венг. Т. 3. С. 523, Т. 6. С. 478, примеч. Н. О. Лернера; *Майков Л. Н.* Из заметок о Пушкине. I. О стихотворениях «Туча» и «Аквилон». С. 6—7; Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 208—210; *Есипов В. М.* «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 192—194).

Заглавие. — Аквилон (от лат. *aquilo*) — название северо-восточного (иногда северного) ветра или имя олицетворяющего его божества в древнеримском пантеоне. К моменту создания стихотворения устойчиво использовалось в европейской и русской поэзии в более широком значении — как наименование сильного и холодного ветра; в поэтическом языке XVIII—XIX вв. в том же значении встречаются название «борей», восходящее к древнегреческой мифологии, а также «норд» (примеры см.: *Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique...* / Par L. J. M. Sargentier. Paris, 1825. Т. 1. Р. 168, 233; Т. 2. Р. 811; *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1984. Вып. 1. С. 35; Л., 1985. Вып. 2. С. 109; СПб., 2005. Вып. 15. С. 178). Распространенный и устойчивый поэтический мотив составляло контрастное соположение аквилона (борей, норда) и зефира (легкого теплого ветра), аллегорически соответствовавшее оппозициям «война / мир», «буря / покой», «гнев / кротость», «тирания / милость» и т. п. (подробнее см.: *Кардаш Е. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Аквилон». С. 180, 184—185, 194).

Ст. 2. *Тростник болотный долу клонись?* — Образ колеблемого ветрами тростника широко использовался в литературе как символ бренности, житейской уязвимости или духовной слабости и имел долгую историю, восходящую в одних случаях к античной, а в других — к библейской традиции (ср., например, описание значений слова «roseau» (фр. «тростник»): *Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique* / Par J. Planche. Paris, 1823 [Т. 3]; подробнее об образе тростника в поэтических текстах XVIII—XIX вв. см.: *Кардаш Е. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Аквилон». С. 180—181). По замечанию В. В. Виноградова, комментируемый стих содержит намеренный стилистический контраст между церковнославянизмом «долу» и наименованием «тростник болотный» (Виноградов. Язык П. С. 170). Выбор эпитета «болотный» применительно к тростнику, по-видимому, обуславливался тенденциями лексической сочетаемости, закрепленными французской языковой традицией. «Roseau des marais» («тростник болотный») — стандартное наименование тростника в естественнонаучных сочинениях (см., например: *Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle...* / Par M. Valmont-Bomare. Lausanne, 1776. Т. 7. Р. 599; *Manuel floral des plantes, ou Traité de toutes les plantes qui peuvent servir d'ornement dans les jardins, les orangeries, les serres chaudes...* / Par J. P. Buchoz. Paris, 1800. Р. 32); оно часто встречалось в литературных текстах (подробнее см.: *Кардаш Е. В.* Где растет тростник болотный, или О подоплеках поэтической фактографии // Пушкин и другие (двадцать лет спустя) : Сб. статей к 80-летию С. А. Фомичева. СПб.; М., 2017. С. 93—102). В работе И. З. Сураг отмечена параллель между «Аквилоном» и «Мыслями» («Pensées», опубл. 1669; полное заглавие: «Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets» («Мысли о религии и некоторых других предметах»)) французского философа Блеза Паскаля (Pascal; 1623—1662), сравнившего человека с «мыслящим тростником»: «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить» (*Паскаль Б.* Мысли. Малые сочинения. Письма / Пер. с фр.,

вступ. статья, примеч. Ю. Гинзбург. М., 2003. С. 112) (см.: *Сурат И. Э.* Пушкин и Паскаль // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 180—181). Несмотря на то что Пушкин несомненно читал Паскаля (см.: Там же. С. 168—183; П. и мировая литература. С. 235—236 (статья В. Д. Рака)), указанная параллель является сугубо типологической.

Ст. 3—4. *Зачем на дальний небосклон Ты облачко столь гневно гонишь?* — Образ гонимого ветром облака или тучи как метафора душевного состояния лирического героя, переживающего утрату, разлуку или изгнание, неоднократно используется в лирике пушкинского времени (см., например: «Песня» (1821) Е. А. Баратынского, «К облаку» (1829) А. А. Бестужева-Марлинского, стихотворение «Тучи» («Тучки небесные, вечные странники...») (1840) или 135-ю строфу 1-й главы «нравственной поэмы» «Сашка» (1835—1836) М. Ю. Лермонтова) (подробнее см.: *Фомичев С. А.* «Так, басней правду заменя...». С. 122; *Кардаш Е. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Аквилон». С. 190, 200—201).

Ст. 12. *И дуб низвергнул величавый.* — В пушкинское время символический образ поверженного бурей могучего дерева составлял элемент поэтического языка не только басенного, но также и лирического и одического жанров (см., например, анакреонтическую оду В. В. Капниста «Мотылек» (1796), стихотворения «Дуб и ветер» (1761) А. А. Ржевского, «К Тибуллу. На прошедший век» (1800), «Человек» (1801), «Гимн» (1808) В. А. Жуковского, «Успокоение» (1829) Ф. И. Тютчева, «Дуб» (1836) И. И. Козлова). Подробнее см.: *Виноградов. Стиль П.* С. 407; *Фомичев С. А.* «Так, басней правду заменя...» С. 123—124; *Кардаш Е. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Аквилон». С. 181, 183—184).

«ЛИЗЕ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ...»

(С. 34 и 244)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 41 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 18 (ст. 1); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 89 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 833, л. 10 об. — белой. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 100. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 100.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по беловому автографу.

Датируется предположительно декабрем 1824 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 835. На л. 40—40 об. — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. На л. 41 шла работа над строфами III и IV четвертой главы «Евгения Онегина», не вошедшими в ее окончательный текст. В верхней части л. 41 об. — также наброски к строфе IV, не получившей законченного выражения. Под ней, после отступа, расположен черновик письма к Д. М. Шварцу, писавшегося около 9 декабря 1824 г. (дата письма определяется по фразе: «Вот уже 4 месяца нахожусь я в глухой деревни...» — Акад. Т. 13. С. 129; Пушкин приехал в Михайловское 9 августа 1824 г. — см.: *Летопись 1999.* Т. 1. С. 431). Черновой автограф эпиграммы «Лизе страшно полюбить...» записан на левом поле листа. По расположению записей очевидно, что эпиграмма была набросана позднее, чем строки

строфы IV, и, по-видимому, позднее, чем письмо к Шварцу. Стихотворение могло возникнуть как эпиграмматическая версия темы начальных стрóf четвертой главы, в которых обсуждался «хитрый слабый милый пол» (ПД 835, л. 31; Акад. Т. 6. С. 333). Ср. также в набросках строфы на л. 41 об.:

Но вообще клянусь пред вами —
 Что женщины не знают сами
 Зачем они [того берут]
 [Зачем]

(Акад. Т. 6. С. 342)

Следующие листы тетради ПД 835 заполнялись в декабре 1824 г.: на л. 52 даты «31 дек(абря) 1824» и «1 генв(аря) 1825». Беловой автограф в тетради ПД 833 датируется не ранее начала декабря 1824 г. по времени работы над черновым автографом; более точная датировка в данном случае невозможна, поскольку автограф был вписан поэтом на остававшуюся свободной часть л. 10 об. значительно позднее последовательной работы в этой части тетради, заполнявшейся в 1821 г. (см.: Иезуито-ва. Раб. тетр. ПД 833. С. 246).

Адресат эпиграммы не установлен. Высказывалась маловероятная гипотеза о том, что в стихотворении «Лизе страшно полюбить...» отразились отношения Пушкина с тогда еще пятнадцатилетней Евпраксией Николаевной Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Если жизнь тебя обманет...» (1825) — наст. т., с. 714—715). В качестве аргумента приводились слова П. В. Анненкова о Е. Н. Вульф: «...она <...> постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 279—280). Другим основанием гипотезы стала «почти анаграмматическая» связь имен «Зина» (так Е. Н. Вульф звали в семье) и «Лиза» (см.: *Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // Врем. ПК. Вып. 25. С. 111—112*). Однако замысел стихотворения не предполагал никакой связи с именем Зина, поскольку в черновом автографе героиня названа Лидой. Кроме того, эпиграмма, тематически связанная «с намеченным в строфе IVд онегинским приговором женщинам» (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 59), могла вообще не предполагать конкретного адресата.

Ст. 1. *Лизе страшно полюбить.* — Ср. в сказке А. И. Клушина «Несчастье от лорнета»: «Чего же Лизинька хотела? / Хотела Лиза полюбить; / С другим собою разделиться, / В объятье нежно устремиться, / Со вздохом целый мир забыть» (Зритель. 1792. Ч. 2. № 7. С. 217).

Ст. 4. *Эта новая Диана...* — Имя богини Дианы использовано как символ непрístupной девственности.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(«Прощай, письмо любви! прощай; она велела...»)

(С. 35 и 245)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 51 — беловой, с правкой, без заглавия, в составе 17 стихов. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 25 (ст. 15 и два стиха после него); Майков. Материалы. С. 230—231 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Утраченный автограф в Тетр. Капниста (Кап) — беловой, под заглавием: «Сожженное письмо (отрывок)», с пометой у заглавия: «Поместить в элегиях», в составе 15 стихов (исключены два заключительных стиха первого белового автографа), с двумя вариантами ст. 15, представленными на выбор издателям сборника 1826 г. (записав первый вариант этого стиха, Пушкин поставил под текстом фигурную скобку — знак концовки, но затем ниже приписал второй вариант; оба варианта остались незачеркнутыми, между ними Пушкин поставил союз: «или»; в Ст 1826 был принят второй вариант стиха). Фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 2. С. 405 (подзаголовок, помета, два варианта последнего стиха); Майков. Материалы. С. 231 (в виде описания; публ. В. И. Саитова). Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 861.

Впервые: Ст 1826. С. 24 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1825»); вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 16 (отдел стихотворений 1825 г.). Перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 80—81, с подписью: А. Пушкин; Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен... М., 1835. С. 103—104, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829. Поскольку синтаксическое оформление текста имеет в данном случае повышенную экспрессивную значимость, в разделе «Другие редакции и варианты» в отступление от общих принципов настоящего издания приводятся пунктуационные варианты белового автографа Кап (с. 246).

Датируется концом декабря 1824 г. по положению белового автографа в тетради ПД 835: на л. 40 — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября; на л. 52 под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» — даты: «31 дек(абря) 1824» и «1 генв(аря) 1825». Текст в Кап датируется первой половиной марта 1825 г. (о времени работы Пушкина в тетради Капниста см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330, 333).

В настоящем издании стихотворение впервые помещается в отделе 1824 г. О датировке автографа в ПД 835 декабрем 1824 г. см.: Петрунина Н. Н. Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо» // Врем. ПК. 1977. С. 108; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 59. В последней работе подчеркнуто, что поправки в автографе ПД 835 могли быть сделаны позже декабря 1824 г., но они «носят частный характер и не дают принципиально новой редакции стихотворения, которое, следовательно, в собраниях сочинений Пушкина должно быть перенесено к произведениям 1824 г.» (С. 59). Однако, судя по палеографическим данным, правка вносилась в автограф одновременно с его записью.

Д. Д. Благой датировал элегию второй половиной декабря 1824 г. — 5 января 1825 г. (Акад. Т. 2. С. 1154), что позволяло сохранить ее в отделе 1825 г., но не

имело никакого обоснования в истории заполнения тетради ПД 835. В Акад. датировке «Сожженного письма» противоречит датировка записанного под ним на л. 51 тетради ПД 835 наброска «[Так] на ⟨нрзб⟩ слезам⟨и⟩⟨р⟩...», который Т. Г. Зенгер (Цявловская) однозначно отнесла ко второй половине декабря 1824 г. и поместила среди текстов 1824 г. (см.: Акад. Т. 2. С. 473, 1191).

Стихотворение, по всей вероятности, связано с именем Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой (урожд. Браницкая; 1792—1880), с 1819 г. жены М. С. Воронцова, новороссийского генерал-губернатора, под началом которого Пушкин служил в Одессе. Поэт познакомился с ней в Одессе в сентябре 1823 г., и их общение продолжалось с перерывами до конца июля 1824 г. Воронцова, несомненно, была женщиной необыкновенно привлекательной, современники оставили о ней множество восторженных отзывов. Н. С. Всеволожский в конце 1830-х гг. писал о Воронцовой: «Не нахожу слов, которыми я мог бы описать прелесть ее, ум, очаровательную приятность в общении. Соединяя красоту с непринужденною вежливостию, уделом образованности, высокого воспитания, знатного, большого общества, графиня пленительна для всех и умеет занять всякого разговором приятным!» (*Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах.* М., 1839. Т. 1. С. 93). Пушкин встретился с Воронцовой, когда ей был тридцать один год, по словам Ф. Ф. Вигеля, «она имела все права казаться еще самую молоденькою. ⟨...⟩ Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал» (Вигель. Ч. 6. С. 84).

Хотя отношения Пушкина с Воронцовой привлекали особо пристальное внимание пушкинистов, роль Воронцовой в судьбе поэта остается одним из неясных эпизодов его биографии. Согласно устойчивой легенде, Воронцова была предметом глубокой и страстной любви Пушкина; с ней связывают романтическую историю о перстне-талисмани (см. стихотворение «Талисман», 1827); высказывались предположения, что именно ей адресованы такие стихотворения, как «Приют любви, он вечно полн...» (1824) (см. примеч. к нему С. А. Фомичева — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 934), «Пускай, увенч⟨анный⟩ любо⟨вь⟩ю красот⟨ы⟩...» (1824), «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» (1823—1825), «Храни меня, мой талисман...» (1824—1825), «Все в жертву памяти твоей...» (1825) (см. примеч. к ним — наст. т., с. 974—975, 892—894, 1009—1010, 799—800), «Прощание» (1830); см. также: Городецкий. С. 289—293. В русле этой легенды возникли гипотезы, что Воронцова имела от Пушкина ребенка, что чувство поэта к ней было одним из самых сильных в его жизни (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 12—84). Однако в научной литературе приводились факты, противоречащие такой легенде, и выдвигались иные версии отношений Пушкина с Воронцовой. С точки зрения целого ряда исследователей, большинство стихотворений, причисляемых к так называемому воронцовскому циклу, с тем же успехом могло быть адресовано другим женщинам, а влюбленность Пушкина в Воронцову не более чем одно из многочисленных увлечений поэта (см., например: Макогоненко, I. С. 32—47, 53—76; Миттнцк М. А был ли классический треугольник?: (Одесса. 1823—1824 гг.). Нью-Йорк, 1988. С. 57—61; Аринштейн Л. М. Преображение Дон-Жуана. М., 2000. С. 89—97). Наиболее убедительными свидетельствами, подтверждающими факт увлечения Пушкина Воронцовой, являются письмо В. Ф. Вяземской

к мужу от 1 августа 1824 г. (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 30—33), мемуары Ф. Ф. Вигеля (см.: Вигель. Ч. 6. С. 171) (в обоих случаях имя женщины не упоминается, а угадывается по контексту), многочисленные портреты Воронцовой на полях пушкинских рукописей (см.: Жуйкова. С. 112—122) и имя Элиза в так называемом «Дон-Жуанском списке» Пушкина (см.: Рукою П. 1997. С. 265, 269).

Указание на то, что в стихотворении отразились реалии подлинной биографии поэта, впервые было дано П. В. Анненковым (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 282—283), который опирался на воспоминания О. С. Павлицевой. В его бумагах сохранилась сделанная с ее слов черновая заметка, где говорилось, что Пушкин получал из Одессы письма, запечатанные точно таким же, как у него, перстнем; эти письма поэт «читал с торжественностию, запершись в кабинете. Одно из таких писем он и сжег» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 39). В тетради ПД 835 имеются две записи, предположительно указывающие на получение письма от Воронцовой: на л. 11 об. — «5 сентябр⟨я⟩ 1824. / u⟨ne⟩ l⟨ette⟩ de [L⟨ise⟩ V⟨oronozoff⟩]» ⟨п⟨исьмо⟩ от [Л⟨изы⟩ В⟨оронцовой⟩] — фр.⟩ (Рукою П. С. 301 (там же, на с. 301—302, приведены иные версии прочтения и расшифровки зачеркнутой аббревиатуры); Рукою П. 1997. С. 240); на л. 12 — «П⟨исьмо⟩ ⟨?⟩ О⟨т⟩ ⟨?⟩ У⟨оронцовой⟩ ⟨?⟩» (напечатано: Якушкин. № 7. С. 6; расшифровку записи см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 40; Рукою П. 1997. С. 240, 243); «милорды Уор⟨онцовой⟩ упомянуты в письме Пушкина к Д. М. Шварцу (Акад. Т. 13. С. 404). Скептические высказывания о том, что супруга новороссийского генерал-губернатора не решилась бы писать сосланному поэту (см.: Удовик В. А. Е. К. Воронцова и А. С. Пушкин. СПб., 2001. С. 23—24), опровергаются особенностями единственного из известных ныне писем Воронцовой к Пушкину от 26 декабря 1833 г. с просьбой делового характера (см.: Акад. Т. 15. С. 101—102, 320—321). Несмотря на то что письмо подписано псевдонимом «Е. Вибельман», Пушкин безошибочно узнал отправителя и 5 марта 1834 г. написал ответ (см.: Акад. Т. 17 (Справочный). С. 71—72). В статье Е. Б. Черновой, где раскрыт псевдоним Воронцовой, подчеркивалось: у нее не было сомнения в том, что Пушкин сразу узнает, от кого письмо, а значит, Воронцова писала Пушкину и ранее. В «Сожженном письме», по мнению Черновой, дано «объяснение, почему до нас не дошло писем Воронцовой к Пушкину 1820-х годов; боясь огласки, она, по-видимому, взяла с него слово немедленно их уничтожить» (Чернова Е. Б. К истории переписки Пушкина и Е. К. Воронцовой // П. Врем. [Т.] 2. С. 337). Ср. слова поэта в начале стихотворения: «она велела...».

Как указано Н. Н. Петруниной, замысел «Сожженного письма» «родился на скреждении двух творческих стимулов, один из которых шел от конкретной жизненной ситуации (...), а другой — от литературного образца, возникшего тремя веками ранее при сходных обстоятельствах» (Петрунина Н. Н. Литературные параллели. С. 112). Речь идет о близости пушкинского стихотворения к элегии Клемана Маро (Marot; 1496—1544) «Qui eust pensé que l'on peut concevoir...» (1527); впервые отмечено С. Пинусом в примечании к его переводу элегии, см.: Французские поэты: Характеристики и переводы / Сост. С. Пинус. СПб., 1914. Вып. 2. С. 217. Восторженный анализ элегии Маро с приведением фрагментов из нее был дан в знакомом Пушкину с лицейских лет труде Ж.-Ф. Лагарпа «Лицей, или Курс древней и новой литературы». Здесь говорилось, что в элегии, обращенной к возлюбленной, Маро «описывает с трогательной правдивостью сожаление, которое он испытал, и усилие, которое совершил, бросая это письмо в огонь» (*La Harpe J.-F. Lycée, ou Cours de*

littérature ancienne et moderne. Paris, An VII [1799]. Т. 4. Р. 97; оригинал по-фр.). Маро был камердинером Маргариты Наваррской (Marguerite de Navarre; 1492—1549, с 1527 г. — королева Наварры). По мнению Лагарпа, именно ей поэт адресовал свое стихотворение. Речь лирического героя в элегии Маро включает и частично процитированное Лагарпом обращение к письму:

Aucunesfoys au feu je la boutoye
 Pour la brusler: puis soudain l'en ostoye,
 Puis l'y remis, et puis l'en recullay.
 Mais à la fin (à regret) la bruslay
 En disant: Lettre (après l'avoir baisée),
 Puis qu'il luy plaist: tu seras embrasée
 Car j'aime mieulx dueil en obeissant,
 Que tout plaisir en desobeissant.
 Voyla comment pouldre, et cendre devint
 L'ayse plus grand' qu'à moy oncques advint.
 Mais si de vous j'ay encor quelque lettre,
 Pour la brusler, ne la faudra que mettre
 Près de mon cueur: là elle trouvera
 Du feu assez, et si esprouvera
 Combien ardante est l'amoureuse flamme,
 Que mon las cueur pour voz vertus enflamme.

⟨Несколько раз подносил я его к огню, / Чтобы сжечь, потом стремительно отдергивал, / Потом снова приближал к пламени и опять отдалял от него. / Но наконец с сожалением сжег его, / Промолвив: Письмо (прежде я поцеловал его), / Раз она этого желает, ты будешь сожжено, / Ибо я предпочитаю горечь послушания / Радости непослушания. / Вот как превратилось в золу и пепел / Величайшее блаженство, когда-либо выпадавшее на мою долю. / Но если я снова получу от вас письмо, / То, чтобы сжечь, его надо будет лишь положить / Подле моего сердца; там оно найдет / Достаточно жара и испытает, / Сколь испепеляюще любовное пламя, / Зажженное в моем усталом сердце вашими добродетелями — фр.) (Marot С. Œuvres complètes. Paris, 1824. Vol. 1. Р. 264—265). Указанное трехтомное издание Маро имелось в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 1138; страницы с элегией не разрезаны).

Сюжетообразующий мотив «Сожженного письма» выделен из сложного мотивного комплекса элегии Маро. Французский поэт повествует о событиях, оставшихся в прошлом. События пушкинского стихотворения разворачиваются в настоящем. «Поэтическая находка Маро, которую в свое время подчеркнул Лагарп, заключалась в изображении колебаний как особого, дьящегося во времени психологического состояния. У русского поэта этот момент медлительной нерешительности стал лишь отправной точкой сюжетного движения. Читателю Пушкина дано присутствовать при сожжении письма, участвовать в сокровенных движениях души поэта. ⟨...⟩ Искусство построения „Сожженного письма” в том, что при гармонической завершенности элегии ее последний стих — единственный не имеющий рифмы в ряду alexandrinских двустопных парной рифмовки — воспринимается скорее как прерывающий, чем как замыкающий тематическое развитие» (Петрунина Н. Н. Литературные параллели. С. 112). Так же, обрывая поэтическую речь в момент кульминации горестного переживания, завершался текст первого белого автографа, где после ст. 15 имелись еще два стиха, исключенные из подготовленного к печати текста.

Отзываясь на выход Ст 1826, С. М. Дельвиг, жена поэта, писала 13 января 1826 г. А. Н. Карелиной: «Заметь „Сожженное письмо” и „Ночь”; одно смотри в „Элегиях”, а другое в „Подражаниях древним”. Это прелесть необыкновенная» (Модзалевский Б. А. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвига // Модзалевский. С. 275).

Перевод стихотворения на польский язык, выполненный Игнацием Деспотом-Зеновичем (Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866), опубликован в сборнике его стихов и переводов «Imionnik» (St.-Petersbourg, 1830. S. [13—14]), вышедшем под криптонимом: «J.-G. D. Z.». В рецензии на сборник, помещенной в «Северном Меркурии» (1830. № 44. 11 апр.), стихотворение было названо в числе лучших опытов переводчика. Анализ перевода см.: Стефанович В. Н. Польский переводчик А. С. Пушкина // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 183—184. Прозаический перевод стихотворения на французский язык был напечатан: La Balalayka, chants populaires Russes et autres morceaux de poésie, traduits en vers et en prose, par P. De Julvécourt. Paris, 1837. P. 157.

Ст. 9—10. *Уж перстня верного утрапя впечатленья, Растопленный сургуч кипит...* — У Воронцовой и Пушкина были одинаковые перстни, причем поэту подарила его в Одессе именно Воронцова (см.: Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартенева : (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 267). Описание пушкинского перстня и его «впечатленья» (отпечатка) на сургуче см. в примеч. к стихотворению «Храни меня, мой талисман...» (наст. т., с. 1010—1011).

Ст. 13—15. *...Пепел милый ~ Останься век со мной на горестной груди...* — По предположению М. Ф. Мурьянова, речь идет об обычае носить на груди ладанку или медальон с памятным предметом (см.: Мурьянов М. Ф. Об одном шедевре пушкинской лирики // Мурьянов 1999. С. 295).

«ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ; ПЕЧАЛЬ ТЕБЯ СНЕДАЕТ...»

(С. 36 и 246)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 84 об. — белой, с поправками, под заглавием: «Из André Ch(énier)». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 36 (заглавие, ст. 1, вариант ст. 2, указание на наличие других вариантов); Акад. Т. 3. С. 970 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), л. 6 об.—7, под заглавием: «Подражание Андрею Шенье», с пометой у заглавия: «(1824). Поместить в элегиях» и поправкой в ст. 7, утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577 (заглавие и пометы); Майков. Материалы. С. 222—223 (заглавие, пометы, ст. 7, 9 (только вторая часть стиха: «Но кто — скажи — меж ими»); публ. В. И. Саитова).

Впервые: Ст 1826. С. 21 (отдел «Элегии»), с подзаголовком и датой в оглавлении: «Подражание Ан. Шенье. 1824». Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 185—186 (отдел стихотворений 1824 г.), с подзаголовком в оглавлении: «Подражание А. Шенье», с пунктуационными изменениями в ст. 5 (восклицательный знак заменен точкой с запятой) и 20 (восклицательный знак заменен точкой).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1824 г. в соответствии с указаниями в Кап, Ст 1826 и Ст 1829. Беловой автограф расположен на одной из трех последних страниц тетради ПД 835, заполненных беловыми автографами стихотворений, которые, по предположению С. А. Фомичева, могли быть «переписаны одно за другим примерно в одно время в направлении от последней страницы» «задолго до хронологически последних записей в тетради» (на л. 85 об. — «Начало I песни „Девственницы”», на л. 85 — «Прятелям» и «Сказали раз царю, что наконец...»). Одно из них, стихотворение «Прятелям», было приведено Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Можно думать, что около того же времени появились и другие тексты на последних в тетради листах 84 об.—85 об. (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 34). Не дошедший до нас черновой автограф комментируемого стихотворения, вероятно, был создан раньше. Во всяком случае ничто не противоречит его авторской датировке 1824 г. В Акад. стихотворение предположительно датировано Н. В. Измайловым концом декабря 1824 г. (Т. 2. С. 1150). Такая возможность не исключена, но подобное сужение датировки не имеет документального подтверждения.

В Акад. (Т. 2. С. 363) ст. 9 напечатан не по Ст 1829 (где он читается: «Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними»; то же в Ст 1826), а по Кап: «Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими» (в том же виде ст. 9 записан в тетр. ПД 835). Предположение о том, что замена свойственного Пушкину написания «меж ими» на «меж ними» была сделана П. А. Плетневым при подготовке Ст 1826, выдвинуто Б. В. Томашевским (см.: Томашевский. Новые материалы. С. 859; *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 345). Существенно, однако, что в Ст 1829 ст. 9 не был изменен сравнительно со Ст 1826. Поэтому в настоящем издании рукописный вариант этого стиха не принят в основном тексте и помещен в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 246, 247).

Стихотворение представляет собой вольный перевод эклоги Андре Шенье (Chénier; 1762—1794) «Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire...», напечатанной в издании 1819 г. как элегия V:

Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire.
 Tu fuis, tu ne ris plus; rien ne saurait te plaire.
 La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
 L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
 Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante;
 Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
 Ah! mon œil est savant et depuis plus d'un jour,
 Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
 Les belles font aimer; elles aiment. Les belles
 10 Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles!
 Sois tendre; même faible; on doit l'être un moment;
 Fidèle si tu peux. Mais conte-moi comment,
 Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans audace,
 Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce...
 Tu rougis? on dirait que je t'ai dit son nom.
 Je le connais pourtant. Autour de ta maison
 C'est lui qui va, qui vient, et laissant ton ouvrage,

- Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
 Il fuit vite; et ton œil, sur sa trace accouru,
 20 Le suit encore long-temps quand il a disparu.
 Nul en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
 Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
 Nul, n'a sa noble aisance et son habile main
 A soumettre un coursier aux volontés du frein.

⟨Девушка, твое сердце не отзывается нам. / Ты убегаешь нас, ты больше не смеешься, ничто не увлекает тебя. / Напрасно шелк предлагает тебе краски для работы; / Игла в твоих пальцах больше не оживляет цветов. / Тебе нравится лишь предаваться мечтам, молчаливо бродить в одиночестве; / И роза блекнет на твоих помертвевших устах. / О, мой взгляд уже давно все примечает, / От меня не утаишь любовь. / Красавицы пробуждают любовь; они любят. Красавицы / Всех нас очаровывают. Счастлив тот, кого они полюбят! / Будь нежна; даже слаба; иногда нужно быть слабым; / Будь верна, если можешь. Но скажи мне, как, / Какой юноша, голубоглазый, предупредительный, скромный, / Черноволосый, с лицом, преисполненным очарования и изящества?.. / Ты краснеешь? Можно подумать, я назвал его имя. / Я, однако же, знаю его. Вокруг твоего дома / Он бродит, а ты, оставив работу, / Бежишь, украдкой посмотреть, как он пройдет. / Он спешит уйти, но твой взгляд, привлеченный им, / Долго следует за ним и после того, как он исчезнет из виду. / Никто в соседнем лесу, куда на три блистательных праздника / По весне слетаются наши торжествующие нимфы, / Никто с такой благородной легкостью, столь искусной рукой, / Не сумеет подчинить коня прихотливой узде. — фр.⟩ (Chénier 1819. P. 85—86).

Работа Пушкина над оригиналом оценивалась и как перевод стихотворения Шенье (см.: Анн. Т. 2. С. 379; Франц. элегия. С. 630, примеч. В. Э. Вацуро), и как его переложение (см.: Гаспаров М. Л. Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 2. С. 375). В. Б. Сандомирская, осуществившая подробный сопоставительный анализ пушкинского текста с французским оригиналом (см.: Сандомирская 1978. С. 100—103) поддержала мнение Л. П. Гроссмана о том, что стихотворение — это «нечто среднее между переводом и подражанием» (Гроссман Л. П. От Пушкина до Блока. М., 1926. С. 23). Однако наиболее взвешенной представляется оценка элегии Пушкина как вольного перевода стихотворения Шенье (см., например, примеч. к элегии: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 423, примеч. Б. В. Томашевского; Госл. в 10 т. Т. 2. С. 671, примеч. Т. Г. Цявловской).

Сохранив александрийский стих, сюжет и композицию Шенье, Пушкин сократил стихотворение на четыре стиха. Он полностью опустил ст. 3, 11 и начало ст. 12, а в остальных случаях, не удаляясь от оригинала, дал более лаконичный рассказ о любви юной девушки. У Пушкина сокращено число эпитетов, которыми наделены героиня и ее возлюбленный (ср., например, ст. 10—11 Пушкина и ст. 13—14 Шенье). При передаче четырех последних стихов исключены образы, отвлекающие внимание от центральной темы: у Пушкина нет ни «соседнего леса», ни «торжествующих нимф»; вместо «трех блистательных праздников» — «праздник блистательного мая». Два первых пушкинских стиха существенно отступают от начальных стихов оригинала, однако в ст. 2 Пушкин использовал образ, восходящий к 6-му стиху Шенье (это особенно ощутимо в первоначальном варианте белого автографа: «На розовых устах улыбка замирает»). Наиболее точно передан ст. 4.

Напрягая быстроту, лаконизм и экспрессивность речи, Пушкин драматизирует стиль Шенье, но сохраняет «пластицизм и живописность» французского поэта (см.: Виноградов. Стиль П. С. 82—83). По наблюдению В. Б. Сандомирской, иначе, чем во французском стихотворении, оттенен у Пушкина внутренний облик героини: «У Шенье она молчалива и мечтательна. Она забросила привычные занятия и общество друзей, но за всем этим видно, что прежде она была живая и веселая. У Пушкина речь идет только о нынешнем ее состоянии, причем акцентировано одно преобладающее настроение — грусти, сосредоточенной в себе печали, — отзывающееся во всех образах этой характеристики» (Сандомирская 1978. С. 101).

Переключки с эклогой Шенье, послужившей источником элегии, содержатся и в стихотворении «Дионея» (1821) (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 622—623, примеч. А. И. Роговой и С. Б. Федотовой). Когда в 1825 г. Пушкин готовил издание Ст 1826, куда были включены и «Дионея», и «Ты вянешь и молчишь...», он, очевидно, заметил совпадение сюжетных ходов этих поэтических текстов и, чтобы избежать его, исключил из первой редакции «Дионею», уже известной в печати, первое четверостишие (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 45 и 229), выражающее основной мотив стихотворения «Ты вянешь и молчишь...» (см.: Сандомирская 1978. С. 99). О связи двух стихотворений см. также: Любомудров С. И. Античные мотивы в поэзии Пушкина. СПб., 1901. С. 30.

По мнению исследователей, интерес Пушкина к стихотворению Шенье был связан отчасти с биографическими обстоятельствами — общением с тригорским женским обществом, отчасти с осуществлявшейся в 1824—1825 гг. работой над четвертой главой «Евгения Онегина», где дается изображение влюбленной героини (ср. строфу XXIV: «Увы, Татьяна увядает; / Бледнеет, гаснет и молчит! / Ничто ее не занимает, / Ее души не шевелит» — Акад. Т. 6. С. 83). См.: Сандомирская 1978. С. 99—100; Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // Врем. ПК. Вып. 25. С. 112.

В конце 1824 г. в печати появилось переложение того же стихотворения Шенье, сделанное Авр. С. Норовым, «Катюша» («Катюша, милая, ты скрытна сердцем с нами...» — НЛ. 1824. Ч. 9. № 9. С. 137; ценз. разр. 23 дек.; см. также: Шенье 1995. С. 279—280, 549, примеч. Е. П. Гречаной). В 1829 г. опубликовано переложение Н. М. Языкова — элегия «Ты восхитительна! Ты пышно расцветаете!» (2-я редакция — 1833 г.), в которой заметны следы пушкинского влияния (см.: Рамазанова Г. Г. К возможному источнику элегии Н. М. Языкова «Ты восхитительна! Ты пышно расцветаете!» : (А. С. Пушкин или А. Шенье?) // Поэзия А. С. Пушкина и ее традиции в русской литературе : XIX—начало XX в. М., 1989. С. 81—86.; Франц. элегия. С. 630, примеч. В. Э. Вадуро).

Перевод стихотворения на польский язык, выполненный Игнацием Деспотом-Зеновичем (Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866), опубликован в сборнике его стихов и переводов «Imionnik» (St.-Petersbourg, 1830. S. [11—12]), выпущенном под криптонимом: «J.-G. D. Z.». Анализ перевода см.: Стефанович В. Н. Польский переводчик А. С. Пушкина // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 184—185. Прозаический перевод стихотворения на французский язык, выполненный П. де Жюльвекуром, был напечатан в кн.: La Balalauka, chants populaires Russes et autres morceaux de poésie, traduits en vers et en prose, par P. De Julvécourt. Paris, 1837. P. 157—158.

1825

ПРИЯТЕЛЯМ

(«Враги мои, покамест я ни слова...»)

(С. 37 и 247)

Автографы:

1) ПД 64 — черновой; единственная запись на восьмерке бумаги № 13 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 27); жандармская помета: «19». До записи автографа на листе была сделана и зачеркнута проба пера. Напечатано: ПиС. Вып. 4. С. 6 (№ 19) (в виде описания; публ. В. И. Срезневского); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 7 (в виде сводки; публ. П. О. Морозова).

2) Тетр. ПД 835, л. 85 — белой, с поправкой. Весь текст, записанный чернилами, перечеркнут позднее карандашом (аналогичным образом на л. 85 об. перечеркнуто «Начало I песни „Девственницы”»). Напечатано: Якушкин. № 7. С. 37 (указание на автограф); Майков. Материалы. С. 229 (вариант ст. 1; публ. В. И. Саитова); Акад. Т. 2. С. 927 (в виде вариантов; публ. Д. Д. Благого). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) ПД 1286, л. 2 — белой, с поправкой, в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Под текстом эпиграммы просьба к Вяземскому: «Напечатай где-нибудь» (Акад. Т. 13. С. 136). Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 1. Стб. 140 (публ. П. И. Бартенева).

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), в составе отдела «Эпиграммы, надписи и пр.», утрачен. Описание: *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь — наст. изд., т. 2, кн. 1. С. 349, с указанием, что текст автографа «не имеет отличий от печатного», т. е. совпадает с текстом Ст 1829 (см. ниже).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: МТ. 1825. Ч. 1, № 3. С. 215 (МТ), под заглавием: «Журнальным приятелям» (заглавие было изменено П. А. Вяземским), с подписью: «А. П.». Вошло в Ст 1826. С. 99 (первое стихотворение отдела «Эпиграммы и надписи»), под заглавием: «Приятелям», с изменением ст. 5 и в Ст 1829. Ч. 2. С. 151 (отдел стихотворений «разных годов»), с возвращением ст. 5 к варианту МТ.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно временем около (не позднее) 25 января 1825 г., когда текст эпиграммы был послан в письме к Вяземскому. Вероятно, незадолго до этого возник черновой автограф ПД 64, записанный на той же бумаге, из которой в начале 1825 г. была сшита Пушкиным так называемая Капнистовская тетрадь (см.: *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 331—332; Рукоп. П. 1937. С. 298). Беловой автограф эпиграммы в тетр. ПД 835 предположительно датируется временем около 25 января 1825 г. (о датировке беловых автографов на л. 84 об.—85 об. тетр. ПД 835 см. примеч. к стихотворению «Ты вьнешь и молчишь, печаль тебя снедает...» (1824) — наст. т., с. 636). В Акад. (Т. 2. С. 1157, примеч. Д. Д. Благого) в качестве верхней границы датировки ошибочно указано 4 января 1825 г. (дата «4 генв⟨аря⟩» стоит на л. 79 об. тетр. ПД 835 рядом со строфами I—II пятой главы «Евгения Онегина», но эту дату следует относить не

к 1825, а к 1826 г., поскольку на л. 77 об. имеется помета: «2 генв(аря) 1826»; ошибка Благого отмечена Т. Г. Цявловской (см.: Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 181)).

Об искажении авторского заглавия Пушкин сообщал читателям через «Северную пчелу» (1825. № 52. 30 апр.): «А. С. Пушкин просил издателей „Северной Пчелы“ известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 „Моск(овского) Телеграфа“ на стр. 215, под заглавием: „К журнальным приятелям“, должно читать просто: „К приятелям“». В «Объявлении господам издателям Северной пчелы», напечатанном Н. А. Полевым в ответ на «извещение» Пушкина, говорилось: «На замечание, что в названии эпиграммы, напечатанной в „Телеграфе“, прилагательное: „Журнальным“ лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Изд(атель) „Моск(овского) Тел(еграфа)“» (МТ. 1825. Ч. 3. Прибавл. к № 9. С. 153). Список был получен Полевым от Вяземского, который 7 июня 1825 г. писал Пушкину: «Охота тебе было печатать une réclamation (жалобу — фр.) на Телеграфа (т. е. на Н. А. Полевого. — Ред.) у подлеца Булгарина! Телеграф очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить „журнальным“, потому что у тебя приятелей много, и могли бы попасть невпопад» (Акад. Т. 13. С. 181). В начале июля 1825 г. Пушкин ответил Вяземскому: «Я послал в „Пчелу“, а не в „Тел(еграф)“ мою *опечатку*, потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, [я] ты не напрасно прибавил *журнальным*, а я недаром отозвался, et le diable n'y perd rien (и всё один черт — фр.)» (Акад. Т. 13. С. 186).

Адресат и повод к написанию эпиграммы неизвестны; существующие гипотезы твердых фактических оснований не имеют.

Б. В. Томашевский полагал, что поводом к сочинению эпиграммы могло стать «недовольство Пушкина, причиненное какими-то поступками его друзей (<...> возможно, в связи с распространением какой-то клеветы, которую Пушкин приписывал <Ф. И.> Толстому» (Пушкин А. С. Соч. 2-е изд., испр. и доп. / Ред., биогр. очерк, примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1937. С. 916). Печатная поправка Пушкина, касавшаяся заглавия, данного Вяземским, интерпретировалась Томашевским как свидетельство того, что Пушкин был сильно задет именно «приятельской» клеветой, а не журнальными нападками (см.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 803). В качестве косвенного подтверждения своей интерпретации исследователь приводил написанные в начале 1825 г. XVIII—XIX строфы четвертой главы «Евгения Онегина» («Враги его, друзья его, / (Что, может быть, одно и то же)...» — Акад. Т. 6. С. 80), обнаруживающие переключки с эпиграммой «Приятелям» и очевидно намекающие на клевету Толстого-Американца (о нем и его конфликте с Пушкиным см. примеч. Е. О. Ларионовой к «Эпиграмме» («В жизни мрачной и презренной...») (1821) и стихотворению «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 602—605, 607—608). Высказанное Томашевским предположение, что помещенное «в той же 1-й части „Московского телеграфа“ 1825 года» стихотворение Вяземского «К приятелю» «имело в виду Пушкина и его эпиграмму» (Пушкин 1955. Т. 3. С. 803), не подтверждается хронологически: № 1 «Московского телеграфа», где было напечатано стихотворение Вяземского, вышел в свет 8 января 1825 г. (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 7), между тем как письмо к нему Пушкина с текстом эпиграммы было отправлено лишь 25 января.

Гипотезу Томашевского об адресации эпиграммы попыталась оспорить Т. Г. Цявловская, полагавшая, что «Приятелям» — эпиграмма политическая, подразумевающая Александра I и его «приспешников», в том числе А. Н. Голицына, намек на отставку которого исследовательница увидела в черновых строках «Один из вас убрался на покой» (Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 180—184). В качестве аргументов Цявловская приводила вероятные политические обертоны именованья «приятель» («приятелем (...) Пушкин назвал Александра I в письме к Рылееву (...) употребление слова „приятель“, „друг“ в значении „политический враг“ применялось не одним Пушкиным» — Там же. С. 182), а также датировку, которую она лишь на основании цвета чернил в беловом автографе в тетради ПД 835 отнесла к сентябрю 1824 г. (Там же. С. 181), что представляется безосновательным. Не менее спорно и соотнесение эпиграммы с отставкой Голицына, на что указала С. В. Березкина (*Березкина С. В.* «...И сторожит Индеек и Гусей»: (Об адресате эпиграммы Пушкина «Приятелям») // РЛ. 1996. № 3. С. 236—237).

В той же статье Березкиной была предложена иная гипотеза об адресации текста, направленного, по ее мнению, против М. Ф. Орлова и его кишиневского окружения (Там же. С. 242—249). Основание для такого предположения исследовательница увидела в арзамасском контексте письма Пушкина к Вяземскому от 25 января 1825 г., где Пушкин прямо именуется себя арзамасцем («Так Арзамасец говорит ныне о деду Шишкове» — Акад. Т. 13. С. 136), а свою эпиграмму называет «стишками» в духе «Василья Львовича» (возможно, имелось в виду стихотворение В. Л. Пушкина «К арзамасцам» («Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас...») (1816), в котором он отвечал друзьям на обидевшие его насмешки: «Здесь острое слово приятни всей дорожке, / И дружество почти на ненависть похоже» (*Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб., 2005. С. 54). Арзамасцем, с которым Пушкин общался после отъезда из Петербурга и с которым у него не сложились отношения, был, по мнению Березкиной, М. Ф. Орлов, а свидетельством о давнем конфликте она сочла позднейшие слова Пушкина в письме к жене от 11 мая 1836 г.: «Орлов умный человек (...), но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (Акад. Т. 16. С. 114). Согласно гипотезе Березкиной, Пушкина должно было задевать «насмешливо-ироническое отношение» со стороны Орлова и близкого ему декабристского круга 2-й армии, которое Пушкин мог предполагать источником неблагоприятной для себя репутации «ненадежного», «несерьезного» человека, не достойного войти в тайное общество, — репутации, «которую сам поэт расценивал как клеветническую» (*Березкина С. В.* «...И сторожит Индеек и Гусей». С. 242—246; Там же, с. 238—239, см. историю публикации автографа ПД 1286). Однако никаких прямых свидетельств того, что Пушкин связывал с Орловым какие-либо клеветнические слухи о себе, не имеется, маловероятным представляется и решение Пушкина непременно напечатать эпиграмму (в особенности через посредство Вяземского, связанного с Орловым давней дружбой), если бы в ней речь шла о столь близком адресате. В более поздней статье Березкина поддержала версию Томашевского (см.: *Березкина С. В.* Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // РЛ. 2001. № 3. С. 92—95).

Один из черновых вариантов ст. 1—2 («Враги мои! довольн(ы) ли вы мной / Один из вас убрался на покой») обнаруживает фразеологическую близость к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (см. наст. т., с. 144), где ушедший с должности цензора И. О. Тимковский назван «покойным»: «Ну пра-

во, их умней покойный был Тимковский!». Гипотезу об адресации комментируемой эпиграммы цензорам см.: *Бодрова А. С.* Из комментариев к михайловским стихам Пушкина // *Врем. ПК. Вып. 32. С. 209—213.*

Публикация стихотворения в «Московском телеграфе» стала поводом к полемике между «Благонамеренным» и журналом Полевого, на стороне которого в ней принял участие Пушкин. Эпиграмма «Журнальным приятелям» была язвительно высмеяна Н. Ф. Остолоповым в 3-й части его статьи «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы», где вообще весьма критически были разобраны материалы 3-го номера «Московского телеграфа»: «Из самого начала сего ужасного осмистишия открывается, что для сочинителя *приятель* и *враг* суть синонимы: он пишет послание к приятелям и называет их: *враги мои!* (<...> Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти*: (<...>). Сколько вкуса и чувствительности! — Пришлось похвалить! Долго ли до истории?» (Благ. 1825. Ч. 30. № 19. С. 173; вышел в свет 28 мая 1825 г. — см.: *Летопись 1991. С. 537* (авторство статьи ошибочно приписано А. Е. Измайлову)). Ср. также другое замечание в адрес Пушкина в 1-й части «Дела от безделья...»: «...справедливо ли восклицание: „кто не подражает у нас Пушкину?“ — Решительно можно сказать: никто из хороших наших писателей не подражает Пушкину, а подражают ему только стихотворцы-ученички, недавно выпущенные из школы...» (Благ. 1825. Ч. 29. № 7. С. 248).

В ответ на критический выпад в 3-й части «Дела от безделья...» Пушкин 22 июня 1825 г. отослал в «Московский телеграф» эпиграмму «*Ex ungue leonem*», адресованную издателю «Благонамеренного» А. Е. Измайлову, которого поэт считал автором статьи «Дело от безделья...», появившейся в журнале без подписи (см. примеч. к стихотворению «*Ex ungue leonem*» — наст. т., с. 710—712). В свою очередь Н. А. Полевой также отвечал на разбор «Благонамеренного» в одном из ближайших к публикации «*Ex ungue leonem*» (МТ. 1825. Ч. 4. № 13. С. 43) номеров «Московского телеграфа»: «Но прошу угодить рецензенту „Благонамеренного“: он разобрал стихи Пушкина, назвал „бестолковою“ эпиграмму кн. Вяземского; но как бы вы думали, что он хвалит? (<...> В „Украинском вестнике“ стишки, „Признание“: „Тебя / Любя, / Я рад / И в ад...“ (<...> Надеюсь, что читатели уволят меня от труда отвечать ему» (МТ. 1825. Ч. 4. Особ. прибавл. к № 15. С. 14; Полевой цитирует стихотворение Дм. Дунина-Борковского, напечатанное в «Украинском журнале» (1825. № 2. С. 87—88). О ходе полемики см.: *Проскурин 2000. С. 269—288*).

Ст. 4 — 8. *Не избежит пронзительных когтей ~ Так в облаках кружится ястреб жадный И сторожит индеек и гусей.* — Ср. сходный образ во 2-й Песни «Руслана и Людмилы»:

Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
<.....>
Уносит бедную злодей.

(Акад. Т. 4. С. 27)

⟨НА Ф. Н. ГЛИНКУ⟩
 («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...»)
 (С. 38)

Автограф (ПД 1286, л. 2 об.) — беловой, в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 1. Стб. 141 (публ. П. И. Бартенева по сообщению П. А. Вяземского, с заменой буквы «Фита» в ст. 1, 3 и 4 на «Глаголь»); Переписка П. Т. 1. С. 170 (без замен; публ. В. И. Саитова).

Впервые: РА. 1874. Кн. 1. № 1. Стб. 141 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по автографу с раскрытием названий букв дореформенного русского алфавита в ст. 3 и 4, которые в автографе имели следующее написание:

Поэт **Ф**, не становись **Ферт**ом!
 Дьячок **Ф**, ты **Г** в поэтах!

Датируется около (не позднее) 25 января 1825 г. по дате письма к Вяземскому.

Адресат эпиграммы — Федор Николаевич Глинка (1786—1880), петербургский знакомый Пушкина, член Союза спасения и Союза благоденствия, поэт, прозаик, публицист (подробнее о нем см. примеч. И. С. Чистовой и С. Б. Федотовой к стихотворениям «К Н. Я. П(люсковой)» (1819) и «Ф. Н. Г(линк)е» (1822) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 558—559; т. 2, кн. 2, с. 694—696); адресат указан: Ефр. 1880. Т. 2. С. 10. Сообщая эпиграмму П. А. Вяземскому в письме от 25 января 1825 г., Пушкин сопроводил ее припиской: «Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны» (Акад. Т. 13. С. 137).

В том же письме Пушкин делился впечатлениями от некоторых публикаций в «Северных цветах» на 1825 г.» (речь шла о статье П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» и стихотворениях самого Вяземского). Не исключено, что непосредственным поводом к написанию эпиграммы послужили два стихотворения Глинки, напечатанные в этом альманахе: «Псалом. (Подражание)» и «Желание Бога (Из пс. 41)» (СЦ 1825. С. 273—274, 299—301). См.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 801—802, примеч. Б. В. Томашевского.

Прозвище «Фита», обязанное своим происхождением буквенному чтению первого инициала Глинки, уже фигурировало в письме Пушкина к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 99); позднее Пушкин использовал его в письме к Вяземскому от начала июля 1825 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 186). Ирония, нередко окрашивающая высказывания Пушкина о Глинке, была вызвана неприятием характерной для последнего религиозной экзальтации и отношением к его поэтической манере в целом (об этом см. также в примеч. к «Подражаниям Корану» (1824) и стихотворению «Пророк» (1826) — наст. т., с. 587—588, 870, 889—890). В «Послании В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...») (1817) Пушкин упомянул «Глинку-офицера, / Довольно плоского певца» (наст. изд., т. 1, с. 274). После петербургского наводнения 1824 г. Пушкин ожидал «водяного пс(алма) Фиты» (см. черновик письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 404).

Поэзия Глинки становилась предметом иронических высказываний и для других поэтов пушкинского круга. На книгу «Опыты священной поэзии» (СПб., 1826; ценз. разр. 12 октября 1825 г.), в которой Глинка объединил свои переложения псалмов, Вяземский написал эпиграмму: «Друзья, не станем слишком строго / Творенья Глинковы судить. / Стихи он пишет ради Бога, / Его безбожно не хвалить!» (Рус. эпиграмма. С. 284); ср. также сатирический куплет «Федор Глинка — молодец...», по-видимому сочиненный А. А. Дельвигом и Е. А. Баратынским (Там же. С. 735—736). При этом Глинка пользовался всеобщим уважением как человек безупречной репутации и редкого великодушия (ср. пушкинское послание 1822 г. «Ф. Н. Г<линк>е» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 70) и характеристику его как «почтеннейшего человека здешнего мира» в письме к Л. С. Пушкину от 1—10 января 1823 г. (Акад. Т. 13. С. 55)). Впоследствии Пушкиным была дана высокая оценка поэтического таланта Глинки в рецензии на его поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», вышедшую в свет в январе 1830 г. (ЛГ. 1830. Т. 1. № 10. 15 февр.). Возможно, положительный отзыв был отчасти продиктован желанием поддержать ссыльного поэта. Показательно, что Пушкин «даже не упоминает о духовных рассуждениях IV части „Карелии“ <...> тогда как и для других рецензентов, и для самого Глинки они были одним из важнейших элементов поэмы» (Пушкинская энциклопедия. Вып. 2. С. 464 (статья Е. О. Ларионовой)).

Ст. 1. *Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...* — Фита (Θ) — предпоследняя буква алфавита, которой начиналось имя Федор. В авторском примечании к «Мертвым душам» Гоголь писал, что фита «почитаема некоторыми неприличною буквою» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : В 23 т. М., 2012. Т. 7, кн. 1. С. 74; в том же примечании Гоголь утверждал, что «Фетюк — слово, обидное для мужчины, происходит от Θ», однако это объяснение признано некорректным с точки зрения современной этимологии (см.: Добродомов И. Г. Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова : (Дополнение к комментарию) // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 263—265)). Кутейкин — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782), недоучившийся семинарист, «дьячок от Покрова», учитель Митрофанушки. Определение «Кутейкин в эполетах» — оксюморон, построенный на совмещении духовного и военного звания. Воинские заслуги Глинки, боевого офицера, участника антинаполеоновских походов, были несомненны в глазах современников. Эта сторона репутации Глинки подкреплялась принесшими ему литературную известность записками о военных кампаниях 1805—1806 и 1812—1815 гг. («Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии, с подробным описанием похода россиян противу французоз в 1805 и 1806 гг.» (М., 1808. Ч. 1—2); «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французоз в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год...» (М., 1815—1816. Ч. 1—8)). К 1825 г. военная карьера Глинки сложилась весьма драматично. С 1816 г. капитан, с 1818 г. полковник лейб-гвардии Измайловского полка с назначением состоять при Гвардейском штабе, в 1822 г. он лишился службы в гвардии и места чиновника по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче (которое занимал с 1819 г.). Причиной стал донос М. К. Грибовского, указавшего на связи Глинки с Союзом благоденствия. Ко времени написания эпиграммы Глинка числился «полковником, состоящим в армии». События 1822 г. тяжело повлияли на психику Глинки и усилили его религиозные на-

строения, выразившиеся в его поэтическом творчестве. См.: Рус. писатели: 1800—1917. Т. 1. С. 578—579 (статья А. А. Ильина-Томица).

Ст. 3. *Поэт Фита, не становись Фертом!* — Ферт (Ф) — название буквы дореформенного алфавита, произносившейся, так же как фита. «Стать фертом», т. е. подбоченясь, означает: заважничать. Об истории выражения «ферт, фертик» см.: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 1036—1037.

Ст. 4. *Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!* — Дьячок — низшая церковная должность; в обязанности дьячка входит, в частности, чтение псалмов во время богослужения. Ижица (Г) — последняя буква дореформенного алфавита. Таким образом, и в литературной иерархии Глинке отводится последнее место; вероятно, ироническому обозначению Глинки как последнего в ряду русских поэтов способствовал и его чрезвычайно малый рост.

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННОИЦЫ»

(«Я не рожден святыню славословить...»)

(С. 39 и 248)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 85 об. — белой, с поправками, под заглавием: «Начало I песни Девственницы», исправленным из: «I песнь Девственницы». Ст. 2—3 отчеркнуты слева на полях карандашом (возможно, отчеркивание относится только к ст. 3). Весь текст перечеркнут карандашом (аналогичным образом на л. 85 перечеркнута эпиграмма «Прятелям»). Напечатано: Якушкин. № 7. С. 37. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 37.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 1825 г., предположительно 20-ми числами января по положению в рабочей тетради Пушкина (о времени заполнения л. 84 об.—85 об. тетради ПД 835 см. примеч. к стихотворению «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает...» (1824) — наст. т., с. 636).

В ряде изданий (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 524; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 410) стихотворение включено в отдел «Незавершенное: Отрывки, наброски». Сомнение в правильности этого решения высказал Н. В. Измайлов, который полагал, что «Начало I песни „Девственницы“» относится к разряду «по существу законченных стихотворений» Пушкина (*Измайлов Н. В.* О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // ПИМ. Т. 9. С. 11). Этот вывод представляется правильным, поскольку объем перевода четко обозначен исправленным Пушкиным заглавием. О законченном характере произведения см. также: *Непомятый В. С.* Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить...») // Лирика А. С. Пушкина : Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 107—113.

Произведение представляет собой перевод начала героикокомической поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans»). Поэма пародировала первые 12 песен эпопеи Ж. Шаплена (Chaplain; 1595—1674) «Девственница,

или Освобожденная Франция» («La Pucelle, ou La France délivrée», 1656 (песни 1—12; песни 13—24 опубл. 1882)), посвященной событиям Столетней войны; в центре эпопеи — образ Жанны д'Арк. Растянутая и полная тяжеловесных нравов учений поэма Шаплена, прославлявшая национальную героиню-девственницу, была осмеяна сначала в сатирах Буало (отголосок полемики Буало с Шапленом, известной Пушкину из «Лицея» Ж.-Ф. Лагарпа, прозвучал в стихотворении Пушкина «К Жуковскому», 1816, см. примеч. к этому стихотворению — наст. изд., т. 1, с. 698), а затем Вольтером, в поэме которого культ девственницы стал предметом пародии. По уверению Вольтера, поэма не предназначалась для печати (во всяком случае так говорилось в одном из его писем), однако она очень быстро начала распространяться в списках; предполагают, что Вольтер сам раздавал их друзьям и знакомым. Первое анонимное издание «Орлеанской девственницы» со вставками, по всей видимости не принадлежавшими перу Вольтера, вышло в 1755 г., первое авторизованное издание — в 1762 г. В 1757 г. поэма была осуждена папой римским и внесена в список запрещенных книг. В конце концов Вольтер был вынужден публично отречься от нее. Тем не менее произведение имело колоссальный успех, принесло автору европейскую славу.

В России «Орлеанская девственница» вызвала читательский интерес. В XVIII и XIX вв. с ней знакомились в оригинале или в рукописных переводах, из которых наибольшей популярностью пользовались анонимный прозаический перевод, сделанный в последней четверти XVIII в., а позднее стихотворный перевод Д. В. Ефимьева (1768—1804), который был завершён спустя многие годы после смерти Ефимьева И. В. Стремоуховым (см.: Заборов. С. 57—58, 149—150). Отрывки из «Орлеанской девственницы» переводили И. И. Хемницер, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Ф. И. Карцев, Ф. Г. Карин (см.: Вацуро В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 504—505; Заборов П. Р. «Орлеанская девственница» в русских рукописных переводах // Заборов П. Р. Россия и Франция: Литературные и культурные связи: Статьи и заметки. СПб., 2011. С. 68—72; Заборов. С. 58).

Большой поклонник Вольтера, Пушкин особо ценил «Орлеанскую девственницу». Об ориентации на нее Пушкина в ранних опытах поэм («Монах», 1813; «Бова», 1814) см.: Вацуро В. Э. Лицейское творчество Пушкина (наст. изд., т. 1, с. 424; см. также примеч. к этим произведениям — там же, с. 573, 603). Увлечение «Орлеанской девственницей» отразилось в поэмах Пушкина «Руслан и Людмила» (1818—1820) и «Гавриилиада» (1821), причем судьба последней оказалась в некотором роде схожей с судьбой поэмы Вольтера, поскольку Пушкин от нее оторвался. «„Деву“ и сказки Вольтера (равно как и сказки Лафонтена) Пушкин выделял из огромной поэтической продукции французских XVII и XVIII вв., в них (и только в них) он видел „памятники чистой романтической поэзии“, которую противопоставлял поэзии „лжеклассической“ во всех ее разнообразных формах» (Заборов. С. 180—181; в цитате использовано высказывание Пушкина о Вольтере из статьи «〈О поэзии классической и романтической〉», 1825 — см.: Акад. Т. 11. С. 38). В годы михайловской ссылки Пушкин отзывался об «Орлеанской девственнице» как лучшей поэме Вольтера (см., например, письмо к А. А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 179). В письме к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г., защищая от нападок Бестужева область «легкого и веселого» в поэзии, Пушкин упоминает «Девственницу» в ряду первых «сатир и комедий» мировой литературы (Акад. Т. 13. С. 134).

В целом, однако, авторитет Вольтера уже не был для Пушкина в это время столь безусловным, как в ранние годы. К 1825 г. относится его скептический отзыв о вольтеровской драматургии, связанный с переоценкой эстетики классицистического театра, прямым наследником которого являлся Вольтер (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 127—129; Заборов. С. 181). Тем не менее интерес поэта к Вольтеру явно не остывал. Показательно, что в стихах Н. М. Языкова, посвященных воспоминанию о встречах с Пушкиным в Тригорском и Михайловском летом 1826 г., его имя неоднократно ассоциируется с Вольтером: «А вольномыслящий поэт, / Наследник мудрости Вольтера!» («К П. А. Осиповой» («Аминь, аминь! Глаголю вам...»)) (1826) — Языков 1964. С. 214); «...один — Вольтер, и Гете, и Расин — / Являлся Пушкин знаменитый» («К П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...»)) (1827) — Там же. С. 238); см. также: Семевский. С. 109, 320. На михайловский период приходятся новые — после опытов лицейской и послелицейской поры — обращения Пушкина к переводам из Вольтера: кроме «Начала I песни „Девственницы“» это набросок «(Из Вольтера)» («Короче дни, а ночи доле...») — оставшийся незавершенным перевод стихотворной сказки «Что нравится женщинам» («Ce qui plaît aux dames», 1763) (см. наст. т., с. 130).

В 1830-е гг. отношение Пушкина к поэме начинает меняться. В 1834 г. в статье «(О ничтожестве литературы русской)» он пишет о Вольтере: «...весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву Демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих Заветов обругана» (Акад. Т. 11. С. 272); критически оценивая «Орлеанскую девственницу», Пушкин подчеркивает ее поэтическую ценность, замечая, что другие стихотворные произведения Вольтера отличались от прозаических лишь «рифмою» и «метром» (Там же). Та же высокая оценка поэтических достоинств поэмы и осуждение нравственной стороны ее содержания звучат как высказывание английского журналиста в написанном незадолго до смерти пастише «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»: «Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и, как пьяный дикарь, пляшет около своего потешного огня. Он, как римский палач, присовокупляет поругание к смертным мучениям девы» (Акад. Т. 12. С. 155).

Двадцать пять стихов пушкинского перевода соответствуют двадцати шести стихам первой песни «Орлеанской девственницы»:

Je ne suis né pour célébrer les saints:
 Ma voix est faible, et même un peu profane.
 Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne
 Qui fit, dit-on, des prodiges divins.
 Elle affermit de ses pucelles mains,
 Des fleurs de lis la tige gallicane,
 Sauva son roi de la rage anglicane,
 Et le fit oindre au maître-autel de Reims.
 Jeanne montra sous féminin visage,
 Sous le corset et sous le cotillon,

D'un vrai Roland le vigoureux courage.
 J'aimerais mieux, le soir, pour mon usage,
 Une beauté douce comme un mouton;
 Mais Jeanne d'Arc eut un coeur de lion:
 Vous le verrez, si lisez cet ouvrage.
 Vous tremblerez de ses exploits nouveaux;
 Et le plus grand de ses rares travaux
 Fut de garder un an son pucelage.

O Chapelain, toi dont le violon
 De discordante et gothique mémoire,
 Sous un archet maudit par Apollon,
 D'un ton si dur a raclé son histoire;
 Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
 Tu voudrais bien me prêter ton génie:
 Je n'en veux point; c'est pour La Motte-Houdart,
 Quand l'Iliade est par lui travestie.

⟨Я не рожден прославлять святых: / Мой голос слаб и, пожалуй, даже нечестив. / Однако ж должно воспеть эту Жанну, / Которая, говорят, совершила божественные чудеса. / Она укрепила своими девственными руками / Галликанский стебель лилий, / Спасла своего короля от англиканской ярости / И привела его к помазанию у главного алтаря в Реймсе. / Жанна проявила под женственным обликом, / Под корсетом и юбкой / Яростную смелость истинного Роланда. / Мне бы была милее по вечерам подле меня / Красавица, кроткая, как овечка; / Но у Жанны д'Арк было сердце льва: / Вы убедитесь в том, если прочтете это сочинение. / Вас бросят в дрожь ее новые подвиги; / И самым великим из ее исключительных деяний / Стало то, что она целый год хранила девственность. / О, Шаплен, ты, чья скрипка, / Нестройная и обветшалая, / Под смычком, проклятым Аполлоном, / Хрипло пропиликала ее историю, / Старик Шаплен, ради славы твоего искусства / Ты хотел бы поделиться со мной своим дарованием: / Я в этом совершенно не нуждаюсь; это — для Ла Мот-Удара, / Перелицевавшего «Илиаду» — фр.⟩ (Voltaire. *La Pucelle d'Orléans* // Voltaire. *Œuvres complètes*. Paris, 1817. Т. 8. Р. 13—14; Библиотека П. № 1491).

Ст. 1—17 пушкинского текста представляют собой довольно близкий перевод первых восемнадцати строк оригинала (пропущена восьмая строка; порядок рифм не сохранен), ст. 18—25 — вольный перевод следующих восьми, в которых Вольтер заявляет о своих литературных антипатиях, противопоставляя себя двум авторам: Шаплену (см. о нем выше) и французскому поэту А. Удару де Ла Моту (Houdart de La Motte (Lamotte); 1672—1731), создавшему вариант «Илиады», приспособленный к светским вкусам XVIII в. Пушкин исключает эти имена, и инвективы, содержащиеся во второй строфе, оказываются адресованными не двум конкретным авторам, а безымянному «седому певцу». П. О. Морозов сопроводил публикацию стихотворения примечанием, в котором заявил, что последние восемь стихов представляют собой «обращение к самому Вольтеру» (Мор. 1887. Т. 1. С. 371). П. А. Ефремов в примечании к своему изданию отметил ошибочность мнения Морозова, указав, что «брань», здесь «заключающаяся, принадлежит Вольтеру и обращена на плохого поэта Шапелена» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 229). В позднейших комментариях неизменно пояснялось, что «седой певец» — Ж. Шаплен (см., например: Венг. Т. 3. С. 576, примеч. П. О. Морозова; Acad. в 9 т. Т. 2. С. 510, примеч.

под ред. Ю. Г. Оксмана, М. А. Цявловского; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 433, примеч. Б. В. Томашевского). Версия об адресации Вольтеру восьми последних стихов в недавнее время вновь возродилась: «...последние строки обращены ни к кому иному, как к автору оригинала: ставя Вольтера на место тех, кого он поносил, переводчик заявляет ему, что дальше переводить его поэму отказывается. (...) Более того: можно думать, что перед нами первый или один из первых шагов Пушкина — и притом весьма решительный — к новым отношениям с Вольтером, прежде всего — как автором „Pucelle” (и в этом смысле «крестным» автора «Гавриилиады»)» (*Непомнящий В. С.* Начало I песни «Девственницы». С. 111, 112). Исследователь сам отмечает, что такие характеристики, как «нестройный ум и бестолковый вкус», не согласуются с представлениями Пушкина о Вольтере, но объясняет их появление, с одной стороны, резкостью, возникающей при «разрыве отношений», с другой стороны, игровым, замаскированным характером обращения (Там же. С. 112—113). Такое объяснение не представляется убедительным.

В 1813 г. Пушкин перефразировал начальные строки второй строфы вольтеровской «Девственницы» в поэме «Монах», переадресовав их поэту и переводчику, автору порнографических стихов И. С. Баркову (1732—1768):

А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?²
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему». —
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму...

(Наст. изд., т. 1, с. 14)

Говоря о творчестве Шаплена, Вольтер пишет о его смычке, проклятом Аполлоном («un archet maudit par Apollon»), — в 1825 г. Пушкин заменяет этот образ характеристикой напевов, которые «бесили нежных муз», отказавшись от вольтеровской формулы, использованной в «Монахе».

В пушкинский перевод введены славянизмы («глас», «не взыдет», «услышанье», «агнец» и др.). По мнению Г. Д. Владимирского, это сделано ради «архаизации подлинника», примененной «как прием подчеркивания расстояния во времени, отделяющего описываемые события от современности» (*Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 329). Возможно, однако, что Пушкин преследовал иную цель. Наличие архаизмов во французском языке минимально. Высокий в лексическом плане стиль достигается в нем главным образом за счет исключения низкой лексики, что и наблюдается в начале I песни «Девственницы». Торжественное звучание стиха Вольтера перебивается употреблением не столько низких, сколько обиденных, бытовых слов — «corset» (корсет), «cotillon» (юбка), «gâler» (пиликать на скрипке). Пушкин, стремясь сохранить стилистику оригинала, вводит отдельные «прозаически» окрашенные слова («юбка», «хриплые напевы», «стихотворец хилый»), контрастно звучащие на фоне архаизмов.

Ст. 5. Она спасла французские лилеи. — Цветок лилии — геральдический знак, эмблема королевской власти во Франции.

Ст. 8 — 9. *Могучею блистая красотой, Она была под юбкою герой.* — Ср. в пятой песни поэмы «Руслан и Людмила» (1817—1820): «А та — под юбкою гусар, / Лишь дайте ей усы да шпоры!» (Акад. Т. 4. С. 60). В. В. Виноградов отмечает, что «с точки зрения карамзинского канона» просторечное выражение «под юбкою герой» («под юбкою гусар») «бесцеремонно» и «неприлично» (Виноградов. Язык П. С. 413). Ср. также в третьей песни «Орлеанской девственницы» Вольтера:

Ciel! que je hais ces créatures fières,
Soldats en jupe, hommages chevalières,
Du sexe mâle affectant la valeur,
Sans posséder les agréments du nôtre,
A tous les deux prétendant faire honneur,
Et qui ne sont ni de l'un ni de l'autre!

⟨Небо! Как мне ненавистны эти гордые создания, / Солдаты в юбках, мужеподобные всадницы, / Подражающие доблестям мужского пола, / Но лишённые его привлекательности, / Они хотят оказать честь и мужчинам, и женщинам, / А сами — ни то, ни другое — фр.⟩ (Voltaire. La Pucelle d'Orléans. P. 52—53) (см.: Шеффер П. Н. Из заметок о Пушкине: «Руслан и Людмила» // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 506—507; Проскурин 2007. С. 128, 2-я pag.).

«ХОТЯ СТИШКИ НА ИМЕНИНЫ...»

(С. 40)

Автограф неизвестен.

Копия Анны Н. Вульф (ПД, ф. 244, оп. 3, № 12) — на одном листе с записанной ее же рукой копией стихотворения «За Netty сердцем я летаю»; наличие жандармской пометы: «20» свидетельствует о том, что на момент смерти Пушкина копия находилась в его бумагах. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 89, под редакторским заглавием: «К именинице».

Впервые: Анн. Т. 7. С. 89 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по копии А. Н. Вульф.

Датируется первыми числами февраля (1—3) 1825 г. на основании сообщения П. А. Ефремова и по реалиям (см. ниже).

Указание на адресацию стихотворения А. Н. Вульф и на год его создания содержится в примечании П. А. Ефремова к письму Пушкина к ней от 21 июля 1825 г. (Ефр. 1882. Т. 7. С. 247). Сообщая здесь текст стихотворения «Увы, напрасно деве гордой...», полученный от А. П. Керн (в Ефр. 1903—05 сказано, что текст получен от ее второго мужа, А. В. Маркова-Виноградского, подробнее см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 919—920), Ефремов добавляет: «К Анне же Николаевне, говорят, написано стихотворение 1825 г.» (следует текст «Хотя стишки на именины...» под заглавием «К именинице»). По-видимому, эти сведения были получены Ефремовым либо от самой А. П. Керн, либо от А. В. Маркова-Виноградского.

Именины А. Н. Вульф праздновались 3 февраля. Известно подношение поэта в день ее именин 3 февраля 1826 г. — это книга «Стихотворения Александра Пушкина»

на» (1826) с датой и надписью: «Дорогой именинице Анне Николаевне Вульф от нижайшего ее доброжелателя А. Пушкина» (Рукою П. 1997. С. 582—583).

В Анн. и изданиях Г. Н. Геннади стихотворение датировалось 1824—1826 гг., начиная с Ефр. 1880 (где в примеч. сказано: «Вероятно, написано на именины Анны Николаевны Вульф» — Т. 2. С. 406) — 1825 г., в некоторых изданиях 1930-х гг. — 1825—1826 гг. (в 1824 г. именины Анны Вульф праздновались в отсутствие Пушкина), с включением в отдел 1826 г. (см.: Асад. в 6 т., ГИХЛ 1936, ГИХЛ 1938). В Акад. (Т. 2. С. 1174, примеч. Т. Г. Зенгер (Цявловской)) стихотворение отнесено к 1825 г., что затем было принято всеми последующими изданиями.

С Анной Николаевной Вульф (1799—1857), старшей дочерью П. А. Осиповой от первого брака, Пушкин познакомился в 1817 г., когда впервые приехал в Михайловское. Ухаживания за ней поэта начались сразу же после его приезда в 1824 г. в ссылку. В первой половине ноября 1824 г. он сообщал брату: «...с Анеткою бранюсь; надоела!» (Акад. Т. 13. С. 120). На протяжении 1824—1826 гг. отношение Пушкина к Анне Вульф менялось, но почти всегда сохраняло оттенок иронии, отразившейся в связанных с ее именем стихотворениях. П. В. Анненков, который в период подготовки своего издания 1855—1857 гг. узнал от Вульфа многие подробности жизни Пушкина в Михайловском, писал, что на долю Анны Вульф «пришлись суровые уроки, часто злое, отгаликивающее слово, которые только изредка выкупались счастливыми минутами и доверия и признательности» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 279—281). Анна Вульф пережила сильное увлечение Пушкиным, что, впрочем, не мешало ей интересоваться другими молодыми людьми и связываться с ними свои матримониальные планы. Поведение сестры смущало Алексея Вульфа, сомневавшегося в возможности для нее хорошей партии. 8 декабря 1829 г. он записал в дневнике: «Сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа» (Вульф. Дневник 1999. С. 111). К 1826 г. относится переписка Анны Вульф с Пушкиным, которую она, находясь в Малинниках, завела тайком от матери. А. В. Марков-Виноградский писал об Анне Николаевне со слов жены: «Это была добрая толстушка, суетливая <...> всем довольная и на все согласная. Она обожала Пушкина... Но ему нравилась более ее сестра Евпраксия Николаевна... Милая, добрая Евпраксия была душою общества, но держала себя относительно П(ушки)на так строго, что он не осмеливался *вольничать* с нею, как с сестрами Анною и Александрою» (ПД, № 14342 (17), л. 52—52 об.; *Михайлова А. К., Хитрово Л. К. А. П. и А. В. Марковы-Виноградские и их окружение* : По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 23; см. также: Неизвестные воспоминания А. П. Керн : (Запись П. В. Анненкова) / Публ. С. В. Березкиной // РЛ. 2013. № 2. С. 114). В так называемом «Дон-Жуанском списке» поэта (1829) фигурируют две Анны, одна из них, по-видимому, старшая дочь П. А. Осиповой. По письмам сестер Анны Николаевны к А. Н. Вульфу М. Л. Гофман заключил, что в 1830—1840-е гг. она сильно изменилась: «Когда-то романтическая девушка, к среднему возрасту она стала неподвижной, скучающей и апатичной старой барышней» (Гофман М. Л. Дневник А. Н. Вульфа, 1828—1831 // ПиС. Вып. 21—22. С. 208). Образ этот, однако, расходится с другими отзывами об А. Н. Вульф, например, сестры Пушкина О. С. Павлицевой конца 1830-х—начала 1840-х гг.: «...elle est toujours rieuse, spirituelle et bon enfant» <...она по-прежнему хохотушка, и остроумна, и доброе дитя — фр.> (ПиС. Вып. 23—24. С. 218); «...всегда весела,

словно зяблик» (Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. СПб., 1993. Т. 1. С. 239). Об А. Н. Вульф см. также примеч. к стихотворениям «Нет ни в чем вам благодати...» (1824—1825), «Увы, напрасно деве гордой...» (1825(?)) и «Я был свидетелем золотой твоей весны...» (1825) (наст. т., с. 914, 921, 980—981).

По мнению П. В. Анненкова, «две старшие дочери г-жи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположные типа, отражение которых в Татьяне и Ольге „Онегина” не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли...» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 279). Судя по всему, это мнение также сложилось под впечатлением общения с А. Н. Вульф, который в 1833 г. писал в дневнике: «...любезные мои сестрицы суть образцы его (Пушкина. — *Ред.*) деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них» (Вульф. Дневник 1999. С. 215). Оценивая эту точку зрения, следует учесть, что вторая глава романа в стихах, содержащая характеристики обеих сестер, была завершена еще в 1823 г., на Юге.

Ст. 9. *Вас окрестили благодатью!* — См. также заключительные стихи: «Все это чрезвычайно мило, / Но пагуба, не благодать». Имя Анна на иврите означает благодать.

Ст. 11. *И ваша речь...* — По словам П. В. Анненкова, «Анна Николаевна (...) отличалась быстротой и находчивостию своих ответов» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 280).

Ст. 12—13. *И ножка (смею вам сказать)* — *Все это чрезвычайно мило...* — В письме от 21 июля 1825 г. Пушкин советовал А. Н. Вульф: «Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки» (Акад. Т. 13. С. 190, 538; оригинал по-фр.).

«СКАЗАЛИ РАЗ ЦАРЮ, ЧТО НАКОНЕЦ...»

(С. 41 и 249)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 2 об. — первоначальный набросок ст. 1—4. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 1 (в виде сводки по верхнему слою автографа); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 463 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 835, л. 57 — первоначальный набросок ст. 7—14. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 31 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 463 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) Тетр. ПД 835, л. 57 — основной черновой автограф, расположен сразу вслед за наброском ст. 7—14 (см. выше). Напечатано: Якушкин. № 7. С. 31 (описание); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 463 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

4) Тетр. ПД 835, л. 85 — беловой, с поправками, на одном листе с записанным выше беловым автографом эпиграммы «Прятелям». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 37 (варианты отдельных стихов); Майков. Материалы. С. 228 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

1) Листы к тетради Жуковского (ТЖ₁). Указано: *Модзалевский Б. Л.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже // Пис. Вып. 12. С. 27.

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Эпиграмма», с поправками (поправки в ст. 1, 8 и 9 дают вариант основного текста), с пометой под текстом: «Ноябр(ь) 1823 года» (помета указывает дату смерти Риего — см. о нем ниже).

3) Тетр. Пушина (Пщ).

4) Тетр. Тихонравова (Тих) — с примечанием под текстом: «Эти стихи написаны на графа Воронцова, который во время обеда во дворце назвал Риего мерзавцем».

5) Тетр. Бартенева (Бар) — с примечанием под текстом: «Риего был удушен в Мадриде, в исходе 1823 года». Напечатано: *Цявловский М. А.* Из пушкинианы П. И. Бартенева. 1. Тетрадь 1850-х годов // Лет. ГЛМ. С. 531 (примечание, разночтения).

6) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Смерть Риего».

7) Тетр. Александрова (Ал) — под заглавием: «Льстецам».

8) Тетр. Якушкина (Якуш) — с пояснением перед текстом: «На графа Воронцова, который во время обеда во дворце назвал Риего мерзавцем, когда только что было получено о нем известие».

9) П. А. Ефремова (Е) — с пометой над текстом: «(1821)», позднее исправленной карандашом на: «(1823)», с примечанием под текстом: «Эти стихи написаны в 1821 г. на гр. Воронцова, который за обедом во дворце назвал Риего мерзавцем» («1821» исправлено карандашом на: «1823»); на левом поле — помета карандашом: «N3».

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении А. Н. Афанасьева, по которой им была осуществлена публикация двух последних стихов (см. ниже) (Афанасьев).

2) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена первая полная публикация стихотворения (см. ниже) (Герб).

Впервые: Афанасьев. С. 342 (два последних стиха); Герб. С. 21, с пояснительным примечанием к тексту (см. ниже); в России впервые: Ненапечатанное стихотворение А. С. Пушкина / Публ. Н. В. Гербеля // Модный магазин. 1863. № 2. Янв. С. 17 (с цензурным искажением первого стиха).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по беловому автографу.

Датируется январем—февралем (вероятнее всего, не позднее 25 января) 1825 г. по положению автографов в тетради ПД 835. На л. 52 тетради ПД 835 — дата «1 генв(аря) 1825» под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина»; на л. 58 об.—59 — заметка о стихотворении «Демон», написанная, по всей видимости, по прочтении отклика на это стихотворение в № 3 «Сына отечества» за 1825 г. (выход в свет 1 февраля 1825 г.) (см.: *Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 33*). Первоначальный набросок эпиграммы на л. 2 об. датирован Н. В. Измайловым в Акад. (Т. 2. С. 1155) маем 1824 г., однако,

судя по близости почерка к автографам эпиграммы на л. 57 и по положению на листе (он мог быть вписан на остававшееся свободным место), этот набросок, скорее всего, был сделан тогда же, когда шла основная работа над стихотворением (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 61). Беловой автограф на л. 85 той же тетради близок по почерку к расположенному над ним беловому автографу эпиграммы «Приателям», предположительно датированной около (не позднее) 25 января 1825 г. (см. примеч. к ней — наст. т., с. 639—640). Это время и является наиболее вероятным временем создания комментируемого стихотворения, тем более что Пушкин перефразировал его заключительные строки в письме от 25 января 1825 г., в котором П. А. Вяземскому сообщалась эпиграмма «Приателям» (в письме: «В подлостях нужно некоторое благородство» (Акад. Т. 13. С. 136), в беловом автографе эпиграммы «Сказали раз царю...»: «Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить / И в подлости осанку благородства»; вариант чернового автографа: «И в подлостях немного благородства»). Менее вероятно, что концовка эпиграммы была подсказана формулой, возникшей в письме.

Адресат эпиграммы — гр. Михаил Семенович Воронцов. См. о нем в примеч. Е. О. Ларионовой к эпиграмме «〈На Воронцова〉» («Полу-милорд, полу-купец...») (1824) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 798—802). На адресацию эпиграммы Воронцову указывает помета П. А. Вяземского на полях принадлежавшего ему 2-го издания Герб. (Berlin, 1870) — см.: *Барсуков Н. П.* Князь Вяземский и Пушкин // *СиН. М.*, 1904. Кн. 8. С. 34. В одном из вариантов белового автографа повторно использованное в эпиграмме на Воронцова 1824 г. определение «полу-подлец»; Н. О. Лернер и П. О. Морозов видели в этом явное указание на адресацию комментируемой эпиграммы (см.: Венг. Т. 3. С. 547; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 464—465). Стихотворение стоит в ряду эпиграмматических и эпистолярных инвектив Пушкина, направленных против Воронцова, и нацелено на разоблачение принесшей ему популярность среди части русского дворянства репутации либерала. Пушкина тревожило, что в его конфликте с Воронцовым многие в этом кругу оказались на стороне последнего.

В основе стихотворения лежит анекдот, происхождение которого остается не вполне ясным. В 1861 г. Н. В. Гербель в примечании к эпиграмме сообщал, не ссылаясь на источник сведений: «Написано по следующему случаю: однажды за обедом во дворце, когда зашла речь о смерти Риэго, граф М. С. Воронцов (...) сказал: „Тем лучше: одним мерзавцем меньше!“» (Герб. С. 229). Рафаэль Риэго-и-Нуньес (Riego y Núñez; 1785—1823) — деятель испанской революции 1820—1823 гг., начавшейся с восстания батальона под его командованием 1 января 1820 г. Риэго требовал возвращения Испании конституции 1812 г., нарушенной королем Фердинандом VII (1784—1833). 9 марта 1820 г. король, испуганный событиями в стране, принес присягу конституции. В 1822 г. Риэго встал во главе испанских кортесов (парламента). Когда в апреле 1823 г. началась французская интервенция, вызванная вмешательством Священного союза, Риэго пытался организовать сопротивление, но 15/27 сентября был схвачен, привезен в Мадрид и, несмотря на всеобщую политическую амнистию, 26 октября/7 ноября 1823 г. повешен по приговору королевского суда. Поражение революции ознаменовалось отменой конституции (1 октября 1823 г.). Судьба Риэго вызывала особый интерес со стороны декабристов, которые видели в нем образец самоотверженного служения своему отечеству: так, П. Г. Каховский в письме к Николаю I называл Риэго «святым мучеником» (см.: *Щего-*

лев П. Е. Декабристы. Л., 1926. С. 171; анализ высказываний русских литераторов об испанском революционере см.: Петров Д. К. Очерки по истории политической поэзии XIX в. : Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909. С. 47—75; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. // Алексеев М. П. Россия и романский мир. Л., 1985. С. 131—138; *Stites R. The Four Horsemen : Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe.* Oxford, 2014. P. 283—288).

В 1872 г. были опубликованы «Записки» (1856—1857) декабриста Н. В. Басаргина (1800—1861), в которых эпизод с Воронцовым отнесен ко времени маневров 2-й армии под Тульчином, происходивших в присутствии Александра I в начале октября 1823 г. Басаргин, служивший в штабе 2-й армии, так описывает событие, очевидцем которого он был: «После смотра был обед в лагере генерала Рудзевича. Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину которого занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел, сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: „Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier” (Господа, я вас поздравляю, Риего схвачен — *фр.*). Все отвечали молчанием и потупили глаза, один только Воронцов воскликнул: „Quelle heureuse nouvelle, Sir!” (Какая счастливая новость, государь! — *фр.*). Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Риэго, жестоко было радоваться этому известию» (*Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 71). Жесткие оценки событий государственного масштаба действительно были характерны для Воронцова. Так, по поводу восстания 14 декабря он писал А. А. Закревскому 8 января 1826 г.: «Надеюсь, что это не кончится без виселицы и что государь, который столько собою рисковал и столько уже прощал, хотя ради нас, будет теперь и себя беречь и м(ерзавцев) наказывать» (Сб. Имп. Русского ист. об-ва. СПб., 1890. Т. 73: Бумаги гр. А. А. Закревского. С. 506). Б. В. Томашевский оценивал мемуары Басаргина как важнейший источник сведений об эпизоде, положенном в основу стихотворения (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 427—428).

Противоположная версия была выдвинута Л. М. Аринштейном, который считал, что комментарий Гербеля и мемуары Басаргина не поясняют пушкинскую эпиграмму, а, наоборот, сами восходят к ней (см.: *Аринштейн Л. М.* «Вторичная мемуаристика» в комментарии : (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // *Врем. ПК.* 1981. С. 5—11). Со ссылкой на книгу М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время» (СПб., 1871. Т. 6. С. 369—370) исследователь называет даты двух торжественных обедов в Тульчинском лагере, проходивших в присутствии императора: 1 и 5 октября 1823 г.; второй обед был дан в честь завершения смотров и маневров. Таким образом, на обеде в Тульчине речь могла идти только об аресте Риэго (как в мемуарах Басаргина), но не о его казни. (Ср. комментарий, данный к эпиграмме Т. Г. Цвяловской: «Версию декабриста Н. В. Басаргина (...) о том, что эпизод связан с известием об аресте Риэго (а не о казни), следует признать неправильной» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 684; *Худ. лит.* в 10 т. Т. 2. С. 554)). «Воронцов расстался с Александром за несколько недель до казни Риэго и в последующие месяцы (...) с царем не встречался» (*Аринштейн Л. М.* «Вторичная мемуаристика» в комментарии. С. 8). Между тем в сообщении Басаргина Аринштейн обнаружил неточности. Так, сведения о Риэго отсут-

ствуют в письме Ф. Р. де Шатобриана к Александру I от 26 сентября/8 октября 1823 г., сообщавшем об окончании военных действий в Испании и Португалии (напечатано: ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 651). Эта и некоторые другие несообразности, указанные Аринштейном, не выходят, однако, за рамки обычных погрешностей в ретроспективных мемуарах и к тому же не имеют прямого отношения к сюжету, отразившемуся в пушкинской эпиграмме. Известия о пленении Риго (3/15 сентября) появились в парижских газетах 12/24 сентября, в немецких — 17/29 сентября и должны были достигнуть слуха императора незадолго до его приезда в Тульчин (см. эту новость в СПбВед. 1823. № 80. 5 окт. С. 981) практически одновременно с прибытием курьерской депеши от Шатобриана, извещавшей об освобождении испанского короля и завершении кампании. Узнали ли офицеры 2-й армии о двух этих событиях синхронно, или Басаргин самостоятельно контаминировал прозвучавшие разновременно сведения, однако отсутствие упоминаний о Риго в письме Шатобриана никак не исключает возможности того, что во время парадного обеда в Тульчине прозвучало объявление о судьбе испанского инсургента, вызвавшее реакцию Воронцова, которая могла быть несколько преувеличена при устной передаче анекдота. Предположение Аринштейна, что Басаргин контаминировал реальные факты и анекдотические подробности и на его воспоминания наслоились впечатления от прочитанной или услышанной эпиграммы, вряд ли может быть принято. Сомнительно, чтобы Басаргин мог знать эпиграмму. Степень ее распространения не ясна, первая публикация состоялась только в год смерти Басаргина, причем за границей, а в России — еще позже, в 1863 г. (ср.: *Фомичев С. А.* Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова // *ПиС* (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 170). Свидетельство Гербея, как раз напротив, можно заподозрить в зависимости от эпиграммы: смерть Риго как повод к реплике Воронцова взята Гербелем, скорее всего, из комментируемого текста.

Иной комментарий к эпиграмме предложил А. И. Федута, увидевший в адресате пушкинской инвективы М. Ф. Орлова (см.: *Федута А. И.* Незамеченное признание Михаила Орлова : О возможном адресате эпиграммы «Сказали раз дарю...» // *Литературный факт.* 2016. № 1—2. С. 227—236). Рассказывая во время следствия по делу декабристов о своих сношениях с заговорщиками, бывший командир 16-й дивизии упомянул о беседе, состоявшейся в Тульчине в конце 1823 г.: «Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что я сказал, что Риго (Riego) был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом, где было также много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде» (*Орлов М. Ф.* Падение Парижа : Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 85). Следует учитывать, однако, что показания на следствии, вероятнее всего, не вполне совпадали с содержанием реального разговора, в котором негативный отзыв о Риго мог быть мотивирован, например, тем, что тот не справился со взятой на себя ролью. Если высказывание Орлова и дошло до Пушкина, мы не можем судить о том, в каком виде оно стало ему известно. Кроме того, ни обстоятельства обеда (частное собрание, а не парадный обед в присутствии императора), ни отношения Пушкина с Орловым (постепенное охлаждение, но не вражда), не позволяют думать, что адресатом эпиграммы мог быть кишиневский и одесский собеседник поэта.

В жанровом отношении стихотворение представляет собой пример эпиграмматической сказки (*conte épiigrammatique*), где вслед за развернутой нарративной экспозицией должен следовать сатирический пуант (*bon mot*). Характерно, что Пушкин призывал Вяземского культивировать этот жанр (промежуточный между эпиграм-

мой и сказкой-новеллой) именно в том же письме от 25 января 1825 г., где содержался краткий вариант максимы о подлости и благородстве: «В „Цветах” встретил я тебя и чуть не захохотал со смеху, прочитав твою „Черту местности”. Это маленькая прелесть. „Чист(осердечный) Ответ” растянут: рифмы слёзы, розы завели тебя. Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической. (...) Вот тебе критика длиннее твоей пиэсы — да ты один можешь ввести и усовершенствовать этот род стихотворения. (Ж.-Б.) Руссо в нем образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов» (Акад. Т. 13. С. 135). О жанре эпиграмматической сказки см., в частности: *Добрицын А. А.* Вечный жанр : Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Верн, 2008. С. 24—26.

Ст. 7—8. *Риго был пред Фердинандом грешен, Согласен я. Но он за то повешен.* — Пушкин следует логике обвинительного заключения по делу Риго, опубликованного — в пересказе — в русских газетах. Из всех возможных политических преступлений Риго, перечисленных в обвинительном акте королевского прокурора (измена Испании и мятеж против законной власти короля, ниспровержение государственных и религиозных узаконений, распространение крамольных идей и т. д.), королевский трибунал должен был рассмотреть только одно — оскорбление Величества, которое заключалось в насильственном перемещении Фердинанда из Мадрида в Кадикс (май 1823 г.) и лишении его власти путем учреждения регентства (см.: СПбВед. 1823. № 93. 20 ноября. С. 1137). Таким образом, обвинение сводилось к личному прегрешению Риго перед священной особой короля, за что тем не менее полагалось чрезвычайно суровое наказание — лишение имущества и четвертование с последующим вывешиванием частей тела в разных городах Испании. Суд заменил четвертование на повешение, казнь совершилась на площади Ла-Себада в Мадриде при полном безмолвии многочисленных зрителей (описание казни см.: СПбВед. 1823. № 95. 27 ноября. С. 1161; СО. 1823. Ч. 90. № 47. С. 38—39).

Ст. 11—12. *Сам государь такого доброхотства Не захотел улыбкой наградить...* — Здесь, по-видимому, содержится намек на неудачи Воронцова, связанные с поездкой Александра I по югу России осенью 1823 г.: ожидалось, что Воронцов будет повышен в чине, однако этого не произошло (см.: *Аринштейн Л. М.* К истории высылки Пушкина из Одессы : Легенды и факты // ПИМ. Т. 10. С. 289—290; *Фомичев С. А.* Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова. С. 172—173).

ДРУЖБА

(«Что дружба? Легкий пыл похмелья...»)

(С. 42 и 251)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 35 — черновой. Напечатано: Якушкин № 7. С. 14 (указание на автограф); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 22 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 1261, л. 57 об. — ст. 1 в письме к Л. С. Пушкину от 27 марта 1825 г. (см. ниже). Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 4. Стб. 109 (публ. С. А. Соболевского).

3) ПД 1320, л. 2 — белой, в письме к П. А. Вяземскому от конца ноября—начала (не позднее 3-го) декабря 1825 г.; в письме приведены тексты пяти эпи-

грамм Пушкина 1824—1825 гг. в последовательности: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Нет ни в чем вам благодати...» (под заглавием: «Мадригал»). Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 425 (указание на автограф; публ. П. И. Баргенева); Переписка П. Т. 1. С. 311 (публ. В. И. Саитова).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи, объединяющей заглавия четырех эпиграмм 1824—1825 гг. (см. выше об автографе в письме к Вяземскому): «— Совет, движенье, кукушка, дружба —» (Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Совет дв(ижение) ку(ушка) др(ужба)», под № 33 (Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Урания : Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826]. С. 268. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 30 (отдел стихотворений 1825 г.). Перепечатано: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 153, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется концом октября 1824—27 марта 1825 г. Верхняя граница устанавливается предположительно по положению чернового автографа в тетради ПД 835, нижняя — по упоминанию стихотворения в письме к Л. С. Пушкину от 27 марта 1825 г. Датировка 1825 г. подкрепляется изданием Ст 1829, где эпиграмма помещена в отделе стихотворений этого года.

Порядок заполнения л. 35, где расположен черновой автограф четверостишия, не поддается однозначному определению. Верхняя часть листа занята продолжением письма к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г. (датировка письма устанавливается по положению в тетради: на л. 27 об. дата: «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над поэмой «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507)); на л. 36 об. — 37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. Под текстом письма к Вяземской — одна строка и первое слово следующего стиха стихотворения «Клеопатра», работа над которым в октябре—начале ноября 1824 г. с перерывами велась на предыдущих листах тетради и закончилась на л. 37 об. (см. примеч. к нему, наст. т., с. 541). После того как фрагмент «Клеопатры» на л. 35 был отчеркнут двумя горизонтальными чертами, ниже был начат черновик эпиграммы «Дружба». Еще ниже расположен черновой автограф стихотворения «О дева роза, я в оковах...», отделенный от эпиграммы длинной горизонтальной чертой. Эпиграмма могла появиться в тетради как сразу вслед за фрагментом «Клеопатры», так и значительно позже, на оставшейся пробельной нижней части листа.

По мнению С. А. Фомичева, отсутствие эпиграммы «Дружба» (как и стихотворения «О дева роза, я в оковах...») в Капнистовской тетради (см. о ней наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330—352) указывает на то, что оба этих текста созданы после 15 марта 1825 г., когда Капнистовская тетрадь была отправлена в Петербург (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 63). Обсуждая в письме к брату от 27 марта 1825 г. состав готовящегося издания Ст 1826, Пушкин высказал пожелание включить в него эпи-

грамму «Дружба», по-видимому, уже знакомую адресату, но сразу же отказался от этого намерения, зачеркнув соответствующую часть фразы: «Да тиснуть еще мою Птичку [да 4 стиха о дружбе: что дружба легкий пыл похмелья]» (Акад. Т. 13. С. 159; ПД 1261, л. 57 об.; приписано сбоку на узком поле, где все четыре стиха не могли поместиться).

В Акад. (Т. 2. С. 460, 1178—1179, примеч. Д. Д. Благого) четверостишие включено в раздел «Стихотворения разных годов» с датировкой чернового автографа концом октября 1824 г., белого (несохранившегося) — первой половиной марта 1825 г.; в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 281) оно включено в раздел стихотворений 1825 г.; в Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 46) и в Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 246) эпиграмма датирована 1824 г.

В конце ноября—начале (не позднее 3-го) декабря 1825 г. Пушкин послал стихотворение Вяземскому: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (черт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших» (Акад. Т. 13. С. 245; далее следовал текст пяти эпиграмм — см. выше). Просьба Вяземского прислать стихи в альманах М. П. Погодина «Уrania» была высказана в письме к Пушкину от 16—18 октября 1825 г. Об истории альманаха «Уrania» см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 316—319. В «Урании» эпиграммы были опубликованы вразбивку. В составленных в 1827 и 1828 гг. списках произведений, предназначенных для издания, отражено намерение Пушкина печатать четыре эпиграммы подряд, однако в иной, чем в письме к Вяземскому, последовательности (см. выше). В Ст 1829 рядом помещены те же эпиграммы, которые вошли в списки, но последовательность их снова изменена: одна за другой напечатаны «Движение», «Дружба», «Соловей и кукушка», «Совет». Стихотворение «Нет ни в чем вам благодати...» помещено в другом отделе.

В эпиграмме отразились переживания, вызванные сложными отношениями Пушкина с некоторыми людьми, чьей дружбой он дорожил, и нашедшие выражение в ряде стихотворных текстов: см., например, «Эпиграмму» на Ф. И. Толстого («В жизни мрачной и презренной...») (1821) и примеч. Е. О. Ларионовой к ней (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 36, 602—605) или стихотворение «Коварность» (1824) (наст. т., с. 18), адресованное А. Н. Раевскому. Неблаговидная роль, сыгранная последним в истории высылки Пушкина из Одессы (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 536—538), остро переживалась поэтом осенью 1824 г.

По наблюдению В. В. Виноградова, «использование синтаксической „паузы сказуемого” в именных конструкциях для игры семантическими неожиданностями ведет свою историю от Карамзина, хотя в его языке оно еще не имеет таких сложных, противоречивых и углубленных форм, как в пушкинском стиле. Это одно из проявлений „французского остроумия”» (Виноградов. Стилль П. С. 224). Здесь же приведены примеры из Карамзина:

Что есть поэт? искусный лжец:

Ему и слава и венец!

(«К бедному поэту», 1796 —

Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 170

(Б-ка поэта; Большая сер.))

Что жизнь? единый быстрый луч:
Сверкнет, угаснет — мы хладеем.
(«Дарования», 1796 —
Там же. С. 223)

Что наша жизнь? Роман. — Кто автор? Аноним.
(«Два сравнения», 1797 —
Там же. С. 236)

Близкие конструкции указаны В. В. Виноградовым (см.: Виноградов. Стилъ П. С. 225) в ст. 72—75 «Разговора Книгопродавца с Поэтом» (1824) (см. наст. т., с. 10) и в поэме «Цыганы» (1824), где использована аналогичная рифма:

Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.
(Акад. Т. 4. С. 185)

Первоначальный вариант последнего стиха, записанный в октябре (после 10-го) 1824 г. (см.: Там же. С. 472, примеч. Г. О. Винокура), полностью совпадал с заключительным стихом эпиграммы: «Иль покровительства позор» (Там же. С. 452). См. также стихотворение «Н. Н.» («Примите „Невский альманах”...») (1825), ст. 9: «Что слава мира?.. дым и прах!» (наст. т., с. 43).

По наблюдениям Т. Г. Цявловской (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 53—56), мотивы эпиграммы «Дружба» были также варьированы Пушкиным при работе над монологом Алеко над колыбелью сына, создававшимся в январе 1825 г., но в окончательный текст «Цыган» не вошедшим (ср.: «Коварный шепот клеветы / Любви тщеславные мечты / И [дружества] дружбы < > пени»; «Ни покровительств < ом > < > / Ни клеветой < >» — Акад. Т. 4. С. 446).

Ст. 4. *Иль покровительства позор.* — Ср. отзыв Пушкина о М. С. Воронцове в письме от начала июня 1824 г. к А. И. Казначееву, правителю канцелярии новороссийского генерал-губернатора: «Вы говорите мне о покровительстве и дружбе. Это две вещи несовместимые. Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще менее на его покровительство: по-моему, ничто так не бесчестит, как покровительство, а я слишком уважаю этого человека, чтобы желать унизиться перед ним. На этот счет у меня свои демократические предубеждения, вполне стоящие предубеждений аристократической гордости» (Акад. Т. 13. С. 95—96, 528; оригинал по-фр.). См.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...» С. 55—56.

Н. Н.

При посылке ей «Невского альманаха»
 («Примите „Невский Альманах“...»)

(С. 43 и 252)

Автограф неизвестен.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Разные стихотворения»).

Впервые: Невский альманах на 1826 год / Изд. Е. Аладыным. СПб., 1825. С. 59 (НА 1826) — под заглавием: «Н. Н. При посылке ей „Невского альманаха“» (в оглавлении: «Н. Н. при посылке ей Альманаха»), с сокращением имен собственных в ст. 4 («Василья Пушкина, ...кова») и в ст. 5 («К..... дальний ваш родия»). Перепечатано: СПч. 1826. № 2. 5 янв., в составе рецензии на НА 1826 (см. ниже). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 68 (отдел стихотворений 1825 г.), поздняя редакция с заглавием в оглавлении: «Н. Н. При посылке ей „Невского альманаха“», с сокращением имен собственных в ст. 3—5 («Вы тут найдете ***ова, / Вел***, Х***ова; К***, дальний ваш родня...»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается первая редакция по НА 1826, поздняя редакция — по Ст 1829. Обе редакции помещаются в основном корпусе текстов, поскольку поздняя редакция несет на себе следы иных литературных отношений Пушкина. Фамилии Маркова и Княжевича в первой редакции раскрываются по публикации П. В. Анненкова (см.: Анн. Т. 2. С. 412); фамилия Полевого в поздней редакции — по тексту НА 1826, Хвостова и Княжевича — по той же публикации П. В. Анненкова, Великопольского — по публикации А. Н. Афанасьева (см.: Афанасьев. Стб. 344).

Датируется первая редакция второй половиной февраля—концом сентября или (более вероятно) концом марта 1825 г. Верхняя граница датировки определяется по времени выхода в свет упомянутого в стихотворении «Невского альманаха» на 1825 г.» (СПб., 1825) (НА 1825); альманах вышел в свет 5 февраля, как следует из письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 6 февраля 1825 г. (см.: Балакин А. Ю. Пушкин и «Невский альманах»: Заметки к теме // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 62); объявление о выходе — СПбВед. 1825. № 12. 10 февр. 1-е прибавл. С. 147. По-видимому, альманах сразу же был послан его издателем Пушкину и вскоре им получен (см. письмо к Л. С. Пушкину от 23 февраля 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 147, датировка письма (в Акад. оно отнесено к концу февраля) уточнена: Летопись 1991. С. 507—508, 677). Стихотворение не могло быть написано позднее времени представления НА 1826 в цензуру; цензурное разрешение было получено 7 октября 1825 г. Однако, по весьма убедительной гипотезе В. П. Старка, нижней границей датировки следует считать конец марта 1825 г. (см.: Старк 1981. С. 119—121). В основании такого сужения датировки лежит, во-первых, предположение о том, что стихотворение явилось «непосредственной реакцией» на только что полученный «Невский альманах», во-вторых, совпадение стихотворного отзыва об альманахе («Он мил и в прозе и в стихах») с отзывом о напечатанной в нем басне А. Е. Измайлова «Черный кот» в письме к брату от 23 февраля 1825 г. («Начало „Кота” Измайлова очень мило» — Акад. Т. 13. С. 147), в-третьих, тот факт, что в стихотворении отразилось раздражение, вызванное напечатанной в альманахе пародией Н. А. Полевого на В. А. Жуковского, — оно улеглось после получения в Михайловском «Московского телегра-

фа» с объяснением обстоятельств этой публикации (подробнее см. примеч. к ст. 3; уже 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату, что «очень доволен» Полевым и собирается «поддержать его» (Акад. Т. 13. С. 158). Маловероятно, что Пушкин послал адресату вместе со стихотворением «Н. Н.» альманах, который уже к концу весны 1825 г. не был новинкой (как и история с его анонсированием в русской прессе — см. об этом ниже); последнее соображение является наиболее весомым аргументом в пользу суженной датировки стихотворения.

Вторая редакция возникла не ранее марта 1828 г. — времени конфликта Пушкина с И. Е. Великопольским, отразившегося в измененном ст. 4 (см. об этом ниже), и не позднее апреля 1829 г. — времени окончания работы над изданием Ст 1829; в этом временном отрезке наиболее вероятным представляется март—апрель 1829 г., когда Пушкин вынужден был вновь вернуться к обсуждению своего конфликта с Великопольским в связи со статьей последнего «Ответ на отзывы журналов о „Сатире на игроков”» (см.: *Зиссерман П. И.* Пушкин и Великопольский // *ПиС.* Вып. 38—39. С. 271—272).

П. В. Анненков первым сделал попытку раскрыть имена лиц, упомянутых в обеих редакциях стихотворения: «По одному письму Пушкина мы узнаем, что точки должны были читаться: „Маркова, Княжевич дальний ваш родня”. Все это изменено изданием 1829 г., и его Вел*... и Х***ова, вероятно, должны быть Вельяшева и Хвостова» (Анн. Т. 2. С. 412); письмо Пушкина, о котором говорит Анненков, не сохранилось. А. Н. Афанасьев, по-видимому, незнакомый с работой П. В. Анненкова, писал об именах в тексте «Н. Н.»: «Не вполне обозначенные в этом стихотворении фамилии должны читаться: Вы тут найдете Полевова, Великопольского, Хвостова; Катенин и т. д.» (Афанасьев. Стб. 344). Раскрытие фамилии «Маркова», сделанное Анненковым, было принято не всеми изданиями Пушкина. Указание на него дано П. О. Морозовым в АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 260, М. А. Цявловским в Акад. в 6 т. (Т. 1. С. 743); оно отсутствует в ряде авторитетных пушкинских изданий (см.: Акад. Т. 2. С. 1167, примеч. Д. Д. Благого (см. также Указатель имен в этом издании); Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 430—431), примеч. Б. В. Томашевско-го); Пушкин 1955. Т. 3. С. 806, примеч. Б. В. Томашевского).

Вопрос об адресате стихотворения остается дискуссионным. Упоминание в ст. 5 о родстве с Княжевичами может служить основанием для решения вопроса об имени адресата. Как установил В. П. Старк, в дальнем родстве (точнее, в свойстве) с Княжевичами была владелица Тригорского П. А. Осипова (см.: Старк 1981. С. 123—124; подробнее см. примеч. к ст. 5); следовательно, стих «К(няжевич), дальний ваш родня» мог относиться к одной из дочерей Праксовьи Александровны — Анне или Евпраксии Вульф (А. И. Вульф (Netty) и А. П. Керн приходились П. А. Осиповой родней по ее первому мужу Н. И. Вульфу и в кровном родстве с Княжевичами не состояли). Однако эта гипотеза не может быть принята безусловно, поскольку никаких сведений о стихотворении не имеется ни в бумагах семьи Осиповых—Вульф, ни в идущих от них мемуарах; о нем не упомянули в беседах и переписке с первыми биографами Пушкина ни П. А. Осипова, ни А. П. Керн, в памяти которых сохранялись куда менее значительные факты общения Пушкина с семьей Осиповых—Вульф. Существенным представляется и то, что П. В. Анненков располагал письмом Пушкина, содержащим полный текст первоначальной редакции послания, по которому и раскрыл завуалированные в альманашной публикации имена. Скорее

всего, это письмо и было обращено к загадочной Н. Н., а поскольку у Пушкина едва ли была нужда обращаться письменно к ближайшим соседям, которых он посещал почти каждый день, то, возможно, адресата послания следует искать за пределами Григорского.

«Невский альманах» издавался в Санкт-Петербурге литератором Егором Васильевичем Аладьиным (1796—1860) в 1825—1833 и 1846—1847 гг. Хотя альманах пользовался успехом у публики, особенно в первые годы, в литературной среде к нему и его издателю относились с иронией. Аладьин имел репутацию неразборчивого в средствах «альманашника», который не брезгует перепечатками из других изданий и не спрашивает разрешения у публикуемых им авторов. О подготовке первого выпуска альманаха сохранилось свидетельство А. Е. Измайлова в письме к П. Л. Яковлеву от 19 декабря 1824 г.: «„Невский альманах“, издаваемый неким Аладьиным, служащим под начальством Д. М. Кн(яевича) по питейной части, выйдет к масленице. Будут и тут очень хорошенькие пиесы. Я дал Аладьину кучу старинных, забракованных цензорами пиес, в том числе довольно изрядных и даже хороших. Почти все одобрены к напечатанию!! Вот как все со временем переменится...» (цит. по: *Левкович Я. А.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Т. 8. С. 166). Еще до выхода альманаха в свет в журнале «Благонамеренный» был помещен его развернутый анонс в составе статьи А. Е. Измайлова «Об альманахах на 1825 год» (авторство статьи, напечатанной без подписи, устанавливается на основе письма Измайлова к Яковлеву от 23 декабря 1824 г. — см.: *Балакин А. Ю.* Пушкин и «Невский альманах». С. 63): «„Невский альманах“, издаваемый Е. Аладьиным. В этом альманахе, который уже печатается и отпечатается к концу нынешнего месяца, помещены будут разные новые сочинения в стихах и прозе гг. Пушкиных, князя Вяземского, М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки, А. А. Крылова, Баратынского, Панаева, князя Цертелева, Княжевичей, Рындовского, Федорова, Маркова, А. Измайлова и проч. Издание сие будет напечатано в малый формат на хорошей бумаге и украшено картинками и нотами» (Благ. 1825. Ч. 29. № 1. С. 45). На выход «Невского альманаха» сразу откликнулась «Северная пчела»: «Пока любители словесности ожидали выхода в свет „Полярной звезды“, г. Аладьин издал при всех газетах и афишах объявление о скором выходе „Невского альманаха“ по подписке, обещая представить сочинения Пушкиных, Крыловых, В. А. Жуковского и проч. На масленице появился наконец альманах г. Аладьиного, и мы не нашли в нем ни произведений И. А. Крылова, ни А. С. Пушкина...» (СПч. 1825. 10 февр. № 18). Поскольку других объявлений, помимо опубликованного в «Благонамеренном» и процитированного выше, обнаружить не удалось, можно предположить, что Булгарин сознательно, с провокационной или сатирической целью преувеличил число анонсов «Невского альманаха», так как увидел в нем коммерческого конкурента «Полярной звезде» и «Русской Талии». Возможно, этот номер «Северной пчелы» дошел до Пушкина одновременно с альманахом, и он, возмущившись, послал Е. В. Аладьину не дошедшее до нас письмо, о содержании которого мы можем судить по письму к Л. С. Пушкину от 23 февраля 1825 г.: «Здесь письмо к Изд(ателю) или издателю „Н(евского) А(льманаха)“. Прочитай его да доставь. Он, каналья, жет на меня в афишках, да мне присылает свое вранье — добро!» (Акад. Т. 13. С. 147; ПД 1261, л. 40). Ответ Аладьиного нам неизвестен, но он, очевидно, убедил Пушкина принять участие в его издании, следствием чего и явилась публикация комментируемого стихотворения в следующем выпуске «Невского альманаха» (НА 1826); ср. в вос-

поминаниях А. И. Дельвига: «Аладьин очень упрашивал Пушкина поддержать второй год его издания присылкою стихов. Пушкин послал ему эпиграмму на „Невский альманах“, а он, вероятно, не понял этого и не только ее напечатал, но даже дал ей место (...) наиболее почетное» (П. в восп. Т. 2. С. 115; стихотворение Пушкина открывало в альманахе поэтический отдел). Возможно, свою роль сыграл и предложенный Пушкину высокий гонорар; в письме от 17 января 1826 г. Л. С. Пушкин сообщал С. А. Соболевскому по поводу участия брата в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого: «Вся годовая сумма Полевого равняется с платой, которую предлагает Аладьин за одну пьесу брата» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 730; публ. М. К. Светловой).

В немногочисленных откликах на «Невский альманах» на 1826 г. неизменно отмечалось участие в нем Пушкина (см.: РИ. 1826. № 3. 5 янв.; Благ. 1826. Ч. 32. № 1. С. 59—60 и др.); в одной из рецензий (СПч. 1826. № 2. 5 янв.; подпись: «Н. К—в») стихотворение было приведено полностью, а к ст. 7 («Но не найдете вы меня») сделано примечание: «Однако ж попался. *Изд.*».

Впоследствии Пушкин поддерживал с Аладьиным деловые отношения: участвовал в других выпусках «Невского альманаха» на 1827 и 1829 гг. и в изданном им же альманахе «Подснежник» (1830), а также дал в «Литературной газете» краткую рецензию на «Невский альманах» на 1830 г. (ЛГ. № 12. 25 февр., без подписи; Акад. Т. 11. С. 117). Подробнее см.: Черейский. С. 11—12.

Ст. 2. *Он мил и в прозе и в стихах...* — В «Невском альманахе» на 1825 г. были напечатаны произведения Е. В. Аладьиной, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, М. А. Дмитриева, В. И. Панаева, Б. М. Федорова, Н. А. Цертелева (о других авторах см. ниже). В письме к брату от 23 февраля 1825 г. Пушкин выделил «милое» начало басни А. Е. Измайлова «Черный кот»: «Вы любите кота? / Любите: он ведь сирота» (НА 1825. С. 145).

Ст. 3. *Вы тут найдете Полевова...* — В «Невском альманахе» на 1825 г. было опубликовано три произведения Николая Алексеевича Полевого (1796—1846), издателя журнала «Московский телеграф» (1825—1834), поэта, прозаика, критика: прозаический фрагмент «Удовольствия ума и сердца», а также стихотворения «Уньние. (Подражание Ла Мартину)» и «Книжная лавка. (Элегия)» (С. 1—20, 30—32, 105—112); последнее вызвало негативную реакцию со стороны Пушкина, поскольку представляло собой пародию на «Сельское кладбище» Жуковского. О публикации «Книжной лавки» Полевой сделал особую приписку к своей же отрицательной рецензии на альманах, подписанной псевдонимом «А — й. —»: «По просьбе издателя „Невского альманаха“ и не зная еще, что за альманах готовится, я послал к г. Аладьину одну статью в прозе — „Удовольствия ума и сердца“, и перевод Ламартиновых стихов: „Уньние“; ни под которой из сих статей не было выставлено мое имя, ибо прозаическая статья есть перевод из известной книги И. Дроза: „Essai sur l'art d'être heureux“ («Опыт об искусстве быть счастливым» — фр.), а стихи переведены мною давно, и ныне, отказавшись совершенно от поэзии, я не решался подписаться под переводом стихов Ламартина. К удивлению моему, издатель не только под обеими статьями подписал мое имя, но без моего ведома и позволения напечатал давно забытую мною вздорную пародию — „Книжная лавка“. Что сделано, того не вернуть, но я прошу г. издателя избавить меня впредь от вольного или невольного участия в его литературных предприятиях» (МТ. 1825. Ч. 1. № 4. С. 338—339; под припиской подпись: «Н. Полевой»). Упомянутая книга французского историка

и моралиста Франсуа Ксавье-Жозефа Дроза (Droz; 1773—1850) вышла из печати в 1806 г. и выдержала несколько изданий.

Ст. 4. *Василья Пушкина, <Мар>кова...* — В «Невском альманахе» на 1825 г. (С. 32—34, 103—105) Е. В. Аладьин перепечатал два стихотворения В. Л. Пушкина, ранее опубликованные в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1812. № 1) и затем в сборнике «Стихотворения Василия Пушкина» (СПб., 1822): послание «К Делию» (в НА 1825 под заглавием: «Ода. (Подражание Горацию)») и басню «Волк и лисица» (в НА 1825 под заглавием: «Больной. (Басня)»). В Марков — поэт 1810—1820-х гг., был близок к кругу А. Е. Измайлова и печатался в его журнале «Благонамеренный» (см.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 1997. Т. 1: Журналы (А—В). По указ.); биографических сведений о нем разыскать не удалось. В «Невском альманахе» на 1825 г. было помещено стихотворение В. Маркова «Прощание с нянюшкой», в котором автор вспоминал о сказках, слышанных от своей няни (С. 195—198).

Ст. 5. *К<няжевич>, дальный ваш родня...* — Возможно, этот стих имела в виду А. И. Колзакова (ее мать была троюродной сестрой П. А. Осиповой), когда писала в 1857 г. А. Н. Вульф в связи с делами по его тверским именьям о тогдашнем министре финансов А. М. Княжевиче (1792—1872): «Родня наш...» (ПиС. Вып. 1. С. 166, публ. Б. Л. Модзалевского; указано: Старк 1981. С. 123). В «Невском альманахе» на 1825 г. были напечатаны произведения двух его братьев — перевод отрывка из книги В.-Ж.-Э. де Жуи (de Jouy; 1764—1846) «Убивать время. (Из «L'Hermitte de la Guiane»)» Владислава Максимовича Княжевича (1798—1873) и статья «Взгляд, взор, воззрение : (Отрывок из собрания синонимов)» Дмитрия Максимовича Княжевича (1788—1844) (С. 165—181, 188—193). Высказывалось мнение, что в стихотворении «Н. Н.» говорится о Дмитрие Княжевиче, получившем к тому времени известность благодаря изданию в 1822 г. «Полного собрания русских пословиц и поговорок, расположенного по азбучному порядку» (впервые указание на Д. М. Княжевича см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 363; см. также: Акад. Т. 2. С. 1218 (Указатель имен); Черейский. С. 196); книга сохранилась в библиотеке Пушкина, причем с его многочисленными пометками (см.: Библиотека П. № 300). Получив в марте 1824 г. пост Санкт-Петербургского вице-губернатора, Д. М. Княжевич отошел от литературной деятельности. О Д. М. Княжевиче см.: Алексеев М. П. Пушкин и Д. М. Княжевич // Пушкин : Статьи и материалы. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 62; Орехова Л. А. А. С. Пушкин и Д. М. Княжевич : К вопросу о взаимоотношениях // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым» : Тез. докл. 24—29 сентября 1989 г. Симферополь, 1989. С. 60—61; Рус. писатели : 1800—1917. Т. 2. С. 567—568 (статья В. А. Кошелева и Г. Д. Зленко). По мнению В. П. Старка (см.: Старк 1981. С. 118—119), Пушкин, скорее, имел в виду Владислава Княжевича. Его имя было вполне актуальным для тригорского семейства, поскольку он входил в дерптский кружок А. Н. Вульфа и Н. М. Языкова, посвятившего ему несколько стихотворений. О В. М. Княжевиче см. примеч. К. К. Бухмейер к стихотворению Языкова «Они прошли и не придут...» (1823) (Языков 1964. С. 584). В прижизненных публикациях стихотворения «Н. Н.» фамилия Княжевича не была напечатана полностью, и это дало повод П. А. Катенину принять стих на свой счет. 3 февраля 1826 г. он писал Пушкину: «Ты часто изволишь ставить начальные буквы таинственно: в „Невском альманахе“ (издатель должен быть слишком добрый человек) после Полевого et compagnie <и компании — фр.> стоит какой-то К., дальный ваш (чей?) родня; моя совесть чиста, ибо по сию пору я ни в

Невском, ни в каком другом альманахе ничего не печатал, но злые люди!» (Акад. Т. 13. С. 258); в ответном письме от первой половины февраля 1826 г. Пушкин обошел вопрос Катенина молчанием.

Поздняя редакция

Ст. 4. *Вел(икопольского), Х(вост)ова...* — Имя поэта и драматурга Ивана Ермолаевича Великопольского (1797 или 1798—1868; см. о нем примеч. к стихотворению «(Из письма к И. Е. Великопольскому)» («С тобой мне вновь считаться довелось...») (1826) — наст. т., с. 847—848), не участвовавшего ни в одном из выпусков «Невского альманаха», появилось в тексте стихотворения «Н. Н.» в 1828—1829 гг. В. П. Старк полагал, что перу Великопольского принадлежало какое-то анонимное произведение в одном из выпусков альманаха (см.: Старк 1981. С. 124), однако более вероятно, что упоминание его имени в одном ряду с поэтом-графоманом Дмитрием Ивановичем Хвостовым (см. о нем примеч. к стихотворению «Ода его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825) — наст. т., с. 668—669), поместившим в альманахе на 1825 г. «Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» и басню «Рысь и крот» (С. 34—44, 207—208), было связано с конфликтом, который разгорелся между Пушкиным и Великопольским в марте 1828 г. Незадолго до этого вышло в свет отдельное издание стихотворного сочинения Великопольского «К Эрсту : (Сатира на игроков)» (М., 1828), имевшего очевидный для современников автобиографический подтекст. Пушкин откликнулся на эту книгу насмешливым «Посланием к В(еликопольскому), сочинителю сатиры на игроков», опубликованным анонимно в «Северной пчеле» (1828. № 30. 10 марта). Великопольский угадал автора, написал стихотворный ответ, наполненный колкостями и неприличными намеками, и отправил его в редакцию «Северной пчелы» для публикации. Булгарин показал это стихотворение Пушкину, тот не разрешил его печатать и в конце марта 1828 г. отправил Великопольскому письмо с мотивировкой своего решения. Около этого времени он мог заменить строку в стихотворении «Н. Н.», тем самым дополнительно уколов Великопольского. Конфликт отразился в двух стихотворениях Пушкина — «Послании к В(еликопольскому), сочинителю „Сатиры на игроков“» (1828) и эпиграмме «(На Великопольского)» («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...») (1829) (см.: *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский (1797—1868) // Модзалевский. С. 367—371; Зиссерман П. И. Пушкин и Великопольский. С. 266—269; Парчевский Г. Ф. Пушкин и карты. [СПб.], 1996. С. 29—62). Уничжительную оценку дарований Великопольского, на которую в стихотворении «Н. Н.» был дан красноречивый намек, Пушкин развернул в эпиграмме «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...», закончив ее стихами: «Поставил бы тетрадь своих стихов, / Когда б твой стих ходил хотя б в копейку» (Акад. Т. 3. С. 155). При жизни Пушкина Великопольский не заметил стихотворения «Н. Н.» с упоминанием своего имени и познакомился с ним только в 1838 г. В ответ он написал стихотворение «Мое мщенье», послав его для публикации в «Современник», но получил от П. А. Плетнева отказ (см.: *Зиссерман П. И. Пушкин и Великопольский. С. 279; стихотворение Великопольского опубликовано: Цукинский сб. М., 1912. Вып. 10. С. 360—361).**

ОДА ЕГО СИЯТ(ЕЛЬСТВУ)
ГР(АФУ) ДМ(ИТРИЮ) ИВ(АНОВИЧУ) ХВОСТОВУ
(«Султан ярится. Кровь Эллады...»)
(С. 44 и 252)

Автограф (ПД 932, л. 6—7 об.) — беловой, с поправками, в сшитой тетради, увезенной А. А. Дельвигом из Михайловского в Петербург в конце апреля 1825 г. Помимо «Оды <...> Хвостову» тетрадь содержит беловой автограф второй главы «Евгения Онегина» (предназначалась находившемуся в Москве П. А. Вяземскому), записку к Л. С. Пушкину («Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал, да и сам [ничего] не пакости» — Акад. Т. 13. С. 165) и копии неопубликованных стихотворений К. Н. Батюшкова «Подражание Ариосту» и «К N N» («Среди трудов и важных муз...»), напечатанных затем в СЦ 1826. Описание тетради ПД 932 см.: Рукою П. 1997. С. 468. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 103—105.

Копия из архива Тургеневых (ПД, ф. 309, № 811, л. 1—2 об.) — совпадает с текстом автографа, находится в одной тетради с копиями I—XIV строф второй главы «Евгения Онегина» и тех же стихотворений Батюшкова, что и в тетради ПД 932. Впервые: Анн. Т. 7. С. 103—105.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по автографу, с исправлением написания фамилии «Питт» в ст. 4 (см. ниже, примеч. к этому стиху).

Датируется 1825 г., предположительно концом февраля (не ранее 19-го) — апрелем (не позднее 24-го) по биографическим данным и по реалиям. Установление верхней границы датировки проблематично. В примечании к «Оде <...> Хвостову» упоминается «стихотворное письмо» В. К. Кюхельбекера к Грибоедову — послание «Грибоедову», написанное в 1821 г., но опубликованное только во втором номере «Московского телеграфа» (1825. Ч. 1. № 2. С. 118—119; выход в свет 29 января, см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 15). Хотя Пушкин познакомился с этим посланием еще на Юге (см. негативный отзыв о нем в письме к брату от 4 сентября 1822 г. — Акад. Т. 13. Т. 13. С. 45—46), публикация в «Московском телеграфе» могла послужить импульсом к тому, что произведение Кюхельбекера оказалось включено в контекст пародийной оды. Книжка «Телеграфа» была получена в Михайловском, вероятно, в конце февраля (не ранее 19-го) 1825 г. (19 февраля Пушкин писал Вяземскому, что еще не видел «Московского телеграфа» (см.: Акад. Т. 13. С. 144), в дальнейших письмах жалоб на это уже не встречается). Но, как справедливо отметил Ю. Н. Тынянов, время выхода в свет произведения, с которым Пушкин был знаком до печати, не может служить надежным датирующим признаком (см.: Тынянов Ю. Н. Архансты и Пушкин // Тынянов. С. 111—112). Едва ли, однако, «Ода <...> Хвостову» была создана задолго до того, как она стала известна в пушкинском окружении. В Петербург ее увез А. А. Дельвиг, выехавший из Михайловского 24—25 апреля (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 45). Ср. позицию Б. В. Томашевского, который ограничивал датировку произведения предположительно мартом 1825 г. (Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 428).

Привезенные в Петербург пушкинские новинки (вторая глава «Онегина» и «Ода <...> Хвостову») сразу же стали известны А. И. Тургеневу. В письме к

Вяземскому от 4 мая 1825 г. он обещает прислать пушкинское «сравнение в стихах Байрона с графом Хвостовым», характеризуя его: «прелесть!» (ОА. Т. 3. С. 121). Первоначально Лев Пушкин рассчитывал на приезд Вяземского в Петербург и не торопился отправлять ему полученную от брата рукопись, но затем, узнав от А. И. Тургенева, что Вяземский не собирается уезжать из Москвы, решил передать тетрадь с отправлявшимся туда Сергеем Тургеневым. Обо всем этом А. И. Тургенев сообщил в письмах к Вяземскому: «Пушкину (Льву. — *Ред.*) о стихах, тебе принадлежащих, говорил. Он все тебя сюда дождался; я сказал, чтобы непременно прислал к тебе» (письмо от 6 мая 1825 г.); «II часть „Онегина“ хотел Дельвиг и Лев Пушкин послать тебе с братом; не знаю, успеют ли? <...> Тут же получишь и оду на гр<афа> Хв<остова> и Бейрона с примечаниями» (письмо от 8 мая 1825 г.; цит. по: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2891, л. 42; ср. ОА. Т. 3. С. 123). О предназначенной для него второй главе «Онегина» Вяземский уже знал из пушкинского письма от 20-х чисел апреля («Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного)» — Акад. Т. 13. С. 165), получив которое он обратился к Тургеневу: «Александр Пушкин пишет мне, что он велел Льву-брату выслать стихи ко мне; благоволи непременно напомнить ему о том и сказать, что жду не дождусь» (письмо от 29 апреля — ОА. Т. 3. С. 119; см. также письмо Вяземского к Тургеневу от 6 мая — Там же. С. 123). 11 мая Вяземский через прибывшего в Москву С. И. Тургенева получил тетрадь с пушкинскими автографами. «Спасибо за Хвостовщину, — писал он А. И. Тургеневу, — все передал Ивану Ивановичу (Дмитриеву. — *Ред.*), яко великому канцлеру подобных грамот» (письмо от 11 мая 1825 г. — Там же. С. 124). Как следует из писем Тургенева, у него не осталось копии «Оды... Хвостову», и потому он просил Вяземского о присылке списка: «Потешить ли тебя двумя строфами из 2-й части „Онегина“? не<?> вся песнь тебе принадлежит, а добиться не мог. Если же получил, то пришли сюда: у меня нет. И ода гр<аф> Хвос<тов> + лорд Бейрон для тебя же им (Пушкиным. — *Ред.*) списана» (письмо от 13 мая; цит. по: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2891, л. 46—46 об.; ср.: ОА. Т. 3. С. 125). По-видимому, вскоре Вяземский послал список Тургеневу и о его судьбе беспокоился в письме от 27 мая: «Что же стихи Пушкина?» (Там же. С. 129).

Самого Пушкина Вяземский поблагодарил за стихотворную посылку только в письме от 7 июня 1825 г.: «Я получил вторую часть Онегина и еще кое-какие безделки» (Акад. Т. 13. С. 180; см. также упоминания об «Оде <...> Хвостову» в письме от 4 августа: «У меня до сей поры твоих стихов только вторая часть Онегина, вторая часть Хвостова и еще две безделки» — Там же. С. 200). «Оду <...> Хвостову» Вяземский, несомненно, оценил, о чем свидетельствует его экспромт в письме к Пушкину от 16 и 18 октября 1825 г.: «Ты сам Хвостова подражатель, / Красот его любостязатель...» (Там же. С. 238; «хвостовскую тему» Пушкин продолжил в ответном письме, открывавшемся стихотворными строками «В глуши, измучась жизнью постной...», см. «Из письма к кн. П. А. Вяземскому» — наст. т., с. 78).

Сочинения графа Дмитрия Ивановича Хвостова (1757—1835), поэта, переводчика, члена Российской академии (с 1791 г.) и «Беседы любителей русского слова», были излюбленным объектом эпиграмм и пародий для литераторов начала XIX в. По словам Ф. Ф. Вигеля, «вошло в обыкновение, чтобы все молодые писатели об него оттачивали перо свое, и без эпиграммы на Хвостова как будто нельзя было вступить в литературное сословие» (Вигель. Ч. 3. С. 145). В произведениях и письмах

Пушкина, начиная с лицейских лет, Хвостов (он же «Графов», «Свистов», «Хлыстов», «Пустов» и т. д.) — один из наиболее часто встречающихся комических персонажей. См. об этом: *Западов А. В.* Пушкин и Хвостов // Лит. архив. Т. 1. С. 265—270; *Довгий О. Л.* Тритон всплывает : Хвостов у Пушкина // Хвостов Д. И. Соч. М., 1999. С. 44—64, а также примеч. к стихотворению «Тень Фон-Визина» (1815) — наст. изд., т. 1, с. 652—654.

После серии арзамасских пародий и эпиграмм сочинения Хвостова вновь привлекли внимание читателей в 1824—начале 1825 г., когда в печати появилась «Надпись. Месту рождения великого Ломоносова» (Благ. 1824. Ч. 25. № 6. С. 430; см. отклик А. И. Тургенева в письме к Вяземскому от 25 марта 1824 г. — ОА. Т. 3. С. 26), затем «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года» (отрывки: Благ. 1824. Ч. 26. № 9. С. 198—203; ДЖ. 1824. Ч. 7. № 14. С. 59—60; отд. изд.: СПб., 1824; см. отзыв Тургенева в письме к Вяземскому от 2 мая 1824 г. — ОА. Т. 3. С. 40) и, наконец, знаменитое «Послание к Н. Н. О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» (Невский альманах на 1825 год / Изд. Е. Аладьиным. С. 34—44 (выход в свет 2 февраля 1825 г., см.: РГИА, ф. 777, оп. 1, № 446, л. 16; отд. брошюра с параллельным немецким переводом — СПб., 1825 (выход в свет 5 февраля, см.: РГИА, ф. 777, оп. 1, № 446, л. 17)), вызвавшее множество живых откликов в литературных кругах (наиболее обстоятельную сводку см.: *Балакин А. Ю.* Пушкин — читатель графа Хвостова // Балакин А. Ю. Близко к тексту : Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 77—79). Это сочинение произвело впечатление и на Пушкина, который, ознакомившись со стихами Хвостова, сообщил Вяземскому 28 января 1825 г.: «...что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В(асилий) Л(ьвович), Ив(анчин)-Пис(арев) — и проч. (...) Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня» (Акад. Т. 13. С. 137). Пушкин прочел послание до его выхода в свет, в ранней, рукописной редакции, которую Хвостов адресовал Н. А. Полевому и предназначал для «Московского телеграфа», но получил вежливый отказ и несколько переработал текст для публикаций в «Невском альманахе» и отдельной брошюрой (подробнее см.: *Балакин А. Ю.* Пушкин — читатель графа Хвостова. С. 73—77; о позднейшем обращении Пушкина к «Посланию (...) О наводнении...» в поэме «Медный всадник» см., например: *Осват А. Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) // На рубеже двух столетий : Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 501—505). Едва ли можно сомневаться, что «Послание (...) О наводнении...» послужило одним из импульсов к созданию пародийной «Оды (...) Хвостову».

Однако, как показал еще Ю. Н. Тынянов, мишенью пушкинской пародии были не только произведения престарелого поэта, сочинителя многочисленных од: «Ода (...) Хвостову» стала «полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на современного воскресителя старой оды Кюхельбекера и на защитника новой оды Рылеева» (Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 115).

Главным оппонентом Пушкина в споре об оде был Кюхельбекер — автор программной статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнем. 1824. Ч. 2. С. 29—44; Кюхельбекер 1979. С. 453—459), которую наряду с «Разговором с Ф. В. Булгариным» (Мнем. 1824. Ч. 3. С. 157—177; Кюхельбекер 1979. С. 461—468) Пушкин назвал «основанием всего, что сказано было противу р(усской) литературы в последние 2 года» (заметка Пушкина

«〈Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине”〉» (Акад. Т. 11. С. 41—42) цитируется с учетом конъектуры, предложенной Д. М. Хитровой — см.: *Краснобродько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea.* Stanford, 2008. Pt 1. P. 74—75). Выступая против господства жанров элегии и послания, Кюхельбекер противопоставлял им оду, которая, «без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической» (Мнем. Ч. 2. С. 30; Кюхельбекер 1979. С. 454). Ода «возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения», «увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу Неизреченного и пророчествуя пред благоговеющим народом, парит, гремит, блещет, поработывает слух и душу читателя. Сверх того, в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд Промысла, торжествует о величии родимого края, мецет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга» (Там же. С. 30—31).

Многочисленные упоминания произведений Пушкина в статье Кюхельбекера, а также его финальное утверждение, что именно с автором «Руслана и Людмилы» связаны лучшие надежды русской литературы, заставляли Пушкина принять это журнальное выступление на свой счет. О том значении, которое Пушкин придавал спору с Кюхельбекером, свидетельствуют настоячивые полемические отсылки к его статьям в произведениях 1825—самого начала 1826 г.: помимо «Оды (...) Хвостову» это иронические отклики в строфах XXXII—XXXIV четвертой главы «Евгения Онегина» (написаны, судя по положению автографов в рабочей тетради Пушкина, во второй половине 1825 г. — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 44), эпиграмма «Соловей и кукушка» (1825) (см. примеч. к ней — наст. т., с. 805—807), наброски «〈Возражения на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине”〉» (Акад. Т. 11. С. 41—42), убедительно датированные Т. И. Краснобродько второй половиной декабря 1825—первыми числами января 1826 г. Подробнее о диалоге с Кюхельбекером см.: *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин. С. 95—121; *Краснобродько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 67—102; *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемические функции // *ПиС (Нов. серия).* Вып. 5. С. 164—182.

Свою критическую декларацию Кюхельбекер подкрепил и поэтическим выступлением, напечатав в следующей книжке «Мнемозины» стихотворение «Смерть Байрона» (Мнем. Ч. 3. С. 189—199 (выход в свет 27 октября, см.: *Летопись 1999.* Т. 1. С. 451); стихотворение было также отпечатано отдельной брошюрой, вышедшей в свет 3 ноября 1824 г. — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 13, л. 26). Сочинение Кюхельбекера, архаизированное в стилистическом и композиционном отношениях, — «высокая» ода на смерть Байрона, тень которого, предваряемая призраками его героев, является «певцу Руслана и Людмилы». Этот сюжетный ход подразумевал «вызов» Пушкину, который должен был, по мысли Кюхельбекера, достойно воспеть гибель «могущего Поэта» (между тем к началу октября 1824 г. пушкинское стихотворение «К морю» со строфами, посвященными смерти Байрона, уже было написано, см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 512). Таким образом, редактор «Мнемозины» не только указывал Пушкину на подобающий жанр — оду, но и давал для нее тему.

Сходные ожидания в отношении Пушкина высказывали тогда же представители самых разных литературных сил. Поэтического отклика на смерть Байрона ждали от

Пушкина еще летом 1824 г. Вяземский, А. И. Тургенев, Д. В. Дашков (см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 510, 511). Характерно при этом, что другие сочинения, написанные на смерть Байрона помимо стихотворения Кюхельбекера: «Байрон» И. И. Козлова (с посвящением «А. С. Пушкину»; опубл.: НЛ. 1824. Кн. 10. № 12. С. 85—90), «На смерть Байрона» К. Ф. Рыльева (1824; опубл. 1828), «Байрон» Вяземского (завершено осенью 1825; опубл. 1827), «(Четыре отрывка из неоконченного пролога „Смерть Байрона“» Д. В. Веневитинова (1825; опубл. 1829) — отличались возвышенной, героико-патетической тональностью.

Большая часть русских публикаций о Байроне 1824—1825 гг. была посвящена его участию в греческом восстании, которое — как и его смерть в Миссолонги — представляла героическим и закономерным итогом его жизненного и творческого пути (библиографический перечень см.: Тюлина Н. И. Байрон в русской критике и литературоведении // Труды гос. библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1961. Т. 5. С. 296, 299; о «греко-байроновской» теме в первых номерах «Московского телеграфа» как об одном из важных контекстов для «Оды (...) Хвостову» см.: Виницкий И. Ю. Граф Сардинский : Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017. С. 291—294).

Для самого Пушкина личность Байрона и его сочинения стали в это время предметом сложного и многопланового осмысления, оказавшего влияние как на его литературное самоопределение и самопрезентацию, так и на бытовое поведение. Центральные главы «Онегина», работа над которыми шла в Михайловском, и «Граф Нулин» (автограф которого датирован 13—14 декабря 1825 г.), писались с явной ориентацией на «Дон Жуана» и «Беппо»; к эстетическим мнениям Байрона в его споре с У. Боулзом Пушкин апеллировал в эпистолярной полемике начала 1825 г. с Рылевым и Бестужевым (подробнее см.: Мазур Н. Н. Поэтический badinage Пушкина и Языкова в середине 1820-х годов : Новые перспективы // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 6 (в печати)); постоянное внимание к творчеству Байрона и биографическим публикациям о нем заметно в письмах к Вяземскому 1824—1826 гг. При этом пушкинские высказывания о Байроне и его сочинениях отличаются неоднозначностью оценок и критичностью суждений, свидетельствующими о глубине и интенсивности его рефлексии (см. заметку Пушкина «(О драмах Байрона)» (1827), суждения о Байроне в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827)).

Весной 1825 г. сопоставление Пушкина с Байроном стало общим местом критических отзывов о новых пушкинских текстах — прежде всего о первой главе «Евгения Онегина» (вышла в свет 18 февраля 1825 г., см.: П. в печати. С. 28). Одним из сквозных мотивов рецензий и эпистолярных отзывов (см. письма к Пушкину Бестужева и Рыльева от 5—7 января, 12 февраля, 9 и 10 марта 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 133, 141—142, 148—150) были упреки в отсутствии масштабного замысла, высокой цели и «высокого героя», что, по мнению критиков, ставило Пушкина гораздо ниже Байрона. Такие оценки «Онегина», равно как и стремление рецензентов указать его автору направление «правильного» подражания Байрону, очевидно, должны были вызывать раздражение Пушкина.

Пародийная «Ода (...) Хвостову» таким образом оказывалась ироничным и многоплановым ответом Пушкина на различные претензии и притязания критиков. Предлагая в преемники Байрона всеми осмеиваемого графа Хвостова, который всегда избирал для своих сочинений и «возвышенный предмет», и «высокий слог»,

Пушкин смеялся как над настойчивыми сопоставлениями своего творчества с Байроном, так и над стремлением утвердить актуальную ценность «старых» высоких жанров. Сочинитель комической «Оды <...> Хвостову» доказывал, что серьезное обращение к жанрам оды или эпической поэмы в современной литературной ситуации невозможно, вступая в полемику с новейшими пропагандистами высокой поэзии.

В «Оде...» утрированы и обыграны характерные особенности стиля эпигонов классической оды (и в частности, Хвостова): замысловатая описательность, натянутость антитез, грубое неблагозвучие, стечение односложных слов, архаичный синтаксис, обилие славянизмов, усеченных прилагательных, причастий, малоупотребительных слов и словарных форм (анализ стиля пушкинской пародии см.: Виноградов. Стиль П. С. 499—502). По мнению А. В. Западова, «примечания Пушкина <...> метко пародируют примечания Хвостова к его творениям. Относясь к своим произведениям с необычайной серьезностью, Хвостов снабжал их обширным комментарием — реальным, библиографическим, текстологическим, неумолимо разъясняя каждый термин, каждую метафору, приводил справки исторического и естественнонаучного характера, оговаривал заимствованные у других поэтов выражения и по любому поводу цитировал собственные строки» (Западов А. В. Пушкин и Хвостов. С. 266). Пушкин гиперболизировал манеру Хвостова и дал четыре сноски к первым же четырем строкам своей пародии (см.: Новиков В. И. Книга о пародии. М., 1989. С. 365). Как отмечает Э. И. Худошина, «пять примечаний приходится на первую строфу, задающую тон всему произведению, в момент интонационного разбега. Седьмое и восьмое примечания сбивают ликующую интонацию финала, а, кроме того, последние примечания, поясняя *последующие строки*, заставляют читателя произнести отдельно весь „бессмысленный“ набор античных имен» (Худошина Э. И. Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову» // Лирическое стихотворение: Анализ и разборы. Л., 1974. С. 52). Сходный по типу авторский комментарий дан к оде Кюхельбекера «Смерть Байрона», но он предпослан стихотворению, поскольку Кюхельбекер считал, что примечания к стихам «развлекают внимание» читателя (Мнем. Ч. 3. С. 189—191).

Ст. 1. *Султан ярится...* — Точно цитируя начальную строку оды В. П. Петрова «На войну с турками» (см. ниже, с. 677), Пушкин проецирует ее содержание на злободневные события — греческое восстание против владычества Османской империи, которой правил султан Махмуд II (1784—1839; у власти с 1808 г.). Известия о ходе греческого восстания и ответных мерах правительства регулярно и обстоятельно печатали русские газеты и журналы (прежде всего «Сын отечества» и «Вестник Европы»). См., например, сообщение о планах ожесточения турецких военных действий в мае 1824 г.: «В Миссолонги знают, что Порты намерена вести кампанию нынешнего года с большим напряжением; по сей причине и греки вооружаются сообразно обстоятельствам» (Политические и другие происшествия // ВЕ. 1824. № 9. С. 69; ср. сходные известия: СО. 1824. Ч. 93. № 19. С. 243).

Ст. 4. *Трепещет в Стиксе лютый Питт.* — Питт Уильям Младший (Pitt; 1759—1806) — английский государственный деятель; занимая пост премьер-министра Англии (1783—1801), оказывал активную дипломатическую поддержку Турции в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. Известен жестоким подавлением мятежа в Ирландии в 1798 г. По мнению В. Э. Вацуро, упоминание У. Питта, «одного из лидеров европейской антиреволюционной коалиции в 1790-х гг., — пародия

на неоправданный выбор предметов изображения, продиктованный требованиями рифмы» («Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 505, коммент. к «Оде (...) Хвостову»). Возможно, ради соблюдения глазной рифмы в автографе искажено в ст. 4 написание фамилии: «Питт» (в примечании к этому стиху Пушкин записал фамилию английского премьер-министра правильно).

Ст. 5. *И се — летит продерзко судно...* — Продерзкий — «безрассудно отважный, необузданный» (Словарь Академии российской. СПб., 1790. Ч. 2. Стб. 629).

Ст. 7. *Се Байрон, Феба образец...* — Образец здесь в значении «живое, наглядное воплощение какого-либо качества, свойства» (Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 16. С. 59). Ср. в стихотворении Г. Р. Державина «На переход альпийских гор» (1799): «Живого Бога образец» (Державин. Т. 2. С. 295), а также в послании «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...») (1816) молодого Пушкина: «Гордись — ты Мевия надутый образец!» (наст. изд., т. 1, с. 183).

Ст. 8 — 9. *Притек — но недуг быстропарный, Строптивый и неблагодарный, Взнес смерти на него резец.* — 19 апреля 1824 г. Байрон скоропостижно скончался в Миссолонги от лихорадки или, как сказано в пушкинском примечании, от горячки («горячкой» именовали смертельную болезнь Байрона и в журнальных сообщениях о его кончине — см., например: СО. 1824. Ч. 94. № 21. С. 40; МТ. 1825. Ч. 1. № 1. С. 43—44). Быстропарный — быстролётный (см.: Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2. С. 182); ср. в стихотворении Державина «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807): «Громовая стрела, / Луч молнии быстропарной...» (Державин. Т. 2. С. 626). «Прием скопления определенных — нередко очень разнородных и не вполне по смыслу гармонирующих — чисто хвостовский» (Виноградов. Стилль П. С. 500, здесь же см. примеры таких «скоплений» в произведениях Хвостова). Тот же прием пародирован, по мнению Виноградова, в ст. 29 (см.: Там же. С. 501).

Ст. 15. *Как здесь, ты будешь там сенатор...* — Высокий чин Хвостова (тайный советник с 1800 г.) и звание сенатора (с 1807 г.) в сопоставлении с его поэтической репутацией неоднократно становились предметом высмеивания в эпиграмах и пародиях: «В Сенате третьего я класса, / А здесь в 15-й попал» (Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг и др. «Певцы 15 класса» (1822) — Боратынский ПСС. Т. 3. С. 161); «Хвостов на Пинде — соловей, / Но только соловей-разбойник, / В Сенате он живой покойник, / И дух нечистый средь людей...» (пародийное четверостишие П. А. Вяземского в его письме к А. И. Тургеневу от 25 марта 1825 г. — ОА. Т. 3. С. 109).

Ст. 18 — 19. *Где от крови земля промокла: Перикла лавр, лавр Фемистокла...* — Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — выдающийся политический деятель Древней Греции, неоднократно избиравшийся стратегом Афин. Фемистокл (ок. 525—ок. 460 до н. э.) — знаменитый полководец Афинской республики периода греко-персидских войн (500—449 до н. э.). Ту же пару персонажей античной истории Пушкин упомянул в письме к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г., в котором, с одной стороны, резко отзывался о современных греках, а с другой — рассуждал о смерти Байрона и высказывал намерение написать «вирши на смерть его превосходительства» (Акад. Т. 13. С. 99). Как указал Ю. Н. Тынянов (см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 113), в ст. 18—19 пародируется стихотворение Рылеева «На смерть Байрона» (1824). Ср.:

Давно от слез и крови взмокла
 Эллада средь святой борьбы;
 Какою ж вновь бедой судьбы
 Грозят отчизне Фемистокла?

(Рылеев 1971. С. 95)

Сходную рифму Рылеев использовал ранее в послании «А. П. Ермолову» (1821; опубл. 1877):

Уже в отечестве потомков Фемистокла
 Повсюду подняты свободы знамена,
 Геройской кровию земля промокла
 И трупами врагов удобрена!
 Проснулись вздремавшие перуны,
 Отвсюду храбрые текут!
 Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
 Тебя все ратники, тебя победы ждут...

(Там же. С. 69)

С рылеевским призывом к «витязю» «течь» в Элладу во имя ждущих его там побед перекликаются ст. 17—20 «Оды <...> Хвостову». Оба стихотворения Рылеева, при его жизни не публиковавшиеся, могли быть известны Пушкину в списках. «Пушкин комически подчеркнул рифму Рылеева, изменив ее из опоясывающей на парную; ближе стоящие слова теснее связаны друг с другом, и поэтому сильнее эффект комической неожиданности; кроме того, Пушкин пародически инструментовал второй рифмующий стих трудно произносимым сочетанием согласных <...> употребление богатой рифмы <...> было для него приемом, явно вызывавшим на пародию» (Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 113, 114). В той же пародийной функции богатые рифмы использованы в ст. 25—26: «с верною супругой» — «Судьбы упругой» (см.: Худошина Э. И. Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову». С. 50).

Инструментовка ст. 19, так же как и ст. 23 или ст. 40, воспроизводит пародии арзамасцев на Хвостова (см.: Виноградов. Стилль П. С. 502): «Се росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он, / Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук на Геликон» («Надпись к портрету Хвостова» (1816[?]), сочиненная В. А. Жуковским, Д. В. Дашковым, А. Ф. Восейковым и А. И. Тургеневым, — Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 163).

Ст. 21. *Вам с Бейроном шипела злоба...* — Свои творческие неудачи Хвостов, считавший себя непревзойденным поэтом, приписывал проискам злопыхателей-журналистов и недобросовестных критиков (см.: Занадов А. В. Пушкин и Хвостов. С. 268). Уподобление завистников шипящим змеям — устойчивый поэтический образ, обычно возникающий в русской поэзии начала XIX в. при обращении к мотивам послания Буало к Расину («Epitre VII. A Racine», 1677). У Буало, однако, завистники подлинного таланта уподобляются каркающим воронам: «Ses rivaux obscurs autour de lui croassent» (Его помраченные соперники каркают вокруг него — фр.) (*Boileau-Despréaux N. Œuvres / Avec les comment. rev., corr. et augm., par [E. L. N.] Viollet-le-Duc. Paris, 1823. P. 138*; это издание имелось в библиотеке Пушкина: Библиотека П. № 661. С. 173). Русские поэты чаще всего заменяли это уподобление сравнением с шипящими змеями. См. в переводе послания к Расину,

выполненном Хвостовым в 1821 г.: бард «состызателей шипеньем оглушится» (НЗ. 1821. Ч. 6. № 5. С. 135), та же замена — в «Послании к Н. И. Гнедичу» (1821) К. Ф. Рылеева, имеющем подзаголовок «Подражание VII посланию Дрепрео»: «Не удивляйся же, что зависть вкруг тебя / Шипит, как черная змея!» (Рылеев 1971. С. 83); ср. также в «Ответе на послание Василью Львовичу Пушкину» (1814) П. А. Вяземского, написанном с опорой на послание Буало: «Не знает о врагах, шипящих вкруг него» (Вяземский 1986. С. 73). См.: *Богданович Е. В.* «Épître VII. A Racine» Н. Буало как образец для русских посланий 1810-х годов о поэте и завистниках // *Вестн. Череповецкого гос. ун-та.* 2011. № 3 (32). Т. 2. С. 48—50. При обращении к Пушкину в знаменитом стихотворении Кюхельбекера «Поэты» (1820) образ шипящих змей дополняется восходящим к Буало образом каркающих ворон: «Певец любви, певец Руслана! / Что для тебя шипенье змей, / Что крик и Филина и Врана?» (Кюхельбекер. Т. 1. С. 133). См. также в стихотворении И. И. Козлова «Бейрон» (1824): «Увядшей расцвел он душою; / Но злоба шипела, дышала бедой...» (Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 89. (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 24—25. *Се, мнится, явно сходство есть. — Никак!..* — В. В. Виноградовым приведены примеры широкого использования в одах подобной риторической фигуры (см.: Виноградов. *Стиль П.* С. 501). Ср. в «Письме о пользе стекла...» (1752) М. В. Ломоносова: «Но столько ли уже, / Стекло, твоих похвал, / Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал? / Никак! Сие твоих достоинств лишь начало...» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 510); в «Гармонии мира» (1806—1809) В. В. Дмитриева: «Исчезнет, кажется, сущность прекрасна / Под острой времени косою? / Никак! — закону общему подвластна, / Подъежится опять, восходит, возрастает...» (Поэты-радищевцы : (А. Х. Востоков, И. П. Пнин, И. М. Борн, В. В. Попугаев и другие поэты Вольного общества любителей словесности, наук и художеств). Л., 1979. С. 280 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 28. *Глубок он, но единообразен...* — Подобное мнение было высказано в статье Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...», где «однообразному Байрону» был противопоставлен «огромный Шекспир» (Мнем. Ч. 2. С. 41; Кюхельбекер 1979. С. 458). В статье «Разговор с Ф. В. Булгариным», вызванной рецензией на вторую часть «Мнемозины», Кюхельбекер уточнял эту характеристику: «Байрон однообразен, и доказать сие однообразие не трудно. — Он живописец нравственных ужасов, опустошенных душ и сердец раздавленных: живописец душевного ада (...)*Гяур, Корсер, Лара, Манфред, Чайльд-Гарольд* Байрона — повторения одного и того же страшного лица» (Мнем. Ч. 3. С. 172—173; Кюхельбекер 1979. С. 466—467). Представление об «однообразии» «субъективного» гения Байрона, противоположного всеобъемлющим «объективным» гениям вроде Шекспира и Гете, стало, начиная с середины 1820-х гг., общим местом русской эстетики и критики (примеры см.: *Хитрова Д. М.* Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 3: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 160—162, 167—171). Пушкинские отзывы о творчестве Байрона в этом отношении отличались противоречивостью (см.: *Виницкий И. Ю.* Граф Сардинский. С. 296): в ряде эпистолярных высказываний и критических заметок Пушкин всерьез говорил об однообразии английского поэта (см., например, в наброске «(О драмах Байрона)» (1827): «...он постиг, создал и описал

единый характер (именно свой)...» (Акад. Т. 11. С. 51)), но, с другой стороны, отмечал сложность его эволюции и существенные отличия поздних сочинений Байрона от его ранних поэм — см. в письме к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 99).

Ст. 29. *А ты глубок, игрив и разен...* — Упоминание о разнообразии творчества Хвостова могло восходить к арзамасским шуткам в адрес графа; ср. его характеристику в знаменитой речи Д. В. Дашкова, читанной в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 14 марта 1812 г.: «...ныне в первый раз восседает с нами краса и честь Российского Парнаса <...> Гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. <...> зависть тщетно старалась помрачить блистательный полет почтеннейшего Сочлена нашего Его Сиятельства гр<афа> Д<митрия> И<вановича> Х<востова>. <...> Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 183; к тому же фрагменту речи Дашкова, может быть, отсылает и эпитет «быстропарный» в ст. 8 — см.: *Виницкий И. Ю.* Граф Сардинский. С. 285). В ритмико-синтаксическом и частично в лексическом плане эта строка «Оды... Хвостову» повторяет стих одной из «байроновских строф» «К морю»: «Как ты могущ, глубок и мрачен», создавая автопародийный эффект (см.: *Гаспаров М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4. С. 8).

Ст. 31—36. *А я, ведомый Пишта, В восторге новом воспою* *Вослед Пишта знаменита Правдиву похвалу свою, Моляся кораблю бегущу, Да Бейрона он узрит кущу...* — Помимо процитированного Пушкиным в примечании 7 стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794), здесь обыгрывается сюжет оды Горация «К кораблю Вергилия. На отъезд поэта Вергилия в Афины» (Сарт. I, III; «Sic te diva potens Surgi...»; отмечено: *Виницкий И. Ю.* Граф Сардинский. С. 299—300), которая неоднократно переводилась русскими авторами, в том числе Дмитриевым (1794; опубл.: *Дмитриев И. И.* Сочинения и переводы. М., 1805. Ч. 3. С. 84—86) и Хвостовым (опубл.: *Друг просвещения.* 1804. Ч. 1. № 3. С. 215—216). См. в версии Дмитриева: «Лети, корабль, в свой путь с Вергилием моим, / Да сохранят тебя светила благотворны <...> Лети! и принеси безвредно по волнам / Ты друга моего к Аттическим брегам» (Дмитриев 1967. С. 92). Мотивы этой оды Пушкин использовал в стихотворении «Кораблю» (1824; см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 144, 908-909, примеч. Г. Е. Потаповой) и — в ироничной огласовке — в послании А. Л. Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип...», 1824; см.: Там же, с. 98, 796, примеч. Е. О. Ларионовой, Н. Г. Охотина).

Ст. 38—40. *Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея ~ Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.* — «Излюбленный в одическом стиле вообще и в языке Хвостова в частности прием скопления мифологических имен, ярко демонстрируемый тремя последними стихами пушкинской оды <...> пародировался еще в XVIII веке» (Виноградов. Стилъ П. С. 501; здесь же см. образец такой пародии, написанный в конце XVIII в.). Имя Харона, заключающее пародийный перечень и текст «оды», напоминал об «арзамасской» традиции хоронить в Лете стихи незадачливых поэтов (см.: *Худошина Э. И.* Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову». С. 47—48).

Игры, Смехи — устойчивая поэтическая формула, калькирующая французскую идиому «les jeux et les ris», широко распространенная в русской поэзии XVIII—первой трети XIX в. См., например, стихотворение А. Д. Кантемира «Из Буало.

Сатира третья» («Кая нова причина тебя так смущает...») (1727—1729?) (*Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 348 (Б-ка поэта; Большая сер.)), элегию А. П. Сумарокова «Уже ушли от нас игранья и смехи...» (1759; 1774) (*Сумароков А. П.* Избр. произв. Л., 1957. С. 162 (Б-ка поэта; Большая сер.)), поэму И. Ф. Богдановича «Душенька» (1778, полн. изд. 1783) (*Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 96 (Б-ка поэта; Большая сер.)), стихотворение И. И. Дмитриева «Юность, юность! веселися...» (1795) (*Дмитриев 1967.* С. 301), стихотворение А. Е. Измайлова «На болезнь С. Д. П(ономаревой)» (Невский альманах на 1825 год. С. 226). См. также в оде Д. И. Хвостова «Осень»: «Бегут, режутся, игры и смехи» (*Хвостов Д. И.* Оды. М., 1801. С. 123) и в лицейской редакции стихотворения Пушкина «Гроб Анакреона» (1815): «Вот и музы, и хариты / В гроб любимца увели, / Плющем, розами повиты, / Игры, смехи вслед ушли» (наст. изд., т. 1, с. 147; в редакции, подготовленной для Ст 1826, последний стих изменен: «Игры вслед за ним пошли...» — там же, с. 148).

Примечание 1. *Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.* — В зачине пушкинского стихотворения прямо цитируется начальная строка оды «На войну с турками» (1768 или 1769) В. П. Петрова (1736—1799): «Султан ярится! ада дщери, / В нем фурии раздули гнев» (*Поэты XVIII в. Л., 1972.* Т. 1. С. 338). О В. П. Петрове см. примеч. к стихотворению «Воспоминания в Царском Селе» (1815) (наст. изд., т. 1, с. 616), в котором имя Петрова упомянуто рядом с Державиным. Внимание Пушкина к сочинениям Петрова незадолго до создания «Оды (...) Хвостову» могла привлечь статья П. А. Плетнева «Разбор оды Петрова „Его превосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову“, писанной 1796 года» (*Соревн. 1824.* Ч. 25. № 3. С. 265—284), где давалась высокая оценка творениям Петрова, который был назван «одним из лучших поэтов наших»: «Петров, стоя между Ломоносовым и Державиным, сими превосходными лириками, кажется, не исчезает в их славе» (Там же. С. 266). Статья Плетнева, по-видимому, послужила одним из источников для стихотворения Пушкина «(Н. С. Мордвинову)» («Под хладом старости угрюмо угасал...») (1825—1827 (?)), содержащего сочувственную характеристику творчества Петрова — «вещего пиита», одного из «седых орлов Екатерины» (*Акад. Т. 3.* С. 46; о вероятной связи поэтики и прагматики «Оды (...) Хвостову» и «оды» Мордвинову см.: *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* СПб., 2017. Вып. 3. С. 151, статья А. С. Бодровой). Ср. употребление «высокого» глагола «яриться» в оде Хвостова «Осень»: «Борей свирепыми крылами / Шумя, в подсолнечной летит, / Колеблет гордыми дубами, / Ярится, злобствует, свистит...» (*Хвостов Д. И.* Оды. С. 122), а также в стихотворениях Кюхельбекера «Рогдаевы псы»: «Орда не ярилася в древних стенах...» (*Мнем. Ч. 3.* С. 13; отмечено: *Виноградов. Стиль П.* С. 499) и «Смерть Байрона»: «Так водопад между скалами, / Ревет, пугает взор и слух; / Ярьась, стремится в край надзвездный: / Вдруг исчезает в мраке бездны» (*Мнем. Ч. 3.* С. 197).

Пушкинские первое и седьмое примечания имитируют манеру примечаний Хвостова. Так, например, в его оде «Смерть Суворова» стих «Где ветер дышать переставал» поясняется: «Подражание прекрасному стиху г. Ломоносова: „Где ветры могут только дуть“» (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1817. Ч. 1. С. 69, 226).

Примечание 2. *Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюх(ельбекером) в стихотворном его письме к г. Грибоедову.* — Ср. в послании Кюхельбекера «Грибоедову»:

Певец! тебе даны рукой судьбы
 Душа живая, пламень чувства,
 Веселье светлое и тихая любовь
 Высокого искусства
 И резвоскачущая кровь!
 (МТ. 1825. Ч. 1. № 2. С. 118)

На этом выражении Кюхельбекера заострил внимание критик «Благонамеренного» Н. Ф. Остолопов во второй части статьи «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы», в продолжении которой язвительно разбиралась пушкинская эпиграмма «Приятелям» (см. примеч. к ней — наст. т., с. 642). Остолопов писал: поэт «говорит, что г. Грибоедов „возлетит над песнями толпы“, что рукой судьбы даны ему душа живая, пламень чувства, веселье светлое, тихая любовь высокого искусства и „резвоскачущая кровь“! — Не останавливаясь на резвоскачущей крови, заметим только, что следовало бы объяснить, к какому именно искусству дана г. Грибоедову тихая любовь» (Благ. 1825. Ч. 29. № 12. С. 440—441; отмечено: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 113). В первой половине мая 1825 г. Пушкин писал брату: Кюхельбекер «верно сердится на меня за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Грив(оелов)а*» (Акад. Т. 13. С. 175). Можно предположить, что Пушкин рассчитывал на распространение «Оды... Хвостову» в кругу близких ему литераторов. По замечанию Тынянова (Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 112), «Пушкин пародически подчеркнул здесь выражение Кюхельбекера, изменив конструкцию причастия (...) в глагол и обострив, таким образом, алогизм эпитета; эпитет „резво-скачущая кровь“ примыкает к излюбленным архаистами сложным эпитетам», восходящим к одическим формулам XVIII в. Ср. в дифирамбе А. П. Бенитцкого «Возвращение Бахуса из Индии» (1809): «Пляшите, пусть земля трепещет / Под резвоскачущей стопой...» (Поэты-радищевцы. С. 427; указано: Виноградов. Стиль П. С. 500).

Примечание 3. Под словом *клады* должно разуместь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам. — Леонид (Λεωνίδας; 508/507—480 до н. э.) — спартанский царь, командовавший в битве при Фермопилах отрядом греческих воинов, который остановил продвижение персидской армии царя Ксеркса во время греко-персидской войны; Ахиллес — легендарный герой Троянской войны; Мильтиад (Μιλτιάδης; ок. 550—489 до н. э.) — знаменитый государственный деятель Древней Греции и полководец, командовавший афинским войском в битве при Марафоне в 490 г. до н. э. Этим героям Греции уподоблены современные «этеристы», далекие, по южным впечатлениям Пушкина, от воинских идеалов прошлого. В 1823—1824 гг. он писал о греках, участниках освободительной борьбы с турками: «...толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня дрянных турецких стрелков (...). Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева (...) — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они все сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла» (Акад. Т. 13. С. 105, 529; оригинал по-фр.).

Примечание 6. *Графиня ... Хвостова* ~ *достойная супруга маститого нашего Певца*. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее

Темирою (см. последн(ее) замеч(ание) к оде: «Заздр(авный) кубок»). — Перечень различий между Хвостовым и Байроном Пушкин начинает с противопоставления семейного союза «маститого нашего Певца» неудачному браку Байрона, окончившемуся скандальным разводом. Расставание Байрона с женой, приведшее к его отъезду из Англии в апреле 1816 г., стало важным фактом его литературной биографии — в частности, благодаря публикации сразу же ставшего знаменитым стихотворения «Fare thee well» (первые его строки Пушкин впоследствии выберет эпиграфом для восьмой главы «Евгения Онегина»).

Хвостов вводил в стихотворные произведения упоминания о своем удачном браке. Его жена, урожд. княжна А. И. Горчакова (1768—1843), приходилась племянницей А. В. Суворову по материнской линии, этим родством Хвостов очень гордился. Обращение к жене под именем Темиры встречается в его стихотворениях «Мои желания» (1793), «Реке Кубре» (1806), «Явление Кубры» (1823), «Родовой ковш» (1823) и др. В примечании к последнему говорится: «Темирою автор всегда называет свою супругу...» (Хвостов Д. И. Родовой ковш / С нем. переводом. СПб., 1823. С. 12). Видимо, это стихотворение Пушкин и имеет в виду, поскольку произведения под названием «Заздравный кубок» у Хвостова нет. Ода «Родовой ковш» была известна арзамасцам. 26 октября 1823 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Читал ли „Родовой ковш“ графа Хв(остова)? Он мне всучил его за обедом у церковного старосты. Он опять становится прелестен» (ОА. Т. 2. С. 363; см.: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 505, коммент. В. Э. Вацууро).

Примечание 7. *Подражание е(го) высокопр(евосходительству) действ(ительному) тайн(ому) сов(етнику) Ив. Ив. Дм(итриеву), знаменитому другу гр. Хвос(това): К тебе я руки простирал / Уже из отческа кущи, / Взирая на суда бегущи.* — Поэт и государственный деятель, действительный тайный советник с 1819 г., И. И. Дмитриев (1760—1837) в 1790-е гг. прославился в жанрах стихотворной сказки и стихотворной сатиры, был признан как мастер малой формы (высоко ценились его эпиграммы, надписи, мадригалы) и автор «чувствительных» песен, но обращался и к высокому жанру, к которому принадлежит, в частности, ода «К Волге», развивающая историческую тематику. «Знаменитый друг — ироническая формула, распространившаяся в полемической литературе 1820-х гг., после того как А. Ф. Воейков, перечисляя наиболее замечательных вкладчиков журнала «Сын отечества», применил ее к Жуковскому и Вяземскому и подчеркнул кружковую общность карамзинистов («...наши знаменитые друзья, В. А. Жуковский, к. П. А. Вяземский, обогащают, по своему обещанию, наш журнал превосходными своими стихотворениями» (СО. 1821. Ч. 68. № 13. С. 277); см.: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 505, коммент. В. Э. Вацууро); о французском источнике этой формулы («illustres amis») см.: Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 482. Определяющей для репутации и авторрепрезентации Дмитриева была его многолетняя «знаменитая дружба» с Н. М. Карамзиным — ср. аттестацию Дмитриева в «Парнасском адрес-календаре» А. Ф. Воейкова: «И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы с ношением лаврового венка» («Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 7). Именование Дмитриева «знаменитым другом» Хвостова было, конечно, едким пушкинским выпадом в адрес старшего поэта.

Хотя Хвостов не раз декларировал в своих стихах «дружбу» с Дмитриевым — см., например, послания «Ивану Ивановичу Дмитриеву, в марте месяце 1803 года» («Мы в белокаменной вновь свиделись Москве...»), «К Ивану Ивановичу Дмит-

риеву» («Пусть Буало твердит, что над стихами век...») (1810) (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1817. Ч. 2. С. 110—113, 135—138), сам Дмитриев старательно стремился дистанцироваться от такой «дружбы» (о соперничестве Дмитриева и Хвостова в 1800-е гг. см.: *Вацуро В. Э. И. И.* Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // *Вацуро 2000*. С. 9—53). Дмитриеву принадлежат эпиграммы на Хвостова: «На рождение лирика» («Пегас под бременем лирических творцов...») (не позднее 1805 г.; см.: *Степанов В. П.* Заметки о В. Л. Пушкине // *ПИМ*. Т. 11. С. 253, 260) и «Эпиграмма» («Подзобок на груди и, подогнув колена...») (не позднее 1807 г.). Известностью пользовались его ответы на присылку новых сочинений Хвостова (см.: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. СПб., 1869. С. 122; *Вацуро В. Э. И. И.* Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 40), стихи которого Дмитриев коллекционировал как примеры «галиматши» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 505, коммент. В. Э. Вацуро).

Желание Пушкина «уципнуть» Дмитриева (см. его выражение в письме к Вяземскому от 6 февраля 1823 г. — *Акад.* Т. 13. С. 58) было вызвано как личными причинами (Пушкин был задет нелестными отзывами Дмитриева о «Руслане и Людмиле» — см. П. в критике, I. С. 360—361, примеч. О. Н. Золотовой), так и литературно-эстетическими разногласиями. Уже в начале 1820-х гг. Пушкин скептически высказывался о поэтических заслугах Дмитриева, с его «чувствами и мыслями, взятыми из Флориана и Легуве» (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. — *Акад.* Т. 13. С. 40). Хорошо известна позиция Пушкина в его споре с Вяземским о Дмитриеве-баснописце: «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского» (письмо к Вяземскому от 8 марта 1824 г. — Там же. С. 89). Поскольку Пушкин хотел видеть в числе первых читателей своей «Оды...» Вяземского, примечание о Дмитриеве можно расценивать как еще один пушкинский аргумент в споре с пропагандистом и биографом последнего (Вяземскому принадлежит обширное предисловие к изданию сочинений Дмитриева 1823 г.: «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»). Архаичную поэтику «Апологов» Дмитриева (М., 1826), воспроизводившую карамзинистскую «гладкость» «среднего стиля», Пушкин спародировал в «Нравоучительных четверостишиях», сочиненных вместе с Н. М. Языковым (см. наст. т., с. 141—143 и 1048—1055). Сближая Дмитриева с Хвостовым, Пушкин подчеркивал их общность как представителей предыдущего литературного поколения (не случайно отсылка к стихам Дмитриева оформлена так же, как отсылка к оде Петрова), чье творчество и критические оценки не могут определять актуальные литературные приоритеты. Об отношении Пушкина к Дмитриеву см. также: *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Дмитриев // *РЛ*. 1966. № 4. С. 30.

Прием официального титулования, использованный как в седьмом примечании, так и в заглавии пушкинского стихотворения, характерен для одического стиля (см.: *Виноградов*. *Стиль П.* С. 500). Образцы седьмого примечания широко представлены в произведениях Хвостова, например, в его послании «О притчах»: «Иван Иванович Хемницер, коллежский советник и Императорской Российской академии член, несколько лет тому назад скончавшийся» (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. Ч. 2. С. 223).

Стихотворение Дмитриева «К Волге» Пушкин цитирует неточно. Во всех прижизненных изданиях Дмитриева этот фрагмент читался:

Свершилось то, чего желал
 Еще в младенческие леты,
 Когда я руки простирал
 К тебе из отческия кущи,
 Взирая на суда, бегущи
 На быстрых белых парусах!
 (Дмитриев 1967. С. 87)

Примечание 8. *Нептун умиряет пред ним продерзкие волны ~ Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пишты.* — Примечание пародирует экфрастические описания виньеток или картин, нередко прилагавшихся к одам. Описание явления мифологических персонажей автору могло быть подсказано стихотворением Кюхельбекера «Смерть Байрона», где «Певцу Руслана и Людмилы» являются видения, которые «суть олицетворенные произведения» Байрона: «Злоещий Дант, страдалец Тасс / Исходят из подземной сени...» (Мнем. Ч. 3. С. 189—190, 194—195); ср. у Пушкина: «Плутон исходит из преисподней бездны...».

Упоминание Псиши, которая «в образе Ипполита Богдановича ему завидует», служит иронической отсылкой к поэме И. Ф. Богдановича (1743—1803) «Душенька», представляющей собой вольное переложение сказки Ж. де Лафонтена (La Fontaine; 1621—1695) «Любовь Психеи и Купидона» («Les Amours de Psyché et de Cupidon», 1669; имя героини в XVIII—начале XIX в. устойчиво передавали как «Псиша» (от фр. Psyché)). «Зависть» Богдановича, согласно пародийному замыслу Пушкина, вызвана переводами басен Лафонтена Хвостовым. На этом поприще он вступил в 1800-х гг. в соревнование с Дмитриевым (см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 21—22). В 1805 г. С. П. Жихарев описал в дневнике негодование Хвостова по поводу того, «что Ив. Ив. Дмитриеву присвоили в Москве название русского Лафонтена»; утешавший его собеседник назвал Хвостова «нашим Езопом» (Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 22). Богданович («Наперсник милый / Психеи златокрылой» — наст. изд., т. 1, с. 91) упомянут Пушкиным как «победитель» Лафонтена в стихотворении «Городок» (1815); там же (с. 90) в тесной связи друг с другом названы имена Лафонтена и Дмитриева.

«НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...»

(С. 46)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 29 об. — беловой, под текстом росчерк (знак кондовки); вписан на свободное место в левой нижней части листа, на котором до этого другими чернилами были записаны черновики XII и IX строф четвертой главы «Евгения Онегина», отрывок из «Цыган» и фрагмент чернового автографа стихотворения «Жених»; над текстом — портрет П. И. Пестеля. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 10 (указание на автограф); Венг. Т. 2. С. 259. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

- 1) Вторая тетрадь Долгорукова (Долг) — с пометой под текстом: «1824».
- 2) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «К наводнению».

3) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «На наводнение».

Копия, бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (ПЗ), утрачена. Возможно, копия была сообщена Герцену П. В. Анненковым.

Впервые: ПЗ. 1859. Кн. 5. С. 26 — под заглавием: «На наводнение»; в России впервые: Ненапечатанное стихотворение А. С. Пушкина : На наводнение 7 ноября 1824 года // *Время*. 1863. № 2. С. 288 (по тексту ПЗ; с датой под текстом: «1824 г.» и примечанием: «Доставлено Н. В. Гербелем»).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно мартом—апрелем 1825 г. по времени знакомства Пушкина либо с содержанием «Полярной звезды» на 1825 г., приведенным в анонсе «Северной пчелы» (1825. № 26. 28 февр.), либо, более вероятно, с самим альманахом, которому посвящена эпиграмма (после 7 апреля 1825 г. — см. ниже).

Автограф записан позже расположенных на том же листе текстов, которые датируются временем между 8—10 октября (дата на л. 27 об., отмечающая окончание работы над поэмой «Цыганы»; подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю», наст. т., с. 507) и концом октября 1824 г. (датировка письма к П. А. Плетневу на л. 34); к 8—10 октября 1824 г. Т. Г. Цявловская относила портрет Пестеля, нарисованный над автографом «Напрасно ахнула Европа...» (*Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина*. 2-е изд., пересмотренное и расширенное. М., 1980. С. 157—160; то же см.: Жуйкова. С. 267. № 595). Между тем портрет нарисован другими чернилами и более тонким пером, чем остальные записи на листе, и по палеографическим особенностям ближе к автографу эпиграммы. Высказывалось маловероятное предположение, что этот автограф появился в тетради ПД 835 в январе 1826 г. одновременно с портретом Пестеля, в связи с надеждой на то, что «испытания, обрушившиеся на головы поверженных декабристов, пройдут, как прошел когда-то грозный петербургский потоп» (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 63).

Все издания, начиная с публикации в журнале «Время» и до Акад., печатали стихотворение под датой: 1824 г. В Акад. (Т. 2. С. 1159, примеч. Н. В. Измайлова) стихотворение было датировано первой половиной апреля 1825 г.

Эпиграмма посвящена появлению издававшегося А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым альманаха «Полярная звезда» на 1825 г. (ежегодный альманах, выходивший в Петербурге с 1823 г. с подзаголовком «Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности»). Для публикации в альманахе Пушкин предоставил издателям отрывки из поэм «Братья разбойники» (1822) и «Цыганы» (1824), а также послание «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы...») (1821).

Выход альманаха в 1824 г. задерживался из-за нехватки материала; одновременно с «Полярной звездой» готовился первый выпуск «Северных цветов» А. А. Дельвига, и между двумя изданиями возникла конкуренция (см.: Вацууро. Сев. цветы. С. 28—44). 20 сентября 1824 г. Бестужев писал П. А. Вяземскому: «...мы весьма бедны стихами — выручите нас, князь, попросите у Ивана Ивановича (Дмитриева. — Ред.) о том же. Иначе мы должны будем отложить издание до времен более благоприятных, чем нынешние, хотя и не хочется сойти с поля без бою. Слёнин, конечно, имеет все денежные выгоды на своей стороне, ибо сам продавать будет, а выгоды брать ни за что, ни про что, заплатив только треть Дельвигу за торг чужим».

ми стихами. Следств(енно) ему с полгоря давать лучшее издание; но мое мнение — взять простотой, коли сущность хороша, и потому даже не хочется и виньеток делать, ибо раньше я не успел, занятый службою и расстроенный кой-какими обстоятельствами, а Рылеев убитый потерей матери и сына и болезнию своею и своею жены. Впрочем, когда успеем, то постараемся и это сделать, хотя, по граверам судя, потеря и без них велика не будет. <...> Р. S. Нельзя ли поспешить присылкою — мы принимаемся за печатание?» (ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 223—224; Иван Васильевич Слѣнин (1789—1836) — книгопродавец и издатель, готовивший «Северные цветы» на 1825 год; Бестужев и Рылеев отказались от его услуг при подготовке «Полярной звезды» на 1825 г.). 30 сентября 1824 г. в письме к сестрам Бестужев обозначил реально планируемые сроки издания: «...о „Полярной звезде” сообщу вам не совсем приятную новость — мы не издаем ее до святой недели, чтобы не издать хуже других. Что с нами делают господа стихотворцы, так и говорить досадно — это сущие кокетки. Без комплиментов с ними не много выиграешь» (цит. по: *Измайлов Н. В. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов : Сб. материалов. Л., 1926. [Кн.] 1. С. 49; Святая (или Светлая) неделя начинается после Пасхи, которая в 1825 г. приходилась на 29 марта). Более сдержанную информацию Бестужев давал Вяземскому, 3 ноября 1824 г. извещая его о «невозможности издать (альманах. — Ред.) к новому году», а 12 января 1825 г. признавался тому же корреспонденту, что «„Звезда” была в забвении до сих пор» — ЛН. Т. 60, кн. 1. С. 226, 228. Лишь 9 марта 1825 г. Бестужев сообщал в письме к Пушкину: «Долго не отвечал я тебе, любезный Пушкин, не вини: был занят механикою издания „Полярной”. Она кончается (т. е. оживает), и я дышу свободнее и приступаю вновь к литературным спорам» (Акад. Т. 13. С. 148).*

7 ноября 1824 г. во время наводнения в Петербурге пострадали многие уже отпечатанные издания. А. Е. Измайлов писал об этом П. Л. Яковлеву 11 ноября 1824 г.: «„Северные Цветы” также размокли, как и „Благонамеренный”, как и новые басни Крылова. У Слѣнина сверх того размокли более 100 экз. „Истории” Карамзина, которая хранилась в кладовой городской башни. Булгарин и Греч радуются и помирают со смеху, а Слѣнин на них сердит» (цит. по: *Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Т. 8. С. 163; «О наводнении в С. П. бург. Письма к П. Л. Я(ковле)ву» А. Е. Измайлова были напечатаны в начале 1825 г. в «Благонамеренном» (Благ. 1825. Ч. 29. № 1. С. 25—29; № 2. С. 73—81), о размокших экземплярах изданий сообщалось в первом номере журнала (С. 26—27)). 11 ноября 1824 г. О. М. Сомов, живший в одном доме с Рылеевым, писал ему: «Бедный наш Корнилович пострадал с своею „Стариной” <...> зато и „Северные цветы” подмокли в луковицах и, вероятно, не скоро расцветут. Александр (Бестужев. — Ред.) говорит, что они, вероятно, были прежде очень сухи, а теперь слишком водяны» (цит. по: *Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. : В 2 т. М., 1907. Т. 2. С. 171). О том, что «Северные цветы» пострадали от наводнения, Пушкин знал от брата Льва Сергеевича (см. письмо к нему от начала 20-х чисел ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 122). Если какие-то листы «Полярной звезды» уже были отпечатаны к 7 ноября, они тоже могли пострадать, но сведений об этом не имеется (известно лишь, что затоплена была квартира Рылеева — см. его письмо к жене от 27 января 1825 г. (*Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 117*); показательно, что Сомов, сообщая Рылееву об уроне, нанесенном разным изданиям, ни слова не сказал о его альманахе.**

15 декабря 1824 г. Бестужев и Рылеев обратились к журналистам с просьбой опубликовать «Объявление об издании „Полярной звезды” на 1825 год», где говорилось, что «издание замедлилось некоторыми обстоятельствами, появится не к 1-му января 1825 года, но к Святой неделе» (Благ. 1825. Ч. 29. № 1. С. 44; то же: Литературные листки. 1824. Ч. 4. № 23, 24. С. 180; МТ. 1825. № 1. Янв. Прибавл. С. 13; СО. 1825. Ч. 99. № 1. С. 111). 28 февраля 1825 г. в № 26 «Северной пчелы» сообщалось, что «„Полярная звезда” уже печатается»; здесь же приводилось ее содержание: «Можно уведомить публику, что в ней будут помещены следующие статьи: в прозе: „Отрывки из путешествия по Швейцарии” В. А. Жуковского; „Гибралтар” Н. А. Бестужева; три повести, переведенные с арабского, персидского и татарского г. Сенковским; три статьи Ф. Н. Глинки; „Обозрение словесности 1824 и начала 1825 годов”; „Ревельский турнир” и „Изменник” А. А. Бестужева; „Еще военная шутка” Ф. Булгарина. В стихах: отрывки из новых поэм А. Пушкина: „Цыгане” и „Разбойники”; две басни И. А. Крылова; одна новая басня И. И. Дмитриева (приятный подарок любителям его музыки, которая слишком долго безмолствовала!); отрывки из „Фауста” А. С. Грибоедова; отрывки из новой поэмы: „Наливайко” К. Ф. Рылеева; разные стихотворения г. Гнедича, князя Вяземского, В. Л. Пушкина, Баратынского, Плетнева, Остолопова, Ф. Н. Глинки, Нечаева, Языкова и пр.». Альманах вышел в свет 20 марта 1825 г. (см.: СПч. 1825. № 35. 21 марта).

Пушкин неоднократно справлялся об альманахе. 25 января 1825 г. он писал Рылееву: «Жду „Пол(ярной) звез(ды)” с нетерпеньем...» (Акад. Т. 13. С. 134). 10 марта Рылеев сообщил Пушкину: «„Полярная звезда” выйдет на будущей неделе» (Там же. С. 150). 24 марта Пушкин напоминал Бестужеву: «Жду „П(олярной) з(везды)”. Давай ее сюда» (Там же. С. 155). О посылке альманаха Рылеев известил Пушкина 25 марта: «Спешим доставить тебе „Звезду»» (Там же. С. 157). Однако 7 апреля поэт написал брату: «„Полярн(ой)” еще не получил» (Там же. С. 161). Только вопрос Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 20-х чисел апреля (не позднее 24-го): «Что мнишь ты о „Полярной”?..» (Там же. С. 166) — позволяет предположить, что к этому моменту он уже был знаком с альманахом. Вероятно, именно в период с 7 по 24 апреля и была написана эпиграмма. Между тем издатели альманаха тщетно ждали пушкинского отклика о нем. В конце апреля Рылеев жаловался Пушкину: «...не пишешь ни слова о „П(олярной) Звезде»» (Там же. С. 169).

Сообщения о наводнении доходили до Пушкина из различных источников (см.: Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978. С. 149—151 (Сер. «Литературные памятники»)). Пушкин мог узнать о наводнении из газеты «Русский инвалид» (начиная с № 269 от 13 ноября 1824 г.), которую читал в Михайловском (см. упоминание о ней в письме к брату от 4 декабря 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 127). Ранние сведения он получил также из письма Е. М. Ивелич, петербургской приятельницы его сестры. В начале 20-х чисел ноября 1824 г. Пушкин писал брату: «Скажи сестре, что я получил письмо к ней от милой кузины гр(афини) Ив(е)л(ичевой) и распечатал, полагая, что оно столько же ответ мне, как и ей, — объявление о потопе, о Колосовой, ум, любезность и всё тут» (Там же. С. 123). Не исключено, что в конце 1824 или начале 1825 г. Пушкин помимо других материалов о стихийном бедствии читал и статью Ф. В. Булгарина «Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 года», напечатанную в «Литературных листках» (1824. Ч. 4. № 21—22. С. 65—81; ценз. разр. 28 ноября

1824 г.); впоследствии статья была почти полностью перепечатана в книге В. Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге» (СПб., 1826. С. 59—72), на которую в 1833 г. Пушкин сослался в «Предисловии» к поэме «Медный всадник» (см.: Акад. Т. 5. С. 133). В феврале 1825 г. Пушкин познакомился с «Посланием к Н. Н. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» Д. И. Хвостова и оценил его как «прелестный» образец изумительного по своим несуразностям хвостовского стиля (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 137; о Хвостове и его литературной репутации см. примеч. к «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» — наст. т., с. 668—669).

Библейские ассоциации в сочетании с желчной иронией по отношению к Петербургу присутствуют в первом же пушкинском отклике по поводу наводнения — в письме к брату от начала 20-х чисел ноября 1824 г.: «Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet (вот прекрасный случай вашим дамам подмыться — фр.). (...) Что погреба? признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя, для насаждения винограда? На святой Руси не штука ходить нагишом, а хамы смеются. Впрочем это все вздор. (...) Прощай, душа моя, будь здоров и не напейся пьян, как тот — после своего потопы. НЗ. Я очень рад этому потопу, потому что зол. У вас будет голод, слышишь ли?» (Акад. Т. 13. С. 122—123). В дальнейшем, по мере знакомства с подробностями наводнения, отношение к нему Пушкина стало серьезным, но он по-прежнему называл его «потопом» — см. письмо к брату и сестре от 4 декабря 1824 г. (Там же. С. 127).

Эпиграмма содержит пародийную интерпретацию библейского сюжета о всемирном потопе (Быт. 6: 5—8: 19) и одновременно — изложенного в «Метаморфозах» Овидия мифа о Девкалионовом потопе (Ovid. Met. I 316—415). Библейский ковчег, в котором спаслись Ной и его семья, а также «скоты чистые» и «скоты нечистые» (Быт. 7: 8 — ср. ст. 7—8 пушкинской эпиграммы), остановился на горах Араратских (Быт. 8: 4). Ковчег Девкалиона, спасшийся от потопы, пристал на десятый день к горе Парнас (Ovid. Met. I 316—319, ср. ст. 6 эпиграммы). В апрельском номере «Благонамеренного» (ценз. разр. 6 апреля) был напечатан стихотворный перевод этого сюжета, выполненный в 1809 г. (Ибрагимов Н. Девкалион и Пирра: Из Овидиевых Превращений. Баснь VIII // Благ. 1825. Ч. 30. № 15. С. 41—50).

Ст. 1. *Напрасно ахнула Европа...* — Вероятно, имеются в виду отклики европейской прессы на петербургское наводнение 1824 г. В русской печати отмечалось, что европейские журналисты преувеличивают масштабы бедствия, — см., например, отзыв А. Е. Измайлова (Измайлов А. Е. Второе письмо о наводнении к П. Л. Я(ковлеву) // Благ. 1825. Ч. 29. № 2. С. 75).

Ст. 5—6. *Бестужев, твой ковчег на бреге! Парнаса блещут высоты...* — Александр Александрович Бестужев (1797—1837), литературный критик, прозаик, издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманахов «Полярная звезда» и «Звездочка», член Северного тайного общества. Парнас — место обитания Аполлона и муз — упоминался в письме Рылеева к Пушкину от 25 марта 1825 г. о «Полярной звезде»: «Уверены, что она понравится Пушкину и заранее радуемся этому. Она здесь всем пришла по сердцу. Это хоть не совсем хороший знак; но уверены, что в ней есть довольно и таких пес, которых похвалить не откажутся и истинные ценители произведений нашего Парнаса. Мы много одолжены нашим добрым поэтам и прозаикам за доставленные пьесы, но как благодарить тебя, милый Поэт, за твои

бесценные подарки нашей „Звезде“? От „Цыган“ все без ума, „Разбойникам“, хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались» (Акад. Т. 13. С. 157).

Ст. 7 — 8. *И в благодетельном ковчеге Спаслись и люди, и скоты.* — Намек на пестроту состава авторов альманаха (см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 14; ср.: *Измайлов Н. В.* «Медный всадник» А. С. Пушкина. С. 151). В «Полярной звезде» на 1825 г. действительно были напечатаны произведения литераторов, весьма различных по таланту, направлению, литературной и личной репутации: Пушкина, Е. А. Баратынского, Н. А. и А. А. Бестужевых, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, Н. И. Гнедича, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, Д. В. Дашкова, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, И. И. Козлова, А. О. Корниловича, И. А. Крылова, В. К. Кюхельбекера, П. А. Плетнева, В. Л. Пушкина, К. Ф. Рыльева, В. И. Туманского, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского, В. Н. Григорьева, Н. Д. Иванчина-Писарева, Е. П. Зайцевского, К. П. Масальского, С. П. Нечаева, П. Г. Ободовского, С. Е. Раича, В. С. Филимонова. По предположению А. В. Поляковой, слова о «ковчеге», в котором «спаслись и люди, и скоты», были вызваны не столько содержанием альманаха, сколько помещенной в нем статьи Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». В литературных обзорах, открывавших каждую книжку «Полярной звезды», Бестужев стремился избегать негативных оценок. Его благожелательные отзывы о таких авторах, как Д. И. Хвостов, А. А. Шаховской, С. А. Ширинский-Шихматов, М. Т. Каченовский, А. Е. Измайлов, нередко вызывали неудовольствие в пушкинском кругу. Закljučая обзор, напечатанный в «Полярной звезде» на 1825 г., Бестужев писал, что русские журналы «вряд ли уступают иностранным. (...) Немцы уж давно живут переводами из журнала г. Ольдекопа, у которого, не к славе здешних немцев, едва есть тридцать подписчиков...» (ПЗ 1825. С. 411). Е. И. Ольдекоп (1786—1845), издатель журнала «St. Petersburgische Zeitung», совершил в 1824 г. контрафактную публикацию «Кавказского пленника». Затяжная война с этим литературным грабежом не увенчалась успехом. «Надо полагать, что имя Ольдекопа, помещенное в обзоре Бестужева во вполне благоприятный контекст, и вызвало эпиграмму о спасаемых в общем ковчеге людях и скотах. Впрочем, пуант стихотворения получал и более широкий смысл, он соответствовал той общей репутации бестужевских обзоров, которая сложилась в глазах современников, прежде всего — в глазах литераторов пушкинского круга» (Полякова А. В. Люди и скоты в ковчеге Александра Бестужева : (Об эпиграмме Пушкина «Напрасно ахнула Европа...») // РЛ. 2018. № 2. С. 166—171.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

(«Как! жив еще Курилка журналист?..»)

(С. 47)

Автограф (ПД 1261, л. 46) — белой, в письме к Л. С. Пушкину, написанном около (не позднее) 15 мая 1825 г. Напечатано: *Лонгинов М. Н.* Неизданная эпиграмма Пушкина (1825) // Совр. 1857. № 7. Отд. III. С. 78.

Копии:

1) А. И. Тургенева (РГАЛИ, ф. 195 (Остафьевский архив), оп. 1, № 5083, л. 118) — на одном листе с эпиграммой «Литературное известие» (1825); с ошибка-

ми в ст. 3 («И глуп и груб» вместо: «И груб и глуп») и в ст. 7 («угасить» вместо: «загасить»). На л. 118 об. приписка С. И. Тургенева, обращенная, по-видимому, к П. А. Вяземскому и датированная, как установила Р. Б. Заборова (см.: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 49), 29 мая 1825 г.: «Вот вам еще стихи от брата, сего дня полученные. Не решили ль чего об отъезде в Петербург 9-го? Пятница, вечер».

2) Л. С. Пушкина (РГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, № 6, л. 2 об.) — с ошибками в ст. 3 («И глуп и груб» вместо: «И груб, и глуп») и в ст. 7 («задушить» вместо: «загасить»), на сложенном вдвое листке почтовой бумаги малого формата с водяным знаком 1820 г.; на первой из получившихся четырех страничек (л. 2) — автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Очарованье красоты» (1824), затем записи рукой Л. С. Пушкина: на л. 2 об. — пушкинские эпиграммы «Как! жив еще Курилка журналист?...» и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (1821), на л. 3 — «В Элизии Василий Тредьяковский...» («Литературное известие», 1825) и «У Кларисы денег мало...» (1822), на л. 3 об. — «Как брань тебе не надоела!...» (1821), «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» (1827—1828) и эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник...» (1830). Указано: *Щеголев П. Е. Поэтические тексты // Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 332.*

Впервые: *Совр.* 1857. Отд. III. № 7. С. 78 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: *Генн.* 1859. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется первой половиной мая 1825 г. по содержанию письма, в котором эпиграмма была сообщена Пушкиным брату. В письме упоминается о получении альманаха «Талия», отправленного Ф. В. Булгариным в Михайловское 25 апреля 1825 г. (см. его письмо к Пушкину от этого числа — *Акад.* Т. 13. С. 168), и о послании «Козлову» (1825), автограф которого датирован «15 мая», как еще ненаписанном или во всяком случае незавершенном: «Хочется отвечать ему <Козлову> стихами, есть ли успею, pošлю их с этим письмом» (Там же. С. 174). Пушкин успел исполнить это намерение, приложив послание «Козлову», а также эпиграмму «Литературное известие» к тому же письму (см. примеч. к ним — наст. т., с. 700 и 690—691).

3 марта 1825 г. П. А. Плетнев писал Пушкину в Михайловское: «Не знаю, отчего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно, ждут от тебя послания. Каченовский все хлопочет о „Кавказск(ом) Пл(еннике)“, а его, бедного, уж нет и в лавках» (*Акад.* Т. 13. С. 148). Речь шла о статье «Мысли и замечания», помещенной за подписью «Юст Веридиков» в журнале «Вестник Европы», издаваемом М. Т. Каченовским (1825. Ч. 139. № 3; выход в свет 19 февраля, см.: *Летопись* 1999. Т. 2. С. 23). О Каченовском см. примеч. В. Э. Вацуро и А. И. Роговой к эпиграммам: «<На Каченовского>» («Бессмертною рукой раздавленный зои...») (1818) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 525—528), «<На Каченовского>» («Клеветник без дарованья...») (1821) (там же, т. 2, кн. 2, с. 585—586), «<На Каченовского>» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») (1821) (там же, с. 587—588), «Охотник до журнальной драки...» (1824) (там же, с. 796—798), а также примеч. к эпиграмме «Литературное известие» (1825) (наст. т., с. 692—694). 14 марта 1825 г. Пушкин, по-видимому, какое-то время не получавший в Михайловском «Вестника Европы», писал брату: «Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (*Акад.* Т. 13. С. 152); ответ Л. С. Пушкина не сохранился. Сведения о критике, помещенной в «Вестнике Европы», Пуш-

кин мог почерпнуть и из «Прибавления» к № 5 «Московского телеграфа» за 1825 г. (выход в свет 16 марта 1825 г., см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 34), где сообщалось: «Г-н Юст (...) вдруг ни с того, ни с сего атакует и „Кавказского пленника“, и кантату, и всех молдаван и черкесов» (С. 84; «кантата» — стихотворение Пушкина «Черная шаль», опубликованное в 1821 г. с подзаголовком «Молдавская песня» и положенное на музыку А. Н. Верстовским). В письме к брату от первой половины мая 1825 г., сообщая текст эпиграммы «Жив, жив Курилка!», Пушкин писал: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому» (Там же. С. 174). Между тем под псевдонимом «Юст Веридиков» скрывался не Каченовский, а М. А. Дмитриев (1796—1866), поэт и литературный критик (позднее — мемуарист), постоянный сотрудник «Вестника Европы».

В статье, давшей повод к написанию эпиграммы, был дан крайне негативный отзыв о стихотворении «Черная шаль» и поэме «Кавказский пленник»: «Сколько смешны ненавистники словесности, столько забавны мнимые обожатели ее. „Вот дарования, вот успехи!“ — кричат поклонники рифм и стихотворных безделок и затягивают на разлад *шалъную* кантату. Между тем как люди благонамеренные трудятся во всю жизнь свою, собирают истины, как пчелы мед, жертвуют мудрости благами жизни вещественной, мнимые уставщики вкуса даже не ведают и не осведомляются, есть ли такие люди на свете: они ищут случая повергнуть венок свой к стопам рифмача или томного воздыхателя. (...) Истинный литератор не решится издать в свет сочинения, из которого ничего больше не узнаете, кроме того, что *некто* был взят в плен; что *какая-то* молодая девушка влюбилась в пленника, который не мог полюбить ее взаимно, *утратив жизни сладострастье*, и наконец, что та же девушка освободила его и сама утопилась. — Стихи, которые с таким жаром называют *музыкаю*, для потомства и даже для современников не значат почти ничего; а истина, которую писатели ученые представляют в лучезарном свете, была и будет спасительна для рода человеческого» (ВЕ. 1825. № 3. С. 227—228; П. в критике, I. С. 256—257; на данную статью как непосредственный повод создания эпиграммы впервые указала О. Б. Билинкис (Билинкис О. Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив Курилка!» // ЛН. Т. 58. С. 338—339)). Ироничное упоминание о «Черной шали» было в «Вестнике Европы» уже не первым (см. в статье «Московские записки» (ВЕ. 1824. № 1. С. 69—72; П. в критике, I. С. 149—150), подписанной «Н. Д.» и, по-видимому, также принадлежащей перу Дмитриева; см. об этом: Билинкис О. Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив Курилка!». С. 339; П. в критике, I. С. 397, примеч. Е. О. Ларионовой).

В письме к поэту от 7 июня 1825 г. Вяземский, которому эпиграмма была переслана для публикации в «Московском телеграфе», писал: «Отдаю (...) твоего Курилку, только боюсь, чтобы цензура не уморила его» (Акад. Т. 13. С. 181). По-видимому, опасения Вяземского оправдались, поскольку в «Московском телеграфе» эпиграмма напечатана не была. Не появилась она и в Ст 1826, хотя была включена в состав оглавления, посланного П. А. Плетневым Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г. (см.: Там же. С. 233; Рукою П. 1997. С. 172). После 1825 г. попыток опубликовать стихотворение «Жив, жив Курилка!» Пушкин не предпринимал.

Заглавие. *Жив, жив Курилка!* — Использованная Пушкиным в заглавии поговорка связана с детской игрой: «Зажгут лучину и пойдет она по рукам, у кого тлеет, жив Курилка; у кого погаснет, тот виноват, зажигай снова»; участники игры при этом поют песню:

Жив, жив Курилка!
 Жив, жив, да умер!
 У нашего у Курилки
 Ножки долгёньки,
 Душка коротёнька,
 Жив, жив Курилка!

(Безсонов П. А. Детские песни. М., 1868. С. 57). По сообщению В. И. Даля, «курилка» — это лучинка или спичка, которая «переходит из рук в руки, с приговоркою: *жив, жив курилка!* или все вместе поют песню *курилку* (ножки тонёньки, душа коротёнька), и выходит из круга, у кого курилка погаснет. *Жив курилка, жив не помер! Жив курилка, жива надежда моя!*» (Даль. Т. 2. Стб. 572). Сведения об игре в «курилку» собраны в статье П. В. Шейна «Народная песня и Пушкин», где высказывается предположение о том, что поэт, «живя подолгу в деревне, имел, вероятно, не раз случай наблюдать эту игру среди сельских детей» (Ежемесячные сочинения. 1900. № 6. С. 103). Примеры использования поговорки в письмах Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, И. И. Пущина см.: *Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики*. М., 2005. С. 241; см. также с. 225.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

(«В Элизии Василий Тредьяковский...»)

(С. 48 и 253)

Автограф (ПД 420, л. 18) (ЦРЗ) — белой, с астронимом «*** ****» в ст. 11 (число звездочек соответствует количеству слогов в имени и фамилии «Михайло Каченовский») и пометой под текстом: «1829», вычеркнутой П. А. Плетневым, — в составе цензурной рукописи Ст 1832. Факсимильное воспроизведение: *Рукоп. П. Изд. О. К.*

Копии:

1) А. И. Тургенева (РНБ, ф. 167 (П. А. Вяземского), № 74, л. 1 об.) (Тург₁) — ст. 10—11 в его письме к А. Я. Булгакову от 28 мая 1825 г. Имя собственное в ст. 11 приведено полностью: «Михайла Каченовский». Стихи, по всей видимости, записаны по памяти — см. ниже сообщение об эпиграмме в письме Тургенева к А. Я. Булгакову от 28 мая 1825 г. Напечатано: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 48 (публ. Р. Б. Заборовской).

2) А. И. Тургенева (РГАЛИ, ф. 195 (Остафьевский архив), оп. 1, № 5083, л. 118—118 об.) (Тург₂) — на одном листе с эпиграммой «Жив, жив Курилка!» (1825), без заглавия; имя собственное в ст. 11 приведено полностью: «Михайла Каченовский». Напечатано: Акад. Т. 3. С. 721 (в виде вариантов; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)). Под стихами приписка, датируемая 29 мая 1825 г. (см. ниже).

3) Л. С. Пушкина (РГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, № 6, л. 3) (Пуш₁) — без заглавия; ст. 7 отсутствует, имя собственное в ст. 11 приведено полностью: «Михайло Каченовский», на сложенном вдвое листке почтовой бумаги малого формата с водяным знаком 1820 г.; на первой из получившихся четырех страничек (л. 2) — автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Очарование красоты» (1824), затем записи рукой Л. С. Пушкина: на л. 2 об. — пушкинские эпиграммы

«Как, жив еще курилка журналист?..» («Жив, жив Курилка!», 1825) и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (1821), на л. 3 — «В Элизии Василий Тредьяковский...» («Литературное известие») и «У Кларисы денег мало...» (1822), на л. 3 об. — «Как брань тебе не надоела!..» (1821), «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» (1827—1828) и эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник...» (1830?). Напечатано: *Щеголев П. Е.* Поэтические тексты // *Щеголев*. Из жизни и творчества П. С. 334 (в виде вариантов).

Возможно, вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 515, л. 1 (составлен в 1830—1831 гг., не позднее начала сентября) — в записи, объединяющей три эпиграммы: «Каченовск(ому) 3» (цифра вписана карандашом — см.: Рукою П. 1997. С. 194, 195); 2) ПД 716 (составлен между 5 и 14 сентября 1831 г.) — в записи: «3 эпигр(аммы) на Кач(еновского)» (см.: Рукою П. 1997. С. 197).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Подснежник. СПб., 1829. С. 188 (Подс), ...и десятью точками, соответствующими 11 буквами в фамилии Каченовского, с заменой в ст. 11 фамилии Каченовского звездочкой; с примечанием издателя (О. М. Сомова): «Чувствительно благодарим почтенного Александра Сергеевича за сие известие и нетерпеливо ждем первой книжки элизейского журнала». Перепечатано: МТ. 1829. Ч. 26. № 8. С. 482—483, в составе рецензии на альманах «Подснежник». Вошло в Ст 1832. С. 32 (отдел стихотворений 1829 г.), с заменой имени и фамилии Каченовского в ст. 11 звездочками («*** **»). Фамилия Каченовского раскрыта: Генн. 1859. Т. 1. С. 430.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1832 с раскрытием в ст. 11 имени (в форме, соответствующей публикации Подс: «Михайло») и фамилии (по копиям Тург₁, Тург₂ и Пуш₁) Каченовского.

В Акад. (Т. 3. С. 153; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)) текст эпиграммы напечатан с раскрытием астронима. Иное решение принял Б. В. Томашевский, который считал необходимым сохранить в ст. 11 астроним в форме, соответствующей автографу ЦРз: «*** ****» (см.: Акад. в 10 т. (2) Т. 3. С. 109).

Датируется 1825 г., предположительно первой половиной мая, на основании письма Пушкина к брату от первой половины мая, письма А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову от 28 мая 1825 г., приписки С. И. Тургенева на копии Тург₂ и письма И. И. Козлова к Пушкину от 31 мая 1825 г. (см. ниже).

В письме к брату, написанном около (не позднее) 15 мая 1825 г. (письмо датируется по содержанию, см. примеч. к стихотворению «Жив, жив Курилка!» — наст. т., с. 687), Пушкин послал эпиграмму «Жив, жив Курилка!», сопроводив ее словами: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому» (Акад. Т. 13. С. 174). По всей видимости, к тому же письму на отдельных листах были приложены еще два стихотворения: «Литературное известие» и «Козлову». Во всяком случае эти три текста стали известны в Петербурге одновременно. 28 мая А. И. Тургенев писал А. Я. Булгакову: «Пушкин прислал к Козлову стихи. Сообщи их Вяземскому и другим (следует текст послания. — *Ред.*). Он послал, чрез брата, Вяземскому две эпиграммы с позволением напечатать, где угодно. Кажется, в одной собрал он всех дурных литераторов и заставил издавать журнал для мертвых, и кончил ее так:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайла Каченовский!

Я не читал ее, но Вяземский может вытребовать их от Льва Пушкина...» (ЛН. Т. 58. С. 48; публ. Р. Б. Заборово́й). На следующий день, 29 мая, Тургенев уже располагал текстом эпиграммы: он снял с нее копию (Тург₂), записав ее на одном листе с копией эпиграммы «Жив, жив Курилка!». На том же листе рукой С. И. Тургенева была сделана приписка, обращенная, вероятно, к П. А. Вяземскому: «Вот Вам еще стихи от брата, сего дня полученные. Не решили ль чего об отъезде в Петербург 9-го? Пятница, вечер» (пятница в конце мая 1825 г. приходилась на 29-е число). О получении послания «Козлову» и эпиграммы «Жив, жив Курилка!» Вяземский писал Пушкину из Остафьева 7 июня 1825 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 181). И. И. Козлов также прочел обращенное к нему послание одновременно с двумя эпиграммами, одной из которых было «Литературное известие». 31 мая 1825 г. он благодарил Пушкина за посвященные ему стихи и писал: «Ваши две эпиграммы на московского журналиста заставляют умирать со смеху, особенно *Василий* и *Михаил*...» (во французском оригинале письма: «*Basile et Michel*» — Акад. Т. 13. С. 176, 537).

На протяжении длительного времени «Литературное известие» датировалось 1829 г. по времени его первой публикации, по помете в автографе в ЦР₃ и в соответствии со Ст 1832, где стихотворение помещено в отдел произведений 1829 г. См., например, датировку «24 февраля 1829 г.» в Акад. (Т. 3. С. 1178, примеч. Т. Г. Зенгер (Цявловской)). Месяц и число здесь определены, по всей видимости, на основании двух свидетельств. Первое из них — воспоминания А. И. Подолинского, написанные в 1872 г. и тогда же напечатанные (см.: РА. 1872. № 3—4. Стб. 856—865): «Однажды у Дельвига, проходя гостиную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: „Помогите нам состряпать эпиграмму...“. Но я спешил в соседнюю комнату и упустил честь сотрудничества с поэтом. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была знаменитая эпиграмма „В Элизи Василий Тредьяковский...“. Насколько помог Шевырев, я, конечно, не спросил» (П. в восп. Т. 2. С. 133). Цявловская установила, что именно этот вечер описан как «вчерашний» в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1829 г. из Петербурга: «Пушкин мне очень обрадовался. Он весьма ласков. Вчера мы провели с ним вместе вечер у Дельвига. Я видел кой-какую литературную сволочь петербургскую. (...) Видел я Подолинского: он все молчал» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 703). Весной и летом 1829 г. пушкинские эпиграммы стали предметом обсуждения в переписке Погодина и уехавшего в Италию Шевырева. 28 апреля—1 мая 1829 г. Погодин сообщал Шевыреву: «Кстати об эпиграммах. Пушкин написал и напечатал две преругательные на Каченовского. В одной рассказывает о новом Журнале в Элизи Вас(илия) Тредьяковского, с сотрудником(ами) Поповск(им), Кург(ановым), Елагин(ым) и пр. Она оканчивается вот как: и ждет теперь Василий Тредьяковск(ий), чтоб подоспел скорей(и) Михайло Каченовский. Пушкин бесится на его за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность» (РА. 1882. Кн. 3. № 5. С. 80; Карпов Н. А. Пушкин в итальянских письмах С. П. Шевырева к М. П. Погодину // Врем. ПК. Вып. 28. С. 208). 22 июня 1829 г. Шевырев отвечал Погодину: «Эпигр(аммы) Пушк(ина) еще при мне в Петерб(урге) были полусделаны. Прочие эпиграммы ты невнятно написал» (Карпов Н. А. Пушкин в итальянских письмах С. П. Шевырева...). Кроме

«Литературного известия» Пушкин напечатал в 1829 г. еще две эпиграммы на Каченовского, написанные в том же году: «Журналами обиженный жестоко...» и «Там, где древний Кочерговский...» (см. о них ниже). Именно о них Шевырев мог говорить как о «полусделанных»; с ними же, а не с «Литературным известием» мог быть связан эпизод на вечере у Дельвига, описанный Подолинским более сорока лет спустя.

На 1825 г. как время создания эпиграммы указывал еще в 1916 г. П. О. Морозов (см.: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 31—32), который ссылался при этом на письмо к Пушкину И. И. Козлова от 31 мая 1825 г. Дату «1825» подтвердила публикация Р. Б. Заборовой (см. выше), в которой, однако, не было ссылки ни на комментарий Морозова, ни на эпистолярное свидетельство Козлова. На основании последней публикации датировка «Литературного известия» была исправлена в Акад. (Т. 17 (Справочный). С. 26). Стихотворение включено в отдел 1825 г. в изданиях Госл. в 10 т. и Худ. лит. в 10 т., однако в других авторитетных изданиях (см., например, Акад. в 10 т., все издания), а также в исследовательских работах стихотворение продолжали ошибочно относить к 1829 г. (см., например, примеч. в изданиях П. в восп. (все издания); П. в критике, II. С. 403).

Эпиграмма адресована редактору журнала «Вестник Европы» Михаилу Трофимовичу Каченовскому (см. о нем примеч. В. Э. Вацуро и А. И. Роговой к эпиграмме «〈На Каченовского〉» («Бессмертной рукой раздавленный зоил...») (1818) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 525—528), «〈На Каченовского〉» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») (1820) (там же, с. 587—588), «〈На Каченовского〉» («Клеветник без дарованья...») (1821) (там же, т. 2, кн. 2, с. 585—586), «Охотник до журнальной драки...» (1824) (там же, с. 796—798)). О выпадах М. А. Дмитриева в адрес Пушкина со страниц «Вестника Европы» как одной из причин появления в мае 1825 г. эпиграммы «Жив, жив Курилка!» см. примеч. к ней (наст. т., с. 687—688). «Литературное известие» написано одновременно с нею, явно как отклик на те же обстоятельства. О возможном существовании дополнительного повода к возникновению эпиграммы см.: Березкина С. В. История эпиграммы Пушкина «Литературное известие» // РЛ. 2004. № 2. С. 145—151.

Причины, по которым «Литературное известие» не появилось в печати вскоре после его написания, неизвестны. Вяземский, откликаясь в письме к Пушкину от 7 июня 1825 г. на получение послания «Козлову» и выражая обоснованное опасение по поводу прохождения через цензуру эпиграммы «Жив, жив Курилка!», почему-то не упомянул вторую эпиграмму, которая, судя по всему, была ему послана вместе с этими стихотворениями (см.: Акад. Т. 13. С. 180—181).

Первое документированное сведение о планах публикации «Литературного известия» относится к 15 марта 1829 г. и содержится в письме готовившего к печати альманах «Подснежник» О. М. Сомова к цензору К. С. Сербиновичу: «Да что прикажете окончательно с застиксовскими журналистами? Благоволите ли дать им цензурное разрешение на объявление о их журнале? Скажите, что можно и чего нельзя напечатать?» (цит. по: Вацуро В. Э. К истории пушкинских изданий : (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // ПИМ. Т. 6. С. 291). Комментируя это письмо, В. Э. Вацуро пояснял, что эпиграмма «Литературное известие» «оказалась неожиданно актуальной в 1829 г., в период обострения борьбы Пушкина с Каченовским, на стороне которого выступил Надеждин» (Там же. С. 292). К весне 1829 г. причиной такого обострения послужила статья Н. И. Надеждина «Две повести в

стихах: „Бал” и „Граф Нулин”, напечатанная в январском и февральском номерах «Вестника Европы» за 1829 г. и содержащая резкий отзыв об обоих произведениях. Воспитанный на идеях немецкой классической философии, требовавший от искусства этического служения, не признававший новейшего романтизма, Надеждин заявлял, что неуместно даже разыскание о роде, к которому принадлежит разбираемое произведение, поскольку они — «из рода вон»; вместо идеи в них «порожнее место». Автор «Графа Нулина» «сотворил чисто из ничего сию поэму. Но зато и оправдалась над ней во всей силе древняя аксиома <...> что из ничего ничего не бывает <...> „Граф Нулин” есть нуль». Картины «дворовой природы» в этой поэме слишком низменны, а изображение «ночного пилигримства» графа Нулина возмутительно. Статья кончалась заявлением, что повести Пушкина и Баратынского «суть прыщички на лице вдовствующей нашей литературы!» (ВЕ. 1829. № 2. С. 151—171; № 3. С. 215—130; П. в критике, II. С. 113—120). Отрицательные оценки «Графа Нулина» были высказаны Надеждиным и в других статьях, помещенных в «Вестнике Европы»: в «Литературных опасениях за будущий год» (ВЕ. 1828. № 22. С. 91, 106) и в фельетоне «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)» (ВЕ. 1829. № 2. С. 113).

Не выглядит случайной и тут же предпринятая перепечатка эпиграммы в № 8 «Московского телеграфа»: она относится ко времени обострения конфликтных отношений его редактора Н. А. Полевого с Каченовским. В сентябре 1828 г. последний поместил в «Вестнике Европы» объявление о подписке журнала на следующий год: «...желаю в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве *Издателя*, т. е. беру на свою ответственность как составление, так и печатание сего журнала. Остаюсь в полной уверенности, что новые хлопоты, сопряженные с сим предприятием, вознаграждаются для меня существенными удобствами» (ВЕ. 1828. № 18. С. 155). Каченовский заявлял, что в области истории едва «проложены тропинки <...> сколько побуждений к деятельности! С другой стороны, видим *беспомощное состояние литературы*, чудные распри не за правое дело, а за неверные выгоды первенства, усилия партий водрузить знамена свои на земле, которая не была возделываема их трудами. Законы словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтоб голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей» (Там же. С. 156). Полевой в статье «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» (МТ. 1828. Ч. 23. № 20; подпись: «И. Бенигна») с возмущением реагировал на выступление Каченовского, упрекая его в невежестве и подчеркивая, сколь ничтожен его вклад в развитие русской литературы. По мнению Полевого, Каченовский ничем не подтвердил своего права на суд над русской словесностью, а между тем «под звуками кимвалов бряцающих и меди звенящей груз правил выезжает на журнальное поприще в лице „Вестника Европы”» (Там же. С. 490). Каченовский подал жалобу в Московский цензурный комитет на Полевого и цензора С. Н. Глинку, пропустившего его статью. Подробнее об этом скандале, широко обсуждавшемся в литературных кругах, см.: Николай Полевой : Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. [Л., 1934.] С. 259—263, 434—435, коммент. В. Н. Орлова; [Барсуков Н. П.] Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 264—276; Сухомлинов М. И. Полемиические статьи Пушкина // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 250—267; АН 1900—29. Т. 9, кн. 2. Примеч. С. 111—129, примеч. Н. К. Козмина; П. в критике, II. С. 384—385, примеч. А. М. Березкина. Пушкин, резко настроен-

ный против Каченовского, выступил на стороне Полевого, передав в его журнал две эпиграммы: «Журналами обиженный жестоко...» (МГ. 1829. Ч. 26. № 7. С. 257) и «Там, где древний Кочерговский...» (Там же. № 8. С. 408). «Литературное известие», уже отданное в «Подснежник», Полевой перепечатал в составе рецензии на этот альманах. Конфликту между Полевым и Каченовским Пушкин посвятил также написанную в марте 1829 г. статью «Отрывок из литературных летописей», упомянув в ней и о «непристойных криках пьяного семинариста», т. е. Надеждина (Акад. Т. 11. С. 77—78). Статья предназначалась для «Невского альманаха» Е. В. Аладьиной, но была запрещена цензурой, поскольку в ней обсуждались дела цензурного ведомства (в конце концов статья в сокращенном виде была напечатана в «Северных цветах» на 1830 г.). Пушкин узнал о цензурных неприятностях в сентябре 1829 г. и, видимо, вскоре после этого использовал материал запрещенной статьи в пародийной заметке «(Общество московских литераторов)» («Несколько московских литераторов...») (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 : (История заполнения) // ПИМ. Т. 12. С. 266). Заметка, направленная против Каченовского и Надеждина, начиналась с прямой отсылки к напечатанной к тому времени эпиграмме «Литературное известие»: «Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку как своими произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повинования и благопристойности» (Акад. Т. 11. С. 85). Готовя издание стихотворений 1832 г., Пушкин закрепил за «Литературным известием» датировку «1829».

«Прелестное литературное извещение» Пушкина об издании «Елисейского журнала» было отмечено в одной из рецензий на «Подснежник» в журнале «Атеней» (1829. Ч. 2. № 8. С. 167—170; П. в критике, II. С. 155). Во второй рецензии того же журнала, напротив, выражалось сомнение в присутствии «пиитического, изящного, благородного» в стихотворении Пушкина. «Есть еще у нас живые свидетели, как торжествовал Александр Сумароков над своим современником Михайлою Ломоносовым. Стихотворения одного все знали наизусть, другого почти не читали; казалось, что первый совершенно постигал вкус своего времени, знал требования века, пользовался плодами современного просвещения, и чем же все кончилось? Вкус изменился, и слава Александра Сумарокова пала с шумом; Михайле Ломоносову отдана вся должная справедливость и навсегда, пока будут существовать науки» (Атеней. 1829. Ч. 2. № 8. С. 170—172; П. в критике, II. С. 155, 156). Названные анонимным рецензентом имена — «Михайла» и «Александр» — намекали на противоборство Каченовского с Пушкиным, причем победа предсказывалась первому как представителю мира «науки». Находчивость рецензента должна была гладить важную особенность читательского восприятия эпиграммы: вопреки рифменному созвучию «Тредьяковский—Каченовский», имя «Михайло», сохраненное в публикации «Подснежника», требовало освященного культурной традицией сочетания с фамилией «Ломоносов» (тем более что рядом упоминались его современники).

28 апреля 1829 г., сообщая Шевыреву о пушкинской эпиграмме (см. выше), Погодин описывал вдохновленный ею собственный замысел: «Да, позабыл об Елисейском журнале. Я хотел было издать первую книжку его под титулом: „Благопродумательный Муравей“ с предисловием: „С тех пор, как немцы искусились вызывать чертей с того света, сообщение стало легче, и я“ etc. Тут именем Тредьяк(овского) я вступился бы за нравственность Пушкина, ибо-де и я (Тред(ьяковский))»

писал „Езду на Остров любви”... От имени Шлецера и Карамзина поразил бы своих гонителей etc. Но теперь занят делом, которое не оставляет времени на пустяки...» (РА. 1882. Кн. 3. № 5. С. 80).

Ст. 1. *В Элизии Василий Тредьяковский...* — В эпиграмме обыгрывается литературная репутация Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768), сложившаяся в среде литераторов, близких к «Арзамасу», в ходе литературных полемик с «Беседой любителей русского слова». Взгляд на Тредиаковского как на трудолюбивого, но бездарного поэта был упрочен авторитетным мнением Н. М. Карамзина, который в «Пантеоне российских авторов» (1802) писал: «Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии? (...) Тредиаковский (...) читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать» (*Карамзин Н. М. Избр. соч. : В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 165*). Литераторы «Арзамаса» изображали Тредиаковского духовным вдохновителем «Беседы» (см., например, «Видение на берегах Леты» (1809) и «Певца в Беседе любителей русского слова» (1813) Батюшкова или «Послание к С. С. Уварову» (1819) А. Ф. Воейкова; см. также: «Арзамас» 1994, по указ.). Лицеист Пушкин употреблял имя Тредиаковского в арзамасском ключе (см. его стихотворения «К другу стихотворцу») («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса...») (1814), «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пийт...») (1814), «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...») (1816) и примеч. к ним — наст. изд., т. 1, с. 580, 600, 697). Об отношении к Тредиаковскому членов «Беседы» см.: *Альциуллер М. Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 301—318*. В 1830-е гг. Пушкин оценивал историко-литературные заслуги Тредиаковского более взвешенно (см.: Там же. С. 317—318).

Ст. 4. *В сотрудники сам вызвался Поповский...* — Николай Никитич Поповский (1726 или 1728—1760) — поэт, переводчик, профессор Московского университета. Поэтические опыты Поповского ценил Ломоносов. Большой известностью пользовались его переводы сочинений А. Поупа (Pope; 1688—1744) и Дж. Локка (Locke; 1632—1704). См. о нем: *Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский : (О литературной преемственности) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 111—169; Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 473—477 (статья Н. Д. Кочетковой)*. Вероятнее всего, Поповский попал в эпиграмму благодаря своей колоритной фамилии, рифмующейся с фамилией Каченовского.

Ст. 5. *Свои статьи Елагин обещал...* — Иван Перфильевич Елагин (1725—1793) — богатый вельможа, масон, поэт, переводчик, прозаик, театральный деятель. За три года до смерти Елагин начал работу над «Опытом повествования о России», доведенным с некоторыми пробелами до 1574 г. (частично опубликован посмертно в 1803 г.). Фактические неточности и произвольные домыслы Елагина подверглись критике и насмешкам (см., например: [*Каченовский М. Т.*] Смелая догадка // ВЕ. 1805. Ч. 21. № 10. С. 112—124; подпись: «Θ»). В 1819 г. полный текст его исторического труда был представлен Александру I и передан на отзыв Н. М. Карамзину, который дал ему резкую негативную оценку. О Елагине см.: *Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 304—309 (статья В. П. Степанова); Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 104—109. Противопоставление Елагина Карамзину см. в статье Вяземского «О жизни и сочинениях*

В. А. Озерова» (1817), где говорится о тех, кто «коснеют при мнениях прошедшего века»: «Их разум (...) довольствуясь повествованиями Елагина, ужасается святотатства смельчака, дерзающего готовить русскую историю» (Вяземский. ПСС. Т. 1. С. 27). Возможно, Пушкин имел в виду именно исторические работы Елагина, упомянутая статья, которые тот «обещал» Каченовскому.

Ст. 6 — 7. *Курганов сам над критикой хлопочет, Блеснуть умом Письмовник снова хочет...* — Николай Гаврилович Курганов (1725—1796) — профессор математики, навигации и физики Морского кадетского корпуса, автор «Российской универсальной грамматики, или Всеобщего письмословия...» (1769). Книга Курганова, в многочисленных переизданиях получившая название «Письмовник», была призвана заложить основы образования и нравственного воспитания. Основной раздел — «Грамматика» — сопровождался в «Письмовнике» «присовокуплениями» разного рода: сюда вошли первое печатное собрание русских пословиц, «краткие замысловатые повести» по преимуществу сатирической направленности, русская поэтическая антология, статьи по риторике, поэтике и многое другое. В начале XIX в. материал «Письмовника», давно устаревший в эстетическом отношении, все еще продолжал пользоваться популярностью в малообразованной среде. О Курганове см.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 171—174 (статья В. Д. Рака); *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд. М., 1903. Т. 1. С. 40—75. В арзамасской традиции Курганов выступает как учитель А. С. Шишкова — таков автор «Письмовника» в «Видении на берегах Леты» Батюшкова и в арзамасской речи Д. В. Дашкова (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 148, 398). Пушкинские упоминания «Письмовника» неизменно ироничны. В наброске «Если звание любителя отечественной литературы...» (1827) «страсть к изящному вообще и к российской словесности в особенности» внушена герою «Письмовником», врученным ему «довольно образованным» дьячком (Акад. Т. 11. С. 62). В «Истории села Горюхина» (1830) рассказчик сообщает о себе: «Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты. После генерала Племянникова, у которо(го) батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком» (Акад. Т. 8. С. 127).

Ст. 10 — 11. *И только ждет Василий Тредьяковский, Чтоб подоспел (Михайло Каченовский)*. — По мнению В. В. Виноградова, Пушкин с сатирической целью использовал «„унизительную“ (с точки зрения дворянско-интеллигентного обхождения)» «архаически-простонародную форму *Михайло*» (Виноградов. Стиль П. С. 104). Между тем форма имени «Михайло» употреблялась самим Каченовским наряду с формой «Михаил». Так, на титульном листе «Учебной книги древнего греческого языка» (4-е изд. — 1822; 5-е изд. — 1823) значилось: «Вновь изданная Михайлом Каченовским»; см. также титульные листы «Вестника Европы» за 1805—1807 гг. (ч. 19—36), где было указано, что это журнал, «издаваемый Михайлом Каченовским».

Другие редакции и варианты

Разночтения копий Тург₂ и Пуш₁. Ст. 5. *Свои стихи Захаров обещал...* — Иван Семенович Захаров (1754—1816), один из столпов «Беседы любителей русского слова» (см. о нем: *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1.

С. 328—331 (статья В. П. Степанова)) был постоянным объектом осмеяния в стихах и речах арзамасцев (см., например, сатиру Батюшкова «Певец, или певцы в беседе славено-россов» или «Речь члена Кассандры» Д. Н. Блудова с «отпеванием» Захарова («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 207, 317—321)). На речь Блудова Пушкин ссылался в собственной вступительной арзамасской речи (см. «Отрывки „арзамасской речи“») («Венец желаниям! Итак, я вижу вас...») (1817) и примеч. к ним — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 106, 676). В ноэле Вяземского «Спасителя рождением...» (1814) Захаров — «присяжный славянин, / Оратор наш надутый, / Беседы исполнин», он пишет свои произведения «не языком людским, / А самым уж библейским» (Вяземский 1986. С. 69). Прослушав в 1811 г. одно из произведений Захарова на заседании «Беседы», даже Д. И. Хвостов заметил, что оно было написано «на посмеяние здравого рассудка и вкуса» (Хвостов Д. И. Записки о словесности // Лит. архив. Т. 1. С. 378).

КОЗЛОВУ

(«Певец, когда перед тобой...»)

(С. 49 и 253)

Автограф (ПД 65) — беловой, с поправкой в ст. 19, под заглавием: «И. И. Козлову», с подписью: «А. П.» и пометой под текстом: «15 мая / 1825 / Михайловское—Арапово» на фабричном полулисте бумаги № 237 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 27). В ст. 20—21 слова: «Жизнь», «Лира», «Судьбой» написаны с заглавной буквы, которая была заменена строчной в прижизненных публикациях. Жандармской пометы нет. До 1898 г. автограф хранился в семье Козловых (см.: Там же). Напечатано: *Введенский А. И.* Иван Иванович Козлов // Козлов И. И. Стихотворения. СПб., 1892. С. 8—9 (с ошибочной перестановкой ст. 11 и 12; ошибка повторена: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 218). Воспроизведение: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Имп. Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Сост. под ред. Л. Н. Майкова, Б. Л. Модзалевского. М., 1899. Л. 69.

Копия (РНБ, ф. 167 (П. А. Вяземского), № 74, л. 1) — в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову от 28 мая 1825 г. с пометой под текстом стихотворения: «15 мая Михайловское—Арапово»; заглавие и текст идентичны ПД 65 до поправки (возможно, пушкинская поправка в ст. 19 — буква «о», прорисованная поверх буквы «е» в слове «преходил» — осталась незамеченной А. И. Тургеневым, который, вероятно, снимал копию с автографа — см. ниже). Напечатано: Два века с Пушкиным: Материалы об А. С. Пушкине в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог / Сост. Н. А. Зубкова, А. В. Сиренов. СПб., 2004. С. 29—30; в более ранней публикации письма (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 48) текст стихотворения пропущен.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послания»).

Впервые: Ст 1826. С. 156—157 (отдел «Послания», с подзаголовком и датой в оглавлении: «По получении от него Чернеца. 1825»). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 23—24 (отдел стихотворений 1825 г., с тем же подзаголовком в оглавлении). Перепечатано: Русская стихотворная хрестоматия / Собр. В. Золотовым. М., 1829. Ч. 1. С. 161.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 15 мая 1825 г. согласно помете в автографе.

Ст. 9 в автографе читался: «Небесным пением своим». В Ст 1826 и Ст 1829 он получил иной вид: «Чудесным пением своим». При публикации в Акад. (Т. 2. С. 391) Д. Д. Благой счел это изменение цензурным искажением и напечатал ст. 9 по автографу. Решение Благого было принято всеми авторитетными изданиями Пушкина, однако обоснованным оно не является. Цензурный запрет на употребление эпитета «небесный» применительно к реалиям, не относящимся к освященной церковью сфере сакрального, широко практиковался до мая 1824 г., когда цензура находилась в ведении А. Н. Голицына, возглавлявшего объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения. Во «Втором послании цензору», написанном в октябре 1824 г., через несколько месяцев после назначения на пост министра народного просвещения А. С. Шишкова, такая практика характеризуется как ушедшая в прошлое (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 526—527). В Ст 1826 употребление эпитета «небесный» в контексте, близком к посланию «Козлову», не вызвало никаких цензурных затруднений. См., например, в стихотворениях «Выздоровление» и «Гречанке»: «Под грозным кивером твои небесны очи»; «В мечтах небесных рисовал» (Ст 1826. С. 11, 164).

Послание написано как отклик на книгу поэта и переводчика Ивана Ивановича Козлова (1779—1840) «Чернец. Киевская повесть» (СПб., 1825), присланную автором в Михайловское. Книга имела собственноручную надпись слепого поэта: «Милому Александру Сергеевичу Пушкину от автора» (*Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина : Новые материалы // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 988, 1011 (воспроизведение)).

Козлов начал печататься в 1821 г., и уже два года спустя его лирические стихотворения получили известность. Его любимым европейским поэтом был Байрон, которого он много переводил в начале 1820-х гг.; русскими литературными образцами стали для него Жуковский и Пушкин. «Слепец Козлов (...) только что и твердит о тебе да о Байроне», — сообщал А. А. Дельвиг Пушкину 10 сентября 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 108). «Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами», — писал Пушкину о Козлове П. А. Плетнев 22 января 1825 г. (Там же. С. 134).

Поэма «Чернец», написанная по образцу байронической стихотворной повести, относится, по наблюдению В. М. Жирмунского, к небольшому числу русских произведений этого жанра, которые восходят непосредственно к Байрону, минуя влияние «Кавказского пленника» (опубл. 1822) и «Бахчисарайского фонтана» (опубл. 1824). По примеру второй части «Гяура» («The Giaour», 1813) поэма Козлова построена как предсмертная исповедь героя, пережившего страдания и нашедшего последний приют в монастыре. Исповеди, как и у Байрона, предшествует экспозиция: портрет героя, его окруженное тайной появление в монастыре, его странное поведение. Сюжетное содержание исповеди не следует за Байроном. Герой Козлова по вине соперника теряет возлюбленную и ребенка, проводит жизнь в скитаниях, затем возвращается на родину, у дорогой могилы встречает виновника гибели близких и не в силах справиться с чувствами убивает его, а затем уходит в монастырь, где оплакивает свои грехи. В повествование вкраплены восходящие к «Гяуру» лирические мотивы, но освоенная Пушкиным поэтика Байрона в значительной мере упрощена Козловым,

у которого отсутствует «вершинная композиция» с сюжетными пропусками и дана отчетливо выстроенная хронология событий. Возможно, именно поэтому влияние «Чернеца» на русских «байронистов» оказалось более действенным, чем влияние стихотворных повестей Пушкина или Баратынского (см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин // *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 269—284, 332—334, 336, 342).

О скором выходе поэмы Козлова из печати Пушкин знал из писем друзей (см. письмо П. А. Плетнева от 3 марта 1825 г. и письмо А. А. Бестужева от 9 марта того же года — Акад. Т. 13. С. 148, 149). К этому времени он уже завершил работу над поэмой «Цыганы» и несомненно испытывал интерес к появлению новой романтической поэмы, а познакомившись с ней, сравнивал с другой стихотворной повестью — «Войнаровским» К. Ф. Рылеева, опубликованным в начале 1825 г. Около (не позднее) 15 мая поэт сообщил брату: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть (...). Видение, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, есть ли успею, пошлю их с этим письмом» (Акад. Т. 13. С. 174). Послание, о котором здесь говорится, — стихотворение Козлова «К другу В. А. Жуковскому», по возвращении его из путешествия» (1822), напечатанное в издании 1825 г. вслед за поэмой. 25 мая 1825 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому о «Чернеце»: «Эта поэма конечно полна чувства и умнее „Войнаровского“, но в Рылееве есть более замашки или размашки в слог» (Акад. Т. 13. С. 184). Как видно из этих отзывов, благоприятное впечатление Пушкина от поэмы Козлова не было безоговорочным.

Поэтический отклик на получение «Чернеца» по сути дела явился откликом на послание «К другу В. А. Жуковскому», носившее программный и одновременно автобиографический характер. Трагическая судьба Козлова вызывала горячее сочувствие в пушкинском окружении, с которым он был близок. Болезнь, постигшая его в 1816 г., через три года привела к параличу ног; к 1821 г. Козлов полностью ослеп. Ему пришлось оставить и службу, и привычный светский образ жизни; все это, вместе взятое, стало причиной тяжелейшей душевной депрессии. Центральная тема послания к Жуковскому — духовная победа над отчаянием, одержанная благодаря литературным занятиям, дружескому общению и обращению к Богу. С момента выхода из печати этого произведения «в литературе возникает устойчивая и не лишённая некоторых оснований концепция личности Козлова, которая во многом предопределяет восприятие его поэзии: по мере утраты связи с физическим миром поэт оживал в мире духовном» (Рус. писатели : 1800—1917. Т. 3. С. 5 (статья В. Э. Вацуро)). Та же концепция была выражена в написанном П. А. Вяземским предисловии «От издателей» (напечатано без подписи), открывавшем книгу 1825 г.: «Мы скажем несколько слов о самом поэте. Судьба его должна возбудить нежнейшее участие в каждом благородном сердце. Несчастье, часто убийственное для души обыкновенной, было для него гением животворящим. (...) В молодых годах, проведенных в рассеянности большого света, он не знал того, что таилось в его душе, созданной понимать высокое и прекрасное, — несчастье открыло ему эту тайну: похитив у него лучшие блага жизни, оно даровало ему поэзию. Вот уже пятый год, как он без ног и слеп; существенный мир исчез для него навсегда; но мир души, мир поэтических мыслей, высших надежд и веры открылся ему во всей красоте своей: он живет в нем и в нем забывает свои страдания, часто несносные. Мы не входим в подробности —

пускай он сам будет своим историком: прилагаем здесь его послание к другу (написанное в 1822 году), в котором с величайшею верноcтью изобразил он настоящую судьбу свою; оно есть не произведение поэта, а искренняя, трогательная исповедь страдальца» (цит. по: Козлов И. Чернец. С. 1—2). В рецензии Вяземского на поэму Козлова содержание издательского предисловия повторялось почти дословно: «Несчаcтие, часто убийcтвенное для души обыкновенной, было для него гением животворящим. Недуги жестокие, страдальчество физическое развернули духовные способности, которые таились в нем в цветущую пору здоровья и ожидали его с утешениями и благодеяниями в роковую годину испытания (...) по мере, как терял он зрение и ноги, прозревал он и окрылялся духом» (МТ. 1825. Ч. 2. № 8. С. 313; с небольшими изменениями: Вяземский. ПСС. Т. 1. С. 186). Именно эта концепция личности Козлова и воплощена в послании Пушкина, который 25 мая 1825 г. писал Вяземскому: «Читал твое о „Чернеце“, ты исполнил долг своего сердца» (Акад. Т. 13. С. 183—184).

В тот же день, 25 мая, в дневнике Козлова появилась запись: «Лев (Пушкин) принес мне чудное послание ко мне своего брата Александра, что мне доставило чрезвычайное удовольствие» (Дневник И. И. Козлова // СиН. СПб., 1906. Кн. 11. С. 48). Вероятнее всего, послание было отправлено в Петербург с письмом к брату, написанным около (не позднее) 15 мая (см. примеч. к стихотворению «Жив, жив Курилка!» — наст. т., с. 687; ср.: Летопись. С. 603 где высказано предположение, что послание было отправлено из Михайловского 16—21 мая 1825 г. (то же: Летопись 1991, Летопись 1999); между тем в Петербурге послание Козлову стало известно одновременно с эпиграммами «Жив, жив Курилка!» и «Литературное известие» (см. примеч. к последней — наст. т., с. 690—691), отправленными вместе с указанным выше письмом Пушкина к брату). 28 мая А. И. Тургенев писал А. Я. Булгакову: «П(ушкин) прислал к Козлову стихи. Сообщи их Вяз(емском)у и другим (далее следует текст стихотворения. — Ред.). Он послал, чрез брата, Вяз(емском)у две эпиграммы...» (ЛН. Т. 58. С. 48; РНБ, ф. 167, № 74, л. 1—1 об.). 31 мая 1825 г. Козлов продиктовал жене благодарственное письмо к Пушкину: «Мой милый Пушкин, я не в силах выразить вам то необыкновенное удовольствие, которое доставили мне ваши прелестные стихи; это было поистине упоительное мгновение в моей жизни, и я горячо благодарю вас за него. Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустихие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо; оно тронуло меня до глубины души!» (Акад. Т. 13. С. 176, 536; оригинал по-фр.).

Вяземский откликнулся на послание Козлову в письме к Пушкину от 7 июня 1825 г.: «Я очень рад твоим стихам Козлову и как стихам, и как чувству» (Акад. Т. 13. С. 181). Близкий по смыслу отзыв содержался в письме Жуковского к Козлову (июнь 1826 г.): стихи Пушкина «душевно меня тронули, не самолюбие, а сердце: так и повеяло на меня поэзией» (РА. 1867. № 5—6. Стб. 824).

Последние две строки послания «Козлову» были выбиты на юбилейной медали Академии наук в честь столетия со дня рождения Пушкина (Медали, жетоны и медальоны в память А. С. Пушкина: Каталог / Сост. А. А. Войтов, Л. С. Пискунова; Ред. А. А. Ильин. Л., 1937. С. 11).

Ст. 9—12. Чудесным пением своим ~ Ты в нем и видишь, и летаешь... — Парафраз строк из послания Козлова «К другу В. А. Жуковскому». Ср.:

Мне льется в душу вдохновенье,
И сердце бьется, дух кипит,
И новый мир мне предстоит;
Я в нем живу, я в нем мечтаю,
Почти блаженство в нем встречаю;
Уж без страданья роковой
Досуг в занятиях протекает...

(Козлов И. Чернец. С. 62)

В. В. Виноградов писал, что «пушкинское послание „Козлову” не только все соткано из мотивов козловской поэзии, но является ярким отражением стиля Козлова», однако без свойственных ему «повторений и длиннот» (Виноградов. Стиль П. С. 490). Вариант ст. 9—10 в беловом автографе («Небесным пением своим / Он усыпил земные муки») повторял антитезу, заданную в предварявшем поэму «Чернец» посвящении жене поэта: «И я, как он, все радости земные / Небесною надеждой заменил» (Козлов И. Чернец. С. 5—6).

Ст. 14. *Разбитый юности кумир*. — Ср. в эпилоге «Руслана и Людмилы»: «Кипящей младости кумир» (Акад. Т. 4. С. 86); еще ближе к строке из эпилога поэмы был вариант ст. 14 в беловом автографе: «Цветущей юности кумир». См.: Виноградов. Язык П. С. 303.

Ст. 15—17. *А я, коль стих единый мой ~ Я не хочу другой награды...* — Отклик на финал послания Козлова к Жуковскому, где слепой поэт писал о наслаждении, которое дарует ему поэзия:

Но для меня лишь в ней одной
Цветет прекрасная природа!
В ней мир разнообразный мой!
В ней и веселье и свобода!
Она лишь может разгонять
Души угрюмое ненастье
И сердцу сладко напевать
Его утраченное счастье.

(Козлов И. Чернец. С. 64)

Ст. 19. *Я проходил пустыню мира...* — Возможно, образ пустыни мира навеян строками из того же послания Козлова:

Пленен любимую мечтою,
Стремился я за ней одною,
И без нее мне белый свет
Казался степью лишь пустою...

(Там же. С. 46)

К ***

(«Я помню чудное мгновенье...»)

(С. 50 и 254)

Автограф (ПД 68) — черновой ст. 15—24 на четверке фабричного листа бумаги № 105 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 28); начало текста оторвано и утрачено; на обороте листа — наброски стихотворения «〈Из Вольтера〉» («Короче дни, а ночи доле...») (1825) и запись «Расходились по поганскому граду...» (1825); жандармская помета: «72». Напечатано: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 60 (варианты ст. 19 и 23; публ. П. О. Морозова); Акад. Т. 2. С. 954—955 (в виде вариантов; публ. Д. Д. Благого). Воспроизведение: *Медриш Д. Н.* Фольклоризм Пушкина : Вопросы поэтики. Волгоград, 1987. С. 4.

Автограф, подаренный Пушкиным А. П. Керн в день ее отъезда из Тригорского 19 июля 1825 г., неизвестен. По свидетельству Керн, он был передан ею М. И. Глинке (см.: Керн. С. 36).

Копии:

1) А. П. Керн (ПД, ф. 244, оп. 8, № 41, л. 17—18) (АК), в ее альбоме (сохранились отдельные листы, заполнявшиеся в середине 1830-х гг.) — с пометой под текстом: «*Михайловское / 1825 / XIX июля*», с подписью: «А. Пушкин». Напечатано: Ефр. 1882. Т. 2. С. 18 (помета под текстом), 382 (ссылка на рукопись как на «автограф, перешедший от А. П. Керн к П. Я. Дашкову»). В Ефр. 1903—05 (Т. 8. С. 221—222) указано, что рукопись является не автографом, а копией стихотворения. Об альбоме Керн см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 51; «Черный» альбом А. П. Керн : (К истории бытования и идентификации) / Публ. Л. К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 237—253. Воспроизведение: Альбом в память А. С. Пушкина / Изд. В. В. Комарова. СПб., 1887 (в качестве «автографа А. С. Пушкина»).

2) О. С. Павлицевой (ф. 244, оп. 20, № 77, л. 35 об.—36) (ОП) — в ее альбоме (заполнялся с середины 1820-х гг.), под заглавием: «К А. П. К.», без подписи. Разночтения в ст. 2 («Передо мной мелькнула ты»), ст. 6 («В порывах шумной суеты») и в ст. 20 («Как гений чистый красоты»), по всей видимости, возникли в результате ошибок при записи, возможно сделанной по памяти.

Вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к Керн А. П. К.» (см.: Рукоп. П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Керн», под № 4, отмечено условным обозначением «лирических стихотворений» (см.: Рукоп. П. 1997. С. 178, 180).

Впервые: СЦ 1827. С. 341—342. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 25—27 (отдел стихотворений 1825 г.) с заменой в конце ст. 24 восклицательного знака точкой.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется около (не позднее) 19 июля 1825 г. на основании воспоминаний А. П. Керн (см. ниже) и даты в копии АК (по всей видимости, дата воспроизводит имевшуюся в автографе помету). Стихотворение было подарено Керн в день ее отъезда из Тригорского. Дата отъезда не сообщалась в ее мемуарах и стала известна в

печати после публикации Ефр. 1882 (см. выше). Позднее дату «19 июля» подтвердила публикация записей в календаре П. А. Осиповой, которая в числе прочих отметила и день отъезда своей племянницы (см.: *Модзалевский Б. Л.* Поездка в село Тригорское в 1902 г. // *ПиС.* Вып. 1. Прилож. 9. С. 140). Совпадение дат в копии Керн и записи Осиповой отмечено П. О. Морозовым: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 65. Во всех изданиях Пушкина, начиная с Ефр. 1882, стихотворение датировалось 19 июля 1825 г., и лишь в Акад. (Т. 2. С. 1164, примеч. Д. Д. Благого) ему была дана такая же, как и в настоящем издании, более осторожная расширенная датировка (ср. датировку в Летописи 1991 (С. 549): 1825, «Июль, 16...19»; то же: Летопись 1999. Т. 2. С. 69).

Стихотворение посвящено Анне Петровне Керн (урожд. Полторацкая, по второму мужу (с 1842 г.) Маркова-Виноградская; 1800—1879). Пушкин познакомился с ней в январе—феврале 1819 г. в петербургском салоне Олениных. Юная женщина, семнадцать лет выданная замуж за генерал-лейтенанта Е. Ф. Керна (1765—1841), привлекла к себе внимание поэта. Их первое знакомство описано в позднейших мемуарах Керн (опубл. 1859) (см.: Керн. С. 30—31).

А. П. Керн приходилась племянницей П. А. Осиповой и переписывалась с ее дочерью Анной Н. Вульф; Пушкин знал о касающихся его страницах этой переписки. В одном из писем Анна Вульф сообщала Керн: «Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: она была ослепительна» (Керн. С. 32; оригинал по-фр.). 8 декабря 1824 г. в письме к А. Г. Родзянко, соседкой которого была жившая в то время в Полтавской губернии Керн, Пушкин спрашивал: «Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине?» (Акад. Т. 13. С. 128; см. также примеч. к стихотворению «(Из письма к А. Г. Родзянке)» («Прости, украинский мудрец...») (1824) — наст. т., с. 621). 10 мая 1825 г. Родзянко и Керн ответили Пушкину шутивным письмом (Акад. Т. 13. С. 170—171), на которое он откликнулся посланием «(К А. Г. Родзянке)» («Ты обещал о романтизме...»), где говорилось о Керн как предмете увлечения адресата (см. наст. т., с. 61, 746).

«Восхищенная Пушкиным, — писала Керн впоследствии, — я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском, в 1825 г. в июне месяце» (Керн. С. 33—34; там же (с. 34—36) см. рассказ Керн о ее общении с Пушкиным во время пребывания в Тригорском). Встреча, состоявшаяся в 1825 г., вызвала со стороны Пушкина яркое, но кратковременное чувство. Письма поэта, отправленные Керн после ее отъезда, свидетельствуют, что его любовный порыв доходил, как писал Б. Л. Модзалевский, «до экстаза, до бешенства, переливаясь всеми оттенками чувства — от нежной сентиментальности до кипучей страсти» (*Модзалевский Б. Л.* Анна Петровна Керн // *Венг.* Т. 3. С. 593). По словам П. В. Анненкова, П. А. Осипова поспешила увезти из Тригорского «красивейшую из своих племянниц» во избежание осложнений во взаимоотношениях с Е. Ф. Керном (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 282).

В день отъезда, рассказывает Керн, Пушкин «пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы „Онегина“ (в действительности подарено было отдельное издание первой главы; вторая глава вышла из печати только в 1826 г. — *Ред.*), в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье, — и проч., и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих „Северных цветах“, Мих. Ив. Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя» (Керн. С. 36).

Получив рукопись стихотворения, А. А. Дельвиг 15 сентября 1826 г. писал Пушкину: «...позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне» (Акад. Т. 13. С. 295). Ответ Пушкина не сохранился, но публикация в издаваемых Дельвигом «Северных цветах» была, судя по всему, сделана с разрешения автора.

В подаренном ей стихотворении А. П. Керн видела автобиографическое признание поэта. Так, рассказывая об их первом знакомстве, она писала: «Впечатление его встречи со мною он выразил в известных стихах:

Я помню чудное мгновенье — и проч.»

(Керн. С. 31). Предложенный самой А. П. Керн взгляд на пушкинский текст, с одной стороны, получил широкое распространение в исследовательской литературе, а с другой стороны, вызвал полемические отклики, подкрепленные некоторыми позднейшими отзывами Пушкина о Керн (см., например, его письмо к А. Н. Вульффу от 7 мая 1826 г. или к С. А. Соболевскому от второй половины февраля 1828 г. — Акад. Т. 13. С. 275; Т. 14. С. 5). Сомнения в действительной автобиографичности стихотворения высказывались в работах В. С. Соловьева «Судьба Пушкина» (1898), М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919), В. В. Вересаева «В двух планах» (1928) и др. Наиболее законченный вид эта точка зрения получила в работе А. И. Белецкого, который полагал, что стихотворение «К ***» не имеет отношения к любовной лирике Пушкина и его действительное содержание связано с темой поэтического вдохновения (см.: *Белецкий А. И.* Избр. труды по теории литературы. М., 1964. С. 386—402). Против трактовки мотива вдохновения как единственно значимого возражали Н. Л. Степанов и Б. В. Томашевский (см.: *Степанов Н. Л.* Лирика Пушкина: Очерки и этюды. М., 1959. С. 327—346; *Томашевский.* Пушкин, II. С. 74—78, 500); близкую точку зрения см., например: *Маймин Е. А.* Пушкин: Жизнь и творчество. М., 1981. С. 96—97; *Фомичев.* С. 100—101; *Бройтман С. Н.* «Я помню чудное мгновенье»: К вопросу о вероятностно-многожественной модели в лирике Пушкина // *Болдинские чтения.* Горький, 1987. С. 72—78; *Эткинд Е. Г.* Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С. 46—48; *Грехнёв А. А.* Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 420—424. Интерпретацию сюжета стихотворения как поэтического рассказа о последовательно сменяющихся друг друга этапах жизни см.: *Сурат И.* «И новый человек ты будешь...» // *Сурат И. З.* Человек в стихах и прозе: Очерки русской литературы XIX—XXI вв. М., 2017. С. 11—12. Обозначение стихотворения в списках произведений, составляемых Пушкиным (см. выше), свидетельствует о том, что для него оно было прочно связано с именем конкретной женщины. Это не противоречит, однако, тому, что в нем присутствуют поэтические мотивы, не предполагающие узкобиографического прочтения. Показательна, в частности, отмеченная П. В. Анненковым тематическая близость произведения со стихотворением Пушкина 1817 г. «К ней» (Анн. Т. 2. С. 187—188) (см.: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 11 и 475 (примеч.

И. С. Чистовой; там же см. литературу о соотношении двух стихотворений Пушкина); см. также: Томашевский. Пушкин, II. С. 78). Версия, согласно которой стихотворение «К ***» обращено к императрице Елизавете Алексеевне (см., например: Викторова К. П. Неизвестный или непризнанный Пушкин. СПб., 1999. С. 272—275; Скок Т. Кто «гений чистой красоты»? : Версия «царской» любви Александра Сергеевича Пушкина // Школа духовности. 1999. № 3. С. 105—107), не имеет никаких подтверждений. Обзор и критику подобных работ см.: Егорова Е. Н. «Чудное мгновение» Пушкина и Жуковского // Егорова Е. Н. «Приют задумчивых дриад» : Пушкинские усадьбы и парки. М., 2006. С. 203—207.

По наблюдениям Ю. К. Щеглова, стихотворение Пушкина следует общей схеме лирического сюжета, характерного для поэтов «школы гармонической точности» (восходящий к Пушкину термин Л. Я. Гинзбург — см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 19—50). Условно обозначенный исследователем как «увядание и обновление», этот сюжет предполагает три фазы, через которые проходит лирический герой: он «(а) сначала находится в расцвете сил и чувств, (б) затем переживает период увядания, впадает в бесчувственность и апатию (...), (в) и, наконец, при счастливом исходе, пробуждается к новой жизни под воздействием тех или иных душевных и физических возбудителей. Строго обязательно присутствует только фаза (в) пробуждение; почти обязательно — фаза (б) упадок; и факультативно — фаза (а) бывшее счастье. Воспоминание о фазе (а) может насыщать фазу (б) и способствовать наступлению фазы (в)». Одна из фаз может редуцироваться, кроме того, «фазы могут по-разному распределяться между прошлым, настоящим и будущим. Например, либо все три развертываются в прошедшем времени, как уже пережитые к моменту рассказа; либо фаза (а) дается как прошедшее, фаза (б) — как переживаемое в настоящий момент, и фаза (в) — как ожидаемое, призываемое в мечтах и надеждах лирического героя, в его мольбах о спасении, и т. д.». Примерами могут служить, в частности, стихотворения К. Н. Батюшкова «Выздоровление» и «К другу» (оба опубл. 1817), стихотворение В. А. Жуковского «Я Музу юную, бывало...» (1823; опубл. 1824) (см.: Щеглов Ю. К. «Гармоническая точность» и «поэзия грамматики» в стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновение...» // Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика : Избр. работы. М., 2012. С. 140—141). Там же (с. 145—152) см. другие примеры использования описанного лирического сюжета и близких к пушкинской образности и фразеологии, а также примеры лексико-синтаксических параллелей к тексту Пушкина.

Поэтическая формула «гений чистой красоты» восходит к Жуковскому, в творчестве которого она использована несколько раз, впервые — в стихотворении «Лала Рук» (1821; опубл. 1827):

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навецает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

(Жуковский. ПСС.
Т. 2. С. 223)

Стихотворение могло быть известно Пушкину до печати; сохранилась сделанная его рукой копия примечания Жуковского к «Лалла Рук» (см.: Рукою П. 1997. С. 462; там же (с. 463) копия датирована по почерку началом 1820-х гг.). Примечание, сопровождавшее текст «Лалла Рук» в ряде рукописных источников, опубликовано в составе одной из статей Жуковского только в 1848 г. (см.: Там же. С. 463).

Стихотворение «Лалла Рук» было написано Жуковским под впечатлением от праздника, устроенного 15 января 1821 г. в Берлине при прусском королевском дворе в честь прибытия великого князя Николая Павловича и его жены Александры Федоровны, урожд. принцессы прусской Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, которую Жуковский учил русскому языку. На празднике в «живых картинах» были представлены эпизоды из «восточного романа» Т. Мура (Moore; 1779—1852) «Лалла Рук» («Lalla Rookh : An Oriental Romance», 1817); главную героиню изображала Александра Федоровна.

У Жуковского образ имел сложную семантику, связанную с областью религиозно-мистических смыслов. В его рассуждении, скопированном Пушкиным, говорилось: «Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, Счастье, Несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного (...) прекрасно только то, чего нет. В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, — но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения? Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимо пролетающий благовеститель лучшего... оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не настоящим, а темным в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем (следуют заключительные четыре строки из стихотворения «Лалла Рук». — *Ред.*)» (Рукою П. 1997. С. 462).

Автоцитата из стихотворения «Лалла Рук» была приведена Жуковским и в статье «Рафаэлева Мадонна : (Из письма о Дрезденской галерее)», напечатанной в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.: «Час, который провел я перед этою Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни, если счастьем должно почитать наслаждение самим собою. (...) *Гений чистой красоты* был с нею (душою. — *Ред.*):

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия слетает к нам
И приносит откровенья,
Благодатные сердцам...»

(Жуковский. ПСС.
Т. 12. С. 343).

Альманах был прочитан Пушкиным в начале 1824 г. (см. его письма к А. А. Бестужеву от 12 января и 8 февраля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 84, 87).

Формула «гений чистой красоты» содержится также в стихотворении «Я Музу юную, бывало...». Возможно, с этим стихотворением, процитированным Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому от 25 мая 1825 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 183), наиболее тесно связан комментируемый текст: отчасти повторяя лирический сюжет Жуков-

ского, Пушкин трансформирует его настолько, что возникает полемическое соотношение с первоисточником. У Жуковского сюжет движется от прошлого к настоящему: в прошлом — дарующие вдохновение встречи с юной Музой, в настоящем — лишь воспоминание о них и иссякший источник творчества. Однако способность души хранить память о «дарователе песнопений» — залог того, что вдохновение вернется:

Но все, что от времен прекрасных,
Когда мне он доступен был,
Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

(Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 235)

То, что у Жуковского оставалось надеждой на будущее, у Пушкина реализуется в настоящем (сопоставительный анализ стихотворений Жуковского и Пушкина см. также: *Эйгес И.* Пушкин и Жуковский // Пушкин — родоначальник новой русской литературы : Сб. науч.-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 212—213). Подробнее об отражении «Лалла Рук» Жуковского в творчестве Пушкина см.: *Черняев Н. И.* Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 54—64; *Виноградов. Стилъ П. С.* 398—402; Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 601—602 (примеч. О. Б. Лебедевой).

Рецензируя «Северные цветы» на 1827 г., О. М. Сомов писал: «Небольшая элегия „К***“ есть одно из тех милых стихотворений Пушкина, которые легко затверживаются и долго, долго остаются в памяти» (СПч. 1827. № 39. 31 марта, без подписи; П. в критике, I, с. 315).

В 1833 г. перевод стихотворения на немецкий язык, выполненный К. К. Яниш (Jaenisch) (в замуж. Павлова; 1807—1893), появился под заглавием «Lied» («Песня») в сборнике ее переводов и оригинальных произведений «Das Nordlicht : Proben der neueren russischen Litteratur» («Северное сияние : Образцы новой русской литературы») (Dresden; Leipzig, 1833. S. 186—187). Анализ перевода см.: *Фролов Г. А.* Первые немецкие переводы А. С. Пушкина // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Казань, 1998. Т. 136: А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков : (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). С. 123—125.

Стихотворение было положено на музыку В. П. Титовым (1829), А. А. Алябьевым (1832), Н. А. Мельгуновым (1832), К. А. Гедике (1833). Наибольшую известность получил романс, созданный в 1839 г. (по другим сведениям, в 1840 г.)

М. И. Глинкой, который посвятил это произведение дочери Керн Екатерине Ермолаевне (в замуж. Шокальская).

Ст. 1—3. *Я помню чудное мгновенье ~ Как мимолетное виденье...* — По воспоминаниям Керн, на одном из писем к ней Анны Вульф Пушкин сделал приписку: «Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais!» (Образ, который промелькнул перед нами, который мы видели и который не увидим больше никогда! — фр.) (Акад. Т. 13. С. 352, 565; если полагаться на точность изложения событий мемуаристкой, письмо могло быть написано во второй половине августа—начале декабря 1824 г.). Как утверждала Керн, эти строки Пушкин взял «из Байрона» (Керн. С. 32). По предположению Л. Н. Майкова (Майков. Пушкин. С. 238), мемуаристка имела в виду строки начала посвящения к «Паломничеству Чайльд Гарольда» («Dans les climats que je viens de parcourir (...) dans ces visions fantastiques qui offrent au cœur des beautés qu'il regrette en soupirant de n'avoir vues qu'en songe, jamais la réalité ni l'imagination ne m'ont fait rencontrer aucun objet qui fût semblable à toi. Aussi, après t'avoir vue, je n'essayerai point de peindre ces charmes qui se renouvellent sans cesse» (Ни в тех краях, где я скитался (...) ни в волшебных видениях, являющих сердцу тех красавиц, о которых тоскуешь, вздыхая, что видел их лишь во сне, — никогда ни наяву, ни в грезах я не видел ничего подобного тебе. Однажды увидев тебя, я не дерзну описать эти прекрасные бесконечно изменчивые черты — фр.) (Вугол 1820—1822. Т. 3. Р. 9). Однако эти строки Байрона, имеющие лишь отдаленное сходство как со стихотворением Пушкина, так и с дубильной припиской, не могут считаться источником комментируемого образа. Предположение Н. Ф. Сумцова (см.: Сумцов. С. 231—233), связывавшего запись Пушкина со стихотворением английского поэта-романтика У. Вордсворта (Wordsworth; 1770—1850) «She was a Phantom of delight...» (1804), также не получило ни подтверждения, ни признания (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 79; П. и мировая литература. С. 91 (статья В. Д. Рака о Вордсворте)).

Ст. 17—24. *Душе настало пробужденье ~ И жизнь, и слезы, и любовь.* — Ср. с финалом послания А. А. Дельвига «К Софии» (написано в 1823 г. после болезни, напечатано в 1824 г.):

И весть об вас, как весть спасенья,
Надежду в сердце пролила;
В душе проснулись волненья;
И в вашем образе пришла
Ко мне порою усыпленья
Игея с чашей исцеленья.

(Дельвиг. Соч. С. 163)

См.: Смирнов И. П. Aemulatio в лирике Пушкина // Пушкин и Пастернак : Материалы Второго пушкинского колоквиума. Budapest, 1991. С. 19—21. Игея в греческой мифологии — богиня здоровья.

Другие редакции и варианты

Черновой автограф ПД 68. Ст. 15 г. *В степях в(о) мраке заточенья...* — В этом варианте стиха А. Л. Слонимский отметил единственный «глухой

биографический намек», указывающий на время, проведенное Пушкиным в Бессарабии (Слонимский А. Мастерство Пушкина. 2-е изд. М., 1963. С. 76).

Между ст. 20 и 21 Б. *Куда ж летишь прелестный Гений* <...> — *опять покинут я...* — Близкие мотивы часто встречаются в поэзии Жуковского. Ср.: «К ней стремлю, забывшись, руки — / Милый призрак прочь летит...» («Жалоба. Романс» (1811) — Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 161); «Куда полет свой устремила? / Неумолимая, постой! <...> / Летит, молитве не внимая...» («Мечты. Песня» (1812) — Там же. С. 212); «Сокрылся призрак-обольститель... <...> / Постой!.. но он уж улетел» («Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813) — Там же. С. 257); «Помедли улетать, прекрасный сын небес...» («Славянка. Элегия» (1815) — Там же. Т. 2. С. 24); «О Гений мой, побудь еще со мною; / Бывалый друг, отлетом не спеш; / Остаься...» («К мимопролетевшему знакомому гению» (1819) — Там же. С. 148). См.: Щеглов Ю. К. «Гармоническая точность» и «поэзия грамматики» в стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». С. 146—147.

EX UNGUE LEONEM

(«Недавно я стихами как-то свистнул...»)

(С. 51 и 255)

Автографы:

1) ПД 889, л. 1 — белой, с подписью под текстом: «А. П.», на листе большого почтового формата, запечатанном Пушкиным сургучной печатью и снабженным адресом: «В Москву. В Газетной экспедиции Московск<ого> почтамта. Г-ну Полевому. Издателю М<осковского> телеграфа»; на том же листе почтовый штемпель: «Опочка. 1825 июн. 22». Автограф, принадлежавший С. Д. Полторацкому, был вложен в двойной лист с сертификационной записью и датой: «18-го апреля 1826. Москва» и «Москва, четв<ерг> 28 мая 1833». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 413 (варианты ст. 1 и 4); Акад. Т. 2. С. 935 (в виде вариантов), 1161 (почтовый штемпель; публ. Д. Д. Благого).

2) ПД 1299 — белой, без заглавия, в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от начала июля 1825 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. №. 1. Стб. 151 (публ. П. И. Баргенева).

Авторизованная копия — в рукописи Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»; Пушкиным вписано заглавие).

Впервые: МТ. 1825. Ч. 4. № 13. С. 43, с подписью: «А. П.». Вошло в Ст 1826. С. 103 (отдел «Эпиграммы и надписи»), с поправкой в ст. 3, и в Ст 1829. Ч. 2. С. 161 (отдел стихотворений «разных годов»), с еще одним изменением — в ст. 4.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется июнем (не позднее 22-го) 1825 г. на основании даты выхода из печати № 19 журнала «Благонамеренный» (28 мая 1825 г. — см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 56), где была опубликована статья, давшая Пушкину повод для написания эпиграммы (см. ниже), и почтового штемполя на листе с автографом ПД 889.

По-видимому, Пушкин хотел отправить текст эпиграммы Н. А. Полевому для публикации в его журнале с оказией: первоначальный адрес был «В Москву. Г-ну Полевому», и лишь потом приписано: «В Газетной экспедиции Московск<ого>

почтамта. Издателю М(осковского) телеграфа»; вероятно, оказии не случилось, и Пушкин был вынужден довериться почте. В начале июля 1825 г. он писал П. А. Вяземскому: «Вот еще Эпиграмма на *Благонамеренного*, который, говорят, критиковал моих *Прятелей* (следует текст «*Ex ungue leonem*». — *Ред.*). Отослано к *Полевому*» (Акад. Т. 13. С. 186). В переписке Пушкина с Вяземским 1825 г. часто использовался шуточный метонимический прием обозначения издателей названиями их журналов; в данном случае «*Благонамеренным*» назван прозаик, поэт, баснописец Александр Ефимович Измайлов (1779—1831), издававший этот журнал в 1818—1826 гг. (см.: Проскурин 2000. С. 280—281). Критика пушкинской эпиграммы «*Журнальным приятелям*» (под таким заглавием П. А. Вяземский опубликовал в «*Московском телеграфе*» эпиграмму «*Прятелям*» («*Враги мои, покамест я ни слова...*») (1825) — наст. т., с. 37) содержалась в напечатанной без подписи заключительной статье цикла «*Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы*» (Благ. 1825. Ч. 30. № 19. С. 173; под текстом: С(ельцо) Соколово (С. 184)); вошедший в статью критический отзыв об эпиграмме «*Прятелям*» см. в примеч. к ней (наст. т., с. 642). Пушкин считал автором статьи Измайлова, в действительности же она была написана Николаем Федоровичем Остолоповым (1782—1833), поэтом, переводчиком, автором «*Словаря древней и новой поэзии*» (1821). Об авторстве этой статьи см.: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Т. 8. С. 170 (письмо Измайлова от 19 февраля 1825 г. с сообщением: «„Дело от безделья, или Замечания на журналы“ написаны Остолоповым»); Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 1997. Ч. 1. С. 163. № 04395.

Журнал «*Благонамеренный*», возникший как неофициальный орган Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в первые годы своего существования печатал таких поэтов, как А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский, Ф. Н. Глинка, Д. В. Давыдов; публиковался там и Пушкин. Однако уже к началу 1820-х гг. этот круг авторов отошел от «*Благонамеренного*», журнал начал печатать произведения третьестепенных сочинителей. К середине 1820-х гг. он приобрел репутацию дилетантского издания, заполняемого «домашней» литературной продукцией. По отношению к поэтам пушкинского круга «*Благонамеренный*» постепенно занял откровенно враждебную позицию. Сам Измайлов высоко ценил творчество Пушкина, но эстетика «*новейшего романтизма*» в целом не отвечала его достаточно архаичным вкусам и вызывала резкое неприятие со стороны ближайших сотрудников журнала — Б. М. Федорова, Н. А. Цертелева, Н. Ф. Остолопова, которые положили начало литературной полемике, разместив на страницах «*Благонамеренного*» целый ряд критических и эпиграмматических выступлений против Дельвига, Баратынского, Плетнева, Кюхельбекера. Эпиграмма «*Ex ungue leonem*» — вклад Пушкина в серию ответных сатирических произведений, направленных против Измайлова и печатавшихся в его журнале авторов.

Одной из таких ответных реплик в адрес «*Благонамеренного*» стало послание Баратынского «*Г(неди)чу, который советовал сочинителю писать сатиры*» (1822—1823), содержавшее язвительную характеристику журнала и его издателя. К Измайлову здесь применен эпитет «*площадной*», использованный и в ст. 5 пушкинской эпиграммы: «*Измайлов, например, знакомец давний мой, / В журнале плоский враль, ругатель площадной*» (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 16). Ранняя редакция послания, с которой был знаком Пушкин (см. отклик на нее в письме к Дельвику от 16 ноября 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 75), известна в нескольких копиях, имеющих

разночтения в процитированном стихе: «В журнале плоский враль, ругатель записной»; «Трактирный весельчак, ругатель площадной» (Там же. С. 22, 23; см. также: Вацуро В. Э. Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 59). В сборнике стихотворений Баратынского 1827 г. эти стихи были изменены: «Шутилов, например, знакомец давний мой. / В журнале пошлый шут, ругатель площадной» (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 19). Анализируя переключку между текстами Баратынского и Пушкина, В. Э. Вацуро пришел к выводу, что либо в 1825 г. Пушкину уже был известен выбранный для печати вариант стиха и он перефразировал его в своей эпиграмме, либо Баратынский, готовя издание 1827 г., «исправил строку по пушкинской эпиграмме» (Вацуро В. Э. Из записок филолога // Рус. речь. 1986. № 3. С. 18). Возможно (и даже более вероятно) реконструированное О. А. Проскуриным «круговое движение» острот насчет Измайлова: «...от Баратынского к Пушкину приходит „площадной“, от Пушкина к Баратынскому — „шут“. (...) Пополнение послания Гнедичу „пушкинскими“ деталями должно было свидетельствовать о нескольких вещах: во-первых, о том, что Баратынский увидел и оценил „союзническое“ использование его антиизмайловской формулы в антиизмайловской пушкинской эпиграмме; во-вторых, о том, что Баратынский в свою очередь отдает должное выразительности и точности пушкинского определения Измайлова как *шута* — определения, которое также имеет все основания сделаться классическим и нарицательным (...). Словом, перебрасывание взаимными цитатами (...) должно было свидетельствовать о том, что язык у Пушкина и Баратынского — общий... Антипушкинская эскапада „Благонамеренного“, таким образом, невольно послужила поводом для изысканного диалога между двумя ведущими поэтами поколения...» (Проскурин 2000. С. 284—285).

Контекстным фоном пушкинской эпиграммы явились отношения между «Благонамеренным», который к 1825 г. стал убыточным изданием, и «Московским телеграфом», журналом Н. А. Полевого, появившимся в том же 1825 г. (см.: Там же. С. 260—301). В противоположность «Благонамеренному» «Московский телеграф» пропагандировал романтическое направление и быстро завоевал читательскую популярность, сумев привлечь лучшие литературные силы; здесь печатались писатели пушкинского круга; Вяземский в 1825—1827 гг. тесно сотрудничал с редакцией и выступал посредником между нею и Пушкиным. Поначалу отношения между Измайловым и Полевым были вполне доброжелательными, но постепенно они обострились. Настоящая война между двумя журналами не успела разгореться лишь потому, что в 1826 г. «Благонамеренный» прекратил издаваться. Едва ли не самым резким выступлением против «Московского телеграфа» в 1825 г. оказалась указанная выше статья Остолопова, который стремился доказать, что журнал Полевого преподносит читателям устаревшую информацию и литературные произведения не самого высокого уровня. В этом контексте критик и поместил отзыв о пушкинской эпиграмме «Журнальным приятелям». Естественно поэтому, что ответную эпигramму «*Ex ungue leonem*» Пушкин послал в «Московский телеграф». В том же письме к Вяземскому, в котором сообщался посланный Полевному текст «*Ex ungue leonem*», Пушкин писал: «Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадет (кроме «Онегина»), если же мое имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: Телеграф человек порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен» (Акад. Т. 13. С. 185).

В 1824 г. «Благонамеренный» был упомянут Пушкиным в XXVII строфе третьей главы «Евгения Онегина» (вышла из печати в 1827 г.). В первом полном издании романа в стихах (1833) это упоминание было снабжено примечанием: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял» (Там же. Т. 6. С. 193). Пренебрежительные отзывы Пушкина об Измайлове и его журнале см. в письмах к Дельвигу от 16 ноября 1823 г. и А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825 г. (Там же. Т. 13. С. 75, 178).

Об истории пушкинской эпиграммы упоминает в своих мемуарах К. А. Полевой: «На беду свою, „Благонамеренный“, по примеру других, потому что иного повода не было, вздумал подсмеяться над „Московским телеграфом“ и выбрал предметом насмешки стихотворение Пушкина: „Враги мои“ и проч. Обыкновенным своим тоном он говорил: „У сочинителя есть и когти: у, как страшно!“ Пушкин, видно, вспыхнул, прочитав эту пошлую насмешку, и тотчас прилетело к нам по почте собственною рукою его написанное:

Ex ungue leonem

(следует текст. — Ред.). Это окончательно сделало „Благонамеренный“ неблагонамеренным в отношении к „Московскому телеграфу“ — по милости Пушкина» (П. в восп. Т. 2. С. 50). В действительности, как показано О. А. Проскуриным, Измайлов, прочитав в особом прибавлении к № 15 «Московского телеграфа» возражения Н. А. Полевого автору статьи «Дело от безделья...», постарался уклониться от журнальной войны и на некоторое время поправил свои отношения с «Московским телеграфом» (см.: Проскурин 2000. С. 285—288).

Б. В. Томашевский отметил сходство пушкинской эпиграммы с эпиграммой Ж. Б. Руссо (Rousseau; 1670—1741) «Против Монфора» («Contre Monfort»): «Нельзя отрицать сходства ритмических впечатлений. Два заключительных стиха, самая „pointe“ эпиграммы построены аналогично. Первые полустишия аналогичны и грамматически и ритмически (до повторения проклитик включительно). {...} Если принять во внимание, что в эти годы Пушкин с особым вниманием относился к эпиграммам Rousseau, то совпадение покажется далеко не случайным, и здесь мы имеем любопытный пример ритмических влияний из одного языка в другой» (Томашевский Б. В. Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 22—23; там же (на с. 22) приведен текст эпиграммы).

Заглавие. *Ex ungue leonem* — Начало известного латинского выражения «*Ex ungue leonem, ex auribus asinum*» («По когтям льва, по ушам осла» (узнают)) (см.: Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. Л., 1981. Т. 1. С. 463).

Ст. 1—2. *Недавно я стихами как-то свистнул И выдал их без подписи моей...* — Под эпиграммой «Журнальным приятелям» в «Московском телеграфе» стояла подпись: «А. П.».

Ст. 5. *Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту...* — Характеристика «площадной шут» соответствовала сложившейся репутации «Благонамеренного», печатавшего развлекательные материалы на потребу малообразованной публики. В «Обзрении русской литературы в 1824 году» Н. А. Полевой писал: «...в прошлом году „Благонамеренный“ выходил книжками, по два раза в месяц. В нем помещались проза, стихи, критика, но более всего статьи шуточные» (МТ. 1825. Ч. 1.

№ 3. С. 252). Согласно позднейшей ретроспективной оценке К. А. Полевого, «Измайлов беспрестанно шутил и гаерствовал в своем „Благонамеренном“, упоминал о пеннике, о настоекке, о расстегайчиках, о трактире и тому подобных неблагоуханных предметах» (П. в восп. Т. 2. С. 49).

Ст. 7. Он по котьям узнал меня в минуту... — Ответ на фразу из статьи «Дело от безделья...» («Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть котти...» — Благ. 1825. Ч. 30. № 19. С. 173), в которой критик обыгрывал строки из пушкинской эпиграммы «Приателям»: «Не избежит пронзительных когтей, / Как налечу нежданный, беспощадный...».

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...»

(С. 52 и 256)

Автограф (ПД 974) — белой ст. 1—4, на листе, вырезанном из альбома Ел. А. Сушковой (хранятся в Государственном музее истории российской словесности им. В. И. Даля (Государственный литературный музей)), с подписью «А. Пушкин» и пометой под текстом: «7 апреля 1835. П(етер)Б(ург)». Напечатано: Молзалевский Л. Б. А. С. Пушкин : Два новых автографа // Звенья. М., 1932. Т. 1. С. 52. Воспроизведение: Там же. С. 52/53.

Копия неизвестного (ПД, ф. 244, оп. 4, № 234, л. 1) (N), сделана не позднее 1830-х гг., на отдельном листе, под заглавием «Совет» и подписью: «А. Пушкин», с перестановкой ст. 3 и 4. Напечатано как автограф Пушкина: Рукою П. 1935. С. 645 (публ. М. А. Цявловского), без отражения особенностей рукописи (т. е. без заглавия и перестановки стихов). Сохранилось письмо В. Д. Бонч-Бруевича от 9 июня 1933 г. к Н. О. Лернеру, владельцу документа, о том, что «все пушкинисты единогласно (...) установили, что автограф стихотворения „Совет“ написан не рукой Пушкина» (ПД, ф. 244, оп. 4, № 234, л. 2); несмотря на это заключение, копия попала в издание «Рукою Пушкина» в качестве автографа поэта (подробнее см.: Краснородько Т. И. О псевдопушкинском автографе стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» из собрания Н. О. Лернера // Врем. ПК. Вып. 31. С. 219—225). В Акад. (Т. 2. С. 1165, примеч. Д. Д. Благого) не упомянуто.

Копия в альбоме П. А. Осиповой, ее рукой, утрачена. Напечатано: Семевский М. И. К биографии Пушкина : Выдержки из записной книжки // РВ. 1869. № 11. С. 67 (заглавие «В альбом Евпраксии Николаевне Вульф» и указание, что стихотворение переписано рукой ее матери); Майков. Материалы. С. 243 (заглавие: «Стихи в альбаум Ев(пракси)и Н(иколаевны) В(ульф) 1825 году»; публ. В. И. Саитова). По поводу этих публикаций Д. Д. Благой писал: «О тексте копии ни Семевский, ни Майков ничего не говорят; очевидно, он совпадает с печатным» (Акад. Т. 2. С. 1165). Об альбоме П. А. Осиповой см. примеч. к стихотворению «П. А. О(сиповой)» («Быть может, уж недолго мне...») (1825) (наст. т., с. 716—717). Заглавие, приведенное в обеих публикациях, по всей видимости, является пояснительной записью П. А. Осиповой.

Впервые: МТ. 1825. Ч. 5. № 17. С. 37, под заглавием: «Стихи в альбом» (выход в свет 21 сентября, см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 86). Вошло в Ст 1826. С. 80 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1825»), под заглавием: «В альбом», с пунктуационными изменениями и в Ст 1829. Ч. 2. С. 21 (отдел стихотворений 1825 г.), без заглавия, с пунктуационным изменением в ст. 3. Перепечата-

но: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 171, под заглавием: «В альбом», с подписью: А. Пушкин; Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов. М., 1829. С. 3, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1825 г., не позднее 25 июня; год определяется в соответствии с хронологическими указаниями в копии Осиповой, в Ст 1826 и Ст 1829, нижняя граница датировки — на основании описания М. И. Семевским утраченного альбома П. А. Осиповой: копия стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» была вписана в него ранее пушкинского автографа послания «П. А. О(сиповой)», датированного поэтом 25 июня 1825 г. (см. примеч. к нему, наст. т., с. 716). Т. Г. Цявловская считала нижней границей датировки 19 июля 1825 г. — день, когда Е. Н. Вульф, «в альбом которой написано стихотворение, выехала вместе с матерью, сестрой Анной и А. П. Керн из Тригорского в Ригу» (Летопись 1999. Т. 2. С. 70); вернулись они в Тригорское за несколько дней до выхода из печати книжки «Московского телеграфа», где было опубликовано стихотворение.

Стихотворение написано в альбом Евпраксии Николаевны Вульф (в замуж. (с 1831 г.) бар. Вревская; 1809—1883), дочери П. А. Осиповой от первого брака. К ней же обращены стихотворение «К Е. Н. Вульф» («Вот, Зина, вам совет: играйте...») (1826) и несколько строк строфы XXXII пятой главы «Евгения Онегина» (см. ниже). Пушкин познакомился с Е. Н. Вульф летом 1817 г., когда она была еще девочкой. Семевский утверждал, что она «помнит малейшую черту из знакомства своего с Пушкиным; знакомство это началось еще тогда, когда Пушкину было лет семнадцать. (...) Пушкин однажды гулял с нею и раз, подняв ее на руки, спас от собак...» (Семевский. С. 101—102). В 1824—1826 гг., живя в Михайловском, Пушкин тесно общался с Е. Н. Вульф. По словам М. И. Осиповой, из ее сестер тогда «особенно хороша была Евпраксия» (СПбВед. 1866. № 139. 24 мая. С. 1); готовя второе издание «Прогулки в Тригорское» (не состоялось), Семевский вычеркнул из этой фразы имя Евпраксии, но другого не вписал (см.: Семевский. С. 286, примеч. С. В. Березкиной). В письмах Пушкина 1824—1826 гг. содержатся многочисленные упоминания о Е. Н. Вульф, которые носят шутивно-дружественный характер и отражают неизменный интерес к ней. Когда в Тригорское летом 1826 г. приехали на каникулы А. Н. Вульф и поэт Н. М. Языков, Е. Н. Вульф стала подлинным украшением молодого общества; описание дружеских пирушек в Тригорском с упоминанием жженки и готовившей ее Евпраксии Вульф («нашей Гебы») см. в стихотворениях Языкова «А. С. Пушкину» («О ты, чья дружба мне дороже...») (1826) и «К баронессе Е. Н. Вревской» («Я помню вас! Вы неизменно...») (1845). В письме от 26 сентября 1837(?) г. Е. Н. Вревская признавалась А. Н. Вульфу, что была увлечена Пушкиным, так же как и ее сестры Анна Вульф и Александра Осипова: «Наш приятель умел занять чувство у трех сестер, что гораздо мудренее...» (цит. по: Гофман М. Л. Из Вревского архива // ПиС. Вып. 21—22. С. 413). Вульф заметил это еще в 1828 г., когда наблюдал за Евпраксией, находясь в Тверской губернии одновременно с Пушкиным (см.: Вульф. Дневник 1999. С. 66—67); намеки на увлечение Е. Н. Вульф Пушкиным в 1828—1829 гг. содержатся в воспоминаниях Е. Е. Сеницыной (П. в восп. Т. 2. С. 81). Вульф назвал Пушкина в разговоре с

Семевским «всегдашним и пламенным обожателем» своей младшей сестры (Семевский. С. 59). Имя Евпраксии упомянуто в так называемом «Дон-Жуанском списке» поэта (1829); в пятой главе «Евгения Онегина» (строфа XXXII) к ней обращены строки:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

(Акад. Т. 6. С. 112)

Увлечение Пушкина сестрой косвенно подтвердила Анна Н. Вульф в письме к Н. Н. Пушкиной от 28 июня 1831 г., говоря о ревности жены поэта (см.: *Лернер Н. О.* Из истории сердечной жизни Пушкина : (Неизданное письмо А. Н. Вульф к Н. Н. Пушкиной) // *Звенья*. Сб. 5. С. 163). В 1830-х гг. у Пушкина сложились дружеские отношения с бар. Б. А. Вревским и его женой. В 1835—1836 гг. он неоднократно бывал в их имении Голубово, которое находилось в двадцати верстах от Тригорского. Во второй половине января 1837 г. Вревская встречалась с Пушкиным в Петербурге и он рассказывал ей о предстоящей дуэли. Поэт предполагал, что после дуэли его вышлют из Петербурга и он поедет в Псковскую губернию, куда приедет и Вревская (см.: Семевский. С. 205—205, 264). Воспоминания Вревской переданы Семевским в статьях «Прогулка в Тригорское» и «К биографии Пушкина», причем, судя по упоминанию в последней статье, он располагал «заметкой баронессы В(ревской)» о поэте, ныне неизвестной (Семевский. С. 203).

Первая строфа стихотворения была вписана Пушкиным в альбом Елизаветы Александровны Сушковой (в замуж. (с 18 сентября 1835 г.) Ладыженская; 1815—1883), по выходе из Смольного института жившей в Петербурге у своей тетки М. В. Беклешовой. 7 апреля 1835 г. — день, когда была сделана эта альбомная запись, — приходился на первый день Пасхи. Вероятно, Пушкин был у Беклешовых с праздничным визитом. В тот же день под автографом стихотворения «Полководец» он поставил помету: «7 апреля 1835. Светл(ое) Воскр(есение). С. П. Б. Мягель и мороз» (см.: *Модзалевский Б. Л.* А. С. Пушкин : Два новых автографа. С. 55).

Под влиянием пушкинского стихотворения в 1830 г. тем же четырехстопным хореем было написано стихотворение М. Ю. Лермонтова «Совет» (ср. указанное выше заглавие стихотворения в копии N):

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется —
Улыбнись и разгустись.
Дев измены молодые,
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

(Лермонтов М. Ю.
Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954.
Т. 1. С. 94)

См.: *Донская Н. А.* Псалом в альбом : (Трансформация текста 36-го псалма у Державина, Пушкина, Лермонтова // Пушкин и русская культура : (Работы молодых ученых. М., 1999. Вып. 2. С. 33—35).

Перевод стихотворения на польский язык, выполненный Игнацием Деспотом-Зеновичем (Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866), опубликован в сборнике его стихов и переводов «Imionnik» (St.-Petersbourg, 1830. S. [33]), вышедшем под криптонимом: «J.-G. D. Z.».

Стихотворение положено на музыку А. А. Алябьевым (1828).

Ст. 2. *Не печалься, не сердись!* — Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Утешение добрым» (1804), которое представляет собой вольное переложение 36-го псалма:

Не печалься, не сердися,
Не злословь и злых гаупцов;
Паче в доблестях крепиися,
Умудрайся средь трудов.

(Державин. Т. 2. С. 506)

Пушкин использовал тот же, что и Державин, четырехстопный хорей (см.: *Донская Н. А.* Псалом в альбом. С. 30—33).

Ст. 8. *Что пройдет, то будет мило.* — По мнению Н. И. Михайловой (см.: *Михайлова Н. И.* Из комментария к лирике Пушкина : (Пушкин и Карамзин) // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1999. С. 161—162), литературным источником этой формулы могло послужить четверостишие Н. М. Карамзина «Характер Нисы» (1796):

Для Нисы то бывает мило,
Что прежде было ей постыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будет ей постыло.

(Карамзин Н. М. Полн. собр.
стихотворений.
Л., 1966. С. 231 (Б-ка поэта;
Большая сер.))

П. А. О(СИПОВОЙ)

(«Быть может, уж недолго мне...»)

(С. 53 и 256)

Автограф без заглавия, с пометой под текстом: «С(ело) Михайловское / 25 июня 1825» был записан в альбом П. А. Осиповой, местонахождение которого ныне неизвестно. Напечатано: *Семевский М. И.* К биографии Пушкина : Выдержки из записной книжки // РВ. 1869. № 11. С. 67—68. Воспроизведение: Сборник снимков с автографов русских деятелей : 1801—1825 (Письма, стихотворения, заметки и подписи) / Изд. редакции «Русской старины» и Ф. К. Опочинина. СПб., 1873. С. 58. № 108. Первые сведения об альбоме Осиповой, который в Тригорском называли «большим», даны в статье М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское :

(Заметки и материалы для биографий Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига)» (СПбВед. 1866. № 146. 31 мая), по-видимому, с чьих-то слов, поскольку в 1865—1866 гг., когда писалась эта статья, альбом был похищен и семейство Осиповой занималось его розысками. В статье «К биографии Пушкина» Семевским дана более развернутая характеристика альбома (см. также: Семевский. С. 10—11, 72, 178—185, 356, примеч. С. В. Березкиной). В 1873 г., когда автограф был воспроизведен Семевским в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей», альбом Осиповой хранился у ее дочери бар. Е. Н. Вревской в имении Голубово (см.: Приложение к «Сборнику снимков...». С. 70). Последней владелицей альбома, о которой упоминается в пушкиноведческой литературе, была внучка Вревской кн. А. А. Хованская; в 1899 г. именно она предоставила альбом для ознакомления Л. Н. Майкову. Некоторые автографы и копии стихотворений Пушкина, имевшиеся в «большом» альбоме Осиповой, напечатаны: Майков. Материалы.

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «В альбом П. А. О.» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «в альб(ом) Ос(иповой)», под № 38 (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 180).

Впервые: СЦ 1829. Отдел «Поэзия». С. 193, под заглавием: «В альбом П. А. О.». Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 58—59 (отдел стихотворений 1825 г.), под заглавием: «П. А. О***». Фамилия Осиповой раскрыта: Генн. 1859. Т. 1. С. 325.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829, с раскрытием фамилии П. А. Осиповой в заглавии.

Датируется по помете в автографе временем около (не позднее) 25 июня 1825 г.

Стихотворение посвящено Прасковье Александровне Осиповой (см. о ней примеч. к стихотворениям «Простите, верные дубравы!...» (1817) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 463, примеч. И. С. Чистовой) и «Цветы последние милей...» (1825) (наст. т., с. 776—777). Содержание послания связано с планами отъезда или бегства за границу, которые давно обдумывал Пушкин (см. примеч. к стихотворениям 1824 г. «К морю» и «Презрев и голос (?) укоризны...» — наст. т., с. 515 и 957—958) и в которые с осени 1824 г. была посвящена Осипова. Начиная с весны 1825 г. надежды поэта были связаны с прошением на высочайшее имя о позволении ему выехать в Европу для лечения аневризма. Черновик прошения Пушкин послал В. А. Жуковскому в письме от 20—24 апреля 1825 г. Посоветовавшись с Н. М. Карамзиным, Жуковский решил прошению Пушкина хода не давать, а направить на высочайшее имя прошение его матери с ходатайством о поездке сына для лечения в Ригу, что и было сделано 6 мая 1825 г. Прошение Н. О. Пушкиной было сумбурным и не содержало необходимых в таком случае сведений (в каком чине ее сын, где служит, если не служит, то почему, как оказался в родовом имении и почему не может оттуда выехать по своему желанию). Из-за этого возникла переписка между канцелярией Главного штаба и Министерством иностранных дел, в которую оказался вовлечен и С. Л. Пушкин. Только после выяснения всех обстоятельств дела Н. О. Пушкина получила ответ в письме начальника Главного штаба барона И. И. Дибича от 26 июня 1825 г., в котором ее сыну предписывалось лечиться в Пскове. Это предписание стало известно Пушкину в самом начале июля 1825 г., о чем он с большим раздражением написал Жуковскому (Акад. Т. 13. С. 186—187). О прошениях на высочайшее имя поэта и его матери, относящихся к апрелю—маю 1825 г., см.: Цявлов-

ский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина // Цявловский. Статьи. С. 139—142; Шнейдер А. Е. Письма Н. О. Пушкиной: (Автографы, обнаруженные в ЦГВИА СССР) // Советские архивы. 1977. № 2. С. 84; Документы к биографии. 1799—1829. С. 473—476 и след. Послание «П. А. О〈сиповой〉» создавалось в ожидании ответа на прошение к государю, когда отъезд еще казался возможным.

Стихотворение написано пятистишиями с замыкающим женским стихом, схема рифмовки — аВааВ. По предположению Б. В. Томашевского, Пушкин обратился к этой строфе под впечатлением стихотворения В. И. Туманского «Моя любовь» (СЦ 1825. С. 319), которое могло привлечь особое внимание Пушкина, поскольку в нем развивалась крымская тема:

Там, нежась в неге и в мечтах,
В час лунных, сладостных туманов,
Как будто видишь на горах,
Вокруг мечетей, на гробах,
Блуждающие тени ханов.

См.: Томашевский. Строфика П. С. 78.

Ст. 9—10. В лугах, у речки, над холмом, В саду, под сенью лип домашней. — Ср. близкое описание в стихотворении «Простите, верные дубравы!..», ст. 13—14: «Приду под липовые своды, / На скат тригорского холма...» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 5; см. примеч. к этим стихам — там же, с. 463).

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

(«Меж тем, как изумленный мир...»)

(С. 54 и 257)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 53, 59—64, 65 — черновой. На л. 53 — предположительно относящиеся к работе над стихотворением смазанные слова «Куда куда», соответствующие началу ст. 110 (записаны на левом поле листа, занятого черновиком строфы XXIVa—б четвертой главы «Евгения Онегина»); на л. 59 — ст. 110—121; на л. 59 об.—64, под вписанным позднее заглавием: «Андрей Шенье в темнице», — ст. 13—185; ниже на л. 64 — набросок вступления (ст. 1—8); на л. 65 — прозаический набросок, вероятно предназначавшийся для примечаний к элегии. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 32 (ст. 110—120 в виде сводки; заглавие «Андрей Шенье в темнице», описание автографа на л. 59—64 и набросок примечания в виде сводки); Щеголев П. Е. Новые стихотворения А. С. Пушкина // Русское слово. 1911. № 181. 6 авг. С. 3 (первоначальный вариант ст. 163—165); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 37—42 (в виде описания, транскрипции некоторых фрагментов и вариантов отдельных стихов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 719 — в составе показаний Пушкина от 27 января 1827 г. в деле Главного военно-судного управления о распространении запрещенных стихов из элегии «Андрей Шенье»: ст. 25 (вариант, совпадающий с поправкой Пушкина в копии Лп, — см. о ней ниже)—26, 30—32, 35 (первые три слова), 38—39 (вариант

ст. 39 со словом «входили», совпадающий с черновым текстом в тетр. ПД 835, копиями Лп, Кн, Вульф и публикациями Пп, БЗЕ (см. о них ниже), а не «всходили», как в некоторых других копиях и публикациях текста), 48, 49 (первые четыре слова), с пояснениями к этим стихам. Напечатано: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 599—600. Воспроизведение: ПиС. Вып. 11. С. 32/33.

3) ПД 720 — ст. 18—21 (в конце ст. 21: «etc.») в составе показаний Пушкина от 29 июня 1827 г. в деле Главного военно-судного управления о распространении запрещенных стихов из элегии «Андрей Шенье». Напечатано: *Шляпкин И. А.* 1) К биографии А. С. Пушкина // Памятная книжка Имп. Александровского лицея на 1898—1899 учебный год. СПб., 1899. С. 69, 2-я паг.; 2) К биографии А. С. Пушкина : (Малоизвестные и неизвестные документальные данные). СПб., 1899. С. 27.

Автограф письма к П. А. Плетневу (датируется около (не позднее) 19 июля 1825 г.), содержащий сокращенную запись ст. 9 элегии («Певцу etc.») и исправление ст. 10 («Несу надгробные цветы»), утрачен. По несохранившейся копии письмо напечатано: ПЗ 1861. Кн. 6. С. 102 (публ. А. И. Герцена); в России впервые (по копии из тетради П. И. Бартенева (Бар)): *Грот Я. К.* Переписка Пушкина с Плетневым // ВЕ. 1881. № 3. С. 11.

Копии стихов, не вошедших в прижизненные публикации «Андрея Шенье»:

1) А. Ф. Леопольдова (ПД 88) (Лп), авторизованная, в деле Главного военно-судного управления о распространении запрещенных стихов из элегии «Андрей Шенье»: ст. 21—64, под заглавием: «На 14^е декабря». Датируется июнем 1826 г. (историю копии см. ниже). 27 января 1827 г. Пушкиным исправлены ошибки в ст. 25 (поправка дает вариант стиха, совпадающий с автографом ПД 719), 35, 61. Ст. 39 («Святых изгнанников входили славны тени») совпадает с автографами ПД 835 и ПД 719, а также с копиями Кн, Вульф и публикациями Пп и БЗЕ (см. ниже); ст. 64 («Так буря мрачная минет!») наряду с черновым автографом ПД 835 и копией Кн дает отличный от других источников текста вариант стиха. Ст. 40 («От пепела предрассуждений») и 62 («Так — он найдет тебя под сению равенства») оставлены в копии неисправленными. Анализ поправок Пушкина в копии Лп см. ниже. Напечатано: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 598—600 (исправления Пушкина); Акад. Т. 2. С. 398—399 (в виде ст. 21—38, 40—64 основного текста, об отступлениях от Лп в этой публикации см. ниже), 953 (в виде разночтений копии; публ. Д. Д. Благого и Т. Г. Цявловской). В Акад. (Т. 2. С. 1162) утверждается, что копия Лп впервые полностью напечатана М. А. Цявловским в составе основного текста элегии (ст. 21—64): КН. Т. 1. С. 276—277; между тем в публикации КН именно к этому источнику восходит, помимо некоторых особенностей пунктуации, только ст. 64, другие же отличия копии или отвергнуты (ст. 25, 39, 57) или видоизменены (ст. 40, 62) — подробнее об этом см. ниже.

2) В. Г. Коноплева (ПД, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 3—3 об.) (Кн) — в деле III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине: ст. 21—64, под заглавием «На 14^е декабря», с подписью под текстом: «А. Пушкин». Идентична Лп до поправок Пушкина. Напечатано: Дела III Отделения. С. 16—17.

3) Анны Н. Вульф (ПД, ф. 244, оп. 4, № 114) (Вульф) — ст. 21—64, с пометой под текстом: «14 декабря 1825», с явной ошибкой в ст. 25: «Я славил твой священный трон» вместо: «Я славил твой священный гром». Указано: Акад. Т. 2. С. 1163; напечатано: Эйдельман. П. и декабристы. С. 330—331 (описание, варианты).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — ст. 26—65, с пометой, предваряющей их запись: «В стихотворении „Андрей Шеньё” после стиха „Я славил твой священный гром” пропущены стихи»; после текста ст. 26—65 помета: «(Далее из печатного)»; в ст. 59 по ошибке пропущено слово «вновь».

5) Тетр. Тихонравова (Тих) — ст. 19—65, с пометой: «Пропуск из стихотворения „Андрей Шеньё»».

6) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полг) — ст. 21—65, с пометой: «Пропущенные стихи в пьесе: „Андрей Шеньё»».

7) Сб. Александрова (Ал) — ст. 21—65, под заглавием: «Пропуск из стихотворения: А. Шеньё», с пометой под текстом: «1825».

8) П. А. Ефремова (Е) — ст. 19—65, 150.

Во всех копиях, за исключением Лп и Кн, ст. 37 отсутствует.

Копии 4—8 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 953—954 (в виде разночтений; публ. Д. Д. Благого и Т. Г. Цявловской).

Утраченные копии стихов, не вошедших в прижизненные публикации «Андрея Шеньё»:

1) Бывшая в распоряжении чиновника III Отделения М. М. Попова (1800—1871), по которой он привел ст. 21—64 в посмертно опубликованной статье: Александр Сергеевич Пушкин // РС. 1874. № 8. С. 691—692 (в примеч. публикатора статьи М. И. Сомевского сообщалось, что ее передал в журнал П. А. Муханов (1798—1871), составлена же она была «лет двадцать тому назад», т. е. в середине 1850-х гг. (Там же. С. 683, 692); авторство Попова указано в статье П. П. Каратыгина (при участии П. А. Ефремова) «Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837» (РС. 1880. № 1. С. 133)) (Пп). В отличие от других утраченных копий текст Пп приведен без пропуска ст. 37 (как и в копиях Лп и Кн).

2) Бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина, по которой им была осуществлена публикация в статье: Якушкин Е. И. По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина // БЗ. 1858. № 11. Стб. 344 — ст. 21—25 без разночтений по сравнению с основным текстом.

3) Бывшая в распоряжении Г. Н. Геннади, по которой им были осуществлены публикации в Генн. 1859. Т. 1. С. 339, 342 — ст. 21—25, 150 (первые два слова) и в Генн. 1869—71. Т. 1. С. 320—322, 325 — ст. 21—64 (с пропуском ст. 37), 150 (первые два слова).

4) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербея, по которой им была осуществлена публикация в Герб. С. 81—82, 156 — ст. 21—65, 150 (с пропуском ст. 37).

5) Бывшая в распоряжении П. А. Ефремова, по которой им была осуществлена публикация в Ефр. 1880. Т. 2. С. 2—3, 6 — ст. 21—64 (с пропуском ст. 37), ст. 150. По утверждению Ефремова, копия была сообщена ему П. В. Анненковым в 1857 г. (см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 405; Ефр. 1882. Т. 2. С. 378; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 214). Более ранняя публикация исключенных цензурой стихов «Андрея Шеньё» была осуществлена Ефремовым по другому источнику (возможно, по публикации Герб.): Ефремов П. А. Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // БЗ. 1861. № 19. Стб. 592—593 (ст. 50—64, первые пять слов ст. 65) (БЗЕ).

Впервые: Ст 1826. С. 29—35 и 190—191 (примечания) (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1825»), с посвящением: «(Посвящено Н. Н. Раевскому.)» и исключением по требованию цензуры ст. 21—64, замененных четырьмя строками отточий (в следующем за ними ст. 65 первые два слова заменены многоточием) и

ст. 150, замененного строкой отточий. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 7—15 и 172 (примечания) (отдел стихотворений 1825 г.), с посвящением: «Посвящено Н. Н. Р.», с теми же цензурными купюрами, что и в Ст 1826, с пунктуационными изменениями, в том числе частичной заменой восклицательных знаков интонационно более нейтральными знаками препинания (см. об этом: *Сидяков Л., Тополевская Т.* Пунктуация и интонационная эволюция поэтического текста : (Элегия А. С. Пушкина «Андрей Шенье») // *Philologia* : Рижский филол. сб. Рига, 1997. Сб. 2: Словесность и эволюция культуры. С. 152—158), а также с изменениями в ст. 120 и примечании 6. Исключенные цензурой стихи впервые напечатаны: *Якушкин Е. И.* По поводу последнего издания сочинений Пушкина // БЗ. 1858. № 11. Стб. 344 (ст. 21—25); Генн. 1859. Т. 1. С. 342 (первые два слова ст. 150); Герб. С. 81—82, 156 (ст. 26—36, 38—64 и последнее слово в ст. 150); ст. 26—64 и последнее слово в ст. 150 в России впервые: *Ефремов П. А.* Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // БЗ. 1861. № 19. Стб. 592—593 (ст. 50—64); Генн. 1869—71. Т. 1. С. 321—322 (ст. 26—36, 38—49); [*Попов М. М.*] Александр Сергеевич Пушкин // РС. 1874. № 8. С. 692 (ст. 37); Ефр. 1880. Т. 2. С. 6 (последнее слово в ст. 150).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатаются ст. 1—20, 65—185 и примечания — по Ст 1829; ст. 21—24, 26—38 и 41—64 — по Лп, с исправлением синтаксического членения ст. 62 по автографу ПД 835; ст. 25 — по автографу ПД 835, подтверждающему правильность написания этого стиха в подавляющем большинстве копий и публикаций элегии в отличие от копий Лп, Вульф, Лон—Полт и двух пушкинских записей 1827 г. (поправка в Лп, автограф ПД 719), в которых поэтом, по-видимому, была допущена ошибка (см. ниже); ст. 39 — по автографу ПД 719; ст. 40 — по Лп, с восстановлением второго слова, написанного копиистом, вероятнее всего, ошибочно, по другим источникам (Долг, Ал, Тих, Лон—Полт, Пп, Герб., Генн. 1869—71, Е, Ефр. 1880, БЗЕ); начало ст. 65 — по автографу ПД 835, копиям Долг и Ал и публикациям Герб. и БЗЕ; ст. 150 — по публикациям Герб. и Ефр. 1880. Фамилия Н. Н. Раевского в посвящении раскрывается по Ст 1826.

Датируется первой половиной февраля—концом июня 1825 г. в соответствии с авторскими указаниями в прижизненных публикациях элегии, по положению черного автографа в тетради ПД 835 и упоминаниям об элегии в июльских письмах Пушкина 1825 г. к П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу (см. ниже).

Работа над автографом в тетради ПД 835 (л. 59—64), заполнявшейся в этой своей части в хронологической последовательности, началась не ранее первой половины февраля: на л. 58 об. — заметка о стихотворении «Демон», спровоцированная трактовкой этого стихотворения в «Сыне отечества» (1825. Ч. 99. № 3; выход в свет 1 февраля), с которым Пушкин мог познакомиться не ранее первой половины февраля (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 33).

В тетради ПД 835 зафиксирован лишь первый этап работы. Она явно не была завершена к 15 марта 1825 г., когда Пушкин отослал брату в Петербург Капнистовскую тетрадь, составленную для подготовки будущего сборника его стихотворений: в тетради нет ни текста, ни даже названия элегии. Не упоминается она и в письмах, отосланных из Михайловского с Дельвигом 24—25 апреля. Впервые Пушкин говорит об элегии в письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди о нем, как езуит — по намерению» (Акад. Т. 13. С. 188). Можно предположить, что элегия была послана издателем Ст 1826 не ме-

нее чем за две недели до 13 июля. Вероятно, именно о ней идет речь в начале того же письма: «Брат писал мне (<...>) что он переписал для тебя мои стихи...» (Там же. С. 187). Около (не позднее) 19 июля Пушкин сообщил Плетневу: «...вот еще тебе поправка в А. Шенье (в посвящении Н<иколаю> Р<аевского>) последняя строфа): Певцу etc. *Несу надгробные цветы etc.*» (Акад. Т. 13. С. 189). О датировке элегии см.: Сандомирская 1974. С. 14—16. В Акад. (Т. 2. С. 1163) элегия датирована маем—июнем 1825 г., без обоснования. По-видимому, Д. Д. Благой и Т. Г. Цвяловская основывались на данных переписки Пушкина, не учитывая положения элегии в тетради, аналитическое описание которой было предпринято значительно позднее.

Выбор источников для ст. 21—64 элегии составляет серьезную текстологическую проблему. Авторизованная поэтом в январе 1827 г. копия Леопольдова (Лп) не может быть признана единственным достоверным источником этих стихов, поскольку правка в ней Пушкина не имеет фронтального характера и не доведена до конца. Показательно, что ни одно из авторитетных пушкинских изданий не решилось взять за основу публикации ст. 21—64 копию Лп без изменений. Хотя в Акад. (Т. 2. С. 1163) именно она названа в качестве источника ст. 21—64 (за исключением ст. 39), фактически в основном тексте этого издания некоторые из числа исключенных цензурой стихов воспроизведены без каких-либо объяснений по другим источникам. Так, исправленный поэтом, вероятнее всего, в спешке вариант ст. 25 («Я славил твой небесный трон» исправлено на: «Я славил твой небесный гром») не принят Акад., поскольку он почти дословно повторяет ст. 22 («Я славил твой небесный лик»), и в результате ст. 22—25 производят впечатление недоработанных. Долгое время пушкинисты считали сомнительным вариант ст. 39 в Лп («Святых изгнанников входили славны тени»). Даже в ориентированных на Лп изданиях (Кн, все издания ГИХЛ и Acad.) его печатали со словом «всходили» (по Герб. и Генн. 1869—71; см. также Долг и Ефр. 1880), и лишь в Акад. было принято решение печатать этот стих по автографу 719, в котором он совпадает с черновиком ПД 835 и авторизованной копией Лп. Проблемным в копии Лп является также ст. 40, который в Акад., вопреки утверждению комментаторов, напечатан не по этому источнику. Ст. 40 (в Лп: «От пепела предрассуждений»; то же в Кн и Вульф), скорее всего, оставлен поэтом неисправленным по недосмотру. Слово «пепела», вероятно, представляет собой ошибку переписчика, что подтверждается другими авторитетными источниками: в Долг, Ал, Тих, Лон—Полт, Пп, Герб., Генн. 1869—71, Ефр. 1880, Е, БЗЕ ст. 40 начинается словами «От пелены». С другой стороны, копия Лп (наряду с Кн, Вульф, Ал, Тих, Лон—Полт, Е, БЗЕ) имеет особую ценность именно в отношении ст. 40, поскольку в ней оказалось сохраненным фигурирующее в черновом тексте Пушкина слово «предрассуждений», а не «предубеждений», как в других источниках текста элегии (в автографе ПД 835 вариант со словом «предубеждений» отсутствует). Выражение «пелена предрассуждений» (в языке Пушкина предрассуждения — это предрассудки) более точно соответствует смысловому наполнению стиха и к тому же является типично пушкинским (о слове «предрассуждение» у Пушкина см.: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 540—541). Неоправданная избирательность была проявлена в изданиях Пушкина, начиная с Кн, в отношении ст. 57. В Лп этот стих читается: «И вновь враги твои падут» (то же в черновике ПД 835 и копиях Кн, Вульф, Долг, Ал, Тих, Лон—Полт, Герб., Е, БЗЕ); тем не менее стих заменен на: «И вновь твои враги падут» (как в Пп, Генн. 1869—71, Ефр. 1880).

В Акад. (Т. 2. С. 397) ст. 10, который в обеих прижизненных публикациях «Андрея Шенье» был напечатан: «Певцу возвышенной мечты», исправлен на основе письма Пушкина к П. А. Плетневу, где была предложена следующая его поправка: «Несу надгробные цветы». Это письмо, датирующееся по содержанию временем около (не позднее) 19 июля 1825 г., было, судя по дате «3 августа 1825» на почтовом штемпеле Опочки, отправлено позднее даты написания. Примерно в то же время Пушкин адресовал Плетневу еще ряд поправок для текстов готовящегося стихотворного сборника, о получении и передаче которых Л. С. Пушкину тот сообщил в письме к поэту от 29 августа 1825 г. («Поправки твои все получил...» — Акад. Т. 13. С. 216; письмо Пушкина с этими поправками не сохранилось). По неясным причинам Плетнев не внес поправку ст. 10 в текст «Андрея Шенье». П. А. Ефремов первым решил осуществить предложенную Пушкиным замену одного варианта стиха другим, обосновав ее тем, что пушкинское «письмо не дошло по назначению и появилось в печати только в 1860 г., кажется, по сообщению служившего в III Отделении г. Ивановского (см. «Русский Инвалид». 1860. № 192)» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 215; см. также: Т. 7. С. 202). Утверждение Ефремова, как и библиографическая ссылка (в указанной публикации речь идет о другом письме Пушкина к Плетневу), ошибочно. Нет никаких подтверждений того, что письмо Пушкина не дошло до Плетнева. То, что ст. 10 был оставлен без изменения и в следующем издании (Ст 1829. Ч. 2), где в текст «Андрея Шенье» были внесены поправки (изменения в ст. 120 и примечании 6), может свидетельствовать в пользу варианта «Певцу возвышенной мечты», который Пушкин, по-видимому, решил не менять. Тем не менее идея Ефремова был поддержана, и ст. 10 заменен на основе письма Пушкина к Плетневу в издании: *Пушкин А. Соч. / Ред. Б. В. Томашевского, К. И. Халабаева. Л., 1924. С. 30, 484.* Все последующие издания Пушкина печатались со стихом «Несу надгробные цветы» взамен «Певцу возвышенной мечты». Эта замена представляется недостаточно обоснованной, и в настоящем издании ст. 10 печатается по последней прижизненной публикации произведения.

Основной массив текста, зафиксированный в черновой записи на л. 59 об.—64 тетради ПД 835, хотя и содержит огромное количество переделок и исправлений почти каждого стиха, не отражает колебаний, связанных с сюжетным и психологическим развитием элегии. По всей видимости, оно определилось в своих основных чертах к моменту начала черновой работы. Рисунки с изображением лошадей на л. 60 об. под строкой «Так буря мрачная минет» могут служить свидетельством какой-то заминки в работе (см.: Сандомирская 1974. С. 16); возможно, рисунками подготовлены появившиеся на л. 62 об. строки: «Мне ль было управлять мятежными конями / И круто напрягать бессильные бразды» (см.: *Фомичев А. С. Графика Пушкина. СПб., 1993. С. 5, 8.*) Другая остановка в работе связана с возникновением на л. 63 (после записи варианта ст. 165 «Завистник Гения без⟨умец⟩⟨?⟩») наброска «Заступники кнута и плети...».

Черновой текст вступления на л. 64 носит характер предварительного наброска. Нижняя часть л. 64 и л. 64 об. были оставлены свободными — возможно, для дальнейших переработок. Черновые строфы «Евгения Онегина», записанные на этих листах, и черновик эпиграммы «[Слов⟨есность⟩ русск⟨ая⟩ больна]...» появились здесь позже, вероятно, после того, как работа над «Андреем Шенье» была завершена в другой, не известной нам рукописи (см: Сандомирская 1974. С. 15). Заметка на л. 65, скорее всего, отражает начальный этап работы над примечаниями к элегии.

Отрывок из десяти стихов на л. 59 («Куда, куда завлек меня враждебны(й) гений?..») трактовался по-разному: и как начало работы над стихотворением, первый этап развития замысла (см.: Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 211—212; Эйдельман. П. и декабристы. С. 308), и как самостоятельное произведение, в переработанном виде включенное в состав элегии (см.: Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 172, 180); в Акад. (Т. 2. С. 1162, примеч. Д. Д. Благого и Т. Г. Зенгер (Цявловской)) допустимыми признаны обе трактовки. Иная точка зрения была высказана В. Б. Сандомирской, считавшей, что фрагмент элегии возник на пустовавшей части л. 59 позже записей на л. 59 об.—64 и представляет собой более поздний вариант ст. 110—121 (Сандомирская 1974. С. 17; данная точка зрения поддержана С. А. Фомичевым — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 62). Более вероятно, однако, что набросок все-таки предшествовал работе над остальным текстом. Ст. 116—121 на л. 62, по-видимому, представляют собой переработку соответствующего этим стихам фрагмента на л. 59.

Заглавие «Андрей Шенье в темнице», вписанное на л. 59 об. позже остального текста, очевидно, оставалось таким же и в белой рукописи, отправленной в Петербург для переписки и представления в цензуру — именно так называет Пушкин элегию в письме к Вяземскому от 13 июля 1825 г. Возможно, слова «в темнице», наметавшие на положение сырьного автора, были исключены цензором (см.: Сандомирская 1974. С. 17—18). Однако других мест, допускаящих аллюзионное прочтение, цензор не тронул, ограничившись запретом ст. 21—64, которые содержали перечень событий Французской революции, и ст. 150 («Сих палачей самодержавных»). Сборник проходил цензуру в канун декабрьских событий 1825 г. Обсуждая вопрос о его переиздании, 27 февраля 1826 г. П. А. Плетнев написал Пушкину: «... в другой раз некоторых пьес уж не пропустят...». 7(?) марта Пушкин отвечал: «...каких же? А. Шенье?» (Акад. Т. 13. С. 264, 266). В марте 1826 г. А. А. Дельвиг, сообщая Е. А. Баратынскому о цензурном запрете некоторых стихов в его книге «Эда, финляндская повесть, и Пирры, описательная поэма», объяснял это тем, что «„Монах” (т. е. стихотворение «Русалка». — Ред.) и „Смерть Андрея Шенье” перебесили нашу цензуру» (Дельвиг. Соч. С. 314). В Ст 1829 Пушкин поместил «Андрея Шенье» в начале второй части, композиционно соотнеся его с открывавшим первую часть лицейским стихотворением «Лицинию», также имевшим гражданское звучание (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 51).

Обстоятельное знакомство Пушкина с творчеством Андре Шенье (Chénier; 1762—1794) произошло вскоре после выхода первого сборника его сочинений: *Œuvres complètes d'André de Chénier*. Paris, 1819, подготовленного А. де Латушем (Latouche, псевд.; наст. имя и фамилия Я.-Ж.-А. Табо (Thabaud); 1785—1851). На более раннем этапе Пушкин мог располагать лишь скуными сведениями о французском поэте (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 492—493, примеч. В. Э. Вацуро, Е. О. Ларионовой и А. И. Роговой к оде «Вольность»). Но уже в 1820—1821 гг., работая над стихотворениями, вошедшими впоследствии в Ст 1826, в отдел «Подражания древним», Пушкин избрал образцом для них опыты «в древнем роде» Андре Шенье (см. примеч. А. И. Роговой к стихотворению «Дориде» — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 622). В 1823 г. осуществлен перевод из Шенье — стихотворение «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (см. примеч. Т. А. Китаниной к нему —

наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 867—870); в конце 1824—начале 1825 г. предприняты еще два перевода — стихотворения «Ты вянешь и молчишь: печаль тебя снедает...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 636—638; вошло в Ст 1826) и «Из Шенье» («Покров, упитанный язвительной кровью...», завершено в 1835 г.). О творческом взаимодействии Пушкина с поэзией А. Шенье см.: *Гроссман Л.* От Пушкина до Блока. Л., 1926. С. 15—51; *Томашевский. П. и Франция.* С. 154—156, 186—189; *Сандомирская* 1978. С. 90—106; *Вацуро В. Э.* Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры // *Франц. элегия.* С. 37—42; *Ларионова Е. О.* Южная лирика Пушкина — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 483—486.

Источниками биографических сведений Пушкина о Шенье явились посвященное ему примечание Ф.-Р. Шатобриана (*Chateaubriand*; 1768—1848) в «Гении христианства» («*Le Génie du christianisme*», 1802; см. ч. 3, кн. 3, гл. 6) и очерк Латуша «О жизни и сочинениях Андре Шенье» (*Latouche H. de. Sur la vie et les ouvrages d'André Chénier* // *Chénier* 1819. P. V—XXIII; о неточностях в статье Латуша см.: *Франц. элегия.* С. 674—675, коммент. В. А. Мильчиной; *Шенье* 1995. С. 475—482, примеч. Е. П. Гречаной). О Латуше см.: *Гречаная Е. П.* Андре Шенье — поэт // *Шенье* 1995. С. 417—419.

Латуш подробно освещает обстоятельства трагической гибели Шенье. В разгар якобинского террора поэт был задержан как «подозрительное лицо», после нескольких месяцев заключения в тюрьме Сен-Лазар предстал перед трибуналом, был объявлен врагом народа и защитником тирании, обвинен в тюремном разговоре и приговорен к смертной казни, которая состоялась 25 июля (7 термидора) 1794 г., за два дня до падения Робеспьера (9 термидора) (ср. ст. 178—179 элегии). К Латушу восходит общее представление о политической позиции Шенье (активная публицистическая деятельность в период первых лет революции и резкое неприятие якобинской диктатуры — подробнее см.: *Томашевский. Пушкин, II.* С. 67—68), а также ряд конкретных биографических деталей (см. ниже, в построчных примечаниях). Противопоставление начального периода революции и якобинства как свободы и тирании было типичным как для европейского общественного мнения (о сходных построениях в творчестве В. Альфьери и И. Пиндемонте см.: *Розанов М. Н.* Элегия Пушкина «Андрей Шенье» и стихотворения Пиндемонте из эпохи революции // *Памяти П. Н. Сакулина.* М., 1931. С. 250—255), так и для русской общественной мысли, включая ее левое крыло (см.: *Томашевский. П. и Франция.* С. 185—188). Следуя этой политической концепции, Пушкин в «Андрее Шенье» мог трактовать якобинский террор в терминах, обозначающих монархическую деспотию (см.: *Франц. элегия.* С. 674—675, коммент. В. А. Мильчиной).

Задолго до выхода сборника 1819 г. во Франции сложилась романтическая репутация Шенье как безвременно погибшего, снискавшего мученический венец безвестного поэта (прижизненно и в течение многих лет посмертно стихи Шенье почти не публиковались). Эта репутация в значительной мере отражена в отзыве Шатобриана. Вероятнее всего, она была известна и в России. С ее учетом построено посвящение «Андрея Шенье», в котором не оплаканная тень Шенье контрастно сопоставлена с громкой посмертной славой Байрона (см.: *Гречаная Е. П.* 1) Андре Шенье — поэт. С. 446; 2) Андре Шенье в России // *Шенье* 1995. С. 448—451).

Монолог героя элегии содержит реминисценции из Шенье, причем три части монолога соотносимы с тремя периодами его творчества: ст. 21—64 — с периодом начального этапа революции (стихотворение «Зал для игры в мяч» («*Le Jeu de raquette*»; опубли. 1791), возможно, ямб «На восставших швейцарцев полка Шатовье»,

чествующих в Париже по предложению Колло-д'Эрбуа» («Sur les Suisses, révoltés du régiment de Chateaueux, fêtés à Paris sur une motion de Collot-d'Herbois», см. о нем ниже, примеч. к ст. 38—39) и публицистическая проза Шенье, представленная в сборнике 1819 г.); ст. 70—102, 110—139 — с творчеством предреволюционного периода (ранние дружеские послания и элегии); ст. 140—170 — с произведениями последних лет (ямбы, ода Шарлотте Корде («A Marie-Anne-Charlotte Corday», 1793; опублик. 1819)). Тональность тюремной лирики Шенье, отмеченной нотами горечи и неверия в человеческие связи, переосмыслена в пушкинском монологе: дружба, любовь и творчество представлены здесь как неколебимые ценности (см.: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. С. 33—35; Сандомирская 1974. С. 23—27; Вацуро В. Э. Французская элегия... С. 39—40). Большинство реминисценций имеет не цитатный характер, а представляет собой вариации ведущих тем поэзии Шенье. Сопоставима с нею и стиховая структура элегии. Первая часть монолога ритмически близка к неровному разноstopному ямбу стихотворения «Зал для игры в мяч», вторая часть — к александрийскому стиху ранней манеры Шенье, четырехstopный ямб третьей части служит эквивалентом его ямбов (см.: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. С. 38—39). Не использованными в элегии остались идиллии, эклоги и отрывки в антологическом роде Шенье, хотя именно они более всего привлекали внимание Пушкина в 1820-е гг. (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 69—70). По-видимому, для словесной характеристики героя Пушкин избрал субъективную лирику Шенье, раскрывающую душевное состояние поэта (см.: Сандомирская 1974. С. 27).

В то же время элегия поддается автобиографическому прочтению и насыщена пушкинскими автореминисценциями. Ссылный поэт писал о поэте-узнике, и эпиграф к стихотворению мог быть отнесен к ним обоим. Основные этапы духовного пути героя элегии (прославление идеалов свободы—разуверение—новое обретение веры в них) соответствуют этапам духовной биографии автора: ранняя вольнолюбивая лирика («Вольность» (1817), «К Чедаеву», (1818) и др.)—кризис 1823 г.—выход из него в период создания элегии. Вторая часть монолога Шенье, развивающая мотив сомнения, соотносима со стихотворениями «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел...» (1822), «Демон» (1823), «Свободы сеятель пустынный...» (1823). Тема воспоминания, включающая эпикурейские и гораццианские мотивы, характерна для пушкинской лирики южного периода, начиная с элегии «Погасло дневное светило...» (1820). Элегические обращение к друзьям содержит топику дружеских посланий, представленную в поэзии Пушкина уже в лицейские годы. В третьей части монолога варьируются строки «Кинжала» (1821) — стихотворения, в котором в свое время отразились впечатления от оды Шарлотте Корде. Утверждение силы поэтического слова тематически и фразеологически близко к наброску ответа В. Ф. Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец...») (1822), «Разговору Книгопродавца с Поэтом» (1824), «Подражаниям Корану» (1824—1825). Об автобиографизме и автореминисценциях элегии см.: Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина... С. 171—189; Томашевский. П. и Франция. С. 185—186; Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди. Статьи. С. 106—108; Томашевский. Пушкин, II. С. 70—73, 16, 41.

Обилие автопроекции побудило Б. В. Томашевского высказать в высшей степени спорную мысль об исключительно аллегорической и аллюзионной природе стихотворения, историческая часть которого (события Французской революции, факты биографии Шенье) выполняют роль «прикрытия иносказания» (Томашевский.

Пушкин, II. С. 70). Аллюзионность мышления в период создания «Андрея Шенье» отрицательно оценивалась Пушкиным — см. его эпистолярные отзывы о «Думах» Рылеева весной 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 167, 175—176, 184). Как и «Андрей Шенье», «Думы» относятся к жанру исторической элегии, в принципе не предполагавшему исторической точности и, скорее, подчиненному лирическому настроению и аллегорическому смыслу (Томашевский. П. и Франция. С. 185). Однако отсутствие в них национально-исторического правдоподобия вызвало негативное отношение Пушкина (подробнее см.: Сандомирская 1974. С. 19—21). Писавшаяся одновременно с «Борисом Годуновым» и содержащая драматизированный фрагмент (монолог героя), элегия «Андрей Шенье» намечает то сочетание автобиографизма и историзма, которое будет реализовано Пушкиным в 1830 г. в «маленьких трагедиях». О соотношении автобиографизма и аллюзионности в элегии см. также: Эйдельман. П. и декабристы. С. 307—314.

Сюжетно и композиционно (экспозиция—элегический монолог—развязка) «Андрей Шенье» связан с элегической традицией, разрабатывающей тему «умирающий поэт» и ее вариации: «умирающий христианин», «бедный поэт». Французские образцы традиции представлены элегией Ш. Мильвуа (Millevoüe; 1782—1816) «Умирающий поэт» («Le Poète mourant», 1812), стихотворением А. де Ламартина (Lamartine; 1790—1869); с тем же названием (1823), его элегией «Умирающий христианин» («Le Chrétien mourant», 1819), а также «Бедным поэтом» Н. Жильбера (Gilbert; 1751—1780) («Le Poète malheureux ou Le Génie aux prises avec la fortune», 1772). В России эти стихотворения вызвали множество переводов и подражаний (см.: Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 193—232). Соответствие обстоятельств жизни Шенье этой поэтической теме подсказывалось и примечанием Шатобриана: «...la France a perdu, sur la fin du dernier siècle, trois beaux talents à leur aurore: Malfilâtre, Gilbert et André Chénier; les deux premiers sont morts de misère, le troisième a péri sur l'échafaud» (<...Франция в конце прошлого века лишилась трех прекрасных едва расцветших талантов: Мальфилатра, Жильбера и Андре Шенье; двое первых скончались от нищеты, третий погиб на эшафоте — фр.) (Chateaubriand F.-R. Le Génie du christianisme, ou Beautés de la Religion Chrétienne. Lyon, 1809. Т. 3. P. 311—312).

Наиболее значительным русским произведением, принадлежащим данному жанрово-тематическому комплексу, стала историческая элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817) (в 1835 г. Белинский в статье «Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова» сопоставлял с нею «Андрея Шенье» — см.: Белинский. Т. 1. С. 166). Как сюжет, так и первоначальное название пушкинского стихотворения («Андрей Шенье в темнице») соотносят его, кроме того, с «Сетованиями Тасса» Байрона («The Lament of Tasso», 1817), а также с такими русскими элегиями, как «Тасс в темнице» (1822) П. А. Плетнева, «Бейрон в темнице» П. А. Габбе (1822), «Певец в темнице» (1822) В. Ф. Раевского, восходящими к общему образцу — «Умирающему Тассу» Батюшкова (см.: Сандомирская 1974. С. 18). Сопоставительный анализ «Андрея Шенье» с «Певцом в темнице» Раевского, а также с пушкинскими стихами, написанными в ответ Раевскому, см.: Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина... С. 177—180, 185—186. Поэтическая форма, содержащая предсмертный элегический монолог, была реализована и самим Шенье в оде «Молодая узница» (см. о ней ниже, в примеч. к эпиграфу элегии). Монологическая манера ямбов Шенье рассмотрена Л. П. Гроссманом (Гроссман Л. От Пушкина до Блока. С. 37).

Композиционный рисунок «Андрея Шенье» осознавался Пушкиным как типовой для исторической элегии — ср. его высказывание о том, что все «Думы» Рылеева «на один покров (<...> Описание места действия, речь героя и — нравоучение» (письмо к Рылееву от второй половины мая 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 175). Архитектоника «Андрея Шенье» не только построена в соответствии с этой общей схемой (см.: Сандомирская 1974. С. 20), но и воспроизводит индивидуальные особенности ее реализации в «Умирающем Тассе» Батюшкова: обоим стихотворениям предпослан эпиграф из творчества героя элегии; в обоих случаях монолог не только обрамляется авторской речью, но и прерван ею в середине; оба стихотворения завершаются фактографическими примечаниями (вообще характерными для исторической элегии). Однако следование жанровому канону и его конкретному образцу сопровождалось полемикой с Батюшковым и переосмыслением канона (негативный отзыв Пушкина об «Умирающем Тассе» содержится в «Заметках на полях 2-й части „Опытов в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова») (1833—1834(?)) — см.: Акад. Т. 12. С. 283—284).

В «Андрее Шенье» отразилось неприятие Пушкиным спиритуализма «умирающего христианина», характерного для унылой элегии (модель, заданная Ламартином и отчасти Мильвуа). В предысторию героя Пушкин вводит гедонистические мотивы и в то же время, героизируя «умирающего поэта», оспаривает не только «унылую» разновидность исторической элегии, но также концепцию «гражданской» элегии (типа рылеевских «Дум») со свойственным ей противопоставлением «любви и гражданской поэзии» (Вацуро В. Э. Французская элегия... С. 40—41; Сандомирская 1974. С. 18—19; см. также примеч. к ст. 185).

Сравнительно с «Умирающим Тассом» в «Андрее Шенье» переинтерпретирована и концепция поэта-жертвы. Тасс Батюшкова — страдательная, пассивная жертва. Пушкинский Шенье, преодолев духовный кризис, актом свободной воли принимает жертвенный путь, тем самым кардинально меняя природу жертвенности. На противопоставлении тех же двух типов жертвы, героической и страдательной, был построен фрагмент посвящения «Кавказского пленника» (1821) (ст. 36—39), адресованного, как и «Андрей Шенье», Н. Н. Раевскому-младшему (подробнее см.: *Виралайнен М. Н.* 1) Посвящение «Андрея Шенье» // Новые безделки : Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 354—365; 2) Лирика Пушкина в период михайловской ссылки (наст. т., с. 393—396); о Шенье — жертве см. также примеч. к ст. 80 и к черновому примечанию к элегии). Наблюдения над особенностями поэтики «Андрея Шенье» см.: *Sandler S.* The poetics of Authority in Pushkin's «André Chénier» // *Slavic Review*. 1983. Vol. 42. № 2. P. 187—203.

Тема гибели поэта, не успевшего вполне реализовать свой талант, будет возобновлена через год после создания «Андрея Шенье» в шестой главе «Евгения Онегина», в размышлениях о гибели Ленского. Со строфами, посвященными Ленскому (а также с посланием «К Овидию» (1821)), «Андрея Шенье» объединяет метод характеристики поэта через его поэзию (см.: *Савченко С. В.* Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 94; Сандомирская 1974. С. 31—32). В шестой главе «Онегина», как и в «Андрее Шенье», в качестве характерологического средства использована отвергнутая Пушкиным «унылая» элегия (Вацуро В. Э. Французская элегия... С. 39, 41). В 1828 г. Пушкин воспользовался творческим опытом «Андрея Шенье» при работе над второй песней «Полтавы», рисующей предсмертные размышления и воспоминания Кочубея (см.: Сандомирская 1974. С. 33—34). В черновике заметки о записках парижского палача

А. Сансона («О записках Самсона» (1830)), где речь идет о последнем слове приговоренного к смерти, Пушкин привел перечень лиц, упоминаемых в «Андрее Шенье»: «Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово»; «Мученики, убийцы, мятежники, герои и царственный страдалец (Людовик XVI. — *Ред.*) и убийца его (Робеспьер. — *Ред.*) и Шарлотта Кордэ и поэт (Шенье. — *Ред.*). Мы всех их увидим...» (Акад. Т. 11. С. 367). Формулы, возникшие в «Андрее Шенье» (ст. 92: «Я скоро весь умру»; черновые наброски ст. 141: «Велению < > пок<орный><?>», «Веленью < > послушный», «Судьбы велению послушный»), будут варьированы в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 167; Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина. С. 189).

Не пропущенные цензурой ст. 21—64 элегии получили хождение в списках. В феврале 1826 г. в Новгороде штабс-капитан лейб-гвардии Конно-егерского полка А. И. Алексеев передал сделанную его рукой копию запрещенных стихов прапорщику лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона Л. А. Молчанову. В июне 1826 г. надзиратель Московского университетского благородного пансиона А. Ф. Леопольдов скопировал список Молчанова, находившегося в этот момент в Москве в составе охранявшего коронационные торжества 2-го сводного легкого кавалерийского полка Гвардейского отряда, и добавил к стихам название «На 14^е декабря» (см. выше о копии Лп) — «в соответствии с содержанием оных», как признался впоследствии сам Леопольдов (см.: *Щеголев П. Е.* Пушкин и Николай I // *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 109). От Леопольдова копия попала в руки В. Г. Коноплева (см. выше о копии Кн), который был тайным агентом при генерал-майоре И. Н. Скобелеве; тот представил стихи А. Х. Бенкендорфу. Предварительное следствие было проведено III Отделением, после чего начались аресты и допросы распространителей запрещенных стихов. Дело об элегии «Андрей Шенье» разделилось на две части: в части, касавшейся офицеров, оно дважды прошло через Комиссию военного суда лейб-гвардии Конно-егерского полка (в конце сентября 1826 г., затем в январе 1827 г.) и аудиториатский департамент Генерального штаба (также дважды); в той части, которая касалась гражданских лиц, — через Новгородский уездный суд, Новгородскую уголовную палату, Правительствующий Сенат и Государственный совет. Не менее четырех раз материалы дела в соответствии с порядком, заведенным по высочайшему повелению, подавались Николаю I для конфирмации (т. е. для просмотра и одобрения результатов судопроизводства на каком-то из его этапов). Алексеев, отказавшийся указать, от кого получил список стихов, был приговорен Военно-судной комиссией своего полка к смертной казни, замененной затем генерал-аудиторами шестимесячным заключением в крепости (из них пять он провел под арестом, находясь под судом) и переводом из гвардии в армейский полк тем же чином. Молчанову в наказание было вменено содержание под стражей во время следствия и перевод из гвардии в армейский полк. Леопольдова Новгородский уездный суд приговорил, лишив чина десятого класса и личного дворянства, сослать в каторжные работы. Ревизовавшая решение суда Новгородская уголовная палата отменила это решение и предложила вменить ему в наказание заключение в крепость сроком на 9 месяцев. Новое решение было утверждено новгородским губернатором, однако Сенат высказался в поддержку приговора, вынесенного Новгородским уездным судом. Дело приняло спорный характер и поэтому было передано в Государственный совет. В итоге Леопольдова приговорили к годичному заключению в остроге

с учреждением за ним впоследствии надзора со стороны местного начальства. Положение Пушкина серьезно осложнилось в ходе рассмотрения дела в Государственном совете, который поддержал предложение Новгородской уголовной палаты о взятии с поэта подписки о неразглашении перед публикой не прошедших цензуру произведений и добавил к нему решение об учреждении над ним тайного надзора.

Четырежды — 19 и 27 января, 29 июня и 24 ноября 1827 г. — по требованию различных судебных инстанций поэт вынужден был давать письменные показания о том, что стихотворение создано до декабрьского восстания, посвящено событиям Французской революции и он «не думал делать из него тайну» (Рукою П. 1997. С. 619; здесь же (с. 615—619) см. полный текст всех показаний Пушкина). В момент возникновения дела Пушкин полагал, что его стихи были кем-то «подогреты» (см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 29 сентября 1826 г. — Вяземский. ПСС. Т. 10. С. 266; АбТ. Вып. 6. С. 42), но, познакомившись 27 января 1827 г. с копией Леопольдова, убедился, что ошибся. Тогда же Пушкин внес в нее несколько исправлений. В показаниях 27 января и 29 июня 1827 г он дал пояснения к отдельным стихам (см. ниже, примеч. к ст. 21—49). В сенатском указе от 27 августа 1828 г. об «Андрее Шенье» и исключенных из него стихах говорилось: «Правительствующий Сенат, соображая дух сего творения с тем временем, в которое выпущено оное в публику, не может не признать сего сочинения соблазнительным и служившим к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного духа, который правительство обнаружило во всем его пространстве. Хотя б сочинившего означенные стихи Пушкина за выпуск оных в публику прежде дозволения цензуры надлежало бы подвергнуть ответу пред судом; но как сие учинено им до состояния всемилоостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, то по силе 1-го пункта оного, избавя его, Пушкина, от суда и следствия, обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания» (Документы к биографии. 1799—1829. С. 829). Особый резонанс при решении дела имела фраза Пушкина в показании 29 июня 1827 г.: «Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?» (Рукою П. 1997. С. 618), которая в письме председателя Государственного совета гр. В. П. Кочубея к главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте гр. П. А. Толстому от 13 августа 1828 г. была названа «неприличной» и охарактеризована как одна из причин учреждения над поэтом секретного надзора (Дела III Отделения. С. 75; Дейч Г. М. Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 75—76). Подробнее см.: Слезкинский А. Преступный отрывок элегии «Андрей Шенье»: (Из судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коноплева и др.) // РС. 1899. № 8. С. 313—326; Лемке М. Н. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: По подлинным делам III Отделения е. и. в. канцелярии. СПб., 1908. С. 477—480; Щеголев П. Е. Пушкин и Николай I. С. 95—126; Ермак Б., Александров В. Дело «О сыске чиновника 10-го класса Александра Пушкина» // Литературный альманах. Орел, 1939. С. 152—163; Демиховская О., Демиховский К. Тайный враг Пушкина: (О неизвестном письме А. Ф. Леопольдова шефу жандармов) // РЛ. 1963. № 3. С. 85—89; Березкина С. В. Дело об элегии Пушкина «Андрей Шенье» и его судебно-правовые аспекты // РЛ. 2010. № 1. С. 26—41. Выдвигалось не имеющее фактических доказательств предположение, что еще 8 сентября 1826 г. вопрос об «Андрее Шенье» обсуждался при разговоре Пушкина с Николаем I в Москве (см.: Щеголев П. Е. Пушкин и Николай I. С. 90—95;

Эйдельман Н. Я. Пушкин : Из биографии и творчества. 1826—1837. М., 1987; Эйдельман. П. и декабристы. С. 37—41).

Существует гипотеза, выдвинутая Н. Я. Эйдельманом, что 44 запрещенных стиха были выделены в автономное произведение самим Пушкиным, который после 14 декабря не мог не заметить их ассоциативной связи с недавними политическими событиями. Ученый предположил, что копия запрещенного фрагмента с пометой под текстом «14 декабря 1825», сделанная рукой А. Н. Вульф, восходит к Пушкину. Возможно, А. Н. Вульф была связана с кем-то из лиц, от которых запрещенные стихи могли попасть к Алексееву (Эйдельман. П. и декабристы. С. 329—335). Бесспорных аргументов эта гипотеза не имеет. Сопоставление копий Вульф и Ап показывает, что они, по всей видимости, восходят к разным источникам.

И. В. Немировский высказал предположение, что в сентябре 1826 г., прибыв из Михайловского в Москву, Пушкин привез не пропущенные цензурой строки, оформленные как самостоятельное произведение, которое он читал будущим сотрудникам «Московского вестника». В 1837 г. М. П. Погодин сообщал П. А. Вяземскому: «„Пророк“ он написал, ехавши в Москву в 1826 году. Должны быть четыре стихотворения, первое только напечатано («Духовной жаждою томим» etc.)» (Цявловский М. А. Погодин о посмертных произведениях Пушкина // Цявловский. Статьи о П. С. 404—405). По мнению Немировского, под названием «Пророк» или «Пророц(ество)» (см. список стихотворений, составленный в конце мая—июне 1828 г. — Рукою П. 1997. С. 179) могли фигурировать запрещенные строки «Андрея Шенье» (см.: Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 216—229 (с указанием, что впервые это предположение выдвинуто В. М. Есиповым в статье «К убийце гнусному явись...» — Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 122)). Действительно, еще до событий 14 декабря, сразу после смерти Александра I Пушкин в письме к Вяземскому назвал «Андрея Шенье» пророческим текстом (см. ниже, примеч. к ст. 166—171). После 14 декабря это представление о собственном произведении должно было только укрепиться в сознании Пушкина. Практически исключено, однако, чтобы в 1828 г., составляя список стихотворений, предназначенных для печати, поэт включил в него запрещенный фрагмент исторической элегии, по поводу которого он в 1827 г. неоднократно давал показания в судебных инстанциях.

4 августа 1825 г., получив от Пушкина известие о написанном им «Андрее Шенье в темнице», но не ознакомившись еще с текстом стихотворения, П. А. Вяземский написал ему: «...благодарю уже за одно заглавие. Предмет прекрасный» (Акад. Т. 13. С. 200). Одним из самых ранних поэтических откликов на «Андрея Шенье» явилось послание Д. В. Веневитинова «К Пушкину» (сентябрь или октябрь 1826 г.), в котором автор призывал певца Байрона и Шенье воспеть также великого Гете. Послание в большой мере ориентировано на посвящение «Андрея Шенье». Охарактеризовав пушкинские стихи, обращенные к Байрону, как прозвучавшие «хвалебным громом», Веневитинов продолжал: «Ты (...) славе на его могиле / Другое имя завещал. / Ты тише, слаще воспевал / У муз похищенного галла. / Волнуясь песнею твоей, / В груди восторженной моей / Душа рвалась и трепетала» (Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 83 (Б-ка поэта; Большая сер.)). В статье К. А. Полевого «„Полтава“, поэма Александра Пушкина» герой элегии назван «главным (...) путеводителем» поэта в пору его молодости (МТ. 1829. Ч. 27. № 10. С. 227; П. в критике, II. С. 179). Н. А. Полевой в статье «„Борис Го-

дунов". Сочинение Александра Пушкина» оценил «Андрея Шенье» как поэму, «где блеск стихов и живопись картин равны грозному негодованию, потрясающему душу поэта» (МТ. 1833. Ч. 49. № 1. С. 144; П. в критике, III. С. 213). Жанровое определение «поэма» повторялось в отзывах современников. «У Пушкина мало, очень мало мелких стихотворений; у него по большей части всё поэмы: его поэтические тризны над урнами великих, то есть его „Андрей Шенье“, его *могучая беседа с морем*, его *вещая дума* о Наполеоне — поэмы», — писал В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» (Молва. 1834. № 50. С. 398; П. в критике, IV. С. 63; Белинский. Т. 1. С. 72—73).

Весьма сдержанная оценка элегии высказана в дневнике В. К. Кюхельбекера (запись от 19 мая 1835 г.): «Андрей Шенье» назван в числе «хваленных» стихотворений, которые «слишком остроумны, слишком обдуманно, обделанны и рассчитанны для эффекту, а потому (...) в них нет... вдохновения» (Кюхельбекер 1979. С. 363). Впечатление В. Г. Белинского от «Андрея Шенье», выраженное в четвертой статье о Пушкине (1843), отчасти родственно мнению Кюхельбекера: «Пять куплетов, которыми начинается эта элегия, сильно отзываются декламациею, которая совсем не в натуре пушкинского духа и которая показывает, как долго удерживалось на нем влияние воспитавшей его старой школы русской поэзии. Конец этой пьесы тоже несколько натянут; но середина, от стиха: „Не узрю вас, дни славы, дни блаженства“ до стиха: „Ты слава, звук пустой“ — исполнены всей очаровательности пушкинской поэзии» (Белинский. Т. 7. С. 299—300).

Посвящено Н. Н. Раевскому — Стихотворение посвящено Николаю Николаевичу Раевскому-младшему (1801—1843). По воспоминаниям Е. Н. Орловой (урожд. Раевская; 1797—1885), известным в записи Я. К. Грота, в 1820 г. «Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона (...) Здесь же Николай Николаевич, первый, познакомил Пушкина с поэзией Шенье» (П. в восп. Т. 1. С. 488). Знакомство Пушкина с лирикой Шенье состоялось еще в Петербурге (см. выше), но, видимо, именно на Юге начался период его длительного увлечения французским поэтом, которого он читал тогда вместе с Н. Н. Раевским. В период завершения элегии в переписке Пушкина и Раевского отмечается особое взаимопонимание при обсуждении эстетических проблем, косвенно связанных и с «Андреем Шенье» (в письме Раевского к Пушкину от 10 мая 1825 г. и черновике письма Пушкина к Раевскому от второй половины июля (после 19-го) 1825 г. говорится о Байроне, Шекспире, о «Думах» Рылеева и т. д. — см.: Эйдельман. П. и декабристы. С. 320—327). О связи посвящения «Андрея Шенье» с посвящением «Кавказского пленника» см. выше.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois S'éveillait... — Эпиграф взят из оды Шенье «Молодая узница» (*Chénier A. La jeune captive // Chénier 1819. P. 217*), написанной в 1794 г. в тюремном заключении. Тот же эпиграф записан Пушкиным на внутренней стороне верхней крышки переплета тетради ПД 833 (факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3), заведенной в начале февраля 1821 г. (см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 833. С. 241—244). Эпиграф появился в этой тетради, по-видимому, не между 26 ноября 1820 г. и 30 апреля 1821 г., когда, как считал М. А. Цявловский, она была заведена для записи «Эпиграмм во вкусе древних» (см.: Рукою П. С. 484—485; Летопись 1951. С. 268; то же: Летопись 1991. С. 251; Летопись 1999. Т. 2. С. 223), а в начале 1825 г., при подготовке Пушкиным первого сборника его стихотворений, в основу которого легла данная тетрадь (около того же

времени поэт работал и над элегией «Андрей Шенье»). Можно предположить, что именно этот эпиграф Пушкин имел в виду, когда 15 марта 1825 г. писал брату и П. А. Плетневу о своем сборнике: «Эпиграфа или не надо, или из А. Chénier» (Акад. Т. 13. С. 153; см.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Врем. ПК 1975. С. 20—22).

Ст. 1 и след. *Меж тем как изумленный мир...* — Смерть Байрона в 1824 г. вызвала множество поэтических откликов, отклика ждали и от Пушкина. 24—25 июня 1824 г. он писал Вяземскому, особенно настойчиво требовавшему от него стихов на смерть Байрона: «...тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти как высокому предмету для поэзии (...) Твоя мысль воспеть его смерть в 5-й песни его Героя прелестна — но мне не по силам — Греция мне огадила (...) Обещаю тебе однакож вирши на смерть его превосходительства» (Акад. Т. 13. С. 99). Специальных стихов о Байроне Пушкин, однако, не написал, ограничившись посвященными ему строфами в стихотворении «К морю» (1824) (см. примеч. к нему — наст. т., с. 510—512). Декларативный смысл ст. 1—11 знаменовал отход Пушкина от байронизма. Ср. воспоминания брата поэта: «Он радостно преклонился перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его вечным, безусловным подражателем. Андрей Шенье (...) сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе достойно оценил его» (П. в восп. Т. 1. С. 64).

Ст. 9. *Певцу любви, дубрав и мира...* — Ср. в элегии П. А. Габбе «Бейрон в темнице» противопоставление Байрона никем не воспетым поэтам, живущим, «не покидая лар», в мире и общении с природой (Поэты 1790—1810-х гг. С. 740).

Ст. 11. *Звучит неизвестная лира.* — Ср. в письме К. Ф. Рыльева к Пушкину от 12 мая 1825 г.: «Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий, и ты опередишь его: тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном...» (Акад. Т. 13. С. 173). В «хоре европейских лир» лира Пушкина, впрочем, действительно могла трактоваться как «неизвестная»; тем не менее формула, использованная в данном стихе, имеет прежде всего условно-литературный характер — ср., например, в начале послания В. А. Жуковского «Императору Александру» (1814): «Когда летящие отсюда шумны клики, / В один сливаясь глас, / Тебя зовут: Великий! / Что скажет лирою неизвестный певец?» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 366) или в стихотворении И. И. Дмитриева «К Волге»: «...Но прежде удостой / Склонить свое внимание к лире / Певца, неизвестного в мире...» (Дмитриев 1967. С. 87). О «безвестности» как выразительной черте репутации Шенье см. у Латуша: «...ce poète, à la fois inconnu et célèbre» (...этот поэт, одновременно безвестный и знаменитый — фр.) (Chénier 1819. P. V).

Ст. 17. *Завтра казнь...* — формула дословно повторится в «Полтаве» (песнь вторая, ст. 134; см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 167).

Ст. 21 и след. *Приветствую тебя, мое светило!..* — Ср. в «Le jeu de paume» («Зал для игры в мяч»): «O soleil, ton char étonné / S'arrêta. Du sommet de ton brûlant solstice / Tu contemplais ce divin sacrifice!..» (О солнце, твоя изумленная колесница / Остановилась. Со своей пылающей высоты / Ты наблюдало чудесное жертвоприношение!.. — фр.) (Chénier 1819. P. 248). Последующие стихи варьируют образы и фразеологию этого стихотворения (см.: Розанов М. Н. Элегия Пушкина «Андрей Шенье»... С. 252; Сандомирская 1974. С. 23). Ср. также обращение к родине в начале второй строфы монолога Байрона в элегии Габбе: «Приветствую тебя из сей темницы дальней..» (Поэты 1790—1810-х гг. С. 738).

В показаниях по делу об «Андрее Шенье» от 29 июня 1827 г. Пушкин, отвечая на вопросные пункты следствия (вопросный лист, предъявленный Пушкину, не сохранился; см.: Документы к биографии. 1799—1829. С. 658—659), пояснял, о чем идет речь в ст. 21—64: «О взятии Бастилии. О клятве du jeu de raume. О перенесении тел славных изгнанников в Пантеон. О победе революционных идей. О торжественном провозглашении Равенства. Об уничтожении Царей» (Рукою П. 1997. С. 618; далее: «Показания 29 июня»).

Ст. 25 — 26. *Я славил твой священный гром, Когда он разметал позорную твердыню...* — Пояснение Пушкина к этим стихам в показаниях по делу об «Андрее Шенье» от 27 января 1827 г.: «Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье» (Рукою П. 1997. С. 617; далее: «Показания 27 января»). Бастилия была взята 14 июня 1789 г. Это событие воспето Шенье в XI строфе стихотворения «Зал для игры в мяч».

Ст. 30 — 32. *Я слышал братский их обет, Великодушную присягу И самовластия бестрепетный ответ.* — «Присяга du jeu de raume и ответ Мирабо: allez dire à votre maître etc.» (Показания 27 января). 20 июня 1789 г. в «зале для игры в мяч» в Версале, на ул. Сен-Франсуа, в ответ на слухи о роспуске Национального собрания депутаты от третьего сословия дали торжественную присягу не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. 22 июня к ним примкнули представители первого и второго сословий. 23 июня король потребовал, чтобы они разошлись и на следующий день собрались по сословиям. Ответом на королевский приказ явилась знаменитая речь О.-Г. Мирабо (Mirabeau; 1749—1791), популярного деятеля Французской революции, депутата от третьего сословия, подтвердившая готовность собравшихся следовать своему решению: «Идите, месье, и скажите тем, кто вас послал, что мы находимся здесь по воле народа и ничто, кроме силы штыков, не изгонит нас отсюда!» (цит. по: Карлейль Т. Французская революция: История. М., 1991. С. 110). Этому событию и посвящено стихотворение Шенье «Зал для игры в мяч».

Ст. 35 — 36. *И пламенный трибун предрек, восторга полный, Перерождение земли.* — «Он же, Мирабо» (Показания 27 января). Ср. черновой вариант: «И дивный Мир(або) ждал уж, надежды полный / Освобождение земли». Термином «перерождение» («régénération»), обычным для ораторов Национального собрания, Мирабо неоднократно пользовался в речах и статьях (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 188).

Ст. 38 — 39. *Уже в бессмертный Пантеон Святых изгнанников входили славны тени...* — «Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон» (Показания 27 января). Прах Вольтера был перенесен в Пантеон 11 июля 1791 г., прах Руссо — 11 октября 1794 г., т. е. после казни Шенье. О посмертном триумфе Вольтера и о «тени» Мирабо говорится в ст. 6—12 стихотворения Шенье «Sur les Suisses, révoltés du régiment de Gâteauvieux, fêtés à Paris sur une motion de Collot-d'Herbois» (см.: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. С. 33). Из него в сборник 1819 г. Латуш включил только ст. 1—16 (Chénier A. de. Jambe 1 // Chénier 1819. P. 267); полностью напечатано: Journal de Paris. 1792. 15 avt. Это произведение Шенье косвенно упомянуто Пушкиным в 4-м примечании к элегии («клеимил Колло-д'Эрбуа») (см. ниже, с. 740).

Ст. 40 — 41. *От пелены предрассуждений Разоблачался ветхий трон...* — Вероятно, эти стихи имеются в виду в Показаниях 29 июня: «О победе революционных идей».

Ст. 42 — 43. ...*Закон, На вольность опершись, провозгласил равенство...* — Комментарий к этим строкам дан в Показаниях 29 июня: «О торжественном провозглашении равенства». Речь идет об уничтожении 4 августа 1789 г. феодальных привилегий и о принятии 20 августа 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, провозгласившей равенство всех перед законом (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 186).

Ст. 48. *Мы свергнули царей.* — «В 1793» (Показания 27 января). Из пояснения Пушкина следует, что он имел в виду не отстранение короля от власти (10 августа 1792 г.) и не провозглашение республики (21 сентября 1792 г.), а казнь Людовика XVI (21 января 1793 г.) (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 186).

Ст. 48 — 49. ...*Убийцу с палачами Избрали мы в цари. О ужас! о позор!* — «Робеспьера и Конвент» (Показания 27 января). Речь идет о событиях 1793 и 1794 гг. Эпитет «палачи» («boucheaux») применительно к якобинцам см., например, в стихотворении «Зал для игры в мяч», строфа XVII (Chénier 1819. P. 255) или в ямбе III («Que promet l'avenir? Quelle franchise auguste...» — Ibid. P. 270, ст. 36). При аллюзионном прочтении эти стихи соотносимы с обстоятельствами смерти Павла I, к которым был причастен Александр I. Ср. об убийстве Павла в «Вольности»: «О стыд! о ужас наших дней!» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 14) (см.: Эткинд Е. «Союз ума и фурий»: (Пушкинские мятежники) // Россия / Russia. 1987. № 5. С. 74).

Ст. 50 и след. *Но ты, священная свобода...* — Сходные мотивы звучат в стихотворении «Зал для игры в мяч», строфы XVIII, XXII (см.: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. С. 34; Франц. элегия. С. 671, коммент. В. Э. Вацуро).

Ст. 68. *Палач мою главу подымет за власы...* — Ср. в «Полтаве»: «Палач за чуб поймал их обе / И напряженною рукой / Потряс их обе над толпой» (Акад. Т. 5. С. 48) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 167).

Ст. 70 и след. *Простите, о друзья! Мой бесприютный прах...* — Ст. 70—102 близки к мотивам VII элегии Шенье («Aujourd'hui qu'au tombeau je suis prêt à descendre...» — Chénier 1819. P. 90—92; в критических изданиях — послание «К братьям де Панж» («Aux frères de Panges») (см.: Шенье 1995. С. 591, примеч. Е. П. Гречаной).

Ст. 80. *О брате сожалеть не смеет ныне брат.* — Намек на брата поэта, Мари-Жозефа Шенье (1764—1811), которого обвиняли в том, что он, будучи членом Конвента, не принял мер к спасению А. Шенье. Упреки, раздававшиеся как со стороны роялистов (А. Ривароль, например, называл Мари-Жозефа «братом Авеля Шенье»), так и со стороны якобинцев, чаще всего имели политический тенденциозный характер. В защиту М.-Ж. Шенье выступили Ж.-Б. Луве де Кувре, П.-Л. Женгене, А.-В. Арно, П.-Л. Редерер и др. К защитникам примкнул и Латуш, отчасти следуя своим республиканским симпатиям, отчасти — под влиянием Луи-Совёра Шенье (Шенье 1995. С. 474—475, примеч. Е. П. Гречаной). Пушкин принимает версию, изложенную в очерке Латуша: «Единственной надеждой узников было забвение (...). Надо было или заставить забыть о себе или погибнуть. Мари-Жозеф, подвергавшийся в ту пору нападкам с трибуны, ставший объектом особой ненависти Робеспьера, (...) мог только ускорить казнь брата своим вмешательством» (Шенье 1995. С. 11—12; пер. Е. Гречаной). Ср. в письме к Пушкину П. А. Плетнева от 26 сентября 1825 г.: «Козлов (...) выслушав твоего Шенье, просил тебе дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье, после, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: „Каин! где брат твой Авель?“» (Акад. Т. 13. С. 236).

Ст. 86. ...У Авеля, у Фанни... — Кроме элегии I (Chénier 1819. P. 77—78), указанной Пушкиным во втором примечании, обращения к Авелю (Абель-Луи-Франсуа де Малартик де Фонда (De Malartic de Fondat; 1760—1804), другу юности Шенье, учившемуся с ним в коллеже (см.: Шенье 1995. С. 503, примеч. Е. П. Гречаной) встречаются также в элегиях VIII («Pourquoi de mes loisirs accuser la langueur?...» — Chénier 1819. P. 92—95) и XVI («O jours de mon printemps, jours couronnés de rose ...» — Ibid. P. 112—115). Под именем Фанни в одах V—VIII Шенье («Aux premiers fruits de mon verger» («Précurseurs de l'automne, ô fruits nés d'une terre...»); «Non, de tous les amants les regards, les soupirs...»; «Fanny, l'heureux mortel qui près de toi respire...»; «A Fanny, malade» («Quelquefois un souffle rapide...»)) воспета Франсуаза Лекутё (Le Coulteux, урожд. Pourrat; 1766/1767—1796) (см. о ней: Гречаная Е. П. Андрей Шенье — поэт. С. 438—439). В черновом варианте было: «...у Фанни, у К(у)аньи(?)». По версии, восходящей к М.-Ж. Шенье и принятой Латушем, Эме де Куаньи (Coigny; 1769—1820), заключенная вместе с Шенье, была адресатом оды «Молодая узница» (см.: Шенье 1995. С. 523, примеч. Е. П. Гречаной). Ср. третье пушкинское примечание к «Андрею Шенье».

Ст. 101. ...Узница моя... — См. примеч. к ст. 86.

Ст. 111. Рожденный для любви, для мирных искушений... — Ср. первую строку элегии XXXVIII: «Je suis né pour l'amour, j'ai connu ses travaux» (Я рожден для любви, я знал ее трудности — фр.) (Chénier 1819. P. 160; см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 71). Ср. также в строфе LV первой главы «Евгения Онегина» (1823): «Я был рожден для жизни мирной, / Для деревенской тишины...» (Акад. Т. 6. С. 28) (см.: Городецкий. С. 311).

Ст. 114—115. Судьба лелеяла мою золотую младость; Беспечною рукой меня венчала радость... — О частом у Пушкина употреблении рифмопары «младость—радость» см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 166—167.

Ст. 126. Она меня гнала, бранила и процала... — Ср. в элегии XVII Шенье («Ah! des pleurs! des regrets! lisez, amis. C'est elle...»): «On m'outrage, on me chasse, et puis on me rappelle...» (Меня оскорбляют, гонят, а затем снова зовут... — фр.) (Chénier 1819. P. 115; см.: Франц. элегия. С. 672, коммент. В. Э. Вацуро).

Ст. 138. Безумной ревности... — Ревность здесь — в церковнославянском значении: «чрезвычайное старание, усилие». Речь идет о политической активности Шенье (см.: Бонди. Статьи. С. 107).

Ст. 139—140. Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный, Ты, слово, звук пустой... — Ср. в «Борисе Годунове» (1825):

Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.

(Наст. изд., т. 7, с. 45)

По замечанию В. Э. Вацуро (см.: Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 28 (Б-ка поэта; Большая сер.)), в ст. 139—140 варьирован интонационно-синтаксический рисунок IX элегии Давыдова (1818):

Погибните навек, мечты предрассуждений,
И ты, причина заблуждений,
Чад упоительный и славы, и побед!
(Давыдов Д. Стихотворения. С. 89)

Ст. 140 и след. Ты, слово, звук пустой... О, нет! — Стихи в большой мере ориентированы на ямб III Шенье («Que promet l'avenir? Quelle franchise auguste...» — Chénier 1819. P. 269—271).

Ст. 145—151. Ты презрел мощного злодея ~ Твой стих свистал по их главам... — Близкие формулы Пушкин использовал неоднократно. Ср. в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом» (1824): «Поэт казнит, поэт венчает; / Злодеев громом вечных стрел / В потомстве дальнем поражает...» (наст. т., с. 11); в наброске послания «(В. Ф. Раевскому)» («Недаром ты ко мне воззвал...») (1822): «...⟨у⟩ столб⟨а⟩ сатиры / Разврат и злобу я казнил / И ⟨...⟩ грозящий голос лиры / Неп⟨равду⟩ ⟨?⟩ в ужас приводил» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 140) (первоначально эти строки читались: «...мой ⟨ ⟩ кинжал / Казнил презренного злодея» — там же, с. 435); в стихотворении «О муза пламенной сатиры...» (1824—1825): «Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда. / ⟨...⟩ / О, сколько лбов широко-медных / Готовы от меня принять / Неизгладимую печать!» (наст. т., с. 101). См.: Томашевский. Пушкин, II. С. 72; Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина... С. 186.

Ст. 146—148 («Твой светоч, грозно пламенея ~ Совет правителей бесславных...») варьируют фрагмент оды II Шенье («O mon esprit, au sein des cieux...»): «Tu crois, d'un éternel flambeau, / Eclairant les forfaits d'une horde ennemie, / Défendre à la nuit du tombeau / D'ensevelir leur infamie...» ⟨Ты веришь, что вечным факелом / Осветив преступления враждебной орды, / Не позволишь могильной ночи / Скрыть их бесславие... — фр.⟩ (Chénier 1819. P. 198; см.: Шенье 1995. С. 591—592, примеч. Е. П. Гречаной). Ст. 149 («Твой бич настигнул их, казнил...») восходит к ямбу III («Que promet l'avenir?...»): «...chercher le triple fouet, le fouet de la vengeance...» ⟨...искать тройной бич, бич мщения... — фр.⟩ (Chénier 1819. P. 271; см.: Франц. элегия. С. 672, коммент. В. Э. Вацууро). Формула «Сих палачей самодержавных» (ст. 150) ориентирована на направленные против Робеспьера памфлеты, в которых он неизменно трактовался как «тиран», поставивший себя над законом (см.: Франц. элегия. С. 672, коммент. В. Э. Вацууро). Ср. в ямбе III Шенье («Que promet l'avenir? Quelle franchise auguste...»): «Ces bourreaux barbouilleurs de lois, / Ces tyrans effrontés de la France asservie...» ⟨Эти палачи, марающие закон, / Эти бесстыдные тираны поработенной Франции... — фр.⟩ (Chénier 1819. P. 270; отмечено П. О. Морозовым — см.: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 48).

Ст. 152—154. Ты звал на них, ты славил Немезиду; Ты пел Маратовым жрецам Кинжал и деву-эвмениду! — Речь идет об оде IX Шенье «A Marie-Anne-Charlotte Corday», в частности, о строках: «O vertu! le poignard, seul espoir de la terre, / Est ton arme sacrée, alors que la tonnerre / Laisse régner le crime et te vend à ses lois» ⟨О добродетель! кинжал, единственная надежда земли, — / Твое священное оружие, доколе небесный гром / Позволяет царить преступлению и предаст тебя его законам — фр.⟩ (Chénier 1819. P. 213; см.: Франц. элегия. С. 672, коммент. В. Э. Вацууро); в ст. 34—36 Шенье упомянута Немезида. В то же время ст. 152—154 содержат парафразу из пушкинского стихотворения «Кинжал» (1821), где о Марате и Шарлотте Корде сказано: «Апостол гибели, усталому Аиду / Перстом он

жертвы назначал, / Но вышний суд ему послал / Тебя и деву Эвмениду» (ср. черновой вариант ст. 153 «Андрея Шенье»: «Ты пел Апостолам...», ср. также ст. 1—2 «Кинжала»: «Лемносский бог тебя ковал / Для рук бессмертной Немезиды...» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 25; см.: Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина... С. 184—185). Филиппика против «Маратова жреца» (у Шенье: «*grêtre orgueilleux de cette idole vile*» <надменный жрец этого гнусного идола — фр.>) — Chénier 1819. P. 210) содержится в первой строфе оды Шарлотте Корде, где Шенье намекает на одного из авторов стихотворений, написанных на смерть Марата, возможно, на П. Ж. Одуэна (Audouin; ок. 1760—после 1799) или М. Кюбьера-Пальмезо (Cubières-Palmezeaux; 1752—1820) (см.: Шенье 1995. С. 522, примеч. Е. П. Гречаной).

Ст. 155—159. *Когда святой старик от плахи отрывал ~ Ареопаз остервенелый.* — Святой старик — К.-Г. де Ламуаньон де Мальзерб (Malesherbes; 1721—1794), вызвавшийся выступить одним из защитников Людовика XVI на судебном процессе. Ареопаз здесь: Конвент. Как сообщает Латуш, Шенье предложил Мальзербу разделить с ним обязанности защиты и составил письмо короля к Конвенту с просьбой обжаловать у народа смертный приговор. Письмо было опубликовано в сборнике 1819 г. Шатобриан в «Гении христианства» также упоминает о благородном предложении помощи, сделанном Шенье Мальзербу. Эти сведения, возможно, восходят к семейным преданиям: Мальзерб был казнен вместе с дочерью, внучкой и ее мужем — старшим братом Шатобриана. Неизвестно, читал ли и подписывал ли в действительности Людовик XVI письмо, составленное Шенье: 17 января в Конвенте было зачитано другое письмо, датированное 16 января (Шенье 1995. С. 478—479, примеч. Е. П. Гречаной). В черновике элегии данного эпизода не было. Отсылающее к нему четвертое примечание отнесено Пушкиным к ст. 144—149. Вероятно, ст. 155—159 возникли после составления примечаний, на завершающей стадии работы, может быть, даже тогда, когда текст элегии уже был отправлен П. А. Плетневу (это объясняло бы, почему слова о письме короля Конвенту не были выделены в особое примечание, отнесенное к ст. 155—159). См.: Сандомирская 1974. С. 27—29.

Ст. 166—171. *И час придет... и он уж недалек ~ Я жду тебя.* — Получив известие о смерти Александра I, Пушкин был поражен пророческим смыслом, который неожиданно обрели эти строки. 4—6 декабря 1825 г. он писал П. А. Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Ш(енье) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc.» (Акад. Т. 13. С. 249). В «Le jeu de rаше» также имеется пророчество близкого падения самодержцев, дерзнувших попрасть закон (строфы XXI—XXII, заключительные). В «Андрее Шенье» эпизод с пророчеством, возможно, ориентирован на определенный литературный прототип — введение образов прорицателей и визионеров в описания событий Французской революции (см., например, «Пророчество Казота» Ж.-Ф. Лагарпа (Laharpe, La Harpe; 1739—1803) — «La prophétie de Cazotte»; опублик. 1806). К ситуации «Андрея Шенье» (жертва предрекает скорую смерть своему палачу) наиболее близка широко известная в 1820-е гг. и поддававшаяся политически-аллюзионному прочтению трагедия Ф.-Ж.-М. Ренуара (Raynouard; 1761—1863) «Тамплиеры» («Les templiers», 1805), с содержащейся в ней легендой о Жаке Моле (Molay; 1244—1314), великом магистре ордена тамплиеров, сожженном на костре и перед смертью предсказавшем близкий конец виновникам своей гибели, папе и королю. В историческом примечании Ренуар рассказал об исполнении пророчества и указал источники леген-

ды. Концовку «Тамплиеров» с рассказом о казни особо отмечала Ж. де Сталь (de Staël-Holstein; 1766—1817) в книге «О Германии» («De l'Allemagne», 1810). Прямых свидетельств знакомства Пушкина с трагедией не имеется, но она была хорошо известна в России, в частности П. А. Катенину, с которым Пушкин близко общался на протяжении 1817—1820 гг., в период своего увлечения театром (см.: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века. СПб., 1911. С. 61—62). Д. Давыдов в 1820-х гг. говорил о себе, что в пылу сокрушительных событий Наполеонова века он «пел (...) как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем» (Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 130 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Формула «Я жду тебя», употребленная Ренуаром в рассказе о казни тамплиеров («Au tribunal de Dieu je t'attends dans l'année» «Через год жду тебя перед судом Бога — фр.», дважды повторена и таким образом акцентирована в переводе последней сцены «Тамплиеров», помещенном О. Сомовым в «Благонамеренном» (1821. Ч. 15. № 14. С. 73—74): «Тебя, о Климент, жду пред Судию сего: / Чрез сорок дней — и ты предстанешь пред Него! (...) / О царь мой! о Филипп! вотще тебя прощаю; / Ты осужден!.. тебя чрез год я ожидаю...» (подробнее см.: Вацуро В. Э. Пророчество Андрея Шенье // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 84—91). О казни тамплиеров рассказано и в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. Здесь нет эпизода с пророчеством, но Карамзин сообщает, что Моле под пытками отрекся было от своей веры, однако в последнее мгновение укрепился душой и провозгласил ее с новой силой — ср. преодоленный духовный кризис пушкинского Шенье.

Ст. 171. ...Так пел восторженный поэт. — Ср. первую фразу авторской речи после завершения монолога героя в элегии П. А. Габбе «Бейрон в темнице»: «Так пел Бейрон» (Поэты 1790—1810-х гг. С. 740).

Ст. 172—173. ...Лампады тихий свет Бледнел пред утренней зарею... — Согласно Латушу, Шенье поднялся на телегу приговоренных в восемь часов утра (Chénier 1819. P. XX). В действительности он был казнен в шесть часов вечера того же дня, когда состоялся суд (см.: Гречаная Е. П. Андре Шенье — поэт. С. 445).

Ст. 177. Звучат ключи, замки, запоры. — Ср. в «Полтаве»: «Но ключ в заржавом / Замке гремит...» (песнь вторая, ст. 160—161, канун казни Кочубея — Акад. Т. 5. С. 40) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 168).

Ст. 185. Плачь, муза, плачь!.. — Ср. заключительный стих ямба III Шенье («Que promet l'avenir? Quelle franchise auguste...»): «Toi, Vertu, pleure si je meurs» «Ты, Добродетель, плачь, если я умру — фр.» (Chénier 1819. P. 271; см.: Веселовский Ю. Пушкин и Шенье // Венг. Т. 3. С. 584). В замене «Добродетели» «музой» можно предполагать элемент полемики с «гражданской» эстетикой Рылеева (см.: Вацуро В. Э. Французская элегия... С. 40—41). Возможно, финал элегии ориентирован также на фразу Шатобриана, комментировавшую последние слова Шенье (приведенные Пушкиным в седьмом примечании): «C'étoit la muse qui lui révéloit son talent au moment de la mort» «Это муза открыла ему его талант в минуту смерти — фр.» (Chateaubriand F.-R. Le Génie du christianisme. Т. 3. P. 192). Фраза процитирована у Латуша (Chénier 1819. P. XXI).

Примечание 1. Comme un dernier rayon ~ (V. Les derniers vers d'André Chénier). — Пушкин цитирует ст. 1—3 ямба IV Шенье, имеющего в издании 1819 г. подзаголовок: «Derniers vers de l'auteur» «Последние стихи автора — фр.» (Chénier 1819. P. 271). Ст. 2 приведен неточно — ср. у Шенье: «Anime la fin d'un beau jour» «Одушевляет конец прекрасного дня — фр.».

Примечание 2. *Abel, doux confident ~ Voyez les odes qui lui sont adressées.* — См. примеч. к ст. 86. «Abel, doux confident de mes jeunes mystères» — ст. 1 элегии I в сб.: Chénier 1819. P. 77.

Примечание 3. *Voyez «La jeune Captive» (M-lle de Coigny).* — См. примеч. к ст. 86.

Примечание 4. *Chénier avait mérité la haine des factieux ~ (H. de la Touche.)* — Две точные цитаты из очерка Латуша (Chénier 1819. P. XIII, XIII—XIV). Ш. Корде прославлена в оде Шенье «A Marie-Anne Charlotte Corday». Ж.-М. Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois; 1750—1796), член Конвента и Комитета общественного спасения, активный участник кровавых расправ 1791 и 1793 гг., осмеян Шенье в стихотворении «На восставших швейцарцев полка Шатоввё, чествуемых в Париже по предложению Колло д'Эрбуа» (см. о нем примеч. к ст. 38—39), опубликованном впервые в «Journal de Paris» 15 апреля 1792 г., в день триумфального вступления в Париж восставших в 1790 г. и амнистированных в 1792 г. швейцарских солдат, одним из защитников которых выступал Колло д'Эрбуа. Шенье протестовал против устройства этого праздника в ряде статей и писем (одно из них озаглавлено «Мой ответ Колло д'Эрбуа»), опубликованных в конце марта—начале апреля 1792 г. в газете «Journal de Paris» и приложении к ней (подробнее см.: Шенье 1995. С. 478, 529, примеч. Е. П. Гречаной). В стихотворении «На восставших швейцарцев полка Шатоввё...» содержатся и выпады против Робеспьера. О письме короля к Конвенту см. примеч. к ст. 155—159.

Примечание 6. *На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше ~ (H. de la Touche).* — Пересказ и цитация очерка Латуша (от слов «Ils parlèrent de poésie» до «Ils voulurent réciter ses vers» — точная цитата), где этот эпизод описан очень подробно (см.: Chénier 1819. P. XXI—XXII). В первой сцене «Андромахи» Расина, о которой перед смертью беседовали Шенье и Руше, происходит встреча Ореста и Пилада. Предсмертное стихотворение Ж.-А. Руше (Roucher; 1745—1794) было переведено В. А. Жуковским под заглавием «Руше к своей жене и детям из тюрьмы, посылая к ним свой портрет» (ВЕ. 1807. Ч. 33. № 12. С. 278; Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 113).

Примечание 7. *На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là».* — Слова Шенье приведены по Латушу (Chénier 1819. P. XXI) — ср. у Шатобриана: «Mourir! j'avais quelque chose là!» «Умереть! у меня там кое-что было! — фр.» (Chateaubriand F.-R. Le Génie du christianisme. Т. 3. P. 192). Ситуация, к которой отнесены эти слова, восходит к Шатобриану: он сообщает их как произнесенные на эшафоте — по Латушу, Шенье произносит их на пути к месту казни (см.: Сандомирская 1974. С. 29). Предание о последних словах Шенье было широко известно: оно пересказано П. А. Вяземским в примечании к посвященному Шенье фрагменту стихотворения «Библиотека» (между 1821 и 1826 гг.; опубл. 1827 г.) (см.: Вацуро В. Э. Пророчество Андрея Шенье. С. 85). Ср. в письмах Пушкина к Вяземскому: «Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: Il y avait quelque chose là...» «Там кое-что было! — фр.» (вторая половина ноября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 243); «Счастливее, чем Андр(ей) Шенье, — я заживо слышу голос вдохновения» (вторая половина (не позднее 24-го) мая 1826 г.) — Акад. Т. 13. С. 278).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф ст. 13—185 (ПД 835, л. 59 об.—64). Ст. 165 А. *Завистник гения без〈умея〉〈?〉*... — Легенда о зависти Робеспьера отразилась в очерке Латуша: «Marie-Josef 〈...〉 devenu l'objet de la haine particulière de Robespierre qui redoutait ses principes et enviait ses talens...» 〈Мари-Жозеф 〈...〉 стал объектом особой ненависти Робеспьера, который опасался его принципов и завидовал его талантам... — фр.〉 (Chénier 1819. P. XV).

Черновой автограф примечания, не включенного в печатный текст (ПД 835, л. 65). *А〈ndré〉 Ш〈énier〉 погиб жертвою Фр〈анцузской〉 револю〈юции〉* / Начато: *А〈ndré〉 Ш〈énier〉 погиб, одной из благороднейших* — Ср. ст. 25—26 стихотворения Вяземского «Библиотека» и примечание к нему: «Андрей Шенье, одна из прекраснейших жертв тирании Робеспьера...» (Литературный музей на 1827 год / Изд. В. Измайлова. М., 1827. С. 151). Ср. также заключительную фразу очерка Латуша: «Il est si beau d'offrir à ses ennemis une victime sans tache, et de rendre au Dieu qui nous juge une vie encore pleine d'illusions!» 〈Так прекрасно стать непорочной жертвой своих врагов и вернуть судящему нас Богу жизнь, еще полную иллюзий! — фр.〉 (Chénier 1819. P. XXXIII). По-видимому, определение «жертва» прочно закрепилось в составе посмертной биографической легенды о Шенье, настойчиво уподоблявшей его Авелю (см. выше о связи посвящения элегии с посвящением «Кавказского пленника» и примеч. к ст. 80).

...неск〈олько〉 сл〈ов〉 сказан〈ных〉 о нем Шат〈обрианом〉... — Имеется в виду фрагмент из «Гения христианства» (см. выше).

...два или три отрывка в 〈древнем элегическом роде〉... — Отрывками могли быть названы стихотворные тексты, приведенные Шатобрианом. Однако выражение «в древнем элегическом роде» скорее может быть отнесено к элегии «Юная Тарентинка», опубликованной под заглавием: «Élégie dans le goût ancien par feu André Chénier» 〈«Элегия в древнем вкусе покойного Андре Шенье» — фр.〉 в «Mercure de France», 1 germinal, an II (20 mars 1801), а затем в 1802 г. под заглавием: «La jeune Tarentine» 〈«Юная Тарентинка» — фр.〉 и с подзаголовком: «Élégie dans le goût ancien» 〈«Элегия в древнем вкусе» — фр.〉 — в «Almanach des Muses», в «Décade philosophique, littéraire et artistique» и ряде других периодических изданий (Гречаная Е. П. Пушкин и А. Шенье : (Две заметки к теме) // Врем. ПК. Вып. 22. С. 104—105; о публикациях «Юной Тарентинки» см.: Шенье 1995. С. 508, примеч. Е. П. Гречаной). В издании 1819 г. стихотворение вошло как «Элегия XX», с подзаголовком: «Dans le goût ancien» 〈«В древнем вкусе» — фр.〉.

Ода Младой Узницы — См. о ней примеч. к ст. 86. Впервые опубликована в «Décade philosophique, littéraire et artistique», 20 nivôse, an III (9 jan. 1795); в 1796 г. перепечатана в «Almanach des Muses», а в 1801 г. в «Magasin encyclopédique» (Т. 6. № 1).

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

(«Когда, любовью и негой упоенный...»)

(С. 60 и 282)

Автографы:

1) Тетр. ПД 834, л. 39 об. — черновой набросок. Напечатано: [Бартенев П. И.] *Рукописи А. С. Пушкина* // РА. 1881. Кн. 1. № 1. С. 230 (в виде неточной сводки); *Щеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина* // *Щеголев П. Е. Пушкин : Очерки*. СПб., 1912. С. 209—210 (в виде транскрипции). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 835, л. 65 — сокращенная черновая запись ст. 4. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 935. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4. В полистном описании рабочих тетрадей Пушкина в этом издании (см.: Раб. тетр. Т. 1. С. 124) запись ошибочно охарактеризована как самостоятельный и не отраженный в Акад. творческий набросок; в научном описании тетради ПД 835 (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835) автограф пропущен.

Копия П. А. Плетнева (ПД, ф. 244, оп. 4, № 8) (Плет) — с вариантом ст. 6, с пропуском ст. 23 и датой: «7 июля 1825». Напечатано (ошибочно как автограф Пушкина): Майков. Материалы. С. 239 (публ. В. И. Саитова) — описание, дата, вариант ст. 6 и указание на пропуск ст. 23 (ошибка Л. Н. Майкова повторена в примеч. П. О. Морозова: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 57—58).

Впервые: Соревн. 1825. Ч. 30. № 6. С. 299—300, с подзаголовком: «(Элегия)» и пропуском по ошибке ст. 23. Вошло в Ст 1826. С. 27—28 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1825»), с изменением ст. 6 и восстановлением ст. 23, и в Ст 1829. Ч. 2. С. 17—18 (отдел стихотворений 1825 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется черновой набросок концом ноября 1823 г. по положению в тетради ПД 834, завершение работы над стихотворением — 7 июля 1825 г. по дате в копии Плетнева; эта дата согласуется с временем выхода «Соревнователя» (13 августа 1825 г. — см.: *Летопись 1999*. Т. 2. С. 77).

Черновой набросок в тетради ПД 834 расположен в нижней части л. 39 об. На л. 32—33 этой тетради записан черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г., на л. 40—40 об., непосредственно вслед за наброском — черновик письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Вероятность того, что нижняя часть л. 39 об. оставалась свободной и черновой набросок был вписан сюда позднее заполнения следующих листов, практически исключается. В верхней части л. 39 об. — строфы «Евгения Онегина»: сначала записано и отчеркнуто начало строфы I третьей главы, затем продолжена работа над строфой XXXIX второй главы. Две последние строки этой строфы на л. 39 об. еще отсутствуют — они появляются лишь на л. 41 об., рядом с ними — дата «8 декабр(я) 1825». Если бы нижняя часть л. 39 об. к этому времени оставалась незаполненной, они были бы записаны там же, где большая часть строфы XXXIX. Вполне очевидно, что л. 39 об.—41 об. заполнялись последовательно. Запись ст. 4 на л. 65 рабочей тетради ПД 835, свидетельствующая о возобновлении Пушкиным работы над стихотворением, сделана не ранее первой половины февраля 1825 г., так как не ранее этого времени на л. 59—64, 65 появился черновой текст элегии «Андрей Шенье» (см. примеч. к ней — наст. т., с. 721).

По всей вероятности, копия П. А. Плетнева была снята с автографа Пушкина, в котором стояла дата, воспроизведенная в копии, а ст. 23 был по ошибке пропущен. Автограф мог быть послан в несохранившемся письме к Плетневу. К тому же автографу, по-видимому, восходит и публикация в «Соревнователе», где ст. 23 также пропущен, а вариант ст. 6 совпадает с копией Плетнева (номер журнала вышел в свет в июне 1825 г. — см.: П. в печати. С. 30). При подготовке Ст 1826 Плетнев обратил внимание на пропуск ст. 23 и 29 августа 1825 г. писал Пушкину: «У тебя в Элегии: „Желание славы“, один стих без рифмы:

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух... и проч.

Если это с намерением сделал ты, так извини, что я по невежеству не догадался; если же просмотрел, то не хочешь ли прислать поправки?» (Акад. Т. 13. С. 217). Видимо, поправки были вскоре высланы в Петербург.

Адресат стихотворения может быть установлен только предположительно. В черновом наброске стихотворения, относящемся к концу ноября 1823 г., мотивы разлуки и «желания славы» отсутствовали. На этом этапе творческой истории замысел стихотворения ограничивался изображением блаженства двух влюбленных; лишь отдельные варианты чернового текста говорили о возможном психологическом осложнении сюжета (см. в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 283: «Зачем тогда мрачит — <   > / И в наслажден(ь)и мы тоскуем —»). Окончательное оформление замысла стихотворения с включением мотива «желания славы», вероятно, связано с моментом, когда в тетради ПД 835 появилась сокращенная запись ст. 4: «Ты знаешь милая: [желал]», в печатном тексте получившего продолжение: «...желал ли славы я».

Судя по содержанию завершеного стихотворения, оно обращено к женщине, разрыв с которой произошел сравнительно недавно; на обстоятельства первой ссылки поэта указывают ст. 5—8: «Ты знаешь: удален от ветреного света...». Упоминание в ст. 19 «измен и клеветы» наводит на мысль о конфликте Пушкина с А. Н. Раевским, сыгравшим неблагоприятную роль в истории отношений поэта с Е. К. Воронцовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633) и способствовавшим высылке его из Одессы (о Раевском см. примеч. Е. О. Ларионовой к стихотворению «Демон» (1823) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 752—754); см. также примеч. к стихотворению «Коварность» (1824) (наст. т., с. 536—539), в котором тоже говорится о клевете). Эти детали позволяют предполагать, что наиболее вероятным адресатом стихотворения «Желание славы» в его завершеном виде была Е. К. Воронцова (см.: *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 263—265; набросок 1823 г. был, вероятнее всего, связан с другой женщиной, которую Пушкин знал в Одессе (возможно, это была Амалия Ризнич, см. о ней примеч. к стихотворению «Под небом голубым страны своей родной...» (1826) — наст. т., с. 853—854).

Описанная в первой части стихотворения счастливая любовь, вытесняющая из области чувств жажду славы — мотив, уже прозвучавший у Пушкина и вообще характерный для поэзии эпохи. Ср., например, в «Евгении Онегине» (первая глава, строфа XXXI): «Давно ль для вас я забывал / И жажду славы и похвал?» (Акад. Т. 6. С. 18); в «Элегии» Н. Ф. Павлова: «Давно ль я жаждою из-

вестности пылал? / Давно ли мысли трепетал / По смерти лечь под камнем неприметным?.. / Алина, я тогда еще не знал тебя!» (Мнем. Ч. 2. С. 69). См.: Виноградов. Стиль П. С. 75—76.

〈К А. Г. РОДЗЯНКЕ〉
 («Ты обещал о романтизме...»)
 (С. 61 и 284)

Автограф, переданный Пушкиным А. П. Керн в Тригорском летом 1825 г. и находившийся сначала у нее (см. ниже), а затем у А. Г. Родзянко, утрачен. После смерти адресата автограф перешел к его брату М. Г. Родзянко, который передал его в редакцию журнала «Современник» для публикации. Напечатано: Стихотворение А. С. Пушкина, в первый раз являющееся в печати // Совр. 1859. № 2. Отд. I. С. 505—506, без заглавия, со строфическим делением после ст. 7, 13 и 28, с примечанием: «Стихотворение это писано к А. Г. Р(одзянко) и набрано с автографа, который с 1856 года (опечатка, вместо: 1846. — Ред.), по смерти А. Г. Р(одзянко), перешел в собственность брата его, М. Г. Р(одзянко). Редакция „Современника” приносит сему последнему искреннюю благодарность за предоставление ей права напечатать это стихотворение».

Копии:

1. Анны Н. Вульф (ПД 66) (АВлф) — авторизованная, с описками в ст. 7 («Нет, не влюблен Пирон Украйны!» вместо: «Нет, ты влюблен Пирон Украйны!») и 23 («Не ободряю я развода» вместо: «Не одобряю я развода») и пропуском ст. 29—30. Рукой Пушкина ст. 29—30 вписаны под текстом, место вставки отмечено крестом. Ст. 7 и 23 Пушкин оставил неисправленными. Напечатано: Рукоп. П. 1937. С. 27—28 (вставка Пушкина; публ. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского); Акад. Т. 2. С. 954 (в виде разночтений; публ. Д. Д. Благого).

2. Алексея Н. Вульфа (ПД, ф. 244, оп. 4, № 111, л. 4—4 об.) (Влф) — с сокращенным написанием слова в ст. 4 («П—х муз поведать тайны») и теми же, что и в копии АВлф, ошибками в ст. 7 и 23; под текстом — позднейшая помета: «К Родзянке 825 год Пушкин». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 954 (в виде разночтений; публ. Д. Д. Благого).

3. А. П. Керн (ПД, ф. 244, оп. 4, № 7) (Крн) — с теми же, что в копиях АВлф и Влф, ошибками в ст. 7 и 23; под текстом карандашная помета рукой А. В. Маркова-Виноградского: «Писано Пушкиным об Анне Петровне Керн к Аркадию Родзянке». Вероятно, именно эта копия напечатана в составе мемуаров Керн: [Керн А. П.] Воспоминания о Пушкине // БдЧ. 1859. № 4. С. 115—116 (БдЧ), без заглавия, без строфического деления, с пометой под текстом: «А. Пушкин / Михайловское». Биографические пояснения Керн, сопровождающие публикацию стихотворения, см. ниже. В Акад. (Т. 2. С. 954, примеч. Д. Д. Благого) публикация в БдЧ охарактеризована как сделанная по утраченной копии.

Все три копии со строфическим делением после ст. 7, 13 и 21.

Копия, бывшая в распоряжении Г. Н. Геннади, по которой им была осуществлена публикация в Генн. 1859. Т. 1. С. 353—354, утрачена. Напечатана в разделе стихотворений 1826 г., с редакторским примечанием в дополнительном томе: «Доставлено нынешнему издателю; напечатано впервые в „Современнике” и в „Биб-

лиотеке для чтения» — Генн. 1859. [Т. 7]: Приложения. С. 65). В ст. 23 — та же ошибка, что и в копиях 1—3; после ст. 7, 13, 21 и 25 — строфическое деление (Генн).

Впервые (в двух публикациях, вышедших практически одновременно): Совр. 1859. № 2. Отд. I. С. 505—506; БдЧ. 1859. № 4. С. 115—116 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по публикации Совр., восходящей, как указано в редакторском примечании, к автографу, с редакционным заглавием «⟨К А. Г. Родзянке⟩»; строфическое деление — по копиям 1—3, где два первых совпадают с публикацией Совр., а третье (явно ошибочное в Совр.) соответствует логике стихотворной речи.

Датируется 20-ми числами мая—июлем (до 19-го) 1825 г. на основании мемуаров А. П. Керн, сообщившей, что послание было ей отдано автором в Тригорском через месяц после того, как она и А. Г. Родзянко отправили из Полтавской губернии коллективное письмо к Пушкину, датированное 10 мая 1825 г. (воспоминания Керн см. ниже; письмо Родзянко и Керн см.: Акад. Т. 13. С. 170—171). Верхняя граница датировки послания определяется по времени получения Пушкиным этого письма, нижняя — по времени пребывания Керн в Тригорском (15(?)—20(?) июня—19 июля 1825 г. (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 61, 70). Если предположить, что мемуары Керн абсолютно точны, нижнюю границу датировки можно было бы отодвинуть к 20-м числам июня, однако, вероятнее всего, ее хронологическое указание имело приблизительный характер.

Ошибка в публикации Совр. исказила строфическую структуру произведения: строфическое деление после ст. 28 «разрывало» рифмовку ст. 26—30. Авторизованная копия ПД 66 не может быть признана более авторитетным источником, чем Совр., поскольку при ее просмотре Пушкин оставил без исправления опiski в ст. 7 и 23. Таким образом, исправного, без ошибок, текста стихотворения не дает ни один из его источников.

Редакторское заглавие принято в соответствии с установившейся традицией: начиная с Генн. 1859, стихотворение печаталось под варьировавшимися редакционными заглавиями, содержавшими указание на адресацию послания А. Г. Родзянко.

В Акад. в качестве редакторского заглавия принята запись из списка стихотворений (ПД 291, л. 2 об.), составленного в конце апреля—августе 1827 г.: «к Родз⟨янке⟩». В изд. «Рукою П.» эта запись расшифрована как заглавие комментируемого стихотворения (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178). Такая расшифровка представляется проблематичной: список в целом квалифицирован как перечень произведений, предназначенных для издания (Там же. С. 177), однако характер комментируемого послания, содержащего интимные подробности биографии адресата и А. П. Керн, вызывает сомнения в том, что Пушкин предполагал его печатать. Еще меньше годилось для публикации стихотворное послание «⟨Из письма к Родзянке⟩» («Прости, украинской мудрец...») (1824). Остается предположить, что в списке упомянуто либо какое-то третье, несохранившееся послание к Родзянко, либо сильно измененная (также несохранившаяся) редакция послания 1825 г. Нельзя исключить и того, что Пушкин планировал переработать текст 1825 г., но не осуществил этого намерения.

Адресат послания — Аркадий Гаврилович Родзянко (Родзянка) (см. о нем примеч. к стихотворению «⟨Из письма к А. Г. Родзянке⟩» («Прости, украинский

мудрец...») (1824) — наст. т., с. 620—621). Обращенный к адресату призыв «Поговорим опять об ней» (ст. 13) относится к Анне Петровне Керн, которая является подлинной героиней стихотворения (см. о ней примеч. к стихотворению «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825) — наст. т., с. 703—704). Переписка Пушкина с Родзянко была начата 8 декабря 1824 г. пушкинским письмом со стихами «Прости, украинский мудрец...» (см. наст. т., с. 32; в том же письме содержался вопрос о Керн, приятельнице Родзянко и его соседке по имению, — см.: Акад. Т. 13. С. 128—129) и продолжена коллективным письмом Родзянко и Керн от 10 мая 1825 г., ответом на которое явилось послание «Ты обещал о романтизме...». В конце 1850-х гг. А. П. Керн вспоминала: «Когда же он (Пушкин. — *Ред.*) узнал, что я выдаюсь с Родзянко, то переслал через меня к нему письмо, в котором были расспросы обо мне и стихи (следуют ст. 2—6 стихотворения «〈Из письма к А. Г. Родзянке〉»). — *Ред.* (...) После этого мне с Родзянко вздумалось полюбезничать с Пушкиным, и мы вместе написали ему шуточное послание в стихах. Родзянко в нем упоминал о моем отъезде из Малороссии и о несправедливости намеков Пушкина на любовь ко мне. Послание наше было очень длинно, но я помню только его последний стих:

Прощайте, будьте в дураках!

Ответом на это послание были следующие стихи, отданные мне Пушкиным, когда я через месяц после этого встретила с ним в Тригорском (следует текст послания «〈К А. Г. Родзянке〉»). — *Ред.*) (Керн. С. 32—33; письмо к Родзянко было послано Пушкиным через А. Н. Вульф, которая состояла в оживленной переписке с Керн, — см.: П. в восп. Т. 1. С. 519; примеч. В. Э. Вацуро и др.).

Переписка носила дружеский, шуточный характер, не в последнюю очередь определявший тем, что ее главной пружиной был интерес Пушкина к Керн. Послание «Ты обещал о романтизме...» писалось в ответ на один из двусмысленных пассажей письма Родзянко и Керн от 10 мая: «...вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем, — писал Родзянко, имея в виду мужа Керн, — снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал, тогда можно было извиниться молодостию и неопытностью, а теперь чем? — ради бога, будь посредником!» (Акад. Т. 13. С. 170 — ср. ст. 14—21 и след.: «Хвалю, мой друг, ее охоту, / Поотдохнув, рожать детей...»). Той же теме были посвящены «Стихи насчет известного примирения», написанные Родзянко и завершавшие его совместное с Керн письмо к Пушкину.

В послании «Ты обещал о романтизме...» В. Э. Вацуро отметил «несомненные, хотя и скупые следы литературных бесед» Пушкина и Родзянко (*Вацуро В. Э. Пушкин и Аркадий Родзянка : (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // Вацуро 2000. С. 80*). Они ощутимы в ст. 1—3 послания, где романтизм назван «парнасским афеизмом». Эта характеристика отражает позицию Родзянко, который принадлежал как раз к лагерю гонителей романтизма и был, по определению В. Э. Вацуро, «воинствующим архаиком» (Там же. С. 64). В сатире «Два века» (1822) он резко выступил против «поэтического безбожия» — отрицания классицистических «правил» поэтом-романтиком: «...И, слабый правильной пленять нас красотой, / Толкает правила, сменяя их — собою!» (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 165). Постепенно, однако, антиромантический пафос у Родзянко остывал, и Пушкин поддразнивал приятеля, вопрошая о его «романтической поэме „Чуп“» (см. письмо от 8 декабря 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 128) и отношении к «парнасскому

афеизму». От литературной темы автор послания обращается к «ней», т. е. к А. П. Керн: «Точно для того, чтобы подчеркнуть свою свободу от парнасских регламентаций, Пушкин далее (...) уклоняется далеко в сторону от Парнаса и (...) переходит на житейскую, бытовую, реальную почву» (Сумцов. С. 328). Из поэтической игры рождается подчеркнутый прозаизм стихотворения, который в немалой степени был обусловлен конкретикой эпистолярного жанра.

Ст. 4. *Полтавских муз поведать тайны...* — Весьма многозначный намек Пушкина, указывающий одновременно и на местоположение в Полтавской губернии имени адресата (Пушкин посетил это имение — оно называлось Родзянки — по дороге из Одессы в Михайловское в августе 1824 г. — см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 429), и на его украинофильские настроения, и на его «тайные» стихи неблагопристойного содержания.

Ст. 7. *Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!* — Алексис Пирон (Piron; 1689—1773) — французский поэт, драматург и сатирик, известный своими юношескими фривольными стихами.

Ст. 20—21. *Дай Бог, чтоб только Гименей Меж тем продлил свою дремоту.* — Тема торжествующих над незадачливым Гименеем любовников вошла в творчество Пушкина еще в Лицее (см. его стихотворение «Амур и Гименей» (1816) — наст. изд., т. 1, с. 220—222; см. там же (с. 724—725), в примеч. к стихотворению о литературных источниках темы, восходящих к французской поэтической традиции XVII—XVIII вв.).

Ст. 23. *Не одобряю я развода...* — Развод в контексте стихотворения означает не юридический акт, а фактический разъезд супругов, практиковавшийся в пушкинское время и в конце концов осуществившийся в семействе Керн.

ЖЕНИХ

(«Три дня купеческая дочь...»)

(С. 62 и 284)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 30—30 об., 29 об. — черновой, включает 124 стиха, по содержанию соответствующих ст. 1—100 основного текста. На л. 30, начиная со ст. 17, работа велась на левом поле листа, где оставалось свободное место. Вероятно, сначала в нижней половине левого поля были записаны ст. 17—24, затем в верхней половине левого поля ст. 25—40 и, наконец, в самом низу листа, стихи, находившиеся между ст. 40 и 41. Работа на л. 30 об. шла в трудноопределимой последовательности (описание расположения стихов на этом листе см. в примечаниях к черновому автографу в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 288—295). Стихи вместо ст. 97—100 частично записаны на л. 29 об. (здесь сложилась строфа, в которой не хватает последнего стиха) и, судя по контексту, представляют собой вставку, предполагавшуюся на место перед записанными ранее на л. 30 об. последними двумя стихами чернового автографа. В правой верхней части л. 29 об., кроме того, записан отдельный стих «Татьяна задрожала». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 10 (указание на автограф, два стиха из наброска строфы на л. 29 об.); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 11 (в виде транскрипции первых трех строф черно-

вого автографа; публ. П. О. Морозова); *Кукулевич А. М., Лотман Л. М.* Из творческой истории баллады Пушкина «Жених» // П. Врем. [Т.] 6. С. 75—76, 79—80, 83, 88 (в виде сводки или вариантов отдельных фрагментов); Акад. Т. 2. С. 957—963 (черновой автограф, с пропуском ст. 93—96; публ. Д. Д. Благого); Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 56—57 (стихи, записанные на л. 29 об.). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 69 — беловой, с позднейшими поправками; текст был записан в два столбца на обеих сторонах полулиста бумаги № 146 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 29), от которого осталась лишь оторванная четверть. На лицевой стороне сохранились ст. 117—128 и справа, у линии обрыва, — незначительные части первых букв второго столбца; на обороте — фрагмент концевой росчерка с пометой под ним: «30 июля 1825 / Мих(айловское)» и слева, у линии обрыва, — фрагменты последних букв и вопросительный знак первого столбца. Жандармская помета: «2», по расположению которой ясно, что лист был оборван при жизни Пушкина. Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 7 (помета под текстом); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 12 (вариант ст. 126; публ. П. О. Морозова); Рукоп. П. 1937. С. 28—29 (окончания ст. 169 и 174—176, которые здесь расшифрованы как «⟨жених⟩», «⟨кольцо⟩?», «⟨невес⟩та», «⟨мес⟩та»; помета под текстом; публ. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского); Акад. Т. 2. С. 964 (в виде вариантов; публ. Д. Д. Благого).

Местонахождение корректурного оттиска сверстанного набора для № 12 «Московского вестника» за 1827 г., принадлежавшего М. А. Цявловскому (см.: Акад. Т. 2. С. 1165, примеч. Д. Д. Благого) и бывшего в распоряжении Д. В. Ульянинского (Корр) — под заглавием: «Жених (Простонародная сказка)», без поправок — в настоящее время не установлено. Напечатано: *Ульянинский Д. В.* Библиографическая заметка о стихотворении Пушкина «Жених» // ПиС. Вып. 17—18. С. 268—269 (описание, варианты) (Ул). Воспроизведение: Там же. С. 268/269 (две страницы оттиска со ст. 1—16 и 41—64) (Ул₁).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Наташа» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Жених», под № 13, отмечено условным обозначением «капитальных пьес» (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 180). Включено в план издания, озаглавленный Пушкиным «Простонародные сказки»: ПД 972, л. 8 об. (около (не ранее) 20 сентября 1834 г.) — в записи: «I Сказка о женихе»; кроме «Жениха» в план включены: «О даре Салтане» (II), «О мертвой царевне» (III), «О попе и работнике его Балде» (IV), «О рыбаке и рыбке» (V) и «О золотом петушке» (VI); весь список, за исключением заглавия, перечеркнут (см.: Рукою П. 1997. С. 203; см. также преамбулу к примечаниям, наст. т., с. 459—460).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Баллады и песни»).

Впервые: МВ. 1827. Ч. 4. № 13. С. 3—10, под заглавием: «Жених (Простонародная сказка)», с изменениями по сравнению с корректурным оттиском для № 12 в ст. 48, 51, 79, 93, 99, 137 и 166. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 44—55 (отдел стихотворений 1825 г.), с изменениями, с подзаголовком в оглавлении «Простонародная сказка».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829, с исправлением опечатки в ст. 123, который в прижизненных публикациях (а также в Корр) печатался без запятой после «к ней» (в бело-

вом автографе после этих слов — точка с запятой). Опечатка устранялась во всех изданиях, начиная с Посм.

Датируется черновой автограф серединой—второй половиной октября 1824 г. по его положению в рабочей тетради Пушкина, завершение работы — 30 июля 1825 г. по дате в беловом автографе.

На л. 27 об. тетради ПД 835 — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)»; на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. О времени заполнения л. 30 об. см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 56.

Стихотворение, уже набранное для № 12 «Московского вестника», было перенесено в следующий номер журнала. По-видимому, Пушкин слишком поздно прислал исправления, которые решил внести в текст. 16 июня 1827 г. Н. М. Рожалин писал редактировавшему журнал М. П. Погодину: «От Пушкина сейчас только получил „Наташу“: в 12 № ее не будет» (АН. М., 1934. Т. 16—18. С. 694; № 12 вышел в свет не позднее 25 июня 1827 г. — см. МВед. 1827. № 51. 25 июня).

Стихотворение было написано в период первого близкого знакомства Пушкина с фольклорной традицией, вызвавшей восхищенные отклики в ряде его писем от ноября 1824—января 1825 г. (подробнее см. наст. т., с. 405). На основании этих эпистолярных свидетельств концом ноября 1824—началом 1825 г. принято датировать записи народных сказок в тетради ПД 836 (см.: Рукою П. 1997. С. 362—369; Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 134), которые, однако, могли возникнуть и раньше, поскольку начатый во второй половине октября «Жених» свидетельствует об уже сформировавшемся к этому времени интересе Пушкина к фольклорной сказке.

В основу стихотворения «Жених» лег отсутствующий среди фольклорных записей Пушкина сказочный сюжет о женихе-разбойнике (№ 955 по классификации Аарне—Томпсона): «Разбойник сватает девушку; она попадает в дом к разбойникам, видит, как убивают другую девушку, и бежит домой; уличает жениха по отрубленному пальцу или кольцу» (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 244; там же указаны публикации вариантов сказки на русском, украинском и белорусском языках, из которых первый появился в печати в 1853 г.). Использованный Пушкиным сюжет широко представлен как в восточнославянском, так и в западноевропейском фольклоре (см.: Сумцов. С. 276—286). В 1927 г. В. И. Чернышев записал вблизи Михайловского три варианта сказки о женихе-разбойнике и опубликовал их краткие пересказы (см.: Чернышев В. И. Сказки и сказочники «Пушкинского уголка»: (Из наблюдений во время поездки летом 1927 г. в окрестности с. Михайловского, бывш. Опочецкого у. Псковской губ.) // Сказочная комиссия в 1927 г.: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1928. С. 16, 17 (сказки о женихе-разбойнике — № 1, 7, 10)). Полные тексты этих сказок, к которым добавилась еще одна запись, сделанная в бывшем Новоржевском уезде, были напечатаны лишь в 1950 г. (см.: Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева. М.; Л., 1950 (№ 1, 6, 9, 65) (Сер. «Литературные памятники»)). Два варианта (№ 9, 65) в достаточно полном виде содержат каноническую сюжетную схему: разбойники приезжают сватать девушку; девушка попадает в дом разбойников, обнаруживает следы злодеяний, прячется от внезапно вернувшихся разбойников, видит, как они рубят палец (или руку) с перстнем другой девушке, которую они привезли с собой,

спасается бегством; сваты-разбойники вторично приезжают в дом девушки, она рассказывает увиденное как сон, обличает их (с помощью перстня); разбойники схвачены. В варианте № 9 девушка отправляется в дом к разбойникам из любопытства, в варианте № 65 — чтобы тайно выйти замуж за жениха, которому родители отказали. В обоих случаях в разбойничьем доме она встречает старушку, которая рассказывает ей о злодействах, помогает ей спрятаться, а потом бежать. В варианте № 65 разбойники пускаются в погоню за девушкой, она прячется от них сначала на дереве, потом в возе соломы. Вариант № 6 редуцирован: приезд сватов от богатого жениха; тайное посещение девушкой дома жениха, предпринятое из любопытства; обнаружение разрубленных трупов; возвращение домой; вторичный приезд сватов; рассказ девушки о страшном «сне», трижды прерываемый женихом словами, отчасти схожими с репликами пушкинского жениха (по мнению Р. В. Иезуитовой, это единственный вариант из записанных Чернышевым, который не исключает знакомства сказителей с пушкинским текстом, — см.: *Иезуитова Р. В. «Жених» // Стих. П. 1820—1830 гг. С. 39*). Вариант № 1 существенно модифицирован (он соответствует № 956В по классификации Аарне—Томпсона), общими здесь остаются мотивы сватовства разбойников, их вторичного появления в доме девушки и подробности ее бегства (как в варианте № 65 она прячется на дереве и в возе соломы). Этот вариант сказочного сюжета был использован в повести М. П. Погодина «Васильев вечер» (1831; Погодину, который редактировал «Московский вестник», где был напечатан «Жених», пушкинская версия сюжета была, несомненно, известна — см.: *Иезуитова Р. В. «Жених». С. 55—56*).

Записи Чернышева служат подтверждением того, что сюжетной основой «Жениха» стала сказка, услышанная Пушкиным в Михайловском.

Выдвигалась и иная гипотеза, согласно которой источником пушкинского стихотворения явилась сказка «Жених-разбойник» («Der Räuberbräutigam», № 40) из собрания Я. и В. Гриммов (J. Grimm; 1785—1863; W. Grimm; 1786—1859) «Детские и семейные сказки» («Kinder- und Hausmärchen», 1812—1815). Впервые на этот источник указал Н. Ф. Сумцов, назвав сказку братьев Гримм в числе многих других вариантов сюжета о женихе-разбойнике (см.: Сумцов. С. 283—284). Вопрос о гриммовской сказке был подробно рассмотрен в статье А. М. Кукулевича и Л. М. Лотман, которые пришли к выводу, что именно немецкая сказка послужила отправной точкой для пушкинского сюжета (см.: *Кукулевич А. М., Лотман Л. М. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». С. 81—86*). Данная версия получила весьма широкое распространение (см., например, примеч. Б. В. Томашевского: 1) *Пушкин А. Соч. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1937. С. 916*; 2) *Акад. в 10 т. (2) Т. 4. С. 578*; ср. другое примеч. Б. В. Томашевского к «Жениху»: Пушкин 1955. Т. 2. С. 571, где, напротив, утверждается, что «Жених» основан «на мотивах русской народной сказки о девушке и разбойниках»; см. также: Томашевский. Пушкин, II. С. 103—104; *Данилевский Р. Ю. Немецкая литература // П. и мировая литература. С. 221*). Между тем в статье А. М. Кукулевича и Л. М. Лотман выводы о прямом использовании Пушкиным сказки из собрания братьев Гримм делались без учета, во-первых, всего массива фольклорных текстов, среди которых важное место принадлежало записям В. И. Чернышева, а во-вторых, истории публикации сказки «Der Räuberbräutigam», претерпевшей значительные изменения в процессе издания Гриммами собрания своих сказок. Об истории этой сказки и переменам в ее тексте сюжетного, мотивационного и идейно-стилистического характера см.: *Schmidt K. Die Entwicklung der Grimmschen Kinder- und Hausmärchen seit der Urhandschrift*

nebst einem kritischen Texte der in die Drucke übergegangenen Stücke. Halle, 1932. S. 44, 51, 65, 67—68, 69, 70; *Гримм Я., Гримм В.* Сказки: Эленбергская рукопись 1810 [г.] с комментариями / Вступ. статья, коммент., библиография А. С. Науменко. М., 1988. С. 375—377. Сравнивая пушкинское произведение с немецкой сказкой, А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман использовали текст, появившийся в гриммовских изданиях уже после смерти Пушкина и обладавший, по сравнению с двумя первыми изданиями 1812 и 1819 гг., рядом дополнений; одно из таких дополнений было включено исследователями в перечень тех мест, которые должны были свидетельствовать о прямом использовании автором немецкого источника (указано: *Striedter Ju.* Zur Entstehungsgeschichte von Puškins «Ženich» // *Lingua viget: Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky.* Helsinki, 1965. S. 135—136; там же отмечены те подробности пушкинского произведения, которые не имеют соответствий в немецкой сказке, но находят свои параллели в русском сказочном фольклоре). М. К. Азадовский не исключал, что с помощью друзей, владевших немецким языком, Пушкин мог познакомиться с собранием братьев Гримм уже в 1820-х гг., но реальных следов подобного знакомства в творческой работе поэта ранее начала 1830-х гг. не обнаруживается. В библиотеке Пушкина имелось анонимное французское издание 1830 г. (см.: Библиотека П. № 1482) — перевод избранных сказок Гриммов, появившийся после выхода в 1825 г. так называемого малого гриммовского собрания; во Франции избранные немецкие сказки выходили и до 1830 г.; их русский перевод (с французского) появился в России в 1826 г. (см.: *Азадовский М. К.* Литература и фольклор. Л., 1938. С. 82—83). Следует отметить, что в малое гриммовское собрание, принесшее сказкам братьев Гримм европейскую известность, «Жених-разбойник» включен не был.

В качестве источника пушкинского сюжета называлась также народная песня-баллада «Пропавшая дочь купца» (*Долгова Н. М.* К вопросу об источниках баллады А. С. Пушкина «Жених» // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1958. Вып. 48. Сер. филол. С. 27—36). Однако нет никаких оснований считать, что в 1824 г. эта песня, получившая, как указывает Н. М. Долгова, распространение в Нижегородском крае, была известна Пушкину. Об истории изучения фольклорных источников пушкинского стихотворения см.: *Иезутова Р. В.* «Жених». С. 37—42.

В поэтической практике 1810—1820-х гг. из народной сказки заимствовались отдельные образы, мотивы и сюжеты, чаще всего — самая общая сюжетная схема, литературная обработка которой не предполагала передачи конкретных жанровых или языковых особенностей фольклора (*Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 106; см. также: *Иезутова Р. В.* «Жених». С. 42—43). «Жених» выделяется на этом фоне не только близким следованием поэтического текста за сказкой, но также и тем, что мотивы, привнесенные Пушкиным в сказку, даны с очевидным знанием фольклорных и этнографических подробностей. Таковы, в частности, нашедшие отражение в «Женихе» элементы свадебной обрядности: эпизод сватовства, с ярко выписанной фигурой свахи, на все лады, как это и подчеркивается народными пословицами (например: «Никто против свахи не соврет»), расхваливающей жениха-разбойника (см.: *Сумцов. С. 277*); так называемое малое рукобитье с выражением невестой покорности родительской воле; варка меда (пива); вывод к столу невесты с плачем и песнями подружек; пир (ритуальное значение изображенного в произведении пира не вполне ясно: это или так называемые заручины, или первый (до венчания) день свадьбы). Сохранились пушкинские записи свадебных песен с пояснениями этно-

графического характера, в том числе из Псковской губернии, относящиеся, как считают комментаторы, ко времени более позднему, чем ссылка 1824—1826 гг. (см.: Рыкоу П. 1997. С. 370—394).

Предельно насыщен фольклорными элементами и язык «Жениха». Во-первых, это разного рода повторяющиеся конструкции: синтаксический параллелизм («Не век девицей вековать, / Не все касатке распевать», «На первом месте брат большой, / По праву руку брат меньшей...»), точные или синонимические повторы («Тужила мать, тужил отец»), в том числе отсутствующие в литературной речи повторения предлогов («Раз у тесовых у ворот»), корневые повторы («диву дивовалась», «током слезы точит»), подхваты с единоначатием («Опять румяна, весела, / Опять пошла с сестрами»), эпифора («Он, поравнявшись, поглядел, / Наташа поглядела», повторяющийся финал двух строк «...голубица / Красавица-девица»), эпифорическая рифма («И током слезы точит, / А старший брат свой нож берет, / Присвистывая точит»), анафора («К Наташе стали приступать. / Наташа их не слышит», «И долго приступали, / И отступились наконец»). Во-вторых, лексические элементы, опирающиеся на живую народную речь и способствующие воссозданию фольклорной стилистики: постоянные эпитеты («лихая тройка», «гости честные», «невеста красная»), просторечная лексика, в том числе акцентная («без памяти вбежала», «парень», «невеста тужит», «прямая небылица», «сударь», «светло»), народная фразеология и афористика («У вас товар, у нас купец», «смертию казнен»), усеченные прилагательные («по праву (леву) руку»), уменьшительно-ласкательные формы существительных («детушки»), просторечные антонимы (с приставками *при-*, *от-*: «приступали»—«отступились») (см.: Кукулевич А. М., Лотман Л. М. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». С. 78; Томашевский. Пушкин, II. С. 100). По мнению Б. В. Томашевского, «Пушкин свободно обращается к народным формулам, но не считает нужным связывать себя подражанием народному языку на протяжении всего произведения. Народные обороты внедряются в собственную речь автора, не контрастируя с ней, а создавая некоторое единство, связывающее разнородные элементы без их резкого противопоставления» (Томашевский. Пушкин, II. С. 101). О включении в стилизацию народнопоэтической речи церковнославянизмов, а также собственно литературных, чуждых фольклору художественных элементов см.: Шнеерсон М. А. Фольклорный стиль в сказках Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1939. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 177.

Неоднократно отмечалась близость к сну Наташи сна Татьяны в пятой главе «Евгения Онегина», писавшейся в Михайловском в 1826 г. «Пир, на котором председательствует Онегин, напоминает пир, на котором первое место занимает жених-разбойник» (Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 161; см. также: Тудоровская Е. А. Становление жанра народной баллады в творчестве А. С. Пушкина // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 70—71; см. также ниже, в построчных примечаниях). Показательно, что в процессе работы над черновым автографом героиня стихотворения звалась не только Наташей, но и Татьяной, а героиня романа в стихах в черновом автографе второй главы была названа Наташей: «Ее сестра звалась... Наташа» (Акад. Т. 6. С. 289).

Оценивая отличие пушкинского сюжета от сказочного, Б. В. Томашевский писал: «Такое развитие рассказа мало похоже на сказочное повествование, но возможно в балладе» (Томашевский. Пушкин, II. С. 104). Пушкин дважды печатал «Жениха» с подзаголовком «Простонародная сказка» и в 1834 г. включил произведение

в план издания, озаглавленный «Простонародные сказки» (см. выше). Лишь в рукописи Собр. ст. 1836 г. «Жених» был помещен в отдел «Баллады и песни». Тем не менее связь произведения с балладным жанром безусловно осознавалась Пушкиным изначально. Избранная им форма строфы совпадает с формой строфы баллады Г. А. Бюргера (Bürger; 1747—1794) «Ленора» («Lenore», 1773), в которой чередуются четырехстопные (с мужскими рифмами) и трехстопные (с женскими рифмами) ямбы (по схеме aBaVccDD). В переводах «Леноры» В. А. Жуковского («Людмила», 1808) и П. А. Катенина («Ольга», 1816) строфа не соблюдалась, она была передана в приближенном к оригиналу переводе Жуковского лишь в 1831 г. (баллада «Ленора»). Как указал Б. В. Томашевский, лицеисты должны были знать эту строфу, «вероятно потому, что на уроках немецкой словесности прочитывалась популярная баллада Бюргера». Строфой «Леноры» был написан в Лицее романс А. Д. Иличевского «Каприз любви» (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 98—99). Характерно для баллады, ориентированной на Бюргера, и введение диалога, использованное в «Женихе» (см.: Кукулевич А. М., Лотман Л. М. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». С. 75, 77).

Выбор Бюргеровой строфы позволяет думать, что, приступая к работе над «Женихом», Пушкин помнил о полемике, возникшей в 1816 г. по поводу переложений «Леноры»: «изящной, идеализированной и мечтательной баллады» Жуковского и «народной, просторечной, грубоватой» баллады Катенина (Томашевский. Пушкин, II. С. 98). На преимущества Жуковского указывал Н. И. Гнедич в статье «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора“» (СО. 1816. Ч. 31. № 27), на преимущества Катенина — А. С. Грибоедов, ответивший Гнедичу в статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“» (СО. 1816. Ч. 31. № 30). Эту полемику Пушкин упоминал и в 1820 г. в статье «Мои замечания об русском театре», и в 1833 г. в заметке о сочинениях Катенина: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бюргеровой „Леноры“. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который (...) ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания; он написал „Ольгу“. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнение в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» (Акад. Т. 11. С. 220—221). По замечанию Томашевского, те же вопросы стояли перед Пушкиным при создании «Жениха». Решая их, он скорее склонялся к образцам «народных» баллад Катенина («Наташа» (1814), «Ольга», «Убийца» (1815), «Леший» (1816)), но в отличие от него стремился создать народный колорит не за счет акцентированной грубости языка, а за счет более мягко окрашенных народных форм речи (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 98—99).

Естественно, что Катенин с большой заинтересованностью отнесся к появлению «Жениха» в «Московском вестнике». 10 сентября 1827 г. он писал Н. И. Бахтину о Пушкине: «Пришлите мне однако его „Наташу“, из некоторых слов его я подозреваю, что это род подражания или состязания с моею, а потому любопытен ее прочесть» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века. СПб., 1911. С. 95). 28 ноября 1827 г. в письме к Бахтину Катенин отзывался о балладе: «„Наташа“ Пушкина очень дурна, вся спита из лоскутьев, „Светлана“ и „Убийца“ окражены бессовестно и во всем нет

никакого смысла. Правда и то, что ему незачем стараться: все хвалят» (Там же. С. 100—101). При всей предвзятости, отзыв дает точные указания на те образцы баллады в русском народном стиле, которые учитывал в своей работе Пушкин. Что же касается опыта Катенина как автора «Убийцы», то Пушкин, по мнению Г. А. Гуковского, решительно не принял в нем «морализма и идеи рока» (Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 162). Возможно, именно это расхождение дало Катенину повод утверждать, что «Жених» не имеет «смысла».

В немногочисленных критических отзывах о «Женихе» говорилось как о свидетельстве народности творчества Пушкина. В рецензии на стихотворную повесть А. Ф. Вельтмана «Муромские леса» отмечалась «очень милая народная сказка» Пушкина «Жених» (СПч. 1831. № 135. 19 июня; подпись: «-в-»). В статье «Стихотворения Александра Пушкина. 3-я часть» Е. Ф. Розен писал, что Пушкин «своей народною балладою „Наташа“ доказал, «до какой степени он освоился с русским духом» (СПч. 1832. № 81. 7 апр.; П. в критике, III. С. 175). В статье «„Борис Годунов“. Сочинение Александра Пушкина» Н. А. Полевой указал на «Жениха» как на одно из образцовых проявлений «самобытной народности» (МТ. 1833. Ч. 49. № 1. С. 146—147; П. в критике, III. С. 214).

Прозаический перевод баллады на французский язык, выполненный П. де Жюльекуром, вошел в состав сборника «La Balalayka, chants populaires Russes et autres morceaux de poésie, traduits en vers et en prose, par P. De Julvécourt» (Paris, 1837. P. 45—55).

Ст. 15—16. *Опять пошла с сестрами Сидеть за воротами.* — Ср. в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова, которое Пушкин хорошо знал: «Как у нашева широкова двора / Собирались красны девушки в кружок» (Чулков. 1780—1781. Ч. 1. С. 176. № 167; указано: Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина : (Баллады и сказки). Черновцы, 1960. С. 25; см. там же. С. 26, примеч. 31).

Ст. 60. *Да в церковь с образами?* — Жениха и невесту сопровождали в церковь иконы, которыми их благословляли родители. Иногда «благословенную икону» нес впереди при выходе из дома мальчик (например, брат невесты). См.: Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2 : Свадьбы. С. 192, 225.

Ст. 69. *Не век девицей вековать...* — Ср. в записи псковского свадебного обряда отцовское увещевание дочери: «Что же делать, мое дитяtko! Не вековати век в девушках» (Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 2. С. 147; Слонимский А. Мастерство Пушкина. С. 159).

Ст. 95. *Поют подружки, плачут...* — Знакомство Пушкина с русской свадебной причетью отразилось в его записях народных песен. В «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (глава «Браки», 1834—1835) он писал: «Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный» (Акад. Т. 11. С. 255).

Ст. 117—118. *...в глуши Не слышно было ни души...* — Ср. в сне Татьяны (строфа XV пятой главы «Евгения Онегина»): «Кругом все глушь...» (Акад. Т. 6. С. 104).

Ст. 121—122. *И вдруг, как будто наяву, Изба передо мною.* — Ср.: Там же. С. 103: «Вдруг меж дерев шалаш убогий».

Ст. 132 и след. *На серебро, на золото...* — Ср. с описанием дома семи богатырей в сказке «О мертвой царевне и о семи богатырях» (1833):

...кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
(Акад. Т. 3. С. 545)

Ст. 134. *На новгородскую камчу...* — А. М. Мартынов в статье «Подробный обзор стихотворений А. С. Пушкина» писал, что поэтом «неправильно употреблено „камчу” вместо „камку”» (Маяк. 1843. Т. 11. С. 91—92). Р. М. Волков подчеркивал, что «форма „камча” не встречается в народных песнях» (Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. С. 32). В ряде словарей значения слов «камча» (с единственным примером из «Жениха» Пушкина) и «камка» (шелковая узорчатая ткань, упоминаемая в «Песнях о Стеньке Разине» (1824—1826)) отождествляются (впервые: Даль. Т. 2. Стб. 203, 204; см. также: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. Т. 5. Стб. 739; СЯП. Т. 2. С. 292). Форма «камча» могла быть диалектной, однако ни в одном из диалектных словарей она не зарегистрирована. Возможно также, что под «камчой» подразумевалось новгородское изделие — камчатное (камчатое) льняное узорчатое полотно — см.: Березкина С. В. Камка хрущатая и камча новгородская в стихах Пушкина // Русская речь. 2005. № 5. 115—119.

Ст. 137. *Вдруг слышу крик и конский топ...* — Ср. в строфе XVII пятой главы «Евгения Онегина»: «Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людская мольв и конский топ!» (Акад. Т. 6. С. 104). В примечании к этим стихам Пушкин писал: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *мольв* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. „Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую мольв и конский топ” («Сказка о Бове Королевиче»). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*: Он шип пустил по-змеиному («Древние русские стихотворения»). Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (Акад. Т. 6. С. 193—194; см. также в ранней редакции «Опровержения на критики» — П. в критике, II. С. 295—296). Пушкин полемизирует с мнениями, высказанными в рецензии М. А. Дмитриева на четвертую и пятую главы «Евгения Онегина» (Атеней. 1828. Ч. 1. № 4; П. в критике, I. С. 54) и в статье Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ. 1828. № 22. С. 88—89). Об ошибочности формы «топ» писал впоследствии А. М. Мартынов (Маяк. 1843. Т. 11. С. 92). Слово «топ» еще раз употреблено Пушкиным в ст. 1 третьей из «Песен о Стеньке Разине»: «Что не конский топ, не людская мольв...».

Ст. 145 и след. *Взошли толпой, не поклонясь...* — Народная оценка подобного поведения видна на примерах из былины «Калин царь» по сборнику Кириши Данилова. О татарине:

Бежит он во гридню во светлую,
А Спасову образу не молится,
Владимеру князю не кланется
И в Киеве людей ничем зовет.

Илья Муромец, напротив:

Идет во гридню во светлую,
Он молится Спасу со Пречистою,

Бьет челом князю со княгиною
И на все четыре стороны.

(Древние российские стихотворения,
собранные Киришею Даниловым.
2-е изд., доп. М., 1818. С. 244, 246)

См.: Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. С. 33.

Всю строфу (ст. 145—152) С. М. Бонди особо выделял как образец того, как умело Пушкиным снималось «видимое несоответствие произведения, прекрасно выдержанного в русском народном характере, с немецкой метрической балладной формой»; это осуществлялось «благодаря удивительно умелому распределению фраз, синтаксических построений, народных параллелизмов» (Бонди С. М. Народный стих у Пушкина // Бонди. Статьи. С. 390).

Ст. 153. Крик, хохот, песни, шум и звон... — Ср. в сне Татьяны (строфа XVII пятой главы «Евгения Онегина»): «Лай, хохот, пенье, свист и хлоп...» (Акад. Т. 6. С. 104).

ВИНОГРАД

(«Не стану я жалеть о розах...»)

(С. 67 и 296)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 38 — черновой, с иллюстрацией (кисть винограда); записано карандашом в нижней части листа, под автографом стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 17 (краткая характеристика автографа); АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 349—350 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина); Акад. Т. 2. С. 870—872 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: Ст 1826. С. 71 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1820»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 91 (отдел стихотворений 1820 г.), с пунктуационным отличием в ст. 3, вероятно, исправляющим ошибочную пунктуацию Ст 1826, где этот стих читался: «Мне мил и виноград, на лозах». Перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 84, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется ноябрем 1824—июлем 1825 г. Основная часть л. 38 в тетр. ПД 835 заполнялась чернилами в начале ноября 1824 г. (см. примеч. к расположенным на этом листе стихотворениям «Пока супруг тебя, красавицу младую...» и «Фонтану Бахчисарайского дворца» — наст. т., с. 969 и 563). Карандашный черновой автограф стихотворения «Виноград», расположенный в самом низу листа, мог быть вписан значительно позже на оставшееся незаполненным место. Поскольку стихотворение не вошло в Капнистовскую тетрадь (см. о ней наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330—352), отосланную в Петербург 15 марта 1825 г., велика вероятность того, что оно было написано позже этого времени (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 63). Нижняя граница датировки определяется по письму С. М. Салтыковой, будущей жены А. А. Дельвига, к А. Н. Семенову от 30 июля 1825 г.: «Ах, я забыла

полакомить тебя новыми стихами Пушкина, вот они (это с турецкого)...», далее следует текст стихотворения «Виноград» (Модзалевский Б. А. Пушкин, Дельви́г и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельви́г // Модзалевский. С. 265).

Во многих изданиях стихотворение, так же как «Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья?..») (1824), «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824) и «О дева-роза, я в оковах...» (1824—1825), печаталось в отделе 1820 г. в соответствии с авторской датировкой в Ст 1826 и Ст 1829, без учета положения автографа в рабочей тетради. См. об этом примеч. к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца» (наст. т., с. 563—565).

Дата «1820» под стихотворением «Виноград» в Ст 1826 и Ст 1829 отсылала читателей к южному периоду жизни Пушкина. В «Отрывке из письма к Д.» (1824—1825) Пушкин писал: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом» (Акад. Т. 8. С. 437). Стихотворение, однако, «могло отражать не только крымские, но и одесские, и бессарабские впечатления Пушкина» (Богач Г. Далеке северной столицы: О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск, 1979. С. 101).

Первоначальные записи автографа (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 296—298) говорят о том, что Пушкин начал создавать произведение под впечатлением овладевшего его воображением живописного образа. Именно поэтому первым из-под пера поэта вышло четверостишие с описанием винограда (в конечном итоге оно стало вторым). Предполагалось перечисление и других даров южной природы: фиги, плоды шелковицы (см. там же, с. 297). Этот план Пушкин оставил ради возникшего в ходе творческой работы контрастного сопоставления образов розы, широко распространенного символа прекрасной, но быстротечной юности (весны), и винограда, щедрого дара плодоносной осени (в контексте произведения она символизирует зрелую пору жизни). См.: Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 94. Уподобление жены плодовой лозе встречается в 127-м псалме (ст. 3): «Жена твоя яко лоза плодovита в странах дому твоего» (см.: Мазур Н. Н. Еще раз о дева-розе: (В связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4. С. 363).

И. С. Брагинский, отметивший черты «западно-восточного литературного синтеза» в стихотворении Пушкина, указал на близость контраста, положенного в его основу, противопоставлению «весна—осень», воплощенному в двух книгах Саади — «Гулистан» (что означает «Цветник» весенних роз) и «Бустан («Сад» созревших осенью плодов и виноградных лоз) (Брагинский И. С. Проблемы востоковедения: Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974. С. 329—330). Правомочность рассмотрения стихотворения в контексте восточной стилистики подтверждается тем, что в рукописи Собр. ст. 1836 г. оно вошло в отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям», а также процитированным выше письмом С. М. Салтыковой, в котором пояснение «это с турецкого», по-видимому, дано со слов какого-то не дошедшего до нас письма Пушкина к Дельви́гу. Однако степень, характер и источники знакомства Пушкина с сочинениями Саади остаются невыясненными (см.: П. и мировая литература. С. 298—300 (статья В. Д. Рака)).

Существует не подкрепленная документальными основаниями гипотеза о том, что высказанное в стихотворении «предпочтение зрелой красоте красоте юной» отражает отношения Пушкина с А. Н. Вульф (см.: Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // Врем. ПК. Вып. 25. С. 107—

108). Л. М. Аринштейн отмечает «типологическую» близость стихотворений «Виноград» и «Цветы последние милей...» (1825), считая, что оба они содержат намек на предпочтение, которое может быть отдано немолодой женщине (Аринштейн Л. М. Пушкин : Непричесанная биография. М., 1998. С. 80).

В воспоминаниях В. П. Горчакова содержится вымышленный рассказ о чтении Пушкиным стихотворения «Виноград» в Кишиневе (см.: П. в восп. Т. 1. С. 249). Мемуарист несомненно был спровоцирован датой «1820», под которой печаталось произведение.

Ст. 7 — 8. *Продолговатый и прозрачный, Как персты девы молодой.* — В копии стихотворения из архива Мухановых, сделанной, по-видимому, при жизни Пушкина, к последнему стиху дано примечание: «Есть сорт винограда, называемый пармак-изюм (перст виноград)» (ГИМ, ф. 117, № 266, л. 3) (указано А. С. Бодровой). Современное название — «Дамские пальчики» (от тюркск. *kadın parmak* — женский палец). Виноград этого сорта Пушкин мог встречать как в Крыму (см.: Марков Е. Л. Очерки Крыма : Картины крымской жизни, природы и истории. Симферополь, 1995. С. 264), так и в Молдавии (см.: А. П. К. Бесарабия в произведениях Пушкина // РА. 1901. Кн. 2. № 5. С. 131). Кисть такого винограда изображена на рисунке рядом с автографом произведения.

«О ДЕВА-РОЗА, Я В ОКОВАХ;...»

(С. 68 и 298)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 35 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 14 (ст. 1—2 в виде сводки); Майков. Материалы. С. 73 (неполная и неточная сводка по верхнему слою автографа; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 351 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: Ст 1826. С. 89 (отдел «Разные стихотворения»), под заглавием: «Подражание турецкой песне», с датой в оглавлении: «1820». Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 92 (отдел стихотворений 1820 г.), без заглавия, с подзаголовком в оглавлении: «Подражание турецкой песне».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется концом октября 1824 г. — первой половиной сентября 1825 г. Верхняя граница устанавливается предположительно по положению чернового автографа на л. 35 тетради ПД 835 под черновиком эпиграммы «Дружба» на том же основании, что и верхняя граница датировки этой эпиграммы (см. примеч. к ней — наст. т., с. 658). Нижняя граница определяется по упоминанию «Подраж(ан)ия турец(кой) песне» в оглавлении Ст 1826, содержащемся в письме П. А. Плетнева от 26 сентября 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 233) и дате представления в цензуру Ст 1826 (25 сентября 1825 г. — РГИА, ф. 777, оп. 27, № 191, л. 34 об. — 35). Черновик стихотворения мог быть вписан на оставшейся свободной нижней части л. 35 значительно позже конца октября 1824 г. Поскольку оно (как и эпиграмма «Дружба») не вошло в Капнистовскую тетрадь (см. о ней наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330—352), отосланную

в Петербург 15 марта 1825 г., велика вероятность того, что оно было написано позже этого времени (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 63).

Во многих изданиях стихотворение, так же как «Ч(аада)ву» («К чему холодные сомненья...») (1824), «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824) и «Виноград» (1824—1825), печаталось в отделе 1820 г. в соответствии с авторской датировкой в Ст 1826 и Ст 1829, без учета положения автографа в рабочей тетради (подробнее см. об этом примеч. к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца» — наст. т., с. 563—565). В связи с «крымской» датировкой высказывалось предположение об адресации стихотворения Ел. Н. Раевской (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 549; Венг. Т. 2. С. 551, примеч. П. О. Морозова; Пол. Т. 1. С. 91), справедливо отвергнутое как безосновательное еще Н. Ф. Сумцовым (см.: Сумцов. С. 178); впрочем, не имеет документальных оснований и позднейшая гипотеза С. А. Кибальника (*Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // Врем. ПК. Вып. 25. С. 110—111*) об адресации текста, датировемого 1824—1825 гг., Е. Н. Вульф.

3 октября 1823 г. К. Ф. Рылеев писал В. И. Туманскому о планах издания альманаха «Полярная звезда»: «Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую песню и маленькую пиэску к малютке, которые здесь ходят по рукам» (*Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 473*). По мнению Т. Г. Цявловской, речь шла о стихотворении «О дева-роза, я в оковах...» (см.: *Летопись 1991. С. 367; Летопись 1999. Т. 1. С. 344*). Однако Рылеев, по всей вероятности, имел в виду вошедшую в состав поэмы «Бахчисарайский фонтан» «Татарскую песню», которая в тетр. ПД 831 (л. 70) записана под заглавием «С турецкого». Известно, что в 1823 г. отрывки из не опубликованного еще «Бахчисарайского фонтана» распространялись в списках за пределами Одессы (см.: *Проскурин 2007. С. 292—293, 316—318, 2-я паг.*).

Образ соловья, влюбленного в розу, — топос, пришедший в европейскую и русскую лирику из персидской поэзии через переводы таких авторов, как Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030), Низами (1141—ок. 1209), Руми (1207—1273), Хафиз (ок. 1325—1389 или 1390), Джами (1414—1492), и ставший «штампом европейского преромантического (а потом и романтического) ориентализма» (Там же. С. 332, 2-я паг.). Как характерная принадлежность ориентальной поэзии этот образ отмечался в антологиях и специальных статьях, посвященных поэзии Востока, где часто приводилось персидское именование соловья («bulbul»; ср. «Бюльбюль» в черновом варианте ст. 3). См. замечание П.-Л. Женгене (*Ginguené; 1748—1816*) об арабской поэзии в известной Пушкину «Истории литературы Италии»: «Chez eux (les Arabes), tout est vivant et animé. (...) la rose charge le zéphyr de messages pour le rossignol; le rossignol décrit les beautés de la rose; les amours de la rose et du rossignol forment une mythologie charmante qui revient à chaque instant dans leurs vers...» («У них (арабов) все живо и одушевлено. (...) роза передает зефиру послания для соловья; соловей воспеваает красоту розы; любовь соловья и розы составляет предестный миф, который на каждом шагу встречается в их стихах... — *фр.*) (*Ginguené P. L. Histoire littéraire d'Italie. Paris, 1811. Т. 1. P. 231*).

Топос «соловей и роза» был широко использован Дж. Г. Байроном и Томасом Муром (*Moore; 1779—1852*) в восточных поэмах, которые могли послужить источ-

никами-посредниками для Пушкина. См., например, в зачине «Гяура» («The Giaour», 1813) во французском переводе А. Пишо (Pichot), которым пользовался Пушкин: «C'est là que l'on rencontre dans les vallées et sur les collines la rose amante du rossignol. C'est pour cette aimable fleur que le chantre des nuits compose ses airs les plus tendres...» (Там, в долинах и на холмах, можно встретить розу, возлюбленную соловья. Этому прелестному цветку ночной певец слагает самые нежные песни... — фр.)» (Byron 1820—1822. Т. 2. Р. 7). В примечании к этим стихам Байрон поясняет: «Les amours du Rossignol et de la Rose sont une fable orientale bien connue. Le Bulbul des mille contes d'amour est, je crois, un des noms de l'amant de la Rose» (Любовь соловья и розы — известная персидская сказка. Бюльбюль тысячи любовных песен, если я не ошибаюсь, — одно из имен возлюбленного розы — фр.) (Byron 1820—1822. Т. 2. Р. 49). На распространенность этого образа у восточных поэтов Т. Мур указывал в примечании к поэме «Лалла Рук» (*Moore Th. Lalla Roukh, an Oriental Romance*. 3rd ed. London, 1817. Р. 243; *Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole, histoire orientale / Trad. de l'anglais par le traducteur des Œuvres de Lord Byron [A. Pichot]. Paris, 1820. Т. 2. Р. 85*). В самой поэме Мур также несколько раз обращается к тому же мотиву. См. во французском переводе Пишо: «Ah! plutôt, la rose de mai méconnaîtrait son rossignol, et ouvrirait aux chants d'un autre ménestrel du bocage le voile de pourpre de son sein. Mais la voix, le souffle de ce qu'il aime, ne peuvent être méconnus de l'amour» (*Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole*. Т. 2. Р. 84—85; в переводе Н. А. Бестужева: «Скорее майская роза не узнает своего соловья, и при песнях другого певца рошдей развернет пурпуровые листочки, но голос, но дыхание любезного, не могут остаться не узнаны любовью» — Соревн. 1821. Ч. 16. № 12. С. 264); «...qu'importe au rossignol si sa rose chérie n'y est pas?» («...что соловью до того, если его возлюбленной розы нет рядом?» — фр.) (*Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole*. Т. 2. Р. 162). Ср. также тесно связанные образы соловья и розы в «романсе» Зелики: «Il est un berceau de roses près des ondes de Bendemire, où le rossignol chante depuis l'aurore jusqu'au retour des ombres du soir. Aux jours de mon enfance, c'était pour moi comme un rêve de bonheur de m'asseoir sur les roses, et d'écouter cet oiseau mélodieux» (Близ вод Бендемира есть беседка роз, соловей там поет от зари до возвращения ночной тени. В дни моего детства мечтой о счастье было для меня сидеть у роз и слушать эту певучую птицу — фр.) (*Ibid.* Т. 1. Р. 114). Вольный перевод «романса» был сделан И. И. Козловым в 1823 г.:

Есть тихая рошда у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той рошде любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и мела душой

(Ил. 1823. № 5. С. 79—80)

На ориентальное происхождение пушкинского мотива «соловья и розы» указывает его появление в поэме «Бахчисарайский фонтан» (1822—1823), ориентированной на «восточные повести» Байрона и Мура: «Одни фонтаны сладкозвучны / Из мраморной темницы бьют, / И с милой розой неразлучны / Во мраке соловьи поют» (Акад. Т. 4. С. 163; о возможном влиянии на этот фрагмент описания из «Гяура»

см.: Проскурин 2007. С. 332, 2-я паг.). Травестийное использование того же образа, по времени близкое к созданию стихотворения, намечено в черновом варианте строфы XXIVГ четвертой главы «Евгения Онегина», писавшейся, как указано С. А. Фомичевым, в январе 1825 г. (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 43) в той же тетради ПД 835 (л. 53 об.): «Певец не свищет на(д) водами / Фиалок нет и вместо роз / В полях растоптаный навоз» (Акад. Т. 6. С. 360). Вместо слова «певец» первоначально было записано «Бюльбюль», как и в черновике стихотворения «О дева-роза, я в оковах...». Позднее тот же ориентальный сюжет Пушкин использует в стихотворении «Соловей и роза» (1827).

Ст. 1 — 2. *О дева-роза, я в оковах; Но не стыжусь твоих оков...* — Формула «дева-роза», затем повторенная в «Пире во время чумы» (1830): «И Девы-Розы пьем дыханье. / Быть может — полное Чумы!» (наст. изд., т. 7, с. 172), отсылает к обширной топике, основанной на уподоблении девушки розе (см. об этом: Мазур Н. Н. Еще раз о дева-розе : (В связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4. С. 345—378). Метафорическое сравнение влюбленности с пленом традиционно для любовной поэзии. См., например: «Je triomphe en mes fers, je me baigne en mes larmes. / Je crains la liberté comme la guérison» (Я торжествую в моих оковах, я омываюсь слезами. / Я боюсь свободы как выздоровления — *фр.*) (Malleville C. Sonnet IX // Malleville C. Poésies. Paris, 1649. P. 11); «C'en est fait, j'ai brisé mes chaînes, / Amis, je reviens dans vos bras: / Les belles ne vous valent pas...» (Свершилось, я разбил свои оковы, / Друзья, я возвращаюсь в ваши объятия, / Красавицы не стоят вас... — *фр.*) (Parny E. de. La Re chute // Parny E. de Œuvres. Paris, 1808. Т. 1. P. 41); «Я был твоим жрецом, Киприды милый сын! / До гроба я носил твои оковы нежны...» (К. Н. Батюшков «Элегия из Тибулла : Вольный перевод» (опубл. 1815) — Батюшков. Соч. 1934. С. 63); «Так! всюду образ мой увидишь пред собою, / Не в виде прежнего любовника в цепях, / Который с нежностью сквозь слезы упрекает...» (К. Н. Батюшков «Мнение : Из Парни» (опубл. 1816) — Батюшков. Соч. 1934. С. 69). См. также в лирике самого Пушкина: «Так я премены / Сладость вкусил; / Гордой Елены / Цепи забыл. / Сердце, ты в воле! / Все позабудь; / В новой сей доле / Счастливо будь. / Только весною / Зефир младою / Розой пленен...» («Измены» («Всё миновалось!..») (1815) — наст. изд., т. 1, с. 99); «...Амур, уж я не твой, / Отдай мне радости, отдай мне мой покой / <...> / Иль дай еще летать Надежды на крылах, / Позволь еще заснуть и в тягостных цепях / Мечтать о сладостной свободе» («Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») (1816) — там же, с. 214).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф (ПД 835, л. 35). Ст. 3 Б, а. *Бюльбюль* — соловей (турецк., искаженное перс. «боль-боль»). Помимо указанных выше примечаний к «Гяуру», персидское именование соловья — «bulbul» — употреблено в первой песни «Абидосской невесты». См. во французском переводе А. Пишо: «Cette fleur porte un message de Bulbul pour calmer le chagrin de mon frère» (Этот цветок хранит послание Бюльбюля в утешение моему брату — *фр.*) (Vuyon 1820—1822. Т. 1. P. 285). См. также в поэме Томаса Мура «Лалла Рук» в переводе того же Пишо: «...lorsqu'elle

chantait sur son luth attendri, il y avait dans le son de sa voix ce mélange d'extase et de douleur qui respire dans les accens de Bulbul...» («...когда она пела, подыгрывая себе на нежной лютне, в звуках ее голоса была та смесь восторга и боли, которая слышится в пении Бюльбюля... — фр.») (*Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole. T. 1. P. 59*).

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ
(«Что смолкнул веселия глас?...»)
(С. 69 и 299)

Автограф неизвестен.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Стихотворения лирические»).

Впервые: Ст 1826. С. 79 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1825»), со строфическим делением между ст. 8 и 9, с опечаткой в ст. 9 («Подви-нем» вместо «Подъемем») и поправкой к нему на с. XII. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 19—20 (отдел стихотворений 1825 г.), с исправлением ст. 9, ст. 8 напечатан на с. 19, ст. 9 — на с. 20, в результате чего строфическое деление между этими стиха-ми здесь оказалось неотмеченным.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829, со строфическим делением между ст. 8 и 9. В писарской копии Собр. ст. 1836 г., готовившейся по Ст 1829, отсутствие строфического деле-ния не исправлено Пушкиным, вероятнее всего, по недосмотру.

Датируется 1825 г., не позднее первой половины сентября; год определяется в соответствии с указаниями в Ст 1826 и Ст 1829, нижняя граница датировки — по наличию заглавия «Вакхическая песнь» в оглавлении Цензурной рукописи Ст 1826, отправленном Плетневым Пушкину 26 сентября 1825 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 233). Возможно, стихотворение было создано позднее середины марта 1825 г., поскольку оно не было включено в Капнистовскую тетрадь (Кап), посланную в Пе-тербург 15 марта 1825 г. (см.: Томашевский. Пушкин, II. С. 84). Там же Б. В. Го-машевским было высказано предложение дополнительно сузить эту датировку, свя-зав ее со временем написания стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгно-венье...») (1825), близкого к «Вакхической песне» по своему эмоциональному настрою. Такое предложение выглядит недостаточно обоснованным.

Стихотворение тесно связано с традицией вакхической поэзии, получившей ши-рокое распространение в русской литературе 1810—1820-х гг. «...Пушкин входил в российскую литературу под неумолчный перезвон „вакхических песен“. Их писали, переписывали. Их осмеивали в метких пародиях. Их отвергали. И их снова и снова принимались писать» (*Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни» // Бол-динские чтения. Горький, 1981. С. 108*). Обращение к жанру вакхической песни предполагало использование ряда типовых мотивов и «выражений формульного характера, широко употребительных в дружеском застолье. С помощью таких сло-весных оборотов в стихотворный текст часто транспортируются ритуальные застоль-ные движения, застольная жестикауляция» (*Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...» : О коммуникативно-игровой природе студенческих вакхических песен XIX века // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 11. С. 43*). См., например: «Выпьем разом, и до дна / Море светлого вина» (*Батюшков К. Веселый час //*

ВЕ. 1810. Ч. 49. № 4. С. 281; ранняя редакция под заглавием «Совет друзьям», 1806); «Братья, рюмки наливайте! / Лейся через край вино! / Все до капли выпивайте; / Осушайте в рюмках дно!» (Карамзин Н. М. Веселый час // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1815. Ч. 2. С. 177; в журнальном варианте 1791 г. стихотворение называлось «Песня веселых»); «К устам покал!» (Са(мс)онов Д. Бакхическая песнь // Благ. 1818. Ч. 3. № 7. С. 24). Аналогичные примеры можно найти в «Песнях» Н. М. Языкова 1823 г. или «Романсе» («Вчера вакхических друзей...») (1823) А. А. Дельвига. Ср. у Пушкина: «Полнее стакан наливайте! / На звонкое дно / В густое вино / Заветные кольца бросайте!»; «Подыдем стаканы, содвинем их разом!». В вакхических песнях нередко призывы «не только <...> к винным возлияниям, но и к участию в хоровом пении <...> сама ситуация исполнения песни входит в текст как важная часть его художественно-смыслового целого» (Попов А. Н. «Там Вах торжественно смеется...». С. 43). Такой же призыв содержат ст. 1—2 пушкинского стихотворения. Для вакхической поэзии характерно наличие афористичных, иногда императивных формул (см.: Там же. С. 46): «Старец в нем находит младость, / Бедный — горестям конец» (Карамзин Н. М. Веселый час. С. 177); «Так! если Бог не сотворил / Стихий влагу драгоценну, / Он осторожно поступил — / Мы осушили бы вселенну!» (Жуковский В. Песня в веселый час // ВЕ. 1813. Ч. 67. № 1—2. С. 76—77); «Прощай, Киприда, бог с тобою! / С фиалом счастлив я: / Двоих дружишь ты меж собою, / А Вахом все друзья» (Дельвиг А. А.) Вах // Российский музей. 1815. № 6. С. 270); «Други! Нам вожди прямые / К храму славы и наук — / Лея стрелы золотые, / Рюмок звон и стук!» (Вакхическая песня // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 169, без подписи); «В сухотку стихотворства бог / Парнасских лебедей приводит; / Спасибо, гений мой восторг / На дне ковша всегда находит!» (Нечаев С. Д. Вакхическая песня // ВЕ. 1816. Ч. 86. № 8. С. 272); «Кто заботы и печали / Топит в пенистом фиале, / Тот один прямой мудрец» (Кюхельбекер В. <К.> Бакхическая песнь // Благ. 1819. Ч. 6. № 7. С. 12); «Пусть мудрецы минувших лет / Винят забавы наши; / Мы выслушаем их совет — / И опорожним чаши. / Друзья, скажите, кто из нас / В суждениях справедливей? / Они умнее во сто раз — / Мы во сто раз счастливей!» (Межаков П. К друзьям во время бури // Благ. 1821. Ч. 13. № 4. С. 193); «Мало ль подвигов свершилось / С Ноевых времен вином? / Мало ль им чудес творилось? / Чрез него... и я с умом!» (Сомов О. Бахическая песня // Благ. 1821. Ч. 13. № 6. С. 316). По большей части эти формулы имеют шутливо-ироничный характер, что определяется игровой природой вакхической поэзии. В отличие от них пушкинский императив (ст. 10—16) придает стихотворению характер возвышенного гимна солнцу, любви и разуму.

Практически во всех вакхических песнях тема вина сопрягается с темой любви. Иногда они противопоставляются друг другу: «Любовь! Тебе прости навеки я сказал, / Желая Ваху в плен отдаться; / Полвека я любил и от любви страдал, / Полвека буду напиваться» (Измайлов В. В. Вакхическая песня // Российский музей. 1815. Ч. 4. № 12. С. 233); см. также лицейское стихотворение Дельвига «Вах» или «Бакхическую песнь» Кюхельбекера. Но чаще эти две темы, как и в «Вакхической песне» Пушкина, составляют неразрывное целое: друзья сидят «с золотыми чашами в руках, / С любовью, с дружбой на устах» (Батюшков К. Веселый час. С. 282). Этот образ — общее место вакхической поэзии: см., например, стихотворения Дельвига «Застольная песня» («Други, други! радость...») (между 1814 и 1817; опубл.

1828), «Дифирамб» («Други, пусть года несутся...») (между 1814 и 1817; опубл.: Соревн. 1820. Ч. 12. № 11. С. 212, подпись: «—Д—»), «Дифирамб (1816. 15 апреля)» (опубл. 1822), «Веселый час» В. Туманского (Благ. 1818. Ч. 2. № 6. С. 279), «Вакхическую песню» С. Д. Нечаева, «Песнь пирующих» Ф. М. Рындовского (Благ. 1818. Ч. 1. № 2. С. 196—197; подпись: «Ры-ский»), «Бакхическую песнь» Д. Самсонова.

К 1820-м гг. жанр успел накопить массу штампов, которые становились предметом пародирования и осмеяния. В 1821 г. анонимный автор опубликовал в «Благонамеренном» (Ч. 13. № 3. С. 146—147; подпись: «.....»; в конце текста помета: «Москва») «Правила нынешних молодых поэтов»:

Всегда тверди сто раз одно:
«Звон чаши золотой, пенистое вино,
Восторг любви, конец желаний
Есть — сладострастие!» — Прибавь тут восклицаний;
Скажи: «Здесь счастья нет для сердца и души!» —
Примолвить не забудь, что ты всегда мечтаешь,
Что ты здесь — пьешь вино; там — счастья ожидаешь...
И вот все правила — бери перо — пиши.

В том же 1821 г. вышло стихотворение «Вакхические поэты» А. А. Крылова — пародия на вакхическую поэзию как моду, написанная в форме письма к издателю «Благонамеренного» А. Е. Измайлову (Благ. 1821. Ч. 14. № 10. С. 140—141). В ней подчеркивается бутафорский характер эпикуреизма. «Круговая чаша, бокалы, стаканы — что-то вроде театрального реквизита, подлинность которого для пародиста сомнительна. Пародист, проецируя антураж вакхических песен в реальность, рисует гротесковую картину повального пьянства на отечественном Парнасе» (Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 109; ср. также: Воейков А. Ф. К N. N. // ВЕ. 1818. Ч. 100. № 15/16. С. 200; Гудок и кубок // СО. 1819. Ч. 56. № 38. С. 229—231; подпись: «— о —»). Отказ от ценностей дружеского пира и восхвалений «вина и Вакха» становится предметом поэтической рефлексии в элегии Е. А. Баратынского «Уньнии» («Рассеивает грусть веселый шум пиров...») (СО. 1821. Ч. 67. № 3. С. 128—129).

В «Вакхической песне» Пушкина присутствуют как традиционные атрибуты пира, так и характерная для вакхической поэзии лексика, однако эпикурейская тема наполнена новым интеллектуальным содержанием. Переосмысление осуществляется на иных путях, чем в «Уньнии» Баратынского, где декларирована чуждость элегического героя дружескому кругу, объединившемуся ради вакхических радостей. Пушкинский герой остается «предводителем хора», но по мере того как «песня» становится гимном «бессмертному солнцу ума», лирическое высказывание выходит за рамки сложившейся к началу 1820-х гг. вакхической традиции.

Обновлению традиции служило сближение пушкинского текста с восходящим непосредственно к античности жанром дифирамба (ср. выше заглавия стихотворений Дельвига, свидетельствующие о том, что генетическая связь вакхической поэзии с этим жанром прекрасно осознавалась лиристами). По определению А. Ф. Мерзлякова, дифирамбам в античной поэзии принадлежала «средина между гимнами и героическими одами». «Они сочинялись первоначально для праздников Бахуса (...). Обыкновенным содержанием дифирамбов были торжественные, веселые чувствования, которые возбуждало в душе стихотворца вино, и признательное удивление к

первому его насадителю. Лирический беспорядок в целом, отважность и смелость в картинах, новые слова и обороты в языке часто преступали должные пределы в сем роде сочинения» (*Мерзляков А. Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 187—188). «Сей род поэзии требует изображений новых, неожиданных, высоких, чудесных, чувствований сильных (...). Никакой определенной формы дифирамбы не имеют...» (Из словаря древней и новой поэзии, составленного Н. Остолоповым // ВЕ. 1815. Ч. 84. № 21. С. 52). В популярном в конце XVIII—XIX в. сочинении Ж.-Ж. Бартелими (*Barthélemy; 1716—1795*) «*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire*» («Путешествие молодого Анахарсиса по Греции в середине четвертого века до Рождества Христова» — *фр.*) (1788) один из героев называет ряд жанровых признаков дифирамба: «Метафоры, не имеющие, по-видимому, никакого между собою отношения, следуют в нем одна за другою без всякого порядка. Стихотворец не идет, но скачет с порывами; видит связь мыслей, но оставляет ее в небрежении. Иногда переступает правила, предписываемые искусством, иногда употребляет разные меры стихов и разные роды изменений» (*Бартелими Ж.-Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертого века до Рождества Христова. СПб., 1809. Т. 6. С. 519). Разностопный амфибрахий «Вакхической песни», единственный раз встречающийся в поэтической практике Пушкина и также выделяющий стихотворение на фоне русской вакхической традиции, имитирует форму античного дифирамба (Томашевский. Пушкин, II. С. 85), для которого был характерен «беспорядок» в «мере стопосложения» (*Мерзляков А. Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. 1. С. 188). Та же особенность указывалась в «Лицее» Ж.-Ф. Лагарпа (*Laharpe; La Harpe; 1739—1803*) («*Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*», 1799—1805. Т. 1—16), служившем учебным пособием в Царскомесельском Лицее: здесь сказано, что дифирамб «составлял род смелого стихотворения (...), которое не было подвержено никакой определенной мере стихов, но употребляли в них все роды стопосложения без разбора» (*Лагарп И.-Ф.* Лицей, или Круг словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 2. С. 325).

Гимническое звучание пушкинского стихотворения создается архаизированными формами («смокнул», «веселие», «вакхальны», «девы», «жены»); побудительные предложения, обилие повелительных форм глаголов придают лирическому высказыванию ликующий, энергичный характер; тому же служат четырежды повторенные восклицания «да здравствует!..» / «да здравствуют!..», за которыми следуют формулы афористичных призывов.

Тем не менее стихотворение не становится стилизацией античного дифирамба, сохраняя связь с вакхической традицией XIX в. Показательно, что в Ст 1826 Пушкин включил «Вакхическую песню» не в отдел «Подражания древним», а в отдел «Разные стихотворения». В собрании стихотворений, готовившемся в 1836 г. (см. о нем: *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конф. в Стэнфорде. 1999 : Материалы и исследования. М., 2001. С. 271—288), «Вакхическая песня» должна была войти в отдел «Стихотворения лирические», открывавшийся «Торжеством Вакха» (1818), в котором исследователи также обнаруживают определенную близость к жанру дифирамба (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 506, примеч. В. Э. Вацуро). Пушкин намеренно отступает от античной традиции, вводя в стихотворение детали, которые по отношению к ней являются анахронизмами: герои «пьют не принятое у древних неразведенное *густое* вино из стаканов, самим своим названием показывающих непричастность к антич-

ности, и при этом чокаются — такой способ пить вино впервые засвидетельствован французскими текстами конца XVII века» (*Мурьянов М. Ф.* О пушкинской «Вакхической песне» // *Мурьянов 1999. С. 147*; о знакомстве Пушкина с традицией употребления вина в античной Греции см. примеч. к стихотворению «Вода и вино» — наст. изд., т. 1, с. 631). Подобное смешение характерно для русской вакхической поэзии. Так, в анонимной «Вакхической песне», опубликованной в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (Ч. 2. С. 169—171), соединяются и Лель, и Бахус, и шампанское, и «рюмок звон и стук». Таким образом, в пушкинской «Вакхической песне» вакхическая традиция XIX в. сближается со своим античным истоком, но при этом поэт не прибегает к прямой стилизации античных образов.

Подробнее о связи «Вакхической песни» с вакхической традицией XIX в. и с жанром античного дифирамба см.: *Лобанова А. С.* Поэтический контекст «Вакхической песни» // *Врем. ПК. Вып. 32. С. 129—139.*

Нетрадиционный характер решения Пушкиным темы «дружеской сходки» отмечен В. К. Кюхельбекером в дневниковой записи от 19 мая 1835 г., где он причислил «Вакхическую песню» к произведениям, которые «слишком остроумны, слишком обдуманно, обделаны и рассчитаны для эффекту» (*Кюхельбекер 1979. С. 363*).

Ст. 2. *Раздайтесь, вакхальны припевы!* — Имеются в виду песнопения во время празднеств (дионисий, вакханалий) в честь бога виноделия. Прославлявшие его песнопения (дифирамбы) пелись хором.

Ст. 3—4. *Да здравствуют нежные девы И юные жены, любившие нас!* — Ср.: «Там милых дев и юных жен / Прелестны видны хороводы...» (*Рычков Ф. М.*) Песнь пирующих. С. 196).

Ст. 7. *В густое вино...* — Ср. в статье А. С. Грибоедова «Письмо из Бреста Литовского к издателю <«Вестника Европы»>» (1814): «Заискрилось шампанское в стаканах, / Венгерское густое полилось...» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 246), а также в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1824—1825), где выражение «струя, как жир, густая» отнесено, как и у Грибоедова, к венгерскому вину (наст. изд., т. 7, с. 52); в одном из вариантов стихотворения «Ждет тебя мое вино...» (1824) Пушкин назвал «густым» бургундское вино (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 344). Слово «густое» в отношении вина характеризовало или его темно-красный, насыщенный (густой) цвет, или концентрацию (неразбавленное вино).

Ст. 8. *Заветные кольца бросайте!* — В пушкинское время был весьма популярным обычай обзаведения в тесных дружеских кружках одинаковыми кольцами, причем чаще всего с символическими изображениями и девизами. Такие чугунные кольца с изображением дружеского пожатия двух рук раздал лицеистам при выпуске из Лицея Е. А. Энгельгардт. «Заветными кольцами» обладали и участники общества «Зеленая лампа»: по определению Н. О. Лернера, на щитке их колец был выгравирован «сосуд, вроде античного светильника, незажженного, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой» (*Лернер Н. О.* Заметки о Пушкине. II. Кольцо Зеленой Лампы // *РС. 1909. № 4. С. 197*). В. Ф. Раевский, принадлежавший, как и Пушкин, к масонской ложе «Овидий», носил «в знак политического союза» и «дружеской связи» с близкими ему по духу офицерами железное кольцо (см.: *Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949. С. 141*). «Заветные кольца» были приняты в масонской атрибутике. По мнению В. В. Ванслово, опускание колец в вино выражало «надежду на

исполнение самых заветных желаний» (*Ванслов В. В.* Проблема содержания и формы в искусстве. М., 1955. С. 32), что, однако, оспорил М. Ф. Мурьянов, который указал, что «такого обряда с таким значением этнография не знает» (*Мурьянов М. Ф.* О пушкинской «Вакхической песне». С. 148). Он предположил здесь влияние представлений о студенческих кутежах, в особенности связанных с Дерптским университетом, где учился Алексей Вульф: этот университет формировался по образцу германских, известных своими традициями строго ритуализованных кутежей. Смысл опускания «заветных колец» в чаши Мурьянов расценил как «символическое обручение вакхантов с вином, божественной стихией, приводящей в экстатическое состояние непосредственного общения с музами» (Там же. С. 149).

Ст. 12 — 13. *Как эта лампада бледнеет Пред ясным восходом зари... —* Автореминисценция из наброска 1822—1823 гг. «Один, один остался я...»:

Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня.

(Акад. Т. 2. С. 259)

Ср. также в стихотворении А. А. Дельвига «К мальчику» (между 1814 и 1819 гг.): «Мальчик, солнце встретить должно / С торжеством в конце пиров!» (Благ. 1819. Ч. 5. № 6. С. 335).

Ст. 15. *Пред солнцем бессмертным ума.* — Ср. в стихотворении «Поэзия» (1787) Н. М. Карамзина: «И светом своего бессмертного ума, / Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!» (*Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 61 (Б-ка поэта; Большая сер.)). См.: *Михайлова Н. И.* Из комментария к лирике Пушкина : (Пушкин и Карамзин) // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1999. С. 160.

⟨ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«Сатирик и поэт любовный...»)

(С. 70)

Автограф (ПД 1314, л. 1 об.) — беловой, в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от второй половины (не позднее 24-го) сентября 1825 г., с указанием альтернативного варианта ст. 5 под текстом стихотворения. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 2. С. 425 (публ. П. И. Бартенева).

Первые: РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 425.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной (не позднее 24-го) сентября 1825 г. по письму к Вяземскому, имеющему почтовый штемпель «Опочка 1825 сент. 24» (Пушкиным дата в письме не проставлена).

Стихотворение появилось в связи с необходимостью улаживания в кругу родных того недовольства, которое вызвала написанная Пушкиным совместно с А. А. Дель-

вигом «Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны)» (1825) (см. наст. т., с. 140 и примеч. к ней — наст. т., с. 1042—1044). О том, как отнесется к этому сочинению В. Л. Пушкин, Вяземский еще 7 июня 1825 г. предупреждал поэта: «Если „Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна!” попадется на глаза Василью Львов(ичу), то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара» (Акад. Т. 13. С. 181). О реакции дядюшки Пушкин, по-видимому, узнал из письма сестры Ольги Сергеевны (не сохранилось), полученного в Михайловском предположительно 10—24 сентября 1825 г. (о датировке этого эпизода см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 84). В письме от второй половины (не позднее 24-го) сентября 1825 г. стихотворение «Сатирик и поэт любовный...» предварялось просьбой Пушкина к Вяземскому: «Сестра мне пишет из Москвы (...). Ради Бога, докажи Вас(илию) Льв(овичу), что Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны) не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. (...) Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате (следует текст стихотворения. — *Ред.*)» (Акад. Т. 13. С. 231). Видимо, недовольство дяди было столь серьезным, что Л. С. Пушкин обратился со сходной просьбой к С. А. Соболевскому в письме из Петербурга от 26 октября 1825 г.: «...пиши (...) об Москве, об ее глупостях и об В(асилии) Л(ьвовиче). Уверь эту скотину, что „Ах, тетуш(ка), ах, Ан(на) Льв(овна)” не брата и никого из семейства» (Ларионова Е. О. Письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г. // Врем. ПК. Вып. 23. С. 7). Преуспел в этом, однако, не Соболевский, а Вяземский, который искренне любил Василия Львовича, был своим человеком в его доме и действительно похлопотал о Пушкине «как о брате», о чем А. А. Дельвиг сообщал Пушкину во второй половине июня 1826 г.: «Вяз(емский) у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил В(асилия) Л(ьвовича), что „Ах, тетушка, ах, Анна Львовна” написано мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим» (Акад. Т. 13. С. 285).

Ст. 1. *Сатирик и поэт любовный...* — Характеристика творчества Вяземского дана в послании в стилизованной манере: в ней названы сферы поэзии, близкие В. Л. Пушкину; определение «сатирик» подразумевает активную позицию Вяземского-эпиграмматиста.

Ст. 2. *Наш Аристипп и Асмодей...* — Аристипп (род. около 435 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель киренской школы, провозгласившей удовольствие высшим благом; имя Аристиппа использовалось как нарицательное для обозначения философа-гедониста. Асмодей — прозвище Вяземского в «Арзамасе» (по имени демона из баллады В. А. Жуковского «Громобой», 1810).

Ст. 3. *Ты не племянник Анны Львовны...* — Об А. Л. Пушкиной, тетушке поэта, см. примеч. к «Элегии на смерть Ан(ны) Льв(овны)» (наст. т., с. 1042).

Ст. 5. *Variante: Василий Львович, тонкий, острый* — Два четверостишия, из которых состоит стихотворение, были задуманы как параллельные конструкции: в обоих случаях за обращением к адресату (ст. 1—2 и ст. 5) следовало отрицание его родственной связи сначала с тетушкой (ст. 3—4), а затем с дядюшкой (ст. 6) Пушкина. В ст. 5—6 («Писатель нежный, тонкий, острый, / Мой дядюшка — не дядя твой») должно было возникнуть неявное противопоставление двух поэтов: Вяземского, творчеству которого дана комплиментарная характеристика, и Василия Львовича (о неоднозначном отношении Пушкина к его творчеству см. примеч. к стихотворениям «(Послание к В. Л. Пушкину)» («Тебе, о Нестор Арзамаса...») (1816)

(наст. изд., т. 1, с. 707) и «〈Из письма к П. А. Плетневу〉» («Ты издал дядю моего...») (1824) (наст. т., с. 954)). В ст. 7—8 противопоставление поддерживалось утверждением родства по музам других двух поэтов: Вяземского и автора послания (ср. обыгрывание родственных и поэтических связей в обращении к Василию Львовичу лицевым стихотворением «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816): «Нет, нет — вы мне совсем не брат; / Вы дядя мне и на Парнасе» (наст. изд., т. 1, с. 196)). Однако в ст. 5—6 возникла двусмысленность: ст. 5 мог прочитываться как отнесенный не к Вяземскому, а к Василию Львовичу. Заметив ее уже после того, как стихотворение было записано, Пушкин приписал под его текстом альтернативный вариант, который одновременно и подчеркивал, и устранял оплошность. Кроме того, в этом варианте возникал комплиментарный отзыв о В. Л. Пушкине, рассчитанный, по-видимому, на знакомство с ним разгневанного дядюшки.

Ст. 6—8. *Мой дядюшка — не дядя твой. Но, милый, — музы наши сестры, И так, ты всё же братец мой.* — В стихах обыгран манера В. Л. Пушкина, который любил поэтические обращения к родственникам с нарочитым подчеркиванием кровных уз, — см., например, в послании «К П. Н. Приклонскому» (1812): «Любезный родственник, поэт и камергер, / Пожалуй на досуге / Похлопочи о друге!» (Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 41) (в 1831 г. Пушкин пародировал эти строки в стихотворении, включенном в письмо к Вяземскому, получившему звание камергера, от 14 августа: «Любезный Вяземский, поэт и камергер... (Василья Львовича узнал ли ты манер?)» (Акад. Т. 3. С. 271)); см. также: «К брату и другу» (1796), «К Л. С. Пушкину» (1824) — Пушкин В. Л. Стихотворения. С. 34—36, 58—59. В иронический контекст стихотворения введена характерная для Пушкина тема поэтического братства, родства по музе (ср., например, обращение к В. К. Кюхельбекеру в стихотворении «19 октября» (1825): «Мой брат родной по музе, по судьбам» (наст. т., с. 76); подробнее об этой теме см. примеч. к посланию «К Языкову» («Издравле сладостный союз...») (1824) (наст. т., с. 479—480)).

«КАК ШИРОКО...»

(С. 71)

Автограф (ПД 1316, л. 2) — в письме к А. Н. Вульфу от 10 октября 1825 г. Напечатано: *Семевский М. И.* Письма А. С. Пушкина к А. Н. Вульфу // РА. 1867. № 1. Стб. 156 (ст. 1—3); Переписка П. Т. 1. С. 304 (ст. 1—4, без последнего слова в ст. 4); Венг. Т. 6. С. 13 (полностью; публ. П. О. Морозова).

В Ефр. 1882 (Т. 7. С. 240) ст. 4 напечатан не полностью в ином варианте, чем в автографе: «Нельзя ли . . . .» (то же в Ефр. 1887, Мор. 1887, Ефр. 1903—05). Можно предполагать, что в распоряжении П. А. Ефремова имелась утраченная ныне копия.

Впервые: РА. 1867. № 1. Стб. 156 (ст. 1—3); ст. 4 в варианте, отличном от автографа, частично восстановлен в Ефр. 1882 (см. выше); последнее слово в ст. 4 впервые: Мор. 1903—06. Т. 8. С. 140 (первые два слова в ст. 4 даны здесь в том же варианте, что и в Ефр. 1882); ст. 4 по автографу впервые: Венг. Т. 6. С. 13.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882 (в составе письма к Вульфу). Т. 7; как отдельное стихотворение: Акад. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной августа—октябрем (не позднее 10-го) 1825 г. по письмам Пушкина к А. Н. Вульфу от конца августа и 10 октября 1825 г. В первом из них говорится о написанном «на днях» «подражании элегии» Н. М. Языкова, которое с большой степенью вероятности и является стихотворением «Как широко...» (см. ниже); во втором приводится текст четверостишия (см.: Акад. Т. 13. С. 219, 237). На письме от конца августа помета А. Н. Вульфа, по-видимому указывающая на время получения письма: «сентябрь 825». На письме от 10 октября месяц и число означены Пушкиным, год приписан Вульфом; почтовый штемпель: «Опочка, 1825, окт. 12» (Там же. С. 480, 483). В Акад. (Т. 2. С. 1193, примеч. Д. Д. Благого) стихи датированы 10 октября 1825 г. без учета первого из писем Пушкина. Ср. в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 436), где в примеч. Б. В. Томашевского дано указание на два пушкинских письма.

В конце августа 1825 г. Пушкин писал А. Н. Вульфу (см. о нем примеч. к стихотворению 1824 г. «(Из письма к А. Н. Вульфу)» — наст. т., с. 472—473), товарищу Н. М. Языкова (см. о нем примеч. к посланию «К Языкову» 1824 г. — наст. т., с. 477—479) по Дерптскому университету: «Кланяюсь Языкову. Я написал на днях подражание элегии его „Подите прочь”» (Акад. Т. 13. С. 219). 10 октября 1825 г., отвечая на не дошедшее до нас письмо Вульфа, Пушкин привел строки своего «подражания»: «Желал бы я очень исполнить желание ваше касательно подражания Яз(ы)к(о)ву — но не нахожу его под рукой. Вот начало: (следует текст четверостишия. — *Ред.*) etc. Не написал ли Яз(ы)ков) еще чего-нибудь в том же роде? или в другом? перешлите нам — мы будем очень благодарны» (Акад. Т. 13. С. 237—238). Приведенный в письме текст, скорее всего, не имел продолжения; едва ли Пушкину требовалось иметь его «под рукой», чтобы сообщить Вульфу: если бы оно существовало, то наверняка сохранилось бы в памяти автора.

Предметом «подражания» стала эротическая «элегия» Языкова, полный текст которой известен в настоящее время по копии во Второй тетр. Н. А. Долгорукова (указано Е. О. Ларионовой):

— Поди ты прочь,
Теперь не ночь,
Совсем не к стати
Сюда пришел,
Здесь нет кровати,
А черен пол.
— Но друг мой, Хлоя,
Мы можем стоя,
По старине.
— Клянусь, доселе
Все на постели
Случалось мне.
— Ну хоть для пробы,
Мы станем оба
Вот здесь к стене,
Я стану жаться,
Ты прижиматься
Вот так ко мне?
— По мне, пожалуй,
Ты добрый малый!

— Но, Хлоя, радость,
 Позволь мне в рот?²
 — Какая гадость!
 Какой ты скот!

(Долг, л. 83 об.)

Первые шесть строк этого стихотворения были процитированы в комментариях М. К. Азадовского (см.: *Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. [М.; Л.], 1934. С. 728) по довольно позднему и неисправному списку в рукописном сборнике «Русская Приапея и Циника», местонахождение которого ныне неизвестно.

Стихотворение «Подите прочь...» по своему содержанию и форме примыкает к циклу эротических «элегий» Языкова, не предназначенных для печати, но конечно известных Вульфу, а через него — и Пушкину. Полный текст этого цикла и обоснование его датировки январем—февралем 1824 г. см.: *Мазур Н. Н.* Поэтический badinage Пушкина и Языкова в середине 1820-х годов: Новые перспективы // Пушкинские чтения в Тарту [Вып.] 6 (в печати). Возможно, «элегия» «Подите прочь...» была написана около того же времени, но более вероятно, что она была «новинкой», которую Вульф поспешил сообщить Пушкину, вернувшись в Дерпт после каникул не позднее 19 августа 1825 г. (в этот день о его приезде Языков писал брату — см.: *Язык. архив.* С. 199). В таком случае «подражание» было написано по свежим следам знакомства с оригиналом.

Как показала Н. Н. Мазур, эротическая поэзия Языкова травестировала произведения поэтов «элегической школы» с их доминантой «унылости» и «прикровенным эротизмом». Так, в не предназначенной для печати поэме «Валдайский узник» (1824), пародировавшей и «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского (1822), и «Кавказского пленника» (1822), «Языков остроумно показал, что элегическое томление и жалобы на преждевременное увядание души представляют собой, говоря современным языком, сублимацию эротических позывов, которые поглощенный рефлексией герой не может (или не хочет) удовлетворить» (*Мазур Н. Н.* Поэтический badinage Пушкина и Языкова...; там же см. примеры других аналогичных по своему заданию пародийных текстов Языкова).

Пушкинское «подражание», как и эротические «элегии» Языкова, написано двустопным ямбом, достаточно редким в русской поэзии того времени. Образцы этой формы были даны в «Poésies érotiques» (1778) Э. Парни (Parny; 1753—1814). Однако, по мнению Н. Н. Мазур, «Парни как объект пародии для Языкова, скорее всего, был не так интересен, как его русские последователи (...) обратившиеся к этой поэтике на рубеже 1810—1820-х гг. „Роза” (1815), „Пробуждение” (1816) и „Адели” (1821) Пушкина, „Богиня Там и бог Теперь” (1814—1817) и „Успокоение” (1820) Дельвига и „Догадка” (1822) Баратынского написаны двустопным ямбом, в основном с нестрогой системой рифмовки, с большой долей точных рифм и с повторами слов и целых строк» (Там же; см. также: *Сендерович С.* Двустопные ямбы Пушкина // *Russian Language Journal.* 1999. № 172—174. P. 36—60). Сопоставляя первую «элегию» языковского цикла («Скажи, когда...») с «Пробуждением» Пушкина и стихотворением Дельвига «Богиня Там и бог Теперь», Н. Н. Мазур демонстрирует их тематическую, стилистическую и лексическую близость. Языков, пишет она, «воспроизвел тематику и стилистику текстов-образцов, усилил эротическую прагматику и воздержался от использования расхолаживающей иронии. Комический эффект возникает только при сопоставлении „неприличных” и „прилич-

ных” элегий, послуживших образцом для подражания» (Мазур Н. Н. Поэтический badinage Пушкина и Языкова...).

Первые два стиха пушкинского четверостишия варьируют типовой для обценной традиции мотив чрезмерно широкой и глубокой вагины. В статье Н. Н. Мазур приведены примеры обыгрывания этого мотива из «барковиданского» рукописного сборника XVIII в. «Девичья игрушка», из переведенной с французского шуто-трагедии «Васта, королева Борделии» («Vasta, Reine de Bordélie», ок. 1750) и др. По предположению исследовательницы, сочиняя «подражание» Языкову, Пушкин в качестве объекта травестики использовал хрестоматийно известный фрагмент философской поэмы А. Поупа (Pope; 1688—1744) «Опыт о человеке» («Essay on Man», 1732—1734), неоднократно переводившейся как на европейские языки, так и на русский (первый русский перевод вышел в 1757 г.). В этом фрагменте, содержащем строку «Around, how wide! How deep extend below!» (Как широко кругом! И вниз как глубоко! — *англ.*) (Epistle 1: V, 236), физико-теологическая концепция Поупа выражалась восторженными стихами, описывающими великую незыблемую цепь или лестницу бытия и воспевающими гармонию вселенной. Стихи оказались «идеальным объектом» обценной травестики с использованием «гиперболических описаний женской вагины, проникнутых тем же экстатическим восторгом, который внушили Поупу ширина и глубина мироздания» (Мазур Н. Н. Поэтический badinage Пушкина и Языкова...). Многочисленные примеры из русской и европейской традиции см. там же. В 1819—1826 гг. репутация Поупа как «первоклассного поэта» стала предметом спора между У. Л. Боулзом (Bowles; 1762—1850), пыгавшимся дискредитировать моральный облик и творческие заслуги Поупа, и выступившим в защиту его поэзии Байроном. Пушкин был в курсе этой полемики (24 марта 1825 г. он писал А. А. Бестужеву: «И Bowles и Вугон в своем споре заврались» — Акад. Т. 13. С. 155); его весьма невысокая (в отличие от Байрона) оценка Поупа выражена в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825 г. (см.: Там же. С. 177). Подробнее см.: Мазур Н. Н. Поэтический badinage Пушкина и Языкова...

В 1825 г. пародированный Языковым жанр элегии являлся предметом полемики, начало которой положила программная статья В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнем. 1824. Ч. 2. С. 29—44; Кюхельбекер 1979. С. 453—459), выступившего против элегической школы. Ее однообразным мотивам (чувство уныния, тоска о погибшей молодости и т. п.) Кюхельбекер противопоставлял высокий пафос оды и ее обращенность к предметам возвышенным. Пушкин не принял идеи воскрешения оды (этот жанр он пародировал в «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову», 1825), однако некоторые тезисы Кюхельбекера, в частности, призыв к обновлению жанровой системы, несомненно задели его и, вероятно, стали импульсом к решению целого ряда творческих задач (подробнее см. в статье «Лирика Пушкина в период михайловской ссылки», а также в примеч. к «Подражаниям Корану» (1824), «Оде... Хвостову» (1825), и стихотворениям «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825), «Соловей и кукушка» (1825), «Пророк» (1826) — наст. т., с. 385—386, 587, 669—671, 787, 805—807, 870—872). С учетом этого контекста в четверостишии «Как широко...» можно видеть двойную пародийную направленность: вслед за Языковым оно пародировало элегическую модель, но вместе с тем травестирировало образец высокого жанра, представленный Поупом. Если такое предположение верно, творческое задание сочинением четверостишия было исчерпано, никакого продолжения оно не требовало.

Ст. 3 — 4. *Нет, бога ради, Позволь мне сзати.* — Рифма «бога ради—сзати» уже встречалась у Пушкина в эпиграмме «(На кн. А. Н. Голицына)» («Вот Хвостовой покровитель...») (1824), концовка которой намекала на содомитские наклонности адресата, в 1817—1824 гг. занимавшего пост министра духовных дел и народного просвещения.

САФО

(«Счастливей юноша, ты всем меня пленил...»)

(С. 72 и 299)

Автограф неизвестен.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Ст 1826. С. 126 (отдел «Подражания древним»), под заглавием: «Юноша» (в тексте) и «Юноша. Сафо. 1825» (в оглавлении). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 22 (отдел стихотворений 1825 г.), с изменением заглавия.

В собрания сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1825 г., предположительно не ранее конца сентября—не позднее середины декабря. Год устанавливается в соответствии с указаниями в Ст 1826 и Ст 1829; уточнение датировки — на основании данных о ходе подготовки Ст 1826. Так как ни в Капнистовской тетради, отосланной Пушкиным в Петербург в середине марта 1825 г., ни в оглавлении Ст 1826, сообщенном в письме П. А. Плетнева к Пушкину от 26 сентября 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 232—234), нет упоминаний о стихотворении «Сафо», оно, вероятно, было написано или во всяком случае доработано и получено в Петербурге уже после представления сборника в цензуру (25 сентября 1825 г. — РГИА, ф. 777, оп. 27, № 191, л. 34 об.—35) и цензуровалось отдельно. Книга была отпечатана к 28 декабря 1825 г. (дата выдачи цензурного билета Ст 1826 — *Могиланский А. П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // ПИМ. Т. 1. С. 395), следовательно, стихотворение должно было быть послано из Михайловского не позднее середины этого месяца.

Стихотворение представляет собой один из пушкинских опытов «подражаний древним», стоящих в одном ряду с его поэтическими экспериментами по освоению экзотического, инокультурного, в том числе античного и библейского материала, — экспериментами, начатыми еще на Юге и продолжавшимися в Михайловском.

Источник стихотворения в поэзии Сафо (Σαφώ; VII—VI в. до н. э.) или в текстах, ей приписывавшихся, не был обнаружен. Его заглавие, заменившее первоначальное «Юноша», указывало, скорее всего, на поэтическое воплощение легенды о Сафо, использованной в героиде Овидия, приводившейся в различных источниках и, вероятно, известной Пушкину еще в Лицее. В книге И.-И. Эшенбурга—Н. Ф. Кошанского, служившей лицейцам в качестве учебного пособия, говорилось, что Сафо известна «по чрезмерной любви своей к Фаону, которая была виною, что несчастная в отчаянии бросилась со скалы в море» (*Ручная книга древней классической словесности* (...) собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816. Т. 1. С. 249; см.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве

Пушкина // П. Врем. [Т.] 6. С. 136—137). По мнению Д. П. Якубовича, стихотворение Пушкина, «сохраняя эротический колорит аналогичных обращений мелики Сафо, <...> тонко переводит их в план более возвышенный, говоря не только о физических, но и о душевных качествах» (Там же. С. 137).

В числе вероятных источников стихотворения называли идилию А. Шенье «Ludé» (впервые указано П. О. Морозовым: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 31; см. также: Шенье 1995. С. 496, примеч. Е. П. Гречаной), напечатанную в сборнике 1819 г. и написанную в античном духе, с опорой на мотивы произведений Феокрита (Идиллия II), Вергилия («Энеида», песнь IV), Овидия («Метаморфозы», кн. IV, где рассказана история нимфы Салмакиды, которая навязывала свою любовь Гермафродиту), а также на Песнь песней (1: 5—6) (см.: Франц. элегия. С. 629, коммент. В. А. Мильчиной). Ср. в идиллии Шенье:

O jeune adolescent! tu rougis devant moi.
Vois mes traits sans couleur; ils pâlisent pour toi:
C'est ton front virginal, ta grâce, ta décence;
Viens. Il est d'autres jeux que les jeux de l'enfance.
O jeune adolescent, viens savoir que mon coeur
N'a pu de ton visage oublier la douceur.
Bel enfant, sur ton front la volupté réside.
Ton regard est celui d'une vierge timide...

<О юноша, ты краснеешь передо мной. / Взгляни на мое лицо, лишившееся румянца; оно бледнеет из-за тебя: / Виною тому твое девическое лицо, твоя прелесть, твоя скромность; / Приди. Кроме детских, есть и другие игры. / О юноша, узнай, что мое сердце / Не смогло забыть нежность твоего лица. / Прекрасное дитя, на моем челе печать сладострастия. / Твой взгляд подобен взгляду застенчивой девы... — фр.) (Chénier 1819. P. 60). Любопытно, что в рукописи Шенье, которой Пушкин, разумеется, не мог видеть, перед приведенным отрывком стоит авторская помета: «Женщина, поэтесса, поет так» (Франц. элегия. С. 629, коммент. В. А. Мильчиной).

Наряду с этим высказывались предположения о связи стихотворения Пушкина с традицией античных гомоэротических стихов к юношам. Г. Г. Гельд отметил некоторую близость пушкинского стихотворения о юноше, красота которого напоминает девичью, к фрагменту стихотворения Анакреонта (Ἀνακρέων; IV—III вв. до н. э.) — «ὦ καὶ παρθένιον βλέπων...». Этот отрывок включался в сборники анакреонтики и неоднократно переводился на европейские языки, в том числе на русский, — см. переводы Н. А. Львова («К юноше» («Дитя прекрасно, взор девичий!..»)) — Стихотворение Анакреона Тийского. СПб., 1794. С. 247) и И. И. Мартынова («О милый отрок! Взор девичий!..» — Анакреоновы стихотворения, с присовокуплением краткого описания его жизни / Пер. с греч. И. Мартынова. СПб., 1801. С. 59), которые могли быть знакомы Пушкину. Фрагмент из Анакреонта приводился также в сочинении античного ритора Афиней (Ἀθήναιος; конец II—начало III в.) «Пир мудрецов» (кн. XIII, ок. 200 г. н. э.), французский перевод которого (Athénée. Banquet des Savans / Trad. <...> par [J.-B.] Lefebvre de Villebrune. Paris, 1791. Т. 5. P. 33; Библиотека П. № 559) в более поздние годы послужил источником целого ряда пушкинских «подражаний древним». В тексте Афиней, как указал Г. Г. Гельд, соответствующая «цитата из Анакреонта непосредственно примыкает к цитате из Сафо», чем может объясняться заглавие стихотворения Пушкина

(Гельд Г. Г. Пушкин и Сафо. Пушкин и Анакреонт : Заметки на полях // ПиС. Вып. 38—39. С. 203; см. также: *Burgi R. Puškin and the Deipnosophists* // *Harvard Slavic Studies*. Cambridge (Mass.), 1954. Vol. 2. P. 269). Ср.: «Sapho dit à un personnage dont on admiroit singulièrement la figure, et qui passoit généralement pour très-beau: „Arrête ami, arrête, et tourne-toi en face de moi; fais briller devant moi tous les charmes de tes beaux yeux!” — Anacréon dit aussi: „Jeune enfant qui as un regard virginal, oui, je te cherche, et toi tu ne m'écoutes pas, ignorant que *tes yeux* sont le char sur lequel tu enlèves mon âme”» (Сафо говорит тому, кто особенно привлекателен лицом и кто слывет замечательным красавцем: «Постой, дружок, остановись и повернись по мне; пусть блистает передо мной вся прелесть твоих прекрасных глаз». — Анакреон тоже говорит: «Дитя с девичьим взглядом, я стремлюсь к тебе, а ты не слушаешь меня, не ведая того, что *твои глаза* — колесница, на которой ты похищаешь мою душу» — фр.) (*Athénée*. Banquet des Savans. P. 33).

По мнению В. Б. Сандомирской, введение начального нерифмующего стиха указывает на намерение Пушкина придать стихотворению жанровые черты фрагмента. «Шестистопный ямб, цезура после третьей стопы, смежная рифмовка второго и третьего стихов — все это характерные черты александрийского стиха, размера наиболее канонического. В александрийском стихе рифма, объединяющая два рядом стоящих стиха, особенно ощутима, видна глазу, поэтому отсутствие стиха, рифмующего с первым, столь ощутимо говорит о фрагментарности стихотворения» (Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // ПИМ. Т. 9. С. 80).

Высказанное С. А. Кибальником и поддержанное Е. В. Свиясовым предположение, что стихотворение Пушкина могло быть написано как обращение к Ал. Н. Вульфу от лица А. И. Осиповой (см.: *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой четверти XIX века. Л., 1990. С. 194—195; *Свиясов Е. В.* Сафо и русская любовная поэзия XVIII—начала XX веков. СПб., 2003. С. 198—199), не имеет документальных оснований.

«ЦВЕТЫ ПОСЛЕДНИЕ МИЛЕЙ...»

(С. 73 и 299)

Автограф (ПД 890) — беловой, с поправкой в ст. 3, на обрывке листа с фрагментом водяного знака, содержащим дату «1824 г.». Бумага № 145 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П. 1937*. Дополн.). Жан-дармской пометы нет. Напечатано: *Дьяловский М. А.* Мелочи о Пушкине // *Рус. библиофил*. 1916. № 8. С. 77. Листок с автографом был приклеен к полулисту бумаги, на другой половине которого имеются две датированные владельческие надписи С. Д. Полторацкого; одна из них относится к пушкинскому времени: «Автограф Александра Пушкина. 1 отрывок стихотв(орный) 4/16 сент(ября) 1834». Датой, по-видимому, зафиксирован момент, когда Пушкин подарил Полторацкому автограф стихотворения (см.: Там же).

Копии:

1) А. Н. Вульфа (ПД, ф. 244, оп. 4, № 111, л. 2 об.) (Влф). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 968 (в виде разночтения; публ. Д. Д. Благого).

2) Альбом-футляричик П. А. Осиповой (ПД, ф. 244, оп. 1, № 1699, л. 21) (Ос₁) — ее рукой, с пояснительной пометой над текстом: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П(ушкину) от П(расковьи) О(сиповой)», с под-

писью: «А. Пушкин». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 968 (в виде разночтения; публ. Д. Д. Благого), 1168 (помета под текстом; публ. Д. Д. Благого).

Утраченные копии:

1) А. Н. Вульфа — в так называемом «большом» альбоме П. А. Осиповой (см. о нем примеч. к стихотворению «П. А. О(сиповой)» («Быть может, уж недолго мне...») (1825) — наст. т., с. 716—717). Напечатано: *Семевский М. И.* К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // РВ. 1869. № 11. С. 68, с предваряющим текст стихотворения пояснением, восходящим, несомненно, к помете в копии: «Далее в альбоме помещены стихи, писанные Пушкиным по случаю в позднюю осень присланных (Пр. А. Осиповою) цветов» и датой под текстом: «16-го октября 1825 г.» (Сем₁); Майков. Материалы. С. 244 (описание, помета под заглавием: «Стихи, писанные по случаю в позднюю осень присланных цветов», дата: «16 октября 1825» и подпись: «А. П.»; публ. В. И. Сайтова).

2) Бывшая в распоряжении редакторов «Современника», по которой ими была осуществлена публикация в Совр. 1838. № 1. С. 137, под заглавием, по-видимому, редакторским: «Последние цветы».

Во всех копиях — один и тот же вариант ст. 6, отличный от автографа.

Впервые: Совр. 1838. № 1. С. 137 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по автографу.

Автограф мог представлять собой как более раннюю, так и более позднюю запись стихотворения, чем та, что была преподнесена Осиповой 16 октября 1825 г. Поэтому вынести окончательное суждение о том, какой из вариантов ст. 6 был позднейшим — тот, что написан рукой самого поэта, или же тот, который фигурирует в тригорских копиях, — не представляется возможным. Однако, судя по владельческой надписи С. Д. Полторацкого (см. выше), в 1834 г. Пушкин не счел нужным исправить в автографе ст. 6.

Датируется 1825 г., предположительно 16 октября, согласно помете в утраченной копии А. Н. Вульфа (см. Сем₁ и Майков. Материалы). Этим же числом стихотворение датировано Б. В. Томашевским в Акад. в 10 т. Т. 2. С. 435; Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 431; в издании: Пушкин 1955 Б. В. Томашевский указал: «Датировано Пушкиным 16 октября 1825 года» (Т. 3. С. 807). Мнение о том, что дата «16 октября 1825» относится лишь к моменту копирования стихотворения, было высказано М. А. Цявловским в работе: Мелочи о Пушкине. С. 77. Эта точка зрения была принята в Акад. (Т. 2. С. 1168), где Д. Д. Благой датировал стихотворение второй половиной сентября 1825 г., и затем подкреплена в Летописи (С. 639, 644). М. А. Цявловский сослался там на дерптское происхождение копии от 16 октября 1825 г., причем без указания на источник сведений об этом (во всех изданиях Летописи говорится, что 16 октября 1825 г. Вульф, находясь в Дерпте, копировал «Цветы последние милей...»; см., например: Летопись 1999. Т. 2. С. 91). По Акад. и Летописи выстраивается такая гипотетическая последовательность событий: «поздней осенью» Пушкин пишет свое стихотворение, список с него посылается из Тригорского в Дерпт, где Вульф переписывает его 16 октября 1825 г. Более вероятным выглядит предположение, что дата в копии Вульфа воспроизводит пушкинскую помету.

Как следует из помет в копиях Ос₁ и Майков. Материалы, стихотворение обращено к владелице Тригорского Прасковье Александровне Осиповой и написано в благодарность за присланные ею цветы (к ней же обращено послание «П. А. О(си-

повой») («Быть может, уж недолго мне...») (1825) — наст. т., с. 53; с посвящением ей напечатаны «Подражания Корану» (1825)). Об Осиповой см. примеч. И. С. Чистовой к стихотворению «Простите, верные дубравы!..» (1817) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 463. Ср. также выразительный портрет Осиповой в письме А. П. Керн к П. В. Анненкову (апрель—май 1859 г.): «...рост ниже среднего (...) и стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное (...) нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот» (Керн. С. 291). А. И. Тургенев писал брату Николаю 16 февраля 1837 г., что Осипова «как мать любила поэта» (ПиС. Вып. 6. С. 78; публ. А. А. Фомина), а по сведениям П. В. Анненкова, Пушкин имел на нее «почти безграничное влияние» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 277). У обитательниц Тригорского отношения с поэтом, по-видимому, вызывали ревнивые чувства. Анна Н. Вульф в письме к Пушкину из Малинников от 8 марта 1826 г. писала о матери: «Я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами и оставляет меня здесь из ревности» (Акад. Т. 13. С. 268, 553; оригинал по-фр.).

Л. М. Аринштейн сближает «Цветы последние милей...» со стихотворением «Виноград» (1824), считая, что это «два типологически близких стихотворения», намекающие на предпочтение, отданное молодой женщине (Аринштейн Л. М. Пушкин : Непричесанная биография. М., 1998. С. 80).

По предположению С. М. Громбаха, в стихотворении отражены переживания, вызванные вторичным посещением Тригорского А. П. Керн (см. о ней примеч. к стихотворению К*** «Я помню чудное мгновенье...» — наст. т., с. 703—704), куда она приехала вместе с мужем и где провела около десяти дней в начале октября 1825 г. В это время между Пушкиным и Керн, «по-видимому, произошла размолвка. (...) По сравнению с таким свиданием (...) предшествующая ему разлука, заполненная оживленной перепиской и постоянными воспоминаниями, конечно же, для Пушкина могла быть „живее самого свиданья”» (Громбах С. М. «Цветы последние милей» // Врем. ПК. Вып. 23. С. 104). Маловероятно, однако, чтобы Пушкин избрал Осипову в качестве адресата стихотворения, которое посвящено чувствам, вызванным ее племянницей.

Н. И. Михайлова, определив жанр стихотворения как «мадригал, написанный в элегической традиции», указала на отражение в нем образа из «Элегии» Андрея Тургенева («Угрюмой Осени мертвящая рука...») (1802):

Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние цветы.
(Поэты 1790—1810-х гг. С. 243)

См.: Михайлова Н. И. Мотивы «Элегии» Андрея Тургенева в лирике Пушкина // Пушкинский музей. СПб., 2000. Вып. 2. С. 141—143.

С. 2. *Роскошных первоцветов полей.* — Ср. в стихотворении К. Н. Батюшкова «Беседка муз» (1817): «И нежны первоцветы полей» (Батюшков. Соч. 1934. С. 168). См.: Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // ПиС. Вып. 19—20. С. 32.

19 ОКТЯБРЯ

(«Роняет лес багряный свой убор...»)

(С. 74 и 300)

Автографы:

1) ПД 70 — белой первой редакции, с одновременной и позднейшей правой чернилами и карандашом, с вписанным эпитафием из Горация и пометой под текстом: «Михайловское 1825». Фамилии В. Д. Вольховского, С. Ф. Броглио и К. К. Данзаса обозначены начальными буквами и прочерком: «В —», «Бр —», «Д —»; фамилии Н. А. Корсакова и Ф. Ф. Матюшкина указаны Пушкиным в примечаниях к посвященным им строфам; И. И. Пущин и А. М. Горчаков обозначены в тексте как «П—н» и «Г—в»; полностью приведены фамилия А. А. Дельвига и имя В. К. Кюхельбекера («Вильгельм»). Писано на трех фабричных полных листах бумаги № 79 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 29), сложенных пополам, из них два вложены в один как в общую обложку (такая же бумага использована при создании белого автографа «Бориса Годунова», датированного 7 ноября 1825 г., — см. наст. изд., т. 7, с. 569). Следы сгибов указывают на то, что получившаяся тетрадка после записи текста и внесения всей авторской правки складывалась вчетверо. На задней стороне листа, служившего обложкой, след сургучной печати. Отдельный слой правки внесен рукой М. Л. Яковлева: он вычеркнул ст. 157—160 и ст. 165—168 первой редакции, объединив таким образом ст. 153—156 и ст. 161—164 в одну строфу; в пределах этой строфы Яковлев изменил ст. 161—164, которые в результате его правки должны были принять следующий вид:

О други с мест, [бокалы] вторую наливайте
 Полней, полней — и сердцем возгоря,
 Опять до дна, до капли выпивайте!..
 Ура, наш царь! — так выпьем за царя.

Первый из этих стихов, сочиненный Яковлевым, надписан сверху и помечен цифрой «1»; у ст. 161, 162 и 164 проставлены цифры «2», «3» и «4». Кроме того, Яковлев надписал на обложке уже имеющееся в автографе заглавие: «19 октября» (см.: Рукоп. П. 1937. С. 29; там же Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским указано на принадлежность поправок в ст. 157—168 Яковлеву). Напечатано: *Анн. Т. 7. С. 61—63*: стихи, вычеркнутые между ст. 8 и 9 (нумерация стихов приводится по тексту первой редакции), 9—32, 97—104 (с ошибочным отношением ст. 97—100 не к Малиновскому, а к Дельвигу и ошибочным определением их места в стихотворении), 156—164, 168—173; в публикацию вошла в качестве пушкинского текста переработка стихов, намеченная Яковлевым (высказанное Н. Н. Фатовым предположение, что П. В. Анненков использовал для публикации «другую рукопись» (*Фатов Н. Н. Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825 г.) // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 169—170*), а также утверждение Д. Д. Благого, что публикация Анненкова подготовлена «по копии с ошибками» (*Акад. Т. 2. С. 1169*), не подтверждаются при сличении данной публикации с автографом); *Грот Я. К. Автограф Пушкина // Изв. Импер. Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1857. Т. 6, вып. 4. Стб. 329—336* (в виде транскрипции, с исключением по цензурным условиям ст. 165—167 (по счету первой ре-

дакции); правка Яковлева, так же как в *Анн.*, принята за пушкинскую); *Ефр(е-мов) П.* Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // БЗ. 1861. Т. 3. № 19. Стб. 588 (варианты ст. 102—104, ст. 165—167). Факсимильное воспроизведение: Рукоп. П. Изд. О. К. (в издании не удалось воспроизвести карандашные исправления Пушкина). Отсутствие жандармских помет свидетельствует о том, что автограф, посланный Пушкиным в Петербург (см. ниже), оставался у Яковлева, который 3 марта 1855 г. передал его для хранения в Александровский лицей. Об истории автографа см. также: *Малеванов Н. А.* Архивные документы Лицея в ГИАЛО (1811—1817 гг.) // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 268. О копии с автографа (с пушкинскими «пометками и помарками», выделенными красными чернилами; не сохранилась), изготовленной для И. И. Пущина К. И. Ивановым, зятем И. А. Анненкова, см. также в письме Пущина к Н. Д. Пущиной от 7 февраля 1858 г. (*Пущин И. И.* Соч. и письма : В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 342).

2) ПД 756 — белой ст. 129—136 основного текста (строфа об Александре I), в виде вставки, отмеченной крестиком после ст. 128, карандашом, на с. 43 книги «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 2), принадлежавшей Ек. Н. Ушаковой (Наумовой). На обороте титула первой части той же книги дарственная надпись Пушкина: «Катерине Николаевне Ушаковой от АП. 21 сентября 1829 Москва». Напечатано: *Виноградов И.* Автографы Пушкина в Тверском музее // Материалы Общества изучения Тверского края. 1925. Вып. 3. С. 20 (описание); *Фатов Н. Н.* Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825 г.). С. 175—176. Воспроизведение: *Виноградов И.* Автографы Пушкина в Тверском музее. С. 21.

Авторизованная копия (ПД 71) — писарская второй редакции, двумя почерками, с ошибками и поправками Пушкина и неизвестной рукой; отсутствуют ст. 33—64 (видимо, потерян лист) и исключенные из текста прижизненных публикаций ст. 129—136. Пушкиным вписано отсутствовавшее заглавие: «19 окт(ября) 1825» и исправлена ошибка в ст. 70 (стих первоначально читался: «О Илличевский мой, ты первый посетил»). Жандармской пометы нет; поправки Пушкина и рисунок на обложке сертифицированы неизвестной рукой, карандашом. Авторская правка в копии не носила фронтального характера; возможно, Пушкин не дочитал текст до конца, так как оставил неисправленными явные ошибки в ст. 73 («Ты, Горчаков, счастливец с первых лет» — написание, оставлявшее без рифмы ст. 76) и 103 («Скажи, Д..... не то ль и с нами было»), а также неправильную последовательность ст. 127 и 128. Позднее ст. 103 был исправлен неизвестной рукой: карандашом вместо: «Д.....» вписано: «Вильгельм», в нижней части листа добавлено пояснение: «Кюхельбекер». Ошибочная последовательность ст. 127 и 128 исправлена неизвестной рукой (у начала стихов чернилами поставлены цифры 1 и 2). Аналогичная по оформлению поправка чернилами сделана в ст. 152, первоначально читавшемся: «Провел его без горя и забот»: перестановка двух первых слов отмечена поставленными над ними цифрами 1 и 2. Напечатано: Рукоп. П. 1937. С. 30 (описание, поправки Пушкина; публ. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского); Акад. Т. 2. С. 972—973 (в виде разночтений; публ. Д. Д. Благого).

Копия стихотворения в числе других произведений Пушкина, переданных в СЦ 1827, представленная А. А. Дельвигом в III Отделение для передачи царю, не сохранилась. Судя по письму А. Х. Бенкендорфа к Пушкину от 4 марта 1827 г. (см. ниже), все имена собственные в этой копии, в том числе двух осужденных по делу 14 декабря 1825 г., были обозначены начальными заглавными буквами.

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначавшихся для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — с опиской в записи: «19 дек(абря)» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «19 окт(ября)», под № 5, отмечено условным обозначением «капитальных пьес» (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 180).

Впервые: СЦ 1827. С. 342—348, вторая редакция под заглавием: «19 октября», с пометой под текстом: «1825» и редакторским примечанием к заглавию: «19 октября 1811 года было открытие Императорского Царскосельского лицея». Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 34—43 (отдел стихотворений 1825 г.), без примечания. В обеих публикациях ст. 129—136 исключены по цензурным соображениям; в соответствии с указанием Николая I (см. ниже), фамилии Пушкина (ст. 70), Горчакова (ст. 73), Дельвига (ст. 86), а также имя Кюхельбекера (ст. 103) обозначены в СЦ 1827 значком «*—», в Ст 1829 значком «***». Имена лицейстов раскрыты: Генн. 1859. Т. 1. С. 328—336. Ст. 129—136 второй редакции впервые: Фатов Н. Н. Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825 г.). С. 175—176.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829, имена собственные раскрываются в тексте по автографу ПД 70. Ст. 129—136 (строфа об Александре I), исключенные по цензурным соображениям и вписанные Пушкиным в книгу, подаренную Ек. Н. Ушаковой (ПД 756), восстанавливаются по этому источнику (такое решение, впервые предложенное Н. Н. Фатовым (см.: Фатов Н. Н. Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825 г.). С. 171—187), было принято всеми последующими изданиями). Ст. 169—172 первой редакции (строки об А. Н. Куницыне), также исключенные из прижизненных публикаций по цензурным соображениям, восстановлены быть не могут, поскольку их исключение повлекло за собой существенную авторскую переработку соответствующего фрагмента. Первая редакция печатается по автографу ПД 70 с учетом поправок, внесенных Пушкиным.

Датируется первая редакция 1825 г., предположительно сентябрем—октябрем. Год устанавливается по помете в СЦ и указанию в Ст 1829, месяцы — по содержанию (стихотворение, очевидно, готовилось для чтения 19 октября на встрече товарищей-лицейстов как приветствие им, однако ко дню встречи, по-видимому, получено не было — о праздновании 19 октября 1825 г. см.: Грот К. Я. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него // ПиС. Вып. 13. С. 42—44). Вторая редакция датируется концом 1826 г. на основании январского письма А. А. Дельвига 1827 г., в котором он благодарил Пушкина за полученный для публикации в СЦ 1827 г. текст «19 октября» (см.: Акад. Т. 13. С. 318; здесь письмо датировано предположительно первой половиной января; в Летописи 1999 (Т. 2. С. 234—235, 466) уточненная датировка отнесена к последним числам января). Автограф ПД 756 датируется 21 сентября 1829 г. по дате, поставленной Пушкиным на книге, подаренной Ек. Н. Ушаковой.

В Акад. (Т. 2. С. 1169, примеч. Д. Д. Благого) дана более узкая датировка первой редакции: 10—20 октября 1825 г. (то же в Летописи (С. 643) и в Летописи 1991 (С. 568); в Летописи 1999 (Т. 1. С. 90) стихотворение датировано 6—12 октября 1825 г.). Однако твердые основания для сужения датировки отсутствуют, поскольку не имеется фактических данных, указывающих на время получения Дельвигом автографа ПД 70. О том, что стихотворение вскоре после своего создания оказалось в Петербурге, можно судить по правке на автографе «лицейского старосты»

М. Л. Яковлева, вероятнее всего связанной с намерением друзей-лицейстов подготовить его к печати. Яковлев не пытался внести изменения в строфы о Пушкине и Кюхельбекере, что, вероятно, свидетельствует о датировке его поправок временем до 14 декабря. Нижняя граница датировки поправок Яковлева может быть сдвинута даже к 29 ноября 1825 г., когда в Петербурге было получено известие о смерти Александра I, «так как в дни траура тост за только что умершего царя (...) вряд ли был бы уместен» (подробнее см.: *Левкович Я. Л. Лицейские «годовщины» // Стих. П. 1820—1830 гг. С. 79—80*).

Первая редакция стихотворения представлена беловым автографом ПД 70, вторая — печатным текстом в составе 18 строф (СЦ 1827 и Ст 1829). Текст первой редакции, первоначально состоявший из 25 строф, подвергся весьма существенной правке, в результате которой остались 24 строфы, на одном из последних этапов работы пронумерованные Пушкиным арабскими цифрами. Наиболее радикальной правке подверглась в автографе строфа 13 (ст. 97—104 первой редакции). Первоначально вся эта строфа продолжала обращение к И. И. Пушкину, начатое в ст. 93—96. В них, а также в первоначальной версии ст. 102—104 были в переработанном виде использованы строки из черновика послания «(И. И. Пушкину)» («Мой первый друг, мой друг бесценный...»). Это послание, создававшееся после свидания с Пушкиным в Михайловском 11 января 1825 г., было на время оставлено на стадии черновика и получило завершение лишь в 1826 г.; строки, использованные в «19 октября», в послание не вошли. Однако и в ходе работы над автографом ПД 70 часть стихов, восходящих к черновому посланию к Пушкину, оказалась вычеркнутой в результате переработки строфы 13: Пушкин записал в нижней части листа новый вариант первого четверостишия (место вставки не обозначено, оно определяется по рифмовке), переместил на второе место в строфе четверостишие, с которого строфа начиналась (это потребовало определенной переработки стихов), и вычеркнул первоначальный вариант второго четверостишия (о работе над этой строфой см. также: *Томашевский Б. В. Писатель и книга : Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 80—84*). В переработанном виде строфа оказалась обращенной к И. В. Малиновскому; из второй редакции стихотворения она была полностью исключена.

После того как беловая рукопись первой редакции (автограф ПД 70) была получена в Петербурге, А. А. Дельвиг, очевидно, попытался с помощью М. Л. Яковлева подготовить произведение к публикации в «Северных цветах» на 1826 г. Правка Яковлева была сосредоточена на строфе, посвященной Александру I (см. выше). Скомпонованная заново строфа, один из стихов которой к тому же был сочинен Яковлевым, в печать не попала. В условиях разразившейся катастрофы 14 декабря 1825 г. публикация стихотворения «19 октября» не представлялась возможной (подробнее см.: *Левкович Я. Л. Лицейские «годовщины»*. С. 81). Удивление вызывает тот факт, что поручение приспособить к печати пушкинские стихи было дано Дельвигом Яковлеву.

Второй этап работы Пушкина над стихотворением «19 октября» осуществлялся после его возвращения в сентябре 1826 г. из ссылки. Готовя текст к печати, Пушкин исключил ст. 11—32, 97—104 и 157—160 первой редакции, содержавшие подробности лицейского быта, а также строфу, посвященную Александру I (ст. 161—168), и стихи об А. П. Куницыне (ст. 169—172), соединив в одну строфу ст. 153—156 и 173—176 первой редакции (получившаяся строфа соответствует ст. 121—128 основного текста). Тосты за царя и Куницына были исключены, как уже говорилось,

по цензурным соображениям. Вероятно, Пушкин не хотел лишний раз упоминать в печати имя автора книги «Право естественное» (1818—1820), признанной в 1821 г. неблагонамеренной и противоречащей устоям христианства (экземпляры были изъяты и уничтожены; в том же году Куницын был отстранен от преподавания в университете; подробнее см. примеч. Е. О. Ларионовой к стихотворению «Послание цензору» (1822) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 729). В стихотворении, подготовленном к печати в составе восемнадцати строф, поэт сохранил строки, в которых с большим чувством говорил о двух участниках событий 14 декабря 1825 г. — Пущине и Кюхельбекере, что предопределило сложности в прохождении произведения через цензуру.

В январе 1827 г. Дельвиг получил отправленный ему Пушкиным из Москвы текст второй редакции и писал автору: «За 19-е октября благодарю тебя с лицейскими скотами братьями вместе» (Акад. Т. 13. С. 318). В числе других произведений Пушкина, предназначенных для публикации в «Северных цветах» на 1827 г., «19 октября» было передано в III Отделение с сопроводительным письмом А. А. Дельвига к А. Х. Бенкендорфу от 23 февраля (см.: Дела III Отделения. С. 42). Произведения Пушкина рассматривал М. Я. фон Фок, который представил свой отзыв в записке от 23 февраля—4 марта 1827 г., скрепленной резолюцией Бенкендорфа: «19-е Октября — для публики может быть будет незначущею пиесой, но заглавные буквы друзей — для тех, кто знает, о ком говорится, — лишнее. Также вовсе не нужно говорить о своей опале, о несчастиях — когда автор не был в оном, но был милостиво и отчески оштрафован — за такие проступки, за которые в других государствах подвергнули бы суду и жестокому наказанию» (Дела III Отделения. С. 43). В письме к Пушкину от 4 марта Бенкендорф сообщил о представлении произведений Николаю I и отзыв его о стихотворении: «Заглавные буквы друзей в пиесе „19-е октября“ не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственно заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению» (Акад. Т. 13. С. 323). В ответном письме от 22 марта 1827 г. Пушкин пообещал «заглавные буквы имен» из стихотворения исключить (Акад. Т. 13. С. 326), что было в спешном порядке осуществлено Дельвигом в ближайшие после этого дни: альманах вышел из печати 25—28 марта, причем стихи Пушкина набирались последними и заключали книжку (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 106—107). 11 марта 1827 г. «19 октября» рассматривалось в Главном цензурном комитете в связи с поданным туда особым мнением цензора П. И. Гаевского, отметившего в стихотворении «некоторые выражения, которые напоминают о известных обстоятельствах» жизни поэта (т. е. о его ссылке), и «не совсем правильное понятие о будущей жизни» (имеются в виду ст. 141—142: «Невидимо склоняясь и хладея, / Мы близимся к началу своему...»). Мнение цензора, более строгое, чем отзыв Николая I, было представлено на рассмотрение министра народного просвещения А. С. Шишкова, который, однако, дал разрешение к напечатанию стихотворения, о чем Главный цензурный комитет был извещен 17 марта (см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 301—302; Документы к биографии. 1799—1829. С. 643—645).

19 октября — день основания Царскосельского Лицея, ежегодно праздновавшийся его воспитанниками. В 1817 г. Пушкин вместе со своими лицейским товарищами приезжал на праздник в Царское Село, где его отмечали в ближайшее к 19 ок-

тября воскресенье. 19 октября 1818 г. друзья праздновали «день Лицея» на квартире И. И. Пущина. В 1821—1823 гг. Лицей как один из «оплотов либерализма» был реорганизован министром духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыным и передан в военное ведомство. После отставки в феврале 1822 г. директора Лицея Е. А. Энгельгардта в кругу бывших воспитанников первого (пушкинского) курса окончательно сложился обычай отмечать годовщину Лицея точно в день его основания у кого-нибудь на квартире. Традицию написания приуроченных к 19 октября стихотворных посланий сокурсникам заложили в 1822 г. А. Д. Илличевский и А. А. Дельвиг. Илличевским было написано два таких стихотворения («С тех пор, как мы лицейски стали...» (1822); «Хвала лицейским! Свят обет...» (1826)), Дельвигом — четыре («Что Илличевский не в Сибири...» (1822) (шуточная реплика на стихотворение Илличевского 1822 г., написанная экспромтом); «Семь лет пролетело, но дружба...» (1824); «В третий раз, мои друзья...» (1825); «Снова, други, в братский круг...» (1826)). Эти стихотворные «годовщины» образуют единый тематический комплекс, связанный с застольным обращением поэта к товарищам по Лицею (см.: *Грот К. Я.* Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него. С. 40—45). Стихи Дельвига и Илличевского, содержавшие понятные только лицеистам намеки на детали лицейского быта, не предназначались для печати и были опубликованы лишь в 1910 г. Появление в печати «19 октября» Пушкина явилось публичным напоминанием о духе былого Лицея (см.: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 159—167; *Томашевский.* Пушкин, II. С. 85—92; *Левкович Я. Л.* Лицейские «годовщины». С. 76—84).

«19 октября» — первое из стихотворений Пушкина, посвященных лицейским годовщинам; после 1825 г. им были написаны в связи с этой датой еще четыре стихотворения: «Бог помочь вам, друзья мои...» (1827), «Усердно помолившись Богу...» (1828), «Чем чаще празднует Лицей...» (1831) и «Была пора: наш праздник молодой...» (1836). В последнем из них Пушкин вновь использовал размер и строфу (восемь стихов с кольцевой и перекрестной рифмовкой) стихотворения «19 октября» 1825 г.

Ст. 5 — 8. *Пылай, камин, в моей пустынной келье ~ Минутное забвенье горьких мук.* — Контрастное соположение наступающих холодов и пылающего камина, у которого можно выпить исцеляющее душу вино, — топос, восходящий к Алкею (fr. 34) и следующему за ним Горацию (см. написанную Алкеевой строфой оду «К Талиарху» (Satm. I, 9), в которой первая строфа открывается зимним пейзажем, а во второй следует призыв развести огонь поярче и изобильнее черпать сабинской кружкой четырехлетнее вино; Пушкин мог знать эту оду как по французским двуязычным изданиям, так и по многочисленным русским переложениям, в частности, по стихотворению В. Л. Пушкина «К любимцам муз (подражание Горацию)» (1803)). См.: *Мальчукова Т. Г.* Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в произведениях А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 106—109.

Ст. 10 — 11. *С кем долую запил бы я разлуку, Кому бы мог пожать от сердца руку...* — Рифма «разлуку—руку», вообще нередкая у Пушкина (см. примеч. к стихотворению «Презрев и голос(?) укоризны...» (1824) — наст. т., с. 959—960), в данном случае получила оформление, близкое к ст. 9—11 «Песни» («О милый друг! теперь с тобою радость!...») (1811) В. А. Жуковского; ср.: «О милый друг, нам рок велел разлуку: / Дни, месяцы и годы пролетят, / Вотще к тебе

простру от сердца руку...» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 165). См.: Сидяков Л. С. Пушкин и Жуковский : (У истоков биографизма пушкинской лирики) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3. С. 199—200. Та же рифма использована в ст. 45 и 47.

Ст. 25 и след. *Он не пришел, кудрявый наш певец...* — Ср. в стихотворении Пушкина «Пирующие студенты» (1814): «Приблизься, милый наш певец...» (наст. изд., т. 1, с. 65). Строфа посвящена Николаю Александровичу Корсакову (1800—1820), признанному в Лицее поэту, композитору, музыканту, виртуозно игравшему на гитаре (см. о нем: там же, с. 611). Ранняя смерть прервала удачно начатую карьеру Корсакова, который после окончания Лицея выдержал экзамен в канцелярию Министерства иностранных дел и был послан в русскую миссию в Рим. Он умер во Флоренции 26 сентября 1820 г. См.: Лицейская энциклопедия : Имп. Царскосельский Лицей (1811—1843). СПб., 2010. С. 225—226 (статья И. В. Лузиновой).

Ст. 28 — 30. *Он тихо спит, и дружеский резец ~ Слов несколько на языке родном...* — В рецензии на издание сочинений Дельвига В. П. Гаевский сообщал со слов Е. А. Энгельгардта о Корсакове: «За час до смерти он сочинил следующую надпись для своего памятника, и, когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертил ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень (...): Прохожий, поспеши к стране родной своей! Ах! грустно умирать далеко от друзей!» (Совр. 1853. № 2. Отд. III. С. 70). Памятник на могиле Корсакова поставил А. М. Горчаков в 1835 г. (см.: *Гастфрейд Н. А. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею : Материалы для словаря лицейств 1-го курса : 1811—1817 гг.* СПб., 1912. Т. 1. С. 436).

Ст. 33 — 40. *Сидишь ли ты в кругу своих друзей ~ О волн и бурь любимое дитя!* — Стихи обращены к моряку Федору Федоровичу Матюшкину (1799—1872), будущему (с 1867 г.) адмиралу, и точно отражают факты его биографии. Вскоре после выхода из Лицея Матюшкин стал участником кругосветной экспедиции В. М. Головнина 1817—1819 гг. С 1820 по 1824 г. он участвовал в труднейшем походе по изучению побережья Северного Ледовитого океана, а 25 августа 1825 г. вновь отправился в кругосветное плавание; обеими последними экспедициями командовал Ф. П. Врангель (см., например: *Руденская М. П., Руденская С. Д. С лицейского порога : Выпускники Лицея 1911—1917. Л., 1984. С. 98—105*).

Ст. 45. *Ты простирали из-за моря нам руку...* — Речь идет об интенсивной переписке с друзьями-лицейстами и Е. А. Энгельгардтом, которую вел во время дальних экспедиций Матюшкин. Известно его письмо с рассказом о праздновании им дня 19 октября 1820 г. в юрте на побережье Северного Ледовитого океана; оно было запечатано печаткой с изображением пожатия двух рук (символ лицейского братства) и надписью из «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» (1817) Дельвига (Лит. архив. Т. 3. С. 22—23; публ. Э. Э. Найдича). См. также письмо Матюшкина к Энгельгардту от 5 октября 1822 г. из Нижне-Колымска: «...скоро 19 октября, я его здесь праздную — запираюсь, остаюсь один и переносюсь мысленно в Царское Село — сегодня меня там вспоминают» (Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством Ф. П. Врангеля. М., 1948. С. 401).

Ст. 47 — 48. *И повторял: «На долгую разлуку Нас тайный рок, быть может, осудил!»* — Парафраза из «Прощальной песни...» Дельвига (ср.: «Судьба

на вечную разлуку, / Быть может, здесь сроднила нас» — Дельви́г. Соч. С. 126), которая пользовалась среди товарищей Пушкина по Лицею огромной популярностью и варьировалась в стихотворных «годовщинах» лицейстов.

Ст. 49 — 56. *Друзья мои, прекрасен наш союз!..* — Ср. в лицейском стихотворении Пушкина «Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...») (1817) (в позднейшей редакции — «Разлука»): «Итак, они прошли — лета соединенья; / Итак, разорван он — наш братский верный круг!» (наст. изд., т. 1, с. 284). Строфа о неразделимости и вечности лицейского «союза» в стихотворении «19 октября» строится на расширении формулы той клятвы, которая в момент окончания Лицея объединяла лишь поэтов-лицейстов: «...Где б ни был я: в огне ли смертной битвы, / При мирных ли брегах родимого ручья, / Святому братству верен я...» (там же). Мотивы лицейского стихотворения Пушкина неоднократно варьировались в поэзии Кюхельбекера, например в стихотворении «Поэты», обращенном к Дельви́гу, Баратынскому и Пушкину: «Так! не умрет и наш союз, / Свободный радостный и гордый, / И в счастье и в несчастье твердый, / Союз любимцев вечных муз!» (Кюхельбекер. Т. 1. С. 133). Подробнее см. в примеч. к стихотворению «Кюхельбекеру» (1817) (наст. изд., т. 1, с. 764—765).

Ст. 59 — 64. *Я с трепетом на лоно дружбы новой ~ Но горек был небратский их привет.* — Высказывались предположения, что стихи содержат намек на А. Н. Раевского (Асад. в 6 т. Т. 1. С. 744, примеч. М. А. Цявловского), а также «предательскую дружбу Ф. И. Толстого и других в 1820 г.» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 680; то же в Худ. лит. в 10 т. С. 551, примеч. Т. Г. Цявловской). Об отношениях Пушкина с А. Н. Раевским см. примеч. к стихотворениям «Коварность» (1824) (наст. т., с. 536—538); об отношениях с Ф. И. Толстым-Американцем см. примеч. Е. О. Ларионовой к «Эпиграмме» («В жизни мрачной и презренной...») (1821) и стихотворению «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 602—605, 607—608.

Ст. 68 — 69. *Троих из вас, друзей моей души, Здесь обнял я.* — Имеются в виду И. И. Пущин, А. М. Горчаков и А. А. Дельви́г (подробнее см. ниже, примеч. к ст. 69—72, 73—80, 84 и след.). Воспоминание о встречах с ними в Михайловском дается в стихотворении с хронологическим смещением: в действительности сначала состоялась встреча с Пущиным, затем с Дельви́гом, и наконец, с Горчаковым.

Ст. 69 — 72. *Поэта дом опальный, О <Пущин> мой, ты первый посетил ~ Ты в день его Лицея превратил.* — Иван Иванович Пущин (1798—1859) — один из самых близких лицейских друзей Пушкина, с которым связаны стихотворения «Пирующие студенты» (1814), «Мое завещание. Друзьям» (1815), «К Пущину (4 мая)» (1815), «Воспоминание (К Пущину)» (1815), «В альбом Пущину» (1817). 11 января 1825 г. Пущин побывал в Михайловском, о чем рассказал в своих «Записках о Пушкине». Посещение опального поэта требовало со стороны Пущина определенного мужества: «Перед отъездом (...) — вспоминал он, — встретился я с А. И. Тургеневым (...). Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в генваре буду у него. „Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным? (...) Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете“. (...) Почти те же предостережения выслушал я и от В. Л. Пушкина» (Пущин. С. 71). Встреча в Михайловском была последней: после декабрьского восстания Пущин, член Союза спасения (с лета 1817 г.), Союза благоденствия и Северного общества (член Корен-

ной думы, председатель Московской управы), был осужден на вечную каторгу в Сибирь. Ст. 69—72 варьируют строки из чернового автографа стихотворения «*И. И. Пущину*» («Мой первый друг, мой друг бесценный...»), начатого в 1825, но законченного лишь в 1826 г.:

[Забывтый кров], шалаш опальный,
Ты вдруг [отрадой] оживил,
На стороне глухой и дальней
Ты день [изгнанья], день печальный
С печальным другом разделал...

(Акад. Т. 3. С. 582)

О Пущине см. также ниже, примеч. к первоначальным вариантам белого автографа.

Ст. 73—80. *Ты, <Горчаков>, счастливцев с первых дней ~ Мы встретились и братски обнялись.* — О кн. Александре Михайловиче Горчакове (1798—1883) см. примеч. к стихотворению «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») (1814) (наст. изд., т. 1, с. 594); он упомянут Пушкиным в «Пирующих студентах» (1814; ст. 41—48), к нему обращены стихотворения «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») (1817) и «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...») (1819). В «19 октября» речь идет о встрече поэта с Горчаковым в Псковской губернии. В сентябре 1825 г. на пути из Лондона, где он занимал пост первого секретаря русского посольства, Горчаков заехал в имение Лямоново своего дяди А. Н. Пещурова: «Узнав о приезде князя Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново и здесь, на проселочной дороге, друзья действительно „встретились и братски обнялись“. Цельный день провел Пушкин у Пещурова и, сидя на постеле вновь захворавшего князя Горчакова, читал ему отрывки из „Бориса Годунова“...» (Горчаков А. М. О Пушкине : (Из письма А. И. Урусова к издателю «Русского архива») // П. в восп. Т. 1. С. 380). Существует позднейшая запись воспоминаний Горчакова его внучатой племянницей В. Н. Обуховой (урожд. Хвоцинская) о том, что он, «выбравшись из вотчины своего дядюшки Пещурова, заехал в Михайловское и навестил изгнанника» (Пушкин глазами кн. А. М. Горчакова : (Неизвестные воспоминания) / Публ., вступ. статья, коммент. Е. А. Уколовой, В. С. Уколова // ВЛ. 1989. № 12. С. 230). О приезде Горчакова Пушкин писал в письмах к П. А. Вяземскому от 13—15 и около 24 сентября 1825 г.: «Горч(аков) мне живо напомнил Лицей, кажется, он не переменялся во многом — хотя созрел и следств(енно) подсох» (Акад. Т. 3. С. 227); «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны» (Там же. С. 230). Второе письмо было отослано с Горчаковым, по-видимому, в тот момент, когда он заезжал в Михайловское (о датировке эпизода см.: Летопись 1999. Т. 5 (Справочный). С. 428). Встреча поэта с Горчаковым «невзначай» на проселочной дороге, как это изображено в стихотворении, символизирует разность их жизненных путей: Пушкин еще в лицейских стихах предсказывал Горчакову счастливую карьеру, на фоне которой собственная судьба рисовалась ему драматичной (см.: Городецкий Б. П. «19 октября» // Стих. П. 1820—1830 гг. С. 63—64).

Ст. 81—82. *Когда постиг меня судьбины гнев, Для всех чужой, как сирота бездомный...* — Речь идет о высылке поэта из Одессы в Михайловское.

В конце октября 1824 г. в семье Пушкина разыгралась ссора, которая привела к разрыву его отношений с родителями, возобновившихся лишь в мае 1827 г. (см. примеч. к стихотворению «Презрев и голос(?) укоризны...» (1824) — наст. т., с. 957).

Ст. 84 и след. *И ждал тебя, вещун пермесских дев...* — Речь идет о приезде в Михайловское в апреле 1825 г. Антона Антоновича Дельвига (1798—1831), которого Пушкин считал прекрасным поэтом и знатоком поэзии (отсюда именование «вещун пермесских дев», т. е. муз, обитающих на реке Пермес, текущей с Геликона). Дельвиг одним из первых понял масштабность дарования Пушкина и предсказал ему великую будущность. Его обращения к Пушкину в стихах и письмах были призваны вселить в него уверенность в правильности выбранного им жизненного пути (см., например, в письме от 24 сентября 1824 г.: «Великий Пушкин, маленькое дитя! (...) Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты» — Акад. Т. 13. С. 110). С Дельвигом связаны стихотворения Пушкина «Пирующие студенты» (1814), «Мое завещание (Друзьям)» (1815), «Послание к Г(аличу)» (1815), «К Д(ельвигу)» («Послушай, муз невинных...») (1815) (см. примеч. к этому стихотворению — наст. изд., т. 1, с. 646), «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») (1817) (см. примеч. к этому стихотворению — там же, с. 749—750), «(К портрету Дельвига)» (1817—1820).

Ст. 93—96. *Но я любил уже рукоплесканья ~ Ты гений свой воспитывал в тиши.* — В незавершенной статье «Дельвиг» (1834) Пушкин писал о лицейской юности Дельвига, сравнивая его возраставшее «в тиши» дарование со своим: «Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как чудо!» (Акад. Т. 11. С. 274). О вариациях общей пушкинской концепции поэтической личности Дельвига, восходящей к его «горацианским» лицейским стихам, и прежде всего к «Тихой жизни» (1814—1816), см. примеч. к стихотворению «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») (1817) (наст. изд., т. 1, с. 750—751).

Ст. 97—102. *Служенье муз не терпит суеты ~ Глядим назад, следов не видя там.* — Ср. в послании «К Батюшкову» (1812) В. А. Жуковского, написанном в ответ на «Мои пенаты» (1811—1812) К. Н. Батюшкова: «О друг! служенье муз / Должно быть их достойно: / Лишь с добрым их союз» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 195; отмечено П. О. Морозовым — см.: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 196). Стихи, подготавливающие обращение к В. К. Кюхельбекеру, «намекают на его литературно-теоретические позиции воскресителя старинной оды и борца за „высокие“ лирические жанры» (Акад. в 6 т. Т. 1. С. 744, примеч. М. А. Цявловского). Об этой стороне деятельности Кюхельбекера-критика см. в примеч. к «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» и эпиграмме «Соловей и кукушка» (1825) (наст. т., с. 669—671, 805—807). Однако если в ст. 97—98 Пушкин формулирует тезис, полностью совпадающий с эстетическими установками Кюхельбекера, то следующие стихи неявно отсылают к тематике гедонистической лирики, а затем и унылой элегии, т. е. к отвергнутым им жанрам. Полемический ход осуществлен в максимально смягченном варианте и завуалирован в ст. 103—104 обращением к Кюхельбекеру как к тому, кто может солидаризироваться со сказанным в начальной части строфы.

Ст. 103 — 104. Скажи, *〈Вильгельм〉*, не то ль и с нами было, *Мой брат родной по музе, по судьбам?* — С Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797—1846) связаны стихотворения Пушкина «Несчастье Клита» (1813), «Пирующие студенты» (1814), «Вот Виля — он любовью дышет...» (1814—1816), «Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...») (1817) и, возможно, «Мечтателю» (1818); к первой половине 1825 г. относится набросок «К〈юхельбекеру〉» («Да сохранит тебя твой добрый Гений...»). В послелицейской судьбе Кюхельбекера, как и Пушкина, было много сложностей. В сентябре 1820 г. он прервал успешно начатую педагогическую деятельность и отправился в качестве секретаря обер-камергера А. Л. Нарышкина в путешествие по Европе. Оказавшись в Париже, Кюхельбекер приступил в июне 1821 г. к чтению лекций по русскому языку и литературе в парижском центре «Атеней», известном своей либеральной направленностью. Обличение российского деспотизма в лекциях Кюхельбекера испугало французские власти, и ему пришлось спешно покинуть Париж. После возвращения в Петербург в начале августа 1821 г. Кюхельбекер пытался устроиться куда-нибудь на службу, но был принят лишь в канцелярию Отдельного Кавказского корпуса главнокомандующего в Грузии А. П. Ермолова, причем по ходатайству А. И. Тургенева и с личного согласия царя. В письме к П. А. Вяземскому от 6 сентября 1821 г. А. И. Тургенев писал о Кюхельбекере: «Государь знал все о нем» (ОА. Т. 2. С. 209); то, насколько пристально полиция следила за Кюхельбекером, видно из дознания неизвестного агента о нем от 8 сентября 1821 г. (см.: ЛН. М., 1954. Т. 59, кн. 1. С. 347; публ. П. С. Бейсова). Служба Кюхельбекера на Кавказе продолжалась недолго, и весной 1822 г. из-за осложнившихся отношений с Ермоловым он был вынужден подать в отставку (с этой страницей его биографии связано упоминание в ст. 111 «бурных дней Кавказа» — см. ниже). Дальнейшему поступлению Кюхельбекера на государственную службу препятствовала его репутация как человека неуправляемого и политически неблагонадежного. Пушкин с большим сочувствием воспринимал перипетии судьбы Кюхельбекера: «Что мой Кюхля, за которого я стражду, но все люблю? — спрашивал он П. А. Вяземского в письме от 25 января 1825 г. — Говорят его обстоятельства не хороши — чем не хороши?» (Акад. Т. 13. С. 135). Кюхельбекер в стихотворении «19 октября» («Шумят, бегут часы: их темный вал...»), посланном Пушкину в письме от 18 октября 1836 г., вспоминал обращенные к нему строки стихотворения Пушкина 1825 г.: «Твои живые, вещие мечты / Меня не забывали в ту годину, / Когда уединен, ты пел кручину» (Акад. Т. 16. С. 170). О мотиве «братства по музе» см. примеч. к стихотворению «К Языкову» («Издравле сладостный союз...») (1824) (наст. т., с. 479—480).

Ст. 108. *Я жду тебя, мой запоздалый друг...* — Известие о намерении Кюхельбекера посетить Михайловское содержалось в письме Пущина к Пушкину от 18 февраля 1825 г.: «Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя» (Акад. Т. 13. С. 144). С этого момента началось ожидание Кюхельбекера в Михайловском (см., например, письмо Пушкина к брату от первой половины мая 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 175), куда он, однако, так и не приехал.

Ст. 111. *Поговорим о бурных днях Кавказа...* — По предположению Ю. Н. Тынянова, выдвинутому в статье «Пушкин и архаисты», в этом стихе содержится намек на обстоятельства службы Кюхельбекера на Кавказе, закончившейся отставкой из-за дуэльной истории: он дал пощечину штабному офицеру, дальнему родственнику А. П. Ермолова, и вызвал его на дуэль (см.: Тынянов. С. 115).

Ст. 112. *О Шиллере, о славе, о любви.* — Знаком творчества Шиллера Кюхельбекер стал еще в Лицее. В статье «Дельвиг» Пушкин писал: «Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он (Дельвиг) с одним из товарищей (Кюхельбекером), живым лексиконом и вдохновенным комментарием» (Акад. Т. 11. С. 273). Преклонение перед Шиллером с особой силой выразилось в стихотворении Кюхельбекера «Поэты» (1820). Впоследствии это отношение изменилось, чего Пушкин не мог не заметить, читая статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с Ф. В. Булгариным» (обе 1824 г.). В 1834 г., перечитав свои статьи, Кюхельбекер записал в дневнике: «...искренне признаюсь, что (<...>) говорю о Шиллере много лишнего: он как жрец высокого и прекрасного истинно заслуживает благоговения всякого, в ком способность чувствовать и постигать высокое и прекрасное не вовсе еще погасла» (Кюхельбекер 1979. С. 316). См.: Мкалаева Т. Шиллер в оценке Кюхельбекера // Учен. зап. Московского обл. пед. ин-та. М., 1964. Т. 152, вып. 9—10. С. 27—43; Либинзон Э. Е. Писатели-декабристы и Шиллер // Проблема традиций и новаторства в художественной литературе. Горький, 1978. С. 82—87.

Ст. 113. *Пора и мне... пируйте, о друзья!* — Об «исключительном пристрастии» Пушкина к обороту «Пора!» см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 146.

Ст. 115—118. *Запомните ж поэта предсказанье ~ Промчится год, и я явлюся к вам!* — Б. В. Томашевский полагал, что «предсказанье» Пушкина было связано с движением декабристов, в победу которых он верил (Томашевский. Пушкин, II. С. 90). Высказывалось предположение, что мысль о возможности встречи с друзьями в Петербурге подал поэту Пушкин во время своего приезда в Михайловское (Эйдельман. П. и декабристы. С. 282—283). В феврале 1831 г. находившийся в Лондоне А. И. Тургенев, читая полученные из России «Стихотворения Александра Пушкина» (Ст 1829), записал в дневнике: «Промчится год, и явлюся к вам. И в самом деле явился к друзьям своим, в числе коих не нашел Пушкина» (цит. по: Гилельсон 1974. С. 364).

Ст. 128. *Не помня зла, за благо воздадим.* — Не исключено, что в стихе отразились воспоминания Пушкина о его достаточно сложных отношениях с директором Лицея Е. А. Энгельгардтом (см. об этом: Городецкий Б. П. «19 октября» (1825). С. 67; см. также примеч. к стихотворению «Портрет» («Вот карапузик наш, монах...») (1817) — наст. изд., т. 1, с. 737).

Ст. 129 и след. *Полней, полней! и, сердцем возгоря...* — Традиция посвящения стихов царю в произведениях, связанных с Лицеем, была заложена «Прощальной песней...» Дельвига, в которой говорилось:

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил,
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил!

(Дельвиг. Соч. С. 125)

Об отношении Пушкина к личности Александра I см. примеч. к стихотворению «Послужной список» («Воспитанный под барабаном...»), созданному, по-видимому, также в 1825 г. (наст. т., с. 910—913). В 1836 г. в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...» Пушкин вернулся к заслугам Александра I как основателя Лицея и победителя Наполеона, придав своим стихам о нем пышность и панегири-

ческий блеск: «Вы помните, как наш Агамемнон / Из пленного Парижа к нам при-мчался. / Какой восторг тогда [перед ним] раздался! / Как был велик, как был пре-красен он, / Народов друг, спаситель их свободы!» (Акад. Т. 3. С. 432). Негатив-ные отзывы Пушкина об Александре I см. в так называемой десятой главе «Евгения Онегина».

Ст. 136. *Он взял Париж, он основал Лицей.* — Наполеоновская кампания русской армии закончилась в марте 1814 г. вступлением союзных войск в Париж. Александр I был учредителем Царскосельского Лицея. В «Постановлении о Ли-цее», составленном М. М. Сперанским в соответствии с пожеланиями государя и утвержденном им 12 августа 1810 г., указывалось, что это учебное заведение призвано «к образованию юношества, особенно предназначенного к важным частям служ-бы государственной» (Материалы по истории Лицея / По поручению начальства собранные библиотекарем Лицея И. Селезневым // Памятная книжка Имп. Алек-сандровского лицея на 1856—1857 г. СПб., 1856. Приложение. С. 9). Александр I присутствовал на открытии Лицея и церемонии выпуска первого курса, во время ко-торой обратился к воспитанникам с краткой речью. Особое отношение императора к Лицею проявилось в тех привилегиях, которые получили лицеисты при поступлении на государственную службу: они зачислялись в соответствии с высказанными ими пожеланиями даже при отсутствии в том или ином ведомстве вакантных мест, при-чем до открытия вакансий, если таковых не оказалось, им должны были выплачивать жалованье, определенное императорским указом. По поводу тех чинов, которые лицеисты получили при выпуске, Матюшкин писал в одном из своих писем: «Я вы-пущен с чином коллежского секретаря. Ты конечно поздравить меня со счастливым началом службы. Еще ничего не сделавши, быть 10-го класса, конечно, это много; но мы судим по сравнению: некоторые выпущены титулярными советниками» (Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники : Статьи и материалы. 2-е изд., доп. / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1899. С. 76; см. также: Лицейская энциклопедия. С. 22—24 (статья Н. А. Казаковой и В. М. Файбисовича)). По-дробнее см.: Березкина С. В. Определение на государственную службу воспитанни-ков первого курса Царскосельского Лицея : (Система льгот, межведомственные процедуры, общественный резонанс) // Пушкинский музей : Альманах. СПб., 2014. Вып. 6. С. 56—67.

Ст. 139. *Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет...* — В стихе, который к моменту публикации «19 октября» вызывал ассоциации не только с судьбой ли-цейстов, но и с участью декабристов, можно видеть вариацию строки из эпитафия к поэме «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823): «...иных уже нет, другие странству-ют далече» (Акад. Т. 4. С. 153) (см.: Ветловская В. Е. «Иных уж нет, а те дале-че...» // ПИМ. Т. 12. С. 104—106, 111—113).

Ст. 143 — 144. *Кому ж из нас под старость день Лицея Торжествовать придется одному?* — Последним оставшимся в живых лицеистом пушкинского выпуска оказался А. М. Горчаков. Пушкин вспомнил эти строки стихотворения, об-суждая в письме к М. Л. Яковлеву от 9—15 октября 1836 г. празднование очеред-ной лицейской годовщины (Акад. Т. 16. С. 168).

Ст. 147 — 148. *Он вспомнит нас и дни соединений, Закрыв глаза дрожа-щей рукой...* — Приводя эти стихи, Я. К. Грот, общавшийся с Горчаковым в пору его старости, писал: «Не оправдал кн. Горчаков и ожидание Пушкина от последнего лицеиста 1-го курса (...). К сожалению, эта картина осталась несбывшеюся мечтою поэта» (Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 16).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Эпиграф. *Nunc est bibendum. Hor(atius). <Теперь надлежит выпить. Гор(аций). — лат.>* — Из книги Горация «Оды» (Сарт. I, 37), посвященной победе Августа над флотом Антония и Клеопатры в 31 г. до н. э.: победа, восстановившая мир, позволяет предаться веселью и пиру. Эпиграф отсылает к традиции античной симпозиальной лирики, которой соответствуют в пушкинском стихотворении «пейзажная интродукция, призыв к пиру, освобождающему от тревог и забот, политические аллюзии, мотив смерти, тема дружбы» (Мальчукова Т. Г. О христианской традиции в стихотворении А. С. Пушкина «19 октября» // Крымский пушкинский науч. сб. Симферополь, 2001. Вып. 1 (10): Русская культура и античность. С. 29).

Ст. 13. *Чтоб 30 мест нас ожидали снова!* — На первый курс Лицея было принято тридцать учеников. Один из них (К. В. Гурьев) был вскоре исключен, поэтому закончили Лицей двадцать девять воспитанников.

Ст. 14 — 16. *Садитесь, как вы садились там ~ Отличие предписывало нам.* — По словам Д. Ф. Кобеко, «в марте 1813 года последовало распоряжение попечителя о распределении в классах мест так, чтобы отличившиеся занимали высшие места, а желающие оные оспаривать у них всегда бы имели это право» (Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей : Наставники и питомцы : 1811—1843. СПб., 1911. С. 62). «По достоинству» лицеисты размещались и в столовой зале, где «воспитанники {...} должны были сидеть в порядке, определявшемся их поведением» (Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 143).

Ст. 17 — 19. *Спартанскою душой пленяя нас ~ Пускай опять В(ольховский) сядет первый...* — Ср. в одной из лицейских «национальных песен»: «Покровительством Минервы / Пусть Вольховский будет первый» (Грот К. Я. Пушкинский лицей : (1811—1817) : Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 238), а также в стихотворении Пушкина «Пирующие студенты» (1814), где Вольховский охарактеризован как «спартаец» (наст. изд., т. 1, с. 64). Владимир Дмитриевич Вольховский (1798—1841), впоследствии гвардейский офицер (с 1831 г. генерал-майор), член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, окончил Лицей с первой золотой медалью. По словам М. А. Корфа, это был «человек рассудительный, дельный, с большим характером и с железною волею над самим собою, наконец, необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный» (цит. по: Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 252). Волю в себе «спартаец» Вольховский воспитывал следующими упражнениями: «Чтобы успешнее работать, он сокращал часы сна и налагал на себя добровольный пост: лишал себя по целым неделям мяса, пирожного, чаю; чтобы упражнять телесные силы, взваливал иногда на плечи два толстейшие словаря Гейма; чтобы более успевать в верховой езде, он, во время приготовления учебных уроков, садился верхом на стул и соблюдал правильную посадку...» (Там же. С. 72). Лицейскими прозвищами Вольховского были Sapientia (т. е. Мудрость) и Суворочка (Суворчик). См. о нем: *Гастфрейнд Н. А. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Т. 1. С. 1—286.*

Ст. 20. *Последним я, иль Бр(огль), иль Д(анзас).* — Сильверий Францевич Броглио (1799—1820-е), назначенный по окончании Лицея к производству в армейские офицеры, уехал к себе на родину, в Пьемонт, где вступил в сардинскую

армию и вскоре примкнул к освободительному движению, быстро подавленному властями; приговорен к изгнанию; погиб в Греции, где принял участие в освободительной войне против турецкого владычества. В 1825 г. ни Пушкин, ни другие лицеисты явно ничего не знали о его судьбе (см.: Лицейская энциклопедия : Императорский Царскосельский Лицей : (1811—1843). СПб., 2010. С. 67 (статья Е. Г. Статьиной)). Константин Карлович Данзас (1801—1870) — военный, в 1818—1827 г. прапорщик, затем поручик 3-го и 5-го пионерных батальонов, впоследствии генерал-майор; в 1837 г. был секундантом Пушкина на дуэли с Дантесом. Броглио и Данзас числились среди последних учеников Лицея. Пушкин по успехам был «выше» их (он закончил Лицей девятнадцатым). Подтверждением могут служить многие лицейские ведомости, например, сводная «табель» от 19 марта 1812 г., которая начинается с Вольховского, а заканчивается Данзасом (см.: *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей. С. 46—60).

Ст. 32. *И загремит веселый наш Пеан.* — Пеан (пэан) (*греч.*) — в Древней Греции гимн божеству в честь какого-либо важного, значительного события, в переносном смысле — восхваление, прославление кого-либо, чего-либо. В «19 октября» речь идет о стихотворной пародии Илличевского на стиль В. К. Третьяковского:

Лето знойно, дщерь природы
Идет к нам в страну;
Жар несносный, с бледным видом,
Следует за ним...
(*Грот К. Я.* Пушкинский лицей.
С. 192)

Стихотворение Илличевского пользовалось в Лицее особой популярностью и традиционно исполнялось на лицейских сходках (см.: Там же). Его «пэан» упомянут в протоколе годовщины 1828 г., который вел Пушкин (*Рукою П.* 1997. С. 605).

Ст. 97—100. *Что ж я тебя не встретил тут же с ним ~ Не озарил присутствием своим?* — Стихи посвящены Ивану Васильевичу Малиновскому (1796—1873), сыну первого директора Лицея, за горячий нрав прозванному лицеистами «Казаком». О нем как о «повесе из повес» Пушкин писал в стихотворении «Пирующие студенты» (1814) (см. примеч. к нему — наст. изд., т. 1, с. 611). По свидетельству К. К. Данзаса, Пушкин, умирая, вспоминал Малиновского: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пуцины, ни Малиновского, мне бы легче было умирать» (*П.* в восп. Т. 2. С. 332).

Ст. 101—102. *Мы вспомнили б, как Ваху приносили Безмолвную мы жертву в первый раз...* — Имеется в виду история с «гогель-могелем», случившаяся в Лицее 5 сентября 1812 г. (это был «табельный» день — именины императрицы Елизаветы Алексеевны) и закончившаяся наказанием Пушкина, Пуцины и Малиновского; с ней связаны стихотворения Пушкина «Мы недавно от печали...» (1814) и «Воспоминание (К Пуцину)» (1815) (см. их тексты и примеч. к ним — наст. изд., т. 1, с. 149, 300, 664—665, 776). Об истории с «гогель-могелем» рассказывается в «Записках о Пушкине» Пуцины (*Пуцин.* С. 56—58).

Ст. 103. *Как мы впервой все трое полюбили...* — В 1815 г. Пушкин, Пуцин и Малиновский были влюблены в Екатерину Павловну Бакунину (в замуж. Полторацкая; 1795—1869), сестру лицеиста А. П. Бакунина (см. о ней примеч. к

стихотворению «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» (1815) — наст. изд., т. 1, с. 649—650).

Ст. 158. *И черный стол, и бунты вечеров...* — По сообщению Я. К. Грота, «„черный стол” находился в столовой отдельно от общего стола и служил трапезною наказанных» (*Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 143).

Ст. 159. *И наш словарь, и плески мирной славы...* — Комментируя стихотворение, Я. К. Грот писал, что лицейский словарь «составлялся воспитанниками и заключал в себя характеристику всех лиц, принадлежавших к составу Лицея» (Там же. С. 144). Иное объяснение дано в статье Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер», где приведены сведения о «Словаре», составлявшемся Кюхельбекером на протяжении 1815—1817 гг. (см.: Тынянов. С. 246—253). «Словарь», содержащий выписки из сочинений Ф. Р. Вейсса, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллера и многих других авторов, был посвящен широкому кругу проблем философско-нравственного, историко-политического и литературного характера. «Словарь» полностью составлен рукой Кюхельбекера, однако выписки для него, по-видимому, доставлялись и другими лицеистами, что позволило Пушкину назвать его «нашим словарем». См.: *Мейлах Б. С.* «Словарь» В. К. Кюхельбекера: (История замысла, идеи, структура) // *Декабристы и русская культура.* Л., 1975. С. 185—204.

Плески — рукоплескания.

Ст. 160. *И критики Лицейских Мудрецов!* — Речь идет о рукописном журнале «Лицейский мудрец» с пародийно-юмористическими материалами о жизни лицеистов (см.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 271). Сохранившиеся выпуски «Лицейского мудреца» напечатаны: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. С. 254—307.

Ст. 169—172. *Куницыну дань сердца и вина! ~ Им чистая лампада возжена...* — Александр Петрович Куницын (1783—1840) — педагог, публицист, правовед, в Лицее преподавал курс «нравственно-политических наук». Пуштин писал, что «Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына» (Пуштин. С. 60). «Неизменное уважение» к Куницыну и восхищение его лекциями, по воспоминаниям П. А. Плетнева, Пушкин сохранил «до смерти своей» (*Плетнев П. А.* А. С. Пушкин // *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 365). В 1835 г. Пушкин подарил Куницыну «Историю Пугачевского бунта» с дарственной надписью: «Александр Петрович Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности 11 янв<аря> 1835» (Рукою П. 1997. С. 591—593). В курс лекций Куницына, помимо логики, психологии, этики и других дисциплин, входило право естественное частное, право естественное публичное, право народное, право гражданское русское, право уголовное, финансовое право (см.: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. С. 67—84). Об этих лекциях Е. А. Энгельгардт писал Кюхельбекеру в марте 1823 г.: «Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу» (РС. 1875. № 7. С. 366). Энгельгардт неоднократно подчеркивал влияние, которое Куницын имел на воспитанников. В 1821 г. в письме к Матюшкину он утверждал: «...Куницын умел учить и добру — учил!» (*Гастфрейнд Н. А.* Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Т. 2. С. 39). Публицистическая деятельность Куницына, убежденного конституционалиста и антикрепостника, прервалась после 1821 г., когда его книга «Право естественное» была запрещена, а сам он изгнан из университета (см. выше). Выражение «воспитал наш пламень» — галлицизм, от французского «*nourrir la flamme*», весьма популярный в поэзии начала XIX в. (см.: *Виноградов. Язык П.* С. 268).

Первоначальные варианты белого автографа Ст. 102—104 А. *Смирен суров тобой избранный сан ~ Завоевал почтение граждан* — Стихи перенесены (в переработанном виде) из черного автографа послания «*И. И. Пущину*» («Мой первый друг, мой друг бесценный...») — Акад. Т. 3. С. 583. О разработке темы этих стихов, не получившей завершеного выражения в черновике послания и исключенной из текста первой редакции «19 октября», см.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин : История и современность в сознании поэта. М., 1984. С. 95—106. Служба Пущина в лейб-гвардии Конном артиллерийском полку прервалась в начале 1823 г., когда он, в чине поручика, подал в отставку после столкновения с вел. кн. Михаилом Павловичем. В том же году он поступил на службу в Петербургскую уголовную палату, после чего был назначен судьей Московского надворного суда. Переход в гражданскую службу отвечал убеждениям Пущина, избравшего судебную деятельность как одну из областей применения уставных положений тайного общества. По словам М. А. Корфа, Пущин занялся судебной деятельностью «с намерением возвысить и облагородить (...) род службы, которому в то время не посвящал себя еще почти никто из порядочных людей» (*Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 251). Вспоминая о встрече в Михайловском 11 января 1825 г., Пущин писал: «Пушкин (...) потребовал объяснения, каким образом из артиллеристов я преобразовался в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня!» (Пущин. С. 81). М. А. Дмитриев, назначенный на место Пущина после восстания на Сенатской площади, вспоминал о нем: «...все говорили, что он был человек умный, просвещенный, честный и правосудный. Его ставили за образец знающего судьи и отзывались об нем с уважением» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 237). Дмитриев связывал изменения в составе судебных чиновников с инициативой московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына: «Сначала князь Дмитрий Владимирович сажал на судейские места людей лично и хорошо ему известных. До него в высшем московском обществе не видывали даже председателей, не только советников и заседателей. Этот класс людей не принадлежал к хорошему кругу (...) При нем увидели их в светских гостиных, увидели заседателя надворного суда, танцующего на бале» (Там же. С. 307). Вычеркнутые как из автографа, так и из печатной редакции строки Пущин прочел лишь после того, как они были опубликованы в 1857 г. (см. выше), и процитировал их в своих воспоминаниях о Пушкине (Пущин. С. 81).

⟨ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«В глуши, измучась жизнью постной...»)

(С. 78)

Автограф (ПД 1318, л. 1) — белой, в письме к П. А. Вяземскому около 7 ноября 1825 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 421 (без ст. 5—8 и 13—14; публ. П. И. Бартенева); *Чириков С. Г.* Заметки на новое издание сочинений Пушкина // РА. 1881. Кн. 1. № 1. С. 197 (ст. 5—8, 11—14).

Впервые: РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 421 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется около 7 ноября 1825 г. по содержанию письма к Вяземскому. В письме дата не проставлена; основанием для его датировки является сообщение Пушкина об окончании «Бориса Годунова», под беловым автографом которого (ПД 891) стоит дата 7 ноября 1825 г.

Стихотворными строками «В глуши, измучась жизнью постной...» Пушкин начал свой ответ на письмо Вяземского от 16 и 18 октября 1825 г., также открывавшиеся стихами:

Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостяжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз!
Ум хорошо, а два так лучше,
Зад хорошо, а три так гуще,
И к славе тянется наш воз.

(Акад. Т. 13. С. 238)

(Ср. ст. 9—10: «Но твой затейливый навоз / Приятно мне щекотит нос»). Далее Вяземский описывал свою последнюю поездку из Ревеля в Петербург: «На меня коляска имеет действие настоящего судна сухопутного и морского: в дороге меня рвет и слабит Хвостовым. — Это уже так заведено. Вот испражнение моей последней поездки. Улыбнись, моя красотка, на мое <- - - ->» (Акад. Т. 13. С. 238). Очевидно, при этом письме Вяземский посылал Пушкину какое-то свое сочинение «в духе Хвостова», произведшее впечатление на адресата: «Благодарствую, душа моя, — и цалую тебя в твою поэтическую жопку — с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой пиитике басен и при посвящении говну говна твоего <...> как мне пред тобой не подличать — но подличать готов, а переписывать, воля твоя, не стану» (Акад. Т. 13. С. 239; ПД 1318, л. 1; стихотворение Вяземского не сохранилось; «разбор новой пиитике басен» дан в статье Вяземского «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» (МТ. 1825. Ч. 1. № 4. С. 346—353)). Обмен стихотворными репликами о графе Хвостове был продолжением обсуждения «Оды его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову», которая была послана Вяземскому еще в конце апреля 1825 г. (см. наст. т., с. 44—45 и примеч. с. 667—668); к ней, очевидно, относятся строки Вяземского «Ты сам Хвостова подражатель, / Красот его любостяжатель...».

Эпистолярный диалог Пушкина и Вяземского о Хвостове отличает, по выражению В. Э. Вацура, обилие комических «физиологизмов», основанных на уподоблении творчества естественным отправлениям (см.: Вацура В. Э. Продолжение спора: (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Вацура В. Э. Избранные труды. М., 2004. С. 752—755). Такие физиологизмы не раз возникали в переписке двух поэтов (см.: Шапир М. И. Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы: (Байрон—Пушкин—Тимур Кибиров) // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 167—168; Виницкий И. Ю. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017. С. 302—308, 310—314), например: «У Ж(уковского) понос поэтический хотя и прекратился, однако ж он все еще поддрискивает гекзаметрами» (Пушкин — Вяземскому, 14 августа 1831 г. — Акад. Т. 14. С. 208; ПД 1440, л. 1 об.—2); «Я начал также поддрисывать; на днях испрознался сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит» (Пушкин — Вяземскому, 3 сентября 1831 г. — Акад. Т. 14. С. 220; ПД 1443, л. 1 об.); см. также письмо

Вяземского к жене от 15 июля 1825 г. — ОА. Т. 5, вып. 1. С. 59 (характерна приписка Вяземского: «Жаль, что нет при тебе Александра Пушкина. Он умел бы оценить это письмо»). Присутствуют они и в ряде пушкинских текстов 1824—1825 гг. (см. прежде всего стихотворение «Ты и я» (1825[?]), тоже связанное с «хвостовской темой» (наст. т., с. 106), и написанную совместно с А. А. Дельвигом «Элегию на смерть Анны Львовны» (1825) (наст. т., с. 140)).

Ст. 3. *Я не парю — сижу орлом...* — По предположению А. Б. Пеньковского (см: *Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики*. М., 2005. С. 203, 220), Пушкин здесь пародирует характеристику Державина в известной статье Вяземского 1816 г.: «Державин парит смелым орлом» (*Вяземский П. А. О Державине // Вяземский П. А. Соч. : В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 10*). Однако образ, комически обыгранный Пушкиным («поэт подобен парящему орлу»), представляет собой один из устойчивых топосов.

Ст. 4. *И болен праздностью поносной.* — Пушкинский каламбур построен на сближении церковнославянского значения слова «поносный» — «позорный» со значением: поносный — «имеющий отношение к расстройству желудка» (ср. ст. 2: «Изнемогая животом») (см.: Виноградов. Язык П. С. 82). В качестве церковнославянизма прилагательное «поносный» употреблено Пушкиным в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814): «Воздвигся памятник простой. / О, сколь он для тебя, Кагульский брег, поносен...» (наст. изд., т. 1, с. 70). Выражение «поносная праздность» (в значении: «позорная праздность») соответствует словоупотреблению XVIII в.: «Ах; долго, долго ль так и мне себя томить, / Теряя дни мои во праздности поносной?» (*Муравьев М. Н. Сожаление младости // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 207* (Б-ка поэта; Большая сер.)), «Я осужден провождать дни мои здесь в поносной праздности, в то время как другие сражаются» (*Поэмы древних бардов / Пер. А. Д(митриева). СПб., 1788. С. 42; см. также С. 44*).

Ст. 6. *Натугу вдохновенья чуждый...* — В первой половине XIX в. форма «натуг» (м. р.) использовалась наряду с формой «натуга» (ж. р.) (см.: *Даль. Т. 2. Стб. 1265*).

Ст. 9. *Но твой затейливый навоз...* — Ср., помимо экспромта Вяземского в письме от 16 и 18 октября 1825 г., сходный образ в сатирических куплетах Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига и др. «Певцы 15 класса» (1822): «Я конохом был у Пегаса, / Навоз Расинов подгребал...» (*Баратынский. ПСС. Т. 3, ч. 1. С. 161*).

Ст. 11—12. *Хвостова он напоминает, Отца зубастых голубей...* — В притче Хвостова «Два голубя» (1802) описывалось, как попавший в силки голубок «кой-как разгрыз зубами узелки / И волю получил» (*Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами... графа Дмитрия Хвостова. СПб., 1802. С. 162*). Этот образ осмеивался неоднократно — см., например, арзамасскую «Речь Светланы» (В. А. Жуковского), посвященную сочинениям Хвостова («Между тем Голубь-путешественник сидел в угрюмом молчании, *стиснув зубы...*» — «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 295), «Собственную речь члена Вот» (В. Л. Пушкина) («Какая нам будет польза в том, если неутомимый рифмоткач узнает наконец, что у козла нет свиной туши, а у голубей зубов, точно так, как нет здравого рассудка в стихах его» — Там же. С. 343), а также письмо И. И. Дмитриева к Вяземскому от 6 декабря 1820 г. («Жаль, что не привели в пример чувства (Хвостова. — *Ред.*),

превращенные в прах, голубка с зубами, козла с свиною тушею и проч. Какое ободрение для талантов!» — СиН. СПб., 1898. Кн. 2. С. 142). 25 апреля 1825 г. тот же хвостовский образ вспоминал в письме к Пушкину Ф. В. Булгарин: «...начинаю благодарностью за присылку стихов на зубок Пчеле. — А где зубы у Пчелы? спросите — у Хвостова, который сотворил голубей с зубами: одно другого стоят» (Акад. Т. 13. С. 168).

«БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...»

(С. 79)

Автограф (ПД 1317) — белой, в письме к А. А. Дельвигу от октября — первой половины ноября 1825 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 450 (публ. П. И. Бартерева), в составе письма к Дельвигу, с пропуском ст. 12 (пропуск отмечен многоточием в конце ст. 11) и искажением последнего стиха; Переписка П. Т. 1. С. 300 (с исправлением последнего стиха; ст. 12 в одной части тиража: «За <... ..>», в другой части тиража полностью; публ. В. И. Сайтова).

Впервые: РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 450 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется октябрем — первой половиной ноября 1825 г. на основании датировки письма к Дельвигу, которая в свою очередь определяется по содержанию переписки Пушкина, Дельвига и Вяземского. В письме, в которое были включены комментируемые стихи, Пушкин разрешал Дельвигу взять для публикации в «Северных цветах» «весь портрет Татьяны, до *От Ричардсона без ума*, да еще конец от *Своим пенатам возвращенный*» (Акад. Т. 13. С. 241). К началу 20-х чисел ноября 1825 г. пушкинское письмо, отправленное из Михайловского, было уже получено в Петербурге и 22 ноября переслано Вяземскому, что видно из адресованного ему и датированного этим числом письма Дельвига, в котором, в частности, говорилось: «Велите мне списать <...> два отрывка из 2-й песни „Онегина“. Какие? вы увидите из приложенного письма Пушкина ко мне. Оно послужит вам как доказательство его позволения...» (Дельвиг. Соч. С. 307; здесь же (с. 414) в примеч. В. Э. Вацуро уточнена дата письма Дельвига, неверно напечатанная в публикации П. И. Бартерева как «28 ноября»).

В письме к Дельвигу Пушкин характеризует текст «Брови царь нахмурия...» как «приращение к куплетам Эристова» (Акад. Т. 13. С. 241), которые, очевидно, были присланы Дельвигом Пушкину вместе с письмом, до нас не дошедшим. П. О. Морозов высказал предположение, что «куплеты Эристова» — это встречающееся в рукописных сборниках восьмистишие «За трапезой царской...» (см.: Венг. Т. 3. С. 566, здесь же приведены первые шесть стихов; АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 186). Перешедшая в позднейшие издания (см., например: Акад. в 6 т. Т. 1. С. 744 (коммент. М. А. Цявловского); Пушкин 1955. Т. 3. С. 808 (примеч. Б. В. Томашевского)), эта гипотеза, однако, не аргументирована. В. Я. Брюсов, приводя два стиха из того же куплета (это первое упоминание в печати текста «За трапезой царской...»), приписывает его авторство Пушкину (также без аргументации, см.: Письма Пушкина и к Пушкину : Новые материалы, собранные книго-

издательством «Скорпион». М., 1903. С. 157). Местонахождение рукописных сборников, на которые ссылаются В. Я. Брюсов, П. О. Морозов, Б. Л. Модзалевский (см.: Письма. Т. 1. С. 517) и другие, неизвестно.

Князь Дмитрий Алексеевич Эристов (Эристави) (1797—1858) воспитывался в Полоцкой иезуитской коллегии, а затем в Царскоевельском Лицее (он принадлежал к следующему за пушкинским выпуску 1820 г.). В 1826—1833 гг. он служил в Комиссии по составлению законов и в преобразованном из нее II Отделении Собственной его величества канцелярии старшим помощником чиновника и одновременно переводчиком в канцелярии департамента Министерства юстиции; позже — в Морском министерстве. В 1850-х гг. Эристов — сенатор, член Морского аудиториата, тайный советник. С середины 1830-х гг. он сотрудничал в энциклопедических лексиконах А. А. Плюшара и Л. И. Зедделера, где печатал статьи о русских исторических деятелях и святых, о монастырях, а также статьи по истории Малороссии. В 1836 г. Эристов совместно с М. Л. Яковлевым анонимно издал «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых». Благожелательный отзыв на него Пушкина (см.: Акад. Т. 12. С. 101—103) помещен в третьем томе «Современника». Эристов был дружен с А. А. Дельвигом и М. Л. Яковлевым; с Пушкиным познакомился в Лицее, часто встречался с ним до его ссылки на Юг, а затем — после 1827 г.

В обществе Эристов пользовался репутацией остряка и балагура. Вспоминая о вечерах у Дельвига в 1827—1829 гг., его двоюродный брат А. И. Дельвиг писал: «Песни же и романсы певались непременно каждый вечер; в этом участвовал и сам Дельвиг, а особенно отличались М. Л. Яковлев и князь Эристов. Сверх того, они оба умели делать разные штуки, фокусы, были чревовещателями и каждый раз показывали что-нибудь новенькое. В этих изобретениях особенно отличался Эристов, который, впрочем, бывал не так часто, как Яковлев» (П. в восп. Т. 2. С. 112). А. Н. Вульф в октябре 1828 г. записал в дневнике об Эристове: «Он имеет дар передразнивать и голосом, и движениями, он равно хорошо представляет первых актеров здешних театров и ворон, скачущих около кучи выкинутого сора» (Пис. Вып. 21—22. С. 22; Вульф. Дневник 1999. С. 48). Об Эристове см.: Письма. Т. 1. С. 517—518 (примеч. Б. Л. Модзалевского). Сохранилось воспоминание А. И. Фелькнера о том, как в 1828 г. Пушкин с Эристовым состязались в остроумии на обеде у Б. К. Данзаса (см.: Разговоры Пушкина. М., 1991. С. 103—104). В «Записной книжке» Н. В. Кукольника Эристов охарактеризован как рассказчик анекдотов, и там же приведен в пример один его непристойный анекдот (см.: Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 113—114).

Сюжеты обоих пушкинских куплетов имеют соответствие в репертуаре анекдотов, известных по записям конца 1830-х—1850-х гг. Аналог первому куплету содержится в «Записной книжке» Кукольника: «„Г<осподин> комендант! — сказал Александр I в сердцах Башуцкому (петербургскому коменданту П. Я. Башуцкому (1771—1836), ставшему персонажем целой серии анекдотов. — Ред.), — Какой у вас порядок? Можно ли себе представить? Где монумент Петру Великому?..” — „На Сенатской площади.” — „Был да сплыл! Сегодня ночью украли. Поезжайте разыщите!” Башуцкий, бледный, уехал. Возвращается веселый, довольный; чуть в двери кричит: „Успокойтесь, Ваше Величество! Монумент целехонек, на месте стоит! А чтобы чего на самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового”. Все захохотали: „Первое апреля, любезнейший”. „Первое апреля”, — сказал государь и отправился к разводу. На следующий год, ночью, Башуцкий будит государя:

пожар. Александр встает, одевается, выходит, спрашивая: „А где пожар?“ — „Первое апреля, Ваше В<еличество>. Первое апреля“. Государь посмотрел на Башуцкого с соболезнаванием и сказал: „Дурак, любезнейший, и это уже не первое апреля, а сущая правда“» (цит. по: *Курганов Е.* Анекдот как жанр. С. 97). Особую актуальность анекдот мог иметь после петербургского наводнения 1824 г. Шуточный куплет Пушкина дает первую в его творчестве вариацию на тему о памятнике Петра, исчезнувшем со своего места.

Анекдот, соответствующий по своему содержанию второму куплету, имеется в рукописном сборнике «Забавные изречения, смехотворные анекдоты, или Домашние остроумцы»: «Один приезжий из-за границы рассказывал в гостях при дамах, что в Германии весьма строго наказывают за воровство. „Я не утверждаю, — прибавил он, — но мне говорили люди очень верные, что в Мангейме недавно повесили одного вора за то, что он украл несколько яиц“. — „Как, его повесили за яйца?“ — вскричала удивленная дама. „То есть не за яйца, а за голову“, — поправился приезжий» (Там же. С. 122).

«ВСЁ В ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...»

(С. 80 и 310)

Автограф (ПД 77, л. 1) — беловой, с дважды записанной пометой под текстом: «1825 / Тригорск<ое> 22»; «Тригорское» 23 < > 1825», на четверке фабричного листа бумаги № 47 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, в архиве Пушкина больше не выявленной (см.: *Рукоп. П.* 1937. С. 33, 305). После того как стихотворение было записано, листок был сложен четверо и на его обороте Пушкин набросал по-французски программу стихотворения «Движение» («*On a admiré le [Phi<losophe>] cinique...*») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 310). Жандармская помета: «45». Напечатано: Анненков. *Материалы 1855*. С. 346 (ст. 1—4); Шляпкин. С. 3 (полностью); Акад. Т. 2. С. 433 и 974 (текст, пометы; публ. Д. Д. Благого).

Впервые: Анненков. *Материалы 1855* (см. выше); впервые полностью: Шляпкин. С. 3.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. *Материалы 1855* (см. выше); Генн. 1859.

Печатается по автографу.

Датируется 1825 г., не позднее 23 ноября. Год и число устанавливаются согласно помете в автографе, месяц — по записи на обороте листка, сделанной не позднее 3 декабря 1825 г. (см. примеч. к стихотворению «Движение» — наст. т., с. 801).

Адресат стихотворения неизвестен. Чаще всего его связывают с именем Е. К. Воронцовой (см.: Венг. Т. 3. С. 580 (примеч. П. О. Морозова); Акад. в 6 т. Т. 1. С. 747 (коммент. М. А. Цявловского); Пушкин 1955. Т. 3. С. 801 (примеч. Б. В. Томашевского); Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 553 (примеч. Т. Г. Цявловской); Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 57; *Новиков И. А.* Пушкин в Михайловском. М., 1936. С. 214—215; о Е. К. Воронцовой см. примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633). Томашевский и Цявловская отмечают, что адресат устанавливается предположительно. К Воронцовой стихотворение отнесено в Указателе имен Акад. (Т. 2. С. 1213; Справочный том. С. 147) и в

Летописи (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 17). Если принять гипотезу об адресации Воронцовой, упоминание о ревности и планах мщения может быть отнесено к А. Н. Раевскому, сыгравшему неблагоприятную роль в удалении Пушкина из Одессы (подробнее см. примеч. к стихотворению «Коварность» (1824) — наст. т., с. 536—538).

Согласно другой гипотезе, стихотворение адресовано А. П. Керн (см.: Шляпкин. С. 3; Мор. 1903—06. Т. 2. С. 402—403; Громбах С. М. «Всё в жертву памяти твоей» // Врем. ПК. Вып. 23. С. 98—102; об А. П. Керн см. примеч. к стихотворению «К***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825) — наст. т., с. 703—704). Сторонники этой версии связывали стихотворение с приездом Керн в Тригорское летом 1825 г., в «деве воспаленной», упомянутой в ст. 3, видели (без достаточных оснований) Евпраксию Вульф, а «трепет ревности» и мечту о «мщении» трактовали как чувства, вызванные отношениями Керн с Алексеем Вульфом.

Критика гипотезы об адресации стихотворения А. П. Керн была развита в работе П. Е. Щеголева, который вслед за П. А. Ефремовым (см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 415) доказывал, что оно обращено к Амалии Ризнич (см.: Щеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 255—260 и след.; о Ризнич см. примеч. к стихотворению «Под небом голубым страны своей родной...» (1826) — наст. т., с. 852—854). Исследователи, разделяющие эту точку зрения, интерпретировали стихотворение как отклик на смерть Ризнич (см., например: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы: (1830—1833). Л., 1974. С. 90). Между тем о ее смерти Пушкин, вероятнее всего, узнал лишь в июле 1826 г. (см. примеч. к стихотворению «Под небом голубым страны своей родной...» — наст. т., с. 850—852, 854—855).

Существует, наконец, гипотеза, согласно которой стихотворение посвящено памяти Жозефины Велио (ок. 1794—ок. 1820), воспитанницы лицейского учителя музыки Теппера де Фергюсона, с которой Пушкин был знаком в лицейскую пору (см.: Есипов В. М. «Все в жертву памяти твоей...» // Новый мир. 2008. № 5. С. 168—176). Однако, по признанию самого автора, никакими достоверными доказательствами его гипотеза не подкреплена.

Ст. 1. *Всё в жертву памяти твоей...* — В словоупотреблении XVIII—первой трети XIX в. словосочетание «твоя память» преимущественно употреблялось в объектном значении «память о тебе» (см.: Громбах С. М. «Всё в жертву памяти твоей». С. 98). Ср. в «Оде на воспоминание Пленриной кончины» (1795) В. В. Капниста: «Воззри, как с ревностью сердечной / Твою любезну память вечно, / Твой образ он в душе хранит» (Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 126); в «Освобождении Скальда» (1823—1824) Д. В. Веневитинова: «Как тень, твоя память без шума пройдет, / И с жизнью имя исчезнет злодея» (Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 53 (Б-ка поэта; Большая сер.)); в стихотворении «К Тирзе» (1828) И. И. Козлова: «Решусь — пора <...> проститься / С любовью, с памятью твоей!» (Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 139 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 3. *И слезы девы воспаленной...* — Т. е. распаленной, воспламененной — ср. в «Руслане и Людмиле» (1817—1820): «Я рассказал, как ночью темной / Людмилы нежной красоты / От воспаленного Руслана / Сокрылись вдруг среди тумана»; «Я вижу терем отдаленный, / Где витязь томный, воспаленный / Вкушает одинокий сон / <...> / Его уста полуоткрыты / Лобзанье тайное манят» (Акад. Т. 4. С. 27, 54).

ДВИЖЕНИЕ

(«„Движенья нет”, — сказал мудрец брадатый...»)

(С. 81 и 310)

Автографы:

1) ПД 77, л. 1 об. — записанная по-французски программа на обороте листа с беловым автографом стихотворения «Всё в жертву памяти твоей...»; под текстом стихотворения — пометы: «1825 / Тригорск(ое) 22»; «Триг(орское) 23 ( ) 1825». Программа записана теми же пером и чернилами после того, как лист с автографом стихотворения (четверка грубой писчей бумаги № 47 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, в архиве Пушкина больше не выявленной, — см.: Рукоп. П. 1937. С. 53) был сложен вчетверо. Жандармская помета: «45». Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 272, с пояснением: «Эта мысль породила небольшое стихотворение „Движение”». В Мор. 1887 (Т. 1. С. 354) французская запись была названа «припиской» к стихотворению. Неверно истолковав это примечание П. О. Морозова, И. А. Шляпкин, в собрание которого поступил автограф, при описании его дал ошибочное указание: «Эта приписка повторяется и в рукописи стихотворения „Движение”» (Шляпкин. С. 3).

2) ПД 1320, л. 1 об. — беловой, с поправкой, в письме к П. А. Вяземскому от конца ноября—начала (не позднее 3-го) декабря 1825 г.; в письме приведены тексты пяти эпиграмм Пушкина в последовательности: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Нет ни в чем вам благодати...» (под заглавием: «Мадригал»). Напечатано: Переписка П. Т. 1. С. 311 (публ. В. И. Саитова).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи, объединяющей заглавия четырех эпиграмм 1824—1825 гг. (ср. выше об автографе письма Пушкина к Вяземскому): «— Совет, движенье, кукушка, дружба —» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178; выделение с помощью двух тире в начале и в конце дано Пушкиным только в этой части списка); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Совет дв(ижение) кук(ушка) др.», под № 33 (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Уралия : Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826]. С. 155. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 29 (отдел стихотворений 1825 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1825 г., не позднее 3 декабря; год устанавливается по дате в автографе ПД 77 и указанию в Ст 1829, нижняя граница — по письму Пушкина к Вяземскому с текстом пяти эпиграмм (дата в письме не проставлена, оно датируется по почтовому штемпелю). Возможно предположительное сужение датировки: вторая половина октября—3 декабря 1825 г., основанное на времени получения альманаха «Мнемозина» (1824. Ч. 4) со статьей, которая, согласно гипотезе М. П. Алексеева, стала поводом для написания эпиграммы (см. ниже). Время выхода в свет 4-й части «Мнемозины» — 1—20 октября 1825 г. (П. в печати. С. 30; см.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени : (Разыскания и этюды) // Алексеев. Пушкин. С. 71, 76—77).

Историю публикации эпиграммы см. в примеч. к стихотворению «Дружба», наст. т., с. 659.

Записанная по-французски программа содержит восходящий к античности анекдот о споре философа-киника с представителем элейской школы, согласно учению которой подлинное бытие едино и неподвижно. Секст Эмпирик (Σέξτος ὁ ἐμπειρικός; II в. н. э.) передает этот анекдот, не называя имен участников спора: «Один из древних киников на силлогистическое рассуждение против движения ничего не ответил, но, встав, прошелся, обличая этой очевидностью неразумие софистов» (Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 326—327). Изображенным в анекдоте философом, утверждавшим, что движения не существует, обычно называют ученика Парменида Зенона Элейского (Ζήνων ὁ Ἐλεάτης; ок. 490—ок. 430 до н. э.), который сформулировал апории, доказывавшие невозможность движения. В сочинении Диогена Лаэртского (Διογένης ὁ Λαέρτιος; предположительно первая половина III в.), где также приводится этот анекдот, его оппонентом назван Диоген Синопский (Διογένης ὁ Σινωπεύς; ок. 404—ок. 323 до н. э.) (см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 226). Между тем, как видно по датам жизни обоих древнегреческих философов, оппонентом Зенона никак не мог быть Диоген, который назван и в пушкинской французской программе. В некоторых версиях анекдота философом, оспаривавшим утверждения Зенона, назван киник Антисфен (см.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. С. 70—71), однако и его встреча с Зеноном исключается, поскольку годы жизни Антисфена (Ἀντισθένης) — 435—370 до н. э.

Анекдот получил широкую известность как в Европе, так и в России. См., например, в романе-трактате Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou De l'éducation», 1762): «Изумительны результаты, которых древние достигали красноречием; но это красноречие заключалось не в одних красивых словах, искусно составленных речах <...> что живее всего трогало, то выражалось не словами, а знаками <...> Не убедительнее ли это всяких длинных речей <...> когда Диоген прохаживался перед Зеноном? Какой оборот слов мог бы передать те же мысли?» (Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 389; указано В. Д. Раком). Об известности анекдота в русской культурной среде свидетельствует, в частности, ссыла на него в неоконченной записке Н. И. Тургенева «Нечто о барщине» (1818): «Так древние скептики утверждали, что люди ошибаются, думая, что они двигаются, когда ходят, и что сие мнение происходит единственно от воображения. Известен способ, употребленный одним афинским весельчаком для опровержения скептиков» (АбТ. Т. 3. С. 49; указано В. В. Пугачевым, который, однако, необоснованно приписал пушкинской эпиграмме идеологический и политический подтекст — см.: Пугачев В. В. «Движение» Пушкина и «Нечто о барщине» Н. И. Тургенева // Врем. ПК. 1974. С. 113—115).

Французская программа, точно соответствующая содержанию стихотворения, в издании «Рукою П.» была определена как «выписка Пушкина из неизвестного французского автора» (Рукою П. С. 497; Рукою П. 1997. С. 469). Такое определение предполагает, что пушкинская эпиграмма является стихотворным переложением неустановленного источника, которым предзаданы все ее смысловые ходы.

Существует и иная, по-видимому, более правдоподобная гипотеза о происхождении комментируемого стихотворения, высказанная М. П. Алексеевым. По его мнению, мысль о создании эпиграммы возникла у Пушкина после знакомства со статьей В. Ф. Одоевского «Секта идеалистико-элеатическая : (Отрывок из Словаря истории философии)» (Мнем. Ч. 4. С. 160—192; в той же книжке «Мнемозины» было напечатано стихотворение Пушкина «К морю»). В статье, написанной в духе

немецкого идеализма, излагались знаменитые апории Зенона (весьма вероятно, что с его идеями Пушкин был знаком еще по лицейским лекциям А. И. Галича — ср.: Галич А. И. История философских систем. СПб., 1818. Кн. 1. С. 52—54). По словам Одоевского, Зенон «явился на сцену в то время, когда все были вооружены против элеатиков за их недоверчивость к чувствам. Парменидовой идее об единстве (имеется в виду Парменид Элейский (Παρμενίδης; род. ок. 540 или 520 до н. э.) — Ред.) противопоставляли многообразие предметов, утверждаемое опытностью; опровержению движения — противопоставлялось беспрестанное изменение предметов, ощущаемое чувствами. Зенон решился поразить противников их же собственным оружием: рассуждая о каком-либо предмете, он как бы брал сторону своего соперника, развивал его собственную мысль и доводил ее — до нелепости» (Мнем. Ч. 4. С. 187). Одоевский привел одно из «опровержений движения» Зенона: «Положим, что пущенная стрела движется; но в каждое мгновение она находится в пространстве, ей равном; следственно, она в сем пространстве находится в покое; следственно, она каждое мгновение находится в покое и в движении, что невозможно» (Там же. С. 188). По мнению Одоевского, «Зенон не составил никакой особенной системы; его целью было поддержать мнения Парменидовы, доказать, что опытность имеет множество различных сторон, из коих каждая может быть справедлива и несправедлива, и что, следственно, опытность ведет к заблуждениям; наконец, что одно умозрение может довести нас до истины» (Там же. С. 189).

В той же книжке «Мнемозины» (С. 1—34) была напечатана первая натурфилософская статья М. Г. Павлова «О способах исследования природы» (подпись: «п. п.»), направленная на защиту «умозрения» перед «эмпиризмом». Ее содержание перекликалось с рассуждениями Одоевского о Зеноне. «Природа, — писал Павлов, — исследуется двумя способами: аналитическим — эмпирическим и синтетическим — умозрительным. По первому способу во главу угла полагается опыт, и на нем зиждется все знание; по второму — умозрение; по первому от явлений восходят к началам, по второму от начал к явлениям. Совокупность сведений, первым способом приобретенных, называется эмпирическими, а вторым — умозрительными естественными науками» (Там же. С. 8—9). По мнению Павлова, «опыт может доводить до открытий, но до знания оных никогда»; теории, выдвигаемые эмпириками, сменяют одна другую, никогда не добираясь до истинной природы вещей (Там же. С. 32, 33). См.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. С. 71—73.

В статье Одоевского анекдот о Зеноне Элейском и его оппоненте не приводился. Возможно, он просто вспомнился Пушкину по прочтении этой статьи. Но не исключено и то, что сюжет эпиграммы все-таки восходит к какому-то конкретному источнику. По предположению М. П. Алексеева, таким источником был «Исторический и критический словарь» П. Бейля (Bayle; 1647—1706) (Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Nouv. éd. Paris, 1820—1824. Т. 1—16), ссылка на который имелась в статье Одоевского. Бейль не только привел разные варианты анекдота в статье о Зеноне (Ibid. Paris, 1820. Т. 15. P. 30—60), но и дал его критический анализ: «Как бы там ни было, ответ Диогена-циника философу, отрицавшему движение, является софизмом того рода, который логики называют *ignoratio elenchi*. Это означало выйти за пределы вопроса, потому что философ не отбрасывал видимость движения; он не отрицал, что человеку кажется, что движение существует, он утверждал лишь, что в действительности ничто не движется, и он доказывал это доводами очень хитроумными и повергающими в полное смущение» (Ibid. P. 59).

Словарь Бейля сохранился в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 586), он мог располагать им еще в Михайловском.

Ст. 1—2. *«Движенья нет», — сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить.* — Основываясь на тексте французской программы, исследователи и комментаторы полагали, что в эпиграмме речь идет о Диогене (см.: Черняев Н. И. «Движение» // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 328; Акад. Т. 17 (Справочный). С. 187; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 432, примеч. Б. В. Томашевского). По предположению М. П. Алексеева (см.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. С. 74—75), из текста эпиграммы это имя исчезло в результате знакомства Пушкина со статьей в словаре Бейля, где подчеркнуто, что встреча Зенона и Диогена была невозможна: «Лучше не называть никого, чем уверять, что Диоген-циник и Зенон Элейский были действующими лицами этого рассказа» (Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Т. 15. P. 58).

Ст. 4. *Хвалили все ответ замысловатый.* — Возможно, строка вызвана рассуждением Бейля: «...ответ Диогена был софистическим, хотя он и способен был вызвать аплодисменты всей компании. Этот ответ был издевательским, но я думаю также, что философ, заинтересованный его существом, мог лишь отнестись к нему с презрением» (Ibid. P. 60; см.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. С. 76).

Ст. 7—8. *Ведь каждый день пред нами солнце ходит, Однако ж прав упрямый Галилей.* — Галилео Галилей (Galilei; 1564—1642) — итальянский физик, математик и астроном, по легенде произнесший знаменитые слова: «А все-таки она вертится!» («*Errug si muove!*»), после того как по настоянию инквизиции вынужден был отречься от гелиоцентрического учения Н. Коперника.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

(«В лесах, во мраке ночи праздной...»)

(С. 82 и 310)

Автограф (ПД 1320, л. 1—1 об.) — белой, в письме к П. А. Вяземскому от конца ноября—начала (не позднее 3-го) декабря 1825 г.; в письме приведены тексты пяти эпиграмм Пушкина в последовательности: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Нет ни в чем вам благодати...» (под заглавием: «Мадригал»). Напечатано: Переписка П. Т. 1. С. 310 (публ. В. И. Саитова).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначавшихся для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи, объединяющей заглавия четырех эпиграмм 1824—1825 гг. (ср. выше об автографе письма Пушкина к Вяземскому): «— Совет, движенье, кукушка, дружба —» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); выделение с помощью двух тире в начале и в конце дано Пушкиным только в этой части списка; 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Совет дв(ижение) кук(ушка) др.», под № 33 (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Урания : Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826]. С. 265. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 31 (отдел стихотворений 1825 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1825 г., не позднее 3 декабря; год устанавливается по указанию в Ст 1829, нижняя граница — по письму Пушкина к Вяземскому с текстом пяти эпиграмм (дата в письме не проставлена, оно датируется по почтовому штемпелю).

При публикации в «Урагии» ст. 7 был изменен сравнительно с текстом, посланным Вяземскому. Поправка могла быть сделана в соответствии с указанием Пушкина в каком-то несохранившемся его письме к Вяземскому, написанном сразу же после письма с текстом эпиграммы. Нельзя исключить, однако, что изменение принадлежало Вяземскому и было принято Пушкиным при подготовке Ст 1829.

Историю публикации эпиграммы см. в примеч. к стихотворению «Дружба» — наст. т., с. 659.

Эпиграмма «Соловей и кукушка» связана с полемикой вокруг жанра элегии, развернувшейся в первой половине 1820-х гг. В это время на страницах русских журналов все активнее начинает выражаться недовольство «односторонностью» элегий и предпочтением их перед «всем прочим». О. М. Сомов, в начале своей литературной деятельности активно выступавший против «новой поэтической школы», в статье «О романтической поэзии» писал: «Все роды стихотворений теперь слились почти в один элегический: везде унылые мечты, желание неизвестного, утомление жизнью, тоска по чем-то лучшему — выраженные непонятно и наполненные без разборю словами, схваченными у того или другого из любимых поэтов» (Соревн. 1823. Ч. 24. № 11. С. 145). Наиболее остро тема «унылой элегии» была поднята В. К. Кюхельбекером в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»: «Подражатель не знает вдохновения: он говорит не из глубины собственной души, а принуждает себя пересказать чужие понятия и ощущения. — Сила? — где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? — У нас все мечта и призрак, все мнится, и кажется, и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то. Богатство и разнообразие? Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. (...) Картины везде одни и те же: луна, которая — разумеется — уныла и бледна, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, пошлые иносказания, бледные, безвкусные олицетворения *Труда, Неги, Покоя, Веселия, Печали, Лени* писателя и *Скуки* читателя; в особенности же туман: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя» (Мнем. Ч. 2. С. 36—38 (выход в свет 23 июня); Кюхельбекер 1979. С. 456—457). В том же альманахе в статье «Земля безглазцев» Кюхельбекер повторял: «...элегии одного несколько трудно отличить от элегий другого: они все твердят одно и то же; все грустят и тоскуют о том, что *дважды два — пять*. — Эта мысль, конечно, чрезвычайно нова и поразительна; но под их пером уже несколько обветшала (...) с семнадцати лет у нас начинают рассказывать про свою отцветшую молодость; наши стихотворения не обременены ни мыслями, ни чувствами, ни картинами; между тем заключают в себе какую-то неизъяснимую прелесть, непонятную ни для читателей, ни для сочинителей...» (Мнем. Ч. 2. С. 149—150). В примечании к статье «Письмо в Москву к В. К. Кюхельбекеру» В. Ф. Одоевского Кюхельбекер писал, что в собственной статье «О направлении

нашей поэзии...» «откровенно и, может быть, слишком откровенно» выразил свое мнение «о сочинениях Жуковского, Пушкина и Баратынского» — в знак «непритворного к ним уважения» (Там же. С. 183—184). Статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...» представляла собой «факт литературной полемики с уже угасающей школой, которая в момент своего возникновения и в апогее своего развития обладала чрезвычайно высоким философским и эстетическим потенциалом» (Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 6). В острых журнальных и эпистолярных откликах на статью отстаивались достижения ведущих русских поэтов и главным образом Жуковского как родоначальника русской элегической школы. В рецензии на вторую книжку «Мнемозины» Ф. В. Булгарин, процитировав высказывания Кюхельбекера о современной элегии, писал: «Все сказанное им должно отнести к несносным подражателям Жуковского, Пушкина и Батюшкова, а не к сим великим поэтам, делающим честь нашему веку» (Литературные листки. 1824. Ч. 3. № 15. С. 77). О статьях Кюхельбекера, их восприятии и полемике вокруг них см.: Тьянянов Ю. Н. 1) Архаисты и Пушкин // Тьянянов. С. 95—105; 2) Пушкин и Кюхельбекер // Там же. С. 283—285; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 214—222, 400—404; Вацуро. Сев. цветы. С. 22—26.

Эпиграмма Пушкина была направлена против поэтического эпигонства, но не элегии как жанра (см.: Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973. С. 66—67). Критика этого жанра Кюхельбекером вызвала иронические отклики Пушкина. Прочитав его статью в наброске предисловия к первой главе «Евгения Онегина» (см.: Акад. Т. 6. С. 527), записанном в тетр. ПД 835 на л. 11 не позднее 5 сентября 1824 г. (дата на л. 11 об.), Пушкин вновь обратился к той же статье в строфах XXXII—XXXIII четвертой главы романа в стихах (черновой автограф этих строф (ПД 835, л. 75—75 об.) датируется, как и весь черновой текст четвертой главы на л. 70 об.—77 об. в тетр. ПД 835, не ранее начала июля 1825 г. (на л. 69 об.—70 — письмо к Александру I, написанное после того, как Пушкин узнал, что ему предписано лечиться не в Риге, а в Пскове; это решение было сообщено матери поэта, а также псковскому и лифляндскому генерал-губернаторам 26 июня 1825 г.) — не позднее 2 января 1826 г. (дата на л. 77 об.)):

Но тише! Слышишь? Критик строгий
 Повелевает сбросить нам
 Элегии венок убогий,
 И нашей братье рифмачам
 Кричит: «Да перестаньте плакать,
 И всё одно и то же квакать,
 Жалеть о *прежнем*, о *былом*:
 Довольно, пойте о другом!»

Пародируя призывы критика к возрождению оды, Пушкин заканчивает строфу XXXII словами: «Пишите оды, господа» (пародийным откликом на эти призывы Кюхельбекера явилась также «Ода его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825), см. примеч. к ней — наст. т., с. 669—671). Тема продолжена в строфе XXXIII:

«Но всё в элегии ничтожно;
 Пустая цель ее жалка;

Меж тем цель оды высока
И благородна...» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу;
Два века ссорить не хочу.

(Акад. Т. 6. С. 86—87)

Во второй половине декабря 1825—первых числах января 1826 г. Пушкин начал набрасывать критический ответ Кюхельбекеру (см. «〈Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“〉» — Акад. Т. 11. С. 41—42; убедительная датировка этих набросков дана Т. И. Краснобородько — см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // *Russian Literature and the West : A Tribute for David M. Bethea.* Stanford, 2008. Т. 1. P. 68—73).

В неопубликованной заметке «〈Стихотворения Евгения Баратынского〉», написанной в Михайловском в августе 1827 г., Пушкин ясно сформулировал свое отношение к жанру элегии: «Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража(тели) Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирическ(ий) и элегическ(ий) должны быть исключены из разрядн(ых) книг поэтической олигархии» (Акад. Т. 11. С. 50). В строфе XLIV шестой главы «Евгения Онегина» (черновик строфы в тетради ПД 836, л. 23 написан также в Михайловском в 1827 г. — см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 144) Пушкин вновь вспомнил статью Кюхельбекера и его насмешки над элегическими повторениями «*младости и радости*» (П. в критике, I. С. 237). Воспоминание Пушкина окрашено в мягкие тона самоиронии, направленной на его бывшие «элегические затеи»:

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрям, и в самом деле,
Без элегических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

(Акад. Т. 6. С. 136)

Пародировав в содержательном плане элегию (см.: *Эткинд Е. Г.* «Неизгладимая печать»: (Пушкин-эпиграмматист) // *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 431—432), Пушкин использует образы из басни А. П. Сумарокова «Соловей и кукушка» (1738):

По мрачной нощи
Приятно воспевал на древе Соловей;
Еще прекраснее тогда казались рощи
От песни сей.
<.....>
Кукушка <...>
Закукувала

И вопит на суку.
 Ребята песню ту внимают
 И прутья не ломают,
 Да только лишь кричат за ней: «Ку-ку, ку-ку!»
 Кукушке подражать нетрудно,
 Она поет не чудно...
 (Русская басня XVIII—XIX веков. Л., 1977.
 С. 98—99 (Б-ка поэта; Большая сер.))

Несомненна и связь пушкинской эпиграммы с басней И. А. Крылова «Осел и соловей» (1811):

Тут Соловей являть свое искусство стал:
 Защелкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался...

Ср. также концовку басни: «Избави, Бог, и нас от этаких судей» (Крылов И. А. Соч. : В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 502). См.: Зырянов О. В. Между современным и архаикой : Жанровые стратегии басни (притчи) в поэзии А. С. Пушкина // Литературное общество «Арзамас» : Культурный диалог эпох : Материалы Междунар. науч. конф. Арзамас, 2—4 июня 2005 г. Арзамас, 2005. С. 118—120.

Сразу же после выхода «Урании» Е. А. Баратынский писал Пушкину: «...как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно: Вытье жеманное поэтов наших лет» (Акад. Т. 13. С. 254, с датировкой 5—20 января 1826 г.; уточнение датировки: 1826, январь, после 7-го — см.: Летопись Боратынского. С. 173). Скорее всего, Баратынский имел в виду строки из не дошедшей до нас ранней редакции своего послания «Богдановичу» (1824; напечатано: СЦ 1827), соответствовавшие опубликованным стихам:

В печаль влюбилась мы. Новейшие поэты
 Не улыбаются в творениях своих,
 И на лице земли всё как-то не по ним.
 <.....>
 Пристала к музам их немецких муз хандра.
 Жуковский виноват: он первый между нами
 Вошел в содружество с германскими певцами
 И стал передавать, забывши Божий страх,
 Жизнехуленья их в пленительных стихах.
 Прости ему Господь! — Но что же! все мараки
 Ударилась потом в задумчивые враки,
 У всех унынием оделось чело,
 Душа увянула и сердце отцвело.
 (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 69—70)

Позднее Баратынский в измененном виде включил упомянутую в письме строчку в стихотворение «Когда печалью вдохновенный...» (ранняя редакция — «Подражателям», 1829), развивавшее противопоставление подлинного элегика мнимому: «Но

для притворства всякий хладен, / Плач подражательный досаден, / Смешно жеманное выгье!» (Там же. С. 248).

Ст. 2—3. *Весны певец разнообразный Урчит, и свищет, и гремит.* — Ср. в стихотворении Г. Р. Державина «Соловей» (1795):

По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам...

(Державин. Т. 1. С. 693)

См. также стихотворения Державина «Соловей во сне» (1797) и Н. М. Карамзина «Соловей» (1796).

«В КРОВИ ГОРИТ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ...»

(С. 83 и 311)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 53 — беловой прозаического перевода из Песни песней (1:1—2), под заглавием: «Песнь песней царя Соломона» и ст. 1—4, с одновременной и позднейшей правкой, выполненной более темными чернилами. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 103. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло (вместе со стихотворением «Вертоград моей сестры...») в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Подр(ажания) восточн(ым) стих(отворениям)» (см.: Рукою П. 1997. С. 177—178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи «Подр(ажания) вост(очному)», под № 37, отмечено условным обозначением «лирических стихотворений» (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: МВ. 1829. Ч. 1. С. 44, под общим со стихотворением «Вертоград моей сестры...» заглавием: «Подражания», первым из двух стихотворений (под цифрой: «1»). Вошло в Ст. 1829. Ч. 2. С. 56 (отдел стихотворений 1825 г.), без объединения со стихотворением «Вертоград моей сестры...» заглавия и без внутренней нумерации (хотя циклическое объединение стихотворений отсутствует, последовательность соответствует публикации МВ).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется начало работы 1821 г., предположительно первой половиной года, по положению автографа в тетради ПД 831, завершение работы — 1825 г. в соответствии с указанием в Ст 1829.

Беловой автограф в тетради ПД 831 находится среди черновых рукописей конца 1821 г. (на л. 52—52 об. — черновой автограф поэмы «Братья разбойники», на л. 53 об.—56 — черновой автограф стихотворения «К Овидию»; его датировку см. в наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 670, примеч. Е. О. Ларионовой). Судя по всему, он записан не в ходе последовательного заполнения тетради, а в ее незаполненной еще к тому времени части. Оттенок чернил автографа не находит соответствия в рукописях второй половины 1821 г., но близок ко многим записям в первой половине тетради. Судя по беловому характеру записи в тетради ПД 831, ей, скорее всего, предшествовала какая-то первоначальная рукопись, возможно содержавшая более полный текст (последний стих оборван на точке с запятой). Под автографом в оставшейся свободной нижней половине л. 53 в два столбца записан список стихотворений 1821—1822 гг. (датируется 1822 г., но столбцы записаны не одновременно). Поправки в автографе более темными чернилами относятся ко времени появления в тетради второго столбца списка, в который внесены стихотворения 1822 г.

П. О. Морозов датировал стихотворение 1821 г. по времени создания первоначального наброска (см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 260—261; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 299—300; то же решение см.: Ефр. 1903—05 Т. 1. С. 428—429; Т. 8. С. 171; Венг. Т. 2. С. 579—580). В. Е. Якушкин в статье «Новые издания текстов Пушкина» подчеркнул, что поэт «сделал первый набросок этого стихотворения в 1821 г., но отделал его в 1825» (Русские ведомости. 1903. № 66. 8 марта).

Стихотворение «В крови горит огонь желанья...», как и «Вертоград моей сестры...», восходит к Песни песней царя Соломона, библейской книге, не читавшейся в православном богослужении и не имевшей сложившейся традиции поэтических переложений (в отличие, например, от переложений псалмов).

Записанный в тетради ПД 831 прозаический перевод начала Песни песней с церковнославянского на русский (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 311) принадлежит Пушкину (в число библейских книг, переведенных Российским библейским обществом, Песнь песней не входила). Пушкиным переведены первые два стиха: «Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина, и воня мира твоего паче всех аромат. Миро излиное имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиха тя». В последней фразе своего перевода Пушкин допустил ошибку, в результате которой весь текст прозвучал как мужская реплика, между тем как в оригинале первые два стиха Песни песней звучат от лица женщины.

Диалогичная речевая структура Песни песней представляет определенные сложности для понимания. В тексте чередуются высказывания от женского и мужского лица, но смена голоса никак не обозначена, и если в древнееврейском первоисточнике на нее указывают грамматические формы, то церковнославянский текст не всегда позволяет определить, кому принадлежит та или иная реплика. Пониманию структуры диалога, звучащего в Песни песней, могло способствовать чтение Библии во французском переводе. Так, в наиболее распространенном в XVIII—начале XIX в. переводе Л.-И. Леметра де Саси (Lemaistre de Sacy; 1613—1684) и П. Тома дю Фоссе (Thomas du Fossé; 1634—1698), так называемой Библии Пор-Рояля, смена говорящих была указана введением соответствующих обозначений: «l'Ероух», «l'Еrouse», «les compaignes de l'Еrouse» («супруг», «супруга», «спутницы супруги»); эти указания начинаются со ст. 7 главы 1, начальные стихи которой оставлены без обозначения лица. Текст главы 1 предваряется пояснением: «L'Ероух de ce divin Cantique est J. C. même: l'Eglise est son Еrouse» (Супруг в этой божественной Пес-

ни — сам И(исус) Х(ристос): Церковь — его Супруга — *фр.*). В ноябре—декабре 1824 г. Пушкин настоятельно просил брата прислать ему в Михайловское Библию: «Библию, Библию! и французскую непременно» (начало 20-х чисел ноября 1824 г.); «Мих(айло) привез мне все благополучно, а Библии нет» (4 декабря 1824 г.) (Акад. Т. 13. С. 123, 127). Еще одна пушкинская записка того же времени, где в перечне необходимых ему вещей значится: «Библии 2» (Там же. С. 131), показывает, что речь шла и о французском, и о церковнославянском тексте. С 1825 г. просьбы о Библии из писем Пушкина исчезают — видимо, книги были доставлены (возможно, именно полученный в Михайловском экземпляр французской Библии в переводе Леметра де Саси и Тома дю Фоссе, изданной в 1817 г. Российским библейским обществом, сохранился в библиотеке поэта (Библиотека П. № 604)). Получив их, Пушкин смог вернуться к отложенному ранее замыслу, переработал начатое на Юге стихотворение «В крови горит огонь желанья...» и написал второе — «Вертоград моей сестры...». Решение, не найденное в 1821 г., было найдено в 1825-м: в своих переложениях из Песни песней Пушкин точно воспроизвел структуру библейского текста. Оба стихотворения представляют собой любовный диалог с необозначенной сменой речевых субъектов.

Таким образом, в стихотворении «В крови горит огонь желанья...» первое и второе четверостишие принадлежат разным голосам: первое в переработанном варианте теперь в соответствии с оригиналом — женскому, второе — мужскому голосу (образ, использованный в ст. 7—8, встречается в Песни песней дважды (см. ниже, примеч. к этим стихам); согласно указаниям во французской Библии, в первом случае — в женской партии, во втором — в мужской). Подробнее см.: *Ларионова Е. О.* Пушкинские переложения из Песни песней // (Не)музыкальное приношение, или *Allegro affettuoso* : Сб. статей к 65-летию Б. А. Каца. СПб., 2013. С. 195—201.

Развитие лирического сюжета, как уже отмечалось исследователями, «не опирается на конкретную последовательность библейских стихов: источники тематики и лексики этого стихотворения рассеяны по всему тексту Песни песней» (*Сафран Г.* Любовные песнопения между сакральным и повседневным : Пушкинские «Подражания» в контексте перевода Библии // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 153; см. также: *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики : (Стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья») // Мурьянов. 1999. С. 225—227). Пушкин использовал библейскую лексику («душа уязвлена» (ср. в Песни песней (2: 5): «так о уязвлена есмь любовию аз»), «лобзай», «лобзания», «почию», «двигнется») и синтаксические средства имитации библейского повествования (союз *и да* в императиве — «И да почю безмятежный»). См.: *Виноградов.* Язык П. С. 130—131; *Виноградов В. В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы : Сб. науч.-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 557—558.

Существует мнение, что заглавие «Подражания» в публикации «Московского вестника» было продиктовано желанием Пушкина избежать соприкосновения с духовной цензурой, которой были подведомственны поэтические «переложения» библейских текстов (см.: *Мурьянов М. Ф.* Пушкин и Песнь песней // Мурьянов 1999. С. 199—200; *Сафран Г.* Любовные песнопения между сакральным и повседневным. С. 143). Едва ли это мнение справедливо. В двух списках произведений, составленных Пушкиным для себя в 1827—1828 гг., т. е. задолго до передачи стихотворений «В крови горит огонь желанья...» и «Вертоград моей сестры...» в «Московский вестник», они обозначены как «Подр(ажания) восточн(ым) стих(отворе-

ниям)» (см. выше). В этом определении выражен характерный для литераторов 1820-х гг. взгляд поэта на библейскую поэзию как поэзию восточную и на жанрово-тематическую природу своих стихотворений (см. об этом: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 267—268). Ближайший художественный контекст пушкинского творчества, в котором могут рассматриваться переложения Песни песней, был также очерчен поэтом, включившим стихотворения «В крови горит огонь желанья...», «Вертоград моей сестры...», «Пророк», «Ангел», «Соловей и роза», «Виноград», «О дева-роза, я в оковах...» и «Подражания Корану» в раздел «Вольные подражания восточным стихотворениям» последнего, неосуществленного собрания 1836 г.

Ст. 3. *Лобзай меня: твои лобзанья...* — В черновой рукописи «(Путешествия из Москвы в Петербург)» (1833—1834), рассуждая о проблеме соотношения церковнославянского и русского языков, Пушкин приводил в пример начало Песни песней: «Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать „да лобжет мя лобзанием“ вместо „далуй меня“ etc.» (Акад. Т. 11. С. 226).

Ст. 4. *Мне слаще мирра и вина.* — Предположение М. Ф. Мурьянова (см.: *Мурьянов М. Ф.* Об одном восточном мотиве у Пушкина // *Мурьянов 1999.* С. 268—269), что при подготовке Ст 1829 третье слово в стихе подверглось правке цензора, который заменил в пушкинском тексте «сакральное» «муро» (сохранявшееся ижицу, вариативное написание: «мурро») словом «мирра» («смирна», через «и» восьмеричное), представляется неосновательным. Пушкинское «муро» не вызвало никакого беспокойства при цензуровании «Московского вестника» и было сохранено в журнальной публикации: «Мне слаще мурра и вина». Замена в данном случае исключается еще и потому, что слова «муро» и «мирра» разного грамматического рода.

Ст. 5—6. *Склонись ко мне главою нежной, И да почию безмятежный...* — Б. В. Томашевский указывал, что в стихотворении есть «словесные совпадения» с поэмой «Гавриилиада» (1821; ср., например, ст. 129: «И на груди красавицы почию» — Акад. Т. 4. С. 124), хотя при этом в нем отсутствует «элемент пародии» (Пушкин 1955. Т. 3. С. 809).

Ст. 7—8. *Пока дохнет веселый день И двинется ночная тень.* — Стихи восходят к двум фрагментам Песни песней: «Дондеже дхнет день, и двинутся сени» (2: 17); «Дондеже дхнет день, и подвигнутся сени» (4: 6) (см.: *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 226).

Другие редакции и варианты

Перевод начала Песни песней. *...лучше всех аромат...* — «аромат» — форма родительного падежа множественного числа, характерная не только для церковнославянского языка (ср. в приведенной выше цитате из Песни песней: «воня мира твоего паче всех аромат»), но и для русского языка XVIII в. Ср. в оде Г. Р. Державина «Фелица» (1782): «Шампанским вафли запиваю / И все на свете забываю / Среди вин, сластей и аромат» (Державин. Т. 1. С. 136).

«ВЕРТОГРАД МОЕЙ СЕСТРЫ...»

(С. 84 и 312)

Автограф неизвестен.

Вошло (вместе со стихотворением «В крови горит огонь желанья...») в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Подр(ажания) восточн(ым) стих(отворениям)» (см.: Рукою П. 1997. С. 177—178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи «Подр(ажания) вост(осточному)», под № 37, отмечено условным обозначением жанра «лирических стихотворений» (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: МВ. 1829. Ч. 1. С. 44, под общим со стихотворением «В крови горит огонь желанья...» заглавием: «Подражания», вторым стихотворением (под цифрой: «2»). К тексту публикации была дана поправка в следующей части журнала: «На с. 44 под последним стихом должно было поставить несколько точек» (МВ. 1829. Ч. 2. Отдел «Замеченные опечатки». С. 1). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 57 (отдел стихотворений 1825 г.), без учета поправки, без объединяющего со стихотворением «В крови горит огонь желанья...» заглавия и внутренней нумерации (хотя циклическое объединение стихотворений отсутствует, последовательность соответствует публикации МВ).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1825 г. в соответствии с указанием в Ст 1829.

В Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 428—429) стихотворение было включено в отдел 1821 г. вместе со стихотворением «В крови горит огонь желанья...», которое П. А. Ефремов датировал этим годом (см. примеч. к нему — наст. т., с. 810). Публикатор по д-черкивал, что оба произведения «составляют одно целое» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 171). Возражая ему, Н. О. Лернер писал, что «первое стихотворение заметно разнится от гораздо менее страстного „Вертограда моей сестры”» (Венг. Т. 2. С. 580).

Стихотворение является переложением фрагмента библейской Песни песней (4: 12—16 и 5: 1; указано: Ефр. 1880. Т. 2. С. 49, 409): «Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен. Леторасли твоя сад шипков с плодом яблочным, кипри с нардами: нард и шафран, трость и киннамон, со всеми древами Ливанскими, смирна, алой со всеми первыми мирами. Источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана. Востани, севере, и гряди, юже, и повеи в вертограде моем, и да потекут ароматы моя. Да снидет брат мой в вертоград свой и да яст плод овощей своих». Синодальный перевод (в котором приведенная здесь первая фраза ст. 5: 1 дана как последняя фраза ст. 4: 16): «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник; расадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана. Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад мой — и польются ароматы его! Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает

сладкие плоды его». Пушкин перелагал текст церковнославянской Библии, однако пользовался и французским переводом — вероятнее всего, так называемой Библией Пор-Рояля (см. примеч. к стихотворению «В крови горит огонь желанья...» — наст. т., с. 810—811). Очевидное свидетельство обращения к французскому изданию — употребление слова «аквилон» в ст. 11 (ср.: «Levez-vous, aquilon, venez, vent du midi» (Поднимись, аквилон, приди, ветер с юга) — фр.) (4: 16).

По предположению П. А. Ефремова, в стихотворении «Вертоград моей сестры...» отразилась диалогическая структура Песни песней (см. об этой структуре примеч. к стихотворению «В крови горит огонь желанья...» — наст. т., с. 810—811), поэтому стихотворный текст должен быть подразделен на две строфы: «Первые четыре стиха говорит „жених“, а последние восемь принадлежат „невесте“» (Ефр. 1880. Т. 2. С. 409); с вычленением элементов диалога стихотворение было напечатано: Ефр. 1880. Т. 2. С. 49; Ефр. 1882. Т. 2. С. 33; Ефр. 1887. Т. 2. С. 26—27; Мор. 1887. Т. 1. С. 345; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 428—429; Мор. 1903—06. Т. 2. С. 9—10; АН 1900—29. Т. 4. С. 19. Хотя предложенное Ефремовым прочтение лирического сюжета представляется верным, решение ввести отсутствующее в авторских публикациях графическое обозначение диалога искажает пушкинский замысел: в его стихотворении, как и в церковнославянском тексте, смена речевых субъектов оставлена неотмеченной.

Ст. 1—2 и след. *Вертоград моей сестры, Вертоград уединенный...* — Ср. в поэме Пушкина «Гавриилиада» (1821), ст. 44—47: «Он положил в премудрости глубокой / Благословить достойный вертоград, / Сей вертоград, забытый, одинокий, / Щедротою таинственных наград» (Акад. Т. 4. С. 122; указано Б. В. Томашевским: Пушкин 1955. Т. 3. С. 809); переключку с этой поэмой Томашевский отметил и в стихотворении «В крови горит огонь желанья...» (Там же), начатом Пушкиным в 1821 г. (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 812).

Ст. 9. *Нард, алой и киннамон...* — Нард — благовонное растение из семейства валериановых, из которого делали масло для умащений тела. Алой, алойное дерево (орлиное дерево, каламбака) — дерево со смолистой, ароматической древесиной, использовавшейся для благовонных курений; из древесины алойного дерева изготавливали также ароматическое и бальзамическое вещество. Киннамон — корица, коричное дерево. Нард и киннамон упоминаются в «Элегии из Тибулла» К. Н. Батюшкова (опубл. 1815) при описании Элизия: «Где расцветает нард и киннамона лозы, / И воздух напоен благоуханьем розы» (Батюшков. Соч. 1934. С. 63). О генезисе этих образов в тексте Батюшкова и их дальнейшей судьбе в русской поэзии см.: *Пильщиков И. А. О поэтике экзотизмов : Библиейские благовонные растения в русской поэзии от предпушкинской эпохи до символистов // Нарративные традиции славянских литератур : Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. Новосибирск, 2009. С. 44—56.*

БУРЯ

(«Ты видел деву на скале...»)

(С. 85 и 312)

Автограф неизвестен.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Подр(ажания) древним»).

Впервые: МВ. 1827. Ч. 1. № 2. С. 91. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 69—70 (отдел стихотворений 1825 г.), с изменением в ст. 7. Перепечатано: Северная лютня : Майский подарок любительницам пения : Собрание самых новейших романсов, элегий и песен. М., 1833. С. 68, с подписью: А. Пушкин; Полный новейший песенник, в тринадцать частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов... / Собр. И-м Гурьяновым. М., 1835. Ч. 12. С. 97—98, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

В публикации МВ между ст. 8 и 9 имеется строфическое деление. В Ст 1829 оно не отмечено, так как ст. 1—8 расположены на с. 69, а ст. 9—12 — на с. 70. В копии Собр. ст. 1836, сделанной по изданию Ст 1829, строфическое деление отсутствует, что осталось не замеченным Пушкиным. В настоящем издании оно восстанавливается по МВ.

Датируется 1825 г. в соответствии с указанием в Ст 1829.

Дева на скале — романтический топос, распространенный как в литературе, так и в изобразительном искусстве и восходящий, по всей видимости, к образу древнегреческой поэтессы Сафо, которая, по легенде, от несчастной любви к юноше Фаону бросилась с Левкадской скалы в море (см. примеч. к стихотворению «Сафо» — наст. т., с. 773). Этот трагический сюжет, еще со времен героиды Овидия занявший важнейшее место в легендарной биографии Сафо, неоднократно становился объектом описания в литературных произведениях и предметом изображения на живописных полотнах, в особенности в позднеклассическую и романтическую эпоху. См., например, картины П.-Н. Герена (Guérin; 1774—1833) «Сафо на Левкадской скале» (начало XIX века, Эрмитаж) и Ж.-А. Гро (Gros; 1771—1835) «Сафо на Левкаде» (1801, Музей барона Жерара в Байо). На последней Сафо изображена в роковой момент, когда она в длинной белой одежде, развеваемой ветром, стоит на краю скалистого мыса, готовая броситься в бушующее море; темные нависшие тучи и мрачные скалы оттеняют белое, освещенное луной покрывало, что подчеркивает драматизм изображенной сцены. Нельзя исключать, что Пушкин мог видеть гравюру или литографию с картины Гро (гравированное изображение см., например: *Annales du musée et de l'école moderne des beaux-arts : Recueil de gravures au trait, d'après les principaux ouvrages de peinture, sculpture, ou projets d'architecture...* Collection 1. Paris, 1802. Vol. 3. P. 63, planche 28), однако, учитывая устойчивость иконографической традиции, говорить о конкретном источнике вряд ли возможно. Сюжет «Сафо на скале» в то же время транспонировался на «новых Саф», среди которых особое место занимала Ж. де Сталь (Staël Holstein; 1766—1817), часто изображавшаяся «в виде Коринны, героини ее самого известного романа, чья судьба, как и судьба ее создательницы, была созвучна с биографической легендой лесбосской певицы» (Мазур Н. Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» : О стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 282 (Сер. «Новые материалы и исследования по истории русской культуры». Вып. 7)). Ср. также описание импровизации Коринны на краю мыса: *Corinne, ou l'Italie / Par M-me de Staël Holstein*. 4e éd., rev. et corr. Paris, 1809. Т. 2. P. 293—307 (рус. пер.: *Сталь Ж. де. Коринна, или Италия*. М., 1969. С. 226—230 (Сер. «Литературные памятники»)).

Сходные образы, ориентированные на ту же иконографическую традицию, обнаруживаются в русских поэтических текстах 1820-х гг. См. описание музы в «Подражании» Ф. Н. Глинки:

Я видел деву молодую:
Она, высоко на скале,
Под сосной древнею стояла,
Едва касаясь до земли;
И грудь под дымкой колыхалась,
И семистольная свирель
К устам рубиновым прильнула...

(Глинка Ф. Н. Опыты
аллегорий или иносказательных
описаний в стихах и прозе.
СПб., 1826. С. 121)

Ср. также аллегорическое изображение романтической поэзии в прозаическом сочинении Глинки «Две сестры, или: Которой отдать преимущество?»: «Раз я видел ее, высоко от земли, на самом острие скалы <...> в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной неподвижности, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи громоздятся, как густые ополчения сражающихся человек» (СЦ 1828. Отдел «Проза». С. 157—158; см. там же (с. 163—164) описание внешности «уединенной очаровательницы» — той же романтической поэзии — под грозой, среди бури; обе параллели отмечены В. В. Виноградовым — см.: Виноградов. Стиль П. С. 58—59). См также в послании «А. П. К.....ой»: «И вот — при зареве громов / Я вижу женщину на берегу высококом...» (Невский альманах на 1825 год / Изд. Е. Аладьиным. СПб., 1825. С. 23; подпись: «М. Б.»).

Образ «девы на скале», по-видимому, выступал и для Пушкина характерной приметой романтической поэзии, в том числе собственной. Ср. в «Отрывках из путешествия Онегина» (переключка отмечена: *Строганов М. В.* Стихотворение Пушкина «Буря»: Проблема комментария // ПИС (Нов. серия). Вып. 3 (42). С. 291):

Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирлись вы, моей весны
Высокопарные мечтанья...

(Акад. Т. 6. С. 200)

Тесная связь образности стихотворения с литературной и иконографической традицией — дополнительный аргумент против биографических прочтений стихотворения, и без того малоосновательных. Не имеет фактических подтверждений ни предположение Н. И. Черняева о связи «Бури» с «крымскими воспоминаниями <...> о

М. Н. Раевской» (Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 334), ни гипотеза В. П. Казарина, согласно которой в стихотворении могли отразиться впечатления от страшной бури в Севастополе 27 августа 1820 г. (Казарин В. П. «Буря» // Лирика А. С. Пушкина : Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 136—141). Подробное опровержение последней версии, впервые выдвинутой в 1994 г. (Казарин В. П. Из истории написания Пушкиным стихотворения «Буря» // Крымские пенаты : Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. Вып. 1. С. 71—76), см.: Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Буря». С. 291—300. Однако предположение самого Строганова о связи образности стихотворения («дева на скале») с легендами о «скале девы», где находились «баснословные развалины храма Дианы» (Акад. Т. 13. С. 252), воспетые в стихотворении «Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья...») (1824), также не представляется убедительным.

В. А. Грехнёв указал на близость «Бури» к антологическим пьесам Пушкина, подтверждающую тем, что в рукописи Собр. ст. 1836 г. произведение включено в отдел «Подражания древним» (см.: Грехнёв В. А. Лирика Пушкина : О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 117—118).

В придиричвом разборе четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» М. А. Дмитриев вспомнил стихотворение «Буря», указывая на стилистическую неоднородность стиха «В *избушке*, распевая, *дева*»: «Как кому угодно, а *дева* в *избушке* то же, что и *дева* на скале» (Атеней. 1828. Ч. 1. № 4. С. 84; подпись: «В.»; П. в критике, II. С. 52).

Стихотворение было положено на музыку Н. С. Титовым (1830).

Другие редакции и варианты

Ст. 7. *И ветер воил и летал...* — В статье «〈Опровержение на критики〉» (1830, первоначальная редакция) Пушкин назвал форму слова «воил» (вместо «выл») в первой публикации стихотворения «Буря» «грамматической ошибкой», справедливо отмеченной критиками и затем исправленной (Акад. Т. 11. С. 148). Как указал еще В. И. Чернышев, «глаголы *выть* и *ныть* приняли в народном языке под влиянием основ настоящего времени изменения по типу глаголов *покоить*—*покоил*: *воить*—*воил*, *ноил* (северные говоры). В такой нелитературной форме один раз употребил первый глагол и Пушкин» (Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи : Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1915. Вып. 2: Части речи. С. 243; там же см. пример из записок А. Т. Болотова: «все ноили у меня ноги»). Как «областную форму прошедшего времени» форму «воил» охарактеризовал В. В. Виноградов (Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы : Сб. науч.-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 553). Словоформа «воить» (наряду с «воять») зарегистрирована во многих современных русских диалектах, см., например: Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 5. С. 31; Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1979. Вып. 4. С. 101; Архангельский областной словарь. М., 1987. Вып. 5. С. 30; Словарь вологодских говоров : А—Г. Вологда, 1983. С. 86; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1. С. 237; Областной словарь вятских говоров. Киров, 1998. Вып. 2. С. 78. Поскольку граница, пролегающая между диалектной и просторечной лексикой, была в пушкинское время очень подвижна (см.: Виноградов.

Язык П. С. 377—453), нельзя исключать, что форма «воил» была допустима в дворянском просторечии. Подробнее см.: *Березкина С. В.* «И ветер воил и летал...»: *Воил* в стихотворении А. С. Пушкина «Буря» // *Рус. речь.* 2004. № 3. С. 7—9.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР
(«Буря мглою небо кроет...»)
(С. 86)

Автограф неизвестен.

Авторизованная копия в цензурной рукописи Ст 1832 (ЦР₃) — под текстом рукой Пушкина вписана карандашом дата: «1825» (позднее зачеркнута чернилами П. А. Плетневым). Описание: *Рукоп. П.* 1937. С. 174 (публ. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания, составленные в 1830—не позднее 14 сентября 1831 г.: 1) ПД 515, л. 1 — в записи: «Зимн(ий) вечер» (см.: *Рукою П.* 1997. С. 194, 195); 2) ПД 716 — в записи: «Зимний вечер 1825» (см.: *Рукою П.* 1997. С. 197, 199).

Впервые: СЦ 1830. Отдел «Поэзия». С. 34—35. Вошло в Ст 1832. С. 190—192 (отдел стихотворений «разных годов»). Неоднократно перепечатывалось в альманахах и песенниках — см.: П. в печати. С. 82, 90, 91, 101, 102, 106, 121, 123, 127 (№ 723, 794, 799, 917, 933, 957, 1048, 1068, 1125).

В собрание сочинений впервые включено: *Посм.* Т. 3.

Печатается по Ст 1832.

Датируется 1825 г. согласно авторским пометам в списке стихотворений ПД 716 и рукописи ЦР₃.

Ситуация, описанная в стихотворении, очевидно, была характерна для жизни Пушкина в михайловской ссылке (см. в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г.: «...валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни» — *Акад.* Т. 13. С. 135). В «старушке», к которой обращается поэт, угадываются черты его няни Арины Родионовны (1758—1828), в прошлом крепостной М. А. Ганнибал, бабушки Пушкина. В 1799 г. Арина Родионовна получила вольную, но предпочла остаться в семье Пушкиных. Она была няней Ольги, а затем Александра и Льва Пушкиных. Арина Родионовна особенно любила Александра, который в свою очередь был к ней необычайно привязан. А. П. Керн утверждала даже, что Пушкин «никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры» (Керн. С. 93). Арина Родионовна явилась прототипом няни Татьяны Лариной («Евгений Онегин») и, возможно, няни Владимира Дубровского («Дубровский»). По словам О. С. Пушкиной, Арина Родионовна была «настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском» (П. в восп. Т. 1. С. 44). Общение с няней оказало заметное влияние на занятия Пушкина фольклором и его увлечение народными сказками и песнями. Около 9 декабря 1824 г. Пушкин писал о своей михайловской жизни Д. М. Шварцу: «...целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны (<...> она единственная моя подруга — и с нею только мне не

скучно» (Акад. Т. 13. С. 129). Об Арине Родионовне см.: Ульянский А. И. Няня Пушкина. СПб., 2008; Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: В 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 128—130 (статья М. А. Бесарабовой); Филин М. Арина Родионовна. М., 2008 (Сер. «Жизнь замечательных людей»).

По замечанию К. А. Малафеева (см.: Малафеев К. А. «Я думал стихами...»: Историко-документальные очерки о лирических стихах А. С. Пушкина. Рязань, 2000. С. 37—39), центральный мотив пушкинского стихотворения мог оформиться не без влияния вольного перевода К. Н. Батюшковым 3-й элегии 1-й книги стихотворений Тибулла (подробнее см. в статье М. Н. Виролайнен «Лирика Пушкина в период михайловской ссылки» — наст. т., с. 414—415).

Стихотворение написано четырехстопным хореем — размером, характерным для русской поэтической традиции застольных песен, с которой по своему содержанию сближается рефрен «Зимнего вечера». См., например, «Веселый час» Н. М. Карамзина (1791), «Други, время скоротечно...» И. И. Дмитриева (1795), «Нет минут мне веселее...» Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1796). Этот размер избран и в относящихся к той же традиции стихотворениях «Две луны» П. А. Вяземского (1825?) и «Снова, други, в братский круг...» А. А. Дельвига (1826). См.: Белушов А. Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста: Материалы для учителя. Таллин, 1988. С. 27—28; о семантике избранного Пушкиным размера подробнее см.: Там же. С. 28—33.

М. Л. Гаспаров указывал на генетическую связь хорейских стихов Пушкина с духовной одой XVIII в. (см.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 115). Ю. М. Лотман, выделяя в пушкинской поэзии 1826—1830-х гг. группу лирических стихотворений, написанных хореем («Зимний вечер» хронологически близок к этой группе), считал возможным описание их как «единого текста на фоне ямбической традиции» и усматривал во всех этих текстах, несмотря на сюжетное многообразие, общую черту: «Все они содержат переход от реального наклонения к каким-либо формам ирреального (оптатив, побудительное, гипотетическое и пр.). Смена реального нереальным, то, что в кинематографе дано было бы наплывом (желание, воспоминание, переход от настоящего к воображаемому), связывается в эти годы у Пушкина с четырехстопным хореем» (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 167—168).

В письме к С. А. Соболевскому от 15/27 февраля 1830 г. С. П. Шевырев отозвался о «Зимнем вечере» как о «лучшей из пьес» Пушкина в «Северных цветах» на 1830 г. (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 744); кроме «Зимнего вечера» Пушкин опубликовал здесь «2-го ноября» («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...») (1829), «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), «Отрывок из VII главы „Евгения Онегина“, «К**» («Подъезжая под Ижоры...») (1829), «К N. N.» («Счастливы ты в прелестных дурах...») (1829?), «Олегов щит» (1829), «Эпиграмму» («Мальчишка Фебу гимн поднес...») (1829), еще одну «Эпиграмму» («Седой Свистов! ты царствовал со славой...») (1829?) и «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829).

В апрельском номере «Московского телеграфа» за 1830 г. появилась пародия, направленная на А. А. Дельвига и Пушкина как поэтов, осваивающих русский песенный фольклор (МТ. 1830. Ч. 32. № 8. Новый живописец общества и литературы. № 8. С. 136—142; подпись: Феокритов (асевд. Н. А. Полевого); Русская стихотворная пародия: (XVIII—начало XX в.). Л., 1960. С. 333—337). Пародия

называлась «Зимний вечер» и начиналась с узнаваемой перелицовки одноименного пушкинского стихотворения:

Ветр бушует по полям;
 Полно, дядька мой, вставай-ка —
 Скучно, брат, с тобою нам...
 Где гудок, где балалайка?²
 Спой мне песенку лесов
 Страшных, муромских, дремучих;
 Спой, как в глубь речных валов,
 Размахнувшись с плеч могучих,
 Бросил деву-красоту
 Атаман лихой, удалый.
 А чтоб старую мечту
 Запеканка оживляла —
 Подавай сюда стакан:
 Я налью. — Ну! Бог с тобою!
 Пей, седой мой Оссиан,
 И тряхни мне стариною.

(МТ. 1830. Ч. 32.
 № 8. С. 136)

«Пародия, в которой воспроизводится ситуация *перепева* фольклорных текстов, получила заглавие стихотворения, воссоздающего атмосферу поэтического *восприятия* этих текстов» (Кошелев В. А. «Предложение выпить» : О стихотворении «Зимний вечер» // Пушкин на пороге XXI века : Провинциальный контекст. Арзамас, 2008. Вып. 10. С. 131; подробнее о направленности пародии, напечатанной Н. А. Полевым, см.: Там же. С. 123—137).

А. М. Миклашевский, товарищ М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону, вспоминал: «...я еще живо помню, как на лекциях русской словесности заслуженный профессор Мерзляков принес к нам в класс только что вышедшее стихотворение Пушкина

Буря мглою небо кроет,
 Вихри снежные крутя,

и проч., — и как он, древний классик, разбирая это стихотворение, критиковал его, находя все уподобления невозможными, неестественными, и как все это бесило тогда Лермонтова» (Миклашевский А. М. Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 144).

Стихотворение было положено на музыку М. Л. Яковлевым (1835) и Н. С. Титовым (1830-е гг.).

Ст. 3. *То, как зверь, она завоет...* — «В живой народной речи и в народных песнях (великорусских) слово „зверь” употребляется часто вместо волка» (Сумцов. С. 125). В том же значении слово «зверь» использовано в «Слове о полку Игореве» (см.: Там же).

Ст. 4. *То заплачет, как дитя...* — По указанию Н. Ф. Сумцова, существовала народная присказка при завывании ветра в печной трубе: «дети плачут, есть хотят» (Там же).

Ст. 9 — 10. *Наша ветхая лачужка И печальна и темна.* — В русской поэзии конца XVIII—начала XIX в. «сельский приют» поэта часто изображался как «хижина», «хата», «лачужка», где истинный поэт наслаждается простой и счастливой жизнью, независимой от суетного света. Этот мотив, восходящий к античной лирике, активно разрабатывался представителями «легкой поэзии» — см., например, «Мои Пенаты, Послание к Ж(уковскому) и В(яземскому)» (опубл. 1814) К. Н. Батюшкова, где при описании «хижины» использован характерный для того же круга текстов эпитет «ветхий»:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном
(Батюшков.
Соч. 1934. С. 107)

См.: Белоусов А. Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер». С. 21—22. В то же время эти стихи в известной мере соответствуют обстоятельствам жизни Пушкина в Михайловском. Так, «ветхой хижинной» его усадебный дом назван в дневниковой записи А. Н. Вульфа от 16 сентября 1827 г. (П. в восп. Т. 1. С. 415). По словам обитателей Тригорского, в «Зимнем вечере» Пушкин «совершенно справедливо» отозвался о своем жилище: «Мебели (...) было не много и вся-то старенькая. (...) Вся обстановка комнаток михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна комнате, где был рабочий кабинет Александра Сергеевича, — стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашенный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты» (Семевский М. И. Прогулка в Тригорское // Семевский. С. 103, 106). Сходный по тону отзыв о «комнатке Александра Сергеевича» как «маленькой, жалкой» дан в воспоминаниях Е. И. Фок (урожд. Осипова) (П. в восп. Т. 1. С. 433). См. также описание михайловского дома, большая часть которого в зимнее время не отапливалась, в «Записках о Пушкине» И. И. Пущина (Пущин. С. 78). Н. М. Языков в стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина» (1830) описал одну из комнат михайловского дома, где няня накрывала стол для поэта и его гостей:

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненый, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев...
(Языков 1964. С. 296)

Тем не менее изображенная картина не является бытовой зарисовкой. Так, облик барского дома в Михайловском не соответствует упомянутая в ст. 5—6 соломенная кровля (дом был крыт тесом — см.: Гордин А. Пушкинский заповедник. Л.; М., 1963. С. 36). Высказывалось предположение, что в стихотворении дано описание зимнего вечера в домике няни (см.: Рождественский В. Читая Пушкина. Л., 1962. С. 143). О намеренно организованном смысловом сдвиге, не позволяющем увидеть в

описании «ветхой лачужки» биографически достоверный образ пушкинского жилья, см.: Альми И. Л. «Зимний вечер» // Лирика А. С. Пушкина : Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 126—129.

Ст. 17—19. *Выпьем, добрая подружка Бедной юности моей, Выпьем с горя; где же кружка?..* — Ср. обращения Пушкина к няне в других его произведениях: «Подруга юности моей» («Евгений Онегин», четвертая глава, строфа XXXV), «Подруга дней моих суровых...» (1826). По воспоминаниям М. И. Осиповой, Арина Родионовна «была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком — любила выпить...» (П. в восп. Т. 1. С. 426). О том, как Арину Родионовну потчевали вином приезжавшие к поэту гости, упоминается в «Записках о Пушкине» И. И. Пущина (см.: Пущин. С. 82) и стихотворении Языкова «На смерть няни А. С. Пушкина»: «Садись-ка, добрая старушка, / И с нами бражничать давай!» (Языков 1964. С. 296). Рифма «подружка/кружка» использована в застольной песне Г. Р. Державина «Кружка» (ок. 1777 г.):

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая серебряная кружка!

(Державин. Т. 1. С. 46)

По замечанию И. Л. Альми, слово «кружка» кроме современного имело также значение «штоф», указанное В. И. Далем (Альми И. Л. «Зимний вечер». С. 130—131).

Ст. 21—24. *Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила; Спой мне песню, как девица За водой поутру шла.* — Обе песни были широко распространены, неоднократно включались в печатные издания, начиная с последней трети XVIII в., и исполнялись как в крестьянской, так и в дворянской среде. Первая из них — старинная народная песня «За морем синичка не пышно жила...», впервые опубликованная в составе «Российской универсальной грамматики, или Всеобщего письмословия» Н. Г. Курганова (СПб., 1769. С. 305). Варианты песни см.: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1897. Т. 3. С. 239—244, № 291—296. Вариант № 295 взят, согласно примечанию, из песенника 1819 г.:

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала;
Солоду купила, хмелю выпросила;
Черный дрозд пивоваром был,
Сиз орел винокуром слыл.
Дай же нам, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сваря, и вина накурить!
Созовем к себе гостей — мелких пташечек.
Совушка вдовушка незваная пришла.
Снигирюшка по синичкам похаживает,
Совушке головушку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
«Что ж ты, снигирюшка, не женишься?»

— «Рад бы я жениться, да некого взять!
Взял бы я пернатку — та матка моя;
Взял бы я чечетку — та тетка моя;
Взял бы я синичку — сестричка моя;
Взял бы я сороку — щекотлива она.
Есть за морем перепелочка;
Та мне не матушка, не тетушка,
Ту я люблю, за себя возьму!»
Здравствуй, хозяин с хозяйшкою,
С малыми детками на многи лета!

(Там же. С. 242—243)

Вторая песня — «По улице мостовой...» — была плясовой:

По улице мостовой,
По широкой столбовой,
Шла девица за водой,
За холодной ключевой.
За ней парень молодой,
Кричит: «Девица, постой!
Красавица, погоди!
Пойдем вместе за водой,
Разгуляемся с тобой!»
— «Ах ты, парень-паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ:
Мой батюшка у ворот;
Зовет меня в огород
Чесноку, луку полоть,
Маку сеяного,
Луку зеленого.
Я во праву руку луку,
Во левую чесноку,
Сама по цветкам пойду».

Я по цветикам ходила,
По лазоревым гуляла,
По лазоревым гуляла,
Цвета алого искала.
Не нашла цвета алого
Против своего милого.
Уж как мой милой хорош,
Чернобров, душа, пригож!
Ручки в пазушку положь!
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой —
Перстенец золотой.
Мне не дорог твой подарок,

Дорога твоя любовь!
 Не хочу перстня носить,
 Стану так дружка любить!

Собирался мой милый,
 Собирался дорогой,
 Он на Волгу на реку,
 На крутенький бережок,
 На крутенький бережок,
 На желтенький на песок.
 Волга матушка быстра
 Скоро судно пронесла.
 Суденьшко потонуло,
 А я, млада, воздохнула;
 Суденьшко за лесок,
 А я, млада, в голосок;
 Суденьшко во пески,
 А я, млада, во тоски...

(Там же. Т. 4.
 С. 591—592, № 741).

Приведенный вариант песни также взят из песенника 1819 г. (Там же. С. 589—594, № 740—743, см. другие варианты). Об обеих песнях, упомянутых в стихотворении, см.: Шейн П. В. Народная песня и Пушкин : Этюды // Ежемесячные сочинения. 1900. № 5—6. С. 106—107; Чернышев В. И. А. С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни // ПиС. Вып. 38—39. С. 91—92. По словам Чернышева, «первая песня поется важным, торжественным голосом (<...>), вторая имеет веселый затейливый напев, с резкими переходами тонов и изменениями темпа, интонаций и ударений. Если няня Пушкина могла хорошо исполнять подобные разнообразные по напеву песни, то, очевидно, она была искусная певица, до старости владела голосом и знала не только старый, но усваивала и новейший песенный репертуар» (Чернышев В. И. А. С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни. С. 91—92). По замечанию П. В. Шейна, в известных ему вариантах первой из песен не встречается использованное Пушкиным слово «тихо» (Шейн П. В. Народная песня и Пушкин. С. 107). В. И. Чернышев отметил, что в вариантах второй песни отсутствует слово «поутру» (Чернышев В. И. А. С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни. С. 91). Возможно, Пушкину было памятно, что это слово стало предметом обсуждения в ходе полемики между Н. И. Гнедичем и А. С. Грибоедовым по поводу вольных переводов баллады Г. А. Бюргера (Bürger; 1747—1794) «Ленора» («Lenore», 1773), выполненных В. А. Жуковским («Людмила») (1808) и П. А. Катениным («Ольга») (1816). Н. И. Гнедич, не принимая просторечного переложения Катенина, отмечал неуместность слов «рано поутру» в поэтическом контексте: «Рано поутру — сухая проза» ([Гнедич Н. И.] О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // СО. 1816. Ч. 31. № 27. С. 11). Грибоедов, подчеркивая преимущества баллады Катенина, упрекал Гнедича в том, что он является «врагом простоты», и в качестве примера приводил его замечание: «В „Ольге” г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее» (Грибоедов А. С. О разборе вольного

перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // СО. 1816. Ч. 31. № 30. С. 151; в действительности выражение «рано <...> поутру» использовано Катениным не в «Ольге», а в балладе «Убийца» (1815)). См.: Малафеев К. А. «Я думал стихами...». С. 47, 50. Эту полемику Пушкин упоминал и в 1820 г. в статье «Мои замечания об русском театре», и в 1833 г. в заметке о сочинениях Катенина.

ПРОЗАИК И ПОЭТ

(«О чем прозаик ты хлопчешь?..»)

(С. 87)

Автограф неизвестен.

Вошло в записи «Прозаику» в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Прозаику», под № 8 (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: МВ. 1827. Ч. 1. № 4. С. 252, с подписью: «А. П.». Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 28 (отдел стихотворений 1825 г.).

В собрания сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно 1825 г. в соответствии с указанием в Ст 1829.

По поводу адресации эпиграммы выдвигалось несколько гипотез, ни одна из которых не может быть признана вполне убедительной.

В 1875 г. П. А. Вяземский в своей приписке к статье 1827 г. о поэме Пушкина «Цыганы» утверждал, что эпиграмма «Прозаик и поэт» адресована ему: «Александр Алексеевич Муханов <...> сказал мне однажды, что из слов, слышанных им от Пушкина, убедился он, что поэт не совсем доволен отзывом моим о поэме его. Точных слов не помню, но смысл их следующий: что я не везде с должною внимательностью обращался к нему, а иногда с каким-то учительским авторитетом; что иные мои замечания отзываются слишком прозаическим взглядом <...> Между тем Пушкин сам ничего не говорил мне о своем неудовольствии: напротив, помнится мне, даже благодарил меня за статью. <...> В то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкин однажды спрашивает меня в упор: может ли он напечатать следующую эпиграмму:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?

Полагая, что вопрос его относится до цензуры, отвечаю, что не предвижу никакого, со стороны ее, препятствия. Между тем замечаю, что при этих словах моих лицо его вдруг вспыхнуло и озарилось краскою, обычною в нем приметой какого-нибудь смущения или внутреннего сознания в неловкости положения своего. <...> Уже после смерти Пушкина как-то припомнилась мне вся эта сцена <...> я понял, что этот прозаик — я, что Пушкин, легко оскорблявшийся, оскорбился некоторыми замечаниями в моей статье и, наконец, хотел узнать от меня, не оскорблюсь ли я сам напечатанием эпиграммы, которая сорвалась с пера его против меня. Досада его, что я,

в невинности своей, не понял нападения, бросила в жар лицо его» (П. в восп. Т. 1. С. 132—133). Ср. также письмо Вяземского к П. И. Бартеневу от 5/17 апреля 1873 г.: «Сделайте одолжение выпишите и пришлите мне эпиграмму Пушкина, которая начинается стихом —

О чем, прозаик, ты хлопчешь.

По догадкам думаю, что он в минуту досады написал ее на меня. И хочется проверить. Помнится, в разборе поэмы „Цыганы“, напечатанном в „Телеграфе“, я что-то сказал в порицание выражения „на траву скатился“, или что-то в этом роде. Пушкин никогда не сказал мне о том ни слова, но после узнал я, что он на меня сердился» (цит. по: *Ивинский Д. П.* О Пушкине. М., 2005. С. 143).

Недовольство отзывом Вяземского о «Цыганах» подтверждается статьей Пушкина «Опровержение на критики» (1830). В ней поэт не без иронии отметил совпадение замечания Вяземского относительно «цыганского ремесла» Алеко с мнением «одной дамы» (см.: Акад. Т. 11. С. 153). В письме к М. П. Погодину от 31 августа 1827 г. Пушкин, дав высокую оценку литературной критике Вяземского («...образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны, он мыслит, сердит и заставляет мыслить и смеяться...»), заметил при этом, что она «поверхностна или несправедлива» (Акад. Т. 13. С. 341). Однако версия Вяземского об адресации ему эпиграммы «Прозаик и поэт» не находит, как показал Н. О. Лернер, хронологического подтверждения (см.: *Лернер Н. О.* Распутанное недоразумение : (Из истории одной дружбы) // *Лернер. Рассказы о П.* С. 116). С отрывками, а затем и с полным текстом поэмы Вяземский познакомился еще в 1825 г. — см. его письмо к Пушкину от 4 августа 1825 г., где о «Цыганах», в частности, говорится: «...это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твоё творение» (Акад. Т. 13. С. 200). Восторженный отзыв о поэме дан Вяземским и в письме к жене от 22 июня 1825 г. (см.: ОА. Т. 5, вып. 1. С. 47). На отдельное издание «Цыган», вышедшее в 1827 г., Вяземский откликнулся статьей, появившейся на страницах «Московского телеграфа» (МТ. 1827. Ч. 15. № 10; выход в свет около 25 июня 1827 г., см.: МВед. 1827. № 51. 25 июня). Между тем № 4 журнала «Московский вестник» с пушкинской эпиграммой вышел в свет в феврале 1827 г. (см.: *Летопись 1999.* Т. 2. С. 243). Поздние воспоминания Вяземского Лернер считал основанными на недоразумении. По его мнению, Пушкин видел в Вяземском прозаика «par excellence» (см. письма Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1822 г., 6 февраля 1823 г., 14 октября 1823 г. и др.): «Зная, что Пушкин смотрит на него преимущественно как на прозаика, Вяземский в „прозаике“ эпиграммы вздумал узнать себя» (*Лернер Н. О.* Распутанное недоразумение. С. 113).

М. И. Гиллельсон пытался иначе, чем Лернер, объяснить хронологические неувязки в воспоминаниях Вяземского: «Скорее всего, пушкинская эпиграмма была вызвана каким-то спором между Пушкиным и Вяземским осенью 1826 г. Правда, печатая свою эпиграмму, Пушкин поставил под ней „1825“. Возможно, что эпиграмма действительно была написана в Михайловском и затем применена к Вяземскому» (П. в восп. Т. 1. С. 467).

Мнение Вяземского об адресации ему эпиграммы попытались обосновать Д. П. Ивинский (см.: *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин : Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994. С. 77—80; то же в переработанном виде: *Ивинский Д. П.* «Прозаик и поэт» // *Ивинский Д. П.* О Пушки-

не. С. 143—160) и К. Ю. Рогов (см.: *Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского вестника»* : (К проблеме «Пушкин и Вяземский» : Осень 1826 года) // Пушкинская конф. в Стэнфорде. 1999 : Материалы и исследования. М., 2001. С. 111—114). По мнению исследователей, Вяземский ошибся лишь в том, что поводом к эпиграмматическому выпаду стала статья о «Дыганах». В действительности такой повод дала полемика вокруг вопроса об «истинном романтизме», вызванная «Разговором между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», написанным и опубликованным Вяземским в качестве предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» (М., 1824; выход в свет 10 марта, см.: П. в печати. С. 24). Оппонентом Вяземского стал М. А. Дмитриев, избравший своей трибуной «Вестник Европы»; Вяземский отвечал ему со страниц «Дамского журнала» (наиболее полно полемика вокруг «Бахчисарайского фонтана» представлена в: П. в критике, I. С. 151—188). В начале апреля 1824 г., горячо благодаря Вяземского за предисловие, Пушкин в том же письме обозначил моменты своего несогласия с некоторыми принципиальными положениями, выдвинутыми в «Разговоре»: «Знаешь ли что? Твой „Разговор“ более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая блядь классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? (...) Где же враги романтической поэзии? где столпы классические? Обо всем этом поговорим на досуге» (Акад. Т. 13. С. 91—92; ПД 1275). Не желая солидаризироваться с таким оппонентом Вяземского, как М. А. Дмитриев, Пушкин воздержался от развернутого печатного высказывания на эту тему (хотя и работал в 1825 г. над статьей «О поэзии классической и романтической»); он ограничился «Письмом к издателю „Сына отечества“» (СО. 1824. Ч. 93. № 18. С. 181—182), где в дипломатичной форме высказал одну из мыслей, содержащихся в апрельском письме к Вяземскому: «„Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова“ писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения» (Акад. Т. 11. С. 20). Как писал К. Ю. Рогов, «представляется весьма правдоподобным, что откликом как раз на эту коллизию стала пушкинская эпиграмма „Прозаик и поэт“ (...) Вполне сочувствуя „прогрессизму“ Вяземского, выразившемуся в острых нападках на „классиков“, Пушкин, однако, склонен видеть здесь скорее предмет эпиграмматической инвективы в адрес общего „врага“, уклоняясь от содержательного обсуждения собственно литературных вопросов и непосредственной аргументации „прозаика“ (...) Пушкинская датировка эпиграммы 1825 годом может в этом случае быть объяснена либо желанием несколько закамуфлировать ее непосредственный повод, либо тем, что окончательный вид она приобрела именно весной 1825 г., когда Пушкин перечитывает полемику вокруг „Разговора...“ и планирует обозначить свою позицию по отношению к ней. В этом случае эпиграмматический жест как бы замещает и компенсирует отказ (под давлением этических соображений) от развернутого высказывания по существу дела» (*Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского вестника»*. С. 113—114). По мнению Д. П. Ивинского, дополнительным поводом к возникновению эпиграммы могла стать публикация выдержек из апрельского письма Пушкина к Вяземскому в статье П. И. Шаликова «Слово о слове в пустом и проч. „Вестника Европы“ № 8» (см.: ДЖ. 1824. Ч. 6. № 10. С. 165). Осуществленная Шаликовым без ведома Пушкина, но при очевидном участии Вяземского, предоставившего текст письма, эта публикация, вероятно, должна была послужить дополнительным аргументом в споре между Вяземским и М. А. Дмитриевым. Полемика

оживилась, и в ходе нее опубликованные в «Дамском журнале» частные высказывания Пушкина стали предметом насмешливого комментария (см.: А. А. А. [Писарев А. А.] Нечто о Словах // ВЕ. 1824. № 12. С. 289—290), на который Пушкин, опять-таки по этическим соображениям, отвечать не мог (подробнее см.: Ивинский Д. П. «Прозаик и поэт». С. 146—150). Предположение Ивинского выглядит вполне допустимым, но из него так же, как из гипотезы Рогова, должен следовать вывод о том, что наиболее вероятной датой написания эпиграммы является 1824 г., а это не имеет подтверждений. Если же эпиграмма, как указал Пушкин, датируется 1825 г., ее появление скорее следует связывать с работой над статьей «О поэзии классической и романтической», а точнее, с отказом от намерения завершить и напечатать эту статью.

Все попытки исследователей аргументировать мнение Вяземского об адресации ему «Прозаика и поэта» нельзя считать достаточно убедительными. Эта версия остается сомнительной прежде всего потому, что Пушкин отрицает эпиграмматический дар своего адресата, в то время как Вяземский пользовался славой остряка и эпиграмматиста (ср., например: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, / И блеском < >, и шутками богатый...» («<П. А. Вяземскому>») (1821) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 119). Существенно, однако, что пушкинская характеристика «прозаика» не помешала самому Вяземскому принять эпиграмму на свой счет.

Другая трактовка была предложена В. Э. Вацуро, который соотносит содержание эпиграммы с высказыванием Пушкина в письме к брату от 14 марта 1825 г.: «У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранее истребить это гонением, кнутом, колыями...» (Акад. Т. 13. С. 152). По мнению исследователя, это была реплика на только что полученное письмо А. А. Бестужева от 9 марта, где продолжалась полемика по поводу первой главы «Евгения Онегина»: «Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? (...) ты схватил петербургский свет, но не проник в него» (Там же. С. 149). Бестужев ставил в пример Пушкину сатиру Байрона. Декларация приоритета общественной идеи перед поэтической формой, намеченная в этом письме, была открыто выражена в посвящении Бестужеву поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (М., 1825, ценз. разр. 8 января 1825 г.):

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства
Зато найдешь живые чувства —
Я не поэт, а гражданин
(Рылеев 1971. С. 186)

Вяземский вспоминал, что Пушкин «очень смеялся» над последней строкой: «Не смотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою» (РА. 1866. № 3. Стб. 475). Отметив, что в письмах Пушкина 1825 г. «начинает кристаллизоваться тема „прозаик и поэт“», которая «прямо выходит на поверхность» в комментируемой эпиграмме, В. Э. Вацуро приходит к заключению о ее содержании: «Это стихи 1825 года. К сожалению, мы не можем датировать их точнее — и потому не знаем ни адресата, ни повода их создания. Но даже не будучи

удовлетворительно истолкованы, они показывают нам, что оппозиция „прозаик — поэт” получила художественное оформление и что в этой оппозиции первенство отдано поэту как носителю творческого начала, прозаику недоступного» (Вацуро В. Э. Продолжение спора : (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 752). По поводу версии об адресации эпиграммы Вяземскому в той же статье сказано: «Пушкин писал вовсе не против Вяземский, но боялся, что Вяземский примет „прозаика” на свой счет» (Там же. С. 757). Высказывание исследователя было произвольно истолковано в изд.: Летопись 1999. Т. 2. С. 110, 456—457, где с отсылкой к его статье утверждается, что и эпиграмма «Прозаик и поэт», и сатира «Ты и я» (1825?) были направлены против Вяземского.

Тезисы, выдвинутые в статье В. Э. Вацуро, позволяют сделать еще одно предположение: возможно, пушкинское стихотворение вообще не имело конкретной адресации и главное его содержание следует видеть в противопоставлении прозаического и поэтического способов ведения полемики как таковых.

Иные выводы из статьи В. Э. Вацуро были сделаны С. В. Березкиной, предложившей гипотезу, согласно которой эпистолярная полемика по поводу первой главы «Евгения Онегина» явилась поводом для адресации эпиграммы «Прозаик и поэт» А. А. Бестужеву, ставившему в пример Пушкину сатиру Байрона. По мнению исследовательницы, Пушкин знал, во имя чего Бестужев стремился оживить его сатирическую музу. В откровенной форме он ответил на эти ожидания в эпиграмме, где под словами «И горе нашему врагу», вероятнее всего, подразумевался Александр I. См.: Березкина С. В. Александр Бестужев — адресат эпиграммы Пушкина «Прозаик и поэт» // РЛ. 2003. № 2. С. 60—66. Опровержение этой гипотезы см.: Ивинский Д. П. «Прозаик и поэт». С. 154—159.

В воспоминаниях Д. И. Завалишина «Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском заводе» (написаны не ранее 1870 г.) есть упоминание о том, что в 1827 г. вместе со стихотворением «Во глубине сибирских руд...» Пушкиным было отослано в Сибирь «толкование, к кому относилось его стихотворение „О чем, приятель (*sic!*), ты хлопчешь!»», и что оно наряду со знаменитым пушкинским посланием произвело в осужденных «сильное возбуждение революционного чувства» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников : В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 246). И. Б. Мушина прокомментировала «неубедительное» с ее точки зрения сообщение Завалишина следующим образом: «Скорее всего, чья-то интерпретация пушкинских строк была выдана за авторское их „толкование”» (Там же. С. 402). Примечательно, что время, в которое Завалишин услышал в Сибири возбуждающую «революционное чувство» интерпретацию эпиграммы (по-видимому, 1827 г.), приходится на период после ее публикации. Именно появление в печати «Прозаика и поэта» могло подтолкнуть сибирских узников к разговорам об этом стихотворении.

1826

〈ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»〉

(«Пред рыцарем блестит водами...»)

(С. 88 и 312)

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 69 (ст. 34—60, октавы 104—106), 79 (ст. 61—79, октавы 107—108), 79 об. (ст. 80—89, октава 109) — черновой, без нумерации октав; писан блеклыми чернилами грязно-серого оттенка. На л. 79 текст сначала записывался в нижней, остававшейся к тому времени незаполненной части листа, затем, начиная с варианта Б ст. 76, — в верхней части листа поверх карандашного автографа строфы LI четвертой главы «Евгения Онегина», наброски на л. 79 об. — поверх строф I—II пятой главы. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 33, 36 (указание на автограф); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 201—204 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 78 — белой, с правкой; писан такими же чернилами, как черновой автограф, на двух сложенных вдвое четверках фабричного листа бумаги № 82 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 33). Написание имени героини колеблется (в ст. 33: «Анжеликой», в ст. 53: «Анж(еликой)», в ст. 72: «Анжеликой»; аналогичные колебания — в черновом автографе). Жандармские пометы: «4/7»; «5/6». Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 465—469; АН 1900—29. Т. 4. С. 153—157 и Примеч. С. 204—205 (публ. П. О. Морозова).

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 465—469.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855; Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по беловому автографу, с редакторским заглавием, впервые принят в Ефр. 1880 (Т. 2), с унификацией написания имени героини.

Датируется январем (не ранее 4-го) 1826 г. по положению чернового автографа в тетради и по палеографическим данным обоих автографов. Работа над стихотворением была начата на пробельном л. 69 тетради ПД 835, когда все следующие за ним листы уже были заполнены. Это видно из того, что, использовав пробельный лист, Пушкин был вынужден перейти на л. 79, нижняя часть которого еще оставалась свободной. Заполнив ее и не найдя другого пустого места в тетради, поэт начал вписывать строки перевода из Ариосто между строчками выполненного карандашом чернового автографа «Евгения Онегина» — сначала в верхней части л. 79, а затем на л. 79 об. Судя по тому что вся работа над стихотворением в тетр. ПД 835 выполнена одними и теми же блеклыми чернилами, она велась в один присест, без значительного перерыва. Таким образом, верхняя граница датировки перевода определяется по времени работы в последней части тетради ПД 835. Л. 70 об.—84 последовательно заполнялись черновыми автографами четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»; под завершенной четвертой главой в середине л. 79 поставлена дата: «3 гевн(аря 1826 г.)», вверху л. 79 об., на котором начата глава пятая, — дата: «4 гевн(аря 1826 г.)»; л. 84 об.—85 об. заняты беловыми автографами стихотворений «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает...», «Прятелям», «Сказали раз царю, что наконец...» и «Начало I песни „Девственности“», которые, судя по всему, вносились сюда в направлении от последней страницы задолго до хронологически

последовательных записей (см. примеч. к этим стихотворениям — наст. т., с. 636, 639—640, 653—654). Исходя из приведенных данных, верхняя граница датировки перевода — 4 января 1826 г. Нижняя граница определяется по датирующим признакам, указанным Т. И. Краснобородько (см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекера // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*. Stanford, 2008. Pt. 1. P. 67—73, 104—106). Оба автографа перевода из поэмы Ариосто писаны жидкими блеклыми чернилами характерного грязновато-серого оттенка. Их цвет объясняется тем, что в конце 1825 г. у Пушкина стали заканчиваться чернила; сначала он разводил их водой — и с 30 ноября по 6 декабря появилась серия автографов, записанных светло-коричневыми (рыжими) чернилами. В ходе работы над вторым беловым автографом поэмы «Граф Нулин» разведенные чернила стали чересчур водянистыми, почти бесцветными, и Пушкин обновил их «каким-то домашним способом». Вторая половина этой рукописи по цвету чернил совпадает с обоими автографами перевода из Ариосто, а также с автографом «〈Возражения на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“〉». «Граф Нулин» написан, по свидетельству Пушкина, 13 и 14 декабря 1825 г. (см. помету в первом беловом автографе поэмы (Акад. Т. 5. С. 174) и «〈Заметку о „Графе Нулине“〉» (Акад. Т. 11. С. 188)). Автограф «〈Возражения на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“〉» датируется, как показано Т. И. Краснобородько, второй половиной декабря 1825 г. — первыми числами января 1826 г. Этот автограф записан в самодельной тетрадке, изготовленной из трех сложенных пополам четверок. «Соединенные по линии разрывов, они составляют фабричный лист in folio, но без нижней четверки правого полулиста. Недостающий фрагмент 〈...〉 удалось идентифицировать: им оказался л. 1—2 перебеленной рукописи перевода из поэмы Ариосто. Таким образом, замыслы обоих произведений возникли в одно время — на рубеже 1825—1826 гг. (не исключено, что конспект возражений Кюхельбекеру предшествовал наброскам поэтического перевода)» (*Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 73). По-видимому, к концу января 1826 г. «чернильный кризис» закончился: «Автографы, датируемые 20-ми числами января—мартом 1826 г. (главным образом это письма) написаны другими, чем „〈Возражение...〉” и „〈Из Ариостова «Orlando furioso»», чернилами» (Там же. С. 106).

Текст представляет собой перевод 100—112 октав из XXIII песни поэмы Лодовико Ариосто (Ariosto; 1474—1533) «Неистовый Роланд» («Orlando furioso»; в 1516 г. издана в 40 песнях, в 1532 г. — полностью, в 46 песнях). Поэма Ариосто, формально являющаяся продолжением поэмы Маттео Боярдо (Boiardo; ок. 1441—1494) «Влюбленный Роланд» («Orlando Innamorato»; опублик. 1495), на самом деле — оригинальное сочинение, одно из ярких произведений эпохи Возрождения. В «Неистовом Роланде» объединена тематика французского героического эпоса и куртуазного цикла «романов Круглого стола». Поэма написана в форме непринужденного рассказа с отступлениями, возвращающими читателя к современности. Сюжет крайне запутан, повествование распадается на отдельные эпизоды.

Еще в Лицее на лекциях по эстетике П. Е. Георгиевского Пушкин усвоил характеристику Ариосто как поэта «романтического», противопоставляемого «классическому» поэту Торквато Тассо (Tasso; 1544—1595): «〈Тасс〉 писал во вкусе греческом, 〈Ариост〉 в романтическом, который совсем неизвестен был Аристотелю» (Лицейские лекции / По записям А. М. Горчакова // Красный архив. 1937.

№ 1 (80). С. 167). Как и Георгиевский, Пушкин считал, что «к роду классическому» «должны отнестись те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам или коих образцы они нам оставили», к поэзии романтической — те «роды стихотворения», «которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими» («О поэзии классической и романтической» (1825) — Акад. Т. 11. С. 36). В письме к П. А. Вяземскому от 25 мая—середины июня 1825 г. Пушкин указывал на Ариосто как на пример романтического поэта (Там же. Т. 13. С. 184), в «⟨Письме к издателю „Московского вестника“⟩» (1828) возражал против включения Ариосто «в классическую фалангу» (Там же. Т. 11. С. 67). В русской литературной среде начала XIX в. повышенный интерес к Ариосто был связан с разработкой жанра волшебного сказочного эпоса, в которой видели одну из альтернатив классицистическому эпосу. Первые критики «Руслана и Людмилы» (1817—1821) отмечали в пушкинской поэме влияние Ариосто (см.: П. в критике, I; по указ.), которое он и сам признавал (см.: «⟨Опровержения на критике⟩» (1830) — Акад. Т. 11. С. 145). Исползованная в «Евгении Онегине» техника авторских отступлений, воспринятая Пушкиным прежде всего от Байрона, в то же время восходит к их общим предшественникам, введшим лирические отступления в состав стихотворного эпоса, — к Ариосто и Вольтеру с его «Орлеанской девственницей» («La Pucelle d'Orléans»; первое авторизованное изд. 1762). Чрезвычайно высокую оценку Ариосто см., например, в статье Пушкина «⟨О народности в литературе⟩» (1825—1826) (Акад. Т. 11. С. 40). Подробнее см.: П. и мировая литература. С. 33—34 (статья А. О. Демина); *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? // РЛ. 2013. № 3. С. 129.

Пушкин выбрал для перевода описание пробуждения ревности влюбленного Роланда, приведшей затем к его безумию. Опустив первую половину 100-й октавы, он приступил к переводу с того места, где начинается сюжетное развитие избранного им эпизода:

C

⟨.....⟩
Giunse ad un rivo che pareo cristallo,
Nelle cui sponde un bel pratel fioria,
Di nativo color vago e dipinto,
E di molti e belli arbori distinto.

CI

Il merigge facea grato l'orezzo
Al duro armento ed al pastore ignudo;
Si che nè Orlando sentia alcun ribrezzo,
Che la corazza avea, l'elmo e lo scudo.
Quivi egli entrò per riposarvi in mezzo:
E v'ebbe travaglioso albergo e crudo,
E più che dir si possa empio soggiorno,
Quell'infelice e sfortunato giorno.

CII

Volgendosi ivi intorno vide scritti
Molti arbuscelli in su l'ombrosa riva.
Tosto che fermi v'ebbe gli occhi e fitti,
Fu certo esser di man della sua Diva.

Questo era un di quei lochi già descritti,
Ove sovente con Medor veniva
Da casa del pastore indi vicina
La bella donna del Catai regina.

CIII

Angelica e Medor con cento nodi
Legati insieme, e in cento lochi vede.
Quante lettere son, tanti son chiodi
Coi quali Amore il cor gli punge e fiede.
Va col pensier cercando in mille modi
Non creder quel ch'al suo dispetto crede:
Ch'altra Angelica sia, creder si sforza,
Ch'abbia scritto il suo nome in quella scorza.

CIV

Poi dice: «Conosco io pur queste note:
Di tal'io n'ho tante vedute e lette.
Finger questo Medoro ella si puote:
Forse ch'a me questo cognome mette».
Con tali opinion dal ver remote
Usando fraude a se medesimo, stette
Nella speranza il mal contento Orlando,
Che si seppe a se stesso ir procacciando.

CV

Ma sempre più raccende e più rinnova,
Quanto spenger più cerca, il rio sospetto:
Come l'incauto augel che si ritrova
In ragna o in visco aver dato di petto,
Quanto più batte l'ale e più si prova
Di disbrigar, più vi si lega stretto.
Orlando viene ove s'incurva il monte
A guisa d'arco in su la chiara fonte.

CVI

Aveano in su l'entrata il luogo adorno
Coi piedi storti edere e viti erranti.
Quivi soleano al più cocente giorno
Stare abbracciati i duo felici amanti.
V'aveano i nomi lor dentro e d'intorno,
Più che in altro dei luoghi circostanti,
Scritti, qual con carbone e qual con gesso;
E qual con punte di coltelli impresso.

CVII

Il mesto conte a piè quivi discese;
E vide in su l'entrata della grotta
Parole assai, che di sua man distese
Medoro avea, che parean scritte allotta.

Del gran piacer che ne la grotta prese,
 Questa sentenza in versi avea ridotta.
 Che fosse culta in suo linguaggio io penso;
 Ed era ne la nostra tale il senso:

CVIII

«Liete piante, verdi erbe, limpide acque,
 Spelunca opaca e di fredde ombre grata,
 Dove la bella Angelica che nacque
 Di Galafron, da molti in vano amata,
 Spesso nelle mie braccia nuda giacque;
 Della commodità che qui m'è data,
 Io povero Medor ricompensarvi
 D'altro non posso, che d'ogni or lodarvi;

CIX

E di pregare ogni signore amante,
 E cavalieri e damigelle, e ognuna
 Persona, o paesano o viandante,
 Che qui sua volontà meni o fortuna;
 Ch'all'erbe, all'ombre, all'antro, al rio, alle piante
 Dica: „Benigno abbiate e sole e luna,
 E delle Ninfe il coro che proveggia
 Che non conduca a voi pastor mai greggia”».

CX

Era scritto in arabico, che 'l conte
 Intendea così ben, come latino.
 Fra molte lingue e molte ch'avea pronte,
 Prontissima avea quella il paladino;
 E gli schivò più volte e danni ed onte,
 Che si trovò tra il popol saracino:
 Ma non si vantì, se già n'ebbe frutto,
 Ch'un danno or n'ha, che può scontargli il tutto.

CXI

Tre volte e quattro e sei lesse lo scritto
 Quello infelice, e pur cercando in vano
 Che non vi fosse quel che v'era scritto;
 E sempre lo vedea più chiaro e piano:
 Ed ogni volta in mezzo il petto afflitto
 Stringersi il cor sentia con fredda mano.
 Rimase al fin cogli occhi e colla mente
 Fissi nel sasso, al sasso indifferente.

CXII

Fu allora per uscir del sentimento,
 Sì tutto in preda del dolor si lassa.
 Credete a chi n'ha fatto esperimento,
 Che questo è l' duol che tutti gli altri passa.

Caduto gli era sopra il petto il mento,
 La fronte priva di baldanza, e bassa;
 Nè potè aver (che 'l duol l'occupò tanto)
 Alle querele voce, o umore al pianto.

(Ariosto L. L'Orlando Furioso.
 Parigi, 1825. Т. 4. Р. 174—179
 (Библиотека П. № 552))

Перевод:

С

⟨.....⟩
 Он приблизился к казавшемуся хрустальным ручью,
 На берегу которого цвел прекрасный луг,
 Разукрашенный и расцвеченный естественными красками
 И изумлявший множеством прекрасных деревьев.

СИ

В полдень тенистое место желанно
 Для глупого стада и обнаженного пастуха;
 Роланд тоже отнюдь не дрожал от холода,
 Потому что на нем были латы, шлем и щит.
 Он прибыл туда, чтобы отдохнуть среди ⟨дерев⟩,
 И обрел там приют мучительный и жестокий,
 И не выразить словами, сколь беспощадный,
 В этот несчастливый и злополучный день.

СИІ

Осматриваясь, он увидел надписи
 На многих деревьях на тенистом берегу.
 Когда он устремил туда пристальный и внимательный взгляд,
 Он уверился, что надписи сделаны рукой его Богини.
 Это было одно из тех уже описанных мест,
 Куда часто приходила с Медором
 Из расположенного рядом пастушеского дома
 Красавица королева Катая.

СИІІ

⟨Имена⟩ Анджелики и Медора, сотни раз
 Сплетенные, видит он в сотне мест.
 И сколько там букв, столько гвоздей,
 Которыми Амур пронзает и разит его сердце.
 С тревогой он ищет тысячу поводов
 Не поверить в то, во что, к несчастью, приходится верить:
 Он старается убедить себя, что это другая Анджелика
 Написала свое имя на коре.

СИV

Затем он говорит: «Мне знакомы эти надписи:
 Сколько раз я такие же видел и читал.
 Может, она выдумывает этого Медора:

Возможно, этим именем она называет меня». С такими мыслями, далекими от истины, Обманывая самого себя, стоял Расстроенный Роланд в надежде, Которую, он знал это сам, он пытался обрести.

CV

Но жестокое подозрение вновь и вновь вспыхивает тем сильнее, Чем настойчивее он пытается его потушить. Так неосторожная птица, которая попала В сети или к клею припала грудью, Чем больше бьет крыльями и пытается Освободиться, тем сильнее запутывается. Роланд направляется туда, где гора склоняется Сводом над светлым источником.

CVI

Было над входом место, украшенное Извилистыми побегамн плюща и разросшимся виноградом. Здесь обычно в самый жаркий полдень Проводили время, обнявшись, двое счастливых любовников. Их имен внутри и вокруг Было больше, чем где бы то ни было в окрестностях, То написанных углем или мелом, То вырезанных острием ножа.

CVII

Печальный граф там спешился И увидел у входа в грот Многие слова, которые своей рукой Медор написал, казалось, совсем недавно. О большом удовольствии, испытанном в гроте, Сообщала эта надпись в стихах, На его языке она была, я думаю, изящна, А на нашем языке она значит следующее:

CVIII

«Веселые растения, зеленые травы, прозрачные воды, Тенистая пещера, приятная свежей сенью, Где прекрасная Анджелика, рожденная Галафроном, многими тцдетно любимая, Часто в моих объятях нагая лежала; За благорасположение, которое здесь мне было даровано, Я, бедный Медор, отблагодарить вас Не могу ничем другим, как только всякий час восхваляя вас

CIX

И прося всякого влюбленного господина, И кавалеров, и юных дев, и любого Человека, хоть здешнего, хоть путника,

Которого сюда приведет собственная воля или Фортуна,
Травам, теням, пещере, ручью, растениям
Сказать: „Да будут к вам благосклонны и солнце, и луна,
И хор нимф пускай не допустит,
Чтобы пастух приводил сюда стадо”».

СХ

Это было написано по-арабски, на языке, который граф
Понимал так же хорошо, как латынь:
Из многих языков, которые он знал прекрасно,
Паладин лучше всего владел именно этим,
Что много раз спасало его от опасности и посрамления,
Когда он находился среди сарацин;
Но теперь незачем этим хвалиться, хоть и была раньше от этого польза,
Потому что сейчас с ним случилась такая беда,
которая может разрушить всё.

СХI

Три раза, и четыре, и шесть перечел написанное
Этот несчастный, тщетно надеясь,
Что написанного не существует;
И каждый раз видел его все яснее и отчетливее;
И всякий раз в скорбной груди чувствовал,
Как холодная рука сжимает его сердце.
Остановился он наконец, взором и мыслью
прикованный к камню,
И сам не отличимый от камня.

СХII

И тогда он потерял разум,
Настолько он отдался горю.
Поверьте тому, кто имеет такой же опыт,
Подобная боль превосходит любые другие.
Подбородок его упал на грудь,
Уронил он чело, лишненное отваги;
И не было (так захватило его горе)
У него голоса для стоны и влаги для слез.

В библиотеке Пушкина сохранилось издание «Неистового Роланда» 1825 г. (Библиотека П. № 552), однако из восьми томов разрезаны только первый том полностью и второй до начала одиннадцатой песни. Текст «Неистового Роланда» входил в не сохранившуюся в составе библиотеки антологию итальянской литературы (I quattro poeti italiani con una scelta di poesie italiane dal 1200 sino a' nostri tempi. Parigi, 1836) (Библиотека П. Прилож. С. 43. № 155).

Первые попытки перевода поэмы Ариосто на русский язык относятся ко второй половине XVIII в. (см.: *Горохова Р. М.* Ариосто в России // Ариосто Л. Неистовый Роланд / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1993. [Т. 2]. С. 457—480 (Сер. «Литературные памятники»); на с. 461 — библиография по теме «Ариосто в России»). К моменту создания пушкинского произведения самым полным переводом «Неистового Роланда» на русский язык был вышедший в начале 1790-х гг. прозаический перевод

П. С. Молчанова (*Ариост. Неистовый Роланд, героическая поэма* / Пер. с фр. М., 1791—1793. Кн. 1—3), выполненный на основе французского прозаического переложения Ж.-Б. Мирабо (1675—1760) (*Arioste. Roland furieux, poëme héroïque* / Trad. nouvelle par M(ira)baud). La Haye, 1741). К. Н. Батюшков, в статье «Ариост и Тасс» (написана в 1815 г.; в 1817 г. вошла в «Опыты в стихах и прозе») утверждавший, что «один язык италийнский (...) в состоянии был выражать все игривые мечты и вымыслы Ариоста» (*Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 139—140* (Сер. «Литературные памятники»)), в 1817 г. опубликовал в «Вестнике Европы» (Ч. 95. № 17—18. С. 17—29) свой прозаический перевод октав 100—136 песни XXIII и 1—13 песни XXIV «Неистового Роланда». Батюшкову принадлежит и опыт стихотворного переложения из «Неистового Роланда» — вольный перевод начала 42-й октавы песни I, под заглавием «Подражание Ариосту», напечатанный в «Северных цветах на 1826 год». Текст этого переложения Дельвиг в апреле 1825 г. получил от Пушкина (см.: *Рукою П. 1997. С. 467—468*); автограф Батюшкова неизвестен, единственный рукописный источник — копия, сделанная Пушкиным (ПД 932, л. 5 об.).

Фрагмент, избранный Пушкиным, входил в число строф, переведенных Батюшковым, который ориентировался на французское прозаическое переложение того же отрывка в хорошо известной Пушкину книге П. Л. Женгене (*Ginguené; 1748—1816*) «История литературы Италии» (*Ginguené P. L. Histoire littéraire d'Italie. Paris, 1812. Т. 4. Р. 413—415*). Этот же эпизод был приведен как образец художественного мастерства Ариосто в книге Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (*Sismondi; 1773—1842*) «О литературе Южной Европы» (*De la littérature du Midi de l'Europe, par J. C. L. Sismonde de Sismondi. 2e éd., rev. et corr. Paris, 1819. Т. 2. Р. 64*) (см.: *Томашевский. П. и Франция. С. 461*; там же дано краткое изложение эпизода). 14 марта 1825 г. Пушкин просил брата прислать книгу Сисмонди в Михайловское (см.: *Акад. Т. 13. С. 151*).

Первые исследователи, обращавшиеся к пушкинскому переводу, предполагали, что он был сделан непосредственно с итальянского оригинала (см.: *Анненков. Материалы 1855. С. 167; АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 205—206, примеч. П. О. Морозова; Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2—3. С. 410*). По свидетельству П. А. Плетнева, Пушкин овладел итальянским языком в южной ссылке (см.: *Плетнев П. А. А. С. Пушкин // Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 370*; о знании Пушкиным итальянского см. также: *Анненков. Материалы 1855. С. 95; Брюсов В. Я. Знал ли Пушкин по-итальянски? // РА. 1908. Кн. 3. № 12. С. 588—591; Верховский Ю. Н. Пушкин и итальянский язык : (По поводу заметки Ф. Е. Корша) // ПиС. Вып. 11. С. 101—106*). Несколько иную точку зрения высказал Г. Д. Владимирский, который считал, что, работая над текстом Ариосто, Пушкин учитывал опыт его русских переводчиков (см.: *Владимирский Г. Д. Пушкин — переводчик // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 315*). Едва ли, однако, Пушкин использовал устаревший перевод П. С. Молчанова. Что же касается перевода Батюшкова, то в пушкинских стихах встречаются детали, которые повторяют его особенности, но вместе с тем в ряде случаев Пушкин ближе к оригиналу (см. ниже). Более чем вероятным представляется обращение Пушкина к французским переводам. В библиотеке Пушкина имелся популярный французский прозаический перевод «Неистового Роланда», сделанный графом Л. де Трессаном (*Œuvres du Comte de Tressan. Paris, 1823. Т. 5—7; Библиотека П. № 1448*; все три тома разрезаны полностью; эпизод безумия Ролан-

да — Т. 6. Р. 194—199). Предположение, что Пушкин ориентировался на этот перевод, было выдвинуто В. В. Набоковым (см.: *Набоков В. В.* Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 216) и поддержано М. Вахтелем (см.: *Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison (Wisc.), 2011. Р. 8—11). Однако пушкинский текст значительно ближе к оригиналу, чем весьма несовершенный перевод Трессана. И. А. Пильщиковым был указан более вероятный французский перевод-посредник, которым мог пользоваться Пушкин, — это напечатанный параллельно с итальянским текстом перевод «Неистового Роланда», выполненный Ш. Ж. Панкуком (Pancoucke; 1736—1798) и Н. Э. Фрамери (Framery; 1745—1810): *Arioste. Roland furieux, poëme héroïque / Nouv. trad. par mm. Pancoucke et Framery. Paris, 1787. Т. 1—10* — см.: *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 132—137. Обращение Пушкина к изданию-билингве или другим французским и русским переводам нельзя исключить, но это не отменяет ни знакомства поэта с итальянским оригиналом, ни непосредственной работы с ним. Сопоставление пушкинского перевода и перевода Панкука и Фрамери с оригинальным текстом в ряде случаев свидетельствует в пользу версии о работе Пушкина непосредственно с текстом Ариосто. Так, в 103-й октаве оригинала сказано, что имена «как гвозди» («chiodi») ранят сердце Орlando. Пушкин пишет: «Их буква каждая гвоздем / Герою сердце пробивает». Между тем во французском переводе здесь употреблено слово «кинжал» («roignard»). В переводе Батюшкова этот образ вообще опущен. В 106-й октаве говорится, что вход в пещеру увит «блуждающим виноградом» («viti erranti»). У Пушкина вход завешен «бродящей повилкой», а во французском переводе «ползучими стеблями» («les tiges rampantes»). Ср. в переводе Батюшкова: «...едера и виноградник переплетяся густо» (ВЕ. 1817. Ч. 95. № 17—18. С. 20). Впрочем, как отмечает И. А. Пильщиков, пушкинские ст. 57—58 106-й октавы («И здесь их имена кругом / Древа и камни сохраняли») восходят именно к Батюшкову (ср.: «Там повсюду каждый камень, каждая кора древесная имена их сохранили» — Там же) и не имеют соответствия ни в итальянском оригинале, ни во французских переводах. Возможно, именно вслед за Батюшковым Пушкин называет Анджелику царевной (см.: *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 138, 140). В 109-й октаве Ариосто говорит о Фортуне. «Фортуна» упомянута и у Пушкина, в то время как во французском переводе употреблено слово «le hazard» («случай»). (Батюшков также говорит о «случае»: «прохожие, волей или случаем сюда завлеченные» — ВЕ. 1817. Ч. 95. № 17—18. С. 21). В 112-й октаве сказано: «Caduto gli ega sorgia il petto il mento» («Подбородок его упал на грудь»). Пушкин переводит: «На грудь опершись бородой», Панкук и Фрамери — «Sa tête était tombée sur sa poitrine» («Его голова упала ему на грудь»). Ср. в переводе Батюшкова: «Чело твое поникло на грудь» (Там же. С. 22).

Переводя отрывок из «Неистового Роланда» четырёхстопными ямбами с вольной рифмовкой, собранными в строфы неравной величины, Пушкин не предпринял попытки приблизиться к строфе подлинника — «золотой октаве» Ариосто. В русскую поэзию октава была введена В. А. Жуковским в посвящении к поэме «Двенадцать спящих дев» (1817), но в 1820-х гг. (вплоть до пушкинского «Домика в Коломне», 1830) встречалась редко, а ее русские модификации разрабатывались под воздействием итальянских, немецких или английских поэтов. Работая в 1821 г. над оставшимся незавершенным стихотворением «Кто видел край, где роскошью природы...», Пушкин обратился к опыту Жуковского и освоил образец октавы на основе

пятистопного ямба с рифмовкой АЬАЬАЬСС (см. примеч. Е. О. Ларионовой, А. И. Роговой и С. Б. Федотовой — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 827—828). Однако использовать эту форму при переводе из Ариосто Пушкин не стал, возможно, под впечатлением той полемики вокруг русского эквивалента итальянской октавы, которая разгорелась в 1822 г. на страницах журнала «Сын отечества» между П. А. Катениным и О. М. Сомовым (см. о ней: *Измайлов Н. В.* Из истории русской октавы // Поэтика и стилистика русской литературы : Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 102—110). Полемика продемонстрировала всю сложность вопроса об отражении в русской поэзии итальянской октавы — строфы, строившейся на основе силлабического одиннадцатисложника со сплошными женскими рифмами. К началу 1820-х гг. известны были выполненные А. Ф. Мерзляковым и К. Н. Батюшковым переводы октав «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо александрийскими стихами. Не считая такой опыт удачным, Катенин предложил две модели русской октавы; одну из них он сам же отверг как чересчур трудную, другую, облегченную, выдвинул в качестве образца для переводов Тассо и Ариосто (см.: СО. 1822. Ч. 76. № 14. С. 303—309). Тезис Катенина о необходимости создания русского эквивалента октавы был оспорен Сомовым: «Какая необходимость переводчику-стихотворцу стеснять себя сею формою, столь затруднительною, столь противною свободному стихосложению в языке, обильному окончаниями, словоударениями и до бесконечности разнообразным словами всяких мер, от односложных до самых многосложных?» — Таков язык российский...» (СО. 1822. Ч. 77. № 16. С. 68; полемика продолжилась в № 17 и 19, в № 21 в ней принял участие Н. И. Греч). Пушкин с интересом следил за этой полемикой; позиция Катенина была воспринята им критически, а впоследствии, создавая «Домик в Коломне» (1830), поэт избрал ту модель октавы, которую Катенин считал слишком сложной: I. аВаВаВсс, II. АЬАЬАЬСС (см.: *Измайлов Н. В.* Из истории русской октавы. С. 106—108). Однако в то время, когда шла работа над его переводом из Ариосто, Пушкин, по-видимому, разделял убеждение Сомова. По предположению И. А. Пильщикова, Пушкину мог быть известен опубликованный лишь в 1832 г., но сделанный в ходе полемики с Сомовым перевод Катенина 108—109-й строф (надпись Медора). В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит близкие параллели между переводами Пушкина и Катенина (см.: *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 139).

Каждая строфа пушкинского перевода (исключение составляет только 101-я), не совпадая с Ариостовой октавой по форме, полностью передает ее смысловый объем (не случайно Г. Д. Владимирский определяет этот перевод как точный — см.: *Владимирский Г. Д.* Пушкин — переводчик. С. 318). О некоторых отступлениях Пушкина от оригинала (пропуск перечисления рыцарских доспехов в 101-й октаве и сентенции, замедляющей действие, в 110-й) см.: *Горохова Р. М.* Ариосто в России. С. 471.

Перевод Пушкина из «Неистового Роланда» получил в научной литературе неоднозначную оценку. П. В. Анненков назвал его «упражнением в итальянском языке» (Анненков. Материалы 1855. С. 167), М. Н. Розанов — «пробой овладеть итальянской октавой, но пробой далеко еще не совершенной» (*Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто. С. 410); при этом и Анненков, и Розанов считали, что перевод сделан небрежно. П. О. Морозов, исследовавший черновой автограф перевода, указал на то, с каким старанием Пушкин стремился приблизиться к подлиннику (см.: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 206). По его наблюдениям, лишь в некоторых слу-

чаях первоначальные варианты перевода оказывались ближе к оригиналу, чем исправленный текст (Там же. С. 210).

Ст. 13—14. *Гуляя, он на деревьях Повсюду надписи встречает.* — М. И. Семевский привел воспоминания обитателей Тригорского о «березах, испианных стихами и прозой», которые были срублены в послепушкинское время (Семевский. С. 62; отмечено С. В. Березкиной — Там же. С. 294).

Ст. 17. *Невольный страх его влечет...* — Авторемнисценция из «Руслана и Людмилы» (ср.: «Его томит невольный страх» — Акад. Т. 4. С. 64); та же формула была использована в стихотворении «Сон» (1816): «Все в душу страх невольный поселяло» (наст. изд., т. 1, с. 191) и в поздней редакции стихотворения «Русалка» (1819), относящейся к 1825 г.: «Глядит, невольно страха полный» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 54). См.: *Карданова Н.* Перевод ренессансного поэтического текста с итальянского на русский : Пушкин и Ариост // *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti (Ohrid, 10—16 settembre 2008)*. Firenze, 2008. P. 239 (Biblioteca di Studi Slavistici. [№] 7); *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 148.

Ст. 20. *Медор с китайской царевной...* — Царевна (в оригинале — королева Катая) — героиня Ариосто Анджелика, с которой Роланд расстался после того, как она испила из убивающего любовь источника. Надписи, увиденные Роландом в лесу, — первый обнаруженный им след красавицы. Медор — мавританский воин, которого Анджелика пожалела, излечила от ран с помощью целебных трав и любила.

Ст. 46. *Так в сетке птичка, друг свободы...* — «Необычен галлицизм *друг свободы* в применении к „птичке“ <...> Не далее как в 1823 г. в первой главе „Онегина“ Пушкин назвал „другом свободы“ Фонвизина, а в 1825 г. едва не применил эту характеристику к Ленскому: „Поклонник Славы, друг Свободы“ <...>. Это калька выражения *l'ami de la liberté*, получившего широкое хождение в годы Французской революции» (*Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 148—149). Здесь же отмечено, что выражение «друг свободы», не находящее соответствия в итальянском оригинале, употреблялось также в «Новой Элоизе» Руссо (ч. VI, письмо VIII) и в «Естественной истории птиц» Бюффона (1778), где другом свободы («*ami de la liberté*») назван жаворонок, который не сразу привыкает к неволе ([*Buffon G.-L. Leclerc, comte de*]. *Histoire naturelle des oiseaux*. Paris, 1778. Т. 5. P. 51). Отзыв Пушкина о Бюффоне как «великом живописце природы» дан в заметке 1822 г. (Акад. Т. 11. С. 18).

Ст. 71. *Приют любви, забав и лени...* — В этом стихе, который не находит соответствия ни в тексте Ариосто, ни у других переводчиков, употреблена формула, неоднократно использованная Пушкиным. Ср.: «Готов приют любви веселый» («К Делии» (1815—1816) — наст. изд., т. 1, с. 295); «Я пеньем оглашал приют забав и лени» («Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) — там же, т. 2, кн. 2, с. 37); «Приют любви и вольных муз» («Горишь ли ты, лампада наша?...» (1821) — там же, с. 21); «Приют любви, он вечно полн...» (начальная строка наброска 1824 г. — там же, с. 150). См.: *Карданова Н.* Перевод ренессансного поэтического текста с итальянского на русский. P. 243; *Пильщиков И. А.* По какому источнику Пушкин переводил Ариосто? С. 143.

Ст. 73. *С прелестной дочерью Галафрона...* — Галафрон в поэме Ариосто — китайский хан, отец Анджелики.

Ст. 82. *Пришельцев, здешних иль дорожн(ых)...* — Дорожные — находящиеся в дороге. В XVIII—первой половине XIX в. слово «дорожные» употреблялось как субстантивированное прилагательное в значении «люди проезжие, путники» (см.: Даль. Т. 1. Стб. 1177; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6. С. 222).

Ст. 90. *Граф точно так, как по-латыне...* — В русском языке XVIII в. употреблялись формы «латынь» и «латина»; им соответствовали выражения «по-латыни» и «по-латине» (см.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. С. 127). Пушкинское «по-латыне» ориентировано на уходящую из русского языка словообразовательную форму. Ср. в «Евгении Онегине»: «Он знал довольно по-латыне» (Акад. Т. 6. С. 37).

Ст. 108. *На грудь оперишишь бородой...* — Ср. в поэме «Гавриилиада» (1823): «На вражью грудь оперишишь бородой...» (указано: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 145).

Ст. 110—111. *Найти не может рыцарь бедный Ни вопля, ни слезы одной.* — Ср. финальные строки стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» (1826): «Для сладкой памяти невозвратимых дней / Не нахожу ни слез, ни пени» (наст. т., с. 95). См.: *Непомятый В. С. Пушкин: Русская картина мира.* М., 1999. С. 208.

К Б(АРАТЫНСКОМУ)

(«Стих каждый в повести твоей...»)

(С. 92 и 319)

Автограф (ПД 894, л. 1) — беловой, под заглавием: «Баратынскому», с датой под текстом: «1825» и подписью «П.», на одном листе с беловым автографом послания «Д(авыдов)у» («Нельзя, мой толстый Аристип...») (1824). Бумага № 194 (?) по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см. примеч. Е. О. Ларионовой к стихотворению «Д(авыдов)у» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 792); полулист, сложенный вчетверо. Жандармской пометы нет. Автограф был передан Пушкиным М. П. Погодину для публикации в «Московском вестнике», где в № 1 за 1829 г. были напечатаны оба записанных на этом листе текста (см. ниже), и находился в Древлехранилище Погодина. Напечатано: *Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский.* Л., 1929. С. 9 (дата и подпись); Акад. Т. 3. С. 1125 (заглавие и дата; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Авторизованная копия — рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»), под заглавием: «К Б***». Ст. 1 здесь читался: «Стих каждой повести твоей». После второго слова Пушкиным вставлен имевшийся в автографе предлог «в», который был пропущен в обеих прижизненных публикациях, где, однако, форма второго слова была иной: «Стих каждый повести твоей». Изменение, внесенное переписчиком, порождало грамматическую двусмысленность: без предлога «в» слово «каждой» могло быть отнесено как к «стиху», так и к «повести». Исправление Пушкина устраняло эту двусмысленность. Напечатано: Акад. Т. 3. С. 11, 569 (публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Впервые: МВ. 1829. Ч. 1. С. 108, под заглавием: «К...», с пометой под текстом: «1825». Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 170 (отдел стихотворений разных годов), под заглавием: «К Б***». Фамилия адресата указана: Анн. Т. 2. С. 412.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829 с учетом поправки Пушкина в рукописи Собр. ст. 1836 г. и раскрытием фамилии адресата в заглавии.

Датируется предположительно концом февраля (не ранее 20-го) — первой половиной марта 1826 г. по времени получения в Михайловском поэмы Баратынского «Эда» и отзыва о ней «зоила» Булгарина в «Северной пчеле» от 16 февраля 1826 г. (см. ниже). Дата «1825» в беловом автографе, по всей видимости, является ошибочной.

Беловой автограф ПД 894 был записан не позднее 10-х чисел октября 1828 г. 27 октября было выдано цензурное разрешение сдвоенных 19-го и 20-го номеров «Московского вестника», где в объявлении о составе первой новогодней книжки названо стихотворение Пушкина «К Б...» (МВ. 1828. Ч. 11. № 19—20. С. 398). Соответственно эпиграмма была в распоряжении М. П. Погодина уже в середине 20-х чисел октября 1828 г., и, следовательно, Пушкин, который в ночь с 19 на 20 октября уехал из Петербурга в Малинники (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 427), должен был успеть отослать текст до своего отъезда из столицы.

Стихотворение, судя по всему, написано под впечатлением от знакомства с полным текстом поэмы Е. А. Баратынского «Эда» (1824—1825) по выходе издания «Эда, финляндская повесть, и Пирь, описательная поэма» (СПб., 1826; выход в свет около 13 февраля, см.: РИ. 1826. № 37. 13 февр. С. 150). К поэме Баратынского Пушкин проявил интерес еще осенью 1824 г., когда из письма Дельвига от 10 сентября узнал о новом замысле «певца Пиров»: «Баратынский (...) на днях пишет, что у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы. С первой почтой обещает мне прислать» (Акад. Т. 13. С. 108). С тех пор в письмах к Л. С. Пушкину неоднократно появляются просьбы прислать «чухонку Баратынского» (см. письма от 20-х чисел ноября, 4 декабря, 20—23 декабря 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 123, 127, 131; см. также письмо к А. Г. Родзянко от 8 декабря 1824 г. — Там же. С. 128—129). С отдельными фрагментами поэмы Пушкин мог познакомиться в 1825 г. по публикациям в альманахах и журналах: отрывки из «Эды» были напечатаны в «Полярной звезде» на 1825 г. (С. 372—373; вышла 21 марта 1825 г. — П. в печати. С. 29), в 4-й части «Мнемозины» (С. 216—220; вышла не позднее 22 октября 1825 г. — СПч. 1825. № 127. 22 окт.), в «Московском телеграфе» (Ч. 6. № 22. С. 157; вышел 12 декабря 1825 г. — МВед. 1825. № 99. 12 дек. С. 3461). Нельзя исключать, что еще какие-то отрывки могли быть посланы Пушкину в письмах, однако до выхода в свет издания «Эды» и «Пиров» полного текста поэмы он не читал. В письме Баратынского к Пушкину от первой половины декабря 1825 г. говорилось: «„Эду“ для тебя не переписываю, потому что она на днях выйдет из печати. Дельвиг, который в П(етербур)ге смотрит за изданием, тотчас доставит тебе экземпляр и, пожалуй, два...» (Акад. Т. 13. С. 253). Это обещание было исполнено сразу по выходе книги (который откладывался из-за цензурных придирок — см.: Летопись Баратынского. С. 171), и 20 февраля 1826 г. Пушкин сообщал П. А. Осиповой: «Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства» (Акад. Т. 13. С. 263, 551; оригинал по-фр.). В тот же день не менее восторженный отзыв Пушкина был дан в его письме к Дельвигу: «...что за прелесть эта „Эда“! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякий говорит по-своему. А описание лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо!» (Там же. С. 262).

Между тем выход «Эды» был встречен резким и неприязненным отзывом Ф. В. Булгарина: «В повести „Эда“ описания зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны. Но в целом повествовании нет той пиитической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в „Кавказском пленнике“, „Цыганах“ и „Бахчисарайском фонтане“ А. С. Пушкина. Окончательный смысл большей части стихов переносится в другую строку; от этого рассказ делается прозаическим и вялым. Чувство любви представлено также не в возвышенном виде, и предмет поэмы вовсе не пиитический. Гусар обманул несчастную девушку, и она умерла с отчаяния, без всяких особенных приключений. Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Даже в прозе повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостью, а нам кажется, что поэзия должна избирать предметы, выходящие из обыкновенного круга повседневных приключений и случаев; иначе она превратится в *рифмоплетство*. Неужели природа, история и человечество не имеют предметов возвышенных для восплавления юных талантов? Скудость предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык — в этой поэме не отличные» (СПч. 1826. № 20. 16 февр.).

Явные полемические переключки пушкинского стихотворения с рецензией Булгарина позволяют предполагать, что она явилась прямым поводом к сочинению стихотворного текста, метившего в своей сатирической части в издателя «Северной пчелы». На содержавшееся в рецензии сопоставление с собственными поэмами — не в пользу Баратынского — Пушкин отвечал куда более сильным сравнением: «Твоя Чухоночка <...> Гречанок Байрона милей», перифразируя свои же слова из писем к брату и Аркадию Родзянко (см. ниже, примеч. к ст. 3—4). Обвинениям в несовершенстве стиха Пушкин противопоставил афористичный комплимент Баратынскому: «Стих каждый <...> / Звучит и блещет как червонец».

На фоне других произведений того же жанра, написанных четырехстопным ямбом свободной рифмовки с чередованием мужских и женских окончаний, стих «Эды» отличался повышенным числом enjambements (сравнительные данные по поэмам Пушкина, Баратынского и К. Ф. Рыльева см.: *Матяш С. А.* К истории и типологии стихотворного переноса // *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика: Материалы Междунар. конф. 23—27 июня 1998 г. М., 2001. С. 179*). Опыт Баратынского оказался близок к пушкинским экспериментам со стиховыми переносами, особенно занимавшими его в ходе работы над «Евгением Онегиным» в 1824—1826 гг. (см.: *Шапир М. И.* Три реформы русского стихотворного синтаксиса: (Ломоносов—Пушкин—Иосиф Бродский) // *Шапир М. И.* Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 40). Поэтому оценку стиха («звучит и блещет как червонец»), данную Пушкиным, вопреки утверждению Булгарина, что переносы делают повествование «прозаическим и вялым», можно рассматривать и как реплику в защиту употребления enjambements (подробнее см.: *Бодрова А. С.* К истории пушкинской эпиграммы «Стих каждый повести твоей...» // *Philologica. 2012. Vol. 9. № 21/23. С. 107—110*).

Резкая пушкинская реакция на критику Булгарина могла быть вызвана, кроме всего прочего, и тем обстоятельством, что отклик «Северной пчелы» в значительной степени воспроизводил оценки, данные поэме Баратынского еще в начале 1825 г. А. А. Бестужевым (см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. 2. С. 309, примеч. И. Н. Медведевой (Б-ка поэта; Большая сер.)). Раннюю редакцию «Эды» Баратынский в конце января 1825 г. послал в Петербург А. И. Тургеневу (см.: *Летопись Баратынского. С. 150*). Тогда же, по всей видимо-

сти, текст поэмы стал известен некоторым столичным знакомым Баратынского, в том числе А. А. Бестужеву, который в письме к Пушкину от 9 марта 1825 г. дал уничижительный отзыв о ней: «„Эда“ есть отпечаток ничтожности, и по предмету, и по исполнению» (Акад. Т. 13. С. 150). Слова Бестужева косвенно задевали и самого Пушкина, поскольку в том же письме Бестужев критиковал его за «ничтожность» первой главы «Онегина» (тот же упрек звучал в письме к Пушкину К. Ф. Рылеева от 10 марта 1825 г. — см.: Там же). Эти обстоятельства могут в какой-то мере объяснять проставленную в беловом автографе пушкинскую датировку стихотворения 1825 г.

Н. Е. Мясоедова предложила иное объяснение авторской датировки. По ее мнению, дата «1825» должна была скрыть «для массового читателя полемическую направленность эпиграммы», т. е. выпад против Булгарина (*Мясоедова Н. Е.* Пушкинские замыслы : Опыт реконструкции. СПб., 2002. С. 236). Едва ли, однако, Пушкин мог думать, что стихотворение, появившееся в печати в 1829 г., вызовет в памяти «массового читателя» рецензию трехлетней давности. Что же касается посвященных читателей, то они считали неназванным зоилом именно Булгарина — автора единственной резко отрицательной рецензии на «Эду». Так, П. А. Плетнев в статье «Финляндия в русской поэзии» писал: «Появление „Эды“ (...) произвело на журналистов (...) неблагоприятное впечатление. Один из них критиком своею вызвал Пушкина на следующую эпиграмму, в которой поэт говорит Баратынскому: „Стих каждый повести твоей...”» (Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета / Изд. Я. Гротом. Гельсингфорс, 1842. С. 139).

Опубликованное лишь в 1829 г., пушкинское стихотворение оказалось помещенным в новый литературный контекст. В начале октября 1828 г., после возвращения в Петербург Дельвига (он вернулся 7 октября — см. дневниковую запись А. Н. Вульфа (Вульф. Дневник 1999. С. 41)), Пушкину становится доступна привезенная Дельвигом беловая рукопись поэмы Баратынского «Бал», вскоре изданной под одной обложкой с пушкинским «Графом Нулиным», а также многочисленные стихотворения Баратынского для «Северных цветов». С Дельвигом и Алексеем Вульфом, как следует из записи в дневнике последнего от 14 октября 1828 г. (Там же. С. 42), Пушкин беседует о Баратынском и «Горе от ума». Тем же временем, до отъезда в Малинники 20 октября, предположительно датируется и набросок статьи о «Бале» («Наши [поэты] не могут жаловаться...» — Акад. Т. 11. С. 74—76), в которой Пушкин вспоминает и об обстоятельствах выхода «Эды», в том числе о булгаринской критике: «...появление „Эды“ подало только повод к неприличной статейке в „Сев(ерной) пчеле”» (аргументы в пользу указанной датировки пушкинской статьи см.: *Песков А. М.* Пушкин и Баратынский : Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки : Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 252—253; *Летопись Боратынского.* С. 211—212). Публикация эпиграммы в поддержку «Эды» на фоне совместного издания «Двух повестей в стихах» должна была подчеркивать как общность литературных позиций Пушкина и Баратынского, так и неизменно высокую пушкинскую оценку таланта последнего.

Надо полагать, что Пушкин не случайно передал эпиграмму в «Московский вестник», редакторы которого, М. П. Погодин и С. П. Шевырев, были исключительно неблагоприятно настроены к Баратынскому и его стихам (см.: Вацуро. Сев. цветы. С. 109; *Песков А. М.* Пушкин и Баратынский. С. 264—265; *Хитрова Д. М.* Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х гг. // Пуш-

кинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. [Вып.] 3. С. 149—150, 173—174). В конце 1828 г. резкая рецензия Шевырева на «Стихотворения Евгения Баратынского» 1827 г. (МВ. 1828. Ч. 7. № 1. С. 70—71; вышел в свет 18 января — см.: МВед. 1828. № 5. 18 янв. С. 173) была недавним литературным событием (см., например, упоминание о ней в цитировавшемся наброске Пушкина о «Бале» («Как отозвался М(осковский) В(естник) об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта!» — Акад. Т. 11. С. 74)). Прицельный выпад Шевырева в его разборе «Стихотворений» Баратынского касался как раз манеры выражения и «механизма стихов». С точки зрения Шевырева, ни «мастерская отделка», ни «блистание словами» не принадлежат к истинным достоинствам поэзии: «Это желание блистать словами в нем (Баратынском. — *Ред.*) слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства. Часто весьма обыкновенную мысль он оправляет в отборные слова и старательно шифует стихи, чтоб придать глянцу своей оправе» (МВ. 1828. Ч. 7. № 1. С. 71). На этом фоне пушкинская эпиграмма, где были использованы сходные метафоры («звучит и блещет»), вполне могла быть прочитана как скрытый упрек новому «Зоилу» Баратынского — Шевыреву (подробнее см.: Бодрова А. С. К истории пушкинской эпиграммы «Стих каждый повести твоей...». С. 113—115).

Ст. 3—4. *Твоя Чухоночка ей-ей Гречанок Байрона милей...* — Ср. высказывания Пушкина в письмах к брату Льву об «Эде» Баратынского: «Что ж чухонка Баратынского? я жду» (первая половина ноября 1824 г.); «Торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то проклянну тебя» (20-е числа ноября 1824 г.); «Пришли же мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (4 декабря 1824 г.) (Акад. Т. 13. С. 121, 123, 127). 8 декабря 1824 г. Пушкин пишет А. Г. Родзянко: «Поговорим о поэзии (...) Что твоя романтическая поэма Чуп? (...) Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся, *про Чухонку*), и эта Чухонка, говорят, чудо как мила. — А я про Цыганку; каков? подавай же нам скорее свою Чупку — ай да Парнас! ай да героини! ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую ж тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? италианку? чем их хуже чухонка или цыганка» (Там же. С. 128—129; работа Родзянко над поэмой «Чупка» ограничилась написанием нескольких отрывков, см. его письмо к Пушкину от 10 мая 1825 г. — Там же. С. 171). Упоминание «гречанки» в последнем письме переключается со ст. 4, где «чухоночке» Эде отдано предпочтение перед «гречанками Байрона» (по всей видимости, здесь подразумевалась прежде всего героиня второй—четвертой песен поэмы «Дон Жуан» («Don Juan», 1819—1824) юная гречанка Гайдэ; о влиянии эпизодов, связанных с Гайдэ, на пушкинского «Кавказского пленника» см.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 49—50; Проскурин 2007. С. 211—214, 235—236, 2-я паг.).

Ср. сходную ритмико-синтаксическую конструкцию в строфе XXXVII пятой главы «Евгения Онегина» в отдельном издании четвертой и пятой глав (СПб., 1828): «Но Таня (присягну) милей / Елены пакостной твоей» (Акад. Т. 6. С. 650; см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 202). Черновые наброски этой строфы в тетради ПД 836 (л. 37 об.) датируются 15—22 ноября 1826 г. (см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 142); в полное издание романа в стихах строфа не вошла.

〈ИЗ ПИСЬМА К И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ〉

(«С тобой мне вновь считаться довелось...»)

(С. 93)

Автограф (ПД 470, л. 1) — беловой, в письме к И. Е. Великопольскому от 3 июня 1826 г. Напечатано: Пушкин и Великопольский. Три новые письма Пушкина // РА. 1884. Кн. 1. № 2. С. 468 (публ. П. И. Бартенева).

Впервые: РА. 1884. Кн. 1. № 2. С. 468.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 7.

Печатается по автографу, с заменой в ст. 5 цифры: «500» словом: «Пятьсот».

Датируется 3 июня 1826 г. согласно помете в письме.

Стихотворение представляет собой первую часть письма Пушкина к И. Е. Великопольскому, после которой следует текст: «Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые вы мне должны, возвратите не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно, Александра Пушкина»; затем дата, помета «Преображенское», а также две приписки: «Скрепил Беклешов» и «Иван Ермолаевич! Мое почтение: я воспользовался этим случаем вам напомнить о верующем письме, которое вы намеревались [вам] мне прислать для взыска денег с Котко: если не пришлете к сроку, что мне делать? — опишите и не забывайте вашего покорного слугу к(нязя) Фед. Цицианова» (Акад. Т. 13. С. 282).

Адресат письма — поэт Иван Ермолаевич Великопольский (1797 или 1798—1868), член «Вольного общества любителей российской словесности» и «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», сотрудник «Благонамеренного» и «Соревнователя просвещения и благотворения», знакомый А. А. Дельвига и И. И. Пущина. Закончив Казанский университет, Великопольский с 1815 по 1820 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку. После бунта в полку (октябрь 1820 г.) и последовавшей затем раскассировки перевелся в Старонингерманландский пехотный полк, расквартированный в Псковской губернии (см.: *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский (1797—1868)* // *Модзалевский. С. 342—347*), где прослужил до ноября 1826 г. Будучи страстным, но неудачливым игроком, он еще в молодости проиграл значительную сумму денег, что наложило отпечаток на всю его дальнейшую судьбу, а также литературную карьеру: выступая с сатирическими сочинениями против карточной игры, он сам время от времени поддавался этой страсти и, желая покрыть долги, проигрывал все больше и больше, чем совершенно расстроил свое состояние. Согласно позднейшим воспоминаниям И. И. Панаева, «в карты Великопольского обыгрывал даже Пушкин, которого все обыгрывали, и потому, вероятно, великий поэт питал к Великопольскому какую-то ироническую нежность» (*Панаев И. И. Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 152—153*).

Не исключено, что Пушкин мог познакомиться с Великопольским еще в 1819—1820 гг. в Петербурге, однако первое документальное свидетельство об их встрече относится к 1826 г.: в середине февраля этого года приехавший в Псков Пушкин бывал у Великопольского, играл с ним в карты и беседовал о литературе (см.: *Летопись 1999. Т. 2. С. 124—125; Старк В. П. Новое о Пушкине по дневнику Ф. М. Лодыгина // Врем. ПК. Вып. 25. С. 14—15*). После этого Великопольский написал Пушкину письмо (не сохранилось), на которое тот ответил около (не позднее)

11 марта (см.: Акад. Т. 13. С. 268—269). Следующая встреча поэтов произошла, скорее всего, также в Пскове, где Пушкин был с 5(?) по 13(?) мая (по одному из предположений, она состоялась 7 мая — см.: *Зиссерман П.* Пушкин и Великопольский // *ПиС.* Т. 28—29. С. 358—359). По-видимому, именно тогда Великопольский и проиграл Пушкину 500 рублей, о которых тот упоминает в письме.

В конце мая—начале июня Пушкин снова поехал в Псков (см.: *Летопись 1999.* Т. 2. С. 148), где остановился у своего знакомого Г. П. Назимова, а в какой-то из дней гостил в его имении Преображенское Псковского уезда. Здесь он написал письмо к Великопольскому с просьбой вернуть долг не ему, а Назимову, которому, очевидно, накануне проиграл такую же сумму. При этом присутствовали сослуживцы Великопольского по Староингерманландскому полку В. Н. Беклешов (см.: *Старк В. П.* Новое о Пушкине по дневнику Ф. М. Лодыгина. С. 22; ранее во многих изданиях (см., например: Черейский. С. 33) ошибочно указывалось, что это был его старший брат, островский исправник П. Н. Беклешов), скрепивший письмо своей подписью, и Ф. И. Цицианов, в своей приписке напомнивший Великопольскому и о другом его долге. В ответ Великопольский написал «Послание к А. С. Пушкину», датированное 12 июня (см.: *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский.* С. 363—364), которое, возможно, не отослал адресату и опубликовал значительно позднее под заглавием «Послание, в ответ на полученную записку в стихах» (см.: [*Великопольский И. Е.*] *Раскрытый портфель : Выдержки из «Сшитых тетрадей»* автора, не желающего объявлять своего имени. Первый отдельный выпуск. СПб., 1859. С. 236—237; дата под текстом: «1826 г.»), где упрекал Пушкина за его страсть к игре и предостерегал от дальнейших проигрышей. По мнению Л. А. Степанова, «главная, стержневая мысль ответа Великопольского была связана с постоянным у него противопоставлением: высочайшего признания достоинств Пушкина-поэта и чрезвычайно низкой оценки его личных качеств» (*Степанов Л. А.* Три послания к Великопольскому : (К характеристике творческого процесса) // *Болдинские чтения.* Нижний Новгород, 1991. С. 146).

Высказывалось предположение, что во второй половине августа 1826 г. Пушкин еще раз встречался с Великопольским в Пскове и выиграл у него крупную сумму (см.: *Зиссерман П.* Пушкин и Великопольский. С. 260—262), за которую тот впоследствии рассчитался «родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии» (письмо к Великопольскому от конца марта 1828 г. — Акад. Т. 14. С. 9); следствием этого проигрыша стала направленная против Пушкина эпиграмма «Арист-поэт» («Арист — негодный человек...») (см.: *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский.* С. 371), датированная 1 сентября. Подтверждением этой гипотезы может служить и то, что в письме к Великопольскому из Пскова от первой половины декабря 1826 г. Пушкин прозрачно намекает на какой-то его долг: «Милый Иван Ермолаевич — Если вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос — но судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает, да деньги-то с неба не валятся. Прощайте, пишите мне в Москву» (Акад. Т. 13. С. 313). Следующим свидетельством общения Пушкина и Великопольского стал очередной обмен посланиями (см. пушкинское «Послание к Великопольскому, сочинителю „Сатиры на игровы“», 1828).

О комментируемом стихотворении см. также: *Старк В. П.* «Верющее письмо» Пушкина к И. Е. Великопольскому // *Пушкинский музей.* СПб., 2002. Вып. 3. С. 191—196.

Ст. 2 — 3. *Певец любви то резвый, то унылый; Играешь ты на лире очень мило...* — Здесь Пушкин, очевидно, намекает на то, что среди опубликованных к тому времени стихотворений Великопольского (библиографию см.: *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский. С. 345—346*) было несколько любовных посланий и стихотворений элегического характера. Однако более вероятно, что Пушкин был знаком и с другими, неопубликованными сочинениями Великопольского, которые тот мог читать поэту во время их встреч в Пскове.

⟨К Е. Н. ВУЛЬФ⟩

⟨Вот, Зина, вам совет: играйте...⟩

(С. 94 и 319)

Автограф неизвестен.

Копия А. Н. Вульфа (ПД 1316, л. 2) (АлВ) — на письме к нему Пушкина от 10 октября 1825 г., с пометами под текстом: «1 июля 826 — Зуево»; «К Евпр⟨аксии⟩ Ник⟨олаевне⟩ Вульф». Напечатано: *Анн. Т. 7. С. 92*, под редакторским заглавием: «В альбом», с пометой под текстом: «1 июля 1826 Зуёво».

Копия П. А. Осиповой в ее «большом» тригорском альбоме («см. о нем примеч. к стихотворению «П. А. Осиповой» («Быть может, уж недолго мне...») (1825) — наст. т., с. 716—717), утрачена. Напечатано: *Семевский М. И. К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // РВ. 1869. № 11. С. 68* (заглавие: «К Зине В⟨ульф⟩» и ст. 1) (РВ); *Майков. Материалы. С. 260* (под заглавием: «К Зине Вульф») (описание копии, с указанием подписи: «А. Пушкин» и пометы под текстом: «1-го июля 1826»; публ. В. И. Саитова). В *Акад. (Т. 3. С. 1126, примеч. Т. Г. Зенгер (Цявловской))* указана публикация копии из альбома Осиповой в *АН 1900—29 (Т. 4. С. 212, под заглавием: «В альбом Е. Н. Вульф» и с пометой под текстом: «1 июля 1826. Зуево»; публ. П. О. Морозова)*; сомнительно, однако, что здесь напечатана именно эта копия, поскольку в двух других ее публикациях указано иное заглавие стихотворения. Более вероятно, что в основном корпусе Морозов напечатал текст по *Анн.*, а в примечаниях описал копию Осиповой и привел подпись: «А. Пушкин» и помету: «1 июля 1826. Зуёво» (Там же. *Примеч. С. 302*).

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: *ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.)* — в записи: «к Зине» (см.: *Рукою П. 1997. С. 177, 178*); нельзя, впрочем, исключить, что запись могла относиться к стихотворению «Если жизнь тебя обманет...» (1825), также посвященному Е. Н. Вульф.

Впервые. *Анн. Т. 7. С. 92*.

В собрание сочинений впервые включено: *Анн. Т. 7*.

Печатается по копии А. Н. Вульфа с редакторским заглавием, соответствующим помете Вульфа (см. выше).

Датируется 1 июля 1826 г. согласно пометам в копиях.

В большинстве изданий до *Акад.* стихотворение печаталось под заглавием: «В альбом Е. Н. Вульф»; в *Акад. (Т. 3. С. 13)* оно получило заглавие: «К Е. Н. Вульф» (то же в *Акад. в 10 т. (1) Т. 2. С. 326; Госл. в 10 т. Т. 2. С. 140; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 73*). Под заглавием: «К Зине», воспроизводящим обозначение стихотворения в составленном Пушкиным списке (см. выше), оно напечатано в *Акад. в 10 т.*

(2) Т. 2. С. 324; публ. Б. В. Томашевского (см. также: Пушкин 1955. Т. 3. С. 814). Такое решение не представляется удачным, поскольку, составляя списки, Пушкин не стремился к точности в обозначении заглавий произведений.

Стихотворение обращено к шестнадцатилетней Евпраксии Николаевне Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Если жизнь тебя обманет...» (1825) — наст. т., с. 714—715; см. также: *Вольперт Л. И., Краснобородько Т. И.* Игровой мир Пушкина. Эпизод быта Тригорского : Поэт и Зизи // Пушкинская эпоха : Проблемы рефлексии и комментарий : Материалы Междунар. науч. конф. [15—17 сент. 2006, Тарту]. Тарту, 2007. С. 9—30). В семье ее звали Euphrosine, Зизи, Зина. Стихотворение, по-видимому, связано с каким-то эпизодом, относящимся ко времени пребывания в Тригорском Н. М. Языкова, который гостил там в течение месяца с середины июня 1826 г. (см.: *Летопись 1999. Т. 2. С. 153*). В ст. 4—5 («И впрдь у нас не разрывайте / Ни мадригалов, ни сердец») Пушкин, вероятно, говорит о себе и Языкове. А. Н. Вульф вспоминал, какие вдохновенные стихи читал Языков в 1826 г. «у ног той же Евпраксии Николаевны» (П. в восп. Т. 1. С. 414), которая «ненавидела мадригальные стихи и весьма мало отвечала на любезности своих собеседников» (Анн. Т. 7. С. 92; записано со слов А. Н. Вульфа). П. В. Анненков писал о Е. Н. Вульф, что она «постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы. Многие называли кокетством все эти приемы, но кокетство или нет — манера, во всяком случае, была замечательно умного свойства» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 279—280). Судя по помете Вульфа, стихотворение написано в Михайловском (Зуёво, как поясняет с его слов Анненков (Анн. Т. 7. С. 92), — «народное прозвание Михайловского»), где Языков вместе со всем молодым обществом Тригорского часто бывал летом 1826 г.

«ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ...»

(С. 95 и 320)

Автографы:

1) ПД 895, л. 1 (Авт₁) — беловой, с поправками и датой над текстом, расположенной как заглавие и подчеркнутой: «29 июля 1826»; под текстом — фигурная скобка (знак концовки) и записи: «Усл. о с. 25»; «У о с Р. П. М. К. Б.: 24». Все записи на листе, по-видимому, сделаны одновременно. Вверху четверки фабричного листа, на которой расположен автограф, — нижняя часть водяного знака «A F Rall», что позволяет идентифицировать бумагу как № 77, 79, 80 или 82 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 310, 311*). Жандармская помета: «48». После того как стихотворение было записано и лист согнут пополам, на его обороте карандашом был записан ««Проект из десяти названий»» (см. наст. изд., т. 7, с. 243). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 195—196 (дата над текстом, ст. 1, записи под текстом); *Сапожников Д. И.* Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина // РА. 1899. Кн. 1. № 2. С. 354—355 (транскрипция, дата над текстом и записи под текстом). Воспроизведение: *Анисимов В. М.* Две пушкинских строки // Русский язык в киргизской школе. 1968. № 3. С. 16.

Запись над текстом была истолкована и как заглавие стихотворения (см., например: Анн. Т. 2. С. 409; *Вересаев В. В.* К психологии пушкинского творчества :

(В связи с вопросом о датировке элегии на смерть Амалии Ризнич) // Красная новь. 1923. Кн. 5. С. 331—332; Акад. Т. 3. С. 576; Госл. в 10 т. Т. 2. С. 688; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 558; Летопись. С. 719 (то же: Летопись 1991. С. 632; Летопись 1999. Т. 2. С. 161)), и как датирующая помета (такого мнения придерживался Б. В. Томашевский — см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 436; Пушкин 1955. Т. 3. С. 814). Судя по расположению записи, более правдоподобной является первая точка зрения. О записях под текстом см. ниже.

2) ПД 487, л. 1 (Авт₂) — беловой, в письме Пушкина к А. А. Дельвигу от 31 июля 1827 г., под заглавием: «Элегия», с датой под текстом: «[1825] 1826». Напечатано: Письма. Т. 2. С. 39 (публ. Б. Л. Модзалевского); в более ранних публикациях письма (в том числе в первой из них: Анненков. Материалы 1855. С. 194—195) текст стихотворения выпущен.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «На смерть Р<изнич>», под № 18, отмечено условным обозначением жанра элегий (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 180).

Впервые: СЦ 1828. Отдел «Поэзия». С. 51, под заглавием: «Элегия». Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 33 (отдел стихотворений 1825 г.), без заглавия, с заменой в ст. 13 восклицательного знака после слова «Увы» запятой. Перепечатано: Северная лютня: Майский подарок любительницам пения: Собрание самых новейших романсов, элегий и песен. М., 1833. С. 1, с подписью: А. Пушкин; Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов... / Собр. И-м Гурьяновым. М., 1835. Ч. 12. С. 79—80, без заглавия, с подписью: А. Пушкин.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 29 июля 1826 г. согласно дате в автографе ПД 895.

Авторская датировка 1825 г. в Ст 1829 вызвала колебания исследователей, которые относили стихотворение то к 1825, то к 1826 г., причем обе датировки иногда фигурировали в рамках одного издания. Так, например, П. В. Анненков напечатал стихотворение в отделе 1825 г., однако в примечании сообщил, что в автографе оно датировано 1826 г. (Анн. Т. 2. С. 409); в Ефр. 1903—05 стихотворение напечатано в разделе стихотворений 1826 г., а в примечании датировано 1825 г. (Т. 8. С. 261—262). Обзор противоречивых мнений о годе создания стихотворения см.: Рукою П. 1997. С. 249—250 (коммент. М. А. Цявловского).

Проблема датировки стихотворения связана также с записями под его текстом в автографе ПД 895. Расшифровка более поздней записи не вызывает сомнений: «У<слышал> о с<мерти> Р<ылеева,> П<естеля,> М<уравьева,> К<аховского,> Б<естужева>: 24 <июля 1826 г.>» (историю расшифровки обеих записей см.: Там же. С. 248—250). Что же касается первой записи, то она однозначной трактовке не поддается. Впервые опубликовавший ее П. В. Анненков допустил ошибку, напечатав запись в следующем виде: «Усл. ... о см. 25» (Анненков. Материалы 1855. С. 195); начало обеих записей исследователь расшифровывал как сокращенно записанные слова «услышал о смерти» (ср. ремарку П. А. Вяземского по поводу публикации П. В. Анненкова: «Пушкин, вероятно, написал бы о казни, а не просто о смерти» (СпН. М., 1904. Кн. 8. С. 39)). Ошибку заметил Б. В. Томашевский, указав на нее в письме к Т. Г. Зенгер (Цявловской) от 5 апреля 1932 г.: «...все читают пометы под стихами неверно: Усл. О см. (т. е. о смерти Ризнич). Надо

„Усл. О С.” — „С” большое, т. е. услышал о Сибири или что-н(ибудь) подобное» (ПД, ф. 387, № 418; см. также: *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // *Литературное наследие декабристов.* Л., 1975. С. 200). При подготовке издания «Рукою П.» указание Томашевского учтено не было, и запись была напечатана как «Усл. о см. 25» (Рукою П. С. 307; Рукою П. 1997. С. 248). Поправка Томашевского справедлива лишь отчасти: в сокращенно записанном третьем слове действительно имеется только одна первая буква, но уверенно трактовать ее как прописное «С» невозможно, поскольку она почти совпадает по виду и размеру с буквой «с» в первом слове. Таким образом, расшифровка, предложенная Анненковым, остается хотя и гипотетической, но вполне допустимой (см.: *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.) // *Врем. ПК.* 1971. С. 62; *Нольман М. Л.* «Недоступная черта»: Об одном цикле любовной лирики Пушкина // *Болдинские чтения.* Горький, 1976. С. 56—57). Если чтение Томашевского предположительно связывало первую запись с полученным Пушкиным известием о судьбе сосланных декабристов, то чтение Анненкова позволяло связать эту запись с известием о смерти Амалии Ризнич (см. о ней ниже), полученным либо 25 июля 1826 г., либо в 1825 г. (через год после публикации Анненкова такое предположение было выдвинуто в статье К. П. Зеленецкого «Г-жа Ризнич и Пушкин: (Посвящается П. В. Анненкову)» (РВ. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 206—207, 2-я паг.); то же: *Отзывы о Пушкине с юга России: В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта: 29 января 1887 / Собр. В. А. Яковлев.* Одесса, 1887. С. 143—148; далее ссылки на статью Зеленецкого приводятся по этому изданию). Истолкование цифры «25» как пометы, означающей 1825 г., см., например: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 74 (примеч. П. О. Морозова); *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии Пушкина // ВЕ. 1904. № 1. С. 319; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 262; Брюс. С. 233. Характерно, однако, что исследователи колебались в своих решениях: Морозов в изданиях Мор. 1903—06 (Т. 2. С. 393) и Венг. (Т. 3. С. 577), а Щеголев в монографиях «Пушкин: Очерки» (СПб., 1912. С. 215) и «Из жизни и творчества Пушкина» (3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 268) раскрывали помету как «25 июля».

Вероятнее всего, помета «Усл. о с. 25» корреспондирует с заглавием «29 июля 1826» и относится к получению известия о смерти Ризнич, а цифра «25» означает 25 июля 1826 г. Однако данных, позволяющих однозначно подтвердить такую расшифровку, не имеется. Т. Г. Цявловская, по-видимому, исходила именно из этой версии, предложив в Акад. (Т. 3. С. 1127) в качестве верхней границы датировки 25 июля (указанная здесь нижняя граница датировки — 31 июля — дана, на наш взгляд, произвольно). С учетом датировки в Акад. дата 29 июля поставлена под вопрос в *Летописи* (С. 719), *Летописи 1991* (С. 632), *Летописи 1999* (Т. 2. С. 161).

Авторская датировка 1825 г. в Ст 1829 могла быть обусловлена желанием Пушкина приблизить создание текста ко времени кончины Ризнич (такое объяснение было предложено еще в статье Зеленецкого). Показательны в этом отношении колебания поэта при посылке автографа ПД 487 Дельвигу: сначала была поставлена дата «1825», но затем Пушкин зачеркнул ее и вписал другой год — «1826». Датировка стихотворения 1826 г. — в соответствии с датами в обоих автографах — окончательно закрепилась в авторитетных изданиях 1930-х гг. после КН. Т. 2 (С. 331).

Стихотворение, по всей видимости, посвящено памяти Амалии Ризнич (урожд. Рипп; 1801—1825), которой Пушкин был увлечен в Одессе в 1823—1824 гг.

Биографические сведения о Ризнич и ее отношениях с Пушкиным чрезвычайно скудны и по преимуществу основываются на давней публикации К. П. Зеленецкого (см. выше), собравшего и напечатавшего в 1856 г. воспоминания одесских старожилов, М. Е. Халанского, записавшего слышанные в 1889 г. рассказы белградского профессора П. С. Сречковича, который в 1850-е гг. общался с мужем Амалии (*Халанский М. Е.* Пушкин и г-жа Ризнич // Харьковский университетский сб. : В память А. С. Пушкина (1799—1899). Харьков, 1900. С. 423—426), и А. А. Сиверса (*Сиверс А. А.* Семья Ризнич : (Новые материалы) // ПиС. Вып. 31—32. С. 85—104). Эти материалы были дополнены разысканиями Н. П. Прожогина (см.: *Прожогин Н. П.* «Мучительная тень» : (В поисках Амалии Ризнич) // ПиС. (Нов. серия). Вып. 2 (41). С. 6—25).

Амалия Розалия София Элизабетта Рипп (Ripp), родившаяся в Вене в декабре 1801 г. (крещена 29 декабря), в семье венского домовладельца Иоганна-Батиста Прокопа Риппа и Франциски Вильгельмины фон Диришмид, в сентябре 1820 г. в Триесте вышла замуж за уроженца этого города И. С. Ризнича (серб. Ризнич, ит. Risnich; 1792—1861), серба по происхождению, неогоцианта, ведшего коммерческие дела, в частности, в Одессе (*Прожогин Н. П.* «Мучительная тень». С. 9, 18—19). В 1822 г. Ризнич принял русское подданство, в 1823 г. получил чин коммерции советника и исправлял должность члена городского строительного комитета (*Сиверс А. А.* Семья Ризнич. С. 89). Он получил хорошее образование, был любителем театра и итальянской оперы (Там же. С. 87). Согласно сведениям Зеленецкого, приезд Амалии Ризнич в Одессу относится к весне 1823 г., тем же временем, очевидно, следует датировать ее знакомство с Пушкиным. По воспоминаниям, записанным Зеленецким и Халанским, Пушкин был одним из двух наиболее горячих поклонников Ризнич. В числе соперников поэта называли Исидора Собаньского (см.: *Зеленецкий К. П.* Г-жа Ризнич и Пушкин. С. 138; *Ланда С. С.* Одесса : 1820—1824 // Здесь жил Пушкин : Пушкинские места Советского Союза. Л., 1963. С. 252; *Черейский.* С. 407) и некоего князя Яблоновского, который якобы сумел добиться любви Ризнич после ее отъезда из Одессы (см.: *Халанский М. Е.* Пушкин и г-жа Ризнич. С. 425).

Из-за открывшейся чахотки Амалия Ризнич была вынуждена покинуть Одессу в первых числах мая 1824 г. Из письма И. С. Ризнича к П. Д. Киселеву от 7 июня 1824 г. известно, что его жена с маленьким сыном должна была ехать сначала в Швейцарию, а затем осенью Ризнич намеревался соединиться с ней и отправиться в Италию (см.: *Сиверс А. А.* Семья Ризнич. С. 92). Сам Ризнич сопровождал семейство до границы с Австрией в Бродах.

Обстоятельства жизни Ризнич за границей неизвестны. В Одессе ходили слухи, что она умерла в Генуе, брошенная и мужем, и любовником, уехавшим за ней за границу, обреченная на бедность (см.: *Зеленецкий К. П.* Г-жа Ризнич и Пушкин. С. 143), что, однако, опровергается недавно опубликованными документами. Амалия Ризнич умерла 23 июня 1825 г. в Триесте на вилле Ризничей (*Прожогин Н. П.* «Мучительная тень». С. 20—21). Известие о кончине жены Ризнич получил в Одессе 26 июня/8 июля 1825 г., как следует из его письма, адресованного П. Д. Киселеву (*Сиверс А. А.* Семья Ризнич. С. 94; *Прожогин Н. П.* «Мучительная тень». С. 20). Тогда же, вероятно, эта новость стала известна другим одесским знакомым Ризничей.

С Ризнич предположительно связывают зачеркнутый вариант ст. 12 XIV строфы третьей главы «Евгения Онегина» («У ног Амалии (?) прекрасной») (Акад.

Т. 6. С. 578; чтение густо замазанного чернилами имени остается гипотетическим), не вошедшую в окончательный текст строфу XVI шестой главы («Почий, мучительная тень!») (Там же. С. 611; на предположительную связь этой строфы с Ризнич указал еще Щеголев: *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // ВЕ. 1904. № 1. С. 323; в переработанном виде статья вошла в кн.: *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 255—275; ссылки на нее далее приводятся по этому изданию) и «Отрывки из путешествия Онегина» (в том числе черновые варианты — Акад. Т. 6. С. 205, 464, 472). Ризнич неоднократно называли героиней целого ряда стихотворений Пушкина, в том числе «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823) (см. примеч. к нему Е. О. Ларионовой — наст. изд., т. 2, кн 2, с. 771—772), «Для берегов отчизны дальней...» (1830), «Заклинание» («О, если правда, что в ночи...») (1830) и «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») (1828) (имеются в виду строфы, не вошедшие в печатный текст). См., например: *Вересаев В.* Спутники Пушкина. М., 1931. Т. 1. С. 396—401; *Цявловская.* «Храни меня, мой талисман...». С. 13—15, 22—23). Впрочем, как подчеркивал П. Е. Щеголев, эти гипотезы не имеют под собой надежных оснований (см.: *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина. С. 255—275). Имя «Амалия» упоминается в так называемом «Дон-Жуанском списке» Пушкина (см.: *Рукою П.* 1997. С. 265). Комментируемое стихотворение с наибольшей вероятностью может быть связано с именем Ризнич, на что указывает не только биографический контекст, но и заглавие «*На смерть Р*» в списке стихотворений, составленном в 1828 г.

От кого и при каких обстоятельствах Пушкин получил известие о смерти Ризнич, остается неясным. Возможно, это произошло во время его пребывания в Пскове 19—25 июля 1826 г. (см.: *Летопись 1999.* Т. 2. С. 157, 160). Иная версия была выдвинута П. О. Морозовым, который предположил, что Пушкин узнал о смерти Ризнич от своего одесского приятеля В. И. Туманского, посещавшего дом Ризничей (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 73; о Туманском см. примеч. Е. О. Ларионовой к предположительно адресованной ему эпиграмме 1823—1824 гг. «[Венере], Фебу и Фемиде...» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 933). Согласно гипотезе Л. Б. Модзалевского, сообщение о смерти Ризнич могло содержаться в ответе Туманского (неизвестен) на письмо Пушкина от 13 августа 1825 г., в котором он просил приятеля писать ему (см.: Акад. Т. 13. С. 205—206); той же точки зрения придерживался и Щеголев (см.: *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина. С. 266—267). Посредничество Туманского, и впоследствии сообщавшего Пушкину одесские новости, весьма вероятно, хотя и противоречит как словам стихотворения о «равнодушных устах», принесших «смерти весть», так и помете под текстом, начинающейся со слова «Усл(ышал)».

Туманский откликнулся на смерть Ризнич сонетом «На кончину Р.....» («Ты на земле была любви подруга...»), при публикации (Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 153—154) снабженным пометой: «Одесса. Июль, 1825.» и посвящением Пушкину. По всей видимости, эта датировка соответствует времени реального написания стихотворения: его беловой автограф с правкой (РНБ, ф. 794, № 3, л. 17; заглавие «На смерть Р.....ч») записан на полулисте большого формата (бумага с водяным знаком «Г. X / 1823. Г.»; см.: *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX в. М., 1978. С. 103), составлявшем один лист с беловым автографом стихотворений «Греция (Два Сонета)», опубликованных в том же 1825 г. (*Соревн.* 1825. Ч. 31. № 8. С. 217—218) и очевидно написанных тогда

же (при публикации стихотворения датированы 1825 г.). Нельзя исключать, что Туманский до публикации послал Пушкину сонет на смерть Ризнич, который, таким образом, мог послужить импульсом к созданию элегии «Под небом голубым...» (см.: *Туманский В. И. Стихотворения и письма*. СПб., 1912. С. 362, примеч. С. Н. Браиловского). В свою очередь стихотворение Пушкина несомненно было известно Туманскому до публикации, что подтверждается его письмом к Пушкину от 2 марта 1827 г. о женитьбе И. С. Ризнич: «Новая м-м Ризнич, вероятно, не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти» (Акад. Т. 14. С. 321). По предположению В. Э. Вацуро, поэты могли обменяться стихотворениями на смерть Ризнич при встрече в Москве в сентябре 1826 г. (см.: *Переписка А. С. Пушкина*: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 164; *Поэты 1820—1830-х гг.* Т. 1. С. 731).

Сонет Туманского и элегию Пушкина объединяют мотивы безвременного увядания южной красавицы (ср. у Туманского: «Но Гименей (...) Убил цветок полуденного юга») и равнодушия к ее смерти прежних поклонников:

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,
Уж новый огонь волнует души их,
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

(Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 280)

Тема прошедшей любви и равнодушия к бывшей возлюбленной, которая сама по себе становится для лирического героя предметом рефлексии, сближает элегию «Под небом голубым страны своей родной...» с «аналитическими элегиями» Баратынского — прежде всего с «Признанием» («Притворной нежности не требуй от меня...») (1823; подробнее см. примеч. к ст. 6—9). С другой стороны, как показал О. А. Проскурин (Проскурин 1999. С. 197—203), Пушкин последовательно отталкивается от элегической поэтики К. Н. Батюшкова, инвертируя его решения темы смерти возлюбленной/друга (см. построчные примеч.). Ориентация на батюшковские стихотворения «Выздоровление» («Как ландыш под серпом убийственным жнеца...») (опубл. 1817) и «К другу» («Скажи, мудрец младой, что прочно на земле?...») (1815) подчеркивается общностью метрики — выбором так называемой Жильберовой строфы (разностопный ямб (6—4—6—4) с рифмовкой aBaB, восходящей к известной элегии Н. Жильбера (Gilbert; 1751—1780) «Ode imitée de plusieurs psaumes» (1780) (см.: Томашевский. Строфика П. С. 67—71; см. также: *Томашевский Б. В.* [Вступительная статья] // Батюшков К. Стихотворения. [Л.], 1936. С. 47 (Б-ка поэта; Малая сер.)).

В рецензии «Московского телеграфа» на «Северные цветы» на 1828 г. стихотворение «Под небом голубым страны своей родной...» было названо среди лучших произведений альманаха (см.: МТ. 1828. Ч. 19. № 1. С. 125—126). В 1830 г. в газете «Le Furet» (№ 12. 9 февр.) было помещено написанное по-французски «Письмо петербургской дамы одной из своих московских подруг. По поводу романа „Милославский“ и о поэте Пушкине». Здесь говорилось, что в стихотворении «Под небом голубым...» Пушкину удается передать в нескольких строках сложный психологический роман.

Стихотворение положено на музыку А. А. Алябьевым (1837).

Ст. 1. *Под небом голубым страны своей родной...* — Ср. в стихотворении Батюшкова «Тень друга» («Я берег покидал туманный Альбиона...») (1814), связанном с пушкинским текстом мотивом тени: «Под небом сладостным отеческой землей» (Батюшков. Соч. 1934. С. 74) (см.: Проскурин 1999. С. 200; мотивное сходство этих элегий Батюшкова и Пушкина вскользь было отмечено в докладе Н. В. Россиной «Элегия К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина: Эволюция романтической элегии»: Тез. докл. к науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Н. Батюшкова. Вологда, 1987. С. 58—59).

Ст. 2 — 4. *Она томилась, увядала... Увяла наконец, и верно надо мной Младая тень уже летала.* — Ср. мотивные переключки и сходные интонационно-синтаксические конструкции, с семантически нагруженным enjambement, в стихотворении Батюшкова «Выздоровление»: «Как ландыш (...) / Склоняет голову и вянет», «Я вянул, исчезал, и жизни молодой, / Казалось, солнце закатилось...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 67). См.: Проскурин 1999. С. 201. Насыщенность батюшковскими реминисценциями подчеркивает трансформацию его элегического сюжета у Пушкина: «Ситуация „Выздоровления“ инвертируется в нескольких направлениях: (...) умирает не герой (повествователь), а героиня (объект резиньяции); (...) выздоровления не происходит; (...) воскрешающая сила любви трансформируется в „равнодушие“, которое и служит предметом элегической рефлексии» (Там же. С. 200).

Ст. 5. *Но недоступная черта меж нами есть.* — Ср. в стихотворении К. Н. Батюшкова «Воспоминание» («Мечты! — повсюду вы меня сопровождали...») (1807—1809): «Между протекшего есть вечная черта: / Нас сблизит с ним одно мечтанье» (Батюшков. Соч. 1934. С. 64). См.: Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 236.

Ст. 6 — 9. *Напрасно чувство возбуждал я ~ Так вот кого любил я пламенной душой...* — Ср. в элегии Е. А. Баратынского «Признание» (1823), о которой 12 января 1824 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву: «Баратынский — прелесть и чудо; „Признание“ — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...» (Акад. Т. 13. С. 84):

Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежних лет мечтанье:
Безжизненны мои воспоминанья!
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

(Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 63)

О соотношении комментируемого стихотворения и «Признания» Баратынского см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1974. С. 77; Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. С. 234—237.

Ст. 16. *Не нахожу ни слез, ни пени.* — Ср. заключительные строки стихотворения Пушкина «Из Ариостова „Orlando furioso“» (1826): «Найти не может рыцарь бедный / Ни вопля, ни слезы одной» (наст. т., с. 91) (отмечено: *Непомнящий В. С.* Пушкин: Русская картина мира. М., 1999. С. 209—210, здесь же см. о других переключках текста элегии с переводом Пушкина из «Неистового Роланда» Ариосто).

Другие редакции и варианты

Варианты белого автографа ПД 895. Ст. 1. *Под небом сладостным Италии своей...* — Почти дословная цитата из элегии К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817): «Под небом сладостным / Италии моей» (Батюшков. Соч. 1934. С. 164) (см.: *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. С. 200; указано со ссылкой на сообщение С. М. Бонди), вероятно записанная по ошибке (на ошибку указывает нарушение рифмовки).

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

(«Так море, древний душегубец...»)

(С. 96 и 320)

Автографы:

1) ПД 1334, л. 1 (Авт₁) — белой, в письме к П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 431 (публ. П. И. Баргенева).

2) ПД 681, л. 1—1 об. (Авт₂) — белой, в письме к А. И. Тургеневу от 16 января 1837 г., с пунктуационными отличиями от Авт₁. Стихотворный текст предваряется фразой: «Вот вам мои стихи к Вяземскому». Напечатано: Переписка П. Т. 3. С. 440 (публ. В. И. Саитова).

Впервые: РА. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 431.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880.

Печатается по Авт₁. Авт₂ представляет собой позднейшую запись, сделанную, вероятно, по памяти. Пунктуационные отличия автографа ПД 681 приведены в разделе «Другие редакции и варианты» (наст. т., с. 321).

Датируется 14 августа 1826 г. Число и месяц определяются по помете Пушкина в письме к Вяземскому, год — по содержанию письма (см. ниже).

Со стихотворения «Так море, древний душегубец...» начиналось письмо к Вяземскому от 14 августа 1826 г., которое было посвящено участи декабристов: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (Акад. Т. 13. С. 291). Это был ответ на письмо Вяземского из Ревеля от 31 июля 1826 г., которое, так же как и пушкинское, открывалось поэтическим текстом — стихотворением «Море» («Как стаи гордых лебедей...») — и содержало отклики на приговор по делу 14 декабря и казнь пятерых декабристов (о реакции на эти события современников, отразившейся, в частности, в переписке Вяземского с Пушкиным, см.: *Иезутова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // ПИМ. Т. 11. С. 88—92).

Посылая Пушкину «Море», свой «смиранный ревельский оброк», Вяземский, очевидно, рассчитывал на подробный разбор, однако его корреспондент отложил критику «до другого раза» (Акад. Т. 13. С. 291) и дал лишь общую комплиментарную оценку присланным стихам в прозаической части письма («Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души» — Там же). В то же время поэтический текст, открывавший письмо Пушкина, звучал как полемическая реплика на стихотворение Вяземского. В «Море» Вяземский вос-

певал морскую стихию, противопоставляя состарившуюся «в неволе» землю — «людей и времени рабу» — морским волнам:

...Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны.

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святости
Не опозорена лазурь.
Кровь братьев не дымится в ней!
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной!
И если смертный возмутит
Ваш мир преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.

(Цит. по: Акад. Т. 13. С. 287)

Второе четверостишие пушкинского послания полемически нацелено на художественную антитезу Вяземского. Его сложные метафоры и многословная поэтическая риторика, по всей видимости, показались Пушкину неуместными при обращении к теме, слишком непосредственно связанной с реальной трагедией многих близких людей. Поэтике «Моря» Пушкин противопоставил лаконичность и однозначную простоту собственного стихотворного высказывания. Между тем первые наброски «Моря» возникли у Вяземского еще до декабрьских событий, в августе 1825 г. Замысел развивался под впечатлением морских мотивов в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1818) Байрона и лишь в 1826 г. к нему был подключен злободневный декабристский контекст (см.: Устюжанинова М. С. Из комментария к стихотворению П. А. Вяземского «Море» // Русская филология. Тарту, 2011. [Вып.] 22: Сб. научных трудов молодых филологов. С. 25—30).

Своего рода комментарий к ст. 6 («Седой Нептун Земли союзник») Пушкин дал в прозаической части письма: «Правда ли, что Николая Т(ургенева) привезли на корабле в П(етер)б(ург)? Вот каково море наше хваленое!» (Акад. Т. 13. С. 291; местоимение «наше» подразумевает написанное в 1824 г. стихотворение Пушкина «К морю», так же как и стихотворение Вяземского, воспевающее «свободную стихию»). Письмо Пушкина отразило слухи об аресте Николая Ивановича Тургенева (1789—1871), активного члена Союза благоденствия и Северного общества, заочно осужденного по делу 14 декабря и приговоренного к вечным каторжным работам, хотя в самом выступлении на Сенатской площади Тургенев участия не принимал, находясь с 1824 г. в заграничном отпуске. В «Росписи государственным преступникам...», напечатанной в «Русском инвалиде» 16—21 июля 1826 г., о Н. Тургеневе сообщалось: «По показаниям 24 соучастников, он был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других, равно участвовал в умысле ввести

республиканское правление, и удалясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания» (Восстание декабристов : Материалы и документы. М., 1980. Т. 17. С. 229). В течение первой половины 1826 г. русское правительство предприняло целый ряд шагов, чтобы добиться ареста Николая Тургенева, которого спасло лишь то, что он находился в Англии, где существовала прочная законодательная база для защиты иммигрантов. Таким образом, возникшие в связи с близившимся окончанием суда над декабристами слухи о том, что Тургенева привезут на корабле из Лондона в Петербург, не были беспочвенными. О том, что эти слухи не оправдались, Вяземский узнал из письма А. И. Тургенева около 24 июля, о чем писал жене: «Слух о приезде Николая оболгался», «О Николае Тургеневе слухи провались» (ОА. Т. 5, вып. 2. С. 58, 65 (письма от 24 и 31 июля 1826 г.)). Пушкин в Михайловском этих обнадеживающих новостей в первой половине августа еще, очевидно, не знал. С другой стороны, тревога за судьбу Николая Тургенева не оставляла его братьев и друзей и в последующие месяцы 1826 г., о чем свидетельствует письмо к нему А. И. Тургенева от 6 августа: «Будь осторожен с посольством. В дом ходить не должно»; в примечании к этому письму Н. И. Тургенев пояснял: «До меня доходили известия, что в Петербурге рассуждали, как бы схватить меня, обманом, в Лондоне» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 4). Об этом эпизоде биографии Николая Тургенева, а также о связанной с ним деятельности российского дипломатического ведомства см.: *Звавич И.* Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством // *Тайные общества в России в начале XIX столетия.* М., 1926. С. 88—102; *Внешняя политика России XIX и начала XX века : Документы российского Министерства иностранных дел.* М., 1985. Сер. 2-я. Т. 6 (14). С. 322—324, 489—491, 770, 783—784 и др.; *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 87—88, 678—679 (примеч. А. Р. Курилкина).

15 января 1837 г. поэт прочитал А. И. Тургеневу в числе своих ненапечатанных стихотворений послание «Так море, древний душегубец...», что было в тот же день отмечено в дневнике Тургенева (см.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. 4-е изд. М., 1987. С. 244—245). На следующий день Пушкин сообщил ему в письме текст этого стихотворения. 21 января Тургенев отослал текст брату Николаю (см.: *ПиС.* Вып. 6. С. 47). 30 января 1837 г. А. И. Тургенев в письме к И. С. Аржевитинову вспоминал о встрече с Пушкиным незадолго до его смерти: «За несколько дней (...) прочел он мне наизусть много стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны. Одни более других мне понравились и тем уже, что написаны давно по случаю распространившегося слуха, что будто брат Н(иколай) выдан англичанами...» (РА. 1903. Кн. 1. № 1. С. 144).

Ст. 1—2. *Так море, древний душегубец, Воспламеняет гений твой*³ — Возможно, здесь не только оспорена предложенная Вяземским антитеза земли и моря, но и спародированы особенности метафорического языка его стихотворения, в котором сказано, что в море «светит пламень» (впоследствии, при публикации в «Северных цветах» на 1828 г., эти слова были заменены автором). Ср. пушкинскую критику метафор, использованных Вяземским в стихотворении «Нарвский водопад» (письмо к нему Пушкина от 14—15 августа 1825 г. — см.: *Акад.* Т. 13. С. 209—210). Вяземский помнил об этом эпизоде: отсылая Пушкину «Море», он писал: «Вторый год кланяюсь тебе водою» (*Акад.* Т. 13. С. 289; см.: *Пушкинская энциклопедия.* Вып. 2. С. 244—245 (статья Л. С. Дубшана)).

Ст. 6. *Седой Нептун Земли союзник*. — Предположив, что Пушкин в данном случае «имел в виду не отвлеченную аллегория, а конкретное, памятное ему полотно», Ю. М. Лотман отметил «дословное совпадение» комментируемого стиха «с названием картины Рубенса „Союз Земли и Воды”» (Лотман Ю. М. Почему море в мужском роде? // Лотман. Пушкин. С. 344). Эта картина, написанная около 1618 г., поступила в Эрмитаж между 1798 и 1800 гг. На ней изображены женская и мужская фигуры (последняя — с венком из морских трав на седой голове и с трезубцем в руках). Однако вплоть до конца XIX в. картина Рубенса описывалась в эрмитажных каталогах как аллегорическое изображение реки Тигр (см.: *Galérie de l'Ermitage, gravée au trait d'après les plus beaux tableaux... = Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с лучших картин оную составляющих...*: [На фр. и рус. яз.] / Изд. Ф. И. Лабенским; С фр. пер. П. Титов. СПб., 1809. Т. 2, кн. 4. С. 11—13; *Сомов А.* Картины Императорского Эрмитажа. СПб., 1859. С. 92; *Императорский Эрмитаж : Каталог картин.* СПб., 1863. С. 139—140; об истории картины в Эрмитаже и ее названиях см.: *Варшавская М.* Картины Рубенса в Эрмитаже. Л., 1975. С. 116). Пушкин мог ориентироваться не на эрмитажное полотно, а на традицию, закрепленную гравюрами и эстампами с картины Рубенса. Ср. названия гравюр П. де Йоде (младшего; de Jode; 1596—1674) и В. Ванжелисти (Vangelisti, 1744?—1798), интерпретирующих этот сюжет как изображение союза земли и воды или союза богов, которые персонифицируют стихии, — «Нептун и Кибела, или союз Моря и Земли» («Neptune et Cybèle, ou l'alliance de la Mer et de la Terre»), «Союз воды и земли» («Alliance de l'eau avec la terre») (см.: *Schneewoogt C. G. V.* Catalogue des estampes gravées d'après P. P. Rubens. Harlem, 1873. P. 123). Кроме того, известны и другие, сходные по композиции аллегорические изображения двух стихий, иногда получавшие и политическую трактовку (ср., например, изображение морского могущества Британии в виде женской фигуры, заключающей договор с морем — Нептуном (заставка в ряде изданий книги У. Кемдена (Camden; 1551—1623) «Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et insularum adiacentium...»), а также интерпретацию картины Рубенса как аллегории союза Антверпена и Шельды (см. [Государственный Эрмитаж]. Западноевропейская живопись. Каталог 2. Л., 1981. С. 61)). Таким образом, в данном случае можно предполагать не только конкретную отсылку к определенному изобразительному источнику, но и обращение к устойчивой иконографической традиции.

Ст. 7—8. *На всех стихиях человек — Тиран, предатель или узник*. — Ср. сходную формулировку в стихотворении «К морю» (1824), в строках, не представших в прижизненных изданиях:

Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж Просвещенье, иль Тиран.

(Наст. т., с. 181)

Ср. также концовку стихотворения «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» (1822):

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
<   > тиран <   > льстец,
Иль предрассудков раб послуш(ый).

(Наст. изд., т. 2, кн. 2. С. 130)

Возможно, в ст. 7—8 Пушкин опровергал собственное поэтическое утверждение, прозвучавшее в строфе L первой главы «Евгения Онегина», где «вольному распутию моря» он противопоставлял «скупный брег / Мне неприязненной стихии» (Акад. Т. 6. С. 26).

К ЯЗ(ЫКОВУ)

(«Яз(ыков), кто тебе внушил...»)

(С. 97 и 321)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 38 — беловой, с поправками, без заглавия, с пометой под текстом: «28 авг(уста)», записан карандашом. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 346 (описание автографа, помета); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 371 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 291, л. 2 об. — запись ст. 1—2 в списке стихотворений, предназначенных для издания (см. о нем ниже) в варианте, совпадающем с печатным текстом; на сложенном вдвое фабричном полном листе бумаги № 94 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 113); жандармская помета: «2». Напечатано: *Томашевский Б. В. Пушкин : Современные проблемы историко-литературного изучения*. Л., 1925. С. 111.

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания:

1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи:

«к — — Язы(ков) — кто тебе внушил
Твое посланье удалое?»

(Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Языкову», под № 10, отмечено условным обозначением жанра посланий (Рукою П. 1997. С. 179, 180).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послани(я)»).

Впервые: МВ. 1827. Ч. 3. № 9. С. 4—5, под заглавием: «К Яз. . . .» (с тем же криптонимом «Яз. . . .» в ст. 1). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 79—80 (отдел стихотворений 1826 г.), с заменой криптонима в заглавии и ст. 1 на «Яз***»; в ст. 6 восклицательный знак после слова: «Нет» заменен запятой. Фамилия адресата раскрыта : *Анн*. Т. 2. С. 420.

Печатается по Ст 1829.

В собрание сочинений впервые включено: *Посм*. Т. 3.

Датируется 28 августа 1826 г.: число и месяц определяются по помете в тетради ПД 833, год — по указанию в Ст 1829 и положению автографа в тетр. ПД 833. Он записан здесь на л. 38 тем же карандашом, что и автограф письма Пушкина к В. В. Измайлову от 26 августа 1826 г. на л. 37 об. Эти автографы оказались на одном развороте, поскольку из тетради были вырваны два листа между л. 37 и 38. Палеографическая близость автографов позволяет уверенно датировать послание «К Яз(ыкову)» 1826 г., хотя к этим же автографам непосредственно примыкают и два других текста, относящихся к 1827 г.: на л. 37 (по-видимому, эта страница в 1826 г. оставалась незаполненной) «Арион» и на л. 37 об.—38 (поверх карандашных автографов, при повороте тетради на 90°) «Близ мест, где царствует Венеция златая...» — оба этих автографа написаны чернилами и помечены датами с указанием 1827 г. О сложностях датировки текстов, расположенных на л. 37—38, см.: *Иезуито*ва. Раб. тетр. ПД 833. С. 256.

Автограф на листе ПД 291 датируется концом апреля 1827 г. (перечень стихотворений записан на черновике письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г.)—августом того же года (в список включены «Песни о Стеньке Разине», о запрете Николая I печатать их Пушкин узнал из письма А. Х. Бенкендорфа от 22 августа 1827 г., см. примеч. к этому циклу — наст. т., с. 931).

О Н. М. Языкове и начале его заочного знакомства, через А. Н. Вульфа, с Пушкиным см. примеч. к стихотворениям 1824 г. («Из письма к А. Н. Вульфу») («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») и «К Яз(ыкову)» («Издревле сладостный союз...») — наст. т., с. 473—474, 477—479. Личное знакомство двух поэтов состоялось в 1826 г., когда Языков в течение месяца, с середины июня до середины июля, гостил в Тригорском (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 153).

По сообщению П. В. Анненкова, знавшего от А. Н. Вульфа о многих подробностях михайловской жизни Пушкина, лето 1826 г. «было знойно в Псковской губернии <...> Пушкин почти бросил все занятия свои, ища прохлады в садах Тригорского и Михайловского» (Анненков. Материалы 1855. С. 171). Это лето «сделалось для обитателей Тригорского и Зуёва (Михайловского) непрерывным рядом праздников, гуляний, шумных бесед, поэтических и дружеских излияний» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 318). Воспоминания А. Н. Вульфа приведены и в статье М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское: (Заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига)» (1866): «Сестра моя Euphrosine (Е. Н. Вульф. — Ред.) <...> бывало, заваривает всем нам после обеда жженку... и вот мы <...> сидим, беседуем да распиваем пуниш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку! Языков был, как известно, страшно застенчив, но и тот, бывало, разгорячится — куда пропадет застенчивость — и что за стихи, именно *языковские* стихи говорил он то за „чашей пуниша“, то у ног той же Евпраксии Николаевны!» (Семевский. С. 59). Небольшое дополнение к этим воспоминаниям дано в статье Семевского «Н. М. Языков. 1803—1846: (Новые стихи его и письма)» (1867): «Языков, обыкновенно застенчивый и угрюмый в обществе дам и девиц, в Тригорском мало-помалу оживился. <...> Николай Михайлович в бытность свою в Тригорском по целым часам декламировал оживленные, дышащие силой и поэзией стихотворения. Пушкин с наслаждением, безмолвно внимал юному певцу свободы, вина и граций» (Семевский. С. 169). Предполагается, что из Тригорского Языков уехал вместе с Пушкиным в Псков, где провел с ним еще несколько дней (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 157, 461), а затем отправился в Дерпт. 19 августа 1826 г. Языков послал из Дерпта Пушкину письмо, открывавшееся стихотворным посланием «О ты, чья дружба мне дороже...». Стихи сопровождались словами: «Таково, с моей стороны, начало нашей переписки! Ради бога, в вас живущего, поддержите ее; а я верно буду постоянно ревностен в деле, которым могу гордиться» (Акад. Т. 13. С. 292).

Комментируемое стихотворение — ответ на послание Языкова, в котором тот воспевал союз двух поэтов и вспоминал о тригорских пирушках с Евпраксией Вульф в роли Гебы (поэтические воспоминания о пребывании в Тригорском см. также в его стихотворениях «Тригорское» («В стране, где вольные живали...») (1826), «П. А. Осиповой» («Аминь, аминь! Глаголю вам...») (1826), «П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...») (1827), «К баронессе Е. Н. Вревской» («Я помню вас! Вы неизменно...») (1845)). Кроме того, послание Языкова содержало мотивы,

неприемлемые для подцензурной печати (например, «О ты, чья дружба мне дороже <...> Святое царской головы!»; «Зовем свободу в нашу Русь»; ироническое упоминание коронации Николая I: «Теперь, когда Парнаса воды / Хвостовы черпают на оды, / И простодушная Москва, / Полна святого упования, / Приготовляет торжества / На светлый день царевчанья...» (цит. по: Акад. Т. 13. С. 291, 292)). Впервые оно было опубликовано в 1866 г.; о попытке его публикации, предпринятой, по-видимому, сразу же после смерти Пушкина, см.: Два века с Пушкиным: Материалы об А. С. Пушкине в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ): Каталог / Сост. Н. А. Зубкова, А. В. Сиренов. СПб., 2004. С. 31—34. В ответном послании Пушкин проигнорировал политические мотивы, прозвучавшие у Языкова (возможно, ссыльный поэт решил проявить осторожность), но в то же время ввел в свое стихотворение множество других образов, характерных для языковской поэзии (см. ниже, в построчных примеч.). Последняя особенность пушкинского послания получила следующую оценку Н. Н. Страхова: «Эту шаловливую шутку можно принять за злую насмешку; Пушкин *передразнил* Языкова, конечно, нимало о том не думая и искренно восхищаясь *удалым* посланием» (Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897. С. 43).

Вероятно, стихотворение Пушкина было послано Языкову в Дерпт с письмом, до нас не дошедшим. Отголоском их обмена письмами и стихами служит сообщение Н. М. Языкова брату П. М. Языкову в письме от 2 сентября 1826 г.: «У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай Бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась! Хи, хи, хи!» (Язык. архив. С. 261; судя по дате этого письма, послание Пушкина «Языков, кто тебе внушил...» было отослано в Дерпт тотчас же после его создания). 9 ноября 1826 г., вернувшись в Михайловское после освобождения из ссылки, Пушкин спрашивал Языкова: «Получили ли Вы мои стихи? У меня их нет. Пришлите мне их, да кстати и первое послание» (Акад. Т. 13. С. 305; «первое послание» — «К Языкову» («Издравле сладостный союз...»)) (1824)). Вероятно, тетр. ПД 833 с беловым автографом стихотворения Пушкин оставил в Москве. Этот автограф содержит ряд отличий от опубликованного текста. Одно из них может быть объяснено цензурными опасениями автора — ср. ст. 16—17 в автографе и в печатном тексте: «Твоею лирою свободной / Воспетый в наши времена» — «В Тригорском жаждою свободной / Открытый в наши времена».

Публикация пушкинского послания в «Московском вестнике» вызвала недовольство Языкова, писавшего брату Александру 17 мая 1827 г.: «Видел ли ты, что Пушкин тиснул несколько стихов своих ко мне в „М(осковском) В(естнике)”? Зачем это? Видно, у него не достает помощи издателю одного журнала» (Язык. архив. С. 324).

Ст. 2. *Твое посланье удалое?* — Ср. строку «Восторгов пламенная удаль» из отправленного в письме от 19 августа послания Языкова к Пушкину (Акад. Т. 13. С. 291). Слова «удаль», «удалой» часто встречаются у Языкова, например, в стихотворении 1825 г. «Дерпт»:

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

(Языков. 1964. С. 166)

Пушкинское определение закрепилось за поэзией Языкова, отразившись в обращенных к нему стихотворениях — см. в послании Е. А. Баратынского «Н. М. Языкову» («Языков, буйства молодого...») (1831):

Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.

(Баратынский. ПСС.
Т. 2, ч. 1. С. 267)

О посвященных Языкову стихотворениях русских поэтов см.: Мейлах Б. С. Талисман : Книга о Пушкине. М., 1975. С. 128—129.

Ст. 3. *Как ты шалишь, и как ты мил...* — Стих впервые появился в наброске 1820 г., адресованном Пушкиным В. А. Жуковскому: «[Жуковский, < > / Как ты шалишь и как ты мил...]» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 146); см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 138.

Ст. 5. *Какое буйство молодое!* — Это пушкинское определение было перифразировано в послании Баратынского «Н. М. Языкову»:

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!

(Баратынский. ПСС.
Т. 2, ч. 1. С. 267)

То же определение использовано в серии поэтических автохарактеристик самого Языкова: «А что мой стих? Питомец буйных лет...» («Е. А. Свербеевой», 1831); «Хмель и свобода. Слава им! / Их чудотворной благодати / <...> / Обязан я житьем лихим / <...> / И неподкупностью трудов, / И независимостью лени, / И чистым буйством помышлений, / И молодечеством стихов» («А. П. Елагиной (При поднесении ей своего портрета)», 1831); «Буйных праздников певица, / Муза резвая моя...» («Е. А. Тимашевой», 1830) (Языков 1964. С. 302, 327, 328).

Ст. 6 — 7. *Нет, не кастальскою водой Ты воспоил свою камену...* — Имеется в виду кастальский ключ на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам; в поэтической речи — источник вдохновения. Камена — муза.

Ст. 8 — 11. *Пегас иную Иппокрену Копытом вышиб пред тобой. Она не хладной льется влагой, Но пенится хмельною брагой...* — Иппокрена — ключ на вершине горного хребта Геликон, появившийся от удара копытом Пегаса. Близкое сравнение струи, бьющей из Иппокрены, с шампанским было использовано Пушкиным в строфе XLV четвертой главы «Евгения Онегина»: «Оно сверкает Иппокреной» (Акад. Т. 6. С. 92) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 146). Уподобление струи Иппокрены «хмельной браге» дано в духе Языкова, известного, как писал анонимный рецензент его «Стихотворений» 1833 г., своей «любовью к картинам родной истории, ко всему русскому» (СПЧ. 1833. № 74. 6 апр.). Эти пристрастия отразились и в послании «А. С. Пушкину», где два встретившихся в Тригорском поэта характеризуются как «сыны Руси православной». Образ Иппокрены, которая пенится брагой, был чрезвычайно смелым, поскольку сопрягал детали, взятые из античности и русского быта (брага в пушкинское время означала и старинный русский напиток (домашнее пиво), и подготовленную для перегонки в спирт перебродившую смесь муки, воды, солода и дрожжей). Литератор и журналист Б. М. Федоров (1798—1875), во второй половине 1820 г. входивший в пушкинское окружение, но почти неизменно вызывавший к себе ироническое отношение Пушкина, был возму-

щен сравнением стихов с брагой и дважды — 18 и 19 мая 1827 г. — отметил это в своем дневнике (Два века с Пушкиным. С. 40).

«Поэтом радости и хмеля» называл себя сам Языков (см. его «Элегию» («Поэту радости и хмеля...») (1824)). В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», 1845—1846) Н. В. Гоголь вспоминал о реакции Пушкина на выход сборника стихотворений Языкова 1833 г.: «Когда появились его стихи отдельной книгой, Пушкин сказал с досадой: „Зачем он назвал их: Стихотворенья Языкова — их бы следовало назвать просто: хмель! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил”» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1952. Т. 8. С. 387). «Хмельное», экстатическое вдохновение, как и упоение жизнью, стало устойчивой характеристикой поэзии Языкова, см., например, в его посланиях 1825—1826 гг. «А. С. Пушкину» («О ты, чья дружба мне дороже...») («Мне утешительно доселе, / Мне весело вспоминать / Сию поэзию во хмеле, / Ума и сердца благодать») (Языков 1964. С. 213) и «А. Н. Вульффу» («Мой брат по вольности и хмелю!..») (Там же. С. 195), в послании 1832 г. «А. П. Елагиной (При поднесении ей своего портрета)» («Две добродетели поэта: / Хмель и свобода. Слава им!») (Там же. С. 327). Образ «хмеля» использовался поэтами и в обращенных к Языкову стихотворениях, см., например, о его музе в послании Баратынского «Языкову» («Бывало, свет позабывая...») (1831—1832): «Был жар хмельной в ее глазах / Или румянец вожаденья...» (Баратынский. ПСС. Т. 2, ч. 1. С. 270).

В то же время в ст. 11 нельзя исключить скрытой иронии Пушкина: идея адресовать опальному поэту «удалое послание» с прямым воспеванием вольности и насмешкой по поводу «светлого дня царевенчания» на фоне событий лета 1826 г. могла выгладеть как внушенная «хмельною брагой» (см. также примеч. к ст. 16—17).

Ст. 12. *Она разымчива, пьяна...* — Разымчивый — «возбуждающий, забористый» (Даль. Т. 3. Стб. 1581). В современных словарях это слово (со значением «сильно действующий, вызывающий сильное опьянение») имеет помету «устарелое и просторечное» (Словарь современного русского литературного языка : В 20 т. М.; Л., 1961. Т. 12. Стб. 556); просторечный оттенок оно, несомненно, имело и в пушкинское время. Возмущенный стихотворением Пушкина, Б. М. Федоров особо отметил в своем дневнике это слово: «Брага разымчата — разнимает — разбирает» (Два века с Пушкиным. С. 40). В статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» Гоголь писал о Языкове, явно интерпретируя послание к нему Пушкина: «Стихи его точно разымчивый хмель; но в хмеле слышна сила высшая, заставляющая его подыматься вверх. У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть моч в руке и поприще впереди...» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 388).

Ст. 13 — 15. *Как сей напиток благородный, Слиянье рому и вина, Без примеси воды негодной...* — Речь идет о жженке, которую упомянул, вспоминая Тригорское, и Языков в послании к Пушкину:

Когда могущественный ром,
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем, —
Лился в стаканы-исполины...

(Акад. Т. 13. С. 292)

Жженка — горячий алкогольный напиток, приготовляемый на основе жженого сахара и добавляемого к нему вина (или глинтвейна). Старинные рецепты напитка см.: Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: В 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 162—163 (статья Н. В. Лукиной «Жженка»); Гейченко С. С., Журибеда Ж. С. Рецепты из поваренных книг семейства Пушкиных-Ганнибалов. Псков, 1989. С. 13. «Плодами сладостной Мессины» в стихах Языкова названы лимоны. В воспоминаниях Вульфа жженка, приготавливавшаяся его сестрой Евпраксией Николаевной, дважды названа пуншем (см. выше), поскольку ее чаще всего пьют с добавлением чая. Б. М. Федоров с отвращением писал о напитке, воспетом Пушкиным: «Ром с вином — ни ром, ни вино, а просто дрянь — как стихи Яз(ыкова)» (Два века с Пушкиным. С. 40).

Ст. 16 — 17. В Тригорском жаждою свободной Открытый в наши времена. — Ср. в стихотворении «Ждет тебя мое вино...», первоначально обращенном к Л. С. Пушкину (1824): «У меня закон один: / Жажды полная свобода / И терпимость всяких вин» (наст. т., с. 118; см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 146). Подводя итог своим наблюдениям, связанным с пушкинским посланием, В. Ф. Ходасевич писал: «Таким образом можно сказать, что начало послания к Языкову, обращение заимствовано из раннего обращения к Жуковскому (<...> центральная мысль — из главы IV „Онегина“, а деталь „свободная жажда“ — из послания к Л. С. Пушкину. (<...> пожалуй, все это вместе вселяет желание заподозрить искренность этих пушкинских стихов, увидеть в них более долг вежливости, нежели непосредственное желание писать Языкову» (Там же; ср. также приведенное выше мнение Н. Н. Страхова).

ПРОРОК

(«Духовной жаждою томим...»)

(С. 98 и 321)

Автограф неизвестен.

Копия С. П. Шевырева с поправками М. П. Погодина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 17, л. 1—1 об.) — на отдельном листе большого формата; записана, вероятно, по памяти. Напечатано: Акад. Т. 3. С. 578 (в качестве предположительной ранней редакции; публ. М. А. Цявловского). О копии Шевырева подробнее см. ниже, с. 879—880.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Великой скорбию томим» (см.: Рукою П. 1997. С. 177). По предположению М. А. Цявловского, оно же обозначено как «Пророч(ество)» в списке произведений, также предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.), под № 36, отмечено условным обозначением «лирических стихотворений» (Там же. С. 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Вольные подражания восточным стихотворениям»).

Впервые: МВ. 1828. Ч. 7. № 3. С. 269—270. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 73—74 (отдел стихотворений 1826 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1826 г. в соответствии с указанием в Ст 1829. О возможном сужении датировки см. ниже. Работа над стихотворением могла продолжаться вплоть до осени 1827 г., когда оно было передано для публикации в «Московский вестник».

Существует ряд мемуарных сообщений, согласно которым «Пророк» был привезен Пушкиным из Михайловского в Москву, куда поэт прибыл 8 сентября 1826 г. Наиболее раннее из таких упоминаний содержится в письме М. П. Погодина к П. А. Вяземскому от 29 марта 1837 г.: «„Пророк“ он написал, ехавши в Москву в 1826 году» (*Цявловский М. А.* Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина // *Цявловский*. Статьи. С. 405; об ошибочности некоторых сведений, приведенных в этом письме, см.: *Лапкина Г. А.* К истории создания «Арапа Петра Великого» // *ПИМ*. Т. 2. С. 296; *Есипов В. М.* Вокруг «Пророка» // *Есипов В. М.* Пушкин в зеркале мифов. М., 2006. С. 158—159). Сходную версию с заведомыми неточностями пересказывала И. С. Аксакову со слов О. Ф. Кошелевой Н. С. Соханская (Кохановская) в письме от 22 ноября 1859 г.: «...Пушкин написал или, то есть создал „Пророка“ в то время, когда его, опального, фельдъегерь мчал в телеге из деревни в Петербург (*sic!*)» (*Русское обозрение*. 1897. № 2. С. 610; см.: *Лернер Н. О.* «Пророк России» // *Лернер*. Рассказы о П. С. 97). О том, что «Пророк» был привезен в Москву из Михайловского, сообщал Соболевский в 1852 г., комментируя по просьбе П. И. Бартенева рассказы о Пушкине П. В. Нащокина: «„Пророк“ приехал в Москву в бумажнике Пушкина» (*Рассказы о П. С.* 34). В поздних воспоминаниях Погодина содержится глухое указание на публичное чтение «Пророка» осенью 1826 г. («Пушкин прочел „Пророка“, который после „Бориса (Годунова)“ произвел наибольшее действие...» (П. в восп. Т. 2. С. 30)), однако данными его дневника за 1826 г. оно не подтверждается.

Наиболее ранние датированные сведения о знакомстве современников с текстом стихотворения относятся к поздней осени 1827 г. Запись в дневнике Погодина от 17 ноября 1827 г.: «Восхищался стихами Пушкина из Исаии...» (П. в восп. Т. 2. С. 16), по всей видимости, относится к тексту «Пророка», который был получен от Пушкина для публикации в «Московском вестнике» (сам Пушкин в это время находился в Петербурге; возможно, текст стихотворения был привезен Погодину в Москву Соболевским, вернувшимся из столицы 2 ноября 1827 г.; см.: *Березкина* 2010. С. 112). По предположению В. А. Кошелева, само заглавие «Пророк» могло быть дано не Пушкиным, а уже Погодиным при подготовке текста к публикации (ср. отсутствие упоминания о заглавии в его дневниковой записи от 17 ноября 1827 г.), как например, было сделано со стихотворением «Пока не требует поэта...» и отрывком из «Евгения Онегина» («В начале жизни мною правил...»), которые были присланы Пушкиным без названий и с просьбой: «Назовите эти стихи да и тисните» (*Акад.* Т. 13. С. 337—340), а появились под заглавиями «Поэт» и «Женщины» соответственно (см.: *Кошелев В. А.* «Развалины на прахе...» // *Пушкинский альманах (1799—2008)*. Омск, 2008. [Вып.] 4. С. 43).

Замысел «Пророка» тесно связан с целым рядом пушкинских сочинений и размышлений конца 1824—начала 1826 г. В Михайловском в сферу активных литературных интересов Пушкина попадают Библия и Коран. В ноябре—декабре 1824 г. он просил брата прислать ему Библию на церковнославянском и французском языках (см. примеч. к стихотворению «В крови горит огонь желанья...» — наст. т., с. 811). В то же время Пушкин проявлял интерес и к новейшим библейским переложениям — в письме от конца февраля 1825 г. он просил Льва Сергеевича подписаться на «Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова... предложенную в стихи священником Гавриилом Пакатским» (СПб., 1825): «Слепой поп перевел *Сираха* (...) издает по подписке — подпишишь на несколько экз(емпляров)» (*Акад.* Т. 13.

С. 147). К этому же периоду относятся опыты самого Пушкина в переложении ветхозаветных текстов — в 1825 г. в Михайловском окончательно оформляется текст стихотворения «В крови горит огонь желанья...» (см. наст. т., с. 83), а также написано стихотворение «Вертоград моей сестры...» (наст. т., с. 84), представляющее собой, как и предыдущее, поэтический парафраз фрагмента из Песни песней.

В отличие от «Подражаний Корану», где приемы духовной оды применялись к экзотическому материалу (см.: Проскурин 1999. С. 385), в «Пророке» Пушкин возвращался к традиционному источнику духовной поэзии — библейским книгам, переосмысляя как традицию «од парафрастических» XVIII в. (о соотношении пушкинского стихотворения с духовными одами XVIII в. см.: *Стенник Ю. В.* Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 164, 170—181, 189—192), так и новейшие достижения «высокой поэзии», в том числе гражданской лирики декабристского круга.

Основным источником Пушкину послужила 6-я глава книги пророка Исаии, что отметили еще современники поэта — ср. приведенную выше запись в дневнике Погодина от 17 ноября 1827 г., а также подзаголовок стихотворения в хрестоматии А. Д. Галахова: «Исаии, гл. 6» (*Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. 2-е изд. М., 1844. Ч. 2. С. 211). Ср.: «И бысть в лето, в неже умре Озия царь, видех Господа сидяща на престоле высоте и превознесенне, и исполнь дом славы Его. И Серафими стояху окрест Его, шесть крил единому и шесть крил другому; и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя и двема летаху. И взываху друг ко другу и глаголаху: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф: исполнь вся земля славы Его. И взяся наддверие от гласа, имже вопияху, и дом наполнися дыма. И рекох: о, окаянный аз, яко умилхся, яко человек сый и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима. И послан бысть ко мне един от Серафимов, и в руке своей имяше уголь горящ, его же клещами взят от олтаря, и прикоснуса устнам моим и рече: се, прикоснуса сие устнам твоим, и отимет беззакония твоя и грехи твоя очистит. И слышаша глас Господа глаголюща: кого пошлю, и кто пойдет к людям сим? И рекох: се, аз есмь, послы мя. И рече: иди и рцы людям сим: слухом услышите, и не уразумеете: и видяще узрите, и не увидите: одевеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрят очима и ушима услышат, и сердцем уразумеют и обратятся, и изцелю я. И рекох: доколе, Господи? И рече: дондеже опустеют гради, от еже ненаселеным быти, и домы, от еже ненаселеным быти, и домы от еже не быти человеком, и земля останется пуста» (Ис. 6, 1—11); синодальный перевод: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицавших, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: поиди и скажи этому

народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет». Сопоставление стихотворения «Пророк» с церковнославянским текстом этого фрагмента см.: *Коплан Б. И.* К стихотворению «Пророк» // Пушкинист, IV. С. 327—328). По предположению С. Шварцбанда, Пушкин мог слышать чтение начала 6-й главы книги Исая, присутствуя на церковных службах: ст. 1—7 главы 6 читаются в четверг второй седмицы Великого поста и на Сретение Господне (см.: *Шварцбанд С.* Стихотворный опыт А. С. Пушкина // Toronto Slavic Quarterly. № 36. Spring 2011. P. 330). Другие библейские параллели, отмечавшиеся рядом исследователей (см.: *Чижов А. Г.* «Духовной жаждою томим...» // Наука и религия. 1983. № 2. С. 54—55; *Стенник Ю. В.* Пушкин и русская литература XVIII века. С. 185—188; *Юрьева И. Ю.* Пушкин и христианство : Сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М., 1998. С. 143—144; *Мальчукова Т. Г.* Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1998. Кн. 2. С. 115—124), см. ниже, в построчных примечаниях.

В исследовательской литературе неоднократно указывалось на внутреннюю связь между стихотворением «Пророк» и «Подражаниями Корану», написанными осенью 1824 г. Основным источником для работы над циклом послужил перевод М. И. Веревкина, в стилистическом и образном отношении ориентированный на церковнославянские переводы Библии и традицию церковного красноречия (см. примеч. к циклу — наст. т., с. 589—590). Чтение Корана, где фигура пророка Магомета играет центральную роль, могло послужить для Пушкина одним из импульсов для обращения к теме пророка и, в частности, поэта-пророка — ср. именование Магомета поэтом в одном из черновых вариантов «подражания» VI:

Они твердили пусть виденья
Толку(е)т хитрый Магом(ет)
Они Ума его творенья(?)
[Его] ль нам (сл)уш(а)ть он поэт!..
(Наст. т., с. 227)

Мнение о преимущественно «кораническом» происхождении образа пророка не раз высказывалось в литературе — см.: *Черняев Н. И.* «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 22—37; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 263; *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 143—144; *Алексеев П. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» в кораническом контексте // Пушкин и время. Томск, 2010. С. 16—30. В «Подражаниях Корану» был намечен целый ряд мотивов и сюжетных элементов, «собранных» затем в «Пророке». Сходный в сюжетном отношении мотив чудесного преображения в пустыне содержится в «подражании» IX (см. также первоначальные наброски, написанные четырехстопным ямбом: «В пустыне древле человека / Господь узрел и усыпил...», «...И пролетели надо мной / Разнообразные виденья...» (наст. т., с. 231, 232)); подробное сопоставление «подражания» IX с «Пророком» см.: *Алексеев П. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» в кораническом контексте. С. 24—25. По замечанию

Б. М. Гаспарова, «воззвание Бога к пророку составляет основную тему стихотворения „Восстань, боязливый...“», в котором звучит та же формула божественного призыва («Восстань...»), что и в финальном катрене «Пророка» (Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 242; о библейской формуле божественного призыва «встань/восстань» см. также примеч. к «подражанию» VII — наст. т., с. 604). Финальные наставительные формулы «Пророка» («И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей») близки к заветам Аллаха в «подражаниях» I и III: «Мужайся ж, презирай обман, / Стезею правды бодро следуй, / Люби сирот и мой Коран / Дрожащей твари проповедуй», «Спокойно возвещай Коран, / Не понуждая нечестивых!» (наст. т., с. 25, 26).

Немаловажную роль в освоении Пушкиным библейской поэзии сыграла его полемическая реакция на аналогичные опыты Ф. Н. Глинки и В. К. Кюхельбекера.

Фрагмент из Книги Исаяи был избран Пушкиным вслед за Глинкой — см. его стихотворение «Призвание Исаяи» (Соревн. 1822. Ч. 20. № 12. С. 317—319; вошло в «Опыты священной поэзии» (СПб., 1826; ценз. разр. 12 октября 1825 г.)), представляющее собой вольное переложение отрывков из глав 6 и 1 этой книги. На первый план здесь выходит не описание преображения пророка, но — в соответствии с гражданскими установками «высокой» поэзии Глинки — дидактическое обучение, порицание пороков, которые должен обличать пророк (см.: *Wachtel M. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison (Wis.), 2011. P. 26*). У Пушкина божественный завет пророку намечен сжато и общо лишь в последней строфе — единственной, которая обнаруживает близкие переключки с «Призванием Исаяи» (см. примеч. к ст. 26 и след.).

«Опыты священной поэзии» Глинки, которые он регулярно публиковал в журналах и альманахах первой половины 1820-х гг., а затем объединил в сборнике 1826 г., — близкий жанрово-тематический контекст для пушкинских переложений из Корана и Библии. Не раз отмечался полемический интерес Пушкина к Глинке и его сочинениям (ср., например, черновик письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 404), а также эпиграмму «(На Ф. Н. Глинку)» («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...») (1825) — наст. т., с. 38), которые, вопреки успеху в околосекабристских кругах, определенно казались Пушкину архаичными из-за их последовательной ориентации на духовную оду XVIII в. и подчеркнuto гражданской тональности (подробнее об отношениях Пушкина к Глинке и его сочинениям см. в примеч. к стихотворениям «К Н. Я. П(люсковой)» (1819), «Ф. Н. Г(линк)е» (1822), «(На Ф. Н. Глинку)» и к циклу «Подражания Корану» (1824) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 558—559; Т. 2, кн. 2, с. 695—696; наст. т., с. 643—645, 587—588). Заимствования и парафразы отдельных формул и приемов из «глинkinых творений» (ср., например, явную переключку между первым из «Подражаний Корану» и «Призванием Исаяи» — наст. т., с. 594) только подчеркивали отличие литературных установок и ориентиров Пушкина. Другие параллели между «Пророком» и стихотворениями Глинки см. в построчных примеч.; см. также: *Луковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 268—272; Базанов В. Поэтическое наследие Федора Глинки. Петрозаводск, 1950. С. 61; Сурат И. З. «Я верую в пророчества пиитов...» // Сурат И. З. Пушкин : Биография и лирика : Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М., 1999. С. 220.*

Еще более значимой, чем Глинка, фигурой, оказавшей влияние на обращение Пушкина к опытам священной поэзии, был В. К. Кюхельбекер, заочный диалог с

которым во многом определил эстетическую позицию Пушкина в конце 1824—начале 1826 г. (подробнее об этом см.: *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин // *Тынянов*. С. 95—121; *Проскурин* 2000. С. 229—259; *Краснобродько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // *Russian Literature and the West* : A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Т. 1. P. 74—102; *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине» : Полемиические функции // *ПиС* (Нов. серия). Вып. 5 (44). С. 164—182). В своих критических выступлениях 1824—1825 гг., начатых программной статьей «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (*Мнем.* Ч. 2. С. 29—44; Кюхельбекер 1979. С. 453—461), Кюхельбекер последовательно выступал апологетом высокой поэзии, обратиться к которой он не раз прямо или косвенно призывал Пушкина. В статье 1825 г. «Разбор поэмы князя Шихматова „Петр Великий”» (*СО*. 1825. Ч. 102. № 15. С. 257—276; № 16. С. 357—386; Кюхельбекер 1979. С. 468—492), вызвавшей живой полемики отклик Пушкина (см. его письмо к Кюхельбекеру от 1—6 декабря — *Акад.* Т. 13. С. 248), в числе поэтических достоинств Шихматова Кюхельбекер прямо называл «строгую, нерастленную светским умничаньем приверженность к вере своих праотцев; <...> знание таинств религии и обрядов церковных», говорил, что душа Шихматова «напитана чтением Священного Писания и св. отец; цветущий слог <...> представляет <...> отпечаток восточной роскоши; краски <...> пламенны; мысли утонченны» (Кюхельбекер 1979. С. 482). В одном из фрагментов поэмы Шихматова, процитированном в «Разборе...» (Там же. С. 489—490), обнаруживается некоторое сходство с «Пророком» — см. описание мук Мазепы, когда тот, «злодейства ужасом гоним», начинает испытывать раскаяние:

Как уголь — в нем сердце потемненно;
 Проникнул трепет в тук костей
 И в глубину души мятежной;
 Он весь дрожит, как легкий лист;
 И в слух его, как вихрей свист,
 Шумит глас мести неизбежной
 <.....>
 Язвится светом благодатным,
 Как аспид, кроется во мгле...

В течение 1824—1825 гг. Пушкин предпочитал вести с Кюхельбекером шуточную и ироничную полемику в собственных стихах (прежде всего в «Оде <...> Хвостову» (см. примеч. к ней — наст. т., с. 669—670) и XXXI—XXXV строфах четвертой главы «Евгения Онегина»). Второй половиной декабря 1825 г. — первыми числами января 1826 г. Т. И. Краснобродько убедительно датировала набросок «〈Возражения на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине”〉», работа над которым была, очевидно, прервана получением в начале января 1826 г. номера «Русского инвалида» за 29 декабря 1825 г. с «Подробным описанием происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14-го декабря 1825 года», где, в частности, сообщалось, что Кюхельбекер, «вероятно, погиб во время дела» (см.: *Летопись* 1999. Т. 2. С. 108; *Краснобродько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 72). Декабрьские события, безусловно, делали невозможной дальнейшую полемику и, вероятно, могли заставить Пушкина по-новому взглянуть на эстетические идеи Кюхельбекера.

В тематическом и стилистическом отношении «Пророк», с его библейским сюжетом и «высоким слогом», с характерными лексическими и синтаксическими церковнославянизмами близок пропагандируемому Кюхельбекером «высоким» жанрам (ср. рассуждение о соответствии слога предмету в «Разборе поэмы Шихматова...» — Кюхельбекер 1979. С. 470—471; см. об этом: Проскурин 2000. С. 235—236). Однако в отличие от творений Шихматова и собственных поэтических опытов Кюхельбекера, которого Пушкин еще в 1822 г. упрекал в том, что тот превращает «Муз в церковных певчих» (см. письмо Пушкина и В. И. Туманского к Кюхельбекеру от 11 декабря 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 81), «высокий слог» «Пророка» мотивирован не столько стилистической установкой, сколько собственно библейским сюжетом, лишенным присущих декабристкой лирике прямых гражданско-дидактических проекций. Ср. в стихотворении Кюхельбекера «Пророчество» (1822), лексические и сюжетные переключки с которыми обнаруживаются в пушкинском тексте:

Глагол господень был ко мне
 За цепью гор на бреге Кира:
 «Ты дни влачишь в мертвящем сне;
 В объятьях леностного мира:
 На то ль тебе я пламень дал
 И силу воздвигать народы?» —
 Восстань, певец, пророк Свободы!
 Вспрянь, возвести, что я вещал!
 Никто — но я воззвал Элладу;
 Железный разломил ярем:
 Ее душа не дастся аду;
 Она очистится мечем,
 <.....>
 А я — и в ссылке, и в темнице
 Глагол господень возведу:
 О боже, я в твоей деснице!
 Я слов твоих не умолчу! —
 Как буря по полю несется,
 Так в мире мой раздастся глас
 И в слухе Сильных отзовется:
 Тобой сочтен мой каждый влас!
 (Кюхельбекер. Т. 1. С. 158—161)

(Резкий отзыв об этом стихотворении см. в письме Пушкина к брату от 4 сентября 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 45; см. также: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // Тынянов. С. 263).

Для генезиса «Пророка» существенна его несомненная соотнесенность с темой поэтического профетизма и устойчивым в европейской литературе образом поэта как пророка. Развитие темы восходит к античным представлениям о вдохновении как священном безумии — *furor roeticus* (концептуальный очерк европейской эволюции этой традиции в связи с литературными спорами Пушкина и Кюхельбекера 1824—1825 гг. см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине». С. 142—181; о французском изводе традиции см.: Kahn A. Pushkin's Lyric Intelligence. Oxford, 2008. P. 189, 206).

К теме поэтического пророчества, в том числе применительно к себе и своим собственным сочинениям, Пушкин не раз обращался в Михайловском — как в письмах, так и в художественных текстах. В переписке конца 1824 г. поэт в шутку сравнивал себя с пророком Магометом («принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам...» (письмо к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 125)), а затем — уже с большей серьезностью — именовал себя пророком, предсказавшим в «Андрее Шенье» скорую смерть «своего» тирана — Александра I (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 738; см. также: *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина. С. 231—255). Ср. сбывшееся «поэта предсказанье» в первой редакции «19 октября» 1825 г.: «Предчувствую отрадное свиданье; / Запомните ж поэта предсказанье: / Промчится год, и с вами снова я...» (наст. т., с. 304; см.: *Соловьев В. С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX—первая половина XX вв. М., 1990. С. 65), а также реплику Самозванца в «Борисе Годунове» (1825): «Я верую в пророчества пиятов» — наст. изд., т. 7, с. 49; см.: *Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry. P. 22).

Характерно, что близкие к «Пророку» образы возникнут в программном пушкинском стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта...») (1827) (см. ниже, примеч. к ст. 6 и след., а также к ст. 8), опубликованном, как и «Пророк», в «Московском вестнике» (МВ. 1827. Ч. 6. № 23. С. 255—256), где затем увидело свет еще одно декларативное стихотворение Пушкина о предназначении поэта — «Поэт и толпа» (МВ. 1829. Ч. 1. С. 200—202, под заглавием: «Чернь»). Реминисценции из «Пророка» будут использоваться современниками именно в связи с описанием поэтического гения, творческого откровения — см., например, переключки с «Пророком» в стихотворении Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1832):

С природой одною он жизнью дышал:
 Ручья разумел лепетанье,
 И говор древесных листов понимал,
 И чувствовал трав прозябанье,
 Была ему звездная книга ясна,
 И с ним говорила морская волна

(Баратынский. ПСС.
 Т. 2, ч. 1. С. 278)

(см.: Венг. Т. 4. С. VIII, примеч. Н. О. Лернера), а также цитаты из «Пророка» в статьях Белинского (см. ниже).

По предположению М. В. Строганова, одним из образцов для описания «всезнания» пророка, которому открылись тайны неба, моря, земли (см. ст. 11—14), мог послужить монолог гетевского Фауста (сцена «Лес и пещера»), по всей видимости, известный Пушкину по французскому переводу в книге Ж. де Сталь (1766—1811) «О Германии» (*Stael-Holstein G. de. De l'Allemagne. Londres, 1813. Т. 2. P. 196—197*) — см.: *Строганов М. В.* Стихотворение Пушкина «Пророк» // Врем. ПК. Вып. 27. С. 11—17. Однако, по-видимому, отмеченные исследователем мотивные схождения объясняются принадлежностью к общей топике — описаниям всепостигающего романтического гения/фантазии и т. д. Ср., например, в «Сне могольца» В. А. Жуковского (1806):

Когда, когда и Феб и дщери Мнемозины
 Придут под тихий кров беседовать со мной?
 {.....}
 Тогда постигну ход таинственных небес
 И выпрених светил стези неоткровенны.
 (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 98)

Ср. также в «отрывке» П. А. Вяземского «Байрон» (1824—1826):

Счастлив он, сын небес, наследник высших благ!
 Раскрыта перед ним природы дивной книга;
 Воспитанник ее, он чужд земного ига;
 Пред ним отверстый мир: он мира властелин!
 {.....}
 Везде он слышит глас, душе его знакомый.
 (Вяземский 1986. С. 185)

Существенно, однако, что прямое отождествление пушкинского пророка с поэтом (и тем более с самим Пушкиным) не корректно: контекстным фоном стихотворения служат произведения, объединенные в Собр. ст. 1836 г. в разделе «Вольные подражания восточным стихотворениям», куда вошли, в частности, написанные по мотивам библейской Песни песней «В крови горит огонь желанья...» и «Вертоград моей сестры...», «Подражания Корану», а также явно стилизаторские и насыщенные восточными мотивами «Соловей и роза», «О дева-роза, я в оковах...» и др. (полный перечень включенных в этот раздел стихотворений см.: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 369).

В прижизненной критике «Пророк» не встретил специальных откликов (см. П. в критике, II, III, IV; по указ.), однако стал одним из часто цитируемых текстов — см., например, цитаты из «Пророка» в статьях Белинского (Белинский. Т. 1. С. 48 («Литературные мечтания», 1834); Т. 3. С. 507 («Очерки русской литературы. Сочинение Н. Полевого», 1839); Т. 4. С. 484 («Стихотворения М. Лермонтова», 1840)). Цитату из «Пророка» Погодин включил в один из своих «Исторических афоризмов»: «Каждое происшествие представляется нам отдельно, но видеть вдруг всю длинную цепь причин, коих оно есть произведение, и всю длинную цепь следствия, коих оно есть причина, и связь его с другими происшествиями, их причинами и следствиями, как тот Пророк, который внимал и „...неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводной ход, / И дольней лозы прозябанье”. Какое зрелище! Какой узел?» (Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 100—101).

21 августа 1828 г. А. А. Муханов, довольно тесно общавшийся с Пушкиным в 1827 г., писал брату: «Клянюсь об руку Пушкину {...} прочесть его Пророка — эпоха в жизни!» (Щукинский сб. М., 1904. Вып. 3. С. 194).

1 мая 1828 г. итальянский поэт, переводчик и композитор М. Риччи (Ricci; 1792—1860) прислал Пушкину свой перевод «Пророка» на итальянский язык (см.: Акад. Т. 14. С. 16—17). В том же году в «Московском вестнике» в примечании к выполненному С. П. Шевыревым переводу стихотворения Риччи «Лотос» сообщалось, что граф Риччи «намерен издать Русскую Антологию на итальянском языке», для которой переводит образцовые русские стихотворения, и что, в частности, им переведены «Пророк» и «Демон» Пушкина. «Переводчик успел сочетать

удивительную близость к подлиннику с изяществом выражений» (МВ. 1828. Ч. 10. № 13. С. 6).

Перевод «Пророка» на немецкий язык, сделанный К. К. Яниш (в замуж. Павлова; 1807—1893), вошел наряду с несколькими другими пушкинскими стихотворениями в сборник ее переводов и оригинальных произведений «Das Nordlicht : Proben der neueren russischen Literatur» («Северное сияние : Образцы новой русской литературы») (Dresden; Leipzig, 1833. S. 22—23); анализ перевода см.: *Фролов Г. А.* Первые немецкие переводы А. С. Пушкина // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Казань, 1998. Т. 136: А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков : (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). С. 124—125.

Начиная с хрестоматии А. Д. Галахова 1843 г. (Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей / Сост. А. Галахов. М., 1843. Ч. 2: Поэзия. С. 423—424) стихотворение прочно вошло в школьные антологии и сборники для чтения. Белинский в своем «пушкинском» цикле статей назвал «Пророка» в числе «величайших произведений пушкинского гения-протeya» (Белинский. Т. 7. С. 352). Свою роль в канонизации пушкинского текста сыграла публикация одноименного стихотворения Лермонтова (1844), которое практически сразу стало сопоставляться с «Пророком» Пушкина (начиная с первой публикации лермонтовского «Пророка» в хрестоматии Галахова оно помещалось вслед за пушкинским «Пророком» — см.: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. 2-е изд. М., 1844. Ч. 2. С. 212; см. также: *Милюков А. П.* Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847. С. 205—207; *Рабинович Г.* Пушкин и Лермонтов в своих стихотворениях «Пророк» // ЖМНП. 1850. Официально-учебные прибавления... Тр. воспитанников учеб. заведений. № 1. С. 15—26). О дальнейших трансформациях образа пушкинского пророка в русской философско-критической и художественной литературе см.: Венг. Т. 4. С. V—VIII (примеч. Н. О. Лернера); *Сомова Е. В.* Пушкинский «Пророк» на рубеже XIX—XX веков : Идеиные и сюжетные трансформации // Поэтика русской литературы : (Пушкинская эпоха. Серебряный век). Краснодар, 1999. С. 132—154; *Черниговский Д. Н.* Проблема создания биографии А. С. Пушкина в СССР и русском зарубежье в 20—30-е годы. М., 2002. С. 48—54; Березкина 2010. С. 126—133.

В исследовательской традиции сложилась устойчивая, опирающаяся на ряд мемуарных свидетельств версия, согласно которой стихотворение имело раннюю редакцию, содержащую отклик на события 14 декабря 1825 г. или на казнь декабристов. Как на фрагмент этой редакции неоднократно указывали на четверостишие «Встань, встань, пророк России...», сохранившиеся только в поздних, неточных и неполных записях (см. ниже). Анализ имеющихся источников и свидетельств позволяет усомниться в обоснованности этих гипотез.

В воспоминаниях нескольких современников о возвращении Пушкина в Москву 8 сентября 1826 г. говорится о том, что кремлевская аудиенция у Николая I едва не омрачилась несвоевременной потерей рукописи «крамольных» стихов, связанных с подавлением восстания 14 декабря 1825 г. Самая ранняя из известных версий этого рассказа, до сих пор не привлекающая исследовательского внимания, зафиксирована в тетради Лонгинова—Полторацкого (запись сделана в 1855—1856 гг. и, по всей видимости, восходит к рассказам С. А. Соболевского). Здесь, в частности, сообщается, что некоторые строки из этих «декабристских» стихов затем «были вставлены в пьесу Пророк»: «В августе 1826-го года Николай I, будучи в Москве во время ко-

ронации, разрешил Пушкину оставить Михайловское, и он в собственной коляске, но в сопровождении фельдъегеря приехал в Москву. Его привезли прямо во дворец и ввели в кабинет государя. Он благосклонно принял поэта и говорил с ним, обещал быть его цензором, обнял и отпустил совершенно очарованного таким неожиданным приемом. Из дворца Пушкин прямо поехал к дяде своему Василию Львовичу на Новую Басманную, а вещи отправил на Тверскую, в гостиницу, в дом Часовникова (ныне Дубицкого), где за год до того останавливался его отец. В тот же вечер был бал у французского посла маршала Мармона, герцога Рагузского. На этом бале друг Пушкина С. А. Соболевский (...) узнал от тетки Пушкина Елизаветы Львовны Сонцовой о приезде А. С. Пушкина в Москву. Соболевский сейчас поехал к Пушкину, несмотря на позднее время. После первых приветствий Пушкин просил его завтра же повезти от него вызов на *дуэль* Американцу Толстому (...) за разные его заочные насмешки и эпиграмму (...) за которую Пушкин, не бывший в столицах с 1820-го года, вероятно, не успел ему отомстить. На другое утро Соболевский, исполнив это поручение, к Пушкину приехал. Дело это как-то уладилось. Но Пушкин был очень встревожен и рассказал Соболевскому, что потерял бывший с ним в дороге бумажник с несколькимистами рублей, но главная беда — с несколькими стихотворениями на казенных декабристов. Ему казалось, что он его выронил во дворце, и он говорил, что если стихи попадут государю, то несмотря на бывшие накануне обниманья, ему несдобровать, и поэт очень тревожился. Через несколько времени Соболевский, поговоривши с Пушкиным, отправился отдать долг природе и нашел в чулане драгоценный бумажник. Пушкин, разумеется, чрезвычайно обрадовался и прочел ему сильные, превосходные стихи, которые вскоре были им уничтожены и остались неизвестными. Но некоторые строки из них были им вставлены в пьесу „Пророк” (Лон—Полт, кн. 1, л. 122 об.—124). Во второй книжке тетради Лон—Полт под заглавием: «Конец пьесы Пророк» и с примечанием после текста: «Эти стихи должны следовать за 26-м стихом т. II. Соч. Пушкина, изд. Анненкова» приведено четверостишие, последний стих которого дан в зашифрованной записи:

Восстань, восстань пророк России,
 В позорны ризы облекись,
 Иди и с вервием вокруг выи
 К У(   ) Г(   ) явьсь
 (Лон—Полт, кн. 2, л. 47 об.)

В позднейшем письме к М. П. Погодину (1867?) Соболевский передавал ту же самую историю, изменив, однако, некоторые детали: согласно новой версии, листок был потерян не в гостинице, а в квартире самого Соболевского на Собачьей площадке, «опасная» рукопись обозначена как «стихотворения о повешенных», а о какой-либо его связи с «Пророком» не упомянуто вовсе: «Вот то *место*, где он выронил (к счастью — что не в кабинете императора) свои стихотворения о повешенных, что с час времени так его беспокоило, пока они не нашлись!!!» (П. в восп. Т. 2. С. 8). Письмо Соболевского в отредактированном виде было опубликовано Погодиным в его газете «Русский» (1867. Л. 7 и 8. 3 апр. С. 111—112) под заглавием «Квартира Пушкина в Москве»; в частности, слова «стихотворения о повешенных», Погодин исправил на «стихотворение на 14 декабря» (отмечено В. Э. Вацуро: П. в восп. Т. 2. С. 373).

Еще одну версию рассказа Соболевского передавал П. И. Бартенев в письме к П. А. Вяземскому от 4 марта 1872 г., где в качестве «опасного текста» был прямо

назван «Пророк»: «Соболевский мне сказывал, что, когда Пушкин беседовал с Николаем Павловичем в Кремлевском дворце, в кармане у поэта были известные его стихи „Пророк“, только с другим окончательным четверостишием; Пушкин затерял их и тревожился мыслью, не обронил ли их во дворце» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1407, л. 111—111 об.). Четверостишие под заглавием: «Окончание „Пророка“» еще в первой половине 1850-х гг. было приведено Бартевым в тетради Бар2 с пояснением: «От Погодина, то же сообщил и Хомяков» (текст совпадает с Лон—Полт, за исключением третьего стиха, который записан с явным искажением: «Иди, и с вервием вокруг шеи»; рядом со словом «шеи» в стихе приписка рукой М. Н. Лонгинова(?): «(выи?)»). Намек на существование ранней, политически заостренной версии «Пророка» Бартев видел и в словах Хомякова из письма к И. С. Аксакову 1859 г.: «„Пророк“ (...) получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда)» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1908. Т. 8. С. 366). Комментируя эти слова, редактор издания Бартев привел в примечании строфу «Восстань, восстань, пророк России...» (первые три стиха совпадают с Лон—Полт, в четвертом стихе пропуск: «К ... явись»), которая, по его мнению, первоначально занимала место ст. 27—30 стихотворения «Пророк» (Там же; комментарий к реплике Хомякова см. также: Кошелев В. А. «Развалины на прахе...». С. 35—44).

На сообщения Соболевского опирался и П. П. Каратыгин в биографическом очерке «Александр Сергеевич Пушкин», вышедшем под редакцией П. А. Ефремова. Здесь повторялось указание на то, что листок Пушкин обронил в квартире Соболевского и что «крамольным» текстом, на нем записанным, был «Пророк», причем с неподцензурной последней строфой: «По его (Соболевского. — Ред.) словам, потеря листка с стихами сделана; листок отыскался не во дворце, а в собственной квартире Соболевского, куда Пушкин приехал из дворца; самый листок заключал „Пророка“, с первоначальным, впоследствии измененным текстом последней строфы:

Восстань, восстань, пророк России!
 Позорной ризой облекись,
 Иди — и с вервием на выи” и пр....»

(К[аратыгин] П. П. Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837 // РС. 1880. № 1. С. 133).

В пользу достоверности версии, восходящей к Соболевскому, выступил в том же 1880 г. А. П. Пятковский, передававший рассказ, слышанный им от покойного А. В. Веневитинова (1806—1872), брата поэта и дальнего родственника Пушкина: «Что Соболевский не выдумал этого факта, — я могу лично подтвердить тем, что подобный же рассказ я слышал от покойного Алексея Владимировича Веневитинова (...) А. В. Веневитинов рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельдшером, положил себе в карман стихотворение „Пророк“, которое в первоначальном виде оканчивалось следующей строфой:

Восстань, восстань, пророк России,
 Позорной ризой облекись
 И с вервьем вокруг смиренной выи
 К царю ..... явись!

(...) Являясь в кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем, вручить Николаю Павловичу

на прощанье это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца „Евгения Онегина“, и благосклонный прием государя заставил Пушкина позабыть о своем прежнем намерении. <...> Считаю нужным прибавить в виде речательства за правдивость этого рассказа, что А. В. Веневитинов был в это время в Москве, что Пушкин в доме Веневитиновых читал во второй раз своего „Бориса Годунова“ (12-го сентября 1826 г.) и что, следовательно, Алексей Владимирович мог слышать всю эту историю из первых уст» (*Пятковский А. П.* Пушкин в Кремлевском дворце. 1826 г. // *РС.* 1880. № 3. С. 674—675).

Сходный рассказ о потере рукописи, но не в квартире Соболевского, а собственно в Кремлевском дворце передавал М. И. Семевский, который, однако, пересказывал это как «нелепый» слух (той же точки зрения придерживался, по-видимому, и собеседник Семевского А. Н. Вульф) и называл в качестве потерянного текста «небольшое стихотворение к друзьям, сосланным в Сибирь»: «...в тогдашнем обществе <...> ходили о Пушкине и о разговоре его с государем самые разноречивые, самые нелепые толки <...> уверяли, будто бы государь в разговоре с Пушкиным пожелал узнать, нет ли при нем какого-нибудь нового стихотворения. Тот будто бы вынул из стуртука несколько бумаг <...> перерыл их, но никакого нового стихотворения не нашел. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин вдруг заметил на ступеньке лоскуток бумажки: подымает его и с ужасом будто бы узнает в нем собственноручное небольшое стихотворение к друзьям, сосланным в Сибирь <...> лоскуток бумажки <...> мог надеть ему больших хлопот. Придя в гостиницу, Пушкин немедленно сжег это (?) стихотворение» (цит. по: Семевский. С. 116—117; опубл. 1866; ср. пересказ этой версии, также со скептической оценкой, в статье: *К[аратыгин] П. П.* Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837. С. 133).

О немедленном уничтожении «крамольного» текста, сочиненного в Михайловском и привезенного в Москву, но без драматических подробностей о потере рукописи и вне связи со стихотворением «Пророк» вспоминал и С. П. Шевырев, рассказывавший, что Пушкин в Михайловском «писал какое-то сочинение в возмутительном духе, и <...> воображая, что его везут не на добро, дорогою обдумывал далее это сочинение; а между тем известно, какой прием сделал ему великодушный император. Тотчас после этого Пушкин уничтожил свое возмутительное сочинение и более не поминал об нем» (П. в восп. Т. 2. С. 39; рассказы Шевырева были, по-видимому, записаны Н. В. Бергом для Анненкова в 1850—1851 гг. — см.: Там же. С. 385, примеч. В. Э. Вацуро). О том, что Пушкин уничтожил «стихотворение „Пророк“, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря», сообщил Бартенева Нащокин (см.: Там же. С. 187), утверждая, что это было сделано в Михайловском, когда поэт узнал о приезде фельдъегеря. Ср. также упоминание о создании «Пророка» под впечатлением известий о событиях 14 декабря в парижском курсе лекций А. Мидкевича (1842): «Il l'avait écrite après la découverte de la conspiration de 1825. L'état extraordinaire dans lequel il a composé cette pièce n'a duré que peu de jours, et depuis ce moment commence la chute morale du poète» (Он написал его после раскрытия заговора 1825 года. Особое состояние, в котором он сочинил эту пьесу, продлилось всего лишь несколько дней, и с этого времени началось нравственное падение поэта — *фр.*) (*Mickiewicz A.* Les slaves : Cours professé au Collège de France (1842—1843), et publié d'après les notes stenographiées. Paris, 1849. Т. 4. Р. 40).

Из совокупности не совпадающих друг с другом показаний мемуаристов можно заключить, что среди московских знакомых Пушкина существовал устойчивый слух о каком-то его «возмутительном сочинении», связанном с восстанием 14 декабря

1825 г., рукопись которого была привезена из Михайловского в Москву, имелась у поэта при себе во время царской аудиенции и была уничтожена после благоприятного для Пушкина разговора с Николаем I (ср. сходные выводы Н. О. Лернера: *Лернер Н. О.* «Пророк России». С. 103—106). В пользу фактической достоверности этих свидетельств может говорить как само их число, так и несомненная авторитетность рассказов Соболевского — человека, наиболее близкого в рассматриваемое время к Пушкину (все остальные мемуаристы — Погодин, Шевырев, Веневитинов и даже Нащокин — не входили осенью 1826 г. в ближайший пушкинский круг). Однако противоречия между приведенными выше пересказами версии Соболевского не позволяют положиться на них как на безусловно точные (см. близкую оценку В. Э. Вацуру: П. в восп. Т. 2. С. 374). Показательно, что в правдивости его воспоминаний сомневался П. А. Вяземский, писавший Бартеневу 6 марта 1872 г.: «Соболевский немножко драматизировал анекдот о Пушкине. Во-первых, невероятно, чтобы он имел эти стихи в кармане своем, а во-вторых, я видел Пушкина вскоре после представления его государю и он ничего не сказал мне о своем испуге» (*Бартнев П. И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта : Воспоминания современников. М., 1992. С. 408). Обнажая «анекдотическую» природу мемуара Соболевского, Вяземский в pendant этому эпизоду привел похожую историю, слышанную им от И. И. Дмитриева: «Он мне рассказывал, что когда он взят был под арест при императоре Павле, у него была в кармане книга Махивалея о тирании. Тут было чему испугаться, но по счастью Архаров до книги не добрался» (Там же; Н. П. Архаров (1742—1814) в 1796—1797 гг. — петербургский гражданский генерал-губернатор).

Сведения о том, что привезенный из Михайловского «возмутительный» текст был стихотворением «Пророк», отрывочны и противоречивы, а в ряде свидетельств и вовсе фигурируют другие произведения — прежде всего «Во глубине сибирских руд...» (1827?) (Семевский. С. 116—117), хотя последнее — явный анахронизм. Прямое отождествление стихов, будто бы потерянных в кремлевском дворце, с допечатной редакцией «Пророка», которая оканчивалась строфой «Восстань, восстань, пророк России...», мы находим только в поздних и вторичных сообщениях.

Косвенное подтверждение версии о первоначальном неподцензурном окончании «Пророка» некоторые исследователи видели в особенностях записи текста стихотворения в копии Шевырева. Первоначально после ст. 4 здесь следовали ст. 21—24 («И он мне грудь рассек мечом ~ Во грудь отверстую водвинул»), а после ст. 20 на л. 1 были записаны ст. 25—26 («Как труп в пустыне я лежал, / И Бога глас ко мне воззвал»), отделенные от предшествующего текста пробелом и звездочкой. Позднее неправильно расположенные стихи были вычеркнуты и записаны в верном порядке внизу л. 1 и на л. 1 об. На той же стороне листа, по всей видимости, еще позже рукой Погодина вписаны первоначально отсутствовавшие в копии ст. 27—30; ему же принадлежат запись заглавия «Пророк» и исправления в ст. 13—14, которые Шевырев записал с ошибками: «И гад морских подземный ход, / И дальней лозы прозябанье». Датировка копии затруднительна. Не позволяют ее установить и записи, сделанные на л. 1 об.: копии рукой Шевырева эпиграмм Пушкина «Как сатирой безымянной...» (первая редакция, 1829) и «Твои догадки — сущий вздор...» (1821—1829) (строки обоих текстов густо зачеркнуты толстым пером), а также приписанные Погодиным две эпиграммы на Д. И. Хвостова: арзамасская эпиграмма-пародия «Се росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он...» (1816?) и эпиграмма М. В. Милонова «Хвостов, никак не надивлюся...» (1810-е гг.). М. А. Цявловский, введший эту копию в научный оборот, осторожно объяснял отсутствие

ст. 27—30 в записи Шевырева тем, что «возможно <...> здесь должны были следовать цензурные стихи политического содержания», которые он, однако, не связывал со строфой «Восстань, восстань, пророк России...» (Акад. Т. 3. С. 578). Д. Д. Благой, напротив, увидел в этой особенности копии Шевырева еще одно свидетельство в пользу того, что в первоначальном варианте вместо печатной последней строфы «Пророка» («Восстань, пророк, и виждь, и внемли...») должно было следовать четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» (см.: Благой, I. С. 539—540; *Пушкин А. С. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1969. Т. 1. С. 484—485, примеч. Д. Д. Благого). Предложенная Благим реконструкция ранней, «политической» редакции «Пророка» (ср. приведенную выше точку зрения П. И. Бартенева) сразу же вызвала возражения Т. Г. Цявловской и А. Л. Слонимского (см.: *Цявловская Т. Г. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы* : Тр. Третьей Всесоюз. пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 381; *Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина*. С. 144—146) и большинством изданий не была принята, но впоследствии, напротив, получила поддержку в работах таких исследователей, как И. Э. Сурат, М. В. Строганов, В. А. Кошелев, Д. П. Ивинский (см.: *Сурат И. Э. «Я верую в пророчества пиитов...»*. С. 219—222; *Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Пророк»*. С. 10; *Кошелев В. А. «Развалины на прахе...»*. С. 27—36; *Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»* : К истории ранней редакции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» // А. М. П. : Сборник памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 250—258). Гипотетическую реконструкцию ранней редакции «Пророка» на основании анализа копии Шевырева см. также: *Фомичев С. А. Служенье муз : О лирике Пушкина*. СПб., 2001. С. 115—117. Однако, как справедливо отметил Ивинский, обстоятельства и время создания копии Шевырева нам неизвестны, а потому она едва ли может выступать надежным источником для восстановления допечатной истории «Пророка» (см.: *Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»* С. 255). К числу гипотез недавнего времени относится предположение С. М. Шварцбанда, что строки «Восстань, восстань, пророк России...» могли быть наброском начала ранней редакции, а концовкой его сочли мемуаристы, исходившие уже из печатного текста «Пророка» (см.: *Шварцбанд С. Стихотворный опыт А. С. Пушкина*. Р. 328—329). Но и это предположение не имеет фактических подтверждений.

Неоднократно высказывалась еще одна гипотеза, согласно которой четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» представляет собой некий самостоятельный замысел Пушкина, связанный со стихотворением «Пророк» на мотивном и/или сюжетном уровне. Такую версию с осторожностью предлагал Н. Ф. Сумцов, не исключавший, впрочем, и того, что четверостишие могло быть ранним вариантом неизвестной нам редакции «Пророка» (см.: Сумцов. С. 192—193). К гипотезе о самостоятельном статусе четверостишия склонялся Н. О. Лернер, допускавший, что «это были две разные пьесы, между которыми единственная общая черта — образ пророка» (*Лернер Н. О. «Пророк России»*. С. 106; точку зрения Лернера см. также: Венг Т. 4. С. III—IV; *Лернер Н. О. «Восстань, восстань, пророк России...»* : Стихотворение Пушкина // *ПиС*. Вып. 13. С. 18—29).

Версия о четверостишии как о фрагменте текста, лишь тематически примыкающего к «Пророку», получила новое развитие после публикации М. А. Цявловским в 1936 г. письма М. П. Погодина к П. А. Вяземскому от 29 марта 1837 г., в котором Погодин на запрос Вяземского отвечал, что под заглавием «Пророк» «должны

быть четыре стихотв(орения), первое только напечатано (Духовной жаждою томим etc.)» (Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. С. 404—405). Свидетельство Погодина, по-видимому, послужило для Цявловского решающим аргументом в пользу публикации «Восстань, восстань, пророк России...» в качестве отдельного фрагмента в разделе «Отрывки» (Акад. Т. 3. С. 461, 1282; такое же решение принято в ГИХЛ 1959. Т. 2. С. 549, 763, где четверостишие напечатано в разделе «Незавершенное, отрывки, наброски»). Близкая точка зрения была представлена и в Летописи, где под датой 24 июля—3 сентября 1826 г. значилось создание не только текста «Пророка» («Духовной жаждою томим...»), но и «трех стихотворений о казенных декабристах противоположительного содержания под названием „Пророк“ (не сохранились)»: «Предание донесло лишь одно четверостишие в безусловно искаженном виде: „Восстань, восстань, пророк России“» (Летопись. С. 719; то же: Летопись 1991. С. 631; Летопись 1999. Т. 2. С. 160; см. также: Acad. в 9 т. Т. 2. С. 515; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 750; утверждения о связи цикла с темой казни декабристов основывалось, помимо текста «Восстань, восстань, пророк России...», на мемуарных свидетельствах Соболевского и др. — см. выше). Идею о цикле из четырех стихотворений, куда входили и известный текст «Пророка», и — в качестве фрагмента неизвестного текста — четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...», поддержала затем Т. Г. Цявловская («...эти строки по своему характеру настолько отличаются от „Пророка“, что более вероятно, что этот отрывок связан с другим стихотворением того же цикла» — Госл. в 10 т. Т. 2. С. 763). Близкую точку зрения см.: Листов В. С. «Восстань, восстань, пророк России...»: (О спорной пушкинской строфе) // Листов В. С. «Голос музы темной...». М., 2005. С. 28—29; Березкина 2010. С. 101—103 (в последней работе, в частности, сказано: «От слов „И Бога глас ко мне воззвал“ отрывок „Восстань, восстань, пророк России...“, по-видимому, отделяя какой-то массив стихотворного текста» (С. 103)).

Иную интерпретацию цикла, который мог иметь в виду Погодин, предложил в недавнее время Д. П. Ивинский, пытавшийся восстановить его предположительный состав, исходя из гипотезы о том, что цикл включал не неизвестные стихотворения, а тексты или фрагменты текстов, уже написанные к осени 1826 г. По мысли Ивинского, в этот четырехчастный цикл могли входить ранняя редакция «Пророка», по его мнению, оканчивавшаяся четверостишием «Восстань, восстань, пророк России...», первоначальный вариант стихотворения «Во глубине сибирских руд...», который Ивинский пытался датировать августом 1826 г., а также переработанные отрывки из «неподцензурного» фрагмента элегии «Андрей Шенье» (Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...». С. 250—268). Ср. высказанные раньше предположения В. М. Есипова и И. В. Немировского о том, что Погодин и Нащокин могли перепутать «Пророка» и не пропущенный цензурой фрагмент из «Андрея Шенье» (ст. 21—64), распространявшийся в 1826 г. под заглавием «На 14-е декабря» (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 729); Есипов В. М. 1) «К убийце гнусному явись...» // Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. С. 139—140; 2) Вокруг «Пророка». С. 163; Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 221—227. Документальных подтверждений эта гипотеза не имеет, тем более что доверие к сообщению Погодина о существовании цикла из четырех произведений подрывается ошибочностью некоторых сведений, приведенных им в письме к Вяземскому от 29 марта 1837 г. (см. выше, с. 867).

Если гипотеза о том, что четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» является фрагментом самостоятельного неизвестного произведения Пушкина, вообще не находит надежных фактических оснований, то сведения о существовании ранней редакции «Пророка» могут быть суммированы следующим образом. Поскольку строфа о «пророке России» сохранилась в ряде записей 1850-х гг., в том числе сделанных со слов Погодина, Хомякова и, вероятно, Соболевского, можно предполагать, что текст строфы «Восстань, восстань, пророк России...» действительно имел хождение среди московских знакомых Пушкина как «альтернативное» окончание «Пророка» (ср. типологически сходный случай с двумя вариантами окончания стихотворения «К. А. Т<имашев>ой» (1826), прямо разграниченных — «для нас» и «для дам»; см.: Акад. Т. 3. С. 1130, примеч. М. А. Цявловского). Однако надежных данных для установления текстологического статуса четверостишия и публикации его в качестве заключительной строфы ранней редакции стихотворения «Пророк» не имеется.

Показательно, что принятое после появившихся в 1880 г. публикаций Каратыгина и Пятковского решение включать четверостишие в комментарии к «Пророку» в качестве окончания его первоначальной редакции (см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 415; Ефр. 1882. Т. 2. С. 398; Мор. 1887. Т. 2. С. 3) уже в 1880-х гг. вызвало возражения, мотивированные сомнениями как в достоверности рассказов мемуаристов (см.: Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова : Из эпохи романтизма // ВЕ. 1888. № 3. С. 82—84), так и в принадлежности Пушкину «такого плохого и прозаического финала», «достойного разве только какого-нибудь бесталанного подражателя Рылеева» (Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». С. 14). Под влиянием аргументации Спасовича и Черняева, подчеркивавших кроме эстетического несовершенства строфы факт идеологической эволюции Пушкина в 1826 г. («...в январе 1826 г. он уже непременно желал помириться с правительством» — Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова. С. 83), в более поздних изданиях и Ефремов, и Морозов отказались от своих прежних атрибуций (см.: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 263 и Мор. 1903—06. Т. 2. С. 395—396, где Ефремов выражает согласие с точкой зрения Черняева, а Морозов — и Черняева, и Спасовича). В издании АН 1900—29 Морозов даже высказал предположение, что «четверостишие было сочинено кем-нибудь (может быть, Соболевским?) уже после появления „Пророка“ в печати — может быть, даже как бы в ответ на Стансы («В надежде славы и добра»), в которых увидели покаяние поэта в прежних либеральных его грехах» (Т. 4. Примеч. С. 310). В дальнейшем, однако, эта точка зрения широкого признания не получила, особенно ее поколебала публикация копии по тетради Бар₂, где четверостишие было записано как пушкинское со слов Погодина и Хомякова (Рассказы о П. С. 31). В последнее время против пушкинского авторства последовательно высказывались только И. В. Немировский и В. М. Есипов — см.: Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. С. 226—227; Есипов В. М. 1) «К убийце гнусному явись...». С. 127—152; 2) Вокруг «Пророка». С. 153—172; 3) Из чего мы бьемся // Есипов В. М. «Божественный глагол» : (Пушкин, Блок, Ахматова). М., 2010. С. 214—223.

С очерченным кругом гипотез были связаны и попытки уточнить датировку стихотворения. Так, например, М. А. Цявловский датировал его 24 июля — 3 сентября 1826 г. (Акад. Т. 3. С. 1130); Б. В. Томашевский — 8 сентября 1826 г. (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 437, ср. его же датировку в изд.: Пушкин 1955.

Т. 3. С. 815—816, где «Пророк» включен в раздел михайловских стихотворений с указанием в комментарии, что цикл, о котором вспоминал Погодин (см. выше), был создан «после 24 июля»). Верхняя граница датировки (24 июля 1826 г.) определяется в этих случаях временем получения Пушкиным известия о казни декабристов, однако фактических оснований для утверждения связи замысла «Пророка» с этим известием не имеется. Противоречивые свидетельства современников не дают оснований и для того, чтобы утверждать, что работа над стихотворением была завершена ко времени выезда из Михайловского (раннее утро 4 сентября) или прибытия в Москву (8 сентября). Предложенная Томашевским датировка 8 сентября позволяла видеть в аудиенции поэта у Николая I своего рода импульс к созданию «Пророка» (см.: *Пугачев В. В.* Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. С. 172; *Гришунин А. Л.* Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. [Вып.] 3. С. 282), однако никаких подтверждений этой версии также не находится.

Особо необходимо подчеркнуть дефектность текста четверостишия, сохранившегося в явно неточной передаче. Выбор источника для его публикации вызывал сложности и разноречия, начиная с самых ранних изданий. П. А. Ефремов считал версию четверостишия, приведенную Пятковским, недостаточно авторитетной («память, видимо, изменила Веневитинову, дав такой стих: „И-с-вер-вь-ем-на-сми-рен-ной выи”, который даже трудно выговорить» — Ефр. 1880. Т. 5. С. 537) и, в целом следуя ей, исправлял третий стих по своей публикации статьи Каратыгина: «Иди — и с вервием на выи...» (Ефр. 1880. Т. 2. С. 415; Ефр. 1882. Т. 2. С. 398). П. О. Морозов в примеч. к стихотворению «Пророк» напечатал текст «Восстань, восстань, пророк России...» в соответствии с публикацией Пятковского (см.: Мор. 1887. Т. 2. С. 3), однако в более позднем издании дал контаминированный текст Ефр. 1880, дополнив его конъектурой в четвертом стихе, впервые предложенной В. Д. Спасовичем (см.: *Спасович В. Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова. С. 82—83): «К царю российскому явись» (Мор. 1903—06. Т. 2. С. 395—396). Н. О. Лернер (Венг. Т. 4. С. 1), сомневаясь в авторитетности опубликованных записей, приводил в примечаниях к «Пророку» варианты публикаций Каратыгина и Пятковского (сходное решение см. в Акад. 1900—29. Т. 4. С. 309 (примеч. П. О. Морозова), где дается контаминированный текст Мор. 1903—06 с вариантом третьего стиха по публикации Пятковского). После введения в научный оборот копии Бар₂ именно она стала выступать основным источником текста (с учетом поправки Лонгинова в третьем стихе («выи» вместо «шеи»)) — см.: Акад. в 9 т. Т. 2. С. 515; Акад. в 6 т. Т. 1. С. 750; Акад. Т. 3. С. 1282, однако во всех этих изданиях такой стих печатался не по записи Бартенева, а по публикации Каратыгина («Иди, и с вервием на выи...») — вслед за изданиями Ефр. 1880 и Мор. 1903—06. В таком виде третий стих публиковался и в авторитетных изданиях, вышедших после Акад. (грамматическая поправка к нему («...на вые») давалась в изданиях под редакцией Б. В. Томашевского — см., например: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 358; Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 355).

Для расшифровки сокращений в четвертом стихе по копиям Бар₂ и Лон—Полт предлагались различные конъектуры. Опубликовавший запись в тетради Бартенева М. А. Цявловский считал, что «что-то очень оскорбительное для Николая I, заключают в себе и слова, начинающиеся на „у” и „г”, в записи Бартенева, если он их не решился записать даже в своей тетради» и предложил следующую конъектуру: «Не назвал ли Пушкин Николая I за казнь пяти декабристов „убийцей гнусным”?» (Рас-

сказы о П. С. 93—94). Такая расшифровка была введена в Acad. в 6 т. Т. 1. С. 750 (текст сопровождался примечанием: «под буквами „у. г.“, может быть, следует читать „убийце гнусному”») и Акад. Т. 3. С. 461 (конъектура включена в основной текст; публ. М. А. Цявловского) и затем получила распространение в изданиях, ориентированных на Акад (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 355). Иной вариант чтения: «К у⟨бийце⟩⟨?⟩ г⟨розному⟩⟨?⟩...» был предложен С. В. Березкиной, высказавшей гипотезу, что Пушкин мог таким образом соотносить Николая I с Иваном Грозным. Основанием для подобного предположения стала подразумеваемая параллель «Николай I—Иван Грозный» в стихотворении 1827 г. «Какая ночь! Мороз трескучий...» (Березкина 2010. С. 109—110).

Не раз высказывалось предположение, что в записи Бартенева первая буква должна быть прочитана не как «У», а как «Ц». Эта буква здесь, действительно, записана не четко, однако чтение: «У» подтверждается при обращении к тетради Лон—Полг, где в последней строке однозначно читается: «У. Г.». Исходя из чтения «Ц» вместо «У» Т. Г. Цявловская предлагала конъектуру «царю губителю» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 763; ту же конъектуру см.: *Благой Д. Д.* «Пловцам я пел...»: (Пушкин и декабристы) // Изв. ОЛЯ. 1975. Т. 34. № 6. С. 495); ср. также конъектуру А. Л. Слонимского: «К ц⟨арю⟩ г⟨ов...ому⟩ явись» (см.: *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. С. 144, 146). Оригинальную, но неубедительную конъектуру предложил В. С. Листов, также прочитавший сокращения в тетради Бартенева как «Ц. Г.». По его мнению, под этими буквами мог быть зашифрован нечестивый библейский царь Гоморры Бирша (см.: Быт. 14: 2—12), с которым аллегорически соотносился русский царь, т. е. строка имела чтение «К Ц⟨арю⟩ Г⟨оморрскому⟩ явись» (см.: *Листов В. С.* «Восстань, восстань, пророк России...». С. 29—34).

На мотивном и стилистическом уровнях четверостишие обнаруживает переключки как с «Пророком», так и с традицией высокой гражданской поэзии, опирающейся на библейскую образность (о ее значении для текста «Пророка» см. выше). Первый стих обсуждаемой строфы переключается со ст. 27 «Пророка» («Восстань, пророк, и виждь, и внемли») и с одной из строк стихотворения Кюхельбекера «Пророчество» («Восстань, певец, пророк Свободы!» — Кюхельбекер. Т. 1. С. 158). В следующих двух стихах очевидна та же, что и в «Пророке», образная и языковая ориентация на Библию (см.: *Сурат И. Э.* «Я верую в пророчества пиитов...». С. 220—221). Ср. божественное наставление пророку Иеремии (Иер. 27: 1—2; 30: 8): «...бысть слово сие ко Иеремии от Господа ⟨...⟩ сотвори себе узы и клады, и возложи на выю свою»; «В той день, рече Господь, сокрушу ярмо со выи их и узы их расторгну...», синодальный перевод: «...было слово сие к Иеремии от Господа: ⟨...⟩ сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на выю»; «И будет в тот день, говорит Господь Саваоф, сокрушу ярмо его, которое на вые твоей, и узы твои разорву...»). По предположению М. В. Строганова, такие атрибуты, как «позорны ризы» и «вервие на вые», могут быть объяснены вероятной ориентацией образа «пророка России» на облик юродивых, которые также обладали пророческим даром (см.: *Строганов М. В.* Стихотворение Пушкина «Пророк». С. 6—10; некоторые дополнения к этой интерпретации см.: *Кошелев В. А.* «Развалины на прахе...». С. 31—35).

Церковнославянизм «выя» (шея) — характерный лексический показатель «высокого слога», ср. в пушкинском поэтическом словоупотреблении: «Утешься, мать градов России, / Воззри на гибель пришлеца. / Отяготела днесь на их надменны выи / Десница мстящая Творца» («Воспоминания в Царском Селе», 1814 — наст. изд., т. 1, с. 76); «Израил выи не склонил» («Когда владыка ассирийский...»,

1835 — Акад. Т. 3. С. 406). В стихах поэтов-декабристов 1830—1840-х гг. лексема не раз возникала в образах казни пятерых участников восстания, что впоследствии давало дополнительные основания интерпретаторам отрывка связывать «пророчка России» с казненными декабристами, и в частности с Рылеевым (см.: Благой И. С. 541; *Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. С. 145*). См., например, в стихотворении А. И. Одоевского «При известии о польской революции» (1831) и в его «Колыбельной песни» (1832):

Пять жертв встают пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень...

(*Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 161*
(Б-ка поэта; Большая сер.))

И очи с трепетом увидят, как в венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется!

(Там же. С. 161)

См. также в стихотворении В. К. Кюхельбекера «Участь русских поэтов» (1845):

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

(Кюхельбекер. Т. 1. С. 314)

Рифмопара «выя—Россия», освоенная еще поэзией XVIII в., в Пушкинскую эпоху, как видно по уже приведенным примерам, носила устойчивый характер. Ср. в «Оде на всерадостный день рождения Благочестивейшия, Самодержавнейшия, Великия Государыни...» (1781) Е. И. Кострова:

В своих сокровищах хранящий
Для смертных счастье и зло
<.....>
Обрадовал в сей день Россию,
Вознес ее до облак выю,
Послав Екатерину в свет.

(Поэты XVIII в. Л.,
1972. Т. 2. С. 145
(Б-ка поэта; Большая сер.))

В «Оде его сиятельству князю Николаю Васильевичу Репнину...» (1791) Ю. А. Нелединского-Мелецкого:

Ликуй, блаженная Россия!
Попранна сопротивных выя.

(Там же. С. 270)

В стихотворении П. А. Вяземского «Петербург (Отрывок) (1818 года)»:

...В Европе зарево крамол зажгла вражда
И древний мир вспылал, склонясь печальной выей, —
Дух творческий парил над юною Россией...

(Вяземский 1986. С. 119)

В думе К. Ф. Рыльева «Глинский» (1822):

Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по вые,
Князь Глинский задумчив сидел.

(Рылеев 1971. С. 136—137)

В оде Рыльева «Гражданское мужество» (1823):

Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вокруг шипит —
Он наступил ему на выю.

(Там же. С. 93)

В «Элегии» Н. М. Языкова («Свободы гордой вдохновенье!..») (1824):

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

(Языков 1964. С. 125)

Подробнее см.: Березкина 2010. С. 107—109.

Суммируя сказанное, приходится признать, что, несмотря на устойчивый интерес к четверостишию, и его текст (а значит, и его точный смысл), и его связь с творческой историей стихотворения «Пророк», и, наконец, само авторство Пушкина остаются неустановленными.

Ст. 1—4. *Духовной жаждою томим ~ На перепутье мне явился...* — Ср. рассказ о пророке Илие в третьей книге Царств (19: 4—7): «Сам же иде в пустыню дне петъ, и прииде, и седе под смерчем, и проси души своей смерти; и рече: довлеет ныне ми, возми убо от мене душу мою Господи, яко несмь аз лучший отец моих. И ляже, и успе под садом; и се Ангел Господень коснеся ему, и рече ему: восстани, яждь и пей...»; синодальный перевод: «А сам отошел в пустыню на день пути и, придя, сел под можжевелевым кустом, и просил смерти себе и сказал: довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих. И лег и заснул под можжевелевым кустом. И вот, Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь [и пей]...». См.: Чижов А. Г. «Духовной жаждою томим...». С. 54.

Ст. 5. *Перстами легкими как сон...* — Сравнение построено на сочетании двух устойчивых формул. «Легкие персты» — восходящий к античному эпосу «ти-

пичный атрибут (...) поэта-певца (в частности, Гомера)» (Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина. С. 246) — ср. во французском переводе «Одиссеи» П.-Ж. Битобе описание игры Фемиа (Песнь I): «Parcourant la lyre de ses doigts légers il préludait par d'heureux accords, et entonnait des chants mélodieux» (Коснувшись струн лиры легкими пальцами, он брал несколько прекрасных аккордов и запевал сладкозвучные песни — фр.) (Hottère. L'Odyssee / Trad. nouv. (...) par [P.-J.] Vitaubé. Paris, 1785. Т. 1. P. 13 2-me pag.). Ср. также примеры русского поэтического словоупотребления — в первой песни «Бовы» А. Н. Радищева (1798—1799): «Бова сидя песнь унылу / Пел и в гусли златострунны / Бряцал легкими перстами» (Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1975. С. 142 (Б-ка поэта; Большая сер.)); в «Элгии VII» Д. В. Давыдова (1817): «...полно пробегать с улыбкою любви / Перстами легкими цевницу золотую» (Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 83 (Б-ка поэта; Большая сер.)), в стихотворении Н. М. Языкова «Тригорское» (1826): «В часы, как сладостные там / Дары Эвтерпы нас пленяи, / Как персты легкие мелькали / По очарованным ладам, — / С них звуки стройно подымались...» (Языков 1964. С. 224). Сходное словоупотребление — в «Гавриилиаде» Пушкина (1821) во фразеологическом контексте, распространенном и во французской традиции: «И легкий перст касается игриво / До милых тайн...» (Акад. Т. 4. С. 130). Фразеологизированное атрибутивное сочетание Пушкин контаминирует со сравнением-галлицизмом: «легкий как сон» — «léger comme un rêve / un songe». Ср.: «Vaine et légère comme un songe / Qu'un dormeur prend pour vérité, / L'ombre gémit, et se replonge / Dans l'éternelle obscurité» (Тонкая и легкая как сон, / Который спящему кажется явью, / Тень стонет и возвращается вновь / В вечную темноту — фр.) (Senecé A.-B. Orphée // Senecé A.-B. Œuvres complètes. Paris, 1805. P. 170); «Je me jette sur lui, je le prends, je l'enlève, / Je l'emporte insensible et léger comme un rêve» (Я бросаюсь к ней, я беру ее на руки, поднимаю / И уношу, бесчувственную и легкую, как сон — фр.) (Lamartine A. Jocelyn // Lamartine A. Œuvres. Ed. complète en un volume. Bruxelles, 1836. P. 322).

Ст. 6 и след. *Моих зениц коснулся он...* — Ср. в книге пророка Исаии: «Одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша...» (6: 9—10; синодальный перевод: «...огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули...»); «Видесте многаяжды, и не сохранистете; отверсты уши имуще, и не слышасте» (42: 20; синодальный перевод: «Ты видел многое, но не замечал; уши были открыты, но не слышал»); См.: Березкина 2010. С. 121. См. также близкие переключки с этими образами в стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта...»): «Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется...» (Акад. Т. 3. С. 65).

Ст. 8. *Как у испуганной орлицы.* — Ср. в первоначальном варианте стихотворения «Поэт»: «Душа поэта встрепетается / Как испугавшийся орел» (Там же. С. 599; см.: Благой, II. С. 208). Примеры употребления этого образа встречаются во французских лирических текстах первой трети XIX в.: «C'en est fait; l'heure arrive, et je vois dans les airs / Des volontés des cieux les messagers divers. / L'aigle effrayé descend de sa cime déserte, / Du soleil presque éteint il déplore la perte...» (И вот, назначенный час настал — и я вижу в небе / Провозвестников воли небес. / Испуганный орел спускается со своей пустынной вершины, / Оплакивая закат почти потухшего солнца... — фр.) ([Gleizès J.-A.] Séléana au tombeau de son amant // [Gleizès J.-A.] Les nuits élyséennes. Paris, 1800—1801. P. 283); «Nul bruit ne trouble le calme profond de ces montagnes, si ce n'est quelque fragment de pierre qui se détache

d'une roche escarpée, ou les cris de l'aigle effrayé qui prend son vol vers les cieux» (Ни единый звук не нарушает глубокой тишины этих гор, разве что осколок камня, падающий с крутой скалы, или крики испуганного орла, который взмывает в небо — фр.) (*Soulié J.-B. Aug. Le minstrel, ou les progrès du génie. 2-e chant // Tablettes romantiques... Paris, 1823. P. 208*); «Au faite des grands murs je m'élève parfois; / Là je mêle des chants au sifflement des brises; / Et, dans les cieux profonds suivant ses ailes grises, / Jusqu'à l'aigle effrayé j'aime à lancer ma voix!» (Иногда я взбираюсь на самый верх массивных стен, / Там я сливаю мои песни со свистом ветров, / И, следя за взмахами серых крыльев в бездонных небесах, / Я желаю возвысить мой голос, чтобы он настиг испуганного орла — фр.) (*Hugo V. Aux ruines de Montfort- L' Amaury // Hugo V. Odes et ballades. Bruxelles, 1834. P. 302—303; стихотворение 1825 г.*).

Ст. 13. *И гад морских подводный ход...* — Гад — церковнославянская форма род. падежа мн. числа. См. толкование слова «гад» в словаре Академии Российской: «Под сим названием разумеются не только те животные, кои, не имея ног, пресмыкаются по земли: но также и все те, которые, по причине коротких своих ног, кажутся быть ползающими на персях своих» (Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. 2: Г—З. Стб. 14).

Ст. 14. *И дольной лозы прозябанье.* — «Прозябаю (<...> вырастаю, произрастаю; выхожу, происхожу из земли» (Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3: З—М. Стб. 175). Об истории слова «прозябанье» см.: *Горячева Т. В. «И дольной лозы прозябанье» // Русская речь. 1991. № 3. С. 140—143.*

Ст. 16—17. *И вырвал грешный мой язык, И празднословный и лукавый...* — Ср. «Господи! избавь душу мою от уст лживых, от языка лукавого. Что даст тебе, и что принесет тебе лукавый язык?» (Пс. 119: 2, 3; цит. по русскому переводу, изданному Российским Библейским обществом: Книга хвалений, или Псалтирь, на русском языке. 6-е изд. СПб., 1822. С. 150; в церковнославянском переводе Библии: «Господи, избави душу мою от устен неправедных и от языка лъстива. Что дастся тебе, или что приложится тебе к языку лъстиву?»). Ср. в позднем стихотворении Пушкина «Отцы пустыnnики и жены непорочны...» (1836), восходящем к великопостной молитве Ефрема Сирина: «Владыко дней моих! дух праздности унылой, / Любоначала, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей» (Акад. Т. 3. С. 421). Молитву Ефрема Сирина Пушкин обыгрывал в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г., где передавал пожелания Кюхельбекеру: «Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальний друг не может быть излишне боллив» (Акад. Т. 13. С. 25; см.: *Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустыnnики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // ПИМ. Т. 10. С. 197—199*).

Ст. 18. *И жало мудрыя змеи...* — Ср. в Евангелии от Матфея (10: 16): «...будьте убо мудри яко змия, и цели яко голубие»; синодальный перевод: «...итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Об образах «благого/губительного змея» у Пушкина см.: *Сендерович С. К реконструкции поэтической мифологии Пушкина: (Феноменологический этюд) // Wiener slawistischer Almanach. 1981. Bd 7. S. 25—27.*

Ст. 21 и след. *И он мне грудь рассек мечом...* — В Библии духовное преобразование часто описывается как обретение нового сердца: «...преложи ему [Саулу] Бог сердце на ино» (1 Цар. 10: 9; синодальный перевод: «...Бог дал ему иное сердце»); «Отвержите от себе вся нечестия ваша (<...>) и сотворите себе сердце ново, и

дух нов» (Иез. 18: 31; синодальный перевод: «Отвергните от себя все грехи ваши <...> и сотворите себе новое сердце и новый дух»); «И дам им сердце ино, и дух нов дам им, и исторгну каменное сердце от плоти их, и дам им сердце плотяно» (Иез. 11: 19; синодальный перевод: «И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное»). См.: Березкина 2010. С. 118—119. Ср. также Иез. 36: 24—27; см.: Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. С. 144.

Ст. 23. *И уголь, пылающий огнем...* — Ср. выражение «углие огня горящаго», «углие огненное» в Книге пророка Иезекииля (1: 13; 10: 2). См.: Чижев А. Г. «Духовной жаждою томим...». С. 54—55. Высказывались предположения (см.: Березкина 2010. С. 119; ср. также: Себежко Е. С. О двух строках пушкинского «Пророка» // Вопросы литературы. 2016. № 3. С. 85—91) о связи этого образа с повестью У. Бекфорда (Beckford; 1760—1844) «Ватек» («Vathek», 1782; первый русский перевод, без указания имени автора — 1792), где одну из героинь — принцессу Каратис (в русском переводе 1792 г. Катаратис) — в финале постигает справедливая кара: «сердце ее стало горящим углем» («son coeur devint un brasier ardent»), и, «проклиная час ее рождения <...> она начала бегать, чтоб не останавливаться никогда, ниже вкушать одной минуты покою» (Vathek. Lausanne, 1787. P. 201; Калиф Ватек. Арабская сказка / Пер. с фр. СПб., 1792. С. 203—204). Однако выражение «un brasier ardent», как и синонимичное ему «charbon ardent», принадлежит к числу фразеологических библизмов, что делает указание на конкретный источник нерелевантным. Отметим, что во французской Библии в переводе Леметра де Саси, которая сохранилась в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 604), соответствующее выражение в книге пророка Исайи было передано как «un charbon de feu» (La sainte Bible contenant l'Ancien et le Nouveau Testament / Trad. sur la Vulgate par [L.-I.] Le Maistre de Sacy. Au frais de la Société Biblique Russe. S. Pétersbourg, 1817. P. 892).

Ст. 25. *Как труп в пустыне я лежал...* — Ср. близкое описание в «Кавказском пленнике»:

Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался
<.....>
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

(Акад. Т. 4. С. 93—94)

См.: Ram H. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. Madison (Wisc.), 2003. P. 168.

Ст. 26 и след. *И Бога глас ко мне возвал...* — Сходные обращения Бога к пророку см. в стихотворениях Ф. Н. Глинки, объединенных в «Опытах священной поэзии». Ср. в «Призвании Исайи»:

Иди к народу, мой Пророк!
Вещай, труби слова Еговы!
Срывай с лукавых душ покровы
И громко обличай порок!
(Глинка Ф. Опыты священной поэзии. С. 143)

В стихотворении «Пророк (Из Эздры и Исаяи)»:

Тоскуя о судьбе людей,
 Сидел пророк в глубокой думе.
 И се, из купины немой,
 Востек, незримо, глас священный
 <.....>
 Сей глас <.....>
 Вещал: воздвигнись, мой пророк!
 Ты будешь Божьими устами!
 Иди, разоблачай порок
 В толпах, смущенных суетами:
 Звучи в веках, живой глагол!

(Там же. С. 164)

В стихотворении «Глас пророка»:

Но Бог, еще об них жалея,
 Вещал пророку от небес:
 Иди и обтеки их грады!
 Найди хоть неких из них,
 Что б правду как себя хранили,
 Что б знали Бога в небесах...

(Там же. С. 171—172)

Ср. также в цитированном выше стихотворении Кюхельбекера «Пророчество»:

Встань, певец, пророк Свободы!
 Вспрянь, возвести, что я вещал!

См.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. С. 272.

Ст. 30. *Глаголом жи сердца людей*. — Ср. сходные примеры употребления той же устойчивой метафоры «жечь сердце/душу словом» — в трагедии А. П. Сумарокова «Хорев» (1747) (действ. 5, явл. 2):

Сей глас, стнящий глас, как некий новый бог,
 Воинские сердца еще жарчае жег.

(*Сумароков А. П.* Избр. произв.
 Л., 1957. С. 358 (Б-ка поэта;
 Большая сер.))

В стихотворении Г. Р. Державина «Г. Озерову на приписание Эдипа» (1806):

Коль жалость и ужас вдыхаешь
 И жжешь ты хладные сердца,
 С глаз токи, с душ вздохи сзываешь,
 Напрасно чтишь во мне певца
 <.....>
 Ты Муз алтарей тех служитель,
 Которых чудотворный глас —
 Народной толпы просветитель.

(Державин. Т. 2. С. 582)

См. также в пушкинском стихотворении 1830 г. «В часы забав иль праздной скуки...»:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

(Акад. Т. 3. С. 212)

По предположению Б. М. Гаспарова (*Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина*. С. 242—243), в финальной строке «Пророка» могли отозваться строки из «Цыганской песни» Державина, которые были процитированы Вяземским в письме к Пушкину от 4 августа 1825 г., содержащем горячую похвалу «Цыганам»: «Ты ничего жарче этого еще не сделал, и можешь взять в эпитафию для поэмы стихи Державина из „Цыганской песни“: „Жги души, огонь бросай в сердца / От смуглого лица“. — Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твое творение» (Акад. Т. 13. С. 200).

Другие редакции и варианты

Вариант ст. 1 в списке стихотворений ПД 291. *Великой скорбию томим*. — Ср. начальные строки стихотворения «Странник» (1835):

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой...

(Акад. Т. 3. С. 391)

См.: *Благой Д. Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // ПИМ. Т. 4. С. 62—64.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХ; НЕНАСТНОЙ НОЧИ МГЛА...»

(С. 99 и 322)

Автограф неизвестен.

Впервые: Ст 1826. С. 25—26 (отдел «Элегии»), с обозначением в оглавлении: «(Ненастный день потух). *Отрывок*» и датой в оглавлении: «1823». Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 176—177 (отдел стихотворений 1823 г.), с заменой восклицательных знаков в ст. 10 (после слова: «время») и в конце ст. 15, 17 и 21 экспрессивно нейтральными знаками препинания, с исключением подзаголовка «Отрывок» в оглавлении.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1823—первой половиной сентября 1825 г.; наиболее вероятное время создания стихотворения — 1824 г. Верхняя граница определяется в соответствии с указаниями в Ст 1826 и Ст 1829, нижняя — по оглавлению Ст 1826

в письме П. А. Плетнева к Пушкину от 26 сентября 1825 г., куда вошло стихотворение. Наиболее вероятное время создания определяется по реалиям.

Дата «1823» была проставлена в оглавлении Ст 1826, посланном Пушкину П. А. Плетневым при письме от 26 сентября 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 232) и не была исправлена Пушкиным. Авторскую датировку впервые изменил П. О. Морозов, напечатавший стихотворение в разделе 1824 г. (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 673). П. А. Ефремов (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 195) и Н. О. Лернер (Венг. Т. 3. С. 524) продолжали, однако, датировать его 1823 г. Изменение датировки Морозов аргументировал в АН 1900—29 (Т. 3. Примеч. С. 314—316), указав, что в стихотворении реальный северный пейзаж противопоставлен воображаемому южному, и приведя в этой связи строки из письма Пушкина к В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 г. (см. ниже). Морозов сослался и на другие неточности в датах в оглавлении Плетнева (список их см.: Переписка А. С. Пушкина : В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 101, коммент. В. Э. Вацуро). Не исключена возможность сознательного изменения даты самим Пушкиным, вуалировавшим реального адресата стихотворения, поскольку 1824 г. провоцировал отнесение стихотворения к Е. К. Воронцовой (см.: Соколов Д. Н. По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты...» // ПиС. Вып. 17—18. С. 31—32). Современными изданиями принята датировка 1824 г. В Летописи стихотворение датировалось сентябрем—ноябрем(?) 1824 г. (С. 517); позднее Т. Г. Цявловская сузила ее («октябрь, 25 (?) ... ноябрь (?) 1824 г.») по связи стихотворения с письмом Пушкина к В. Ф. Вяземской (см.: Летопись 1991. С. 675; то же: Летопись 1999. Т. 1. С. 514), что не представляется строго обоснованным (см. ниже). Несмотря на соответствие лирического содержания реалиям жизни Пушкина осени 1824 г. нельзя исключить, что стихотворение было создано позднее — зимой 1824 г. или в январе—первой половине сентября 1825 г. Показательно в этом отношении отсутствие стихотворения в Тетради Капниста, 15 марта 1825 г. отосланной Пушкиным в Петербург для подготовки Ст 1826.

В качестве прототипа элегического адресата в разное время называли А. Ризнич (Ефр. 1880. Т. 1. С. 566; Гаевский В. П. Перстень Пушкина // ВЕ. 1888. № 2. С. 522; Южаков С. Н. Любовь и счастье в произведениях А. С. Пушкина. Одесса, 1895. С. 52—54), М. Н. Раевскую (см.: Сумцов. С. 210—213; Соколов Б. М. М. Н. Раевская—кн. Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922. С. 23—28; критику этой гипотезы см.: Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // ПИМ. Т. 3. С. 98), Е. К. Воронцову (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 52; Салупере М. Г. Из комментариев к текстам А. С. Пушкина // Русская филология : Сб. студенческих науч. работ. Тарту, 1963. [Вып.] 1. С. 49—51). Н. О. Лернер (Венг. Т. 3. С. 525) и П. О. Морозов (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 315) допускали возможность того, что стихотворение имеет автобиографическую основу, но отказывались от поисков конкретного адресата. Воронцова представляется, однако, наиболее вероятным адресатом стихотворения, особенно если допустить, что в нем нашли свое воплощение воспоминания о юге в первые месяцы михайловской ссылки (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 34—57).

Стихотворение имеет точки соприкосновения с письмом Пушкина к Вяземской от конца октября 1824 г., где содержится то же противопоставление «северных» и «южных» впечатлений: «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть —

журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но слава <Богу> небо у нас сивое, а луна точная репка» (Акад. Т. 13. С. 114, 532; оригинал по-фр., слова «но слава <Богу> ~ точная репка» по-русски). Т. Г. Цявловская предполагала, что начальные строки стихотворения «Ненастный день потух...» с антитезой пейзажей «здесь» и «там» «являются претворением в поэзии чувств и образов, выраженных в письме» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 52). Между тем указанная ею композиционная структура определилась у Пушкина задолго до письма; она, в частности, лежит в основе элегии «Редеет облаков летучая гряда...» (1820), где мы находим ту же «вечернюю» пейзажную экспозицию с противопоставлением унылого «реального» пейзажа идеальному, вызванному воспоминанием (антитеза «здесь» и «там»), с ретроспективным возникновением на его фоне образа лирической героини. На близкую связь этих текстов обратил внимание еще Н. Ф. Сумцов (Сумцов. С. 210—215); она не позволяет усматривать в письме к Вяземской непосредственный прозаический абрис элегии: само письмо может быть рассмотрено как отражение уже определившейся композиционной модели.

В. Г. Белинский анализировал элегию в ряду антологической поэзии, изображающей мир в «рельефном и замкнутом образе» (Белинский В. Г. Римские элегии. Сочинение Гете. Перевод Струговщикова // Белинский. Т. 5. С. 258—259), затем как образец «жизни, страсти, истины» в передаче психологического состояния любовной разлуки, противопоставляя ее лучшим достижениям предшествующей поэзии, прежде всего Жуковскому (Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Белинский. Т. 7. С. 327—328). Анализ форм лирической экспрессии (контрастность, иллюзия непосредственного эмоционального переживания, создаваемая прерывистым синтаксисом, паузами и т. п., косвенные средства передачи лирической эмоции, лирические формулы) см.: Виноградов. Стил П. С. 77—81, 147—148. Оборванная концовка стихотворения — сознательный художественный прием; строки точек — эмоциональный эквивалент текста. Эта особенность построения подчеркнута обозначением «Отрывок» в Ст 1826, которое является жанровым определением. Известен случай читательского «продолжения» текста с целью придать ему «завершенность». См.: Гофман М. А. Окончание элегии «Ненастный день потух...» // Пушкинист, IV. С. 229—232.

Перевод стихотворения на польский язык, выполненный Игнацием Деспотом-Зеновичем (Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866), опубликован в сборнике его стихов и переводов «Imionnik» (St.-Petersbourg, 1830. S. [17—18]), вышедшем под криптонимом: «J.-G. D. Z.».

Ст. 10 и след. *Вот время: по горе теперь идет она...* — Исследователи расходились в вопросе об идентификации пейзажа (с чем в значительной мере был связан и вопрос о лирическом адресате). П. Е. Щеголев определял его как одесский, предлагая «под скалами (...) понимать не скалы гор, а скалы гротов» (Щеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 262); М. О. Гершензон, возражая Щеголеву, рассматривал пейзаж как крымский, так как в Одессе «нет ни „гор“, ни „брегов, потопленных шумящими волнами“», и особо подчеркивал, что картину, изображенную в стихотворении, невозможно отождествить с «видом с дачи Рено», где жила Воронцова (Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 196). М. А. Цявловский, поддержав мнение Щеголева, сопоставлял это поэтическое описание именно с окрестностями дачи

Рено, ссылаясь на свидетельства современных путешественников: так, И. М. Долгорукий, причалив к берегу во время бури, шел по «узенькой тропинке вдоль горного хребта, природой тут поставленного для ограждения бездны», и вышел к хутору Рено (*Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских. 1869. Апрель—июнь, кн. 2. С. 66—69); об открывающемся отсюда море, «где извилистый ряд прибрежных скал дробит исполинские волны», упоминал П. Морозов в очерке «Одесса в 1830 году» (Одесский альманах на 1831 год / Изд. П. Морозовым, М. Розбергом. Одесса, 1831. С. 63) и т. п. См.: *Цявловский М. А.* Из записей П. И. Бартенева : (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) / Публ. Т. Г. Цявловской // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 275. Споры биографов не учитывали, однако, обобщенности лирического пейзажа, в котором могли совмещаться как крымские, так и одесские впечатления.

Ст. 12—13. *Там, под заветными скалами, Теперь она сидит, печальна и одна...* — Д. Н. Соколов указал на связь этих строк с черновым наброском «Приют любви, он вечно полн...» (1824): «Есть у моря под ветхою скалою / Уединенная пещера» и т. д. (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 454) (*Соколов Д. Н.* По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты...» // Пис. Вып. 17—18. С. 29—30).

«ОТ МНОГОРЕЧИЯ ОТРЕКШИСЬ ДОБРОВОЛЬНО...»

(С. 100 и 322)

Автограф в Тетр. Всеволожского (Вс), л. 12 — белой, с поправкой в ст. 2, на полях копии стихотворения «Роза» (1814—1816); текст зачеркнут, вероятно, в ходе работы над подготовкой Ст 1826. Напечатано: *Цявловский М. А.* Автографы Пушкина и его архив // Изв. ЦИК СССР. 1934. № 131 (5379). 6 июня. Воспроизведение: ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 833.

Впервые: Изв. ЦИК СССР. 1934. № 131 (5379). 6 июня.

В собрание сочинений впервые включено: ГИХЛ 1935. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется июнем (не ранее 11-го) 1817 г. — апрелем (не позднее 25-го) 1825 г. Написано не ранее выхода из Лицея, поскольку не вошло в лицейские рукописные сборники. Нижняя граница устанавливается по вероятному времени записи автографа: 14 марта—25 апреля(?) 1825 г., когда Пушкин редактировал в Михайловском Тетрадь Всеволожского (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 306—308), куда стихотворение было переписано набело с какой-то другой рукописи. О возможности предположительного сужения датировки см. ниже.

При первой публикации стихотворения М. А. Цявловский отнес его к 1825 г., истолковав историю и содержание четверостишия следующим образом: «Получив в 1825 г. рукопись (Тетрадь Всеволожского. — Ред.), Пушкин (в дошедшей до нас части) в 29 стихотворениях сделал исправления, а 7 стихотворений зачеркнул» и, «окончив свою работу по правке рукописи, на полях одной страницы ее написал стихи <...> „От многогочечия отрекшись добровольно...”» (*Цявловский М. А.* Автографы Пушкина и его архив. С. 5). См. также его примеч. к стихотворению: «Оно написано во время работы Пушкина над приготовлением к печати своей тетради стихо-

творений, переписанных еще в конце 1819 г.» (Асад. в 6 т. Т. 1. С. 739). Датировка 1825 г. была принята в ГИХЛ 1935 (Т. 1. С. 461); ГИХЛ 1936 (Т. 1. С. 490); ГИХЛ 1937 (Т. 1. С. 490); Асад. в 9 т. (Т. 2. С. 164). Точка зрения Цявловского была оспорена Б. В. Томашевским, считавшим, что в 1825 г. Пушкин лишь переписал уже существовавший текст и внес поправку в ст. 2. «На более раннее происхождение указывает и стиль этого стихотворения. Это не более чем мадригал или галантная сентенция в духе французской антологической поэзии, влияние которой на Пушкина после 1820 г. начинает быстро иссякать. Это зашифрованное „одно слово“, от которого зависит „счастье души“, очевидно, слово „люблю“ <...>. Эта перифрастическая техника рассудочных сентенций в стихах, культивировавшаяся в эпоху рифмованных шарад и загадок, не свойственна Пушкину 1825 г.» (Томашевский Б. В. История Тетради Всеволожского // Лет. ГЛМ. С. 62). Техническое мастерство, с каким написано стихотворение, позволило исследователю предположить, что оно было создано «после составления тетради Всеволожского, может быть, уже после ссылки на юг, но, по-видимому, вскоре, т. е. еще в пределах 1820 г., и сохранилась в тех бумагах, которыми Пушкин пользовался, когда выписывал стихи в Капнистовскую тетрадь, и которые до нас не дошли» (Там же). Иначе (и более убедительно), чем Цявловский, прочитывал Томашевский и смысл стихотворного высказывания. По его мнению, упоминание в первоначальном варианте ст. 2 «огромного словаря», «может быть, является намеком на выход в свет второго издания „Словаря Российской Академии“, законченного изданием в 1822 г. В 1825 г. этот намек потерял свою злободневность, и Пушкин его устранил, заменив более общим выражением» (Там же). Аргументы Томашевского были приняты Цявловским: в Акад. (Т. 2. С. 1176) он датировал стихотворение июнем (не ранее 11-го) 1817—15 марта 1825 г. Нижняя граница датировки определена здесь днем, когда Пушкин отправил брату Капнистовскую тетрадь (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 330). То же, но с указанием, что стихотворение было вписано в Тетр. Всеволожского 13 марта—24(?) апреля 1825 г. см.: Летопись. С. 126, 579—580 (та же датировка в других изданиях Летописи). См. также примеч. Томашевского в Акад. в 10 т. (1) («Нет данных утверждать, что стихи написаны именно в 1825 г. Это могли быть и ранние стихи, которые Пушкин собирался включить в сборник» — Т. 2. С. 443) и в изд.: Пушкин 1955 (стихотворение помещено здесь в отдел 1825 г., но при этом не исключена возможность более раннего его написания — см.: Т. 3. С. 811). Указание на предположительность отнесения стихотворения к 1825 г. см.: Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 687), Худ. лит. в 10 т. (Т. 2. С. 557).

Выдвигая гипотезу о связи замысла стихотворения со вторым изданием «Словаря Академии Российской», Б. В. Томашевский считал, что произведенная в 1825 г. замена в ст. 2 («В собраньи полном слов не вижу пользы я» вместо первоначального «В огромном словаре не вижу пользы я») устраняла намек на словарь (см. выше). Между тем выражение «собрание слов» в первой четверти XIX в. употреблялось как синоним словаря. Оно встречается в выступлениях А. С. Шишкова, возглавлявшего Российскую Академию, центр лексикографической работы в России. В статье «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря» (имеется в виду «корневой» словарь) он утверждал: «Все иностранные слова должно исключить из Словаря», ибо они «не наши» и «не должны иметь места в Славенском или Российском собрании слов» (Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. 1. С. 17). На заседании Российской Академии в январе 1822 г. Шишковым были

предложены проекты следующих изданий: «Словарь технический, или Собрание слов, употребляемых в науках, художествах, ремеслах и рукоделиях», «Словарь словесных наук, или Собрание слов, употребляемых в умословии, стихотворстве, истории, риторике и грамматике» (*Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1888. Вып. 8. С. 217). О том, насколько распространенным было выражение «собрание слов», может свидетельствовать позднейшее высказывание П. А. Вяземского: «Жаль, что в наших словарях не приводят примеров различного употребления слов и выражений, какими являются они в разных литературных эпохах и у разных писателей. Наши словари — доньше более или менее полное собрание слов, а не указатели языка, как французские словари, по коим можно пройти почти полный курс истории французского языка и французской литературы» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка // *Вяземский. ПСС.* Т. 8. С. 90; эти слова были добавлены автором к тексту из записной книжки пушкинского времени при подготовке ее к печати в 1870-х гг.).

Т. Г. Цявловская связывала «шутливое» четверостишие «От многоречия отрекшись добровольно...» «с отказом {...} от подписки на какое-нибудь издание словаря русского языка» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 687; с небольшим изменением то же примечание см.: Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 557), однако, вероятнее всего, в стихотворении, как и предполагал Томашевский, говорилось о самом «полном» для того времени «собрание слов», т. е. о «Словаре Академии Российской» (1-е изд., имевшееся в библиотеке Пушкина, — 1789—1794 (см.: Библиотека П. С. 94, № 355), 2-е изд. — 1806—1822).

Не исключено, что четверостишие явилось полемическим откликом на речь Н. М. Карамзина по случаю его вступления в Российскую Академию (см.: *Березкина С. В.* Из истории полемики Пушкина с Карамзиным : Эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно...» // Пушкинский музей : Альманах. СПб., 2007. Вып. 4—5. С. 209—223). Пушкин прослушал речь Карамзина, находясь у него в гостях вместе с В. А. Жуковским, А. И. и Н. И. Тургеневыми 22 сентября 1818 г. (см.: *Летопись 1999.* Т. 1. С. 140; в Академии речь была прочитана 5 декабря 1818 г., в печати появилась в первых числах января 1819 г. — см.: *СО.* 1819. Ч. 51. № 1. С. 3—22). В своей речи Карамзин дал высочайшую оценку академическому словарю: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностию, кто желает понимать себя и других» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 169—170). По мнению Карамзина, появление академического словаря и «Грамматики российской», выпущенной Российской Академией в 1802 г., были связаны друг с другом: «Утвердив значение слов, избавив писателей от многотрудных изысканий, недоумений, ошибок, Академия предложила и систему правил для составления речи...» (Там же. С. 170). Для «арзамасцев», ориентированных на полемику с Академией, вступление в нее Карамзина было событием неоднозначным. Несколько более раннее избрание в Академию В. А. Жуковского вызвало град насмешек со стороны П. А. Вяземского и К. Н. Батюшкова (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 365 (письмо К. Н. Батюшкова к Д. Н. Блудову от начала ноября 1818 г.), С. 367 (его же письмо к А. И. Тургеневу от 24 марта 1819 г.), С. 378 (письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1818 г.), С. 417—418 (его же письмо к Д. В. Дашкову от 2/14 ноября 1818 г.)). Эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно...», возможно, была связана с «арзамасской» реакцией Пушкина на вступление в Российскую Академию Карамзина.

В 1824 г. Пушкин обратился к речи Карамзина в ходе работы над «Евгением Онегиным». В отдельном издании первой главы романа в стихах (СПб., 1825) строфа XXVI, где иронически упоминается «Академический Словарь», была снабжена примечанием, в котором тот же словарь охарактеризован как «вечный памятник попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного». Примечание завершается обширной цитатой из речи Карамзина (см.: Акад. Т. 6. С. 653—654). Черновой автограф этого примечания появился на л. 11 рабочей тетради Пушкина ПД 835 незадолго до 5 сентября 1824 г. (эта дата стоит на л. 11 об. — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 39—41). Анализируя черновые варианты строфы XXVI в сопоставлении с ее печатным текстом и примечанием в издании 1825 г., Е. А. Левашов отмечает: «У поэта к словарю отношение двойственное: с точки зрения исторической, он видит в нем достойный памятник предшествующей эпохи, не потерявший для многих своего направляюще-нормативного характера; подходя же к нему с меркой современных (своих) потребностей, он не находит его отвечающим назревшим задачам» (Левашов Е. А. Пушкин и академические толковые словари // Русская речь. 1977. № 3. С. 15).

«О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ...»

(С. 101 и 322)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Теймураза Багратиони (ИВР. Кол. Теймураза. Н 28, л. 40) (Тейм) — в составе 20 стихов, запись в рабочей тетради грузинскими буквами без знаков препинания, с ошибками в ст. 13 (записан в две строки) и в ст. 14 (передаем запись русскими буквами: «Я терзад казнию стыда»); сопровождается словариком трудных с точки зрения переводчика слов и двумя переводами на грузинский язык с приписками Теймураза по-грузински (к первому переводу: «это один переложил», ко второму: «это другой переложил»; возможно, один из переводов принадлежит самому Теймуразу). Напечатано: Дондуа К. Пушкин в грузинской литературе // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 203—204 (в виде вариантов к тексту Анн.).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 (Дол₂) — под заглавием: «Эпиграмма», с пропуском ст. 6 и 10.

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Эпиграмма», с пропуском ст. 6 и 10, с позднейшей поправкой в ст. 5 («холодным» переправлено на «голодным»).

4) В письме С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову от 1856—1857 гг. (ПД, № 23513, л. 49 об.—50) (Сб) — с пропуском ст. 10, с пояснением: «Эти стихи мы припомнили с Эристовым»; в конце письма приписка, относящаяся к приведенному в нем тексту стихотворения: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие». Напечатано: Беляев М. Д. Соболевский о Пушкине: (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 43—45.

5) Тетр. Тихонравова (Тих) — с пропуском ст. 10; как окончание ранней редакции стихотворения «(Из письма к В. Л. Пушкину)» («Христос воскрес, питомец Феба!...») (1816); см. эту редакцию: наст. изд., т. 1, с. 359.

6) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с пропуском ст. 10; как окончание ранней редакции стихотворения «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»), с примечанием: «Стихи эти действительно написаны в Светлое Воскресенье. По смыслу некоторых стихов видно, что это было в двадцатых годах».

7) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, к. 42, № 9, л. 27—27 об.) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкинианой; с пропуском ст. 10; как окончание ранней редакции «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»).

8) Сб. Александрова (Ал) — с пропуском ст. 10; как окончание ранней редакции стихотворения «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»).

9) Тетр. Дашкова (Даш) — с пропуском ст. 10; как окончание ранней редакции стихотворения «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»).

Копии 2, 3, 5, 6, 8 и 9 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 981—982 (в виде разночтений; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — с пометой: «1. Августа. 825 Калуга», обозначающей время записи стихотворения в тетрадь. Напечатано: Щербачев. С. 119—120, в виде вариантов к «печатным изданиям», в которых повторялся текст Анн. (см. ниже).

2) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (ПЗ), — с пропуском ст. 10; как окончание стихотворения «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»).

3) Бывшая в распоряжении П. В. Анненкова, по которой им была осуществлена публикация стихотворения в Анн. (см. ниже), — с пропуском ст. 10.

4) Бывшая в распоряжении Г. Н. Геннади, по которой им приведен в печати вариант ст. 7 (Генн. 1859. Т. 1. С. 468).

Копии Тих, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш и ПЗ опосредованно восходят к одному источнику, в котором при переписывании с какого-то более раннего рукописного сборника были механически объединены тексты соседствовавших в нем стихотворений «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..») и «О муза пламенной сатиры...».

Впервые: ПЗ 1856. Кн. 2. С. 24—25 (в составе стихотворения «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»); публ. А. И. Герцена); в России впервые: Анн. Т. 7. С. 106.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по Даш, с восстановлением по Тейм ст. 10, отсутствующего во всех остальных известных копиях.

Датируется серединой 1824—первой половиной 1825 г. Нижняя граница датировки определяется датой под копией стихотворения в тетради Каверина (Кав). О предположительном уточнении верхней границы см. ниже.

Высказывались сомнения в принадлежности стихотворения Пушкину (см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 431; Венг. Т. 5. С. LXV, примеч. П. О. Морозова). Авторство Пушкина с уверенностью подтверждается свидетельствами копий Кав, Сб и Тейм, достаточно поздно попавших в поле исследовательского внимания.

При первой публикации П. В. Анненков без каких-либо оснований отнес стихотворение к 1830 г. Эта датировка была принята во всех последующих изданиях, включая Брюс. Впрочем, в примечаниях П. О. Морозова в Венг. (Т. 5. С. LXV) высказано мнение, что стихотворение «не подходит к общему настроению Пушкина в 1830 г. и скорее могло бы быть отнесено к более раннему времени»; В. Я. Брюсов также считал, что оно могло быть написано и ранее, «даже в начале 20-х годов» (Брюс. С. 342). Во всех изданиях повторялся текст Анн. (в Мор. 1887 (Т. 2. С. 124) и Мор. 1903—06 (Т. 2. С. 152—153) с произвольными редакторскими поправками в ст. 7 («И не поэтам милых дам») и в ст. 15 («А если я кого забуду»); в Ефр. 1903—05 (Т. 2. С. 224) — в ст. 15 («А ежели кого забуду»)).

Текст стихотворения дошел до нас в неисправном виде, на что с очевидностью указывает отсутствие во всех известных копиях (кроме копии Тейм) ст. 10, оставляющее предшествующий стих без рифмы. Гипотетическая реконструкция текста и его передатировка с учетом опубликованной в 1913 г. копии из тетради Каверина (Кав) была предложена в студенческой (1914) работе С. М. Бонди, появившейся в печати в 1922 г. Исследователь обратил внимание на то, что сохранившийся текст близок по своей структуре к онегинской строфе: «Действительно, рифмы „сатиры” — „ключ” — „лиры” — „бич” — составляют первый куплет abab; „холодным” — „голодным”, — „дам” — „эпиграмм” — второй ccdd; „поэты” — „глупцы” — „подлецы” — и недостающая рифма к „поэты” — третий — eff (e); двух заключительных стихов строфы также недостает, таким образом, *пропуск* в стихотворении оказывается в *три стиха*. Далее начинается новая строфа: „буду” — „стыда” — „забуду” — „господа” — abab; „бледных” — „медных” — „принять” — „печать” — ccdd. Итак, в разбираемом стихотворении мы имеем полторы „онегинских строфы” с пропуском трех стихов в конце первой» (Бонди С. М. Три заметки о Пушкине // Пушкинист, IV. С. 48). Таким образом, по мнению С. М. Бонди, перед нами отрывок, который является «фрагментом первоначального замысла романа как сатирического произведения» и должен датироваться промежутком «между 1823 г., когда был начат „Евгений Онегин”, и 1825 г. — когда эти стихи были записаны в Каверинской тетради» (Там же. С. 48—49).

М. А. Цявловский в первых изданиях под своей редакцией печатал стихотворение по тексту Анн. в составе 19 стихов, с исправлением по Кав ст. 7 (с неточностью: «гремучей» вместо: «гремячей»), 9, 11 и 15 и датировал его 1821—июнем 1824 г. (см.: КН. Т. 1. С. 385—386; Т. 2. С. 327; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 522; Т. 2. С. 406; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 541; Т. 2. С. 409). Основания этой датировки остаются не вполне ясными. Копией Кав определяется лишь нижняя граница датировки, но и она должна быть несколько расширена, по крайней мере до апреля 1825 г. Находившийся в Калуге и не поддерживавший прямых контактов с Пушкиным П. П. Каверин имел тем не менее возможность быстро получать новые пушкинские стихотворения: та же помета «1 августа 825», что и под стихотворением «О муза пламенной сатиры...», стоит в его тетради под копией «Элегии на смерть Ан(ны) Льв(овны)», твердо датируемой апрелем 1825 г. (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 1041). В ГИХЛ 1935 и последующих изданиях под редакцией Цявловского, предшествовавших Акад., нашла отражение гипотеза Бонди: стихотворение печаталось с редакторским примечанием к стиху «А вы, ребята подлецы» о том, что далее, по-видимому, недостает трех стихов, и с указанием, что оно написано онегинской строфой (см.: ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 421; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 446—447; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 113—114, 469; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 368, 727). При этом сохранялась

его датировка 1821—июнем 1824 г., противоречащая предлагавшейся реконструкции текста.

Создавшееся противоречие было устранено в Акад. (Т. 2. С. 1178), где стихотворение датировано маем 1823—первой половиной 1825 г. Здесь же (Т. 2. С. 458) М. А. Цявловский впервые ввел в текст стих «Мир вам, журнальные клеветры», известный единственно по копии Тейм. Неисправность этой копии, к тому же передающей русский текст грузинскими буквами, не мешает признать свидетельство Тейм достаточно авторитетным. Царевич Теймураз Багратиони (1782—1846), шестой сын последнего грузинского царя Георгия XII, после присоединения Грузии к России (1801) бежал в Персию, на стороне которой принимал участие в русско-персидской войне 1804—1813 гг. В 1810 г. он сдался в плен русским и с 1811 г. до самой смерти жил в Петербурге, посвятив себя научным занятиям, по преимуществу связанным с историей Грузии. В 1837 г. он был избран почетным членом Российской Императорской Академии наук, которой завещал свою библиотеку древних рукописей и книг. Об особом внимании Теймураза к творчеству Пушкина свидетельствует его тетрадь, где стихотворение «О муза пламенной сатиры...» соседствует с несколькими переводами произведений Пушкина на грузинский язык, в частности с переводом стихотворения «Ангел», сделанным в 1830 г. (см.: *Дондуа К.* Пушкин в грузинской литературе. С. 202). Трудно предположить, чтобы отсутствующий во всех других известных копиях стих был сочинен самим Теймуразом, который в число «трудных» русских слов, значения которых он пояснял по-грузински, включил содержащееся в этом стихе слово «клеветра».

С восстановлением стиха, рифмующегося со ст. 9, по копии Тейм, реконструкция Бонди не была отвергнута, хотя и потребовала модификации. М. А. Цявловский представил его как те же полторы онегинских строфы, но с пропуском не трех стихов после стиха «А вы, ребята подлецы», а двух в другом месте:

Мир вам, несчастные поэты,
 {
 {
 {
 Мир вам, журнальные клеветры,
 Мир вам смиренные глупцы!
 А вы, ребята подлецы...

В основу самого текста в Акад. положена копия Кав, в ст. 3 и 7 исправленная по Тейм.

Предположение, что стихотворение «О муза пламенной сатиры...» изначально возникло как часть «онегинского текста», имело своих сторонников (см.: Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 151; *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 355—356). Однако реконструкцию текста стихотворения на основе онегинской строфы следует признать малообоснованной гипотезой. Свободное чередование перекрестных, охватных и смежных рифм в астрофических четырехстопных ямбах обычно для Пушкина, из этой практики и возникла в качестве одного из ее вариантов онегинская строфа (см.: *Томашевский.* Строфика П. С. 112—114). Решение, принятое в Акад. и других указанных выше изданиях, не может быть признано удовлетворительным, поскольку оно либо предполагает, что пять стихов подряд начинаются словами «Мир вам», либо разрушает анафорическую форму. Последовательный отказ от реконструкции

демонстрируют издания под редакцией Б. В. Томашевского. В однотомнике 1930-х гг. текст печатался по Анн. (см.: *Пушкин А.* Соч. Л., 1935. С. 462; и переизд.). В позднейших изданиях под редакцией Б. В. Томашевского (*Пушкин 1955.* Т. 3. С. 725; Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 363; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 359) стихотворение печаталось по тексту Акад. в составе 20 стихов, но без обозначения пропусков (во всех изданиях в отделе стихотворений неизвестных годов без уточнения верхней границы датировки). Тот же текст у Т. Г. Цявловской, отказавшейся от реконструкции, хотя и сохранившей в Госл. в 10 т. датировку стихотворения 1823—1825 гг. по связи с «Онегиным» (см.: Госл. в 10 т. Т. 2. С. 122, 683; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 240; ср. предположение Т. Г. Цявловской, что Пушкин сам разрушил строфу, вычеркнув два стиха при отделении текста от «Онегина»: Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 154). Настоящее издание следует решению Б. В. Томашевского и Т. Г. Цявловской. При этом остаются определенные сомнения как в аутентичности стиха «Мир вам, журнальные клеветы», дошедшего в единственной копии, так и в полноте и исправности сохранившегося текста в целом.

По мнению Т. Г. Цявловской, отказ от преследования литературных врагов лексически оформлен с ориентацией на некоторые эпизоды литературного быта и полемики, актуальные для Пушкина в 1824 г. Прежде всего, это бурная полемика, начавшаяся в апреле 1824 г. после публикации предисловия П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» («Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»; выход в свет 10 марта 1824, см.: П. в печати. С. 23—24). Предисловие, в котором Издатель поэмы, т. е. Вяземский, отстаивал перед Классиком преимущества романтической поэзии, завершалось словами Издателя: «...пускай обвинители мои примут на себя труд перечитать все, что в некоторых из журналов наших было сказано и пересказано на счет романтических опытов — и вообще на счет нового поколения поэзии нашей: если из всего того выключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своим журнальным клеветам» (*Пушкин А.* Бахчисарайский фонтан. М., 1824. С. XIX—XX; П. в критике, I. С. 155; ср. у Пушкина: «Мир вам, журнальные клеветы»). Кроме того, «Разговор...» содержал и выпад в сторону «холодных, рабских последователей» — «стада подражателей» классическим поэтам (см.: Там же. С. 153; ср. у Пушкина: «Не подражателям холодным»). Возражая Вяземскому, М. А. Дмитриев опубликовал в «Вестнике Европы» «Второй разговор между Классиком и Издателем „Бахчисарайского фонтана“» (ВЕ. 1824. № 5. С. 47—62 (выход в свет 27 марта); П. в критике, I. С. 156—161), на который Пушкин вынужден был ответить (см.: Письмо к издателю «Сына отчества» // СО. 1824. Ч. 93. № 18. С. 181—182; П. в критике, I. С. 161). В том же номере «Вестника Европы» в разделе «Особая переписка» (С. 76—78) было напечатано письмо в редакцию за подписью: «Бывший журнальный клевет», направленное против Вяземского и спровоцированное главным образом его отзывом о поэтах «Вестника Европы». Автором письма был, вероятно, тот же М. А. Дмитриев, печатавший свои стихи в этом журнале. Вяземский на новые выпады ответил эпиграммой «Клевет журнальный, аноним...» (см. об этом: П. в критике, I. С. 406—407, примеч. С. В. Денисенко при участии Е. О. Ларионовой). В ходе дальнейшей полемики Вяземский вновь неоднократно упоминал «журнальных клеветов» («В оном „Разговоре“ задраны слегка журнальные клеветы и некоторые прозаические поэты» —

Вяземский П. А. Разбор «Второго разговора», напечатанного в № 5 «Вестника Европы» // ДЖ. 1824. Ч. 6. № 8. С. 63; П. в критике, I. С. 169; «Этого не довольно: словесные меньшие братья меньших братьев письменных, клеветы журнальных клеветов говорят...» — Вяземский П. А. Разбор «Второго разговора»... С. 64; П. в критике, I. С. 170; и т. д.). Подробно об этой полемике и связи ее с комментируемым стихотворением см.: Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 152—160 (см. также: Березкина 2010. С. 59—62; о «журнальных клеветках» как об основных адресатах пушкинской сатиры и об ее связи с эпиграммой «Прятелям» (1825) см.: Китанина Т. А. О клеветках, подлечах и прочей сволочи: К истории и реконструкции одного пушкинского стихотворения // Человек пишущий | Человек читающий: К 60-летию проф. М. В. Строганова. Тверь, 2012. С. 37—41). С точки зрения Т. Г. Цявловской, выражение «журнальные клеветы» перешло в стихотворение Пушкина из полемики вокруг статьи Вяземского, сделавшей его злободневным, и могло появиться соответственно не ранее мая—июня 1824 г. Это предположение очень вероятно.

Согласно гипотезе Е. С. Шальмана, поддержанной Т. Г. Цявловской (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 513), слова о «переводчиках голодных» относятся к истории, связанной с контрафактным изданием «Кавказского пленника», предпринятым Е. И. Ольдекопом, который наряду с немецким переводом А. Е. Вульфберга поместил и оригинальный пушкинский текст. Исходя из этой гипотезы, исследователи устанавливали верхнюю границу датировки стихотворения по времени выхода в свет контрафактной книжки (5 июня 1824 г.), смещая нижнюю на октябрь того же года. Между тем если оставаться в рамках данной гипотезы, то в предлагаемую датировку необходимо ввести некоторые коррективы. Действительно, Пушкин возмущался посягательством на свои авторские права и в течение июня—октября 1824 г. внимательно следил за безуспешными попытками своих друзей запретить продажу контрафакта (см.: Летопись 1999. Т. 1, по указ.). Однако к ноябрю стало ясно, что ни остановить продажи, ни получить компенсацию, скорее всего, не удастся (см. письмо П. А. Вяземского к Пушкину от 6 ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 117; ср. также мнение А. И. Тургенева в письме к Вяземскому от 1 ноября: «Ольдекоп сам нищий. Что с него взять?» — ОА. Т. 3. С. 90), и Пушкин, видимо, счел за лучшее заявить о потере интереса к дальнейшим хлопотам: 29 ноября он писал Вяземскому: «Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! плюнем на него и квит» (Акад. Т. 13. С. 124). В связи с этим можно допустить, что презрительное упоминание «переводчиков голодных» по времени должно примерно совпадать с оформлением новой, примирительной позиции в деле с Ольдекопом.

Строгая риторическая структура стихотворения подчинена главной задаче — эксплицитно авторский пафос и обозначить объект сатирического высказывания. Пушкин явным образом опирается на актуальную для своего времени (преимущественно классицистическую) теорию сатиры и соотношенную с ней поэтическую фразеологию (примеры таких корреляций см. в построчных примеч.). Ссылкой на Ювенала (Decimus Junius Juvenalis, ок. 60—ок. 127) в эксординуме (ст. 1—4), оформленном как обращение к музе, определяется ориентация на «важную», патетическую сатиру, с ее пафосом негодования, направленного на моральные пороки, которые присущи данному обществу в целом или конкретным его представителям. Основной текст, посвященный перечислению и выбору предметов для сатиры (*propositio*), разделяется на две части: в первой оговариваются предметы, которыми автор по тем или

иным причинам отказывается уделять внимание; во второй указываются предметы, заслуживающие сатирической кары. Исключаемые из рассмотрения объекты сатиры, перечисленные в двух дополняющих друг друга анафорических триадах, — это дурные литераторы (при этом за общими характеристиками угадываются участники текущих литературных полемик). Отказ автора от их критики соответствует принятой систематике сатирического. Обсуждение литературных проблем и литераторов не относится к сфере ответственности «важной» сатиры, к «отцу» которой, Ювеналу, апеллирует Пушкин: литературные грехи, как и другие общественные и моральные странности и заблуждения, должно не бичевать, а осмеивать, насмешка же — пафос «забавной» (горацианской) сатиры, эпиграммы и комедии.

Сравнительные достоинства Ювенала и Горация, сатиры важной и сатиры забавной, — постоянная тема эстетических споров XVIII и начала XIX в. Большинство теоретиков и историков словесности этого периода выказывают предпочтение Горацию, полагая, что не только моральные отклонения, но и нравственные пороки исправляются насмешкой, а не прямой и грубой инвективой (см., например: *Batteux Ch. Principes de la littérature. Nouv. éd. Avignon, 1809. Т. 3. Р. 322—324; La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, an VII [1799]. Т. 2. Р. 131—172; также в русской критической традиции, зависимой от французской: Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира // Жуковский. ПСС. Т. 12. С. 221—223 (впервые: ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3; Ч. 50. № 5, 6; вошло в изд.: Жуковский В. А. Соч. М., 1818. Ч. 4: Опыты в прозе); Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 3. С. 136—137; ср. также конспект лекций П. Е. Георгиевского «О комическом»: Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. № 1. С. 205—206; о восприятии Пушкиным двух видов сатиры см.: Степанов Л. А. Пушкин, Гораций, Ювенал // ПИМ. Т. 8. С. 74—87). Пушкину, однако, должна была быть известна позиция Ж.-Ф. Мармонтеля, в энциклопедической статье о сатире (1776) восхвалявшего Ювенала и выступавшего с резкой критикой Буало, который в период тяжелого кризиса общественной морали и торжества порока посвящал свои сатиры литературным спорам и преследованию ничтожных литераторов (см.: *Marmontel J.-F. Œuvres complètes. Nouv. éd. Т. 15: Éléments de littérature. Paris, 1819. Р. 142—143 (Библиотека П. № 1136)*). Ср. иронический отзыв о Буало в черновых строфах «Домика в Колонне»: «Гроза несчастных мелких рифмачей» (Акад. Т. 5. С. 377). Именно концепции Мармонтеля следовал, в частности, П. А. Плетнев в своем послании к П. А. Вяземскому (1822). Называя Вяземского «наш Буало», Плетнев призывает его оставить в покое дурных писателей («несчастных слепцов, отверженных Фебом», «безобидных вралей») и бороться оружием сатиры с настоящими пороками:*

Где Ювеналов бич и мщенье витийства?
 Вооружися им! Злодейства не щади,
 Когда уже оно с открытой головою!
 <.....>
 Зачем тебе молчать, наследник Ювенала?
 Вступись в свои права и заклеими порок!

(Поэты 1820—1830-х гг.
 Т. 1. С. 334—335)

Пушкин, скорее всего, был знаком с неопубликованным к тому времени посланием (ср. кроме концептуальных переключек чисто лексические, формульные схождения в

пушкинском тексте: «музы пламенной», «Ювеналов бич»), которое, как и широко известное эссе Мармонтеля, было учтено им в качестве отправного пункта собственной концепции сатиры. Однако в последней части стихотворение «О муза пламенной сатиры...» резко отклоняется от, условно говоря, «мармонтелевской» линии. Отстаивая преимущество Ювенала и «важной» сатиры (в ее моральной или политической ипостаси), Мармонтель делал существенную уступку своим горацианским оппонентам: во-первых, язык сатиры, по его мнению, может быть энергичным, сильным, язвительным, но не грубым или площадным, а во-вторых, предметом сатиры не должны быть конкретные, пусть даже порочные, личности. Пушкин, напротив, намеренно вводит в эту часть своего текста грубое просторечие («ребята подлецы», «сволочь») и дает понять, что предметом его будущей сатиры станут именно лица: здесь показательно, в частности, и прямое обращение («Прошу напомнить, господа»), подразумевающее личное знакомство с адресатом. Можно предположить, что мотивы казни, акцентированные в стихотворении («бич», «мучение», «казнь», «неизгладимая печать» на лбы, т. е. клеймение железом), являются скрытой полемикой с Мармонтеlem, который писал в статье о сатире: «En supposant même que la satire personnelle soit utile et juste, le métier en est odieux, et le satirique fait alors la fonction d'exécuteur: un voleur mérite d'être flétri; mais la main qui lui applique le fer brûlant, se rend infâme» (Даже если предположить, что персональная сатира является полезной и справедливой, само ремесло это одиозно, и такой сатирик выполняет функции палача: вор заслуживает клейма, но рука, которая прикладывает раскаленное железо, становится опозоренной — *фр.*) (*Marmontel J.-F. Œuvres complètes*. Т. 15. P. 272).

Дальнейшее развертывание дидактического текста (*paratio*) обычно предполагало серию сатирических портретов с сопутствующим обсуждением соответствующих пороков, а также какую-либо форму конечного вывода (*conclusio*). Однако дидактический нарратив в данном случае не получает развития.

По позднейшему свидетельству С. А. Соболевского (см. выше, с. 897), Пушкин планировал поместить стихотворение «О муза пламенной сатиры...» в качестве вводного к собранию эпиграмм. Отталкиваясь от этого сообщения и полагая, что такой сборник должен содержать исключительно политические эпиграммы, Т. Г. Цвяловская предприняла попытку реконструировать его состав (см.: Цвяловская. «Муза пламенной сатиры». С. 173—198). Однако намерение подготовить собрание эпиграмм не нашло отражения ни в бумагах, ни в переписке поэта, а произвольное включение в состав реконструируемого сборника практически всех пушкинских неподцензурных эпиграмм начала и середины 1820-х гг. (в том числе и дубиальных) делает предложенную Цвяловской реконструкцию не слишком убедительной (см.: *Вацууро В. Э. Пушкиниана в периодике и сборниках статей : (1961—1962) // Врем. ПК 1962*. С. 71).

Неоднократно отмечалось, что стихотворение «О муза пламенной сатиры...» создавалось ссыльным поэтом под влиянием несправедливых преследований и тягостных жизненных обстоятельств. Биографические мотивации в данном случае отчасти поддерживаются той психологической моделью, которая стандартно воспроизводилась в сочинениях по теории и истории сатиры — например: «...кому нужна подпора посреди несчастий житейских, кто, будучи оскорбляем пороками, желает облегчить свою душу излитием таящегося во глубине ее негодования, тот разверни Ювенала, и он найдет в нем обильную для себя пищу» (*Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира*. С. 223). Характеристика Жуковского опиралась на пассаж из мно-

гократно переизданного очерка Ш. Баттё о Ювенале (1748), вероятно, также известного Пушкину: «(Juvénal) obtint à la fin un emploi militaire, qui, sous apparence de grâce, l'exila au fond de l'Égypte. Ce fut là qu'il eut le tems de s'ennuyer, et de déclamer contre les torts de la fortune, et contre l'abus que les grands faisoient de leur puissance» (*Batteux Ch. Principes de la littérature*. Т. 3. Р. 289; ср. в пересказе Н. Ф. Остолопова: «Злобная склонность его (Ювенала. — Ред.) увеличилась еще более с того времени, как изгнали его, под видом назначения должности, в самую средину Египта: там он предался совершенно страсти своей к сатире, и самая любовь его к истине возросла до чрезмерности» (*Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии*. Ч. 3. С. 134)). Проекция биографии ссыльного римского сатирика на свою собственную судьбу действительно могла помочь Пушкину в выборе творческого задания. Показательно, что много позднее, в письме к А. Х. Бенкендорфу от февраля—марта 1837 г., Жуковский характеризовал политически острые сочинения молодого Пушкина в тех же категориях: «...они все относятся ко времени до 1826 года; это просто грехи молодости, сначала необузданной, потом раздраженной заслуженным несчастьем» (*Жуковский В. А. Собр. соч.*: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 623).

Ст. 1 и след. *О муза пламенной сатиры...* — В пушкинском случае отказ от «гремящей лиры» знаменует отказ от лирической, т. е. одической поэзии, призванной воспевать богов, героев и царей, в пользу поэзии сатирической (о значении термина *лира* и распределении сопутствующих эпитетов в русской поэзии XVIII—начале XIX в. см.: *Клейн И. Пути культурного импорта // Труды по русской литературе XVIII века*. М., 2005. С. 224—229). Ср. у Пушкина в обличительной оде «Вольность», где поэт отвергает «изнеженную» (любвную) лиру: «Хочу воспеть Свободу миру, / На тронах поразить порок» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 12). Эпитет *пламенный* (и его синонимы) применительно к сатире и особенно к Ювеналу были широко распространены как в поэзии, так и в эстетических сочинениях: с пафосом негодования была тесно связана идея пыла, жара (*chaleur*), а Ювенал олицетворял собой именно «важную», патетическую сатиру (см.: *Gunny A. Pour une théorie de la satire au 18ème siècle // Dix-huitième siècle : Revue annuelle*. 1978. № 10. Р. 360). Ср., например, характеристику Ювенала в «Поэтическом искусстве» Буало: «*Ses écrits pleins de feu partout brillent aux yeux*» (Его пламенные писания везде ослепляют взор — фр.) (*Boileau-Despréaux N. Œuvres / Avec les comment., rev., corr. et augm., par [E. L. N.] Viollet-le-Duc*. Paris, 1823. Р. 176 (Библиотека П. № 661)); в переводе Д. И. Хвостова: «Везде в стихах блестит сей пламенный писатель» (*Боало Н. Наука о стихотворстве*. 3-е изд. СПб., 1818. С. 116). Русские поэты и критики полностью восприняли эту метафорику: «Ювенал имел пламенную, исполненную любви к добродетели душу (...). Сатиры его можно наименовать мщеніем пламенной души (...). Ювенал производит в душе отвращение к пороку и, переливая в нее то пламя, которым собственная его душа наполнена, дает ей и большую твердость и большую силу» (*Жуковский ПСС*. Т. 12. С. 222—223); сопоставление со стихотворением Пушкина см.: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»*. М., 2008. С. 46). Ср. также строки самого Пушкина: «Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом, / В сатире праведной порок изображу» («К Лицинию», 1815/1825 — наст. изд., т. 1, с. 104). Особенного внимания заслуживает концентрация «огненной» метафорики в обличительной оде П. А. Вяземского «Негодование» (1820), известной Пушкину в рукописи:

Я правде посвятил свой пламенный восторг;
 Не раз из непреклонной лиры
 Он голос мужества исторг.
 Мой Аполлон — негодование!
 При пламени его с свободных уст моих
 Падет бесчестное молчанье
 И загорится смелый стих.
 Негодование! Огонь животворящий!

(Вяземский 1986. С. 144)

Ст. 4. *Вручи мне Ювеналов бич!* — Эта метафора патетической сатиры восходит к французскому выражению «le fouet de Juvénal», которое получило распространение в последние десятилетия XVIII в. (ранее, без обязательного соотношения с именем Ювенала, — «le fouet de la satire»). Значимыми русскими прецедентами для Пушкина могли быть словоупотребления в статье Жуковского «О сатире и сатирах Кантемира»: «Ювенал имеет характер совсем противоположный Горациеву: он бич порочных и порока» (Жуковский. ПСС. Т. 12. С. 222), в стихотворении В. К. Кюхельбекера «Поэты»: «В руке суровой Ювенала / Злодеям грозный бич свистит» (Соревн. 1820. Ч. 10. № 4. С. 76; Кюхельбекер. Т. 1. С. 131), а также приведенная выше формула Плетнева. В более широком значении, как атрибут сатиры вообще, слово «бич» Пушкин употреблял в 1820-е гг. неоднократно (ср.: «Куда не достягает меч законов, туда достягает бич сатиры» (письмо к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г.), «Твой бич настигнул их, казнил / Сих палачей самодержавных; / Твой стих свистал по их главам...» («Андрей Шенье», 1825 — наст. т., с. 57) — Акад. Т. 13. С. 43).

Ст. 12 — 13. *А вы, ребята подлецы, Вперед!* — Здесь иронически использована распространенная армейская формула призыва к атаке, хотя в данном контексте ее уместнее толковать как приказ выйти из строя. Интересно, что, по мнению современников, эти «воинственные стихи пахли именно солдатом» и могли быть произнесены фельдфебелем на гарнизонных учениях (*Павлицев Л. Н. Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине // Фамильные бумаги Пушкиных — Ганнибалов: Семейные предания Пушкиных.* СПб., 2003. С. 118; отзыв приписан сестре поэта ее сыном-мемуаристом).

Обобщающая, категориальная характеристика *подлецы*, возможно, связывает пушкинское стихотворение с одним из самых резонансных обличительных текстов начала XIX в. — сатирой К. Ф. Рылеева «К временщику (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)»:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
 Монарха хитрый льстец и друг неблагоприятный,
 Неистовый тиран родной страны своей,
 Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
 Ты на меня взирать с презрением дерзашь
 И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
 Твоим вниманием не дорожу, подлец;
 Из уст твоих хула — достойных хвал венец!

(НЗ. 1820. Ч. 4. № 10. С. 26;
 Рылеев 1971. С. 57)

Стихотворение Рылеева (которое в свою очередь опиралось на одноименную сатиру М. В. Милонова (1810) и в более дальней перспективе, на VIII сатиру Ювенала) быстро приобрело известность в основном благодаря легко угадываемой личности адресата — А. А. Аракчеева. Объект обличений Рылеева — временщик, человек, раболепием и коварством достигший высоких степеней власти и теперь требующий от нижестоящих безусловного подчинения и угодничества. Именно низкий человек, принуждающий к низости других, и заслуживает, по мнению Рылеева, названия *подлеца*, которому противостоит истинно благородный гражданин или независимый поэт (ср. с более простыми и распространенными значениями: «человек социально низкого происхождения»; переносное: «совершающий низкие поступки»; «угодливый, низкий льстец»). Такое понимание инвективного термина «подлец» актуализируется для Пушкина к середине 1824 г. на фоне конфликта с М. С. Воронцовым. Характеризуя свои отношения с бывшим начальником в письме к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г., Пушкин писал: «...он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением (...). Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» (Акад. Т. 13. С. 102—103). Пушкин, пусть и пристрастно, но отчетливо, рисует здесь черты рылеевского временщика: низость при дворе («придворный хам») и «непристойное неуважение» к подчиненным; симптоматично, что месяцем раньше Пушкин назвал Воронцова «графом Сеяном», т. е. временщиком (Там же. С. 98). См. также в эпиграмме на Воронцова 1824 г.: «Полу-подлец, но есть надежда, / Что будет полным наконец» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 100); в стихотворении «Сказали раз царю, что наконец...», также имеющем в виду Воронцова: «Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить / И в подлости осанку благородства» (наст. т., с. 41). «Мы не хотим быть покровительствуемы равными, — писал Пушкин А. А. Бестужеву в конце мая—начале июня 1825 г. — Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!» (Акад. Т. 13. С. 179). Ср. также ответную реплику К. Ф. Рылеева: «Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для Поэта Пушкина ничему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца, не умеющего ценить твоего таланта» (письмо к Пушкину около 20 ноября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 241).

Ст. 17. *О, сколько лиц бесстыдно-бледных...* — Возможно, эпитет *бледные* пришел из характеристики римских сенаторов, караемых Ювеналовой сатирой в «Поэтическом искусстве» Буало: «...il fasse au conseil courir les sénateurs, / D'un tyran soupçonneux pâles adulateurs» («...он гонит в совет сенаторов, / Бледных льстецов подозрительного тирана — фр.») (*Boileau-Despréaux N. Œuvres. P. 176*). Исходный эпитет у самого Ювенала — *pallor* (бледный, белесый) — можно по контексту понимать как «бледный от страха» (ср. *Juv. IV, 72—75*). Однако у Буало этот оттенок уже не ощущается, и для Пушкина, скорее всего, более актуальным было прямое значение словосочетания *бледные льстецы*. Выражение *бесстыдный льстец* встречается в сочинениях Д. И. Фонвизина, И. С. Баркова, Г. Р. Державина (соответствующие французские словосочетания *flatteur effronté* или *flatteur impudent* также были широкоупотребительны). Ср. также характерное для французской традиции использование эпитета *бледный* применительно к «разврату», например, в известной сатире Н.-Ж.-Л. Жильбера (*Gilbert; 1751—178*) «Восемнадцатый век» (1775): «*La Débauche, au teint pâle, aux regards effrontés, / Enflamme tous les cœurs, vers le cri-*

me emportés» ⟨Разврат с бледным лицом и бесстыдными взглядами / Воспламеняет все сердца, склонные к преступлению — фр.⟩ (*Gilbert N.-J.-L. Œuvres complètes. Paris, 1797. P. 8*). Отдельно стоит отметить значение *бледности* в тексте французского перевода Библии, связанное с определением лицемеров. См., в частности, в переводе Л. И. Леметра де Саси и П. Тома дю Фоссе, изданном в 1817 г. русским Библейским обществом (был в библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 604): «Lorsque vous jeûnez, ne soyez point tristes comme les hypocrites: car ils affectent de paroître avec un visage défiguré, afin que les hommes connoissent qu'ils jeûnent» ⟨«Когда вы поститесь, не будьте так же унылы, как лицемеры, ибо они являются с лицами бледными и искаженными, чтобы перед людьми казаться постящимися — фр.⟩ (Matt. 6: 16; в церковнославянской Библии вместо искаженных и бледных лиц появляются мрачные: «помрачают бо лица своя»). Цитаты с соответствующей характеристикой лицемерия широко использовались как в духовной, так и в светской французской литературе.

Конструируя свою формулу, Пушкин мог ориентироваться на строки о П. И. Шаликове из сатиры К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809): «Из этих лиц уныло-бледных / Один, причесанный в тупей, / Поэт присяжный, князь вралей, / На суд явил творенья новы» (Батюшков. Соч. 1934. С. 177, 538).

Ст. 18. *О, сколько лбов широко-медных...* — Выражение «медный лоб (чело, лицо)» («front d'airain») имеет библейское происхождение (см. обличение народа Израилева в Книге пророка Исаяи (48: 4): «Вем, яко жесток еси, и жила железа вия твоя, и чело твое медяно» (ср. в петербургском издании французской Библии 1817 г., доступном Пушкину в Михайловском: «Car je savois que vous êtes dur, que votre cou est comme une barre de fer, et que vous avez un front d'airain»)). Словарное значение — «бесстыдный, наглый, до крайности упрямый человек», «impudent au dernier point» (см., например: Dictionnaire complet François et Russe. SPb., 1786. Vol. 1. P. 535) контекстуально может означать «бесстыдный лстец» или «бесстыдный лжец»: «...другой, кому боги благосклонны / Дали медное лицо, дабы все законны / Стыда чувства презирать, не рдьясь, не бледнея, / У всяких стучит дверей, пред всяким и шея / И спина гнется ему...» (Кантемир А. Д. Сатира VIII. На бесстыдную нахальчивость // Кантемир А. Д. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 175 (Б-ка поэта; Большая сер.)); «Павлушка *медный лоб* (приличное прозвание!) / Имел ко лжи большое дарованье. ⟨...⟩ / Прямой ты *медный лоб!* Ни крошки нет стыда!» (Измайлов А. Е. Лгун. Сказка // ПЗ 1824. С. 192, 194).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

(«Воспитанный под барабаном...»)

(С. 102 и 323)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Анны Николаевны Вульф (ПД, ф. 244, оп. 4, № 73) (АВ) — под заглавием: «Послужной список», со словом «царь» в ст. 2, написанием «Остерлицем» в ст. 3 и рифмующим «дремал» в ст. 4, без знаков препинания. После текста рукой А. Н. Вульф начата в две строки запись: «Пос⟨лужной список⟩⟨?⟩ сей⟨?⟩». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 982 (в виде разночтений; публ. М. А. Цявловского); в пуб-

ликация допущена ошибка в ст. 2, который приведен с криптонимом «Z***» вместо слова «царь». На ошибку указано: *Саломон Л. С.* Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...»: (По поводу эпиграммы «На Александра I» и послания «Ты и я») // *Звезда*. 1998. № 2. С. 208. Сведения об истории копии, в 1902 г. поступившей от племянницы А. Н. Вульф С. Б. Вревской в собрание Б. Л. Модзалевского, а затем, после смерти его сына Л. Б. Модзалевского в 1948 г., переданной в Пушкинский Дом, см.: *Вацуро В. Э.* Продолжение спора : (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // *Вацуро В. Э.* Избр. труды. М., 2004. С. 739—741.

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием «Эпиграмма» (более поздняя запись поверх текста стихотворения «Измены»). Вероятный источник копии — публикация М. И. Семевского в «Русском вестнике» (см. ниже), с которой совпадает запись ст. 2—4.

Копия, по которой М. И. Семевским была осуществлена публикация стихотворения (*Семевский М. И.* К биографии Пушкина : Выдержки из записной книжки // *РВ*. 1869. № 11. С. 71 — без заглавия, с заменой по цензурным условиям в ст. 2 слова «царь» криптонимом «Z***», написанием «Аустерлицем» в ст. 3 и рифмующим «дремал» в ст. 4), вероятно, утрачена. По сообщению Семевского, источником публикации послужила запись эпиграммы в одном из альбомов, хранившихся в Тригорском. «А. Н. Вульф из уст Пушкина слышал эту меткую и злую эпиграмму на одного из русских деятелей первой четверти текущего столетия» (Там же). Не исключено, однако, что источником публикации послужила копия АВ.

Впервые: *РВ*. 1869. № 11. С. 71 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: *Генн*. 1869—71. Т. 1.

Печатается по копии АВ, написание «Австерлиц» в ст. 3 и рифмующее «дрожал» в ст. 4 — в соответствии с конъектурами, предложенными в *Ефр*. 1880 (см. ниже); пунктуация — в соответствии с публикациями *РВ* и *Ефр*. 1880. Написание «Остерлиц», представленное в копии АВ, встречается в дневниковой записи Пушкина от 22 июля 1834 г. («Под Остерлицом он искрошил кавалергардов» — *Акад.* Т. 12. С. 331), но более употребительным у Пушкина было написание «Австерлиц» (см.: *Акад.* Т. 17 (Справочный). С. 97).

Датируется предположительно второй половиной августа 1824 г.—ноябрем 1825 г. Обосновывая такую датировку, Вацуро особо отмечал факт малой распространенности эпиграммы: она «была написана тогда, когда среда ее распространения сузилась до предела, до семьи Осиповых—Вульф — иначе говоря, никак не в 1823-м, а не ранее середины августа 1824 г., когда Пушкин прибыл в Михайловское (...). После 19 ноября 1825 г. — времени смерти Александра I — она уже теряла смысл» (Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 145—146). Первые слухи о смерти императора дошли до Михайловского 30 ноября—1 декабря 1825 г. (см.: *Летопись* 1999. Т. 2. С. 100, 455).

Ср. другие датировки эпиграммы: 1826 г. (впервые: *Генн*. 1869—71. Т. 1. С. 340); 1824 г. (впервые: *Ефр*. 1880. Т. 1. С. 574, с полемическим замечанием, что Г. Н. Геннади в своих изданиях «не совсем точно» датировал стихи 1825 (*sic!*) г., поскольку герой эпиграммы «в этом году уже умер»; датировка «1824» сопровождала эпиграмму во всех последующих изданиях Пушкина вплоть до *Акад.*; предположительно 1823—первая половина 1825 г. (*Акад.* Т. 2. С. 1178, примеч. М. А. Цявловского; *Летопись*. С. 427); февраль—май 1825 г. (Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 193—195; исследовательница считала, что в эпиграмме дан отклик на петербургскую конференцию союзных держав 1824—1825 гг. — подроб-

нее см. ниже; к 1825 г. Цявловская отнесла эпиграмму в Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 687) и Худ. лит. в 10 т. (Т. 2. С. 557) (то же: Летопись 1991. С. 510; Летопись 1999. Т. 2. С. 29, 451)). Б. В. Томашевский помещал эпиграмму в отделе стихотворений 1820—1826 гг. (см.: Акад. в 10 т.(2). Т. 2. С. 360, без уточнения даты в примечании) и в отделе произведений «неизвестных годов» (см.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 723, с уточнением в примечании: «Написано, вероятно, в начале 20-х гг.» (Там же. С. 875)).

В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 503) текст был напечатан по РВ под редакторским заглавием: «Эпиграмма на Э**», с конъектурами в ст. 3 и 4: «Австерлицем» в ст. 3 и рифмующим «дрожал» в ст. 4; в ст. 2 криптоним: «Z***» заменен на: «Э**» (криптоним: «Z**» восстановлен в Ефр. 1887. Т. 1. С. 375). Конъектурные решения Ефремова были приняты практически всеми последующими собраниями сочинений Пушкина, за исключением Венг. (Т. 2. С. 258), где текст Ефр. 1880 отвергнут и эпиграмма напечатана по публикации РВ без критической ее оценки.

В Акад. текст эпиграммы был напечатан по РВ с редакционным заглавием «(На Александра I)» и конъектурами, предложенными в Ефр. 1880, в ст. 2 и 4, хотя обращение к копии Анны Вульф (АВ), указанной М. А. Цявловским во втором полутоме 2-го тома (см.: Акад. Т. 2. С. 1178), делало конъектуру «царь» в ст. 2 излишней. Противоречивость решения Акад. в отношении текста эпиграммы обратила на себя внимание Л. С. Салямона, который попытался также опротестовать чтение «дрожал», введенное Ефремовым в ст. 4 без ссылки на источник (см.: Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 207—208). Вслед за ним вопрос о тексте стихотворения Пушкина был проанализирован В. Э. Вацуро. Он объяснил несогласованность решений, принятых в первом и втором полутомах 2-го тома, тем, что в 1947 г., когда выходил первый полутом, копия АВ еще находилась в архиве Л. Б. Модзалевского и не была востребована, «ибо самый текст эпиграммы был к этому времени хорошо известен по публикации Семевского», а ко времени выхода второго полутома (1949) эта копия уже была передана после смерти ее последнего владельца (1948) в Пушкинский Дом. По поводу решения М. А. Цявловского принять в Акад. чтение «дрожал» В. Э. Вацуро писал: «Изучивший сотни копий пушкинских стихов, Цявловский прекрасно знал их типовые ошибки. Одна из наиболее характерных — смешение графически близких написаний {...}. С другой стороны, в стихах Пушкина приблизительная рифма „бежал — дремал” очень маловероятна» (Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 743). Исследователь пришел к выводу, что «эпиграмма должна называться „Послужной список” и печататься по списку А. Н. Вульф (с конъектурой Ефремова (т. е. со словом «дрожал» в ст. 4. — *Ред.*))» (Там же. С. 741). В той же статье (С. 736—741) опровергнуты доводы Салямона, пытавшегося оспорить принадлежность эпиграммы Пушкину (см.: Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 204—209).

Тематика эпиграммы, направленной на Александра I (1777—1825), была предвосхищена рядом более ранних произведений Пушкина: в «ноэле» «Сказки» («Ура! в Россию скачет...») (1818) он осмелел дипломатическую деятельность императора (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 32), в эпиграмме «(На Стурдзу)» («Холоп вечанного солдата...») (1819) — фрунтоманию царя (см. там же, с. 39). В лицейской эпиграмме «Двум А(лександрам) П(авловичам)» (1813—1816), предположительно принадлежащей Пушкину, задеты полководческие претензии императора (см. наст.

изд., т. 1, с. 308). Ср. совершенно иной отзыв об императоре, отправившем Пушкина в ссылку, в стихотворении «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825): «Простим ему неправоe гоненье: / Он взял Париж, он основал Лицей» (наст. т., с. 77). После 1825 г. в творчестве Пушкина продолжали развиваться обе тенденции в изображении Александра I: сатирическая реализовалась в так называемой десятой главе «Евгения Онегина» («Вл(аститель) слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами ц(арство)вал тогда...» — Акад. Т. 6. С. 521), положительная, с выделением сильных сторон царствования Александра, — в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), в письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. и др.

Заглавие. *Послужной список* — Л. С. Салямон писал о заглавии, имеющемся в копии АВ: «Милостию Божией Цари и Императоры Всероссийские не имели „Послужных списков“, необходимых для движения по „Табели о рангах“» (Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 208). Ирония, прозвучавшая в этом замечании, вызвала ответную реплику В. Э. Вацуро: «...критик не понял самого существа эпиграммы, где царь представлен именно в роли заурядного чиновника, „капитана“, переведшегося в статскую службу, получив при переводе чин коллежского асессора» (Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 742; капитан по «Табели о рангах» — чин девятого класса, коллежский асессор — чин восьмого класса).

Ст. 1. *Воспитанный под барабаном...* — В русской литературе был широко распространен образ Александра как воспитанника Екатерины Великой (см. об этом примеч. к стихотворению «Насильно Зубову мила...») (1824) — наст. т., с. 612—614). Эпиграмма Пушкина напоминала о другой стороне воспитания, которое юный император получил в армии своего отца цесаревича Павла, устроенной по прусскому образцу времен Фридриха II. «Гатчинская армия», численностью доходившая до двух тысяч, была предметом всеобщих насмешек и анекдотов. Весной и осенью в ней проводились маневры, а учения и парады велись с интенсивностью, выходявшей за пределы разумного. Юный Александр и его брат вел. кн. Константин были настолько увлечены службой в «гатчинской армии», что «их сравнивали с детьми, играющими в деревянные солдатики» (Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 95). «Гатчинская армия» по своему личному составу характеризовалась с самой невыгодной стороны. По словам А. Чарторижского, ни один из ее «героев» не оправдал этого имени «в настоящей службе» (Там же). Н. К. Шильдер считал, что именно «гатчинская кордегардия» привила Александру «увлечение фронтом, солдатской выправкой, одним словом, эскердирмейстерство, парадоманию» (Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 93). Эта страсть императора стала предметом сатиры в агитационных песнях К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева (см., например, песню «Царь наш — немец прусский...») (1823) — Поэзия декабристов. Л., 1950. С. 242 (Б-ка поэта; Большая сер.). П. Г. Каховский после декабрьского восстания писал Николаю I о «страсти к фрунту»: «Сие занятие государей наших в глазах всего народа уже сделалось ненавистно. Самые войска чрезмерно тяготятся им и ужасно ропщут» (Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 31). См.: Цейтлин А. Г. Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева // Изв. АН СССР. 1950. Т. 9, вып. 6. С. 425—426.

Ст. 3. *Под Австерлицем он бежал...* — Речь идет о сражении с Наполеоном под Аустерлицем 20 ноября / 2 декабря 1805 г., проигранном союзными русско-австрий-

скими войсками. Часть вины за это лежала на Александре I, который вмешивался во все распоряжения командования. Во время битвы свита потеряла императора; сопровождаемый несколькими всадниками, он бежал с поля боя, потеряв самообладание.

Ст. 4. *В двенадцатом году дрожал...* — По всей видимости, речь идет об отношении Александра I к общему ходу военной кампании 1812 г., от руководства которой он устранился, идя навстречу пожеланиям своих ближайших сподвижников. Отступление русских войск и сдача Москвы привела к падению личного авторитета Александра и реальной угрозе его смещения с престола: «Вас во всеуслышание винят в несчастье империи, — писала ему вел. кн. Екатерина Павловна 6 сентября 1812 г., — в крушении всего и вся, наконец, в том, что вы уронили честь страны и свою собственную» (*Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной.* СПб., 1910. С. 83—84; оригинал по-фр.). Сильнейшее давление на Александра I оказывала партия сторонников мира с Наполеоном, возглавляемая вел. кн. Константином Павловичем и вдовствующей императрицей Марией Федоровной; твердость, с которой император отклонял все предложения о подписании мира, А. К. Дживелегов охарактеризовал как «подвиг, почти сверхъестественный» (*Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон.* М., 1915. С. 207). Пушкинская оценка деятельности Александра I в 1812 г., данная в эпиграмме, стала в советской историографии, по мнению Н. А. Троицкого, общепринятой; полемизируя с ней, исследователь писал о русском императоре: «...может быть, и „дрожал“, но превозмог дрожь и сполна проявил необходимому в его положении твердость» (*Троицкий Н. А. Александр I в 1812 г. // Дом Романовых в истории России.* СПб., 1995. С. 164). Менее вероятно предположение Т. Г. Цвяловской, которая считала, что Пушкин имел в виду конкретную ситуацию — «испут Александра I, когда — после известия о пожаре Москвы — он шел (точнее: ехал по улицам Петербурга. — *Ред.*) в Казанский собор между двух стен грозно молчащего народа» (*Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 557*). Рассказ об этом событии, связанном с молебном в годовщину коронации Александра 15 сентября 1812 г., содержится в воспоминаниях гр. Р. С. Эдлинг (урожд. Стурдза, 1786—1844). По ее словам, вид «несметной и мрачно-молчаливой толпы» внушал ужас, от которого подгибались колени (*РА. 1887. Кн. 1. № 2. С. 218—219*).

Ст. 5. *Зато был фрунтовой профессор!* — Фрунт — парады и военные смотры (а не театр военных действий).

Ст. 7—8. *Теперь коллежский он ассессор По части иностранных дел.* — Изображение Александра как мелкого чиновника «по части иностранных дел» было связано с его неудачами на почве разрешения «восточного кризиса», вызванного последствиями греческой революции 1821 г., на которую турецкие власти ответили массовыми убийствами христианского населения. В середине 1821 г. Россия предъявила Порте ультиматум, требуя прекратить кровопролитие на Балканах, и разорвала дипломатические отношения с Турцией. Однако готовность России предпринять решительные действия против Турции наталкивалась на сопротивление европейских держав, боявшихся усиления российского влияния на Балканах. Александр I, не желая вступать в конфронтацию с входящими в Священный союз монархами, пытался добиться с их стороны поддержки шагов России по урегулированию положения в Греции, однако это ему не удавалось. Продолжительное кровопролитие в Греции привело к росту общественного недовольства в России. Офицерство, начиная с 1821 г., открыто говорило о своей готовности к военному выступлению против Турции. Под воздействием этих настроений актуализировались воспоминания о военных

неудачах Александра, которых не могли простить ему современники; усилия императора по разрешению «восточного кризиса» воспринимались как стремление уйти от решительных действий под прикрытием трусливой дипломатии. Летом 1825 г. Александр I заявил о своем решении действовать самостоятельно, без оглядки на мнения европейских держав. Россия начала подготовку к войне, которая была превращена его смертью и возобновлена Николаем I в 1827 г.

По предположению Т. Г. Цвяловской, данная в эпиграмме уничижительная характеристика дипломатической деятельности Александра I связана с итогами петербургской конференции, созванной для обсуждения «восточного кризиса» уполномоченными представителями союзных держав (см.: Цвяловская. «Муза пламенной сатиры». С. 193—195). Первый цикл переговоров по вопросу о положении на Балканах прошел в Петербурге летом 1824 г., второй — в феврале—апреле 1825 г. Никаких реальных результатов конференция не дала. В русских газетах сообщений о конференции не публиковалось; в письмах к Пушкину их также не содержится. Какие-то сведения о делах в высших сферах власти поэт получил в январе 1825 г. от И. И. Пущина во время его приезда в Михайловское. Не исключено, что он мог рассказать Пушкину и о предпринятых к тому времени бесплодных усилиях царя по урегулированию положения в Греции, интерес к которой среди членов тайных обществ был особенно острым.

О петербургской конференции и «восточном кризисе» см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. 2-я сер. М., 1982. Т. 5 (13). С. 637—639, 652—653, 654—656, 770—771, 773; Международные отношения на Балканах : 1815—1830 гг. М., 1983. С. 167—173; см. также об интересе Пушкина к «восточному вопросу»: Мясоедова Н. Е. Пушкинские замыслы : Опыт реконструкции. СПб., 2002. С. 116—123.

«НЕТ НИ В ЧЕМ ВАМ БЛАГОДАТИ...»

(С. 103 и 323)

Автограф (ПД 1320, л. 2) — белой, под заглавием: «Мадригал», в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от конца ноября—3 декабря 1825 г.; в письме приведены тексты пяти эпиграмм Пушкина в последовательности: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Мадригал». Напечатано: Переписка П. Т. 1. С. 311 (публ. В. И. Саитова).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Урания : Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности / Изд. М. П. Погодиным. М., [1826]. С. 109, под заглавием: «Мадригал». Вошло, с исключением заглавия, в Ст 1829. Ч. 2. С. 169 (отдел стихотворений «разных годов»). Перепечатано: Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола. М., 1830. С. 49, под заглавием: «Мадригал», с подписью: А. Пушкин.

В собрания сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно 1824—1825 (не позднее 3 декабря) гг. Нижняя граница устанавливается по письму Пушкина к Вяземскому (см. выше; датировка письма определяется по почтовому штемпелю). Верхняя граница теоретически может быть отодвинута вплоть до 11 июня 1817 г. — времени выхода Пушкина из Лицея

(стихотворение не вошло в лицейские рукописные сборники), однако наиболее вероятное время создания — 1824—1825 гг., поскольку именно этим временем датируются другие четыре эпиграммы, вместе с которыми стихотворение было послано Вяземскому (см. примеч. к ним — наст. т., с. 658—659, 801, 805 и 915).

Начиная с Анн. стихотворение без всякого обоснования датировали 1822 г. В Акад. (Т. 2. С. 1177, примеч. М. А. Цявловского) оно впервые получило расширительную датировку — июнь (не ранее 11-го) 1817—ноябрь 1825 г. В Акад. в 10 т. (1) и Акад. в 10 т. (2) Б. В. Томашевский поместил его в отдел стихотворений 1820—1826 гг. (фактически это отдел стихотворений неизвестных годов), однако высказывал и иную точку зрения: «Стихотворение датируется, вероятнее всего, 1825 годом, так как в указанном письме (к Вяземскому, от конца ноября—3 декабря 1825 г. — *Ред.*) находится среди эпиграмм этого года» (Пушкин 1955. Т. 3. С. 808). Четыре эпиграммы, посланные Вяземскому, в Ст 1829 действительно помещены в отдел 1825 г., однако «Совет» и «Дружба» могли быть написаны и раньше, во второй половине 1824 г. (см. примеч. к ним — наст. т., с. 915, 658).

Стихотворение было послано Пушкиным Вяземскому в числе других эпиграмм в ответ на его письмо от 16—18 октября 1825 г. с просьбой прислать стихи в альманах М. П. Погодина «Уrania» (подробнее см. примеч. к стихотворению «Дружба» — наст. т., с. 659).

Т. Г. Цявловская, приняв датировку стихотворения 1825 г., предложенную Томашевским (Пушкин 1955. Т. 3), выдвинула гипотезу о его адресации Анне Вульф (впервые: Госл. в 10 т. Т. 2. С. 687 («Может быть, этот „мадригал” имеет в виду Анну Николаевну Вульф и построен на каламбуре: благодать — Анна»); то же: Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 557). Об А. Н. Вульф см. примеч. к стихотворению 1825 г. «Хотя стишки на именины...» (наст. т., с. 651—652), где обыграно значение ее имени («Вас окрестили благодатью» — там же, с. 41), из чего, однако, нельзя заключить, что ей же адресовано и комментируемое стихотворение. Предположение об адресации его А. Н. Вульф см. также: *Старк В. П.* Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите «Невский альманах»)» // *Врем. ПК.* 1978. Л., 1981. С. 122; *Кибальник С. А.* Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода / *Врем. ПК.* Вып. 25. С. 109). Убедительность этой гипотезы ослабляется также и тем, что из круга Осиповых—Вульф не вышло ни одного свидетельства о связи эпиграммы с Анной Вульф. Ср. точку зрения Б. В. Томашевского: «Адресат неизвестен» (Пушкин 1955. Т. 3. С. 808).

СОВЕТ

(«Поверь: когда слепней и комаров...»)

(С. 104 и 323)

Автографы:

1) ПД 1320, л. 1 — белой, в письме к П. А. Вяземскому от конца ноября—начала (не позднее 3-го) декабря 1825 г.; в письме приведены тексты пяти эпиграмм Пушкина в последовательности: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Нет ни в чем вам благодати...» (под заглавием: «Мадригал»). Напечатано: Переписка П. Т. 1. С. 310 (публ. В. И. Саитова).

2) ПД 935, л. 27 об. — набросок переработки начала эпиграммы; записан на последней странице двойного листа, первоначально служившего обложкой белого автографа четвертой главы «Евгения Онегина». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 933 (публ. Д. Д. Благого и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Заглавие вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи, объединяющей заглавия четырех эпиграмм 1824—1825 гг.: «— Совет, движенье, кукушка, дружба —» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178); 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Совет дв(ижение) кук(ушка) др(ужба)», под № 33 (см.: Рукою П. 1997. С. 179, 181).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Уралия : Карманная книжка на 1826 год для любителей и любительей русской словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826]. С. 205. Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 32 (отдел стихотворений 1825 г.), с изменением в ст. 1.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется июнем (не ранее 7-го) 1824—первыми числами декабря (не позднее 3-го) 1825 г. Верхняя граница определяется предположительно по письму Пушкина к Вяземскому от 7 июня 1824 г. с откликом на его эпиграмму «К журнальным близнецам», отсылка к которой содержится в пушкинской эпиграмме (см. ниже), нижняя — по письму Пушкина к Вяземскому с текстом эпиграммы «Совет» (датировка письма определяется по почтовому штемпелю). В Акад. (Т. 2. С. 1158, примеч. Д. Д. Благого и Т. Г. Зенгер (Цявловской)) стихотворение отнесено к 1825 г. в соответствии с указанием в Ст 1829, с локализацией датировки в рамках июля—ноября этого года (впервые такое решение: КН. Т. 2. С. 339). Можно предположить, что датировка была сужена на основании, во-первых, истории издания Ст 1826, куда эпиграмма «Совет» не была включена Пушкиным, а во-вторых, ее лексической переклички с одной из черновых строф четвертой главы «Евгения Онегина». Такая локализация датировки представляется, однако, недостаточно обоснованной. Показательно, что эпиграмма «Дружба», также сообщенная Пушкиным в том же письме к Вяземскому, что и эпиграмма «Совет», датируется концом октября 1824—27 марта 1825 г. (см. примеч. к ней — наст. т., с. 658—659).

Автограф с наброском переработки начала эпиграммы, записанным на белой рукописи четвертой главы «Евгения Онегина», датируется временем после 3 января 1826 г. — даты окончания чернового текста главы, отмеченной в тетради ПД 835, л. 79. Д. Д. Благой и Т. Г. Цявловская предположительно датировали набросок переработки эпиграммы на онегинской рукописи концом апреля—августом 1827 г. (см.: Акад. Т. 2. С. 1158), т. е. временем составления первого из двух списков Пушкина с упоминанием эпиграммы (см. выше); видимо, они связывали возвращение Пушкина к замыслу эпиграммы с началом работы над новым изданием стихотворений.

Историю публикации эпиграммы см. в примеч. к стихотворению «Дружба» — наст. т., с. 659.

По весьма убедительному предположению Б. В. Томашевского, эпиграмма «Совет» обращена к П. А. Вяземскому (см.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 803). Стихотворение содержит прямую отсылку к его эпиграмме 1824 г. «К журнальным близнецам»:

Цып! цып! сердитые малютки!
 Вам злиться, право, не под стать.
 Скажите: стоило ль из шутки
 Вам страшный писк такой поднять?
 Напрасна ваших сил утрата!
 И так со смехом все глядят,
 Как раздраженные цыплята
 Распетушились невпопад.

(Вяземский 1986. С. 165)

(Ср. ст. 4 Вяземского и ст. 4 в эпиграмме Пушкина: «Не возражай на писк и шум нахальный»). Стихотворение «К журнальным близнецам» было написано в период эпиграмматической войны, которая началась с полемики вокруг водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (поставлен в январе 1824 г.) между ее авторами П. А. Вяземским и А. С. Грибоедовым, с одной стороны, и М. А. Дмитриевым и А. И. Писаревым, с другой — и продолжилась в связи с выходом в марте 1824 г. предисловия Вяземского к поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкина (см. примеч. А. И. Роговой к стихотворению «Охотник до журнальной драки...» (1824) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 796—797); наиболее полный свод всех эпиграмм, появившихся в ходе этой полемики, см.: Эпиграмма и сатира : Из истории литературной борьбы XIX в. : В 2 т. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 163—231. Эпиграмма «К журнальным близнецам», написанная в мае 1824 г. (после 7-го, вероятнее всего, 13-го — см.: *Эйделман Н. Я.* Записка П. А. Вяземского А. С. Грибоедову // РЛ. 1972. № 2. С. 127—128), стала известна Пушкину еще в Одессе. 7 июня 1824 г. В. Ф. Вяземская привезла ему письма мужа, на которые Пушкин ответил в тот же день: «Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется, ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк*. Впрочем, она прелестна» (Акад. Т. 13. С. 96). Вяземский принял поправку Пушкина, и с ее учетом эпиграмма была напечатана в «Северных цветах» на 1825 г. (С. 289—290; выход в свет — последние числа декабря 1824 г., см.: П. в печати. С. 26).

Содержание эпиграммы «Совет», ее переключки со стихотворением «К журнальным близнецам» и отклик на него в письме от 7 июня 1824 г. позволяют выдвинуть предположение, что пушкинская эпиграмма могла быть написана сразу же после знакомства с эпиграммой Вяземского. Совет не участвовать в многочисленных журнальных полемиках («антикритиках»), выходящих за рамки чисто литературных вопросов, Пушкин неоднократно высказывал в переписке именно этого времени: «Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме. Должно иметь уважение к самому себе. Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы...» (письмо к брату от 13 июня 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 97); «Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься черт знает с кем. Ты задорный издатель — а Гнедич (...) смирно себе сидит, не бранясь ни с Каченовским, ни с Дмитриевым» (письмо к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. — Там же. С. 100); «Мне грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто же будет писать? М. Дмитриев да А. Писарев? хороши! если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гете, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их сравнить, поддразнить или окатить холодной водой. Век полемики миновался. Для

кого же занимательно мнение Дмитриева о мнении Вяземского или [лучше] мнение Писарева о самом себе?» (письмо к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. — Там же. С. 101). В письме к Пушкину от 6 ноября 1824 г. Вяземский сообщил о своем решении не вступать более в споры, подобные полемике о предисловии к «Бахчисарайскому фонтану»: «Я уж, верно, со сволочью этою в распрю не пойду; довольно и того, что раз брал я на хлебы их ничтожество и откормил их. Они раздулись моими пощечинами! Теперь буду умнее» (Там же. С. 118).

Уподобление журнальных критиков назойливым насекомым в 1823 г. было использовано Вяземским:

Жужжащий враль, едва заметный слуху!
Ты хочешь выслужить удар моей руки?
Но знай: на ястребов охотятся стрелки;
А сам скажи: как целить в муху?
(НЛ. 1825. № 8, подпись: «К. В-ий»)

Эта эпиграмма, направленная против «Жителя Васильевского острова» (Н. А. Цертелева), который в статье «Новая школа словесности» (Благ. 1823. Ч. 21. № 6) высмеивал иносказательную образность «Послания к И. И. Дмитриеву» Вяземского, могла быть известна Пушкину еще до печати (10 сентября 1823 г. автор посылал ее в письме к А. И. Тургеневу — см.: Вяземский 1986. С. 480, примеч. К. А. Кумпан) (указано С. А. Лунцем).

Точки соприкосновения эпиграммы Пушкина с полемической деятельностью Вяземского обнаруживаются и в 1825 г. К концу весны 1825 г. относится желание Пушкина перечитать все, что было связано с журнальными спорами вокруг предисловия к «Бахчисарайскому фонтану»: «...пришли мне тот № „Вестника“ Евр(опы)», где напечатан 2-й разговор лже-Дмитриева, — писал он брату в первой половине мая 1825 г., — это мне нужно для предисловия к „Бахч(исарайскому) фронт(ану)”. Не худо бы мне переслать и весь процесс (и «Вестн(ик)», и «Дамс(кий) жур(нал)»)» (Акад. Т. 13. С. 174; было ли выполнено это желание Пушкина, неизвестно). Весной 1825 г. друзья Вяземского начали высказывать опасения по поводу того, что он вновь ввяжется в затяжную журнальную войну, на этот раз с Ф. В. Булгариным. В ответ на помещенный в «Сыне отечества» критический отзыв об альманахе «Северные цветы» (Письма на Кавказ // СО. 1825. Ч. 93. № 2. С. 199—214; № 3. С. 302—321; № 4. С. 387—405; П. в критике, I. С. 247—252 (фрагменты); об авторстве «Писем на Кавказ» см.: Там же. С. 430—431, примеч. Е. В. Лудиловой) Вяземский опубликовал статью «Жуковский—Пушкин — о новой пиитике басен» (МТ. 1825. Ч. 1. № 4. С. 346—353), высоко оцененную Пушкиным (см. его письма к Вяземскому от 25 мая и 10 августа 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 183, 204—205). Е. А. Баратынский откликнулся на статью в письме к И. И. Козлову от конца марта (после 29-го)—начала апреля 1825 г.: «Вы говорите о наших журналистах (...). Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междуусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне:

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои:
Не так ли славный вождь и друг Екатерины
Орлов еще любил кулачные бои?

Это экспромт...» (Летопись Боратынского. С. 155); текст эпиграммы приведен в письме А. И. Тургенева к Вяземскому от 2 мая 1825 г. (ОА. Т. 3. С. 119—120). Вяземский твердо решил не продолжать полемику, о чем писал А. И. Тургеневу 9 апреля 1825 г.: «... отвечать не буду на обещанный ответ Булгарина и в спор связываться(?) не буду, а просто буду бить от времени до времени. Ударю, да и полно, а они мне вслед пускай мечут ругательства» (Там же. С. 111). А. И. Тургенев в ответном письме от 15 апреля 1825 г. счел нужным передать Вяземскому пожелание Жуковского: «Жуковский не советует тебе отбраниваться, разве эпиграммами и письмами, например, ко мне или к нему; но в печать не отдавайся» (Там же. С. 113). В унисон с этим советом звучат призывы Пушкина в письмах к Вяземскому вновь обратиться к поэзии, и в частности к эпиграммам: «...да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм?» (письмо от 10 августа 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 204); «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нег над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глики, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах» (письмо от 14 августа 1825 г. — Там же. С. 209); ср. заключительные стихи эпиграммы «Совет».

По мнению Б. В. Томашевского, эпиграммы, посланные Вяземскому, обнаруживают близость к эпиграммам французского поэта Ж.-Б. Руссо (Rousseau; 1670 или 1671—1741) со свойственной им наивно-иронической, нарочито архаизованной стилистикой (такой стиль получил в истории литературы название «маротического», по имени французского поэта раннего Ренессанса К. Маро (Marot; 1496—1544)) — см.: Томашевский. П. и Франция. С. 101; П. и мировая литература. С. 295 (статья Б. В. Томашевского и Л. И. Вольперт). Этот путь разработки жанра эпиграммы Пушкин мог избрать под влиянием П. А. Вяземского, занимавшегося в начале 1820-х гг. переводами эпиграмм Руссо (см.: Попов А. А. Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист : Историко-литературный сб. / Под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Т. 2. С. 225—226). Особенность «маротической» эпиграммы Пушкин видел в том, что в ней «сжимается живой рассказ» (см.: «(Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“)», 1827 — Акад. Т. 11. С. 61; о восприятии Пушкиным творчества Маро см.: П. и мировая литература. С. 198—199 (статья Л. И. Вольперт)). Особняком в ряду эпиграмм, посланных Пушкиным Вяземскому, стоит «Дружба», которая ориентирована на иную художественную стилистику (см. примеч. к ней — наст. т., с. 659—660).

Текст стихотворения переключается со ст. 5—9 первоначальной версии XXXVI строфы четвертой главы «Евгения Онегина» (см.: Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина». 1. «...В окно смотрел и мух давил» // Пушкинская конф. в Стэнфорде. 1999 : Материалы и исследования. М., 2001. С. 252—256):

У всякого своя охота,
Своя любимая забота,
Кто целит в утку из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух журнальных...

(Акад. Т. 6. С. 370)

Строфа XXXVI датируется, как и весь черновой текст четвертой главы на л. 70 об.—77 об. в тетр. ПД 835, не ранее начала июля 1825 г. и не позднее 2 января 1826 г. (обоснование датировки см. в примеч. к эпиграмме «Соловей и кукушка» — наст. т., с. 806). Вероятно, не случайно набросок переработки начала эпиграммы был записан на обложке белой рукописи именно четвертой главы романа (на этом этапе в строфе XXXVI эпитет «журнальных» уже был заменен на «нахальных» — см.: Акад. Т. 6. С. 597; эта строфа присутствовала в первом издании главы, но затем вошла в число «пропущенных» стрóf).

«УВЫ, НАПРАСНО ДЕВЕ ГОРДОЙ...»

(С. 105 и 324)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — ст. 7—8 после строки отточий, под заглавием: «Отрывок». В примечании высказано ошибочное предположение об адресации стихотворения Е. А. Тимашевой. Указано: Акад. Т. 2. С. 1175 (с приведением заглавия; примеч. М. А. Цявловского).

2) А. В. Маркова-Виноградского (РГАЛИ, ф. 191 (П. А. Ефремова), оп. 1, № 31, л. 1) (М-В) — на отдельном листе, под заглавием: «Анне Николаевне Вульф», с пропуском букв в последнем слове ст. 7 («на...т») и ошибкой в ст. 8 («И понюхать не позволит»); с карандашными пометами П. А. Ефремова: «Пушкин, рукопись Маркова-Вин (оградского)»; «Александр Васильевич Марков-Виноградский записал для меня со слов жены своей Анны Петровны бывшей Керн. В Пет(ербурге) (?) 1858 г. — П. Ефр(емов)». Напечатано: *Ефремов П. А.* Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // БЗ. 1861. № 19. Стб. 594 — ст. 1—6, с многоточием после ст. 6, двумя строками отточий вместо ст. 7—8 и пояснением, предшествующим тексту: «Из альбома NN. Сообщено мне одною особою, будто бы списавшею это стихотворение с автографа» (под текстом статьи дата: «16 ноября 1861 г.» — Там же. Стб. 597). Вероятно, по этой копии ст. 7—8 напечатаны в Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 217 (см. ниже).

3) П. А. Ефремова (ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 522, л. 44) — приложена к его письму к А. Н. Афанасьеву от 23 октября 1861 г., в котором говорилось: «...сообщаю вам произведения Пушкина, известные немногим. 1) В альбом Анне Никол(аевне) Вульф (написанное без окончания 2-й с конца строки) сообщено мне супругом бывшей (А. П.) Керн, к которой письма П(ушки)на напечатаны в „Библиотеке“ для чтения” 1858 (кажется) года» (Там же, л. 40 об.). Текст ст. 5—6 совпадает с копией М-В, с которой, судя по всему, стихотворение было переписано для Афанасьева; последнее слово в ст. 7 записано полностью; в ст. 8, содержащем в записи Маркова-Виноградского ошибку, — конъектура Ефремова: «Но и понюхать не позволит». Та же конъектура введена при первой публикации ст. 7—8 в Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 217 (см. ниже).

4) «Записки» А. В. Маркова-Виноградского (ПД, № 14342, тетр. 17, л. 52 об.) — со слов его жены А. П. Марковой-Виноградской (в первом браке Керн); текст, кроме пунктуационных отличий, совпадает с М-В; запись датирована 29 мая 1874 г. Указано: *Михайлова А. К., Строганов М. В., Хитрово Л. К. А. С.* Пушкин и Бакунины // Лажечников и Тверской край. Тверь, 2005. С. 249 (текст стихотворения

приведен в статье по Акад., с раскрытием слов, замененных в этом издании многоточиями).

5) В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 139) (Гаев) — на отдельном листке, с пометой: «Сообщено Г. П. Данилевским, узнавшим от генер<ала> Комсина, который слышал это стихотворение от Пушкина». Указано: Акад. Т. 2. С. 1175 (публ. М. А. Цявловского). Г. П. Данилевский (1829—1890) — прозаик и публицист; генерал Комсин — лицо неустановленное, сведений о знакомстве с ним Пушкина не имеется.

Вероятно, начало первого стиха: «Увы, на<прасно деве гордой?>» записано рукой А. Н. Вульф в ее альбоме 1826—1835 гг. (ПД 211, л. 62); последняя запись в альбоме. Указано: Лобанова Э. Ф. «Я был свидетелем золотой твоей весны...» : (А. С. Пушкин и Анна Вульф) // Михайловская пушкиниана. [Б. м.], 1998. Вып. 5. С. 62. Об альбоме А. Н. Вульф см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 50—51.

Возможно, в распоряжении П. А. Ефремова была еще одна копия, полученная от А. П. Марковой-Виноградской или ее мужа. В Ефр. 1880 (Т. 2. С. 256) стихотворение напечатано с отличием ст. 5—6 от публикации в БЗ (см. выше), с многоточием после ст. 6 и строкой отточий вместо ст. 7—8, под редакторским заглавием: «Из альбома А. Н. Вульф», с примечанием: «Эти стихи передала нам А. П. Керн в 1861 г., и они тогда были напечатаны нами в „Библиографических записках”» (Там же. С. 427). Тот же текст повторяется во всех позднейших изданиях Ефремова, но информация о нем в примечаниях варьируется, как и редакторские решения, относящиеся к заглавию. Так, в Ефр. 1882 (Т. 7. С. 247) и Ефр. 1887 (Т. 7. С. 230) ст. 1—6 напечатаны без заглавия, с указанием в примечании, что стихи получены от А. П. Керн в 1858 г.; в Ефр. 1903—05 (Т. 2. С. 12) ст. 1—6 напечатаны под заглавием: «В ее альбом». В последнем издании в примечаниях к т. 2, помещенных в т. 8 (С. 217) напечатаны ст. 7—8 с указанием, что текст опубликован Ефремовым в «Библиографических записках» 1861 г. «по записи второго мужа А. П. Керн, продиктовавшей ему все стихотворение с последними двумя стихами, скрытыми Пушкиным от А. Н. Вульф». Последнее слово в ст. 7 напечатано с пропуском букв; ст. 8 читается: «Но и понохать не позволит». Если источником публикации была копия М-В, то в ст. 8 — та же конъектура, что и в копии Ефр.

Впервые: БЗ. 1861. № 19. Стб. 594 (ст. 1—6). Ст. 7—8 впервые: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 217 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по М-В, без заглавия, которое, скорее всего, дано составителем копии, с раскрытием последнего слова в ст. 7 и конъектурой Ефремова в ст. 8.

Датируется традиционно 1825 г., однако твердые основания для датировки отсутствуют. В Ефр. 1880 стихотворение помещено в отдел 1828 г., в Ефр. 1882 и Ефр. 1887 оно приведено в примечаниях без указания года, в Ефр. 1903—05 перенесено в отдел 1825 г. Последняя датировка и была принята последующими изданиями, начиная с КН, как правило, в качестве предположительной. Ефремов мог располагать какими-то сведениями о времени создания стихотворения, восходящими к Маркову-Виноградскому или его жене, но, учитывая противоречивость его примечаний, касающихся источника текста (см. выше), а также и то, что он печатал стихотворение под разными годами, нет никакой уверенности в том, что датировка, предложенная им в последнем издании, была обоснованной. В Ефр. 1882 и Ефр. 1887

стихотворение приводилось в примечании к письму Пушкина к А. Н. Вульф 1825 г., в том же примечании сообщался текст «Хотя стишки на именины...», датированный 1825 г. Возможно, руководствуясь этими датами, Ефремов и поместил комментируемое стихотворение под тем же 1825 г. в Ефр. 1903—05.

«Дева гордая» — Анна Николаевна Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Хотя стишки на именины...» (1825) — наст. т., с. 651—652). Обстоятельства создания стихотворения прояснены в одном из примечаний П. А. Ефремова: «В 1858 г. А. П. Керн передала нам стихи, написанные Пушкиным для альбома Анны Ник(олаевны) Вульф, причем он два последние стиха означил точками и никак не хотел объяснить, что означают эти точки» (Ефр. 1882. Т. 7. С. 246—247). В записках А. В. Маркова-Виноградского сообщалось, со слов его жены, что с Анной Вульф Пушкин «осмеливался вольничать» и «написал даже стихи весьма неприличные» — далее следует текст «Увы, напрасно деве гордой...» (Михайлова А. К., Хитрово Л. К. А. П. и А. В. Марковы-Виноградские и их окружение : По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 23). Это стихотворение вполне можно отнести к числу тех «злых шуток», которые, по признанию Пушкина в письме к Анне Вульф от 21 июля 1825 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 190, 538; оригинал по-фр.), он позволял себе в ее адрес.

ТЫ И Я

(«Ты богат, я очень беден...»)

(С. 106 и 324)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Долгорукова (Долг) — без заглавия, с перестановкой ст. 1 и 2, искажениями в ст. 9 и 10, с пропуском ст. 5—8, вписанных под текстом. Копия представляет собой позднейшую запись на правом поле листа.

2) Тетр. Тихонравова (Тих) — с перестановкой ст. 18 и 19.

3) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с перестановкой ст. 18 и 19, с примечанием: «Непонятно, к кому относится сия циническая пьеса».

4) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, к. 42, № 9, л. 32—32 об.) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкинианой, с перестановкой ст. 18 и 19 и пометой: «Не напечатано».

5) Тетр. Александрова (Ал) — под заглавием: «К ****».

6) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «К ....»; ошибка в ст. 9 исправлена другой рукой как в тексте.

7) Тетр. Дашкова (Даш) — с двукратной записью стихотворения (л. 42—42 об.; 66—66 об.), первая из них (Даш₁) озаглавлена: «К .....», вторая (Даш₂) — «Ты и я», с перестановкой ст. 18 и 19 в обеих записях.

8) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «К ...», исправленным на: «Ты и я».

Копии 1—2 и 4—8 напечатаны в виде вариантов в Акад. Т. 2. С. 1072—1073 (публ. М. А. Цявловского). Небольшие дополнения к публикации Акад. и указание на копию 3 см.: Саломон Л. С. Пушкин : «Эпиграмму припишут мне...» : По поводу эпиграммы «На Александра I» и послания «Ты и я» // Звезда. 1998. № 2. С. 214.

Утраченные копии:

1) Неизвестного, по которой была осуществлена публикация: Мелкие стихотворения А. С. Пушкина : (Из рукописных сборников) // БЗ. 1858. № 12. Стб. 369; без подписи. По цензурным соображениям приведены только ст. 1—11 (после ст. 11 — строка отточий). Вплоть до выхода Венг. ст. 1—11 печатались в изданиях Пушкина по БЗ.

2) Находившаяся в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена публикация в Герб. С. 64—65 — с иным, нежели в большинстве других источников, вариантом ст. 14 («От воды гнилой и пресной»). Начиная с Венг. публикация Герб. служила основным источником текста стихотворения в изданиях Пушкина.

3) Находившаяся в распоряжении Н. П. Огарева, по которой им была осуществлена публикация в РПЛ. С. 98 — под заглавием: «Ты и я. (К ...)», с перестановкой ст. 18 и 19.

Впервые: БЗ. 1858. № 12. Стб. 369 (ст. 1—11); полностью: Герб. С. 64—65. В русской печати ст. 12—24 впервые: *Чириков С. Г.* Заметки на новое издание сочинений Пушкина // РА. 1881. Кн. 1. № 1. С. 179 (ст. 12); Мор. 1887. Т. 7. С. LVI (ст. 17—18); Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 325 (ст. 13—15 и третье слово в ст. 16); Венг. Т. 1. С. 555 (ст. 16, первые два слова ст. 21 и ст. 22—23); Брюс. С. 132 (ст. 19—20, 21 (без последнего слова) и 24); Асад. в 9 т. Т. 1. С. 301 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—1871. Т. 1.

Печатается по Герб, кроме ст. 14, который печатается в соответствии с копиями Долг, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Гв, Даш₁, Даш₂ и Ог («От воды сырой и пресной»). Поправка в текст Герб. впервые предложена в Акад. (Т. 2. С. 1072; публ. М. А. Цявловского).

Датируется предположительно 1825 г., однако твердые основания для датировки отсутствуют. Она может быть подкреплена лишь наблюдениями В. Э. Вацуро, указавшего, что «почти все мотивы и темы, составляющие в совокупности это достаточно сложное для истолкования стихотворение, сходятся, как в едином фокусе, в пушкинской переписке 1825 г.» (*Вацуро В. Э.* Продолжение спора : (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 755; подробнее см. ниже).

В ряде авторитетных изданий стихотворение без обоснований датировано послелицейским петербургским периодом жизни Пушкина: 1818 г. (издания П. А. Ефремова (впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 212—213), за исключением Ефр. 1903—05); 1818 или 1819 г. (Мор. 1887. Т. 7. С. LVI); 1818—1819 гг. (Асад. в 6 т. Т. 1. С. 698); 1819 г. (впервые: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 325; то же в изданиях Мор. 1903—06, Венг., КН, ГИХЛ; в Асад. в 9 т. 1819 г. указан предположительно); 1819—1820 гг. (Брюс. С. 132); июнь (не ранее 11-го) 1817—март 1820 г. (Акад. Т. 2. С. 1072—1073, примеч. М. А. Цявловского); 1820 г. (Госл. в 10 т. Т. 1. С. 110; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 111; публ. Т. Г. Цявловской); Б. В. Томашевским стихотворение включалось в отдел стихотворений 1817—1820 гг. (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 1. С. 410; Пушкин 1955. Т. 3. С. 82). В. А. Сайтанов выдвигал 1819 г. в качестве наиболее вероятной даты создания стихотворения на основании малоубедительных переключек с написанным в этом году посланием «К Энгельгардту» (см.: *Сайтанов В. А.* Прощание с царем // Врем. ПК. Вып. 20. С. 39).

В Венг. стихотворение было напечатано с пометой: «Приписывается Пушкину»; в ряде изданий (КН, ГИХЛ (за исключением ГИХЛ 1935)) напечатано в отделе

«Dubia». Новая попытка аргументации места «Ты и я» в корпусе приписываемых Пушкину произведений была предпринята Л. С. Саламоном (см.: *Саламон Л. С.* Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 209—212). Между тем количество авторитетных копий сатиры «Ты и я», а также ее явные переключки с рядом пушкинских стихотворных и эпистолярных текстов позволяют говорить с большой степенью уверенности о ее принадлежности Пушкину (см.: *Вацуро В. Э.* Продолжение спора. С. 746—757). Об автореминисценциях, связывающих «Ты и я» с другими стихами Пушкина, см. ниже, в построчных примечаниях.

По поводу адресации стихотворения высказывались различные мнения. Согласно наиболее распространенному, оно представляет собой сатиру на Александра I. Впервые в печати такое указание появилось в издании П. А. Ефремова, который дал произведению подзаголовок «На Ал(ександра) П(авловича)» (Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 235). Затем имя императора Александра как адресата сатиры было названо в комментарии В. Я. Брюсова (Брюс. С. 132), а позднее — в примечании Д. Д. Благого (см.: *Пушкин А. С.* Избр. лирика. М., 1935. С. 48). В рецензии на последнее издание данная гипотеза была резко оспорена Н. Л. Степановым (см.: П. Врем. [Т.] 2. С. 431), но в 1937 г. ее повторил (правда, в более осторожной форме) М. А. Цявловский (см.: Акад. в 6 т. Т. 1. С. 698). Как адресат пушкинской сатиры Александр I фигурирует в Указателе имен Акад. (Т. 2. С. 1210; Т. 17 (Справочный). С. 87), а также в примечаниях Б. В. Томашевского (см.: Акад. в 10 т. (1) Т. 1. С. 506; Акад. в 10 т. (2) Т. 1. С. 514; Пушкин 1955. Т. 3. С. 767) и Т. Г. Цявловской (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 572; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 659). Подробнее об аргументации исследователей, склонных видеть в стихотворении сатиру на Александра I, см.: Березкина 2010. С. 14—18.

Серьезным препятствием к отождествлению героя сатиры с Александром служит характеристика его как «прозаика». В. А. Сайтанов связывал ее с императорскими манифестами периода войн 1812—1815 гг. и указами (см.: *Сайтанов В. А.* Прощание с царем. С. 39), хотя, судя по тексту «Второго послания к цензору» 1824 г., Пушкин хорошо знал, что автором их был не Александр I, а А. С. Шишков (см. примеч. к «Второму посланию к цензору» (1824) — наст. т., с. 527—528). Уверенный в адресации сатиры царю, В. А. Сайтанов (со ссылкой на мнение Д. Д. Благого) высказал предположение, что для автора «Ты и я» образцом послужили стансы Вольтера «Королю Прусскому по поводу фарфорового бюста, выполненного в Берлине, изображающего автора и присланного его величеством в январе 1775 года» («Au roi de Prusse sur un buste en porcelaine fait à Berlin, représentant l'auteur, et envoyé par Sa Majesté en janvier 1775», 1775). В стихотворении Вольтера Эпиктет сравнивает свою судьбу с судьбой Марка Аврелия: «У него были враги, он всех их рассеял; / Толпа моих врагов квакает в тине. / Меня преследовали ханжи; / У его ног ханжи трепетали в молчании» и т. д. (см.: *Сайтанов В. А.* Прощание с царем. С. 38). В. Э. Вацуро счел это предположение маловероятным, поскольку «стансы Вольтера (...) не содержат в себе ни малейшей иронии, напротив — это тонкая похвала новому Марку Аврелию, ответный жест старого поэта на столь же галантный жест Фридриха» (*Вацуро В. Э.* Продолжение спора. С. 746).

По справедливому замечанию В. Э. Вацуро, «первый признак сатиры „на лицо“ — узнаваемость объекта; без этого она лишается смысла». Между тем «в тексте стихотворения нет ни одной конкретной черты, позволяющей идентифицировать с Александром адресата „сатиры“» (Там же). Исследователь предложил иную, дале-

кую от политической проблематики гипотезу, согласно которой «прозаик» в стихотворении «Ты и я» — это «условно-литературный персонаж» (своего рода «не-поэт» или «антипоэт»), «носитель прагматического, материального, „прозаического” начала» (Там же. С. 756). Как в поэзии, так и в переписке Пушкина 1825 г. неоднократно возникает антитеза «прозаик—поэт» (см. стихотворение «Прозаик и поэт» (1825) и примеч. к нему — наст. т., с. 87 и 828—829); «в этой оппозиции первенство отдано поэту как носителю творческого начала, прозаику недоступного» (Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 752). Эта гипотеза подтверждается примерами словоупотребления, характерного для пушкинской эпохи: «прозаиком» может быть назван человек, не имеющий вообще никакого отношения к литературе. Ср., например, в диалоге студента Беневоляского со слугой Федькой из комедии С. А. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» (1817): «Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! Мочи нет. Беневоляский. Прозаик!» (Грибоедов С. А. Полн. собр. соч. : В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 50). Ср. также в «Воспоминаниях старого театрала» С. П. Жихарева:

Нет восторгов прежних боле;
 Бог тебе сей жребий дал,
 Чтоб в твоей смиренной доле
 Ты прозаик пошлый стал.
 Умерли в тебе желанья
 И надежд веселых нет:
 Ты ослеп для созерцанья
 Призраков грядущих лет...

(Жихарев С. П. Записки современника.
 М.; Л., 1955. С. 634
 (Сер. «Литературные памятники»))

Композиционное решение — противопоставление бедного поэта богатому адресату — возможно, подсказано посланием В. Л. Пушкина «К Приятелю» (1816²), адресованным П. А. Вяземскому и написанным, как и пушкинское стихотворение, четырехстопным хореем.

Акцентированная в стихотворении «бедность поэта» — тема, распространенная в литературе с XVIII в. и подхваченная вслед за К. Н. Батюшковым (см. его послание «Мои пенаты...»; опубли. 1814) уже в лицейском творчестве Пушкина (см. стихотворение «К другу стихотворцу» (1814) и примеч. к нему — наст. изд., т. 1, с. 26, 581). О теме «бедного поэта» см. также: Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 216—222; Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 746—749. Ср. в послании В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» (1813):

Теперь пред целым светом
 Могу и я сказать,
 Что я живу поэтом:
 Рублевая кровать,
 Два стула, стол дубовый,
 Чернильница, перо —
 Вот все мое добро!

(Пушкин В. Л. Стихотворения.
 СПб., 2005. С. 43)

Образ «бедного поэта», получивший на рубеже XVIII—XIX вв. «высокое» выражение, резко снижен в стихотворении «Ты и я», которое строится на особой стилистике «физиологизмов», характерной для писем (а также входящих в их состав стихотворений) Пушкина и Вяземского 1825 г.; существенно, что в тех же письмах и стихах развивается и «хвостовская» тема (см. примеч. к стихотворению «〈Из письма к П. А. Вяземскому〉» («В глуши, измучась жизнью постной...») (1825) — наст. т., с. 795—796; см также: Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 752—756). Вызыванию исследователя был придан произвольный характер в Летописи 1999 (Т. 2. С. 110, 456—457), где с отсылкой к статье «Продолжение спора» утверждается, что адресатом сатиры «Ты и я» был Вяземский.

Ст. 10. *Тянешь вины на свободе...* — Форма множественного числа «вины» преимущественным образом употреблялась Пушкиным в стихотворной речи. Форма «вина», представленная в отдельных копиях «Ты и я», вероятно, возникла как ошибка переписчиков.

Ст. 15. *Сажень за сто с чердака...* — Сажень — устаревшая форма родительного падежа множественного числа, употреблявшаяся наряду с формой «сажен» (см.: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1962. Т. 13. Стб. 54). В основном источнике текста (Герб.) фигурирует именно форма «сажень», которую М. А. Цявловский заменил в публикации стихотворения на «сажен» (см. Акад. Т. 2. С. 130; то же в Акад в 10 т., Госл. в 10 т., Худ. лит. в 10 т.). Хотя в источниках текста «Ты и я» встречаются обе формы слова, поправка текста Герб., произведенная Цявловским, едва ли может быть признана целесообразной.

Ст. 17—20. *Окружен рабов толпой ~ Подтираешь коленкором...* — Гротескно-сатирическое изображение роскоши богача имеет литературные аналоги. Так, в «Пире Трималхиона» из известной Пушкину еще в Лицее книги «Сатирикон», приписываемой римскому писателю Петронию Арбитру (Petronius; ум. 66 г.), герой, убажывая своих гостей неслыханными яствами, произносит монолог о необходимости «отдавать долг природе» сразу же, как она этого потребует, причем говорит еще и об особых приспособлениях, которые им для этого приготовлены; здесь же рассказывается о серебряном ночном горшке Трималхиона, который в банях за ним носит раб (см.: Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 752—753). Пушкин упоминал Петрония в стихотворении «К Лицинию (С латинского)» (1815) (наст. изд., т. 1, с. 102). Слово греческого происхождения «афедрон» в церковнославянском переводе Нового Завета получило значение «задний проход» (см. Мф. 15: 17; Мк. 7: 19). В XVIII в. слово использовалось в книжной речи, в том числе в переводных пособиях по анатомии (см.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1. С. 116). Коленкор — тонкая хлопчатобумажная ткань. Ст. 17 в 1825 г. варьирован в «Отрывках из путешествия Онегина»: «...Негоцианка молодая, / Самолюбива и томна, / Толпой рабов окружена» (Акад. Т. 6. С. 205, 472) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 113—114).

Ст. 23—24. *И Хвостова жесткой одой, Хоть и морщуся, да тру.* — О Дмитрие Ивановиче Хвостове (1757—1835) см. примеч. к «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825) (наст. т., с. 668—669), а также примеч. к стихотворению «Тень Фон-Визина» (1815) (наст. изд., т. 1, с. 652—654). Оды Хвостова с характерным для них стечением неблагозвучных слов, усеченных прилагательных и причастий, малоупотребительных слов поражали особой, свойственной только ему какофонией. Об отнесении слова «жесткий» в рус-

ской поэзии конца XVIII—начала XIX в. к произведениям, перенасыщенным псевдославянской лексикой, см.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—XIX века : Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 34, 80—88. Ср. в лицейской редакции стихотворения «Усы» (1816):

Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь...
(Наст. изд., т. 1, с. 170)

См.: Ходасевич. Пушкин. Т. 1. С. 116. Ср. также анекдот о Хвостове, записанный П. А. Вяземским со слов И. А. Крылова в 1853 г.: «Он гулял или, вероятнее, сидел на лавочке в Летнем саду. Вдруг ... его. Он в карман, а бумаги нет. Есть, где укрыться, а нет, чем ... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается: „Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?“ — „Есть, вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное мое стихотворение“, — и дает ему листок. „Не скупитесь, граф, и дайте мне два-три экземпляра“. Обрадованный такою неожиданною жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов с своею добычею спешит за своим делом» (Вяземский П. А. Из Записных книжек // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 183).

«Т(УМАНСКИЙ?) ПРАВ, КОГДА ТАК ВЕРНО ВАС...»

(С. 107 и 325)

Автографы в тетр. ПД 835, л. 17 — черновой ст. 1—12 (перечеркнут) и белой, с поправками. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 337 (беловой автограф с характеристикой его как отрывка из «Альбома Онегина»); АН 1900—29. Т. 3. С. 231 и Примеч. С. 416—417 (публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 337 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855; Генн. 1859. [Т. 7]: Приложения. С. 66, 2-я паг. (в составе набросков к «Альбому Онегина»); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 377—378 (как самостоятельное стихотворение).

Печатается по беловому автографу с предположительным раскрытием инициала в ст. 1.

Датируется предположительно 26 сентября 1824—январем 1826 г. по положению автографа в тетради ПД 835 и биографическим реалиям. Верхняя граница датировки определяется датой «26 сент(ября) 1824» под беловым автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом», окончание которого занимает верхнюю часть л. 17. На л. 20 в конце третьей главы «Евгения Онегина» — дата «2 окт(ября) 1824 г.». В Ефр. 1903—1905 (Т. 1. С. 545), стихотворение было датировано «1824, сентябрь—октябрь?» и с этого времени печаталось в отделе 1824 г.; см., например: КН. Т. 2. С. 341 (сентябрь—октябрь 1824 г.); Акад. Т. 2. С. 1144 (примеч. Н. В. Измайлова) (конец (после 26-го) сентября—октябрь 1824 г.); к 1824 г. стихотворение отнесено Т. Г. Цявловской в Госл. в 10 т. (то же в Худ. лит. в 10 т.) и

Б. В. Томашевским в Акад. в 10 т. (оба издания; см. также: Пушкин 1955. Т. 3. С. 258). В настоящем издании датировка стихотворения расширена, поскольку учтена возможность того, что часть листа, на котором оно появилось, оставалась свободной и заполнялась позднее осени 1824 г. Последние строки белого автографа с трудом поместились в нижней части листа. Такая плотная запись возникла либо потому, что его оборот был уже занят, либо потому, что Пушкин хотел разместить весь текст стихотворения на одной стороне листа. От автографа «Разговора Книгопродавца с Поэтом» на развороте л. 16 об.—17 автограф стихотворения «Т〈уманский?〉 прав, когда так верно вас...» сильно отличается по почерку и цвету чернил, что может указывать на значительный промежуток времени между записью двух текстов. Систематическое обращение Пушкина к тетради ПД 835 прекратилось в январе 1826 г. (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 64) — эта дата и является наиболее вероятной нижней границей датировки.

В автографе имя собственное в ст. 1 скрыто под обозначением «Т—». В Генн. 1859 ([Т. 7]: Приложения. С. 66, 2-я паг.) к нему была дана сноска: «Вероятно, Туманский». Начиная с Ефр. 1880 (Т. 3. С. 208) инициал раскрывался в тексте как «Туманский», с указанием в сноске или примечании на поэта В. И. Туманского, одесского знакомого Пушкина. В АН 1900—29 (Т. 3. С. 231), в авторитетных изданиях 1930-х гг. (впервые: КН. Т. 1. С. 260) и затем в Акад. (Т. 2. С. 340) «Т—» оставлено в тексте нераскрытым, а раскрытие фамилии вынесено в «Алфавитный указатель» (КН. Т. 2. С. 341; без инициалов), в примечание (см., например: Акад. в 9 т. Т. 2. С. 475—476) или «Указатель имен» (Акад. Т. 2. С. 1228). К тексту Акад. была дана поправка в справочном томе, указывающая, что ст. 1 надо читать как «Т〈уманский〉〈?〉 прав, когда так верно вас» (Акад. Т. 17 (Справочный). С. 22). В соответствии с этой поправкой Т. Г. Цявловская ввела фамилию «Туманский» в текст стихотворения: Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 41), Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 241); иную позицию в вопросе об основном тексте стихотворения занимал Б. В. Томашевский, который сохранял в нем криптоним «Т—», раскрывая его в примечании (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 230, 426). Предположительная расшифровка «Т〈уманский?〉», данная в настоящем издании, имеет в виду Василия Ивановича Туманского или (менее вероятно) его троюродного брата Федора Антоновича Туманского (см. о них ниже). Имя Ф. А. Туманского в связи с данным стихотворением впервые названо Г. А. Милорадовичем: Письма В. И. Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов, 1891. С. 142; см. также: Венг. Т. 3. С. 524 (примеч. Н. О. Лернера).

Адресат мадригала и повод к его написанию неизвестны. Стихотворение производит впечатление живого отклика на мадригал другого поэта, и, поскольку в михайловском окружении подходящего адресата не обнаруживается, остается предположить, что стихотворение продолжало линию отношений Пушкина с какой-то из его одесских знакомых (это не исключено, так как дата 26 сентября 1824 г., примыкающая к автографу стихотворения, не далека от времени отъезда Пушкина из Одессы). П. В. Анненков отметил сходство мотивов стихотворения с посланием Василия Ивановича Туманского (1800—1860) «К ней», посвященным Амалии Ризнич и напечатанным в «Полярной звезде» на 1824 г. (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 337; о В. И. Туманском см. примеч. Е. О. Ларионовой к предположительно адресованной ему эпиграмме «[Венере], Фебу и Фемиде...» (1823—1824) — наст. изд., т. 2,

кн. 2, с. 933). Оппонентом Анненкова выступил Н. О. Лернер: «...в пьесе Туманского нет указываемых Пушкиным сравнений — ни с радугой, ни с ключом, и неизвестно ни одного подобного стихотворения В. И. Туманского» (Венг. Т. 3. С. 524). Т. Г. Цявловская, считавшая, что адресат пушкинского стихотворения остается неустановленным, тем не менее попыталась скорректировать вывод Лернера: «Среди опубликованных стихотворений Туманского нет того, о котором говорит Пушкин», но сами «образы — радуга, роза — в применении к женщине в его поэзии» встречаются (Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 680). Стихотворение Туманского, которое имела в виду Цявловская, по всей видимости, — «Три цвета», датированное, однако, 1828 г. (см.: *Туманский В. И. Стихотворения и письма*. СПб., 1912. С. 178—179). Приходится признать, что у Пушкина речь идет о стихотворении, до настоящего момента в печати не известном. П. О. Морозов полагал, что в стихотворении «Т(уманский?)» прав, когда так верно вас...» «речь идет о мадригале, который Пушкиным был прочитан в альбоме какой-нибудь барышни и к которому поэт думал написать „дополнение”» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 417); мнение о том, что стихотворение Туманского было альбомным, см. также: Пушкин 1955. Т. 3. С. 793 (примеч. Б. В. Томашевского). Мадригал «Т(уманский?)» прав, когда так верно вас...» мог быть написан под впечатлением, полученным Пушкиным еще в Одессе, или же как реплика на стихотворение В. Туманского, сделавшееся ему известным уже в Михайловском; сообщение о нем могло содержаться в одном из несохранившихся писем. Поскольку Туманский был предупрежден из Петербурга об опасности близкого общения с Пушкиным еще до его высылки из Одессы (см. письмо М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову от 4 мая 1824 г. — *Модзалевский Б. Л. К истории ссылки Пушкина в Михайловское* // *Модзалевский*. С. 143—144), возможно, он сам не писал ссыльному поэту в первое время его пребывания в Михайловском. Известно письмо Пушкина от 13 августа 1825 г., которое, по-видимому, было первым его письмом к Туманскому из Михайловского; оно начинается словами: «Буря, кажется, успокоилась; осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда», а заканчивается сообщением адреса (Акад. Т. 13. С. 205—206). Приятельские отношения Пушкина с Туманским — «добрым малым» (Акад. Т. 13. С. 67), как он был охарактеризован в письме к Л. С. Пушкину от 25 августа 1823 г., завязались летом 1823 г. (в 1823—1825 гг. Туманский служил чиновником канцелярии М. С. Воронцова в Одессе). Пушкин проявлял интерес, иногда несколько иронический, к поэзии Туманского, который боготворил дарование Пушкина. О поэтическом наследии В. И. Туманского и посмертных изданиях его стихотворений см.: *Поэты 1820—1830-х гг.* Т. 1. С. 252—255, 726—727 (биографическая справка и примеч. В. Э. Вацуро).

Предположение Г. А. Милорадовича, что в первом стихе пушкинского мадригала имелся в виду Ф. А. Туманский (1799—1853), могло быть вызвано следующим обстоятельством. В конце 1826 г. стихотворение Ф. Туманского «Она черкешенка собою...» (напечатано только в 1975 г. по сохранившейся копии — см.: *Тюнькин К. И. «Нет, не черкешенка она...»* // *Прометей*. М., 1975. Т. 10. С. 176—181) дало повод к возникновению пушкинского «Ответа Ф. Т***». Оба стихотворения, судя по всему, посвящены Софье Федоровне Пушкиной (1806—1862), предмету недолгого, но сильного увлечения поэта (Пушкин познакомился с ней в сентябре—октябре 1826 г., вскоре сделал предложение, однако оно было отклонено, и в начале 1827 г. Пушкина вышла замуж за В. А. Панина). Комментируемое стихотворение является таким же, как и «Ответ Ф. Т***», комплиментарным опровержением мадригала, написанного поэтом-предшественником. Подобная форма практико-

валась в поэзии 1820-х гг., как и мадригал, построенный в виде опровергающего ответа на сравнение — ср., например, стихотворение А. Г. Родзянко «Ответ С. Т. Т., когда она называла себя *мрамором, льдом и алмазом*» (ПЗ 1824. С. 64).

Никаких аргументов, подтверждающих связь стихотворения с именем С. Ф. Пушкиной, не имеется. Однако никак нельзя исключить знакомства Пушкина с каким-то, вероятнее всего, неопубликованным поэтическим текстом Ф. А. Туманского. Последний «относился к своему творчеству как типичный дилетант; его равнодушие к поэтическим лаврам в значительной мере было причиной того, что до нас дошло не более 10 его стихотворений» (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 312; биографическая справка В. Э. Вацуро). С 1821 г. Ф. А. Туманский был сослуживцем и, по-видимому, приятелем Л. С. Пушкина. Известны сделанные его рукой списки стихотворений Ф. Туманского, а также список одного из них в альбоме О. С. Павлицевой (см.: Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 735, примеч. В. Э. Вацуро). Через брата или сестру Пушкин действительно мог познакомиться с каким-то неизвестным в настоящее время стихотворением Ф. Туманского.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1. «Как по Волге-реке, по широкой...»

2. «Ходил Стенька Разин...»

⟨3⟩. «Что не конский топ, не людская молвь...»

(С. 108 и 326)

Автограф неизвестен.

Копия М. П. Погодина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 120, л. 1—1 об.) — на отдельном листе; первые два стихотворения записаны под номерами «1» и «2». Снята, по всей видимости, во время пребывания Пушкина в Москве в середине сентября 1826—середине мая 1827 г. (подробнее см. ниже), хранилась в архиве П. А. Плетнева. Напечатано: *Грот Я. К.* Еще заметка к записанной Пушкиным былинке о Стеньке Разине // *Русь.* 1881. № 13. С. 18. Поправка к ст. 15 стихотворения «Ходил Стенька Разин...» была дана в статье Я. К. Грота «Песни Пушкина о Стеньке Разине» (*Русь.* 1881. № 15. С. 17), однако содержала опечатку, которая затем была исправлена в его же заметке «Поправка» (*Русь.* 1881. № 16. С. 22); подробнее о сложностях прочтения ст. 15 в копии Погодина см. ниже.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Песни о С⟨теньке⟩ Раз⟨ине⟩» (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 178). На этот список указал П. В. Анненков, предполагавший, что упомянутые в нем «Песни о Стеньке Разине» относятся к пушкинской «коллекции» народных песен (Анненков. Материалы 1855. С. 152). Ему возразил П. А. Ефремов, который считал, что эти «Песни...» представляют собой «оригинальный поэтический труд Пушкина, к сожалению, утраченный» (Ефр. 1880. Т. 2. С. 413).

Впервые: *Русь.* 1881. № 13. С. 17—18.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1887. Т. 2.

Печатается по копии Погодина.

Датируется предположительно ноябрем 1824—августом 1826 г. на основании письма Пушкина к брату от первой половины ноября 1824 г. (первое проявление ин-

тереса к Степану Разину) и воспоминаний М. П. Погодина, свидетельствующих, что «Песни о Стеньке Разине» были привезены поэтом в Москву из Михайловского (см. ниже). Возможно, в конце 1826—первой половине 1827 г., до того как стихотворения были переданы на рассмотрение Николаю I (см. об этом ниже), цикл дорабатывался Пушкиным на основе знакомства с литературой о Разине из собраний московских библиофилов, в частности А. С. Норова (см.: *Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина : (История создания, композиция и проблематика цикла) // ПИМ. Т. 13. С. 5—6).

Ср. датировку произведения в различных изданиях: январь—август 1826 г. (КН. Т. 2. С. 330); сентябрь 1824—август 1826 г. (Акад. Т. 3. С. 1129, примеч. М. А. Цявловского); конец июля—август 1826 г. (Благой, I. С. 515—517; полемику с Д. Д. Благой по вопросу о датировке «Песен...» см.: *Салупере М.* Из комментариев к текстам А. С. Пушкина // Сб. студенческих науч. работ. Русская филология. 1. Тарту, 1963. С. 53—55; здесь предложена датировка «осень 1824—осень 1825»). С. А. Фомичевым первая и третья песни цикла датированы концом февраля—началом марта 1825 г., вторая — октябрём (после 12-го) 1826—20 июля 1827 г. (*Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 14—17; об аргументации, легшей в основу этой датировки, см. ниже; ее критическую оценку см.: *Березкина С. В.* Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А. С. Пушкина // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 176—178).

Публикации, осуществленные в различных изданиях, имеют расхождение в ст. 15 второго стихотворения цикла: «Друга соболя» или «Другая соболя». Уже Я. К. Грот, первый публикатор «Песен...», колебался в прочтении записанного Погодиным стиха: сначала он напечатал «Другая соболя» (Русь. 1881. № 13. С. 18), затем — «Другая соболя» (Русь. 1881. № 15. С. 17; этого чтения придерживались все дореволюционные издания Пушкина), наконец — «Друга соболя» (Русь. 1881. № 16. С. 22). В копии Погодина слово «Друга» образовалось после того, как была, по-видимому, соскоблена едва видная в настоящее время буква «я» в слове «Другая». Впервые чтение «Друга» было принято в КН (Т. 2. С. 26); то же см.: ГИХЛ 1931 (Т. 2. С. 41); Acad. в 9 т. (Т. 2. С. 235); Acad. в 6 т. (Т. 1. С. 463); иное чтение ст. 15 («Другая») предлагалось, например, в ГИХЛ 1934. Т. 2. С. 14. Чтение «Друга соболя» принято в Акад. (Т. 17 (Справочный). С. 24) как поправка к основному тексту (ср. в Акад. Т. 3. С. 24: «Другая соболя»); ст. 15 печатался с учетом этой поправки в тексте второй из «Песен Стеньки Разина» в Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 145) и Худ. лит в 10 т. (Т. 2. С. 78). Б. В. Томашевский, однако, не принял ее и печатал: «Другая соболя» (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 334). В настоящем издании ст. 15 второго стихотворения цикла печатается с учетом исправления, сделанного в копии; первоначальный вариант записи отражен в разделе «Другие редакции и варианты» (наст. т., с. 326). Это решение носит условный характер, поскольку происхождение исправления в копии стихотворения «Ходил Стенька Разин...» остается неясным.

По возвращении из михайловской ссылки Пушкин на вечере у Веневитиновых читал «Песни о Стеньке Разине», которые были восторженно встречены в кругу московских литераторов, о чем сохранилось несколько свидетельств М. П. Погодина. 12 октября 1826 г. он записал в своем дневнике: Пушкин «у Веневитиновых — читал песни, коими привел нас в восхищение. Вот предмет для романа: поэт в об-

ществе. Наконец прочли „Годунова”. Вот истина на сцене. Пушкин! ты будешь синонимом нашей литературы. Какие положения!» (П. в восп. Т. 2. С. 13). В 1855 г. на полях книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии Пушкина» Погодин оставил комментарий: «Несколько песен о Стеньке Разине он читал нам после „Бориса Годунова” в 1826 г. (...) Песни о Разине написаны были, кажется, Пушкиным на основании народных песен» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 355; публ. М. А. Цявловского). В «Воспоминаниях о Степане Петровиче Шевыреве» (1869) Погодин писал о вечере в доме Веневитиновых: Пушкину «было приятно наше внимание. Он начал нам, поддавая пару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге, на востроносой своей лодке...» (П. в восп. Т. 2. С. 29).

В ответ на просьбу Вяземского изложить все, что он знает о неизданных сочинениях Пушкина, Погодин в письме от 29 марта 1837 г. сообщал, в частности, что «„Песни о Стеньке Разине” были представлены в цензуру в 1828, кажется, году и не пропущены тогда» (Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина // Цявловский. Статьи. С. 404). Цензурный запрет песен действительно состоялся, но годом раньше, чем указывал Погодин. 22 августа 1827 г. Бенкендорф передавал Пушкину августейшую резолюцию о новых произведениях, представленных им на царское рассмотрение 20 июля 1827 г. (сопроводительное письмо поэта к Бенкендорфу см.: Акад. Т. 13. С. 333): «„Песни о Стеньке Разине”, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к печати. Сверх того, церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева» (Там же. С. 336). Судя по письму Плетнева к Пушкину от 27 августа 1827 г., «Песни о Разине» были обещаны Дельвигу для «Северных цветов» («...не дашь ли ему (Дельвигу. — Ред.) еще кой-чего в замен не одобренных „Песень о Разине?”» — Там же. С. 337). Однако, возможно, на публикацию произведения рассчитывал и Погодин, которому Пушкин также сообщал о запрете «Песен...» (см.: Там же. С. 342) и в копии которого сохранился их текст. Вероятность того, что «Песни...» были обещаны одновременно и Дельвигу, и Погодину для «Московского вестника», не исключена; она может объясняться сложностью отношений Пушкина с московским и петербургским литературным кругом летом—осенью 1827 г. (см.: *Рогов К. Ю.* (Не)известная эпиграмма Пушкина : К творческой истории VII главы «Евгения Онегина» // *Лотмановский сб. [Вып.] 3. М., 2004. С. 199—204*). Не вполне ясно, каким образом копия «Песен о Стеньке Разине», сделанная рукой молодого Погодина (см.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899. С. 139), оказалась в архиве Плетнева, но наиболее обоснованным кажется предположение о том, что копия была переслана Погодиным Плетневу уже во время подготовки посмертного издания Пушкина.

Сам Пушкин, по-видимому, предполагал, что главным поводом к запрету цикла о Разине стал пуант второй песни о противостоянии Разина и астраханского воеводы. 16 сентября 1827 г. А. Н. Вульф, навестивший поэта в Михайловском (где тот находился с конца июля до начала октября 1827 г.), записал в своем дневнике: «...рассказывал мне Пушкин, как государь цензирует его книги (...). В „Стеньке Разине” не прошли стихи, где он говорит воеводе астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: „Возьми с плеч шубу, да чтобы не было шуму”» (П. в восп. Т. 1. С. 416).

Предания и песни о Разине могли попасть в сферу внимания Пушкина еще во время путешествия с Раевскими по донской земле в 1820 г. (см.: *Майков Л. Н.*

Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским : Заметки по поводу одного письма // Майков. Пушкин. С. 154—156). По сведениям С. А. Соболевского, известным в передаче П. И. Бартенева, «Н. Н. Раевский (сын) собирал все, что было писано о Разине, и намеревался писать историю его разбойнических подвигов» (*Граббе П. Х. Из памятных записок // РА. 1873. Кн. 1. № 5. Стб. 786, примеч. П. И. Бартенева*). Косвенным свидетельством в пользу этого предположения являются отзвуки знакомства Пушкина с разбойничьими песнями, традиционно связываемыми с историей Стеньки Разина, в первоначальных набросках плана поэмы «Братья разбойники» (лето 1821 г.; см. об этом ниже, в примеч. к первой песне цикла). Однако непосредственная работа над «Песнями о Стеньке Разине» отразила занятие Пушкина фольклором, начавшиеся уже во время пребывания в Михайловском.

К концу ноября 1824—началу 1825 г. предположительно относят записи песен и сказок, сделанные Пушкиным в тетради ПД 836 (см.: Рукою П. 1997. С. 362—369; Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 133—134). Основанием для такой датировки служат эпистолярные свидетельства Пушкина — см. ноябрьское письмо к Л. С. Пушкину (Акад. Т. 13. С. 121; подробнее см. ниже), письма к Д. М. Шварцу от 9 декабря 1824 г. («...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны...» — Там же. С. 129) и П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. («...живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни» — Там же. С. 135). Верхняя граница датировки записей может быть отодвинута ко второй половине октября 1824 г., когда была начата работа над стихотворением «Жених», в основу которого положен сказочный сюжет (см. примеч. к нему — наст. т., с. 749).

Среди фольклорных материалов, записанных Пушкиным в Михайловском (семь сказок и четыре песни в тетради ПД 836, а также некоторые песни, сохранившиеся в копии П. В. Киреевского), особое место занимают две сюжетно связанные между собой исторические песни о Стеньке Разине и его сыне: «Песня о сыне Сеньки Разина» («В городе-то было во Астрахане...») и «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке...» (см.: Рукою П. 1997. С. 409—411) — первые пушкинские записи фольклорных песен, которые, судя по цвету чернил, были сделаны не одновременно, а с некоторым промежутком между первой и второй песней (см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 134).

Как не раз отмечали фольклористы, песни о Разине, записанные Пушкиным в Михайловском, отражают северную традицию исторических песен (см.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, ред., примеч. А. Н. Лозановой. М.; Л., 1935. С. 409), наиболее текстуально близкие записи были сделаны в Вологодской и Новгородской губерниях (*Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина // П. Врем. Вып. 6. С. 191*). Характерной северной особенностью, в частности, является уменьшительная форма имени героя — «Сенька» вместо «Стенька», воспроизведенная как в пушкинских записях, так и в письме к брату от первой половины ноября 1824 г. (впрочем, эта форма встречается также в сибирских и южных казачьих традициях — см.: *Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине : Персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016. С. 249—250*). Северные черты двух песен о Разине, а также других песен, записанных Пушкиным в Михайловском, дают повод для сомнений в том, что Пушкин узнал их от Арины Родионовны (такая точка зрения высказывалась не раз — см., например: Рукою П. 1997. С. 416, примеч. М. А. Цявловского), родиной которой была д. Суйда Петербургской губ. (см.: *Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина. С. 189; Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина // Учен. зап. Мос-*

ковск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 20, вып. 2. Кафедра рус. лит.-ры. С. 68—69). Ср. точку зрения Т. Г. Ивановой: «Так как родиной Арины Родионовны была д. Суйда Петербургской губ., исследователи полагают, что записи Пушкина отражают устную традицию именно этого региона. Правда, не исключено, что няня поэта, долгие годы жившая в Михайловском, могла знать и псковскую сказочную традицию, хотя последнее сомнительно» (Иванова Т. Г. Записи сказок // Пушкинская энциклопедия : Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. С. 166).

Уже в записи подлинных песен о Разине Пушкин начинает вносить правку с целью устранить исторические анахронизмы (вместо выражения «штабным офицерам» — «боярам государевым», вместо «губернатора» — «астраханский воевода» или просто «воевода» — см.: Рукою П. 1997. С. 410). В этой попытке обработки фольклорного материала, вероятно, можно видеть первый шаг к созданию «олитературенного» текста на основе настоящих народных песен, с сохранением их метрических и стилистических особенностей.

Знакомство с народными песнями о Разине, по всей видимости, определило дальнейший интерес Пушкина, который в первой половине ноября 1824 г. писал брату Льву: «Знаешь ли <мой> занятия? <...> вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! Боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице рус<кой> ист<ории>» (Акад. Т. 13. С. 121); к этому же времени относится и самое раннее упоминание о Пугачеве в пушкинской переписке — см. письмо к Л. С. Пушкину от 1—10 ноября 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 118—119).

Круг основных исторических и литературных источников о Разине, существовавших ко времени работы Пушкина над циклом, не широк. Исторические сведения о восстании Разина были помещены в таких изданиях, как «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» А. П. Сумарокова (СПб., 1774; переизд. СПб., 1815), «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова (СПб., 1774. С. 197—227), «Древняя российская вивлиофика» (здесь были напечатаны Синодик (ок. 1684 г.) с анафемой Разину (2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 500) и приказной документ «Сказка о Стеньке Разине 1672 года» (2-е изд. М., 1791. Ч. 18. С. 422—436); полный комплект 2-го изд. «Вивлиофики» был в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 135)), а также «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах» 1763 г. (см.: Библиотека П. № 465), где были напечатаны «Известие о бунте и злодействиях Донского казака Стеньки Разина, взятое из Российского Хронографа того же время» (Ч. 2. № 11. С. 409—425) и «Описание Каспийского моря <...> с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии наук конференции секретаря <...> Г. Ф. Миллера» (Ч. 2. № 7. С. 23—26; № 10. С. 321—324). Основные события разинской смуты были пересказаны С. Г. Гmeliном при описании Астрахани в его «Путешествии по России для исследования трех царств природы» (СПб., 1777. Ч. 2. С. 77—99). Рассказ о царском прощении, обещанном Разину («Алексей Михайлович исполняет в точности данное его именем обещание»), содержался также в «Письмовнике...» Н. Г. Курганова (8-е изд. СПб., 1809. Ч. 2. С. 244—245). Однако во всех этих текстах мы не находим описания тех эпизодов легендарной биографии Разина, которые послужили сюжетной основой для пушкинских песен.

Наиболее развернутые свидетельства о восстании Разина содержались в записках иностранных путешественников, изданных на европейских языках еще в конце

XVII в., — см. прежде всего книгу голландского путешественника Я. Я. Стрёйса (Struys; 1630—1694) «Три поразительных и весьма опасных путешествия <...> по Московии, Татарии...» (*Drie aanmerkelyke en seer rampspoedige Reysen door <...> Moscovien, Tartaryen...* Amsterdam, 1676; французский перевод: *Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse et plusieurs autres pays étrangers; en 1668—1670 années* / Trad. par Glanius. Amsterdam, 1681; перевод на французский язык многократно переиздавался; составителем книги был не сам Стрёйс, чьи записки были положены в ее основу, а амстердамский географ и литератор О. ДAPPER (Dapper; 1636?—1689) — см.: Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. С. 148—151) и «Известие, касающееся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии Стенькою Разиным» неизвестного английского автора (*A Relation concerning the Particulars of the Rebellion lately raised in Muscovy by Stenko Razin...* Newcomb, 1672; французский перевод: *Relation des particularitez de la rébellion de Stenko Razin contre le Grand Duc de Moscovie* / Trad. de l'anglois par C. Desmares... Paris, 1672). Обе эти книги — редкое французское издание «Известия...» 1672 г. и французское издание «Путешествия» Стрёйса 1827 г. — сохранились в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 1307, 1414), однако были приобретены уже после возвращения из михайловской ссылки.

Незадолго до начала работы Пушкина над «Песнями...» несколько публикаций о Разине появилось в «Северном архиве», где были напечатаны «Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков» А. И. Лёвшина, в котором сообщались сведения о занятии Разиным Яицкого городка (Северный архив. 1823. Ч. 6. № 12. С. 397—398), и фрагменты из книги Стрёйса, переведенные А. О. Корниловичем (Путешествие голландца Яна Янсена Стрейса по России в 1668 году // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 5. С. 275—290; Ч. 10. № 7. С. 26—40). Последняя из названных публикаций и послужила Пушкину источником сюжета первой песни о Разине (подробнее см. ниже). Библиографию и обзор материалов о Разине XVII—начала XIX в. см.: *Сменцовский М. Н.* Ст. Разин в науке, литературе и искусстве: Библиографический указатель, с краткими аннотациями, по 1 января 1930 г. // Капторга и ссыла. 1932. № 7 (92). С. 193—239; № 8—9 (93—94). С. 309—366; *Гроссман Л. П.* Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 76—81; *Шептаев Л. С.* Следы разинского цикла в письменности XVII—XVIII вв. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 414. С. 3—20; Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. С. 7—17.

Помимо песен о Разине, слышанных и записанных самим Пушкиным, среди источников цикла необходимо учитывать опубликованные фольклорные материалы — прежде всего песенное собрание М. Д. Чулкова, затем переизданное Н. И. Новиковым (см.: Чулков 1770—1774, Чулков 1780—1781). В библиотеке Пушкина имелись первая часть «Собрания разных песен» (Чулков 1770—1774. Ч. 1; см.: Библиотека П. № 421), а также полный комплект новиковского издания (Чулков 1780—1781), впоследствии утраченный (см.: *Модзалевский Л.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 1002. № 68; хотя оба издания были приобретены после возвращения из михайловской ссылки, нельзя исключать и более раннего знакомства с ними). В эти собрания входили песни о казни Разина — «На заре то было, братцы, на утренней...» (Чулков 1780—1781. Ч. 1. С. 149—150, № 134), о замысле разинского похода на Москву с «голью кабацкой» — «У нас то было, братцы, на тихом Дону...» (Там же. С. 152—153, № 137), о расправе с астраханским губернатором — «Что повыше было города

Царицына...» (Там же. Ч. 3. С. 56—57, № 54), о сборах в поход на Хвальнское море — «Что пропились робятушки промотались...» (Там же. С. 70, № 65), об осеннем походе Разина — «Тихохонько сине море становилось...» (Там же. С. 100—101, № 95). В предисловии К. Ф. Калайдовича ко второму изданию сборника Кириши Данилова, имевшемуся в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 118) были также приведены начальные строки песни о Стеньке Разине («Ай и по край было моря синего...»), на которых обрывалась рукопись сборника (Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым и вторично изданные... М., 1818. С. III).

Обращение Пушкина к народной поэзии следует рассматривать в контексте общеромантического интереса к фольклору, в том числе в его «живом» бытовании (ранние записи песен, преданий, сказок и т. д.). Это выдвигало в число важных литературных задач овладение стилистикой и формой простонародной поэзии, которая нередко объявлялась главной выразительницей духа народа и его самобытности — ср., например, суждение К. Ш. Фориэля (Fauriel; 1772—1844), публикатора греческих народных песен, приведенное Н. И. Гнедичем в предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» (1825): «Поэзия сия живет не в книгах, не жизнью искусственною, но в самом народе и всею жизнью народа: она заключается в песнях» (цит. по: *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л., 1956. С. 208 (Б-ка поэта; Большая сер.); о роли книги Фориэля в формировании европейского интереса к «живым» фольклорным жанрам см.: *Азадовский М. К.* Пушкин и фольклор // *Азадовский М. К.* Литература и фольклор : Очерки и этюды. Л., 1938. С. 29—33). В начале 1820-х гг. русская (и — шире — славянская) песенная традиция начинает постепенно привлекать собирателей, публикаторов и исследователей, среди которых важную роль сыграл А. Х. Востоков, подробно описавший систему русского народного стихосложения (*Востоков А. Х.* Опыт о русском стихосложении. 2-е изд., знач. пополненное и испр. СПб., 1817. С. 106—165; этот труд Востокова был высоко оценен Пушкиным в «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (глава «Русское стихосложение», 1834—1835)) и переведший ряд чешских (см.: *Соревн.* 1821. Ч. 16. № 12. С. 354—356) и сербских песен (см.: *СЦ* 1825. С. 331—337; *Соревн.* 1825. Ч. 30. № 5. С. 169—176; *СЦ* 1826. Отдел «Поэзия». С. 44—53; *СЦ* 1827. С. 269—281). Записи русских и славянских песен, равно как и материалы о народном стихосложении, неоднократно публиковал князь Н. А. Цертелев (*Цертелев Н. А.* 1) О стихосложении старинных русских песен (письмо к Н. Ф. Остолопову) // *СО.* 1820. Ч. 63. № 27. С. 3—15; 2) О произведениях древней русской поэзии. СПб., 1820; 3) Славянские песни различных наречий // *Северный архив.* 1824. Ч. 9. № 2. С. 103—112). От внимания Пушкина едва ли ускользнула публикация ряда казачьих песен в описании «Общежития донских казаков в XVII и XVIII столетиях» В. Д. Сухорукова, помещенная в альманахе «Русская старина» (Русская старина, карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824. С. 173—342), присылки которого поэт долго добивался от брата (см. письма к Л. С. Пушкину от конца февраля и первой половины мая 1825 г. — *Акад.* Т. 13. С. 147, 175) и который затем послужил важным материалом для исторических сочинений Пушкина.

По предположению М. К. Азадовского (см.: *Азадовский М. К.* Пушкин и фольклор. С. 40; см. также: *Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 14—15), одним из литературных импульсов к созданию цикла песен о разбойнике Стеньке Разине могло стать знакомство Пушкина с «Простонародными песнями

нынешних греков» (СПб., 1825), переведенными Н. И. Гнедичем и полученными в Михайловском в феврале 1825 г. (см. письмо Пушкина к Гнедичу от 23 февраля 1825 г.: «Песни греческие прелесть и *tour de force* (чудо мастерства — *фр.*). Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?..» — Акад. Т. 13. С. 145, 533). В предисловии, привлекавшем внимание Пушкина, Гнедич подробно останавливался на сходстве исторических песен греков (в том числе песен клефтов, т. е. греческих «разбойников»- партизан, боровшихся против турок) с великорусскими и малорусскими песнями, предполагая, что причины этих сходжений вызваны интенсивными контактами греков со славянскими племенами начиная с VI в. («дух русский или все равно славянский зашел к народу греческому» — см.: Гнедич Н. И. Стихотворения. С. 219—221). Как следует из пушкинского письма к Гнедичу, он не был вполне удовлетворен его объяснением сходства между фольклорными песнями двух народов и, по всей видимости, полемика с Гнедичем отчасти определила направление рассуждений Пушкина об истоках народной самобытности (см. заметки 1825 г. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» — Акад. Т. 11. С. 31—32, «О народности в литературе» — Там же. С. 40). Однако тематика «Простонародных песен нынешних греков», содержащих прежде всего «клефтические» песни, могла повлиять на восприятие Пушкиным русского разбойничьего фольклора, к которому принадлежит часть песен о Разине (о значении перевода Гнедича для эволюции пушкинской трактовки различных жанров песенного фольклора см.: Азадовский М. К. Пушкин и фольклор. С. 36—40).

Особенностью пушкинского цикла является его метрика и ритмика, воспроизводящая разные типы народного песенного стиха и отличающая «Песни о Стеньке Разине» от большинства литературных имитаций фольклорных песен 1810—1820-х гг. (о жанре народной песни в этот период см.: Иезуитова Р. В. Литература второй половины 1820—1830-х годов и фольклор // Русская литература и фольклор: (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 96—124). Попытку овладеть народной метрикой Пушкин предпринимал в 1821 г. в набросках трагедии «Вадим» (см. наст. изд., т. 7, с. 957, 966—967), однако далее нескольких строк этот опыт не продвинулся. Осенью 1824 г. ритмику былинного стиха Пушкин имитировал в отрывке «Как жеманиться задумал царский арап...» (см. наст. т., с. 115); с тем же трехударным былинным стихом традиционно связывают метрику третьей песни цикла — «Что не конский топ, не людская мольва...», отличающуюся высокой упорядоченностью (восемь стихов из пятнадцати — правильный трехстопный анапест, нередко использовавшийся в имитациях народного стиха). Первая песня о Разине — «Как по Волге-реке по широкой...» — написана трехиктным тактовиком с постоянными женскими окончаниями (сходный размер в «Песнях западных славян» — см.: Гаспаров М. Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3: О стихе. С. 117). Одним из метрических образцов Пушкину могли послужить уже упомянутые переводы сербских песен Востокова в «Северных цветах» на 1825 г., где было помещено примечание о «русском размере о трех ударениях с хорейским окончанием», выбранном Востоковым взамен сербского «хорейского пятистопного с пресечением на второй стопе: -v-v| -v-v|-v» (СЦ 1825. С. 337). По предположению Томашевского (Томашевский Б. В. Генезис «Песен западных славян» // Томашевский Б. В. О стихе: Статьи. Л., 1929. С. 80—82), к тем же опытам Востокова восходили и пушкинские записи, воспроизводящие или имитирующие народный стих, — «Расходились по поганскому граду...» и «Не курится там

огонек малешенек...» (см.: Акад. Т. 2. С. 500, 1205; Рукою П. 1997. С. 246, 264). Второе стихотворение цикла — «Ходил Стенька Разин...» — по определению С. М. Бонди, написано двухударным песенным стихом, упорядоченным в синтаксическом отношении (подавляющее большинство стихов — шестисложные), образцом которого, вероятно, мог послужить короткий стих песни «Дурень» («А жил-был Дурень...») из сборника Кириши Данилова (см.: Бонди С. М. Народный стих у Пушкина // Бонди. О Пушкине. С. 429—433). Об особенностях стиха «Песен о Стеньке Разине» см. также: Шоу Дж. Т. Нерифмованные подражания народному стиху // Шоу. С. 217—235.

Отзвуки будто бы продолженной Пушкиным работы над произведением («поэмой») о Разине содержатся в письмах Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 7 марта 1828 г. (Язык. архив. С. 353) и С. П. Шевырева к С. А. Соболевскому от 6 октября 1832 г. (ЛН. Т. 16—18. С. 750), однако в бумагах Пушкина после 1827 г. следов такого рода работы не встречается.

В то же время Разин как исторический и фольклорный персонаж продолжал настойчиво интересовать Пушкина. В набросках из «Путешествия Онегина» упоминаются песни волжских бурлаков, которые «унынным голосом поют / Про тот разбойничий приют / Про те разъезды удалые / Как Ст(енька) Раз(ин) в старину / Кровавил Волжскую волну» (Акад. Т. 6. С. 498—499). Разин назван в числе семи героев исторических песен в плане статьи о русских песнях 1831 г. (Акад. Т. 12. С. 208—209); две песни о Разине («У нас-то было, братцы, на тихом Дону...» и «На заре то было, братцы, на утренней...»), взятые из новиковского издания сборника Чулкова (Чулков 1780—1781. Ч. 1. С. 152, № 137; С. 149, № 134), вошли в число русских песен, переведенных Пушкиным на французский язык для Ф.-А. Леве-Веймара в июне 1836 г. (см.: Рукою П. 1997. С. 424; Архангельская В. Источники русских народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык // ЛН. Т. 58. С. 340—343).

Исторический Разин не раз возникал в замыслах Пушкина и в связи с другим «разбойником» — Пугачевым (см.: Азадовский М. К. Пушкин и фольклор. С. 19—22). В «Table Talk» Пушкин вводит апокрифический рассказ Пугачева: «„Известно по преданиям, что Петр I, во время Персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась не в далеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...”. Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева» (Акад. Т. 12. С. 161). По воспоминаниям П. Х. Граббе, встречавшегося в январе 1834 г. с Пушкиным и Н. Н. Раевским-сыном в Демутовом трактире, Пушкин «занят был в то время историею Пугачева и Стеньки Разина: последним, казалось (...) более. Он принес даже с собою брошюрку на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который по взятии Разиным Астрахани, представлялся к нему и потом был очевидцем казни его» (РА. 1873. Кн. 1. № 5. Стб. 786; комментарий к воспоминаниям Граббе см.: Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 80; судя по тому, что далее Граббе пересказывает содержавшуюся в книге легенду о Разине, бросившем в воду прекрасную пленницу, речь шла об уже упоминавшейся книге Стрэйса, сокращенный французский перевод которой в издании 1827 г. сохранился в библиотеке поэта (подробнее см. ниже)). Редкие иностранные книги о Разине Пушкин брал у А. С. Норова (см. адресованную ему записку Пушкина, датированную в Акад. (Т. 15. С. 94) 10—15 ноября 1833 г., но, по предположению С. А. Фомиче-

ва, относящуюся к 1826—1827 гг. (Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 5—7), а также ссылку на взятую у Норова книгу «Relation des particularités de la rébellion de Stenko-Razin...» («Известие, касающееся подробностей бунта Стеньки Разина»), в примечаниях к «Истории Пугачева», 1834) (Акад. Т. 9. С. 148)). Помимо французского перевода «Путешествия...» Стрёйса и «Известия, касающегося подробностей бунта...» в библиотеке Пушкина имелась книга Н. И. Фомина «Стенька Разин : Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича...» (М., 1836; см.: Модзалевский Л. Библиотека Пушкина : Новые материалы // ЛН. Т. 16—18. С. 1009, № 109). О внимании, которое в течение долгих лет Пушкин проявлял к литературе о Разине, подробнее см.: Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 76—81.

1. «Как по Волге-реке, по широкой...»

Положенный в основу стихотворения сюжет о Разине и персидской княжне в традиционном песенном фольклоре неизвестен. Отчасти сходные сюжеты о жестоких расправах атамана с пленницами встречаются в преданиях о Разине, ранняя запись которых была сделана Н. И. Костомаровым в конце 1840-х—начале 1850-х гг. (см.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859. С. 93—95). Другие записи преданий о жестокости Разина по отношению к пленницам см.: Якушкин П. И. Соч. М., 1986. С. 326 (запись 1860-х гг.); Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.; Л., 1935. С. 104 (запись Д. Н. Садовникова 1870-х гг.); Шентаев Л. С. Сказы о Степане Разине XIX в. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1966. Т. 275: Историко-литературный сборник. С. 342—343. Однако в отличие от пушкинского сюжета народные предания о расправе Разина с «половбвицей» акцентируют его причастность к колдовству и носят легендарный характер. Подробно о генезисе и распространении легенды о расправе Разина с персидской княжной см.: Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. С. 145—243.

Источником сюжета Пушкину послужил, как указал еще Л. Н. Майков (Майков Л. Н. Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским. С. 156), книжный материал — фрагмент из сочинения Я. Я. Стрёйса (см. о нем выше; о появившихся в России в XVIII в. изданиях книги — в отрывках или в сокращении — см.: Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 78; Шентаев Л. С. Следы разинского цикла в письменности XVII—XVIII вв. С. 7—8, 15—17). Наиболее вероятный источник-посредник, который мог быть доступен Пушкину в Михайловском, назван Д. Д. Благой (см.: Благой, I. С. 518—519) — это сделанный А. О. Корниловичем перевод отрывков из книги Стрёйса, содержавших, в частности, рассказ о гибели пленницы-персиянки: «В другой раз мы видели его на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотою, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядывая на реку, вдруг вскрикнул: „О Волга славная! ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебе жертву!“ С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорила буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем, Стенька приходил в по-

добное исступление только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние» (Голландец Ян Янсен Стрэйс (Отрывок из опыта истории путешествий по России) // Северный архив. 1824. Ч. 10. № 7. С. 31—32).

Исторический сюжет, почерпнутый из Стрэйса (другие известные свидетельства об этом эпизоде биографии Разина были опубликованы только в XX в.: Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 47, 75 (рассказ Л. Фабрициуса); Иностранные известия о восстании Степана Разина : Материалы и исследования. Л., 1975. С. 172, 180 (сведения Э. Кемпфера)), был обработан Пушкиным с опорой на фольклорный материал, в том числе песни о Разине, записанные им самим в Михайловском. Начало стихотворения прямо опирается на зачин одной из них:

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
В лодочке гребцов ровно 200 молодых.
Посреди лодки хозяин Се(нька) Р(азин) отоман.
(Рукою П. 1997. С. 411)

Наряду с собственной записью Пушкин, вероятно, ориентировался на народные песни со сходной лирической ситуацией (любовница атамана на разбойничьей лодке) — см., например, песню «Ах ты наш батюшка Ярославль-город...» (см.: Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. С. 254), входившую в сборник Чулкова:

Что сверху-то было Волги-матушки,
Что плавает, гребет легка лодочка.
<.....>
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит ясаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Ясаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачет, что река льется...
(Чулков 1780—1781. Ч. 1.
С. 182—183, № 187)

В пользу вероятного знакомства Пушкина с этой песней или близкими к ней (см., например, песню «Ты взойди, взойди, красное солнышко...» (Там же. Ч. 3. С. 98—99, № 93); отмечено: Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 11) говорят прозаическая «программа» и набросок первоначального плана поэмы о разбойниках (июнь—июль 1821 г.) — ср.: «Вечером девица плачет, подговаривает (...) молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман» (ПД 831, л. 62 об.), «Атаман и с ним дева (...)» песнь на Волге» (ПД 831, л. 45; ср.: Акад. Т. 4. С. 372, 373). Переключки набросков плана «разбойничьей поэмы» и разных народных песен об «атамановой полюбовнице» отмечались неоднократно (см.: За-круткин В. А. «Братья-разбойники» Пушкина // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1937. Т. 7. С. 78—83; Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина // Изв. АН СССР. Отд. ние обществ. наук. 1937. № 2—3. С. 654—656; Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 54—67; Степани-

цева Т. К творческой истории поэмы Пушкина «Братья разбойники»: Замысел и статус текста // *Natales grate numeras?* : Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 519).

О судьбе предания о Разине и персидской княжне в XIX—XX вв. см.: Зоркая Н. М. Мотив персидской княжны в «разинском» лубочном цикле и в русской литературе XIX—XX вв. // *Мир народной картинки*. М., 1999. Вып. 30. С. 278—290; Климова М. Н. Из истории «русских мифов» : («Стенька Разин и персидская княжна») // *Исторические источники и литературные памятники XVI—XX вв.: Развитие традиций*. Новосибирск, 2004. С. 223—233; Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине. С. 190—433.

Ст. 1—4. *Как по Волге-реке, по широкой Выплывала востроносая лодка, Как на лодке гребцы удалые, Казаки, ребята молодые.* — Ср. также ранний набросок, предположительно относящийся к замыслу поэмы о разбойниках: «На Волге, в темноте ночной / Ветрило бледное белеет / Бразда сверкает за к(ормой) / Попутный ветер тихо веет / Недвижны веслы, руль заснул / Плывут ребята удалые» (Акад. Т. 4. С. 374). См.: Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. С. 61).

Ст. 5. *На корме сидит сам хозяин...* — Ср. в народной песне «Вниз по матушке по Волге...»: «На корме сидит хозяин» (Чулков 1780—1781. Ч. 2. С. 196, № 190). См.: Благой, I. С. 521.

Ст. 15. *В волновую погоду выносила...* — Ср. в песне «Вниз по матушке по Волге...»: «Разыгралась погода, / Погодушка верховая, / Верховая, волновая» (Чулков 1780—1781. Ч. 2. С. 195—196, № 190). См.: Благой, I. С. 521.

2. «Ходил Стенька Разин...»

Предание, положенное в основу песни «Ходил Стенька Разин...», имеет историческую основу, что подтверждается документальными свидетельствами. Впервые о Стенькиной шубе упоминается в письме царя Алексея Михайловича, обращенном к боярам в начале июня 1671 г. в связи с допросами Разина; в числе прочего царь предлагал узнать от него «о князь Иване Прозоровском и о дьяках, за што побил и какая шуба» (опубл. 1861; цит. по: *Крестьянская война под предводительством Степана Разина* : Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 80). В следственном деле конца XVII в. сообщалось о том, что атаман К. Матвеев угрожал действовать по примеру Разина, обличая В. В. Голицына: «Знаю де я, хто то ворует: боярин князь Василей Васильевич Голицын — он де мне сукно не дал. (...) Шол Стенька с Хвальнского моря, и отнял де боярин Прозоровской шубу, и та де шуба зашумела по Волге, а то де сукно зашумит во все государство» (Там же. С. 387).

По-видимому, уже к началу XIX в. история о противостоянии Разина и астраханского воеводы Прозоровского кристаллизовалась в сюжет с паремийным пуантом: «возьми шубу, да чтоб не было шуму». В кратком изложении этот рассказ зафиксирован в «Истории Донского войска» В. Б. Броневского (СПб., 1834. Ч. 1. С. 164): «Уступая необходимости, Разин повиновался и в том же 1669 году со всем своим войском прибыл к Астрахани. (...) Но несмотря на болезнь и не думая воспользоваться царским прощением, Разин метал деньги народу и, показывая свои сокровища, соблазнял его обещанием еще лучшей добычи. Одному царскому чинов-

нику (вероятно, приставу) подарил он богатую шубу и, не скрывая намерения своего, сказал ему: „Шубу мою возьми, да смотри, чтобы она шуму не наделала”. Осенью возвратился Разин на Дон...». Тот же сюжет был зафиксирован в рукописных записках П. Ф. Карабанова, ссылку на которые приводил Ф. И. Буслаев в своих комментариях к русским пословицам: «„Возьми шубу, да не быть бы от ней шуму” (из записок Карабанова, с следующим замечанием: «Известно, что под державою милосердного царя Алексея Михайловича воспоследовал ужасный бунт Стеньки Разина; главнейшей оного причиною был тогдашний астраханский воевода, который раздражил его несправедливостию своею. Получа уже многие подарки от Разина, он хотел силою отнять у него богатую шубу дорогих соболей. Разин долго упорствовал, не внимая угрозам воеводы; но наконец, вышед из терпения, с великим ярым сердцем и злою мыслию, скинул с себя шубу и, отдав воеводе, сказал: „Возьми шубу, да не быть бы от ней шуму”»)» (*Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. М., 1854. Кн. 2, ч. 2. С. 160; см.: Чернышев В. И. Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен // Slavica. 1929. Роѡ. 8. Seѡ. 3. S. 590*). Ср. также пояснения В. И. Даля к «Пословицам русского народа»: «Возьми шубу, да берегись шуму! Возми шубу, да не быть бы шуму (слово Стеньки Разина астраханскому воеводе, который отнял у него, в свою долю грабежа, богатую персидскую шубу)» (*Пословицы русского народа : Сб. В. И. Даля. М., 1862. С. 734*).

В наиболее полном виде предание было напечатано М. П. Погодиным в 1841 г. в публикации «О Стеньке Разине : Отрывок из хронографа, сообщенный К. И. Аверинным»: «И между тем воевода астраханский, видя у Разина многая богатства и драгие вещи, овогда ласканием, а иногда и грозою от него получал, что уже тому Разину было и небезобидно. Уже он часто ему упоминал, чтоб он ево вскоре отправлял в Москву, но воевода той, завидуя богатствам его, день от дни продолжал его отправление. И некогда тому воеводе случися быть на судне при веселом подпитии; Разин той в то время имел на себе богатую шубу дорогих соболей, также покрытую дорогою персидскою парчою, которая воеводе зело понравилась, начат ее просити, но Разин ему на то досадно отвеца, понося его лакомство. Но воевода ему тако сказал: когда ему той шубы не подарит, то он знает, что с ним сотворит, якобы в приезде его, Разина, в Москве, тамо может он воевода добро и зло ему, Разину, устроить. И тако той Разин, хотя и нехотя, но якобы принужден ту шубу ему отдать; с великим ярим сердцем и злою мыслию скинув с себя тою и отдав ему, рек сице: возьми, брат, шубу, только б не было в ней шуму» (*Москв. 1841. Ч. 4. № 7. С. 168; из журнальной публикации этот рассказ перешел в книги: Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1843. Т. 3. С. 464; Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 55—56*). Согласно описанию хронографа, данному в примечании к публикации (С. 170), памятник был составлен в начале XVIII в.; впоследствии оригинал не был разыскан, другие публикации на его основе неизвестны. Хотя Козьма Иванович Аверин (1799—1849), зарайский купец-старообрядец, собиратель славянских рукописей, еще с 1823 г. деятельно сотрудничал с Обществом истории и древностей российских при Московском университете, регулярно передавая в библиотеку общества рукописи, книги и монеты (см.: *Труды и летописи общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 17, 42, 113, 150*), подтверждений тому, что выписка из хронографа была сделана Аверинным задолго до ее публикации и соответственно могла стать известной Погодину, а через него Пушкину в конце

1820-х гг., до сих пор не обнаружено (такая гипотеза высказывалась С. А. Фомичевым — см.: *Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 17; ср. также: *Салупере М.* Из комментариев к текстам А. С. Пушкина. С. 53—55).

Прямой источник пушкинских сведений об этом разинском предании не установлен. Однако паремийный характер его кульминационного эпизода, а также представительное число независимых друг от друга записей того же предания/пословицы в 1830—1850-х гг. позволяет предположить собственно фольклорный генезис этого сюжета. Об иных фольклорных отражениях предания см.: *Шентаев Л. С.* Сказы о Степане Разине XIX в. С. 302—303.

Ст. 7. *Камки хрущатые...* — Камка — шелковая ткань с узорами; хрущатые — хрустящие, шелестящие. «Камка хрущатая» фигурирует в народной песне, упомянутой А. С. Шишковым в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1813. С. 290): «Заплетися, плетень, заплетися, / Ты развейся, камка хрущатая». Несколько вариантов этой хороводной песни, в том числе по песенникам конца XVIII в., напечатано: *Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевского.* СПб., 1902. Т. 7. С. 583—588 (№ 670—677). См. также в хорошо знакомом Пушкинскому сборнике Кириши Данилова, где Соловей Будимирович подносит княгине «камку белохрущатую» (*Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым.* С. 5; описания камки в различных памятниках русской письменности и народного творчества см.: Там же. С. 429, примеч.). Кроме того, «камка хрущатая» (причем в качестве подарка) упоминается в стилизованной песне «Ах! не чайка, кружась, носится...» из «естонской повести» В. К. Кюхельбекера «Адо», опубликованной в «Мнемозине»:

Плывут молодцы корабельщики,
Корабельщики, гости русские,
Плывут молодцы к Новугороду,
К Новугороду, ко великому!
<.....>
Женам ласковым подареньице —
Платье новое, камки хрущатой!
(Мнем. Ч. 1. С. 129—130)

Песня из повести Кюхельбекера, несомненно известной Пушкинскому, обнаруживает тематические и формальные переклички и с двумя другими песнями о Разине (сюжет водного похода, использование отрицательного параллелизма в зачине песни Кюхельбекера и третьего текста из пушкинского цикла). О слове «камка» см. также: *Березкина С. В.* Камка хрущатая и камка новгородская в стихах Пушкина // *Русская речь.* 2005. № 5. 115—119.

3. «Что не конский топ, не людская молвь...»

Последнее стихотворение цикла отчасти ориентировано на мотивы песен о походных сборах Разина — ср., например:

Судари мои братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,

Разобъемте, братцы, бесурмански корабли,
 Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно
 (Чулков 1780—1781. Ч. 1. С. 153, № 137)

Соберемтесь же, рабята, во единой круг
 И мы срядимте, робята, легку лодочку
 {.....}
 Как мы грянем, те робята, вдоль синя моря,
 Вдоль синя моря вдоль Хвальинского
 {.....}
 Потянула тут погода со Святой Руси,
 Как взломало наше море из конца в конец,
 Выплывает наше судно из воровских островов;
 И мы взяли это судно, да поехали...
 (Там же. Ч. 3. С. 70, № 65)

Однако в песне Пушкина не Разин выступает инициатором похода — его «зывает» сама стихия, «погодушка» (ср. также песню «Тихохонько сине море становилося...» — Чулков 1780—1781. Ч. 3. С. 100—101, № 95).

Ст. 1—2. *Что не конский топ, не людская молвь, Не труба трубача с поля слышится...* — В предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» Гнедич отмечал начало песни «Буковалл» («Что за шум, что за гром раздастся кругом? / Не быков ли то бьют, не зверей ли травят? / Нет, то бьют не быков, не зверей то травят: / То сражается с турками клефт Буковалл...») как пример употребления отрицательных сравнений, сближающих греческие песни с русской песенной традицией: «...*Буковалл* своими сравнениями отрицательными {...} так сходствует с нашими песнями простонародными, что если б не собственные имена и обстоятельства, нам чуждые, можно бы сказать, что это песня русская, по-гречески переведенная. — Род сих сравнений отрицательных {...} составляет отличительное свойство нашей древнейшей поэзии, и высшей и простонародной» (Гнедич Н. И. Стихотворения. С. 218, 226). Само сопоставление, предпринятое Гнедичем, не вполне корректно. Начало «Буковалла» представляет собой так называемую «славянскую антитезу», которая строится по формуле: Что это? Это А — нет, это не А — это В. Для русского фольклора «славянская антитеза» не характерна, а в примерах, приведенных Гнедичем из русской песни и «Слова о полку Игореве», как и в пушкинском тексте, — обычный отрицательный параллелизм. Отрицательные сравнения как отличительная черта русских песен была также отмечена А. Г. Глаголевым: *Глаголев А. Г.* О характере русских народных песен // Тр. Общества любителей российской словесности при Императорском московском университете. 1818. Ч. 11, кн. 17. С. 38—39. «Оригинальность отрицательных сравнений {?}» упомянута Пушкиным в плане статьи о русских песнях 1831 г. (Акад. Т. 12. С. 208; такое чтение (правда, в форме единственного числа — «оригинальность отрица{тельного сравнения}») предложено и обосновано М. К. Азадовским: *Азадовский М. К.* Пушкин и фольклор. С. 37).

Слово «топ» употреблено Пушкиным в ст. 137 стихотворения «Жених» (1825): «Вдруг слышу крик и конский топ» (наст. т., с. 65), а также в строфе XVII пятой главы «Евгения Онегина» (написана в Михайловском в 1826 г.): «Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людская молвь и конский топ!» (Акад. Т. 6. С. 104). В примечан-

нии к этой строфе Пушкин писал: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. „Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ” («Сказка о Бове Королевиче»). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*: Он шип пустил по-змеиному («Древние русские стихотворения»). Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (Там же. С. 193—194).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОСТАВШИЕСЯ В ЧЕРНОВИКАХ, И НАБРОСКИ

МЛАДЕНЦУ

(«Дитя, не смею над тобой...»)

(С. 110 и 327)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 24 — черновой, под вписанным заглавием: «Младенцу», исправленным из зачеркнутого: «Ребенку». Автограф, расположенный в левой верхней части листа, представляет собой пять набросков, в которых опробованы разные варианты воплощения замысла. Второй и третий наброски, так же как четвертый и пятый, отделены друг от друга горизонтальной чертой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 9 (близкий к первоначальному вариант третьего наброска, последний вариант двух последних стихов четвертого, а также неполная и неточная сводка пятого наброска). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 9 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу пятого наброска.

Датируется 2—8 октября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 (на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина», на л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507)).

В Мор. 1887 (Т. 1. С. 336) стихи, восходящие к третьему и четвертому наброскам, напечатаны в том же виде, как у Якушкина, а опубликованным им пяти стихам пятого наброска придан вид законченного четверостишия (то же решение в Мор. 1903—06. Т. 1. С. 382, 685). В Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 559) и АН 1900—29 (Т. 3. С. 273) воспроизведено четверостишие, напечатанное П. О. Морозовым. В Венг. (Т. 2. С. 262) с неточностями напечатано шесть стихов пятого наброска, два стиха третьего наброска и три стиха четвертого наброска. В КН (Т. 1. С. 350) с неточностями напечатаны пять стихов пятого наброска (тот же текст в ГИХЛ 1931—ГИХЛ 1937). Впервые стихотворение напечатано по автографу пятого наброска в виде двух четверостиший Н. В. Измайловым в Акад. (Т. 2. С. 351); это решение принято всеми последующими изданиями Пушкина.

Сразу вслед за набросками стихотворения на том же листе тетради ПД 835 начинается большой черновой фрагмент поэмы «Цыганы» (л. 24—28), имеющей не-

которые тематические связи с незавершенным стихотворным текстом. К ним относится сцена с Земфирой и Алеко у колыбели сына (л. 24 об.), а также монолог Алеко над его колыбелью (л. 50 об.), который был написан Пушкиным позднее как вставка в уже завершенное произведение, но включен в него не был. По мнению С. А. Фомичева, стихи «Дитя, не смею над тобой...» с самого начала писались Пушкиным для поэмы «Цыганы», но затем были переработаны в отдельное стихотворение под заглавием «Младенцу»; впоследствии, как считает исследователь, Пушкин еще раз вернулся к этому тексту и по-новому обработал его в монологе Алеко над колыбелью сына (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 46). Против этой гипотезы, казалось бы, говорят варианты стихотворения, из которых становится ясно, что оно обращено к девочке (см., например: «Б(ыть) м(ожет), о судьбе моей / Она со временем услышит» — наст. т., с. 328), однако в черновике «Цыган» на л. 24 об. упоминается песня Мариулы над колыбелью дочери. Текст этой песни («Старый муж, грозный муж...») был введен лишь на более позднем этапе работы. Содержание первых набросков, появившихся на л. 24 (прощальное обращение к ребенку), не позволяет исключить, что они предназначались в состав поэмы, но по ходу работы над ними замысел изменился, получил самостоятельное значение и собственное заглавие.

Помимо гипотезы, связывающей появление лирического обращения к ребенку с работой над поэмой «Цыганы», существуют еще две другие, биографического характера. Первая из них была предложена Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 3. С. 556) и опиралась на письмо А. Н. Раевского к Пушкину от 21 августа 1824 г. из имения Александрия, где в это время находилась гр. Е. К. Воронцова: «Даже ее престелная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мной о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей. Я все время поджидаю маленького портрета с двумя первыми строками стихов, которые вы для нее написали» (Акад. Т. 13. С. 106, 530; оригинал по-фр.). Стихи Пушкина, о которых говорит Раевский, неизвестны. Лернер предположил, что комментируемый текст является «черновой редакцией стихов, написанных Пушкиным маленькой дочке Воронцовых», и отнес его к одесскому периоду, что никак не подтверждается историей заполнения тетради ПД 835. Комментатор обратил особое внимание на мотив клеветы, присутствующий в вариантах стихотворения (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 327, 328), полагая, что он явным образом связан с враждебным Пушкину окружением Воронцовой (см.: Венг. Т. 3. С. 556; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 731; см. также в примеч. к стихотворению «Коварность» — наст. т., с. 536—537). Между тем необработанный черновик из тетради ПД 835 можно связать со стихами, которые Пушкин в Одессе написал дочери Воронцовой Александре (1821—не ранее сентября 1830), только допустив, что письмо А. Н. Раевского послужило импульсом к созданию нового, к ней же обращенного текста. П. О. Морозов, принявший гипотезу Лернера, писал: «Стихи остались неотделанными, конечно, потому, что под пером Пушкина они готовы были обратиться в лирическое излияние, совершенно неуместное в обращении к четырехлетнему (правильнее: трехлетнему. — Ред.) ребенку» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 452). На каком-то из этапов работы черновые наброски действительно говорили о сложностях судьбы автора лирического высказывания больше, чем о самом ребенке. Только текст пятого наброска полностью сосредоточен на образе младенца.

Малоубедительным выглядит предположение И. А. Новикова о том, что стихотворение Пушкина «Младенцу» обращено к его незаконному ребенку от Е. К. Воронцовой (впервые: Новиков И. А. Пушкин в Михайловском : Роман. М., 1936.

С. 112—114). Предположение И. А. Новикова было поддержано М. А. Цявловским (см.: *Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартенева : (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) / Публ. Т. Г. Цявловской // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 276*) и Т. Г. Цявловской (см.: *Цявловская. «Храни меня, мой талисман...»*. С. 38—44). Развивая гипотезу Новикова, Цявловская писала: «Родословные разыскания говорят о том, что (...) дочь Воронцовой Софья родилась 3 апреля 1825 года. Стихи Пушкина, написанные между 2 и 8 октября 1824 года, могли возникнуть после письма возлюбленной, в котором она извещала его о том, что готовится стать матерью» (Там же. С. 41). Подкрепляя это предположение, Цявловская приводила семейное предание о том, что у Пушкина был ребенок от Воронцовой, сообщенное исследовательнице правнучкой поэта Н. С. Шепелевой. Дополнительными косвенными доказательствами Цявловская считала отсутствие фамильного сходства темноволосой С. М. Воронцовой с другими членами семьи и отсутствие записи о ее рождении в мемуарах М. С. Воронцова, отметившего в них даты рождения всех остальных детей.

Гипотеза об обращении Пушкина в стихотворении 1824 г. к своему незаконному ребенку связана с черновыми стихами, смысл которых меняется в зависимости от того, как в них будут расставлены отсутствующие в автографе запятые: «Прощай, дитя моей любви, / Я не скажу тебе причины» или «Прощай, дитя, моей любви / Я не скажу тебе причины...». В комментариях к изданиям Госл. (Т. 2. С. 758) и Худ. лит. (Т. 1. С. 726) Цявловская приводила первый вариант и, не упоминая имени Воронцовой, указывала, что речь здесь идет о «незаконном ребенке» Пушкина (в статье «Храни меня, мой талисман...» она писала, что расставновка знаков препинания «не меняет общего толкования стихотворения» (С. 41)).

Гипотетические построения Новикова—Цявловских не получили поддержки в современном пушкиноведении.

ГРАФУ О(ЛИЗАРУ)

(«Певец! издревле меж собою...»)

(С. 111 и 329)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 32 — черновой (за исключением ст. 1—4, записанных набело). Напечатано: Якушкин. № 7. С. 11 (ст. 1—4, 9 (последнее слово), 10—20, в виде сводки); Мор. 1887. Т. 1. С. 334—335 (ст. 1—20, в виде сводки); СПбВед. 1902. № 310. 12 (25) ноября (уточнения текста, в составе рецензии П. О. Морозова (подпись: Библиофил) на издание Ефр. 1903—05); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 379—380 (ст. 1—22, 25—26), 684 (варианты ст. 5—6); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 425—427 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Заглавие вошло в список стихотворений, предназначенных для издания: ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к гр. Ол(изару)» (см.: *Рукою П. 1997. С. 177, 178*).

Впервые: Якушкин. № 7. С. 11 (см. выше). Фамилия адресата раскрыта: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 209—210.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной октября (после 10-го) 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835: на л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507); на л. 36 об. — 37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. По предположению С. А. Фомичева (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 32), импульсом к созданию стихотворения могло послужить письмо С. Г. Волконского из Петербурга от 18 октября 1824 г. с известием о его помолвке с М. Н. Раевской (в замуж. кн. Волконская; 1805 (или 1807)—1863).

Послание адресовано графу Густаву Олизару (Olizar; 1798—1865), польскому поэту и общественному деятелю, киевскому губернскому предводителю дворянства в 1821—1824 гг., руководителю киевской масонской ложи «Соединенные славяне». В конце 1823—начале 1824 г. Олизар стал членом польского Патриотического общества, в программу которого входило требование национального освобождения. Тесные контакты польских конспираторов с членами русских тайных обществ, предполагавшие возможность совместного выступления, стали причиной ареста Олизара в январе 1826 г. Некоторое время он содержался в заключении, но был освобожден за недостатком улик.

Знакомство Пушкина с Олизаром состоялось в Киеве в середине мая 1820 г. и продолжилось летом 1821 г. в Кишиневе, куда Олизар приезжал с семейством Раевских и где именно в тот период в доме М. Ф. Орлова происходили встречи и переговоры с представителями польской конспирации. Летом 1824 г. Пушкин и Олизар встречались в Одессе. В 1823 г. Олизар сватался к М. Н. Раевской, но получил отказ, мотивированный различием в вероисповедании, а также семейным положением претендента (он был в разводе с женой). Несчастливая любовь Олизара с сочувствием воспринималась в дружественном кругу. А. Мицкевич упомянул о ней в сонете «Аюдаг» («Крымские сонеты» («Sonety krymskie»), 1825—1826), обращенном к Олизару и написанном после встреч с ним в 1825 г. в Одессе. История любви Олизара отразилась и в послании Пушкина (см. ниже, примеч. к ст. 11 и след.), но личная трагедия Олизара переведена здесь «в большой план исторических судеб двух народов» (Ланда С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов: (Из истории русско-польских общественных и литературных связей) // Литература славянских народов. Вып. 4: Из истории литератур Польши и Чехословакии. М., 1959. С. 102).

Предположительно в 1824 г. Олизар написал послание «Do Puszkina» («К Пушкину»), призывавшее «поэта могучего Севера» отринуть печаль и петь «мужественным голосом». Не считая возможным указывать адресату предметы, достойные его песен, автор послания добавлял: «Не издевайся лишь над побежденными судьбой, / Иначе потомки такой твой стих отвергнут!» (подстрочный перевод А. В. Кушакова: *Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. Тула, 1978. С. 23). Под «побежденными судьбой» имелись в виду сторонники польского патриотического движения. В стихотворении, таким образом, слышны отголоски бесед на политические темы, принимавших, по-видимому, довольно острые формы. Послание не вошло в поэтический сборник Олизара (*Olizar G. Spomnienia. Wilno, 1840. Zesz. 1—2*) и сохранилось в бумагах Пушкина (ПД, ф. 244, оп. 3, № 11, здесь же рукой неизвестного записан прозаический перевод текста на французский язык). О послании Олизара см.: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 143—148 (публ., пер., коммент. В. Г. Черно-

баева); *Ланда С. С.* Мицкевич накануне восстания декабристов. С. 101—102, 168—169; *Дворский А.* Пушкин и польская культура / Пер. с польск. М. Малькова. СПб., 1999. С. 64—70; П. и мировая литература. С. 230—231 (статья С. И. Николаева, здесь же см. литературу по теме «Пушкин и Олизар»). Олизар трактовал искусство как преобразующую силу («И если солнце топит льды / И из оков шумные освобождает реки, / То искра гения твоего возрождает народы / И преобразует давние столетия» — *Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. С. 23). Пушкин, как об этом говорится в последней строфе послания к Олизару, видел в искусстве область, в рамках которой возможно примирение враждующих племен. Сходные идеи высказывались в 1820 г. М. Ф. Орловым, мечтавшим об издании в Варшаве русского журнала с обширным литературным отделом, призванным «сплесть новый узел к соединению двух народов» (письмо М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому от 22 марта 1820 г. — ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 27). В послании к Олизару отразилось характерное для деятелей тайных обществ неприятие политики Александра I в отношении Польши (об этой стороне идеологии декабризма с обширной библиографией по теме см.: *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 73—87). С 1814 г., когда Александр I взял на себя командование польским войском, и до своей кончины он исполнял роль «воскресителя Польши», вселявшую в поляков большие надежды относительно будущего их родины (см.: *Ковальчикова А.* Отец-благодетель: Видение поляками «нашего российского владыки» // *Россия—Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре.* М., 2002. С. 6—8). Русское общество, взволнованное действиями царя, ожидало, что он решится вернуть Польше украинские, белорусские и литовские земли. Одним из первых эти опасения высказал Н. М. Карамзин в адресованной царю записке 1819 г. «Мнение русского гражданина» (см.: *Ланда С. С.* Мицкевич накануне восстания декабристов. С. 103—104; подробнее о решительном сопротивлении русской дворянской оппозиции планам федерализации империи см.: *Доннерт Э.* Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // *Славянские народы: Общность истории и культуры.* М., 2000. С. 186—214). Истории русско-польских отношений Карамзин посвятил вышедшие в начале 1824 г. 10-й и 11-й тома «Истории государства Российского», где речь шла о Смуте 1604—1612 гг. В декабре 1824 г. эти тома станут для Пушкина источником его работы над трагедией «Борис Годунов». Выраженное в послании к Олизару отношение Пушкина к польскому вопросу практически не изменилось и шесть лет спустя; ср. его отклик на действия русских войск, подавлявших польское восстание, в письме к Е. М. Хитрово от 9 декабря 1830 г.: «Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России...» (Акад. Т. 14. С. 134, 421—422; оригинал по-фр.).

Намерение Пушкина опубликовать послание (см. выше о списке ПД 291) возникло, вероятнее всего, под впечатлением общения с Мицкевичем в 1826—1827 гг. Присутствие Мицкевича, патриота и сторонника польской государственной независимости, вносило ноты непримиримости в разговоры близкого к Пушкину круга московских знакомых и делало особо актуальной одну из тем послания «Графу О(лизару)» — чуждость подлинной поэзии всему, что связано с национальной рознью. Эта тема, причем без стремления приписать правоту в давнем конфликте тому или иному народу, была еще раз затронута Пушкиным в стихотворении «Сто лет минуло, как тевтон...» (см. ст. 44—47), созданном в 1828 г. на основе «Вступления»

к поэме Мицкевича «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod», 1828). По мнению А. Дворского, стихотворением «Графу О(лизару)» Пушкин начинает «диалог о Польше и России, продолжением которого станут трагедия „Борис Годунов“, поэтический „польский триптих“ 1831—1832 гг. (т. е. стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой...». — *Ред.*), наконец, „Медный всадник“ и знаменитое стихотворение „Он между нами жил“» (*Дворский А.* Пушкин и польская культура. С. 90; см. также: *Lednicki W.* Aleksander Puszkín : Studja. Kraków, 1926. S. 177—178).

Ст. 1—4. *Певец! издр(е)вле меж собою ~ То гибнет ваша под грозою.* — Ср. в стихотворении «Клеветникам России» (1831): «Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона» (Акад. Т. 3. С. 269) (см.: Ходасевич. Пушкин. Т. 3. С. 210). Ср. также в послании «К Языкову» (1824), близком по времени возникновения к посланию к Олизару: «Издревле сладостный союз / Поэтов меж собой связует» (наст. т., с. 8).

Ст. 5—6. *И вы, бывало, пировали Кремля [позор и] < > плен...* — Во время Смуты 1604—1612 гг. Москва дважды оказывалась в руках польских наемников. Можно предположить, что Пушкин прежде всего ориентировался на события царствования Лжедмитрия I, описанные в 11-м томе «Истории государства Российского» Карамзина. Здесь были даны яркие картины пребывания в Москве Самозванца и его сподвижников, с бесконечными пирами и празднествами, с бесчинствами в церквах (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 223, 224, 234, 246, 249, 261—263, 267—268, 273 и др.).

Ст. 7—8. *И мы о камни падиших стен Младенцев Праги избивали...* — Здесь и далее (см. ст. 9—10) Пушкин говорит о подавлении польского восстания 1794 г., закончившегося третьим разделом Польши. Кульминацией военных действий против повстанцев стал штурм А. В. Суворовым укрепленного варшавского предместья Прага 24 октября 1794 г. В приказе перед началом штурма Суворов призывал солдат щадить мирное население, однако участие в нем частей, пострадавших от поляков во время резни в Варшаве в апреле 1794 г., привело к ужасающим последствиям. По воспоминаниям участника этих событий, солдаты готовились к штурму Праги с намерением мстить «за кровь наших, изменнически пролитую в Варшаве на Страстной неделе» ([*Старков Я. М.*] Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 47). В «Реляции о штурме Праги» от 7 ноября 1794 г. Суворов сообщал: «Страшное было кровопролитие, каждый шаг на улицах покрыт был погиблыми. Все площади устланы были телами, последнее и самое страшное истребление было на берегу Вислы, в виду варшавского народу. <...> В Праге улицы и площади ус(т)ланы были убитыми телами, кровь текла ручьями, Висла, обогрелая, несла стремлением своим тела тех, кои, искав убежища в ней, утопали, страшное сие позорище видя, затрепетала вероломная сия столица» (цит. по: *Орлов Н. А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894. С. 121—122; с купюрами «Реляция» напечатана: А. В. Суворов : Документы : В 4 т. М., 1952. Т. 3. С. 407—419). В работе Н. А. Орлова дан суммарный пересказ воспоминаний о штурме Праги: «На беду спрятавшиеся в домах жители, не исключая женщин, стали оттуда стрелять, бросать камнями и всем тяжелым, что попадалось под руку. Это еще усилило ярость солдат; бойня дошла до апогея; врвались в дома, били всех кого попало, и вооруженных, и безоружных, и оборонявшихся, и прятавшихся; старики, женщины, дети — всякий, кто подвергивался, погибал под ударами. <...> В мемуарах встреча-

ется описание неистовств, которым предавались русские в Праге. Один гренадер в ожесточении колот штыком безоружных поляков и даже раненых; как бы для того, чтобы разнообразить свои упражнения, он разрубал полякам головы топором, говоря: „это все собаки”. Один казак для потехи воткнул на пикю маленького ребенка; другой, вырвав дитя из объятий заколотой матери, разбивал его о стену» (*Орлов Н. А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. С. 90). Ср. в «Сказании» Авраамия Палицына о поведении «польских людей и русских изменников», т. е. польских наемников, примкнувших к войскам Лжедмитрия II в 1608—1610 гг.: «...у инех же чадо восхитивше, и пред очима родителей на огни пряжаху, инех же от сосцу и от пазуху матерню отторгающе, о землю, и о пороги, и о камение, и о углы разбиваху, инех же на копия и на сабли возткнувше пред родителями ношаху» (Сказание о осаде Троицкаго Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келарем Авраамием Палицыным. М., 1784. С. 40, 45; 2-е изд. М., 1822. С. 46, 52; «Сказание» было хорошо известно Пушкину, см. примеч. к трагедии «Борис Годунов» — наст. изд., т. 7, с. 606). У Пушкина, как, вероятно, и в указанных мемуарных свидетельствах, упоминание младенцев, разбитых о камни, содержит отсылку к 136-му псалму (ст. 8—9) — ср.: «Дщи Вавилоны окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам; блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень» (см.: *Сурат И. З.* Библейский подтекст в оде «Вольность» // ПИС (Нов. серия). Вып. 2 (41). С. 203). Трагедия штурм Праги и падение Польши как акт возмездия за «позор Кремля», Пушкин следовал поэтической традиции, в рамках которой предполагались покорение Москвы и покорение Варшавы. «Исторические грехи» Польши перед Россией перечислялись уже в первых откликах на победу 1794 г. (см., например, стихотворения И. И. Дмитриева «Графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы» и «Освобождение Москвы», 1794—1795; о поэтических откликах на события 1794 г. см.: *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов : Имагологические очерки. М., 2005. С. 35—37). Эта традиция оставалась актуальной и в позднейшие годы. В стихотворении «Русская слава» (1831) Жуковский закончил перечисление военных побед Екатерины II упоминанием Праги, дав штурму 1794 г. то же, что и у Пушкина, историческое осмысление: «И в Праге, кровью залитой, / Москвы отмщеная обида» (Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 285). В унисон с поэтическим высказыванием Жуковского звучит упоминание Праги в стихотворении Пушкина «Клеветникам России»: «Для вас безмолвны Кремль и Прага»; см. также в «Бородинской годовщине» Пушкина слова о Варшаве («Мы не сожжем Варшавы их») как напоминание о тех событиях, которые занесены на «старые скрижали» истории. Подробнее см.: Березкина 2010. С. 249—303.

Ст. 9—10. *Когда в кровавый прах то(пта)ли Красу Костюшкиных знамен.* — Отзыв Пушкина о Тадеуше Костюшко (Kościuszko; 1746—1817) отражает характерный для русской общественности культ его как республиканца и выдающегося польского деятеля, отказавшегося в 1812 г. поддержать своих соотечественников в походе наполеоновских войск против России. Костюшко возглавлял польское восстание 1794 г. и был взят в плен за месяц до штурма Праги.

Ст. 11 и след. *И тот не наш, кто с девой вашей...* — Ср. в воспоминаниях Олизара о причине отказа, полученного им в ответ на сватовство к М. Н. Раевской: «Она знала, что при существующих политических отношениях между двумя народами русская, которая стремится таковой остаться, не может соединить свою

судьбу с судьбой подлинного поляка, ибо одна из сторон должна бы была отречься от всего, что означает честность, благородство, а значит, что составляет подлинное счастье человеческой жизни» (*Olizar G. Pamiętniki. 1798—1865. Lwów, 1892. S. 157*; цит. по: *Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич : Материалы к истории литературных отношений : 1826—1829. М., 1999. С. 77*). Д. П. Ивинским выражено малоубедительное предположение о том, что высказывание Олизара ориентировано на ставшее ему известным стихотворение «Певец! издревле меж собою...» (Там же). Отмеченная исследователем общность объясняется драматическими реалиями эпохи (см.: *Дворский А. Пушкин и польская культура. С. 82*; здесь же указано еще одно произведение со сходным комплексом идей — стихотворение А. С. Хомякова «Иностранке», 1832). В письме к С. Проскуре от 20 июля 1823 г. Олизар привел отрывок из письма к нему М. Н. Раевской, написанного сразу же после его сватовства: «Отец двух детей, разведенный муж, на что у нас смотрят совсем не так, как в Польше, — и наконец, я говорила Вам, политическое положение двух наших народов, — все это создает непреодолимые препятствия между нами» (цит. по: *Ланда С. С. Пушкин и Густав Олизар : (Из истории русско-польских литературных и общественных отношений) // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 43*). Русско-польские брачные союзы, соединявшие православных и католиков, не поощрялись в России и были обставлены строгими юридическими ограничениями, касавшимися в первую очередь вопроса веры, в которой воспитывались рожденные в таких браках дети; тревожная озабоченность по поводу русско-польских брачных союзов проявлялась как русскими, так и поляками (см.: *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики : Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 75—99*).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф (ПД 835, л. 32). Ст. 11—12 Б, «а». *И тот не наш, кто польке злобной Кольцом* ( ) сопряжен... — Карамзин подчеркивал, что женитьба самозванца на Марине Мнишек, представительнице «племени, ненавистного для тогдашних россиян», была в их глазах одним из чудовищных знаков пренебрежения к национальным обычаям и верованиям (*Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 11. С. 278*). Размышления Пушкина о характере польской женщины опирались как на личные впечатления периода южной ссылки, так и на определенную литературную традицию. По наблюдениям Е. Е. Левкиевской, полька в русской литературе — это «символ соблазна и опасности» (*Левкиевская Е. Е. Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX—XX вв. // Россия—Польша : Образы и стереотипы в литературе и культуре. С. 195*). В трагедии «Борис Годунов», начатой в декабре 1824 г., одним из центральных стал образ Марины Мнишек, о котором Пушкин в 1829 г. писал Н. Н. Раевскому-младшему: «Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего поляка, как говорила [кузина г-жи Любомирской] (т. е. К. Собаньская. — *Ред.*)» (*Акад. Т. 14. С. 47, 395; оригинал по-фр.*). См. об этом: *Дворский А. Пушкин и польская культура. С. 108—111; наст. изд., т. 7, с. 624, 681*.

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ПЛЕТНЕВУ〉

(«Ты издал дядю моего...»)

(С. 112 и 333)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 34 — черновой, в составе наброска письма к П. А. Плетневу от конца октября 1824 г. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 12 (ст. 1—7, 9, в виде сводки); Мор. 1903—06. Т. 8. С. 72 (полнее; в виде сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 12 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 7 (в составе письма); Ефр. 1903—05. Т. 1 (в корпусе стихотворений).

Печатается по автографу.

Датируется концом октября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 (на л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 октября», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507); на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.

Стихотворение адресовано Петру Александровичу Плетневу (1791—1865), критику, поэту, педагогу, издателю (адресат указан в Мор. 1887. Т. 7. С. 86; В. Е. Якушкин, первый публикатор послания, полагал, что оно обращено к Н. В. Всеволожскому; эта ошибка повторена в обоих изданиях Ефр. 1887). Стихотворением начиналось черновое письмо Пушкина, в котором он препоручал Плетневу издание первой главы «Евгения Онегина». Записав ст. 1—5, Пушкин набросал прозаическую часть письма: «Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего „Онегина“! — Сзови мой Ареопаг, ты, Ж(уковский), Гнед(ич) и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорн(остью) при(му) его решение. Жалею, что нет между ва(ми) Бара(тнинского), говорят, он пишет» (Акад. Т. 13. С. 113). После этого на левом поле листа была продолжена работа над стихотворным текстом.

Рукопись первой главы была увезена Л. С. Пушкиным из Михайловского в Петербург 3—5 ноября 1824 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 455). Вероятно, с ним же было отправлено и письмо к Плетневу, охотно принявшему на себя поручение Пушкина.

Знакомство Пушкина с Плетневым, на первых порах далекое от дружеского сближения, состоялось в Петербурге, по-видимому, в конце 1816 г. К началу 1820-х гг. среди петербургских литераторов, поначалу относившихся к Плетневу настороженно (см. об этом: Вацуро В. Э. «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина // Литературное обозрение. 1987. № 2. С. 4), распространилась слава о нем как хорошем редакторе. По предложению А. И. Тургенева он осуществил подготовку к печати книги «Стихотворения Василия Пушкина» (СПб., 1822), взяв на себя техническую сторону издания. Книга вышла в конце 1822 г.; в откликах на нее особо отмечались полиграфические достоинства («Издание Стихотворений В. Л. Пушкина чрезвычайно удачно как по исправности текста, так и по типографской красоте» — Соревн. 1822. Ч. 20. № 11. С. 217; ср.: РИ. 1823. № 39. 16 февр. С. 155—156). Об истории этого издания см. также: СО. 1821. Ч. 73. № 46. С. 284—286 (объявление о подписке на книгу, написанное П. А. Вяземским); Плетнев П. А. Соч. и переписка / Изд. Я. Грота. СПб., 1885.

Т. 3. С. 382—384 (письмо Плетнева к Вяземскому от 6 января 1822 г.); Акад. Т. 13. С. 58 (отклик Пушкина на книгу дяди в письме к Вяземскому от 6 февраля 1823 г.); Горбенко Е. П. Из переписки П. А. Плетнева // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 20—21, 25—26. Успешно начатая Плетневым деятельность была продолжена в ходе подготовки третьего издания «Стихотворений» В. А. Жуковского, которое вышло из печати в начале 1824 г. и также удостоилось похвал за тщательную подготовку: «...издание сие в типографическом отношении едва ли не превосходит все доньше напечатанное в России. Бумага, формат, литеры, исправность и чистота набора — все соответствует одно другому...» (РИ. 1824. № 81. 1 апр. С. 322—323). Несомненно, Пушкин знал также о редакционно-издательских делах Плетнева по журналу «Соревнователь просвещения и благотворения» и альманаху Дельвига «Северные цветы», первый выпуск которого должен был выйти на рубеже 1824—1825 гг. На решение доверить Плетневу как члену «ареопага» издание первой главы «Евгения Онегина» должны были повлиять и его критические выступления, в которых давалась высокая оценка «совершенству таланта» Пушкина (см.: Плетнев П. А. Антологические стихотворения : «Муза» и «К уединенной красавице» // Соревн. 1822. Ч. 19. № 7. С. 17—32; П. в критике, I. С. 109—113; Плетнев П. А. «Кавказский пленник». Повесть. Соч. А. Пушкина // Соревн. 1822. Ч. 20. № 10. С. 24—44; П. в критике, I. С. 116—124).

Передача первой главы романа Плетневу положила начало его многолетней деятельности по изданию пушкинских сочинений. Это было доверительно-дружеское сотрудничество поэта и издателя. В 1838 г. Плетнев писал о Пушкине в письме к Г. А. Строганову: «...я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром»; и несколько далее: «Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямодушия моего и — может быть — несколько счастливых замечаний, которые удалось мне передать ему на его сочинения, до такой степени сблизили его со мною, что ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал надвое» (ПИС. Вып. 13. С. 136—137; публ. Б. Л. Модзалевского; см. также письмо Плетнева к С. П. Шевыреву от 1 ноября 1846 г.: Два века с Пушкиным : Материалы об А. С. Пушкине в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) : Каталог / Сост. Н. А. Зубкова, А. В. Сиринов. СПб., 2004. С. 137). В статье «Памяти П. А. Плетнева» (1866) Вяземский утверждал, что у него было «чистое сердце, светлый и спокойный ум, бескорыстная, беспредельная, теплая преданность друзьям <...> добросовестное, не по расчетам, не в виду житейских выгод и в чаянии блестящих успехов, но по призванию, но по святой любви, служение литературе, изящный и верный вкус, с которым любили справляться Баратынский и сам Пушкин» (Вяземский. ПСС. Т. 7. С. 129). Помимо послания «Ты издал дядю моего...» с именем Плетнева связаны в поэзии Пушкина посвящение «Евгения Онегина» (написано в 1827 г.) и стихотворение «Ты мне советуешь, Плетнев любезный...» (1835).

Ст. 2—3. Творец «Опасного соседа» Достои(н) очень был того... — Речь идет о В. Л. Пушкине как авторе бесцензурной поэмы «Опасный сосед» (1811). В письме к П. А. Вяземскому от 6 января 1822 г. Плетнев писал о нем:

Кто нам «Опасного соседа»
Искусным написал пером;

Кого завидным мне венком
И Арзамасская беседа
Не отказалась наградить...

(Плетнев П. А. Соч.
и переписка.
Т. 3. С. 382—383)

Уже в «(Послании к В. Л. Пушкину)» («Тебе, о Нестор Арзамаса...») (1816) (наст. изд., т. 1, с. 194—195) ощущалось ироничное отношение Пушкина к творчеству дяди (характерное для круга «арзамасцев», так же как для Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, см. примеч. к этому стихотворению — там же, с. 707).

Ст. 3—4. *Хотя покойная Беседа И не замети(ла) его.* — В 1824 г. «Беседа любителей русского слова» действительно была уже «покойной» (ее деятельность завершилась в 1816 г.). Однако и в пору ее активности этот эпитет постоянно использовался «арзамасцами» по отношению к «Беседе» и ее членам (см. об этом примеч. к стихотворению «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...») (1816) — наст. изд., т. 1, с. 696—697; см. также в стихотворении «(Из письма к В. Л. Пушкину)» («Христос воскрес, питомец Феба!») (1816): «Да не воскреснет от забвенья / Покойный господин Бобров, / (..) / И Николев, пнит покойный, / И непокойный граф Хвостов» — там же, с. 173). «Арзамасец» В. Л. Пушкин, активно полемизировавший в своих стихотворных посланиях с «беседчиками», получал от них ответные удары, в частности, в стихах кн. А. А. Шаховского и М. В. Милонова. Поэтому Пушкин был не совсем точен, утверждая, что «Беседа» «не заметила» произведений его дяди. В «арзамасском» ключе выдержана и прозаическая часть письма Пушкина к Плетневу. В нем слышны отголоски творческой истории стихотворения Жуковского «Императору Александру» (1814), которое было передано автором для поправок «священному ареопагу» из числа «арзамасцев». В ответ на их замечания родилось шутовское послание Жуковского «Ареопагу» (1815) (см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 740—741, примеч. А. С. Янушкевича), при жизни автора не печатавшееся, но, по-видимому, хорошо известное Пушкину.

Ст. 7. [*Плод(ы)*] *пустых моих трудов.* — Ср. характеристику романа «Евгений Онегин» в посвящении Плетневу: «Небрежный плод моих забав» (Акад. Т. 6. С. 3).

Ст. 8—9. *Но между нами, мой Плетнев, Когда ж ты будешь свой издатель?* — Плетнев печатал свои стихи (элегии, послания, баллады, мадригалы) начиная с 1818 г. Восприятие их современниками было неоднозначным. В. К. Кюхельбекер, перечитывая в 1833 г. русские журналы 1819 г., с удивлением обнаружил в одной из стихотворных публикаций Плетнева «нечто истинно поэтическое» (Кюхельбекер 1979. С. 271; речь шла об элегии «Гробница Державина»). Резкую характеристику художественных достижений Плетнева Пушкин дал в письме к брату Льву от 4 сентября 1822 г.: «...слог его бледен, как мертвец» (Акад. Т. 13. С. 46). Этот отзыв стал известен Плетневу (см. письмо, написанное Пушкиным брату в октябре 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 51), но он откликнулся на него благожелательным посланием «К А. С. Пушкину», которое вызвало похвалу адресата: «...послание Плетнева, может быть, первая его пиеса, которая вырвалась от полноты чувства. Она блещет красотами истинными (..) тон его смел и б(лагороден)(?)» (Там же); см. также письмо Пушкина к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. с благожела-

тельным отзывом о стихотворении Плетнева «Родина» (Акад. Т. 13. С. 88). После получения послания Плетнева Пушкин писал ему в ноябре—декабре 1822 г.: «Я долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев; собирался отвечать стихами, достойными твоих, но отложил попечения» (Акад. Т. 13. С. 53). Вероятно, это давнее намерение загладить ответными стихами свою былую резкость определило комплиментарный характер финала пушкинского послания, намекавшего на высокую оценку творческих достижений Плетнева. Следует отметить, что Плетневу так и не довелось быть «издателем» своих стихов. Впервые они были собраны, причем не в полном объеме, лишь после его смерти — в третьем томе его «Сочинений и переписки» (см. выше). Между тем в архиве Плетнева хранилась тетрадь стихов, которую В. Э. Вацуро охарактеризовал как «макет будущего издания» (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 735); Плетнев вел ее, начиная с 1822 г., на протяжении двух десятилетий. Об истории издания стихов Плетнева см.: *Плетнев П. А. Стихотворения / Сост., подгот. текста, примеч. С. П. Белеховой, М. В. Строганова. Тверь, 1998. С. 213.*

«ПРЕЗРЕВ И ГОЛОС(?) УКОРИЗНЫ...»

(С. 113 и 334)

Автографы:

1) В тетр. ПД 835, л. 7 — первоначальный набросок. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 879 (публ. Н. В. Измайлова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) В тетр. ПД 835, л. 35 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 14—15 (ст. 1—17, 21, 24, в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 454—455 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 14—15 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу ПД 835, л. 35 об.

Датируется черновой автограф на л. 35 об. последними числами октября 1824 г. по положению в тетради ПД 835 (на л. 27 об. дата: «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507); на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.). Н. В. Измайлов датировал стихотворение концом октября—ноябрем 1824 г. (Акад. Т. 2. С. 1147), по-видимому предполагая, что оно появилось на оставшейся незаполненной странице уже после того, как поэт начал работать в тетради на следующих после 35 об. листах (но не далее чем на л. 40—40 об. с письмом Пушкина к Вяземскому от 29 ноября 1824 г.). Однако достаточных оснований для такого предположения не имеется. Датировка последними числами октября соответствует биографическому контексту стихотворения (см. ниже, примеч. к ст. 13—16).

Первоначальный набросок датируется 1824 г., последними числами мая—предположительно первой половиной июня. Его датировка определяется по времени создания стихотворений «Зачем ты послан был и кто тебя послал...» и «Кораблю». Первое из них, записанное в верхней части л. 7, датируется 1824 г., концом мая (после 22-го)—началом июня (см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 909, примеч. Е. О. Ларионовой и А. С. Бодровой); второе, расположенное на л. 7 об., предположительно

создавалось около середины июня 1824 г. (см. там же, с. 908, примеч. Г. Е. Потаповой). Гипотеза о более ранней датировке первоначального наброска «Презрев и голос(?) укоризны...» (конец марта 1824 г.) предложена С. А. Фомичевым (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 38—39, 57; изложение этой гипотезы см. в примеч. к стихотворению «Зачем ты послан был и кто тебя послал...» — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 909—910).

Работа на л. 35 об. тетради ПД 835 осуществлялась, как минимум, в два этапа. После ст. 16 Пушкин, оставив место для следующих стихов, провел горизонтальную черту и стал набрасывать продолжение, которое так и не сложилось в сколько-нибудь оформленную строфу. Незавершенной осталась и строфа, вписанная над горизонтальной чертой. Затем наступил перерыв в работе, и в нижней части л. 35 об. появилось стихотворение «Сабуров, ты оклеветал...». Лишь после этого на левом поле листа продолжилась работа над комментируемым текстом, который, однако, так и не был завершен.

Третье слово в ст. 1 по-разному прочитывалось публикаторами стихотворения: «Презрев и шепот укоризны» (Якушкин. № 7. С. 14; Мор. 1887. Т. 1. С. 333; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 380; Венг. Т. 2. С. 261 (публ. Н. О. Лернера)), «Презрев и толки укоризны» (КН. Т. 1. С. 351 (публ. М. А. Цявловского); все издания ГИХЛ (публ. М. А. Цявловского); Акад. в 9 т. Т. 2. С. 135 (публ. М. А. Цявловского); Акад. в 6 т. Т. 1. С. 385 (публ. М. А. Цявловского)); «Презрев и голос(?) укоризны» (Акад. Т. 2. С. 349 (публ. Н. В. Измайлова); то же, но без знака вопроса, снятого в связи с издательскими требованиями, — в Акад. в 10 т. (1) Т. 2. С. 232 и Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 235 (публ. Б. В. Томашевского); Пушкин 1955. Т. 3. С. 266 (публ. Б. В. Томашевского); Госл. в 10 т. Т. 2. С. 501 (публ. Т. Г. Цявловской); Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 600 (публ. Т. Г. Цявловской и Д. Д. Благого)), «Презрев и пени(?) укоризны» (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 57). В публикациях финальной части стихотворения также имеются расхождения. До Акад. стихотворение печаталось без наброска последних строк в составе ст. 1—24. Текст ст. 25—27, предложенный Н. В. Измайловым в Акад., был пересмотрен Б. В. Томашевским, который печатал последние стихи в следующем виде (см., например: Акад. в 10 т. (2) Т. 2. С. 236):

К моей могиле безымянной
 <.....>
 Настанет ..... час желанный.
 И ..... славянин

Более корректным, однако, представляется решение Акад., принятое затем в Госл. в 10 т. и Худ. лит. в 10 т., а также в настоящем издании.

С. А. Фомичевым указано на две цифровые пометы в рукописи стихотворения: «2» и «3» (см.: Неизданный Пушкин. Вып. 2. С. 9—10). По мнению исследователя, первая из них поставлена над стихами:

Благослови побег поэта
 Не позабудь в волненьи <света><?>

а вторая — над начатыми строками:

И <   > где меня ни носит
Судьба

Значение помет истолковано следующим образом: «...Пушкин теперь собирался сначала охарактеризовать свою судьбу на чужбине (очевидно, нелегкую), но заключить все стихотворение мыслью о неизбежности трудного шага. Далее он занялся начерно отработкой темы второго, по данной нумерации, четверостишия, которое разрослось до восьми не вполне прописанных строк...» (Там же. С. 10). Пометы, указанные С. А. Фомичевым, могут быть только гипотетически прочитаны как цифры «3» и «2»; тем более гипотетическим является определение их назначения в рукописи.

Биографический контекст стихотворения был подробно рассмотрен М. А. Цвяловским (см.: Цвяловский. Статьи. С. 131—156), связавшим его замысел с планами побега поэта за границу. К возникшим еще на Юге мыслям о побеге (см. примеч. к стихотворению «К морю» (1824) — наст. т., с. 515) Пушкин вновь вернулся в Михайловском после тяжелой ссоры с отцом в последних числах октября 1824 г.; ссора была вызвана согласием С. Л. Пушкина стать «попечителем» своего сына. В письме к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. поэт писал: «Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменялось: отец, испуганный моей ссылакою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров (опочечский уездный предводитель дворянства. — *Ред.*), назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом» (Акад. Т. 13. С. 116). Под впечатлением от скандального объяснения с Сергеем Львовичем Пушкин был готов просить псковского губернатора о переводе его в крепость (см. копию его неотправленного письма Б. А. Адеркасу рукой П. А. Осиповой — Акад. Т. 13. С. 115—116); по-видимому, в то же время в его разговорах возникает тема побега. Намек на эти планы Пушкина можно видеть в письме П. А. Осиповой к Жуковскому от 22 ноября 1824 г.: «Если Алекс(андр) должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя — а там поздно будет размышлять о следствиях. Все здесь сказанное не пустая догадка, но прошу вас, чтобы и Лев Серг(севич) не знал того, что я вам сие пишу. Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близлежащих к ней, через Альпы, земель полезен для русских орлов, — и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет» (РА. 1872. № 12. Стб. 2360—2361).

Несмотря на некоторые предосторожности, о которых Пушкин просил в письме к брату от 1—10 ноября 1824 г. («Скажи от меня Жуковскому, чтоб он помолчал о происшествиях ему известных. Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы — и ты, душа, держи язык на привязи» — Акад. Т. 13. С. 118), слухи о том, что Пушкин хочет самовольно оставить Михайловское, получили распространение в столицах и даже за границей: «Слухи, дошедшие до вас о Сверчке, пустые: он в деревне по-прежнему, но едва не наделал глупостей...» (Жуковский — А. И. Тургеневу, письмо от 22—25 ноября 1824 г. — цит. по: Летопись 1999. Т. 1. С. 461); «Мне дьявольски не нравятся п(етербургск)ие толки о моем побеге» (Пушкин —

Л. С. Пушкину, около (не позднее) 20 декабря 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 130); «...нельзя ли отписать к Якушкину и велеть ему мне написать, что узнает про общих наших приятелей; особенно об Пушкине (который, говорят, в Петербурге)» (П. Я. Чаадаев — М. Я. Чаадаеву, 18 (30) декабря 1824 г. — *Чаадаев П. Я. Соч. и письма. М., 1913. Т. 1. С. 38*).

Более веское свидетельство о планах побега за границу исследователи видят в письме к Льву Пушкину, датированном около (не позднее) 20 декабря 1824 г.: «Когда ты будешь у меня, то станем трактовать о *банкире, о переписке, о месте пребывания Чадаева*. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться» (Акад. Т. 13. С. 130—131). Выделенные «пункты» имели отношение к установлению правильной пересылки денег и корреспонденции за границу, а также места, где в тот момент находился путешествовавший по Европе П. Я. Чаадаев. Однако родители не позволили Л. С. Пушкину приехать в Михайловское зимой 1824/25 г., и эти намерения осуществления не получили. Уже позже, весной—летом 1825 г., Пушкин надеялся выехать за границу, выхлопотав разрешение на поездку в Дерпт или Ригу для лечения от «аневризма» (см.: Цвяловский. Статьи. С. 138—147, а также примеч. к стихотворению «П. А. О〈сиповой〉» («Быть может, уж недолго мне...») (1825) — наст. т., с. 717—718)), однако эти планы реализовать не удалось. См. также рассказ А. Н. Вульфа о намерении Пушкина бежать из России под видом его крепостного слуги (*Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: (Заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига) // Семевский. С. 81*).

Поздней осенью 1824 г. Пушкин отдал в печать стихотворение «К морю» и первую главу «Евгения Онегина», где тема «поэтического побега» решалась в сходном ключе (см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 516). Эти тексты в свою очередь встраивались в более обширный ряд поэтических произведений Пушкина, в которых развивалась тема бегства из «родного предела» («Погасло дневное светило...», «Кавказский пленник» («Покинул он родной предел / И в край далекий полетел...» — Акад. Т. 4. С. 95) и др.). К 1824 г. мотив бегства с родины должен был осознаваться как байронический, он находил опору как в произведениях Байрона (прежде всего в «Паломничестве Чайльд Гарольда»), так и в его биографии.

Ст. 3—4. *Иду в чужбине прах отчизны С дорожных отряхнуть одежд* — В основе образа — парафраза библейского фразеологизма «отрясти прах от ног», «отрясти одежды» (см.: Мк. 6: 11; Лк. 9: 5; Мф. 10: 14; Деян. 18: 6; Деян. 13: 51). Ср. его использование у Батюшкова: «И, с ризы странника свергая прах и тлен, / В мир лучший духом возлетаю» («К другу», 1815) (Батюшков. Соч. 1934. С. 99), «Когда ж узрю спокойный брег, / Страну желанную отчизны? / <...> / Земную ризу брошу в прах / И обновлю существованье?» («Надежда», 1815) (Там же. С. 57). См. также сходную фразеологию в поэме Байрона «Проклятие Минервы» («The Curse of Minerva», 1811): «So may her few, the lettered and the brave, / Bound to no clime, and victors of the grave, / Shake off the sordid dust of such a land, / And shine like children of a happier strand» (Byron 1898—1904. Poetry. Vol. 1. P. 465); во французском переводе А. Пишо: «Puisse le petit nombre de ses savants et de ses braves, secouer la sordide poussière d'une telle patrie et briller comme les enfants d'un plus heureux rivage!» («Если б немногие из ее (Британии. — *Ред.*) ученых и храбрецов могли отрясти гнусный прах такого отечества и воссиять подобно детям счастливейшего края!») (Byron G. G. Œuvres. 4-e éd., entièrement rev. et corr. / Par A. P[icho]; Précédée d'une notice sur Lord Byron par M. Charles Nodier. Paris, 1823.

Т. 1. Р. 165. Ср. также реплику Курбского в сцене «Граница литовская» в трагедии «Борис Годунов» (1825):

Вот, вот она, вот русская граница!
 Святая Русь! Отечество! я твой!
 Чужбины прах с презреньем отряхую
 С моих одежд, пью жадно воздух новый...
 (Наст. изд., т. 7, с. 60)

Ст. 7—8. *Прости, предел неблагоприятный, Где свет узрел я в первый раз!* — Обращение «предел неблагоприятный» намеренно контрастирует с последующей формулой, традиционно применяющейся в идеализированном описании «родного предела» — ср.: «Дерзну ль игрою струн моих / <...> / Хвалить красу твоих берегов / <...> / Где в первый раз открыл я взор...» (Н. М. Карамзин «Волга» (1793) — Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 118—119 (Б-ка поэта; Большая сер.)); «Отчизне кубок сей, друзья! / Страна, где мы впервые / Вкусили сладость бытия, / <...> / Родного неба милый свет, / <...> / Златые игры первых лет / И первых лет уроки...» (В. А. Жуковский «Певец во стане русских воинов» (1812) — Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 227); «Забуду ль в песнях я тебя, родимый край, / О колыбель младенчества златая / <...> / Где, с жизнью обнявшись молодою, / Я в первый раз смотрел, что светит в небесах...» (П. А. Плетнев «К моей родине» (1820) — Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 324—325).

Ст. 9—12. *Простите, сумрачные сени, Где дни м<ои> <...> в тиши, Исполнены страстей и лени, И снов задумчивых души.* — С небольшими изменениями эти строки войдут в одну из финальных строф шестой главы «Евгения Онегина»: «Простите ж, сени, / Где дни мои текли в глуши, / Исполнены страстей и лени / И снов задумчивой души» (Акад. Т. 6. С. 136); впоследствии этот отрывок был вписан Пушкиным в альбом А. Н. Вульф с датой 2 октября 1835 г. (см.: Рукою П. С. 664—666). См. также формульное сочетание «страстей» и «лени» в стихотворении Пушкина «В часы забав иль праздной скуки...» (1830): «В часы забав иль праздной скуки, / Бывало, лире я моей / Вверял изнеженные звуки / Безумства, лени и страстей» (Акад. Т. 3. С. 212).

Ст. 13—16. *Мой брат, в опасный день разл<уки> Все думы сердца — о тебе. В последний <раз> сожжем же руки И покоримся мы судьбе.* — В конце октября 1824 г. ожидался отъезд Л. С. Пушкина из Михайловского; он уехал в первые числа (3—5-го) ноября.

Рифмопара «разлуки—руки» («разлуку—руку»; нередко в составе сочетаний «пожать/сжать/протянуть руку»), частая в поэзии Пушкинской эпохи, вводит микросюжет прощания с дорогим ближним (другом, братским кругом друзей, возлюбленной), который для Пушкина и поэтов-лицеистов был, в частности, связан с темой дружеского братства — см. в «Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея» (1817) А. А. Дельвига: «Простимся, братья! Руку в руку! / Обнимемся в последний раз! / Судьба на вечную разлуку, / Быть может, здесь сроднила нас!» (Дельвиг. Соч. С. 126), отозвавшейся в строках «19 октября» 1825 г.: «Ты простирал из-за моря нам руку, / Ты нас одних в младой душе носил / И повторял: „На долую разлуку / Нас тайный рок, быть может, осудил!”» (наст. т., с. 75). См. также другие примеры в пушкинской поэзии: «Когда сожмешь ты снова руку, / Которая тебе дарит / На скучный путь и на разлуку / Святую библию харит?...» («Когда

сожмешь ты снова руку...» (1818) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 22); «Он снова простирает руки / Товарищам минувших лет, / Забытым в долги дни разлуки, / Которых уж и в мире нет...» («Вадим») (1821—1822) — Акад. Т. 4. С. 142); «Тогда, тяжелую предчувствуя <разлуку>, / Твой друг [тебе простер] торжественную руку...» («Гречанка верная! не плачь — он пал героем...») (1822—1823) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 132); «Печален я: со мною друга нет, / С кем долгую запил бы я разлуку, / Кому бы мог пожать от сердца руку / И пожелать веселых много лет» («19 октября») (1825) — наст. т., с. 74); «Но предчувствуя разлуку, / Неизбежный, грозный час, / Сжать твою, мой ангел, руку / Я спешу в последний раз» («Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»)) (1828) — Акад. Т. 3. С. 116). См. также примеч. к ст. 10—11 стихотворения «19 октября» (наст. т., с. 783—784).

Ст. 21—24. *Умолкнет он — под небом дальным ~ Угаснет в чуждой стор(о)не.* — Ср. тот же мотив смерти (угасания) на чужбине в стихотворении «К морю»: «Одна скала, гробница славы... / Там погружались в хладный сон / Воспоминанья величавы (черновой вариант: «Изгнанья думы величавы»): / Там угасал Наполеон» (наст. т., с. 15, 174).

Ст. 25—27. *Настанет < > час желанный И благоск(лонный)<?> славянин <К моей могиле безымянной>* — Близкие мотивы развивались в черновом автографе стихотворения «К морю» в связи с воображаемым посещением могилы Наполеона на острове Св. Елены. Ср.: «(И) ныне остров [заточенья] / Паломник русский посетит / И < > слово прими(ренья) / За нас на [камне(?)] начертит» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 176).

«САБУРОВ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛ...»

(С. 114 и 338)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 35 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 15 (с пропусками, в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 483 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 15 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется последними числами октября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 на том же основании, что и записанное на л. 35 об. стихотворение «Презрев и голос(?) укоризны...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 955). Ст. 21—24 этого стихотворения вписаны на левом поле листа, по всей видимости, потому, что ко времени их создания его нижняя часть уже была занята стихотворением «Сабуров, ты оклеветал...». Оно, таким образом, написано в процессе работы над стихотворением «Презрев и голос (?) укоризны...», обращенным к Л. С. Пушкину, и, возможно, было вызвано мыслями о брате и о том приятельском окружении, которое ожидало его в Петербурге.

Стихотворение адресовано Якову Ивановичу Сабурову (1798—1858). С 1816 г. юнкер, с 1818 г. корнет лейб-гвардии Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, Сабуров в январе 1821 г. по домашним обстоятельствам оставил полк в чине поручика. Его знакомство с Пушкиным состоялось в Царском Селе и продолжилось в

Петербурге. В 1824—начале 1825 г. решался вопрос об устройстве Сабурова на службу в Одессу, в канцелярию М. С. Воронцова. В это время Сабуров находился в Петербурге, где достаточно близко сошелся с Л. С. Пушкиным. Между 1 и 10 ноября 1824 г. поэт писал брату: «Прощай, отвыкни со временем от Нащокина (Павла Александровича, тоже лейб-гусара. — *Ред.*), от Сабурова, от вина...» (Акад. Т. 13. С. 119). В 1826—1827 гг. Сабуров служил в Кишиневе, в комиссии по делам Е. К. Варфоломея. Затем, совершив путешествие за границу, с 1829 г. поселился в Тамбове, по соседству с Баратынскими и Н. И. Кривцовым. Симпатиями в этом близком Пушкину окружении он не пользовался (см.: *Чистова И. С.* Пушкин и царскосельские гусары : (О стихотворениях «Ноэль на лейб-гусарский полк» и «Молитва лейб-гусарских офицеров») // *Новые безделки : Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро.* М., 1995—1996. С. 338). В 1830-е гг. Сабуров выступал в печати как очеркист, в 1850-х стал известен как рассказчик-мемуарист, сведениями которого пользовались П. И. Бартенев и П. В. Анненков.

Б. Н. Чичерин, общавшийся с Сабуровым в более поздние годы, вспоминал, что он «был человек весьма неглупый и образованный, много читал, имел большую библиотеку, был в сношениях и с литературным миром, и с высшими петербургскими сферами. В Петербурге он обыкновенно останавливался у Льва Кирилловича Нарышкина, который был ему хороший приятель. Оба они были легкого пошиба либералы. Вообще у Якова Ивановича все было довольно легко; при несомненном уме основательности было мало. Голова его представляла сбор самых разнообразных сведений и взглядов, и политических, и экономических, и сельскохозяйственных, которыми он с удивительною самоуверенностью умел пускать пыль в глаза новичкам. Этим он производил эффект в петербургских гостиных; многие его считали замечательно умным человеком. Но в провинциальном кругу его тотчас раскусили и ценили по достоинству. (...) по своему характеру Яков Иванович не пользовался уважением. Он был циник и эгоист, никогда ничем не стеснялся и позволял себе иногда поступки, нарушавшие всякую деликатность» (*Чичерин Б. Н.* Воспоминания / Публ. А. Шаханова, Г. Щетининой // *Российский архив.* М., 1999. Вып. 9. С. 118). Вероятно, страсть к сплетням, о которой также вспоминает Чичерин, может служить объяснением того, почему в «Молитве лейб-гусарских офицеров» говорилось: «Избави Господи / (...) / Сабурова дружбы» (сам Сабуров, от которого, судя по всему, стал известен текст этого стихотворения, приписывавшегося Пушкину, утверждал, что речь здесь идет о его троюродном брате Я. В. Сабурове — см.: *Чистова И. С.* Пушкин и царскосельские гусары. С. 336—337, 345).

Поводом к написанию стихотворения явились ставшие известными Пушкину шутки Сабурова по поводу общения поэта с Алексеем Николаевичем Зубовым (1798—1864), о гомосексуальных наклонностях которого ходили толки. Знакомство с Зубовым (как и с Сабуровым) завязалось в тот период, когда лицеист Пушкин вращался в кругу офицеров лейб-гвардии Гусарского полка, корнетом которого служил Зубов (см. о нем примеч. к посвященному ему ««Отрывку»» («Когда погаснут дни мечтанья...») (1817) — наст. изд., т. 1, с. 762). Пушкина явно беспокоили слухи, которые Сабуров мог спровоцировать своей болтовней. В письмах к Льву Сергеевичу эта тема возникала неоднократно. 22—25 ноября 1824 г. Пушкин просил брата: «Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усвести его» (Акад. Т. 13. С. 123). Еще одна просьба высказана в письме от 22—23 апреля 1825 г.: «Если Сабуров не уехал еще в Одессу, то попроси его обо мне там ничего не врать» (Там же. С. 163). Опровергая Сабурова в обращенном к нему стихотворении, Пушкин одновременно

создавал собственную версию своего юношеского общения с царскосельскими гусарами.

Эпизод, давший повод к написанию стихотворения, не стал, по-видимому, причиной размолвки с Сабуровым. 30 октября 1826 г. Н. С. Алексеев писал Пушкину: «Я часто говорю о тебе с Яковом Сабуровым (...) он тебя очень любит и помнит» (Акад. Т. 13. С. 301). Позднее П. В. Анненков записал со слов Сабурова черновые заметки к биографии Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский. С. 480—481, 490—491*). О Я. И. Сабурове см.: *Манзей К. История л.-гв. Гусарского полка. СПб., 1859. Ч. 3. С. 83; ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 37—38, 44, 102—103* (письма Я. И. Сабурова к А. И. Сабурову 1823—1826 гг. с упоминаниями Пушкина; примеч. Т. Г. Цявловской); *Гордеев Н. М., Пешков В. П. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, 1969. С. 34—40; Черейский. С. 384; Рус. писатели 1800—1917. Т. 5. С. 426—428* (статья А. И. Зайцевой).

В тетради Усп₂ среди пушкинских стихотворений находится послание «К Сабурову» («Мой друг, во мне родились мысли новы...») за подписью «А. П-н» (опубл.: *Трофимов И. Т. Поиски и находки в московских архивах. М., 1982. С. 123—124*), однако считать его пушкинским нет оснований.

Ст. 4. *Там(?) я с Кавериным гулял...* — О Петре Павловиче Каверине (1794—1855), поручике лейб-гвардии Гусарского полка, отчаянном кутиле и одновременно человеке незаурядных интеллектуальных интересов, см. в примеч. к стихотворениям 1816—1817 гг. «К портрету Каверина», «К Каверину» и «(Отрывки «Про себя»)» (наст. изд., т. 1, с. 739, 743, 782). В строфе XVI первой главы «Евгения Онегина» Пушкин представляет героя романа как приятеля Каверина: «К Талон помчался: он уверен, / Что там уж ждет его Каверин. Вошел: и пробка в потолок, / Вина кометы брызнул ток...» (Акад. Т. 6. С. 11). Пешие прогулки составляли обычную часть повседневного времяпрепровождения в той среде, о которой идет речь в стихотворении. Ср., например, в дневнике корнета Гусарского полка В. Д. Олсуфьева: «14 мая 1818 г. Ходил с Пушкиным, молодым стихотворцем, в Летнем саду. (...) 19 мая 1818 г. Вечером гулял с Кавериным пешком...» (*Чистова И. С. Пушкин и царскосельские гусары. С. 340*).

Ст. 5. *Бранил Россию [с] Молост(в)овым...* — Об офицере лейб-гвардии Гусарского полка Памфамире Христофоровиче Молостове (1793—1828) см. в примеч. к «(Отрывкам „Про себя“)» (наст. изд., т. 1, с. 782) и к помещенному в раздел «Dubia» стихотворению «(К портрету Молостова)» (1817—1820) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 693—694). Д. Н. Свербеев в своих мемуарах вспоминает о резких высказываниях Молостова по поводу положения крепостных крестьян и приводит один из его рассказов о путешествии по России: «...часто проходила (...) мимо меня рослая, в красивом сарафане, опрятно одетая, ражая девка, так что я его залюбовался. „Что она, родная тебе или приемщи?“ — спросил я у смотрителя. „Какая родня! Просто раба. Я ее купил на имя моего родственника, вышедшего в дворяне“. Такой ответ вывел меня из терпения. „Как ты смеешь называть кого-либо рабой? Не знаешь, что это запрещено законом? Рабов в России нет!“ Он было вздумал еще возражать, и я поколотил его порядочно» (*Свербеев Д. Н. Записки (1799—1826). М., 1899. Т. 2. С. 239*). О критических взглядах Молостова, Каверина и Чаадаева на российское социальное и государственное устройство см.: *Чистова И. С. Из комментариев к ранней лирике Пушкина // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd 32 (1). S. 46—53.*

Ст. 6. *С моим Чадаевым читал...* — О Петре Яковлевиче Чадаеве (1794—1856), еще одном офицере лейб-гвардии Гусарского полка, близком друге Пушкина см. в примеч. И. С. Чистовой и Е. О. Ларионовой к стихотворениям «К Чадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») (1818) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 547—548), «К портрету Чадаева» («Он вышней волею небес...») (1816—1820) (там же, с. 647—648), «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) (там же, т. 2, кн. 2, с. 609, 610). По свидетельству Я. И. Сабурова, влияние Чадаева на Пушкина «было изумительно. Он заставлял его мыслить» (Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский. С. 480).

Ст. 9. *Провел меж ими год я круглый...* — Период наиболее интенсивного общения Пушкина с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка приходится на конец 1815—июнь 1817 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 99), однако оно продолжалось и в первые годы после выпуска из Лицея (см.: Гаевский В. П. Дельвиг. Статья вторая // Совр. 1853. № 5. Отд. III. С. 6).

Ст. 10. *Но Зубов не прельстил меня...* — По воспоминаниям Ипполита Оже (Auger; 1797—1881), относящимся ко времени знакомства Пушкина с Зубовым, «это был высокий, красивый молодой человек, с томным взглядом, небрежный и ленивый» (РА. 1877. Кн. 1. № 1. С. 258). «Томность» Зубова упоминается и в «Молитве лейб-гусарских офицеров»: «Избави Господи / <...> / Зубова томности» (Герб. С. 7).

«КАК ЖЕНИТЬСЯ ЗАДУМАЛ ЦАРСКИЙ АРАП...»

(С. 115 и 339)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 36 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 16 (в виде сводки; вариант ст. 5: «Черный ворон выбирал белую лебедушку» ошибочно истолкован как ст. 1). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 16 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется временем около (не позднее) 31 октября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835. На л. 27 об. — дата «1824 [10] [8] 10 окт(ября)», отмечающая окончание работы над черновым автографом поэмы «Цыганы» (подробнее об этой дате см. примеч. к стихотворению «К морю» — наст. т., с. 507); на л. 36 об.—37, сразу вслед за автографом стихотворения — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г. Доработка стихотворения осуществлялась уже после того, как на л. 36 об. появился черновик письма.

Высказывалось предположение, что автограф стихотворения появился на оставшейся свободной части листа 36 об., после того как другая часть этого листа была заполнена черновиком письма к Жуковскому, т. е. после 31 октября 1824 г. Исходя из этого нижняя граница датировки определялась как январь 1826 г. (время, когда прекратилось систематическая работа Пушкина в тетради ПД 835). См.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 64; Летопись 1991. С. 470 (дата «1 ноября 1824—январь 1826» с отсылкой к работе С. А. Фомичева), то же в Летописи 1999. Это предположение не подтверждается характером записей на л. 36 об. Судя по расположению

первоначального текста стихотворения (ст. 1—5, после которых проведена горизонтальная черта, отмечающая его конец), он записывался в тот момент, когда свободное пространство листа не было ничем ограничено. Только ст. 6—7 и метрические пробы (см. о них ниже) были вписаны после того, как л. 36 об. был занят черновиком письма.

Предложенное В. Е. Якушкиным истолкование стиха «Черный ворон выбирал белую лебедушку» как начальной строки стихотворения было принято П. О. Морозовым — см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 376; АН 1900—29. Т. 3. С. 279; то же решение: Ефр. 1903—05. Т. 2. С. 69. Ср. КН (Т. 1. С. 351), все издания ГИХЛ, Акад. в 9 т. (Т. 2. С. 136) и Акад. в 6 т. (Т. 1. С. 386), где стих «Как жениться задумал царский арап» справедливо истолкован как начальная строка стихотворения. В статье «Народный стих у Пушкина» (1945) С. М. Бонди поддержал точку зрения Якушкина и Морозова (см.: Бонди. Статьи. С. 433), однако это не повлияло на решение Акад. Н. В. Измайлов, готовивший текст в этом издании, считал, что сначала у самого верхнего края листа Пушкин набросал «пробы народного размера» («Черный ворон выбирал белую лебедушку» и след.), после чего записал ст. 1—5, а позднее приписал к ним ст. 6—7 (см.: Акад. Т. 2. С. 865, 1143). Гораздо более вероятно, однако, что у кромки верхнего поля записаны метрические пробы, связанные с переработкой ст. 5, предпринятой после того, как на л. 36 об.—37 появился текст письма к Жуковскому. В конце концов Пушкин вернулся к раннему варианту ст. 5 и вписал между ним и текстом письма (выше и ниже черты, первоначально отмечавшей конец стихотворного текста) два последних стиха.

Стихотворение относится к числу тех произведений осени 1824 г., в которых отразились полученные в Михайловском впечатления Пушкина от знакомства с русским фольклором. Во второй половине октября—ноябре 1824 г. в тетради ПД 835 появились еще два произведения в фольклорном стиле — черновой автограф стихотворения «Жених» и набросок «Иван-царевич по лесам...». О фольклорных занятиях Пушкина 1824—1826 гг. см. примеч. к стихотворению «Жених» и циклу «Песни о Стеньке Разине» (наст. т., с. 749—752, 932—933, 935—937); см. также статью М. Н. Виролойнен «Лирика Пушкина в период михайловской ссылки» (наст. т., с. 405—409). «Как жениться задумал царский арап...» — творческий опыт Пушкина, продиктованный стремлением приблизиться к метрике и звучанию народных песен.

С. М. Бонди считал, что в стихотворении «Как жениться задумал царский арап...» Пушкин воспроизвел «формулу былинного стиха» (Бонди С. М. Народный стих у Пушкина // Бонди. Статьи. С. 433). Плавное звучание стиха в отрывке усилено чисто фольклорными художественными элементами — синтаксическим параллелизмом («Меж боярынь арап похаживает, / На боярышен арап поглядывает», «А как он, арап, чернешенек, / А она-то, душа, белешенька»), повторами синонимическими («сударушку» — «лебедушку»), корневыми («меж боярынь» — «на боярышен», «черный» — «чернешенек», «белую» — «белешенька»), точными (в пяти стихах из семи повторяется слово «арап»), анафорой («А как он» — «А она-то»), просторечной лексикой («похаживает», «поглядывает» и др.), уменьшительно-ласкательными формами («сударушка», «лебедушка», «чернешенек», «белешенька»). Бонди подчеркивал «насквозь проведенное соединение стихов попарно посредством резко выраженных параллелизмов» — см. ст. 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7 (Там же).

В. М. Сидельников указывал, что стихотворение «по своему складу напоминает народные песни из свадебного цикла» (*Сидельников В. М. Пушкин и народная поэзия // Пушкин на Юге / Тр. Пушкинской конф. Одессы и Кишинева. Кишинев, 1958. Т. 1. С. 320*). Известен интерес Пушкина к русскому свадебному обряду: он отразился, в частности, в записи тридцати двух свадебных песен (см.: *Рукою П. 1997. С. 370—387*), переданных П. В. Киреевскому между 12 октября 1832 г. и 1835 г. (указание даты см.: Там же. С. 391, коммент. М. А. Цявловского). В 1837 или 1838 г. Киреевский сделал примечание у копии одной из песен: «Покойный А. С. Пушкин доставил мне 50 №№ песен, которые он с большой точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, где именно. Вероятно, что (...) он записал их у себя в деревне, в Псковской губернии» (Там же. С. 390). Позднее, в конце 1840-х гг., Киреевский публично высказывал свое предположение о месте пушкинских записей — но уже в утвердительной форме (Там же). Долгое время это утверждение не подвергалось сомнению (см., например: *Фин Л. А. Фольклор в творчестве Пушкина // А. С. Пушкин. 1837—1937: Сб. статей и материалов. Саратов, 1937. С. 79—80; Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина // П. Врем. [Т.] 6. С. 184—185*). Более осторожное мнение о принадлежности песен, записанных Пушкиным, к псковской традиции см.: *Соймонов А. Д. [Вступительная статья к публикации: Записи песен, сохранившиеся в автографах Пушкина] // ЛН. М., 1968. Т. 79: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 178*. Позднейшее обследование нижегородской фольклорно-этнографической традиции и полевое изучение болдинской обрядовой традиции показало, что часть этих записей была сделана Пушкиным в Болдине (см.: *Корепова К. Е. Пушкинские записи свадебных песен и нижегородская обрядовая традиция // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 117—122; Лобанов М. А. Болдинские параллели к сцене «Княжеский терем» в «Русалке» // Врем. ПК. Вып. 21. С. 126—134*). В любом случае знакомство Пушкина со свадебными песнями могло произойти уже в период михайловской ссылки: некоторые стилистические обороты, использованные в стихотворении, находят свою параллель в народных свадебных песнях, и в частности в тех, которые были переданы Киреевскому (см. ниже, примеч. к ст. 2—3 и 7).

В свадебной поэзии фольклорный образ невесты-лебеди используется как устойчивая метафора (см.: *Потанин Г. Н. Марья Лебедь Белая в былинах и сказках // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 13/14. № 2/3. С. 1—22; Лобода А. М. Русские былины о сватовстве. Киев, 1904. С. 90—95; Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958. С. 115, 570; Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Драма древней семьи в русской былинной поэзии: (Михайло Потык). СПб., 1993. С. 13—23; Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 679—680*). Характерное для свадебных песен сравнение невесты с лебедушкой часто встречается в паре со сравнением жениха с соколом, орлом (но не с вороном) — см., например, сравнение с ясным соколом в одной из записанных Пушкиным свадебных песен (см.: *Рукою П. 1997. С. 377, № 14*). Ворон в русском фольклоре, как правило, является демонологическим персонажем (см.: *Сумцов Н. Ф. Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 61—86*).

Контрастная пара «ворон—лебедушка» (контраст подчеркнут эпитетами: «черный ворон»—«белая лебедушка») в фольклоре часто символизирует противопоставление добра и зла (см.: *Топоров В. Н. Лебедь // Мифы народов мира: Энциклопед-*

дия. М., 1982. Т. 2. С. 41), что соответствует семантике этих образов в произведениях Пушкина (см.: СЯП. Т. 1. С. 355—356; Т. 2. С. 455—456). В то же время можно предположить здесь литературную реминисценцию из трагедии Шекспира «Отелло» («Othello, the Moore of Venice», 1604) (Шекспира во французском прозаическом переводе П. Летуриёра, поправленном Ф. Гизо и А. Пишо, Пушкин начал читать еще на Юге в 1823 г. и в михайловской ссылке продолжал это чтение (см.: Шевырев С. П. Рассказы о Пушкине // П. в восп. Т. 2. С. 40; Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексева. М.; Л., 1965. С. 162—180 (раздел написан М. П. Алексеевым); Летопись 1999. Т. 1. С. 385). Метафору, легшую в основу стихотворения «Как жениться задумал царский арап...» могла подсказать Пушкину реплика Яго (действ. I, сц. 1): «Even now, now, very now, an old black ram / Is tupping your white ewe» (В этот самый миг, сейчас, как раз сейчас старый черный баран / Крост вашу белую овцу — *англ.*). Во французском издании Шекспира, которым пользовался Пушкин, эти грубые слова облечены в благопристойные поэтические одежды: «...en ce moment, à l'heure même, un vieux et noir vautour se repait de votre blanche colombe» (В этот самый миг, как раз сейчас старый черный гриф насыщается вашей белой голубкой) (*Shakspeare. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par P. Letourneur. Nouv. éd., rev. et corr. par F. Guizot et A. P[ichot], trad. de Lord Byron. Paris, 1821. Т. 5. P. 27*). В пушкинское время существительное «vautour» (гриф) имело устойчивое русское соответствие «коршун» (см., например, в переводе И. И. Панаева: «...в этот самый час, в эту минуту черный коршун захватил в свои когти вашу юную белую голубицу» — *Шекспир В. Отелло, венецианский мавр. СПб., 1836. С. 6*). В русском фольклоре и коршун, и ворон относились к одному ряду нечистых, злоеющих, дьявольских птиц (о народнопозитических параллелях к образу ворона см.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 530—542, 677—680 и след. (по указ.)). Французский вариант слов Яго был процитирован Пушкиным в «Полтаве» (1828), в обращении Кочубея к Мазепе: «...Ты проклянешь и день и час, / Когда ты дочь крестил у нас / <...> / И ночь, когда голубку нашу / Ты, старый коршун, заклевал!» (вариант чернового автографа: «Ты старый ворон заклевал» — *Акад. Т. 5. С. 26, 205*). Подробнее см.: Рак В. Д. Пушкин и французский перевод «Отелло» // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие : (Вопросы текстологии, материалы к комментариям) : Сб. статей. СПб., 2003. С. 265—275. Другая реминисценция из «Отелло» обнаруживается в одном из набросков четвертой главы «Евгения Онегина» (датируется началом 1825 г.) (см.: Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX в. Л., 1988. С. 32). По мнению Л. И. Вольперт, вероятность шекспировской реминисценции в стихотворении «Как жениться задумал царский арап...» тем более велика, что образ арапа мог подспудно ассоциироваться в сознании поэта с шекспировским мавром (см.: Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 254).

Введенная в стихотворение историческая фигура прадеда Пушкина, «царского арапа» Абрама Петровича Ганнибала (1696—1781) (см. о нем примеч. к стихотворению «К Языкову» («Издrevле сладостный союз...») (1824) — наст. т., с. 481—482), не позволяет провести однозначную жанровую параллель между пушкинским текстом и фольклором. В состав свадебных песен могли включаться имя и отчество жениха — но не конкретные обстоятельства его биографии. Возможно, Пушкин сознательно шел на литературную модификацию народной поэтики. Менее вероятно, что он собирался стилизовать историческую песню или былинку, которые предполагают прямое введение исторических персонажей или проекции их образов. Достаточно

пространное повествование, характерное для этих жанров, едва ли было задумано Пушкиным. Не случайно знак окончания текста был поставлен уже под пятью записанными стихами, и лишь позднее к ним добавились еще два.

Вынужденное пребывание в родовом гнезде обострило внимание Пушкина к собственной родословной. Здесь, возможно, возник замысел ввести в начатые еще на Юге автобиографические записки раздел, ей посвященный (см.: *Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 101*). В Михайловском хорошо помнили Ганнибалов и передавали устные рассказы о них. Крепостной А. П. Ганнибала была Арина Родионовна, выросшая в имении Суйда Петербургской губернии, где он жил и умер, когда ей было уже двадцать три года. В расположенном вблизи от Михайловского Петровском жил двоюродный дед Пушкина П. А. Ганнибал, которого поэт видел еще в 1817 г. Родоначальник этой семейной ветви Абрам Ганнибал не мог не занять важное место в сознании ссыльного Пушкина. Продуманная характеристика «царского арапа» включена в упомянутое послание «К Языкову», написанное 20 сентября 1824 г. (см. наст. т., с. 8). Почти одновременно со стихотворением «Как жениться задумал царский арап...», в октябре 1824 г., Пушкин пишет на л. 33—33 об. тетради ПД 835 примечание к строфе I первой главы «Евгения Онегина», содержащее не только сообщение о происхождении и жизни Ганнибала, но и обещание издать со временем «полную его биографию» (см.: *Акад. Т. 6. С. 530—531*; развернутое примечание было исключено из текста романа при первом полном его издании 1833 г.), — по-видимому, так называемую «Немецкую биографию», написанную в 1786—1787 гг. А. К. Роткирхом, зятем «арапа Петра Великого» (полемику о возможности знакомства Пушкина с документом к тому времени, когда писалось это примечание, см.: *Рукою П. 1997. С. 56—58* (примеч. Н. К. Телетовой); *Телетова Н. К. 1*) Забытые родственные связи А. С. Пушкина. СПб., 2007. С. 146—149; 2) К «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала // *ПИМ. Т. 10. С. 273—274*; *Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 331—334*; *Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 102*; *Гордин А. М. Из текстологических заметок. 2. Отрывок дневниковой записи 19 ноября 1824 г. // Врем. ПК. Вып. 22. С. 111*). Сведения, которые могли быть почерпнуты из этого рукописного «семейственного предания», дополнялись и устными рассказами, в том числе услышанными, может быть, от П. А. Ганнибала во время посещения его в имении Сафонтьево осенью 1824 г. Из устных «преданий» Пушкину стали известны, судя по дневниковой записи А. Н. Вульфа от 16 сентября 1827 г. (см.: *П. в восп. Т. 1. С. 416*), и какие-то подробности первого брака А. П. Ганнибала, возможно оказавшиеся стимулом к созданию комментируемого стихотворения. Первой женой прадеда Пушкина была гречанка по происхождению Евдокия Андреевна Диопер. Их совместная жизнь сложилась весьма драматично (супружеская измена жены, жестокое обращение с нею мужа). Свадьба была сыграна в 1731 г., бракоразводный процесс продолжался с 1732 по 1752 г. (документированное изложение этой истории см.: *Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абраама Петровича Ганнибала // РС. 1877. № 1. С. 69—78*).

При первой публикации в собрании сочинений Пушкина была отмечена тематическая связь между стихотворением «Как жениться задумал царский арап...» и неоконченным историческим романом «(Арап Петра Великого)» (1827). Указавший на нее П. О. Морозов (см.: *Мор. 1887. Т. 1. С. 376*) позднее пришел к выводу о принадлежности наброска к этому роману и перенес его из раздела стихотворений во

вступительную статью к нему (см.: Мор. 1903—06. Т. 5. С. 5); то же решение см. в статье С. А. Ауслендера: Венг. Т. 4. С. 110. Н. О. Лернер высказал предположение, что стихотворение представляет собой «сложенную Пушкиным песенку, которую, может быть, поэт намеревался вложить в уста девушек — наперсниц боярышни, выдаваемой по царскому приказу за ненавистного арапа» (Лернер Н. О. Проза Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг., 1923. С. 31). С возражениями П. О. Морозову выступил В. И. Чернышев (Чернышев В. И. Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен // Slavia. 1929. Роç. 8. Seš. 3. S. 587—588), подчеркнувший различие положений, в котором находятся персонаж романа и герой стихотворного наброска («Там арап не думает о женитьбе, ему находит невесту Петр I и сам устраивает сватовство. В данном стихотворении Ибрагиму самому приписывается выбор невесты»), и на этом основании заключивший, что, «очевидно, во время написания этого отрывка Пушкин воображал иной план рассказа и другую обрисовку положений», а потому «черновой стихотворный набросок о женитьбе царского арапа никак не мог войти в окончательный текст повести о нем». В. И. Чернышев полагал, что набросок «Как жениться задумал царский арап...» относился к некоему «раннему первоначальному плану повести», в которой отсутствовала бы парижская любовная интрига «царского арапа», и герой, приехавший в Россию с незанятым сердцем и нерастраченными чувствами, стал бы «искать в ней прежде всего любви и брака», не нуждаясь в посредничестве. Однако никакие ранние планы романа неизвестны, и потому предположение о непосредственной связи между стихотворением и романом лишено фактических оснований. Об отсутствии такой связи писала Г. А. Лапкина, полагавшая, что «появление этого песенного отрывка в 1824 году может лишь служить свидетельством глубокого и длительного интереса Пушкина к судьбе Ганнибала и, в частности, к его семейной истории, которая затем легла в основу сюжета „Арапа Петра Великого“» (Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // ПИМ. Т. 2. С. 300). М. А. Цявловский, признавая сходство двух замыслов (см. его коммент. — Acad. в 9 т. Т. 1. С. 480; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 733), возвратил текст «Как жениться задумал царский арап...» в раздел стихотворений в качестве самостоятельного произведения (ЖН. Т. 1. С. 351). В этом разделе оно и печаталось во всех последующих собраниях сочинений.

Ст. 2—3. *Меж боярынь арап похаживает, На боярышен арап поглядывает.* — Ср. обращение «бояры» к свадебным гостям в сделанных Пушкиным записях народных свадебных песен (см.: Рукою П. 1997. С. 378, № 16).

Ст. 7. *А она-то, душа, белешенька.* — Ср. формулы свадебных народных песен, записанных Пушкиным: «По тому по ручейку / Ходила гуляла княгиня-душа; / Искала княгиня-душа / Самоцветна камушка...»; «Как в долу-то березынька белёхонька стоит, / А наша невеста белее ее, / Белее ее снегу белого лице»; «Ходит, гуляет княгиня-душа...»; «Не грози, княгиня-душа!»; «Не печалься, княгиня-душа!»; «Расплачься, княгиня-душа...»; «Много, много у княгини-души / Много роду, много племени, / Только нету у княгини-души, / Нету ее родной матушки...»; «Выкушай, выкушай, душа госпожа!»; «По травке гуляет павынька, / Павынька-павынька княгиня-душа» (см.: Рукою П. 1997. С. 370, 371, 374, 375, 385, 387, № 2, 3, 10, 11, 12, 30, 32).

«ПОКА СУПРУГ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ...»

(С. 116 и 340)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 38 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 16 (в виде сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 16.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется началом ноября 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835: на л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.; на левом поле л. 39 об. — список вещей: «карты / Пугачев / allumettes», о присылке которых Пушкин просил брата в письме от 10(?)—12(?) ноября 1824 г. (уточнение датировки письма см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 515).

Набросок занимает верхнюю часть л. 38. У верхней кромки этого листа записаны и зачеркнуты строки «[О ты которую заочно я любил / И ныне(?) цар( )]». Н. В. Измайлов считал, что с них началась работа над стихотворением (см.: Акад. Т. 2. С. 876), однако их расположение, вероятнее всего, свидетельствует о том, что они были вписаны позднее остального текста и явились началом переработки лирического сюжета, оставшейся неосуществленной. На том же листе под текстом наброска следует черновик тематически связанного с ним стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824), возможно написанного «взамен» несостоявшейся переработки. Б. В. Томашевский считал, что оба текста, по всей вероятности, отражают крымские впечатления Пушкина 1820 г. (см.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 795). Кроме того, в обоих стихотворениях встречаются детали, отмеченные в письме X «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола (СПб., 1823), где рассказано о посещении ханского дворца в Бахчисарае (см. ниже, примеч. к ст. 3, а также примеч. к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца» — наст. т., с. 570—571; о знакомстве Пушкина с книгой Муравьева-Апостола см. там же, с. 565—566).

Набросок расположен в тетради среди черновых и беловых автографов «Подражаний Корану». «Мусульманский» колорит наброска, возникшего в этом контексте, позволил С. А. Фомичеву предположить его внутреннюю связь с циклом «Подражаний Корану». По мнению ученого, в наброске намечена сюжетная ситуация стихотворения «О жены чистые пророка...» («подражание» II), «увиденная взором европейца» (Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Врем. ПК. 1978. С. 31). Именно европейское (немусульманское) миросозерцание, отразившееся в стихотворении, могло стать препятствием для его дальнейшей разработки в рамках «Подражаний Корану» (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 58). Эта гипотеза представляется маловероятной. Вычеркнутые строки: «[О ты которую заочно я любил И ныне(?) цар( )]» совершенно неуместны в контексте «Подражаний Корану» и тематически, скорее, связаны с поэмой «Бахчисарайский фонтан».

Ст. 3. Ходи к источнику близ ( ) могила — Ср.: «Вот насупротив больших ворот, на конце двора, к горе примыкающего, террасы в четыре уступа, на коих плодоносные деревья, виноград на решетках и прозрачные источники, с уступа

на другой лиоциеся в каменные бассейны. (...) За Мечетью, вне двора, кладбище Ханов и Султанов владетельного дома Гиреев. Прах их покоится под белыми мраморными гробницами, осененными высокими тополями, ореховыми и шелковичными деревьями» ([*Муравьев-Апостол И. М.*] Путешествие по Тавриде... С. 115—116; фрагмент был перепечатан во всех изданиях «Бахчисарайского фонтана»).

«С ПЕРЕГОРОДКОЮ КОМОРКИ...»

(С. 117 и 341)

Автограф (ПД 62, л. 1) — два черновых наброска на листке бумаги № 85 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 26*); рядом с текстом рисунок — ветка с листьями; жандармской пометы нет. Напечатано: *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней : В 3 т. СПб., 1900. Т. 3. С. 137 (воспроизведение автографа); Брюс. С. 390—391 (текст и отдельные варианты, по воспроизведению в книге П. Н. Полевого); *Модзалевский Б. А.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома // *Сборник Пушкинского Дома на 1923 год.* Пг., 1922. С. 8 (по автографу: в виде транскрипции). Воспроизведение: см. выше.

На обороте листа ПД 62 — копия карандашом с элементами транскрипции автографа ПД 60 (наброски рефрена и первой строфы стихотворения «Ночной зефир...» (1824), предположительно атрибутируемая П. А. Осиповой (см.: *Рукоп. П. 1937. С. 26*). В то время, когда осуществлялась карандашная запись, лист ПД 62 составлял единое целое с листом ПД 61, на котором расположен второй автограф стихотворения «Ночной зефир...»: некоторые строки транскрипции заканчиваются на обороте листа ПД 61. Бумага автографов ПД 60, 61 и 62 идентична. Возможно, автограф ПД 60 был записан на части того же листа, установить первоначальный объем которого невозможно, поскольку сохранились не все его фрагменты. По предположению Б. А. Модзалевского, лист был разрезан после смерти Пушкина (см.: *Модзалевский Б. А.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома. С. 6—8).

Впервые: *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 137 (воспроизведение автографа); Брюс. С. 390—391.

В собрания сочинений впервые включено: Брюс.

Печатается по автографу.

Датируется 1824 г., предположительно около 13 ноября — даты возникновения автографа ПД 60 (см. примеч. к стихотворению «Ночной зефир...» — наст. т., с. 572). Н. В. Измайлов считал, что набросок на листе ПД 62 создан в один день с автографом ПД 60 (см.: *Акад. Т. 2. С. 1191*), но бесспорных подтверждений этому не имеется.

По мнению Н. В. Измайлова, между ст. 5 и 6 второго наброска предполагалась еще одна, оставшаяся не написанной строка (см.: *Акад. Т. 2. С. 473*), однако ничто в автографе не указывает на такое намерение Пушкина.

Существует гипотеза, что в наброске описаны кельи Святогорского монастыря (см.: *Березкина С. В.* Пушкин в Михайловском : О духовном надзоре над поэтом : (1824—1826) // *РЛ.* 2000. № 1. С. 15—16). Однако упомянутые Пушкиным образа, верба (ее ветки было принято сохранять от одного Вербного воскресенья до другого), просфора (которую клали рядом с иконами) и свечка — детали, не обязательно указывающие на монашеский быт; они могли встречаться в жилище любого верующего.

«ЖДЕТ ТЕБЯ МОЕ ВИНО...»

(С. 118 и 342)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 42 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 18—19 (ст. 1—15 в виде сводки и фрагменты ст. 20—23). Рядом с автографом на правом поле листа — карандашный портрет Л. С. Пушкина (см.: Жуйкова. № 630). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 18—19 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—05. Т. 1.

Печатается по автографу в тетр. ПД 835.

Датируется декабрем (вероятнее всего, первой половиной месяца) 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835. На л. 40—40 об. — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. На л. 41 об. — черновик письма к Д. М. Шварцу, написанный около 9 декабря 1824 г. (дата определяется по содержащемуся в этом письме сообщению Пушкина, который приехал в Михайловское 9 августа 1824 г.: «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне» — Акад. Т. 13. С. 129). Между л. 41 и 42 из тетради были вырваны два листа. На л. 52 под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» — даты: «31 декабря 1824» и «1 генв(аря) 1825». Можно предположить, что работа над стихотворением была начата вскоре после заполнения л. 41 об.

Черновой автограф дает две версии начала послания. Первоначально поэтом было написано:

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно —

(так печатаются ст. 1—2 во всех без исключения изданиях Пушкина). Ориентируясь на эти строки, Б. Л. Модзалевский назвал черновой текст послания «шуточной запиской» и включил его в состав писем Пушкина (Письма. Т. 1. С. 105, 379). Но спустя какое-то время после того, как работа над черновым автографом была оставлена, Пушкин начал переработку стихотворения, изменив первые стихи, которые после правки приняли следующий вид:

Ждет тебя мое вино —
<   > его давно —

Это меняло замысел и адресацию стихотворения. Начатое как обращение к Льву Сергеевичу с просьбой о посылке в Михайловское вина, оно превращалось в послание-приглашение, в котором хозяин «гостеприимного» погреба обращался к условной фигуре воображаемого друга. В ст. 19 осталось, однако, обращение к брату («Милый брат»). Похоже, что, начав переработку стихотворения, Пушкин собирался заменить ст. 16—19. На первоначальном этапе работы над черновым автографом они были вписаны на правом поле листа, затем (очевидно, позднее) под ними появилась фигурная скобка, стрелка которой указывала на запись:

Мне понравилось потом
[Реи(на)]

Вероятно, эти стихи назначались взамен ст. 16—19, но не были дописаны.

В сознании Пушкина стихотворение осталось как обращенное к брату: фрагмент из него (ст. 11—15) вошел в измененном виде в состав примечаний к «Евгению Онегину» с пометой под текстом: «(Послание к Л. П(ушкину))» (см.: Пушкин А. Евгений Онегин. СПб., 1833. С. 269, 26-е примечание; после стиха: «Или юности безумной» приписка: «и проч.»; то же: Пушкин А. Евгений Онегин. СПб., 1837. С. 287, 25-е примечание). Ст. 11—15 в том виде, в каком они появились в составе примечаний к «Евгению Онегину», были, скорее всего, оформлены при подготовке к печати издания 1833 г. и являются неотъемлемой частью романа в стихах. Документальных оснований для того, чтобы рассматривать их как отрывок неизвестной редакции стихотворения, не имеется.

В Акад. основной текст, подготовленный Н. В. Измайловым, представляет собой неприемлемую в настоящем издании контаминацию разных источников и разных этапов работы над стихотворением: оно напечатано под заглавием, взятым из примечания к «Евгению Онегину»; ст. 1—2 даны без учета позднейшей правки, но с заключенными в квадратные скобки словами, вычеркнутыми ради введения этой правки; ст. 4—6 напечатаны с учетом позднейшей правки; в ст. 11 введена конъектура, ориентированная на текст примечания к «Евгению Онегина» («В лета <красные> мои»), хотя в целом фрагмент, включенный в это примечание, дается по черновому автографу. См.: Акад. Т. 2. С. 361. О тексте стихотворения см. также: Березкина С. В. Послание к Л. П(ушкину) // ПиС (Нов. серия). Вып. 2 (41). С. 167—170.

Ст. 8. *Рад мадере золо<той>...* — Цвет мадеры, крепленого сладкого вина, определяется виноделами как янтарный. В одном из вариантов ст. 8 мадера названа «выписной», т. е. привозной. Мадера получила название по острову Мадейра в Атлантическом океане, где она первоначально производилась, впоследствии это вино стали делать во многих европейских странах. О мадере и других винах, упоминаемых в стихотворении, см. статью А. А. Григорьевой «Вина, напитки» (Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: А—К. СПб., 2003. С. 92—96).

Ст. 9. *И под пробкой смоленной...* — Т. е. под пробкой, залитой сургучом, черным и блестящим, как смоль.

Ст. 10. *St Pere...* — (Saint-Péray, Сен-Пере) — насыщенное игристое вино долины Роны.

Ст. 13. *Поэтический Аи...* и след. — Аи — марка шампанского, чаще всего упоминаемая в произведениях Пушкина (см. «В(севоложско)му» (1819), «В. Л. Давыдову» (1821), «Отрывки из Путешествия Онегина» и др.). Сравнение шампанского с молодостью, по замечанию Ю. М. Лотмана, стало в поэзии пушкинского времени литературным штампом (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 643; см. также: Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 389—390). Ср., например, в послании П. А. Вяземского «К партизану-поэту» (1814 или 1815), где о «благословенном Аи» говорится: «Так жизнь кипит в младые дни!» (Вяземский 1986. С. 76).

Другие редакции и варианты

Ст. 1—2. *Что же? будет ли вино? Лайон, жду его давно...* — Первоначальная тема послания была намечена в стихотворении «(Из письма к А. Н. Вуль-

фу)» («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»), написанном Пушкиным 20 сентября 1824 г. (см. наст. т., с. 7):

Лайон, мой курчавый брат
 (Не Михайловский приказчик)
 Привезет нам, право, клад...
 Что? — бутылок полный ящик...

Об использованной Пушкиным форме имени брата см. примеч. к этому стихотворению (см. наст. т., с. 474). В письмах Пушкина к брату Льву Сергеевичу (см. о нем примеч. А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой к стихотворению «〈Л. С. Пушкину〉» («Брат милый, отроком расстался ты со мной...») — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 892), написанных в ноябре—декабре 1824 г., постоянно присутствовали просьбы о разного рода посылках в Михайловское, и в том числе о вине (см., например, письмо от начала 20-х чисел ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 123). К одному из этих писем прилагался обширный список, в котором упоминались следующие вина: «[bordeau] / Sotern / Champagne» (см.: Рукою П. С. 305; текст списка пропущен в изд.: Рукою П. 1997, причем его заголовок в оглавлении (по изданию 1935 г.) сохранен, но с ошибочным отнесением к другому списку). В стихотворении (как в его основном тексте, так и в вариантах) тоже фигурируют бордо и различные марки шампанского (сен-пере, аи, клико, моэте). Какая-то часть просьб была удовлетворена, когда из Петербурга вернулся михайловский приказчик М. И. Калашников. 4 декабря 1824 г. Пушкин сообщал об этом брату: «Мих〈айло〉 привез мне всё благополучно, а библии нет» (Акад. Т. 13. С. 127). В письме, написанном около (не позднее) 20 декабря, поэт вновь просил брата прислать вина (см.: Там же. С. 130).

Ст. 7 А, а. *В погребу моем старинном...* — В Михайловском, конечно, был погреб с «глинобитным полом, усланным кирпичом», и толстыми каменными стенами (см. сообщение о его раскопках в письме С. С. Гейченко 1963 г.: Михайловская пушкиниана. М., 2004. Вып. 31. С. 106), однако едва ли к нему может быть отнесено определение «старинный».

Ст. 8 А, г. *Рад моэту 〈〉 бордо...* — Речь идет о французских винах — моэте (сорт шампанского) и бордо (из бордоских вин у Пушкина встречаются упоминания лафита и сотерна).

Ст. 10 А, а. *V. C. P. бутылке длин〈ой〉...* — Сокращение «V. C. P.» раскрывается как «Veuve Cliquot Ponsardin» («Вдова Клико Понсарден» — фр.) и относится к одному из сортов шампанского.

Ст. 9 Б, б. *Реина струе〈?〉 златой...* — Имеется в виду рейнское вино (рейнвейн).

Ст. 11 А, б—12 А, а. *В бурной юности моей Очарованный Вольтером...* — Поскольку вариант является подступом к строкам об аи, можно предположить, что здесь Пушкин имеет в виду сатирическую поэму Вольтера «Светский человек» («Le Mondain», 1736), где дано описание аи, а его «быстрая пена» («la mousse pressée») уподоблена молнии, выгалькивающей пробку («Comme un éclair fait voler le bouchon»); игра шампанского оживляюще действует на дружескую компанию и напоминает Вольтеру «блестящий образ» («l'image brillante») француза (см.: Резанов В. И. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // ПиС. Вып. 36. С. 74—75; Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 388). В русском переводе Д. О. Баранова поэма вышла в 1797 г. под названием «Любитель нынешнего света» (Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. 125—137).

Между 19 и 20 Б. Но бургонское густое — Эпитет «густое» характеризует насыщенный красный цвет бургонского, легкого французского вина. Подробнее см. примеч. к стихотворению «Вакхическая песня» (1825) (наст. т., с. 766).

«ПУСКАЙ УВЕНЧ(АННЫЙ) ЛЮБО(ВЬ)Ю КРАСОТ(Ы)...»
(С. 119 и 345)

Автограф (ПД 63) — черновой (ст. 1—4 даны в сокращенной записи, которой, вероятно, предшествовал другой, не сохранившийся черновой автограф), на клочке бумаги, сорт которой определению не поддается (см.: Рукоп. П. 1937. С. 27, 338); жандармская помета: «5». Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 20—21 (ст. 1—2); АН 1900—29. Т. 3. С. 216 и Примеч. С. 389 (варианты ст. 6 и 7; публ. П. О. Морозова).

Впервые: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 20—21 (ст. 1—2); АН 1900—29. Т. 3. С. 216.

В собрания сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3.

Печатается по автографу.

Датируется условно 1824 г. (не ранее сентября) по содержанию (см. ниже). Точных оснований для датировки не имеется. К осени 1824 г. стихотворение впервые отнес П. О. Морозов, полагавший, что «именно в эту пору поэт, внезапно перенесенный с юга на север, должен был особенно чувствовать тяжесть „часов томительной разлуки“ с милыми сердцу» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 389). Это основание Н. О. Лернер посчитал «шатким» и «с приблизительной вероятностью» датировал стихотворение 1820-ми гг. (Венг. Т. 6. С. 196). Во всех последующих изданиях стихотворение датировалось месяцами михайловской ссылки 1824 г.

Стихотворение, возможно, связано с Е. К. Воронцовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633); впервые такая догадка высказана Д. Н. Соколовым в статье «По поводу стихотворения „Пускай увенчанный любовью красоты“» (ПиС. Вып. 17—18. С. 21—34). Его гипотеза принята в Акад. (Т. 2. С. 1213 (Указатель имен)); Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 672); Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 682); ср. позицию Б. В. Томашевского, который не упоминал имени Воронцовой в примечаниях к стихотворению, хотя и датировал его проведенными в Михайловском месяцами 1824 г. Основанием для гипотезы, предложенной Соколовым, является упоминание «писем тайных», которые, по воспоминаниям О. С. Павлицевой, получал в Михайловском Пушкин (см. об этом примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» — наст. т., с. 633); сожаления героя о «награде тайной муки» — письмах возлюбленной, которых у него нет, — можно связать с их уничтожением.

Ст. 2. В завет(ном) зол(оте) хранит ее черты... — По всей видимости, речь идет о медальоне с портретом возлюбленной.

Ст. 6—8. И ни единый дар воз(л)юбленной моей ~ Не лечит ран люб(в)и безум(ной), безнаде(жной). — По предположению Д. Н. Соколова, здесь говорится о перстне с печатью, подаренном Пушкину Воронцовой (см. о нем в примеч. к стихотворениям «Сожженное письмо» и «Храни меня, мой талисман...» — наст. т., с. 635 и 1010—1011). См.: Соколов Д. Н. По поводу стихотворения

«Пускай увенчанный любовью красоты». С. 32—33. Однако эти стихи могут быть поняты и иначе — как жалоба лирического героя на отсутствие какого бы то ни было залога любви.

«ТВОЕ СОСЕДСТВО НАМ ОПАСНО...»

(С. 120 и 346)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 51 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 25 (в виде сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 25.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно последними числами декабря 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835: на л. 40 — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г.; на л. 52 под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» — даты: «31 дек⟨абр⟩ 1824» и «1 генв⟨аря⟩ 1825».

В Акад. датировано Н. В. Измайловым концом декабря 1824—началом января 1825 г. (Т. 2. С. 1154), вероятно, на том же основании, что и расположенный на л. 51 набросок «[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...». О неубедительности такой датировки см. примеч. к этому наброску, наст. т., с. 1034.

Стихотворение создавалось как череда набросков, ни один из которых не получил законченного выражения (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 346—347). Записывая первый набросок (обращение к шестнадцатилетней девушке), Пушкин, возможно, еще не думал завершить его эпиграмматической концовкой. Но уже второй набросок был, по всей видимости, связан с идеей такой концовки: его первый стих («Соседство ваше нам опасно») давал повод для эпиграмматического пуанта с упоминанием поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811), в которой рассказывается о посещении борделя. (Упомянута в поэме и шестнадцатилетняя красotka: «Не девка — золото; из всей Москвы красotka. / Шестнадцать только лет, бровь черная дугой, / И в ремесло пошла лишь нынешней зимой» — Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 27). Записывая третий набросок, Пушкин, очевидно, подбирал рифму для уже придуманной концовки («беседа—соседа»). Опасность соседства упомянута и в четвертом наброске, в отличие от трех предыдущих оставшемся незачеркнутым. Он записан отдельно от других (в правой части листа, под текстом стихотворения «Сожженное письмо»), и его автономное расположение на странице не позволяет точно определить, в какой именно момент развития замысла он возник. Лишь пятый приступ к тексту позволил Пушкину довести его до финальной строки, но эпиграмма так и осталась недоработанной. Похоже, что на некотором этапе работы над пятым наброском Пушкин собирался использовать вместо относящихся к нему ст. 1—2 две строки четвертого наброска, к которым начал подбирать рифму (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 347, примеч. 1), но потом отказался от этой идеи.

Конкретный адресат стихотворения не может быть установлен с полной определенностью. Возможно, на разных этапах развития замысла происходила его переадресация. Изначально все пять набросков были обращены к особе женского пола.

Записав четыре заключительных стиха последнего из них, Пушкин стал переделывать ст. 3, исправив его на: «У ваших ног твержу всечасно». Такая строка могла быть обращена только к женщине. Затем Пушкин отказался и от этого варианта ст. 3, не заменив его ничем, а обращение к адресату на «вы» исправил на «ты». После внесения этих последних исправлений незавершенная эпиграмма могла с равной степенью вероятности адресоваться мужчине.

Единственными «соседями», с которыми Пушкин тесно общался в конце 1824 г., были обитатели Тригорского. Среди них и пытались найти адресата эпиграммы. Высказывалось предположение, что она обращена к дочери Прасковьи Александровны Осиповой пятнадцатилетней Евпраксии Николаевне Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Если жизнь тебя обманет...» (1825) — наст. т., с. 714—715) — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 60; *Кибальник С. А.* Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // *Врем. ПК.* Вып. 25. С. 109—110. Нельзя, однако, исключить и то, что, обращаясь в первом наброске к юной девушке, Пушкин имел в виду падчерицу Прасковьи Александровны шестнадцатилетнюю Александру Ивановну Осипову (в замуж. Беклешова; 1808—1864). После того как первый набросок был зачеркнут и стихотворный текст получил очевидную эпиграмматическую окраску, он мог мыслиться как адресованный представительнице любого поколения — и старшей дочери хозяйки Тригорского Анне Николаевне Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Хотя стишки на именины...» (1825) — наст. т., с. 651—652), и самой П. А. Осиповой (см. о ней примеч. к стихотворениям «Простите, верные дубравы!..» (1817) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 463) и «Цветы последние милей...» (1825) — наст. т., с. 776—777). На самом последнем этапе работы Пушкин мог переадресовать эпиграмму А. Н. Вульф (см. о нем примеч. к стихотворению «(Из письма к А. Н. Вульф)» (1824) — наст. т., с. 472—473), к которому было обращено записанное на том же листе стихотворение «Смеетесь вы, <что>, девой бойкой...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 978—979). В любом случае эпиграмма задевала все тригорское женское общество — весь «дом» адресата, вызывающий ассоциации с поэмой В. Л. Пушкина.

Известно, что в период михайловской ссылки Пушкин бывал в Тригорском едва ли не ежедневно и дорожил общением с его обитательницами. Здесь он попадал в среду, где его встречали с большой душевной теплотой и ценили его поэтический талант. Помимо всего прочего, Пушкин «умел занять чувство у трех сестер» (письмо Е. Н. Вревской к А. Н. Вульф от 29 сентября 1837 г. — *ПиС.* Вып. 21—22. С. 413), а возможно, и у П. А. Осиповой (см.: *Семевский.* С. 281—282, примеч. С. В. Березкиной; *Неизвестные воспоминания А. П. Керн (запись П. В. Анненкова) / Публ. С. В. Березкиной // РЛ.* 2013. № 2. С. 113—117). Но, очевидно, что-то в отношениях с тригорскими дамами вызвало в конце 1824 г. сильное раздражение Пушкина. Не случайно на обороте л. 51 он записал черновой (не вошедший в роман) вариант строфы XVII четвертой главы «Евгения Онегина» с выпадом против «несносных» псковских барышень:

Но ты — губерния Псковская
Теплица юных дней моих
Что может быть, страна глухая
Несносней барышень твоих?²
Меж ими нет — замечу кстати
Ни тонкой вежливости знати
Ни [ветрености] милых шлях —

Я уважая русский дух,
 Простил бы им их сплетни, чванство
 Семейных шуток остроту
 Порою зуб нечистоту
 [И непристойность и] жеманство
 Но как простить им [модный] бред
 И неуклюжий этикет —

(Акад. Т. 6. С. 351)

Гораздо более грубые выпады против неких особ женского пола содержатся в стихотворении «Смеетесь вы, <что>, девой бойкой...», внутренне связанном с эпиграммой на опасное соседство — ср. упоминание «милой мигушки» в ее четвертом наброске и «старой мигушки» в ст. 3 наброска о бойкой деве.

Ст. 6. *И шутки <нрзб> пополам...* — Предлагались две конъектуры неразборчивой записи: «И шутки с злостью пополам» (предложена в Мор. 1903—06. Т. 2. С. 38; принята в Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 229; АН 1900—29. Т. 4. С. 196; Брюс. С. 257; КН. Т. 1. С. 326; все издания ГИХЛ; Акад. в 9 т. Т. 1. С. 224; Акад. в 6 т. Т. 1. С. 403; Пушкин. Полн. собр. худож. произв. СПб.; М., 1999. С. 642); «И шутки с желчью(?) пополам» (предложена Н. В. Измайловым в Акад. Т. 2. С. 374; принята в Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 304; Пушкин 1955. Т. 3. С. 299). Ни одна из этих конъектур не представляется достаточно убедительной. Ср. издания, в которых она не принята и на месте неразборчивой записи оставлен пропуск: Венг. Т. 2. С. 402; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 301.

Ст. 8. *И впрям(ь) «Опасного соседа».* — В автографе слово «впрямь» не дописано: отсутствует конечный «ъ» или «ь». Форма «впрямь» употреблялась Пушкиным наряду с формой «впрям» (см.: СЯП. Т. 1. С. 378).

«СМЕЕТЕСЬ ВЫ, <ЧТО>, ДЕВОЙ БОЙКОЙ...»

(С. 121 и 348)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 51 — черновой. Напечатано: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 281, 282 (в виде неполной транскрипции в примеч. к стихотворению «Твое соседство нам опасно...», к которому ошибочно отнесен фрагмент одного из вариантов («мигушка»); публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 281, 282 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (см. выше); Акад. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно последними числами декабря 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 на том же основании, что и расположенный на л. 51 черновой автограф стихотворения «Твое соседство нам опасно...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 975).

В Акад. (Т. 2. С. 1192) текст датирован Н. В. Измайловым концом декабря 1824—началом января 1825 г. и помещен среди отрывков 1825 г., по-видимому, на том же основании, что и расположенный на том же листе набросок «[Вкус верный],

острый [ум и нравов чистота]...». О неубедительности такой датировки см. примеч. к этому наброску — наст. т., с. 1034.

В Акад. текст был напечатан Н. В. Измайловым в виде двух отрывков, разделенных черточкой и состоящих из двух и трех стихов соответственно. Однако и графическое расположение записей, и их общий смысл делают более вероятным предположение, что они представляют собой связный текст. В последующих авторитетных изданиях Пушкина печатались только первые два стиха: «Смеетесь вы, что девой бойкой / Пленен я, милой поломойкой» (см., например: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 321), что могло быть продиктовано соображениями благопристойности.

«Дева бойкая», о которой говорится в стихотворении, — это, по-видимому, «крепостная любовь» Пушкина Ольга Михайловна Калашникова (1806—не ранее 1840), впоследствии в замужестве Ключарева, дочь михайловского приказчика М. И. Калашникова (впервые указано Д. Д. Благим, см.: Благой, I. С. 368, 569). 11 января 1825 г. на Калашникову обратил внимание приехавший в Михайловское И. И. Пущин: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. (...) Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль — улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было — я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понятно без всяких слов» (Пущин. С. 82). Набросок «Смеетесь вы, (что), девой бойкой...» считается самым ранним свидетельством отношений Пушкина с О. Калашниковой (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 472); роман завершился к началу мая 1826 г., когда Пушкин отослал ее из Михайловского с письмом к П. А. Вяземскому, в котором просил о помощи в устройстве ожидаемого ею ребенка и дальнейшей отправке матери в Болдино (ответ Вяземского от 10 мая 1826 г. с советами относительно «чреватой грамоты» см.: Акад. Т. 13. С. 276). 1 июля 1826 г. Ольга Калашникова родила сына Павла, который умер в том же году 15 сентября. После отъезда из Михайловского она жила в нижегородском имении Болдино, куда ее отец был переведен управляющим еще в январе 1825 г. 4 октября 1830 г. Пушкин подписал ей «отпускную» (окончательно оформленные документы были отосланы в Болдино 15 мая 1831 г.). Получив вольную, Ольга вскоре вышла замуж за мелкопоместного дворянина П. С. Ключарева (брак оказался неудачным); по свидетельству О. С. Павлицевой, она получила от отца «порядочное приданое» (см.: П. в восп. Т. 1. С. 51), что позволило ей купить на свое имя семью крепостных и дом в Лукоянове. Подробнее об Ольге Калашниковой см.: *Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928. С. 7—57 (гл. «Крепостная любовь Пушкина»); *Вересаев В. В.* В двух планах. М., 1929. С. 179—205; *Орлов С. А.* Болдинская осень. Горький, 1962. С. 64—65; *Воробьева И.* Новое о «крепостной любви» Пушкина // ВЛ. 1972. № 8. С. 250—252; *Куприянова Н. И.* К сему : Александр Пушкин. 2-е изд., доп. Горький, 1988. С. 125—141. Вероятно, именно Калашникова обозначена как «Ольга» в «Дон-Жуанском списке» Пушкина (см.: Рукою П. 1997. С. 266, 271).

В первоначальном варианте ст. 1 был обращен к «повесе бойкому» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 348). По весьма правдоподобному предположению С. А. Фомичева (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 60), стихотворение адресовалось приехавшему в середине декабря 1824 г. в Тригорское Алексею Николаевичу Вульффу (о нем и о времени его пребывания в Тригорском см.

примеч. к стихотворению «〈Из письма к А. Н. Вульф〉» (1824) — наст. т., с. 472—473). Отражение насмешек тригорского «повесы» над михайловской «поломойкой» явно имело для Пушкина внутреннюю связь с сатирическими выпадами в адрес тригорского дамского общества, варьированными на л. 51—51 об. тетради ПД 835 (см. об этом примеч. к стихотворению «Твое соседство нам опасно..» (1824) — наст. т., с. 976—977).

«ИГРАЙ, ПРЕЛЕСТНОЕ ДИТЯ...»

(С. 122 и 348)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 52 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 26 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 486 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 26.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется временем около (не позднее) 31 декабря 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835: непосредственно под наброском на л. 52 расположен черновой автограф XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина», под которым стоят две даты: «31 дек(абря) 1824» и «1 генв(аря) 1825».

Высказывались предположения об адресации задуманного Пушкиным стихотворения дочери П. А. Осиповой Евпраксии Николаевне Вульф (см. о ней примеч. к стихотворению «Если жизнь тебя обманет...» (1825) — наст. т., с. 714—715) (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 60; *Кибальник С. А.* Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // *Врем. ПК. Вып. 25.* С. 110). При этом особое внимание обращалось на параллелизм образного ряда в стихотворениях «Играй, прелестное дитя...» и «Вот, Зина, вам совет: играйте...» (1826) (обращено к Е. Н. Вульф). Твердых оснований эта гипотеза не имеет.

К мотиву, намеченному в стихотворении, Пушкин возвращался, работая над «Альбомом Онегина» (1828), среди черновиков которого есть не получивший дальнейшего развития набросок: «Играй с летучим моты(льком)» (Акад. Т. 6. С. 436).

«Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ ЗЛАТОЙ ТВОЕЙ ВЕСНЫ...»

(С. 123 и 349)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 55 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 29—30 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 4. С. 197 и Примеч. С. 282—283 (публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 29—30.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется январем—февралем (вероятнее всего, не позднее 25 января) 1825 г. по положению автографа в тетради ПД 835. На л. 52 — дата «1 генв(аря) 1825»

под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина»; на л. 58 об. — 59 — заметка о стихотворении «Демон», написанная, по всей видимости, по прочтении отклика на это стихотворение в № 3 «Сына отечества» за 1825 г. (выход в свет 1 февраля 1825 г.) (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 33); на л. 57 — черновой автограф стихотворения «Сказали раз царю, что наконец...», по-видимому написанного не позднее 25 января 1825 г. (см. примеч. к нему, наст. т., с. 653—654).

Предостережение женщине о грядущей старости, когда она утратит все преимущества юных лет, — поэтический топос, восходящий к античности (см., например, элегию Тибулла (Albius Tibullus; ок. 50—19 до н. э.): Tib. Carm. I, 8). В европейской поэзии самым известным произведением на эту тему является один из «Сонетов к Елене» («Sonnets pour Hélène»): «Quand tu seras bien vieille...» (1578) Пьера Ронсара (Ronsard; 1524—1585). Тот же мотив см. у таких французских поэтов, как Теофиль Вьо (Vio; 1590—1626) («Cloris, lorsque je songe en te voyant si belle...») (1621?) или Эварист Парни (Parny; 1753—1814) (ср. в его стихотворении «Demain» («Завтра»), вошедшем в первую книгу «Эротических стихотворений» (1784): «Mais le temps du bout de son aile / Touchera vos traits en passant, / Dès demain vous serez moins belle...» (Но время краем крыла / Коснется ваших черт, мимоходом, / Завтра вы станете менее красивой... — фр.) (Parny E. de. Œuvres. Paris, 1809. Т. 1. P. 18). К этой теме, разработанной еще в Лицее (см. французское стихотворение «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») (1814), Пушкин дважды вернулся в 1830 г. — во второй сцене трагедии «Каменный гость» (монолог Дон Карлоса, обращенный к Лауре, ст. 54—65; см. наст. изд., т. 7, с. 144) и во французском прозаическом тексте, атрибутированном в Акад. как письмо к Каролине Собаньской от 2 февраля (Акад. Т. 14. С. 64).

Возможный адресат стихотворения — Анна Николаевна Вульф (см. о ней примеч. к стихотворениям «Хотя стишки на именины...» (1825) и «Увы, напрасно деве гордой...» (1825) — наст. т., с. 651—652, 921); такое предположение выдвинуто в Акад. в 9 т. (Т. 2. С. 509, примеч. М. А. Цявловского); см. также: Вересаев В. В. Около Пушкина. 3. Пушкин и Анна Вульф // Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 182; Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода // Врем. ПК. Вып. 25. С. 108. По мнению Т. Г. Цявловской, также не отрицавшей адресации стихов А. Н. Вульф, они писались не «для вручения ей» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 760; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 616). Ср. с предположением Э. Ф. Лобановой о возможной связи стихотворения с именинами А. Н. Вульф, которые праздновались 3 февраля и на которые в 1825 г. Пушкин откликнулся мадригалом «Хотя стишки на именины...» (см.: Лобанова Э. Ф. «Я был свидетелем золотой твоей весны...»: (А. С. Пушкин и Анна Вульф) // Михайловская пушкиниана. [Б. м.], 1998. Вып. 5. С. 63).

Ст. 1—3. *Я был свидетелем золотой твоей весны (<...> И самой красоте семнадцать лет замена.* — По мнению В. В. Вересаева, Пушкин говорит о знакомстве с Анной Вульф в 1817 г., когда ей было семнадцать лет (родилась в декабре 1799 г.) — см.: Вересаев В. В. Около Пушкина. С. 182.

Ст. 6—7. *Как меньше [женихов] толпятся при дво(ре) [И] тише звук похвал твой [слух обворожает]...* — О поклонниках Анны Вульф, среди которых в разное время были А. А. Дельвиг, посвятивший ей стихи «В судьбу я верю с ма-

лых лет...» (1826), Р. Р. Андреп, А. М. Кусовников, Н. Ф. Плаутин, см.: Лобанова Э. Ф. «Я был свидетелем златой твоей весны...». С. 64—65.

⟨НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ⟩

(С. 124 и 351)

⟨I⟩

«— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...»
 «— Кто там? — Здорово, господа...»
 «— Так вот детей земных изгнать!...»
 «— Сегодня бал у Сатаны...»

⟨II⟩

«— Вот Коцит, вот Ахерон...»

⟨III⟩

«— Скажи, какие заклинанья...»

Автографы:

1) Тетр. ПД 835, л. 54 об.—55 — набросок ⟨I⟩ («— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» (1), «— Кто там? — Здорово, господа...» (2), «— Так вот детей земных изгнать!...» (3), «— Сегодня бал у Сатаны...» (4)). Наброски отделены друг от друга горизонтальными отчеркиваниями (линией или фигурной скобкой). Напечатано: *Анн.* Т. 7. С. 88 — набросок (1) (в виде сводки); *Анненков П. В.* Пушкин в Александровскую эпоху // *ВЕ.* 1874. № 1. С. 25—26 — наброски (2) (в виде неполной сводки), (3), (4) (в виде сводки); *Якушкин.* № 7. С. 29 (набросок (2) без двух последних стихов, в виде сводки); *АН* 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 277—279 (наброски (1)—(4) в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: *Раб.* тетр. Т. 4.

Автограф датируется январем—февралем (вероятнее всего, не позднее 25 января) 1825 г. по положению в тетради ПД 835. На л. 52 — дата: «1 генв⟨аря⟩ 1825)». На л. 58 об.—59 заметка о стихотворении «Демон», написанная, по всей видимости, по прочтении отклика на это стихотворение в № 3 «Сына отечества» за 1825 г. (выход в свет 1 февр. 1825 г.) (см.: *Томашевский, I.* С. 553; *Фомичев.* *Раб.* тетр. ПД 835. С. 33). На л. 57 — черновой автограф стихотворения «Сказали раз царю, что наконец...», вероятнее всего написанного не позднее 25 января 1825 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 653—654).

2) ПД 76 — набросок ⟨II⟩ («— Вот Коцит, вот Ахерон...») на фабричном полулисте бумаги № 72 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: *Рукоп. П.* 1937. С. 32); жандармская помета: «8»; записан под расположенным на том же листе черновым автографом стихотворения «Покров упитанный язвительною кровью...». Напечатано: *Русское слово.* 1916. № 83. 10 апр. (в виде сводки; публ. П. О. Морозова); *АН* 1900—29. Т. 4. С. 194 и *Примеч.* С. 276—288

(первоначальные варианты; публ. П. О. Морозова). Воспроизведение: ЛН. М., 1932. Т. 4/6. С. 563.

Автограф датируется предположительно 1825 г. — на основании пушкинской даты «1825», вписанной над текстом стихотворения «Покров упитанный язвительною кровью...» в беловом автографе 1835 г. (ПД 206), а также по бумаге, которой, по данным Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, Пушкин пользовался в Михайловском в 1824—1825 гг. (см.: Рукоп. П. 1937. С. 309; Рукоп. П. 1937. Дополн.). На той же бумаге — автографы стихотворений «Коварность» (ПД 59, с пометой под текстом: «18 окт(ября) 1824») и «Храни меня, мой талисман...» (ПД 90, датируется предположительно августом (не ранее 9-го) 1824—1825 г., см. примеч. к нему — наст. т., с. 1008—1009), заметка по русской истории «В древние времена...» (ПД 289, датируется предположительно 1825 г. — см.: Акад. Т. 12. С. 462, примеч. Б. М. Эйхенбаума), черновое письмо к К. Ф. Рылеву (вторая половина июня—август 1825 г.) (ПД 454). Предположительно на той же бумаге — письмо к Л. С. Пушкину от 1—10 ноября 1824 г. с рисунком к «Евгению Онегину» (ПД 1261). По-видимому, единственный случай более позднего использования этой бумаги — воспоминания о Карамзине (ПД 825), которые предположительно датируются июнем—декабрем 1826 г. (см. примеч. Т. Г. Цявловской-Зенгер к тексту «〈Из автобиографических записок〉» — Акад. Т. 12. С. 471). Сужение датировки в Акад., где стихотворение отнесено Т. Г. Зенгер (Цявловской) к январю—июню 1825 г. (см.: Акад. Т. 2. С. 1157), не представляется обоснованным.

3) Тетр. ПД 829, л. 77 — набросок ⟨III⟩ («— Скажи, какие заклинанья...»), беловой автограф, переходящий в черновой, записан карандашом. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 348 (ст. 11—12, в виде неточной сводки); Якушкин. № 3. С. 659 (ст. 1—10; в виде сводки); Майков. Материалы. С. 56 (дополнения к публикации Якушкина; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Автограф датируется предположительно второй половиной декабря 1825—началом января 1826 г.: стихотворение вписано карандашом на оставшемся незаполненным листе в конце тетради, которая, хотя и содержит в основном лицейские и петербургские тексты, несомненно была у Пушкина при себе на Юге и в Михайловском: на л. 87 — черновое письмо к В. Л. Давыдову(?) от июля 1823—июля 1824 г., на л. 88, вырванном из тетради, — начало прозаического наброска «〈Записки молодого человека〉» (ПД 255), датирующегося осенью 1826 г. (см.: Федотова С. Б. О датировке «Записки молодого человека» // Врем. ПК. Вып. 32. С. 215—229). Можно предположить, что обращение к старой рабочей тетради, а также запись не чернилами, а карандашом были обусловлены «бумажным» и «чернильным» кризисом, настигшим Пушкина во второй половине декабря 1825—начале января 1826 г., когда он писал либо сильно разведенными чернилами, либо карандашом, а иногда даже поверх уже сделанных записей (см.: Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West : A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Pt 1. P. 67—73, 104—106). Однако нельзя исключать, что карандашная запись могла быть сделана и в иное время — в соответствии с этим датировка автографа может быть расширена до 1817—1826 гг. по времени использования тетради ПД 829. Ср. датировки, предлагавшиеся Т. Г. Зенгер (Цявловской): предположительно июль 1822—1825 г. (Акад. Т. 2. С. 1157), и С. А. Фомичевым: начало 1820-х гг. (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 60).

Впервые: набросок ⟨I⟩ (1) — Анн. Т. 7. С. 88; наброски ⟨I⟩ (2)—(4) — Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 25—26; набросок ⟨II⟩ — Русское слово. 1916. № 83. 10 апр.; набросок ⟨III⟩ — Анненков. Материалы 1855. С. 348 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1 (набросок ⟨III⟩); АН 1900—29. Т. 4 (наброски ⟨I⟩, ⟨II⟩); все три наброска под общим редакторским заглавием «⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩»: Акад. Т. 2.

Печатается по автографам в последовательности, соответствующей предположительной хронологии написания. Распределение реплик, в пушкинских автографах отмеченное достаточно небрежно, определяется по смыслу и в некоторых случаях носит гипотетический характер. Имеющееся в автографах графическое оформление реплик см. в разделе «Другие редакции и варианты» (наст. т., с. 351—355).

«⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩» — группа черновых стихотворных текстов, по всей вероятности связанных с общим сюжетом о посещении Фаустом ада. Обрывочность и черновой характер набросков, а также отсутствие упоминаний о работе над ними в переписке Пушкина не позволяют уверенно говорить, относились ли все эти тексты к единому замыслу или представляют собой осколки разных произведений, объединенных общей темой. Не способствуют решению этого вопроса и сохранившиеся сведения современников. Так, в дневнике Погодина от 16 октября 1822 г. есть краткая запись рассказа Д. В. Давыдова о Пушкине, где упомянут эпизод, находящийся отдаленное соответствие фрагменту «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» (см.: Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пис. Вып. 19—20. С. 68; Летопись 1999. Т. 1. С. 302; запись Погодина приведена ниже, в примеч. к наброску ⟨I⟩). Другое свидетельство принадлежит А. П. Толстому, который 12 июля 1833 г. делился с А. А. Мухановым дошедшим до него известием «о каких-то стихах Пушкина, где смерть играет в карты с дьяволом» (Щукинский сборник. М., 1911. Вып. 9. С. 192). Жанровая природа набросков тоже не поддается точному определению: сохранившиеся фрагменты могли быть подступами к созданию как поэмы, так и драматического сочинения «из адской жизни».

П. В. Анненков, в 1857 г. впервые напечатавший набросок «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...», считал, что он представляет собой отрывок «из сатирической поэмы, которую задумал Пушкин в Кишиневе и бросил после нескольких стихов. Действие поэмы должно было происходить при дворе сатаны, а действующими назначались люди, события, понятия той эпохи с приличной обстановкой, но он еще был молод для большой насмешки» (Анн. Т. 7. С. 89). Гипотезу о «сатанинской поэме» Анненков позднее развил в своей работе «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), где опубликовал фрагменты других набросков из тетради ПД 835, которые, по его предположению, составляли единый замысел с наброском «Во тьме крошечной...» (в таком чтении он дал первый стих наброска «Во мраке ⟨...⟩...» — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 148). Согласно интерпретации Анненкова, «в числе грешников, вярющихся в аду, и в сонме гостей, созданных на праздник геенны, явились бы ⟨...⟩ некоторые лица городского кишиневского общества и наиболее знаменитые политические имена тогдашней России» (Анненков. П. в Александровскую эпоху. С. 178). Анненкову принадлежит и предположение о том, что «доктор Ф.», фигурирующий в наброске (2), — это «известный кишиневский врач того времени» доктор Фрикен (Там же. С. 177).

Гипотеза Анненкова надолго определила интерпретации и редакторские решения применительно к наброскам из тетради ПД 835, которые публиковались под заглавиями «Наброски из политической и общественной сатиры, начатой, но не оконченной Пушкиным во время его пребывания в Кишиневе» (РА. 1876. Кн. 3. № 10. С. 214—215; публ. Н. В. Гербеля); «Наброски из неоконченной сатиры» (Ефр. 1880. Т. 1. С. 375—376; Ефр. 1882. Т. 1. С. 519—520; Ефр. 1887. Т. 1. С. 385—386), «Из неоконченной сатиры» (Мор. 1887. Т. 1. С. 267—268; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 442—444; Т. 8. С. 177; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 310—311, 619—620). Во всех этих изданиях наброски размещались в следующем порядке: «— Так вот детей земных изгнать...», «— Сегодня бал у Сатаны...», «— Кто там? — Здорово, господа...», «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...», а вместе с ними, и предвзяря их, помещался фрагмент «В Геенне праздник...» (варианты наброска «Во мраке (< >...)» — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 451). Та же последовательность фрагментов, однако под иным заглавием: «Отрывки „Адской“ поэмы» — была сохранена в Венг. (Т. 2. С. 85; публ. Н. О. Лернера).

Поворотным моментом в истории интерпретации набросков стала публикация П. О. Морозовым отрывков, находящихся на отдельном листе ПД 76 (АН 1900—29. Т. 4. С. 194 и Примеч. С. 276—279). Морозов выдвинул предположение об их связи с уже известными к тому времени набросками из тетради ПД 835 и первым высказал гипотезу о том, что их героем должен был стать Фауст: «Набросок является, по-видимому, одним из обломков стихотворного рассказа о посещении ада доктором Фаустом в сопровождении дьявола» (Там же. Примеч. С. 277). Указав на ошибочность принятой датировки записей в тетради ПД 835 1821 г., противоречащей их положению в тетради, Морозов отвел и предложенную Анненковым расшифровку сокращенной записи «докто⟨р⟩ Ф.» как «доктор Фрикен» (Там же. Примеч. С. 279), считая, что под этим сокращением имеется в виду «доктор Фауст» (при этом имя Фауста в отрывке «— Вот Коцит, вот Ахерон...» не было прочитано Морозовым, расшифровавшим эту строку как: «Доктор, сразу ну смелее» — Там же. С. 194). Морозов попытался выстроить хронологическую канву развития пушкинского замысла «на тему отношений человека с дьяволом», вершиной которого стала «Сцена из Фауста»: первый подступ к этой теме исследователь видел в наброске «— Скажи, какие заклинанья...», датированном, очевидно, по положению в лицейской тетради, 1819 г. (с такой же датой этот набросок был введен в собрания сочинений Пушкина еще в 1887 г. — см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 214). Следующим этапом развития того же замысла была, по мысли Морозова, «какая-то „адская“ поэма», «обломком которой остался набросок: „В Геенне праздник“», а затем, уже в Михайловском, появились «еще три-четыре сцены, изображающие посещение ада Фаустом в сопровождении дьявола»; под сценами подразумевались наброски на отдельном листе ПД 76 и в тетради ПД 835 (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 267). Выстраивая внутренний сюжет набросков ⟨I⟩ и ⟨II⟩, Морозов исходил из той последовательности фрагментов, в какой они расположены в автографах. Исследователь считал, что рассказ должен был открываться адской сценой, где «идет игра в карты: Смерть играет с Грехом (?) и еще кем-то» (Там же. С. 279), далее следует диалог черта и Смерти, недовольной неожиданным гостем, затем Фауст «осматривается кругом и спрашивает путеводителя, где варят грешников», на что тот отвечает, что «они находятся сейчас в парадной зале», а затем переносит Фауста через горящий Флегетон, и они пытаются проникнуть в адскую поварню (Там же. С. 279—280). Реконструкция Морозова не отразилась, однако, на композиционно-редакторских решениях:

фрагменты «Скажи, какие заклинанья...» и «В Геенне праздник...» были напечатаны отдельно под 1819 и 1821 гг. соответственно (АН 1900—29. Т. 2. С. 66; Там же. Т. 3. С. 53), в основном тексте четвертого тома были напечатаны только наброски ⟨II⟩ (Там же. Т. 4. С. 194).

Интерпретация Морозова, считавшего наброски ⟨I⟩ и ⟨II⟩ относящимися к одному этапу развития пушкинского замысла, послужила основой для редакторских решений в последующих изданиях. М. А. Цявловский напечатал их вместе, без заглавия, в хронологической рубрике 1825 г.: сначала отрывки ⟨II⟩, находящиеся в рукописи ПД 76, затем серию набросков ⟨I⟩ из тетради ПД 835 (КН. Т. 1. С. 356—357, под общим номером 407); в ряде следующих изданий наброски ⟨II⟩ и ⟨I⟩ печатались под отдельными номерами, но в той же последовательности (см.: ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 477—478; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 495—497; ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 498—500; Acad. в 9 т. Т. 2. С. 212—213). Раздельная публикация набросков, но в иной последовательности — сначала ⟨I⟩ («— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...»), следом за ними — ⟨II⟩ («Вот Коцит, вот Ахерон...») — была принята тем же Цявловским без специальных пояснений в изданиях Acad. в 6 т. (Т. 1. С. 409—410); ГИХЛ 1936 (Т. 1. С. 486—489); ГИХЛ 1937 (Т. 1. С. 487—489). Эта же последовательность набросков была сохранена и в издании «Библиотеки поэта», но там все наброски были напечатаны под одним номером, как единый блок текстов (*Пушкин А. С. Стихотворения / Под общ. ред. А. Л. Слонимского. Л., 1940. Т. 1. С. 271—273* (Б-ка поэта; Большая сер.)). При этом набросок ⟨III⟩ «— Скажи, какие заклинанья...» во всех этих изданиях печатался отдельно под 1820 г. (см.: Acad. в 9 т. Т. 1. С. 355—356; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 455—456; ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 329; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 352; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 271), и лишь в некоторых комментариях сообщалось о вероятной связи этого текста с отрывком «Вдали тех пропастей глубоких...» (зачеркнутая строка наброска «Во мраке ( )...» — см. наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 451) (Acad. в 9 т. Т. 1. С. 479; Т. 2. С. 582; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 698, 787). Основной корпус набросков (⟨I⟩ и ⟨II⟩), по мнению Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского, скорее, мог быть связан со «Сценой из Фауста» (Acad. в 9 т. Т. 2. С. 508—509; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 739).

Иной состав и композицию набросков, относящихся к замыслу о Фаусте, предложила в Акад. Т. Г. Зенгер (Цявловская) (Т. 2. С. 380—382). Передатировав набросок «— Скажи, какие заклинанья...» 1822—1825 гг. (что не противоречит времени заполнения тетради ПД 829) и интерпретируя его как эпизод переговоров человека с нечистой силой, Цявловская включила его наряду с набросками ⟨I⟩ и ⟨II⟩ в состав единой группы текстов, которым было дано редакторское заглавие «⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩». В соответствии с внутренним сюжетом фаустовского замысла, который, по мнению Т. Г. Цявловской, не соответствовал последовательности записей в автографах, фрагменты должны быть выстроены в следующем порядке: «— Скажи, какие заклинанья...», «— Вот Коцит, вот Ахерон...», «— Сегодня бал у Сатаны...», «— Так вот детей земных изгнанье...», «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...», «— Кто там? — Здорово, господа...». Такая компоновка набросков была воспроизведена в Акад. в 10 т. (1) (Т. 2. С. 308—310; подгот. текста Б. В. Томашевского), однако не стала общепринятой и несколько раз оспаривалась. Так, Б. В. Томашевский, в целом согласившийся с решением Т. Г. Цявловской объединить под общим заглавием «Наброски к замыслу о Фаусте» все три группы набросков, впоследствии в ином порядке расположил черновые фрагменты

из тетради ПД 835 («— Так вот детей земных изгнатье...», «— Сегодня бал у Сатаны...», «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...», «— Кто там? — Эдорово, господа...» — Пушкин 1955. Т. 3. С. 304—305; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 306—307), а в Акад в 10 т. (2), кроме того, объединил наброски ⟨I⟩ и ⟨II⟩ в единый блок. Д. Д. Благой считал, что набросок «— Скажи, какие заклинанья...» стоит особняком от «основной группы» и не должен объединяться с другими набросками (см.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 3. С. 527, а также: Благой Д. Д. Фауст в аду : (Об одном неизученном замысле Пушкина) // Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 297—299). Последние же в соответствии с движением Фауста от подступов к преисподней вглубь ада должны, согласно реконструкции Благого, располагаться следующим образом: все открывается первым отрывком наброска ⟨II⟩ «— Вот Коцит, вот Ахерон ~ На вот, сядь ко мне на хвост», затем следуют наброски (1), (2), (4), (3), а после них оставшиеся фрагменты наброска ⟨II⟩: «— Кто идет? — Солдат...» и «— Что горит во мгле?..» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 3. С. 468—470; Благой Д. Д. Фауст в аду. С. 297—299).

С. А. Фомичев, так же как и Благой, считавший, что набросок ⟨III⟩, в котором нет никаких прямых отзвуков посещения Фаустом ада, «должен быть выделен и помещен среди произведений начала 1820-х годов», предполагал, что наброски ⟨I⟩ и ⟨II⟩ представляют собой два варианта экспозиции единого замысла. Вторым вариантом он считал отрывки ⟨I⟩ в тетради ПД 835 и намечал сюжетную последовательность, противоположную порядку записи в тетради: (4), (3), (2), (1). См.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 60—61; Фомичев С. А. 1) Незавершенные произведения Пушкина как издательская проблема // Незавершенные произведения А. С. Пушкина : Материалы науч. конф. М., 1993. С. 100—101; 2) Из комментариев к фаустовским наброскам Пушкина // А. П., Ф. Д. и В. В.: Сб. науч. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 42—43.

Столь же неоднозначные суждения высказывались о генезисе пушкинского замысла и его соотношении со «Сценой из Фауста». Б. В. Томашевский, подчеркивая, что по отрывочным наброскам невозможно установить жанр и сюжет задуманного Пушкиным произведения, считал этот вопрос принципиально неразрешимым (Томашевский. Пушкин, II. С. 92). Согласно предположению Цявловской, Пушкин «оставил замысел о посещении Фаустом ада и написал „Сцену из Фауста“ с противопоставлением образов Фауста и Мефистофеля в психологическом плане» (Госл. в 10 т. Т. 2. С. 759—760), Д. Д. Благой видел в этих набросках «какую-то отсутствовавшую у Гете „новую сцену“» наподобие «Новой сцены между Фаустом и Мефистофелем», как при первой публикации называлась «Сцена из Фауста» (Благой Д. Д. Фауст в аду. С. 296—297).

Вопрос о связи пушкинских набросков с фаустовской традицией в европейских литературах, и прежде всего, разумеется, с первой (единственной к 1825 г. опубликованной) частью трагедии И. В. Гете «Фауст», не раз становился предметом обсуждения, но до сих пор не получил общепринятого решения.

Предположение о том, что в пушкинском замысле отразилось знакомство с «Фаустом» Гете, было впервые высказано Анненковым применительно к наброску «— Скажи, какие заклинанья...», который был им назван «попыткой» «перевода из „Фауста“». Опубликовавший это наблюдение П. А. Ефремов в свою очередь задался вопросом, «не признать ли это скорее не переводом, а наброском для „Сцены из Фауста“» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 136). Чуть позднее П. О. Морозов уже

без колебаний связал все наброски «адской поэмы» с сюжетом трагедии Гете (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 279—280), это предположение было в целом поддержано А. Г. Горнфельдом (Путеводитель. С. 96) и Г. С. Глебовым (Глебов Г. С. Пушкин и Гете // Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 45—46).

Против версии о «Фаусте» Гете как основном источнике набросков возражал В. М. Жирмунский, подчеркивая, что сюжет «Фауст в аду» «не является темой, близкой к замыслу Гете»: «Если праздник в аду мог бы иметь точки соприкосновения с Вальпургиевой ночью, то обозрение адских мук скорее напоминает Дантов „Ад”. Во всяком случае, тревоживший воображение Пушкина образ доктора Фауста связан лишь именем и общей сюжетной ситуацией с Фаустом Гете» (Жирмунский В. М. 1) Гете в русской поэзии // ЛН. Т. 4—6. С. 561; 2) Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 110).

Решительным оппонентом гетевского «происхождения» замысла выступил М. П. Алексеев, пытавшийся отрицать связь набросков не только с трагедией Гете, но и с образом Фауста вообще (см.: Алексеев М. П. 1) Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 402—468; 2) Пушкин и французская народная книга о Фаусте // Там же. С. 489—490). По мнению Алексеева, сомнительно само прочтение имени Фауст во фрагментах «— Кто там? — Здорово, господа...» и «— Вот Коцит, вот Ахерон...», однако, как указал В. Д. Рак, «в обоих набросках начертание слова похоже на бесспорные написания имени „Фауст” в других автографах» («(О драмах Байрона)», 1827 (ПД 833, л. 41—42 об., трижды; Акад. Т. 11. С. 51); «(Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям”», 1827 (ПД 833, л. 45 об.; Акад. Т. 11. С. 61); «(Арап Петра Великого)», 1827 (ПД 837, л. 17 об.; Акад. Т. 8. С. 11); запись в дневнике 17 декабря 1833 (ПД 843, л. 7; Акад. Т. 12. С. 317); «Table-Talk», (XXV), 1835—1836 (ПД 1158; Акад. Т. 12. С. 163); «Путешествие В. А. П.», 1836 (ПД 1121, л. 3 об.; Акад. Т. 12. С. 93)) — (см.: Рак В. Д. «(Наброски к замыслу о Фаусте)» // Пушкинская энциклопедия. Вып. 3. С. 248.

В интересе Пушкина к трагедии Гете нет оснований сомневаться. Еще в 1820 г. в качестве одного из эпиграфов к «Кавказскому пленнику» была взята строка «Gieb meine Jugend mir zurück» из «Пролога на театре», реминисценции из которого затем также возникнут в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824; см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 487—488, 493—494, 497—498, 501). О чтении Гете в Одессе свидетельствуют слова из письма от апреля—первой половины мая 1824 г.: «...читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (Акад. Т. 13. С. 92). Наконец, в 1825 г. Пушкин пишет свою «Сцену из Фауста», множеством переключек и самой своей драматической структурой явно связанную с трагедией Гете (см.: наст. изд., т. 7, с. 733—736, примеч. М. Н. Виролайнен).

В связи со «Сценой из Фауста» не раз высказывались сомнения в том, что Пушкин был знаком с текстом трагедии Гете в подлиннике или во французских переводах. Как неоднократно отмечалось, немецким языком Пушкин владел в недостаточной степени, чтобы читать «Фауста» в оригинале (имевшемся, например, в библиотеке Тригорского — см.: Модзалевский Б. А. Каталог библиотеки села Тригорского // Пис. Вып. 1. С. 30. № 128), французских переводов Гете в пушкинской библиотеке или библиотеке Тригорского не сохранилось. На этом основании В. М. Жирмунский предполагал, что основным источником знакомства Пушкина с «Фаустом» была книга Ж. де Сталь (Staël-Holstein; 1766—1817) «О Германии» («De l'Alle-

magne», 1810), одна из глав которой специально посвящена трагедии Гете и содержит как довольно подробный пересказ содержания, так и анализ характеров персонажей и основных мотивов «Фауста» (см.: *Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 105—106; наст. изд., т. 7, с. 735—736*).

Иной точки зрения придерживался Д. Д. Благой. Указав на то, что отдельные детали в «Сцене из Фауста» (например, имя героини — Гретхен, а не Маргарита), а также в наброске «〈О стихотворении „Демон“〉» не могли восходить к книге де Сталь, исследователь предположил, что в Михайловском Пушкин все же познакомился — по-видимому, при помощи одной из дочерей П. А. Осиповой — с немецким оригиналом «Фауста». Свою гипотезу Благой основывал главным образом на наблюдении над текстом заметки о стихотворении «Демон», где сказано, что «великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*» (Акад. Т. 11. С. 30). По замечанию Благого, «„дух отрицающий“ — совершенно точный перевод характеристики себя Мефистофелем в гетевском „Фаусте“ — „Ich bin der Geist, der stets verneint“ 〈Я дух, который вечно отрицает — нем.〉. Наоборот, в передаче этого места в книге „О Германии“ слово „дух“ отсутствует, а вместо него фигурирует „демон“: „Méphistophèlès convient lui-même que le doute vient de l'enfer et que les démons se sont ceux, qui nient“ 〈Мефистофель сам признается, что сомнение исходит из преисподней и что демоны — это те, кто отрицают — фр.〉» (*Благой Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? // Историко-филологические исследования : Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974. С. 110*). На основании этих наблюдений Благой сделал вывод, что пушкинский «дух сомнения» восходит к немецкому тексту, а не к главе в книге «О Германии». Аргументация исследователя не безупречна. Во-первых, в пассаже из книги де Сталь, как и в пушкинской заметке, специально подчеркнут мотив отрицания («ceux qui nient» 〈те, кто отрицают — фр.〉), соединенный с темой «сомнения» («le doute vient de l'enfer» 〈сомнение исходит из преисподней — фр.〉; ср. в пушкинской заметке: «И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей *дух отрицания* или *сомнения*?» — Акад. Т. 11. С. 30). Во-вторых, недооцененной оказывается другая возможность — знакомство Пушкина с французскими переводами «Фауста».

Между тем сам Благой указал на доступность Пушкину двух французских переводов «Фауста», вышедших в 1823 г., которые, по его справедливому предположению, могли быть известны поэту еще в Одессе: *Goethe 1) Œuvres dramatiques / Trad. par Ph. A. Stapfer. Paris, 1823. Т. 4; 2) Faust / Trad. par L.-C. de Saint-Aulaire // Chefs-d'œuvre des théâtres étrangers. Paris, 1823. Livr. 25. Т. 1* (см.: *Благой Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? С. 108; см. также: Данилевский Р. Ю. Пушкин и Гете : Сравнительное исследование. СПб., 1999. С. 118; В. М. Жирмунский, доверившись авторитетному справочнику Ф. Бальденсперже (*Baldensperger F. Goethe en France : Étude de littérature comparée. Paris, 1904*), считал, что перевод Стапфера вышел только в 1825 г., и исключал релевантность этого источника для фаустовских замыслов Пушкина — см.: *Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 106*). Судя по всему, Благой обращался только к вольному, неточному и неполному переводу Л.-К. де Сент-Олера, который никаких близких переключек с пушкинскими текстами не обнаруживает (обсуждая пассаж о «духе отрицания», Благой приводит этот фрагмент в его переводе: «l'Esprit de destruction» 〈дух разрушения — фр.〉 (*Saint-Aulaire. P. 79*)). Между тем другой перевод, выполненный Ф. А. Стапфером, позднее многократно переиздававшийся и одобренный Гете, представляет гораздо больший интерес. Так, например, именно в переводе Стапфера имеется наи-*

более близкий к пушкинской формулировке образ: «Je suis l'Esprit qui toujours nie» (Я дух, который вечно отрицает — фр.) (Stapfer. P. 64). Более того, ряд особенностей перевода Стапфера позволяет высказать предположение, что он мог послужить Пушкину одним из источников для набросков о Фаусте.

Перевод Стапфера, вышедший в начале января 1823 г. (см.: *Bibliographie de la France*. 1823. № 2. 11 janv. P. 17. № 110), был довольно смелым для молодого переводчика литературным экспериментом. Стапфер попытался передать полифоническую и полиметрическую структуру трагедии Гете. В «Предисловии переводчика» он подчеркивал, что в «Фаусте» выделяются две группы сцен: собственно драматические и лирические — те, в которых звучат «песни, романсы, пение небесных и адских духов, хоры колдунов и ведьм, магические заклинания» (Stapfer. P. III). В соответствии с этим Стапфер избрал разные подходы к переводу: драматические сцены он передал прозой, лирические — стихами, пытаясь воспроизвести характерные для этих сцен ритмическую аранжировку и метрическое разнообразие. Помимо этого, Стапфер снабдил свой перевод комментариями, а также поместил в приложении к переводу фрагменты из народной книги о Фаусте в старом французском переводе В.-П. Кайе (Cayet; 1525—1610), озаглавленном «Histoire prodigieuse et lamentable de Jean Fauste, grand magicien, avec son testament et sa vie éprouvante» («Необычайная и жалостная история Жана Фоста, великого волшебника, с приложением его завещания и описанием его ужасающей жизни» — фр.) (перевод впервые издан в 1598 г.; затем неоднократно переиздавался; см.: *Жирмунский В. М.* История легенды о Фаусте // *Легенда о докторе Фаусте*. 2-е изд., испр. М., 1978. С. 301 (Сер. «Литературные памятники»); *Алексеев М. П.* Пушкин и французская народная книга о Фаусте. С. 494—495).

Народная книга о Фаусте, изданная во Франкфурте в 1587 г. И. Шписом, не раз называлась в числе вероятных источников пушкинских набросков (см.: *Благой Д. Д.* Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? С. 104—112), так как в ней действительно присутствует сюжет «Фауст в аду» — см. главу 24 «Как доктор Фауст совершил путешествие в ад» (*Легенда о докторе Фаусте*. С. 60—62). На основании якобы схожего написания имени Мефистофель у Пушкина («Мефистофиль») и в книге Шписа (Mephostophiles) Благой даже пытался доказать, что Пушкин мог обращаться непосредственно к немецкому тексту народной книги (*Благой Д. Д.* Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? С. 111—112), но эта маловероятная гипотеза была убедительно оспорена (см.: *Алексеев М. П.* Пушкин и французская народная книга о Фаусте. С. 497—499).

В той же статье Алексеев указал, что Пушкин, очевидно, был знаком со сделанным с опорой на уже упомянутой перевод Кайе кратким французским пересказом книги о Фаусте, который был напечатан в 8-м томе «Всемирной библиотеки романов» (*Bibliothèque Universelle des Romans*. Paris, 1776. Т. 8. Déc. P. 69—83), сохранившемся в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 641; страницы разрезаны; этот источник впервые был назван Ю. Г. Оксманом в комментарии к «(Папессе Иоанне)»; см.: *Пушкин*. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7 (Пробный). С. 699; см. также: *Романова А. Н.* Тема Фауста в художественном мире А. С. Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 1999. С. 36—37). Однако, по мнению Алексеева, краткая версия книги о Фаусте из «Библиотеки романов» едва ли могла послужить Пушкину источником сюжета для набросков замысла о Фаусте, так как эпизод посещения ада был изложен в этом французском пересказе исключительно кратко и общо, и «извлечь из него что-либо или вдохновиться им для пересоздания

или полного переосмысления было довольно затруднительно» (Алексеев М. П. Пушкин и французская народная книга о Фаусте. С. 497). Ср.: «Le Docteur fut curieux de savoir comme étoit fait l'enfer. Ses Diables l'y conduisirent. Il vit (mais pour cette fois en passant) ce lieu terrible, & ce ne fut pas sans chagrin qu'il réfléchit qu'un jour il entreroit dans ce séjour pour n'en jamais sortir. Pour le consoler un peu, le Diable le fit voyager en l'air jusqu'au milieu des planètes et des étoiles» (Доктору хотелось узнать, как устроен ад. Его бесы сопроводили его туда. Он увидел (но на этот раз мимоходом) это ужасное место и не без горести задумался о том, что однажды он вступит в это жилище, чтобы никогда больше не выйти оттуда. Чтобы немного утешить его, дьявол отправил его в путешествие по воздушному пространству среди планет и звезд — фр.) (Bibliothèque Universelle des Romans. Т. 8. Déc. P. 73). Алексеев также считал маловероятным знакомство Пушкина с полным текстом французского перевода Кайе или большими отрывками из него (см.: Алексеев М. П. Пушкин и французская народная книга о Фаусте. С. 497), а потому предлагал вовсе исключить французские переводы и переделки народной книги о Фаусте из числа возможных источников пушкинских набросков.

Обращение к книге Стапфера позволяет пересмотреть эту точку зрения. Среди фрагментов французского перевода народной книги о Фаусте, приложенных к переводу трагедии Гете, был приведен полный текст соответствующей главки народной книги — «Comment le Docteur Fauste fut en enfer» («Как доктор Фауст побывал в аду» — фр.) (Stapfer. P. 247—251), где путешествие в ад (правда, совершаемое не наяву, а во сне) описано в красочных подробностях:

«Le Docteur Fauste s'ennuioit si fort, qu'il songeoit et rêvoit toujours de l'enfer. Il demanda à son valet *Méphostophilès*, qu'il fit en sorte qu'il peût enquérir son maître *Lucifer* et *Bélicial*, et aller à eux; mais ils lui envoierent un Diable qui avoit nom *Belzebub*, commandant sous le ciel, qui vint et demanda à Fauste ce qu'il desiroit? Il répond que c'étoit s'il y auroit quelque Esprit qui le peût mener en enfer et ramener aussi, tellement qu'il peût voir la qualité de l'enfer, son fondement, sa propriété et substance, et s'en retirer ainsi. Oui, dit *Belzebub*, je te meneray environ la minuit, et t'y emporteray. (...) Maintenant écoutez comment le Diable l'aveugla, et lui fit le tour du singe; c'est qu'il ne pensoit en rien autre chose, sinon qu'il étoit en enfer.

Il l'emporta en un air où le Docteur Fauste s'endormit: tout ainsi que quand quelqu'un se met en l'eau chaude, ou dedans un bain. Puis après, il vint sur une haute montagne, au-dessus d'une grande isle: de-là les foudres, les poix et lances de feu éclatoient avec un si grand bruit et tintamarre que le Docteur Fauste s'éveilla. (...)»

(...) En la suprémité de l'enfer, il y avoit un brouillard si épais et ténébreux, qu'il ne voyoit rien du tout, et au-dessus il se forma une grosse nuée, sur quoi montoient deux gros dragons, et menoient un chariot avec eux, où le vieux Magot mit le Docteur Fauste (...)

Et comme il fut venu jusqu'au fondement, il vit dans le feu plusieurs bourgeois, quelques empereurs, rois, princes, seigneurs, et des gens d'armes tous enharnachés à milliers. (...)

Le Docteur Fauste entra dans le feu, en voulut retirer une âme damnée; et comme il pensoit la tenir par la main, elle s'évanouit de lui tout à coup en arrière: mais il ne pouvoit alors demeurer là long-temps, à cause de la chaleur: et comme il regardoit çà et là, voici que vint le dragon, ou bien *Belzebub*, avec sa selle dessus, et l'assit dessus, et le passa ainsi en haut; car Fauste ne pouvoit là plus endurer, à cause des tonnerres, des tempêtes, des brouillards, du soufre, de la fumée, du feu, froidure et chaleur mêlées ensemble; de plus, à

cause qu'il étoit las d'endurer les effrois, les clameurs, les lamentations des malheureux, les hurlemens des Esprits, les travaux et les peines, et autres choses. (...) En cette façon vint Fauste derechef en sa maison, après qu'il se fût ainsi endormi sur sa selle, l'Esprit le rejetta tout endormi sur son lit. Et après que le jour fut venu, et que le Docteur Fauste fut réveillé, il ne se trouva point autrement que s'il se fût trouvé aussi longtemps en une prison ténébreuse; car il n'avoit point veü autre chose, sinon comme des monceaux de feu, et ce que le feu avoit baillé de soi. Le Docteur Fauste, ainsi couché sur son lit, pensoit après l'enfer».

⟨Доктор Фауст так сильно скучал, что размышлял и все время думал о преисподней. Он попросил своего слугу *Мефостофилеса* устроить так, чтобы он сумел расспросить его хозяина *Люцифера* и *Велиала* и отправиться к ним; но они выслали к нему беса по имени *Вельзевул*, властвующего поднебесной, который явился и спросил у Фауста, чего он желает. Тот отвечал, что желал бы, чтобы один из Духов ввел его в преисподнюю и вывел обратно, чтобы он смог увидеть суть преисподней, ее свойство, основу и сущность, а затем вернуться оттуда. Хорошо, — отвечал *Вельзевул*, — я тебя заберу около полуночи и доставлю туда. (...) Теперь послушайте, как Дьявол ослепил его и одурачил; все потому, что он ни о чем другом не думал, как только о том, что он побывал в преисподней.

Он поднял его на воздух, и там Доктор Фауст уснул, как засыпает человек, когда погружается в теплую воду или ванну. Затем он оказался на высокой горе, над большим островом: оттуда молнии, смола и языки пламени вырывались с таким сильным шумом и грохотом, что Доктор Фауст проснулся. (...)

На дне преисподней стоял такой густой и плотный туман, что он ничего не видел, а над ним возникло большое облако, на котором находились два огромных дракона, они везли колесницу, в которую старая Обезьяна усадила Доктора Фауста. (...)

Когда же он добрался до самого дна, увидел он в огне множество горожан, нескольких императоров, королей, князей, вельмож и также тысячи воинов, и на всех них была надета сбруя. (...)

Доктор Фауст ступил в огонь и хотел вытащить душу одного из грешников; и когда ему думалось, что он держит ее за руку, она вдруг улетела назад; однако из-за жара он не мог здесь оставаться дольше, и когда он осмотрелся по сторонам, глядя — появился дракон, или Вельзевул, с седлом на спине, он усадил его и вынес наверх; ибо Фауст не мог больше выдержать гром, бурю, туман, серу, дым, пламя, холод и зной вперемешку, кроме того, он изнемог из-за ужаса, воплей, стенаний несчастных, завывания Духов, страданий и мук и прочего. (...) Таким образом доктор Фауст вернулся домой, после того как он уснул в своем седле, Дух спящим сбросил его на постель. Когда же настал день и доктор Фауст проснулся, он чувствовал себя не иначе, как если бы он долгое время просидел в мрачной темнице; ибо не видел он ничего, кроме потоков пламени и того, что извергало пламя. Так, лежа в своей постели, доктор Фауст раздумывал о преисподней — *фр.*).

Прямых словесных переключек с пушкинскими набросками глава народной книги о посещении Фаустом ада не обнаруживает, однако здесь налицо общность сюжетного хода (путешествие в ад), а также близость некоторых мотивов (путешествие верхом на Вельзевуле — ср. у Пушкина: «сядь ко мне на хвост», необходимость получить дозволение от властителей преисподней).

Помимо фрагмента из народной книги о Фаусте в замысле Пушкина могли отразиться, как минимум, две сцены из самой трагедии Гете — это неоднократно упоминавшаяся в связи с «⟨Набросками...⟩» «Вальпургиева ночь» (в переводе Стапфера:

«Nuit de Sabbat» (Stapfer. P. 188—205), именно к этой сцене сделано примечание переводчика, отсылающее к фрагменту народной книги о посещении Фаустом ада), а также сцена «Кухня ведьмы» («Cuisine de sorcière»; Ibid. P. 111—124); эти две сцены Пушкин, по-видимому, имел в виду в реплике Мефистофеля в «Сцене из Фауста» — «Возил и к ведьмам, и к духам...» (наст. изд., т. 7, с. 100; см. также примеч., с. 746). В «Кухне ведьмы» описано, как волшебные звери варят в котле зелье, а Мефистофель интересуется, что кипит в этом котле:

Méphistophélès

⟨.....⟩

Apprenez-moi, grotesque troupe,

Ce qu'avec votre moulinet

Vous brassez là dans cette coupe?

Les animaux

Oh! nous cuisons une ample soupe.

⟨.....⟩

Méphistophélès

(s'approchant du feu)

Et ce pot?

Le Mâle et la Guénon

Idiot!

Maître sot!

Il ne connaît pas le pot,

Ne connaît pas la marmite!

⟨Мефистофель. ⟨...⟩ Скажите мне, смешная братья, / Что вы своей мешалкой / Размешиваете в этой чаше? Звери. О, мы варим большую похлебку. ⟨...⟩ Мефистофель (подходя к очагу). А это что за горшок? Самец и Самка. Идиот! Глупец! Он не знает, что это за горшок! Он не знает, что это за котел! — фр.) (Stapfer. P. 113—114, 115). Ср. в пушкинских набросках: «— Что горит во мгле? / Что кипит в котле? ⟨...⟩ Посмотри — уха, / Караси цари. / — О вари, вари!...». Ср. также сходные короткие стихотворные строки парной рифмовки в другой реплике Самца и Самки:

Le monde est là!

Oui, c'est cela:

Gentille boule

Qui roule, roule...

⟨Весь мир — тут; / Да, это так: / Прекрасный шар, / Который вертится, вертится... — фр.) (Ibid. P. 114).

Ориентацией на метрическую полифонию «Фауста», переданную и в переводе Стапфера, можно объяснить сочетание разнометрических отрывков в пушкинских набросках, в которых четырехстопный ямб набросков ⟨I⟩ и ⟨III⟩ сочетается с четырехстопным хореем («— Вот Коцит, вот Ахерон...») и раешным стихом («— Кто идет? — Солдат...») в наброске ⟨II⟩.

Возможно, Пушкину была известна еще одна европейская литературная обработка фаустовского сюжета — роман немецкого писателя Ф. М. Клингера (Klinger; 1752—1831) «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» («Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt», 1791), еще в XVIII в. переведенный на французский язык (см. ниже). В романе Клингера, построенном по канве народной книги о Фаусте, но носящем прежде всего сатирический характер, главный герой отождествлен с первопечатником Иоганном Фаустом из Майнца. Именно в честь изобретения Фаустом книгопечатания, «легкого способа тысячами множить книги, эти опасные игрушки людей» (Клиггер Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад / [Пер. А. Лютера]; Ред. перевода, вступ. ст., примеч. О. А. Смолян. М.; Л., 1961. С. 37), Сатана устраивает адский пир, красочное описание которого помещено в начале первой книги клингеровского «Фауста...». Как отметил еще М. Б. Загорский, ряд образов этой «сцены ада» довольно близко перекликается с набросками Пушкина (см.: Загорский М. Б. Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 234, 328—330; см. также: Фомичев С. А. Из комментариев к фаустовским наброскам Пушкина. С. 48—49; Романова А. Н. Тема Фауста в художественном мире А. С. Пушкина. С. 39—40, 99—100). Ср.: «— Сегодня бал у Сатаны — / На именины мы званы» (наст. т., с. 125) — «Au son de trompettes qui retentissoient, jusque dans les nues, Satan, souverain seigneur des enfers, avoit fait savoir à toutes les âmes damnées du haut et bas monde, qu'il donneroit aujourd'hui une grande fête» «Трубными звуками, которые отдавались даже на небесах, Сатана, верховный владыка преисподней, повелел оповестить все грешные души верхнего и нижнего мира о том, что он устраивает сегодня большое празднество — *фр.*» (цит. по французскому переводу, который мог быть доступен Пушкину: Klinger F. M. Les aventures du docteur Faust et sa Descente aux Enfers / Trad. de l'allemand. Amsterdam, 1798. P. 23); «Какой порядок и молчанье, / Какой огромный сводов ряд! / <...> / [Все] тихо» (наст. т., с. 124) — «Les voutes spacieuses des enfers retentissoient déjà des cris féroces que pousoit la populace des esprits. <...> Les princes ensuite se présentèrent, et ordonnèrent silence à la multitude <...>. Les diables obéirent, et il regna dans le tartare un morne silence...» «Огромные своды преисподней уже огласились дикими криками низших духов. <...> Но вот появились князья <ада> и приказали толпе смолкнуть <...>. Демоны подчинились, и мрачная тишина воцарилась в аду... — *фр.*» (Klinger F. M. Les aventures du docteur Faust... P. 24); «Но где же грешников варят?»; «Что кипит в котле? / <...> / — Фауст, ха-ха-⟨ха⟩, / Посмотри — уха, / Караси цари. / — О вари, вари!..» (наст. т., с. 124, 125) — «Le chef de chaque légion <...> choisit à volonté un nombre d'âmes damnées pour le repas de ses officiers et soldats. Ceux-ci les donnent ensuite aux esclaves qui les font cuir ou rôtir et les arrosent avec des coulis infernaux» «Предводитель каждого легиона <...> выбирает на свое усмотрение некоторое количество грешных душ для стола своих офицеров и солдат. Те затем передают эти души рабам, которые их варят или жарят и поливают адскими соусами — *фр.*» (Klinger F. M. Les aventures du docteur Faust... P. 25; далее следует подробное описание адской кухни).

Хотя знакомство Пушкина с романом Клингера не подтверждено документальными свидетельствами, оно весьма вероятно, учитывая европейскую и русскую известность как этого произведения немецкого писателя, так и других его сочинений (см.: Коренева М. Ю., Данилевский Р. Ю. Клиггер // П. и мировая литература. С. 166—168). С 1780 г. живший в России, много занимавшийся педагогической и просветительской деятельностью (с 1785 г. он преподавал в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, который фактически возглавил в 1797 г., с 1803 г. руководил

также Пажеским корпусом; в 1803—1817 гг. был попечителем Дерптского учебного округа и куратором Дерптского университета), Клинггер был лично знаком с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, В. К. Кюхельбекером. Пушкин, очевидно, читал во французском переводе другое философско-сатирическое сочинение Клинггера — «Историю о золотом петухе» («Die Geschichte vom goldenen Hahn: Ein Beitrag zur Kirchen-Historie», 1785; французский перевод: «Le Coq d'or, fragment historique pour servir de supplément à l'histoire ecclésiastique», 1789), послужившую одним из источников «Сказки о золотом петушке» (1834). Как указал В. Д. Рак, роман о Фаусте имелся, например, в библиотеках В. А. Жуковского и П. Я. Чаадаева (см.: Рак В. Д. «Наброски к замыслу о Фаусте». С. 255), а также в библиотеке М. С. Воронцова (немецкое издание; за это указание благодарю О. В. Шестопалова и О. А. Проскурина). Согласно гипотезе Т. Г. Цвяловской, знакомство с романом Клинггера могло послужить одним из импульсов к замыслу Пушкина о «влюбленном бесе» (Цвяловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. Т. 3. С. 101—110; ср. также: Основат Л. С. «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821—1831 гг. // ПИМ. Т. 12. С. 175—178). О возможных отзвуках чтения клингеровского «Фауста...» в «Сцене из Фауста» (1825) и «Сценах из рыцарских времен» см. примеч. М. Н. Виролайнен к этим произведениям — наст. изд., т. 7, с. 737, 947.

Однако в том, что касается сцены пира в аду, Клинггер, по всей видимости, ориентировался на источник, хорошо известный и Пушкину, — это эпизод из начала пятой песни «Орлеанской девственницы» («La Pucelle d'Orléans», первое авторизованное изд. 1762) Вольтера, описывающий пир у Сатаны, который скликает на него всех своих присных: «...un jour Satan, seigneur du sombre empire, / À ses vassaux donnait un grand régal. / Il était fête au manoir infernal...» («...однажды Сатана, повелитель мрачного царства, / Устроил для своих подданных роскошный пир. / В адском дворце был праздник — фр.). На переключку наброска «[Вдали тех пропастей глубоких...]» (в наст. изд. первая строка основного текста этого наброска читается: «Во мраке ( )...» — см. т. 2, кн. 2, с. 148) с этим эпизодом поэмы Вольтера указал еще Б. В. Томашевский (Пушкин А. С. Гавриилиада: Поэма. Пб., 1922. С. 44—45, коммент. Б. В. Томашевского; см. также наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 923—924, примеч. Е. О. Ларионовой к наброску «Во мраке ( )...»). По замечанию В. Д. Рака, указанный фрагмент «Орлеанской девственницы» мог отразиться и в комментируемой группе пушкинских набросков (Рак В. Д. 1) Пушкинский черновой набросок «[Вдали тех пропастей глубоких...]» // РЛ. 2004. № 3. С. 119; 2) «Наброски к замыслу о Фаусте». С. 256).

В числе возможных литературных источников сюжета «Фауст в аду» называли также «Отрывок из фарса „Адские судьи“ в подражание „Лягушкам“ Аристофана» («Fragment aus einer Farce, die Höllenrichter genannt, einer Nachahmung der βατραχοὶ des Aristophanes», 1777) Я. М. Р. Ленца (Lenz; 1751—1792), который поместил своего доктора Фауста в преисподнюю, где тот томится невозможностью смерти, от чего его спасает явившийся ему Бахус (см.: Фомичев С. А. Из комментариев к фаустовским наброскам Пушкина. С. 49—51). Хотя Ленц прожил в Москве последние десять лет своей жизни, был близок к кругу Н. И. Новикова и хорошо знаком с Карамзиным, никаких сведений об интересе к нему Пушкина не сохранилось; учитывая его слабое владение немецким языком, знакомство с фарсом Ленца о Фаусте представляется маловероятным.

Столь же маловероятно, что к 1825 г. Пушкину были известны такие догетевские литературные обработки сюжета о Фаусте, как «Трагическая история доктора Фауста» («The tragical history of D. Faustus», первое изд. — 1604 г.) К. Марло (Marlowe; 1564—1593) и наброски Г. Э. Лессинга (Lessing; 1729—1781) к драме о Фаусте (1755—1775). Об этих произведениях как вероятных источниках фаустовских замыслов Пушкина см.: *Глебов Г. С.* Пушкин и Гете. С. 45; *Шульц Р.* Отзвуки фаустовской традиции и тайнописи в творчестве Пушкина. СПб., 2006. С. 194—197; *Шитова В. В.* Образ Фауста в «набросках к замыслу о Фаусте» А. С. Пушкина // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 2. С. 162—163. Пушкин едва ли мог прочесть трагедию Марло в оригинале или в немецком переводе (1818); первый французский перевод появился только в 1850 г., русский — в 1859 г. (см.: *Henning H.* Faust-Bibliographie. Berlin; Weimar, 1966. Th. 1. S. 183, 185). При жизни Лессинга было опубликовано только третье явление второго действия — «Faust und sieben Geister» («Фауст и семь духов» — нем.) (1759), некоторые дополнительные материалы увидели свет после его смерти — в 1784, 1786 и 1794 гг. (см.: *Ibid.* S. 395—396; *Жирмунский В. М.* История легенды о Фаусте. С. 355). Вероятность знакомства Пушкина с французским переводом сцены «Фауст и семь духов» («Faust, et sept Esprits infernaux»: Théâtre allemand, ou Recueil des meilleures pièces dramatiques. Paris, 1772. Т. 1. P. 69—74) нельзя исключить, но эта сцена Лессинга не имеет никаких конкретных пересечений с пушкинскими текстами о Фаусте. Существенно, однако, что при обращениях Пушкина к сюжету о Фаусте в «⟨Сценах из рыцарских времен⟩» и «⟨Папессе Иоанне⟩», написанных в 1834 или 1835 г., произведения Марло и Лессинга могли оказаться актуальными — их комментированный пересказ, сопровождаемый переводом обширных фрагментов, был помещен во вступительной статье Стапфера к первому тому «Драматических сочинений Гете», поступившему в продажу — вопреки дате на титульном листе — в конце мая 1826 г. (см.: *Stapfer Ph. A.* Notice sur la vie et les ouvrages de Goethe // Goethe. (Euvres dramatiques / Trad. par Ph. A. Stapfer. Paris, 1825. Т. 1. P. 101—106, 107—108; время выхода книги уточняется по французской книжной летописи: *Bibliographie de la France.* 1826. № 41. 24 mai. P. 459. № 3377). В пользу знакомства Пушкина с критическим очерком Стапфера свидетельствует близкая переключка между пушкинской заметкой «⟨О драмах Байрона⟩» (1827) и фрагментом из статьи французского переводчика, где речь идет о сопоставлении «Манфреда» с «Фаустом». Ср.: «Байрон ⟨...⟩ в „Manfred” ’e ⟨...⟩ подражал „Фаусту”, заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению, благороднейшими ⟨...⟩. Байрон чувствовал свою ошибку и в последствии времени принялась вновь за Фауста, подражая ему в своем „Превращенном уроде”» (Акад. Т. 11. С. 51) — «C’est ce qu’a fait lord Byron dans son poëme de Manfred où l’on retrouve sous d’autres formes à-peu-près la même idée. Mais en substituant à des croyances populaires un merveilleux de sa façon, et isolant ce merveilleux de tout le réel qui l’explique et le rend possible, il a enlevé au lecteur le seul point d’appui qui lui restât dans „Faust”. ⟨...⟩ Peu avant sa mort, il a donné les deux premières parties d’un nouveau poëme dramatique intitulé „The deformed transformed”, qui, dit-il, is taken partly on the „Faust” of the great Goethe» (Вот что сделал лорд Байрон в своем «Манфреде», где мы находим в иных формах почти ту же идею (что и в «Фаусте». — *Ред.*). Но, заменив народные поверья чудесами собственного изобретения и лишив эти чудеса всякой связи с реальностью, которая могла бы объяснить их и сделать правдоподобными, он отнял у читателя ту единственную опору, которую он еще мог найти в «Фаусте». ⟨...⟩ Неза-

долго до смерти он выдал две первые части новой драматической поэмы, озаглавленной «Превращенный урод», которая, по его собственным словам, частично восходит к «Фаусту» великого Гете — *фр., англ.*) (*Stapfer Ph. A. Notice sur la vie et les ouvrages de Goethe. P. 108—109*). Эта позднейшая переключка может также служить косвенным подтверждением интереса Пушкина к переводам Стапфера из Гете и на более раннем этапе.

Помимо литературных источников в замысле Пушкина, по-видимому, нашли отражение и фольклорные тексты и/или мотивы (см. о них ниже, примеч. к наброску ⟨I⟩). Нельзя исключать также и влияния на пушкинский замысел кукольной комедии о докторе Фаусте, входившей в репертуар площадных (прежде всего немецких и голландских) театров. Ср., например, упоминание в мемуарах Ф. Ф. Вигеля о постановке петербургской немецкой труппой драмы «Доктор Фауст» в 1800—1810-е гг. (Вигель. Ч. 3. С. 124; подробнее см.: *Александрова С. В. Из комментариев к Пушкину. I. «Арлекин» в «Сцене из Фауста» Пушкина // ПиС (Нов. серия). Вып. 3 (42). С. 312—315; наст. изд., т. 7, с. 737*), а также краткую характеристику балаганных представлений о докторе Фаусте в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (см.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.; Л., 1984. С. 17 (Сер. «Литературные памятники»)*); отмечено в связи с фаустовскими сюжетами Пушкина: *Листов В. С. Образ Фауста в пушкинском плане «Сцен из рыцарских времен» // Листов В. С. Новое о Пушкине: История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М., 2000. С. 220—222; см. также: Фомичев С. А. Из комментариев к фаустовским наброскам Пушкина. С. 43—45.*

⟨I⟩

Сюжет первых двух фрагментов («— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» и «— Кто там? — Здорово, господа...»), описывающих карточную игру в аду, близок к распространенному в разных фольклорных и литературных жанрах сюжету «Солдат играет в карты со Смертью / Чертом (в аду)» (*Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина. С. 454—468*). «В фольклоре всех западноевропейских народов был широко распространен сказочный сюжет о карточном игроке, бражнике, мельнике и т. д., но чаще всего о солдате, который играет в карты с чертями или со Смертью, попадает в ад, благодаря своей храбрости и природной смекалке не только благополучно возвращается оттуда, но даже выводит с собой и помещает в рай множество грешных душ, выигранных им в карты в аду у чертей или у самого дьявола. В ряде вариантов вместо дьявола выступает Смерть...» (Там же. С. 454—455). Существенно, однако, что в фольклорных сюжетах карточная игра предполагает состязание земного героя (солдата, купеческого сына, Ивана-царевича и др.) с нечистой, inferнальной силой (см., например, анализ сюжетов карточной игры в русских сказках: *Шевцов В. В. Карточная игра в русских волшебных и бытовых сказках: Архаические истоки и социальные смыслы // Культурологические исследования в Сибири. 2004. № 3 (14). С. 62—66*), в то время как в пушкинских набросках в карты играет Смерть и unnamed обитатель или обитатели преисподней (иногда в качестве карточного партнера Смерти называют Грех, основываясь на том, что в автографе в ст. 21 над словами: «Я дамой» — сделана отдельная запись: «— Грех» (см. раздел «Другие редакции и варианты» —

наст. т., с. 352)). Возможно, впрочем, что Пушкин намечал сюжетный ход, при развитии которого Фауст должен был вступить в игру.

По предположению Л. М. Аринштейна (*Аринштейн Л. М.* Комментарий к так называемым «Наброскам к замыслу о Фаусте» // *Врем. ПК. Вып. 30. С. 251—254*), при передаче отрывистого карточного диалога игроков Пушкин мог ориентироваться на сказку Жуковского «Красный карбункул» (1816; опубл.: *Тр. Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. М., 1817. Ч. 9. Кн. 14. С. 49—65*). В ней рассказана поучительная история деревенского юноши Вальтера, погубленного чертом Зеленым, который воспользовался его пристрастием к карточной игре. Ср.: «„После приди, — говорит он. — Что козырь?“ / Взятку берет он за взяткой. <...> „Отстань же, не выду; / Козырь!.. туз бубновый!.. семерка крестовая!.. козырь!“»; «В трактире сидят запоздалые, пьют и играют. <...> „Бей!“ — кричат. „Подходи!“ — „Я лопнул!“ — „Козырь!“ — „Зарезал!“ / Вот они козыряют...» (*Жуковский. ПСС. Т. 4. С. 16, 18*).

Ст. 5 — 6. — *Молчи, ты глуп и молоденок. Уж не тебе меня ловить. [Ведь] мы играем не <из><?> денег...* — В ст. 6 — редакторская конъектура: введен отсутствующий в автографе предлог «из». Форма «не из денег» отражает узус эпохи — употребление в подобной конструкции предлога «из» в значении ‘из-за, ради’. Ср.: «Теперь посуди, стоит ли кручиниться из денег, стоит ли мучить себя для них?» (*Булгарин Ф. В. Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман. 2-е изд., испр. СПб., 1829. Ч. 3. С. 215—216*); «...он делает умно, и, как бы ни толковали, а я буду думать, что он женится, как пишет (по его словам), не из денег, но и не без денег» (письмо А. С. Хомякова к А. В. Веневитинову от начала января 1837 г. о женитьбе Н. Ф. Павлова — *Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1904. Т. 8. С. 37*); «Я стану работать для тебя не из денег, а из чести» (*История величия и падения Цезаря Биротто, роман г. Бальзака // БдЧ. 1838. Т. 29. Отд. 2. С. 45*).

Рифмопара «молоденек—денег» предположительно в том же 1825 г., которым датируется серия набросков (I), была использована в наброске «<Из Вольтера>» («Короче дни, а ночи доле...»):

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденок

(Наст. т., с. 130)

Близкое употребление фольклорного эпитета «молоденек» см. в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830), где он также применен к inferнальному существу:

Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
<.....>
Подожди-ка моего меньшого брата.
<.....>
Ты, бесенок, еще молоденок,
Со мною тягаться слабенок...

(Акад. Т. 3. С. 499—500)

См.: Левинтон Г. А. Отрывки из писем, мысли и замечания : (Из пушкиноведческих маргиналий) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. Вып. 2. С. 149).

Ст. 8. *А только б вечность проводить.* — Пушкин, вероятно, иронически отсылает к мотиву мучительной вечности, восходящему к знаменитой проповеди аббата Ж. Бридена (Bridaine; 1701—1767) (фрагменты из нее часто цитировались в многочисленных словарях, антологиях и учебных пособиях; см., например: Dictionnaire historique, critique et bibliographique. Paris, 1821. Т. 5. Р. 22 (отмечено: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес». С. 107—108); Biographie universelle, ancienne et moderne... / Par une société de gens de lettres et de savants. Paris, 1812. Т. 5. Р. 582; Dictionnaire biographique et bibliographique des prédicateurs et des sermons français... Paris, 1824. Р. 50; Mémorial religieux et biblique, ou Choix de pensées sur la religion et sur l'écriture sainte / Par G. Pignot. Dijon, 1824. Р. 171). Бриден, в частности, говорил: «Eh! savez-vous ce que c'est que l'éternité? c'est une pendule dont le balancier dit et redit sans cesse ces deux mots seulement, dans le silence des tombeaux: *Toujours, jamais! jamais, toujours!* Et toujours pendant ces effroyables révolutions, un réprouvé s'écrie: *quelle heure est-il?* et la voix d'un autre misérable lui répond: *l'éternité*» (А знаете ли вы, что есть вечность? это маятник, который, качаясь в могильном безмолвии, неустанно твердит лишь два слова: *Всегда, никогда! никогда, всегда!* И при каждом таком ужасном взмахе какой-то отверженный кричит: *который час?* И голос другого несчастного ему отвечает: *вечность — фр.*). Этот фрагмент упомянут в книге Ж. де Сталь «О Германии», в главе о сочинениях Э. Вернера (Werner; 1768—1823), следующей сразу за главкой о «Фаусте» Гете: «...on se rappelle cette belle idée d'un missionnaire qui supposoit que dans l'enfer les damnés demandoient sans cesse: — „Quelle heure est-il?“ et qu'on leur répondoit: „L'éternité”» (на ум приходит прекрасная мысль одного миссионера, который предполагал, что в аду отверженные души то и дело спрашивают: «Который час?» — и им отвечают: «Вечность» — фр.) (Stäel-Holstein G. de. De l'Allemagne. Londres, 1813. Т. 2. Р. 243). Фрагмент пользовался широкой известностью. Пушкинскую вариацию на тот же сюжет записал в своем дневнике Погодин со слов Д. В. Давыдова, говорившего 16 октября 1822 г. у А. В. Всеволожского «о поэзии, Пушкине, Жуковском»: Пушкин «пишет стихи записест, однако марает много. — Который час, спрашивают адских теней — вечность» (см.: Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // ПиС. Вып. 19—20. С. 68; Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес». С. 107; Летопись 1999. Т. 1. С. 302). Тот же афоризм повторял в 1828 г., согласно записи доктора А. Дитриха, душевнобольной Батюшков, который «сам себя спрашивал», глядя на врача «с насмешливой улыбкой и делая движение, точно достает часы из кармана: „Который час?» и сам себе отвечал: „Вечность”» (Дитрих А. Записка о душевной болезни К. Н. Батюшкова // Батюшков К. Н. Соч.: В 3 т. СПб., 1887. Т. 1. С. 342; оригинал по-нем.).

Ст. 23—26, 31—32. — *Так вот детей земных изгнание ~ Но где же грешников варят?* (Смотри, как эти два бесенка На кухню тащат поросенка)... — Основным источником описания приготовления к адскому пиршеству, по-видимому, послужили соответствующие сцены из романа Клингера (см. выше). Ср. описание казней грешников в позднейшем наброске «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» (1832): «Бесенок, под себя поджав свое копыто, / Крутил ростовщика у адского огня. / Горячий капал жир в копченое корыто, / И лопал на огне печеный ростовщик» (Акад. Т. 3. С. 281).

〈II〉

Ст. 1 — 2. — *Вот Коцит, вот Ахерон, Вот горящий Флегетон.* — Коцит, Ахерон и Флегетон — в древнегреческой мифологии реки подземного царства Аида; эпитет «горящий» соответствует этимологии названия «Флегетон» — Φλεγέθων — «пламенный, горящий» (др.-греч.).

Ст. 5 — 6. — *Где же мост? — Какой тут мост, На вот, сядь ко мне на хвост.* — Образ хвостатого дьявола встречается в одном из сатирических сочинений лицеистов, вошедших в рукописный журнал «Лицейский мудрец», — в диалоге «Демон Метромании и стихотворец Гезель», где демон говорит: «Я привез на хвосту тебе письмо» (*Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817) : Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 293; отмечено: Глебов Г. С. Пушкин и Гете. С. 45*). «Фауст на хвосте дьявола» («Faust sur la queue du diable»), согласно первоначальному плану, также должен был появиться в финале «Сцен из рыцарских времен» (см.: наст. изд., т. 7, с. 466; *Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина. С. 446; Рассадин Ст. Драматург Пушкин : Поэтика. Идеи. Эволюция. М., 1977. С. 328*).

Ст. 7 — 10. — *Кто идет? — Солдат. — Это что? — Парад. Вот обер-капрал, Унтер-генерал.* — Наименования несуществующих в Российской империи чинов пародийно обыгрывают заимствованную сложносоставную номенклатуру военных званий, в которых часто встречались приставки *обер-* («старший», «главный») и *унтер-* («младший», «низший по званию»): обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шенк, унтер-лейтенант, унтер-офицер и др. Звание капрала (корпорала), соответствующее низшему офицерскому чину, не входившему в Табель о рангах, было исключено из официальной номенклатуры указом Павла I от 8 ноября 1796 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649—1825). СПб., 1830. Т. 24 (1796—1797). С. 1—2, № 17534) и вместе с некоторыми другими младшими чинами заменено званием «унтер-офицер», оставшись лишь в неофициальном обиходе. Тем не менее именование «капрал» получило широкое распространение в языке, в том числе в фольклорных жанрах — ср. появление такого персонажа, как капрал, в народной комедии о Петрушке (Русская народная драма XVII—XX веков : Тексты пьес и описания представлений / Под ред. П. Н. Беркова. М., 1953. С. 120—122), пословицы и присловья с упоминанием капрала, в том числе в рифменном соположении с «генералом»: «Семеро капралов над одним рядовым», «Кто палку взял, тот капрал», «Не в генералы, так в капралы», «Кто идет? — Солдат. — Что несет? — Кафтан. — Где взял? — Украл. — Кто велел? — Капрал» (Даль. Т. 2. Стб. 218; ср. также: *Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862. С. 250, 491, 786*). Явное структурное и словесное сходство ст. 7—10 с текстом, зафиксированным в словаре Даля, подчеркивает роль фольклорных источников для фаустовского замысла Пушкина.

Ст. 13 — 14. — *Фауст, ха-ха-〈ха〉, Посмотри — уха, Караси цари.* — *О вари, вари.* — Основываясь на одном из зачеркнутых вариантов описания того, что «кипит в котле», — «Погляди цари!» (раздел «Другие редакции и варианты — наст. т., с. 354—355»), исследователи, особенно в советское время, неоднократно пытались увидеть в «Набросках...» элементы политической сатиры (см., например: *Томашевский, П. С. 92; Глебов Г. С. Пушкин и Гете. С. 45*), однако характер набросков не дает оснований для подобных интерпретаций. Ср. сходные гротескные описания адских кушаний, приготавливаемых из грешников, в романе Клинг-

ра о Фаусте (см.: *Klinger F. M. Les aventures du docteur Faust et sa Descente aux Enfers. P. 26; Клингер Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. С. 35).*

⟨III⟩

Фрагмент ⟨III⟩, написанный астрофическим четырехстопным ямбом вольной рифмовки и состоящий из двух обособленных реплик, на композиционном и метрико-синтаксическом уровне отличается от серий набросков ⟨I⟩ и ⟨II⟩, представляющих собой «рубленные» диалоги, в основном из коротких фраз, часто разбивающих стихотворную строку. В этом отношении фрагмент ⟨III⟩ напоминает «Сцену из Фауста», с которой его также объединяет мотив неотступной службы нечистой силы (ср.: «Готов я как бы с неба пасть. / Довольно одного желанья — / ⟨...⟩ я служу, / Живу, крихчу под вашим игом...» (наст. т., с. 125) — «Я мелким бесом извивался, / Развеселить тебя старался ⟨...⟩ / Задай лишь мне задачу: / Без дела, знаешь, от тебя / Не смею отлучаться я» (наст. изд., т. 7, с. 100, 102); отмечено: *Левинтон Г. А. Отрывки из писем, мысли и замечания. С. 149).*

Ст. 6—9. *Я, как догадливый холоп, В ладони по-турецки хлоп, При свистни, позвони — и мигом Явлюсь. Что делать — я служу... —* Клятву немедленно являться по первому зову Фауста дает Мефостофилес в народной книге о Фаусте (часть I, гл. 4); соответствующий фрагмент из нее был приведен в одном из примечаний к переводу Стапфера: «*Et le Diable dit au D. Fauste: J'ai fait ton commandement, et tu me dois commander: partant, je suis venu pour t'obéir, quelque soit ton désir, d'autant que tu m'as ainsi ordonné que je me présentasse devant toi à cette heure ici*» (И Дьявол сказал Д. Фаусту: Я выполнил твое приказание, и ты должен мною распорядиться; итак, я явился, чтобы подчиняться тебе, каким бы ни было твое желание, поскольку ты мне велел немедленно предстать перед тобой — *фр.*) (Stapfer. P. 240).

Ст. 7, по всей видимости, восходит к этнографическому примечанию Байрона в «Абидосской невесте» («*The Bride of Abydos*», 1813): «*Les Turcs frappent dans leurs mains pour appeler les esclaves; ils n'aiment pas de dépenser inutilement leurs paroles...*» (Турки хлопают в ладоши, чтобы позвать рабов; они не любят попусту тратить слова... — *фр.*) (Byron 1820. T. 1. P. 322).

«ЗАСТУПНИКИ КНУТА И ПЛЕТИ...»

(С. 126 и 356)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 63 — черновой. Напечатано: *Щеголев П. Е. Новые стихи А. С. Пушкина // Русское слово. 1911. № 181, 6 авг. (в виде сводки отдельных стихов); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 295—296 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.*

Впервые: *Русское слово. 1911. № 181, 6 авг. (см. выше).*

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется первой половиной февраля—концом июня 1825 г. по времени работы Пушкина над элегией «Андрей Шень» (см. примеч. к ней — наст. т., с. 721—722), среди черновиков которой расположена эпиграмма, возникшая в процессе ра-

боты над элегией, после того как на л. 63 был записан вариант А стихов 162—165 «Андрея Шенье» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 275).

На одновременность создания стихотворений «Заступники кнута и плети...» и «Андрей Шенье» первым указал П. Е. Щеголев, опиравшийся на анализ их содержания и положение автографов в тетради ПД 835 (Щеголев П. Е. 1) Новые стихи А. С. Пушкина. С. 3; 2) Поэтические тексты // Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 324—328). Это мнение было оспорено Т. Г. Цявловской, полагавшей, что эпиграмма «Заступники кнута и плети...» была создана Пушкиным через несколько месяцев после записи на л. 63 черновых стихов «Андрея Шенье» (Зенгер (Цявловская) Т. Г. Из черновых текстов Пушкина. 1. Политическая эпиграмма // Пушкин — родоначальник новой русской литературы : Сб. науч.-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 35). Датировка, данная ею в Акад., — 8—13 сентября 1825 г. (Т. 2. С. 1166) соответствовала ее гипотезе об адресации эпиграммы П. А. Вяземскому («князю») и связи ее с письмом к Пушкину от 28 августа и 6 сентября 1825 г., в котором Вяземский уговаривал поэта оставить попытки вырваться из Михайловского (помимо Вяземского в Указателе имен к «заступникам кнута и плети» причислены еще П. А. Плетнев и В. А. Жуковский, поскольку к Пушкину они обращали те же увещевания, — см.: Акад. Т. 2. С. 1213, 1216, 1223, а также примеч. Б. В. Томашевского к эпиграмме в изданиях Акад. в 10 т.). Построения Цявловской, связанные с адресацией эпиграммы, опровергнуты в работе И. Л. Фейнберга, в 1968 г. назвавшего подлинный повод к ее написанию (см. ниже). Лишь в статье 1966 г. Цявловская признала, что эпиграмма была набросана в процессе работы над элегией «Андрей Шенье» (см.: Цявловская Т. Г. «Заступники кнута и плети...» : (Споры вокруг стихотворения Пушкина) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25, вып. 2. С. 123—133; ту же точку зрения см.: Сандомирская 1974. С. 16—17; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 62).

В не доработанное Пушкиным стихотворение В. Я. Брюсов ввел конъектуры антимонархической направленности: в ст. 8 — «на <царскую> расправу», в ст. 10 — «Влетит <царю> мой первый кнут» (Брюс. С. 256). Работа Брюсова была подвергнута критике П. Е. Щеголевым в статье «Поэтические тексты» (см.: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 328); в авторитетных изданиях 1930-х гг. текст стихотворения свободен от тенденциозной редактуры (см.: КН. Т. 1. С. 358 и др.). Т. Г. Цявловская в Акад. (Т. 2. С. 416) ввела в ст. 10 конъектуру, восходящую к Брюсову, оформив ее как предположительное чтение: «Я(?) дам(?) царю(?) мой первый кнут»; между тем в автографе Пушкина опорных написаний для слов «Я дам царю» нет. Текст стихотворения по Акад. с некоторыми уточнениями приведен в Акад. в 10 т. (1) (Т. 2. С. 314; публ. Б. В. Томашевского); Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 522); Худ. лит. в 10 т. (Т. 2. С. 408; см. также примеч. на с. 616—617; публ. Т. Г. Цявловской). Свою позицию в вопросе о тексте и содержании стихотворения «Заступники кнута и плети...» Цявловская отстаивала в ряде работ (см.: Зенгер (Цявловская) Т. Г. Из черновых текстов Пушкина. С. 31—36 (здесь впервые предложено чтение слова «князья» в ст. 2, имеющее принципиальное значение для установления ее адресатов); Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 170—171; Цявловская Т. Г. «Заступники кнута и плети...». С. 123—133). Концепция Цявловской была поддержана Б. С. Мейлахом и П. Н. Берковым (см.: Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 316; Берков П. Н. К толкованию стихотворения

Пушкина «Заступники кнута и плети...» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25, вып. 6. С. 509—513). Б. В. Томашевский, приняв версию Цявловской об адресации эпиграммы Пушкина друзьям, не соглашался с предложенным ею чтением ст. 10: «Последний стих внушает большие сомнения как по чтению неразборчивых слов, так и по смыслу: вряд ли можно полагать, что призванный на расправу может дать кнут своим обвинителям. Вернее предположить, что Пушкин иронически благодарит друзей за те истязания, которым он может подвергнуться со стороны царской политической полиции, во власти которой он, благодаря друзьям, остался» (Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 438). В последних подготовленных им при жизни изданиях Пушкина Томашевский печатал текст без антимонархических конъектур (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 311; Пушкин 1955. Т. 3. С. 320). Критическая оценка работ Цявловской, связанных со стихотворением «Заступники кнута и плети...», дана также в статье В. В. Виноградова «О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина» (Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 277—290).

Наиболее спорными в тексте стихотворения «Заступники кнута и плети...» являются ст. 3, 7, 8, 10. Приводим разночтения с настоящим изданием в Акад., Акад. в 10 т. (2), Пушкин 1955, Госл. в 10 т. и Худ. лит. в 10 т. (сопоставительный анализ более ранних (до Акад.) публикаций эпиграммы см.: Виноградов В. В. О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина. С. 278—282):

3 [За <все>⟨?⟩] жена [моя] [и] дети	Акад.
3 За все жена моя и дети	Пушкин 1955, Госл. в 10 т.
3 За них жена моя и дети	Акад. в 10 т. (2)
4 [Вам благодарны] как <и я>⟨?⟩.	Акад.
4 Вам благодарны как и я.	Акад. в 10 т. (2), Пушкин 1955, Госл. в 10 т., Худ. лит. в 10 т.
7 Когда < > позовут	Акад., Пушкин 1955, Госл. в 10 т., Худ. лит. в 10 т.
7 Когда по делу позовут	Акад. в 10 т. (2)
8 Меня на полную⟨?⟩ расправу,	Акад.
8 Меня на новую расправу,	Акад. в 10 т. (2)
8 Меня на < > расправу,	Пушкин 1955, Госл. в 10 т., Худ. лит. в 10 т.
10 Я⟨?⟩ дам⟨?⟩ царю⟨?⟩ мой первый кнут.	Акад.
10 < > мой первый кнут.	Акад. в 10 т. (2)

Текст эпиграммы возник в тот момент работы над элегией «Андрей Шеньье», когда Пушкин приступил к финальной части монолога французского поэта, обращенной к его палачу (Робеспьеру). Записав эпиграмму, Пушкин завершил речь Шеньье пророчеством о грядущей гибели «тирана».

Как установил И. Л. Фейнберг, содержание эпиграммы связано с обсуждением проблемы телесных наказаний, состоявшимся в Государственном совете в 1824 г. (см.: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 19—34). Еще в 1817 г. была учреждена комиссия «для суждения об отмене наказания кнутом и вырывания ноздрей» (Там же. С. 29); последнее наказание было отменено, кнут же

оставлен в российском судопроизводстве до принятия нового Уголовного уложения. В октябре 1824 г. в связи с его обсуждением в Государственном совете проводились прения по вопросу об отмене кнута как орудия казни. С речью в пользу этого решения выступил адмирал Н. С. Мордвинов: «...европейские народы отменили пытки, истребили они и орудия, коими мучения производимы были. Одна Россия сохранила у себя кнут (...) коего одно наименование поражает ужасом народ российский и дает повод иностранным заключать, что Россия находится еще в диком состоянии, без просвещения и нравственных понятий о человеке...» (Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. С. 684; в автографе датировано сентябрем 1824 г.). Как указано в Деле № 22 Государственного совета, большинство голосующих высказались за отмену кнута: «По предложению адмирала Мордвинова, большинством голосов полагается казнь сию отменить, заменив ее самым большим числом ударов плетей и выставкою на эшафод» (цит. по: *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. С. 31). Решение Совета, однако, осталось не утвержденным, поскольку обсуждение нового Уголовного уложения было остановлено. Лишь после его принятия в 1845 г. наказание кнутом отменили.

Во время прений в Государственном совете «заступниками кнута» выступили князь Лобановы-Ростовские — Дмитрий Иванович (1758—1838), министр юстиции в 1817—1827 гг., и его брат Яков Иванович (1760—1831), председатель Департамента законов Государственного совета, член Комитета министров. В деле № 22 под заголовком «О казни кнутом» сказано: «Три члена: князь(я) Лобанов(ы) (в оригинале описка: «князь Лобанов»). — *Ред.* и г. генерал Сукин полагают не отменять». И далее, под заголовком «О плетях»: «Два члена (князь Лобановы) полагают оставить плети по-прежнему». В «Мнении» Д. И. Лобанова-Ростовского, сохранившемся в составе того же дела, о кнутах говорилось: «...признавая и сам то орудие жестоким, не могу не находить у нас его народу полезным...»; заканчивалось его выступление словами: «...не отмена кнута нужна, но лучшее только распределение случаев употребления его» (цит. по: *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. С. 3—33).

В печати сообщений о прениях в Государственном совете не появлялось. Тем не менее они имели резонанс в близких к декабристам кругах, заинтересованно следивших за ходом обсуждений (отмена телесных наказаний как один из элементов реформы судопроизводства входила в число задач, которые ставили перед собой декабристы). О ходе прений был, например, прекрасно осведомлен А. И. Тургенев, служивший в Комиссии составления законов Государственного совета — см. его письмо к брату Николаю от 6 ноября 1824 г. (Там же. С. 28); см. также его дневниковую запись, сделанную 13/1 сентября 1825 г. после осмотра орудий пыток и казней, выставленных в немецком средневековом замке: «Мордвинов! Когда кнут будет у нас лежать с древностями, хотя бы и в Грановитой палате, то имя твое перейдет в потомство»; и далее: «... а кн(язей) Л(обановых)-Р(остовски)х герб украсится изображением кнута с девизом: близ царя — близ кнута! (...) Историк — ибо и подвиги подлости принадлежат иногда истории — объяснит смысл сего девиза!» (*Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.; Л., 1964. С. 298—299 (Сер. «Литературные памятники»); см. также: *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. С. 33).

Особое внимание Пушкина к проблеме телесных наказаний проявилось еще на Юге, в декабристском окружении — см. его письмо к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г., в котором сообщалось об отмене палок в дивизии, которой командовал

М. Ф. Орлов (Акад. Т. 13. С. 35). Сведения о сессии Государственного совета осени 1824 г. Пушкин мог получить от И. И. Пущина, посетившего поэта в Михайловском 11 января 1825 г. (см.: Шальман Е. С. Пушкин и пушкинисты // *Philologia* : Рижский филол. сб. Рига, 2002. Вып. 4. С. 118). Подробнее см.: Березкина 2010. С. 39—55.

Ст. 3—4. *Все наши женщ(ины)<?> [и] дети [Благодарят] вас, как <и я><?>*. — «Женщины, беременные или „питающие младенца грудью”, по закону пытке и наказанию кнутом не подвергались. Против этой льготы „знаменитые князья” не возражали, за что Пушкин саркастически и благодарит их» (Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. С. 33—34). Закон об отсрочке экзекуции для женщин, кормящих грудью, на полтора года со времени разрешения их от бремени был принят в 1815 г. (Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 32. № 29773).

Ст. 10. *Взлетит(?> мой первый [кнут]*. — Ср. метафору «Ювеналов бич» в стихотворении «О муза пламенной сатиры...» (см. об этой метафоре примеч. к нему — наст. т., с. 906).

«[СЛОВ<ЕСНОСТЬ> РУССК<АЯ> БОЛЬНА...]»

(С. 127 и 357)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 64 об. — черновой. Напечатано: Морозов П. О. Неизвестная эпиграмма Пушкина // Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1910. С. 378 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 4. С. 199 и Примеч. С. 285 (публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1910. С. 378.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 6.

Печатается по автографу.

Датируется 1825 г., предположительно второй половиной апреля—июнем по положению автографа в тетради ПД 835 и по содержанию. Автограф расположен среди черновики элегии «Андрей Шенье», датируемой первой половиной февраля—концом июня 1825 г. На л. 64 — ст. 178—185 элегии и набросок ст. 1—8 вступления; на л. 65 — прозаический набросок, вероятно предназначавшийся для примечаний к «Андрею Шенье». Нижнюю часть л. 64 и л. 64 об. Пушкин оставил свободными — возможно, для дальнейших переработок. Работа над эгегией, однако, была завершена в другой, неизвестной нам рукописи не ранее второй половины марта 1825 г. (см. примеч. к стихотворению «Андрей Шенье» — наст. т., с. 721—722). Надо полагать, что лишь после того, как работа была перенесена в эту рукопись, Пушкин стал заполнять свободное место на л. 64—64 об., где появились черновые строфы «Евгения Онегина» и комментируемая эпиграмма. Таким образом, по положению автографа в тетради время работы над эпиграммой можно предположительно отнести к концу зимы—началу лета 1825 г. Содержание эпиграммы позволяет также предположительно, уточнить верхнюю границу датировки: не ранее второй половины апреля 1825 г. (см. ниже).

Эпиграмма адресована издателю журнала «Вестник Европы» Михаилу Трофимовичу Каченовскому (см. о нем примеч. В. Э. Вацуру и А. И. Роговой к эпиграм-

мам «(На Каченовского)» («Бессмертной рукой раздавленный зоил...») (1818) (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 525—528); «На Каченовского» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») (1820) (там же, с. 587—589); «(На Каченовского)» («Клеветник без дарованья...») (1821) (там же, т. 2, кн. 2, с. 585—586), а также примеч. к эпиграмме «Литературное известие» (1825) (наст. т., с. 692—694). 3 марта 1825 г. П. А. Плетнев сообщил Пушкину о напаках на поэму «Кавказский пленник», появившихся в журнале Каченовского (см.: Акад. Т. 13. С. 148). Речь шла о фрагменте статьи М. А. Дмитриева «Мысли и замечания», помещенной под псевдонимом «Юст Веридиков» (ВЕ. 1825. № 3. С. 225—228; выход в свет 19 февраля, см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 23); подлинный автор Пушкину был неизвестен (см. об этом примеч. к стихотворению «Жив, жив Курилка!» (1825) — наст. т., с. 687—688). Сам поэт до первой половины марта не имел возможности ознакомиться с выпадом «Вестника Европы», что видно из письма Пушкина к брату Льву от 14 марта 1825 г.: «Каченовский восстал на меня. Напиши, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (Акад. Т. 13. С. 152). Эпиграмму для публикации — «Жив, жив Курилка!» — Пушкин прислал в письме к брату почти два месяца спустя — в первой половине мая (Там же. С. 174). Комментируемый текст, работа над которым, судя по имеющимся данным, не двинулась дальше чернового наброска, никак не мог предназначаться для печати.

Вполне возможно, что после 14 марта Пушкин так или иначе получил какие-то номера «Вестника Европы» за 1825 г. В одном из них (ВЕ. 1825. № 5. С. 3—14; выход в свет 21 марта, см.: МВед. 1825. № 22. 18 марта. С. 794) был напечатан сатирический диалог С. П. Шевырева «Водевиль и Элегия», метивший, в частности, в представителей элегической школы. Элегия уподоблялась здесь женщине, подверженной головной боли и другим недугам. Ср.: «Я <элегия>, правда, иногда бледна / <...> с умом я не дружна / И болью головной бываю я больна...» (С. 6). Не исключено, что эти строки отозвались в начальных стихах пушкинского наброска, также отсылающих к актуальной для второй половины 1824—1825 г. полемике о «мечтательной» «элегической школе», вызванной программной статьей В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (подробнее см. в примеч. к стихотворениям «Ода <...> Хвостову» и «Соловей и кушка» (наст. т., с. 669—670, 805—807), а также ниже, в построчных примеч.).

В продолжении «Мыслей и замечаний» Юст Веридиков приводил такой пассаж: «Гете сказал, что писатель должен соблюдать возможное хладнокровие, дабы действовать сильнее на воображение читателей. — Наши господа *стихо- и прозо-творцы* поступают напротив: они как можно более горячатся, чтобы произвести в читателях хладнокровие к своим писаниям» (ВЕ. 1825. № 4. С. 307; выход в свет 7 марта, см.: МВед. 1825. № 18. 4 марта. С. 629). В характеристике Каченовского как «застудившего» литературу «хладного Зоила» можно увидеть пародийное противопоставление «горячащимся писателям».

Имелся и вполне конкретный повод обвинить Каченовского в нарушении «течения месячных изданий»: его журнал, выходивший вполне исправно раз в две недели, именно в апреле 1825 г. задержался: 4-й номер вышел 7 марта (см. выше), 5-й, как и полагалось, — 21 марта (см.: МВед. 1825. № 22. 18 марта. С. 794), а следующий, 6-й номер, вышел в свет только 15 апреля (объявление о предстоящей раздаче см.: МВед. 1825. № 29. 11 апр. С. 1023). Если Пушкин имел в виду это обстоятельство, комментируемая эпиграмма была написана не ранее второй половины апреля 1825 г.

Как указал А. А. Добрицын (*Добрицын А. А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. *Bern*, 2008. С. 429—430), вероятным ориентиром для пушкинского выпада могла послужить анонимная французская эпиграмма (опубл. 1698), направленная против журнала «Галантный Меркурий», издававшегося Ж. Донно де Визе (*Donneau de Visé*; 1638—1710) при участии (с 1681 г.) Тома Корнеля (*Corneille*; 1625—1709), брата знаменитого драматурга. В основе этой эпиграммы, перепечатывавшейся в популярной антологии XVIII в. «*Nouveau recueil des épiigrammatistes françois...*», та же параллель между ежемесячным выходом журнала и месячной «болезнью женской», что и в тексте Пушкина:

Ce sot Livre qu'on voit dans les mains des Bourgeois
Règlement toutes les Lunes,
N'est-ce point un Egout du Parnasse François?
Non, mais c'est qu'en suivant les loix
Au sexe feminin communes,
La Muse Françoise a ses Mois.
O Dieu! direz-vous, quelle ordure!
De Visé cependant en fait sa nourriture,
Et Corneille y trempe ses doigts.

⟨Эта глупая книга, которую видишь в руках буржуа / Регулярно, каждую луну, / Не отстойник ли это французского Парнаса? / Нет, но, следуя законам, / Общим для женского пола, / Французская Муза имеет месячные. / О Боже, — воскликните вы, — какая гадость! / Де Визе, однако, этим питается / И Корнель макает туда пальцы — *фр.*⟩ (пер. А. А. Добрицына) (*Nouveau recueil des épiigrammatistes françois...* Amsterdam, 1720. Т. 2. Р. 98).

Ст. 3. *И бредит языком мечтаний*. — Т. Г. Цявловская, комментируя эпиграмму (см.: Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 556), отметила ее связь с тематикой эпиграммы «Соловей и кукушка» (1825), высмеивающей унылые элегические мечтания. Сходный фразеологический оборот использован в четвертой главе «Евгения Онегина» (строфа XI): «Но, получив посланье Тани, / Онегин живо тронут был: / Язык девических мечтаний / В нем думы роем возмutil» (Акад. Т. 6. С. 77); черновик этого фрагмента («Язык девственных [мечтаний] / В нем думы роем в(оз)мutil...» — Там же. С. 345) в тетради ПД 835, л. 70 об.—71 предположительно датируется июлем 1825 г. — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 43—44.

Ст. 6. *Теченье месячных изданий*. — Хотя «Вестник Европы» был не ежемесячным журналом, а выходил раз в две недели, это не мешало Пушкину говорить о «ежемесячном вранье» Каченовского (см. эпиграмму «(На Каченовского)» («Клеветник без дарованья...») — наст. изд., т. 2, кн. 2. с. 27).

«БЛЕСТИТ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТ...»

(С. 128 и 358)

Автограф (ПД 75) — черновой, с датой на правом поле листа: «22 июля 1825», на четверке фабричного листа бумаги № 105 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 32). Жандармская помета: «21». Напечатано: Анн. Т. 7. С. 86—87.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 86—87.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по автографу.

Датируется 22 июля 1825 г., согласно помете в автографе.

Первый публикатор наброска П. В. Анненков, упустив из виду дату в рукописи, предположительно определил набросок как «первую пробу „Бахчисарайского фонтана»» (Анн. Т. 7. С. 87). В Генн. 1859 (Т. 1. С. 588—589), Генн. 1869—71 (Т. 1. С. 529—530) и Ефр. 1880 (Т. 1. С. 416) набросок печатался как самостоятельный текст среди отрывков и неоконченных стихотворений неизвестных годов. В следующих изданиях под редакцией П. А. Ефремова и П. О. Морозова он был, в соответствии с предположением Анненкова, отнесен к первоначальным наброскам «Бахчисарайского фонтана» (см.: Ефр. 1882. Т. 1. С. 531; Ефр. 1887. Т. 1. С. 392; Мор. 1887. Т. 2. С. 337—338; Ефр. 1903—05. Т. 3. С. 23—24; Мор. 1903—06. Т. 3. С. 176). После появления в печати описания автографа с указанием на дату под текстом (см.: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 7) в Венг. (Т. 2. С. 260) и во всех последующих изданиях наброску был возвращен статус самостоятельного стихотворения.

О пушкинском замысле, связанном с фигурой евнуха, Н. М. Языков со слов вернувшегося в Дерпт из Тригорского А. Н. Вульфа писал брату А. М. Языкову 19 августа 1825 г.: «Сюда приехал из Пскова студент здешнего унив(ерситета), приятель Пушкина; говорит, что П(ушкин) уже написал два действия своей трагедии „Годунов”, что она будет прекраснее всего им доселе писанного, что „Цыгане” скоро напечатаются (...) что он пишет новую поэму „Эвнух” и проч. и проч.» (Язык. архив. Вып. 1. С. 199). С некоторой долей осторожности можно предполагать, что в наброске намечен сюжетный ход, ориентированный на поэму Байрона «Гяур» («The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale», 1813). Сюжетная схема «Гяюра» (предсмертный рассказ-исповедь героя в монастыре о перенесенных страданиях и совершенном злодействе) на русской почве прямо отразилась в поэме И. И. Козлова «Чернец» (1825; получена Пушкиным в Михайловском в конце апреля—первой половине мая 1825 г. — см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 46); см. также возможную вариацию той же схемы в пушкинском наброске начала ноября 1823 г. «Вечерня отошла давно...» (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 139). П. О. Морозов отметил, что употребленное Пушкиным имя Гассан встречается в «Гяуре» Байрона, признав, впрочем, «случайный характер» этого совпадения (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 72). Имя Мизрур Пушкин мог почерпнуть в персидско-арабских сказках «Тысячи и одной ночи», известных ему во французском переводе-переложении А. Галлана (Gallean; 1646—1715) (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 434, примеч. Б. В. Томашевского). Имя Месрур (Mesroure) здесь носит главный евнух калифа Гаруна аль-Рашида, неоднократно появляющийся на страницах книги. Здесь же Пушкин мог найти и разных персонажей с именем Гассан (Hassan). В библиотеке Пушкина сохранился

неполный экземпляр парижского издания перевода Галлана 1822—1824 гг. («Les Mille et Une Nuits, Contes arabes, traduits en français par Galland...» — Библиотека П. № 1170; разрезан выборочно). Тем не менее «байроническая» стилистика написанных фрагментов, отмеченная еще П. О. Морозовым («...этот рассказ мог быть выполнен в байроновском стиле» — АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 72), делает очень сомнительным предположение Б. В. Томашевского, что пушкинский набросок свидетельствует о замысле «восточной сказки» (Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 434; сочетание отрывков пяти- и четырехстопного ямба, вероятно побудившее Томашевского отнести текст к жанру стихотворной сказки, может указывать и на колебания Пушкина в выборе размера). В середине июля 1825 г. Пушкин завершил работу над первой частью трагедии «Борис Годунов». Возможно, что намеченный в наброске диалог старого и молодого евнуха возник как вариант сюжетной ситуации сцены в Чудовом монастыре, где происходит достаточно драматичная беседа старого и молодого монаха (см. наст. изд., т. 7, с. 17—24).

Характер автографа не позволяет считать, что работа продвинулась дальше сохранившегося наброска, на основании которого невозможно судить хотя бы о самых общих контурах пушкинского замысла. Высказывавшееся предположение, что Пушкин был движим интересом к «психологии скопца» (см.: Березкина С. В. Три пушкинских отрывка // РЛ. 1998. № 4. С. 86—89), представляется произвольным.

«ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН...»

(С. 129 и 359)

Автограф (ПД 90) — черновой на фабричном полулисте бумаги № 72 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 37—38). Жандармская помета: «22». Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 8—9 (описание, ст. 1); АН 1900—29. Т. 4. С. 261 и Примеч. С. 381 (публ. П. О. Морозова).

Впервые: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 8 (ст. 1); АН 1900—29. Т. 4. С. 261.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно августом (не ранее 9-го — времени приезда Пушкина в Михайловское) 1824—1825 г. по биографическим реалиям и по времени использования бумаги № 72.

Большинство автографов, записанных на бумаге № 72, относятся к 1824—1825 гг. (см.: Рукоп. П. 1937. С. 309; Рукоп. П. 1937. Дополн.). Подробнее см. в примеч. к «(Наброскам к замыслу о Фаусте)», один из автографов которых записан на той же бумаге — наст. т., с. 981—982.

До Акад. стихотворение трактовалось как «первоначальная редакция „Талисмана“» и датировалось, так же как «Талисман», — 1827 г. (см., например: Анн. Т. 2. С. 438—439; Срезневский. Пушк. коллекция. С. 8; АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 381—382, примеч. П. О. Морозова). В Акад. в 6 т. (Т. 1. С. 757, коммент. М. А. Цявловского) датировка сужена до 19 октября—ноября 1827 г. без обоснования. В Акад. (Т. 2. С. 1161; примеч. Н. В. Измайлова) была принята иная пред-

положительная датировка: август 1824—первая половина 1825 г; стихотворение было помещено в раздел 1825 г. В Летописи (см.: Летопись. С. 511; Летопись 1991. С. 454; Летопись 1999. Т. 1. С. 437) датировка та же, но указание на нижнюю границу датировки сопровождается знаком вопроса. Т. Г. Цявловская, относившая стихотворение к 1824—1825 гг. (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 65), полагала, что оно связано с именем Е. К. Воронцовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633), которая подарила Пушкину перстень-талисман, и написано, «быть может, <...> сразу после разлуки, еще до получения писем от Воронцовой <...>». Создавалось стихотворение в ту пору, когда гонимого поэта стали искушать мечты о спасительном бегстве из России. <...> Пушкин представлял себе тяжчайшее испытание — одиночество, которое ждет человека, покинувшего отечество («в уединеньи чуждых стран»)» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 35). Вероятно, с теми же соображениями была связана датировка стихотворения в Акад. Нижняя граница датировки, по-видимому, определялась тем, что от планов бегства за границу Пушкину пришлось отказаться после июня 1825 г., когда рухнули его надежды на отъезд из Михайловского для лечения «аневризма» (см. об этом примеч. к стихотворениям «К морю» (1824), «Презрев и голос(?) укоризны...» (1824) и «П. А. О(сиповой)» («Быть может, уж не долго мне...») (1825) — наст. т., с. 515, 957—958, 717—718). Однако едва ли следует считать, что содержание стихотворения имеет прямой биографический смысл и перечисленные в нем возможные бедствия связаны с теми конкретными вариантами собственной судьбы, которые мог обдумывать Пушкин в определенный период своей жизни. Поэтому в настоящем издании предположительная датировка расширена сравнительно с Акад.

В стихотворении «Талисман» 1827 г. Пушкин использовал образный строй и рифмы комментируемого текста, оставшегося неопубликованным и, судя по сохранившемуся автографу, незавершенным (нельзя, впрочем, исключать возможность существования неизвестного нам белого автографа):

«Храни меня, мой талисман...»	«Талисман»
Храни меня, мой талисман, <.....>	«Сохрани мой талисман <.....>
Ты в день печали был мне дан. В уединеньи чуждых стран, <.....>	Он тебе любовью дан. <.....> От печальных чуждых стран
Храни меня, мой талисман. Пускай вовек сердечных ран Не растравит воспоминанье. Прощай, надежда, спи, желанье. Храни меня, мой тал(исман).	<.....> Не умчит мой талисман... <.....> Милый друг! от преступления, От сердечных новых ран, От измены, от забвенья Сохранит мой талисман!

(Наст. т., с. 129)

(Акад. Т. 3. С. 83—84)

См.: Майклсон Дж. Вера или суеверие : Талисманы у Пушкина и Чехова // Чеховиана : Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 120—121. «Талисман» принадлежит к тем стихотворениям Пушкина, связь которых с Воронцовой несомненна, поскольку подтверждается авторитетными свидетельствами; одно из них дает запись в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского от 19 октября 1838 г., где Воронцова названа

героиней «Талисмана» (см.: Вяземский. ПСС. Т. 9. С. 186). Близость двух этих стихотворных текстов позволяет считать неоспоримой и связь с именем Воронцовой первого из них, михайловского. Тем не менее в стихотворении «Храни меня, мой талисман...» едва ли правомерно видеть раннюю редакцию «Талисмана», который, по словам Т. Г. Цявловской, «является как бы антитезой к стихотворению 1824—1825 годов (...)» полемикой с ним. Если там поэт взывал к талисману о спасении его в бурю, в грозу, в эмиграции, в сражение, если он заклинал тогда талисман о забвении любви, надежды, желания, то здесь поэт душевно предстает совершенно иным» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 65). Ср., например: «Когда поды(мет) океан / В(округ?) [меня] валы ревуци, / Когда грозою грянут тучи, / Храни меня, мой тали(сман)» («Храни меня, мой талисман...») — «В бурю, в грозный ураган, / Головы твоей, мой милый, / Не спасет мой талисман» («Талисман»). Если в стихотворении 1824—1825 гг. талисман призван служить защитой от любых жизненных бедствий, то в «Талисмани» утверждается, что чудесный предмет может спасти поэта лишь от любовного несчастья.

Пушкинский перстень-талисман имеет свою историю. Первое дошедшее до нас письмо поэта, запечатанное этим перстнем, отправлено А. А. Дельвигу из Михайловского 8 июня 1825 г. Судя по воспоминаниям О. С. Павлицевой, точно таким же перстнем Воронцова запечатывала письма, отправляя их Пушкину в Михайловское (см.: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 39). Согласно рассказам В. Ф. Вяземской, записанным П. И. Бартевым, «перстень-талисман подарила Пушкину княгиня Е. К. Воронцова. После его смерти перстень взяла себе Жуковский и был с ним в Англии в 1838 г. Там была тогда же и Воронцова. Она тотчас узнала свой подарок на руке Жуковского. И тот сказал ей, что он снял его с мертвой руки Пушкина» (цит. по: Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартева : (О Пушкине и княгине Воронцовой) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Вып. 3. С. 267). Сам Жуковский писал С. М. Соковину 20 июля 1837 г., что снял перстень с руки умершего поэта (см.: Жуковский В. А. Соч. : В 6 т. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 547).

И. С. Тургенев в записке, приложенной к перстню, экспонировавшемуся на выставке 1880 г. (см. ниже), сообщал: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. — Он носил почти постоянно этот перстень — (по поводу которого написал свое стихотворение «Талисман») — и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его мне. Иван Тургенев. Париж. Август 1880» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. М.; Л., 1986. Соч. : В 12 т. Т. 12. С. 375). По свидетельству В. Б. Пассека, Тургенев желал, чтобы после его смерти перстень был передан Л. Н. Толстому и чтобы тот потом «передал (...) перстень по своему выбору достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями» (Новое время. 1887. № 3959. 8 марта). Однако после смерти Тургенева Полина Виардо передала в 1887 г. перстень в Пушкинский музей Александровского лицея. Принято было считать, что перстень в числе других ценных вещей был похищен из музея во время февральской революции 1917 г. В действительности пропажа случилась на двадцать лет раньше, но это происшествие долгие годы сохранялось в тайне (см.: Краснородько Т. И. «Жаль кольца...» : (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 5—29). Перстень экспонировался на пушкинских выставках в Москве и Петербурге в 1880 г. (см.: Каталог Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуж-

дающимся литераторам и ученым. СПб., 1880. С. 33; Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 г. 1-е изд. М., 1882. С. 168) и в 1899 г. (см.: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Имп. Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899: Каталог / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М., 1899. С. 92 (№ 728)), однако в последнем случае в качестве экспоната фигурировала изготовленная после кражи копия. Сохранились описания перстня и его отпечатки на воске и сургуче (увеличенное воспроизведение оттиска см.: *Февчук Л. И.* Личные вещи Пушкина. Л., 1970. С. 75). Перстень представлял собой крупное золотое кольцо витой формы с большим сердоликом красноватого цвета и надписью на нем. Судя по отпечаткам, в кольцо был вставлен восьмиугольный камень-инталия с резной углубленной надписью на древнееврейском языке, снизу и сверху обрамленной орнаментом. Надпись сделана в обратном направлении, т. е. предназначалась для оттиска, между тем как на предметах-талисманах надписи делались таким образом, чтобы их можно было прочесть прямо, а не посредством оттиска (см.: *Гаевский В. П.* Перстень Пушкина : По новейшим исследованиям // ВЕ. 1888. № 2. С. 536). Перевод надписи был сделан несколькими ориенталистами в 1880 г. и затем в 1887—1888 гг.: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа (в ином переводе: пресвятого Иосифа Старца. — *Ред.*), да будет благословенна его память» (надпись вырезана с сокращением слов «рабби», «память», «благословенна»). Один из переводчиков, А. Я. Гаркави, полагал, что почерк надписи и титул «старца» указывают на крымско-караимское происхождение перстня; по мнению другого переводчика, Д. А. Хвольсона, перстень был изготовлен в конце XVIII—начале XIX в. (см.: Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 г. С. 168; Новое время. 1887. № 4014. 4 мая; *Гаевский В. П.* Перстень Пушкина. С. 536—537). Надпись могла быть сделана в Чуфут-Кале в Крыму, где в то время жили караимы. Возможно, Е. К. Воронцова приобрела этот перстень на базаре в Одессе или в Крыму. Таким образом, пушкинский перстень являлся еврейской именной печатью, а не талисманом в собственном смысле слова. Красный сердолик, вставленный в перстень (см.: *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Имп. Александровского лицея. СПб., 1899. С. 11—12), считается талисманом любви и страсти (см.: *Звягинцев Л. И.* «Храни меня, мой талисман» : О перстнях Пушкина // Памятники Отечества. 1986. № 2. С. 94). Увлечение символикой камней было характерно для Европы и России XVIII—начала XIX в. Выпускались многочисленные лапидарии — книги с описанием камней и их чудодейственных свойств. В библиотеке Пушкина имелось парижское двадцатитомное издание 1829—1833 гг. «Естественной истории» Плиния Старшего, содержащей, в частности, описание драгоценных камней (см.: Библиотека П. № 626, не разрезано).

Существует предположение, что в михайловском стихотворении речь идет о другом талисмане Пушкина (см.: *Звягинцев Л. И.* «Храни меня, мой талисман». С. 95—97). В. И. Даль сообщал в своих воспоминаниях: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом» (*Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине // П. в восп. Т. 2. С. 225). В настоящее время перстень хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (Санкт-Петербург). По-видимому, именно этот перстень Пушкин просил прислать ему в Михайловское из Петербурга в письмах к брату, настаивая: «...мне грустно без него» (см. письма от первой половины ноября и 20—23 декабря 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 120, 131). Изумруд считался талисманом людей, посвятивших себя искусству и родившихся, подобно поэту, в мае. П. В. Анненков писал, смешивая приметы двух колец Пушкина и относя к перстню

с изумрудом имевшуюся на подарке Воронцовой надпись: поэт «соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им. Перстень находится теперь во владении В. И. Даля» (Анненков. Материалы 1855. С. 179). Несмотря на то что перстень с изумрудом был, несомненно, еще одним талисманом Пушкина, гипотеза о связи с ним стихотворения «Храни меня, мой талисман...» маловероятна, поскольку не объясняет содержащихся в нем намеков на историю отношений с любимой женщиной.

Ст. 4. *Ты в день печали был мне дан.* — Речь, очевидно, идет о встречах Пушкина и Воронцовой в Одессе в конце июля 1824 г., возможно, о самой последней из них — после 29 июля, когда поэт узнал о своей высылке в Псковскую губернию (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 423).

Ст. 19 — 20. *Прощай, надежда, спи, желанье. Храни меня, мой тал(исман).* — Ср. начальные строки стихотворения Н. М. Карамзина «К самому себе» (1795):

Прости, надежда!.. и навек!
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душе моей казалось мило...
(Карамзин Н. М. Полн. собр.
стихотворений. Л., 1966. С. 162
(Б-ка поэта; Большая сер.))

См.: Михайлова Н. И. Из комментария к лирике Пушкина : (Пушкин и Карамзин) // Болдинские чтения [Юбилейный сб.]. Нижний Новгород, 1999. С. 159.

Ст. 21. *〈Как〉 сон, как 〈утренний〉 туман...* — Строка повторяет ст. 4 послания «К Чедасву» («Любви, надежды, тихой славы...») (1818), опубликованного лишь в 1829 г. (без ведома Пушкина и с искажениями, см. примеч. к этому стихотворению — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 546—547).

〈ИЗ ВОЛЬТЕРА〉
(«Короче дни, а ночи доле...»)
(С. 130 и 361)

Автограф (ПД 68) — черновой на сложенной вдвое четверке фабричного листа бумаги № 105 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 28). Лист ПД 68 первоначально был использован для работы над черновым автографом стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825), затем начало черновика было оторвано, а разорванный лист сложен пополам. На его обороте в правой части были записаны и отчеркнуты ст. 1—10 и 16—18 наброска «〈Из Вольтера〉», а в левой части, в перевернутом положении листа, — ст. 11—14 и отчеркнутый от них ст. 15. Здесь же под ними — отчеркнутая от наброска запись «Расходились по поганскому граду...». Жандармская помета: «72». Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 6 (описание, ст. 1 и 11 в качестве первых строк разных стихотворений); Морозов П. О. Новые стихи Пушкина // Русское слово. 1916. № 83. 10 апр. (полностью); АН 1900—29. Т. 4. С. 201 (ст. 11—15 в виде самостоятельного наброска), с. 202 (ст. 1—10 в виде самостоя-

тельного наброска), Примеч. С. 286 (вариант ст. 13), Примеч. С. 287 (ст. 1—10 в виде транскрипции, ст. 16—18 в виде сводки верхнего слоя автографа; публ. П. О. Морозова).

Впервые: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 6 (ст. 1, 11) (см. выше); Русское слово. 1916. № 83, 10 апр.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (см. выше).

Печатается по автографу с редакторской конъектурой в ст. 6: «Пока не подали ⟨нам⟩ кушать?» (см. о ней ниже). Последовательность стихов устанавливается в соответствии с сюжетом сказки Вольтера, послужившей источником пушкинского стихотворения.

Датируется предположительно 1825 г., не ранее середины июля по положению автографа на листе. Черновик стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновение...») не мог быть разорван раньше создания белого автографа этого стихотворения. Работа над ним была завершена не позднее 19 июля 1825 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 702—703) — этим временем и определяется верхняя граница предположительной датировки. Датировка 1825 г. представляется наиболее вероятной, но нельзя исключить, что оставшийся свободным оборот листа был использован для записи комментируемого наброска (а также записи «Расходились по поганскому граду...») в более поздние годы.

В изд.: Пушкин 1955 (Т. 3. С. 349, 810) Б. В. Томашевский вынес за пределы основного текста ст. 15 и 16—19, которые он привел в примечании. Действительно, ст. 1—14 в отличие от других фрагментов обладают связностью цельного текста. Однако сам характер автографа, в котором представлены четыре разрозненных фрагмента, диктует иной принцип публикации: это наброски перевода, которые могли стать опорой для продолжения работы над ним.

Отсутствие знаков препинания в ст. 5—6 автографа привело к расхождению позиций исследователей в вопросе об их синтаксическом членении. Кроме того, в ст. 6 не хватает одного слога: «Пока не подали кушать». В ранних публикациях, вплоть до Акад. включительно, были приняты следующие редакторские конъектуры:

Что делать в зимни вечера,
Пока не подали ⟨нам⟩ кушать?

То же решение принято Б. В. Томашевским в изд.: Пушкин 1955, однако в Акад. в 10 т. (2) он напечатал эти стихи иначе:

Что делать в зимни вечера?
Пока не пода⟨ва⟩ли кушать,

Последняя конъектура в ст. 6 была принята в Госл. в 10 т. и Худ. лит. в 10 т., однако синтаксическое членение осталось таким же, как в Акад.:

Что делать в зимни вечера,
Пока не пода⟨ва⟩ли кушать?

В настоящем издании принята позиция Акад. (публ. Д. Д. Благого). Выбор редакторской конъектуры подкрепляется тем, что в автографе между словами «подали» и «кушать» оставлен довольно значительный интервал.

Пушкинский текст представляет собой, как установил Н. О. Лернер (см.: Лернер Н. О. «Рассказ про доброго Роберта» // ПиС. Вып. 38—39. С. 108—112), черновые наброски перевода стихотворной сказки Вольтера «Что нравится женщинам» («Ce qui plaît aux dames», 1764). Сказка была в 1764 г. включена Вольтером в книгу «Повести Гийома Ваде» («Les contes de Guillaume Vadé»), получившую после выхода из печати огромную популярность (псевдоним Вольтера был раскрыт в переиздании книги 1765 г.). Создавая сказку «Что нравится женщинам», Вольтер воспользовался сюжетом «Рассказа горожанки из Бата» («The wife of Bath's tale»), вошедшего в «Кентерберийские рассказы» английского поэта Дж. Чосера (Chaucer; 1340?—1400). Новую жизнь произведению Чосера дала обработка английского поэта Дж. Драйдена (Dryden; 1631—1700), напечатанная в 1699 г. в сборнике его стихотворных переложений «Fables, Ancient and Modern, translated into verse» и послужившая оригиналом для Вольтера. Используемый Чосером средневековый сюжет примыкает к сказаниям Артуровского цикла и встречается также в английских народных балладах. Сопоставляя обработки сюжета, М. П. Алексеев писал: «В обновленной редакции Дж. Драйдена чосеровский рассказ сохранил многие особенности оригинала — присущие ему веселость и тонкую иронию, но его наивной средневековой нескромности приданы более галантные черты. Обработка Вольтера откровеннее и грубее, и в ней есть его собственные прибавки (...). У Чосера дело происходит при дворе короля Артура, Вольтер переносит действие в полумифические времена древней французской истории» (Алексеев М. П. Пушкин и Чосер // Алексеев. Пушкин. С. 398). По предположению М. П. Алексеева (Там же. С. 400), Пушкин, скорее всего, знал, что сказка Вольтера восходит к Чосеру. В 1830 г., отвечая критикам «Графа Нулина», Пушкин поставил имя английского поэта в общий ряд с именами великих авторов «шутливых повестей»: «И ужели творцы шутливых повестей, Ариост, Боккаччио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чау-сер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам?» (Акад. Т. 11. С. 156).

Работа над сказкой «Что нравится женщинам» — второе за 1825 г. обращение Пушкина к переводам из Вольтера (в конце января 1825 г. он перевел начало героико-комической поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», первое авторизованное изд. 1762) — см. стихотворение «Начало I песни „Девственницы“» и примеч. к нему — наст. т., с. 39 и 645—649). В том же году в статье «〈О поэзии классической и романтической〉» Пушкин писал, что сказки Ж. Лафонтена и Вольтера, а также «Орлеанская девственница» выделяются на фоне «же-классической» французской литературы как «памятники чистой романтической поэзии» (Акад. Т. 11. С. 38).

Сказка повествует о рыцаре Робере, который, возвращаясь из Рима, встретил красавицу Мартон и предложил ей оказать ему внимание за двадцать экио. Красавица согласилась, однако рыцарь был столь неловок, что опрокинул корзину с яйцами, которую она несла на рынок. Когда Мартон стала требовать платы, оказалось, что денег нет, потому что лошадь рыцаря, напуганную бурной любовной сценой, увел под шумок некий монах. Мартон обратилась с жалобой к королю Дагоберу, обвиняя рыцаря в насилии и воровстве. Королева Берта и собранный ею совет благочестивых дам приговорили Робера к смерти. Однако его красота возбудила такую жалость, что рыцарю была обещана жизнь, если он сумеет отгадать, не оскорбляя женщин, чего желает любая из них. Отправившийся на поиски ответа Робер расспрашивал по дороге всех женщин, но не удовлетворялся их разноречивыми суждениями, до тех пор пока не встретил безобразную дряхлую старуху. Она взяла с рыцаря обещание

выполнить любое ее желание и сообщила ему правильный ответ: каждая женщина хочет быть хозяйкой в своем доме и командовать. Рыцарь получил помилование, а старуха потребовала, чтобы он на ней женился. Превозмогая отвращение, рыцарь стал ее мужем, но завершение брачной ночи обернулось настоящей фантазмагорией: хижина старухи превратилась в роскошный дворец, а она сама — в прекрасную фею. Перевод сказки Вольтера Н. Шаховской под заглавием «Что нравится дамам» см.: Французская литературная сказка XVII—XVIII веков. М., 1990. С. 428—443. Отзвуки сказки исследователи усматривают в поэме «Руслан и Людмила» (1817—1820) (см.: *Vickery W. N. Alexander Pushkin. New York, 1970. P. 195*) — речь идет о страсти к Финну состарившейся Наины. Любовная сцена между витязем Робертом и дряхлой старухой изображена А. Н. Радищевым в первой песни поэмы «Бова. Повесть богатырская стихами» (1799), известной Пушкину еще в Лицее (Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева. М., 1807. Ч. 1. С. 38; см.: *Кузьмина В. Д. Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940. С. 280; о знакомстве Пушкина с «Бовой» Радищева см. наст. изд., т. 1, с. 603 (примеч. к неоконченной лицейской поэме «Бова»)).*

Ст. 1—10. *Короче дни, а ночи доле ~ Что жил во время Дагоберта?* — Вольный перевод первой строфы сказки Вольтера (ст. 1—10):

Or maintenant que le beau dieu du jour
Des Africains va brûlant la contrée,
Qu'un cercle étroit chez nous borne son tour,
Et que l'hiver allonge la soirée,
Après souper, pour vous désennuyer,
Mes chers amis, écoutez une histoire
Touchant un pauvre et noble chevalier,
Dont l'aventure est digne de mémoire.
Son nom était messire Jean Robert,
Lequel vivait sous le roi Dagobert.

⟨Теперь, когда пригожий бог дневного света / Опалет жаром земли африканцев, / А у нас совершает свой путь по малому кругу, / И зима удлинит вечера, / После ужина, чтобы развеять скуку, / Мои дорогие друзья, послушайте историю / О бедном и благородном рыцаре, / С которым случилось приключение, достойное внимания. / Звали его господин Жан Робер, / И жил он во времена короля Дагобера — фр.⟩ (*Voltaire. Œuvres complètes. Paris, 1817—1820. T. 8. P. 543. Библиотека П. № 1491*). Дагобер I (Dagobert) — король франков (629—639), изображавшийся в народных легендах как мудрый правитель стародавних времен.

Ст. 2 пушкинского наброска варьирован в писавшейся в Михайловском четвертой главе «Евгения Онегина» (в строфе XL: «...приближалась / Довольно скучная пора» (Акад. Т. 6. С. 90); ст. 3—4 — в ст. 2—3 стихотворения «19 октября» (1825), особенно близко — в его первой редакции: «Дохнул мороз на убранное поле, / Проглянет день как будто поневоле...» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 300; см.: *Лернер Н. О. «Рассказ про доброго Роберта». С. 112*).

Ст. 11—15. *Из Рима ехал он домой ~ В то время деньги...* — Наброски переложения ст. 11—26 сказки Вольтера:

Il voyagea devers Rome la sainte,
 Qui surpassait la Rome des Césars;
 Il rapportait de son auguste enceinte,
 Non des lauriers cueillis aux champs de Mars,
 Mais des *agnus* avec des indulgences,
 Et des pardons, et de belles dispenses:
 Mon chevalier en était tout chargé,
 D'argent fort peu; car dans ces temps de crise
 Tout paladin fut très-mal partagé;
 L'argent n'allait qu'aux mains des gens d'église.
 Sire Robert possédait pour tout bien
 Sa vieille armure, un cheval, et son chien;
 Mais il avait reçu pour apanage
 Les dons brillants de la fleur du bel âge,
 Force d'Hercule, et grâce d'Adonis,
 Dons fortunés qu'on prise en tout pays.

⟨Он ехал из святого города Рима, / Который превзошел Рим Цезарей; / Он вывозил из его величественных стен / Не лавры, добытые на полях Марса, / Но ладанки с индульгенциями / И прощением, и чудесным отпущением грехов. / Всего этого у моего рыцаря имелось в избытке, / Денег же — очень мало; ибо в эти трудные времена / Паладинам почти ничего не доставалось; / Деньги шли только в руки служителей Церкви. / Все имущество господина Робера составляли / Старые доспехи, лошадь и собака; / Зато он получил / Великолепные дары цветущей юности, / Силу Геркулеса и изящество Адониса / — Счастливые дары, ценимые повсюду — фр.⟩ (Voltaire. Œuvres complètes. Т. 8. Р. 543).

Ст. 16—18. *И дабы впредь не смел чудесить ~ И живота весьма лишить.* — Вольная интерпретация Пушкиным одного из сюжетных ходов сказки Вольтера. Ст. 16—18 относятся, вероятно, к сцене вынесения рыцарю смертного приговора. Н. О. Лернер полагал, что эти строки касаются вора-монаха, укравшего у рыцаря лошадь (Лернер Н. О. «Рассказ про доброго Роберта». С. 111).

В. В. Виноградов указывал, что выражение «весьма лишить живота» восходит к Воинскому артикулу 1714 г. Петра I, где оно использовано в качестве многократно повторяющейся формулы наказания (см.: Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки // Тр. Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. С. 325—326; здесь же см. примеры использования этого выражения в русской литературе XIX в.). В петровском уставе слово «весьма» употреблено в значении «совсем, совершенно» (см.: Словарь современного русского литературного языка : В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. Т. 2. С. 154; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1987. Вып. 3. С. 76).

«Я ЗНАЮ КРАЙ: ТАМ НА БРЕГА...»

(С. 131 и 362)

Автограф (ПД 91) — черновой, на листке бумаги № 58 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 307). Жан-дармская помета: «7». Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 9 (описание, два последних слова в ст. 6 и ст. 7); Морозов П. О. Загадочное стихотворение

Пушкина // Столица и усадьба. 1916. № 55. 1 апр. С. 12 (в виде сводки, с приведением вариантов ст. 1—2); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 397 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова).

Впервые: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 9 (см. выше); Столица и усадьба. 1916. № 55. 1 апр. С. 12.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (в составе примеч. к стихотворению «Кто знает край, где небо блещет...»).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1825 г. по бумаге: все автографы, записанные на бумаге № 58 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см. Рукоп. П. 1937. С. 307, 185, 97, а также: Рукоп. П. 1937. Дополн.), относятся к этому году. На той же бумаге — письма к Л. С. Пушкину от 24 марта, 22 и 23 апреля 1825 г. (ПД 1261), а также письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825 г. (ПД 451, л. 1—2) и белой автограф текста, напечатанного в «Северных цветах» на 1826 г. под заглавием: «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.» (ПД 249, датируется не ранее апреля 1825 г. — см.: Вацуро. Сев. цветы. С. 48—49; Проскурин 2007. С. 355, 2-я паг.). Начиная с публикации В. И. Срезневского (см. выше), стихотворение датировалось временем, максимально приближенным к датировке стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...», т. е. ко второй половине ноября—декабрю 1827 г. Основанием служила близость произведений, имеющих сходный зачин.

Ст. 3 был вычеркнут, а затем частично восстановлен (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 363). Различные редакторы трактовали эту правку по-разному, и потому набросок печатался либо в составе шести стихов (см., например: Акад. в 6 т. Т. 1. С. 498; публ. М. А. Цявловского; Акад. Т. 3. С. 86; публ. Н. В. Измайлова), либо в составе семи стихов (см., например: Пушкин 1955. Т. 3. С. 425; Акад. в 10 т. (2). Т. 3. С. 41; публ. Б. В. Томашевского — ср. его более раннее текстологическое решение, согласно которому ст. 3 исключен: *Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 307, 309*). В настоящем издании набросок печатается в составе семи стихов, однако это решение не представляется однозначным.

Комментируемый набросок, как и посвященное Италии стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...», начинается с вариации зачина песни Миньоны (Mignon) — стихотворения И. В. Гете, включенного в роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» («*Wilhelm Meisters Lehrjahre*», 1796): «*Kennst du das Land...*» «Ты знаешь край... — нем.». Об этом стихотворении, о его рецепции в европейской и русской культуре и, в частности, в творчестве Пушкина, см. примеч. Е. О. Ларионовой, А. И. Роговой и С. Б. Федотовой к стихотворению «Кто видел край, где роскошью природы...» (1820—1821) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 823—827. Пушкинский зачин совпадает с песней Миньоны в переводе В. А. Жуковского, опубликованной в 1818 г. под заглавием «Мина. Романс» в первой книжке альманаха «Für Wenige. Для немногих»: «Я знаю край! там негой дышит лес...» (Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 71).

«ПОД КАКИМ СОЗВЕЗДИЕМ...»

(С. 132 и 363)

Автограф (ПД 81) — черновой, на четверке фабричного листа бумаги № 105 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 317). Жандармская помета: «39». Напечатано: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 20 (описание, ст. 1); *Морозов П. О.* Новые стихи Пушкина // *Русское слово.* 1916. № 83. 10 апр. (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 294—295 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова).

Впервые: Срезневский. Пушк. коллекция. С. 20 (ст. 1); *Русское слово.* 1916. № 83. 10 апр. (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1825—1827 гг. Единственным основанием для датировки может служить бумага, на которой записан автограф. На такой же, как и комментируемый набросок, бумаге записаны автографы ПД 68, 75, 155, 244, 266, 283, 1068 (см.: Рукоп. П. 1937. С. 316, 28, 32, 65—66, 94—95, 105, 111; Рукоп. П. 1964. С. 34). Лишь три из них имеют обоснованную датировку. Это автографы ПД 68 — стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), датируемое около (не позднее) 19 июля 1825 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 702—703), ПД 75 — набросок «Блестит луна, недвижно море спит...» с авторской пометой на листе «22 июля 1825» и ПД 1068 — статья «О г-же де Сталь и г-не Муханове», опубликованная в «Московском телеграфе» с датой под текстом: «9 июня 1825» (МТ. 1825. Ч. 3. № 12. С. 359). Автограф ПД 155 — черновые наброски, по-видимому примыкающие к XXXIV строфе шестой главы «Евгения Онегина», могли быть созданы летом 1826 г., когда писалась эта глава, или в 1827 г., когда она дорабатывалась (о времени доработки шестой главы см.: *Иезуитова.* Раб. тетр. ПД 836. С. 144—145). Датировки еще трех автографов, записанных на бумаге № 105, не имеют твердых оснований. Это ПД 244 — драматический набросок «Насилу выехать решились из Москвы...» с предположительной датировкой 1825—1826 гг. (см. наст. изд., т. 7, с. 979—980), ПД 266 — черновик перевода с неустановленного источника «В начале [мира]...», датированный по почерку серединой 1820-х гг. (см.: *Рукою П.* 1997. С. 32—33), и ПД 283 — заметка «Je suppose sous un gouv(ernement) despotique...», отнесенная в Акад. к 1825—1826 гг. (Т. 12. С. 459, примеч. В. В. Гиппиуса). Приведенные сведения позволяют предполагать, что наиболее вероятное время создания комментируемого наброска — 1825 г. Ср. малоубедительную попытку сузить эту датировку до февраля—апреля 1825 г.: *Кулагин А. В.* Из комментария к наброску «Под каким созвездием» // *Незавершенные произведения А. С. Пушкина* : Материалы науч. конф. М., 1993. С. 24—31.

В. Я. Брюсов отметил в стихотворении намек на астрологические представления о роли звезд в судьбе человека (Брюс. С. 256). Об отражении в поэзии Пушкина принятой в астрологии лексики см.: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 863—864. Сведения по астрологии имелись во всех сонниках начала XIX в., один из которых («Мартын Задека») был упомянут в «Евгении Онегине» (пятая глава, строфы XXII—XXIII). Согласно астрологической традиции, с которой Пушкин мог познакомиться, читая античных авторов, Венера и Юпитер — планеты «благотворные», Марс и Сатурн — «злотворные» (см.: *Саплин А. Ю.* Астрологи-

ческий энциклопедический словарь. Тула; М., 1994. С. 98, 266, 346, 445). В стихотворении Пушкина все они представлены как «благотворные» по сравнению со звездой «юноши», безвестной и мгновенно погасшей. А. В. Кулагин указал на переключку пушкинского наброска с песнями о «злосчастной звезде» из собрания Чулкова, хорошо известного поэту в пору работы над трагедией «Борис Годунов», писавшейся в 1825 г. (см. примеч. к ней — наст. изд., т. 7, с. 662—663, 707—708). Эти песни имеют общий зачин:

Ах! талан ли мой, талан такой!
Или участь моя горькая,
Ты звезда моя злосчастная,
Высоко звезда восходила...

(Чулков 1780—1781. Ч. 1. С. 145—147. № 130; С. 163—164. № 151; Ч. 2. С. 160—161. № 147; Ч. 3. С. 184. № 183; см.: *Кулагин А. В.* Из комментария к наброску «Под каким созвездием». С. 26—28). По мнению С. М. Бонди, «в этом стихотворении (...) только размер народный, все же оно писано обычным лирическим стилем Пушкина, лишь слегка окрашенным фольклорным характером» (*Бонди С. М.* Народный стих у Пушкина // Бонди. Статьи. С. 385). К такому выводу присоединился А. В. Кулагин: «...с одной стороны — фольклорная интонация, ритм, нарочитый предлог „аль“, с другой — совсем не фольклорный „гороскоп“, слова „планета“, „юноша“, „в тишине небес“» (*Кулагин А. В.* Из комментария к наброску «Под каким созвездием». С. 25).

М. П. Алексеев, обративший внимание на имевшееся в одном из первоначальных вариантов противопоставление «ближнего Меркурия» «Сатурну дальнему» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 364) писал: «В пушкинское время не всякий образованный человек обязан был помнить, что Меркурий является планетой, ближайшей к Солнцу; что касается Сатурна, то до открытия Урана (в 1781 г.) он действительно считался планетой, самой удаленной от Солнца; удержать в памяти данные этого рода мог лишь человек, интересовавшийся звездным небом» (*Алексеев М. П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев. Пушкин. С. 63; см. также с. 62).

«QUAND AU FRONT DU CONVIVE,
AU BEAU SEIN DE DÉ(LIE)...»

(С. 133 и 364)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 56 об. — черновой; расположен на листе ниже чернового автографа стихотворения «Лишь розы увяда(ю)т...». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 30 (описание); Мор. 1903—06. Т. 2. С. 388 (ст. 5 (с середины)—6); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 284 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 2. С. 388 (см. выше); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 284 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 2 (в составе примеч. к стихотворению «Лишь розы увяда(ю)т...»).

Печатается по автографу. Текст реконструируется гипотетически.

Датируется январем 1825—предположительно январем 1826 г. по положению автографа в тетради ПД 835. На л. 52 — дата «1 генв(аря) 1825», которой определяется верхняя граница датировки. На л. 58 об.—59 — заметка о стихотворении «Демон», написанная, по всей видимости, по прочтении отклика на это стихотворение в № 3 «Сына отечества» за 1825 г. (выход в свет 1 февраля 1825 г.) (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 33). Однако нижняя граница датировки не может быть установлена по времени написания этой заметки, поскольку л. 56 об. после записи в верхней его части наброска «Скажи мне ночь, зачем твой тихий мрак...» мог оставаться незаполненным. Более осторожным представляется определение нижней границы датировки по времени, когда тетр. ПД 835 перестала заполняться систематически (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 64).

Предположительно, работа началась с записи ст. 5—6 (см. в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 364—365, вариант А). Затем были записаны ст. 1—2 и начало ст. 3 («Soudain — »). После этого, сделав отступ, Пушкин записал начало ст. 1 («Quand»), собираясь, по всей видимости, осуществить переработку ст. 1—2, но сразу же вычеркнул эту запись и продолжил работу над ст. 3—4 (см. варианты Б—Г — там же, с. 365). Затем он вернулся к ст. 1, вписав его в переработанном виде на оставшееся свободным место над ст. 3 (см. вариант Д — там же). Первоначальная запись ст. 1—2 осталась при этом незачеркнутой. Судя по всему, на этом этапе ст. 2 в своем прежнем виде должен был занять место после переработанного ст. 1, однако графически это отмечено не было, так же как и предполагаемый перенос двух записанных первыми стихов на место вслед за ст. 4. Последняя поправка в ст. 6 была, скорее всего, внесена на заключительном этапе работы.

Известны три реконструкции текста «Quand au front du convive, au beau sein de Dé(lie)...». Первая была сделана, по-видимому, С. М. Бонди в КН (Т. 1. С. 358), где текст начинается со стиха «Ses mânes parfumées» и состоит из восьми разностопных строк, представленных как три отрывка (ту же реконструкцию текста см. в: ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 479; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 498). Пересмотр текста был осуществлен М. А. Цявловским в Acad. в 9 т. Т. 2. С. 215—216 — здесь текст начинается со стиха «Quand au doux sein de l'oubli» и насчитывает семь разностопных стихов, представленных как три отрывка (тот же текст см. в: Acad. в 6 т. Т. 1. С. 609; ГИХЛ 1937. Т. 1. С. 556—557 (здесь текст дан как два отрывка)). В Акад. текст был кардинальным образом пересмотрен Т. Г. Зенгер (Цявловской) (см.: Акад. Т. 2. С. 378), реконструкция которой принята за основу в настоящем издании. Основной текст представлен Цявловской в виде двух отрывков; первому соответствуют ст. 1—2 наст. т., второму — ст. 3—6. Убедительных оснований для выделения двух отрывков ни графика автографа, ни смысловое содержание стихотворного текста не дают.

Последовательность появления на л. 56 об. стихотворений «Quand au front du convive...» и «Лишь розы увяда(ю)t...», которые представляют собой французскую и русскую разработку одного и того же лирического сюжета, остается проблематичной. Черновой характер французского автографа с очевидностью указывает на то, что стихотворение является оригинальным произведением Пушкина. В. Е. Якушкин назвал «Quand au front du convive...» «неразборчивым французским стихотворением, по содержанию представляющим, вероятно, подлинник сейчас приведенных стихов о розах» (Якушкин. № 7. С. 30). П. О. Морозов также считал, что во французских

стихах «можно узнать оригинал» русского стихотворения «Лишь розы увяда(ю)т...» (Мор. 1903—06. Т. 2. С. 388); впоследствии, однако, он выражал свою точку зрения более осторожно: «Трудно сказать, хотел ли Пушкин перевести на французский язык уже готовое русское восьмистишие, или сначала пытался выразить свою мысль французскими стихами, а потом оставил эту попытку и написал русские стихи» (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 284). В авторитетных изданиях 1930-х гг. «Лишь розы увяда(ю)т...» и «Quand au front du convive...» печатались в корпусе стихотворений одно после другого в соответствии с их расположением на листе (см., например: КН. Т. 1. С. 357—358); та же последовательность — от русских стихов к французским — отражена М. А. Цявловским в *Летописи* (С. 551). В *Акад.* (Т. 2. С. 376—377; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской) и Д. Д. Благого) стихотворения поставлены в иной последовательности — сначала французское, затем русское; то же в *Акад.* в 10 т. (2) (Т. 2. С. 303—304; публ. Б. В. Томашевского); *Летопись* 1991. С. 500; *Летопись* 1999. Т. 2. С. 17. По мнению Т. Г. Цявловской, стихотворение «Quand au front du convive...» появилось раньше, чем «Лишь розы увяда(ю)т...», потому что предназначалось для «женщины французской культуры, во всяком случае французской речи» — для гр. Е. К. Воронцовой (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 56). Это соображение, однако, остается ничем не подкрепленной гипотезой.

Наиболее вероятным, хотя не бесспорным, представляется следующий порядок заполнения л. 56 об. (см. его воспроизведение в настоящем томе). Сначала в верхней части листа появился набросок «Скажи мне ночь, зачем твой тихий мрак...», затем — несколько рисунков: три фигуры непосредственно под этим наброском и женский профиль под ними на левом поле листа. Оставив под профилем свободное место, в нижней половине листа Пушкин начал набрасывать французские строки, которые не могли служить началом стихотворения, поскольку представляли собой вторую часть фразы, в начальной части которой должно было появиться отсутствующее пока подлежащее. Точно так же, без начала фразы, на правом поле листа, рядом с женским профилем, были набросаны пять строк русского стихотворения, по смыслу соответствующие записанной части французского текста. Между пятой и шестой строкой русского текста имеется отступ, происхождение которого, возможно, объясняется тем, что перед записью шестой строки на левом поле листа, прямо под женским профилем появились записи: «[На лоне(?)] [На лоне красоты] [Над чашею]» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 367). Любопытно, что эти записи имеют некоторое соответствие французским вариантам ст. 1 (см. там же, с. 365, варианты Б, б—г). Это позволяет предположить, что работа над обоими стихотворениями, начатая с записи французских строк, велась затем параллельно. Последним этапом работы стала сделанная иными чернилами запись вариантов ст. 1 русского стихотворения и тут же предпринятая переработка его начала (о незавершенном характере переработки этого текста см. примеч. к стихотворению «Лишь розы увяда(ю)т...» — наст. т., с. 1024).

Мотив увядающей розы — топос, эмблематически выражающий идею недолговечности молодости и красоты, — восходит к античности и широко распространен в западноевропейской, в частности во французской, поэзии (у П. Ронсара, Ф. Малерба, Ж. Делиля и др.) (см.: *Веселовский А. Н.* Из поэтики розы // *Веселовский А. Н.* Избр. статьи. Л., 1939. С. 132—139; *Алексеев М. П.* Споры о стихотворении «Роза» // *Алексеев. Пушкин.* С. 326—377; *Мазур Н. Н.* Еще раз о де-

ве-розе : (В связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4. С. 345—379). Из поэзии Малерба (Malherbe; ок. 1555—1628) Пушкин достойными внимания считал только стансы «Утешение г-ну Дюперье по случаю кончины его дочери» («Consolation à M-r du Réquier sur la mort de sa fille»), где рано оборвавшаяся жизнь девушки сравнивается с розой, цветущей всего одно утро: «Малерб держится 4 стр<оками> оды к Дюперье» («О французской словесности» (1822) — Акад. Т. 12. С. 191). В лирике Пушкина мотив быстро вянущей розы возникал еще в Лицее — см. стихотворения «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») (1814) и «Роза» («Где наша роза...») (1814—1816) (см.: Городецкий. С. 152). Избранный Пушкиным в комментируемом стихотворении образ — роза, увядающая на груди красавицы, встречается в стихотворении «Роза» («La rose») французского поэта XVIII в. П.-Ж. Жантий-Бернара (Gentil-Bernard, 1710—1775):

Thémire est une fleur nouvelle,
 Qui doit subir la même loi:
 Rose, tu dois briller comme elle,
 Elle doit passer comme toi.
 <.....>
 Descends de ta tige épineuse,
 Viens la parer de tes couleurs
 <.....>
 Va, meurs sur le sein de Thémire,
 Qu'il soit ton trône et ton tombeau.
 Jaloux de ton sort, je n'aspire
 Qu'au bonheur d'un trépas si beau.

<Темира — новый цветок, / Который подчинится тому же закону: / Роза, тебе предназначено блистать, как и ей, / Ей предназначено увянуть, как и тебе. / <...> / Сойди со стебля, усеянного шипами, / Укрась ее своими красками / <...> / Умри на груди Темиры, / Пусть это будет твой трон и твоя усыпальница. / Завидуя твоей участи, я желаю одного — / Счастья столь прекрасной кончины. — фр.) (Chansonnier français, ou Choix des meilleures chansons. Paris, 1829. Т. 1. Р. 58 — см.: Библиотека П. № 725). Отголоски этого образа слышны в стихотворении А. А. Дельвига «Тленность» (1815):

Розой, дева, украшай
 Груды молодые,
 Другу милому венчай
 Кудри золотые.
 Скоро лету пролететь,
 Розе скоро не алеть.
 (Дельвиг. Соч. С. 97)

В черновом автографе X строфы второй главы «Евгения Онегина» (1823) «умирающие розы» названы в числе мотивов поэзии Ленского:

Он пел разлуку и печаль
 И романтическую даль
 И умирающие розы...
 (Акад. Т. 6. С. 273)

В 1830 г. Пушкин вернулся к образу розы, увядшей на груди возлюбленной, в наброске «Тому [одно, одно] мгновенье...», который завершается стихами «Иль жар твоей груди / Младую розу опалил» (Акад. Т. 3. С. 465), и в стихотворении «Отрывок» («Не розу Пафосскую...»):

Не розу Пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
<.....>
Но розу счастливую
На персях увядшую
[Элизы] моей...
(Акад. Т. 3. С. 258)

В пушкинском французском наброске роза вянет не только на груди красавицы, но и на челе пирующего. Венок из роз, мотив, берущий начало в античности, — знак гораццианской темы в русской поэзии (ср., например, в поэме «Сады» («Les jardins», 1782) Ж. Делиля (Delille; 1738—1813), переведенной А. Ф. Воейковым (отд. изд.: СПб., 1816): «Гораций на пирах носил из роз венок / И с розой сравнил цвет молодости тленный» (Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 137 (Сер. «Литературные памятники»)). Смерть на пиру, в венке из роз — безоблачный переход в страну блаженства; см., например, стихотворение В. Л. Пушкина «К Делию: Подражание Горацию» (1811):

...Мы чада смерти все. Не бойся, веселись!
<.....>
Там, в розовом венке, друзьями окруженный,
Фалернское вино лей в кубок золотой!
(Пушкин В. Л. Стихотворения.
СПб., 2005. С. 153)

См. также в «Элегии» (1821 или 1822) А. А. Дельвига:

Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!
(Дельвиг. Соч. С. 71)

Существует ничем не подтверждаемая гипотеза Т. Г. Цявловской, полагавшей, что «здесь впервые написал Пушкин в стихах имя своей возлюбленной, звуки которого он воспроизводил в „Прозерпине“ («Элизей»), и в стихах „Quand au front du convive...“ («Aux rives [Elysées]»), и в стихах „Лишь розы увяда(ю)т...“ («В Элизий улетает / Их легкая душа»). Назвал имя и зачеркнул» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 70; речь идет о Елизавете (Элизе) Воронцовой — см. о ней примеч. к стихотворению «Сожженное письмо», наст. т., с. 632—633).

«ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДА(Ю)Т...»

(С. 134 и 366)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 56 об. — черновой; ниже на том же листе — черновой автограф стихотворения «Quand au front du convive, au beau sein de Dé(lie)...». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 30 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 283—284 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 30.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1903—05. Т. 2; Мор. 1903—06. Т. 2.

Печатается по автографу без учета незавершенной переработки начальных стихов, предпринятой на последнем этапе работы над стихотворением.

Датируется январем 1825—предположительно январем 1826 г. по положению автографа в тетради ПД 835 на том же основании, что и стихотворение «Quand au front du convive, au beau sein de Dé(lie)...», представляющее собой французскую разработку того же лирического сюжета (см. примеч. к нему — наст. т., с. 1020). Там же, с. 1020—1021, см. о последовательности работы над этими двумя стихотворениями.

Предпринятые на последнем этапе работы над стихотворением запись и переработка начальных стихов были выполнены более темными чернилами и более тонким пером. Последние исправления в этих стихах требовали внесения изменений в следующий текст, однако они не были сделаны (не согласованы единственное и множественное число — ср.: «Как ро(за) увядает / Тогда ее душа» и «Их тени благовонны / Над Летою цветут —»; не до конца вычеркнут стих «[Их легкая] душа», который должен был оказаться лишним).

Начиная с КН (Т. 1. С. 357) ст. 1—4 печатались в ряде изданий по верхнему слою записи: «Как роза увядает, / Тогда ее душа, / Амброзией дыша, / [В Элизий] улетает», с исключением не полностью вычеркнутого стиха «[Их легкая] душа». Существовавшая до издания КН традиция печатать основной текст без учета незавершенной правки была восстановлена в Акад. (Т. 2. С. 377; публ. Д. Д. Благого) и затем принята во всех авторитетных изданиях Пушкина (см., например: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 307; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 304; Пушкин 1955. Т. 3. С. 297; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 8).

О мотиве увядающей розы см. в примеч. к стихотворению «Quand au front du convive, au beau sein de Dé(lie)...» (1825) (наст. т., с. 1021—1023). И. Л. Альми отмечает, что в стихотворении «Лишь розы увяда(ю)т...» введение этого мотива в сочетании с мотивом Элизия формирует семантический комплекс, восходящий к топике дружеских посланий 1810—1820-х гг., в которых мотив смерти на пиру изображается как радостный переход в страну блаженства, где обретается нетленное бытие. Отсылка к традиции дружеских посланий подкрепляется выбором размера — характерного для них трехстопного ямба. Исследовательница подчеркивает, что незавершенное стихотворение отличается совершенством звуковой гармонии (эвфонии) (см.: Альми И. Л. О стихотворении А. С. Пушкина «Лишь розы увяда(ю)т...» // Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 103—111). Малоубедительна попытка И. С. Кузнецова обнаружить в пушкинском лирическом сюжете

вариацию мотива, представленного в английской романтической поэзии (см.: Кузнецов И. С. Система лирических ситуаций романтической поэзии А. С. Пушкина. М., 1999. С. 122—125).

Т. Г. Цявловской высказывалось предположение, что стихотворение связано с именем Е. К. Воронцовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Сожженное письмо» (1824) — наст. т., с. 632—633): «Элизей, Элизий — это же звуки ее имени — Элиза» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 56). О гипотезе Цявловской см. также примеч. к стихотворению «Quand au front du convive, au beau sein de Dé<lie>...» (наст. т., с. 1023). Предположение Цявловской остается чисто гипотетическим. Характерно, что в его подтверждение исследовательница приводит переключку ст. 5—7 комментируемого стихотворения («И там, где волны сонны ~ Их тени благовонны...») с реконструированными в Акад. (Т. 2. С. 833; публ. Н. В. Измайлова) черновыми вариантами стихотворения «Прозерпина» (1824), также связанного, как считала Цявловская, с воспоминанием о Воронцовой: «Льются Леты струи <сонны>{?} / Немы рощи <благовонны>{?}» (см.: Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 56). Однако слов «сонны» и «благовонны» в пушкинском автографе нет (ср. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 151).

Ст. 2. А(м)врозией дыша... — Амврозия, амброзия — в буквальном переводе с греч. — бессмертие; в греческой мифологии — пища богов, дающая им вечную молодость и бессмертие; в переносном значении, свойственном поэтической речи XVIII в., — сладкий аромат, благоухание (цветов) (см.: Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1. С. 58).

«В ПЕЩЕРЕ ТАЙНОЙ(?) В ДЕНЬ ГОНЕНЬЯ...»

(С. 135 и 367)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 68 об. — черновой. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 348 (ст. 1—4); Якушкин. № 7. С. 33 (полностью, в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 465—466 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 348 (ст. 1—4); Якушкин. № 7. С. 33.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855 (ст. 1—4); Ефр. 1882. Т. 1. С. 541 (ст. 1—4, в составе примечаний); Мор. 1887. Т. 1. Печатается по автографу.

Датируется не ранее первой половины февраля 1825 г. — не позднее января 1826 г. по положению автографа в тетради ПД 835. Стихотворение, вероятнее всего, было вписано на оставшуюся свободной нижней часть л. 68 об. (тетрадь при этом была повернута на 90°, так что строки стихотворения идут перпендикулярно расположенной выше записи). Верхняя часть этого листа, на которой находится черновик строфы, вошедшей в «Отрывки из путешествия Онегина», заполнялась не ранее первой половины февраля: на л. 58 об. — заметка о стихотворении «Демон», вызванная его разбором в «Сыне отечества» (1825. Ч. 99. № 3; выход в свет 1 февраля), с которым Пушкин мог познакомиться не ранее первой половины февраля (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 33). На смеж-

ном л. 69 — начало чернового автографа стихотворения «〈Из Ариостова «Orlando Furioso〉»», создававшегося в январе (не ранее 4-го) 1826 г. К моменту его появления л. 69 оставался незаполненным, но места здесь не хватило, и Пушкин продолжил работу на свободной части л. 79 (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 830). Вероятно, к моменту заполнения л. 69 на л. 68 об. уже не оставалось свободного места, иначе работа над переводом из Ариосто продолжилась бы на смежном листе.

С. А. Фомичев попытался сузить датировку до второй половины апреля—конца мая 1825 г. (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 50—51). Верхнюю границу датировки ученый устанавливал, исходя из предположения, что черновой автограф письма к А. С. Шишкову появился на л. 65 об. тетради ПД 835 не позже середины апреля (см.: Там же. С. 33—34) и, следовательно, строфы «Евгения Онегина» на л. 65—68 об. не могли быть записаны раньше этого времени. Однако датировка письма к Шишкову, предложенная Фомичевым, как и датировка в Акад. (около 7 апреля 1825 г.), не имеет бесспорных оснований, поэтому в настоящем издании верхняя граница датировки определяется по более ранней записи на л. 58 об. Исследователь считал, что комментируемый набросок представляет собой «первоначальную редакцию» двух «Подражаний Корану»: VII («Восстань, боязливый...») и I («Клянусь четой и нечетой...»), а поскольку вся работа над циклом была завершена не позднее конца мая 1825 г., когда Пушкин досылал в Петербург стихотворения для Ст 1826, этим временем, согласно реконструкции исследователя, определяется нижняя граница датировки наброска (см.: Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектура и композиция цикла // Врем. ПК. 1978. С. 24—25; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 51). Однако предложенные Фомичевым датировки «подражаний» I и VII плохо согласуются как с ходом работы Пушкина в тетради ПД 835, так и с палеографическими особенностями записей текстов «подражаний» на соответствующих листах этой тетради (см. примеч. к «Подражаниям Корану» — наст. т., с. 584—585).

Образная близость наброска к «Подражаниям Корану» была отмечена еще П. А. Ефремовым: «...могло быть набросано при подражаниях Корану» (Ефр. 1882. Т. 1. С. 540; ср., однако, позднее противоположное суждение исследователя: «К „Подражаниям Корану“ отношения не имеет» — Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 211). На этом основании набросок в некоторых изданиях печатался в примечаниях к циклу (см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 674—675) или с редакторским подзаголовком «〈Из цикла Подражаний Корану〉» (Венг. Т. 2. С. 260). В последнем издании комментариев к тексту дан Н. О. Лернером в составе примечаний к «подражанию» VII, однако здесь же выражено сомнение: «Колорит наброска и внешние образы, конечно, навеяны Кораном, но трудно все-таки с полной уверенностью отнести эти стихи к „Подражаниям Корану“» (Там же. Т. 3. С. 543—544). Н. И. Черняев высказывал предположение, что набросок мог послужить первым, неудавшимся подступом к «подражанию» VII, в нем также «говорится об утешении, которое дает мусульманам Коран как надежнейший талисман против уныния и греховных влечений» (Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 61; см. также на с. 72 указание на весьма отдаленную параллель с наброском в одной из сур Корана). Гипотезу Черняева попытался развить и уточнить С. А. Фомичев (см. выше). Однако работе над «подражаниями»

набросок наследует лишь на уровне отдельных мотивов и образов (прежде всего «сладостного Корана»).

В исследовательской литературе замысел наброска соотносили также с серией текстов, связанных с Е. К. Воронцовой (см. о ней примеч. к стихотворению 1824 г. «Сожженное письмо» — наст. т., с. 632—633) и подаренным ею перстнем-талисманом, о котором идет речь в стихотворениях «Храни меня, мой талисман...» (1824—1825) и «Талисман» (1827). На очевидную связь с последним из них указал еще П. В. Анненков, назвавший набросок «первым очерком известного стихотворения „Талисман“» (*Анненков П. В. Любопытная тяжба // ВЕ. 1881. № 1. С. 30*). Биографическое прочтение наброска усилил Н. О. Лернер, еще раз вернувшийся к нему в 4-м томе издания Венг., в примечании к стихотворению «Талисман». Здесь говорилось, что в наброске «В пещере тайной, в день гоненья...» Пушкин, возможно, передал историю подарка Воронцовой, а его содержание «до такой степени сходится с обстоятельствами одесской жизни Пушкина, что его можно считать автобиографическим. „День гоненья“ — ясный намек на положение Пушкина в Одессе в (...) 1824 г.; вероятно, тогда-то и подарила ему Воронцова перстень» (Венг. Т. 4. С. XXVI). Трактовка, однозначно соотносящая сюжет наброска с подарком Воронцовой, была поддержана главным образом Т. Г. Цявловской и канонизирована в ряде изданий (см.: Асад. в 9 т. Т. 2. С. 509; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 747; Акад. Т. 2. С. 1213 (указатель имен, относящий к Воронцовой выражение «ангел утешенья» в тексте наброска); Госл. в 10 т. Т. 2. С. 762; Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 618). Однако столь прямолинейно-биографическая интерпретация не реализованного во всей полноте замысла представляется не только фактически необоснованной, но и чрезмерно упрощенной.

Более очевидна не биографическая, а сюжетная и тематическая связь наброска с двумя указанными стихотворениями. В нем намечена история получения подарка от необыкновенного дарителя, косвенно (как в наброске) или прямо (как в «Талисмане») соотносимого с возлюбленной героя («ангел утешенья» / «волшебница»). Объединяет эти два текста и восточный, «мусульманский» колорит. С незавершенным стихотворением «Храни меня, мой талисман...» набросок сближает, помимо центрального образа талисмана, упоминание о «днях гоненья». Справедливым представляется мнение Б. В. Томашевского, назвавшего «В пещере тайной, в день гоненья...» «черновым наброском замысла, аналогичного по теме стихотворению „Храни меня, мой талисман...“» (Пушкин 1955. Т. 3. С. 811). Однако оба этих текста, несмотря на разную степень разработки замыслов, не были завершены и отделаны Пушкиным, а окончательное оформление сюжета о хранительном талисмане произошло лишь в 1827 г. в стихотворении «Талисман».

Ст. 1. ...в день гоненья. — Ср. в «подражании» I: «Кого же в сень успокоенья / Я ввел, главу его любя, / И скрыл от зоркого гоненья?» (наст. т., с. 25); в стихотворении «Храни меня, мой талисман...»: «Храни м(еня) во дни гоненья...» (там же, с. 129).

Ст. 7 — 8. Слова святые начертила На нем безвестная рука. — Эти строки традиционно соотносят с надписью на пушкинском перстне-«талисмани» (см. примеч. к стихотворению «Храни меня, мой талисман...» — наст. т., с. 1011).

«НА НЕБЕСАХ ПЕЧАЛЬНАЯ ЛУНА...»

(С. 136 и 368)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 68 об. — черновой, записан под текстом наброска «В пещере тайной, в день гоненья...» (1825) в том же положении тетради, перевернутой в момент записи на 90°, сходными почерком и чернилами. Указано: Якушкин. № 7. С. 33 («вся исчерканная черновая какого-то стихотворения о луне и заре»). Напечатано: Щеголев П. Е. Новые стихотворения Пушкина // Русское слово. 1911. № 181. 6 авг. (в виде сводки и вариантов); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 488 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Русское слово. 1911. № 181. 6 авг.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется не ранее первой половины февраля 1825 — не позднее января 1826 г. по положению автографа в тетради ПД 835 на том же основании, что и записанный, по всей видимости, одновременно с ним набросок «В пещере тайной, в день гоненья...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 1025—1026).

В Акад. (Т. 2. С. 1166) Д. Д. Благой датировал стихотворение «На небесах печальная луна...» январем—22 сентября 1825 г., не согласовав эту дату с им же предложенной широкой датировкой наброска «В пещере тайной, в день гоненья...» 1825 г. (Там же. С. 1194). Нижнюю границу датировки комментируемого стихотворения Благой, очевидно, определил по предполагаемой дате письма Пушкина к Александру I, расположенному на л. 69 об. — 70 тетр. ПД 830: в Акад. оно датировано началом июля—сентябрем (до 22-го) 1825 г. Однако оба наброска были, вероятнее всего, вписаны на свободное место, остававшееся на л. 68 об., по этому время заполнения следующих листов не может служить нижней границей их датировки.

Ст. 6. *Так встретился, Эль(в)ина, я с тобою.* — Имя Эльвина, весьма распространенное в русской элегической и балладно-романсной поэзии 1810-х гг. прежде всего благодаря балладе В. А. Жуковского «Эльвина и Эдвин» (1814), неоднократно использовалось Пушкиным (см.: «К ней» (1815); «Наездники» (1816); первоначальные варианты стихотворения «Там у леска, за ближнюю долиной...» (предположительно 1817); о литературной традиции употребления этого имени см. примеч. к этому стихотворению — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 651).

«ЕДВА УСТА КРАСНОРЕЧИВЫ...»

(С. 137 и 369)

Автограф в тетр. ПД 836, л. 17 — белой, переходящий в черновой; сохранились лишь две первые строфы и первый стих третьей строфы, так как часть л. 17 с текстом стихотворения вырезана после смерти Пушкина (по жандармской нумерации на л. 16 и 18 видно, что на вырезанной части л. 17 стояла жандармская помета: «17»; над линией отреза видны штрихи — верхушки каких-то букв следующего

стиха). Напечатано: Якушкин. № 6. С. 535 (в виде сводки по верхнему слою автографа). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 6. С. 535.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1826 г., не ранее конца июня, по реалиям текста, которые, вероятнее всего, связаны с пребыванием в Тригорском Н. М. Языкова (см. об этом ниже), продлившимся с середины июня до середины июля 1826 г. (15(?) июня—17(?) июля; см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 153, 157, 460, 461). Менее вероятно, что поэт, упомянутый в стихотворении — А. А. Дельвиг, посетивший Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г. Положение автографа в тетради ПД 836 указывает лишь на временной промежуток 1825—1827 гг. (на л. 15 об.— 16 об. не вошедший в текст «Цыган» монолог Алеко у колыбели сына, над которым Пушкин работал предположительно в конце 1824—начале 1825 г. — см.: Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836. С. 134—135, на л. 20—дата: «31 июля 1827» под черновым автографом «Акафиста Екатерине Николаевне Карамзиной»).

Начиная с издания Мор. 1887 стихотворение печаталось под 1824 г., которым датировались и относящиеся к работе над «Цыганами» записи на л. 15 об.—16 об. В Летописи (Летопись. С. 720; то же: Летопись 1991. С. 633; Летопись 1999. Т. 2. С. 161) отмечено, что связь стихотворения с приездом Языкова указана в кн.: *Новиков И. А. Пушкин в Михайловском. М., 1936. С. 341.* Однако уже в КН (Т. 2. С. 305) стихотворение получило датировку «июль 1826 г.», которая могла быть мотивирована тем же соображением. Впрочем, в комментариях авторитетных изданий 1930-х гг. принятая ими датировка «июль 1826 г.» не поставлена в связь с посещением Языковым Тригорского; в одном из изданий она объяснена «почерком и цветом чернил» (Акад. в 6 т. Т. 1. С. 749). Лишь в «Указателе имен» в Акад. (Т. 3. С. 1343, то же в т. 17 (Справочный)) слово «поэт» в тексте стихотворения отнесено к Языкову.

До выхода Акад. стихотворение печаталось в последовательности строф, соответствующей автографу. В Акад. (Т. 3. С. 19, 575) в качестве начального четверостишия принято то, которое в автографе записано вторым и начинается со стиха «Кристалл, поэтом обновленный». В примечании Т. Г. Зенгер (Цявловская) поясняет свое решение: «Первая из записанных строф («Едва уста красноречивы») несомненно не является начальной строфой стихотворения; вторая сохранившаяся строфа («Кристалл, поэтом обновленный») — вероятнее всего — начальная» (Акад. Т. 3. С. 1127). В соответствии с этой гипотезой стихотворение напечатано в Акад. в 10 т. (1) (Т. 2. С. 352); Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 544); Худ. лит. в 10 т. (Т. 2. С. 429). Б. В. Томашевский, последовав решению Цявловской в Акад. в 10 т. (1), позднее признал его ошибочным (см.: Пушкин 1955. Т. 3. С. 815). В этом издании, а также в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 349) он напечатал стихотворение строго по автографу, без гипотетической перестановки строф. Такое решение представляется наиболее обоснованным, поскольку никаких следов предполагаемой композиционной перестановки в автографе стихотворения нет, за второй из сохранившихся строф идет третья, от которой остался лишь начальный стих. Возможно, строфа «Едва уста красноречивы...» действительно должна была занять какое-то другое место в стихотворении, но определить это место не представляется возможным.

О Н. М. Языкове, о котором, вероятно, говорится в стихотворении, см. примеч. к посланиям «Из письма к А. Н. Вульфу» («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») (1824), «К Языкову» («Издревле сладостный союз...») (1824) и «К Яз(ыкову)» («Яз(ыков), кто тебе внушил...») (1826) (наст. т., с. 473—474, 477—479, 862—863). Месяц, проведенный Языковым в Тригорском, стал временем постоянного праздничного общения двух поэтов в окружении членов семейства Осиповых—Вульф. 21 января 1827 г. Языков писал А. Н. Вульфу о Пушкине: «...мне всегда хочется знать все, касающееся до человека, с которым вместе я так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее, то есть счастливейшее время моей жизни» (*Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма.* М.; Л., 1959. С. 437). «Кристалл, поэтом обновленный» — это, по-видимому, бокал, из которого пил Языков. В статье «Прогулка в Тригорское: (Заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига)» М. И. Семевский привел воспоминания М. И. Осиповой и А. Н. Вульфа о пребывании Языкова в их имении: «„А вот вам и еще достопримечательность, — сказала Марья Ивановна, подводя меня к шкапу, полному хрусталя и фарфора, и вынимая оттуда большие бокалы прекрасного хрусталя. — Это те самые бокалы, те самые чаши, из которых пили Пушкин, Языков, Дельвиг...”» (Семевский. С. 59). К воспоминаниям о пирушках 1826 г. Языков неоднократно обращался в стихах. См., например, «Тригорское» (1826):

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?

(Языков 1964. С. 223)

См. также в посланиях Языкова «К П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...») (1827) («...в тиши / Нас нежила, нас веселила / Вина чарующая сила...» — Там же. С. 238) и «К баронессе Е. Н. Вревской» («Я помню вас! Вы неизменно...») (1845), в котором он пишет о себе и Пушкине:

Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромовой!
<.....>
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам!

(Там же. С. 409)

Живя в Тригорском, Языков часто бывал в Михайловском и позднее вспоминал об этом в стихотворениях «К няне А. С. П(ушкин)а» (1827) и «На смерть няни А. С. Пушкина» (1830). В них изображались дружеские застолья в обществе самого автора, Пушкина, Вульфа и прислуживавшей им Арины Родионовны. Описывая пирушки в Михайловском, Языков упоминает «Речей напоры и отпоры / И звон стакана об стакан» (Там же. С. 296). Об этих пирушках см.: Семевский. С. 59.

Вакхические мотивы, свойственные и более ранней поэзии Языкова, звучали в обоих его посланиях Пушкину 1825—1826 гг. (см. о них примеч. к стихотворениям

«К Языкову» («Издревле сладостный союз...») (1824) и «К Яз(ыкову)» («Яз(ыков), кто тебе внушил...») (1826) — наст. т., с. 484 и 864—865). Близость к языковской тематике и лексике позволяет считать, что именно ему посвящено комментируемое стихотворение.

Ст. 4. *Кристалл, поэтом обновленный...* — Слово «кристалл» употреблено в значении «хрусталь» (или «изделие из хрусталя»), характерном для русского языка XVIII—начала XIX в. (см.: *Словарь русского языка XVIII в.* СПб., 2000. Вып. 11. С. 18); в сходном значении слово фигурирует в поэме Пушкина «Руслан и Людмила», песнь вторая, ст. 361—362: «Обед роскошный перед ней; / Прибор из яркого кристалла» (СЯП. Т. 2. С. 405—406).

«[В БОЯХ]⟨   ⟩...»
(С. 138)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 18 об., расположен в нижней части листа, заполненного черновыми автографами стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк...», вошедшего в цикл «Подражания Корану», наброска «Пророк мой вам того не скажет...», позднее переработанного в примечание к «подражанию» II, и еще двух набросков, предположительно относящихся к работе над циклом: «[Я клянусь]»; «Слаб и робок человек...» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 218—221 и 238 и примеч. к ним — с. 578, 579, 583). Напечатано: Акад. Т. 3. С. 685 (в составе черного автографа стихотворения «Клеопатра»; публ. С. М. Бонди). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Первые: Акад. Т. 3. С. 685 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Акад. Т. 3 (см. выше).

Датируется 1824 г., предположительно 26 сентября—2 октября по времени, когда велась основная работа на л. 18 об.: на л. 17 — дата «26 сент(ября) 1824» под беловым автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом»; на л. 20 — дата «2 окт(ября) 1824» под черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина». По замечанию С. А. Фомичева, несколько слов наброска «по почерку одинаковы с последними строками стихотворения „Смутясь, нахмурился пророк...” и несомненно написаны одновременно с ним» (Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 48).

Печатается по автографу.

В Акад. набросок был отнесен к черновикам стихотворения «Клеопатра» как вариант, предваряющий появление стиха «[Никем] Нигде незнаемый — ничем не знаменит(ый)» (этим стихом начинается черновой фрагмент, записанный в тетр. ПД 835 на л. 37 об.). Иная трактовка была предложена С. А. Фомичевым: исходя из того, что набросок записан на листе, где расположены черновики «Подражаний Корану», он увидел в нем первый приступ к теме, развиваемой в «подражании» VI («Недаром вы приснились мне...»), черновой автограф которого расположен в тетр. ПД 835 на смежном л. 19. См.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 48; Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // *Врем. ПК.* 1978. С. 28. Оба предположения носят гипотетический характер.

«ИВАН-ЦАРЕВИЧ ПО ЛЕСАМ...»

(С. 138 и 370)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 40 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 17 (в виде прозаической «программы» сказки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 485 (в виде транскрипции стихотворного наброска; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 17 (см. выше); АН 1900—23. Т. 3. Примеч. С. 485 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется ноябрем (не позднее 29-го) 1824 г. по положению автографа тетради ПД 835. На л. 36 об.—37 — черновик письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.; на левом поле л. 39 об. — список вещей: «карты / Пугачев / allumetes (спички — фр.)», о присылке которых Пушкин просил брата в письме от 10(?)—12(?) ноября 1824 г. (уточнение датировки письма см.: Летопись 1991. С. 472, 676). На л. 40—40 об. непосредственно после наброска — черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. Судя по палеографическим особенностям, тексты наброска «Иван-царевич по лесам...» и письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. были записаны не одновременно, их мог разделять достаточно ощутимый временной промежуток. Поэтому датировка наброска расширена сравнительно с Акад., где он датируется концом (до 29-го) ноября 1824 г. (Т. 2. С. 1191, примеч. Н. В. Измайлова; та же датировка принята С. А. Фомичевым — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 58—59).

В Михайловском Пушкин слушал русские народные сказки, которые рассказывала ему Арина Родионовна (см. его письма к брату от первой половины ноября 1824 г., к Д. М. Шварцу около 9 декабря 1824 г. и к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 121, 129, 135). Об интересе Пушкина к фольклору в конце 1824—1825 г. см. примеч. к стихотворению «Жених» и циклу «Песни о Стеньке Разине» (наст. т., с. 749—752, 932—933, 935—937; см. также статью М. Н. Виролойнен «Лирика Пушкина в период михайловской ссылки» — наст. т., с. 405—409).

Набросок связан с распространенным в русском сказочном фольклоре сюжетом «Царевич и серый волк», где волк выступает «чудесным помощником» («благодарным животным») (см.: Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М., 1989. С. 30). О сюжете «Царевич и серый волк», публикациях связанных с ним текстов и параллелях к нему см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. А. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 154—155 (№ 550).

Ст. 3. *За бурым волком раз гонялся* — Ср. во вступлении к поэме «Руслан и Людмила», написанном Пушкиным в Михайловском в 1824—1825 гг.: «В темнице там царевна тужит, / А бурый волк ей верно служит» (Акад. Т. 4. С. 5). Выражение «бурый волк» в значении «серый, темный» характерно для псковского народного говора (см.: Рейсер С. А. «Бурый волк» // Врем. ПК. 1979. С. 157—158). Оно зарегистрировано в районах, находящихся в непосредственной близости от Михайловского (см.: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1973.

Вып. 2. С. 221; Л., 1979. Вып. 4. С. 110—111). По мнению О. А. Проскурина, «областное словоупотребление Пушкин осознал как окрашенное ярким „просто-народным” колоритом и предпочел необычный эпитет „бурый” привычному (и, бесспорно, знакомому ему) эпитету „серый»» (Проскурин 2007. С. 8, 2-я паг.).

Другие редакции и варианты

Ст. 1—3 д. *Травили ста⟨е⟩ю⟨?⟩ лису* — Второе слово в стихе записано неразборчиво. Предлагались разные варианты его прочтения: «силою» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 485; публ. П. О. Морозова), «сивую» (Брюс. С. 255; буквы «в» и «у» в автографе явно отсутствуют), «стаюю⟨?⟩», с указанием на опisku в слове, которое должно было читаться как «стаею» (Акад. Т. 2. С. 995; публ. Н. В. Измайлова). Предположение Измайлова вполне вероятно, поскольку для охотничьего лексикона было характерно употребление слова «стая» применительно к гончим собакам (см.: Даль. Т. 4. Стб. 520, где среди примеров приведены выражения «псовая стая», «закидывай стаю!»).

«[ТАК] НА ⟨НРЗБ⟩ ЕЕ СЛЕЗАМ⟨И⟩⟨?⟩...»

(С. 138 и 371)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 51 — черновой, записан под беловым автографом стихотворения «Сожженное письмо» (1824) и отделен чертой от расположенного еще ниже наброска «[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...». Напечатано: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 20 (в примечании к стихотворению «Сожженное письмо»; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 20 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4 (см. выше); Брюс. С. 258 (в чтении: «Так на п⟨оследние⟩ страницы...»).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно последними числами декабря 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 на том же основании, что и расположенный на л. 51 черновик стихотворения «Твое соседство нам опасно...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 975).

В различных изданиях предлагалось разное прочтение первой строки наброска. Впервые опубликовавший его П. О. Морозов предложил чтение «Так на п... страницы» (АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 20). В. Я. Брюсовым неразобранное слово было напечатано как «п⟨оследние⟩» (Брюс. С. 258). В изданиях 1930-х гг. М. А. Цявловский оставлял это слово неразобранным (см.: КН. Т. 1. С. 366; все издания ГИХЛ; Acad. в 9 т. Т. 2. С. 402; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 611). Иное чтение ст. 1 было предложено Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад., где он опубликован в следующем виде: «Так ⟨нрзб⟩ слезами», с вариантом: «Начато: Так на ⟨нрзб⟩» (Т. 2. С. 473, 995). Вариант чтения последнего слова в ст. 1 как «слезами» кажется достаточно убедительным; третье слово удовлетворительному прочтению не поддается.

Т. Г. Цявловская назвала эти две строки не получившим развития «наброском об отсылаемом письме» (Цявловская. «Храни меня, мой талисман...». С. 53; мнение

исследовательницы поддержано С. А. Фомичевым — см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 59). По предположению Н. Н. Петруниной, это была «„заготовка впрок”, закрепляющая художественно-поэтический образ, навеянный работой над „Сожженным письмом”» (Петрунина Н. Н. Литературные параллели. I. К Творческой истории элегии «Сожженное письмо» // Врем. ПК. 1977. С. 109).

«[ВКУС ВЕРНЫЙ, ОСТРЫЙ УМ И НРАВОВ ЧИСТОТА]...»

(С. 138 и 371)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 51 — черновой. Напечатано: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 281 (в виде транскрипции, в примечании к наброску «Твое соседство нам опасно...» (1824); публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: АН 1900—29. Т. 4. Примеч. С. 281 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено АН 1900—29. Т. 4 (см. выше); Акад. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно последними числами декабря 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835, на том же основании, что и расположенный на том же листе черновик стихотворения «Твое соседство нам опасно...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 975).

В Акад. (Т. 2. С. 1192) текст датирован Н. В. Измайловым концом декабря 1824—началом января 1825 г. и помещен среди отрывков 1825 г. Выше на том же листе расположен автограф стихотворения «Сожженное письмо», датированный в Акад. второй половиной декабря 1824 г.—5 января 1825 г. (Т. 2. С. 1154, примеч. Д. Д. Благого; о безосновательности такой датировки см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 631—632). Н. В. Измайлов, по-видимому, исходя из желания согласовать эти датировки, не исключал возможности того, что автограф наброска, расположенный в нижней части листа, мог быть вписан позднее последовательного заполнения л. 51—52. Достаточных оснований для такого предположения не имеется, поэтому более вероятной является датировка последними числами декабря 1824 г. (см.: Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 59).

Черновой набросок, возможно, был связан с работой над «Вторым посланием к цензору» (1824), написанным, как и зачеркнутая строка наброска, шестистопным ямбом. Между двумя текстами допустимо предположить тематическую связь; в таком случае можно думать, что в наброске характеризуются качества, необходимые литератору или цензору. «Второе послание к цензору» было написано 2—10 октября 1824 г., но Пушкин продолжал вносить в его текст отдельные поправки; самые поздние из них относятся ко времени после 25 января 1825 г. (см. наст. т., с. 520).

«СКАЖИ МНЕ, НОЧЬ, ЗАЧЕМ ТВОЙ ТИХИЙ МРАК...»

(С. 138 и 371)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 56 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 30 (в виде сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 30.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется январем—февралем (вероятнее всего, не позднее 25 января) 1825 г. на том же основании, что и расположенный на смежном листе черновой автограф стихотворения «Сказали раз царю, что наконец...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 653—654). С. А. Фомичев датировал набросок концом января—началом февраля 1825 г., учитывая дату «1 генв(аря) 1825» на л. 52 и принятую им датировку заметки о стихотворении «Демон» на л. 58 об.—59 (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 61). Со ссылкой на указанную статью Фомичева стихотворение датировано 20 января—10 февраля 1825 г. в Летописи 1991 (С. 494; то же: Летопись 1999. Т. 2. С. 11).

«ОН ВЕЖЛИВ [БЫЛ] В ИН(ЫХ) ПРИХОЖИХ...»

(С. 138 и 372)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 57 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 31 (в виде сводки); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 487 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 31.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 4. С. L (в примеч. к стихотворениям 1827 г.); АН 1900—29. Т. 3 (см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется январем—февралем (вероятнее всего, не позднее 25 января) 1825 г. на том же основании, что и расположенный ниже на том же листе черновой автограф стихотворения «Сказали раз царю, что наконец...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 653—654). С. А. Фомичев датировал набросок концом января—началом февраля 1825 г., учитывая дату «1 генв(аря) 1825» на л. 52 и принятую им датировку заметки о стихотворении «Демон» на л. 58 об.—59 (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 553; Фомичев. Раб. тетр. ПД 835. С. 61). Со ссылками на указанную статью Фомичева, а также на статью Т. Г. Цявловской «Муза пламенной сатиры» (С. 191) набросок датирован 20—25 января 1825 г. в Летописи 1991 (С. 494) и 20—31 января в Летописи 1999 (Т. 2. С. 11).

Набросок эпиграммы, второй стих которого впоследствии был варьирован в стихотворении «Не знаю где, но не у нас...», опубликованном в СЦ 1828 в составе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» (ср.: «Зато был сух, учтив и важен» — отмечено Н. О. Лернером: Венг. Т. 4. С. L). Оба эпиграмматических текста считаются направленными на М. С. Воронцова (см., например: Акад. Т. 17 (Справочный). С. 147; Цявловская. «Муза пламенной сатиры». С. 191; Фомичев С. А. Эпиграммы Пушкина на Воронцова // ПиС. Вып. 1 (40) (Нов. серия). С. 173).

О Воронцове см. примеч. Е. О. Ларионовой к эпиграмме «〈На М. С. Воронцова〉» («Полу-герой, полу-невежда...») (1824) (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 798—802).

«КАК УЗНИК, БАЙРОНОМ ВОСПЕТЫЙ...»

(С. 139)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 9 — без исправлений. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 5 (не полно); полностью: Рукою П. С. 158 (публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 5 (не полно); впервые полностью: Рукою П. С. 158.

В собрание сочинений впервые включено: Акад. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется не ранее 9 июня 1824 г. — не позднее конца мая 1825 г. по положению в тетради ПД 835. Отрывок записан под черновым письмом к А. И. Казначееву от 9—14 июня 1824 г. (в Акад. датировано началом июня (после 2-го) 1824 г. — см.: Т. 13. С. 95; уточнение датировки см.: *Проскурин О.* Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы»: К методике чтения пушкинских рукописей // *Пермяковский сб. М., 2010. Ч. 2. С. 207—208* (Сер. «Новые материалы и исследования по истории русской культуры». Вып. 7)). Позднее на оставшемся свободном месте появился беловой автограф второго стихотворения из цикла «Подражания Корану» — «О жены чистые пророка...», который предположительно датируется концом сентября (не ранее 26-го) — октябрём 1824 г., однако мог быть записан и позднее — вплоть до конца мая 1825 г. (см. примеч. к циклу «Подражания Корану» — наст. т., с. 579).

Обратив внимание на возможный автобиографический контекст наброска, Л. М. Аринштейн предложил передвинуть нижнюю границу датировки к 28 июля 1824 г. Именно в этот день Пушкин узнал о решении Александра I исключить его из государственной службы и отправить в ссылку в Михайловское, а «сравнение с шильонским узником имело смысл лишь тогда, когда Пушкин полагал, что своим прошением об отставке он обретет давно желанную свободу»; «после этой даты стихотворение об *освобождении* не могло появиться, поскольку поэта ожидало не освобождение, а *новая тюрьма*» (*Аринштейн Л. М.* Две текстологические заметки. 2. «Как узник, Байроном воспетый...» // *Врем. ПК. Вып. 25. С. 126*). Данная версия носит, однако, чисто гипотетический характер.

Высказывалось неподтвержденное предположение, что эти два стиха не принадлежат Пушкину, а являются выпиской из какого-то неустановленного произведения (см.: Рукою П. С. 158, примеч. М. А. Цявловского).

Ст. 1. *Как узник, Байроном воспетый...* — Имеется в виду Франсуа Бонивар (Bonivard; 1493—1570), швейцарский политический деятель, заточенный в Шильонском замке с 1530 по 1536 г. Его история послужила основой для поэмы Дж. Г. Байрона «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon», 1816); русский перевод, принадлежащий В. А. Жуковскому, вышел отдельной книгой в 1822 г. (СПб.; ценз. разр. 14 апреля). Слухи о скором выходе этого издания доходили до

Пушкина, который ждал его с нетерпением; это отразилось в его письмах к Н. И. Гнедичу от 27 июня, П. А. Вяземскому от 1 сентября и Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 40, 44, 45). Ознакомившись с переводом, Пушкин писал 27 сентября Н. И. Гнедичу: «Перевод Жуковского est un tour de force <представляет собою чудо мастерства — фр.>. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить» (Там же. С. 48).

Ст. 2. *Вдохнул, оставя мрак тюрьмы* — Перифраз финала «Шильонского узника»; в переводе Жуковского: «Когда за дверь своей тюрьмы / На волю я перешагнул — / Я о тюрьме своей вдохнул» (Жуковский ПСС. Т. 4. С. 48); ср. у Байрона: «...even I / Regained my freedom with a sigh» <«... даже я / Принял свободу со вздохом» — англ.> (Вуотн 1898—1904. Vol. 4. P. 28) и во французском переводе А. Пишо и Э. де Саля: «...je roussai un soupir au moment où je me sentis rendu à la liberté» <«...я вдохнул в тот миг, когда ощутил, что мне вернули свободу — фр.> (Вуотн 1820—1822. Т. 2. P. 75). Финал поэмы Байрона Пушкин перефразировал также в письме к брату от 25 августа 1823 г.: «...остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехав в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда, — о Кишиневе я вдохнул» (Акад. Т. 13. С. 67).

К<ЮХЕЛЬБЕКЕРУ>

(«Да сохранит тебя твой добрый Гений...»)

(С. 139 и 372)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 59 — черновой, под заглавием: «К х л б к р». Напечатано: Якушкин. № 7. С. 32 (в виде сводки). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 32.

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно первой половиной февраля—концом июня 1825 г. по времени работы над элегией «Андрей Шенье», среди черновиков которой расположен набросок: на л. 59 ему предшествует черновик ст. 110—121 элегии, на л. 59 об.—64 находится ее основной черновой автограф (обоснование датировки элегии «Андрея Шенье» см. в примеч. к ней — наст. т., с. 721—722). Нельзя полностью исключить, что строки, адресованные В. К. Кюхельбекеру, могли быть вписаны на свободное место л. 59. Однако, судя по почерку и чернилам, более вероятным выглядит предположение, что они появились в то же время, что и черновик ст. 110—121 элегии.

Набросок послания к Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру (1797—1846), возможно задуманного Пушкиным в ожидании его приезда в Михайловское. 18 февраля 1825 г. И. И. Пущин писал Пушкину: «Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя» (Акад. Т. 13. С. 144). По-видимому, от Пущина 11 января 1825 г. поэт узнал о сложностях, возникших в связи с издательской деятельностью Кюхельбекера: последняя, четвертая часть альманаха «Мнемозина», который он издавал вместе с В. Ф. Одоевским, получила цензурное разрешение 13 ок-

тября 1824 г., вышла же из печати только 2 июля 1825 г. «Что мой Кюхля, за которого я стражду, но все люблю? — спрашивал Пушкин П. А. Вяземского в письме от 25 января 1825 г. — Говорят, его обстоятельства не хороши — чем не хороши?» (Акад. Т. 13. С. 135). О сложных обстоятельствах жизни Кюхельбекера, которые могли тревожить Пушкина, см. примеч. к стихотворению «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825) (наст. т., с. 788); подробнее см.: *Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л., 1939. С. XXV— XXX, XXXIV* (Б-ка поэта; Большая сер.).

В это время многие из знавших Кюхельбекера выражали тревогу по поводу его дальнейшей судьбы. Е. А. Баратынский писал о нем в письме к Н. В. Путьте от 20-х чисел февраля 1825 г.: Кюхельбекер «рано или поздно в роде Руссо очень будет замечен между нашими писателями. Он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женеvского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он все готов принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастья» (Летопись Боратынского. С. 151).

Ст. 1. *Да сохранил тебя твой добрый Гений...* — Начальная строка пушкинского наброска, вероятно, перифразирует зачин известного стихотворения Кюхельбекера «К моему Гению» (1818; впервые: НЗ. 1820. Ч. 1. № 1. С. 96—98): «Приди, мой добрый милый Гений, / Приди беседовать со мной! / Мой верный друг в пути мучений, / Единственный хранитель мой!» (Кюхельбекер. Т. 1. С. 98). Ср. другие обращения к Гению в произведениях Кюхельбекера — например, в «Прощании» (1820): «Пируй и веселись, мой Гений!», в послании «При пересылке И. И. Дмитриеву стихотворения „Прощание с Италией“» (1823): «Вас дождется ли мой Гений / Здесь, среди дворцов Москвы...» (Там же. С. 135, 186). В лирике предпушкинской и пушкинской поры персонифицированный образ Гения стал устойчивым элементом поэтической фразеологии (часто с эпитетом «добрый»), который опирался на мифологические представления о Гении, сопутствующем человеку или посылаемому высшими силами в момент испытания, и одновременно отсылал к понятию гения как обозначению творческого (в том числе поэтического) дара. Ср., например, в «Моих пенатах» (1811) К. Н. Батюшкова: «Без злата и честей / Доступен добрый Гений / Поэзии святой, / И часто в мирной сени / Беседует со мной» (Батюшков. Соч. 1934. С. 110); в послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812): «О добрый Гений мой, / Последних благ спаситель / И жребия смиритель, / Да светит надо мной, / Во мгле путеводитель, / Твой, Муза, милый свет!» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 194); в стихотворении Пушкина «В альбом Иличевскому» (1817): «Ах! ведает мой добрый гений, / Что предпочел бы я скорей / Бессмертию души моей / Бессмертие своих творений» (наст. изд., т. 1, с. 277).

Инвертированный образ злого, враждебного человеку гения Пушкин использовал в черновых вариантах «Андрея Шенье»: черновой фрагмент элегии, расположенный на том же листе, что и набросок, обращенный к Кюхельбекеру, начинался стихом: «Куда, куда завлек меня враждебны(й) Гений?» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 257).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АН(НЫ) ЛЬВ(ОВНЫ)

(«Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...»)

(С. 140 и 373)

Автограф (ПД 1295, л. 1—1 об.) — белой, в письме Пушкина к Вяземскому от 20—24 апреля 1825 г., с записью под текстом стихотворения: «(Я да Дельвиг)». Напечатано: Письма А. С. Пушкина к князю П. А. Вяземскому // РА. 1874. Кн. 1. № 1. Стб. 152—153 (публ. П. И. Бартенева).

Все сохранившиеся копии не восходят к автографу и отражают другую редакцию стихотворения (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 373; нумерация стихов в описании копий дается по тексту другой редакции):

1) Сб. Алмазова (Алм) — без заглавия, с ошибками в ст. 3 («Ты матушке была любовна») и в отчестве М. М. Сонцова («Мироныч»), с пропуском ст. 11; с подписью: «Пушкин».

2) Первая тетр. из собрания Успенского (Усп₁) — без заглавия, с ошибками в имени и отчестве М. М. Сонцова («Тебя Максим Петрович кровно»), с ошибками в ст. 9—10 («Давно ли с Анною Сергеевн^{ой} / С Сергеем Львовичем давно ль»); с подписью: «А. С. Пушкин».

3) Первая тетр. из собрания Нейштадта (Нейш₁) — под заглавием: «На смерть тетки», с ошибкой в отчестве М. М. Сонцова («Семеныч»); с подписью: «А. Пушкин».

4) Из архива кн. Урусовых (ПД, ф. 244, оп. 4, № 220) (Урус) — под заглавием: «Элегия на смерть тетушки», с ошибочным написанием отчества М. М. Сонцова («Михайлович»), с исправленной ошибкой в ст. 10 (первоначально: «Давно ль со Львом Сергеевичем», форма отчества осталась неисправленной); с подписью: «А. Пушкин»; на бумаге с водяным знаком 1824 г.

5) Тетр. из собрания Картавова (Карт) — под заглавием: «Элегия», с ошибкой в отчестве М. М. Сонцова («Матвейч»); с подписью: «А. Пушкин». Ст. 5—6 следуют после ст. 7—8.

6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 (Дол₂) — под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной», с пропуском ст. 11.

7) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной», с исправленной ошибкой в отчестве М. М. Сонцова (первоначально: «Петрович»), с пропуском ст. 11, с позднейшей пометой «1824», с исправлениями и примечаниями к упоминаемым в тексте именам.

8) Третья тетр. из собрания Нейштадта (Нейш₃) — под заглавием: «Эпиграмма», с ошибкой в отчестве М. М. Сонцова («Семеныч»), с неточностями в ст. 9—10 («Давно ль с Ольгою Сергеевн^{ой} / С Львом Сергеевичем давно ль»); с подписью: «А. П.».

9) Неизвестного из бумаг В. П. Гаевского (ранее принадлежала В. Е. Якушкину) (ПД, ф. 244, оп. 4, № 140) (Г₁) — заглавие, ст. 1—3 и конец ст. 4 были записаны на оборванной части листа и утрачены; в имени и отчестве М. М. Сонцова ошибка («Максим Петрович»).

10) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной»; ст. 11 пропущен; ст. 10 следует после ст. 12.

11) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной», с ошибкой в отчестве М. М. Сонцова («Петрович»). Ст. 11 пропущен,

ст. 10 следует после ст. 12. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 532—533 (в виде вариантов к тексту автографа; публ. М. А. Цявловского).

12) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной», с искажением в ст. 10—12: «Делила ты и хлеб и соль / И вечно ты являлась гневной / Со Львом Сергеечем давно ль?», с примечаниями к упоминаемым в тексте именам, с датой: «1824».

13) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, к. 42, № 9, л. 28) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдо-пушкининой, под заглавием: «На смерть Анны Львовны Пушкиной»; в отчестве М. М. Сонцова ошибка («Петрович»); ст. 11 пропущен; ст. 10 следует после ст. 12.

14) В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 146), его рукой, из архива В. Е. Якушкина (Г₂) — под заглавием: «На кончину А. Л. Пушкиной», с подписью: «А. Пушкин»; копия 1850-х гг. на отдельном листе.

15) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «Элегия на кончину тетушки», с примечаниями, комментирующими упомянутые в тексте имена.

16) В. П. Гаевского (Рукописный отдел ИРЛИ, № 18025) (Г₃) — две копии в составе наборной рукописи его статьи «Дельвиг : (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Издание Александра Смирдина). Статья четвертая»: 1) л. 82—82 об. — Г₃(1), под заглавием: «На кончину тетушки Анны Львовны»; 2) л. 134 — Г₃(2), под заглавием: «Элегия на кончину тетушки», с ошибкой в ст. 5 («Тебя Василий Львович кровный»), сразу же исправленной; в обеих копиях последнее слово в ст. 15 и целиком ст. 16 заменены отточиями; обе копии — с примечаниями к упоминаемым в тексте именам. Напечатано: *Гаевский В. П. Дельвиг : (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Издание Александра Смирдина). Статья четвертая // Совр. 1854. № 9. Отд. III. С. 18 (без заглавия, с исключением последнего слова в ст. 15 и целиком ст. 16).*

17) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «На смерть А. Л. Пушкиной», с указанием на публикацию В. П. Гаевского (см. выше), с приведением разночтений по Совр., ПЗ и БЗ.

18) Тетр. из архива Вревских (Врев) — под заглавием: «На смерть А. Л.», с позднейшими исправлениями, с пропуском ст. 9—12, вписанных позднее на полях, с примечаниями к упоминаемым в тексте именам.

19) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Элегия. На кончину тетушки», с примечаниями к упоминаемым в тексте именам.

20) Неизвестного (ПД, ф. 244, оп. 4, № 179) (N₁) — под заглавием: «На смерть тетушки Анны Львовны», с ошибкой в имени Л. С. Пушкина в ст. 10 («С Петром Сергеечем»), с подписью: «Александр Пушкин». Ст. 5—6 следуют после ст. 7—8.

21) Неизвестного (Рукописный отдел ИРЛИ, № 22580) (N₂) — на отдельном листе, без заглавия, с ошибкой в ст. 1 («Ах матушка, Ах! Анна Львовна»); ст. 5—6 следует после ст. 7—8; ст. 9 следует после ст. 10; в ст. 11, который следует после ст. 12, ошибка («И что ж; на зло судьбине гневной»); ст. 13 искажен («Уже Василий Львович»); подпись: «В— Пушкин».

22) Ефремова (Е) — под заглавием: «Элегия на кончину тетушки», с указанием на публикацию В. П. Гаевского в «Современнике» (см. выше) и примечаниями к упоминаемым в тексте именам.

23) Л. Н. Павлицева в составе наборной рукописи его мемуаров «Из семейной хроники : Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева» (ПД, ф. 244, оп. 17,

№ 30, л. 27 об.) (Павл) — без заглавия, с примечанием к взятому в кавычки слову «вот» в ст. 13: «Тут каламбур: Василий Львович получил в литературном обществе „Арзамас” прозвище „Вот”, подобно тому как Жуковский — прозвание „Громобой”, а сам Александр Сергеевич — „Сверчок”». Напечатано: ИВ. 1888. № 31. С. 53.

Копии 1—12, 14—15, 17—19, 22 учтены: Акад. Т. 2. С. 1001, 1196 (публ. М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) Тетрадь П. П. Каверина (Кав) — без заглавия, с ошибкой в отчестве М. М. Сонцова («Петрович»); с датой: «1 Августа 825. Калуга». Напечатано: Щербачев. С. 120—121.

2) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена публикация в ПЗ 1858 (Кн. 4. С. 273) под заглавием: «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной», с датой: «1830», с ошибкой в ст. 5 («Тебя Василий Львович кровный»).

3) Бывшая в распоряжении А. Н. Афанасьева, по которой им была осуществлена публикация в БЗ (1858. № 12. Стб. 366—367) под заглавием: «Элегия на кончину тетушки», с пропуском в ст. 16 букв в первом слове и в фамилии Красовского («П.... К—ский пропустил?»), с пометой под текстом: «1824 года», с указанием на публикацию В. П. Гаевского в «Современнике» (см. выше) и приведением данных в ней примечаний.

4) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена публикация в Герб. (С. 44) под заглавием: «Элегия на кончину тетушки», с датой под текстом: «1824», с примечаниями к упоминаемым в тексте именам.

5) Бывшая в распоряжении Н. П. Огарева, по которой им была осуществлена публикация в РПЛ (С. 93) под заглавием: «На смерть тетушки Анны Львовны», с ошибкой в ст. 5 («Тебя Василий Львович кровный»).

Все копии дают другую редакцию сравнительно с текстом автографа. В мемуарах Л. Н. Павлицева, племянника Пушкина, сына его сестры Ольги Сергеевны, текст «элегии» предваряется сообщением: «Привожу эпиграмму в настоящем, первоначальном ее виде, как продиктовала мне мать, а не в том, в котором элегия эта, переделанная дядей впоследствии, появилась в напечатанном его письме к князю Вяземскому (см. том VIII Сочинений Пушкина, издание А. С. Суворина 1887 г., стр. 32). Вот первоначальный текст» (Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева // Фамильные бумаги Пушкиных—Ганнибалов. Семейные предания Пушкиных. СПб., 2003. С. 46). Однако Павлицев приводит ту же редакцию, что и все остальные копии; оснований считать ее первоначальной не имеется.

Впервые: Гаевский В. П. Дельвиг: (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Издание Александра Смирдина). Статья четвертая // Совр. 1854. № 9. Отд. III. С. 18 (см. выше); полнее: БЗ. 1858. № 12. Стб. 366—367 (см. выше); полностью впервые: ПЗ 1858. Кн. 4. С. 286 (см. выше); в России полностью впервые: ИВ. 1888. Т. 31. С. 53.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу. Другая редакция печатается в разделе «Другие редакции и варианты» по БЗ с восстановлением первого слова и фамилии Красовского в ст. 16 по автографу и другим копиям.

Датируется 8—24 апреля 1825 г. Верхняя граница определяется датой приезда Дельвига в Михайловское (8...18 апреля 1825 г. — см.: Летопись 1999. Т. 2.

С. 41), нижняя — датой письма к Вяземскому, переданного с Дельвигом, выехавшим из Михайловского 24—25 апреля (см.: Там же. С. 45).

Возникновение редакции, отличной от автографа, с большой степенью вероятности может объясняться тем, что текст элегии был обнародован в Петербурге Дельвигом, который либо воспроизвел его по памяти, либо внес в него некоторые изменения. Подробнее об истории текста см.: Балакин А. Ю. Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка : Контуры одной историко-литературной проблемы // Балакин А. Ю. Ближе к тексту : Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 43—54.

Тетка поэта Анна Львовна Пушкина скончалась в Москве 14 октября 1824 г. в возрасте пятидесяти пяти лет. Она никогда не была замужем и не имела семьи, хотя в конце 1790-х гг. считалась невестой И. И. Дмитриева, который просил ее руки, но получил отказ (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 104, а также примеч. М. Н. Лонгинова, с. 46; П. в восп. Т. 1. С. 46; позднее Дмитриев хлопотал о материальной помощи Пушкиной, потерявшей в 1812 г. имущество; см. его письмо к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1814 г. — *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 221); впоследствии они стали кумом и кумой (см.: Романюк С. К. К биографии родных Пушкина // Врем. ПК. Вып. 23. С. 7). Современники отмечали незаурядный ум и душевные качества А. Л. Пушкиной; так, М. А. Дмитриев писал в мемуарах: «Она была умна, умнее своих братьев, женщина кроткая, любезная и просвещенная. Она читала на французском языке не одни романы и стихи, не одни книги, назначаемые для легкого чтения, но и важного, даже философического содержания. Разговор ее был чрезвычайно приятен и полон мыслей и опытности, приобретенной посредством собственного размышления. Она была в числе немногих и редких женщин, которые могли бы служить украшением всякого, и светского, и мыслящего общества! Ум, доброта и снисходительность просвечивали в каждом ее слове» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 132). По свидетельству О. С. Павлицевой, «одаренная наружностью привлекательною, с умом живым и характером самостоятельным, эта тетушка Александра Сергеевича не думала выходить замуж и жила особо, в собственном своем доме, открытом для родных и немногих избранных друзей» (П. в восп. Т. 1. С. 46; ср.: «Анна Львовна собирала в дому своем часто всех родных и умела вселять искренние привязанности к себе» — Анненков. Материалы 1855. С. 11). Была А. Л. Пушкина известна и благотворительностью; в эпитафии на ее могиле сказано: «Она была истинная христианка, любила помогать бедным и скончалась (...) к вечному прискорбию родных своих, друзей и подчиненных» (цит. по: Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 480). Последний раз Пушкин виделся с теткой в июле 1811 г., перед поступлением в Лицей, когда она и В. В. Чичерина (двоюродная бабка) подарили ему «на орехи» сто рублей, которые взял у него займы В. Л. Пушкин (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 23, 475).

О смерти тетки Пушкин узнал в середине ноября 1824 г.; в начале 20-х чисел ноября он писал Л. С. Пушкину в Петербург: «А вот важное: тетка умерла! Еду завтра в Св(ятые) горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся в Москву; добрый путь!» (Акад. Т. 13. С. 122). Через несколько дней в письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября он спрашивал: «Смерть моей тетки frétillon (резвушка — фр.) не внушила ли какого-нибудь перевода В(асилию) Л(ьвовичу)? нет ли хоть эпитафии?» (Акад. Т. 13.

С. 125). Анна Львовна была для В. Л. Пушкина одним из самых близких людей; как писал Вяземский, «Солнцев (М. М. Сонцов. — *Ред.*) таким образом распределил приязнь Василя Львовича: Анна Львовна, я и однобортный фрак, который переделал он из сюртука...» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка. Л., 1929. С. 94); согласно другому свидетельству, А. Л. Пушкина просила положить к ней в гроб адресованные ей письма Василя Львовича (см.: *ДЖ.* 1824. Ч. 8. № 22. С. 129); ему она завещала свой дом на Старой Басманной (не сохранился; см.: *Тор-мозова Л. И.* Улица Карла Маркса, 36. М., 1988. С. 33—34). В. Л. Пушкин откликнулся на смерть сестры стихотворением «К ней», где, в частности, писал:

Где ты, мой друг, моя родная,
В какой теперь живешь стране?
Блаженство райское вкушая,
Несешься ль мыслию ко мне?
Ты слышишь ли мои рыдания?
Ты знаешь ли, что в жизни сей
Мне без тебя нет ясных дней
И нет на счастье упования?

(ПЗ 1825. С. 186—187)

Альманах «Полярная звезда» вышел в свет 20 марта 1825 г. (см.: *Летопись 1999.* Т. 2. С. 35), но, очевидно, стихотворение В. Л. Пушкина распространялось до публикации; как ответ на него в «Дамском журнале» появились стихотворные послания «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной» П. И. Шаликова (1824. Ч. 8. № 22. С. 128—130; без подписи) и «К В. Л. Пушкину» А. Абр. Волкова (1825. Ч. 9. № 2. С. 69); стихи на смерть А. Л. Пушкиной написал также И. И. Дмитриев, но они не были опубликованы и остались неизвестны современникам (см.: *Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» // *НЛО.* 2007. № 4 (86). С. 123—133). Откликаясь на послание Шаликова, Пушкин писал О. С. Пушкиной 4 декабря 1824 г.: «Если то, что ты сообщаешь о завещании А(нны) Л(ьвовны), верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу. Няня исполнила твою комиссию, ездила в Св(ятые) горы и отправила панихиду или что было нужно» (*Акад.* Т. 13. С. 127; часть текста по-французски; см.: *Ходасевич.* Пушкин. Т. 3. С. 200—201. Свое состояние А. Л. Пушкина разделила между О. С. Пушкиной и дочерью Сонцовых Екатериной и Ольгой (см.: *Письма.* Т. 1. С. 376, примеч. Б. Л. Модзалевского).

«Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны)» была сочинена Пушкиным и Дельвигом во время визита последнего в Михайловское, куда он заехал по дороге из Витебска в Петербург, и сразу послана Пушкиным П. А. Вяземскому со словами: «Улыбнись, мой милый, вот тебе „Элегия на смерть Ан(ны) Льв(овны)“» (*Акад.* Т. 13. С. 165—166). Вяземский отвечал Пушкину в письме от 7 июня: «Если: Ах, тетюшка! Ах, Анна Львовна! попадется на глаза Василю Львов(ичу), то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара. Сказывают, у Вас умер еще добрый человек Петр Львович и оставил хорошее наследство. Смотри, не перестань писать с счастья: наследства так и падают Вам на голову. А напротив, тебе надобно теперь еще прежнего быть умнее и одному поддерживать славу пушкинского рода» (*Акад.* Т. 13. С. 181). Об элгии неодобрительно отозвался А. И. Тургенев, писав-

ший 2 мая 1825 г. Вяземскому: «Перестань переписываться с Пушкиным: и себе и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам, и приятелям — всем достается от него» (ОА. Т. 3. С. 119). Вскоре стихотворение стало широко распространяться в списках (под именем одного Пушкина) и дошло до В. Л. Пушкина, вызвав семейный скандал, в котором поэт, незадолго до этого крупно поссорившийся с отцом (см. примеч. к стихотворению «Презрев и голос(?) укоризны...» (1824) — наст. т., с. 957), был крайне не заинтересован. В письме от второй половины сентября 1825 г. он просил Вяземского уладить этот конфликт, в чем тот преуспел лишь в следующем году (см. об этом примеч. к стихотворению «(Из письма к П. А. Вяземскому)» («Сатирик и поэт любовный...») (1825) — наст. т., с. 767—768). Осенью 1825 г. также озабоченный семейной ссорой Л. С. Пушкин просил С. А. Соболевского уверить Василия Львовича, «что „Ах тетуш(ка), ах Ан(на) Льв(овна)“ не брата и никого из семейства, разве, может быть, С(ергей) Л(ьвович) хотел подшутить, да и подделался под брата» (письмо от 26 октября; цит. по: Ларионова Е. О. Письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г. // Врем. ПК. Вып. 32. С. 7).

Как вспоминала А. П. Керн, П. А. Осипова спросила однажды Пушкина: «„Что уж такого умного в стихах „Ах, тетушка, ах, Анна Львовна?“», а Пушкин на это ответил такой оригинальной и такой характерной для него фразой: „Надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу дозволяется не всегда быть умными“» (Керн. С. 294—295; оригинал по-фр.).

Подробный анализ ситуации, вызвавшей появление элегии, см.: Постнов О. Г. Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа. Новосибирск, 2000. С. 100—109.

Ст. 5—8. *Была ты Лиз(аветой) Льв(овн)ой ~ Тебя встречал среди двора.* — Здесь упоминается родная сестра С. Л., В. Л. и А. Л. Пушкиных, тетка поэта Елизавета Львовна Сонцова (1776—1848) и ее муж Матвей Михайлович Сонцов (1779—1847), чиновник особых поручений при министре юстиции, с марта 1825 г. камергер. По словам П. В. Анненкова, Сонцов «был искренним другом Сергея Львовича, с которым мог состязаться в любезности, тонких шутках и французских каламбурах» (Анненков. Материалы 1855. С. 11; см. также: П. в восп. Т. 1. С. 46). В ст. 6 содержится намек на скупость Сонцовых (сводку свидетельств современников см.: Волович Н. М. У карты пушкинской Москвы // Волович Н. М. Пушкин и Москва: Сб. статей. М., 1994. Кн. 1. С. 84—85); эта их черта тогда же была высмеяна Е. А. Баратынским и С. А. Соболевским в стихотворении «Цапли» («Жил да был петух и индейский...») (1825) (известно также под заглавием «Быль»), одно время приписывавшемся Пушкину (см.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 1. С. 324—325, примеч. М. Л. Гофмана). Л. Н. Павлищев вспоминал, что Елизавета Львовна любила «обзаводиться серебряными самоварами и прочей серебряной утварью (<...>). Супруги Сонцовы и обе их дочери — Ольга и Екатерина Матвеевны, — помимо всей их незлобивости, рассердились за элегию не на шутку» (Из семейной хроники. С. 46). Об отношениях А. Л. Пушкиной и Е. Л. Сонцовой см. также: Романюк С. К. К биографии родных Пушкина. С. 7—8.

Ст. 14. *Твой гроб стихами обмочил...* — Ранее эту формулу Пушкин употреблял в письме к сестре от 4 декабря 1824 г. (см. выше); о семантике подобного словоупотребления см.: Глассэ А. О мужичке без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике немце и о прочем // НЛО. 1997. № 28. С. 47—49. По мнению

исследовательницы, «не очень уместная пушкинская веселость и неуважение к скорби родных были, по-видимому, реакцией на манеру выражения личного горя старшим поколением людей, выросших на сентиментализме и не стеснявшихся проливать слезы, да еще и с театральной экзальтацией в сопровождении приличествующих сентенций...» (Там же. С. 48).

Ст. 15 — 16. *Или зачем подлец попович Егю Красовский пропустил?* — О цензоре «Полярной звезды» А. И. Красовском см. примеч. к стихотворению «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (наст. т., с. 1056—1057, 1057). Сын близкого ко двору церковного деятеля, известного духовного писателя, члена Российской Академии, Красовский прославился своим ханжеским отношением к цензурируемым им сочинениям, обращая особое внимание на употребление слов и понятий, относящихся к религии. В этих строках Пушкин и Дельвиг, очевидно, намекают на происшедшие во второй половине 1824 г. цензурные послабления (см. об этом примеч. к стихотворению «Второе послание к цензору» — наст. т., с. 522—524), так как в стихотворении «К ней» В. Л. Пушкин употребил такие слова и выражения, которые раньше несомненно могли бы вызвать придирки Красовского.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

(С. 141)

- ⟨1⟩ Равновесие
- ⟨2⟩ Верное предсказание
- ⟨3⟩ Справедливость пословицы
- ⟨4⟩ Мстительность
- ⟨5⟩ Непокколебимость
- ⟨6⟩ Сила и слабость
- ⟨7⟩ Лебедь и Гусь
- ⟨8⟩ Мартышка
- ⟨9⟩ Общая судьба
- ⟨10⟩ Безвредная ссора
- ⟨11⟩ Закон природы

Автограф неизвестен.

Копия А. М. Языкова (ПД, ф. 348, № 35, л. 14—15) — первые восемь четверостиший и четверостишие «Удел гения» (см. о нем ниже). Указано: *Кошценко И. В.* «Нравоучительные четверостишия» Н. М. Языкова и А. С. Пушкина : (К вопросу об авторстве) // РЛ. 2007. № 3. С. 79.

Впервые: Невский альманах на 1827 год / Изд. Е. Аладьиным. СПб., 1826. С. 167—170, стихотворения ⟨1⟩—⟨8⟩ («Равновесие», «Верное предсказание», «Справедливость пословицы», «Мстительность», «Непоколебимость», «Сила и слабость», «Лебедь и Гусь», «Мартышка»), с нумерацией: 1, 3—9 (о стихотворении «2. Удел гения», не включенном в настоящее издание, см. ниже); Невский альманах на 1828 г. СПб., [1827]. С. 59—60, стихотворения ⟨9⟩—⟨11⟩ («Общая судьба», «Безвредная ссора», «Закон природы»), с нумерацией 1—3. В обеих публикациях напечатано под общим заглавием: «Нравоучительные четверостишия», с подписью: «***».

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 6.

Печатается: стихотворения <1>—<8> («Равновесие», «Верное предсказание», «Справедливость половицы», «Мстительность», «Непоколебимость», «Сила и слабость», «Лебедь и Гусь», «Мартышка») — по «Невскому альманahu» на 1827 г., стихотворения <9>—<11> («Общая судьба», «Безвредная ссора», «Закон природы») — по «Невскому альманahu» на 1828 г.

Датируется совместная работа Пушкина и Языкова предположительно 15(?) июня—17(?) июля 1826 г. на основании свидетельства А. Н. Вульфа, известного в передаче М. И. Семеvского: «...пародии эти сочинены были среди шуток Языковым вместе с Пушкиным в бытность их обоих летом в Тригорском» (Семеvский. С. 170). Границы датировки определяются по времени пребывания Языкова в Тригорском (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 153, 157, 460, 461). Языковские издания дают более широкую датировку: стихотворения, опубликованные в «Невском альманahu» на 1827 г., датированы летом—осенью 1826 г., четверостишия, напечатанные в «Невском альманahu» на 1828 г., — 1826 или 1827 г. (см.: Языков 1964. С. 627, примеч. К. К. Бухмейер).

Единственное основание для атрибуции «Нравоучительных четверостиший» совместно Пушкину и Языкову — свидетельство А. Н. Вульфа в записи М. И. Семеvского (см. выше). О дружеском общении поэтов в Тригорском и Михайловском в июне—июле 1826 г. см. примеч. к стихотворениям 1826 г. «К Яз(ыкову)» («Яз(ыков), кто тебе внушил...») и «Едва уста красноречивы...» (наст. т., с. 862, 1030). Уже без участия Пушкина Языков продолжил работу над стихотворениями после отъезда из Тригорского. В письме от 19 августа 1826 г. он прислал Пушкину «аполог» «Удел гения» (Акад. Т. 13. С. 292; ПД, ф. 244, оп. 2, № 202, л. 2 об. — единственный сохранившийся автограф цикла, принадлежащий перу Языкова), который при публикации в «Невском альманahu» на 1827 г. был поставлен вторым. Неясно, почему Языков опубликовал три последних четверостишия отдельно от девяти первых и были ли они созданы одновременно с тригорскими четверостишиями или же он написал их позднее. Таким образом, наиболее уязвима атрибуция Пушкину стихотворений <9>—<11>, которые, возможно, полностью принадлежат перу Языкова. См.: Семеvский. С. 348—349, примеч. С. В. Березкиной.

Неясно и то, знал ли Семеvский о существовании второй публикации, поскольку в издании Языкова, которым он пользовался и на которое неоднократно ссылался, публикация в «Невском альманahu» на 1828 г. не была учтена и цикл напечатан в составе девяти стихотворений (см.: Языков Н. М. Стихотворения : В 2 ч. / Под ред. П. М. Перевлесского. СПб., 1858. Ч. 1. С. 108—110); П. М. Перевлеский использовал материалы, предоставленные ему А. М. Языковым, среди которых «Нравоучительные четверостишия» фигурировали в составе девяти стихотворений (см.: Коциенко И. В. «Нравоучительные четверостишия» Н. М. Языкова и А. С. Пушкина. С. 79). Видимо, А. М. Языков также не знал или забыл о существовании последних трех четверостиший; по двум публикациям цикл впервые был напечатан: Языков Н. М. Стихотворения : В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 107—109.

Необходимость включения «Нравоучительных четверостиший» в собрание сочинений Пушкина впервые обосновал Н. О. Лернер (*Лернер Н. О.* Из поэтического наследия Пушкина. I. «Нравоучительные четверостишия» Пушкина и Н. М. Языкова // Северные записки. 1913. № 4. С. 116—119), затем введший их в корпус пушкинских текстов в Венг. (Т. 6. С. 179—180). По мнению Лернера, Пушкину наверняка не принадлежал лишь аполог «Удел гения», поскольку Языков сочинил его

после отъезда из Григорского, однако сам факт посылки Пушкину этого текста, не снабженного никакими пояснениями, но сопровождаемого вопросом: «Хорош ли?» (Акад. Т. 13. С. 292), исследователь считал косвенным подтверждением того, что работа над «Нравоучительными четверостишиями» действительно была начата в Григорском в ходе общения двух поэтов. С точки зрения Лернера, в пародийной стилистике четверостиший «пушкинского» (...) гораздо больше, чем языковского», обращение к жанру пародии более характерно для Пушкина, чем для Языкова (Лернер Н. О. Из поэтического наследия Пушкина. С. 117). Несмотря на шаткость дополнительных аргументов Лернера, свидетельство Вульфа в передаче Семева считалось достаточным основанием для включения «Нравоучительных четверостиший» в раздел «Коллективное» собраний сочинений Пушкина. Колебания касались лишь эдиционной практики в отношении «Удела гения», которое то включалось в цикл (см., например: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 366—368 (публ. Б. В. Томашевского); в примечании сказано, что «Удел гения», «по-видимому, принадлежит полностью Языкову» — Там же. С. 441), то исключалось из него (см.: Акад. Т. 3. С. 481, 1296 (публ. М. А. Цявловского)).

Иной точки зрения на авторство «Нравоучительных четверостиший» придерживались издатели и исследователи наследия Языкова. Мнение Н. О. Лернера о значительной роли Пушкина в создании цикла стихотворений было оспорено еще М. К. Азадовским: «...если бы они принадлежали обоим поэтам, да еще главным образом Пушкину, едва ли бы мог Языков распоряжаться ими как своей собственностью; однако именно он посылает их Аладьину для напечатания в „Альманахе“, сам определяет их порядок; включает на одно из первых мест „Удел гения“, т. е. как раз то четверостишие, которое определено принадлежит ему одному. Все это было бы невозможно, если бы он не считал себя основным автором» (Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 762—763). Для современников, и в том числе для братьев Языкова, его авторство было очевидным. «Нравоучительные четверостишия» были включены А. М. Языковым в список произведений брата, составленный в конце 1840-х гг. (ПД, ф. 348, № 34, л. 1 об.); см. там же предположение А. М. Языкова о происхождении астронима «***», впервые использованного поэтом при публикации четверостиший в «Невском альманахе» на 1827 г.: «С тремя *** — ⟨нрзб⟩, вероятно, потому, что и Дм⟨итриевские⟩ басни, [к⟨ото⟩-рые] в „Нов⟨остях⟩ Лит⟨ературы⟩”, явились под ***» (о том, что мимо внимания поэта не прошла эта особенность ранних публикаций апологов Дмитриева, свидетельствует его письмо к А. М. Языкову от 2 марта 1824 г.: «Знаешь ли, что коротенькие басенки в листках Воейкова и в „Полярной звезде“, под коими подпечатываются три звездочки, принадлежат Ивану Ивановичу?» — Язык. архив. С. 118).

Публикация цикла осложнила отношения Языкова с Н. А. Полевым, в журнале которого появилась восторженная рецензия на «Апологи» (см. ниже), и Языков принимал эти затруднения как должное (см. в его письме к А. Н. Вульфу от 7 июня 1828 г.: «Молва гласит, что Полевой ополчился на меня, Дмитриева старца ради, за апологи!» — Семева С. 169). Как подчеркивал Азадовский, «Языков ни разу не усомнился ни в своем праве на авторское распоряжение этими пьесами, ни в своей ответственности за них» (Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 763; подробнее об отношении Языкова к публикациям «Четверостиший» см.: Кошценко И. В. «Нравоучительные четверостишия» Н. М. Языкова и А. С. Пушкина. С. 76—90). Вслед за изданием Азадовского в последующих изданиях стихотворений Языкова печатались все двенадцать «четверостиший» (вероятное участие

Пушкина в некоторых изданиях оговаривалось в примечаниях), см.: Языков 1964. С. 232—234, 627 (в примечаниях К. К. Бухмейер со ссылкой на аргументацию М. К. Азадовского утверждается единоличное авторство Языкова); Языков Н. М. Соч. / Сост., вступ. ст., примеч. А. А. Карпова. Л., 1982. С. 398 (оговорено «незначительное» участие Пушкина).

Выявленные исследователями Языкова факты, относящиеся к истории публикации «Нравоучительных четверостиший», позволяют допустить, что степень участия Пушкина в их создании была не слишком велика. Однако опровергнуть сообщение Семевского о коллективном создании цикла без дополнительных фактических данных невозможно.

«Нравоучительные четверостишия» — пародия на книгу И. И. Дмитриева «Апологи. В четверостишиях» (М., 1826), которая вышла в свет анонимно, с предисловием, подписанным инициалами «И. Д.», в самом начале февраля 1826 г. (цензурный билет выдан 1 февраля 1826 г. — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 15, л. 4 об.). Часть апологов Дмитриева, вошедших в книгу, была впервые напечатана в 1803—1805 гг. в собрании его стихотворений и переводов (отдел «Басни»), другие тексты были опубликованы в 1823 г. в «Новостях литературы» и в 1824 г. в «Полярной звезде». В предисловии к книге Дмитриев писал: «Предлагаемые здесь апологи почти все выбраны из четверостишных басен Мольво, известного французского поэта. Я не забочусь о том, признают ли их баснями или апологами. Соглашаюсь даже и сам назвать их просто „нравоучительными четверостишиями“. Желаю только, чтоб они достигли цели своей и сохранили достоинство поэзии» (Апологи. В четверостишиях. М., 1826. С. 5; Дмитриев 1967. С. 441). Ш.-Л. Мольво (Mollevaut; 1776—1844) — французский поэт, автор книги «Cent fables en quatre vers chacune» («Сто басен в четверостишиях» — фр.) (Paris, 1821); ссылка Дмитриева на басни Мольво как на основной источник не вполне соответствует истине: по подсчетам А. А. Добрицына, из 56 апологов к Мольво восходят 27; о переводах из других авторов, помещенных в «Апологах», см.: Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 506 (коммент. А. М. Пескова, И. Э. Сурат); Добрицын А. А. Вечный жанр : Западно-европейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Верн, 2008. С. 250—262.

Книга Дмитриева вызвала ряд откликов в печати, однако заметным литературным событием, вопреки ожиданиям автора, не стала (о значении, которое Дмитриев придавал своей книге, свидетельствует тот факт, что он старательно рассылал ее многочисленным знакомым: Карамзиным, П. П. Свиньину, А. С. Шишкову, Н. И. Гнедичу, П. П. Бекетову, В. А. Жуковскому и др. — см.: Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева : В 2 кн. М.; Ульяновск, 2010. Кн. 1: Хроника. С. 650—660). Дмитриев был задет рецензией П. И. Шаликова в «Дамском журнале», в которой тот после комплиментарного отзыва об апологах как произведениях «удивительных, прекрасных, милых» указал на исторические, логические и грамматические ошибки в них (ДЖ. 1826. Ч. 13. № 5. С. 220—221; об эпиграмматической полемике Дмитриева с Шаликовым см.: Бодрова А. С. Из комментариев к поздним стихотворениям Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) : Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб., 2010. С. 45—51). На выпады Шаликова подробно отвечал в своей рецензии на «Апологи» критик «Московского телеграфа» (МТ. 1826. Ч. 7. № 4. Отд. I. С. 380—389), высмеявший издателя «Дамского журнала» и всячески подчеркивавший достоинства сочинения Дмитриева:

«Желание автора исполнилось: достоинство поэзии сохранено им в превосходной степени и его „Апологи“, при всем своенравном условии краткости, удовлетворяют требованиям самой взыскательной критики» (Там же. С. 380); и далее: «Апологи» «плениют нас силою мыслей, мастерскою отделкою и цветами поэзии» (Там же. С. 381; о симпатиях Дмитриева к журналу Полевого см. замечания В. Э. Вацура: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 452—453). Многочисленные похвалы «Апологам» расточал Ф. В. Булгарин, называя их «новыми перлами для украшения русской словесности» (СПч. 1826. № 39. 1 апр.; подпись: Ф. Б.). В уважительно-восхищенном тоне писал об «Апологах» критик «Отечественных записок», который воздавал дань признательности «знаменитому певцу, отдыхающему на лаврах всеобщего к нему уважения и благодарности» (ОЗ. 1826. Ч. 26. № 72. С. 130; автор статьи, судя по всему, издатель журнала Свиньин, состоявший в дружеской переписке с Дмитриевым и получивший от него экземпляр «Апологов»). Восторженный отзыв о произведении Дмитриева был дан В. В. Измайловым в «Кратком обозрении 1826 года»: «„Апологи в четверостишиях“ явились в свет без имени автора. Но тайне скромного молчания изменило великое дарование; музы и слава наименовал(и) давнего любимца своего, и обрадованные сограждане с гордостью увидели в свежих стихах старца отблеск молодого поэта, украсившего век Екатерины творениями, полными жизни, огня и вдохновения» (Литературный музей на 1827 г. / Изд. В. Измайлова. М., 1827. С. 25; П. в критике, I. С. 314). В послании «При чтении книги. Под названием „Апологи в четверостишиях“» Н. Д. Иванчин-Писарев восклицал: «И годы протекли: но Гений вечно юн!» (Литературный музей на 1827 год. С. 161). В 1827 г. вышел перевод «Апологов» на польский язык, который приветствовал со страниц «Московского телеграфа» А. Мицкевич, давший высокую оценку книге Дмитриева (см.: МТ. 1827. Ч. 14. № 8. Отд. I. С. 317—318; П. в критике, I. С. 311). Похвалы Дмитриеву, однако, исходили от его давних литературных союзников и постоянных приверженцев (Измайлов, Иванчин-Писарев) или были обусловлены текущей журнальной полемикой (выпады «Московского телеграфа» против «Дамского журнала»). Частные отзывы были гораздо более резкими (см., например, эпиграмму Д. В. Веневитинова «Четверостишие» («Я слышал, камни тебя воспитали...») (1827): *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 141 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Замысел пародии на Дмитриева мог исходить как от Языкова, так и от Пушкина. Они оба считали, что апологи Дмитриева во многом уступают басням И. А. Крылова, а его литературные заслуги преувеличены его сторонниками (прежде всего П. А. Вяземским в статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» (1821), помещенной в качестве предисловия в кн.: *Дмитриев И. И.* Стихотворения. СПб., 1823. Ч. 1. С. I—LII). Языков писал брату Александру Михайловичу 3 февраля 1824 г., что Вяземский «(каналы!) в биографии Дмитриева предпочитает его Крылову; это безбожно и безвкусно, как мне кажется, и может быть сказано только одним Вяземским, который Дмитриеву или кум или сват» (Язык. архив. С. 113). 2 марта 1824 г. Языков сообщил тому же адресату свой отзыв о новой басне Крылова: «Прелесть: видно, что его воображение не охладело от лет, не так как у Дмитриева...» (Там же. С. 118). Наконец, 23 марта 1824 г. Языков писал братьям: «Об жизни и об характере Дмитриева все-таки мы ничего не знаем и теперь; нового только то, что Вяз(емский) предпочитает только чисто написанные басни своего патрона несравненным, гениальным и классическим басням

Крылова» (Там же. С. 122). Эти суждения вполне разделял Пушкин, который 8 марта 1824 г. писал Вяземскому, оспаривая мнение, выраженное в его статье: «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова, все его сатиры — одного из твоих посланий, а все прочее — первого стихотворения Жуковского» (Акад. Т. 13. С. 89). В письме к А. А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г. Пушкин поставил Крылова «выше Лафонтена», вызвав при этом недовольство тем, что русской критикой Дмитриев «причислен к лику великих поэтов» (Там же. С. 178). Таким образом, в оценке Дмитриева сходились оба встретившиеся в Тригорском поэта, причем у Пушкина были и личные основания для участия в коллективной пародии — давнее недовольство Дмитриевым, вызванное его колкими отзывами о «Руслане и Людмиле» (подробнее об отношении Дмитриева к поэме Пушкина см.: *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Дмитриев // РЛ. 1966. № 4. С. 21—26; П. в критике, I. С. 360—361, примеч. О. Н. Золотовой). Это недовольство сказалось, по-видимому, и в иронических выпадах в адрес Дмитриева в «Оде его сият(ельству) гр(афу) Дм(итрию) Ив(ановичу) Хвостову» (1825) (см. примеч. к ней — наст. т., с. 677—678). Об элементах пародии на Дмитриева в послании Языкова к А. Н. Вульффу «Не называй меня поэтом!..» (1827) см.: *Коцшиенко И. В.* «Нравоучительные четверостишия» Н. М. Языкова и А. С. Пушкина. С. 84—86.

Некоторые пародийные четверостишия были направлены на конкретные апологи Дмитриева, другие воспроизводили их структуру или стилистику, высмеивая жанр в целом (подробнее см. ниже в примеч. к отдельным четверостишиям; анализ пародийных приемов в «Нравоучительных четверостишиях» см.: *Немирова Н. В.* Пародии Пушкина и Языкова на «Апологи» И. И. Дмитриева // Слово, образ, текст: Сборник научных статей. Сыктывкар, 1993. Вып. 1. С. 89—101; *Онипенко Н. К.* Спор о басне и «Нравоучительные четверостишия» // Пушкин и поэтический язык XX века: Сборник статей, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. М., 1999. С. 110—114). Насмешки младших поэтов были, с одной стороны, вызваны неприятием творческой позиции и репутации Дмитриева, чей высокий авторитет с конца 1810-х гг. опирался на его бывшие литературные заслуги, в то время как его новые творения, и в том числе «Апологи в четверостишиях», казались безнадежно устаревшими по своей поэтике. С другой стороны, откровенно архаичным мог показаться и сам избранный Дмитриевым жанр басни-катрена, восходящий, как указал А. А. Добрицын, к европейской традиции XVI—XVII вв.; в XVIII—первой четверти XIX в. наиболее популярным представителем этой традиции был И. Бенсерад (Benserade; 1612—1691), чей перевод басен Эзопа в четверостишиях (*Fables d'Esopre en quatrains, dont il y en a une partie au Labyrinte de Versailles.* [Par Isaac de Benserade]. Paris, 1678) многократно переиздавался. Вдохновившая Дмитриева попытка Мольво в 1821 г. вернуться к этому жанру, приближавшему басню к салонному *bon mot*, не принесла успеха ни французскому поэту, ни его русскому подражателю. Чрезмерно краткие апологи, лишённые развернутого сюжета, неизбежно сводились к моральным сентенциям и неисккусным трюизмам. По формулировке А. А. Добрицына, дмитриевские стихи «произвели впечатление рифмованных банальностей, их искусная „наивность“ показалась наигранной» (*Добрицын А. А.* Вечный жанр. С. 263).

Нравоучительные четверостишия. — Заглавие цикла было подсказано предисловием к книге Дмитриева (см. выше), в котором выражение «нравоучительные четверостишия» предлагалось взамен «апологов». Около (не позднее) 17 декабря

1827 г. Пушкин писал М. П. Погодину: «Я не лишен прав гражданства и могу быть цензорован нашею цензурою, если хочу, — а с каждым нрав(оучительным) четверост(ишием) я к высшему цензору не полезу...» (Акад. Т. 13. С. 350); в Справочном томе Акад. это высказывание отнесено к «Нравоучительным четверостишиям» Пушкина и Языкова (см.: Акад. Т. 17. С. 307), хотя, по всей видимости, Пушкин здесь воспользовался выражением Дмитриева для обозначения мелкого, незначительного произведения.

⟨1⟩ Равновесие

Заглавие первого «четверостишия» прямо отсылает к апологу «Равновесие» (перв. публ. 1823 г.), которым открывается книга Дмитриева:

Сын севера! суров и хладен твой климат;
Ужасны льды твои, но счастлив ты сто крат:
В тебе и бодрый дух, и богатырска сила.
В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила.
(Апологи. С. 9; Дмитриев 1967. С. 233)

Пародийное четверостишие — сгущенный набор устойчивых формул, принадлежащих топике похвалы сельской жизни.

Ст. 2. *Ни злата, ни сребра; но ты счастлив стократно...* — Ср. в «Филемоне и Бавкиде» (1805) Дмитриева: «Ни злато, ни чины ко счастью не ведут...» (Дмитриев 1967. С. 150). «Злато-с(е)ребро» — устойчивая формула, перифрастическое обозначение отвергаемого поэтом богатства: «Ни злато, ни сребро меня не обольщает, / Хоть буду беден я, не буду я тужить» (А. А. Ржевский «Я счастья сего на свете не желаю...» (1762) — Поэты XVIII в. Т. 1. С. 262); «Я счастья пышного сыскать себе не льстился / ⟨...⟩ / Не злата, не сребра, но муз одних искал» (А. П. Сумароков «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» (1768) — Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957. С. 158 (Б-ка поэта; Большая сер.)); «Приди, и дом, хоть не нарядный, / Без резьбы, злата и сребра...» (Г. Р. Державин «Приглашение к обеду» (1795) — Державин Г. Р. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 223 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 4. *А в городе и шум, и пыль, и стук карет!* — Устойчивый топос для обрисовки городской суеты, противопоставляемой радостям сельской жизни. Ср.: «Здесь добрый твой поэт / Живет благополучно; / Не ходит в модный свет; / На улице карет / Не слышит стук докучный...» (Пушкин «Городок» (1815) — наст. изд., т. 1, с. 89); «Тогда меня разбудит стук / Карет, по мостовой гремящих, / Иль с грузами телег скрипящих, / Иль колокольный скучный звук» (И. А. Крылов «Отъезд из деревни» (1790-е гг. (?)) — Крылов И. А. Полн. собр. соч. : В 3 т. М., 1946. Т. 3. С. 282); «...у меня беседка в саду ⟨...⟩ с балкона вид прелестный: река, лес ⟨...⟩ А у вас и пыль, и слякоть, и стук карет, и визг собак, и стихи Хвостова...» (письмо К. Н. Батюшкова к В. А. Жуковскому (июнь 1817 г.) — Батюшков 1989. Т. 2. С. 443).

〈2〉 Верное предсказание

Ст. 4. *Два раза два — четыре.* — По замечанию Н. О. Лернера, «мораль „Верного предсказания“ вполне в духе сентенций Дмитриева», заканчивающих его апологи (Венг. Т. 6. С. 180), например: «Хорошее всегда знакомство в прибыль нам» («Полевой цветок»), «Ошибка в выборе — беда» («Орел и коршун»), «Настойчивость — залог успеха» («Каменная гора и водяная капля»), «Что в пользу, то не тяжело» («Черепашка») и т. д.

〈4〉 Мстительность

Ср. аполог Дмитриева «Мщение пчелы» (указано: Лернер Н. О. Из поэтического наследия Пушкина. С. 118; Венг. Т. 6. С. 180):

Обиду мстя, Пчела
В обидчика вонзила жало.
«И возгордилася?» — «Нимало:
На язве умерла».
(Апологи. С. 75;
Дмитриев 1967. С. 241)

Финальная синтаксическая конструкция, использованная в четверостишии «Мстительность», пародийно воспроизводит пуант аполога Дмитриева «Ниспроверженный истукан» (опубл. 1826), также посвященного теме мщения:

«Что вижу? Истукан мой в прахе! Мщенье, мщенье, —
Вскричал Деспот, себя равнявший с божеством, —
Накажем смертью дерзновенье!
Кто низложил его? Кто этот враг мой?» — Гром.
(Апологи. С. 117; Дмитриев 1967. С. 246)

См. также аполог «Змея и птицелов», близкого к четверостишию «Мщение пчелы» по тематике, но с иной моралью:

У сетки сторожа добычу, Птицелов
Давнул Змею, а та в него вонзила жало,
И вмиг его не стало! —
Нередко гибнет злой, другому строя ков.
(Апологи. С. 55;
Дмитриев 1967. С. 239)

Однако наибольший пародийный эффект «четверостишию» придавал тот факт, что сюжетно-структурные отсылки к апологам Дмитриева соединялись с прямой цитатой в ст. 1 из обценной басни «Пчела и медведь», приписывавшейся И. С. Баркову (указано М. К. Азадовским; Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 763), в которой непристойный сюжет завершается непристойной «моралью» — см.: «Пчела ужалила медведя в лоб. / — Мать твою еб, — / Сказал медведь, / И начал пчелку еть. / — Ну каково? — / Спросил медведь. / — Да ни-

чего, я лишь вспотела, — / Сказавши, пчелка улетела. / Сей басни смысл такой: / Что хуй большой / Пред узкою пиздой не должен величаться, / Сия бо может расширяться» (цит. по: Под именем Баркова : Эротическая поэзия XVIII—начала XIX века. М., 1994. С. 241.

⟨5⟩ Непоколебимость

Ст. 2. *...повсюду шум и клики!*» — Формула «шум и клики» характерна для пушкинского словоупотребления на протяжении всего его творчества — ср.: «Откуда чудный шум, неистовые клики? / Кого, куда зовут и бубны и тимпан?» («Торжество Вакха» (1818) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 19); «Весь Киев новою тревогой / Смутился! Клики, шум и вой / Повсюду разнеслись...» («Руслан и Людмила» (1-е изд., 1820) — Акад. Т. 4. С. 79, 280); «Оттого-то шум и клики В Питербурге-городке, / И пальба, и гром музыки, / И эскадра на реке» («Пир Петра Первого» (1835) — Акад. Т. 3. С. 409). См. близкие формулы у других поэтов эпохи: «Так раздался в толпе народной / И шум, и клик, и плеск от рук» (П. А. Катенин «Софокл» (1818) — Катенин П. А. Избр. произв. М.; Л., 1965. С. 105 (Б-ка поэта; Большая сер.)), «Откуда шум, откуда клики / В веселой Муромской земле?» (А. И. Полежаев «Царь охоты» (1837) — Полежаев А. И. Соч. М., 1988. С. 293).

Ст. 4. *Опасность не страшна для мощного владыки.* — Ср. в апологе Дмитриева «Узда и конь»: «Властитель! хочешь ли спокойно обладать? / Держи бразды не вкруть, но мощною рукою» (Апологи. С. 103; Дмитриев 1967. С. 244).

⟨6⟩ Сила и слабость

Ср. в сказке Дмитриева «Воспитание льва» (1802; опубл. 1803):

И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест кроликов, а Волк душил овец,
Олемя давит Барс; повсюду, наконец,
Могучие богаты,
Бессильные от них кряхтят,
Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.

(Дмитриев 1967. С. 160—161)

Ср. также в басне «Рысь и крот» (написана и опубликована в 1810 г.):

Вот ястреб в облаках за коршуном в погоне;
Здесь ласточка своих птенцов
Питает мухами, добычей пауковой;
Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
Там кролика постиг ружья удар громовой;
Здесь кошка давит мышь; а там
Змея впиалась в корову;
А далее — медведь, разинув пасть багрову,

Ревет и гонится за серной по скалам;
А вот и лютый волк ягненокка терзает...

(Там же. С. 219)

Тема сильных и слабых, властных и безвластных присутствует в апологах Дмитриева «Ошибка Чижа», «Человек, Обезьяна, Червь и яблоко», «Мячик» и др.

⟨7⟩ Лебедь и Гусь

Пародия на басню Дмитриева «Лебедь и гагары» (написана и опубликована в 1805 г.; см.: *Немирова Н. В.* Пародии Пушкина и Языкова на «Апологи» И. И. Дмитриева. С. 91):

За то, что Лебедь так и бел, и величав,
Гагары на него из зависти напали
И крылья, тинной замарав,
Вкруг Лебеда теснясь, нарочно отряхали
И брызгами его марали!
Но Лебедю вреда не сделали оне!
Он в воду погрузился
И в прежней белизне
С величием явился.

Гагары в прозе и в стихах!
Возитесь, как хотите,
Но, право, истинный талант не помрачите;
Удел его: сиять в веках.

(Дмитриев 1967. С. 194—195)

⟨8⟩ Мартышка

Ср. аполог Дмитриева «Чадолубивая мать» (опубл. 1826):

Мартышка, с нежностью дитя свое любя,
Без отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? Наконец в объятых задушила. —
Мать слабая! Поэт! остереги себя.

(Апологи. С. 43; Дмитриев 1967. С. 237)

По справедливому замечанию Лернера, «эта пародия должна была особенно задеть старого баснописца» (*Лернер Н. О.* Из поэтического наследия Пушкина. С. 118), самым крупным стихотворным трудом которого в 1820-х гг. стали «Апологи».

⟨9⟩ Общая судьба

Топика, основанная на уподоблении «жизнь человека—жизнь цветка», часто используется в стихотворениях Дмитриева; см., например, в лирической песне «Пой, скачи, кружись, Параша!..» (написана и опубликована в 1795 г.):

Мил, любезен василечек —
 Рви, доколе он цветет;
 Солнце зайдет, и цветочек...
 Ах! увянет, опадет!

(Дмитриев 1967. С. 131);

в «Послании к Н. М. Карамзину» (1795; опубл. 1797):

День, два — и, может быть, цветочка не застану;
 День, два — и, может быть... как знать?.. и сам увяну!

(Там же. С. 123);

в «Стансах к Н. М. Карамзину» (1793; опубл. 1795): «С нами то же, что со цветом: / Был — и нет его чрез день»; заканчиваются стансы стихами: «Вы цветете... мы увяли! / Дайте старости покой» (Там же. С. 124, 125).

⟨11⟩ Закон природы

Ст. 1. *Фиалка в воздухе свой аромат лила...* — Ср. в апологе «Репейник и Фиалка» (опубл. 1824): «Между Репейником и розовым кустом / Фиалочка себя от зависти скрывала...» (Апологи. С. 45; Дмитриев 1967. С. 237); см.: *Лернер Н. О.* Из поэтического наследия Пушкина. С. 119.

Ст. 4. *Всяк следует своей природе.* — Ср. заключительный стих в апологе «Магнит и Железо», сокращенном варианте басни 1801 г. под тем же названием (в басне стих был начальным): «Природу одолеть превыше наших сил» (Апологи. С. 71; Дмитриев 1967. С. 240, 225).

DUBIA

«ТИМКОВСКИЙ ЦАРСТВОВАЛ — И ВСЕ ТВЕРДИЛИ ВСЛУХ...»

(С. 144 и 375)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 106) (Гаев₁) — с ошибкой в ст. 3 («Явился Бируков, за ними вслед Красовский» вместо: «Явился Бируков, за ним вслед Красовский»). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 920 (в виде разночтений; публ. Н. В. Измайлова).

2) П. А. Ефремова (Е) — ст. 2 исправлен карандашом как в тексте; в ст. 3 ошибка («Бируков» вместо: «Бируков»). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 370 (с учетом поправки в ст. 2), 920 (первоначальное чтение ст. 2) (публ. Н. В. Измайлова).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербея, по которой им была осуществлена публикация в Герб. С. 117 (с той же ошибкой в ст. 3, что и в копии Гаев₁).

2) Бывшая в распоряжении Н. П. Огарева, по которой им была осуществлена публикация в РПЛ. С. 86 (с той же ошибкой в ст. 3, что и в копии Гаев₁ и публикации Герб.).

В «Щукинском сборнике» (М., 1905. Вып. 4. С. 288) (Щук₄) напечатана копия неизвестного из сборника «Всякая всячина» с той же ошибкой в ст. 3, что и в копии Гаев₁ и публикациях Герб. и РПЛ. Копия предположительно находится в ГИМ (в настоящее время ее местоположение не подтверждено).

Впервые: Герб. С. 117; РПЛ. С. 86; в России впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 451. Там же (с. 570) дано вынужденно неверное (по цензурным условиям, не позволявшим назвать издание Гербея) указание на источник текста эпиграммы, якобы напечатанной В. П. Гаевским в «Современнике» в 1863 г. Вслед за изданием Ефремова та же первая публикация эпиграммы в России ошибочно указана в изд.: Puschkiniana : Библиогр. указ. / Сост. В. И. Межов. СПб., 1886. С. 135.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по копии Е (единственному источнику текста, не содержащему ошибки в ст. 3), с учетом имеющейся в ней поправки в ст. 2.

Датируется предположительно 1823—1824 гг. по содержанию (см. ниже); начиная с Ефр. 1880, традиционная датировка — 1824 г. (по всей видимости, по аналогии с датировкой «Второго послания к цензору»).

В изданиях КН, ГИХЛ 1931 и ГИХЛ 1934 эпиграмма была включена в отдел «Dubia» (в ГИХЛ 1935, ГИХЛ 1936 и ГИХЛ 1937 это решение отменено). В стихотворении имеются параллели с высказываниями поэта о цензуре в письмах южного и михайловского периодов. Первые развернутое обоснование принадлежности Пушкину эпиграммы, а также ее датировки было дано в примеч. Н. О. Лернера в Венг. Т. 3. С. 513. Однако отсутствие авторитетных источников текста не позволяет с уверенностью включить стихотворение в корпус пушкинских произведений.

Эпиграмма адресована трем наиболее известным цензорам Санкт-Петербургского цензурного комитета первой половины 1820-х гг. В ней выведены Иван Осипович Тимковский (1768—1837), прослуживший цензором более семнадцати лет — с 24 сентября 1804 г. по 26 ноября 1821 г. (уволен «по прошению (...) за слабостью здоровья», однако до 15 декабря еще исполнял цензорские обязанности, как указано в «Деле об увольнении цензора статского советника И. О. Тимковского» (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 377, л. 1, 3)), а также пришедшие в цензурный комитет в 1821 г. Александр Степанович Бируков (1774—1844; цензор с 2 апреля 1821 г.; с 4 августа 1826 г. до 11 мая 1827 г. — член Главного цензурного комитета) и Александр Иванович Красовский (1776 или 1780—1857; цензор с 26 ноября 1821 г.; с 4 августа 1826 г. до 1 декабря 1828 г. — член Главного цензурного комитета; с 9 марта 1833 г. и до смерти — председатель Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге). См.: Цензоры Российской империи : Конец XVIII—начало XX века : Биобиблиогр. справочник. СПб., 2013. С. 99, 212, 346.

С их цензурской практикой Пушкин был знаком не понаслышке: через цензуру Тимковского в 1815—1818 и 1820—1821 гг. прошло множество пушкинских произведений; в 1819 или 1820 г. он не пропустил в печать стихотворение «Русалка» («Над озером, в глухих дубровах...») (1819) (см. примеч. М. Н. Виролайнен к нему — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 600); Бируков цензуровал произведения Пушкина в 1821—1824 гг., Красовский — в 1824 г. (см.: П. в печати. С. 9—26).

Эпиграмма отражает общественную репутацию упомянутых цензоров — прежде всего одиозную известность Бирукова и Красовского, которую они получили в

1822—1823 гг. после ряда цензурных скандалов, имевших широкую огласку (запрещение Бируковым в августе 1822 г. баллады «Замок Смальгольм» В. А. Жуковского, разбирательство вокруг «Стансов к Элизе» В. Н. Олина, запрещенных Красовским в апреле 1823 г. и др. (подробнее см. примеч. Е. О. Ларионовой к «Посланию цензору» (1822) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 723—727; см. также примеч. ко «Второму посланию к цензору» (1824) — наст. т., с. 521—522)). Деятельность Красовского и Бирукова, последовательно не допускавших в печать не только «безнравственные» сочинения, но и кощунственные с их точки зрения выражения (применение слов из сакральной сферы (ангельский, небесный и т. д.) к профанным предметам, например, «небесные очи»), представляла наиболее ярким символом политики Министерства духовных дел и народного просвещения при А. Н. Голицыне. Ср. эпиграмму Вяземского «Быль, которая сбудется» («Когда Красовского пресекла парка годы...») (1823), где Красовский аттестует себя единственной фразой «Я при Голицыне был цензор!» (Вяземский 1986. С. 161). Сам Голицын неоднократно подвергался критике со стороны политических и идеологических противников и насмешкам со стороны литераторов, в том числе Пушкина (подробнее см. примеч. А. И. Роговой к эпиграмме «〈На кн. А. Н. Голицына〉» («Вот Хвостовой покровитель...») (1824) — наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 805—806; см. также примеч. ко «Второму посланию к цензору» — наст. т., с. 522, 529—532). Несмотря на то что после отставки Голицына, последовавшей 15 мая 1824 г., расформирования двойного министерства и назначения на должность министра народного просвещения А. С. Шишкова, никто из петербургских цензоров, вопреки общим ожиданиям, не был уволен, а цензурные послабления оказались незначительными (подробнее об этом см. там же, с. 523—524), Бируков и Красовский постепенно перестали быть актуальными героями эпиграмм. Это обстоятельство позволяет предполагать 1824 г. нижней границей датировки комментируемого текста.

Имена Красовского и Бирукова часто упоминались в паре, став обозначением бессмысленно жесткой и придирчивой цензурной политики. Ср. в письме Пушкина к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г.: «...скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (Акад. Т. 13. С. 111), в письме Д. В. Дашкова к А. А. Дельвигу от 9 октября 1824 г.: «Прошел ли мой контрабандный товар сквозь строгую заставу *четы соименных*», т. е. через цензуру Бирукова и Красовского (РА. 1891. Кн. 2. № 7. С. 359), а также более позднюю дневниковую запись Пушкина, сделанную в феврале 1835 г.: «Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова» (Акад. Т. 12. С. 337).

Возмущение практикой Бирукова и Красовского, цензуравших большую часть литературных изданий 1821—1826 гг. (третий цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета К. К. фон Поль (цензор с 1 сентября 1820 г.; с 4 августа 1826 г. до 11 мая 1827 г. — член Главного цензурного комитета; см.: Цензоры Российской империи. С. 295), не оставил по себе столь ярких отзывов), по-видимому, проецировалось на цензуру вообще и — задним числом — на деятельность конкретных цензоров предшествующей эпохи. Тимковский, очень долго служивший в Цензурном комитете, в этой перспективе оказывался воплощением фигуры цензора как такового (ср. упоминания о нем в пушкинском послании 1821 г. «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»): «Об чем цензуру ни прошу, / Ото всего Т(имковский) ахнет...») (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 23)) и прямым предшественником нынешнего поколения цензоров. См. устойчивую характеристику Тимковского как предшествен-

ника Красовского и Бирукова в комментируемой эпиграмме и во «Втором послании к цензору» Пушкина («На скользком поприще Т<имковского> наследник!»), а также в сатирических куплетах А. А. Дельвига «Петербургским цензорам» (1823—1824):

Перед вами нуль Тимковский!
 В вашей славе он погас;
 {.....}
 Славьтесь, Бируков, Красовский!
 Вам дивится даже князь.
 (Дельвиг. Соч. С. 164)

При этом репутация Тимковского в эпоху его цензорской деятельности не была столь негативной. Ср., например, его апологетическую характеристику в записках Н. И. Греча («человек самый благородный и добрый» — *Греч Н. И. Записки о моей жизни*. М.; Л., 1930. С. 300) и вполне сочувственный отзыв Н. И. Тургенева, относящийся к истории цензурного прохождения «Опыта теории налогов» (ценз. разр. 6 апреля 1818 г.): «Я был знаком с цензором, которому оно было отдано на рассмотрение; это был человек честный, образованный, но крайне робкий, как по характеру, так и в силу своих обязанностей. {...} „Печатание теоретических сочинений, — сказал он мне, — не может встретить никакого затруднения”. {...} В этой книге содержалась, конечно, не только теория, и он прекрасно это видел, но совесть честного человека взяла верх над трусостью цензора: вскоре он возвратил мне рукопись, ничего в ней не тронув, но дав мне понять, что знает, чем рискует, разрешая ее печатать» (*Тургенев Н. И. Россия и русские / Пер. с фр., статья С. В. Житомирской; коммент. А. Р. Курилкина*. М., 2001. С. 55). Ср. упоминания о более ранних неоднократных нареканиях в адрес Тимковского со стороны министра народного просвещения А. К. Разумовского: *Из истории русской цензуры (1814—1820) / Сообщ. Н. Д. // РС. 1901. № 12. С. 651.*

Показательно также отношение к Тимковскому А. И. Тургенева, который считал возможным договориться с ним о минимальном вмешательстве в текст послания Вяземского М. Т. Каченовскому («Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок...»; опубл.: СО. 1821. Ч. 67. № 2. С. 76—81, с цензурными пропусками 10 строк; см. письма Тургенева от 24 и 29 декабря 1820 г. — ОА. Т. 2. С. 127, 130). Вяземский, возмущенный значительными изъятиями в тексте послания, писал Тургеневу: «...когда буду в Петербурге, скажи мне, где показывают Тимковского? У него должно быть рыло этих собак, которые за трюфлями ходят. Что за дьявольское чутье! Ни одна мысль не уживется при нем: как раз носом отыщет и ценсорскою лапою выроет...»; «...какой же либерализм цензуры, которому дивятся ваши ротозеи? Все оттенки политические, кои были в „Послании”, вымазаны Тимковским» (письмо от 20—21 января 1821 г. — Там же. С. 142—143, 144). Отвечая на это письмо, Тургенев защищал цензора от резких высказываний Вяземского: «Напрасно ты нападаешь на Тимковского. Недавно едва не отставили его за излишнюю либеральность. Он — человек почтенный по многим отношениям и даже ценсурным. Журналисты и мелкотравчатые авторы испугались, услышав о его отставке. И долго ему не сдобровать» (письмо от 2 февраля 1821 г. — Там же. С. 151).

Ст. 3. *Явился Бируков, за ним вослед Красовский...* — Об А. С. Бирукове, прототипическом адресате обоих пушкинских посланий к цензору, см. в комментарии-

ях к ним (наст. изд., т. 2, кн. 2, с. 723—727; наст. т., с. 521—522). Личность А. И. Красовского стала одиозной не только в глазах литераторов, но и в глазах его сослуживцев. По отзыву А. В. Никитенко, Красовский был «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (*Никитенко А. В. Дневник* : В 3 т. [М.; Л.], 1955. Т. 1. С. 463). Ф. В. Булгарин характеризовал его как «лицемера, представляющего святошу», «олицетворенное угнетение литераторов и литературы» (Видок Фиглярин. С. 288); подробнее см.: Письма. Т. 2. С. 382—383, примеч. Модзалевского Л. Б.; Рус. писатели : 1800—1917. Т. 3. С. 140 (статья А. К. Рябова).

Ст. 4. *Ну право, их умней покойный был Тимковский!* — Эпитет «покойный» восходит к ритуалам общества «Арзамас», на заседаниях которого читались иронические похвальные речи в честь «покойников» — членов «Беседы любителей русского слова», литературных противников арзамасцев. В данном случае эпитет может указывать и на то, что к моменту создания эпиграммы Тимковский уже не занимал должность цензора.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Рукописные источники

- Ал — Сборник П. А. Александрова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 92).
Алм — Сборник П. Алмазова (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 116).
Бар — Тетрадь П. И. Бартенева (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 4).
Барат — Альбом А. Л. Баратынской (ПД, ф. 33, оп. 1, № 39).
ВВ₈ — Сборник «Всякая всячина». Ч. 8 (ГИМ, ф. 83, ед. хр. 87).
Врев — Тетрадь из архива Вревских (ПД, ф. 244, оп. 8, № 45).
Вс — Тетрадь Н. В. Всеволожского (ПД, ф. 244, оп. 1, № 847).
Гв — Тетрадь В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 8).
Даш — Тетрадь П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 34).
Дол₂ — Первая тетрадь Н. А. Долгорукова. Ч. 2 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 100).
Долг — Вторая тетрадь Н. А. Долгорукова (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 61).
Е — Копии П. А. Ефремова (БАН, Отдел редкой книги).
Кав — Тетрадь П. П. Каверина.
Кап — Тетрадь П. И. Капниста.
Карт — Тетрадь из собрания Л. Картавова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 17).
Лон—Полт — Тетрадь М. Н. Лонгинова—С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, Полт, к. 162, ед. хр. 1 (кн. 1); к. 162, ед. хр. 2 (кн. 2)).
Нейш₁ — Первая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 115).
Нейш₂ — Вторая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 384, оп. 3, № 6).
Нейш₃ — Третья тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 329).
Отб — Сборник «От безделья и от скуки» (ПД, ф. 244, оп. 8, № 88).
Пщ — Тетрадь И. И. Пушина (ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 248).
Рост₁ — Первая тетрадь Е. П. Ростопчиной (РГАЛИ, ф. 433, оп. 1, № 18).
Рукоп. П. 1937. Дополн. — Дополнения к изданию: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме* : Научное описание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Машинопись (ИРЛИ, Пушкинский кабинет).

- Собр. ст. 1836 г. — Рукопись неосуществленного собрания стихотворений 1836 г. (ПД, ф. 244, оп. 1, № 848—859).
- ТЖ₁ — Листы к тетради В. А. Жуковского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 40).
- Тих — Тетрадь Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, оп. 1, ед. хр. 318).
- Усп₁ — Первая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 602).
- Усп₂ — Вторая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 602).
- ЦР₃ — Цензурная рукопись Ст 1832. Ч. 3 (ПД, ф. 244, оп. 1, № 420).
- Щер — Тетрадь В. Ф. Щербакова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 47).
- Якуш — Тетрадь Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 60).

Архивохранилища

- БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- ГИМ — Государственный исторический музей (Отдел письменных источников) (Москва).
- ИВР — Институт восточных рукописей Российской Академии наук (С.-Петербург).
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).
- ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. При отсутствии указания на фонд и опись имеется в виду ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1 (автографы).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
- ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

Печатные источники

- АбТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.; Пг.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук, 1911—1921. Вып. 1—6 (1911. Вып. 1—2; 1913. Вып. 3; 1915. Вып. 4; 1921. Вып. 5—6).
- Акад. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16 (1937. Т. 1; 1947. Т. 2, кн. 1; 1949. Т. 2, кн. 2; 1948. Т. 3, кн. 1; 1949. Т. 3, кн. 2; 1937. Т. 4; 1948. Т. 5; 1937. Т. 6; 1937 (1948 — доп. тираж, испр.). Т. 7; 1938 (1948 — доп. тираж, испр.). Т. 8, кн. 1; 1940. Т. 8,

- кн. 2; 1938 (1950 — доп. тираж, испр.). Т. 9, кн. 1; 1940. Т. 9, кн. 2; 1938 (1950 — доп. тираж, испр.). Т. 10; 1949. Т. 11—12; 1937. Т. 13; 1941. Т. 14; 1948. Т. 15; 1949. Т. 16); 1959. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели.
- Акад. в 10 т. (1) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949; доп. тираж: 1950—1951 (1950. Т. 1—6; 1951. Т. 7—10).
- Акад. в 10 т. (2) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1958 (1956. Т. 1—2; 1957. Т. 3—6; 1958. Т. 7—10).
- Асад. в 9 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксманова, М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1935—1938 (1935. Т. 1—6; 1938. Т. 7; 1936. Т. 8; 1937. Т. 9).
- Асад. в 6 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1—5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.
- Алексеев. Пушкин — *Алексеев М. П.* Пушкин : Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984.
- АН 1900—29 — *Пушкин А. С.* Соч. СПб.; Л., 1900—1929. Т. 1—4, 9, 11 (СПб.; Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1900. Т. 1 (2-е изд.); 1905. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 11; 1916. Т. 4; Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9, кн. 1; 1929. Т. 9, кн. 2).
- Анн. — *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. Т. 2—7 (1855. Т. 2—6; 1857. Т. 7).
- Анненков. Материалы 1855 — *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1.
- Анненков. П. в Александровскую эпоху — *Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху : 1799—1826. СПб., 1874.
- «Арзамас» 1994 — «Арзамас»: Сб. : В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М.: Худож. лит., 1994.
- Афанасьев — *И. М.-к* [*Афанасьев А. Н.*] По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина // Библиографические записки. 1858. № 11. Стб. 332—351.
- Батюшков. Соч. 1934 — *Батюшков К. Н.* Соч. / Ред., ст., коммент. Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1934.
- Батюшков 1989 — *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина, В. А. Кошелева. М.: Худож. лит., 1989.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
- Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959 (1953. Т. 1—3; 1954. Т. 4—5; 1955. Т. 6—9; 1956. Т. 10—12; 1959. Т. 13).
- Березкина 2010 — *Березкина С. В.* «Так некогда поэт...» : Проблемы научной биографии Пушкина. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010.
- БЗ — журнал «Библиографические записки».
- Библиотека П. — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина : Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Вып. 9—10). То же, с Прилож. М.: Книга, 1988. Репринт. изд.
- Благ. — журнал «Благонамеренный».
- Благой, I — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина : (1813—1826). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

- Благой, П — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина : (1826—1830). М.: Сов. писатель, 1967.
- Болд. рукоп. — *Пушкин А. С.* Болдинские рукописи 1830 года / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; Вступ. ст. С. А. Фомичев. СПб.: Альфарет, 2013. Т. 1—3.
- Бонди. Статьи — *Бонди С. М.* О Пушкине : Статьи и исследования. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983.
- Боратынский. ПСС — *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Под ред. А. М. Пескова. М.: Языки славянской культуры, 2002—2012 (2002. Т. 1; Т. 2, ч. 1; 2012. Т. 3, ч. 1).
- Брюс. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 3 т. / Ред., вступ. ст., коммент. В. Брюсова. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1, ч. 1.
- Вацуро 2000 — *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000.
- Вацуро. Сев. цветы — *Вацуро В. Э.* «Северные цветы» : История альманаха Дельвига—Пушкина. М.: Книга, 1978.
- Вацуро. Лирика пушкинской поры — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры : «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
- ВЕ — журнал «Вестник Европы».
- Венг. — *Пушкин А. С.* [Полн. собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1907—1915. Т. 1—6 (1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4; 1911. Т. 5; 1915. Т. 6).
- Вигель — *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891—1893. Ч. 1—7 (1891. Ч. 1; 1892. Ч. 2—6; 1893. Ч. 7).
- Видок Фиглярин — *Видок Фиглярин* : Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998.
- Виноградов. Стиль П. — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941.
- Виноградов. Язык П. — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина : Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935.
- ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
- Врем. ПК 1962 — *Временник Пушкинской комиссии.* 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Вып. 1].
- Врем. ПК 1963 — *Временник Пушкинской комиссии.* 1963. М.; Л.: Наука, 1966. [Вып. 2].
- Врем. ПК 1964—1980 — *Временник Пушкинской комиссии.* 1964—1980. Л.: Наука, 1967—1983 (1967. Врем. ПК 1964 [Вып. 3]; 1968. Врем. ПК 1965 [Вып. 4]; 1969. Врем. ПК 1966 [Вып. 5]; 1970. Врем. ПК 1967—1968 [Вып. 6]; 1971. Врем. ПК 1969 [Вып. 7]; 1972. Врем. ПК 1970 [Вып. 8]; 1973. Врем. ПК 1971 [Вып. 9]; 1974. Врем. ПК 1972 [Вып. 10]; 1975. Врем. ПК 1973 [Вып. 11]; 1977. Врем. ПК 1974 [Вып. 12]; 1979. Врем. ПК 1975 [Вып. 13]; 1979. Врем. ПК 1976 [Вып. 14]; 1980. Врем. ПК 1977 [Вып. 15]; 1981. Врем. ПК 1978 [Вып. 16]; 1982. Врем. ПК 1979 [Вып. 17]; 1983. Врем. ПК 1980 [Вып. 18]).
- Врем. ПК 1981 — *Временник Пушкинской комиссии* : Сб. науч. тр. 1981. Л.: Наука, 1985. [Вып. 19].
- Врем. ПК 20—32 — *Временник Пушкинской комиссии* : Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1986—1991. Вып. 20—24 (1986. Вып. 20; 1987. Вып. 21; 1988. Вып. 22;

1989. Вып. 23; 1991. Вып. 24); СПб.: Наука, 1993—2005. Вып. 25—30 (1993. Вып. 25; 1995. Вып. 26; 1996. Вып. 27; 2002. Вып. 28; 2004. Вып. 29; 2005. Вып. 30); СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. Вып. 31; СПб.: Ростов, 2016—2019. Вып. 32—33 (2016. Вып. 32; 2019. Вып. 33).
- Вульф. Дневник 1999 — *Вульф А. Н.* Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа : Дневник : 1827—1842 / Сост. Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова. Тверь : Изд. дом «Вся Тверь», 1999.
- Вяземский. ПСС — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12 (1878. Т. 1; 1879. Т. 2; 1880. Т. 3—5; 1881. Т. 6; 1882. Т. 7; 1883. Т. 8; 1884. Т. 9; 1886. Т. 10; 1887. Т. 11; 1896. Т. 12).
- Вяземский 1986 — *Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; Сост., подгот. текста, примеч. К. А. Кумпан. 3-е изд. Л.: Советский писатель, 1986 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Генн. 1859 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1859. Т. 1—6; 1860. [Т. 7]: Приложения.
- Генн. 1869—71 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1869—1871 (1870. Т. 1; 1869. Т. 2—4; 1871. Т. 5—6).
- Герб. — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений : Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского [Н. В. Гербея]. Berlin, 1861 [малоформатное изд.].
- ГИХЛ 1931 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьёва, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931—1933 (1931. Т. 1—3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5, кн. 1—2).
- ГИХЛ 1934 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьёва, М. А. Цвяловского, П. Е. Щеголева. 2-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
- ГИХЛ 1935 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цвяловского. 3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1935—1936 (1935. Т. 1—3; 1936. Т. 4; 1935. Т. 5; 1936. Т. 6).
- ГИХЛ 1936 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цвяловского. 4-е изд. М.: ГИХЛ, 1936.
- ГИХЛ 1937 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цвяловского. 5-е изд. М.: ГИХЛ, 1937—1947 (1937. Т. 1; 1938. Т. 2; 1937. Т. 3; 1940. Т. 4; 1947. Т. 5; 1946. Т. 6).
- Городецкий — *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Госл. в 10 т. — *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959—1962 (1959. Т. 1—2; 1960. Т. 3—5; 1962. Т. 6—10).
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 4-е изд., испр. и значит. доп. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1912—1914. Т. 1—4 (1912. Т. 1; 1914. Т. 2; [1914]. Т. 3—4).
- Дела III Отделения — Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине / [Собр. С. Сухонин]. СПб.: Изд. И. Балашова, 1906.

- Дельвиг. Соч. — *Дельвиг А. А.* Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит., 1986.
- Державин — *Державин Г. Р.* Соч. / Примеч. Я. К. Грота / Изд. Имп. Академии наук. СПб., 1864—1883. Т. 1—9 (1864. Т. 1; 1865. Т. 2; 1866. Т. 3; 1867. Т. 4; 1869. Т. 5; 1871. Т. 6; 1872. Т. 7; 1880. Т. 8; 1883. Т. 9).
- ДЖ — «Дамский журнал».
- Дмитриев 1967 — *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Документы к биографии. 1799—1829 — А. С. Пушкин : Документы к биографии : (1799—1829) / Вступ. ст., сост. В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старка. СПб.: Искусство—СПБ, 2007.
- Ефр. 1880 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1878—1881 (1880. Т. 1—4; 1881. Т. 5; 1878. Т. 6).
- Ефр. 1882 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М.: Изд. Ф. Н. Анского, 1882. Т. 1—7.
- Ефр. 1887 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. В. В. Комарова, 1887. Т. 1—7.
- Ефр. 1903—05 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903—1905. Т. 1—8 (1903. Т. 1—7; 1905. Т. 8).
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
- Жуковский. ПСС — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем : В 20 т. М.: Языки рус. культуры, 1999. Т. 1; 2000. Т. 2; 2008. Т. 3; 2009. Т. 4; 2010. Т. 5—6; 2011. Т. 7—8; 2012. Т. 9; 2014. Т. 10, кн. 1—2; 2016. Т. 11, кн. 1—2; 2012. Т. 12; 2004. Т. 13—14.
- Жуйкова — *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина : Каталог атрибуций. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
- Заборов — *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер : XVIII—первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978.
- Звенья — Звенья : Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.: Academia, 1932—1936. Т. 1—6; М.: Госкультпросветиздат, 1950—1951. Т. 8—9 (1932. Т. 1; 1933. Т. 2; 1934. Т. 3—4; 1935. Т. 5; 1936. Т. 6; 1950. Т. 8; 1951. Т. 9).
- ИВ — журнал «Исторический вестник».
- Иезуитова. Раб. тетр. ПД 833 — *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 : (История заполнения) // Пушкин : Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 235—264.
- Иезуитова. Раб. тетр. ПД 836 — *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836 : (История заполнения) // Пушкин : Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 121—147.
- Кашталева — *Кашталева К. С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. М.: Госиздат, 1930. Т. 5. С. 243—270.
- Керн — *Керн (Маркова-Виноградская) А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. А. М. Гордина. М.: Худож. лит., 1974 (Сер. лит. мемуаров).
- КН — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИЗ, 1930—1931 (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.) (1930. Т. 1—4; 1931. Т. 5).

- Кюхельбекер — *Кюхельбекер В. К.* Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Н. В. Королевой. М.; Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Кюхельбекер 1979 — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. [М. Г. Альтшуллер], Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л.: Наука, 1979 (Сер. «Литературные памятники»).
- ЛГ — «Литературная газета».
- Лебедева — *Лебедева О. Б.* «Разговор Книгопродавца с Поэтом» // Примеры целостного анализа художественного произведения : Учеб. пособие. Томск: Томский ун-т им. В. В. Куйбышева, 1988. С. 5—35.
- Лернер. Рассказы о П. — *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929.
- Лет. ГЛМ — Летописи Гос. литературного музея / Ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М.: Жургазобъед., 1936. Кн. 1: Пушкин / Ред. М. Цявловского.
- Летопись — *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1: 1799—1826.
- Летопись Боратынского — Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Летопись 1991 — *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1991. [Т. 1] : 1799—1826.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина : В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой; Сост. М. А. Цявловский (1799—сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826—1837); Отв. ред. (т. 2—4 науч. ред.) Я. Л. Левкович / РАН. Пушкинская комиссия. М.: Слово/Slovo, 1999; М.: Минувшее, 2005. Т. 5 (Справочный).
- Лит. архив — Литературный архив : Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938—1961. Т. 1, 3—6 (1938. Т. 1; 1951. Т. 3; 1953. Т. 4; 1960. Т. 5; 1961. Т. 6).
- ЛН — «Литературное наследство».
- Лотман. Пушкин — *Лотман Ю. М.* Пушкин : Биография писателя; Статьи и заметки : 1960—1990; «Евгений Онегин» : Комментарий. СПб.: Искусство—СПБ, 1995.
- ЛПРИ — газета «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».
- Майков. Автографы П. — *Майков Л. Н.* Автографы Пушкина, принадлежащие гр. П. И. Капнисту // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1896. Т. 1, № 3. С. 574—581.
- Майков. Материалы — *Майков Л. Н.* Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина / Публ. В. И. Саитова. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1902.
- Майков. Пушкин — *Майков Л. Н.* Пушкин : Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1899.
- МВ — журнал «Московский вестник».
- МВед — газета «Московские ведомости».
- Михайловское. Т. 1 — Пушкинская энциклопедия «Михайловское» : В 3 т. С. Михайловское; М.: Кирилица, 2003. Т. 1.
- Мнем. — Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М., 1824. Ч. 1—3; 1825. Ч. 4.
- Модзалевский — *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники : Избр. труды (1898—1928) / Сост., примеч. А. Ю. Балакина. СПб.: Искусство—СПБ, 1999.

- Мор. 1887 — Пушкин А. С. Соч. / Под ред., с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб.: Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. 1—7.
- Мор. 1903—06 — Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903—1906. Т. 1—8 (1903. Т. 1—3; 1904. Т. 4—6; 1905. Т. 7; 1906. Т. 8).
- Москв. — журнал «Москвитянин».
- МТ — журнал «Московский телеграф».
- Мурьянов 1999 — Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М.: Наследие, 1999.
- Неизданный Пушкин — Неизданный Пушкин : Из подгот. материалов к новому акад. полн. собр. соч. А. С. Пушкина / Сост. серии С. А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1996—2000 (1996. Вып. 1: Фомичев С. А. Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина; 1997. Вып. 2: Дубровский А. В., Краснобородько Т. И., Левкович Я. Л., Фомичев С. А. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина; 2000. Вып. 3: Фомичев С. А. Ранние редакции поэмы «Домик в Коломне»).
- НЗ — журнал «Невский зритель».
- НЛ — журнал «Новости литературы».
- НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».
- ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред., с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред., с примеч. П. Н. Шеффера (1899. Т. 1, 2; 1901. Т. 2 [Примеч.]; 1899. Т. 3; 1908. Т. 3 [Примеч.]; 1899. Т. 4; 1909. Т. 5, вып. 1; 1913. Т. 5, вып. 2).
- ОЗ — журнал «Отечественные записки».
- П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацуро; Подгот. текста, сост., примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1974 (Сер. лит. мемуаров).
- П. в восп. 1985 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1985 (Сер. лит. мемуаров).
- П. в критике, I — Пушкин в прижизненной критике : 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева; Подгот. текста, коммент. В. Э. Вацуро, Е. А. Вилька, Е. А. Губко, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Г. М. Ивановой, Т. Е. Киселевой, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Т. М. Михайловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, А. В. Шароновой. 2-е изд., испр. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001.
- П. в критике, II — Пушкин в прижизненной критике : 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. М. Березкина, В. Э. Вацуро, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Т. А. Китаниной, Т. И. Краснобородько, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001.
- П. в критике, III — Пушкин в прижизненной критике : 1831—1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. Ю. Балакина, А. М. Березкина, М. Н. Виролайнен, С. В. Денисенко, Н. Л. Дмитриевой, О. Н. Золотовой, Т. А. Китаниной, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2003.

- П. в критике, IV — Пушкин в прижизненной критике : 1834—1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. Ю. Балакина, С. В. Денисенко, Е. В. Кардаш, Т. А. Китаниной, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, С. А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2008.
- П. в печати — *Синявский Н., Цвяловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.: Соцэкгиз, 1938.
- П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936—1941. [Т.] 1—6 (1936. [Т.] 1—2; 1937. [Т.] 3; 1939. [Т.] 4/5; 1941. [Т.] 6).
- П. и мировая литература — Пушкин : Исследования и материалы. Л.: Наука, 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература : Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Отв. ред. В. Д. Рак.
- Переписка П. — Пушкин. Соч. : Переписка / Под ред., с примеч. В. И. Сайтова. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1906. Т. 1: (1815—1826); 1908. Т. 2: (1827—1832); 1911. Т. 3: (1833—1837).
- ПЗ 1823—1825 — Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1823—1825.
- ПЗ 1855—1869 — Полярная звезда. [Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева]. Лондон, 1855—1862; Женева, 1869. Кн. 1—8 (1855. Кн. 1 на 1855 г.; 1856. Кн. 2 на 1856 г.; 1857. Кн. 3 на 1857 г.; 1858. Кн. 4 на 1858 г.; 1859. Кн. 5 на 1859 г.; 1861. Кн. 6 на 1861 г.; Кн. 7 на 1862 г. Вып. 1; 1862. Кн. 7 на 1862 г. Вып. 2; 1869. Кн. 8 на 1869 г.
- ПИМ — Пушкин : Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1962. Т. 1—4; Л.: Наука, 1967—1991. Т. 5—14; СПб.: Наука, 1995—2004. Т. 15—19 (1956. Т. 1; 1958. Т. 2; 1960. Т. 3; 1962. Т. 4; 1967. Т. 5; 1969. Т. 6; 1974. Т. 7; 1978. Т. 8; 1979. Т. 9; 1982. Т. 10; 1983. Т. 11; 1986. Т. 12; 1989. Т. 13; 1991. Т. 14; 1995. Т. 15; 2003. Т. 16—17; 2004. Т. 18—19).
- ПиС — Пушкин и его современники : Материалы и исследования. СПб., 1903—1913. Вып. 1—18; Пг., 1914—1918. Вып. 19—30; Л., 1927. Вып. 31—32; Пб., 1922—1923. Вып. 33—36; Л., 1928—1930. Вып. 37—39 (1903. Вып. 1; 1904. Вып. 2; 1935. Вып. 3; 1906. Вып. 4; 1907. Вып. 5; 1908. Вып. 6—8; 1910. Вып. 9—10; 1909. Вып. 11—12; 1910. Вып. 13; 1911. Вып. 14—15; 1913. Вып. 16—18; 1914. Вып. 19—20; 1915. Вып. 21—22; 1916. Вып. 23—27; 1917. Вып. 28; 1918. Вып. 29—30; 1927. Вып. 31—32; 1922. Вып. 33—35; 1923. Вып. 36; 1928. Вып. 37; 1930. Вып. 38—39).
- ПиС (Нов. серия) — Пушкин и его современники : Сб. науч. тр. СПб.: Академический проект, 1999. Вып. 1 (40); 2000. Вып. 2 (41); 2002. Вып. 3 (43); СПб.: Академический проект; Нестор-История, 2005. Вып. 4 (43); СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44).
- Письма — *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л.: ГИЗ, 1926—1928. Т. 1—2 / Под ред., с примеч. Б. Л. Модзалевского; М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3 / Под ред., с примеч. Л. Б. Модзалевского.
- Пол. — *Пушкин А. С.* Соч. / С объяснениями их и сводом отзывов критики. М.: Изд. Л. Поливанова для семьи и школы, 1887. Т. 1—5.

- Порудоминский — *Порудоминский В. И.* «Я полюбил Пушкина еще больше...» // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 206—217.
- Посм. — *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11 (1838. Т. 1—8; 1841. Т. 9—11).
- Поэты XVIII в. — Поэты XVIII века : В 2 т. / Сост. Г. П. Макогоненко, И. Э. Сермана; Подгот. текста, примеч. Н. Д. Кочетковой, Г. С. Татищевой. Л.: Сов. писатель, 1972 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Поэты 1820—1830-х гг. — Поэты 1820—1830-х годов : В 2 т. / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; Сост., подгот. текста, примеч. В. Э. Вацуро. Л.: Сов. писатель, 1972 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Поэты 1790—1810-х гг. — Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст., сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Л. Альтшуллера; Вступ. заметки, биогр. справки, примеч. М. Г. Альтшуллера, Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Проскурин 1999 — *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Проскурин 2000 — *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000 (Сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры»; Вып. 6).
- Проскурин 2007 — *Проскурин О. А.* Комментарии (при участии Н. Г. Охотина) // Пушкин А. С. Соч. : Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М.: Новое изд-во, 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1 / Ред. Д. М. Бетеа, Н. Г. Охотин. С. 11—363, 2-я паг.
- Путеводитель — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИЗ, 1931. Т. 6: Путеводитель по Пушкину (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).
- Пушкин 1955 — *Пушкин А. С.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Б. В. Томашевского. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1955. Т. 1—3 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Пушкинист, IV — Пушкинист : Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг.: ГИЗ, 1922. Т. 4.
- Пушкинская энциклопедия — Пушкинская энциклопедия : Произведения. СПб.: Нестор-История, 2009—2012. Вып. 1—3 (2009. Вып. 1: А—Д; 2012. Вып. 2: Е—К; 2017. Вып. 3: Л—О).
- Пуцин — *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине. Письма / Ред., вступ. ст., примеч. С. Я. Штрайха. М.: Гослитиздат, 1956 (Сер. лит. мемуаров).
- РА — журнал «Русский архив».
- Раб. тетр. — *Пушкин А. С.* Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с С.-Петербургом. Руководители совм. проекта Э. Холл, С. А. Фомичев. СПб.; Лондон; Болонья, 1995—1997 (1995. Т. 1—3; 1996. Т. 4—6; 1997. Т. 7—8).
- Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. / Вступ. ст., примеч. М. Цявловского. Л.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925 (Записи прошлого : Воспоминания и письма. Вып. 4).
- РВ — журнал «Русский вестник».
- РИ — газета «Русский инвалид».
- РЛ — журнал «Русская литература».

- РПЛ — Русская потаенная литература XIX столетия / Предисл. Н. Огарева. Лондон, 1861.
- РС — журнал «Русская старина».
- Рукоп. П. Изд. О. К. — Рукописи Пушкина. 1. Автографы Пушкинского музея Имп. Александровского лицейя. СПб.: Изд. кн. Олега Константиновича, 1911. Вып. 1.
- Рукоп. П. 1937 — *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме : Научное описание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- Рукоп. П. 1964 — *Соловьева О. С.* Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года : Краткое описание. М.; Л.: Наука, 1964.
- Рукою П. — Рукою Пушкина : Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати, коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.
- Рукою П. 1997 — Рукою Пушкина : Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.).
- Рус. вед. — газета «Русские ведомости».
- Рус. писатели: 1800—1917 — Русские писатели: 1800—1917 : Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1992—1999. Т. 1—5; М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2007. Т. 5 (1992. Т. 1—2; 1994. Т. 3; 1999. Т. 4; 2007. Т. 5).
- Рус. эпиграмма — Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. / Вступ. ст. Л. Ф. Ершова; Сост., подгот. текста, примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко; Л.: Сов. писатель, 1975 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Рылеев 1971 — *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. В. Г. Базанова, А. В. Архиповой; Подгот. текста А. В. Архиповой, В. Г. Базанова, А. Е. Ходорова; Примеч. А. В. Архиповой, А. Е. Ходорова. Л.: Сов. писатель, 1971 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Сандомирская 1974 — *Сандомирская В. Б.* «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов : История создания и идейно-художественная проблематика. Л.: Наука, 1974. С. 8—34.
- Сандомирская 1978 — *Сандомирская В. Б.* Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин : Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 90—106.
- Семевский — *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское : Биографические исследования и заметки / Сост., вступ. ст., примеч. С. В. Березкиной. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008.
- СЗ — альманах «Северная звезда. 1829» / Изд. М. А. Бестужев-Рюмин. СПб., 1829.
- СиН — Старина и новизна : Исторический сборник. СПб.; Пг.; М., 1897—1917. Т. 1—22.
- СН — журнал «Северный наблюдатель».
- СО — журнал «Сын отечества».
- СО и СА — «Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории».

- Совр. — журнал «Современник».
- Соревн. — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» (=«Труды Вольного общества любителей российской словесности»).
- СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
- СПч — газета «Северная пчела»
- Срезневский. Пушк. коллекция — *Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. СПб., 1906. Вып. 4. С. 1—38.
- Ст 1826 — *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб., 1826.
- Ст 1829 — *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб., 1829. Ч. 1—2.
- Ст 1832 — *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб., 1832. Ч. 3.
- Ст 1835 — *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб., 1835. Ч. 4.
- Старк 1981 — *Старк В. П.* Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите «Невский альманах»)» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 116—125.
- Стих. П. 1820—1830 — Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов : История создания и идейно-художественная проблематика / Сб. статей под ред. Н. В. Измайлова. Л.: Наука, 1974.
- Сумцов — *Сумцов Н. Ф.* Исследования о поэзии А. С. Пушкина // Харьковский университетский сборник : В память А. С. Пушкина : (1799—1899 г.). Харьков, 1900. С. 1—350.
- СЦ 1825—1832 — альманах «Северные цветы».
- СЯП — Словарь языка Пушкина : В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956—1961 (1956. Т. 1; 1957. Т. 2; 1959. Т. 3; 1961. Т. 4; 1956. Приложения).
- Томашевский. Новые материалы — *Томашевский Б. В.* Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826). I. Тетрадь Всеволожского. — II. Капнистовская тетрадь // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 825—868.
- Томашевский. П. и Франция — *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960.
- Томашевский. Пушкин, I — *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1: (1813—1824).
- Томашевский. Пушкин, II — *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2: Материалы к монографии : (1824—1837).
- Томашевский. Строфика П. — *Томашевский Б. В.* Строфика Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 49—213.
- Тынянов — *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968.
- Фомичев — *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина : Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986.
- Фомичев. Раб. тетр. ПД 835 — *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 : (Из текстологических наблюдений) // Пушкин : Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 27—65.
- Франц. элегия — Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро; Вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро, В. А. Мильчиной. М.: Радуга, 1989.

- Ходасевич. Пушкин. Т. 1 — *Ходасевич В. Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина // *Ходасевич В. Ф.* Пушкин и поэты его времени : В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1999. Т. 1. С. 105—374 (Modern Russian Literature and Culture : Studies and Texts. Vol. 42).
- Ходасевич. Пушкин. Т. 3 — *Ходасевич В. Ф.* О Пушкине // *Ходасевич В. Ф.* Пушкин и поэты его времени : В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 2014. Т. 3. С. 115—232 (Modern Russian Literature and Culture : Studies and Texts. Vol. 44).
- Худ. лит. в 10 т. — *Пушкин А. С.* Собр. соч. : В 10 т. М.: Худож. лит., 1974—1978 (1974. Т. 1—2; 1975. Т. 3—5; 1976. Т. 6—7; 1977. Т. 8—9; 1978. Т. 10).
- Цявловская. «Муза пламенной сатиры» — *Цявловская Т. Г.* «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на Юге : Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Кишинев: Изд-во «Штиинца» Молдавского филиала АН СССР, 1961. Т. 2. С. 147—198.
- Цявловская. «Храни меня, мой талисман...» — *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 12—84.
- Цявловский. Статьи — *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.
- Чулков 1770—1774 — [*Чулков М. Д.*] Собрание разных песен. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1770—1774. Ч. 1—4 (1770. Ч. 1, 2; 1773. Ч. 3; 1774. Ч. 4).
- Чулков 1780—1781 — [*Чулков М. Д.*] Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовныя, пастушеския, шутивыя, простонародныя, хоралныя, свадебныя, святочныя, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1780. Ч. 1—5; 1781. Ч. 6.
- Шенья 1995 — *Шенья А.* Сочинения 1819 / Отв. ред. А. Д. Михайлов; Подгот. издания Е. П. Гречаная. М.: Наука, 1995 (Сер. «Литературные памятники»).
- Шляпкин — *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1903.
- Шоу — *Шоу Дж. Т.* Поэтика неожиданного у Пушкина : Нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии / Пер. с англ. Т. В. Скулачевой, М. Л. Гаспарова. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Щеголев. Из жизни и творчества П. — *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.
- Щербачев — *Щербачев Ю. Н.* Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913.
- Эйдельман. П. и декабристы — *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы : Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979.
- Язык. архив — Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период жизни (1822—1829) / Под ред. Е. В. Петухова; Вступ. ст., примеч. В. Е. Петухова. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности АН, 1913 (Языковский архив. Вып. 1).
- Языков 1964 — *Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л.: Советский писатель, 1964 (Б-ка поэта; Большая сер.).

- Якушкин — Якушкин В. Е. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 2. С. 413—436; № 3. С. 647—662; № 4. С. 87—110; № 5. С. 325—354; № 6. С. 553—572; № 7. С. 1—54; № 8. С. 313—330; № 9. С. 641—653; № 10. С. 75—92; № 11. С. 335—374; № 12. С. 515—588.
- Byron 1820—1822 — *Byron G. G. Œuvres complètes* / Trad. de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2e éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris: Ladvocat, 1820. Т. 1—3; *Œuvres complètes* / Trad. de l'anglais par M. A. P(ichot). Paris: Ladvocat, 1821. Т. 4; 1822. Т. 5.
- Byron 1898—1904 — *Byron G. G. The Works. A new, rev. enlarged ed., with illustrations. Poetry* / Ed. by E. H. Coleridge. Vol. 1—7. London: John Murray; New York: Ch. Scribner's sons, 1898—1904 (1898. Vol. 1; 1899. Vol. 2; 1900. Vol. 3; 1901. Vol. 4—5; 1903. Vol. 6; 1904. Vol. 7).
- Chénier 1819 — *Chénier A. de. Œuvres complètes*. Paris, 1819.
- Saint-Aulaire — *Goethe. Faust* / Trad. par L.-C. de Saint-Aulaire // *Chefs d'œuvre des théâtres étrangers*. Paris, 1823. Т. 1. Livr. 25. P. 43—189.
- Stapfer — *Goethe. Œuvres dramatiques* / Trad. par Ph. A. Stapfer. Paris, 1823. Т. 4.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. И. Н. 506
А. П. К. 758
Аарне (Aarne) А. А. 749, 750
Абамелек (в замуж. Баратынская) А. Д., княжна 441
Август см. Октавиан Август
Абель (Abel) см. Малартик де Фонда А.-Л.-Ф. де
Аверин К. И. 941
Авраам 594, 598
Авраамий (Палицын), в миру Палицын А. И. 950
Аврелий Виктор (Секст Аврелий Виктор) (Sextus Aurelius Victor) 196, 392, 424, 540, 545—547, 556
Адеркас Б. А. фон 483, 806 («псковский генерал-губернатор») 957
Азадовский М. К. 751, 771, 935—937, 943, 1047, 1052
Азизова Е. Н. 534
Аксаков А. Н. 504
Аксаков И. С. 867, 877
Аксаков С. Т. 528
Акульшин П. В. 533
Аладьин Е. В. 524, 661, 663—665, 669, 694, 816, 1045, 1047
Александр I, император 41 («царь», «государь»), 77 («царь»), 79 («царь», «он»), 102 («наш царь»), 186 («царь»), 188 («царь»), 192 («царь»), 249 («царь»), 250 («царь»), 305 («наш царь»), 323 («наш Z***»), 403 («царь»), 415, 422 («царь»), 425 («царь»), 426—428, 486 («царь»), 515, 527, 535, 572, 612—614, 619, 624, 627, 641, 652 («царь»), 655—657, 695, 718, 731, 733, 735, 738, 780, 781, 788, 790, 795, 797 («царь»), 798, 799, 806, 829, 830, 873, 907, 909—913, 921—923, 948, 954, 980, 1028, 1036
Александр Македонский 559, 560
Александра Федоровна (урожд. принцесса Прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина), императрица 706
Александров В. Б. 730
Александров П. А. 505, 520, 609, 653, 681, 720—722, 898, 921, 922, 1040, 1060
Александрова С. В. 996
Алексеев А. И. 729, 731
Алексеев М. П. 404, 503, 573, 655, 665, 801—804, 966, 987, 989, 990, 996, 999, 1014, 1019, 1021, 1062
Алексеев Н. С. 682, 962
Алексеев П. В. 869
Алексеева Н. Ю. 625
Алексей Михайлович, царь 933, 938, 940, 941
Али ибн Аби Талиб 17 («Гали»), 193 («Али»), 531
Алкей 415, 783
Алмазов П. 504, 1039, 1060

- Альми И. Л. 413, 822, 1024
 Альтшуллер М. Г. 528, 529, 695, 1066, 1069
 Альфьери (Alfieri) В. 430, 572, 725
 Алябьев А. А. 707, 716, 855
 Амио (Amiot) Ж. 551
 Амру (Амр ибн аль-Ас аль-Кураши) 531
 Анакреонт 11, 415, 424, 433, 498, 548, 549, 553, 596, 677, 774, 775
 Ананьич И. Д. 568, 569
 Андрейко Е. В. 568
 Анисимов В. М. 850
 Анна Иоанновна, императрица 481
 Анна Львовна см. Пушкина А. Л.
 Анненков И. А. 779
 Анненков П. В. 183, 388, 432, 434, 438, 458, 461, 472, 474, 476, 479, 484, 504, 505, 519, 520, 525, 540, 574, 590, 619, 622, 623, 629, 630, 633, 637, 650—652, 661, 662, 667, 682, 703, 704, 720, 777, 778, 799, 830, 838, 840, 842, 849—852, 862, 876, 898, 899, 901, 914, 926—929, 931, 961—963, 976, 981—984, 986, 1007, 1011, 1025, 1027, 1042, 1044, 1062
 Анреп Р. Р. 981
 Анский Ф. Н. 1065
 Антисфен 802
 Антоний см. Марк Антоний
 Антоновский М. И. 615
 Аполлоний Родосский 470, 471
 Аракчеев А. А., граф 523, 532, 907
 Аржевитинов И. С. 859
 Арина Родионовна 86 («моя старушка», «добрая подружка бедной юности моей»), 379, 405, 406, 415, 818, 819, 821 («няня»), 822, 932, 933, 967, 1030, 1032, 1043
 Аришштейн Л. М. 632, 655—657, 758, 777, 997, 1036
 Ариосто (Ariosto) Л. 88, 312, 409, 427, 463, 667, 830—837, 838 («Ариост»), 839—841, 856, 1026
 Аристипп 70 («Аристип»), 768, 842 («Аристип»)
 Аристофан 994
 Арно (Arnaut) А.-В. 735
 Арсеньев К. И. 530
 Артавазд II, царь Великой Армении 550
 Архангельская В. К. 937
 Архаров Н. П. 879
 Архипова А. В. 1070
 Арцыбашев Н. С. 941
 Аснаш С. М. 1011
 Астафьева О. В. 548, 552, 556, 557, 560
 Аттик Тит Помпоний (Titus Pomponius Atticus) 557
 Ауслендер С. А. 968
 Афанасьев А. Н. (псевд. И. М.-к) 408, 505, 508, 520, 653, 661, 662, 919, 1041, 1062
 Афиней 774, 775
 Ахматова А. А. 539, 555, 882
- Бабкин А. М. 712**
 Багно В. Е. 408, 462
 Багратиони Т., царевич 322, 897—900
 Базанов В. Г. 766, 870, 1070
 Байрон (урожд. Милбенк) А. И., баронесса 679 («жена»)
 Байрон (Вугон) Дж. Г. 11, 15 («другой властитель наших дум», «он был, о море, твой певец»), 44 («Бейрон»), 45 («Бейрон»), 54, 92, 139, 173 («другой ( ) Гений», «другой Властитель наших дум», «твой сын», «твой певец»), 176, 178 («другой (...) Гений», «Властитель чувств», «Властитель — наших слез»), 179 («твой сын», «твой певец»), 180 («твой сын любимый, твой певец»), 181, 182, 252, 277, 278, 382, 383, 393, 397, 409, 419, 421, 422, 435, 443, 459, 464, 474, 496, 497, 500, 503—507, 509—514, 516—518, 527, 557, 570, 573, 575, 578, 579, 586, 587, 602, 614, 624, 625, 668, 670—677, 679, 681, 698, 699, 708, 727, 731—733, 739, 759—761, 771, 772, 795, 828, 829, 832, 844, 846,

- 858, 874, 882, 883, 916, 958, 966,
987, 995, 1000, 1007, 1008, 1036,
1037, 1073
- Бакунин А. П. 792
- Бакунина (в замуж. Полторацкая) Е. П.
792
- Бакунины 919
- Бакхилид см. Вакхилид
- Балакин А. Ю. 463—465, 531, 566,
569, 661, 663, 669, 1042, 1043,
1066—1068
- Балашов И. 1064
- Бальденсперже (Baldensperger) Ф. 988
- Бальзак (Balzac) О. де 997
- Бантыш-Каменский В. Н. 17, 187, 188,
531
- Банье (Banier) А. 557
- Бараг Л. Г. 749, 1032
- Баранов Д. О. 973
- Баратынская (урожд. Энгельгардт) А. Л.
504, 1060
- Баратынские 961
- Баратынский (Боратынский) Е. А. 92,
319, 382, 387, 398, 429, 432, 461,
464, 478—480, 482, 484, 493, 513,
525, 530, 533, 542, 570, 603, 629,
644, 663, 664, 673, 676, 684, 686,
687, 689, 690, 693, 699, 710, 711,
724, 757, 761, 764, 771, 785, 796,
805—808, 815, 842—846, 855,
856, 864, 865, 873, 917, 918, 952,
953, 1022, 1038, 1044, 1063, 1066
- Барков И. С. 649, 772, 907, 1052,
1053
- Барский О. В. 550, 556
- Барсуков Н. П. 654, 659, 693
- Бартелеми (Barthelemy) Ж.-Ж. 765
- Бартнев П. И. 467, 470, 507, 519,
536—539, 609—611, 635, 639,
643, 653, 658, 709, 719, 742, 767,
786 («издатель „Русского архи-
ва”»), 794, 797, 826, 847, 857,
867, 876—880, 882—884, 894,
932, 946, 961, 1010, 1039, 1060,
1069
- Басаргин Н. В. 655, 656
- Баттё (Batteux) Ш. 903, 905
- Батюто А. И. 555
- Батюшков К. Н. 162, 387, 393, 394,
399, 412, 414—416, 419, 469, 482,
493, 495, 499, 502, 513, 525, 549,
550, 553, 601, 603, 608, 644, 667,
695—697, 705, 727, 728, 733,
761—763, 777, 787, 806, 814, 819,
821, 838—840, 855—857, 896,
908, 924, 958, 998, 1038, 1051,
1062
- Бахтин М. М. 417
- Бахтин Н. И. 739, 753
- Башуцкий П. Я. 79 («тот»), 798, 799
- Бедный Демьян (наст. имя и фам.
Е. А. Придворов) 1064
- Безсонов П. А. 689
- Бейль (Bayle) П. 803, 804
- Бейсов П. С. 788
- Бекетов П. П. 1048
- Беклешов В. Н. 847, 848
- Беклешов П. Н. 848
- Беклешова А. И. см. Осипова А. И.
- Беклешова М. В. 715
- Беклешовы 715
- Бекфорд (Beckford) У. 889
- Белехова С. П. 955
- Белецкий А. И. 389, 704
- Белинский В. Г. 383, 489, 574, 727,
732, 873—875, 893, 1062
- Белкин Д. И. 591, 593, 596
- Белоусов А. Ф. 413, 819, 821
- Беляев М. Д. 897
- Бенедиктов В. Г. 554
- Бенитцкий А. П. 623, 678
- Бенкендорф А. Х. 434, 444, 447, 729,
779, 782, 862, 905, 931
- Бенсерад (Benserade) И. 1050
- Беньян (Bunyan) Дж. 891
- Беранже (Bérenger) Л.-П. 539
- Берг Н. В. 878
- Березкин А. М. 693, 1067
- Березкина С. В. 386, 388, 397, 398,
400, 407, 416, 440, 462—465, 473,
590, 593, 616, 619, 632, 641, 651,
692, 714, 717, 730, 755, 790, 818,
829, 841, 867, 875, 881, 884, 886,
887, 889, 896, 902, 923, 930, 942,

- 950, 970, 972, 976, 1004, 1008,
1046, 1062, 1065, 1070
- Березовский И. П. 749, 1032
- Берков П. Н. 613, 999, 1001
- Берх В. Н. 685
- Бесарабова М. А. 819
- Бестужев (псевд. Марлинский) А. А.
46, 380, 403, 478, 487, 488, 492,
499, 501, 522—524, 554, 565, 566,
613, 620, 629, 646, 671, 682—686,
699, 706, 712, 772, 828, 829, 844,
845, 856, 907, 911, 917, 954, 1017,
1050, 1068
- Бестужев Н. А. 684, 686, 760
- Бестужев-Рюмин М. А. 445, 1070
- Бестужев-Рюмин М. П. 320 («Б(ес-
тужев)»), 380 («пятеро повешен-
ных») 850 («Б»), 851
- Бетеа (Bethea) Д. М. 382, 386, 587,
670, 807, 831, 871, 982, 1069
- Билинкис О. Б. 688
- Бине (Binet) Р. 548, 557
- Бируков А. С. 144, 507, 521—523,
525—527, 1055—1058
- Битобе (Bitaubé) П.-Ж. 887
- Благой Д. Д. 512, 518, 550, 624, 627,
631, 639, 640, 659, 662, 698, 703,
709, 713, 719, 720, 722, 724, 744,
748, 770, 775, 776, 778—780, 799,
880, 884, 885, 887, 891, 915, 923,
930, 938, 940, 956, 978, 986, 988,
989, 1013, 1021, 1024, 1028, 1034,
1062, 1063
- Бланшар (Blanchard) П. 551
- Блок А. А. 396, 555, 637, 725—727,
734, 735, 882
- Блудов Д. Н. 460, 475, 697, 896
- Бобров С. С. 954
- Богаевская К. П. 504
- Богач Г. Ф. 757
- Богданович Е. В. 675
- Богданович И. Ф. 45, 493, 525, 619,
677, 681, 808
- Богданович М. И. 655
- Бодрова А. С. 386, 388, 390, 391, 400,
462—465, 569, 622, 623, 626, 642,
677, 758, 844, 846, 955, 1048
- Бодуэн-де Куртенэ И. А. 1064
- Бологовский Д. Н. 616 («Болховской»)
- Болотов А. Т. 817
- Бомарше (Beaumarchais) П.-О. К. де
577
- Бонди С. М. 209, 406, 489, 540,
542—544, 726, 736, 756, 857, 899,
900, 937, 964, 1019, 1020, 1031,
1063, 1064
- Бонивар (Bonivard) Ф. 1036
- Бонч-Бруевич В. Д. 713, 1066
- Борецкая (урожд. Лошинская) М. 528
(«Марфа Посадница»)
- Борн И. М. 675
- Бороздин К. М. 447
- Ботвинник Н. М. 472
- Боулз (Bowles) У. Л. 671, 772
- Боярдо (Boiardo) М. 831
- Брагинский И. С. 757
- Браиловский С. Н. 855
- Бриден (Bridaine) Ж. 998
- Броглио С. Ф. 301 («Бр(огль)»), 778,
791, 792
- Бродский И. А. 844
- Бройтман С. Н. 704
- Брокгауз Ф. А. 1063
- Броневский В. Б. 940
- Бронштейн А. И. 568, 569
- Брут (Марк Юний Брут) (Marcus Ju-
nius Brutus) 561
- Брюсов В. Я. 393, 477, 555, 556, 558,
797, 798, 838, 852, 899, 922, 923,
970, 977, 1001, 1018, 1033, 1063
- Буало-Депрео (Boileau-Despréaux) Н.
525, 530, 646, 675, 676, 903, 905,
907
- Бугославский С. А. 406, 932, 965
- Булгаков А. Я. 515, 689, 690, 697,
700
- Булгаков К. Я. 515
- Булгарин Ф. В. 385, 386, 484, 491,
527, 575, 576, 613, 640, 663, 666,
669, 675, 683, 684, 686, 687, 789,
797, 806, 843—845, 917, 918, 997,
1049, 1059, 1063
- Бурченкова Р. В. 473
- Буслаев Ф. И. 941

- Бухмейер К. К. 665, 1046, 1048, 1072
 Бычков И. А. 439, 440, 492
 Бюргер (Bürger) Г. А. 407, 753, 824
 Бюффон (Buffon) Ж.-Л. Леклерк де 841
- Вахлид** 484 («Бакхилид»)
 Валуев П. С. 528
 Ванжелести (Vangelisti) В. 860
 Ванслов В. В. 766, 767
 Варфоломей Е. К. 598, 961
 Варшавская М. Я. 860
 Василевский Д. Е. 514
 Васильев В. Е. 1070
 Вахтель (Wachtel) М. 839, 870, 873
 Вацуро В. Э. 385, 387, 390, 394, 464, 469, 525, 553—555, 591, 606, 620, 621, 625, 632, 637, 638, 646, 672, 679—682, 687, 692, 699, 702, 711, 724—728, 735—737, 739, 740, 746, 765, 782, 795, 797, 806, 828, 829, 845, 855, 876, 878, 879, 892, 904, 909—911, 920, 922—925, 929, 952, 955, 961, 1004, 1017, 1049, 1062, 1063, 1065, 1067, 1069, 1071
 Введенский А. И. 697
 Вейнберг А. Л. 515
 Вейсс (Weiss) Ф. Р. 793
 Велижев М. Б. 1043
 Великопольский И. Е. 43, 93, 252 («Вел***»), 399, 400, 446, 461, 464, 661, 662, 666, 847—849
 Велио Ж. 800
 Вельтман А. Ф. 754
 Вельяшев 662
 Венгеров С. А. 458, 469, 490, 496, 500, 502, 508, 509, 513, 518, 519, 524, 537, 538, 543, 564, 589, 594, 596, 597, 607, 610, 612, 627, 628, 648, 654, 681, 703, 739, 759, 769, 797, 799, 810, 813, 852, 873, 875, 880, 883, 892, 898, 899, 910, 918, 922, 927, 944, 945, 956, 968, 974, 977, 984, 1007, 1026, 1035, 1045, 1046, 1052, 1056, 1063, 1069
- Веневитинов А. В. 877, 878, 997
 Веневитинов Д. В. 492, 512, 517, 574, 671, 731, 800, 879, 883, 1049
 Веневитиновы 878, 930, 931
 Вергилий (Публий Вергилий Марон) (Publius Vergilius Maro) 472, 676, 774
 Веревкин М. И. 411, 588—590, 592—594, 596—598, 603, 607, 869
 Вересаев В. В. 555, 704, 850, 854, 978, 980
 Вернер (Werner) Э. 998
 Верстовский А. Н. 572, 574, 688
 Верховский Ю. Н. 133, 838
 Веселовский А. Н. 1021
 Веселовский Ю. А. 739
 Ветловская В. Е. 790
 Виардо (Viardot; урожд. Гарсиа) П. М. Ф. 1010
 Вигель Ф. Ф. 536, 598, 632, 633, 668, 996, 1063
 Вийон (Villon) Ф. (наст. фам. де Монкорбье (de Montcorbier) или де Лож (des Loges)) 649
 Викери (Vickery) У. Н. 584, 1015
 Викторова К. П. 705
 Викторович В. А. 986
 Виланд (Wieland) К. М. 494
 Вильк Е. А. 1067
 Вильон см. Вийон Ф.
 Вильсон (Wilson) Дж. П. 451, 455
 Виницкий И. Ю. 671, 676, 795
 Виноградов В. В. 382, 526, 562, 590, 592, 625, 628, 629, 638, 645, 650, 659, 660, 672—678, 680, 696, 701, 707, 722, 743, 793, 796, 811, 816—818, 840, 893, 1002, 1016, 1018, 1063
 Виноградов И. А. 779
 Винокур Г. О. 509, 660
 Вироланнен М. Н. 379, 382, 383, 397, 398, 408, 462—465, 553, 728, 819, 964, 987, 994, 1032, 1056, 1067
 Вишленкова Е. А. 530
 Владимирский Г. Д. 649, 838, 840
 Владиславич-Рагузинский С. Л. 481

- Воейков А. Ф. 478, 483, 531—534, 566, 603, 674, 679, 695, 764, 1023, 1047
- Войнаровский А. И. 699, 828
- Войтов А. А. 700
- Волков А. Абр. 1043
- Волков Р. М. 754—756
- Волконская (урожд. княжна Белосельская) З. А., княгиня 515
- Волконская (урожд. Раевская) М. Н., княгиня 388, 389, 537, 817, 892, 947, 950, 951
- Волконский С. Г., князь 537, 538, 947
- Волович Н. М. 1044
- Волошин М. А. 575
- Вольперт Л. И. 547, 558, 617, 622, 850, 918, 966
- Вольтер (Voltaire; наст. имя и фам. Ф.-М. Аруз) 31, 130, 240 («Волтер»), 241, 242, 261, 343, 361, 409, 410, 440, 441, 465, 502, 525, 549, 612, 614, 615, 645—650, 702, 734, 832, 923, 973, 994, 997, 1012—1016, 1065
- Вольф М. О. 1064
- Вольховский В. Д. 301, 306, 416, 778, 791
- Вордсворт (Wordsworth) У. 451, 708
- Воробьева И. 978
- Воронцов М. С., граф 403, 481, 515, 536—538, 632, 633, 653—657, 660, 907, 928, 945, 946, 963, 994, 1035, 1036
- Воронцова А. М., графиня 945
- Воронцова (урожд. Браницкая) Е. К., графиня 388, 389, 470, 536—538, 632, 633, 635, 743, 799, 800, 892—894, 945, 946, 974, 1009—1012, 1021, 1023, 1025, 1027
- Воронцова С. М., графиня 946
- Востоков А. Х. 675, 935, 936
- Врангель Ф. П. 784
- Вревская Е. Н. см. Вульф Е. Н.
- Вревская С. Б., баронесса 909
- Вревские 380, 714, 1040, 1060
- Вревский Б. А., барон 715
- Всеволожский А. В. 998
- Всеволожский Н. В. 425, 581, 590, 894, 895, 952, 972, 1060, 1071
- Всеволожский Н. С. 632
- Вульф Ал. Н. 7, 379, 380, 397, 399, 400, 403, 409, 458, 462, 472—474, 478, 479, 481, 483, 651, 652, 665, 704, 714, 715, 744, 767, 769—771, 775, 776, 798, 800, 821, 845, 849, 850, 862, 865, 866, 878, 909, 931, 958, 967, 972, 973, 976, 978, 979, 1007, 1030, 1046, 1047, 1050, 1064
- Вульф Ан. И. (в замуж. Трувеллер; Netty) 650, 662
- Вульф Ан. Н. 324, 380, 401, 403, 473—475, 478, 619, 650—652, 662, 703, 708, 714, 715, 719, 721, 722, 731, 744, 746, 758, 777, 908—910, 914, 919—921, 959, 976, 980
- Вульф Е. Н. (в замуж. баронесса Вревская; Euphrosine, Зизи, Зина) 94 («Зина»), 319 («Зина»), 379, 380, 401, 464, 474, 475, 630, 651, 652, 662, 713, 714, 715 («Зизи»), 717, 759, 800, 849, 850, 862, 866, 976, 979, 1030
- Вульф Н. И. 662
- Вульферт А. Е. 902
- Вьндомский А. М. 380, 590
- Вьо (Viau) Т. 980
- Вяземская В. Ф. (урожд. княжна Гагарина), княгиня 424, 504, 506, 507, 510, 511, 513, 515, 537, 538, 541, 574, 632, 633, 658, 796, 859, 892, 893, 916, 1010
- Вяземские, князья 1067
- Вяземский П. А., князь 70, 78, 96, 182, 191, 248, 320, 380, 382, 397, 399—402, 404, 405, 408, 410, 411, 425, 434, 447, 463, 464, 474, 490, 491, 493, 494, 497, 499—501, 504—507, 510—515, 517—524, 526, 527, 529, 532, 534, 538, 552, 565—567, 569, 578, 581, 582, 586, 587, 590, 613, 629, 631, 633, 636, 639—644, 654, 656—659, 663,

- 664, 667—669, 671, 673, 675, 676, 679, 680, 682—692, 695—697, 699, 700, 706, 709—711, 721, 724, 730, 731, 733, 740—742, 767—769, 786, 788, 794—797, 801, 804, 805, 818, 819, 821, 825—829, 832, 851, 857—859, 867, 870, 873, 874, 876, 879—881, 886, 891, 896, 901—903, 905, 906, 913—918, 924—926, 931, 932, 948, 952, 953, 955, 971, 972, 975, 978, 994, 1001, 1003, 1009, 1032, 1037—1039, 1041—1044, 1049, 1050, 1057, 1058, 1064
- Вяземский П. П., князь 511
- Габбе П. А. 727, 733, 739
- Гаевский В. П. 448, 609, 782, 784, 892, 920—922, 963, 1011, 1039—1041, 1055, 1056, 1060
- Галахов А. Д. 868, 875
- Гали см. Али ибн Аби Талиб
- Галилей (Galilei) Г. 81, 310, 804
- Галич А. И. 17, 188, 193, 530, 533, 534, 548, 787, 803
- Галлан (Galland) А. 1007, 1008
- Ганнибал А. П. 8 («Петра питомец», «прадед мой арап»), 115 («царский арап»), 154 («Петра питомец», «прадед мой арап»), 339 («царский арап»), 398, 405—407, 425 («царский арап»), 429, 430, 464 («царский арап»), 479, 481, 482, 581 («царский арап»), 867 («арап»), 936 («царский арап»), 963 («царский арап»), 964 («царский арап»), 966—968, 987
- Ганнибал (урожд. Пушкина) М. А. 818
- Ганнибал (урожд. Диопер) Е. А. 967
- Ганнибал П. А. 967
- Ганнибалы 967
- Гаркави А. Я. 1011
- Гарун аль-Рашид см. Харун ар-Рашид
- Гаспаров Б. М. 625, 870, 873, 887, 891
- Гаспаров М. Л. 604, 623, 637, 676, 819, 837, 936, 1072
- Гастфрейнд Н. А. 784, 791, 793
- Гафиз см. Хафиз Ширази
- Гедике К. А. 707
- Гейм И. А. 791
- Гейченко С. С. 866, 973
- Геллер Л. М. 539
- Гельд Г. Г. 774, 775
- Гельти (Hoelty) Л. Г. X. 789
- Геннади Г. Н. 476, 477, 505, 508, 520, 623, 651, 653, 687, 690, 717, 720, 721, 744, 745, 780, 799, 830, 898, 909, 920, 922, 925, 927, 1007, 1041, 1064
- Георгиевский П. Е. 831, 903
- Георгий XII, царь Грузии 900
- Гербель Н. В. (псевд. Русский) 520, 610, 653—656, 682, 720—722, 922, 925, 963, 984, 1041, 1055, 1056, 1064
- Герен (Guérin) П.-Н. 815
- Герман К. Ф. 530
- Герцен А. И. 609, 682, 719, 898, 1041, 1068
- Гершензон М. О. 389, 470, 704, 893
- Гесиод 471
- Гессен С. Я. 491
- Гете (Goethe) И. В. 383, 443, 487—490, 492—494, 497, 501, 647, 676, 731, 873, 893, 916, 986—991, 995, 996, 998, 999, 1005, 1017
- Гизо (Guizot) Ф. 557, 966
- Гиллельсон М. И. 475, 782, 789, 826, 1067, 1070
- Гинзбург Л. Я. 705, 856, 1064, 1069
- Гинзбург Ю. А. 628
- Гиппиус В. В. 1018
- Гирей, династия крымских ханов 970
- Глаголев А. Г. 402, 943
- Глассэ (Glasse) А. 1044
- Глебов Г. С. 627, 987, 995, 999
- Глинка М. И. 702, 704, 708
- Глинка С. Н. 520, 693, 918
- Глинка Ф. Н. 38, 403, 404, 410, 463, 523 («Фита Глинка»), 527, 542, 562, 587, 594, 595, 600, 604, 643—645, 663, 664, 684, 686, 710, 816, 870, 889, 890

- Глинский М. Л., князь 886
Гловер (Glover) Р. 471
Гмелин С. Г. 933
Гнамманку (Gnammankou) Д. 481
Гнедич Н. И. 398, 440, 501, 521, 522, 525, 530, 533, 608, 675, 680, 684, 686, 710, 711, 753, 824, 916, 935, 936, 943, 952, 1037, 1048
Гоголь Н. В. 644, 865
Годунов Борис Федорович, русский царь 395, 399, 406, 411, 420, 425, 426, 438, 442, 479, 498, 512, 514, 552, 604, 727, 731, 732, 736, 754, 766, 778, 786, 795, 867, 873, 931, 948—950, 951, 959, 1007, 1008, 1019
Гозенпуд А. А. 624
Голицын А. Н., князь 17 («святой отец»), 187 («глупец и трус», «святой глупец»), 188 («святой отец», «апостол Криднерши»), 193 («святой отец»), 522—524, 526, 529—533, 535, 641, 698, 773, 783, 1057
Голицын В. В., князь 940
Голицын Д. В., князь 794
Голицын С. Г., князь 433
Голицына Н. С., княгиня 484
Головин В. М. 784
Гольденвейзер А. Б. 484, 485
Гомер 440, 444, 447, 451, 455, 472, 548, 887
Гомес Креспо (Gomez Crespo) Ф. 573
Гонзага (Gonzaga) Т. А. 429, 458
Гончаров А. Н. 444, 481
Гончаров И. А. 520
Гораций (Квинт Гораций Флакк) (Quintus Horatius Flaccus) 300, 415, 417, 418, 446, 469, 472, 484, 493, 525, 548, 553, 557, 665, 666, 674 («Флакк»), 676, 778, 783, 787, 879 («Флакк»), 791, 903, 906, 1023
Горбенко Е. П. 953
Гордеев Н. М. 962
Гордин А. М. 821, 967, 1065
Горизонтов Л. Е. 951
Горнфельд А. Г. 987
Городецкий Б. П. 632, 736, 786, 789, 1022, 1064
Горохова Р. М. 837, 840
Горчаков А. М., князь 75, 303, 380, 416, 548, 778—780, 784—786, 790, 831, 903
Горчаков В. П. 382, 758
Горячева Т. В. 888
Госнер (Gossner) И. 523
Гофман М. Л. 380, 508, 509, 651, 714, 893, 1044
Граббе П. Х. 932, 937
Грей (Gray) Т. 570
Грехнёв В. А. 513, 704, 817
Греч Н. И. 470, 475, 528, 534, 683, 840, 1058
Гречаная Е. П. 535, 638, 725, 735—740, 774, 1072
Грибовский М. К. 644
Грибоедов А. С. 45, 380, 411, 412, 477, 480, 488, 492, 667, 677, 678, 684, 686, 753, 766, 824, 845, 916, 924
Григорьев В. Н. 686
Григорьева А. А. 972
Гримм (Grimm) В. 750, 751
Гримм (Grimm) Ф. М. фон, барон 239 («барон»), 240 («барон»), 615
Гримм (Grimm) Я. 750, 751
Гришунин А. Л. 883
Гро (Gros) Ж.-А. 815
Громбах С. М. 777, 800
Гроссман Л. П. 396, 406, 569, 637, 725—727, 734, 735, 892, 932, 934, 937—940
Грот К. Я. 494, 551, 780, 783, 790—793, 999
Грот Я. К. 494, 551, 719, 732, 778, 790, 791, 793, 794, 845, 929—931, 952, 999, 1065
Губер П. К. 538
Губко Е. А. 1067
Гудзий Н. К. 939
Гуковский Г. А. 754, 811, 870, 890
Гура А. В. 965, 966
Гуревич А. М. 489
Гурьев А. Д., граф 443

- Гурьев К. В. 791
Гурьянов И. Г. 815, 851
- Давыдов А. Л. 676
Давыдов В. Л. 466, 467, 842, 972, 982
Давыдов Д. В. 619, 686, 710, 736, 737, 739, 887, 983, 998
Дагобер (Dagobert) I, король франков 1014, 1015
Д'Аламбер (D'Alembert) Ж. Л. 502, 546, 558
Даль В. И. 689, 713, 755, 796, 822, 842, 865, 941, 999, 1011, 1012, 1033, 1064
Данзас Б. К. 798
Данзас К. К. 301, 778, 791, 792
Данилевский Г. П. 920
Данилевский Р. Ю. 750, 988, 993
Данилов И. В. 481
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 54, 393, 451 («Дант»), 681 («Дант»), 987
Дантес (д'Антес) Геккерн Ж.-Ш., барон 792
Даппер (Dapper) О. 934
Дарвин М. Н. 590
Даргомыжский А. С. 574
Дарю (Daru) П. 548
Дау см. Доу Дж.
Дашков Д. В. 510, 517, 609, 671, 674, 676, 686, 696, 896, 924, 1057
Дашков П. Я. 519, 520, 702, 898, 921, 922, 1040, 1060
Дворский (Dworski) А. 948, 949, 951
Дейч Г. М. 730
Делиль (Delille) Ж. 474, 1021, 1023
Делинь см. Линь Ш.-Ж. де
Дельвиг А. А. (отец), барон 483
Дельвиг А. А., барон 76, 154, 303, 308, 380, 385, 397—400, 412, 415—417, 427, 431, 470, 472, 477—480, 482—484, 493, 501, 522, 526, 538, 566—568, 591, 596, 622, 635, 644, 667, 668, 673, 682, 691, 692, 698, 704, 708, 710, 712, 717, 721, 724, 756, 757, 763, 764, 767, 768, 771, 778—785, 787, 789, 796—798, 819, 838, 843, 845—847, 851, 852, 862, 888, 916, 931, 952, 953, 958, 959, 963, 981, 1010, 1022, 1023, 1029, 1030, 1039—1045, 1057, 1058, 1063, 1065
Дельвиг А. И., барон 664, 798
Дельвиг (урожд. Салтыкова) С. М. 591, 635, 756, 757
Демин А. О. 832
Демиховская О. А. 730
Демиховский К. 730
Денисенко С. В. 901, 1067, 1068
Депрео см. Буало-Депрео Н.
Державин Г. Р. 239, 240, 410, 480, 525, 529, 554, 556, 562, 595, 613, 614, 616—619, 624, 673, 677, 716, 733, 796, 809, 812, 822, 890, 891, 907, 954, 1051, 1065
Державина Г. А. 613
Десницкий В. А. 564
Деспот-Зенович (Despot-Zenowicz) И. С. 570, 635, 638, 716, 893
Дестунис С. 551, 552
Джами (Нуриддин Абдурахман ибн Ахмад Джами) 586, 759
Дживелегов А. К. 912
Дибич-Забалканский И. И., граф 717
Дидро (Diderot) Д. 546, 558
Дилара-Бикеч (Диляра-Бикеч), жена крымского хана Керим-Гирея 569
Димитрий Иванович Донской, князь Московский и великий князь Владимирский 481
Диоген Лаэртский 802
Диоген Синопский 310, 802, 804
Диопер Е. А. см. Ганнибал Е. А.
Диршмид (Dirschmid) Ф. В. фон 853
Дитрих (Dietrich) А. 998
Дмитриев А. И. 796
Дмитриев В. В. 675
Дмитриев И. И. 45, 439, 479, 609, 623, 668, 676, 677, 679—682, 684, 686, 733, 796, 819, 879, 917, 733, 796, 827, 879, 917, 950, 954, 1038, 1042, 1043, 1047—1055, 1065

- Дмитриев М. А. (псевд. Юст Вериди-ков) 402, 663, 664, 680, 687 («Юст Веридиков»), 688, 692, 755, 794, 817, 827, 901, 916, 917, 1005, 1042
- Дмитриева Е. Е. 576
- Дмитриева Н. Л. 462—465, 1067
- Добрицын А. А. 539, 576, 597, 657, 1006, 1048, 1050
- Добродомов И. Г. 644, 905, 918
- Довгий О. Л. 669
- Долгова Н. М. 751
- Долгорукий И. М. 893, 894
- Долгоруков Н. А. 504, 519, 609, 653, 681, 720—722, 770, 771, 897, 909, 921, 922, 1039, 1060
- Долинин А. А. 390, 405, 614
- Домициан (Тит Флавий Домициан) (Titus Flavius Domitianus) 559
- Дондуа К. Д. 897, 900
- Доннерт (Donnert) Э. 948
- Донно де Визе (Donneau de Visé) Ж. 1006
- Донская Н. А. 716
- Достоевский Ф. М. 417, 429, 554, 555, 595, 966
- Доу (Dawe) Дж. 433
- Драйден (Dryden) Дж. 1014
- Дроз (Droz) Ф. К.-Ж. 664, 665
- Дроз И. см. Дроз Ф. К.-Ж.
- Дубельт Л. В. 421, 428, 432, 437, 442
- Дубицкий, домовладелец 876
- Дубровский А. В. 1067
- Дубшан Л. С. 859
- Дунин-Борковский Дм. 642
- Дурьлин С. Н. 617
- Дю Риє де ла Гард Малезер (Du Ryer de la Garde Malezair) А. 588, 589, 597, 603
- Дюперье (du Perier) 1022
- Дягилев С. П. 503
- Егорова Е. Н. 705
- Екатерина II, императрица 16, 31 («старушка милая»), 187, 191, 193, 239 («великая жена»), 241, 242, 525, 529, 554, 556, 562, 568, 609—619, 677, 885, 897, 911, 917, 950
- Екатерина Павловна, великая княгиня 912
- Елагин И. П. 48, 691, 695, 696
- Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П. 864, 865
- Елизавета Алексеевна, императрица 705, 792
- Елизавета Петровна, императрица 8 («Елисавета»), 154, 398, 481, 482, 525, 599, 613 («Елисавета»), 617 («Елисавета»)
- Ермак Б. 730
- Ермолов А. П. 480, 498, 674, 788
- Ершов Л. Ф. 1070
- Есаулов А. П. 574
- Есипов В. М. 627, 628, 731, 867, 881, 882
- Ефимьев Д. В. 646
- Ефрем Сирин 888
- Ефремов П. А. 475, 476, 505, 508, 519, 520, 540, 543, 574, 609, 610, 619, 623, 631, 643, 648, 650, 651, 653, 682, 697, 702, 703, 719—723, 759, 767, 769, 779, 794, 797, 800, 810, 813, 814, 830, 851, 852, 857, 869, 877, 882, 883, 892, 898, 899, 909, 910, 919—923, 926, 927, 929, 944, 946, 952, 964, 977, 984, 986, 1007, 1024, 1026, 1040, 1055, 1056, 1060, 1065
- Ефрон И. А. 1063
- Ж. К.** 470
- Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 39 («Йоанна»), 248 («Йоанна»), 646, 647 («Иоанна д'Арк»), 648—650
- Жантйи-Бернар (Gentil-Bernard) П.-Ж. 1022
- Женгене (Ginguené) П. Л. 735, 759, 838
- Жерар (Gérard) Ф., барон 815
- Живов В. М. 527, 621, 625
- Жильбер (Gilbert) Н. Ж.-Л. 727, 855, 907, 908
- Жияякова Э. М. 523

- Жирмунский В. М. 383, 397, 488, 556, 698, 699, 846, 987—989, 995, 1002
- Житомирская С. В. 1058
- Жихарев С. П. 681, 924
- Жуи (Joüy) В.-Ж.-Э. де 665
- Жуйкова Р. Г. 633, 682, 971, 1065
- Жуковский В. А. 11, 339, 380, 382, 389, 390, 397, 407, 411, 412, 415, 416, 422, 425, 428, 437, 452, 460, 469, 471, 475, 477, 491, 492, 494—497, 510, 511, 519, 523, 525, 527—529, 536, 540, 541, 543, 562, 563, 565, 570, 571, 581, 582, 586, 596, 603, 606, 608, 610, 618, 619, 626, 627, 629, 646, 653, 658, 661, 663, 664, 673, 674, 676, 679, 680, 684, 686, 695, 698—701, 705—707, 709, 717, 733, 740, 749, 753, 768, 771, 783, 784, 787, 795, 796, 805, 806, 821, 824, 839, 862, 864, 866, 873, 874, 893, 896, 903—906, 917, 918, 947, 950, 952—955, 957—959, 963, 964, 969, 994, 997, 998, 1001, 1010, 1017, 1028, 1030, 1032, 1036—1038, 1041, 1048, 1051, 1057, 1061, 1065
- Жуковский П. В. 447, 1010
- Журибеда Ж. С. 866
- Жюльвекур (Juvécourt) П. де 635, 638, 754
- Заборов П. Р. 606, 615, 646, 647, 1065
- Заборова Р. Б. 687, 689, 691, 692
- Завадовский И. 504
- Завалишин Д. И. 829
- Загорский М. Б. 993
- Загоскин М. Н. 446
- Зайцева А. И. 962
- Зайцевский Е. П. 686
- Закревская (урожд. графиня Толстая) А. Ф., графиня 555
- Закревский А. А., граф 555, 655
- Закруткин В. А. 939
- Занд (Sand) К. Л. 620
- Западов А. В. 669, 672, 674
- Захаренко Н. Г. 1070
- Захаров И. С. 253, 696, 697
- Звавич И. С. 859
- Звягинцев Л. И. 1011
- Зедделер Л. И. 798
- Зеленецкий К. П. 852, 853
- Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
- Зенон Элейский 549, 802—804
- Зильберштейн И. С. 478
- Зиссерман П. И. 662, 666, 848
- Зленко Г. Д. 665
- Золотов В. А. 697
- Золотова О. Н. 402, 680, 1050, 1067
- Зорин А. Л. 528, 535, 1062
- Зоркая Н. М. 940
- Зубкова Н. А. 697, 863, 953
- Зубов А. Н. 114, 338, 339, 961, 963
- Зубов П. А., князь 31, 239, 423, 462, 609—612, 614, 911
- Зуева Т. В. 1032
- Зырянов О. В. 627, 808
- И**...в Ф. 491
- Ибрагимов Н. М. 685
- Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 884
- Иваницкий А. И. 550, 554, 555, 562
- Иванов А. А. 528
- Иванов А. В. 554
- Иванов Вяч. И. 418
- Иванов К. И. 779
- Иванова Г. М. 1067
- Иванова Т. Г. 933
- Ивановский А. А. 723
- Иванчин-Писарев Н. Д. 669, 686, 1049
- Ивелич Е. М., графиня 684
- Ивинский Д. П. 826—829, 880, 881, 951
- Игошева Т. В. 555
- Иезуитова Р. В. 429, 459, 500, 585, 624, 627, 732, 749—751, 846, 857, 861, 932, 936, 1018, 1029, 1065, 1067
- Измайлов А. Е. 51 («журнальный шут», «площадной шут»), 255 («журнальный шут»), 402, 403, 490, 492, 521,

- 524, 642, 661, 663—665, 677, 683, 685, 686, 710—712, 764, 908
- Измайлов В. В. 412, 514, 571, 572, 587, 588, 591, 741, 763, 861, 1049
- Измайлов Н. В. 150, 156, 164, 432, 437, 459, 477, 484—486, 503—506, 510, 518—520, 564, 565, 578—583, 610, 611, 622, 623, 635, 636, 645, 653, 682—684, 686, 756, 840, 926, 944, 955, 956, 964, 969, 970, 972, 975, 977, 978, 1008, 1017, 1025, 1032—1034, 1055, 1071
- Иличевский А. Д. 309, 415, 478, 551, 753, 779, 783, 792, 1038
- Ильин А. А. 700
- Ильин-Томич А. А. 645
- Ильинский М. И. 561
- Ильинский М. С. 554
- Ильичев А. В. 625
- Инзов И. Н. 481
- Иоанна д'Арк см. Жанна д'Арк
- Йоде (Jode) П. де (младший) 860
- Иосиф II (Joseph II) Габсбург, император Священной Римской империи германской нации 615
- Исаков Я. А. 1064, 1065
- К**.....ая А. П. 816
- К—в Н. 664
- Кабашников К. П. 749, 1032
- Кавелин Д. А. 17, 188, 191, 533, 534
- Каверин П. П. 114, 475, 476, 505, 898—900, 962, 1041, 1060, 1069, 1072
- Казакова Н. А. 790
- Казарин В. П. 817
- Казначеев А. И. 421, 422, 485, 490, 578, 660, 1036
- Казот (Cazotte) Ж. 738
- Кайе (Cayet) В.-П. 989
- Кайль (Keil) Р.-Д. 488
- Калайдович К. Ф. 935
- Калачев Н. В. 941
- Калашников М. И. 7 («михайловский приказчик»), 474, 566 («Мих(айло)»), 811 («Мих(айло)»), 973 («михайловский приказчик»), 978
- Калашникова (в замуж. Ключарева) О. М. 121 («дева бойкая»), 976 («дева бойкая»), 977 («дева бойкая»), 978
- Калло Е. М. 762, 764
- Каменский З. А. 533
- Кантемир А. Д. 676, 677, 903, 904, 906, 908, 986, 903, 904, 906, 908
- Кантемир Д. К. 588
- Капнист А. В. 536
- Капнист В. В. 410, 493, 629, 800
- Капнист П. И. 466, 505, 536, 537, 565, 583, 631, 635, 636, 639, 658, 721, 756, 758, 762, 773, 892, 895, 1060, 1066, 1071
- Капнист С. В. см. Скалон С. В.
- Карабанов П. Ф. 941
- Карагеоргий (Георгий Петрович, Георгий Черный) 457, 591
- Карамзин Н. М. 401, 412, 425, 438, 531, 553, 557, 558, 562, 574, 575, 603, 612—616, 618, 650, 659, 660, 679, 680, 683, 689, 695, 716, 717, 739, 763, 767, 809, 819, 883, 896, 897, 917, 926, 948, 949, 951, 954, 959, 982, 994, 996, 1012, 1042, 1055
- Карамзина Е. Н. см. Мещерская Е. Н.
- Карамзины 473, 1048
- Каратыгин П. П. 720, 877, 878, 882, 883
- Карданова Н. Б. 841
- Кардаш Е. В. 392, 412, 462, 626, 628, 629, 1068
- Карелина (урожд. Семенова) А. Н. 591, 635, 756
- Карин Ф. Г. 646
- Карлейль (Carlyle) Т. 734
- Карнеев З. Я. 529
- Карниолин-Пинский М. М. 586
- Карпов А. А. 1048
- Карпов Н. А. 463, 464, 691
- Картавов П. А. 1039, 1060
- Карцев Ф. И. 646
- Касаткина Т. А. 555
- Касты (Casti) Дж. 1014

- Катенин П. А. 407, 426, 477, 542, 549, 662, 665, 666, 739, 753, 754, 824, 825, 840, 924, 1053
- Катилина (Луций Сергий Катилина) (Lucius Sergius Catilina) 552
- Каткарт (Cathcart) У. Ш., граф 422
- Катулл (Гай Валерий Катулл) (Gaius Valerius Catullus) 553
- Каховский П. Г. 320, 380 («пятеро повешенных»), 654, 850 («К»), 851, 911
- Кац Б. А. 539, 540, 811
- Каченовский М. Т. 47 («Курилка журналист»), 48, 127, 253, 357, 401—403, 624, 686—688, 689 («Михайло Коченовский»), 690—694, 696, 916, 1004—1006, 1058
- Кашталева К. С. 588, 589, 592, 593, 595, 607, 608, 1065
- Кемден (Camden) У. 860
- Кемпфер (Kämpfer) Э. 939
- Керим-Гирей, крымский хан 569, 570
- Керн (урожд. Полторацкая, во втором браке Маркова-Виноградская) А. П. 255 («А. П. К.»), 380, 388, 389, 400, 619, 621, 650, 651, 662, 702—704, 707, 708, 714, 744—747, 777, 800, 818, 919—921, 976, 1044, 1065
- Керн (в замуж. Шокальская) Е. Е. 708
- Керн Е. Ф. 703, 746 («Ермолай Федорович»), 777
- Кибальник С. А. 630, 638, 758, 759, 775, 914, 976, 979, 980
- Кибиров Т. Ю. 795
- Килгур, Байард (Kilgour, Bayard) Л. 503
- Кирджили Г. 434, 435
- Киреевский П. В. 479, 932, 965
- Кирпичников А. И. 696
- Кирша Данилов (Никитиных К. Д..) 755, 756, 935, 937, 942
- Киселев Н. Д., граф 433, 481
- Киселев П. Д., граф 537, 616, 853
- Киселева (урожд. Потоцкая) С. С., графиня 569
- Киселева Т. Е. 1067
- Китанина Т. А. 390, 724, 902, 1067, 1068
- Клейн (Klein) И. 626, 905
- Клейн Л. С. 548
- Клеопатра VII Филопатор 19, 20, 21 («она»), 22 («царица»), 196, 197, 198 («она»), 199 («она»), 200—202, 205, 207 («царица»), 208 («царица»), 210, 211, 392, 393, 424, 425, 459, 461, 462, 470, 540—557, 559—563, 572, 658, 791, 1031
- Клепиков С. А. 854
- Климова М. Н. 940
- Клингер (Klinger) Ф. М. 993, 994, 998—1000
- Клопшток (Klopstock) Ф. Г. 789
- Клушин А. И. 630
- Ключарев П. С. 978
- Княжевич А. М. 665
- Княжевич В. М. или Княжевич Д. М. 43, 252 («К***»), 661—663
- Княжевич В. М. 665
- Княжевич Д. М. 665
- Княжнин Я. Б. 612, 623
- Кобеко Д. Ф. 791, 792
- Ковальчикова (Kowalczykowa) А. 948
- Коган Г. Ф. 595
- Козлов В. И. 500
- Козлов И. И. 49, 253, 254, 397, 463, 512, 517, 527, 591, 629, 671, 675, 686, 687, 690—692, 697—701, 735, 760, 800, 1007
- Козлова (урожд. Давыдова) С. А. 700, 701
- Козмин Н. К. 693
- Колзакова А. И. 665
- Коллин (Collin) Г.-И. 558
- Колло-д'Эрбуа (Collot d'Herbois, Collot-d'Herboix) Ж.-М. 59, 726, 734, 740
- Колмаков А. В. 588, 589
- Колосова (в замуж. Каратыгина) А. М. 684
- Кольцов А. В. 505
- Комаров В. В. 702, 1065
- Комсин, генерал 920

- Кондаков Ю. Е. 529, 534
Коноплев В. Г. 719, 720, 722, 729, 730
Конрад Н. И. 988
Констан де Ребек (Constant de Rebecque) Б. 382, 383
Константин Великий (Flavius Valerius Aurelius Constantinus), византийский император 445, 449
Константин Павлович, великий князь 911, 912
Конфуций (Кун-цзы) 589 («Кун-Тсез», «Конфуциус»)
Коперник (Copernik) Н. 804
Коплан Б. И. 869
Корде (Corday) д'Армон М.-А.-Ш. де 57 («дева-эвменида»), 59, 274 («дева-Эвменида»), 726, 729, 737, 738, 740
Коренева М. Ю. 993
Корепова К. Е. 965
Коринна 11, 163 («Корина»)
Корнель (Cornelle) Т. 1006
Корнилович А. О. 407, 499, 683, 686, 934, 938
Королева Н. В. 1066
Корсаков Д. А. 533
Корсаков Н. А. 74 («кудрявый наш певец»), 301, 307, 309, 416, 778, 784
Корф М. А. 475, 791, 794
Корш Ф. Е. 838
Костомаров Н. И. 938
Костров Е. И. 885
Костюшко (Kościuszko) А. Т. Б. 111, 950
Котко 847
Кохно Б. Е. 503
Кочеткова Н. Д. 533, 695, 1069
Кочнева Е. В. 528
Кочубей В. П. 730
Кошанский Н. Ф. 548, 773
Кошелев В. А. 533, 565, 567, 665, 820, 867, 877, 880, 884, 1062
Кошелева О. Ф. 867
Коциенко И. В. 465, 1045—1047, 1050
Краевский А. А. 243, 622
Краммер (Cramer) К. Ф. 773
Краснобродько Т. И. 386, 458, 465, 577, 587, 670, 713, 807, 831, 850, 871, 982, 1010, 1063, 1067
Красовский А. И. 140, 144, 373, 375, 507, 522—524, 526, 527, 1041, 1045, 1055—1059
Крачковский И. Ю. 592, 593
Крестова Л. В. 485
Кривцов Н. И. 961
Круммиг А. А. 588
Крылов А. А. 413, 663, 764
Крылов И. А. 412, 500, 592, 623, 663, 680, 683, 684, 686, 808, 926, 936, 1049—1051
Крэвен (Craven) Э. 568
Крюденер (Krüdener; урожд. Фитингоф) В. Ю. фон, баронесса 188 («Криднерша»), 535
Ксеркс I, персидский царь 678
Куаньи Э. де см. Франкето де Куаньи А.-Ф.-Э. де
Кузнецов И. С. 550, 1024, 1025
Кузьмина В. Д. 1015
Кукольник Н. В. 798
Кукулевич А. М. 748, 750—753
Кулагин А. В. 1018, 1019
Кумпан К. А. 917, 1064
Куницын А. П. 305, 530, 780—782, 793
Куприянова Н. И. 978
Курганов Е. Я. 463, 798, 799
Курганов Н. Г. 48, 691, 694, 696, 822, 933
Курилкин А. Р. 859, 1058
Кусовников А. М. 981
Кушаков А. В. 947, 948
Кюбьер-Пальмезо (Cubières-Palmezeaux) М. 738
Кюхельбекер В. К. 45, 76 («Вильгельм»), 139, 304 («Вильгельм»), 309 («Вильгельм»), 372, 385, 386, 395, 397—399, 404, 411, 412, 417, 427, 465, 477, 479, 480, 482, 484, 492—494, 497, 498, 507, 511, 512, 514, 517, 562, 586, 587, 591, 592, 667, 669—672, 675, 677, 678, 681, 686, 710, 732, 763, 766, 769, 772,

- 778—782, 785, 787—789, 793, 805—807, 831, 870—872, 884, 885, 888, 890, 906, 942, 954, 982, 994, 1005, 1037, 1038, 1066
- Кюхельбекер (урожд. Ломен) Ю. Я. 788 («мать»)
- Лабенский Ф. И. 860
- Лабзин А. Ф. 529
- Лавров А. В. 669
- Лагарп (Laharpe, La Harpe) Ж.-Ф. 553, 561, 633, 634, 646, 738, 765, 903
- Лажечников И. И. 554, 919
- Лакшин В. Я. 538
- Ламартин (Lamartine) А.-М.-Л. де 513, 516, 664, 727, 728, 887
- Ламораль Ш.-Ж., принц де Линь (de Ligne) 239 («Делинь»), 240 («Делинь»), 554, 615
- Ланда С. С. 853, 947, 948, 951
- Ланжерон А. Ф., граф 443
- Лапкина Г. А. 867, 968
- Ларионова Е. О. 390, 392, 398, 402, 458, 460, 462—465, 470, 480, 503, 512, 521, 563, 640, 644, 654, 659, 676, 688, 724, 725, 743, 765, 768, 770, 782, 785, 810, 811, 840, 842, 854, 901, 927, 955, 963, 994, 1017, 1036, 1044, 1057, 1067, 1068
- Латуш (La Touche, la Touche, Latouche) А. де (наст. имя и фам. Я. Ж. А. Табо (H.-J.-A. Thabaud)) 59, 391, 394, 724, 725, 734—736, 738—741
- Лафонген (La Fontaine) Ж. де 412, 623, 646, 676, 681, 1014, 1050
- Лебедева О. Б. 488, 490, 493—495, 499, 707, 1066
- Левашов Е. А. 897
- Лёве-Веймар (Loeve-Veimars) Ф.-А. 937
- Левин Ю. Д. 966
- Левинтон Г. А. 576, 940, 998, 1000
- Левкиевская Е. Е. 951
- Левкович Я. Л. 416, 437, 442, 463, 464, 488, 491, 510, 521, 524, 565, 611, 612, 663, 683, 694, 710, 781, 783, 852, 967, 1066, 1067, 1070
- Лёвшин А. И. 934
- Легуве (Legouvé) Г.-М.-Ж.-Б. 680
- Лекутё (Le Coulteux; урожд. Пурра) Ф. 56 («Фанни»), 58 («Фанни»), 267 («Фанни»), 736
- Леметр де Саси (Lemaistre de Sacy, Le Maître de Sacy) Л.-И. 570, 810, 811, 889, 908
- Лемке М. Н. 730
- Лемольт Ш. 528
- Лемонте (Lemontey) П. Э. 500, 936
- Ленц (Lenz) Я. М. Р. 994
- Леонид I, спартанский царь 45, 678
- Леопольдов А. Ф. 719—722, 729—731
- Лепид (Марк Эмилий Лепид) (Marcus Aemilius Lepidus) 552
- Лермонтов М. Ю. 540, 555, 593, 606, 629, 715, 716, 820, 874, 875, 882, 883
- Лернер Н. О. 474, 478, 490, 496, 499, 500, 502, 509, 513, 518, 519, 524, 537, 538, 589, 594, 596, 597, 607, 610, 612, 620, 627, 628, 654, 713, 715, 766, 813, 826, 867, 873, 875, 878, 880, 883, 892, 927, 928, 945, 956, 968, 974, 984, 1014—1016, 1026, 1027, 1035, 1046, 1047, 1052, 1054—1056, 1066
- Лессинг (Lessing) Г. Э. 995
- Легурнёр (Letourneur) П. 552, 557, 562, 966
- Лжедмитрий I 949, 951
- Лжедмитрий II 950
- Либинзон Э. Е. 789
- Линь де см. Ламораль Ш.-Ж., принц де Линь
- Лисенко И. В. 503
- Листов В. С. 563, 881, 884, 996
- Лифарь С. М. 503
- Лицинский 435
- Лобанов М. А. 965
- Лобанов М. Е. 183, 505, 534
- Лобанова А. С. 406, 413, 463, 465, 474, 486, 766, 973

- Лобанова Э. Ф. 920, 980, 981
 Лобанов-Ростовский Д. И., князь 1003
 Лобанов-Ростовский Я. И., князь 1003
 Лобикова Н. М. 603
 Лобода А. М. 965
 Лодыгин Ф. М. 847, 848
 Лозанова А. Н. 932
 Локк (Locke) Дж. 695
 Ломоносов М. В. 410, 592, 599—601, 619, 626, 669, 675, 677, 694, 695, 807, 844, 897
 Лонгинов М. Н. 504, 519, 531, 609, 653, 686, 720—722, 875—877, 883, 884, 897, 898, 919, 921, 922, 1040, 1042, 1060
 Лонгинов Н. М. 928
 Лотман Л. М. 406, 553, 748, 750—753
 Лотман Ю. М. 382, 392, 515, 516, 547, 552, 554, 556, 561, 567, 679, 819, 860, 931, 972, 1066, 1069
 Луве де Кувре (Louvet de Couvray) Ж.-Б. 735
 Лувель (Louvel) Л. П. 620
 Лудилова Е. В. 470, 917, 1067, 1068
 Лузинова И. В. 784
 Лукан (Марк Анней Лукан) (Marcus Appaeus Lucanus) 548, 558
 Лукина Н. В. 866
 Лукреций (Тит Лукреций Кар) (Titus Lucretius Carus) 549
 Луначарский А. В. 1064
 Лушц С. А. 465, 917
 Лупанова И. П. 751
 Луппол И. К. 1064
 Львов Н. А. 774
 Любомирская 951
 Любомудров С. И. 638
 Людовик XVI (Louis XVI), король Франции 59 («le roi», «король»), 729, 735, 738
 Лютер А. 993
 Лямина Е. Э. 534
М. Б. 816
 Магницкий М. Л. 17, 188, 193, 522, 530, 532—534
 Магомет (Магомед, Мухаммед) 25, 26 («пророк»), 27, 28 («боязливый», «пророк»), 30, 218 («пророк»), 219 («пророк»), 223 («пророк»), 225, 227, 228 («боязливый», «пророк»), 238 («пророк»), 252, 530, 579 («пророк»), 583 («пророк»), 584 («пророк»), 586, 588—590, 593, 594, 595 («пророк»), 597, 601, 603—605, 607, 608, 869, 873
 Мазепа (Мазепа-Колединский) И. С. 434 («Гетман»), 435, 871, 966
 Мазур Н. Н. 494, 670, 671, 757, 761, 771, 772, 815, 871, 872, 1021
 Майклсон (Mikkelson) Дж. 1009
 Майков В. И. 595, 596, 624
 Майков Л. Н. 247, 300, 319, 466, 467, 469, 477, 503—505, 519, 520, 563, 583, 609, 627, 628, 631, 635, 639, 650, 653, 697, 708, 713, 717, 742, 758, 776, 849, 931, 932, 938, 982, 1066
 Майкова А. А. 1071
 Маймин Е. А. 512, 515, 704
 Макиавелли (Machiavelli) Н. 879
 Макогоненко Г. П. 632, 680, 800, 1050, 1065, 1069
 Макферсон (Macpherson) Дж. 407
 Малартик де Фонда (Malartic de Fondat) А.-Л.-Ф. де 56 («Авель»), 58 («Авель»), 267 («Авель»), 736, 739 («Abel»)
 Малафеев К. А. 414, 819, 825
 Малеванов Н. А. 779
 Малерб (Malherbe) Ф. де 1021, 1022
 Малиновская Е. А. 503
 Малиновский В. Ф. 792
 Малиновский И. В. 303 («наш казак»), 308 («наш казак»), 778, 781, 792
 Мальзерб (Malesherbes) К.-Г. де Ламуаньон де 57 («святой старик»), 738
 Мальзерб (в замуж. Ле Пелетье де Росамбо) М.-А. де Ламуаньон де 738 («дочь»)
 Мальков М. П. 948

- Мальфилатр (Malfilâtre) Ш. Л. К. 727
 Мальчукова Т. Г. 415, 417, 548, 783, 791, 869
 Манзей К. 962
 Марат (Marat) Ж.-П. 57, 737, 738
 Мараччи (Maracci) Л. 607
 Маргарита Наваррская (Marguerite de Navarre) 634
 Мария Федоровна, императрица 626, 912
 Марк Аврелий Антонин (Marcus Aurelius Antoninus) 923
 Марк Антоний (Marcus Antonius) 546—548, 550, 551, 552, 553, 560—562, 791
 Марков В. 43, 252 («...ков»), 461, 661—663, 665
 Марков Е. Л. 758
 Маркова-Виноградская А. П. см. Керн А. П.
 Марков-Виноградский А. В. 650, 651, 703, 744, 919—921
 Марло (Marlowe) К. 995
 Мармон (Marmont) О. Ф. Л. В. де, герцог Рагузский 876
 Мармонтель (Marmontel) Ж.-Ф. 548, 558, 560, 903, 904
 Маро (Marot) К. 387, 389, 633, 634, 918
 Мартынов А. М. 755
 Мартынов И. И. 615, 774
 Марфа (в миру К. И. Романова, урожд. Шестова) 644
 Марфа Посадница см. Борецкая М.
 Масальский К. П. 686
 Матвеев К. 940
 Матюшкин Ф. Ф. 74 («чужих небес любовник беспокойный»), 75, 302, 778, 784, 790, 793
 Матяш С. А. 844
 Махиабель см. Макиавелли Н.
 Махмуд II, османский султан 44 («султан»), 672
 Медведева И. Н. 488, 844
 Меднис Н. Е. 501
 Медриш Д. Н. 702
 Межаков П. А. 763
 Межов В. И. 1056
 Мейлах Б. С. 396, 724, 726, 727, 729, 737, 738, 783, 793, 864, 1001
 Мельгунов Н. А. 707
 Меншиков А. Д. 481
 Мерзляков А. Ф. 413, 603, 620, 764, 765, 820, 840
 Мериме (Mérimée) П. 407
 Меринский А. М. 505, 508
 Меццерская (урожд. Карамзина) Е. Н., княгиня 429, 1029
 Миклашевский А. М. 820
 Миллер Г. Ф. 933
 Милонов М. В. 493, 879, 907, 954
 Милорадович Г. А. 927, 928
 Милорадович М. А. 644
 Мильвуа (Millevoye) Ш.-Ю. 606, 727, 728
 Мильтиад Младший 45, 511, 678
 Мильчина В. А. 725, 774, 1071
 Милоков А. П. 875
 Минаков А. Ю. 528, 533
 Мирабо (Mirabaud) Ж.-Б. 838
 Мирабо (Mirabeau) О.-Г. 261, 734
 Митник М. 632
 Михаил Павлович, великий князь 794
 Михайло см. Калашников М. И.
 Михайлов А. Д. 1072
 Михайлов П. А. 503
 Михайлова А. К. 465, 651, 919, 921
 Михайлова Н. И. 576, 716, 767, 777, 1012
 Михайлова Т. М. 1067
 Михайловский-Данилевский А. И. 504
 Мицкевич (Mickiewicz) А. Б. 554, 878, 947—949, 951, 1049
 Мкалаева Т. Г. 789
 Мнишек (Mniszech) М. Ю. 951
 Могилянский А. П. 565, 773
 Модзалевский Б. Л. 380, 478, 529, 538, 547, 561, 571, 589, 591, 616, 620, 635, 653, 665, 666, 697, 703, 715, 757, 798, 847—849, 851, 909, 928, 953, 962, 963, 970, 971, 987, 1011, 1043, 1059, 1062, 1066, 1068
 Модзалевский Л. Б. 432, 437, 440, 441, 448, 456, 461, 535, 540, 545,

- 571, 622, 639, 695, 697, 698, 702, 713, 744, 748, 775, 778, 779, 799, 801, 818, 830, 842, 850, 854, 861, 909, 910, 934, 938, 970, 981, 982, 1008, 1012, 1016—1018, 1060, 1068, 1070
- Моисеева Г. Н. 695
- Моле (Molay) Ж. 738, 739
- Молоствов П. X. 114, 338, 962
- Молчанов Л. А. 729
- Молчанов П. С. 838
- Мольво (Mollevault) Ш.-Л. 1048, 1050
- Мольер (наст. имя и фам. Ж.-Б. По-
клен) 408, 574, 676
- Монтескье (Montesquieu) Ш. Л. де
531
- Мордвинов Н. С., граф 677, 1003
- Мордвиновы, графы 1003
- Мордовченко Н. И. 385, 587, 806
- Морозов П. О. 458, 466, 467, 476, 484, 494, 497, 500, 503, 508, 519, 533, 535, 563, 564, 582, 609, 610, 623, 629, 639, 645, 648, 652, 654, 657, 662, 665, 692, 702, 703, 718, 737, 742, 748, 759, 769, 774, 787, 797—799, 801, 810, 814, 830, 838, 840, 849, 852, 854, 861, 882, 883, 892, 898, 899, 922, 926, 928, 944—946, 952, 955, 956, 960, 963, 964, 967—969, 971, 974, 975, 977, 979, 981—986, 1000, 1004, 1007, 1008, 1012, 1013, 1016—1021, 1024—1026, 1028, 1029, 1032—1035, 1067
- Морозов П. Т. 894
- Моцарт (Mozart) В. А. 451, 455, 554, 574
- Мур (Moore) Т. 410, 586, 587, 706, 759—762
- Муравьев М. Н. 596, 796
- Муравьева О. С. 387, 415, 462—464, 571
- Муравьев-Апостол И. М. 565, 566, 568—571, 969, 970
- Муравьев-Апостол С. И. 320 («М<у-
равьев»»), 380 («пятеро повешен-
ных»), 850 («М»), 851
- Мурьянов М. Ф. 635, 766, 767, 811, 812, 1067
- Муханов А. А. 825, 874, 983, 1018
- Муханов Н. А. 874
- Муханов П. А. 720
- Мухановы 758
- Мушина И. Б. 829
- Мясоедова Н. Е. 464, 465, 845, 913
- Н. Д.** 1058
- Набоков В. В. 554, 576, 839, 900, 972, 973
- Надеждин Н. И. 445, 514, 691—694, 755
- Назимов Г. П. 847, 848
- Найдич Э. Э. 784
- Наполеон (Napoléon) I Бонапарт 15, 172—179, 419, 422 («Бонапарте»), 503, 506, 510—512, 514, 516, 518, 572, 576, 578, 624, 644, 655, 732, 739, 789, 790, 911, 912, 960
- Наполеон II (Napoléon II) (Напо-
леон Ф. Ж. III Бонапарт) 173 («юный
сын»), 178 («юный сын», «пленен-
ный сын»)
- Нарышкин А. Л. 788, 888
- Нарышкин Л. К. 961
- Науменко А. С. 751
- Нащокин П. А. 961
- Нащокин П. В. 867, 878, 879, 881
- Нейштадт В. И. 504, 1039, 1060
- Неклюдов С. Ю. 932, 934, 938—940
- Некрасов Н. А. 806
- Нелединский-Мелецкий Ю. А. 570, 623, 646, 819, 885, 1040, 1041
- Немирова Н. В. 1050, 1054
- Немировский И. В. 398, 407, 462—464, 731, 881, 882
- Непомнящий В. С. 554, 645, 649, 842, 856
- Нерон Клавдий Цезарь Август Герма-
ник (Nerō Claudius Caesar Augustus
Germanicus) 498, 532
- Нессельроде К. В. 515
- Нечаев С. Д. 763, 764
- Нечаев С. П. 684, 686
- Нечаева В. С. 525, 591

- Низами Гянджеви (наст. имя Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф) 759
- Никитенко А. В. 456, 1057, 1059
- Никишов Ю. М. 516
- Николаев П. А. 1070
- Николаев С. И. 948
- Николай I (Николай Павлович), император 459, 524, 654, 655, 706, 729, 730, 779, 780, 782, 862, 863, 875—879, 883, 884, 911, 913, 930, 931
- Николай Михайлович, великий князь 535, 912
- Николай Павлович, великий князь см. Николай I
- Николев Н. П. 603, 954
- Новиков В. И. 672
- Новиков И. А. 799, 945, 946, 1029
- Новиков Н. В. 749, 1032
- Новиков Н. И. 612, 934, 994, 1072
- Нольман М. Л. 590, 852
- Норов Авр. С. 638, 930, 937, 938
- О. К.** см. Олег Константинович
- Ободовский П. Г. 686
- Обухова (урожд. Хвоцинская) В. Н. 786
- Овидий (Публий Овидий Назон) (Publius Ovidius Naso) 8, 153, 398, 417, 471, 472, 480, 498, 512, 557, 685, 728, 766, 773, 774, 810, 815
- Огарев Н. П. 609, 922, 1041, 1055, 1068, 1070
- Огонь-Догановский В. С. 438
- Одоевский А. И. 885
- Одоевский В. Ф. 492, 802, 803, 805, 1037, 1066
- Одуэн (Audouin) П. Ж. 738
- Оже (Auger) И. 963
- Озеров В. А. 696, 890
- Озия, царь Иудеи 868
- Оксман Ю. Г. 649, 687, 689, 985, 989, 1062, 1064
- Октавиан Август (Octavianus Augustus), римский император 480, 545, 547, 551, 552 («Octavien-César»), 557, 791
- Олег (Олег Вещий), князь Новгородский, великий князь Киевский 445, 449, 454, 604, 606, 819
- Олег Константинович (Романов), князь императорской крови (О. К.) 519, 689, 779, 1070
- Оленина А. А. 433
- Оленины 703
- Олизар (Olizar) Г. Ф., граф 111, 329, 399, 424, 464, 946—951
- Олин В. Н. 511, 523, 527, 1057
- Олсуфьев В. Д. 962
- Ольдекоп Е. И. 524, 686, 902
- Ольденбург С. Ф. 749
- Омар I (Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук) 17, 188, 193, 530, 531
- Онегин (Отто) А. Ф. 436, 442, 653
- Онипенко Н. К. 1050
- Опатович С. И. 967
- Опочинин Ф. К. 716
- Опульская А. Д. 595
- Орехова Л. А. 665
- Орлов В. Н. 693
- Орлов Г. Г., граф 239, 240, 618, 917
- Орлов М. Ф. 466 («генерал Орлов»), 641, 656, 947, 948, 1004
- Орлов Н. А. 949, 950
- Орлов С. А. 978
- Орлова (урожд. Раевская) Ек. Н. 732
- Орнатская Т. И. 595
- Осипова (в замуж. Беклешова) А. И. 379, 380, 458, 475, 651 («Александр»), 714, 775, 976
- Осипова Е. И. см. Фок Е. И.
- Осипова М. И. 379, 473, 714, 822, 1030
- Осипова (урожд. Вьндомская, в первом браке Вульф) П. А. 25, 53, 238, 256 («П. А. О.», «П. А. О***»), 319, 379, 380, 401, 433, 458, 463, 472—474, 479, 482, 483, 536, 571, 583, 590, 591, 647, 651, 652, 662, 665, 703, 713, 714, 716—718, 775—777, 843, 849, 862, 957, 958, 970, 976, 979, 988, 1009, 1030, 1044

- Осиповы—Вульф 379, 458, 662, 914, 1030
 Осповат А. Л. 669, 1062
 Осповат Л. С. 994
 Остолопов Н. Ф. 402, 642, 678, 684, 710, 711, 765, 903, 905, 935
 Охотин Н. Г. 382, 390, 405, 462—465, 493, 502, 576, 625, 676, 1069
- П-ъ И.** 491
- Павел I (Павел Петрович), император 613, 617, 618, 735, 879, 911, 999
 Павел Петрович, цесаревич см. Павел I
 Павлицев Л. Н. 906, 1040, 1041, 1044
 Павлицева (урожд. Пушкина) О. С. 140 («Ольга Сергевна»), 167, 373 («Ольга Сергевна»), 379, 388, 416, 484, 487, 551, 556, 633, 651, 684, 685, 702, 768, 818, 906, 929, 974, 978, 1010, 1039—1044
 Павлов М. Г. 803
 Павлов Н. Ф. 743, 997
 Павлова (урожд. Яниш (Jae-nisch)) К. К. 707, 875
 Пакатский Г. А., священник 539 («слепой поп»), 867 («слепой поп»)
 Паллас (Pallas) П.-С. 568, 569
 Панаев В. И. 663, 664
 Панаев И. И. 847, 966
 Панж (Panges) де, братья 735
 Панин В. А. 928
 Панчук (Pанskoucke) Ш. Ж. 546, 839
 Панов С. И. 504
 Пантелеев Л. Ф. 1066
 Парменид Элейский 802, 803
 Парни (Pарну) Э.-Д. де Форж де 148, 390, 466—469, 471, 550, 558, 761, 771, 980
 Парсамов В. С. 528, 948
 Парфенов П., крестьянин 474, 481
 Парчевский Г. Ф. 666
 Паскаль (Pascal) Б. 628, 629
 Пассек В. Б. 1010
 Пастернак Б. Л. 708
 Паулуччи Ф. О., маркиз 806 («лифляндский генерал-губернатор»)
- Пекелис М. С. 574
 Пеньковский А. Б. 570, 605, 689, 796
 Перевлесский П. М. 1046
 Перевошиков В. М. 477
 Перикл 44, 511, 673, 674
 Перлина Н. М. 552, 553
 Пермьяков Е. В. 422, 578, 815, 1036
 Персий (Авл Персий Флакк) (Aulus Persius Flaccus) 906
 Песков А. М. 845, 880, 1048, 1066
 Пестель П. И. 320, 380 («пятеро повешенных»), 681, 682, 850 («П»), 851
 Петр I Великий, император 8, 79, 154, 429, 430, 479, 481, 563, 588, 615, 798, 799, 867, 871, 937, 967, 968, 987, 1016, 1053
 Петров В. П. 45, 672, 677, 680
 Петров Д. К. 655
 Петроний Арбитр (Petronius Arbiter) 555, 560 («Pétrone»), 925
 Петрунина Н. Н. 389, 392, 547, 556, 631, 633, 634, 1034
 Петухов Е. В. 477, 478, 1072
 Пешио (Peschio) Дж. 527, 620
 Пешков В. П. 962
 Пещуров А. Н. 786, 957
 Пиис (Piis) П.-А.-А. де 576, 577
 Пиксанов Н. К. 778
 Пильщиков И. А. 469, 814, 832, 839—841, 905, 918
 Пиндар 595, 676
 Пиндемонте (Pindemonte) И. 725
 Пинус С. А. 633
 Пирон (Piron) А. 61, 747
 Писарев А. А. 514, 828
 Писарев А. И. 916, 917
 Пискунова А. С. 700
 Питт (Pitt) У. младший 44, 45, 667, 672
 Пичхадзе А. А. 593, 594
 Пишо (Pichot) А. 557, 573, 575, 587, 624, 760, 761, 958, 966, 1037, 1073
 Платон 527, 562
 Плаутин Н. Ф. 981

- Плетнев П. А. 112, 155, 253, 279, 299, 333, 334, 380, 399, 424, 433, 437, 438, 448—453, 461, 464, 470, 475, 483, 487, 491, 492, 565, 570, 591, 608, 636, 643, 666, 677, 682, 684, 686—689, 698, 699, 710, 719, 721—724, 727, 733, 735, 738, 742, 743, 758, 762, 769, 773, 793, 818, 838, 845, 892, 903, 906, 929, 931, 952—955, 959, 1001, 1005
- Плиний Старший (Plinius Maior), наст. имя Гай Плиний Секунд (Gaius Plinius Secundus) 552, 1011
- Плисов М. Г. 533
- Плутарх 551, 552, 559—561
- Плюскова Н. Я. 587, 643, 870
- Плюшар А. А. 798
- Пнин И. П. 592, 675
- Поволоцкая О. Я. 408
- Погодин М. П. 326, 492, 516, 658, 659, 691, 693, 694, 731, 749, 750, 801, 804, 826, 842, 843, 845, 866, 867, 874, 876, 877, 879—883, 913—915, 929—931, 941, 983, 998, 1051
- Подолинский А. И. 691, 692
- Полевой К. А. 712, 713, 731
- Полевой Н. А. 43, 252 («***ой»), 461, 470, 493, 514, 591, 640, 642, 661, 662, 664, 665, 669, 693, 694, 709—712, 731, 754, 819, 820, 874, 1047—1049
- Полевой П. Н. 519, 970
- Полежаев А. И. 516, 554, 1053
- Поливанов Л. И. 513, 589, 597, 606, 623, 628, 759, 1068
- Полторацкий С. Д. 504, 519, 531, 609, 653, 709, 720—722, 775, 776, 875—877, 883, 884, 898, 919, 921, 922, 1040, 1060
- Поль К. К. фон 523, 1057
- Полякова А. В. 686
- Помпей Великий (Гней Помпей Великий, Гней Помпей Магн) (Gnaeus Pompeius Magnus) 547, 560, 561
- Помпей Младший (Гней Помпей Магн Младший) (Gnaeus Pompeius Junior) 547, 560, 561
- Помпей Секст (Секст Помпей Магн Пий) (Sextus Pompeius Magnus Pius) 547, 560, 561
- Пономарева С. Д. 677
- Понтий Аквила (Луций Понтий Аквила) (Lucius Pontius Aquila) 561
- Попов А. А. 918
- Попов А. Н. 762, 763, 941
- Попов М. М. 719—722
- Поповский Н. Н. 48, 253, 691, 695
- Попугаев В. В. 493, 675
- Порудоминский В. И. 505, 520, 1069
- Постников П. В. 588
- Постнов О. Г. 1044
- Потанин Г. Н. 965
- Потапова Г. Е. 390, 398, 406, 407, 462—464, 474, 486, 489, 572, 676, 956, 973, 1067
- Потемкин-Таврический Г. А., князь 239, 240, 618
- Потоцкая С. К., графиня 569
- Потоцкая-Киселева С. С. см. Киселева С. С.
- Потоцкие 569
- Поуп (Роуп) А. 695, 772
- Придо (Prideaux) Х. 589
- Приклонский П. Н. 769
- Прохогин Н. П. 853
- Прозоровский И. С., князь 940
- Проперций см. Секст Проперций
- Пропп В. Я. 965
- Проскура С. О. 951
- Проскурин О. А. 382, 387, 422, 566, 568, 570, 578, 585—588, 602, 606, 609, 642, 710—712, 759, 761, 846, 855, 856, 994, 1033, 1036, 1069
- Птолеми, династия 545
- Пугачев В. В. 802, 883
- Пугачев Е. И. 793, 931—933, 937, 938, 969, 1032
- Пумпянский Л. В. 626
- Пулята Н. В. 1038

- Пушкин В. Л. 43, 70 («мой дядюшка», «Василий Львович»), 112 («дядя мой», «творец „Опасного соседа”»), 120, 140 («Василий Львович»), 252, 333 («дядя мой», «творец опасного соседа»), 373—375 («Василий Львович»), 394 («В(асилий) Л(ьвович)»), 400, 461, 464 («дядя мой»), 493, 497, 529, 572, 618, 641, 643, 661, 663, 665, 669 («В(асилий) Л(ьвович)»), 675, 680, 684, 686, 768, 769, 783, 785, 796, 876, 897, 898, 924, 952—954, 975, 976, 987 («В. Л. П.»), 1023, 1040 («Василий Львович»), 1041 («Василий Львович»), 1042—1045
- Пушкин Л. С. 7 («Лайон»), 113 («мой брат»), 118 («мильй брат»), 140 («Лев Сергеич»), 154 («мой брат»), 167, 336 («мой брат», «брат мой»), 342 («Лайон»), 373 («Лев Сергеич»), 379, 380, 397, 398, 401, 405, 460, 473, 474, 478, 482—484, 486, 487, 499 («братец Леон»), 500, 512, 515, 519—522, 524, 529, 553, 556, 563, 566, 568, 587, 590—592, 621, 627, 657, 658, 661—664, 667, 668, 683—685, 687—691, 696, 700, 722, 723, 733, 768, 769, 811, 818, 828, 838, 843, 846, 866, 867, 895, 916, 917, 928, 929, 932—934, 952, 954, 957—961, 969, 971—973, 982, 1005, 1017, 1032, 1037, 1039, 1040, 1042, 1044
- Пушкин П. Л. 1043
- Пушкин С. Л. 373 («батюшка»), 374 («батюшка», «папенька», «папилька»), 379, 380, 483, 592, 717, 787, 876, 957, 1039, 1044
- Пушкина А. Л. 70 («Анна Львовна») 140 («Анна Львовна»), 373, 374, 400 («Ан(на) Льв(овна)»), 465 («Анна Львовна»), 768 («Анна Львовна»), 796 («Анна Львовна»), 899 («Анна Львовна»), 1039—1044
- Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н. 438, 444, 538, 641, 715
- Пушкина (урожд. Ганнибал) Н. О. 373 («матушка»), 374 («матушка», «маменька», «маминька»), 473, 717, 718, 787, 806
- Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
- Пушкина (в замуж. Панина) С. Ф. 928, 929
- Пушкины 906
- Пушкины—Ганнибалы, род 652, 866, 906, 1041
- Пуцци И. И. 75, 303, 309, 380, 395, 493, 494, 504, 653, 689, 778—783, 785, 786, 788, 789, 792, 793, 794, 821, 822, 847, 913, 978, 1004, 1060, 1037, 1069
- Пущина (урожд. Апухтина, в первом браке Фонвизина) Н. Д. 779
- Пятковский А. П. 877, 878, 882, 883
- Рабинович Г.** 875
- Радищев А. Н. 525, 608, 612, 883, 887, 1015
- Радовиц (Radowitz) К. 428
- Раевская Ек. Н. см. Орлова Ек. Н.
- Раевская Ел. Н. 759
- Раевская М. Н. см. Волконская М. Н.
- Раевские 538, 568
- Раевский А. Н. 389, 536—539, 659, 743, 785, 800, 945
- Раевский В. Ф. 496, 501, 726, 727, 737, 766
- Раевский Н. Н. (младший) 54, 281, 379, 720—722, 728, 732, 932, 937, 938, 951
- Раевский Н. Н. (старший) 443, 536, 538
- Разин С. Т. 108 («Стенька Разин»), 109 («Стенька Разин»), 326 («Стенька Разин»), 405, 406, 407, 411, 431 («Сенька-Разин»), 464, 624, 755, 862, 929, 930 («Сенька Разин»), 932, 933 («Сенька Разин»), 934—943, 964, 1032
- Разумовский А. К., граф 1058
- Раич С. Е. 488, 686

- Рак В. Д. 407, 429, 464, 554, 629, 696, 708, 757, 802, 966, 987, 994, 1066, 1068
- Рамазанова Г. Г. 638
- Расин (Racine) Ж.-Б. 59, 625, 647, 675, 676, 740, 796
- Распопов А. П. 481
- Рассадин Ст. Б. 999
- Раупах Э. Б. 530
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 608, 706
- Редерер (Roederer) П.-Л. 735
- Резанов В. И. 973
- Резван Е. А. 588
- Рейсер С. А. 1032
- Рейтблат А. И. 1063
- Рейфман П. С. 524
- Рено И. П. 893
- Ренуар (Raynouard) Ф.-Ж.-М. 738, 739
- Репнин Н. В. 885
- Ржевский А. А. 629, 1051
- Ржига В. Ф. 617
- Ривароль (Rivarol) А. 735
- Риего-и-Нуньес (Riego y Núñez) Р. 41, 249—251, 572, 653—657
- Ризнич А. И. 853 («сын»)
- Ризнич (урожд. Рипп) А. Р. С. Э. 388, 389, 742, 743, 800, 851—855, 892, 893, 927
- Ризнич (серб. Ризни, итал. Risnich) И. С. 853, 855
- Ризнич (урожд. Ржевуская) П. 855 («новая м-м Ризнич»)
- Ризнич, семья 853, 854
- Рипп (Ripp) И. Б. П. 853
- Ричардсон (Richardson) С. 797
- Риччи (Ricci) М., граф 874
- Риэго см. Риего-и-Нуньес
- Робеспьер (Robespierre) М.-М.-И. де 59, 725, 729, 735, 737, 740, 741, 1002
- Рогов К. Ю. 827, 828, 931
- Рогова А. И. 386, 390, 402, 405, 406, 458, 463, 464, 522, 638, 687, 692, 724, 840, 916, 1004, 1017, 1057, 1067, 1068
- Родзянко (Родзянка) А. Г. 32, 61, 242, 284, 399, 400, 462, 463, 619—621, 703, 744—747, 843, 844, 846, 929
- Родзянко М. Г. 744
- Рожалин Н. М. 749
- Рождественский Вс. А. 821
- Рождественский С. В. 530
- Розанов М. Н. 725, 733, 838, 840
- Розберг М. П. 894
- Розен Е. Ф. 754
- Розин Н. П. 620
- Розов В. А. 488
- Рокотов И. М. 483
- Романова А. Н. 989, 993
- Романок С. К. 1042, 1044
- Ронсар (Ronsard) П. 980, 1021
- Россет А. О. см. Смирнова А. О.
- Россетти Д. Г. 655
- Россина Н. В. 856
- Россини (Rossini) Дж. А. 574, 577
- Ростопчина (урожд. Сушкова) Е. П. 504, 1060
- Роткирх А. К. 967
- Ротчев А. Г. 591, 592, 602, 606
- Рубенс (Rubens) П. П. 860
- Руденская М. П. 784
- Руденская С. Д. 784
- Рудзевич А. Я. 655
- Руми (Джалаладдин Руми, Мевляна, Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми) 759
- Рунич Д. П. 188 («креститель Галича, Магницкого пророк», «безграмотный дьячок»), 193 («креститель Галича, Магницкого дьячок»), 522, 530, 531, 534
- Русский см. Гербель Н. В.
- Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 657, 712, 918
- Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 392, 546, 547, 549, 734, 793, 802, 841, 1038
- Руше (Roucher) Ж.-А. 59, 740
- Рыбинский В. С. 627
- Рылеев А. К. 683 («сын»)
- Рылеев К. Ф. 320, 380, 395, 403, 477, 483, 492, 493, 498, 512, 517, 518, 528, 591, 641, 646, 669, 671, 674,

- 675, 682—686, 699, 727, 728, 732, 733, 739, 759, 828, 844, 845, 850 («Р»), 851, 882, 885, 886, 906, 907, 911, 982, 1068, 1070
- Рылеева (урожд. Эссен) А. М. 683 («мать»)
- Рылеева (урожд. Тевяшнёва) Н. М. 683 («жена»)
- Рындовский Ф. М. 663, 764, 766
- Рябов А. К. 1059
- С. Т. Т.** 929
- Саади Ширази (Абу Мухаммад Мус-лих ад-Дин ибн Абд Аллах Саади Ширази) 586, 597, 757
- Сабашниковы М. и С. 1069
- Сабуров А. И. 962
- Сабуров Я. В. 961
- Сабуров Я. И. 114, 338, 425, 464, 956, 960—963
- Савари (Savary) К.-Э. 587—589, 593, 597, 607
- Савченко С. В. 728
- Садовников Д. Н. 407, 478, 479, 938
- Сайтанов В. А. 922, 923
- Сайтов В. И. 466, 472, 503, 504, 519, 563, 631, 635, 639, 643, 653, 658, 713, 742, 758, 776, 797, 801, 804, 849, 857, 913, 914, 982, 1066, 1067
- Сакулин П. Н. 725, 1064
- Салтыкова С. М. см. Дельвиг С. М.
- Салупере М. Г. 624, 627, 892, 930, 942
- Саль (Salle) Э. де 573, 575, 624, 1037
- Сальери (Salieri) А. 451, 455, 554
- Салямон Л. С. 909—911, 921, 923
- Самсонов Д. 763, 764
- Сандлер (Sandler) С. 513, 518, 728
- Сандомирская В. Б. 396, 421, 432, 437, 637, 638, 722—728, 733, 738, 740, 775, 1001, 1070
- Сансон (Sanson) А. 446 («Самсон»), 729
- Саплин А. Ю. 1018
- Сапожников Д. И. 850
- Сафиуллин Я. Г. 589
- Сафо 72, 299, 391, 463, 773—775, 815
- Сафран (Safran) Г. 811
- Сахаров И. П. 526
- Свербеев Д. Н. 962
- Свербеева Е. А. 864
- Светлова М. К. 664
- Светоний Гай (Гай Светоний Транквилл) (Gaius Svetonius Tranquillus) 561
- Свиньин П. П. 1048, 1049
- Свиясов Е. В. 775
- Святелик В. А. 569
- Себежко Е. С. 889
- Сегюр (Ségur) Л. Ф. де 554
- Секст Проперций (Секст Аврелий Проперций) (Sextus Aurelius Propertius) 472, 547, 548
- Секст Эмпирик 802
- Селезнев И. Я. 790
- Семевский М. И. 458, 473, 474, 647, 713—717, 720, 769, 776, 821, 841, 849, 862, 878, 879, 909, 910, 958, 976, 1030, 1046—1048, 1070
- Семенко И. М. 856
- Семенов В. Н. 448, 454
- Семенова А. Н. см. Карелина А. Н.
- Сендерович С. Я. 771, 888
- Сенковский О. И. 684, 686
- Сент-Олер (Saint-Aulaire) Л.-К. де 488, 494, 498, 501, 988, 1073
- Сен-Феликс (Saint-Felix) Ж. де 555
- Серафим (Глаголевский), митрополит 532
- Сербинович К. С. 473, 524, 525, 591, 692
- Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 441
- Серман И. Э. 1069
- Сеян (Луций Элий Сеян) (Lucius Aelius Seianus) 907
- Сиверс А. А. 853
- Сидельников В. М. 965
- Сидорова Н. И. 535
- Сидяков Л. С. 489, 721, 784
- Синицына Е. Е. 714
- Синявский Н. А. 381, 1068

- Сиренов А. В. 697, 863, 953
 Сисмонди (Sismondi) Ж.-Ш.-Л. де 838
 Скабичевский А. М. 523, 524
 Скалон (урожд. Капнист) С. В. 568
 Скобелев И. Н. 528, 729
 Скок Т. 705
 Скотт (Scott) В. 505
 Скулачева Т. В. 1072
 Слезкинский А. Г. 730
 Слѣнин И. В. 490, 522, 682, 683
 Слинина Э. В. 512, 515
 Слонимский А. Л. 516, 708, 709, 752, 754, 757, 869, 880, 884, 885, 985
 Сменцовский М. Н. 934
 Смирдин А. Ф. 1040, 1041
 Смирнов И. П. 708
 Смирнов-Сокольский Н. П. 524
 Смирнова (урожд. Россет) А. О. 441, 570
 Смолян О. А. 993
 Снегирев И. М. 507, 514
 Собаньская (урожд. Ржевуская, во втором браке Чиркович, в третьем браке Лакруа) К. А. 447, 555, 951, 980
 Собаньский (Sobański) И. 853
 Соболевский А. И. 822—824, 942
 Соболевский С. А. 657, 664, 704, 768, 897, 898, 819, 867, 875—879, 881, 882, 897, 898, 904, 932, 937, 1044
 Соймонов А. Д. 479, 965
 Соковнин С. М. 1010
 Соколов Б. М. 892
 Соколов Д. Н. 389, 892, 894, 974
 Соколов П. И. 439
 Сократ 562, 768
 Соловей Н. Я. 590, 594, 598, 608
 Соловьев В. И. 1064
 Соловьев В. С. 389, 704, 873
 Соловьева О. С. 440, 1070
 Сомов А. И. 860
 Сомов О. М. 385, 412, 448, 450—453, 475, 622, 683, 690, 692, 707, 739, 763, 805, 840
 Сомова Е. В. 875
 Сонцов (Солнцев) М. М. 140 («Матвей Михайлович»), 373 («Матвей Михайлыч»), 1039—1041, 1043, 1044
 Сонцова (Солнцева; урожд. Пушкина) Е. Л. 140 («Лизавета Львовна»), 373 («Елизавета Львовна»), 374 («сестрица Лизавета Львовна»), 876, 1043, 1044
 Сонцова Е. М. 1043, 1044
 Сонцова О. М. 1043, 1044
 Софокл 1053
 Соханская (псевд. Кохановская) Н. С. 867
 Сошкин Е. П. 561
 Спасович В. Д. 882, 883
 Спенсер (Spencer) Г. 1014
 Сперанская Н. М. 462, 463, 465
 Сперанский М. М. 532, 790
 Срезневский В. И. 535, 623, 639, 748, 974, 1007, 1008, 1012, 1013, 1016—1018, 1071
 Срезневский И. Е. 530
 Сречкович П. С. 853
 Сталь-Гольштейн (Stael-Holstein, Stahl Holstein; урожд. Неккер) А.-Л. Ж. де, баронесса 383, 554, 558, 617, 739, 815, 873, 987, 988, 998, 1018
 Стапфер (Stapfer) Ф.-А. 488, 494, 498, 501, 988—992, 995, 996, 1000, 1073
 Старк В. П. 464, 661, 662, 665, 666, 847, 848, 888, 914, 1065, 1071
 Старков Я. М. 949
 Стасюлевич М. М. 1072
 Статина Е. Г.
 Стаций (Публий Папиний Стаций) (Publius Papinius Statius) 472
 Стаэль Голстеин см. Сталь-Гольштейн А.-Л. Ж. де
 Стенник Ю. В. 868, 869
 Степанищева Т. Н. 939, 940
 Степанов В. П. 680, 695, 697
 Степанов Л. А. 550, 552, 557, 848, 903
 Степанов Н. Л. 419, 512, 513, 704, 923
 Стефанович В. Н. 635, 638

- Стоюнин В. Я. 528, 627
 Страбон 471
 Страхов Н. Н. 398, 863, 866
 Стремоухов И. В. 646
 Стрэйс (Struys) Я. Я. 407, 934, 937—939
 Строганов Г. А. 953
 Строганов М. В. 816, 817, 873, 880, 884, 902, 919, 955, 1064
 Строганова Е. Н. 1064
 Строева А. И. 465
 Струговщиков А. Н. 893
 Стурдза А. С. 910
 Суворин А. С. 1041, 1065
 Суворов А. В., граф Суворов-Рымникский, князь Италийский 677, 679, 949
 Суздальский Ю. П. 550
 Сукайло В. А. 1048
 Сукин А. Я. 1003
 Сумароков А. П. 410, 412, 525, 597, 603, 618, 623, 677, 694, 806, 807, 890, 933, 1051
 Сумароков П. И. 568
 Сумцов Н. Ф. 708, 747, 749, 750, 751, 759, 820, 880, 892, 893, 965, 1071
 Супронюк О. К. 620
 Сурат И. З. 628, 704, 870, 880, 884, 950, 1048
 Сухомлинов М. И. 527, 530, 533, 534, 693, 896
 Сухонин С. С. 1064
 Сухоруков В. Д. 935
 Сушкова (в замуж. Ладыженская) Ел. А. 256, 401, 713, 715
 Сэйл (Sale) Дж. 588, 589 («Сэйль»)
- Тарквиний Гордый** (Луций Тарквиний Гордый) (Lucius Tarquinius Superbus) 547, 548
 Тартаковский П. И. 586
 Тархова Н. А. 1066
 Тассо (Tasso) Т. 393, 394 («Тасс»), 681 («Тасс»), 727 («Тасс»), 728 («Тасс»), 831, 838 («Тасс»), 840
 Татищева Г. С. 1069
 Телетова Н. К. 967
 Тепляков В. Г. 554
 Теппер де Фергюсон В. (Л.-В.) П. 800
 Теребенина Р. Е. 515
 Терещенко А. В. 754
 Тибулл (Альбий Тибулл) (Albius Tibullus) 414, 415, 469, 553, 629, 761, 814, 819, 980
 Тимашева (урожд. Загряжская) Е. А. 864, 882, 919
 Тимковский И. О. 16, 144, 183, 192, 375, 424, 462, 465, 518, 520—522, 525, 526, 641, 642, 1045, 1055—1059
 Тимофеев К. А. 474, 481
 Титов В. П. 707
 Титов Н. С. 515, 570, 574, 817, 820
 Титов П. Н. 860
 Тихонравов Н. С. 519, 609, 653, 720—722, 897, 898, 921, 1039, 1061
 Толстой А. П., граф 983
 Толстой Л. Н., граф 891, 1010
 Толстой П. А., граф 730
 Толстой Ф. И. (Американец), граф 442, 474, 640, 641, 659, 785, 876, 442, 474, 640, 641, 659, 785, 876
 Толстой Ф. М., граф 574
 Тома дю Фоссе (Thomas du Fossé) П. 810, 811, 908
 Томашевский Б. В. 383, 393, 396, 432, 437, 441, 448, 459, 461, 466, 470, 477, 489, 490, 492, 497, 500, 505, 517, 518, 535, 540, 542—545, 547, 558, 564, 565, 570—572, 574, 576, 581, 583, 584, 590, 592—594, 596, 597, 599, 600, 603, 606, 608, 609, 611, 612, 613, 617, 622, 623, 627, 631, 636, 637, 639—641, 643, 647, 649, 653, 655, 662, 667, 690, 697, 702, 704, 705, 708, 712, 718, 721, 723—727, 734—737, 744, 748, 750, 752, 753, 762, 765, 770, 775, 776, 778, 779, 781, 783, 789, 797, 799, 801, 804, 812, 814, 818, 830, 838, 842, 850—852, 855, 861, 882,

- 883, 895, 896, 900, 901, 910, 914, 915, 918, 922, 923, 927, 928, 930, 936, 956, 969, 970, 974, 980—982, 985, 986, 994, 999, 1001, 1002, 1007, 1008, 1012, 1013, 1016—1018, 1020, 1021, 1025, 1027, 1029, 1035, 1047, 1060, 1064, 1069, 1071
- Томпсон (Thompson) С. 749, 750
- Тополевская Т. В. 721
- Топоров В. Н. 965
- Тормозова Л. И. 1043
- Третиаковский В. К. 48, 253, 410, 450, 687, 689, 690, 691, 694—696, 792
- Трессан (Tressan) Л. де 838, 839
- Троицкий Н. А. 912
- Трофимов И. Т. 962
- Тудоровская Е. А. 752
- Туманский В. И. 107, 325, 412, 423, 464, 480, 488, 525, 613, 617, 620, 624, 686, 718, 759, 764, 854, 855, 872, 926—928
- Туманский Ф. А. 107, 325, 926—928, 929
- Тункина И. В. 565
- Турбин В. Н. 606, 762, 764
- Тургенев Ал. И. 254, 400, 510, 513, 514, 517, 518, 526, 529, 534, 569, 613, 667—669, 671, 673, 674, 679, 686, 689—691, 696, 697, 700, 730, 742, 777, 785, 788, 789, 844, 857, 859, 896, 902, 907, 917, 918, 952, 957, 994, 1003, 1042, 1043, 1058
- Тургенев Ан. И. 777
- Тургенев И. С. 1010
- Тургенев Н. И. 514, 532, 690, 777, 802, 858, 859, 896, 1003, 1058
- Тургенев С. И. 668, 687, 689—691
- Тургеневы, братья 514, 667, 802, 859, 1061, 667, 1061
- Тынянов Ю. Н. 385, 411, 412, 587, 627, 667, 669, 670, 674, 678, 788, 793, 806, 871, 872, 1038, 1071
- Тьеполо (Tiepolo) Дж.-Б. 550, 556
- Тюлина Н. И. 671
- Тюнькин К. И. 928
- Тюпа В. И. 495
- Тютчев Ф. И. 629, 676
- У**
- Уваров С. С. 404, 695
- Удар де Ла Мот (Houdar de La Motte, Houdar de Lamotte) А. 558, 648
- Удовик В. А. 633
- Уколов В. С. 786
- Уколова Е. Л. 786
- Ульянинский Д. В. 748
- Ульянский А. И. 819
- Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук см. Омар I
- Уортман (Wortman) Р. С. 613, 619
- Урусов А. И. 786
- Урусовы, князья 1039
- Успенский А. И. 962, 1039, 1061
- Успенский Б. А. 621, 926
- Устюжанинова М. С. 858
- Ушакова (в замуж. Наумова) Ек. Н. 779, 780
- Ушакова (в замуж. Киселева) Ел. Н. 577
- Ф**
- Фабиан И. А. 615
- Фабрициус (Fabricius) Л. 939
- Фазиль-хан Шейда (наст. имя Моха-медхан) 445
- Файбисович В. М. 790
- Фанни см. Лекутё Ф.
- Фатов Н. Н. 778—780
- Фауст (Faust) И. Г. 993
- Февчук Л. И. 1011
- Федоров Б. М. 479, 493, 520, 663, 664, 687, 690, 710, 864—866
- Федотова С. Б. 390, 403, 542, 549, 586, 638, 643, 840, 982, 1017, 1063, 1067, 1068
- Федута А. И. 656
- Фейнберг И. Л. 617, 1001—1004
- Фелькнер А. И. 798
- Фемистокл 44, 511, 673, 674
- Феокрит 450, 774
- Феоктистов Е. М. 533
- Фердинанд VII (Fernando VII), король Испании 41, 249, 654, 657

- Фесенко Ю. П. 492
 Филимонов В. С. 686
 Филин М. Д. 819
 Фин Л. А. 965
 Фирдоуси (Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси) 586 («Фердоуси»), 759
 Флакк см. Гораций
 Флориан (Florian) Ж.-П. Клари де 680
 Фок (урожд. Осипова) Е. И. 821
 Фок М. Я. фон 782
 Фомин А. А. 777
 Фомин Н. И. 938
 Фомичев С. А. 406, 421, 517, 565, 576, 583—585, 590, 594, 611, 624, 627—633, 636, 653, 654, 656—658, 670, 682, 704, 721, 723, 724, 742, 748, 749, 756, 759, 761, 880, 897, 927, 930, 935, 937—939, 942, 945, 947, 956, 957, 963, 969, 976, 978—982, 986, 993, 994, 996, 1001, 1006, 1020, 1025, 1026, 1031, 1032, 1034, 1035, 1063, 1067—1071
 Фонвизин Д. И. 446, 482, 529, 644, 669, 841, 907, 925
 Фориэль (Fauriel) К. Ш. 935
 Фотий (Спасский), архимандрит 529, 532, 533
 Фрамери (Frangery) Н. Э. 839
 Франк (Пфейлицер-Франк) О. В. Г. (О. Е.), барон 536
 Франкетто де Куаньи (Coigny) (в первом браке герцогиня де Флери, во втором графиня де Монтрон) А.-Ф.-Э. де 56 («Узница моя»), 58 («Узница моя»), 59 («M-lle de Coigny»), 267, 736, 740 («M-lle de Coigny»), 741 («Младая Узница»)
 Фридендер Г. М. 595
 Фридман Н. В. 469, 590, 608
 Фридрих II (Friedrich II) Великий, король Пруссии 549, 562 («Frédéric II»), 614 («Фредерик»), 911, 923 («roi de Prusse»)
 Фризмэн Л. Г. 516, 806
 Фрикен, доктор 983, 984
 Фролов Г. А. 707, 875
 Фроянов И. Я. 965
 Фусс П. Н. 551
 Жалабаев К. И. 543, 544, 723
 Халанский М. Е. 853
 Харун ар-Рашид (Абу Джафар Харун ибн Мухаммад), халиф 1007
 Хафиз Ширази (Шамсуддин Мухаммад Хафиз Ширази) 449 («Гафиз»), 454 («Гафиз»), 586 («Гафис»), 759
 Хвольсон Д. А. 1011
 Хвостов Д. И., граф 43, 44, 45, 78, 106, 252 («Х***ов»), 385, 386, 400, 402, 461, 463, 512, 517, 587, 623, 661, 662, 666—681, 685, 686, 697, 772, 787, 795—797, 806, 863, 871, 879, 905, 925, 926, 954, 1005, 1050, 1051
 Хвостова (урожд. княжна Горчакова) А. И., графиня 44 («верная супруга»), 45, 678, 679
 Хвостова (урожд. Хераскова) А. П. 522, 531, 773, 1057
 Хемницер И. И. 646, 680
 Херасков М. М. 410, 596
 Хитрова Д. М. 386, 587, 670, 676, 807, 831, 845, 871, 982
 Хитрово (урожд. Кутузова, в первом браке Тизенгаузен) Е. М. 948
 Хитрово Л. К. 651, 702, 919, 921
 Хованская (урожд. баронеса Вревская) А. А., княгиня 472, 717
 Ходасевич В. Ф. 481, 490, 598, 621, 624, 628, 729, 733, 735, 736, 739, 789, 842, 846, 864, 866, 925, 926, 949, 1043, 1072
 Ходоров А. Е. 1070
 Холл (Hall) Э. 1069
 Хомяков А. С. 686, 877, 882, 951, 997
 Хорев В. А. 950
 Хохлова Н. А. 462, 463
 Храповицкий А. В. 616
 Христиан VII (Christian VII), король Дании 525

- Худошина Э. И. 672, 674, 676
 Хьюз (Hughes) Р. 1072
- Ц**
- Цветаева М. И. 516
 Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (Gaius Julius Caesar) 439, 548, 560, 561
 Цейтлин А. Г. 911
 Цертелев Н. А., князь 480, 663, 664, 710, 917, 935
 Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (Marcus Tullius Cicero) 557, 561
 Цицианов Ф. И. 847, 848
 Цявловская (урожд. Зенгер) Т. Г. 388, 470, 503, 504, 506, 507, 509, 514, 516, 536—538, 550, 632, 633, 637, 640, 641, 651, 655, 660, 682, 689—691, 714, 719, 720, 722, 724, 759, 785, 799, 842, 849—852, 857, 880, 881, 884, 892—894, 900—902, 904, 909, 912—915, 922, 923, 926—928, 946, 956, 962, 980, 982, 985, 986, 994, 998, 1001, 1002, 1006, 1009, 1010, 1020, 1021, 1023, 1025, 1027, 1029, 1033, 1035, 1036, 1072
 Цявловский М. А. 381, 470, 477, 503—506, 515, 518—520, 537, 538, 564, 581, 610, 611, 635, 649, 653, 662, 713, 717—719, 731, 732, 748, 775, 776, 785, 787, 797, 799, 851, 866, 867, 879—884, 893—896, 898—900, 908—910, 914, 919—923, 925, 930—932, 946, 956—958, 965, 968, 980, 983, 985, 998, 1008, 1010, 1017, 1020, 1021, 1033, 1036, 1040, 1041, 1047, 1062, 1064, 1066, 1068—1070, 1072
- Ч**
- Чаадаев М. Я. 958
 Чаадаев П. Я. 114 («Чедаев»), 338 («Чедаев»), 458, 466, 563, 640, 726 («Чедаев»), 757, 759, 785, 817, 841, 911, 958, 962, 963, 994, 1012 («Чедаев»)
 Чарторижский А. (Чарторыйский А. Е.) (Czartoryski), князь 911
 Часовников, домовладелец 876
- Чаусер см. Чосер Дж.
 Черейский Л. А. 551, 664, 665, 848, 853, 962, 1072
 Черниговский Д. Н. 875
 Чернобаев В. Г. 947, 948
 Чернов А. В. 533
 Чернова Е. Б. 388, 633
 Чернышев А. И. 438
 Чернышев В. И. 749, 750, 817, 824, 941, 968
 Черняев Н. И. 590, 596, 597, 619, 707, 804, 816, 869, 882, 1026
 Чехов А. П. 1009
 Чижевский Д. И. 504, 510, 513, 517
 Чижов А. Г. 869, 886, 889
 Чилаев Б. Г. 445
 Чириков С. Г. 794, 922
 Чистова И. С. 591, 643, 705, 717, 777, 961—963
 Чичерин Б. Н. 961
 Чичерина В. В. 1042
 Чосер (Chaucer) Дж. 1014
 Чулков М. Д. 754, 934, 937, 939, 940, 943, 1019, 1072
- Ш**
- Шадури В. С. 555
 Шаликов П. И. 162, 167, 168, 499, 514, 827, 908, 1043, 1048
 Шальман Е. С. 902, 1004
 Шапир М. И. 795, 844
 Шаплен (Chapelain) Ж. 645, 646, 648, 649
 Шаронова А. В. 1067
 Шатобриан (Chateaubriand; урожд. Ле Пелетье де Росамбо) А. де 738 («внучка»)
 Шатобриан (Chateaubriand) Ж.-Б. 738
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де 279, 655, 656, 725, 727, 738—741
 Шатров Н. М. 595
 Шаханов А. Н. 961
 Шаховская Н. 1015
 Шаховской А. А. 686, 954
 Шварц Д. М. 405, 425, 629, 633, 818, 932, 971, 1032
 Шварцбанд С. М. 585, 590, 608, 869, 880

- Шебунин А. Н. 514
 Шевцов В. В. 996
 Шевырев С. П. 444, 489, 691, 692, 694, 819, 845, 846, 866, 874, 878—880, 931, 937, 953, 966, 1005
 Шейн П. В. 689, 824
 Шекспир (Shakespeare) У. 438, 488, 552, 553, 557, 560—562, 675, 676, 732, 966, 987
 Шендцов В. В. 712
 Шенрок В. И. 570
 Шенье (Chénier) А.-М. де 54, 58 («восторженный поэт»), 59, 246, 247, 257, 258, 276 («возвышенный поэт», «восторженный поэт», «певец»), 279, 281, 386, 390, 391, 393, 394—396, 409, 426—428, 453, 455, 463, 470, 556, 635—638, 718—742, 774, 873, 881, 906, 1000—1002, 1004, 1037, 1038, 1070, 1072, 1073
 Шенье (Chénier) Л.-С. де 735
 Шенье (Chénier) М.-Ж. Б. де 735, 736, 741 («Мари-Жозеф»)
 Шепелева Н. С. 946
 Шептаев Л. С. 934, 938, 942
 Шереметев С. Д. 1067
 Шестопалов О. В. 994
 Шеффер П. Н. 650, 1067
 Шешковский С. И. 612
 Шиллер (Schiller) Ф. 76, 304, 789, 793
 Шильдер Н. К. 911
 Ширинский-Шихматов С. А., князь 386, 686, 871, 872
 Шитова В. В. 995
 Шихматов С. А. см. Ширинский-Шихматов С. А.
 Шишков А. А. 586, 602
 Шишков А. С. 16, 186 («министр»), 187 («старец»), 188 («он»), 190, 191 («старец»), 192, 193 («он»), 427, 520, 522—525, 527—530, 532, 533, 641 («дед Шишков»), 696, 698, 782, 895, 917, 918, 923, 942, 1026, 1048, 1057
 Шлегель (Schlegel) Ф. И. 526
 Шлёцер (Schlözer) А. Л. 695
 Шляпкин И. А. 719, 799—801, 1072
 Шнеерсон М. А. 752
 Шнейдер А. Е. 718
 Шоу (Shaw) Дж. Т. 937, 1072
 Шпис (Spiess) И. 989
 Штрайх С. Я. 1069
 Шульц Р. 995
 Щебальский П. К. 524, 527
 Щеглов Ю. К. 390, 705, 709
 Щеголев П. Е. 400, 520, 654, 655, 687, 690, 718, 729, 730, 742, 743, 800, 852, 854, 859, 893, 978, 1000, 1001, 1028, 1064, 1072
 Щемелёва Л. М. 534
 Щербаков В. Ф. 479, 504, 1061
 Щербатов М. М. 933
 Щербачев Ю. Н. 475, 505, 898, 1041, 1072
 Щербина Н. Ф. 461
 Щербинин М. А. 1072
 Щетинина Г. И. 961
 Щукин П. И. 666, 874, 983, 1056
 Эдлинг (урожд. Стурдза) Р. С. 912
 Эзоп 412, 623, 681 («Езоп»), 1050
 Эйгес И. Р. 573, 575, 707
 Эйдельман Н. Я. 686, 719, 724, 727, 731, 732, 789, 794, 916, 967, 1072
 Эйхенбаум Б. М. 982
 Элиаш Н. М. 777
 Энгельгардт В. В. 477, 922
 Энгельгардт Е. А. 766, 783, 784, 789, 793
 Эпиктет 923
 Эпикур 22, 549
 Эриксон И. М. 528
 Эристов (Эристави) Д. А. 797, 798, 897
 Эспронседа (Espronceda) Х. де 655
 Эткин Е. Г. 387, 469, 704, 735, 807
 Эшенбург (Eschenburg) И.-И. 773
 Ювенал (Децим Юний Ювенал) (Decimus Junius Juvenalis) 101, 322, 902, 903—907, 1004

- Юдин Ю. И. 965
 Южаков С. Н. 892
 Юзефович М. В. 503
 Юнг (Young) Э. 625
 Юрьева И. Ю. 869, 889
 Юст Веридиков см. Дмитриев М. А.
 Юсупов Н. Б., князь 450 («Н. Б. Ю.***»),
 551
- Я**блоновский, князь 853
 Языков А. М. 398, 409, 478, 482,
 863, 937, 1007, 1045—1047,
 1049
 Языков Н. М. 7, 8, 97, 153—155, 321,
 380, 397—399, 407, 409, 412, 413,
 449, 452, 455, 462, 464, 473—484,
 527, 638, 647, 665, 671, 680, 684,
 686, 714, 717, 763, 769—772, 788,
 821, 822, 850, 861—866, 886,
 887, 937, 949, 958, 966, 967, 1007,
 1029—1031, 1045—1052, 1054,
 1072
 Языков П. М. 478, 863
 Языковы, братья 479
 Яковлев В. А. 852
 Яковлев М. А. 583, 658, 714
 Яковлев М. Л. 778, 779, 781, 790,
 798, 820
 Яковлев Н. В. 1069
 Яковлев П. Л. 521, 524, 661, 663, 683,
 685, 710
 Якубович Д. П. 440—472, 549, 773,
 774
 Якубович Л. А. 592
 Якушкин В. Е. 466, 484, 503, 508,
 518, 520, 540, 563, 564, 577,
 579—583, 609, 610, 629, 631, 633,
 635, 639, 645, 652, 653, 657, 681,
 718, 747, 756, 758, 809, 810, 830,
 861, 944, 946, 952, 955, 956, 960,
 963, 964, 969, 971, 975, 979, 981,
 982, 1019, 1020, 1024, 1025, 1028,
 1029, 1032, 1035—1037, 1039,
 1040, 1073
 Якушкин Е. И. 520, 609, 653, 720,
 721, 1061
 Якушкин И. Д. 958
- Якушкин П. И. 938
 Яниш К. К. см. Павлова К. К.
 Янушкевич А. С. 954
 Яхонтов А. Н. 1011
- A**bel см. Малартик де Фонда А.-Л.-Ф.
 де
 Adam A. 561
 D'Alembert G. см. Д'Аламбер Ж. Л.
 Alexandre-le-Grand см. Александр Ма-
 кедонский
 Alfieri см. Альфьери В.
 Amyot J. 560
 Anacréon см. Анакреонт
 Apollonius de Rhodes см. Аполлоний
 Родосский
 Arioste см. Ариосто Л.
 Athénée см. Афиней
 Aurélius-Victor см. Аврелий Виктор
 Aumes J.-R. 573
- B**atteux Ch. см. Баттё Ш.
 Baudot de Juilly N. 560
 Bergier N.-S. 559
 Bethea D. M. см. Бетеа Д. М.
 Bourbon-Conti L. F. de (le Prince de
 Conti) 561, 562
 Broë S. de 552
 Brumoy P. 471
 Buchoz J. P. 628
 Burgi R. 775
 Вурон см. Байрон Дж. Г.
- C**arpentier L. J. M. 558, 562, 628
 Catilina см. Катилина
 Catrou F. 552
 Causin J. J. A. 471
 Chalas P. 458
 Champolion-Figéac J.-J. 559, 560
 Chastopalli A. E. de см. Пишо А.,
 Саль Э. де
 Chénier A. см. Шенье А.-М. де
 Claustre A. de 559
 Cléopâtre см. Клеопатра VII Филопатор
 Coigny A. de см. Франкетто де Ку-
 аньи А.-Ф.-Э. де
 Coleridge E. H. 1073

- Cornwall B. 451
 Crevier J.-B.-L. 559, 560
 Croze-Magnan S.-C. 546
- D**
 Desmares C. 934
 Diderot D. см. Дидро Д.
 Diodore de Sicile 559
 Diogène см. Диоген Лаэртский
 Domitien см. Домициан
 Ducros J. P. 559
 Dudek G. 488
 Dupuis Ch.-F. 559
 Durand P. 560
- F**
 Fernandez Herr E. 573
 Frédéric II см. Фридрих II Великий
- G**
 Genest Ch.-C. 560
 Gérard L.-Ph. 552
 Gilbert N.-J.-L. см. Жильбер Н. Ж.-Л.
 Glanius W. 934
 Gleizès J.-A. 887
 Goethe J. W. см. Гете И. В.
 Gonzago см. Гонзага Т. А.
 Gourief см. Гурьев А. Д.
 Guizot F. см. Гизо Ф.
 Gunny A. 905
 Gutsche G. 395
- H**
 Hancarville P.-F. Hugues d' 546
 Helvétius C. A. 559
 Henning H. 995
 Hugo V. 888
- J**
 Jeanne d'Arc см. Жанна д'Арк
 Julvécourt P. de см. Жюльвекур П. де
- K**
 Kahn A. 872
 Kiparsky V. 751
- L**
 La Harpe (Laharpe) J.-F. см. Лагарп Ж.-Ф.
 Lamartine A. см. Ламартин А.-М.-Л.
 де
 Langéron см. Ланжерон А. Ф.
 Lapène Ed. 576
 Lednicki W. 949
 Lefebvre de Villebrune J.-B. 774
- L**
 Lemaistre (Le Maistre) de Sacy L.-I. см.
 Леметр де Саси Л.-И.
 Lépid см. Лепид
 Letourneur см. Летуэрнёр П.
 Ley F. 535
- M**
 Malleville C. 761
 Merle J.-T. 562
 Meynieux A. 491
 Millin A. L. 551
 Miot A. F. 559
 Mongault 557
 Monglave E. de 458
 Moore T. см. Мур Т.
 Murray J. 1073
- N**
 Netty см. Вульф Ан. И.
 Nodier J.-Ch.-E. 958
 Nougarede A.-J.-S., baron de Fayet 546,
 560
- O**
 O'Bell L. S. 554
 Octavien-César см. Октавиан Август
 Ourri M. 562
- P**
 Parny E. de см. Парни Э.-Д. де Форж
 де
 Pastoret E. 559
 Pétrone см. Петроний Арбитр
 Pichot A. см. Пишо А.
 Pignot G. 998
 Piis P.-A.-A. de см. Пиис П.-А.-А. де
 Planche J. 628
 Prince de Conti см. Bourbon-Conti L. F.
 де
 Properce см. Секст Проперций
- Q**
 Quantin J. 576
- R**
 Ram H. 889
 Richer F. 559
 Robinet J.-J.-R. 546
 Rollin Ch. 551, 559, 560
 Rothe H. 510
 Rouillé P.-J. 552
- S**
 Sabbathier F. 559

- Saint-Amand J. P. Ch. de 548
Saint-Aulaire L.-C. de см. Сент-
Олер Л.-К. де
Sandler S. см. Сандлер С.
Schmidt K. 750
Schneevoogt C. G. V. 860
Scribner Ch. 1073
Senecé A.-B. 887
Shakspeare см. Шекспир У.
Soulié J.-B. Aug. 888
Stapfer Ph. A. см. Стапфер Ф. А.
Stites R. 655
- Striedter J. 751
- T**arquin см. Тарквиний Гордый
- Valmont de Bomare J. C. 628
Vickery W. N. см. Викери У. Н.
Viollet-le-Duc E. L. N. 675, 905
Visconti E. Q. 559
Voltaire см. Вольтер
Voronzoff см. Воронцова Е. К.
- W**achtel M. см. Вахтель М.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Текст   Вариан-
ты   Приме-
                  чания

Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон...»)	33	242	622
Андрей Шенья («Меж тем, как изумленный мир...»)	54	257	718
Безвредная ссора («За кость поссорились собаки...») см. Нраво- учительные четверостишия. <10>			
«Блестит луна, недвижно море спит...»	128	358	1007
«Брови царь нахмуря...»	79	79	797
Буря («Ты видел деву на скале...»)	85	312	814
«Буря мглою небо кроет...» см. Зимний вечер			
«Быть может, уж недолго мне...» см. П. А. О<сиповой>			
«[В боях] < >...»	138		1031
«В глуши, измучась жизнью постной...» см. <Из письма к П. А. Вяземскому>			
«В крови горит огонь желанья...»	83	311	809
«В лесах, во мраке ночи праздной...» см. Соловей и кукушка			
«В пещере тайной(?) в день гоненья...»	135		
«В Элизии Василий Тредьяковский...» см. Литературное из- вестие			
Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?...»)	69	299	762
Верное предсказание («„Пройдет ли мой недуг?“ — Лев у Осла спросил...») см. Нравоучительные четверостишия. <2>			
«Вертоград моей сестры...»	84	312	813
Виноград («Не стану я жалеть о розах...»)	67	296	756
«[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...»	138	371	1034
«Во ржи был василек прекрасный...» см. Нравоучительные четве- ростишия. <9>. Общая судьба			
«Воспитанный под барабаном...» см. Послужной список			
«Восстань, боязливый...» см. Подражания Корану. VII			
«Вот, Зина, вам совет: играйте...» см. <К Е. Н. Вульф>			
«— Вот Коцит, вот Ахерон...» см. <Наброски к замыслу о Фаус- те>. <II>			
«Враги мои, покамест я ни слова...» см. Приятелям			
«Всё в жертву памяти твоей...»	80	310	799

	Текст	Вариан-	Приме-
		ты	чания
Второе послание к цензору («На скользком поприще Т<имковско- го> наследник!...»)	16	183	518
Графу О<лизару> («Певец! издр<е>вле меж собою...»)	111	329	946
«Да сохранит тебя твой добрый Гений...» см. К<юхельбекеру>			
Движение («„Движенья нет”, — сказал мудрец брадатый...») .	81	310	799
«„Движенья нет”, — сказал мудрец брадатый...» см. Движение			
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)	74	300	778
«Дитя, не смею над тобой...» см. Младенцу			
Дружба («Что дружба? Легкий пыл похмелья...»)	42	251	657
«Духовной жаждою томим...» см. Пророк			
«Едва уста красноречивы...»	137	369	1028
«Если жизнь тебя обманет...»	52	256	713
«Ждет тебя мое вино...»	118	342	971
Желание славы («Когда, любовью и негой упоенный...»)	60	282	742
Жених («Три дня купеческая дочь...»)	62	284	747
Жив, жив Курилка! («Как! жив еще Курилка журналист?...») .	47		686
«За кость поссорились собаки...» см. Нравоучительные четверо- стишия. <10>. Безвредная ссора			
Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила...») см. Нравоучительные четверостишия. <11>			
«Заступники кнута и плети...»	126	356	1000
«Зачем ты, грозный аквилон...» см. Аквилон			
«Здравствуй, Вульф, приятель мой!...» см. <Из письма к А. Н. Вуль- фу>			
«Земля недвижна; неба своды...» см. Подражания Корану. V			
Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...»)	86		818
«И путник усталый на Бога роптал...» см. Подражания Кора- ну. IX			
«Иван-царевич по лесам...»	138	370	1032
«Играй, прелестное дитя...»	122	348	979
<Из Ариостова «Orlando furioso»> («Пред рыцарем блесит вода- ми...»)	88	312	830
<Из Вольтера> («Короче дни, а ночи доле...»)	130	361	1012
<Из письма к И. Е. Великопольскому> («С тобой мне вновь счи- таться довелось...»)	93		847
<Из письма к А. Н. Вульфу> («Здравствуй, Вульф, приятель мой!...»)	7		472
<Из письма к П. А. Вяземскому> («В глуши, измучась жизнью постной...»)	78		794

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ («Сатирик и поэт любов- ный...»)	70		767
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ («Так море, древний душегу- бец...»)	96	320	856
⟨Из письма к П. А. Плетневу⟩ («Ты издал дядю моего...») .	112	333	952
⟨Из письма к А. Г. Родзянке⟩ («Прости, украинской мудрец...») .	32	242	619
«Издревле сладостный союз...» см. К Языкову			
К *** («Я помню чудное мгновенье...»)	50	254	702
К Б⟨аратынскому⟩ («Стих каждый в повести твоей...»)	92	319	842
⟨К Е. Н. Вульф⟩ («Вот, Зина, вам совет: играйте...»)	94	319	849
К морю («Прощай, свободная стихия!...»)	14	169	503
⟨К А. Г. Родзянке⟩ («Ты обещал о романтизме...»)	61	284	744
К Языкову («Издревле сладостный союз...»)	8	153	475
К Яз⟨ыкову⟩ («Яз⟨ыков⟩, кто тебе внушил...»)	97	321	861
«Как жениться задумал царский арап...»	115	339	963
«Как! жив еще Курилка журналист?..» см. Жив, жив Курилка!			
«Как по Волге-реке, по широкой...» см. Песни о Стеньке Разине. 1			
«Как узник, Байроном воспетый...»	139		1036
«Как широко...»	71		769
Клеопатра («Царица голосом и взором...»)	19	196	540
Клеопатра. <i>Поздняя редакция</i> («Чертог сиял. Гремели хором...») .	20	207	540
«Клянусь четой и нечетой...» см. Подражания Корану. I			
Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей...»)	18	194	535
«Когда, любвию и негой упоенный...» см. Желание славы			
«Когда твой друг на глас твоих речей...» см. Коварность			
Козлову («Певец, когда перед тобой...»)	49	253	697
«Короче дни, а ночи доле...» см. ⟨Из Вольтера⟩			
К⟨юхельбекеру⟩ («Да сохранит тебя твой добрый Гений...») . .	139	372	1037
Лебедь и Гусь («Над Лебедем желая посмеяться...») см. Нравоу- чительные четверостишия. ⟨7⟩			
«Лизе страшно полюбить...»	34	244	629
Литературное известие («В Элизии Василий Тредьяковский...») .	48	253	689
«Лишь розы увяда(ю)т...»	134	366	1024
Мартышка («Мартышка, с юных лет прыжки свои любя...») см. Нравоучительные четверостишия. ⟨8⟩			
«Мартышка, с юных лет прыжки свои любя...» см. Нравоучитель- ные четверостишия. ⟨8⟩. Мартышка			
«Меж тем, как изумленный мир...» см. Андрей Шеньев			
Младенцу («Дитя, не смею над тобой...»)	110	327	944
Мстительность («Пчела ужалила медведя в лоб...») см. Нраво- учительные четверостишия. ⟨4⟩			

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
Н. Н. Поздняя редакция («Примите „Невский альманах“...») . . .	43	252	667
Н. Н. При посылке ей «Невского Альманаха» («Примите „Нев- ский альманах“...»)	43	252	667
⟨На Ф. Н. Глинку⟩ («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...») . . .	38		643
«На небесах печальная луна...»	136	368	1028
«На скользком поприще Т⟨имковского⟩ наследник!..» см. Второе послание к цензору			
⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩	124	351	981
⟨I⟩ «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...»	124	351	981
⟨II⟩ «— Вот Коцит, вот Ахерон...»	125	354	981
⟨III⟩ «— Скажи, какие заклинанья...»	125	355	981
«Над Лебедем желая посмеяться...» см. Нравоучительные четве- ростишия. ⟨7⟩. Лебедь и Гусь			
«Напрасно ахнула Европа...»	46		681
«Насильно Зубову мила...»	31	239	609
Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню слово- словить...»)	39	248	645
«Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...» см. ⟨На Ф. Н. Глин- ку⟩			
«Не стану я жалеть о розах...» см. Виноград			
«Недавно я стихами как-то свистнул...» см. <i>Ex ungue leonem</i>			
«Недаром вы приснились мне...» см. Подражания Корану. VI			
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	99	322	891
Непоколебимость («Познай, светлейший Лев, смятения вину...»)			
см. Нравоучительные четверостишия. ⟨5⟩			
«Нет ни в чем вам благодати...»	103	323	913
«Ночной зефир...»	24	214	571
Нравоучительные четверостишия	141		1045
⟨1⟩ Равновесие («О мирный селянин! в твоём жилище нет...»)	141		1045
⟨2⟩ Верное предсказание («„Пройдет ли мой недуг?“ — Лев у Осла спросил...»)	141		1045
⟨3⟩ Справедливость пословицы («Одна свеча избу лишь слабо освещала...»)	141		1045
⟨4⟩ Мстительность («Пчела ужалила медведя в лоб...»)	141		1045
⟨5⟩ Непоколебимость («Познай, светлейший Лев, смятения вину...»)	142		1045
⟨6⟩ Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гу- сей...»)	142		1045
⟨7⟩ Лебедь и Гусь («Над Лебедем желая посмеяться...»)	142		1045
⟨8⟩ Мартышка («Мартышка, с юных лет прыжки свои любя...»)	142		1045
⟨9⟩ Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный...»)	142		1045
⟨10⟩ Безвредная ссора («За кость поссорились собаки...»)	143		1045

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
⟨11⟩ Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила...»)	143		1045
«О дева-роза, я в оковах...»	68	298	758
«О, жены чистые пророка...» см. Подражания Корану. II			
«О мирный селянин! В твоём жилище нет...» см. Нравоучительные четверостишия. ⟨1⟩. Равновесие			
«О муза пламенной сатиры...»	101	322	897
«О чем, прозаик, ты хлопочешь?...» см. Прозаик и поэт			
Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный...») см. Нраво- учительные четверостишия. ⟨9⟩			
Ода его сият⟨ельству⟩ гр⟨афу⟩ Дм⟨итрию⟩ Ив⟨ановичу⟩ Хвос- тову («Султан ярится. Кровь Эллады...»)	44	252	667
«Одна свеча избу лишь слабо освещала...» см. Нравоучительные четверостишия. ⟨3⟩. Справедливость пословицы			
«Он вежлив [был] в ин⟨ых⟩ прихожих...»	138	372	1035
«Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей...» см. Нравоучительные четверостишия. ⟨6⟩. Сила и слабость			
П. А. О⟨сиповой⟩ («Быть может, уж недолго мне...»)	53	256	716
«От многоречия отрекшись добровольно...»	100	322	894
«Певец! издр⟨е⟩вле меж собою...» см. Графу О⟨лизару⟩			
«Певец, когда перед тобой...» см. Козлову			
Песни о Стеньке Разине	108	326	929
1 «Как по Волге-реке, по широкой...»	108		929
2 «Ходил Стенька Разин...»	108	326	929
⟨3⟩ «Что не конский топ, не людская молвь...»	109		929
«Плещут волны Флегетона...» см. Прозерпина (Подражание)			
«Поверь: когда слепней и комаров...» см. Совет			
«Под каким созвездием...»	132	363	1018
«Под небом голубым страны своей родной...»	95	320	850
Подражания Корану	25	217	577
I «Клянусь четой и нечетой...»	25	217	577
II «О, жены чистые пророка...»	25	218	577
III «Смутясь, нахмурился пророк...»	26	218	577
IV «С Тобою древле, о Всесильный...»	27	222	577
V «Земля недвижна; неба своды...»	27	224	577
VI «Недаром вы приснились мне...»	27	226	577
VII «Восстань, боязливый...»	28	228	577
VIII «Торгуя совестью пред бледной нищетою...»	28	228	577
IX «И путник усталый на Бога роптал...»	29	230	577
«Познай, светлейший Лев, смятения вину...» см. Нравоучитель- ные четверостишия. ⟨5⟩. Непоколебимость			
«Пока супруг тебя, красавицу младую...»	116	340	969

	Текст	Вариан-	Приме-
		ты	чания
Послужной список («Воспитанный под барабаном...»)	102	323	908
«Пред рыцарем блестит водами...» см. ⟨Из Ариостова «Orlando furioso»⟩			
«Презрев и голос(?) укоризны...»	113	334	955
«Примите „Невский альманах“...» см. Н. Н.			
Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова...»)	37	247	639
Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты хлопчешь?»)	87		825
Прозерпина (Подражание) («Плещут волны Флегетона...») . .	5	148	466
«„Пройдет ли мой недуг?“ — Лев у Осла спросил...» см. Нравоучительные четверостишия. ⟨2⟩. Верное предсказание			
Пророк («Духовной жаждою томим...»)	98	321	866
«Прости, украинской мудрец...» см. ⟨Из письма к А. Г. Родзянке⟩			
«Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...» см. Сожженное письмо			
«Прощай, свободная стихия!..» см. К морю			
«Пусть увенч(анный) любо(вь)ю красот(ы)...»	119	345	974
«Пчела ужалила медведя в лоб...» см. Нравоучительные четверостишия. ⟨4⟩. Мстительность			
Равновесие («О мирный селянин! В твоём жилище нет...») см. Нравоучительные четверостишия. ⟨1⟩			
Разговор Книгопродавца с Поэтом («Стишки для вас одна забава...»)	9	156	484
«Роняет лес багряный свой убор...» см. 19 октября			
С перегородкою коморки...»	117	341	970
«С тобой мне вновь считаться довелось...» см. ⟨Из письма к И. Е. Великопольскому⟩			
«С Тобою древле, о Всесильный...» см. Подражания Корану. IV			
«Сабуров, ты оклеветал...»	114	338	960
«Сатирик и поэт любовный...» см. ⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩			
Сафо («Счастливый юноша, ты всем меня пленил...»)	72	299	773
Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей...») см. Нравоучительные четверостишия. ⟨6⟩			
«— Скажи, какие заклинанья...» см. ⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩. ⟨III⟩			
«Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...»	138	371	1035
«Сказали раз царю, что наконец...»	41	249	652
«[Слов(есность) русск(ая) больна]...»	127	357	1004
«Смеетесь вы, ⟨что⟩, девой бойкой...»	121	348	977
«Смутясь, нахмурился пророк...» см. Подражания Корану. III			
Совет («Поверь: когда слепней и комаров...»)	104	323	914
Сожженное письмо («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...»)	35	245	631

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
Соловей и кукушка («В лесах, во мраке ночи праздной...») . . .	82	310	804
Справедливость поговорки («Одна свеча избу лишь слабо освещала...») см. Нравоучительные четверостишия. <3>			
«Стих каждый в повести твоей...» см. К Б<аратынскому>			
«Стишки для вас одна забава...» см. Разговор Книгопродавца с Поэтом			
«Султан ярится. Кровь Элады...» см. Ода его сият<ельству> гр<афу> Дм<итрию> Ив<ановичу> Хвостову			
«Счастливый юноша, ты всем меня пленил...» см. Сафо			
«Так море, древний душегубец...» см. <Из письма к П. А. Вяземскому>			
«[Так] на <нрзб> слезам<и> <?>...»	138	371	1033
«Твое соседство нам опасно...»	120	346	975
«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...»	144	375	1055
«Торгуя совестью пред бледной ницетою...» см. Подражания Корану. VIII			
«Три дня купеческая дочь...» см. Жених			
«Т<уманский?> прав, когда так верно вас...»	107	325	926
«Ты богат, я очень беден...» см. Ты и я			
«Ты видел деву на скале...» см. Буря			
«Ты вынешь и молчишь; печаль тебя снедает...»	36	246	635
Ты и я («Ты богат, я очень беден...»)	106	324	921
«Ты издал дядю моего...» см. <Из письма к П. А. Плетневу>			
«Ты обещал о романтизме...» см. <К А. Г. Родзянке>			
«Увы, напрасно деве гордой...»	105	324	919
«Фиалка в воздухе свой аромат лила...» см. Нравоучительные четверостишия. <11>. Закон природы			
«Фонтан любви, фонтан живой!..» см. Фонтану Бахчисарайского дворца			
Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой!..»)	23	212	563
«Ходил Стенька Разин...» см. Песни о Стеньке Разине. 2			
«Хотя стишки на именины...»	40		650
«Храни меня, мой талисман...»	129	359	1008
«Царица голосом и взором...» см. Клеопатра			
«Цветы последние милей...»	73	299	775
«Чертог сиял. Гремели хором...» см. Клеопатра. <i>Поздняя редакция</i>			

- «Что дружба? Легкий пыл похмелья...» см. Дружба
 «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» см. ⟨Наброски к замыслу о Фаусте⟩. ⟨1⟩
 «Что не конский топ, не людская молвь...» см. Песни о Стеньке Разине. ⟨3⟩
 «Что смолкнул веселия глас?...» см. Вакхическая песня
- Э**легия на смерть Ан⟨ны⟩ Льв⟨овны⟩ («Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...») 140 373 1039
- «Я был свидетелем золотой твоей весны...» 123 349 979
 «Я знаю край: там на берега...» 131 362 1016
 «Я не рожден святыню славословить...» см. Начало I песни «Девственницы»
 «Я помню чудное мгновенье...» см. К ***
 «Яз⟨ыков⟩, кто тебе внушил...» см. К Яз⟨ыкову⟩
- Е**x ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул...») 51 255 709
- «**Q**uand au front du convive, au beau sein de De⟨lie⟩...» 133 364 1019

СОДЕРЖАНИЕ

Текст   Варнан-   Приме-
ты   чания

1824

Прозерпина (Подражание) («Плещут волны Флегетона...») . . .	5	148	466
⟨Из письма к А. Н. Вульффу⟩ («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..»)	7		472
К Языкову («Издревле сладостный союз...»)	8	153	475
Разговор Книгопродавца с Поэтом («Стишки для вас одна забава...»)	9	156	484
К морю («Прощай, свободная стихия!..»)	14	169	503
Второе послание к цензору («На скользком поприще Т⟨имковско-го⟩ наследник!..»)	16	183	518
Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей...»)	18	194	535
Клеопатра («Царица голосом и взором...»)	19	196	540
«Чертог сиял. Гремели хором...». <i>Поздняя редакция</i>	20	207	540
Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой!..»)	23	212	563
«Ночной зефир...»	24	214	571
Подражания Корану	25	217	577
I «Клянусь четой и нечетой...»	25	217	577
II «О, жены чистые пророка...»	25	218	577
III «Смутясь, нахмурился пророк...»	26	218	577
IV «С Тобою древле, о Всесильный...»	27	222	577
V Земля недвижна; неба своды...»	27	224	577
VI «Недаром вы приснились мне...»	27	226	577
VII «Восстань, боязливый...»	28	228	577
VIII «Торгуя совестью пред бледной ницетою...»	28	228	577
IX «И путник усталый на Бога роптал...»	29	230	577
«Насильно Зубову мила...»	31	239	609
⟨Из письма к А. Г. Родзянке⟩ («Прости, украинский мудрец...»)	32	242	619
Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон...»)	33	242	622
«Лизе страшно полюбить...»	34	244	629
Сожженное письмо («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...»)	35	245	631
«Ты вынешь и молчишь; печаль тебя снедает...»	36	246	635

1825

Друзьям («Враги мои, покамест я ни слова...»)	37	247	639
⟨На Ф. Н. Глинку⟩ («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...») .	38		643
Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню слово- словить...»)	39	248	645
«Хотя стишки на именины...»	40		650
«Сказали раз царю, что наконец...»	41	249	652
Дружба («Что дружба? Легкий пыл похмелья...»)	42	251	657
Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха» («Примите „Не- вский альманах”...»)	43	252	661
Н. Н. («Примите „Невский альманах”...»). Поздняя редакция . .	43	252	661
Ода его сият⟨ельству⟩ гр⟨афу⟩ Дм⟨итрию⟩ Ив⟨ановичу⟩ Хвос- тову («Султан ярится. Кровь Элады...»)	44	252	667
«Напрасно ахнула Европа...»	46		681
Жив, жив Курилка! («Как! жив еще Курилка журналист?») .	47		686
Литературное известие («В Элизии Василий Тредьяковский...») .	48	253	689
Козлову («Певец, когда перед тобой...»)	49	253	697
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	50	254	702
Ex ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул...») . . .	51	255	709
«Если жизнь тебя обманет...»	52	256	713
П. А. О⟨сиповой⟩ («Быть может, уж недолго мне...»)	53	256	716
Андрей Шенья («Меж тем, как изумленный мир...»)	54	257	718
Желание славы («Когда, любовию и негой упоенный...»)	60	282	742
⟨К А. Г. Родзянке⟩ («Ты обещал о романтизме...»)	61	284	744
Жених («Три дня купеческая дочь...»)	62	284	747
Виноград («Не стану я жалеть о розах...»)	67	296	756
«О дева-роза, я в оковах...»	68	298	758
Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?»)	69	299	762
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ («Сатирик и поэт любовный...») .	70		767
«Как широко...»	71		769
Сафо («Счастливей юноша, ты всем меня пленил...»)	72	299	773
«Цветы последние милей...»	73	299	775
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)	74	300	778
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ («В глуши, измучась жизнью постной...»)	78		794
«Брови царь нахмура...»	79		797
«Все в жертву памяти твоей...»	80	310	799
Движение («„Движенья нет”, — сказал мудрец брадатый...») .	81	310	801
Соловей и кукушка («В лесах, во мраке ночи праздной...») . .	82	310	804
«В крови горит огонь желанья...»	83	311	809
«Вертоград моей сестры...»	84	312	813
Буря («Ты видел деву на скале...»)	85	312	814
Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...»)	86		818
Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты хлопчешь?»)	87		825

1826

⟨Из Ариостова «Orlando furioso»⟩ (⟨Пред рыцарем блесит во- дами...⟩)	88	312	830
К Б⟨аратынскому⟩ (⟨Стих каждый в повести твоей...⟩)	92	319	842
⟨Из письма к И. Е. Великопольскому⟩ (⟨С тобой мне вновь счита- ться довелось...⟩)	93		847
⟨К Е. Н. Вульф⟩ (⟨Вот, Зина, вам совет: играйте...⟩)	94	319	849
⟨Под небом голубым страны своей родной...⟩	95	320	850
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ (⟨Так море, древний душегу- бец...⟩)	96	320	857
К Яз⟨ыкову⟩ (⟨Яз⟨ыков), кто тебе внушил...⟩)	97	321	861
Пророк (⟨Духовной жаждою томим...⟩)	98	321	866

Стихотворения неизвестных годов

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	99	322	891
«От многоречия отрекшись добровольно...»	100	322	894
«О муза пламенной сатиры...»	101	322	897
Послужной список (⟨Воспитанный под барабаном...⟩)	102	323	908
«Нет ни в чем вам благодати...»	103	323	913
Совет (⟨Поверь: когда слепней и комаров...⟩)	104	323	914
«Увы, напрасно деве гордой...»	105	324	919
Ты и я (⟨Ты богат, я очень беден...⟩)	106	324	921
Т⟨уманский?⟩ прав, когда так верно вас...»	107	325	926
Песни о Стеньке Разине	108	326	929
1 «Как по Волге-реке, по широкой...»	108		929
2 «Ходил Стенька Разин...»	108	326	929
⟨3⟩ «Что не конский топ, не людская мольвь...»	109		929

Стихотворения, оставшиеся в черновиках,
и наброски

Младенцу (⟨Дитя, не смею над тобой...⟩)	110	327	944
Графу О⟨лизару⟩ (⟨Певец! издр⟨е⟩вле меж собою...⟩)	111	329	946
⟨Из письма к П. А. Плетневу⟩ (⟨Ты издал дядю моего...⟩)	112	333	952
«Презрев и голос⟨?⟩ укоризны...»	113	334	955
«Сабуров, ты оклеветал...»	114	338	960
«Как жениться задумал царский арап...»	115	339	963
«Пока супруг тебя, красавицу младую...»	116	340	969
«С перегородкою коморки...»	117	341	970
«Ждет тебя мое вино...»	118	342	971
«Пускай увенч⟨анный⟩ любо⟨вь⟩ю красот⟨ы⟩...»	119	345	974
«Твое соседство нам опасно...»	120	346	975

	Текст	Вариан-	Приме-
		ты	чания
«Смеетесь вы, <что>, девой бойкой...»	121	348	977
«Играй, прелестное дитя...»	122	348	979
«Я был свидетелем златой твоей весны...»	123	349	979
<Наброски к замыслу о Фаусте>	124	351	981
<I> «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...»	124	351	981
<II> «— Вот Коцит, вот Ахерон...»	125	354	981
<III> «— Скажи, какие закинанья...»	125	355	981
«Заступники кнута и плети...»	126	356	1000
«[Слов<есность> русск<ая> больна]...»	127	357	1004
«Блестит луна, недвижно море спит...»	128	358	1007
«Храни меня, мой талисман...»	129	359	1008
<Из Вольтера> («Короче дни, а ночи доле...»)	130	361	1012
«Я знаю край: там на берега...»	131	362	1016
«Под каким созвездием...»	132	363	1018
«Quand au front du convive, au beau sein de Dé<lie>...»	133	364	1019
«Лишь розы увяда<ю>т...»	134	366	1024
«В пещере тайной<?> в день гоненья...»	135	367	1025
«На небесах печальная луна...»	136	368	1028
«Едва уста красноречивы...»	137	369	1028
«[В боях] (< >...)»	138		1031
«Иван-царевич по лесам...»	138	370	1032
«[Так] на <нрзб> ее слезам<и><?>...»	138	371	1033
«[Вкус верный, острый ум и нравов чистота]...»	138	371	1034
«Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак...»	138	371	1035
«Он вежлив [был] в ин<ых> прихожих...»	138	372	1035
«Как узник, Байроном воспетый...»	139		1036
К<юхельбекеру> («Да сохранит тебя твой добрый Гений...»)	139	372	1037

Коллективное

Элегия на смерть Ан<ны> Льв<овны> («Ох, тетенька! ох, Анна Львовна...»)	140	373	1039
Нравоучительные четверостишия	141		1045
<1> Равновесие («О мирный селянин! В твоём жилище нет...»)	141		1045
<2> Верное предсказание («„Пройдет ли мой недуг?“ — Лев у Осла спросил...»)	141		1045
<3> Справедливость пословицы («Одна свеча избу лишь слабо освещала...»)	141		1045
<4> Мстительность («Пчела ужалила медведя в лоб...»)	141		1045
<5> Непокоримость («Познай, светлейший Лев, смятения вину...»)	142		1045
<6> Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей...»)	142		1045

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
⟨7⟩ Лебедь и Гусь («Над Лебедем желая посмеяться...») . . .	142		1045
⟨8⟩ Мартышка («Мартышка, с юных лет прыжки свои любя...»)	142		1045
⟨9⟩ Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный...») . .	142		1045
⟨10⟩ Безвредная ссора («За кость поссорились собаки...») .	143		1045
⟨11⟩ Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила...»)	143		1045

Dubia

«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...»	144	375	1055
Другие редакции и варианты	145		
Комментарии	377		
<i>М. Н. Виралайнен</i> . Лирика Пушкина в период михайловской ссылки.	379		
Рабочие тетради Пушкина. Полистное описание	421		
Тетрадь ПД 835 (Вторая масонская)	421		
Тетрадь ПД 836 (Третья масонская)	428		
Тетрадь ПД 838 (Второй альбом)	432		
Тетрадь ПД 839 (Сафьяновый альбом)	437		
Тетрадь ПД 840 (Записная книжка)	439		
Тетрадь ПД 841 (Первая арзрумская)	441		
Цензурная рукопись третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (ПД 420). Полистное описание	448		
Содержание «Стихотворений Александра Пушкина» 1832 г. . .	454		
Содержание «Стихотворений Александра Пушкина» 1835 г. . .	456		
Примечания к текстам стихотворений	458		
Условные сокращения	1060		
Указатель имен	1074		
Алфавитный указатель стихотворений	1107		

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том 3

Книга первая

(Михайловское. 1824—1826)

*Печатается по постановлению
Бюро Отделения литературы и языка
Российской Академии наук*

Редактор издательства А. И. Строева
Художник-оформитель П. Палей
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры
Компьютерная верстка Л. Н. Напольской

Подписано к печати . Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 91.0. Уч.-изд. л. 72.0. Тираж 300 экз.
Тип. зак. №

ФГУП «Издательство «Наука»
117997 г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034 г. Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12/28
тел.: +7(812)323-65-69, e-mail: secretspb@naukaran.com

ISBN 978-5-02-038247-3

9 785020 382473

